PG
2013
A65
vol. 45
1888

(Sbornik.)

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

Akademiia nauk SSSR. otdelenie
russkogo iazyka i slovesnosti.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ СОРОКЪ ПЯТЫЙ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1888.

KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Октябрь 1888 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLV.

ЧЕРНОГОРІЯ

ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

ГЕОГРАФІЯ. — ИСТОРІЯ. — ЭТНОГРАФІЯ. — АРХЕОЛОГІЯ. — СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

СОСТАВИЛЪ
П. РОВИНСКІЙ.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1888.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1888 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ЧЕРНОГОРІЯ

ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

ГЕОГРАФІЯ. — ИСТОРІЯ. — ЭТНОГРАФІЯ. — АРХЕОЛОГІЯ. — СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

СОСТАВИЛЪ

П. РОВИНСКІЙ.

ТОМЪ I.

Digitized by the Internet Archive
in 2024

https://archive.org/details/sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti_1888_45

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое сочиненіе имѣетъ цѣлію представить по возможности всестороннее описаніе Черногоріи, основанное на личномъ знакомствѣ автора со страною и народомъ и на изученіи касающейся ея литературы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ могъ однако многое пропустить, потому что ему выпало на долю вести жизнь странника, которая далеко не благопріятна для собиранія какихъ бы то ни было книжныхъ свѣдѣній.

Географическое описаніе Черногоріи у насъ является, безъ сомнѣнія, впервые съ такою полнотою и подробностями; и если, быть можетъ, мы не сумѣли овладѣть богатымъ матеріаломъ, не расположили его вполнѣ сообразно съ требованіями современной географической науки, то въ этомъ случаѣ наше описаніе пополнитъ и исправитъ прилагаемая при сочиненіи карта, составленная въ картографическомъ отдѣленіи нашего Военно-топографическаго Отдѣла при Главномъ Штабѣ на основаніи съемокъ нашихъ военныхъ топографовъ и другихъ источниковъ.

Для геологическаго описанія мы пользовались прекраснымъ трудомъ австрійскаго геолога, академика д-ра Тице (Geologische Uebersicht von Montenegro, 1884), а также рукописнымъ рапортомъ италіанскаго геолога Л. Бальдачи, представленнымъ имъ черногорскому князю Николаю въ 1887 г., но

свѣдѣнія этого послѣдняго ученаго мы внесли во введеніе къ географическому отдѣлу, такъ какъ познакомились съ нимъ послѣ отпечатанія нашего очерка географіи. Относительно климата, флоры и фауны мы представляемъ большею частію личныя наблюденія и отчасти приводимъ данныя изъ другихъ сочиненій (Ами-Буэ, Панчича, Каульбарса и др.).

Въ исторической части мы за основаніе приняли исторію Черногоріи Милаковича; мы избѣгали повторенія того, что находится и достаточно ясно изложено въ его книгѣ, а взамѣнъ того старались пополнить его тѣми новыми матеріалами и сочиненіями, которые изданы послѣ выхода его книги (въ 1856 г.), и гдѣ нужно, исправить его и объяснить. Главною же своею задачею мы считали привести въ извѣстность весь историческій матеріалъ, давъ ему критическую оцѣнку и надлежащее освѣщеніе.

Этнографія составляетъ главный отдѣлъ нашего труда, такъ какъ матеріалъ для нея собирался нами путемъ личнаго, самаго тѣснаго и притомъ долговременнаго (въ теченіе 7-ми лѣтъ) общенія съ народомъ. Здѣсь прежде всего мы обратили вниманіе на различныя племена, изъ которыхъ составилось населеніе Черногоріи, собравъ по возможности все, что касается ихъ происхожденія и поселенія въ этихъ мѣстахъ и позднѣйшей ихъ исторіи. Затѣмъ мы остановились на изображеніи ихъ быта, начиная отъ племенныхъ или родовыхъ и общественныхъ отношеній и кончая обыденною жизнью и дѣятельностію со всею внѣшнею обстановкой въ тѣсной сферѣ дома, въ селѣ и городѣ, въ полѣ и горахъ, какъ семьянина, хозяина, пастуха и работника.

Не пускаясь въ спеціальную область антропологіи, мы мало останавливались на описаніи физическаго, наружно опредѣляемаго типа черногорца и взамѣнъ того старались собрать все, что обрисовываетъ его духовно-нравственный типъ, въ чемъ выражаются его понятія въ различныхъ сферахъ: міра внѣшняго, физическаго и духовнаго (сверхъестественнаго); міра его собственнаго личнаго, какъ человѣка вообще и какъ единицы общественной и семейной; міра его практической жизни и дѣя-

тельности. Наконецъ духовный типъ народа выражается въ произведеніяхъ его ума: пѣснѣ, сказкѣ, преданіи, анекдотѣ, игрѣ, шуткѣ, пословицѣ, загадкѣ и языкѣ съ его особыми оборотами и способами выраженій. Сборникъ подобнаго матеріала завершаетъ этотъ отдѣлъ.

Въ археологіи мы ограничились указаніемъ мѣстностей, гдѣ находятся какіе-либо памятники старины, и дали описаніе тѣхъ изъ нихъ, которые уже изслѣдованы нами или кѣмъ-нибудь другимъ. Мы этотъ отдѣлъ помѣстили послѣ этнографіи, такъ какъ многіе изъ этихъ памятниковъ тѣсно связаны съ исторіею племенъ.

Въ заключеніе мы предложили описаніе и современнаго состоянія Черногоріи. Это описаніе кратко, потому что въ сущности оно представляетъ собою только итоги, подведенные къ предыдущимъ отдѣламъ съ прибавленіемъ статистики.

Въ концѣ мы приложили указатель всѣхъ встрѣчающихся въ книгѣ именъ и указатель библіографическій.

Сказавъ, что весь матеріалъ, собранный въ этой книгѣ, есть плодъ семилѣтняго изученія Черногоріи, мы ожидаемъ замѣчанія, что для такой маленькой страны потратить столько времени—слишкомъ много. Поэтому не лишнимъ считаемъ дать, такъ сказать, отчетъ въ употребленномъ нами времени.

Проще всего было бы дать описаніе своего путешествія; но это заняло бы слишкомъ много времени, а между тѣмъ не отвѣчало бы поставленной нами задачѣ. Мы сдѣлаемъ это, можетъ быть, впослѣдствіи; а покуда считаемъ своею обязанностію объяснить только, на что и какъ потрачено нами столько времени.

Путешествуя на свой счетъ и страхъ, и потому не связанный никакими условіями, я съ одной стороны былъ совершенно свободнымъ человѣкомъ, а съ другой, завися отъ заработка, который—замѣтимъ мимоходомъ—былъ весьма трудный и скудный, я жилъ по пословицѣ: «не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ»; другими словами, я не былъ свободенъ ни въ распоряженіи своимъ временемъ, ни въ передвиженіяхъ. Не разъ при-

водилось засиживаться на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи полученія своего заработка или просто выручки со стороны друзей.

И то еще нужно сказать: славяне для меня всегда представляли не объектъ только для наблюденія и изученія, но и нѣчто нераздѣлимое со мною. Я не только наблюдалъ и изучалъ ихъ, но жилъ съ ними и дѣйствовалъ. Такъ было со мною въ Чехіи, потомъ въ Сербіи, такъ случилось и въ Черногоріи.

Въ 1879 г., когда не только вся Европа, но и всѣ части Балканскаго полуострова послѣ Берлинскаго конгресса вполнѣ предались мирнымъ занятіямъ, пользуясь всякій своимъ, что́ кому досталось, одна Черногорія не получила своего и должна была добиваться своихъ правъ кровью. Плавско-гусинскій округъ, присужденный ей европейскимъ конгрессомъ, Турція отказалась передать, при чемъ однако не столько дѣйствовала сама Турція, сколько Австрія. Но, не смѣя сдѣлать этого явно передъ лицомъ Европы, Черногоріи говорили: «приди и возьми!», а въ то же время арнаутамъ было сказано: «не давай!» Черногоріи позднею осенью привелось снарядить цѣлую военную экспедицію, которая окончилась двумя сраженіями, стоившими ей до полутораста человѣкъ убитыми и около 200 ранеными, не говоря о другихъ громадныхъ матеріальныхъ тратахъ. И все это окончилось полнѣйшею неудачей и нравственнымъ пораженіемъ Черногоріи. Ей точно такимъ же образомъ предложили занять Хоты и Груды, и также не дали; а потомъ такую же исторію хотѣли сыграть и съ Ульциномъ. Но Ульцинъ Турція принуждена была дать, благодаря настойчивости Гладстона, который устроилъ европейскую флотскую демонстрацію въ Боккѣ, слѣдовательно сдѣлалъ давленіе и на Австрію вмѣстѣ съ Турціей.

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ я не могъ не принимать участія, то какъ свидѣтель, сообщая русскимъ газетамъ о происходящемъ, то ухаживая за ранеными и больными. Въ такомъ положеніи мнѣ приводилось оставаться на одномъ мѣстѣ отъ 3-хъ до 5-и мѣсяцевъ. Потративъ такимъ образомъ болѣе года, я однако

не успѣлъ еще побывать даже въ главныхъ мѣстахъ Черногоріи. Были у меня и другого рода порученія отъ черногорскаго князя или его правительства, исполненіе которыхъ я считалъ для себя вполнѣ обязательнымъ.

Путешествуя такимъ образомъ, я не могъ, конечно, выполнять никакой научной программы, ни держаться опредѣленнаго плана, а пользовался только случаемъ и возможностію наблюдать кое-что и съ научною цѣлію.

Вслѣдствіе такого рода условій и способа моего путешествія, у меня, безъ сомнѣнія, найдутся пробѣлы, несмотря даже на весьма продолжительное пребываніе въ Черногоріи.

Одно только послужило мнѣ въ пользу въ смыслѣ научномъ: живя и дѣйствуя съ народомъ, я имѣлъ возможность узнать его гораздо лучше, чѣмъ явившись мимолетнымъ изслѣдователемъ. Изучить народъ не то, что изучить флору и фауну страны, для чего однако тоже нужно провести въ ней нѣсколько сезоновъ.

При этомъ мнѣ припоминается слѣдующій разсказъ М. Медаковича, долгое время прожившаго въ Черногоріи въ качествѣ секретаря при владыкѣ Петрѣ II.

«Знаешь ли ты черногорскій народъ?» спрашиваетъ его владыка.

— Какъ же не знать — отвѣчаетъ секретарь — когда я прожилъ съ нимъ столько времени, какъ свой человѣкъ, вмѣстѣ съ нимъ работая, дѣля его радости и горе!

«А я вотъ — отвѣтилъ владыка — родился черногорцемъ, столько лѣтъ управляю имъ и дѣйствую съ нимъ (это было во второй половинѣ его двадцатилѣтняго правленія), и все-таки его вполнѣ не знаю».

И въ самомъ дѣлѣ, эта задача гораздо труднѣе, чѣмъ полагаютъ многіе изслѣдователи своего или чужого народа. Чтобы приблизиться къ ея выполненію, недостаточно пропутешествовать по странѣ и записать все то, что́ обыкновенно считается этнографическимъ матеріаломъ: нужно пожить съ наро-

домъ, чтобы дать этому матеріалу надлежащее освѣщеніе для его правильнаго пониманія и толкованія.

Отмѣтивъ, сколько цвѣтовъ различаетъ народъ, или какая звуковая ска́ла входитъ въ кругъ его музыкальнаго творчества, вы можете рѣзко ошибиться въ выводахъ вообще объ его творческой способности въ области соотвѣтствующихъ тому искусствъ. Занося въ свой дневникъ явленія изъ нравственной жизни народа — его пороки и добродѣтели и сопровождающія ихъ преступленія или подвиги, вы можете не понять истинныхъ свойствъ и характера народа, если не знаете обстоятельствъ, вызвавшихъ то или другое явленіе; а иногда нужно наблюдать фактъ нѣсколько разъ, въ различное время и при различныхъ обстоятельствахъ, и только тогда вы приблизитесь къ болѣе вѣрной его оцѣнкѣ.

Для примѣра возьмемъ боевую способность черногорцевъ. Способность эта признана за ними цѣлымъ свѣтомъ, не только друзьями ихъ, но и врагами, а между тѣмъ, имъ совершенно отказываетъ въ томъ князь В. Ю. Долгорукій, бывшій въ Черногоріи во время самозванца Степана Малаго. Кто же тутъ лжетъ или ошибается? Не лжетъ никто, а ошибочно заключеніе того, кто судитъ народъ по одному минутному съ нимъ знакомству, не принимая въ соображеніе ни его исторіи, ни особенныхъ обстоятельствъ той минуты.

Боевая готовность и пригодность народа можетъ проявиться или не проявиться, смотря по обстоятельствамъ, или смотря по тому, кто стоитъ во главѣ. Кромѣ того храбрость и готовность къ бою составляютъ только случайное проявленіе характера, энергіи, мужества и предпріимчивости, которыя въ извѣстный моментъ могутъ быть направлены въ какую-нибудь другую сторону или даже противъ войны.

Все это можетъ быть объяснено только годами наблюденій; а потому мы все прожитое нами въ Черногоріи время, хотя бы и противъ собственной воли, можемъ считать не напрасно потраченнымъ и для науки. Благодаря этой случайности, для меня

лично далеко неблагопріятной, мнѣ привелось, можетъ быть, несмотря на массу писаннаго о Черногоріи и черногорцахъ, внести въ эту литературу много новаго и дать болѣе правильный взглядъ на страну и народъ, до сихъ поръ привлекавшіе къ себѣ многочисленныхъ путешественниковъ изъ цѣлаго свѣта.

Кромѣ того, мы надѣемся своимъ примѣромъ пробудить духъ изслѣдованія своей страны въ самихъ черногорцахъ, у которыхъ — нужно сказать правду — до сихъ поръ не доставало для того ни необходимыхъ наличныхъ умственныхъ силъ, ни досуга; но есть уже нѣкоторыя попытки, показывающія, что у нихъ не можетъ быть недостатка въ людяхъ, способныхъ къ тому, и нужны только примѣры и указанія, куда и какъ направить изслѣдованія. Сколько бы ни было собрано нами различнаго матеріала, нашъ единичный трудъ далеко не можетъ достигнуть того, чего можно ожидать отъ коллективной работы многихъ, притомъ мѣстныхъ жителей. Поэтому на собранный нами матеріалъ мы смотримъ только какъ на незначительную часть того, что́ можетъ быть собрано. Поэтому же мы считаемъ своею задачею представить не столько полное и законченное сочиненіе о Черногоріи, сколько собраніе и обработку матеріаловъ; а вслѣдствіе этого, сочиненіе наше выходитъ, можетъ быть, слишкомъ объемисто, несмотря на все наше стараніе дать ему возможно меньшій объемъ, отбросивъ все уже извѣстное. При этомъ опять является вопросъ: сто́итъ ли того такая маленькая страна и съ такимъ ничтожнымъ населеніемъ, какъ Черногорія?

Въ этомъ отношеніи нами руководила такая мысль, что научный интересъ къ какой бы то ни было странѣ или народу заключается не въ обширности пространства и многочисленности населенія, а въ богатствѣ и содержательности той жизни, которая притомъ еще мало изслѣдована. На одной этнической особи вы можете изучить въ этнологическомъ отношеніи цѣлое племя. Такую этническую особь между сербами представляетъ собою черногорскій народъ. Принадлежа великому сербскому племени, игравшему и играющему теперь важную роль среди юго-сла-

вянъ и другихъ племенъ юго-восточной Европы, черногорскій народъ представляетъ собою населеніе изъ различныхъ сербскихъ земель; кромѣ того, онъ поглотилъ въ себя какихъ-то автохтоновъ, о которыхъ осталось только темное народное преданіе; онъ мѣшался съ арнаутами и воспитывался подъ двойнымъ вліяніемъ культуры Рима и Византіи. Современная Черногорія совмѣщаетъ въ себѣ и земли, воспитанныя подъ турецкимъ господствомъ, наложившимъ также свою печать на чисто народный характеръ. Самая мѣстность, расчлененная горами на множество мелкихъ частей, также помогла обособленію отдѣльныхъ группъ и въ чисто-сербскомъ населеніи. Столь различные элементы, вошедшіе въ составъ черногорскаго народа, и столь разнообразныя вліянія, подъ которыми онъ воспитывался, придаютъ особенный интересъ ему въ этнографическомъ отношеніи.

Не менѣе интересна и его исторія. Одно сохраненіе политической самостоятельности такого ничтожнаго числомъ народа среди столь сильныхъ, враждебныхъ ему державъ, какими въ свое время были Венеція и Турція, составляетъ въ исторіи явленіе весьма рѣдкое, можно сказать, загадочное и указываетъ только на его необыкновенную живучесть, силу характера и энергію, которая такъ рельефно выражается въ его вождяхъ, обладавшихъ въ то же время и политическою мудростію.

Благодаря этой внутренней, чисто-народной мощи, Черногорія съ XVIII в. является уже политическою силой, съ которою геніальный умъ Петра В. связываетъ Россію. Съ тѣхъ поръ Черногорія растетъ и пріобрѣтаетъ все больше и больше вѣса въ дѣлахъ Европы; Россія же находитъ въ ней всегда надежнаго и вѣрнаго союзника. Притомъ союзъ этотъ не можетъ быть разорванъ какими-нибудь личными размолвками между правительствами, потому что основанъ не на случайныхъ и временныхъ обстоятельствахъ, а на полной солидарности обоюдныхъ культурныхъ и политическихъ интересовъ. Все это инстинктивно сознаётся народомъ; дѣло науки и литературы возвести это темное

сознаніе въ принципъ и укрѣпить его въ сферахъ, руководящихъ народными инстинктами, т. е. въ интеллигенціи народа, представляемой наукою, обществомъ и правительствомъ. Одно это даетъ Черногоріи право на вниманіе русской науки и на занятіе мѣста въ ученыхъ трудахъ нашего высшаго ученаго учрежденія.

Мы говоримъ это вообще для русской читающей публики; Императорская же Академія Наукъ уже высказала свое сужденіе по этому предмету, принявъ на себя изданіе нашего труда, придя на помощь скромному труженику и давъ ему такимъ образомъ возможность принести посильную пользу русской наукѣ и славянскому дѣлу.

Мы уже упоминали, какое значеніе придаемъ картѣ, безъ которой наше сочиненіе, особенно географическая его часть, на половину потеряло бы свой смыслъ и значеніе. Поэтому всякій оцѣнитъ заслугу, оказанную тому же дѣлу нѣкоторыми членами Главнаго Штаба, помогшими намъ своимъ ходатайствомъ, въ особенности О. Э. Штубендорфу, принявшему на свое попеченіе составленіе и изданіе этой карты.

Не имѣю также права умолчать о тѣхъ труженикахъ, работы которыхъ послужили матеріаломъ для составленія этой карты. Старая Черногорія снята нашимъ военнымъ топографомъ Быковымъ, который работалъ одинъ въ Черногоріи въ продолженіе 6 лѣтъ; съемка была произведена въ двухверстномъ масштабѣ, т. е. 2 версты въ англійскомъ дюймѣ. Его уже нѣтъ въ живыхъ, но о немъ осталось самое симпатичное воспоминаніе въ черногорскомъ народѣ. Съ 1879 г. шесть русскихъ военныхъ топографовъ работали на съемкѣ вновь пріобрѣтенныхъ частей Черногоріи; это были: Н. И. Борщанскій, занимавшійся собственно тріангуляціей, при чемъ онъ связалъ не только Новую Черногорію со Старою, но и ту и другую съ австрійскими землями и Герцеговиной; пытался также связать и съ Сербіей (королевствомъ), но этому помѣшала неблагопріятная погода; затѣмъ чисто топографическими съемками занимались: А. И. Ефимовъ, В. И. Варманъ, М. И. Маргевичъ, А. Г. Красовскій,

Ю. А. Кадушкевичъ и И. И. Волковъ. Кадушкевичъ сверхъ того состоялъ одно время при делимитаціонной комиссіи, а г. Варманъ на 2 года командированъ былъ въ Черногорію для разграниченія съ Турціей и въ то же время занимался нѣкоторыми нивеллировочными работами по порученію черногорскаго князя Николая, между которыми имѣло громадное значеніе для Черногоріи осушеніе такъ называемаго Зоганскаго блата посредствомъ канала, прокопаннаго къ морю, при чемъ также главную роль играла нивеллировка искуснаго топографа посредствомъ самаго тонкаго инструмента, такъ какъ наклонъ мѣстности до крайности ничтожный, при которомъ безъ математически точнаго измѣренія всякая работа была бы невозможна.

Кто не видѣлъ Черногоріи и не ходилъ по ней, тотъ не можетъ себѣ представить всю трудность топографическихъ работъ въ этой странѣ. Съ чрезвычайнымъ трудомъ можно передвигаться по ея поверхности, гдѣ вы не имѣете ни долинъ, по которымъ обыкновенно проходятъ какія бы то ни были дороги, ни какихъ-нибудь выдающихся высотъ, по которымъ могли бы оріентироваться; часто ни тѣни, ни воды подъ жгучими лучами южнаго солнца, при полной безпомощности медицинской. Русскіе люди все это преодолѣли и возложенную на нихъ работу исполнили, хотя всякій почтиизъ нихъ поплатился здоровьемъ, а двое (Красовскій и Кадушкевичъ) умерли, получивъ зачатки болѣзни во время работъ въ Черногоріи. Качество ихъ работъ пусть оцѣниваютъ ихъ спеціальные компетентные судьи; мы же считаемъ долгомъ засвидѣтельствовать только, что трудъ ихъ былъ громадный и заслуживающій особеннаго уваженія; ихъ дѣятельность цѣнится высоко черногорскимъ народомъ, въ которомъ они сверхъ того своими отношеніями оставили самое дорогое воспоминаніе, поддержавъ такимъ образомъ честь русскаго имени и любовь къ русскому, питаемую изстари здѣшнимъ народомъ.

Воздавая должную честь и благодарность этимъ людямъ, трудами которыхъ, такъ сказать, украсится мое сочиненіе, не могу умолчать, что мой собственный трудъ облегчался и награж-

дался тѣми симпатіями, которыя я постоянно встрѣчалъ со стороны Князя и черногорскаго народа. Не менѣе того меня всегда поддерживали представители нашей дипломатической миссіи, какъ своимъ вниманіемъ къ моей дѣятельности, такъ и участіемъ къ моему личному положенію.

Лица, помогавшія мнѣ при собираніи различныхъ матеріаловъ, будутъ поименованы при ихъ сообщеніи.

Необходимыя объясненія для читателя.

1. Въ собственныхъ именахъ мѣстностей я держался мѣстныхъ названій, которыя однако у насъ извѣстны въ той формѣ, какую имъ придали иностранные писатели; въ русскихъ сочиненіяхъ первой четверти текущаго столѣтія мы встрѣчаемъ даже имя *Монтенегрія* вм. Черногорія и *Монтенегринскій народъ*. Возстановляя однако настоящія имена мѣстностей, какъ ихъ зовутъ ихъ обитатели, мы считаемъ не лишнимъ поставить рядомъ имена, извѣстныя у насъ въ иностранной формѣ. Впрочемъ, такихъ именъ не много:

Авлонъ или Авлона — Valona.

Бокка или Бокка-Которская — Bocche-di-Cattaro.

Бокель — Bochese.

Баръ — Antivari.

Драчъ — Durazzo.

Дукля — Dioclea.

Задаръ — Zara.

Которъ — Cattaro.

Лѣшъ — Alessio.

Любляна — Laibach.

Новый или полное имя — Ерцегъ-Новый — Castel-Nuovo и Novo.

Печь — Ipek.

Рисанъ или Рисань — Risano.

Скадаръ — Scutari.

Ульцинъ — Dulcigno.

Вальданосъ — Val-di-Noce.

Нѣкоторыя имена писали мы различно, напр. Аржаница, Аржаницкій мостъ или Ржаницкій мостъ; Крестацъ, Крстацъ и Крестецъ; Срска, Серска и Сербска, что́ одно и то же. О нѣкоторыхъ названіяхъ мы не можемъ положительно сказать, какъ вѣрнѣе ихъ писать, потому что происхожденіе ихъ намъ неизвѣстно, а на мѣстѣ произносятся они различно, напр. Мажура, Можура или Можуръ (можетъ быть, одно и то же, что Мосуръ въ Далмаціи, гдѣ въ римское время былъ Mons Aureus; но Мосуры есть и въ другихъ мѣстахъ Черногоріи: это — имя нарицательное); Тарабошъ или Торобошъ, Пистолъ и Пистулъ и т. п. Названіе одной мѣстности Фундана (отъ fontana) мы приняли изъ устъ мѣстнаго населенія, Кучей, тогда какъ не только на картахъ, но и въ народѣ называютъ ее Фундина.

При передачѣ въ именахъ сербскаго йотированнаго *е* мы прибѣгали къ нашему *ѣ* или ье; а иногда оставляли просто *е*, потому что у насъ въ произношеніи, кромѣ немногихъ случаевъ, *е* всегда мягкое; напр. Сутеска вмѣсто Сутьеска, что́, впрочемъ, мы признаемъ своею ошибкой. Нельзя также съ достовѣрностью сказать, какъ правильнѣе: Дрзка или Дрцка, Брзкутъ или Брскутъ и т. п.

При переводахъ съ иностранныхъ языковъ мы иногда затруднялись, не зная, какъ сказать по-русски, и потому ставили въ скобкахъ иностранное слово въ оригиналѣ, чтобы своей ошибкой не ввести въ заблужденіе читателя, особенно въ спеціальныхъ терминахъ научныхъ и техническихъ.

2. Привыкши къ употребленію мѣстнаго языка, я невольно ввелъ въ мой трудъ нѣсколько словъ не русскихъ; впрочемъ, иногда причина заключается въ томъ, что для иныхъ въ русскомъ языкѣ и нѣтъ соотвѣтствующаго слова. Для такихъ словъ считаю нужнымъ присоединить ихъ толкованіе:

Вала — углубленіе, широкая продольная впадина между горъ.

виръ — очень глубокое мѣсто въ рѣкѣ, яма, въ родѣ омута.

задушбина — зданіе, построенное для спасенія души; церковь, монастырь; иногда мостъ, водопроводъ.

катунъ — мѣсто лѣтнихъ жилищъ со скотомъ въ горахъ.

колиба — жилище въ катунахъ, деревянное или каменное.

купена — растеніе rubus fruticosa.

косцела — дерево celtis australis.

локва — природное или искусственное скопленіе воды, въ родѣ большой лужи.

люба — жена.

магрива — деревцо, родъ крушины, prunus Mahaleb.

маслинада — роща маслиновыхъ деревъ.

опанки — мѣстная обувь изъ невыдѣланной воловьей кожи, безъ подошвы и съ переплетомъ наверху.

паприка — красный перецъ.

пастрва — крупный сортъ форели, лаксъ-форель.

печенякъ — первый созрѣвшій початокъ кукурузный, годный для печенья.

планина — гора или группа горъ, большею частью съ пастбищами.

повратке — вторичное отправленіе со скотомъ въ горы, когда послѣ холода опять наступитъ теплое время.

поноръ — бездонное отверстіе, въ которомъ исчезаютъ всѣ потоки, иногда цѣлыя рѣки.

трабакула — двухмачтовое морское судно.

убао — родъ колодца.

чесма — ключъ, вода изъ котораго собрана въ каменный, закрытый резервуаръ и изъ котораго выходитъ посредствомъ желобка или мѣднаго крана.

черный боръ — видъ сосны въ здѣшнихъ горахъ; pinus nigra или nigritans; по другимъ — austriaca.

хоботница — морское животное: осьмоногъ, octopus.

юнакъ — герой, вообще имя храбраго человѣка; а вста-

рину означало просто воина; отсюда и прилагательное*ю наțкій*— народъ или подвигъ.

Въ числѣ неизбѣжныхъ во всякомъ трудѣ авторскихъ недосмотровъ считаю необходимымъ исправить слѣдующіе. На стр. 423, строка 4 сверху, вмѣсто: «Иванбегъ построилъ на Ободѣ небольшой градъ Соколъ и основалъ при немъ типографію», нужно читать: Иванбегъ построилъ на Ободѣ небольшой градъ, и основалъ при немъ типографію, и градъ Соколъ; на стр. 456 Мркшина, гдѣ была типографія, означена, въ Призренскомъ округѣ вмѣсто нынѣшняго королевства Сербіи; а на стр. 611, слова дьякона Алексѣя относительно торжественнаго въѣзда владыки Петра I въ «свято-троицкій монастырь» заставили меня подумать, что это былъ монастырь въ Острогѣ, гдѣ самое большое торжество бываетъ на Троицу; но оказывается, что этотъ въѣздъ былъ въ Цетинье.

Въ заключеніе я долженъ повиниться предъ читателями въ довольно многочисленныхъ опечаткахъ, вкравшихся въ мою книгу вслѣдствіе того, что я, желая ускорить печатаніе, отклонилъ пересылку корректурныхъ листовъ въ Цетинье, гдѣ оставался для продолженія своихъ наблюденій; при неразборчивости же моего почерка многія слова рукописи, преимущественно имена собственныя, прочитаны были моимъ справщикомъ невѣрно. Внимательный читатель благоволитъ прежде всего исправить эти погрѣшности по приложенному въ концѣ тома списку.

П. Ровинскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Географія.

			стран.
Введеніе			I—XXVII.
Математическія границы и горизонтальное очертаніе Черногоріи (1—23).			
I.	Математическія границы		1—2.
II.	Пространство и горизонтальное очертаніе		2—23.
	Политическія границы	2—10.	
	Оцѣнка границы съ точки зрѣнія ея естественности и стратегическихъ и торгово-экономическихъ условій	10—23.	
Вертикальное расчлененіе поверхности (орографія) (23—143).			
Къ какому типу горныхъ странъ отнести Черногорію		23—38.	
	А. Горы. (38—113).		
I.	Приморская область		38—54.
1.	Ловченъ	38—42.	
2.	Южная половина Приморскаго хребта	42.	
3.	Суторманъ и Румія	43.	
4.	Краина	44.	
5.	Сѣверное продолженіе Приморскаго хребта	45.	

			стран.
	6.	Внутренніе хребты	45—54.
		а. Буковица, Ставоръ и др.	*46—48.*
		б. Пустой-Лисацъ	*48—49.*
		в. Гористое плато Грахова	*49—51.*
		г. Долина Требишницы	*51—52.*
		д. Гористыя плато Баньянъ и Рудинъ	*52—53.*
		е. Дуга	*53.*
II.		Область Дурмитора	54—72.
	1.	Западные склоны Дурмитора	54—59.
		а. Магличъ и западная сторона р. Пивы (Пивская Жупа)	*54.*
		б. Плато Церквицкое и Пивская Планина (восточная сторона р. Пивы)	*54—55.*
		в. Карстовыя явленія	*55—58.*
		г. Вліяніе мѣстности на жизнь органическую	*58—59.*
	2.	Восточные склоны Дурмитора	59—68.
		а. Езера	*60—66.*
		аа. *Пирлиторъ*	*60—64.*
		бб. *Черное озеро*	*64—66.*
		б. Плато Синявина	*66—68.*
	3.	Южные склоны Дурмитора	68—72.
		а. Карстовыя рѣки Комарница и Шавникъ	*68—70.*
		б. Граница и различіе между частями обильными водою и безводною	*70—72.*
III.		Область Центральнаго Массива	72—87.
	1.	Сѣверный край	72—74.
	2.	Внутреннія плато	74—82.
		а. Поникица	*75—77.*
		б. Штитово	*77.*
		в. Лукавица	*77—82.*
	3.	Войникъ	82.
	4.	Западный склонъ (Жупа Никшицкая)	83—84.
	5.	Сѣверный уголъ	84—86.
	6.	Южные склоны	86.
	7.	Восточные склоны	87.
IV.		Область Жйовой	87—97.
	1.	Высокое плато Кучское повершье	88—89.
	2.	Восточный склонъ	89—94.
		а. Широкаръ	*89.*
		б. Затрѣбачъ	*89—92.*
	3.	Сѣверный склонъ	92.
	4.	Южные склоны	92—94.
		а. Фундана	*92—93.*
		б. Исчезаніе воды въ подземныхъ щеляхъ	*93—94.*

		стран.
5.	Изолированное высокое плато Братоножичей и Вѣтерникъ	94—96.
6.	Сравненіе высотъ этой области съ высотами Приморской области и Центральнаго Массива	96—97.
V.	Область Кома	97—113.
1.	Комъ собственно	100—111.
а.	*Части его*	*100—101.*
б.	*Восхожденіе на его вершины*	*101—104.*
в.	*Разрушеніе Кома*	*104—105.*
г.	*Бо́льшая мягкость климата, чѣмъ на Дурмиторѣ*	*105—106.*
д.	*Разница климата въ различныхъ частяхъ этой области*	*106—107.*
е.	*Наибольшее сближеніе водъ Черноморскаго бассейна и Адріатическаго моря*	*107.*
ж.	*Лѣса и пастбища*	*107—108.*
з.	*Жизнь человѣка и земледѣліе*	*108—109.*
и.	*Минеральное богатство*	*109.*
і.	*Нѣчто изъ міра животнаго*	*109—110.*
к.	*Преданія*	*110.*
л.	*Перелетъ птицъ*	*110—111.*
2.	Бѣластица	111—112.
3.	Полимье	112—113.

Б. Равнины.
(113—137).

1.	Низменности, имѣющія связь съ моремъ	114—122.
а.	*Барская*	*114—115.*
б.	*Ульцинская или Нижней Бояны*	*115—116.*
в.	*Низменно́сти вокругъ Скадарскаго озера*	*116—118.*
аа.	*Цермницкая и Рѣцкая*	*117.*
бб.	*Нижней Зеты*	*117—118.*
г.	*Цемовское поле*	*118—119.*
д.	*Равнины къ сѣверу отъ Подгорицы*	*119—120.*
е.	*Лѣшкополе*	*120.*
ж.	*Долина Средней Зеты или Бѣлопавлицкая*	*120—122.*
2.	Высокія замкнутыя равнины	122—127.
а.	*Нѣгушская*	*122—123.*
б.	*Цетинская*	*123—124.*
в.	*Граховская*	*124—125.*
г.	*Никшицкая*	*125—127.*

стран.

3. Дополнительная замѣтка о замкнутыхъ равнинахъ ..... 127—130.
4. Пещеры и вертикальныя отверстія .. 130—136.
Примѣчаніе ..... 136—137.
Списокъ горъ и другихъ пунктовъ, съ показаніемъ ихъ абсолютной высоты 138—143.

Геологическій очеркъ и минеральныя богатства (143—159).

1. Научныя путешествія по Черногоріи . 143—147.
2. Геологическія формаціи ..... 148—150.
3. Минеральныя богатства ..... 150—155.
4. Особенный конгломератъ и эруптивныя породы ..... 155—158.
5. Дополнительныя замѣчанія..... 158—159.

Климатъ, погода и особенныя явленія природы (159—193).

1. Климатическія условія, опредѣляемыя математическимъ положеніемъ и общимъ возвышеніемъ надъ уровнемъ моря..... 159—162.
2. Раздѣленіе на полосы на основаніи распредѣленія хозяйственныхъ растеній..... 162—163.
3. Недостатокъ точныхъ наблюденій... 163—165.
4. Общія наблюденія надъ климатомъ .. 165—178.
а. Баръ и Ульцинъ..... 165—167.
б. Цермница, Рѣка и Жабляк..... 167.
в. Подгорица..... 167—170.
г. Цетинье..... 170—176.
д. Васоевичи..... 176—177.
е. Общее заключеніе и народныя примѣты..... 177—178.
5. Особенныя явленія природы..... 178—180.
6. Приморскій характеръ климата..... 180—181.
7. Воздушныя теченія..... 181—182.
8. Таблица наблюденій погоды и выводы изъ нихъ..... 182—193.

Воды (гидрографія) (194—290).

I. Море..... ... 194—206,
1. Заливы и бухты..... 194—195.
2. Свойства Черногорскаго моря..... 195—199.
а. Измѣненія уровня и теченія..... 196—197.
б. Волненіе и вѣтры..... 197.

			стран.	
		в. Приливъ и отливъ	*197—188.*	
		г. Глубина	*198—199.*	
		д. Соль	*199.*	
	3.	Животный міръ и рыболовство	199—203.	
	4.	Судоходство	203—205.	
	5.	Морское управленіе	205.	
	6.	Купаніе	205—206.	
II.		Материковыя воды		206—299.
		А. Озера		206—226.
	1.	Раздѣленіе ихъ по типамъ	206—207.	
	2.	Горныя озера	207—212.	
	3.	Низменныя озера	213—226.	
		а. Скадарское	*213—223.*	
		б. Горнее блато	*223—225.*	
		в. Шасское и Зоганское	*225—226.*	
		Б. Рѣки		226—276.
I.		Общая характеристика рѣкъ Черногоріи		226—227.
II.		Раздѣленіе рѣкъ по бассейнамъ и ихъ различіе		227—228.
III.		Рѣки Черноморскаго бассейна		228—247.
	1.	Лимъ съ притоками	228—236.	
	2.	Тара —	237—242.	
	3.	Пива —	242—247.	
	4.	Протяженіе всѣхъ рѣкъ Черноморскаго бассейна въ совокупности	247.	
IV.		Рѣки бассейна Адріатическаго моря		247—274.
	1.	Морача и ея притоки	248—254.	
	2.	Зета — —	254—258.	
	3.	Соединенное теченіе Зеты и Морачи	258—262.	
	4.	Древній водопроводъ	263—264.	
	5.	Общія замѣчанія	265.	
	6.	Рѣки Приморской области	265—270.	
	7.	Бояна	270—273.	
	8.	Желѣзница и Рикавацъ	273—274.	
V.		Сравненіе и оцѣнка рѣкъ обоихъ бассейновъ		274—276.
VI.		Мелкія водяныя жилы		276—279.
		В. Природныя и искусственныя скопленія воды		280—286.
		Общія замѣчанія о водахъ Черногоріи		287—289.

Флора и Фауна.

Растенія	290—301.	
Животныя	301—313.	
Дополненіе о флорѣ	313—317.	

			стран.
		Исторія.	
		Введеніе	321—338.
		Первый періодъ. Исторія Зеты подъ управленіемъ свѣтскихъ государей.	339—463.
I.		Обозрѣніе территоріи Зеты и племенъ, населявшихъ ее	339—354.
II.		Исторія Зеты до включенія ея въ составъ Сербскаго государства Неманичей (отъ X до конца XII в.)	354—370.
	1.	Исторія князя Владимира по сказанію Діоклейскаго священника	354—360.
	2.	Краина и ея значеніе въ исторіи Зеты	360—362.
	3.	Немања	362—365.
	4.	Жупанъ Михаилъ Бославовъ и его склонность къ Риму	365.
	5.	Сербская народная церковь и богумильство	365—370.
III.		Зета въ составѣ державы Неманичей (съ конца XII в. до 1356 г.)	370—386.
	1.	Зетская епископія (впослѣдствіи митрополія)	370—373.
	2.	Постройка монастырей и церквей	373—375.
	3.	Отношеніе Неманичей къ Риму	376—378.
	4.	Церковь, земля и народъ	376—383.
	5.	Раздѣленіе Сербскаго царства на провинціи и недостатокъ между ними внутренней связи	384—386.
IV.		Зета подъ управленіемъ Бальшичей (съ 1356—1427)	386—400.
	1.	Общее состояніе сербскихъ земель по смерти царя Душана	386—389.
	2.	Бальша I и его сыновья	389—392.
	3.	Георгій II Бальшичъ	392—395.
	4.	Отношенія къ Венеціи	395—397.
	5.	Бальша III и дѣла съ Венеціей	397—400.
V.		Зета подъ управленіемъ Черноевичей (съ 1427—1516 г.)	401—433.
	1.	Состояніе сербскихъ земель послѣ Косовской битвы	401.
	2.	Значеніе Косовской битвы	402—407.
	3.	Юрій Бранковичъ; Босніа и Герцеговина	407—409.
	4.	Стефанъ Черноевичъ	409—410.
	5.	Георгій Кастріотъ (Скендербегъ)	410—415.
	6.	Венеція и Дубровникъ	415—416.
	7.	Война съ герцогомъ Стефаномъ	416—417.

		стран.	
8.	Послѣдніе годы Стефана Черноевича.	417—421.	
9.	Иванбегъ	421—423.	
10.	Вопросъ о Станишѣ Черноевичѣ	424—427.	
11.	Отношенія къ Турціи	427—430.	
12.	Отношенія къ Венеціи	430—431.	
13.	Георгій Черноевичъ	431—433.	
VI.	Общій взглядъ на внутреннее состояніе Зеты до прекращенія ея владѣтельной династіи		433—459.
1.	Церковь	433—441.	
2.	Земля и народъ	442—444.	
3.	Жупа и градъ	444—447.	
4.	Торговля и пошлины	447—450.	
5.	Произведенія страны	450—452.	
6.	Промыселъ и искусство	452—454.	
7.	Просвѣщеніе и письменность	454—456.	
8.	Внутреннія политическія и общественныя отношенія	456—459.	
9.	Таблички родословій: Лазаря Гребляновича, Бальшичей и Черноевичей.	460—461.	
10.	Хронологическій перечень главныхъ событій съ 1356—1516 г.	462—463.	
	Второй періодъ. Исторія Черногоріи подъ управленіемъ митрополитовъ (съ 1516—1851 г.)		464—695.
I.	Смыслъ и значеніе теократическаго правленія въ Черногоріи		464—476.
II.	Черногорія подъ управленіемъ владыкъ изъ различныхъ родовъ (съ 1516—1697 г.)		476—511.
1.	Возрастаніе турецкаго могущества	476—477.	
2.	Паденіе Ульцина	477—481.	
3.	Послѣдствія паденія Ульцина	481—482.	
4.	Національность Ульцинскаго округа	482—483.	
5.	Дѣла съ турками	483—486.	
6.	Первое разореніе Цетинья турками и его послѣдствія	486—488.	
7.	Потурченцы въ Черногоріи	488—491.	
8.	Отношенія къ католикамъ и Венеціи.	492—495.	
9.	Попытки ввести католицизмъ въ Черногоріи	495—498.	
10.	Твердость народа въ православіи	498—501.	
11.	Пробужденіе народнаго духа: ускоки и хайдуки	501—503.	
12.	Морскіе разбойники (пираты, корсары)	504—507.	

		стран.
13.	Притокъ въ Черногорію новыхъ поселенцевъ	508—509.
14.	Обстоятельства, усиливающія реакцію противъ господства турокъ	509—511.
III.	Черногорія подъ управленіемъ владыкъ изъ рода Петровичей Нѣгошей (съ 1697—1851)	511—695.
1.	Владыка Данінлъ и уничтоженіе магометанства въ Черногоріи	511—515.
2.	Первыя сношенія съ Россіей	515—522.
3.	Послѣдствія связи съ Россіей	522—523.
4.	Внутреннія отношенія	523—524.
5.	Договоръ съ Россіей	524—527.
6.	Внутреннее устройство	527—529.
7.	Отношенія къ Венеціи	529—536.
8.	Объясненіе характера и дѣятельности влад. Данінла	536—540.
9.	Личныя отношенія владыки Данінла къ Печскому патріарху	540—543.
10.	Владыка Савва	543—544.
11.	Избраніе соправителя владыкѣ	544.
12.	Характеристика владыки Саввы	544—549.
13.	Владыки Савва и Василій по отзыву венеціанца	549—550.
14.	Побѣда надъ турками въ 1756 г.	550—551.
15.	Внутреннія отношенія; вторая и третья поѣздки владыки Василія въ Россію	551—554.
16.	Дѣла и планы владыки Василія	554—558.
17.	Характеристика черногорцевъ по запискѣ кн. В. А. Долгорукаго (1769 г.)	558—562.
18.	Критика источниковъ для эпохи Самозванца	562—567.
19.	Степанъ Малый и Венеція	567—570.
20.	Авантюристы въ Черногоріи	570—572.
21.	Оцѣнка характера и дѣятельности Степана Малаго	573—577.
22.	Люди и обстоятельства, помогшія Самозванцу	577—581.
23.	Главные факты изъ жизни и дѣятельности Степана Малаго въ Черногоріи	582—586.
24.	Заключеніе о значеніи Степана Малаго въ Черногоріи	586—592.
25.	Событія послѣ Самозванца	593.
26.	Владыка Петръ I	593—596.
27.	Затѣя *гувернадура*	596—599.

		стран.
28.	Военныя дѣла съ турками и австрійская афера	599—611.
29.	Дѣла въ Боккѣ	611—615.
30.	Отношенія къ другимъ государствамъ.	615—632.
	а. къ Россіи	*615—618.*
	б. къ Австріи и афера съ Орловичемъ.	*618—621.*
	в. къ Турціи	*621—622.*
	г. къ Франціи и Аббатъ Дольчи	*622—631.*
	д. къ Англіи	*631—632.*
31.	Посѣщеніе Черногоріи путешественниками съ научными цѣлями	632—633.
32.	Авантюристъ Вуичъ	633—634.
33.	Внутреннія отношенія при владыкѣ Петрѣ I	634—640.
34.	Характеристика личности владыки Петра I	640—648.
IV.	Внутреннія отношенія въ Черногоріи въ правленіе владыкъ	648—660.
V.	Отношенія между Россіей и Черногоріей при владыкахъ	660—695.
	Объяснительныя примѣчанія	696—764.
	Приложенія	765—878.

ГЕОГРАФІЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ географіей мы соединили вообще физическое описаніе Черногоріи, внеся въ нее геологическій очеркъ, описаніе климата, флоры и фауны, такъ что эти отдѣлы не представляютъ собою полнаго самостоятельнаго изложенія геологическаго состава, климата и т. д. Черногоріи, а только части географическаго описанія. При этомъ мы разсматриваемъ Черногорію какъ отдѣльное цѣлое, не обращая вниманія на связь и соотношенія ея съ остальными частями Балканскаго полуострова, хотя эта связь существуетъ во всѣхъ отношеніяхъ: какъ по геологическому и орографическому строенію, такъ и по климату и всѣмъ естественнымъ произведеніямъ. Поступая такимъ образомъ, мы считаемъ однако необходимымъ предварительно сказать нѣсколько словъ о географіи цѣлаго Балканскаго полуострова, чтобы въ дальнѣйшемъ изложеніи можно было лучше понять однородныя явленія той его части, которая вошла въ составъ Черногорскаго княжества. Для этого намъ не нужно прибѣгать къ какимъ-либо изслѣдованіямъ: достаточно привести общую характеристику этого полуострова по сочиненію: La Turquie d'Europe, 1840 г., Ами-Буэ, который до сихъ поръ остается единственнымъ географомъ этихъ странъ. «Горы западной Турціи, говоритъ онъ, составляютъ продолженіе центральныхъ

Альпъ, которыя на границахъ Штиріи и Каринтіи дѣлятся на двѣ вѣтви: одна, направляясь къ сѣверо-востоку, отдѣляетъ часть Нижней Австріи отъ Венгріи и соединяется съ западными Карпатами; а другая направляется на юго-западъ и образуетъ въ Краинѣ и Хорватіи мало возвышенные хребты, которые достигаютъ болѣе значительной высоты только въ Турецкой Хорватіи и въ Босніи. Извѣстная въ Каринтіи цѣпь Караванкенъ, а также горы Краины и Далмаціи составляютъ не что иное, какъ второстепенныя горы въ великой системѣ Альпъ, такъ какъ эти хребты продолжаются въ Турціи рядомъ съ центральными массивами. Пониженіе въ этихъ хребтахъ или обширная выемка составляетъ низкій водораздѣлъ между водами, текущими по Босніи и Герцеговинѣ, и тѣми, которыя текутъ къ Адріатикѣ. Этотъ двойной рядъ значительныхъ высотъ имѣетъ въ Горной Албаніи другой, болѣе рѣзкій перерывъ, образуемый равнинами Приштины, Печи, Дьяковицы и Скадра, а также теченіемъ Дрина, скрывающагося на днѣ самыхъ глубокихъ расщелинъ. Этотъ перерывъ (hiatus) тѣмъ любопытнѣе, что передъ нимъ горы Турціи достигаютъ наибольшей высоты. Южнѣе, въ Шаръ-планинѣ эти горы высоки; но послѣ этого общая высота ихъ только въ Греціи соотвѣтствуетъ высотѣ горъ, находящихся между Босніей и Герцеговиной» (т I, стр. 6—7).

Такимъ образомъ рядомъ съ хребтами, идущими отъ Альпъ, Ами-Буэ указываетъ на существованіе нѣсколькихъ центральныхъ массивовъ, наполняющихъ Боснію (часть нынѣшней Черногоріи), Старую Сербію и Албанію.

Въ дальнѣйшемъ разборѣ этой системы горъ онъ говоритъ:

«Узелъ албано-боснійскихъ горъ (Scordus Тита Ливія), смотря на него съ юга, представляется цѣлымъ рядомъ хребтовъ или скалистыхъ сѣраго цвѣта гребней, ущелія между которыми наполнены снѣгомъ; они стоятъ на высокихъ отлогостяхъ, покрытыхъ буковыми и хвойными лѣсами. На юго-западѣ и западѣ эти вершины выдѣляются въ видѣ пирамидъ, подобно доломитовымъ пикамъ Тироля; но, смотря съ сѣвера и особенно

изъ отдаленія, вы видите, что эти горы раздѣлены на большіе плоскіе массивы, надъ которыми на западѣ иногда высятся отдѣльныя вершины» (стр. 28).

Въ разсматриваемомъ горномъ узлѣ Ами-Буэ перечисляетъ слѣдующіе массивы: Рогозна, Вренія и Горажда, Колашинъ, Штавица, Церколесъ, Сухая-планина, Курило, Ярутъ-планина съ вершинами, достигающими 3,500 фут., и Жлебъ, въ 6,197 фут. Къ той же горной системѣ причисляетъ онъ Дурмиторъ, Комъ, Проклятыя, Мокрую-планину, Цмилевицу и другіе, находящіеся уже въ Албаніи.

«Въ этомъ маломъ Сен-готардѣ — продолжаетъ онъ — находятся истоки десяти большихъ рѣкъ, семи притоковъ албанскаго Дрина и четырехъ притоковъ Бояны; а посреди̇нѣ ихъ въ кратерообразномъ углубленіи находится озеро Плава. Рѣки эти: Морача, Цемъ, Бѣлый-Дринъ, Рашка, Ваппа или Увацъ, Лимъ, Тара, Пива и Сутеска или Дринъ[1]). Къ этому нужно еще присоединить истоки сербской Моравы, Неретвы, и стоковъ Баньской — рѣки Истока, Печской, Быстрицы и рѣчушекъ въ Дечанахъ, Дьяковицѣ, Шаляхъ, Крастеничахъ, Малаго-Дрина (Drinassi) или Кира, Ріолей, Боги и Хотъ, не считая до полдюжины притоковъ Дрина, Цема, Морачи и другія» (стр. 22—23).

Изъ вышеизложеннаго видно, что Черногорія принадлежитъ двумъ системамъ: въ приморской части она лежитъ на продолженіи Альпъ, а внутри примыкаетъ къ указанному выше узлу горъ, заключая въ себѣ отдѣльные горные массивы Дурмитора, Кома, Жійовой и еще одного, который мы по его положенію назовемъ Центральнымъ. Наибольшее возвышеніе этого послѣдняго Ами-Буэ отмѣчаетъ именемъ Лукавицы, которой мы при изложеніи географіи Черногоріи и посвящаемъ особенное вниманіе, такъ какъ она до сихъ поръ изслѣдована менѣе всѣхъ другихъ горъ.

Описаніе отдѣльныхъ частей Балканскаго полуострова Ами-Буэ начинаетъ съ Черногоріи, какъ страны наиболѣе близкой къ

Западной Европѣ. Описаніе это, основанное единственно на сочиненіи Е. П. Ковалевскаго, переведенномъ въ «Bulletin de la Société géologique de France» (v. X. 1838), для насъ утратило значеніе. Но для насъ чрезвычайно важны его выводы относительно флоры Балканскаго полуострова, вполнѣ примѣняющіеся и къ Черногоріи. Перечисленіе семействъ и видовъ мы приводимъ въ отдѣлѣ флоры, а здѣсь приведемъ общую характеристику этой флоры и распредѣленіе ея по различнымъ частямъ Балканскаго полуострона.

«Европейская Турція — говоритъ Ами-Буэ — представляетъ или низкіе бассейны, или страну холмовъ, горъ и умѣренно приподнятыхъ плато. Это поясъ самыхъ полезныхъ культурныхъ растеній: зерновыхъ хлѣбовъ, виноградной лозы и фруктовыхъ деревьевъ. Растенія южныхъ частей отличаются отъ сѣверныхъ. Высшею границею этой полосы можно считать высоту до 2.500 фут., при чемъ верхнія части болѣе лѣсисты чѣмъ нижнія; а обширныя пастбища существуютъ на высотѣ 1.600 — 1.700 или даже до 2.000 или 2.500 фут. на днѣ исчезнувшихъ озеръ. Выше этой полосы (культурныхъ растеній и пастбищъ) идутъ буковые лѣса, и съ 5.000 фут. начинается уже настоящая горная страна. — Мы находимъ въ Турціи элементы, по крайней мѣрѣ, пяти иностранныхъ флоръ: *венгерской, трансильвано-валашской и болгарской, таврической или азіатской*, идущей отъ юго-востока Турціи до Балканъ и Родопъ, и *греческой*, къ которой можно присоединить и *далматоитальянскую*. Македонія (центральная и за рѣкой Вардаромъ), равно какъ и Верхняя Мизія, образуютъ посредствующую зону между этими послѣдними флорами и флорами сербской, боснійской и венгерской, подобно тому, какъ Горняя Албанія связываетъ флору греческую съ далматинскою и хорватской» (стр. 410—411).

Этихъ замѣчаній, полагаю, достаточно для того, чтобы при разсмотрѣніи Черногоріи въ отдѣльности, можно было ея положеніе и всѣ происходящія отъ того явленія привести въ связь

и соотношеніе съ ея цѣлымъ, то есть съ Балканскимъ полуостровомъ и Западною Европой.

Дополненіе къ геологическому очерку (стр. 149 — 159.)

Покуда я въ продолженіе 1886 г. находился въ Россіи, появились новыя изслѣдованія, касающіяся физическаго описанія Черногоріи, и сдѣланы нѣкоторыя открытія, о чемъ мы не считаемъ себя въ правѣ умолчать, пока имѣемъ возможность упомянуть о нихъ во введеніи.

Въ 1885 г. Черногорію посѣтилъ ботаникъ Antonio Baldacci, и напечаталъ свои изслѣдованія въ цетинской газетѣ «Голосъ Черногорца» подъ названіемъ «Растенія Цетинскаго поля», обѣщаясь продолжить свои изслѣдованія и въ другихъ частяхъ Черногоріи. Статьи эти, помѣщенныя въ нѣсколькихъ №№ газеты, изданы послѣ въ Цетиньѣ отдѣльною книжкой; для насъ она однако не имѣетъ значенія, потому что обнимаетъ только незначительную часть Черногоріи. Совсѣмъ другое представляетъ путешествіе въ 1886 г. его однофамильца, геолога L. Baldacci. Онъ пробылъ въ Черногоріи $1^1/_2$ мѣсяца и обслѣдовалъ, можно сказать, всю страну гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ Тице и Шварцъ, которые въ этомъ отношеніи превзошли всѣхъ предшествовавшихъ имъ изслѣдователей.

Л. Бальдачи, горный инженеръ, командированъ былъ въ Черногорію спеціально для геологическихъ изслѣдованій италіанскимъ правительствомъ по просьбѣ черногорскаго князя. Мнѣ удалось познакомиться съ ихъ результатами изъ рапорта, представленнаго имъ князю Николаю вмѣстѣ съ картою, на которой красками означены всѣ формаціи и различныя рудныя мѣсторожденія. Отчетъ Бальдачи заключаетъ много данныхъ, интересныхъ въ научномъ и практическомъ отношеніи, но я не рѣшаюсь излагать здѣсь эти данныя прежде опубликованія ихъ самимъ Бальдачи.

Мелкія поправки и дополненія къ этому отдѣлу.

По отпечатаніи уже книги, автору удалось о иныхъ предметахъ получить новыя, болѣе точныя свѣдѣнія, на основаніи которыхъ мы и хотимъ сдѣлать поправки и дополненія; ихъ однако немного и всѣ они короткія, поэтому, надѣемся, не обременятъ книги, а ставя ихъ впереди, просимъ читателя прежде всего обратить на нихъ вниманіе, чтобы читать текстъ уже въ исправленномъ или дополненномъ видѣ.

Нѣкоторыя погрѣшности, представляющія простыя обмолвки и недосмотръ, также исправляемъ.

Стр. 42. О пути въ Будву у насъ сказано, что онъ идетъ черезъ Космачъ или Юрьево-ждрело, тогда какъ это одно и то же.

Именно идутъ такъ: съ Цетинья на Обзовицу, Юрьево-ждрело, черезъ Браичи и Космачъ, на которомъ находятся сильно укрѣпленныя австрійскія казармы; или черезъ черногорскія села Бѣлоши и Майсторы (по лѣвую сторону горы Коложуна, въ системѣ Ловчена) на Станевичи, гдѣ когда-то былъ черногорскій монастырь; въ этомъ послѣднемъ случаѣ черезъ Космачъ итти не приходится.

Стр. 44 и 299: Spartium junceum я ошибочно перевожу по-русски джутъ; также какъ *на стр. 301*: растеніе *вукъ* — ошибочно назвалъ *Melampyrum arvense,* которое и по-сербски, какъ и по-русски, называется — *куколь; вукъ* же я такъ и не знаю, какъ перевесть.

Стр. 293: Въ томъ же отдѣлѣ о флорѣ я говорю о *моликъ* (Pinus peuce) только въ Васоевичахъ, тогда какъ она есть и въ Пивѣ, а можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ.

Стр. 84: Заглавіе статьи: *5) Сѣверо-восточный уголъ*, поставленное въ самомъ низу, нужно перенести выше между 11 и 12 строками.

Тамъ же внизу сказано, что мы не могли нанести исправленій на карту, тогда какъ мы ихъ сдѣлали и нанесли.

Стр. 134 и 135: Говоря о пещерахъ, я заявляю, что въ нихъ нѣтъ сталактитовъ, тогда какъ недавно мнѣ самому привелось спуститься въ Липскую пещеру (при поселкѣ *Липъ* между Цетиньемъ и Добрскимъ селомъ) и пройти внутрь ея на три часа все впередъ; на всемъ этомъ пространствѣ я нашелъ цѣлую цѣпь пещеръ съ прекраснѣйшими сталактитами и сталагмитами самыхъ разнообразныхъ формъ: то въ видѣ колоннъ, поддерживающихъ громадный сводъ, то въ видѣ монументовъ на широкихъ пьедесталахъ-монолитахъ, то въ видѣ гигантскихъ сосулекъ, висящихъ сверху и угрожающихъ паденіемъ, то цѣлою щеткою или бѣлой бахрамой покрывающихъ сводъ и т. д. При освѣщеніи видъ очаровательный; воздуху довольно; только въ двухъ мѣстахъ, въ узкихъ проходахъ дулъ такой вѣтеръ, отъ котораго гасли всѣ фонари; причиною его очевидно служитъ разница температуры по ту и по другую сторону прохода, именно: на одной сторонѣ 16° Р., на другой 18°. Въ пещерѣ всюду находятся небольшіе бассейны чистѣйшей и чрезвычайно пріятной и легкой для питья воды, окаймленные низкими бордюрами тонкихъ сталагмитовыхъ стѣнокъ въ видѣ какихъ-то рыцарскихъ щитовъ, словно нарочно сдѣланныхъ рукою человѣка. Полное описаніе ея см. «Гласъ Черногорца», 1887 № 37.

Стр. 144: Ковалевскаго я ставлю въ ряду путешественниковъ послѣ Ами-Буэ, введенный въ заблужденіе тѣмъ, что на запискахъ Ковалевскаго поставленъ 1841 г., тогда какъ на книгѣ Ами-Буэ — 1840 г., и потому сначала я недоумѣвалъ, какъ этотъ послѣдній цитируетъ перваго; а потомъ изъ соч. Петковича «Черногорія и Черногорцы» узналъ, что Ковалевскій совершилъ свое путешествіе еще въ 1839 г., и тогда издалъ свой геологическій очеркъ Черногоріи. Но тутъ опять встрѣчается противорѣчіе: Ами-Буэ помѣстилъ свой очеркъ въ бюллетеняхъ французскаго геологическаго общества за 1838 г.

Стр. 181: Я говорю о равномѣрномъ распредѣленіи по всей Черногоріи дождей, тогда какъ прошлый 1887 г. показалъ совершенно противное: въ то время какъ въ западной или юго-запад-

ной половинѣ, особенно въ части ея, болѣе близкой къ морю, было бездождье цѣлое лѣто и засуха такая, что на деревьяхъ вянулъ листъ и въ началѣ августа сталъ желтѣть и слегка опадать, въ восточной и сѣверной постоянно перепадали дожди, хотя въ августѣ тоже была засуха. Тучи дождевыя въ этомъ году шли постоянно съ сѣвера и разражались на высокихъ горахъ, а къ приморской части доносился только сухой сѣверный вѣтеръ.

Стр. 201: О рыбѣ *скакавицѣ* или *кефалѣ*, зимующей въ Неретвѣ, я ошибочно говорю, что её тамъ называютъ *главатица* или *зубатка*, тогда какъ это названіе относится къ виду форели.

Стр. 210 и 249: Говорится, что рѣка Мертвица вытекаетъ изъ Капетанова озера, тогда какъ прямой, непосредственной связи рѣка съ озеромъ не имѣетъ, а только можно предполагать, что вода изъ озера идетъ въ неё подземными путями. Это исправленіе можно видѣть на картѣ.

Стр. 255: Простую обмолвку составляетъ утвержденіе, что рѣка Мошtаница, какъ и Быстрица, берется изъ Грачаницы: она имѣетъ свой источникъ совершенно на противоположной сторонѣ изъ озера Крупца.

Стр. 251: О Лѣвой-рѣкѣ говорится, что она пересыхаетъ, и до Брзкута доходятъ только воды Ковачицкаго-потока; на дѣлѣ, наоборотъ: Лѣвая-рѣка хотя по временамъ и пересыхаетъ, но вода въ ней держится дольше чѣмъ въ Ковачицѣ, въ которой вода повидимому идетъ сильнѣе.

Стр. 257: Каменный мостъ черезъ одинъ изъ притоковъ Зеты находится не подъ Пажичами, которые расположены какъ разъ противъ Данилова-града, а подъ Шобаичами.

Стр. 273: Нужно прибавить послѣ 8-й строки, что въ настоящее время отъ Зоганьскаго озера прокопанъ каналъ къ морю для осушенія болота.

Стр. 263: Пропущенъ рисунокъ, на который дѣлаются ссылки; мы надѣемся помѣстить его въ отдѣлѣ археологіи.

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ ГРАНИЦЫ

и

ГОРИЗОНТАЛЬНОЕ ОЧЕРТАНІЕ ЧЕРНОГОРІИ.

I. МАТЕМАТИЧЕСКІЯ ГРАНИЦЫ.

До послѣдней войны (1877—78 гг.) Черногорія находилась: между 43° 2′ 30″ и 42° 20′ с. ш., слѣдовательно по широтѣ занимала 42′ 30″;—и между 18° 27′ и 19° 47′ в. д. (отъ парижскаго меридіана) или занимала по долготѣ 1° 20′*).

Послѣ этой войны по берлинскому трактату границы Черногоріи можно означить по математически опредѣленнымъ точкамъ слѣдующимъ образомъ:

На сѣверѣ 43° 21″ 45″ (изгибъ р. Тары передъ ея соединеньемъ съ р. Пивой), а на югѣ 41° 52′ 15″ (островокъ въ устьяхъ р. Бояны), что̀ даетъ широту въ 1° 29′ 30″; на западѣ 18° 27′ 15″ (церк. св. Лазаря близъ р. Требишницы) и на востокѣ 20° 1′ 5″ (гора Планиница), что̀ составитъ протяженіе по долготѣ въ 1° 33′ 50″.

Такимъ образомъ оказывается, что Черногорія по протяженію съ с. на ю. увеличилась на 47′, а съ з. на в. всего только на 13′ 50″.

Сравнивая положеніе Черногоріи по широтѣ съ другими странами Европы, мы увидимъ, что она лежитъ южнѣе черноморскихъ береговъ Европейской Россіи, отвѣчая нашему Кавказу съ

*) См. приложенную къ книгѣ карту.

Закавказьемъ; именно сѣверная ея граница соотвѣтствуетъ Владикавказу, а южная Тифлису; на Балканскомъ полуостровѣ ея сѣверная граница находится на одной почти линіи съ Нишемъ и Трновымъ, а южная съ Адріанополемъ; далѣе на западѣ по отношенію къ Италіи и Франціи сѣверная ея граница проходитъ южнѣе Анконы и Флоренціи, Ниццы и Марселя, а южная—почти на одной линіи съ Римомъ, немного сѣвернѣе Бари и около $^1/_2{}^\circ$ сѣвернѣе Бриндизи и Неаполя, но южнѣе Барцелоны. Цетинье (42° 23′ 28″) лежитъ приблизительно на одной линіи съ Поти и Кутаисомъ, южнѣе Софіи и около $^1/_2{}^\circ$ сѣвернѣе Рима.

Эти данныя будутъ намъ полезны при оцѣнкѣ климата Черногоріи.

II. ПРОСТРАНСТВО И ГОРИЗОНТАЛЬНОЕ ОЧЕРТАНІЕ.

(Политическія границы).

Не пускаясь глубоко въ исторію, когда такъ называемая Черная-гора составляла только часть болѣе обширнаго когда-то Зетскаго государства, мы сравнимъ величину и фигуру Черногоріи только до послѣдней войны и послѣ нея. До войны Черногорія представляла изъ себя территорію приблизительно въ 80 кв. геогр. миль или 4.400 кв. километровъ; послѣ же войны по берлинскому трактату она увеличена на 93 кв. мили, что̀ вмѣстѣ съ прежнимъ составитъ 172 кв. геогр. мили или 9.475 кв. кил.[1]) Изъ всѣхъ мелкихъ государствъ Балканскаго полуострова она слѣдовательно представляетъ собою самую малую единицу, будучи въ 7 разъ менѣе взятыхъ порознь: Сербіи, Болгаріи и Греціи, и въ 13 разъ меньше Румыніи. Въ западной Европѣ, превосходя многія мелкія государства, теперь уже не имѣющія политической самостоятельности, она приближается къ слѣдующимъ австрій-

[1]) По санстефанскому трактату она должна была имѣть 248 кв. м. или 13.660 кв. кил.

скимъ провинціямъ: Буковинѣ, Краинѣ и Хорутаніи, а превосходитъ сѣверное Приморье (истріанское) и Зальцбургъ. По санстефанскому же трактату она превосходила бы Далмацію. Въ видѣ острова она улеглась бы посрединѣ Ладожскаго озера, занявши только не много больше половины его поверхности.

Съ измѣненьемъ пространства и границъ измѣнилась конечно и фигура черногорской территоріи.

Прежде она представляла собою фигуру бабочки, огромныя крылья которой распущены были такъ, что одно изъ нихъ протягивалось къ Адріатическому морю, не касаясь однако его, какъ-бы не смѣя омочить его морскою влагой, а другое наслонялось краемъ на горы Дурмиторъ и Комъ. Между этими крыльями находилось весьма короткое по сравненію съ крыльями тѣло, представляемое частью долины средней Зеты. Одно крыло такимъ образомъ составляли нахіи: Катунская, Цермницкая, Рѣцкая и Лѣшанская, а также Загарачъ, Команы и половина Бѣлопавличей и Пѣшивцевъ; а во второмъ находились другія двѣ половины Пѣшивцевъ и Бѣлопавличей съ Мартиничами, Пиперы, Братоножичи, Жупа съ Луковымъ, часть Дробняковъ, Морача съ Ровцами, Васоевичи и часть Кучей.

Полетъ ея былъ обращенъ на ю.-в. къ равнинѣ нижней Зеты и Скадарскаго озера, къ Подгорицѣ и Скадру; а противъ ея малаго тѣла съ двухъ концовъ, какъ два ножа, грозно стояли турецкія крѣпости Никшичъ и Спужъ съ цѣлымъ рядомъ укрѣпленій меньшаго размѣра, грозившія ежеминутно раздѣлить её на двѣ половины, что и бывало не одинъ разъ. Крылья эти были вдоль своихъ краевъ также изрѣзаны, и во всѣхъ вырѣзкахъ также торчали турецкія или австрійскія укрѣпленія.

Въ настоящее время фигура Черногоріи значительно округлилась. Большія выемки на с.-з. и ю.-в. совершенно пополнены присоединеніемъ къ ней Никшича съ окрестностью и частью Герцеговины и Подгорицы съ нижнею Зетой. Исчезла также выемка и со стороны Колашина, который вошелъ въ черногорскую территорію. Протискалась она также и къ морю: владѣетъ двумя

бухтами Бара и Ульцина и стала на устьѣ р. Бонны, захвативши на 15 кил. праваго берега той рѣки. Эта часть составляетъ придатокъ въ видѣ узкой полосы, которымъ и нарушается округленность цѣлой фигуры.

Въ настоящее время фигура Черногоріи близко походитъ на окорокъ, широкая часть котораго обращена къ сѣверу, а тонкая къ югу, гдѣ и упирается въ море.

Разсмотримъ теперь эти границы въ подробностяхъ, при чемъ будемъ держаться карты, изданной въ С.-Петербургѣ Генеральнымъ Штабомъ для черногорскихъ школъ въ 1881 г.

Отъ самой южной оконечности, находящейся на морѣ при устьѣ р. Бояны, граница идетъ сначала этою рѣкой, оставляя правый берегъ ея Черногоріи приблизительно километровъ на 15 вверхъ до села Снерчъ (св. Георгія), откуда поворачиваетъ къ западу по потоку, вытекающему изъ Шасскаго озера, далѣе пересѣкаетъ это озеро и идетъ потокомъ Мегуредомъ (собств. Међуреч) почти до вершины его, уклоняясь все больше къ с., и наконецъ совершенно въ сѣверномъ направленіи на протяженіи 20—25 килом. Отсюда граница, дѣлая углы и извилины, проходитъ въ сѣверо-восточномъ направленіи черезъ Шиповнякъ, Смрцу и Мезуланы, затѣмъ черезъ Потичъ и Величъ выходитъ къ Скадарскому озеру у острова Горица-Топалъ (или Топхане); всего протяженія до 10 кил. Отъ упомянутаго островка граничная линія пересѣкаетъ озеро наискось въ направленіи с.-с.-з. до 21 кил. и выходитъ на противоположномъ берегу на Говедій-бродъ немного къ западу отъ устья Станича-потока. Отсюда она идетъ 5 кил. въ направленіи с.-с.-в. и затѣмъ въ сѣверномъ направленіи съ извилинами и небольшимъ уклоненіемъ къ в. выходитъ на укрѣпленную турецкую позицію Шипчаникъ въ разстояніи отъ исходной точки на берегу озера около 10 кил. На этой линіи Турціи оставлены сербскія села Матагужи и Владня и высоты Враньскія-главицы и Шипчаникъ; между тѣмъ какъ значительная часть матагужскихъ полей отошла къ Черногоріи.

Отъ Шипчаника граница идетъ почти прямо на с. до Аржа-

ницкаго моста на р. Цѣвнѣ $2^1/_4$ кил., отсюда въ с.-восточномъ направленіи до домовъ Омербожовича (всего 3—4 дома и то полуразоренные) нѣсколько болѣе 3-хъ кил. Дома эти остаются въ черногорской границѣ, а рядомъ въ разстояніи 500 метровъ в. отъ границы арнаутское село Диноши остается за Турціей; отъ той же границы къ з. до Подгорицы около 4 кил. Отъ домовъ Омербожовича граница поднимается на Какарицкія-горы въ с.-восточномъ же направленіи, именно до высшей точки на нихъ Градины на разстояніи $3^1/_2$ кил.; съ Градины же направленіе измѣняется въ ю.-восточ. и граница выходитъ на высоту Сукъ-Грудскій на протяженіи $4^1/_2$ кил., оставивъ въ черногорской границѣ села Ледины и Лопари, а значительную часть ихъ полей Турціи; отсюда она спускается въ направленіи в.-с.-восточн. на гору Мая—Льмуаме (Гладка-главица), составляющую какъ бы контрафорсъ Сука-Грудскаго, на разстояніи 1 кил. и идетъ дальше еще $1^1/_2$ кил. къ ю.-востоку на еще низшую вершинку Никвучъ и черезъ пониженіе Тьяфа-Нагрива достигаетъ края долины р. Цѣвны (по арнаутск. Цемъ), текущей въ глубокой пропасти.

Отъ Какарицкихъ-горъ до Сука-Грудскаго шла земля племени Кучей, а далѣе идетъ Затребачъ (поарнаутившіеся кучи, частью черногорцы и перебѣжчики изъ другихъ различныхъ племенъ), тоже принадлежащій Черногоріи.

Отъ послѣдней точки граница идетъ по кряжу надъ Цѣвной въ с.-восточн. направл. до мѣстности Скала-Смедецъ: это — тропинка, ведущая отъ села Делай къ Цѣвнѣ, сначала идущая въ видѣ лѣстницы, просѣченной въ каменной стѣнѣ, по прямому направленію около 3 кил. Достигши Цѣвны, граница идетъ вверхъ по теченію этой рѣки, слѣдуя ея извилинамъ, въ восточномъ направленіи около 5 кил. до Хана-Грабомъ, откуда она снова поднимается въ гору прямо на с. на точку Буза-Мишдрагудъ и опять слѣдуетъ по высокой окраинѣ долины въ с.-восточн. направл. на западную вершину горы Сокола, всего около 10 кил.

Часть земель, особенно зимовники затребчанъ, находящіеся внизу, на берегу Цѣвны, и пастбища по другую ея сторону оставлены въ турецкой границѣ.

Съ вершины Сокола граница идетъ почти прямо на с. 2 кил. на Кунъ-Костичъ, а оттуда около 4 кил. въ с.-восточн. направл. до Мая-Льнерзитъ и черезъ двѣ вершины горы Вилы въ сѣверн. направл. спускается къ Рикавацкому озеру, проходя всего около 5 кил. На этомъ протяженіи граница идетъ по высотамъ, то приближаясь къ Цѣвнѣ, то удаляясь отъ нея, и при этомъ часть земель затребчанъ также отходитъ къ Турціи. Непосредственными сосѣдями затребчанъ является здѣсь арнаутское племя — Клименты.

Озеро Рикавацъ пересѣкается границею такъ, что большая часть его отходитъ къ Черногоріи; а отъ него граница идетъ почти по прямой линіи на с.-в. до горы Планиницы на протяженіи приблизительно 8 кил.

Здѣсь отходитъ къ Турціи значительная часть земли, принадлежащей кучамъ, именно прекрасная долина р. Скроботуши, равнина Велиполе, часть долины потока Врмоши и пастбища къ в. отъ Планиницы на плато, называемомъ Бинджа.

Здѣсь граница, вмѣсто того чтобъ итти по хребту, составляющему раздѣлъ между водами, текущими въ Васоевичи, и водами Плавско-Гусинскаго бассейна, направляется искусственно по вершинамъ, близкимъ къ старой границѣ, такъ что значительная часть черногорскихъ пастбищъ и другихъ угодій отходитъ къ Турціи и проходитъ подъ самымъ черногорскимъ селомъ Цецунами, и наконецъ, переваливъ еще одинъ хребетъ, черезъ вершины Балястой-главы и Голеша спускается въ долину р. Лима, въ берегъ котораго и упирается между черногорскимъ селомъ Муринымъ и арнаутскимъ — Пепичами. Направленіе границы здѣсь почти прямо восточное съ нѣкоторыми извилинами, а разстояніе около 30 кил. Далѣе граница еще не опредѣлена, вслѣдствіе несогласія между турецкими и черногорскими комиссарами. Но она во всякомъ случаѣ должна пройти дугой, обращенной

выгибомъ къ в., по высотамъ между долиной р. Великой и того же имени селомъ, принадлежащимъ Черногоріи, и Новшичами, принадлежащими Турціи, на Мокрую-планину, на протяженіи около 15 кил. При этомъ требуется вымежевать турецкое село Горнюю-Аржаницу, длиннымъ языкомъ врѣзавшееся въ середину принадлежащей Черногоріи территоріи, и эта вырѣзка составитъ въ окружности около 15 кил., нарушивши такимъ образомъ непосредственную связь с. Великой съ остальною черногорскою территоріей.

Съ Мокрой-планины граница пройдетъ въ с.-западномъ направленіи правою стороной долины р. Шекулара, оставивши всѣ находящіяся тамъ села во владѣніи Черногоріи, и черезъ 15 кил. упрется въ р. Лимъ. За Лимомъ идетъ старая граница въ томъ же с.-западн. направл. вверхъ потоковъ сначала Требчи, потомъ Бистрицы до Шишко-озера около 20 кил. Отъ Шишко-озера она спускается потокомъ къ р. Тарѣ у села Мойковца, пройдя около 15 кил. Далѣе идетъ въ томъ же направленіи (с.-з.) природная граница Тарой до ея соединенія съ р. Пивой на протяженіи 75 кил. При концѣ этой линіи заграничная сторона перестаетъ быть непосредственно турецкою, а составляетъ оккупированную Австріей территорію Герцеговины, именно Фочанскій Кадилукъ, а далѣе пойдетъ Гацкій.

Отъ соединенія Тары съ Пивой граница подъ острымъ угломъ поворачиваетъ къ югу вверхъ по р. Пивѣ километра на 2, а затѣмъ идетъ зигзагами въ главномъ юго-западн. направл. черезъ горы Магличъ, Власулю и Лебершникъ приблизительно на 22 кил., а далѣе — прямо на югъ по кряжу, составляющему окраину Гацкаго-поля до его суженья между горой Орлиной и высокимъ хребтомъ Соминой килом. 18. Отъ этого прохода идетъ дорога черезъ Крстацъ и Дугу въ Никшичъ.

На верхъ Соминой подъемъ около 3 кил. и далѣе по ея хребту на Троглавъ до 7 кил. въ з.-с.-западн. направл.

Отъ Троглава граница направляется къ югозападу надъ равниной, прилегающей къ городу Билечи, тоже около 7 кил., и

въ томъ направленіи пересѣкаетъ у с. Бителицы дорогу, ведущую отъ Билечи черезъ Опутную Рудину на Грахово, а черезъ Баняны въ Никшичъ или на Кчево и въ Цуцы.

Отсюда почти прямо на югъ около 11 кил. до точки, находящейся на одной параллели съ Билечью. Съ этой точки, держась того же главнаго направленія, съ уклоненіями зигзагами къ западу черезъ 10 кил., граница доходитъ до р. Требишницы и далѣе тою рѣкой около 12 кил., оставивши на правой ея сторонѣ монастырь Дибричево въ Герцеговинѣ, а на лѣвой — Косіерево въ Черногоріи.

Отсюда на 11 кил. идетъ сухая граница до потока Заслапъ, текущаго въ Требишницу, тоже на ю., дѣлая однако глубокій уголъ къ востоку, гдѣ и находится городокъ Клобукъ съ австрійскою крѣпостью; а потомъ сухая граница продолжается кил. на 6 въ южномъ направл., откуда круто поворачиваетъ на з. и образуетъ четвероугольникъ, въ которомъ двѣ стороны, идущія на з. и ю., имѣютъ по 4 кил., а третья, идущая на в., тянется кил. на 10 до горы Дврсника. Съ этой же точки она направляется на ю.-ю.-в. около 15 кил. по кряжу до точки, находящейся надъ тѣмъ угломъ въ Боккѣ-Которской, гдѣ находится село Нижній-Ораховацъ. Въ этомъ углѣ къ з. отъ границы лежатъ Кривошіи, Леденицы и Горній-Ораховацъ, вѣчно возстающіе противъ Австріи на защиту своихъ правъ на основаніи договора, который они заключили съ Австріей, добровольно принимая австрійское подданство.

Съ этого пункта граница идетъ по высокому кряжу (3000 — 4000 ф.) не далеко отъ моря прямо на ю. на протяженіи приблизительно 10 кил. Здѣсь находится наибольшее возвышенье берегового хребта (Ловченъ-Штировникъ 5436 ф. и 5743 ф.), отъ котораго граница уклоняется дальше въ глубь материка и идетъ по верху хребта параллельно берегу моря въ ю.-восточн. направленіи около 42 кил. до Врсуты, откуда прямою линіей спускается на низменную равнину въ ю.-ю.-восточн. направленіи до потока Желѣзницы около 5 кил.; потомъ она идетъ этимъ пото-

комъ 3 кил. до моря въ з.-ю.-западн. направленіи. Здѣсь Черногорія стоитъ уже на морѣ, занимая приблизительно 70 кил. его берега до устья р. Бояны, которую мы приняли за исходную точку при обозначеніи границъ.

Выражая очертанье Черногоріи геометрической фигурой, мы видимъ, что она представляетъ собою неправильный ромбъ, котораго стороны имѣютъ слѣдующія протяженія:

1) Отъ устья р. Бояны до Мокрой-планины (направленіе сѣверо-восточное).....	178	километровъ.
2) Отъ Мокрой-планины до соединенія рр. Тары и Пивы (сѣверо-западное направленіе).....	125	»
3) Отъ соединенія Тары съ Пивой до приближенія къ морю и подъ Штировникъ (южное направленіе съ однимъ большимъ выступомъ къ западу)	143	»
4) Отъ Штировника параллельно морю и моремъ до устья Бояны (юговосточное направленіе)	120	»
Сумма....	566	километровъ.

Замѣчательно, что въ прежнее время, когда Черногорія была по пространству вдвое меньше, эта линія равнялась приблизительно 450 кил., слѣдовательно сравнительно съ пространствомъ она была гораздо больше теперешней. Будь такое протяженіе вдоль моря, это было бы счастье для страны; но тогда вся эта линія шла на крупныя выемки, углы и зигзаги внутрь Черногоріи, созданныя искусственно, чтобы ее ослабить и сдѣлать болѣе приступною для вторженій извнѣ.

Въ настоящее время она представляетъ собою болѣе компактное цѣлое и часть ея граничной линіи идетъ берегомъ моря, что даетъ ей возможность выйти изъ совершенно замкнутаго положенія, въ которомъ находилась до сихъ поръ.

Въ дополненіе къ уясненію горизонтальнаго контура Черногоріи примѣтимъ, что наибольшее ея протяженіе сѣвероюжное, именно до 165 кил. (отъ соединенія Пивы съ Тарой до устья Бояны); а западно-восточное имѣетъ 130 кил. (отъ Губара на краю Грахова до Мокрой планины на краю Васоевичей). Это впрочемъ по математической линіи, не принимая въ соображеніе зигзаговъ, а также подъемовъ и спусковъ, играющихъ при горномъ характерѣ страны весьма важную роль; такъ что мы не сдѣлаемъ большой ошибки, прибавивши въ первомъ случаѣ еще 20 кил., а во второмъ — 16. Это нагляднѣе можно представить въ разстояніяхъ отъ Цетинья, черногорской столицы, до крайнихъ пунктовъ Черногоріи, опредѣляя ихъ черногорскимъ пѣшимъ ходомъ по 5 кил. въ 1 часъ.

Считая день средняго времени года, когда можно итти 10 часовъ, безъ особенныхъ препятствій въ родѣ снѣга или вообще непогоды, чтобы достигнуть Ульцина требуется 2 дня; до соединенія Пивы съ Тарой усиленныхъ 3 дня; до крайняго пункта въ Васоевичахъ — 3 дня; на Грахово усиленный 1 день; а до крайней точки на западной границѣ (противъ Билечи въ Герцеговинѣ) еще менѣе одного дня. Отъ этого послѣдняго пункта, идя прямо на в., до края Васоевичей потребуется немного менѣе трехъ дней.

Оцѣнка границы съ точки зрѣнія ея естественности и стратегическихъ и торгово-экономическихъ условій.

Что естественныя условія принимались въ соображеніе весьма мало или даже вовсе не принимались, это видно съ перваго же взгляда.

Начавши съ устья Бояны, не повели границу рѣкой, а свернули внутрь материка, гдѣ надѣлано множество зигзаговъ. Отъ сѣвернаго берега Скадарскаго озера до Цѣвны она также отступаетъ отъ естественной линіи по высотамъ и, чтобы удержать ихъ за Турціей, отдѣляетъ села отъ ихъ угодій; далѣе также

брошена природная граница по рѣкѣ и проведена по высокому ея краю, находящемуся собственно на черногорской сторонѣ и также села отдѣлены отъ своихъ земель. Отъ Васоевичей оторвали половину ихъ единоплеменниковъ съ городомъ Беранами. А линія между Планиницей и Мокрой-планининой представляетъ такую ломанную линію, не имѣющую никакого естественнаго основанія, что въ проведеніи ея ясно усматривается желаніе, сколько возможно, испортить эту границу. Далѣе отъ Васоевичей границу можно считать естественной, потому что не дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, искусственныхъ зигзаговъ.

Въ уголкѣ при соединеніи Тары съ Пивой угнѣздилась было Австрія, но послѣ взвѣсивши трудность своего положенія при трудности сообщенія съ остальною Герцеговиной, предоставленной ея управленію, и сообразивши, что для нея важнѣе оттѣснить черногорскую границу отъ Билечи, она сдѣлала обмѣнъ. А отъ Бара она же отняла Спичъ, чтобы только не дать Черногоріи владѣть безраздѣльно цѣлымъ заливомъ.

Нужно замѣтить, что Ульцинъ съ округомъ присоединенъ къ Черногоріи въ замѣну присужденнаго ей берлинскимъ трактатомъ Плавско-гусинскаго округа, при чемъ граница должна была пройти по высочайшему на Балканскомъ полуостровѣ хребту Проклятыхъ горъ. Это сдѣлано изъ расчета и опасенія, чтобы Черногорія не заняла доминирующаго положенія противъ Печи и Призрена. Впрочемъ Турція по наущенію Австріи готова была не допустить Черногорію и къ обладанію Ульциномъ, еслибъ не энергическое настояніе Гладстона, по иниціативѣ котораго сдѣлана была общеевропейская флотская демонстрація противъ Турціи, а косвеннымъ образомъ и противъ ея тайной союзницы.

Присоединеніе же къ Черногоріи округа съ чисто арнаутскимъ населеніемъ вмѣсто обилующихъ сербами округовъ Беранъ и Плава-Гусинья, показываетъ ясно, что этнографическій элементъ также не принимался въ соображеніе при проведеніи границы; а единственнымъ руководящимъ началомъ служили со-

ображенія политическія, очевидно направленныя противъ Черногоріи.

Послѣ этого можно впередъ сказать, что въ стратегическомъ отношеніи сдѣлано все возможное, чтобы отнять у Черногоріи всякую возможность къ какому бы то ни было движенію впередъ, а ея сосѣдямъ дать всюду доминирующее положеніе.

Самую слабую сторону представляетъ конечно морской берегъ, такъ какъ Черногорія для защиты его не имѣетъ и не можетъ имѣть ни военнаго флота, ни укрѣпленій.

Далѣе, весь ульцинскій округъ представляетъ тоже весьма слабую позицію. Во-первыхъ онъ является чрезвычайно изолированнымъ, вслѣдствіе проходящаго между имъ и остальною черногорскою территоріей хребта Можуры, тогда какъ для Турціи онъ совершенно открытъ, такъ какъ отъ него идетъ все равнина и отъ Скадра весьма легко подойти на судахъ внизъ по теченію Бояны; во-вторыхъ, съ сѣвера надъ нимъ возвышаются горы, находящіяся всецѣло въ рукахъ турокъ и дающія имъ сильныя, доминирующія позиціи; и наконецъ, въ-третьихъ, весь округъ населенъ арнаутами враждебныхъ Черногоріи исповѣданій католическаго и магометанскаго.

Приведемъ по этому поводу прежде всего замѣчанія спеціалиста, полковника Н. Каульбарса, бывшаго членомъ комиссіи для разграниченія между Черногоріей и Турціей въ 1879—80 г.[1]) «Можуръ — говоритъ онъ—это скалистый хребетъ, достигающій 3000 ф. высоты[2]), начинающійся у мыса Сколіо-Круче и идущій оттуда почти въ восточномъ направленіи верстъ на 10 до глубокаго поперечнаго оврага, называемаго Берделуша. Сѣверный склонъ Можура хотя и скалистъ, но довольно пологій; южный же круто обрывается къ сторонѣ Ульцина, отъ котораго отдѣляетъ еще другая, параллельная ему, менѣе высокая гряда такого же характера. Черезъ Можуръ идетъ только одна тропа

[1]) Замѣтки о Черногоріи Спб. 1881.

[2]) Собственно—2.077.

изъ Ульцина въ Кунь. Далѣе барскій округъ граничитъ оврагомъ Берделюшей и горами Вранье-гнѣздо (2000 Ф.), Росадецъ (2000 Ф.) и Липовнякъ (до 3000 Ф.) (всѣ горы въ турецкой границѣ), составляющими контрафорсъ къ западу главаго хребта. Послѣднія горы всѣ чрезвычайно скалисты и трудно доступны. Вмѣстѣ съ Можуромъ представляютъ могущественную преграду, какъ для наступающаго съ юга, такъ и съ сѣвера. Особенно силенъ южный фронтъ этой позиціи, такъ какъ горы въ эту сторону во многихъ мѣстахъ спадаютъ совершенно недоступными обрывами, и кромѣ того изолированный конусъ Катраколъ (св. Владимиръ), возвышающійся до 2000 Ф. къ востоку отъ Враньяго гнѣзда, представляетъ весьма сильный передовой пунктъ. Отъ Катракола отдѣляется небольшая, но довольно порядочная тропа на перевалъ Росадецъ и спускается въ котловину истоковъ Мегуреда, образуемую тремя вершинами главнаго хребта: Липовнякомъ, Мрауредомъ (4.000 Ф.), Козьякомъ (3.500 Ф.) и выступающимъ къ западу Лисиномъ (4.000 Ф.)».

Все это относится къ Барскому округу, а собственно къ Ульцину относится еще слѣдующее: «Къ сѣверу чрезвычайно крутою стѣной и безъ всякихъ предгорій поднимается центральный хребетъ, оканчивающійся на берегу Бояны къ сторонѣ города Скутари вершиною Торобошъ (до 2000 Ф.); къ югу отъ главнаго хребта близъ луки р. Бояны возвышаются въ равнинѣ нѣсколько отдѣльныхъ небольшихъ холмовъ, составляющихъ весьма сильную оборонительную позицію, обращенную фронтомъ къ западу и упирающуюся правымъ флангомъ въ гору Торобошъ, а лѣвымъ въ луку Бояны. Гладкая ровная поверхность передъ фронтомъ этой позиціи, извѣстной подъ именемъ *Горичанской* (близъ села Горица), даетъ возможность сильнаго обстрѣла на большихъ разстояніяхъ, вслѣдствіе чего прорывъ въ этомъ направленіи къ сторонѣ Скутари чрезвычайно затруднителенъ. На успѣхъ аттаки можно разсчитывать только въ томъ случаѣ, если въ связи съ нею удастся завладѣть или горою Торобошъ, или же переправиться гдѣ-нибудь черезъ Бояну, ниже напр. у S. Giorgio. Да-

лѣе къ югу дульцинскій округъ разрѣзывается съ запада на востокъ нѣсколькими длинными прямолинейными хребтами, имѣющими приблизительно отъ 300—400 ф. высоты, поражающихъ своимъ чрезвычайно правильнымъ видомъ и формой. Главный изъ нихъ начинается у оврага Берделуша, круто обрывается на берегу р. Бояны, которая въ этомъ мѣстѣ значительно суживается, а потомъ продолжается на томъ берегу; очевидно, что рѣка въ этомъ мѣстѣ прорвала хребетъ. Между этими хребтами протекаетъ Мегуредъ, образуя къ юго-западу отъ Горицы небольшое озеро Шасъ».

Авторъ, видимо, смотритъ на Черногорію, какъ на нападающую, и изъ этого выходитъ, какъ будто она сильна въ оборонительномъ положеніи, чего на дѣлѣ совсѣмъ не оказывается.

Всѣ перечисленныя высоты и позиціи такъ близки къ Скадру, что могутъ быть заняты войсками при первой надобности; поэтому черногорцамъ весьма трудно оперировать противъ Скадра, тогда какъ турки весьма легко могутъ съ тѣхъ позицій обстрѣливать всю черногорскую мѣстность почти вплоть до Ульцина.

Кромѣ того Бояна, хотя и считается международною рѣкой, но, въ случаѣ надобности, можетъ быть совершенно заперта посредствомъ высоты Белая, на которой устроены уже редуты, и другой высоты, стоящей ему vis-à-vis, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка идетъ въ тѣснинѣ.

Въ Скадарскомъ озерѣ Турція и теперь держитъ два довольно большихъ военныхъ парохода, посредствомъ которыхъ можетъ дѣлать высадки и вообще оперировать противъ низкихъ береговъ, принадлежащихъ Черногоріи, тогда какъ Черногорія съ большимъ затрудненіемъ (со стороны Турціи) могла провести въ озеро паровую лодку для разъѣздовъ князя и одинъ пассажирскій пароходикъ.

Вся равнина къ югу отъ Подгорицы находится также подъ выстрѣлами съ высотъ Вранскихъ, съ Владни и Шипчаника, за которыми стоятъ еще болѣе сильныя позиціи Хума.

Далѣе граница Кучъ и Затребча, если не имѣетъ доминирующаго положенія, то можетъ быть легко защищена, такъ какъ идетъ по высотамъ, которыя трудно обстрѣливать съ противоположной стороны. Въ Васоевичахъ хотя Турція и постаралась захватить въ свои руки доминирующіе пункты, но безъ постройки на нихъ укрѣпленій это не имѣетъ никакого значенія. Открытую для нападеній мѣстность представляетъ долина р. Лима; но и тутъ непріятель можетъ только пожечь села и разграбить имущество, удержаться же на этихъ позиціяхъ невозможно, и еще труднѣе повести дальнѣйшую аттаку на Васоевичи.

Остальная часть границы до самаго сѣвернаго пункта представляетъ всѣ удобства защиты, какъ той, такъ и другой сторонъ, потому что её составляетъ страшно глубокая и круто спускающаяся долина р. Тары (мѣстами до 670 метровъ).

Совсѣмъ другое представляетъ граница западная.

Тутъ идущее рядомъ Гацкое-поле, тянущееся приблизительно на 15 кил., все покрыто австрійскими укрѣпленіями, между которыми Аптовацъ представляетъ мѣсто для наибольшаго сосредоточенія войскъ со множествомъ запасныхъ магазиновъ, съ казармами и госпиталями. Близко къ черногорской границѣ находится обращенное въ укрѣпленіе помѣстье Ченгичей Липникъ, откуда по весьма легкому подъему можно выйти на Равное (въ Черногоріи), а не подалеку самаго Равнаго, на одной съ нимъ высотѣ, находятся сильные австрійскіе редуты въ мѣстѣ, называемомъ Дробняцкій-гробъ. Съ Равнаго же легко пройти на Горанско (главный пунктъ въ Пивѣ), или черезъ Голію въ обходъ Крстца къ Никшичу. Южный край Гацка съ цѣлою группою укрѣпленій также угрожаетъ Крестцу.

Отъ весьма крѣпкихъ позицій на Коритахъ такъ же легко, какъ и съ Равнаго, пройти въ Рудину и Баняны; туда же ведетъ путь и отъ Билечи; а также легко можно пройти оттуда и въ Никшичъ или въ Катунскую-нахію.

Грахово-поле нисколько не защищено со стороны Кривошій, въ настоящее время обращенныхъ въ твердый военный лагерь

со множествомъ укрѣпленій. Поддержкою этимъ укрѣпленіямъ служитъ крѣпость Клобукъ [1]).

Остальная граница проходитъ по высотамъ или подъ ихъ защитою, такъ что всякое предпріятіе съ той стороны противъ Черногоріи не можетъ обойтись непріятелю безнаказанно, какъ бы онъ многочисленъ ни былъ. Поэтому построенныя вдоль этой границы австрійскія крѣпости хотя и могутъ обстрѣливать Черногорію на значительное разстояніе внутри ея, но обстрѣливающему не могутъ принести пользы никакой. Такъ, укрѣпленія въ Кривошіяхъ на Вельемъ-верхѣ могутъ бросать снаряды по всей дорогѣ, ведущей отъ Грахова къ Цетинью черезъ всѣ Цуцы и до Цекличей; но это не можетъ помѣшать проходу черногорцевъ гораздо ближе къ границѣ, гдѣ защитою служитъ крайне скалистая мѣстность; какъ это и было во время возстанія Кривошіянъ въ 1882, когда снаряды изъ этихъ укрѣпленій падали далеко внутрь черногорской территоріи, а Кривошіяне держались подъ самою этою высотой между скалъ и безпрестанно дѣлали вылазки противъ австрійцевъ, причемъ успѣвали не только убивать солдатъ, но и обезглавливать. При концѣ этой сухой границы съ Врсуты можно мѣшать сообщенію Цермницы съ Баромъ.

Для полноты приведемъ сужденіе по тому же предмету еще одного спеціалиста, бывшаго въ одно время съ г. Каульбарсомъ въ делимитаціонной комиссіи со стороны Италіи, полковника генеральнаго штаба G. Ottolenghi [2]).

---

[1]) Г. Каульбарсъ считаетъ весьма затруднительнымъ проходъ отъ Рисня на Грахово, въ томъ расчетѣ, вѣроятно, что между Риснемъ и Граховымъ въ то время жили еще Кривошіяне, всегда болѣе склонные къ Черногоріи, чѣмъ къ Австріи; а теперь дѣло стоитъ совсѣмъ иначе: Кривошіяне всѣ почти выселились оттуда; а ихъ мѣста заняты укрѣпленіями, казармами и другими постоянными или временными жилищами солдатъ, а всюду притомъ проведены дороги, по которымъ съ полнымъ удобствомъ могутъ проходить не только войска, но и тяжелая артиллерія. Границу же отъ Оріена до Пивы онъ считаетъ также неприступною, видимо, незнакомый съ нею лично.

[2]) Il Montenegro prima e dopo il trattato di Berlino. Roma. 1881 г.

Описавъ всю границу Черногоріи и считая ее вполнѣ удовлетворительною для обороны, онъ дѣлаетъ такое общее заключеніе: «Черногорія, обладая благопріятными условіями топографическими, обладая геройскимъ духомъ своего народа, обладая возвышеннымъ чувствомъ патріотизма, который его воодушевляетъ и внушаетъ ему гордость, не допускающую чужого господства, — всегда сумѣетъ защитить свою территорію. Но съ другой стороны, пока существуютъ современныя отношенія, она сама вслѣдствіе необходимости должна отбросить всякую надежду подать руку или внять голосу своихъ братьевъ, словянъ Герцеговины или новобазарскаго санджака. Линія Прѣпольe-Митровица, идущая клиномъ между Черногоріей и Сербіей, служитъ также основаніемъ военно-политической границы, санкціонированной берлинскимъ трактатомъ».

Оттоленги, какъ мы видимъ, считаетъ границы Черногоріи съ точки зрѣнія обороны вполнѣ удовлетворительными; но смотря на Черногорію, какъ на недоконченную еще политическую индивидуальность, онъ разсматриваетъ положеніе ея съ точки зрѣнія способности къ дальнѣйшему расширенію или округленію границъ и принимаетъ въ соображеніе ея освободительную миссію по отношенію къ ея соплеменникамъ и единовѣрцамъ въ Герцеговинѣ и Старой Сербіи. Въ этомъ случаѣ онъ приходитъ къ отрицательному рѣшенію вопроса: миссію эту онъ считаетъ оконченною и при этомъ указываетъ на созданную противъ всякаго шага Черногоріи впередъ военную линію Прѣполье-Митровица.

Другой иностранецъ, изучавшій всесторонне Черногорію и написавшій объ ней весьма солидную книгу, Б. Шварцъ[1]) останавливаетъ вниманіе на томъ же вопросѣ и рѣшаетъ его, на первый взглядъ, иначе, чѣмъ Оттоленги.

Объясняя расширеніе Черногоріи, котораго она уже достиг-

---

[1]) *Dr. Bernhard Schwarz* — Montenegro. Schilderung einer Reise durch das Innere nebst Entwurf einer Geographie des Landes. Leipzig. 1883.

ла, необходимостью, такъ какъ ея существованіе въ прежнихъ предѣлахъ было невозможно, и признавая, что даже и въ настоящій моментъ она не имѣетъ естественныхъ, необходимыхъ ей границъ, г. Шварцъ отклоняетъ всякую аспирацію Черногоріи на счетъ смежной Бокки, а также и на счетъ Герцеговины; но взамѣнъ этого указываетъ Черногоріи на югъ.

«Будущее, жизнеспособность этого маленькаго государства — говоритъ онъ — неоспоримо зависитъ не отъ распространенія его на сѣверъ, гдѣ опять тянутся хребты на хребтахъ, а отъ обладанія обширною низменностью на югѣ и помѣщающимся тамъ, соединеннымъ съ моремъ Скадарскимъ озеромъ. На это указываетъ и склоненіе въ эту сторону высокаго плато; и кто желаетъ Черногоріи добра, тотъ не можетъ ей дать лучшаго совѣта, какъ *перенести пунктъ своего тяготѣнья на югъ*. Цѣлое Скадарское озеро и вся Бояна должны принадлежать Черногоріи, потому что они необходимы для ея существованія и вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежатъ по природѣ рѣчной области этой страны. Но, чтобы по возможности пощадить Турцію, нужно отъ этихъ обоихъ водяныхъ-объектовъ (Wasserobjekten) прирѣзать отъ той стороны площадь только самую необходимую». (стр. 370—71).

Соглашаясь на такое расширеніе Черногоріи, авторъ очевидно выводитъ это не изъ оцѣнки границы, которая давала бы Черногоріи какіе-нибудь шансы на подобную прирѣзку изъ чужой территоріи, ни изъ исторической необходимости или по причинамъ этнографическаго свойства, а единственно изъ необходимости этого для Черногоріи, какъ онъ далѣе разъясняетъ, ради ея существованія. Точно такъ же онъ отбиваетъ всякія аспираціи Черногоріи на Бокку, мотивируя это тѣмъ, что она необходима Австріи для удержанія господства на Адріатическомъ морѣ. Но отняли же у Австріи Венецію съ Ломбардіей, которыя ей также были необходимы для господства на Аппенинскомъ полуостровѣ! У Черногоріи однажды вырвали изъ рукъ Бокку, а потомъ Герцеговину, которую она отвоевала у Турціи, и ее же от-

тѣснили отъ Старой Сербіи, гдѣ была бы самая естественная граница.

Такія сужденія заставляютъ насъ принять въ соображеніе не только границу, фактически установленную, но и тотъ смыслъ или цѣль, съ которыми она установлялась въ виду будущаго развитія и политической роли государства.

Санстефанскій договоръ очевидно шелъ на то, чтобы не только поднять Черногорію на степень политической жизнеспособности; но и открыть ей путь къ дальнѣйшему политическому росту и развитію, чтобы она могла играть роль, какъ самостоятельная политическая единица, а не отдаваться на милость своего сильнаго сосѣда и на произволъ судьбы, какъ то совѣтуетъ ей г. Шварцъ[1]).

Совсѣмъ иначе отнесся къ ней берлинскій трактатъ, не только сузившій до minimum'а ея территоріальное расширеніе, но и ограничившій, сколько было возможно, ея политическую правоспособность.

Таковымъ является 29 § трактата, относящійся къ Бару съ прилегающею территоріей, и морю, которымъ надѣлили Черногорію.

«Черногоріи—гласитъ онъ—предоставляется полная и совершенная свобода плаванія по Боянѣ. По всему теченію этой рѣки не должно быть воздвигаемо никакихъ укрѣпленій, исключая необходимыхъ для защиты мѣстности Скадра, которыя однако не должны простираться на разстояніе болѣе 6 километровъ отъ этого города (а Горичанскія позиціи и Белай на Боянѣ находятся болѣе чѣмъ на 10 кил. отъ него). Черногорія не можетъ имѣть ни военныхъ судовъ, ни военнаго флага.—Портъ Баръ и всѣ воды Черногоріи должны быть закрыты для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Укрѣпленія, расположенныя между озеромъ (Скадарскимъ) и морскимъ берегомъ на черногорской территоріи, должны быть уничтожены, и не могутъ быть воздвигаемы но-

[1]) Ibid. стр. 368 и 470.

выя въ этой полосѣ. Обязанность морской и санитарной полиціи, какъ въ Барѣ, такъ и вдоль всего черногорскаго берега, вершить Австро-Венгріи посредствомъ легкихъ судовъ garde-côtes.—Черногорія должна принять морскіе законы, дѣйствующіе въ Далмаціи. Съ своей стороны Австро-Венгрія принимаетъ на себя (обязанность) оказывать консульское покровительство торговому флагу Черногоріи.—Черногорія должна будетъ входить въ соглашеніе съ Австро-Венгріею относительно постройки и поддержки на новой черногорской территоріи простой и желѣзной дороги. На этихъ дорогахъ должна быть обязпечена полная свобода сообщенія».

Весьма основательныя возраженія противъ этого параграфа представляетъ Б. Брунсвикъ въ его сочиненіи о берлинскомъ трактатѣ.[1])

«Можно ли—возражаетъ онъ—называть независимымъ маленькое государство, которое не имѣетъ права вооружать свою границу, наиболѣе беззащитную, ни оберегать свои берега посредствомъ судовъ, обычно для того предназначаемыхъ, маленькое государство, морская полиція котораго обязательно отдается въ руки сосѣдней державы и которое безъ согласія этой державы не можетъ построить на своей собственной территоріи ни обыкновенной ни желѣзной дороги?»

Стремленіе довести политическое право Черногоріи до возможнаго minimum'а проявляется и въ §§ 31 и 2, разъясненіе чего находится у того же автора (стр. 132 и 133). Обратимся теперь къ торговому значенію новыхъ границъ Черногоріи, съ которымъ неразрывно связано экономическое развитіе и вообще матеріальное благосостояніе страны.

Въ этомъ отношеніи мы должны принять въ соображеніе средства сообщенія внутри страны и черезъ границу.

Въ первомъ случаѣ присоединеніе къ Черногоріи частей Скадарскаго озера и р. Бояны и свободное плаваніе по этимъ во-

[1]) Le Traité de Berlin, annoté et commenté par Benoit Brunswick. Paris. 1878. стр. 129—130.

дамъ на всемъ ихъ протяженіи открываетъ самое удобное сообщеніе цѣлой южной окраинѣ Черногоріи съ Подгорицей, къ которой радіусами сходятся сухопутныя дороги отъ Никшича, Пивы, Дробняковъ, Васоевичей, Морачи, Кучей или, короче говоря, всей сѣверной и восточной Черногоріи;—съ Подгорицей, которая когда-то вслѣдствіе такого своего естественнаго положенія была центромъ цѣлаго Зетскаго государства, уступивши потомъ эту роль по отношенію къ Нижней-Зетѣ Скадру. Въ свою очередь только присоединеніе къ Черногоріи Подгорицы обезпечило прочную связь Пиперъ, Кучъ и Васоевичей съ остальными черногорскими провинціями, связь, необходимую не только для политическаго единства, но и для экономическаго обмѣна матеріальными богатствами.

Въ томъ же смыслѣ чрезвычайно важно присоединеніе къ Черногоріи и Никшича съ его окрестностью.

Вообще для внутренняго сообщенія и обмѣна произведеній Черногоріи имѣютъ важное значеніе пріобрѣтенные ею новые рынки Никшичъ, Подгорица и Колашинъ.

Для внѣшней торговли конечно прежде всего имѣетъ значеніе море и находящіяся въ немъ двѣ бухты Баръ и Ульцинъ, и пріобрѣтеніе вмѣстѣ съ тѣмъ небольшого торговаго флота въ составѣ 140 судовъ, начиная отъ большихъ барокъ, въ нѣсколько тоннъ, служащихъ для каботажа, и до стотонныхъ и болѣе судовъ, которыя плаваютъ по всему Адріатическому морю, а также и по Средиземному до сѣверныхъ береговъ Африки и по всему Эгейскому морю до Константинополя и Малой-Азіи; а иногда заходятъ и въ Черное море. Съ другой стороны такую же роль играетъ и р. Бояна.

Барская пристань, въ которую по одному разу въ недѣлю заходятъ пароходы Австрійскаго Лдойда, идущіе изъ Тріеста и обратно изъ портовъ Греціи и Турціи, покуда оказываютъ вліяніе только на необширный районъ Бара и Ульцина, тогда какъ остальная Черногорія ведетъ свои заграничныя торговыя сношенія исключительно черезъ Которъ или Рисанъ. Но съ построй-

кой дороги отъ Бара къ Скадарскому озеру у Вирбазара (въ Цермницѣ), на половину уже доконченной, для Подгорицы будетъ удобнѣе вести свою торговлю черезъ Баръ: Подгорица же, какъ мы уже замѣтили выше, составляетъ торговый центръ для половины, если не болѣе, Черногоріи. Если же въ Барѣ устроится портъ, то онъ составитъ сильную конкурренцію не только Котору, но и турецкой пристани San-Giovano-di Medua, черезъ который получаетъ товары Скадаръ; потому что разстояніе отъ той пристани до Скадра дальше, чѣмъ отъ Бара.

До сихъ поръ впрочемъ Черногорія находится, въ торговомъ отношеніи, въ полной зависимости отъ Австріи, такъ какъ ея пароходы, которые единственно заходятъ въ барскую пристань, касаются только австрійскихъ береговъ на Адріатическомъ морѣ. Въ видахъ освободиться отъ этой зависимости Черногорія и заключила торговые договоры съ Англіей и Италіей; но и это покуда не принесло никакой пользы, и потому въ послѣднее время она опять озабочена пріобрѣтеніемъ собственнаго своего морского парохода, который бы касался и береговъ Италіи, куда и теперь Черногорія сбываетъ свой скотъ, нанимая спеціально для того пароходы итальянскіе или англійскіе.

Бояной вверхъ покуда провозится только соль; а внизъ за границу идетъ сумакъ (rhus cottinus) и рыба, на сумму приблизительно до 200.000 флор. Но Скадарское озеро начинаетъ уже оживляться.

Пущенный недавно по немъ черногорскій пассажирскій пароходикъ имѣетъ столько работы, что та же компанія намѣревается завести и другой спеціально для грузовъ.

Сухупутною границей Черногорія приблизилась къ Печи (8 часовъ хода), никогда неистощимой житницы, откуда въ неурожайные годы Васоевичи снабжаются хлѣбомъ. Андріевица (въ Васоевичахъ) и Колашинъ находятся первая въ 10-ти-часовомъ, а второй въ 8-ми-часовомъ разстояніи отъ Бѣлаго-поля, черезъ которое въ непродолжительномъ времени должна пройти желѣзная дорога отъ Сараева къ Митровицѣ, а часть ея между

Митровицей и Солуномъ уже дѣйствуетъ, и еще одна вѣтвь пройдетъ до Цареграда.

Западная граница находится въ разстояніи 3 часовъ отъ Требинья, отъ котораго въ свою очередь только 4 часа до Дубровника.

Такое приближеніе границы къ торговымъ рынкамъ и желѣзной дорогѣ, хотя бы они находились и внѣ Черногоріи, должно благодѣтельно дѣйствовать на матеріальное развитіе ея окраинъ, тѣмъ больше, что чрезвычайно гористое ея строеніе дѣлаетъ крайне затруднительнымъ всякое внутреннее сообщеніе, а проведеніе всюду усовершенствованныхъ путей, какъ желѣзная дорога, для маленькой Черногоріи надолго можно считать неосуществимою мечтою.

Къ сожалѣнію, въ данный моментъ всѣ выгоды положенія черногорской границы парализуются крайне ненормальными отношеніями Черногоріи къ ея сосѣдямъ. Австрія намѣренно ставитъ препятствія всякому общенію Черногоріи съ Босніей и Герцеговиной; а сосѣднія провинціи, Старая Сербія и Албанія находятся вѣчно въ революціонномъ состояніи, благодаря вообще неурядливости турецкаго правительства, причемъ не только не можетъ быть ничего предпринято сообща въ виду обоюдныхъ народныхъ интересовъ, но даже нѣтъ обезпеченности ни личной, ни имущественной.

ВЕРТИКАЛЬНОЕ РАСЧЛЕНЕНІЕ ПОВЕРХНОСТИ.

(Орографія.)

Къ какому типу горныхъ странъ отнести Черногорію?

Черногорія вся почти лежитъ на продолженіи Динарскихъ альпъ, держась того же (ю.-восточн.) направленія и принадлежа по геологической формаціи *карсту;* только приблизившись къ Черногоріи и внутри ея, они достигаютъ наибольшей высоты.

Такъ высочайшія вершины ихъ въ Далмаціи, какъ Динара (1810 м.), Свето-брдо въ хребтѣ Велебичѣ (1750 м.), Біоково (1760 м.), уступаютъ такимъ высотамъ, какъ Оріенъ (1900 м.)[1]), Войникъ (1960 м.) и другія, между которыми, какъ увидимъ ниже, многія превышаютъ 2000 м. и равныхъ которымъ по высотѣ нѣтъ въ цѣлой Босніи, ни въ Герцеговинѣ.

Останавливаясь прежде всего на вопросѣ, къ какимъ странамъ по орографическому характеру причислить Черногорію, мы обратимся къ упомянутому уже нами выше сочиненію г. Шварца, въ которомъ резюмированы результаты относительно этого вопроса всѣхъ предшествовавшихъ изслѣдователей. Онъ различаетъ въ ней двѣ половины — западную и восточную: первую причисляетъ къ высокимъ плато, а вторую называетъ высокою горною страною; и границею между ними принимаетъ долину р. Зеты. Названіе первой онъ объясняетъ тѣмъ, что «она относительно представляетъ весьма мало уклоненій отъ горизонтальной линіи, какъ позитивной — вершинъ, такъ и негативной — долинъ» (стр. 375), колеблясь между 1000 и 600 метрами и понижаясь къ югу, а на западномъ краю поднимаясь до 1706 м. и имѣя притомъ по срединѣ возвышенія въ видѣ острововъ, тоже уменьшающіяся числомъ и высотой (стр. 377).

Совсѣмъ иной характеръ представляетъ восточная половина, гдѣ обозначаются ясно опредѣленныя системы горъ, которыя г. Шварцъ называетъ массивами.

Притомъ вся страна возвышается по мѣрѣ удаленья ея отъ моря къ сѣверу и сѣверо-востоку.

Не пускаясь въ разборъ того, какое названіе болѣе соотвѣтствуетъ странѣ по ея высотѣ и рельефу, мы приведемъ только главныя данныя относительно того и другого.

Разница между обѣими половинами по абсолютной высотѣ выражается слѣдующими данными: въ западной половинѣ ни одна изъ высотъ не достигаетъ 2000 м., тогда какъ въ восточной

[1]) Эти высоты мы показываемъ по нѣмецкой картѣ Киперта 1885 г.; а далѣе по измѣреньямъ русскаго геодезиста.

есть много вершинъ, которыя превосходятъ эту высоту. Такъ въ западной половинѣ высочайшія вершины имѣютъ абсолютную высоту въ метрахъ: Оріенъ — 1867, Штировникъ — 1723, Румія — 1569, Пустой-Лисацъ — 1448 и Гарачъ (на восточной окраинѣ этой половины) — 1423; а въ восточной: Дурмиторъ — 2483, Комъ — 2448, Магличъ — 2419, Столъ (въ Морачѣ) — 2232, Яблоновый-верхъ (въ Синявиной) — 2168, Виситоръ — 2174, Жійова — 2099 и т. д.

Соотвѣтственно этому идетъ разница въ высотѣ равнинъ и долинъ. На одной сторонѣ лежатъ — Нѣгуши на высотѣ 645 м., Цетинье — 638, Грахово еще ниже; Подгорица около 30, Рѣка — 15, Даниловградъ — около 40; на другой — Никшичъ — 652, Колашинъ — 933, Горанско (въ Пивѣ) около 1000; Равное около 1050; лежащій въ глубокой долинѣ Пивскій монастырь около 650, а еще ниже соединеніе Пивы съ Тарой 374 м.; равнина Езеръ лежитъ на высотѣ приблизительно 1200 м. Принимая среднюю цифру между высотою Цетинья и Езеръ, т. е. между 638 м. и 1200 м., мы получимъ среднюю высоту черногорскихъ плато въ 919 м. или болѣе 3000 рус. ф. Какъ высокое плато, слѣдовательно, Черногорія абсолютною высотою значительно превосходитъ всѣ плато въ Европѣ, между которыми Испанское имѣетъ 2190 парижскихъ футовъ, Швейцарское — 1380, Баварско-швабское — 1350.

Крестецъ (Крстац), составляющій перевалъ между Которомъ и Цетиньемъ, имѣетъ болѣе 800 м. абсолютной высоты, а объ относительной высотѣ даетъ понятіе то, что такой высоты вы достигаете въ разстояніи отъ моря по воздушной линіи не болѣе 5 километровъ. Можно поэтому судить, какими гигантами смотрятъ Штировникъ, Ловченъ (Езерскій-верхъ) и Румія, отстоящія по прямой линіи отъ моря въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тоже не болѣе, какъ на 7—8 килом.

Чтобъ имѣть понятіе о рельефѣ цѣлой Черногоріи, приведемъ нѣсколько данныхъ, выражающихъ разницу между равнинами и стоящими надъ ними высотами.

Цетинская равнина обставлена кругомъ высотами, составляющими какъ бы высокій и крутой берегъ озера, достигающими среднимъ числомъ 100 до 150 метровъ. Стоящее на самомъ краю въ нижнемъ ея концѣ (на югѣ) Диново-брдо возвышается надъ равниной на 185 м.; нѣсколько удаленнѣе — Добрштакъ 276 м., Цеклинштакъ — 183 м.; а на разстояніи по воздушной линіи приблизительно 9 килом. Ловченъ — 993 м. Ближайшая надъ Нѣгушами высота Мравьяникъ имѣетъ 672 м. относительной высоты, а удаленный на 5—6 кил. Штировникъ — 1078. Ставоръ и Пустой-Лисацъ возвышаются надъ лежащими у ихъ подошвъ Кчевомъ, Цуцами, Цекличами и Бѣлицами отъ 500 до 900 м. Еще глубже лежатъ Команы, часть Загарча и большая часть Лѣшанской-нахіи подъ Ставоромъ же, Дебелякомъ, Гарчемъ и др. Подъ Добрштакомъ и Цеклинштакомъ лежатъ Добрское-село и Цеклинъ въ глубинѣ отъ 300—500 м.; въ такомъ же приблизительно отношеніи находятся высоты Свинштикъ, Осминъ, Виранская-капа надъ равниною Люботинской; Высота Костадинъ на 478 м. возвышается надъ долиною Рѣки — Черноевича, а Края Цермницы возвышаются надъ равниною 600—1000 м. (Лонацъ въ Суторманѣ 1163 м.); Лисинъ и Румія возвышаются надъ низменностью Бара отъ 1300—1500 м.; Мажура-планина высится надъ равниной Мркоевичей на 200, а надъ Ульциномъ болѣе 600 м.

Слѣдовательно, среднее возвышеніе горъ надъ находящимися между ними высокими равнинами можно принять отъ 500 до 900 м. или отъ 1640 до 2852 англ. ф. Такая разница на разстояніяхъ, весьма короткихъ отъ 3—9 кил., не соотвѣтствуетъ уже названію *плато*, а скорѣе отвѣчаетъ горной странѣ.

Восточная половина, какъ по абсолютной высотѣ, такъ и по характеру горъ, можетъ быть названа *альпійскою страною*.

Въ этой части намѣтимъ также нѣсколько пунктовъ, по которымъ можно составить себѣ понятіе о ея высотѣ и рельефѣ.

Здѣсь надъ Никшицкою равниной возвышаются прямо на краю: на юго-востокѣ Острогъ на 491 м., на югѣ Будошъ на

544, на западѣ Кита на 573; на сѣверо-западѣ Злагора 785; на сѣверѣ въ значительномъ отдаленіи (до 25 кил.) Войникъ 1046 м. и на востокѣ Прекорница 1241 м. Надъ Ноздрами въ Дугѣ, имѣющими 1319 абсол .выс., Шишманъ возвышается на 160 м., Нѣгошъ 279 м., Сомина — 260 м., Голія — 594; а сами Ноздри надъ Никшичемъ 767; весь же проходъ, носящій названіе Дуги, имѣетъ среднюю высоту относительно Никшича около 500 м.

Отмѣтимъ здѣсь постепенное общее поднятіе къ сѣверу.

Надъ Горанскомъ (въ Пивѣ), имѣющимъ приблизительно до 750 м. абсол. выс., возвышаются на юго-западѣ Леденицы на 163 м., на сѣверо-западѣ въ разстояніи приблизительно 15 кил. Острый-Кукъ 1550 м.; на сѣверѣ вблизи Кручица 1450 м.; къ сѣверо-востоку подъ Дурмиторомъ Буручковацъ 1363 м., а дальше Дурмиторъ 1733 м.

Вся эта мѣстность отъ Горанска къ сѣверу до соединенія рр. Пивы и Тары составляетъ одно высокое плато, раздѣляемое р. Пивой на такъ называемыя Жупу и Планину, а далѣе два небольшихъ поперечныхъ хребтика образуютъ двѣ Церквицы— Верхнюю и Нижнюю. Высота этихъ равнинъ такова, что стоящія на нихъ отдѣльныя горы, какъ Еленакъ, имѣющій 1740 м. абсол. выс. (на 17 м. выше Штировника), представляется не выше Динова-брда надъ Цетиньемъ.

Такъ же высоко и даже еще выше плато Езеръ на сѣверо-восточной сторонѣ Дурмитора.

По всей этой мѣстности къ сѣверу, западу и югу отъ Пивскаго-плато идутъ отдѣльныя высокія равнины: на сѣверѣ подъ Магличемъ Вучево, Крушево и Брлево; на сѣверо-зап. Равное; къ югу Брезны (на сѣверной сторонѣ хребта Яворка), а на южной Липовая-ровань, Ясеновое-поле, и еще далѣе къ востоку Вучье и Крново и ближе къ Никшичу Луково.

На западъ отъ Нишича вся мѣстность представляетъ сплетеніе высотъ, между которыми находятся только небольшія равнинки, или вѣрнѣе котловины. Это Рудины (Никшицкія), Баняны

и Опутная-рудина, имѣющія склонъ на западъ къ долинѣ р. Требишницы. На сѣверѣ и сѣверовостокѣ возвышаются надъ ними Троглавъ и упомянутыя выше Сомина (1579 м. абс. в.), Нѣгошъ (1698); на юговостокѣ и югѣ Церовица, Пустой-Лисацъ (1448 м.), на юго-западѣ Стражиште (1225 м.), а посрединѣ невысокое, плоское и широкое возвышеніе Объяй (1155 м.).

Весь восточный уголъ представляетъ собою чисто альпійскую страну, среди которой возвышается Комъ (2448 м.) съ цѣлою системою горъ и долинъ, весьма глубокихъ, но въ то же время широкихъ, съ богатымъ орошеніемъ и роскошною растительностью. Обширныхъ плато, какъ въ системѣ Дурмитора, здѣсь нѣтъ; а всюду идутъ горы съ широкими хребтами, надъ которыми высятся отдѣльныя вершины, какъ Виситоръ (2174 м.), Сѣкирица (1957 м.), Турія (1821 м.), Лысая (1846 м.), Ключъ (1898), Острвица (1739 м.) и т. д.

Къ юго-западу отъ Кома опять тянется высокое горное плато, круто спускающееся къ долинѣ р. Цѣвны, составляющей какъ бы гигантскую трещину между этимъ плато и высокою цѣпью горъ Проклятыхъ (2643 м.). Плато это, именно такъ называемое Кучское-повершье, имѣетъ около 1000 м. абс. выс., а надъ нимъ возвышаются Жійова на 1099 м., Хумъ-ораховскій на 804 м., Сукъ-грудскій на 196 м. и др. Рѣзкій контрастъ эта высокая страна представляетъ по отношенію къ Подгорицкой равнинѣ, имѣющей только 35 м. абс. в.

Середину Черногоріи занимаетъ чрезвычайно высокая горная страна, среди которой находится одно обширное плато Лукавица, имѣющая приблизительно около 1300 м. абс. высоты; а вокругъ нея стоятъ горы—Маганикъ (2018 м. абс. в.), Лола (неопредѣл.), Прекорница (1893 м.), Лисацъ (1538 м.), Лукаличело (2016 м.),[1]) Лебершникъ (1824 м.) и др. Вслѣдствіе слишкомъ высокаго положенія вся эта мѣстность необитаема: она только во время лѣта, и то весьма не на долго (мѣсяца на два),

[1]) Такого названія на мѣстѣ я не нашелъ; вѣроятно, испорчено.

населяется пастухами съ ихъ стадами. Къ долинѣ Зеты это плато обрывается весьма круто, не спуская къ ней ни одной значительной долины; только къ Никшицкой равнинѣ выдѣляется значительная долина р. Грачаницы или, такъ называемая, Никшицкая-Жупа. На сѣверѣ её ограничиваетъ чрезвычайно высокій кребетъ Яворье, изъ котораго вытекаетъ р. Морача. Съ той стороны находятся Морача и Ровцы, гдѣ живутъ два племени въ страшно глубокихъ и тѣсныхъ долинахъ, какихъ нѣтъ нигдѣ въ остальной Черногоріи. Съ восточной стороны отъ Маганика тянется горная цѣпь къ югу, въ которой находятся хребты Каменикъ (1758 м.) и Бротьникъ (1537 м.). На высокой равнинѣ къ западу отъ Бротьника, а также на его склонахъ къ югу и востоку пріютилось племя Пиперы. У подножія этого плато съ восточной стороны въ чрезвычайно глубокой и крутой долинѣ течетъ р. Морача; а за нею еще небольшое горное плато, занимаемое племенемъ Братоножичей, въ сѣверной части котораго высится Вѣтерникъ (1263 м.).[1])

Въ подробностяхъ можно составить себѣ понятіе о рельефѣ Черногоріи изъ прилагаемой ниже таблицы высотъ, опредѣленныхъ капитаномъ топографовъ Борщанскимъ въ 1878—79 гг.

Перечисливши всѣ главныя высоты, которыми обрисовывается рельефъ страны, мы должны показать планъ и систему, въ которой онѣ группируются. Это весьма нелегко. И многіе путешественники съ перваго уже раза объявляютъ, что въ расположеніи горъ Черногоріи нѣтъ никакого плана, и потому нѣтъ возможности распредѣлить ихъ по какой-нибудь системѣ.

Г. Шварцъ впрочемъ остается при этомъ взглядѣ только относительно западной половины Черногоріи; въ восточной же и онъ находитъ нѣкоторую правильность и соединяетъ горы въ нѣсколько группъ, которыя называетъ массивами. Именно, онъ находитъ 4 такихъ массива: 1-й центральный между Зетой и Мо-

[1]) На сѣверозападѣ это плато сливается съ равнинами Вучье, Крново и др., объ которыхъ мы уже говорили.

рачей; 2-й къ востоку отъ него между Морачей и Тарой; 3-й крайнемъ востокѣ между Тарой и Лимомъ, и 4-й къ сѣверу и сѣверовостоку отъ этихъ массивовъ между Тарой и Пивой.

Не входя въ подробный разборъ такой группировки, который мы представили отдѣльно, замѣтимъ только, что принятая г. Шварцемъ группировка горъ по рѣчнымъ системамъ нераціональна и потому можетъ привести къ весьма грубымъ ошибкамъ. Очень часто можно встрѣтить, что одна и та же горная цѣпь тянется по ту и другую сторону рѣки, какъ это мы видимъ у насъ въ Жегуляхъ на Волгѣ; все равно какъ нѣтъ никакого раціональнаго основанія разсматривать, какъ нѣчто отдѣльное, степи, лежащія по ту и по другую стороны Волги, которая своимъ теченіемъ разрѣзываетъ одну и ту же, составляющую одно цѣлое, Прикаспійскую низменность. Г. Шварцъ, отдѣливъ массивъ Морача-Тара отъ массива Тара-Лимъ, отдѣлилъ Лѣвую рѣку (часть Васоевичей), имѣющую самую тѣсную связь съ Комомъ, и соединилъ съ Братоножичами, съ которыми не имѣется ничего общаго ни въ направленіи, ни въ контрукціи, ни въ геологическомъ составѣ горъ. Подобное же мы находимъ и въ остальныхъ намѣченныхъ имъ группахъ. Рѣки въ цѣломъ составѣ могутъ служить только показателемъ склоновъ и отчасти главнаго, общаго направленія горъ; во всемъ же остальномъ онѣ находятся въ полной зависимости отъ горъ, а не наоборотъ. Ими обозначается вопервыхъ общая высшая точка, лежащая въ срединѣ Черногоріи, откуда всѣ воды стекаютъ къ сѣверу и къ югу; именно всѣ сѣверные истоки соединяются внѣ Черногоріи; а южные всѣ сливаются въ Скадарское озеро, изъ котораго потомъ р. Бояной выводятся въ Адріатическое море. При этомъ направленіе ихъ варіируется по тремъ главнымъ радіусамъ: Зета течетъ на ю.-в., Морача почти прямо на ю., а Цѣвна—на ю.-з. Изъ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ, Тара идетъ совершенно параллельно Зетѣ съ ю.-в. на с.-з.; въ верхнемъ теченіи того же направленія держится и Пива, и, смотря на карту, вы увидите, что это составляетъ въ то же время главное направленіе въ расположеніи горъ.

Такая общность направленія горъ и рѣкъ даетъ намъ въ руки путеводную нить при отысканіи общаго плана въ расчлененіи цѣлой поверхности Черногоріи.

Усмотрѣвъ главное направленіе съ с.-з. на ю.-в., мы прежде всего обращаемъ вниманіе на долину р. Зеты, которую всѣ принимаютъ за раздѣленіе Черногоріи на двѣ половины, якобы рѣзко отличающіяся одна отъ другой, какъ по внѣшнему виду поверхности, такъ и по внутреннему строенію. Эта линія дѣйствительно чрезвычайно характерна. Ставъ на Планиницѣ (гора между Никшичемъ и Острогомъ) и смотря внизъ по долинѣ Зеты, вы увидите, что идущія съ лѣвой стороны въ видѣ отвѣсныхъ стѣнъ Острожскія-гряды тянутся къ ю.-в. будто по шнуру и, миновавъ Спужъ, оканчиваются, упершись въ поперекъ текущую Морачу, въ Пиперахъ, гдѣ и самая мѣстность эта называется— Стѣна. Смотря далѣе черезъ Морачу, вы встрѣчаетесь также со стѣною, идущею надъ Сѣницей и Фунданой (въ Кучахъ) на той же самой линіи и упирающеюся въ края Цѣвны. Вся эта линія имѣетъ протяженія приблизительно до 40 кил.

По другую сторону Никшича идетъ совершенно въ томъ же направленіи Дуга или Дужскій проходъ, упирающійся въ равнину Гацко и имѣющій протяженія около 45 кил. Никшицкая равнина составляетъ, какъ бы углубленное расширеніе той же трещины, и потому, считая вмѣстѣ и её, мы получимъ цѣлую эту линію приблизительно болѣе 100 кил. Высшій пунктъ составляютъ Ноздри въ Дугѣ (1319 м.), откуда можно видѣть Острогъ и по немъ оріентироваться въ направленіи, такъ какъ отъ нихъ идетъ скатъ къ Никшичу и къ Гацку.

Внѣ Черногорской границы идетъ также лощина въ направленіи нѣсколько уклонившемся къ западу: въ ней находятся расширенія Гацко и Невесинское поле, и по ней же идетъ главная дорога до Мостара, приблизительно тоже до 100 кил.

Составляющіе края Дуги хребты всѣ идутъ въ томъ же юго-восточномъ направленіи. Таковы: съ одной стороны — Сомина и Нѣгошъ; съ другой — Добрелица, Голія и Шишманъ. За этими

послѣдними идетъ еще ложбина въ томъ же направленіи. Въ ней находятся такъ называемое Равное, затѣмъ Смречно, Горанско, Мильковцы, Байово-поле, Верхнее и Нижнее-Брезны, упирающіяся въ р. Пиву у сѣверной подошвы Войника. Между Войникомъ и Шишманомъ въ видѣ перемычки находится поперечный хребтикъ Яворакъ, по другую сторону котораго опять въ томъ же направленіи идетъ ложбина съ отдѣльными равнинами черезъ всю середину Черногоріи, которыя при концѣ загибаются уже къ югу. Дурмиторъ съ его отрогами идетъ въ юго-юго-восточн. направленіи, котораго держатся и вытекающія изъ подъ него рѣки: къ югу Комарница и Буковица, къ сѣверу — Сушица.

Замѣчательно, что р. Тара, вершинами своими принадлежащая отрогамъ Кома, идетъ съ юга на сѣверъ до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ изъ его системы, а затѣмъ тотчасъ же впадаетъ въ указанное выше направленіе съ юга-востока на сѣверо-западъ.

Въ области Кома это общее направленіе уже не имѣетъ мѣста. Самый Комъ составляетъ отдѣльный центръ, отъ котораго во всѣ стороны расходятся его отроги и образуемыя ими долины.

Но къ югу отъ него прежнее направленіе въ смыслѣ радіальнаго склоненія къ Скадарскому озеру возстановляется. Въ западной половинѣ Черногоріи съ одной стороны идетъ высокій береговой хребетъ, на которомъ возвышаются Штировникъ, Космачъ, Сутормань, Румія; съ другой Бусовникъ, Гарачъ и края Ластвы-Кчевской, и между ними находится впадина или, какъ называютъ черногорцы, *вала*, въ которой и заключается, такъ называемая, Катунская-нахія. Это всего лучше можно видѣть съ Езерскаго верха. Въ этой ложбинѣ проходятъ нѣсколько отдѣльныхъ хребтовъ, какъ Пустой Лисацъ, Буковица, Ставоръ и др. Просто на глазъ можно замѣтить и другія меньшаго размѣра ложбины, какъ между Езерскимъ верхомъ и Штировникомъ, тянущаяся по высотѣ параллельно Цетинской равнинѣ; такая же ложбина отъ Нѣгушей идетъ къ Цетинью черезъ Вршаникъ и Кривачкое-ждрело; а съ Цетинья подобной же ложбиной терасами спускается дорога къ рѣкѣ; отъ Цеклина идетъ ложбина

черезъ Люботинъ и выходитъ въ Цермницу; отъ Цетинья же къ востоку за горой Дебелякомъ расположены Косіеры, Боково, Уличи и Метеризы, тоже въ одномъ направленіи и т. д. Всѣ эти ложбины направляются и имѣютъ склонъ къ Скадарскому озеру. Туда же спадаютъ воды съ цѣлой этой части Черногоріи черезъ посредство рѣчушекъ: Синца (въ Горнее блато), рѣки Черноевича и Цермницы въ Скадарское озеро.

Взглянувъ на геологическую карту при сочиненіи г. Тице [1]), вы увидите, что въ томъ же направленіи расположились и геологическія формаціи Черногоріи — мѣловая съ доломитами, флисъ рядомъ съ нуммулитовыми юрскими слоями и тріасовые известняки; иначе расположены только палеозойскіе слои области Кома.

Найдя такимъ образомъ общее направленіе горъ, попытаемся установить такое дѣленіе ихъ на группы, которое было бы основано на существенномъ различіи одной отъ другой или давало бы болѣе или менѣе ясно опредѣленныя границы.

Та ложбина, которая дѣлитъ Черногорію на двѣ половины, западную и восточную, составляетъ именно такую опредѣленную границу, которая всегда оказывала большое вліяніе и на политическую жизнь этихъ странъ. Но существенной разницы между обѣими половинами нѣтъ, исключая Комской области.

И тамъ, и тутъ на всемъ пространствѣ, начиная отъ Опутной Рудины и Банянъ на западѣ до Затребча на крайнемъ востокѣ и отъ самаго сѣвернаго пункта въ Пивѣ къ югу до Ульцина, вы нигдѣ не встрѣчаете правильной формы цѣпи горъ; а только отдѣльныя горы, группирующіяся иногда въ одинъ массивъ, какъ Ловченъ и Дурмиторъ, или въ линію, какъ Сомина, Нѣгошъ, Утесъ, которые притомъ не пускаютъ отъ себя никакихъ отроговъ. Нѣтъ поэтому между ними и правильныхъ долинъ, въ которыхъ можно бы было ясно видѣть непремѣнныя ихъ части — вершину и устья; а вмѣсто ихъ встрѣчаемъ всюду широкія ложбины, среди которыхъ въ свою очередь находятся возвышенія и

[1]) Geologische Uebersicht von Montenegro 1884.

углубленія, или замкнутыя со всѣхъ сторонъ равныя поля, а иногда просто воронкообразныя углубленія, или наконецъ необыкновенно глубокія и узкія трещины, образовавшіяся на высокихъ плато, въ которыхъ теперь текутъ рѣки Пива, Тара въ ея сѣверозападномъ теченіи, Комарница и др.; послѣднія, по всѣмъ вѣроятіямъ, были когда-то подземнымъ потокомъ въ родѣ того, какъ теперь часть теченія рѣки Черноевича идетъ въ пещерахъ подъ землею или р. Шавникъ въ Дробнякахъ.

Если въ одной половинѣ сухіе бассейны когда-то бывшихъ озеръ представляютъ собою замкнутыя равнины, какъ Цетинье, Грахово, Никшицкое поле и др.; то въ другой тотъ же характеръ носятъ до сихъ поръ существующія озера Бокумирское, Рикавацъ и др. которымъ предстоитъ еще впереди подобнаго рода осушенье. Въ той и другой половинѣ формація поверхности такова, что вода не задерживается, а проваливается внутрь, собираясь въ подземныхъ пещерахъ и потокахъ, такъ какъ слой, не пропускающій воду находится только на значительной глубинѣ.

Разница только въ томъ, что въ восточной половинѣ все таки есть рѣки и потоки, а также роскошнѣе и растительность; но это, благодаря только слишкомъ высокому положенью мѣстности, вслѣдствіе чего на ней долѣе задерживаются массы снѣга; притомъ она меньше подвергается изсушающему вліянью лѣта и меньше опустошается человѣкомъ. И Катунская нахія когда-то была богата водою; по Цетинской равнинѣ когда-то протекала цѣлая рѣка; на ней есть слѣды стараго крупнаго лѣса. Но лѣса истреблены человѣкомъ, и затѣмъ послѣдовало оголѣнье и осушенье всей мѣстности.

Весьма характерную черту, присущую той и другой половинѣ, составляютъ поноры, т. е. отверстія въ землѣ, черезъ которыя вся вода, въ какомъ бы она количествѣ ни прибывала, быстро скрывается съ поверхности внутрь земли. Они бываютъ открытые, какъ на Цетиньѣ и въ Никшичѣ и въ берегѣ Рикавацкаго озера, или закрытые сверху слоемъ земли, какъ на Граховѣ и на Коритахъ (въ Кучахъ).

Совсѣмъ другое представляетъ собою Комъ: составляя, подобно Дурмитору, отдѣльный массивъ, онъ однако въ видѣ хребта тянется съ з. къ вос. и торчащія въ немъ зубчатыя вершины не что иное, какъ его гребень, который, будучи слишкомъ узокъ, легко рушится, особенно съ сѣверной стороны, вслѣдствіе чего и происходитъ его пониженье чуть не каждый годъ.

Отъ главнаго хребта правильно отдѣляются отроги, между которыми образуются правильныя же долины съ никогда не изсякающими потоками и рѣками. Сочная растительность свидѣтельствуетъ о достаточной влажности почвы. Залегающій здѣсь повсемѣстно шиферъ, по словамъ Тице — съ одной стороны задерживаетъ на поверхности воду, а съ другой въ разрушенномъ видѣ доставляетъ растенью больше питательности, чѣмъ известняки.

Итакъ совершенно особую по свойствамъ формаціи и по внѣшней формѣ группу представляетъ только Комъ; остальное же пространство, носящее одинъ общій характеръ, можетъ быть раздѣлено на группы только по тѣмъ внѣшнимъ и частью условнымъ границамъ, которыя выражаются бо̀льшимъ или меньшимъ расчлененьемъ ихъ поверхности, высотою вершинъ и общаго подъема, обиліемъ текущихъ на поверхности водъ и частью различіемъ въ растительности.

Сообразно съ этимъ мы за первую раздѣльную линію примемъ ту громадную разсѣлину въ цѣломъ массивѣ Черногоріи, черезъ которую съ одной стороны прошла Зета, а съ другой образовался проходъ Дуга.

Западная половина представляетъ собою *валу*, у которой съ одной стороны края составляютъ: приморская цѣпь горъ, а съ другой хребты Сомина, Нѣгошъ, Утесъ, потомъ высоты, обступающія дугой Никшицкую равнину, а надъ среднею Зетой Гарачъ и Бусовникъ.

Начинаясь на юго-востокѣ узкою и чрезвычайно крутою цѣпью Краинскихъ горъ, страна эта отъ Цермницы разбивается на части: по западному краю непрерывно идетъ цѣпь Приморская,

достигающая наибольшей высоты и развитія на Ловченѣ; внутри же ея къ востоку идутъ нѣсколько кряжей меньшей величины въ одномъ направленьи съ нею; а миновавъ Никшицкую равнину и Грахово, мѣстность превращается въ плато, все покрытое каменистыми холмами, иногда просто нагроможденьями голыхъ скалъ и изрытое соотвѣтствующими углубленьями. По наибольшей близости къ морю мы назовемъ эту область *Приморскою*.

Въ восточной половинѣ въ сѣверномъ ея углѣ мы замѣчаемъ наибольшее приподнятіе поверхности, на которой стоятъ самыя высокія во всей Черногоріи вершины Дурмиторъ и Магличъ, съ окружающими ихъ меньшими высотами, которымъ также нѣтъ равныхъ по высотѣ въ остальной Черногоріи, кромѣ Кома. Отъ этого вздутія къ югу и къ юго-востоку тянутся высокія плато: Езера, Синявина и Пивское съ двумя Церквицами и Равнымъ. Синявина имѣетъ склоны: одинъ крутой идетъ на югъ къ разсѣлинѣ, по которой въ западномъ направленьи протекаетъ р. Тушина (одна изъ вершинъ Пивы); другой на востокѣ къ Колашину, гдѣ въ сѣверномъ направленьи течетъ Тара, образуя тутъ довольно значительное расширенье. На восточной окраинѣ того плато стоятъ его высочайшія вершины Яблановъ-верхъ (2,168 м.) и Старацъ (2,002 м.).

Пивское плато и Равное на юго-западѣ ограничиваютъ горные хребты Леденицы, Голія и Шишманъ, составляющіе края Дуги; а на самомъ югѣ — Войникъ.

Это область Дурмитора. Къ югу отъ Тушины идетъ сплошной массивъ, сѣверную границу котораго составляютъ хребты Войникъ, Лола съ Яворьемъ и Градиште со Столомъ. Отъ послѣдняго мы провели бы границу къ ю.-западу на Маганикъ и потомъ на Каменикъ и Бротьникъ до спуска въ Подгорицкую равнину. Юго-западная сторона этого массива идетъ долиной Зеты, а на западѣ онъ упирается въ Никшицкую равнину и потомъ въ Яворакъ между Дугой и Войникомъ. Границы этого массива настолько опредѣленны, что мы можемъ принять его за отдѣльное

цѣлое, и по положенью посреди Черногоріи назовемъ *Центральнымъ*.

Съ тѣмъ же характеромъ въ главныхъ чертахъ является и мѣстность къ востоку отъ него, перейдя Морачу изъ подъ Каменика на находящійся по другую ея сторону Вѣтерникъ. Далѣе къ востоку граница эта переходитъ Малую-рѣку и поднимается вверхъ по р. Брзкуту. Отъ вершинъ этой рѣки она должна изъподъ горы Дьебезы перейти въ другую долину Мокрую, по которой она выйдетъ къ плато Широкару подъ Магличемъ, откуда спускается въ долину р. Скроботуши и, перейдя её, упрется въ Проклятыя уже въ турецкой границѣ. Это сѣверная граница; а юго-восточную составитъ глубокая долина р. Цѣвны; на югѣ же эта область спускается на равнину Подгорицы. Вся мѣстность эта представляетъ собою высокое плато, надъ которымъ на сѣверномъ краю возвышается горный массивъ съ вершиною Жійовой (2,099 м.) и съ нѣсколькими другими высотами, постепенно понижающимися къ югу и почти отвѣсно спускающимися на востокѣ къ Цѣвнѣ. По доминирующей надъ цѣлымъ плато высотѣ назовемъ эту часть областью или массивомъ Жійовой.

Остается теперь только Комъ, который составляетъ высочайшую, доминирующую надъ цѣлою областью вершину среди нѣсколькихъ отдѣльныхъ группъ горъ, какъ Виситоръ, Зелетинъ, Мокрая-планина, Бѣласица и др.

Итакъ для болѣе удобнаго представленія поверхности Черногоріи мы её дѣлимъ на 5 областей: Приморскую, область Дурмитора, Центральный массивъ, массивъ Жійовой и область Кома.

Подѣливши такимъ образомъ и обозначивши только границы каждой области, мы должны представить характеристику каждой группы въ отдѣльности.

I. ПРИМОРСКАЯ ОБЛАСТЬ.

1. ЛОВЧЕНЪ.

Самую важную и самую характерную мѣстность въ этой половинѣ представляетъ Ловченъ. Это собственно довольно ровное плато между горами: Баблякомъ, Езерскимъ-верхомъ и Трештаникомъ. Какъ разъ у подошвы Трештаника бьютъ ключи прекрасной воды. Собранные въ маленькій каменный резервуаръ, наглухо закрытый со всѣхъ сторонъ, они вытекаютъ одною струей по каменному же желобку въ рядъ корытъ, выдолбленныхъ изъ цѣлаго буковаго бревна и разставленныхъ въ линію одно ниже другого, такъ что вода переливается черезъ всѣ корыта до самаго нижняго, откуда потомъ разливается по землѣ. Это Ивановы-корыта, первоначальное устройство которыхъ приписывается Иванбегу Черноевичу. Вода эта частью тутъ же просачивается въ землю и спускается внизъ подземнымъ путемъ, частью же стекаетъ поверху на низкую замкнутую со всѣхъ сторонъ площадку, называемую Блатишта, въ одномъ краю которой находится *поноръ*, куда вся эта вода изчезаетъ. Сюда же подъ угломъ къ тому потоку стремится еще Любимъ-потокъ, берущійся изъ ближнихъ горъ, но середи лѣта изсякающій. Самая площадка составляетъ отличное поле, удобряемое особенно Любимъ-потокомъ, потому что на немъ постоянно *пландуютъ* пастухи со скотомъ (отдыхаютъ въ полдень), и потому на немъ отлично родится всякій хлѣбъ кромѣ кукурузы, для которой здѣсь слишкомъ холодно.

Къ югу отсюда, на одну терраску выше, есть еще площадка съ церковью Преображенья Господня и другими зданьями при ней, гдѣ когда-то былъ монастырь, постройку котораго тоже приписываютъ Иванбегу. Кругомъ находятся *катуны*, а часть земли засѣвается.

Отсюда идетъ распадокъ къ Приморью между горами съ одной стороны Трештаникомъ, Звѣринцемъ, Юрьевой-главицей; а съ

другой — Птичьей-главой, Иліиной-главой (обѣ у подножія Бабляка) и Страшной-главицей. Съ высокаго выступа, называемаго Вѣтрени-млинъ, вы видите подъ собою равнину Кртоли, всю изрѣзанную канавами, по которымъ для орошенья полей разводится вода рѣчушки Коложуна, впадающей въ Бокку у Превлаки. Черезъ низенькій хребтикъ, окаймляющій низменность, видно открытое море.

Противъ Езерскаго верха къ югу стоитъ Штировникъ и между ними неширокая долина Междувершье, въ которой также бьютъ ключи, въ сухое лѣто однако совершенно изсыхающіе. По этой долинѣ идетъ путь въ Нѣгуши.

Въ противуположную сторону черезъ невысокій перевалъ идетъ также ложбина между горъ, по которой обыкновенно идутъ на Цетинье, черезъ село Бѣлоши; а прямо на сѣверъ идетъ спускъ къ Байцамъ, въ верхней части Цетинскаго-поля.

Вся эта мѣстность покрыта буковымъ лѣсомъ, но не сплошь, а отдѣльными рощами. Впрочемъ горы съ сѣверной стороны покрыты лѣсомъ почти сплошь; но Езерскій-верхъ и Штировникъ голы. Первый поднимается надъ хребтомъ весьма круто и потому бока его и не могутъ покрыться никакою растительностью. Онъ приступенъ съ одной только стороны, гдѣ въ послѣднее время и устроена весьма удобная дорожка зигзагами. Подъ эту вершинку, называемую Капа, потому что дѣйствительно похожа на шапку, можно взъѣхать верхомъ на лошади, и только при концѣ минутъ 15 нужно итти пѣшкомъ. На верху открывается площадка въ длину саженъ 20, а въ ширину саженъ 8, и на ней стоитъ часовенка въ которой покоятся кости владыки Петра II (Рада). Сѣверовосточная сторона, обращенная къ Цетинью, спускается отвѣсною стѣной метровъ на 100 внизъ, и тамъ находится воронкообразное углубленье, въ которомъ бьютъ никогда не изсякающіе ключи, по временамъ наполняющіе это углубленье водою въ видѣ озера 20—25 метровъ въ діаметрѣ; въ сухое же время оно имѣетъ видъ зеленой лужайки.

Штировникъ выше, но бока его положе, и на верху его пло-

щадь побольше. Съ Езерскаго-верха вы можете обозрѣвать всю старую Черногорію и мѣстность до Подгорицы, а также часть Бокки; а со Штировника вы видите открытое море.

Въ Ловченѣ есть щели, въ которыхъ залеживается снѣгъ цѣлое лѣто, и изъ нихъ носятъ этотъ снѣгъ для охлажденья пива, для приготовленья мороженаго и для медицинской помощи на Цетинье; а также и въ Которъ. Доставкою въ Которъ занимается спеціально одно семейство на Нѣгушахъ, пользуясь этимъ правомъ, какъ привилегіей.

Обѣ эти вершины, Езерскій верхъ и Штировникъ, стоятъ близко къ Нѣгушамъ и величественно возвышаются надъ Боккой, оборотивши къ ней свои крутые бока, то въ видѣ голыхъ утесовъ, то изборожденные щелями, по которымъ въ мокрое время низвергаются потоки. Тѣмъ не менѣе на двухъ третяхъ высоты подъ ними ютятся три черногорскихъ сельца Жаневдо, Мирацъ и Майсторы, грѣясь южнымъ солнцемъ и не зная зимы, тогда какъ ихъ братья въ Нѣгушахъ бываютъ завалены снѣгомъ.

Ловченъ изстари служилъ мѣстомъ для катуновъ; такимъ онъ остается и донынѣ; но уже не можетъ удовлетворять все увеличивающейся потребности всѣхъ нѣгушанъ; потому собственно на верху Ловчена имѣетъ катуны одно только нѣгушское племя Раичечевичи (изъ нихъ же и братство Радоничей), всего до сотни колибъ. Съ постепеннымъ истребленьемъ лѣса становятся слабѣе источники воды и вообще меньше влаги, а потому и травы менѣе густы, и менѣе сочны; да и вешніе или дождевые потоки все больше оголяютъ мѣстность отъ земли; такъ что въ настоящее время, куда ни посмотришь, всюду бьютъ въ глаза голыя бѣлыя скалы, сѣрые валуны и каменная розсыпь.

Съ истощеньемъ пастбищъ народъ однако принимается больше за земледѣліе, и трудъ вознаграждается хорошо, если иногда не попортятъ морозы въ началѣ или въ концѣ лѣта. Прикочевываютъ сюда со скотомъ обыкновенно на Троицу (въ концѣ мая); а возвращаются въ село на Воздвиженье (14 сентября).

Ловченъ — любимое мѣсто для лѣтнихъ экскурсій цетиньянъ и посѣщающихъ Цетинье иностранцевъ, для которыхъ это и поучительно, потому что ни откуда нельзя лучше обозрѣть Черногорію, какъ съ Ловчена. Князь иногда проводитъ на немъ по нѣскольку дней. Любили здѣсь пребывать и въ прежнее время черногорскіе владыки.

Водѣ здѣшней, которая необыкновеннно холодна, приписываютъ благодѣтельное дѣйствіе на развитіе аппетита; мы можемъ только сказать, что не привычные люди отъ невоздержнаго питья ея въ разгоряченномъ состояньи сильно заболѣваютъ, а бывали и смертные случаи.

Вообще здѣсь даже среди жаркаго лѣта ночью бываетъ весьма холодно, особенно отъ ночнаго вѣтра постоянно дующаго черезъ Междувершье.

Къ Нѣгушамъ и Цетинью Ловченъ спускается нѣсколькими террасами и тутъ также живутъ лѣтомъ нѣгушане изъ другихъ братствъ со стадами; иные же остаются даже на зиму, строя для этого настоящіе дома, а не колибы. Склоны, обращенные къ Цетинью, подѣлены между селами съ Цетинскаго поля; здѣсь постоянно раздѣлываютъ землю для пашни вновь; а главное богатство составляетъ лѣсъ, сплошь покрывающій эти склоны, которымъ пользуются, какъ для построекъ, такъ и для дровъ.

Вообще въ экономіи здѣшняго края Ловченъ играетъ весьма важную роль. Нельзя не удивляться только тому, что при такомъ обиліи снѣжной и дождевой воды, съ него не идетъ ни одного потока. Вся вода тамъ же на верху уходитъ черезъ трещины въ подземные бассейны, откуда часть ея спускается ниже и можетъ быть, доходитъ до Рѣки Черноевича.

По другую сторону Ловчена при самой подошвѣ его находится нѣсколько постоянныхъ потоковъ, направляющихся къ морю у Котора или у Превлаки.

По Ловчену когда-то и Цетинская равнина называлась Великій Ловченскій долацъ.

2. ЮЖНАЯ ПОЛОВИНА ПРИМОРСКАГО ХРЕБТА.

Отсюда горы однимъ непрерывнымъ хребтомъ идутъ до Барской равнины, имѣя слѣдующіе распадки, черезъ которые проходятъ въ Приморье: черезъ Космачъ съ Цетинья въ Будву, и въ Будву же съ Люботина черезъ Юрьево-ждрело; а съ Цермницы идутъ въ Браичи изъ-подъ Негалицы, изъ Глухого-дола черезъ Пресѣку, гдѣ прежде было австрійское укрѣпленье.

На всемъ протяженьи здѣсь склоны хребта болѣе или менѣе покрыты лѣсомъ, исключительно буковымъ, хотя далеко не такимъ, какъ на Ловченѣ, и вездѣ изъ подъ него бьютъ богатые ключи. У села Угней нѣсколько ключей даютъ столько воды, что на нихъ постоянно работаетъ мельница; а далѣе на Обзовицѣ также бьетъ вода въ нѣсколькихъ мѣстахъ; но вся эта вода, какъ и ловченская, скрывается въ землю тутъ же. Далѣе выше села Подгора (въ Цермницѣ) вытекаетъ цѣлая рѣчушка Ораоштица, которая у Вирбазара соединяется съ р. Цермницей, берущей начало изъ того же хребта у села Глухого дола. У подножія этого хребта съ Цетинья идетъ прямая дорога въ Горнюю-Цермницу. Идя этою дорогой, вы встрѣтите на пути единственное село Угни, а съ лѣвой стороны имѣете параллельно идущій кряжъ, отдѣляющій отъ васъ Цеклинъ, Люботинъ и Градьяны. Далѣе еще три такихъ же кряжа, которые идутъ параллельно Рѣкѣ, и между ними находится нѣсколько селъ, причисляющихся къ Люботину. Всѣ они въ концѣ на юговостокѣ сходятся въ Цермницкой равнинѣ. Во всей этой мѣстности богатъ водою только собственно Люботинъ; остальные же пользуются цистернами или временно текущими ключами. Растительность здѣсь не роскошная; лѣса въ настоящемъ смыслѣ нѣтъ, а только рощи изъ молодой поросли дуба, ясеня, граба; есть также боярышникъ, дикія яблони и груши, и различный кустарникъ, между которымъ весьма важную роль въ экономіи играетъ руй или сумакъ (rhus cotinus), составляющій одну изъ важныхъ статей дохода во всемъ Люботинѣ.

3. СУТОРМАНЪ И РУМІЯ.

Дойдя до Цермницы, всѣ эти боковые хребтики обрываются чрезвычайно круто; тогда какъ главный хребетъ обходитъ её съ юговостока, и тутъ въ видѣ особой вѣтви отдѣляется отъ него хребетъ Сутормань, направляющійся къ Скадарскому озеру. Онъ въ свою очередь раздѣляется: одна вѣтвь идетъ къ западу, гдѣ въ его пазухѣ помѣщаются два села Болевичи и Лимляны; а другая направляется къ востоку на соединенье съ Румією. Съ сѣверной стороны онъ обилуетъ потоками, изъ которыхъ въ самомъ низу образуется Лимская рѣка, соединяющаяся потомъ съ р. Цермницей. На самомъ верху перевала находится прекрасный ключъ Башина вода, чрезвычайно холодная и чистая подобно ловченской льющаяся по цѣлому ряду корытъ. На южной сторонѣ тоже нѣтъ недостатка въ ключахъ, но въ нихъ вода теплая и не такъ чиста.

Когда-то на сѣверной сторонѣ Сутормань покрытъ былъ большимъ дубовымъ и буковымъ лѣсомъ; но со времени стоянья здѣсь черногорскаго шеститысячнаго войска въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ 1880 г. онъ порѣдѣлъ больше, чѣмъ на половину; на другой же сторонѣ онъ давно уже истребленъ турками, и теперь тамъ только кустарникъ или корявый молодникъ.

Какъ на сѣверной сторонѣ Сутормана Цермница, такъ на южной стелется Барская равнина, которая однимъ выступомъ отъ Руміи дѣлится на двѣ половины: въ сѣверной расположились села— мусульманское Тодьемпли (поарнаутившіеся сербы) и католическое Зубцы (сербы), а на югѣ городъ Баръ и село Залевъ. Послѣднее, будучи обращено къ югу и защищено съ сѣвера, притомъ имѣющее весьма обильное орошенье, имѣетъ роскошнѣйшую южную вегетацію: лимонное и апельсинное дерево, маслина, лавръ, мирта — все это достигаетъ необыкновенныхъ размѣровъ и смотритъ свѣжо, роскошно, но безъ искусной и прилежной руки человѣка остается какою-то дикою порослью и приноситъ обладателямъ его пользу весьма ничтожную.

4. КРАИНА.

Отъ Руміи главный хребетъ продолжаетъ тянуться въ прежнемъ направленіи ближе къ краю Скадарскаго озера, куда круто спускается нѣсколькими террасами, оставивъ для поселенья человѣка весьма небольшую полосу земли, называемую Краиной, одна часть которой присоединена къ Черногоріи, а другая осталась за Турціей. Жители ея, исключая немногихъ мѣстечекъ, главнымъ образомъ живутъ скотоводствомъ; а иные лодочнымъ промысломъ, т. е. перевозкой тяжестей на лодкахъ, а частью ихъ постройкой, и рыболовствомъ.

Направляясь къ Скутари и къ равнинѣ Бояны, хребетъ этотъ разбивается на нѣсколько кряжей, между которыми образуются роскошнѣйшія долины съ тучною почвой и богатымъ орошеньемъ. Эта часть принадлежитъ Турціи. Но также прекрасны и мѣста, прилегающія къ Адріатическому морю и принадлежащія Черногоріи. Тутъ между моремъ и главнымъ хребтомъ протянулся отдѣльный хребетъ Мажура, имѣющій въ длину не болѣе 10 кил., и по одну сторону его лежитъ роскошнѣйшее плато, занимаемое племенемъ Мркоевичами, а по другую, среди небольшихъ кряжей, носящихъ названіе *Кодры*, раскинулась цѣлая сѣть мелкихъ долинъ съ прекрасною почвой, со множествомъ потоковъ, сливающихся въ одну рѣчушку Братицу, со множествомъ мельницъ. По холмамъ всюду бѣлѣютъ домики, окруженные садами и нивами; растительность роскошная и разнообразная.

Единственно въ окрестностяхъ Ульцина растетъ quercus ilex, достигающій роста порядочнаго деревца; даже въ Барѣ его нѣтъ. Общія же съ Баромъ растенья, не имѣющіяся нигдѣ въ остальной Черногоріи, кромѣ извѣстныхъ уже маслины, мирты и лавра, вблизи моря — джутъ (spartium junceum) и агаве. Джутъ достигаетъ роста деревца со стволомъ въ руку толщиною, но служитъ только для топлива и рѣдко кто добываетъ изъ него грубыя волокна, которыя прядутъ, а потомъ изъ нихъ ткутъ грубую и рѣдкую ткань для мѣшковъ и для передниковъ.

5. СѢВЕРНОЕ ПРОДОЛЖЕНІЕ ПРИМОРСКАГО ХРЕБТА.

Ловченъ составляетъ какъ бы горный узелъ, отъ котораго горы идутъ къ югу и на сѣверъ. Первыя мы уже разсмотрѣли, а идущій на сѣверъ главный хребетъ перерывается въ Боккѣ, составляющей какой-то провалъ, куда хлынуло море и образовало чрезвычайно развѣтвленный глубокій заливъ. А затѣмъ хребетъ этотъ, продолжаясь по ту сторону залива, дѣлится на нѣсколько цѣпей: одна, невысокая, пошла краемъ моря; а другая, перекинувшись черезъ узкій проливъ Вериги, между Лепетанами и Каменарами, идетъ дальше и, какъ кажется, составляетъ одно съ тѣмъ хребтомъ, въ которомъ находятся Оріенъ и Бѣлая-гора, внѣ Черногоріи. По черногорской же территоріи послѣ перерыва у Крестца — менѣе высокій хребетъ идетъ мимо Нѣгушей: въ немъ находится какъ разъ у Нѣгушей высота Мравьяникъ (1317 м.); а далѣе онъ отдѣляетъ Цекличи отъ нѣгушскихъ селъ Вельи и Малые Залазы. Эти два села находятся совершенно на краю почти отвѣснаго спуска къ морю на высотѣ приблизительно до 900 м. Сидя на краю, вы видите подъ собою Которъ и село Доброту; видите снующія туда и сюда лодочки и пристающій къ берегу пароходъ; слышите его свистки и звонъ колоколовъ въ церквахъ; доносятся до васъ и звуки музыки, играющей на набережной. Смотря однако снизу вверхъ, вы никакъ не можете себѣ представить, чтобы здѣсь была какая-нибудь возможность подняться; а между тѣмъ черногорецъ по какимъ-то уступамъ сбѣгаетъ сверху внизъ за часъ, а обратно взбирается за $1^1/_4$. Притомъ тутъ есть закраинки, на которыхъ можетъ пастись скотъ; и изъ-за этихъ полосокъ земли не разъ происходили кровавыя стычки между залажанами и добротянами, пока не положилъ тому конецъ владыка Петръ II, уступивши ихъ за извѣстную сумму Австріи.

6. ВНУТРЕННІЕ ХРЕБТЫ.

Далѣе отсюда въ томъ же сѣверномъ направленьи идетъ цѣпь незначительныхъ высотъ, весьма скалистыхъ, со щелями, и

провалами на каждомъ шагу, гдѣ пріютилось племя Цуцы, образуя поселенья въ два-три дома, и тѣ иногда на такомъ разстояніи, что только черногорцы могутъ докричаться другъ друга въ случаѣ какой-нибудь необходимости. Для поясненія назовемъ и самыя села: Краишта — 2 дома; Кутьишта, расположенное на протяженіи 3 кил. въ длинной ложбинѣ, 15 домовъ; Братежъ — 3 дома, Ябука — 3 дома, Тигедина — 1 домъ, Иванова-Крушка — 1 домъ, Поджджріело — 3 дома, Рпаваць — 2 дома и т. д. Пахотной земли они имѣютъ конечно по нѣскольку квадратныхъ саженъ; но за то тамъ довольно мелкаго лѣса, преимущественно дуба и ясеня, и всюду кустарникъ ракитникъ (Cytisus), которымъ, равно какъ и вѣтвями дуба и ясеня, они откармливаютъ своихъ овецъ и козъ; крупнаго скота они конечно имѣютъ весьма мало; а о лошадяхъ и помину нѣтъ; потому что здѣсь нѣтъ сѣна, да негдѣ и косой махнуть.

а) *Буковица, Ставоръ, Челинацъ и др.*

Рядомъ съ этимъ въ австрійской границѣ (Леденицы и Кривошіи) тянется довольно высокій хребетъ, на которомъ главная высота Голый или Велій-верхъ (приблизительно около 1,200 м.); а на продолженіи его уже въ черногорской границѣ идетъ хребетъ Буковица, тянущійся до Грахова и обходящій Граховское поле съ восточной стороны (впрочемъ, не доходя Грахова, онъ перерывается и далѣе идетъ подъ названьемъ Бѣлоша).

Хребетъ этотъ не высокъ, и въ 1882 г. австрійцы, преслѣдуя кривошіянъ, перебрасывали черезъ него ядра съ Голаго-верха; и съ него можно отлично видѣть на одну сторону всѣ Кривошіи, а на другую — значительную часть Цуцъ. Находясь на немъ и смотря назадъ, вдоль хребта въ юго-восточномъ направленіи, вы видите ловченскія высоты, которыми замыкается горизонтъ съ той стороны. Параллельно же ему идетъ широкая *вала*, по восточному краю которой съ юга идутъ высоты: Ставоръ (1220 м.), Челинацъ (1298 м.), за которыми живутъ Бѣлицы (племя); далѣе — Кчевскій-Лисацъ (1134 м.), подъ кото-

рымъ лежитъ Кчево или племя Озриничи; еще сѣвернѣе небольшой кряжъ, въ которомъ высятся Петровича-страна и Мека-Локва, а изъ-за нихъ виднѣется хребетъ еще выше Тисовацъ; надо всѣми же ими на сѣверо-востокѣ высится Пустой-Лисацъ. Какъ разъ подъ Петровича-страной лежитъ главное село въ Цуцахъ Трешнево (36 домовъ), а всю эту ложбину, идущую къ ю.-в. до отроговъ Ставора, заселяютъ Цуцы, соприкасаясь тамъ съ Бѣлицами. Есть однако цуцкія села и за Тисовцемъ, между которыми знамениты своими боями съ турками Тернины и Ровины, граничащія съ Кчевомъ.

Изъ этого перечня высотъ мы ясно видимъ, что посреди̇нѣ ложбины между Гарчемъ и Ловченомъ мѣстность приподнята, и центръ этого поднятія составляетъ Ставоръ, отъ котораго идетъ пониженье къ сѣверу и къ югу. Отъ него же къ юго-востоку тянется цѣпь, обходящая съ восточной стороны Цекличи, Цетинье и Рѣку, при устьѣ которой послѣднюю высоту составляетъ трехвершинная Бобія (422 м.). За нимъ на восточной сторонѣ находятся общины Косіеры, Метеризы и др.

Восточнѣе идетъ еще кряжъ, въ которомъ находятся высоты Градацъ и Велій-верхъ; послѣдній упирается въ Горнее-блато. За этимъ кряжемъ находится Лѣшанская-нахія, отдѣляемая отъ лежащихъ еще далѣе къ востоку Загарча и Команъ кряжемъ, идущимъ отъ Гарча къ Бусовнику. Вся она имѣетъ открытый склонъ къ югу и потому отличается теплымъ климатомъ; а на спускѣ къ равнинѣ Ситницы, притока Морачи, и къ берегу самой Морачи она представляетъ уже цѣлыя поля, занятыя виноградниками.

Обернемся теперь къ сѣверу отъ Ставора. Тутъ поднятіе идетъ по направленію къ Пустому-Лисцу. Отъ Кчевскаго-Лисца прямо на сѣверъ и къ востоку размѣстилось племя Озриничи: часть его заняла широкую и ровную впадину (Кчево собственно и Убли), а другая часть помѣстилась въ скалахъ на краю Зетской долины (Велестово); вся же сѣверная часть занята высокимъ плато Ластва, состоящимъ сплошь изъ скалистыхъ холмовъ и глубокихъ

ямъ между ними, которые, насколько неудобны для путешествія вслѣдствіе своей головоломности и отсутствія воды, настолько прелестны на взглядъ, потому что сплошь покрыты лѣсомъ то крупнымъ, то мелкимъ, и иногда съ возвышеній открывается прекрасная панорама. Здѣсь есть два-три села по близости Кчева, а далѣе народъ держитъ только катуны, изъ-за которыхъ пролито много крови между озриничами и никшицкими турками. Въ отместку за пролитую турецкую кровь, не разъ предпринимались цѣлые походы со стороны сильныхъ беговъ Герцеговины съ десятками тысячъ войска; не разъ разорялось и сжигалось все Кчево, но не разъ и они слагали тутъ свои головы и погибали съ цѣлымъ почти своимъ войскомъ. Не даромъ въ народной пѣснѣ Кчево не называется иначе, какъ «кровавымъ»; а пѣвецъ «Горскаго вѣнца» говоритъ объ немъ:

«Чево ровное, гнѣздо юнацкое,
А кровавое человѣческое разбоище!
Много ли войнъ ты запомнило,
Много ли матерей черезъ тебя опечалено?
Людскими костьми ты усѣяно,
Отъ людской крови охмелѣло ты!»

б) *Пустой-Лисацъ.*

Въ сѣверо-западномъ углѣ этой мѣстности стоитъ пустой Лисацъ, пускающій свои отроги на юго-западѣ до упомянутаго выше Трешнева; а къ сѣверо-востоку — почти до края никшицкой равнины, откуда и виднѣется онъ въ видѣ правильнаго конуса, доминирующаго надо всею окрестностью. На самой вершинѣ его есть небольшая, совершенно гладкая площадка изъ природной известковой плиты: это, по народному повѣрью, гумно горныхъ вилъ, на которомъ онѣ молотятъ хлѣбъ, а въ досужее веселое время играютъ коло.

Подъемъ на него не крутой, потому что онъ имѣетъ сравнительно весьма широкое основанье.

Идя отъ Бротьянца (село на краю Никшицкой равнины, на ю.-з. отъ Никшича), вы поднимаетесь сначала на Малый-Лисацъ, а затѣмъ ужъ на главный, который состоитъ изъ нѣсколькихъ вершинъ, расположившихся главнымъ образомъ съ ю.-в. на с.-з., гдѣ онъ протянулся до Кчева и Рудинъ, проникая своими отрогами и внутрь ихъ. Между этими вершинами находятся обширныя котловины и кругомъ—внизу и вверху—все лѣсъ: черный боръ, ель, изрѣдка сосна, кое-гдѣ береза, много осины, и нигдѣ въ Черногоріи не встрѣчалось мнѣ больше малинника, не говоря уже о все перепутавшей черной малинѣ (rubus fruticosa). Все это указываетъ на толстый слой лиственнаго перегноя; и дѣйствительно, мѣстами, идя, не только не чувствуешь подъ ногами камня, но ступаешь будто по постланному. Въ 1879 г. онъ горѣлъ; это было въ концѣ іюля; и, несмотря на всѣ усилія, не могли потушить пожара, именно потому что горѣла самая торфяная почва; потушили только дожди, начавшіеся въ концѣ августа. Впрочемъ, нужно замѣтить, что на всемъ пути черезъ него, отъ Бротьянца до села Рокочи (въ Цуцахъ), часа 3 (15 кил.), нигдѣ нѣтъ воды; а только на вершинахъ его въ щеляхъ, обращенныхъ на сѣверъ, можно находить снѣгъ, чѣмъ и пользуются пастухи.

Нигдѣ, говорятъ, нѣтъ лучшихъ травъ, какъ здѣсь, и потому сюда отдаютъ многіе свой скотъ для нагула; да и самыя мѣста такія сокровенныя и защищенныя отъ всякой непогоды, что́ и дѣлаетъ Лисацъ самымъ привлекательнымъ мѣстомъ для пастуховъ. Имъ владѣютъ большею частью Цуцы; но и другіе сосѣди пользуются, по крайней мѣрѣ, его отрогами, и лѣпятся всѣ около него, какъ пчелы около улья.

в) *Гористое плато Грахова.*

Далѣе къ с.-з. отъ Лисца идетъ рядъ незначительныхъ высотъ, какъ Дрошкарица, Ненадъ, Вардаръ, Церовица, по которымъ можно видѣть, что прежнее направленье горъ сохраняется.

Собственно здѣсь трудно уловить общее направленье горъ, потому что онѣ слишкомъ разорваны и не имѣютъ связи между

собою, и потому между ними находится нѣсколько поперечныхъ ложбинъ, по одной изъ которыхъ и проложена дорога съ Грахова въ Никшичъ: она выходитъ на Трубьелу, самое названье которой означаетъ распадокъ или разломъ въ горахъ.

Далѣе въ Баньянахъ, какъ мы уже говорили, еще невозможнѣе опредѣлить направленье горъ; но и тамъ кряжъ Златныя-Страны идетъ параллельно Нѣгошу.

Направленье ближайшихъ къ морю горъ мы прослѣдили до Грахова.

Самое Граховское-поле протянулось съ в. на з., но спускающіяся въ него долины Челина (съ потокомъ) идутъ прямо на ю., а другая, по которой пролегаетъ путь на Граховацъ, идетъ на ю.-в.

Съ Граховца тянутся горы по направленью къ крѣпости Клобуку (въ Герцеговинѣ), а за нимъ въ сѣверо-западномъ направленьи идутъ кряжи Космашъ, Корча и Планикъ.

Граховацъ представляетъ собою холмистое плато, памятное побѣдою черногорцевъ надъ турками въ 1858, побѣдою, послѣ которой Турція должна была признать независимость Черногоріи. Между Клобукомъ и Космашемъ есть тѣсное мѣсто, называемое Московскія-греды: здѣсь въ 1810 г. изгинули русскіе, шедшіе на Никшичъ; а въ 1858 г. здѣсь же больше всего погибло турокъ.

Отъ Грахова идетъ склоненье мѣстности на ю. къ Рисну; а сосѣднее поле Драгальское составляетъ какъ бы одно цѣлое съ Граховомъ, будучи отдѣлено отъ него весьма невысокою перемычкою изъ скалъ, имѣющею въ ширину до 2 кил. Съ Граховца же склонъ этотъ направляется на с.-з. къ Требишницѣ, на которой на черногорской сторонѣ находится Косіерево.

Вслѣдствіе склона къ морю (къ ю.) уже на Граховѣ ощущается болѣе теплый климатъ, чѣмъ въ остальной Катунской нахіи до Цетинья; а пройдя Граховацъ у Вилюсъ и Петровичей, это еще замѣтнѣе, и снѣгу тамъ почти не бываетъ.

Рядомъ съ Граховцемъ Осѣченица имѣетъ прекрасный ключъ,

бьющій прямо изъ скалъ; изъ него набирается цѣлый прудъ; отсюда же вода идетъ и на Грахово-поле.

На краяхъ разстилающейся тутъ логотины красуется нѣсколько старыхъ огромныхъ яворовъ; трава отличается особенною свѣжестью. А далѣе къ Вилюсамъ идетъ роскошный лѣсъ: вверху букъ, а внизу дубъ, и тутъ же громадныя грушевыя деревья.

г. *Долина р. Требишницы.*

Въ долинѣ Требишницы у Косіерева монастыря природа уже совершенно южная. Чтобы дать объ ней понятіе, приведемъ краткое описанье изъ дневника 1883 г. отъ 3 апр.

Только начнете спускаться отъ Петровичей, какъ почувствуете что вступаете въ совершенно другой климатъ. Наверху вся природа еще мертва; а здѣсь ракитникъ весь въ цвѣту, кленъ и грабъ распустились, груша отцвѣла и одѣлась листомъ. Густой плющъ обвилъ высокіе дубы съ обрубленными для корма скота вѣтвями, пока еще однако голыми, но; обвитые вѣчно зеленымъ плющемъ, они имѣютъ видъ кипарисовъ; шиповникъ распускается; тоже и черная малина; подъ кустами всюду синяя вѣтреница, жолтая буквица и голубая съ розовымъ медуница букетами красуется между сѣрою зеленью шалфея, успѣвшаго тоже выбросить новые листья. Въ самомъ низу раскидистые грецкіе орѣхи, украшенные цвѣтомъ въ видѣ длинныхъ подвѣсокъ; драча (paliurus) достигаетъ роста дерева; тернъ и вишни въ цвѣту; чистое поле зеленѣетъ травой и озимью, и яровая пшеница укрыла уже землю. На той сторонѣ лѣсъ еще не распустился, только кленъ успѣлъ развернуться и своимъ свѣтлымъ молодымъ листомъ зелеными пятнами разбросался по темному фону сплошного дубняка. Зелено-голубая Требишница, здѣсь довольно широкая (саженъ 40), несется быстро, а мѣстами, на запрудахъ, сдѣланныхъ для ловли рыбы, пѣнясь и шумя, падаетъ каскадами. По ней гордо плывутъ *галеби* (гоголь?); шныряя по воздуху, вьются бѣлыя чайки. Кругомъ слышится чириканье мелкихъ пташекъ; гдѣ-то черный дроздъ продѣлываетъ соловьиныя трели, и тутъ же раздается унылый

звукъ *диплы* (дудка): то наигрываетъ войникъ—черногорецъ, поставленный на стражѣ, чтобы не давать переходить сюда съ той стороны герцеговинцамъ. А на той сторонѣ въ монастырѣ Добричевѣ, обращенномъ австрійцами въ крѣпость, бродятъ солдаты въ бѣлыхъ кителяхъ или рубашкахъ и что-то ловятъ по берегу. «Это *жабары* — говоритъ мнѣ черногорецъ — они ловятъ *жабъ* (лягушекъ) и ѣдятъ ихъ. А на дняхъ *на правду божу* (безъ всякой причины и вины) убили брата нашего калудьера (монаха), когда онъ безоружный шелъ мимо австрійской стражи». Отсюда въ разстояніи $1^1/_2$ ч. находится Билечь, городъ и крѣпость со множествомъ построекъ для военныхъ цѣлей, и 3 часа до Требинья.

д. *Гористыя плато Баньянъ и Рудинъ.*

Поднявшись изъ этой долины, вы вступаете на плато, незначительное по высотѣ, но круто поднимающееся. Въ сравненьи съ высокими хребтами, идущими по краю Дуги (Сомина, Нѣгошъ) и кругомъ Никшицкой равнины (Зла-гора, Кита), а также съ возвышающимся на югѣ Пустымъ-Лисцемъ это плато является впадиною, среди которой разсыпались невысокія горы съ пологими скатами и идущими отъ нихъ косами, съ образовавшимся между ними множествомъ долинъ или впадинъ, тоже не крутыхъ, съ плоскимъ, ровнымъ дномъ, гдѣ и пріютилось племя — Баньяны. Благодаря этой покатости горъ и долинъ, баньяны имѣютъ самыя лучшія въ Черногоріи пастбища и значительные сравнительно съ другими покосы. Климатъ здѣсь не суровый, благодаря малому подъему всей мѣстности и общему склону къ ю.-з., и потому зимы здѣсь мягкія; а обиліе уютныхъ долинъ даетъ возможность держать скотъ на пастьбѣ даже тогда, когда въ другихъ мѣстахъ должны его держать на сѣнѣ, вслѣдствіе чего эта часть Черногоріи считается самою богатою скотомъ. Живя довольно черно, баньяны отлично устраиваютъ скотскіе загоны изъ бревенъ, какъ избы; а кстати въ лѣсѣ недостатка нѣтъ, потому что всѣ высоты покрыты лѣсомъ и преимущественно дубомъ. Сѣютъ они всѣ хлѣба, кромѣ кукурузы, которой весьма мало; сѣютъ гречу и дер-

жатъ много пчелъ. Небольшой хребетъ Стражиште (1225 м.) и далѣе къ с.-з. Объяй (1155 м.) отрѣзываютъ на ю.-западѣ одинъ уголъ, носящій названье Опутной-Рудины, которая лежитъ еще ниже и еще больше выставлена на солнце, и потому имѣетъ климатъ еще мягче. Въ этой части у подошвы Объяя во многихъ мѣстахъ бьютъ ключи живой воды, тогда какъ въ Баньянахъ нѣтъ ихъ нигдѣ.

Вся эта сторона къ юго-востоку до конца Грахова или до сѣверной оконечности хребта Буковицы отличается сравнительно съ Катунскою нахіей обиліемъ водъ, объясняемымъ частью геологическимъ составомъ почвы (глинистые сланцы), а частью склоненьемъ къ морю.

е. *Дуга.*

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о Дугѣ, составляющей промежутокъ между двумя областями и связующей въ видѣ прохода двѣ обширныя равнины Никшицкую и Гацко. Это дѣйствительно нѣчто въ родѣ долины между высокими горами съ обѣихъ сторонъ. Несмотря на углубленность, она лежитъ высоко надъ упомянутыми равнинами, и высшій пунктъ ея составляютъ Ноздри, имѣющія 1319 м. абс. высоты, слѣдовательно на 667 м. выше Никшича. Она когда-то покрыта была дремучими лѣсами; но турки уничтожили эти лѣса, потому что въ нихъ черногорцы постоянно дѣлали засады, и вмѣсто того вдоль всего прохода построили рядъ крѣпостей и между прочимъ на Крестцѣ. По своему высокому положенью она имѣетъ весьма суровый климатъ; но тамъ растутъ не только всѣ сорты лиственныхъ деревъ, но и дикая черешня, груши и яблони, есть и дикій крыжовникъ; а въ углубленьяхъ, какъ Ништица (между Крестцомъ и Злоступомъ) или подъ Голіями, почти не бываетъ снѣгу, такъ что овцы большую часть зимы могутъ пастись.

Перейдя Дугу, мы тотчасъ вступаемъ въ область Дурмитора.

II. ОБЛАСТЬ ДУРМИТОРА.

1. ЗАПАДНЫЕ СКЛОНЫ ДУРМИТОРА.

Характеръ этой области прежде всего опредѣляется главными высотами Дурмиторомъ и Магличемъ. И тотъ и другой, приподнявъ всю мѣстность на сѣверѣ, спускаютъ её въ направленьи къ югу, что можно видѣть изъ пониженья, какъ горъ, такъ и равнинъ, въ томъ направленьи.

а) *Магличъ и западная сторона р. Пивы (Пивская Жупа).*

Начнемъ съ самаго сѣвернаго угла этой области, гдѣ стоитъ Магличъ.

Страна, занимаемая Магличемъ, имѣетъ пониженье на двѣ стороны: къ югу, гдѣ мы видимъ, что высоты постепенно спадаютъ: Магличъ (2347 м.), Острый-Кукъ (2300) и Орлово-брдо (1954); и къ востоку, гдѣ передъ ними идутъ еще низшія—Біоче и Кручица, при томъ вторая ниже первой. Какъ разъ у подножія послѣднихъ течетъ Пива въ весьма глубокой и узкой долинѣ. О глубинѣ долины можно судить по тому, что равнина, на которой стоитъ село Брлево, имѣетъ $1148^1/_2$ м. абсолют. выс., а устье Пивы при соединеньи съ Тарой 374 м. Слѣдовательно, отчисливъ на паденье рѣки $1^1/_2$ метра на килом. или на 14 килом. 100 метровъ, мы получимъ разницу выражающую глубину долины, въ 674 м., высоту, бо́льшую, чѣмъ абс. выс. Бусовника, Мажура-планины, Цетинья и Никшича.

б) *Плато Церквицкое и Пивская планина или восточная сторона р. Пивы.*

Этому гористому плато на другой сторонѣ отвѣчаетъ плато Церквицкое, которое лежитъ на сѣверо-западномъ продолженьи Дурмитора. Именно отъ Пруташа, одного изъ отроговъ Дурмитора, тянется кряжъ въ сѣверо-западномъ направленьи къ Пивѣ, какъ будто навстрѣчу Магличу. Въ немъ находятся вершины:

Еленакъ (1740 м.), Ягодный-верхъ и Капавица, а ближе къ Пивѣ Боботинъ-верхъ.

Все это всхолмленное плато дѣлится еще на двѣ половины кряжемъ, идущимъ отъ Штулца (2071 м.), сѣвернаго отрога Дурмитора, съ высотами: Црна-гора, далѣе Косманъ, Силевацъ (1513 м.) и наконецъ Соколъ (1415 м.), стоящій какъ разъ въ углѣ, образуемомъ Тарою и Пивой.

Южная половина называется Горною-Церквицей, сѣверная— Дольнею. Первая имѣетъ склонъ къ востоку къ долинѣ р. Сушицы; а вторая къ востоку и сѣверу къ Тарѣ.

Къ югу отъ группы Маглича, стелются высокія равнины Равное и Горанско; а противъ нихъ по другую сторону Пивы къ югу отъ Церквицъ идетъ тоже равнина называемая Пивскою планиной, тогда какъ вся лѣвая сторона Пивы носитъ названье Пивской Жупы.

Мы уже говорили о ложбинѣ, идущей отъ Горанска на ю.-в. до подножія Войника, въ которой находится нѣсколько равнинъ; подобныя же ложбины находятся и по другую сторону Пивы между подножіями Дурмитора и отдѣльными высотами Ружицей и Лояникомъ: Тодоровы-долы, Добрые-долы, Сальковацъ, Драгалево и др. Всѣ эти *долы* не настоящія долины, а просто продольныя впадины между горъ, въ которыхъ большею частью отсутствуютъ живыя воды; но за то въ нихъ отличныя пастбища и удобныя мѣста для устройства катуновъ.

в) *Карстовыя явленья.*

Есть впрочемъ долины, которыя по всѣмъ признакамъ должны были служить проводниками водъ, скопляющихся на высотахъ Дурмитора.

Такъ приблизительно на двухъ третяхъ высоты Дурмитора съ южной его стороны вы невольно останавливаетесь на краю внезапно открывшейся передъ вами пропасти, въ глубинѣ которой, какъ два морскіе глаза, виднѣются два темнозеленые озерца. Это провалъ Шкрка. Озерца эти не имѣютъ никуда видимаго

стока и между собою разобщены невысокою перемычкой. А нѣсколько ниже ихъ пробивается потокъ Марица, который однако тутъ же исчезаетъ въ какой то щели. Еще ниже въ томъ же направленьи идетъ глубокая долина, носящая названье р. Сушицы, въ которой однако нѣтъ воды. На пути изъ Езеръ въ Церквицы, перейдя отрогъ Дурмитора Штулацъ, приходится переходить эту долину приблизительно на половинѣ ея протяженья и вы увидите посреди этой чрезвычайно глубокой долины не особенно высокую перемычку, до которой иногда только, не каждый годъ, доходитъ вода сверху и тутъ же скрывается въ поноры; тутъ и видно нѣчто похожее на дно высохшаго пруда или озера. Тѣмъ не менѣе при самомъ концѣ изъ этой самой долины вливается въ Тару цѣлая рѣка, идущая очевидно подъ ея русломъ, за что и называютъ её рѣкою. По поводу этой сухой рѣки приведемъ весьма интересныя заключенья г. Тице, сдѣланныя имъ на основаніи геологическихъ соображеній: «Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію — говоритъ онъ — что Сушица когда-то была настоящею рѣкою подобно теперь существующей Тарѣ. Сушица носитъ на себѣ всѣ признаки величественной размывной долины (Erosionsthales) и обнаруживаетъ также извилины (Windungen) таковой. Если здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сухимъ русломъ, то причина этого заключается въ карстовой фармаціи. Въ этомъ отношеньи наблюдаемыя здѣсь явленья чрезвычайно поучительны. Она была въ состояньи прорыть пропасть со стѣнами, достигающими 400—800 ф., и, несмотря на то, не могла удержаться на этомъ ложѣ. — Рѣка эта, по мѣрѣ увеличивающагося углубленья горы, должна была все ниже уходить отъ притекающей къ ней воды и вслѣдствіе того все менѣе и менѣе была въ состояньи освобождать свое ложе отъ земляныхъ преградъ, какого бы рода онѣ спеціально въ нашемъ случаѣ ни были, хотя бы происходили частью отъ обваловъ, частью отъ продолжающагося сложенья горъ (Gebirgsfaltung), что не всегда легко рѣшить. Такимъ образомъ мы видимъ, что неполная замкнутая форма долины не начало или причина карстоваго процесса, а обратно этотъ про-

цессъ послужилъ причиною раздѣленья и замыканья «частей долины» [1]).

Другую подобную долину представляетъ Пирни-до. Онъ берется изъ того же центра, откуда и Сушица, только много ниже, именно изъ подъ Тодоровыхъ доловъ, и впадаетъ въ Пиву ниже Горанска. Это также чрезвычайно глубокая долина, вслѣдствіе чего недалеко отъ вершины ее обходятъ, употребляя на это часъ времени. Какая масса воды должна была работать, чтобы проточить на такую глубину камень! а между тѣмъ въ настоящее время она суха отъ вершины до устья, и въ лѣтнее время не найдешь ни капли воды. Вода по ней идетъ только во время сильнаго таянья снѣговъ или послѣ продолжительныхъ дождей осенью. Въ Пирномъ долѣ нигдѣ нѣтъ никакихъ перемычекъ, и вода можетъ итти свободно, мѣстами падая съ уступовъ; онъ полонъ лѣса, который сильною водою подмываетъ и несетъ внизъ, отчего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ такого лѣса образовались цѣлые завалы.

По поводу его сошлемся также на объясненье геолога. «Онъ теперь безводенъ — говоритъ г. Тице — а между тѣмъ атмосферическіе осадки въ той странѣ далеко не такъ незначительны, чтобъ не удовлетворить рѣку, берущую начало въ высокихъ горахъ, тѣмъ болѣе, что эти горы цѣлый годъ задерживаютъ въ себѣ снѣгъ, который долженъ питать рѣки; поэтому осушенье Пирнаго дола могло произойти только отъ того, что эта бывшая когда-то рѣка постепенно все болѣе теряла свою воду по продырявленнымъ окружающимъ ее горамъ, и потеря должна была произойти именно въ верхнихъ частяхъ тока рѣки. Источники, питавшіе рѣку, изсякли, потому что имъ открылись другіе выходы въ подземныя углубленья. Другими словами, карстовый процессъ произвелъ здѣсь осушенье рѣки, прежнее русло которой служитъ намъ болѣе, чѣмъ только памятникомъ давнихъ временъ [2]).

Дѣйствительно явленье оригинальное: при обиліи водяныхъ

---

[1]) Geol. Uebers. v. Monten. стр. 29 и 31.

[2]) Тоже стр. 34.

источниковъ на верху горъ, все пространство у ихъ подножія страдаетъ безводьемъ. Въ Церквицахъ единственное мѣсто, обилующее водою, это нижнее *церквицкое поле;* два хорошихъ ключа находятся подъ Црногорой, одинъ въ глубинѣ долины Сушицы и еще одинъ вскорѣ по выходѣ изъ нея по пути въ Недайно, вотъ и все; остальное же пространство совершенно лишено воды, и жителямъ приводится отыскивать снѣгъ въ щеляхъ горъ или въ провалахъ, гдѣ онъ держится цѣлый годъ, таять его въ корытахъ для питья самимъ и своему скоту.

Всю эту мѣстность на такомъ небольшомъ разстояньи обтекаютъ двѣ рѣки, всегда полныя воды, и воды притомъ чистой, холодной; но чтобъ спуститься къ ней и подняться обратно, нужно употребить, по крайней мѣрѣ, 2 часа; а каковы еще эти спуски и подъемы!

Совсѣмъ другое представляетъ западная половина этого плато, на лѣвой сторонѣ Пивы. Тамъ, начиная отъ Равнаго и до Горанска всюду есть ключи; хотя и тутъ р. Синяцъ выбивается изъ земли за какихъ-нибудь 2 кил. до своего впаденья въ Пиву, при томъ почти на одномъ съ нею уровнѣ; значитъ, большая часть и его теченья идетъ подъ землею.

г) *Вліянье мѣстности на жизнь органическую.*

Но, какъ мы уже упоминали, высокое положенье страны, мало подвергающейся вслѣдствіе того изсущающему дѣйствію лѣта и долго задерживающей на себѣ громадную массу снѣга, а также просторъ, дающій человѣку возможность пользоваться дарами матери-природы, не истощая ея въ конецъ, дѣлаютъ эту страну богатою и благодатною, несмотря на то, что здѣсь весьма суровый климатъ, съ продолжительными снѣжными зимами, заставляющими человѣка гораздо больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, хлопотать о теплѣ для себя и для скотины.

Впрочемъ здѣсь есть мѣсто, какъ долина Плужинской рѣки (близь Горанска) или Штепанъ-поле на Тарѣ (подъ Нижней-Церквицей), гдѣ можетъ расти не только кукуруза, но и виноградъ.

Сообразно съ тѣмъ и вегетація здѣсь весьма разнообразна. На высокихъ горахъ растетъ только черный боръ въ видѣ кустарника (pinus pumilio), немного ниже вообще хвойные лѣса — сосна, толщиною въ два обхвата, ель, пихта, есть даже молика (peuce); а въ глубокихъ долинахъ Тары, Пивы, Пирного-дола и др. — кленъ, который, свалившись, перегораживаетъ поперекъ долину, липа, дикая вишня громадными деревьями, груша, грецкій орѣхъ и т. д.

Слѣды древнихъ жилищъ, старыя кладбища со множествомъ громадныхъ плитъ, украшенныхъ рѣзьбой, свидѣтельствуютъ о бывшихъ здѣсь когда-то большихъ поселеньяхъ и о богатствѣ ихъ жителей, — и это въ мѣстахъ, гдѣ теперь считаютъ невозможною жизнь вслѣдствіе суровости климата! Не показываетъ ли это, что когда-то и здѣсь климатъ былъ иной, т. е. мягче теперешняго; да и культура стояла выше?

Подъ Пруташемъ напр. находятъ молоты, кайлы, желѣзныя лопаты, шлаки, свидѣтельствующіе о когда-то производившейся здѣсь разработкѣ желѣзной руды.

Слѣды обширной постройки на Штепанполѣ и до сихъ поръ уцѣлѣвшая, хотя и попорченая значительно церковь выше его, приписываемыя герцогу Штепану (въ половинѣ XV в.), а въ сущности относящіяся чуть ли не ко времени Неманичей, говорятъ ясно, по крайней мѣрѣ, въ пользу предположенія о высшей культурѣ.

2. ВОСТОЧНЫЕ СКЛОНЫ ДУРМИТОРА.

Перейдемъ теперь на восточную сторону Дурмитора, гдѣ встрѣтимъ въ устройствѣ поверхности иныя формы и вообще иныя картины и характеръ природы. Здѣсь живетъ другое племя, именно Дробняки, тогда какъ въ разсмотрѣнной нами половинѣ живутъ Пивляне; а границею между ними служитъ линія, проведенная въ ю.-ю.-западномъ направленіи отъ вершинъ р. Комарницы къ Пивѣ.

а) *Езера.*

Въ самомъ углѣ, образуемомъ съ одной стороны Дурмиторомъ и сѣвернымъ его продолженьемъ, а съ другой — р. Тарой, стелется равнина, носящая названіе Езеръ. Она идетъ въ ю.-ю.-восточномъ направленіи у подножія южныхъ отроговъ Дурмитора около 18 кил., потомъ, упершись въ Синявину, идетъ изъ-подъ нея почти прямо на сѣверъ къ Тарѣ и наконецъ Тарой до того мѣста, гдѣ къ ней спускается Шпулацъ, составляющій сѣверное продолженье Дурмитора. Это совершенно треугольникъ, стороны котораго изломаны протискивающимися внутрь его горами. Одну сторону, какъ мы уже сказали, составляетъ Дурмиторъ съ его отрогами, другую — Синявина, а третью — кряжъ, идущій надъ Тарой. Это совершенно замкнутая котловина, на которой и находятся озера, расположенныя по дугѣ, начиная съ сѣвера изъ-подъ Дурмитора: Барное, Черное, Валовитое, Сврабье, Вражье, Рыбье и въ восточномъ углѣ Зміиное. Всѣ они имѣютъ одинъ общій стокъ въ Тару черезъ щель между стоящими на ея краю Чернымъ-верхомъ и Тергилемъ, носящую названье Междужвалье. Черное озеро имѣетъ свое особое русло, по которому въ половодье вода изъ него устремляется рѣкой къ Междужвалью; а другія пробираются туда же небольшими канавками или подземнымъ путемъ, образуя при концѣ обильную ключами мѣстность Врела.

аа) *Пирлиторъ.*

И тутъ же какъ разъ у воротъ, ведущихъ къ Тарѣ, нѣсколько отдѣлившись отъ края, стоитъ гора Пирлиторъ, съ которой народная поэзія связала преданье о воеводѣ Момчилѣ, измѣнически убитомъ кралемъ сербскимъ Вукашиномъ, также измѣнически убившимъ прямого наслѣдника сербскаго престола Уроша, единственнаго сына Стефана Душана (во 2-й половинѣ XIV в.). Наверху Пирлитора дѣйствительно существуютъ слѣды стараго городка, т. е. небольшого укрѣпленнаго замка, со стѣною вокругъ него и другими постройками, объ которыхъ народъ гово-

ритъ съ увѣренностью: тутъ была пекарня, тутъ винный погребъ, тутъ темница. Къ потоку, въ которомъ собираются всѣ воды въ Езерахъ, Пирлиторъ спускается отвѣсною стѣною, и тутъ вы видите точно такія бороздки, какія теперь найдете на всѣхъ старыхъ каменныхъ отверстіяхъ колодцевъ, происшедшихъ отъ подъема воды сосудомъ на веревкѣ. Значитъ, здѣсь когда-то была жизнь; но такъ давно, что у народа существуетъ только темное преданіе объ томъ, дополненное конечно фантазіей.

Пѣсня повѣствуетъ намъ, что краль Вукашинъ соблазнился красотою жены восводы Момчила Видосавы, которую убѣдилъ выдать ему своего мужа, и дѣйствительно достигъ своей цѣли. Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь одно мѣсто изъ этой пѣсни, представляющее въ поэтической формѣ вѣрную характеристику этой мѣстности, еще рѣзче выступающую при сравненьи ея съ роскошнымъ положеньемъ Скадра.

Вотъ что пишетъ краль Вукашинъ женѣ воеводы Момчила:

«Видосава, Момчилова люба!
Что тебѣ въ этомъ льдѣ и снѣгѣ?
Посмотришь-ли съ града выше себя,
Ничего хорошаго не видишь,
Одну только бѣлую гору Дурмиторъ,
Убранный льдомъ и снѣгомъ,
Среди лѣта также, какъ зимою;
Посмотришь внизъ изъ-подъ града,
Бурливо течетъ тамъ мутная Тара:
Она ворочаетъ деревья и каменья,
На ней нѣтъ ни моста, ни брода;
А кругомъ только сосны да надгробныя плиты.
Отрави ты воеводу Момчила,
Отрави его или мнѣ выдай
И пріѣзжай ко мнѣ въ ровное Приморье,
Въ бѣлый Скадаръ на Боянѣ.
Будешь ты мнѣ вѣрною женой,
Будешь ты кралицей-госпожой;

Будешь шелкъ прясть на золотомъ веретенѣ,
Шелкъ будешь прясть, сидѣть на шелку,
А носить будешь атласы и бархаты,
Все расшитое чистымъ золотомъ.
А каковъ ли Скадаръ на Боянѣ!
Посмотришь вверхъ выше града,
Все поросло смоквой и маслиной,
Полны гроздьевъ виноградники;
Поглядишь ли внизъ подъ градомъ,
Поросла тамъ бѣлая пшеница,
А вокругъ-то все зеленый лугъ,
Сквозь него течетъ Бояна зеленая,
Въ ней плещутся рыбы всякія,
Кушай свѣжую, когда только захочется.» [1]).

Сравненье выбрано удачно. Пшеницы здѣсь дѣйствительно мало, сѣютъ её только въ сокровенныхъ уголкахъ на солнечномъ пригрѣвѣ; а жители довольствуются по большей части хлѣбомъ ячменнымъ. Да и жилищъ-то постоянныхъ до недавняго времени не было; а то все только лѣтніе катуны, потому что лѣто здѣсь короткое, и то не настоящее: случаются морозы иногда на петровъ день (29 іюня) и на ильинъ день (20 іюля); а снѣгъ обычно падаетъ съ митрова дня (26 октября) и держится до юрьева (23 апрѣля). Со скотомъ идутъ на Дурмиторъ съ петрова дня, а возвращаются на успенье (14 августа); снѣгъ же въ Дурмиторѣ начинаетъ падать съ 14 сентября, хотя и не держится.

Поэтому справедливо говорится въ пѣснѣ, что здѣсь больше приводится любоваться бѣлизною снѣга, чѣмъ зеленью луга. И лѣсъ здѣсь преобладаетъ темный, хвойный, и надгробныхъ плитъ много. Надъ Рыбьимъ озеромъ есть кладбище, на которомъ находится до 50 громадныхъ плитъ; а немного подальше еще 30

[1]) Вука С. Караджича Пѣсни. Кн. II. 1875. Женитьба краля Вукашина, стр. 105, стихи 9—40.

большихъ и болѣе 300 малыхъ; много ихъ совсѣмъ уросло въ землю; а много сломлено и растащено на другія постройки. Но эти самыя кладбища, наводившія унынie на составителя пѣсни, для насъ служатъ нѣмыми свидѣтелями изъ отдаленной древности, когда здѣсь жилось и шире, и богаче. Нужно было обладать хорошими средствами, чтобы ставить такіе памятники и нужно было умѣнье, чтобы ихъ такъ искусно обтесывать и вырѣзывать. Подъ Дурмиторомъ есть мѣстность, называемая Мягкіе долы: тамъ до сихъ поръ лежитъ около 70 такихъ плитъ, совсѣмъ готовыхъ, только что не украшенныхъ рѣзьбой. Оттуда безъ сомнѣнія принесены плиты на упомянутыхъ кладбищахъ, потому что вблизи нѣтъ нигдѣ такого камня, а путь, по которому тащили ихъ, весьма легкій, по наклону. Здѣсь же когда-то пролегалъ и главный торговый путь отъ Плевля къ Никшичу, потомъ долиной Зеты въ Подгорицу и наконецъ въ Скадаръ. Пролегалъ онъ между Пирлиторомъ и стоящимъ на краю Езеръ Чернымъ-верхомъ, въ тѣсномъ мѣстѣ, въ родѣ воротъ, и тутъ можно видѣть нѣчто въ родѣ бывшей заставы. Можетъ быть, тутъ и была застава, гдѣ взимались торговыя пошлины; а взимателями были обладатели града на Пирлиторѣ. Немудрено, что къ этой широкой торговой артеріи когда-то прилегало и значительное населенье. Можно сомнѣваться въ томъ, что когда-то здѣсь климатическія условія были лучше; но регрессъ въ культурномъ отношеніи, одичанье края вслѣдствіе неблагопріятныхъ культурѣ причинъ историческихъ и политическихъ, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію.

Еслибъ не суровый климатъ, Езера были бы прелестнѣйшимъ уголкомъ въ мірѣ. Это сплошной зеленый лугъ, по которому разбросались холмики съ сосновыми рощицами наверху, съ озерцами, какъ зеркало чистыми и гладкими, со струящимися всюду свѣтлыми ключиками, скромно пробирающимися между густою травой; всюду мягкость и влага; и поэтому мягкому фону пестрымъ узоромъ разсыпались кучки бѣлыхъ, какъ снѣгъ, овецъ. А по краямъ на пригоркахъ кучки домиковъ, драпирующихся въ

зелень окружающихъ ихъ рощъ. Всего здѣсь до 230 домиковъ, раздѣленныхъ на десятокъ группъ, называющихся селами.

бб) *Черное озеро.*

Красу всего этого и самую характерную мѣстность представляетъ Черное озеро. Описаніе другихъ озеръ найдетъ мѣсто въ особомъ отдѣлѣ, но описаніе этого считаемъ не лишнимъ привести здѣсь для дополненія картины мѣстности.

Оно находится какъ разъ у подошвы Дурмитора и на той именно сторонѣ, откуда его можно видѣть во всей красѣ и дикой прелести. Голыя сѣрыя стѣны его поднимаются отъ самой воды, и на самомъ верху грозно торчитъ вершина Медвѣдь, состоящая изъ скалъ и трещинъ; налѣво отъ него еще вершина Савинъкукъ, вправо зубчатый гребень, называемый Главы, а за ними на заднемъ планѣ также вся въ зубцахъ Тьирова-печина, составляющая высшую точку Дурмитора.

У подножія этихъ великановъ размѣстились низшія высоты, то въ видѣ отдѣльныхъ холмовъ, то длинными косами, частью покрытыя хвойнымъ лѣсомъ, частью голыя и скалистыя. И тутъто между ними пріютилось озеро съ плоскими, совершенно равными берегами, усѣянными бѣлою галькой и мелкимъ щебнемъ. Оно состоитъ изъ двухъ бассейновъ: первый, болѣе обширный, имѣетъ въ поперечникѣ приблизительно 1 кил.; а дальше Малое-озеро, отдѣляемое отъ главнаго двумя, поперекъ протянувшимися косами и соединяющееся съ нимъ протокой. Тамъ съ высоты 50 или болѣе саженъ изъ отверстія стѣны низвергается водопадъ. Вы видите, какъ, падая внизъ, онъ взбиваетъ клубы серебряной пѣны на черной зеркальной поверхности озера и при глубокой, царящей кругомъ тишинѣ, вамъ кажется, будто вы слышите шумъ водопада, хотя отъ него до мѣста наблюденія будетъ болѣе $1^1/_2$ кил. Кругомъ, со всѣхъ сторонъ обступаетъ густой лѣсъ: косматыя, словно паутиной опутанныя бѣлымъ мхомъ ели, подобныя имъ съ мелкою, густою хвоей пихты, стройныя сосны съ голыми стволами и съ пушистыми шапками на

верху; по низу все мягкіе мхи, да вѣчно зеленый чернижникъ. Все это напоминаетъ наши сѣверные виды. Вода озера отъ большой глубины и полной замкнутости кажется совершенно черною. Оно лежитъ тихо, не шелохнется, ни волны, ни даже ряби, и кругомъ ни тѣни чего-нибудь живого. Только стайка черныхъ нырковъ плескалась у берега и съ моимъ приближеніемъ отплыла дальше къ серединѣ. Но что имъ тамъ и дѣлать? Рыбы въ озерѣ не водится никакой; пробовали пускать туда рыбу, но и та исчезаетъ куда-то или дохнетъ. Глубина озера, по показанію жителей, неизмѣримая (измѣрять можно только зимой, когда оно покроется льдомъ, потому что лодокъ нѣтъ ни одной).

Полнѣйшее уединеніе, какое-то мертвое и угрюмое; тишина, нарушаемая только легкимъ гуломъ воздуха, струящагося между хвоей; повалившіяся и преданныя гніенію деревья; все это придаетъ ландшафту видъ мѣста запущеннаго и всѣми забытаго. Но оно имѣетъ свою прелесть, напоминая собою какой-то величественный, заброшенный, хотя еще въ полной силѣ роста и дикой красы паркъ. Вся обстановка его располагаетъ къ раздумью и мечтѣ, и неудивительно, что съ этимъ озеромъ народная фантазія соединила печальное преданіе о бывшемъ когда-то тутъ монастырѣ, провалившемся вслѣдствіе изреченнаго ему св. Саввою проклятія.

Намъ остается сдѣлать поправку въ описаніи его господиномъ Тице. Онъ говоритъ, что «поверхность этого озера представляетъ самое глубокое мѣсто въ цѣлой окрестности» и что оно «не имѣетъ ни одного видимаго стока» (стр. 26). Дѣйствительно оно лежитъ очень глубоко, потому что лежитъ подъ Дурмиторомъ и со всѣхъ сторонъ его обступаютъ горы; а стока его г. Тице не замѣтилъ потому, вѣроятно, что посѣтилъ эти мѣста въ іюлѣ, когда уровень озера былъ самый низкій, и ложбина, по которой стекаетъ изъ него вода въ то время, была совершенно сухая. Мнѣ же привелось быть тамъ въ началѣ октября. Дождливаго времени тогда хотя еще не настало и Дурмиторъ еще не успѣлъ покрыться снѣгомъ, отъ котораго обыкновенно увеличи-

вается вода въ озерѣ, при всемъ томъ въ ложбинѣ, идущей прямо отъ озера въ сѣверномъ или с.-восточномъ направленіи, стояли плесы, отдѣленные одинъ отъ другого перемычками, состоящими изъ торфяного слоя, толщиною около 1 ф., подъ которымъ стояла вода; и даже сверху этотъ торфяной покровъ разрѣзывали канавки, по которымъ слегка струилась вода. Пройдя отъ озера вдоль этой болотистой ложбины кил. 2, вы встрѣчаете уже открытый потокъ, черезъ который не иначе переходятъ, какъ по импровизованному бревенчатому мостику. Далѣе идетъ уже цѣлый оврагъ, русло котораго завалено каменьями, и по которому по временамъ стремится изъ озера цѣлая рѣка къ извѣстному уже намъ Междужвалью.

б) *Плато Синявина.*

Къ юго-востоку непосредственно отъ Езеръ тянется высокое плато Синявина-планина, на которой стоитъ рядъ высотъ, начиная отъ Езеръ: Кучаевица (1755 м.), Гусаръ (1875 м.), Корманъ (1894 м.), Печорацъ или Верхи (2012 м.), Планиница (1839 м.), Старацъ (2002 м.) и Яблановъ-верхъ (2168 м.). Высшія изъ этихъ вершинъ идутъ ближе къ юго-западному краю, изъ чего можно видѣть, что здѣсь и наибольшее поднятіе цѣлаго плато. Между ними нѣтъ ни глубокихъ долинъ ни впадинъ, а вся мѣстность приподнята ровно со склонами на всѣ четыре стороны и съ весьма крутыми спусками къ Тарѣ на сѣверъ и востокъ и къ долинамъ рр. Тушины и Морачи. Она безводна вся, подобно западной сторонѣ Дурмитора, и съ нея сбѣгаютъ лишь нѣсколько крутыхъ и короткихъ потоковъ въ Тару. Большая часть Синявиной безлѣсна, только на сѣверномъ и восточномъ склонахъ есть лѣсъ, состоящій изъ хвойныхъ деревъ, преимущественно *чернаго бора* (pinus nigra или halepensis). Но за то она богата пастбищами и сѣнокосами.

Посреди ея нѣтъ ни одного поселенья, только при краѣ надъ Тарой пріютилось небольшое, но крѣпкое и очень храброе племя Шаранцы. Продолжительная зима съ страшно большими снѣгами

не даетъ здѣсь поселиться человѣку; за то она наполняется лѣтомъ катунами: кромѣ шаранцевъ и дробняковъ, горне-морачанами, бѣлопавличами и ускоками изъ турецкихъ предѣловъ по р. Тарѣ. О продолжительности зимы можно судить по тому, что, проходя здѣсь 6-го мая по южному склону, я нашелъ всѣ впадины до верху заваленными снѣгомъ, и привелось болѣе часу итти по снѣгу. Но въ то же время нѣтъ ни одного столь высокаго мѣста, какъ Синявина, гдѣ бы зимой была такая тишина и теплота, что нѣкоторые въ катунахъ остаются на всю зиму. Съ остальнымъ свѣтомъ они тогда прерываютъ уже всякія сношенія на всю зиму, запасшись только мукой, солью, одежей, достаточнымъ количествомъ пороху и свинцу и другими необходимыми вещами, и конечно припасши въ изобиліи сѣна. Ходить они могутъ неподалеку, напр. на охоту и притомъ подвязываютъ къ ногамъ *крпли* — нѣчто въ родѣ нашихъ лыжъ, но менѣе удобныя и болѣе тяжелыя. Для пригона скота устраивается не крытое помѣщенье, а изъ поставленныхъ торчмя досокъ безъ крыши, и при всемъ томъ бываетъ тепло.

Вотъ что я встрѣтилъ однажды на ней, путешествуя 8-го октября изъ Колашина. Внизу, въ Колашинѣ дулъ страшный вѣтеръ, притомъ такой холодный, что коченѣли руки; на Синявиной же я нашелъ полнѣйшее затишье и теплоту передъ солнцемъ точно весною. Выбравшись наверхъ послѣ двухчасового подъема, и, пробывши передъ тѣмъ около мѣсяца въ лихорадкѣ, я чувствовалъ усталость и сѣлъ отдохнуть. Передо мною разстилалась, точно наша степь, травянистая равнина; трава не тронута, ни скошена вся, ни скотомъ не потравлена, и такъ густа, что, сидя на ней, чувствуешь себя какъ на войлокѣ. Подлѣ меня гдѣ-то затрещалъ кузнечикъ, поднявшись по былочкѣ наверхъ; онъ пѣлъ долго; но наконецъ смолкъ, не получивъ отвѣта; прожужжала муха, оживленная солнечными лучами; паучекъ тоже копошился въ своей паутинкѣ, пользуясь напослѣдяхъ солнцемъ; что-то грустное и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное было въ этихъ послѣднихъ знакахъ жизни, въ замирающей природѣ, и какъ-то

было странно встрѣтить столько нѣжащей теплоты на такой высотѣ и въ такое позднее время года, зная, что черезъ какой-нибудь еще десятокъ дней здѣсь все будетъ погребено подъ снѣгомъ. Случается такъ, что внизу въ Колашинѣ мятель и вьюга; а на Синявиной тишина и свѣтитъ солнце. Лѣтомъ же она необыкновенно холодна; а осенью и весной бываютъ сильные туманы, опасные для путешественника, потому что тогда легко заплутаться. Послѣ этого намъ остается еще разсмотрѣть южные склоны Дурмитора.

3. ЮЖНЫЕ СКЛОНЫ ДУРМИТОРА.

Этимъ склонамъ р. Пива обязана своимъ происхожденьемъ. Здѣсь вытекаютъ Комарница, Шавникъ, Буковица и Тушина, изъ которыхъ она составляется, и только р. Бѣлая течетъ не отъ Дурмитора. Въ высшихъ частяхъ этого склона, какъ и на восточномъ, находится нѣсколько озеръ, которыя однако лежатъ въ значительныхъ углубленьяхъ и притомъ разобщены одно отъ другого. Тутъ, какъ мы уже видѣли, лежатъ два озера въ Шкркѣ, и тамъ же, по всѣмъ вѣроятіямъ, лежатъ озера Зеленое и Подранское, которыхъ не удалось видѣть ни мнѣ, ни г. Тице; а видѣлъ ихъ г. Бауманъ. На перевалѣ отъ Езеръ къ югу есть нѣсколько *локвъ* (натеки воды), которыя имѣютъ стокъ къ Буковицѣ, и самая Буковица берется изъ мѣстности, называемой Провалія т. е. мѣста очень углубленнаго, гдѣ тоже есть какое-то скопленье воды. Слѣдовательно здѣсь мы опять имѣемъ цѣлый озерной поясъ.

а) *Карстовыя рѣки Комарница и Шавникъ.*

Между Комарницей и Буковицей продолженье Дурмитора составляютъ Сѣдло-Раписава и Ивица, составляя въ то же время по внѣшней формѣ одно цѣлое съ тою частью, которая лежитъ къ западу отъ Комарницы, такъ какъ эта рѣка течетъ въ чрезвычайно узкой долинѣ; а въ самомъ нижнемъ своемъ теченьи, дѣлая поворотъ къ западу, оба берега такъ близки одинъ къ дру-

гому, что черногорецъ можетъ перескочить, а дальше ея вовсе не видать подъ нависшими стѣнами. Въ томъ мѣстѣ очевидно, что рѣка когда-то текла совершенно подъ сводомъ.

Такою до сихъ поръ остается р. Шавникъ, между Комарницей и Буковицей. Онъ вытекаетъ изъ пещеры на высотѣ отъ основанья метра на $1\frac{1}{2}$ потокомъ въ ширину до 6 метровъ, при глубинѣ болѣе одного метра. Сдѣлавъ первый скокъ, онъ падаетъ еще ниже на 2 м. по круто наклоненной плоскости, разбиваясь на нѣсколько сильныхъ струй, и только отсюда течетъ по обычному руслу, весьма крутому, на соединенье съ рр. Буковицей и Бѣлой, пройдя всего не болѣе $1\frac{1}{2}$ кил.; и тутъ на немъ устроено до десятка мельницъ. Показанныя нами мѣры ширины, глубины и отчасти наклона могутъ дать понятіе о массѣ носимой имъ воды; надобно при томъ замѣтить, что эти наблюденія сдѣланы были мною въ *междудневицу* (отъ 12 авг. до 8 сент.), когда бываютъ наименьшія воды; а можно себѣ представить, какимъ онъ бываетъ въ сезонъ половодья! Разрушенья онъ производитъ тогда ужасныя. Но въ *междудневицу* съ нимъ происходитъ и нѣчто необыкновенное. Теченье его сразу прерывается минутъ на 5; тогда сразу же останавливаются всѣ мельницы и его русло дѣлается сухимъ. Иногда это повторяется нѣсколько разъ въ день. Народъ говоритъ, что рѣку хватаетъ *мукавица*, подобно тому, какъ съ человѣкомъ и съ другими животными дѣлаются схватки, такъ что затрудняетъ дыханье и какъ бы прекращается на время жизнь. Одни объясняютъ это тѣмъ, что рѣку хватаетъ какое-то сверхъестественное существо, и что даже видится глубоко въ пещерѣ что-то черное, шевелящееся; другіе же смотрятъ на это явленье съ точки зрѣнія раціональной и полагаютъ, что тамъ дѣлаются завалы, которые задерживаютъ воду, пока она своею силой ихъ не прорветъ или не перельется черезъ нихъ; но послѣ того она должна бы выносить каменья и быть мутною, чего однако не бываетъ на дѣлѣ; она выходитъ послѣ этого такою же чистою, какою и была.

Принятое въ наукѣ объясненье, что остановка теченья про-

исходитъ отъ слабости и совершеннаго изсяканья питающихъ жилъ, и что потомъ теченье возобновляется, когда резервуаръ наполнится, не вполнѣ удовлетворительно: тогда это явленье не могло бы совершаться такъ быстро; какъ переставать, такъ и снова течь вода должна бы постепенно.

б) *Граница и различіе между частями обильными водою и безводною.*

Разсматривая всю эту мѣстность, представляющую одно цѣлое, по внѣшнему строенью поверхности, мы должны однако отмѣтить рѣзкую разницу по внутреннимъ свойствамъ между мѣстностями, лежащими къ западу отъ Комарницы, и къ востоку.

Первая отличается сухостью и неспособностью задерживать воды на своей поверхности. Такъ большое село Дужи и рядомъ съ нимъ Дубровское, стоя прямо на краю рѣки, терпятъ нужду въ водѣ, потому что сойти внизъ къ рѣкѣ слишкомъ глубоко и круто, а ключей нѣтъ. Вся эта мѣстность такъ и бьетъ глаза бѣлизною всюду выступающихъ голыхъ скалъ и нанесенныхъ вешними водами валуновъ и тощимъ видомъ растительности, какъ древесной, такъ и травяной. Напротивъ восточная половина вся состоитъ изъ холмовъ и впадинъ между ними съ мягкими, ровными очертаньями, покрытыхъ толстымъ слоемъ земли; нѣтъ торчащихъ вездѣ скалъ и всюду изъ земли выступаютъ ключи. Въ ложбинѣ, гдѣ стоитъ село Поштьенье, находится озеро, которое вмѣстѣ съ окружающею её мѣстностью, представляетъ чисто среднеевропейскій ландшафтъ. Отсюда идетъ чрезвычайно пологій спускъ къ р. Шавнику широкой долиной, въ которую стекаютъ воды озера и окружающей его вообще мокрой мѣстности, между горами: съ лѣвой стороны Туріей, съ правой — Заврогомъ (за нимъ идетъ Комарница). На другой сторонѣ идетъ подъемъ также пологій и мягкій на Мокрую и выходитъ въ промежутокъ между Войникомъ и Лолей-планиной, гдѣ дѣлятся и склоны: одинъ идетъ къ сѣверу, дру-

гой къ югу; эта же линія служитъ раздѣломъ между мѣстностью, обилующею водой (на сѣверѣ) и безводною (на югѣ).

Идя отъ Никшича въ Шавники въ 1879 г. (это былъ самый сухой годъ) 9 авг. (самое сухое время), я подъ Войникомъ нашелъ воду изъ снѣга; а далѣе всѣ мѣста, своими именами обѣщавшія воду, какъ Глогови — потокъ, Агановъ — убао — оказались сухими; но только сталъ миновать Войникъ, нашелъ ключъ въ долинѣ Крушевицѣ; а пройдя Войникъ и ступивши на Крново, откуда начинается склонъ къ сѣверу, я встрѣтилъ уже совершенно другую природу. До сихъ мѣстъ во всей Черногоріи я видѣлъ всѣ посѣвы сожженные солнцемъ; а здѣсь — все: кукуруза, пшеница, овесъ, гречиха, картофель — смотрѣло такъ свѣжо, какъ и въ добрый годъ.

Линію, которою бы отдѣлялась мѣстность съ мягкими очертаньями рельефа, съ глубокой и влажною почвой, можно провести отъ Войника къ Лолѣ и Яворью, а далѣе къ Синявиной и Градишту. Она заключаетъ въ себѣ бассейнъ рр. Бѣлой, Шавника, Буковицы, и узкою полосою идетъ вверхъ по долинѣ р. Тушины.

Вся эта мѣстность одна изъ прелестнѣйшихъ въ Черногоріи по своему романтическому положенью, по богатству водой и по роскошной растительности. Къ сожалѣнью для земледѣлія здѣсь мало простора: всѣ ея равнины — или небольшія отлогости на склонахъ горъ, иногда слишкомъ высокія и потому холодныя, или узкія полосы по краю рѣкъ, которыя ужасно круты и бѣшены и часто сносятъ цѣлыя поля. Не мало вреда дѣлаютъ и со всѣхъ сторонъ стремящіеся потоки, также размывая и обваливая берега и засыпая камнемъ. Близость Дурмитора и другихъ высокихъ горъ вообще оказываетъ сильное охлаждающее дѣйствіе на температуру. Поэтому земледѣліе здѣсь не составляетъ главнаго занятія, а только подспорье скотоводству, для чего имѣется подъ бокомъ Дурмиторъ. Богаты эти мѣста также лѣсомъ; а массою текущихъ водъ, этого даровогo двигателя, можно воспользоваться для развитія обработывающей промышленности.

Пока однако здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ множества мельницъ мукомольныхъ и сукновальныхъ.

Не вдаваясь въ большія подробности, мы можемъ этимъ закончить характеристику области Дурмитора и перейти къ центральному массиву.

III. ОБЛАСТЬ ЦЕНТРАЛЬНАГО МАССИВА.

1. СѢВЕРНЫЙ КРАЙ.

Означенныя нами выше границы этого массива легко опредѣляются на глазъ при наблюденьи ихъ въ натурѣ. На пути изъ Колашина въ Тушину черезъ Синявину вы видите въ самомъ рѣзкомъ контрастѣ съ одной стороны ровную, легко взволнованную зеленѣющую поверхность Синявинскаго плато къ сѣверу отъ долины Липова, съ другой — къ югу отъ нея нагроможденье горъ, чрезвычайно высокихъ, съ голыми острыми вершинами, которыя висятъ надъ отвѣсными пропастями, зіяющими у ихъ подножія. Это Градиште и Вучье, среди которыхъ торчитъ зубчатый гребень, почему-то носящій названье Столовъ. Такой характеръ носитъ весь этотъ уголъ, одну сторону котораго составляетъ линія, проведенная по высотамъ, огораживающимъ лѣвую сторону долины р. Тушины, а другую — линія на Маганикъ. Отъ этой послѣдней линіи къ востоку къ долинѣ Тары простирается плато, покрытое незначительными возвышеньями, среди которыхъ на самомъ краю стоитъ Острвица.

Внутри означеннаго угла мѣстность называется Горняя Морача. Она вся изрѣзана поперечными, весьма узкими и короткими долинами, идущими къ р. Морачѣ съ сѣверо-востока отъ Градишта и съ юго-запада отъ центральнаго высшаго подъема цѣлаго массива, гдѣ находятся также весьма высокія горы — Тали (2,029 м.), Капа-Морачка и Лола. Между Талями и Маганикомъ прорѣзали себѣ путь Ибрія и Мертвица, притоки средней Морачи. Эти двѣ рѣки текутъ въ чрезвычайно глубокихъ долинахъ и при-

томъ появляются на днѣ ихъ, очевидно совершивши предварительно дальній путь подъ землею. Есть наконецъ долины также глубокія безъ рѣкъ, таковы Велье-Дубоко и Мертво-Дубоко. По первому почти постоянно идетъ потокъ, то наружи, то скрываясь подъ нагроможденьями валуновъ и гальки; а во второмъ есть нѣсколько ключиковъ, которые обычно держатся при своихъ истокахъ, не выходя на долину, и только въ соединеньи со снѣжною и дождевою водою устремляются по долинѣ бурнымъ потокомъ.

На высотѣ очевидно вода не задерживается, вслѣдствіе свойствъ породы, изъ которой состоятъ горы; но есть маленькое озерцо надъ Морачскимъ монастыремъ въ часовомъ разстояньи отъ него, изъ котораго подземнымъ путемъ къ самому монастырю, стоящему высоко надъ р. Морачей, пробирается потокъ, и вода его проведена во дворъ монастыря въ видѣ чесмы въ стѣнѣ, а главная струя, протекая за монастыремъ саженъ 15, низвергается внизъ водопадомъ съ высоты 15—20 метровъ. При мнѣ однажды черезъ отверстіе, гдѣ выходитъ этотъ потокъ, появилась форель и, устремившись внизъ по теченью, конечно попала (живая или мертвая, не знаю) въ Морачу. Иногда продушина, по которой вода изъ озерца спускается внизъ, засоряется, и потокъ внизу течетъ слабо или вовсе перестаетъ; тогда изъ монастыря отправляются люди, расчистятъ, и онъ течетъ по прежнему.

Кромѣ долинъ, сухихъ или съ потоками, есть еще такъ называемыя Лазбы Велья и Малая. Это просто глубокія ямы съ плоскимъ дномъ, обставленныя стѣнами скалъ, и проникнуть въ нихъ иначе нельзя, какъ спускаясь сверху по веревочной лѣстницѣ. А спускаются туда, потому что тамъ есть земля. Въ Вельей Лазбѣ поселилась сначала одна семья, а теперь тамъ уже два дома съ пятнадцатью душами. Всякую скотину они должны туда спускать; поэтому крупную рогатую скотину приносятъ телятами. Волкъ туда не можетъ попасть никакъ. И живутъ-же тамъ люди, и несутъ даже воинскую повинность, будучи однако отъ податной повинности освобождены. Эта лежащая къ югу отъ

Мертвицы страна называется — Ровцы, чѣмъ однако не дается еще полное понятіе объ ужасномъ характерѣ мѣстности.

Впрочемъ здѣсь климатъ весьма теплый, и родится прекрасно все, даже виноградъ; нѣтъ только простора; поэтому много ровчанъ оставляютъ свою родину, ища болѣе просторныхъ мѣстъ или другихъ средствъ къ жизни. Рядомъ съ бѣдностью однако вы встрѣчаете здѣсь еще необыкновенное гостепріимство.

2. ВНУТРЕННІЯ ПЛАТО.

Отъ Маганика протягивается гористый кряжъ на сѣверо-западъ къ Лолѣ, а еще вѣтвь на юго-западъ къ окраинѣ Зетской долины: на ней мы встрѣчаемъ высоты Лебершникъ (1824 м.), Прекорницу (1893 м.) Лисацъ-Бѣлопавличскій (1538) и др., а по краю долины также рядъ незначительныхъ высотъ, составляющихъ, такъ сказать, ступени при спускѣ въ долину Зеты. Приподнятіе между Прекорницей и Лебершникомъ служитъ раздѣломъ двухъ плато. Одно, террасами спускающееся къ низкой равнинѣ у соединенья Зеты съ Морачей; другое, идущее къ сѣверо-западу подъ Войникъ. Оба они составляютъ какъ бы одну ложбину, раздѣленную упомянутымъ выше поднятіемъ, черезъ которую въ распадкѣ между двумя вершинами Лебершника теперь идетъ путь, соединяющій обѣ части.

На первомъ плато находятся замкнутыя равнины, какъ Копилье и Радовче, того же характера, какъ Цетинская или Граховская; а на второмъ цѣлая система равнинъ, то непосредственно связанныхъ между собою, то разъединенныхъ горами или просто скалистыми перемычками, подъ общимъ названьемъ планины Лукавицы; подъ этимъ именемъ разумѣются и равнины, и окружающія ихъ горы, имѣющія въ тоже время свои особыя частныя названья.

Не пускаясь въ подробности, остановимся на мѣстностяхъ, отличающихся особенностями, какихъ не имѣютъ остальныя.

а) *Пониквица.*

Такою является Пониквица — котловина тотчасъ по спускѣ изъ подъ Лебершниковъ изъ такъ называемой Трубьелы, распадка, по которому идетъ подъемъ около $2^1/_2$ ч. До этого спуска нигдѣ нѣтъ живой воды, а все такъ называемыя локвы: Жабячья, Буковая и др., въ которыхъ вода мутная, потому что набирается изъ стоковъ съ землистыхъ береговъ, большей частью изъ красной глины; годною для питья её можно считать только въ крайней нуждѣ, когда на всемъ пути на разстояньи $4^1/_2$ ч. другой воды и нѣтъ. Вода эта ухудшается еще тѣмъ, что тутъ же поятъ и скотину, которая влѣзаетъ туда съ ногами по брюхо. Отъ этого она бываетъ лѣтомъ густа, какъ разведенная краска, и вонюча. Лучшая изъ нихъ Буковая высоко на перевалѣ среди густого буковаго лѣса довольно глубокая въ глубокой же между крутыми берегами впадинѣ. Пониквица представляетъ этому рѣзкій контрастъ. Она вся въ ключахъ, которые свѣтлыми струйками спускаются въ нижнія части, гдѣ образуется изумрудно-зеленая лужайка, мягкая, съ проступающею всюду водою, и исчезаютъ гдѣ-то въ подземныхъ глубинахъ, изъ которыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, пробираются въ находящуюся тотчасъ внизу Никшицкую Жупу, составляя питательныя жилы текущей тамъ р. Грачаницы. Послѣ однообразія единственной каменной породы известняка сѣраго и бѣлаго цвѣта, господствующаго во всей этой мѣстности, васъ поражаетъ здѣсь разнообразіе цвѣтовъ почвы. Тотчасъ съ прихода вы встрѣчаете чесму, устроенную въ камнѣ необыкновенной бѣлизны. Это тоже известнякъ, который однако, будучи размельченъ, обращается въ мягкую пыль; а весь низъ занимаетъ сплошной слой глины, частью въ твердомъ состояньи, какъ камень, а частью сдѣлавшейся отъ воды мягкою, такъ что взятая между пальцами она мажется, какъ сало. Глина эта синевато-сѣраго цвѣта, а въ водѣ принимаетъ еще сверху окраску тонкимъ слоемъ голубоватаго цвѣта; мѣстами она желтая, какъ охра. Сверху къ центру котловины тянутся штоки бураго желѣзняка, легко

дробящагося и дѣлящагося на кубики. Немного ниже — известняки, окрашенные въ зеленую краску и буро-красная глина въ родѣ нашей, такъ называемой, мельничной кусками и штоками, затѣмъ опять бурый желѣзнякъ, асфальтовый известнякъ и кремень краснаго цвѣта въ родѣ сердолика. На самомъ же верху все известнякъ чрезвычайно бѣлаго цвѣта.

Вода, текущая по желобку въ чесмѣ, чрезвычайно холодна, именно + 2° R.

Края этой котловины составляютъ горы, частью скалистыя, частью ровныя, окружающія ее темно-зеленымъ вѣнцомъ густого лѣса, почти исключительно чернаго бора. Вѣтви всѣ преклонены къ низу съ выгибомъ, свидѣтельствуя о тяжести наваливающагося на нихъ снѣга; даже самые стволы изогнуты; многія деревья въ два ствола, что такъ рѣдко между хвойными.

Пониквица считается самымъ холоднымъ и самымъ снѣжнымъ мѣстомъ. Я былъ здѣсь 18 августа, а катуны были уже пусты. Лукавица значительно теплѣе, да и лежитъ она, по всѣмъ вѣроятіямъ ниже.

За небольшою перемычкою лежитъ еще котловинка меньше, закрытѣе и ниже. Она представляетъ собою сплошную луговинку: изъ подъ каменныхъ краевъ ея кругомъ пробиваются ключи и образуютъ посрединѣ озерцо, изъ котораго вода стекаетъ къ сѣверо-восточному краю, образуя еще скопленье, откуда она вытекаетъ чрезвычайно извилистою канавкою и, виляя туда и сюда, частью исчезаетъ прямо въ землѣ, частью уходитъ въ щель въ томъ краю, гдѣ Пониквица. Если и эта вода, какъ и должно предполагать, тоже стремится къ Жупѣ, то она должна имѣть свой ходъ подъ Пониквицей.

Сдѣлавъ еще одинъ перевалъ, вы вступаете въ лабиринтъ каменистыхъ холмовъ съ замкнутыми котловинами, а мѣстами съ продолговатыми лощинами — это опять катуны (бѣлопавлицкіе). Всѣ холмы состоятъ изъ скалъ бѣлаго известняка, совершенно лишенные земляного покрова; но при всемъ томъ на нихъ растетъ черный боръ. Странно смотрѣть на эти деревья, не имѣю-

щія подъ собою нисколько земли, какъ будто просто поставленныя на голые камни. Конечно корни ихъ давно уже зарылись въ щели, гдѣ собирается лучшая черная земля, которая была и сверху, но ее всю понесло водою и вѣтромъ. Этотъ процессъ можно видѣть еще и теперь. Будь это поближе къ постоянному жилью, не осталось бы и этихъ деревьевъ, и тогда бы образовалось голое мѣсто, какихъ много въ Черногоріи.

б) *Штитово.*

Еще полтора часа ходу, и вы приходите на Штитово, гдѣ въ нѣсколькихъ расширеньяхъ разбросалось десятка два колибъ бѣлопавлицкихъ же и пиперскихъ; но люди со скотомъ уже откочевали. Колибы затворены: около наложены кучи дровъ, цѣлыя бревна изъ лома и валежника; въ корытцѣ, помѣщенномъ на полочкѣ снаружи подъ крышей, вода изъ растопленнаго снѣга и груда снѣга лежитъ еще не растопившаяся; видно, что ушли люди только вчера. Но вотъ подгоняютъ еще два гурта овецъ: это идутъ съ Лукавицы домой; бѣгутъ тоже всѣ отъ холода. 16 августа былъ дождь и такой холодный, что у одного хозяина издохло 10 козъ и 3 овцы; а у другихъ тоже былъ уронъ.

Мнѣ привелось тутъ переночевать и на себѣ испытать холодъ, несмотря на то, что дулъ южный вѣтеръ. Ночью съ дождемъ вмѣстѣ падалъ и снѣгъ. Таковъ здѣсь августъ мѣсяцъ.

в) *Лукавица.*

До Малой-Лукавицы еще часъ, а отъ этой до главной равнины Лукавицы $1^1/_2$ часа.

Стоя на высокомъ краю этой равнины, до дна которой нужно спускаться еще полчаса, мы видимъ прямо передъ собою (между 2° NW и 3° NO) Большой и Малый Журимы; послѣдній состоитъ изъ трехъ вершинъ, до которыхъ остается еще километровъ 6; въ глубинѣ слышится шумъ потока, и дѣйствительно мы видимъ съ правой стороны скачущій изъ-подъ стѣны потокъ, который со множествомъ извилинъ обтекаетъ всю равнину и, окру-

живъ ее, возвращается какъ бы назадъ, изливаясь на другую половину къ юго-востоку. Очевидно, что впереди есть возвышенье, которое изъ ближней къ намъ части дѣлаетъ какъ бы особый бассейнъ. Къ юго-востоку эта равнина тянется часа $1^1/_2$ до Капетанова-озера, изъ котораго берется Мертвица, впрочемъ, подземнымъ путемъ. Здѣсь-же пролегаетъ и прямой, весьма удобный путь къ Морачскому монастырю.

Это только одна половина равнины; а другая пошла къ с.-западу. Справа и слѣва ее обступаютъ стѣной горы; притомъ на лѣвой сторонѣ, обращенной къ сѣверу, горы сплошь поросли лѣсомъ (хвойнымъ), тогда какъ правая, называемая Шлеме, съ южнымъ склономъ, вся голая, крутая, состоитъ изъ скалъ; но изъ нея всюду бьютъ ключи и образуютъ внизу болотистую мѣстность. Въ первомъ, попавшемся по пути, ключѣ температура + 4° R. На этой же сторонѣ, куда идемъ, стоятъ и Журимы; а подъ ними влѣво широкая равнина, значительно углубленная, и въ нее-то сливаются всѣ воды, вытекающія изъ-подъ праваго берега, въ томъ числѣ и отъ Журимовъ. Сначала они собираются въ три канавки, идущія навстрѣчу одна другой, потомъ во впадинѣ сливаются въ одну и извилистымъ потокомъ обтекаютъ кругомъ и тамъ исчезаютъ въ понорѣ. Эта нижняя часть равнины называется Бойовича-бары (болота), и дѣйствительно, временами она вся наполняется водою, образуя озеро; поэтому все накошенное здѣсь сѣно выносятъ оттуда заблаговременно и складываютъ въ стожки на трехъ возвышеніяхъ.

Подъ Малымъ-Журимомъ начинается возвышеніе посреди равнины во всю ея ширину, и тутъ, у самой его подошвы находится до десяти колибъ изъ Загарча; тогда какъ Бойовича-бары принадлежатъ жуплянамъ.

Чрезвычайно оригинальна фигура Малаго-Журима. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ зубцовъ, совершенно голыхъ, съ узкими щелями, прорѣзавшими его сверху внизъ, въ которыхъ кое-гдѣ только виднѣется трава и синіе колокольчики; а съ половины высоты идетъ отсыпь изъ его разрушеній. Одна изъ вершинъ со-

вершенно коническая и какъ бы сложенная изъ громадныхъ квадръ, расположенныхъ правильно горизонтальными рядами.

Наблюдая отъ Журима противоположную сторону, вы видите тамъ двѣ горы: слѣва Куцкій-тморъ, а справа Боровникъ, между которыми находится распадокъ, обращенный на юго-западъ къ Жупѣ и запертой только невысокою перемычкою. Вся вода слѣдовательно подземнымъ путемъ уходитъ отсюда въ Жупу.

Упомянутое выше возвышеніе, тянущееся отъ Журимовъ къ Боровнику, дѣлитъ воды, текущія съ одной стороны на югъ въ Жупу, съ другой — на западъ.

Сзади Журимовъ находится еще широкая котловина, раздѣляемая посединѣ въ сѣверо-западномъ направленіи каменистымъ кряжемъ, вслѣдствіе чего вмѣсто сплошной равнины образуются по обѣ стороны его замкнутыя и сухія долины. Съ сѣверо-восточной стороны ее огораживаютъ круто спускающіяся горы, составляющія подножія Лоли. Часть ихъ совершенно обнажена и состоитъ изъ краснаго известняка съ какими-то бѣлыми прослойками. Здѣсь по одной разсѣлинѣ, называемой по красному цвѣту породы, Црвено-ждрело, проходитъ прямая дорога черезъ Лолу и Яворье къ Синявиной: ею лѣтомъ ходятъ обыкновенно изъ Никшича и изъ Бѣлопавличей.

Въ рядъ съ Црвенымъ-ждреломъ къ сѣверо-западу находится высота Сурдупъ: это — конусъ, сверху зеленый, къ низу спускающійся стѣной, а еще ниже — отсыпь, которая покрыта травою и, несмотря на крутизну, кòсится и вся уставлена стожками сѣна. Это уже дробняцкое.

На заднемъ планѣ за этимъ краемъ выше виднѣется широкій конусъ Штитъ, весь зеленый; а еще дальше высятся Лола и Капа-морачская; но ихъ не видать.

Упомянутый выше, стоящій посреди котловины каменный кряжъ, весь покрытый густою травой, которую не успѣваютъ попасти скотомъ за все цѣлое лѣто; а косить нельзя, вслѣдствіе всюду торчащихъ скалъ.

Самыя колибы разбросаны кругомъ; для питья имъ служитъ

одинъ ключъ; а сверхъ того имѣютъ скопленія воды въ ямахъ, изъ которыхъ поятъ скотъ.

Отсюда, какъ и изъ главной равнины, есть выходъ къ сѣверо-западу на ту дорогу, по которой идутъ изъ Никшича въ Шавники.

За Сурдупомъ идетъ уже р. Бѣлая, одна вершина которой вытекаетъ изъ-подъ разсмотрѣннаго нами плато Лукавицы, а другая далѣе прямо изъ-подъ Лоли. Къ сѣверо-западу ото всей этой мѣстности высокія горы оканчиваются, разбиваясь на холмы, между которыми разстилаются травянистыя, хотя и сухія, равнины, то въ видѣ котловинъ, то въ видѣ пологихъ ложбинъ; мѣстами торчатъ скалы и камни, точно какіе-нибудь памятники; всюду множество скота и стоятъ стоги сѣна. Мѣстами попадаются колибы, принадлежащія жуплянамъ.

Съ такимъ характеромъ мѣстность идетъ подъ Войникъ, гдѣ и сливается съ извѣстными уже намъ равнинами, какъ Ясеневополе, Липова-равань, Вучье и др.

Самая равнина Лукавицы имѣетъ въ длину около 10 кил., а съ ея продолженіями къ сѣверо-западу и юго-востоку до 20 кил.; а около нея, какъ ячейки, разбросаны равнины мелкія, но тѣмъ не менѣе удобныя для пастбищъ. Поэтому на ней сосредоточеніе катуновъ изъ разныхъ мѣстностей, какого не встрѣтите ни на одной другой планинѣ. Главнымъ образомъ — это планина пиперская, а съ юга къ ней естественно по сосѣдству прильнули, жупляне и затѣмъ бѣлопавличи; загарчанамъ также дана часть потому что у нихъ мало мѣста, а тутъ еще есть просторъ; рядомъ находятся и дробняки изъ Бѣлой.

Лукавица играетъ важную роль въ экономической жизни народа, что и заставило насъ остановиться на подробностяхъ, относящихся къ распредѣленію доставляемыхъ ею благъ; но и просто въ физическомъ отношеніи она представляетъ довольно странное явленіе.

Представляя собою чрезвычайно обширный резервуаръ и окруженная высокими горами, собирающими большую массу

атмосферной влаги и обращенными къ ней своими болѣе длинными скатами, она чрезвычайно мало изъ своего воднаго богатства удѣляетъ окружающей цѣлое плато мѣстности. Прямо отъ нея сообщается вода только посредствомъ Капетанова-озера Мертвицѣ, притоку Морачи, получающей однако чуть-ли не бо́льшую массу воды отъ Маганика и Капы. Затѣмъ текущая въ Жупѣ Грачаница собирается главнымъ образомъ изъ-подъ Прекорницы и Лебершника (въ томъ числѣ и съ Пониквицы). Куда же вся эта вода дѣвается?

Считая своей задачею представить одни факты, мы позволимъ себѣ только нѣкоторое освѣщеніе ихъ.

Никшицкая равнина, лежащая въ значительномъ углубленіи, составляетъ подошву Центральнаго массива, и именно по западной части, откуда къ ней ведутъ всѣ склоны въ видѣ террасъ и продольныхъ ложбинъ. Понижаясь, весьма впрочемъ умѣренно, по направленію на сѣверо-западъ, эта часть его встрѣчаетъ обратный наклонъ изъ-подъ Войника къ юго-востоку. Понятно поэтому, что всѣ эти воды должны стремиться къ Никшичу; но не пропускающій воду слой лежитъ такъ глубоко, что даже въ самой Никшицкой равнинѣ онъ находится много ниже ея поверхности, гдѣ и должны скрываться всѣ стекающіяся изъ окрестности воды въ обширныхъ и глубокихъ внутреннихъ резервуарахъ; а сколько такихъ резервуаровъ должно встрѣчаться на цѣломъ пути, на протяженіи болѣе 20 кил., гдѣ и на самой поверхности столько ложбинъ, также поглощающихъ воду! Поэтому въ мокрый періодъ по всему краю Никшицкой равнины, смежному съ этимъ плато, выступаетъ такая масса воды, что, кажется, на водѣ лежитъ вся ея поверхность. Собственно Зета и тотчасъ присоединяющіеся къ ней потоки: Рàстовацъ и Глибавацъ, кромѣ массы другихъ потоковъ, которыми такъ богато Горнее-поле, своими истоками указываютъ на мѣстность между Войникомъ и Лукавицей.

3. ВОЙНИКЪ.

Здѣсь кстати будетъ сказать и о Войникѣ, который стоитъ какъ бы связующимъ звеномъ на границѣ между Центральнымъ плато и областью Магличъ-Дурмиторъ, принадлежа обоимъ двумя своими краями. Мы уже упоминали, что къ сѣверо-западу отъ него находятся Брезны съ ключами, текущими въ направленіи отъ его подошвы на сѣверо-западъ; по другую же сторону есть также замкнутая котловинка, называемая Жива, въ которой на самомъ днѣ бьетъ сильный ключъ изнутри земли, а бываетъ время, что вся эта котловинка обращается въ озеро, притомъ весьма глубокое. Исчезая отсюда, вода эта нигдѣ не проявляется на поверхности, скрывшись опять въ какомъ-нибудь внутреннемъ резервуарѣ. О массѣ воды, стекавшей когда-то съ террасъ, идущихъ отъ Войника, свидѣтельствуетъ громаднѣйшая щель, продѣланная ею отъ Липовой-Равни и Ясеневаго-поля на югъ къ Шипачному. Чтобы продѣлать такую щель въ каменной породѣ, нужна была большая масса воды, и все русло, на значительную глубину покрытое валунами, также показываетъ, что здѣсь сильно работала водяная сила; а между тѣмъ, теперь тутъ вода нейдетъ почти никогда; значитъ, она нашла себѣ также ходъ подъ землею.

Въ дополненіе, для характеристики Войника замѣтимъ, что онъ на сѣверъ къ р. Пивѣ (носящей тамъ имя Комарницы) спускается круто, и бока его покрыты темнымъ хвойнымъ лѣсомъ, точно такъ же какъ и къ сѣверо-востоку; а съ южной стороны онъ весь голый и расщепленный, въ щеляхъ и скалахъ, и только у подошвы есть лѣсъ, тоже хвойный, какъ напр. въ Гвоздѣ. Вообще видъ Войника мрачный и безжизненный. Это единственная гора, на которой нѣтъ почти пастбищъ и катуновъ; за то въ немъ множество дикихъ звѣрей: сернъ, козъ, а больше всего волковъ, отъ которыхъ въ этихъ мѣстахъ въ прежнее время одному человѣку и пройти было нельзя.

Далѣе къ сѣверо-западу это плато сливается съ плато Пивскими.

4. ЗАПАДНЫЙ СКЛОНЪ (ЖУПА НИКШИЦКАЯ).

На западномъ склонѣ разсмотрѣннаго нами Центральнаго массива находится прекрасный уголокъ Никшицкая Жупа. Она состоитъ изъ террасъ, идущихъ къ югу отъ Лукавицы, и изъ долины р. Грачаницы. На первыхъ размѣщаются катуны и только въ нижней части находятся 4 сельца, а по долинѣ — главное поселенье, и тамъ же монастырь съ церковью во имя еванг. Луки. Съ Лукавицы дорога сюда идетъ между Куцкой горой и Боровникомъ и выходитъ къ Грачаницѣ немного выше монастыря, всего около 4 ч., а съ вершинъ Грачаницы изъ Моракова можно за $1^1/_2$ ч. выйти на Пониквицу и на Штитово. Источникъ Грачаницы составляетъ Бара, лежащая довольно высоко надъ днемъ долины къ сѣверо-востоку. Это котловина, поверхность которой составляетъ толстый, трясущійся слой земли весь изъ перегнившихъ кореньевъ; подъ нимъ стоитъ вода, какъ въ озерѣ, и глубина ея значительная. Слой этотъ весь прорѣзанъ природными извилистыми канавами. Отсюда и вытекаетъ рѣка, спускаясь каскадами по крутому каменному ложу. Вода въ ней чрезвычайно холодна и совершенно прозрачна, но кажется темною, какъ бы черноватою. Скатъ этотъ весьма длинный и издали снизу представляетъ сплошную бѣлую струю, какъ водопадъ. Еще одинъ притокъ идетъ изъ-подъ Прекорницы, но весьма слабый, а также подходятъ сюда потоки ея ниже съ обѣихъ сторонъ и опять съ лѣвой стороны слабѣе, такъ что болѣе обильною водою оказывается сторона, обращенная къ Лукавицѣ.

Село Мораково, лежащее въ вершинахъ долины, имѣетъ весьма суровый климатъ, потому что стоитъ какъ разъ въ горахъ, а съ юга поперекъ долины идетъ перемычка, препятствующая доступу теплаго воздушнаго тока; но всѣ остальныя села по рѣкѣ находятся точно въ саду. Яблоки, груши, черешни, родятся здѣсь отлично, а черныя сливы считаются лучшими въ Черногоріи. Широта долины, ея открытость, небольшія горы, идущія съ боковъ, покрытыя разнообразною лиственною порослью,

обиліе воды, всюду разбросанныя поселенья сообщаютъ этой долинѣ видъ весьма привлекательный. Народъ здѣсь крупный и красивый, въ обращеньи особенно смѣлый и свободный, жилища довольно благоустроены: все это указываетъ на независимое состоянье и зажиточность. Монастырь здѣшній, за всѣми расходами на себя, вноситъ въ казну до 2000 флориновъ, получаемыхъ за одни угодья.

Этотъ край никогда вполнѣ не признавалъ надъ собою господства турокъ, и черезъ него Черногорія всегда поддерживала свою связь съ Дробняками и остальною Герцеговиной.

Что касается сѣверо-восточнаго угла Центральнаго массива, то мы знаемъ объ немъ только то, что онъ представляетъ собою гористую страну, круто спускающуюся къ долинѣ р. Морачи, получающей изъ нея всѣ почти свои притоки.

Надобно замѣтить, что середина Черногоріи на всѣхъ картахъ составляетъ пробѣлъ, и всѣ начертанья тѣхъ мѣстностей гадательны; есть и несообразности. Такъ на Лукавицѣ показанъ потокъ, текущій какъ бы въ озеро Лукавицу, чего въ природѣ не существуетъ. Большею частью на картахъ это пространство представляетъ чистое мѣсто: нѣтъ ни Лоли, ни Яворья, ни другихъ горъ. Неправильно показано соотношенье вершинъ Морачи съ вершинами Тушины и т. п. Мы, зная всѣ эти невѣрности, не можемъ нанести исправленья на карту, потому что не имѣемъ изъ этой мѣстности ни одного геометрически опредѣленнаго пункта. Занимавшійся этими опредѣленьями русскій геодезистъ безъ всякаго права и основанія эту мѣстность совершенно обошелъ.

Это обстоятельство и побудило насъ описать, во всѣхъ подробностяхъ, по крайней мѣрѣ одну полосу, перерѣзывающую весь Центральный массивъ съ юга-востока на сѣверо-западъ.

5. СѢВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ УГОЛЪ.

И въ тѣхъ же видахъ мы представимъ вкратцѣ положенье или соотношенье горъ въ той части сѣверо-восточниго угла, гдѣ

вытекаетъ р. Морача. Здѣсь мы получимъ треугольникъ, въ вершинѣ котораго стоятъ Лола и болѣе возвышенная ея часть, Яворье. Изъ-подъ Яворья вытекаетъ Рзачки потокъ, а изъ-подъ Лоли, собственно изъ Враго-дола, другой потокъ безыменный, и далѣе уже, по сліяньи ихъ, рѣка называется Морачей. По обѣ стороны Рзачкаго протока находятся села Заломъ и Лѣвишта. Далѣе отъ Яворья къ юго-востоку идутъ горы Семоль и Врмацъ, покрытыя густымъ лѣсомъ, и на первомъ изъ нихъ озеро, и отсюда вытекаетъ Яворскій потокъ черезъ Добри-до, покрытый тоже густымъ лѣсомъ; по лѣвую сторону его стоитъ село Алуга; далѣе идетъ хребетъ Градишта, откуда идутъ Задренскій потокъ и Трновацкая рѣка: на лѣвой сторонѣ первой находятся села Сврки и Поле, на второй Трновица. Наконецъ отъ Столовъ вытекаютъ Раштачкій потокъ, по лѣвой сторонѣ котораго расположено село Рашко, и Міольска рѣка съ селомъ Міольска.

Въ другую сторону отъ Лоли идетъ—плоскій лѣсистый хребетъ Чуки и Капа; изъ послѣдней, собственно изъ Скакуши подъ нею, вытекаетъ р. Ратня, отъ которой Морача дѣлается уже настоящею рѣкою, бывши до сихъ поръ только крутымъ горнымъ потокомъ. Устья этой рѣки и Трновачвой почти сходятся. Между безыменнымъ вершиннымъ потокомъ Морачи и Ратней находятся села Теочъ-до, Боичи и Старче. Еще южнѣе идетъ хребетъ Тали, отъ котораго къ сѣверу въ Морачу течетъ р. Пожня съ селомъ того же имени по лѣвую ея сторону; а къ югу отъ хребта лежитъ село Осредци, и тутъ ужъ близко монастырь. Между Талями и Капой съ одной стороны и Маганикомъ съ другой текутъ Ибришница, берущая начало изъ Отской горы въ Таляхъ, и Мертвица.

Замѣтимъ между прочимъ, что вершины Задренскаго потока и р. Тушины черезъ гору Сомину сходятся весьма близко, и такимъ образомъ здѣсь мы видимъ сближенье бассейновъ Морачи, идущей къ Адріатическому морю, и Пивы, стремящейся къ Савѣ и Дунаю, слѣдовательно къ Черному морю.

6. ЮЖНЫЕ СКЛОНЫ.

Къ долинѣ Зеты Центральный массивъ спускается хотя и круто, но уступами, на которыхъ развивается роскошная растительность южнаго характера: виноградъ, гранаты, а въ самомъ южномъ концѣ и смоква; и тутъ ютится жизнь трехъ племенъ: Пѣшивцевъ, Бѣлопавличей и Пиперъ; а между послѣдними двумя еще небольшое смѣшанное племя Мартиничей. Тутъ же пріютился и Острожскій монастырь подъ отвѣсною стѣною горы того же имени на высотѣ (абсолют.) 586 м., а еще выше его почти на 300 м.[1]) въ этой самой стѣнѣ въ пещерѣ устроена церковка, въ которой покоятся мощи св. Василія, и при ней келья живущаго тамъ монаха. Внизу въ монастырѣ есть богатый ключъ; а въ пещерѣ святого есть резервуаръ прекрасной воды, постоянно находящейся на одномъ и томъ же уровнѣ.

Недостатка въ водѣ нѣтъ по всему этому склону. Мѣстами сверху сваливаются сильные потоки, на которыхъ стоятъ мельницы; но со всею силою проявляетъ себя богатство водъ въ самомъ низу, гдѣ во многихъ мѣстахъ бьютъ цѣлые потоки. При южномъ концѣ массивъ разбивается и разсыпается въ видѣ отдѣльныхъ кряжей и холмовъ, между которыми образуются довольно просторныя равнины, и между прочимъ на одной изъ нихъ, въ углѣ между Морачей и Зетой, когда-то былъ большой городъ Діоклея, родина императора Діоклетіана, нынѣ груды щебня, нагроможденныя между остатками стѣнъ стараго града, на которыхъ теперь уже работаетъ соха земледѣльца.

Тутъ же въ крутомъ берегу Морачи, состоящемъ изъ конгломерата, природныя пещеры въ видѣ сводовъ даютъ лѣтомъ убѣжище пастухамъ и ихъ стадамъ; а иные живутъ въ нихъ и зиму, совершенно какъ въ домахъ, будучи вполнѣ защищены отъ сѣвернаго вѣтра, свирѣпствующаго въ Подгорицѣ.

---

[1]) Измѣренья О. Баумана. Reise durch Montenegro (Separat Abdruck aus den Mittheilungen der k. k. Geographischen Gesellschaft in Wien). 1883. in 8°, 41.

7. ВОСТОЧНЫЕ СКЛОНЫ.

На восточныхъ склонахъ Центральнаго массива, какъ мы уже говорили, есть нѣсколько высоко лежащихъ равнинъ, которыя однако отличаются безводьемъ, и вода пробивается только на днѣ долины Морачи изъ береговъ у самой поверхности рѣки, но берега эти представляютъ собою стѣны высотою до 100 и болѣе метровъ. Вообще Морача отъ впаденья въ неё Малой рѣки (съ лѣвой стороны) и до конца пиперской границы течетъ въ чрезвычайно глубокой и узкой долинѣ, весьма рѣдко гдѣ имѣя хотя не широкую полосу плоскаго берега, которымъ можно бы было воспользоваться. Та и другая стороны такъ близки между собою, что представляютъ одно цѣлое, разорванное какою-то стихійною силой. Это подтверждается и ихъ геологическимъ составомъ. Находящійся на другой сторонѣ Вѣтерникъ совершенно одинаковъ по внѣшней формѣ съ извѣстнымъ уже намъ Каменикомъ. Но къ сѣверу отъ того и другого мы встрѣчаемъ совершенно иное. Пройдя село Горнюю-Ровцу, къ югу вы встрѣчаете тутъ Богутовъ-до и Ивачевъ-до, которые чрезвычайно полого спускаются къ Морачѣ, хотя не до самаго дна; а еще ниже стелется Трманье, сначала пологая долина, а затѣмъ довольно обширная равнина съ толстымъ слоемъ земли съ нѣсколькими стоящими на ней холмами мягкихъ формъ, тоже покрытыми сплошь слоемъ земли и сочною лиственною порослью. На противуположной сторонѣ находится, такъ называемая Лѣвая-рѣка, гдѣ живутъ Васоевичи, и тамъ горы принимаютъ уже болѣе округленныя формы.

IV. ОБЛАСТЬ ЖІЙОВОЙ.

На этомъ основаніи мы и проведемъ отсюда границу, которая должна отдѣлить область Кома, носящую на себѣ совершенно особый характеръ, отъ области Жійовой, составляющей какъ-бы продолженье Центральнаго массива.

Мы знаемъ уже границы этой области; а теперь обратимъ вниманье на то, что Вѣтерникъ, Жійова и Хумъ-Ораховскій стоятъ приблизительно на одной линіи съ Каменикомъ и Лебершникомъ въ Центральномъ массивѣ, при томъ въ юго-восточномъ направленьи, къ которому склоняются всѣ хребты разсмотрѣнныхъ уже нами частей Черногоріи.

Жійова составляетъ высшую точку въ этомъ краѣ и наполняетъ его своими отрогами, а потому мы на ней прежде всего и остановимся. Несмотря на значительную абсолютную высоту, Жійова далеко не кажется такою высокою, потому что стоитъ на чрезвычайно высокомъ плато и не состоитъ изъ одной вершины, а изъ цѣлой группы. Всматриваясь въ неё изблизи, вы увидите, что она вся состоитъ изъ гребней и острыхъ шпицевъ, отъ которыхъ на всѣ стороны спускаются узкія и глубокія долины въ родѣ трещинъ; и все это бѣло и голо, только на сѣверной сторонѣ долины густо заросли лѣсомъ, и по идущимъ отъ него косамъ тоже лѣсъ, но разбросанный группами: внизу дубъ-церъ и букъ, а вверху ель, сосна и пихта.

На сѣверѣ его склонъ незамѣтенъ, такъ какъ тамъ параллельно ему идутъ нѣсколько кряжей, раздѣленныхъ ложбинами, именно: Трескавацъ и Загонъ, между которыми лежитъ Момонево, а за послѣднимъ на юго-западъ идетъ р. Брзкутъ. Отъ вершинъ его къ юго-востоку идетъ еще кряжъ Дьебеза-Торачъ, передъ которымъ есть ложбина съ рядомъ озеръ, и между ними Бокумирское, лежащее на высотѣ, приблизительно до 1500 м. Всѣ эти горы одного характера съ Жійовой.

1. ВЫСОКОЕ ПЛАТО КУЧСКОЕ-ПОВЕРШЬЕ.

Къ югу или вѣрнѣе къ юго-западу отъ ея подошвы идетъ склонъ нѣсколькими террасами: первую составляетъ, такъ называемое Кучское-повершье до ложбины, идущей съ востока отъ Хума-ораховскаго черезъ равнины Орахово и Убли, и выходитъ изъ-подъ Косора къ долинѣ Морачи; вторую составляютъ впадины Кочи и Медунъ; а наконецъ, переваливъ еще черезъ одинъ

кряжъ, идетъ плато Фунданы, стоящее уже надъ Подгорицкою равниной. Непосредственно у подошвы Жійовой есть ложбина Кржани, отъ которой прямо на югъ идетъ извилистая трещина, называемая Жлебъ и чрезвычайно круто спускающаяся къ Ублямъ, которая очевидно прорыта громаднымъ напоромъ воды, а теперь по большей части стоитъ сухая, и только въ самые сильные дожди изъ нея низвергается потокъ, увлекая массу каменьевъ, которыми заваливаетъ ублянскія поля. По народному преданью здѣсь была постоянная рѣка, но, проклятая св. Саввой, она осушилась, и только въ селѣ Безійовомъ остался одинъ богатый водою ключъ.

2. ВОСТОЧНЫЙ СКЛОНЪ.

а) *Широкаръ.*

Въ сѣверо-восточномъ углу, на продолженіи ложбины съ Бакумирскимъ озеромъ, находится плато Широкаръ, имѣющее приблизительно до 1,600 м. абс. выс. Между нимъ и двухвершинною высотою Вилой въ глубокой котловинѣ лежитъ еще озеро Рикавацъ на абс. выс. 1250 м. Вода въ Рикавцѣ находится всегда почти на одномъ уровнѣ, потому что имѣетъ съ одной стороны постоянную прибыль изъ ключей, бьющихъ у береговъ и на днѣ, съ другой — постоянный ея отливъ черезъ отверстіе въ каменномъ берегу; и предполагаютъ, что эта вода идетъ изъподъ Вилы въ Цѣвну.

б) *Затрѣбачъ.*

Восточную часть этого плато занимаетъ Затрѣбачъ, высокая окраина долины Цѣвны, приблизительно надъ ея дномъ до 700 м. или болѣе [1]).

Болѣе поразительнаго контраста между возвышеніемъ поверхности и углубленіемъ нѣтъ въ цѣлой Черногоріи. Рѣзкость

---

[1]) Г. Каульбарсъ считаетъ относительную высоту береговъ до 2 и 3,000 и даже до 4,000 ф., тогда какъ стоящія на краю ихъ высоты имѣютъ 6 — 7,000 ф., а на другой сторонѣ еще выше Проклятыя горы.

эта происходитъ отъ того, что долина Цѣвны выходитъ къ одной изъ самыхъ низкихъ равнинъ, въ весьма близкомъ разстояніи отъ моря, вслѣдствіе чего какъ бы круто паденіе рѣки ни было, ложе ея лежитъ слишкомъ низко, а составляющая ея берега мѣстность представляетъ собою высокое плато, и отдѣльныя высоты, приближающіяся къ наивысшей линіи въ Черногоріи, стоятъ слишкомъ близко къ краю. Края притомъ спускаются совершенно отвѣсно, такъ что спуски существуютъ только на весьма немногихъ мѣстахъ, и тѣ такъ круты, что похожи скорѣе на лѣстницы, чѣмъ на дороги; да и названія имъ поэтому *скàла* (т. е. лѣстница): скалы—Смедецъ, Соколитъ, Зломештитъ и др. О глубинѣ можно судить еще по тому, что при такой крутизнѣ, слѣдовательно краткости дороги, нужно употребить на спускъ около часу времени. Самый поразительный видъ—съ высоты Сокола, стоящаго какъ разъ на краю и спускающагося отвѣсною стѣной.

Поэтому чрезвычайно рѣзкая разница и въ климатическомъ отношеніи: наверху едва только вызрѣваетъ кукуруза, а внизу растутъ фиги; вверху суровая зима и заваливаетъ снѣгомъ, а внизу всю зиму скотина пасется на травѣ.

Благодаря такой границѣ, какъ долина Цѣвны, и цѣлому ряду высотъ, идущихъ съ запада, этотъ уголокъ представляетъ изъ себя нѣчто отдѣльное, и потому онъ населился ускоками изъ разныхъ мѣстъ: изъ сосѣднихъ Кучъ, изъ Албаніи, Черногоріи и другихъ мѣстъ, изъ которыхъ составилось племя затрѣбчанъ, принявшее католическое исповѣданіе и арнаутскій языкъ и всѣ обычаи и нравы также арнаутскіе. Они однако не имѣли никакихъ тѣсныхъ связей съ Албаніей, ни съ другими племенами, а жили независимо, въ родѣ маленькой республики: не признавали надъ собою никакой власти, кромѣ власти своихъ главарей и народнаго сбора, который имъ чинилъ судъ и расправу. Стоя на пути между Гусиньемъ, Подгорицей и Скадромъ, они облагали всѣхъ торговцевъ данью 5, 6 до 10 грошей съ вьючной лошади; а иногда брали въ свою пользу *одну страну*, т. е. цѣлую поло-

вину вьюка; и это дѣлалось очень просто: подходилъ затрѣбчанинъ къ торговцу и говорилъ: «Ну, довольно ты мучился, неся этотъ вьюкъ; теперь я облегчаю тебѣ тяжесть на половину» — и бралъ эту половину безъ всякаго сопротивленія со стороны хозяина-торговца. Они бились то и дѣло то съ ораховцами, то съ албанскими племенами хотами и грудами изъ-за пастбищъ, которыя держали даже на другой сторонѣ Цѣвны; вслѣдствіе чего и сами не смѣли пойти никуда. Однажды они 12 лѣтъ не смѣли пойти ни въ Скадаръ, ни въ Подгорицу, ни въ Гусинье, и всѣ покупки дѣлали единственно черезъ посредство женщинъ. Самую необходимую вещь, — порохъ, дѣлали они сами: сѣру покупали, уголь добывали изъ мелкаго орѣшника, а селитру находили въ пещерахъ, въ которыхъ подолгу стоитъ скотъ.

Земли для хлѣбопашества у нихъ весьма мало; но земля чрезвычайно плодородная; такъ одна нива напр. менѣе рала даетъ до 50 товаровъ (500 окъ или болѣе 30 пудовъ).

Всего ихъ до 140 домовъ и имѣютъ до 200 ружей.

Храбрые, какъ и ихъ сосѣди, они отличаются отъ всѣхъ необыкновенною веселостью нрава; всѣ очень высоки и крѣпки; таковы же и женщины, приближающіяся по физическому складу къ мужчинамъ.

Остальная часть этой области засслена кучами; только нѣчто отдѣльное составляетъ община ораховчанъ, православныхъ, но плохо говорящихъ по-сербски, и родъ коци — католики.

Вся эта мѣстность страдаетъ недостаткомъ пахотной земли; но всюду покрыта лѣсомъ, изъ котораго они дѣлаютъ на продажу: чашки, корыта, кадушечки, боченки и т. п. Лѣсъ здѣсь — дубъ, ясень; на высотахъ — букъ и черный боръ и другія хвойныя деревья.

Кучамъ принадлежитъ цѣлая южная половина Кома, гдѣ они и стоятъ со скотомъ лѣтомъ; но и дома для мелкаго скота имѣютъ довольно удобныя мѣста; безъ козъ однако не могутъ жить, потому что на зиму негдѣ накосить сѣна, а козы кормятся преимущественно вѣтвями. Особенно здѣсь много ракитника, который

вообще любитъ ѣсть мелкая скотина, и весной во время цвѣтенья наѣдается его такъ, что запахъ его отзывается и въ молокѣ, и на непривычнаго человѣка такое молоко производитъ одуряющее дѣйствіе; даже проходя по мѣстамъ, гдѣ много этого ракитника, когда онъ цвѣтетъ, иные падаютъ въ обморокъ отъ его сильнаго одуряющаго запаха.

Вообще всѣ здѣшнія травы, какъ ни сухи и тощи на видъ, имѣютъ особенную крѣпость запаха и вкуса; поэтому здѣшняя персидская ромашка считается самою лучшею. Причиною, вѣроятно, служитъ преобладаніе всюду южныхъ склоновъ, а отчасти и земля, богатая перегноемъ, сносимымъ въ щели и ямки.

3. СѢВЕРО-ЗАПАДНЫЙ СКЛОНЪ.

Къ сѣверо-западу отъ Жійовой идетъ его предгорье Стравче, довольно пологое и покрытое толстымъ слоемъ земли, на которой дѣлаютъ запашки, но урожай бываетъ плохой, частью вслѣдствіе суровости климата, частью отъ свойствъ почвы, которая хотя и черная на видъ, но видимо произошла изъ торфянаго перегноя. Для скотоводства однако здѣсь мѣста весьма удобныя.

4. ЮЖНЫЕ СКЛОНЫ.

Вообще климатъ цѣлаго этого края довольно мягкій. Въ ложбинѣ, гдѣ Косоръ, Убли и др., отлично растетъ виноградъ. Но самую лучшую часть въ климатическомъ отношеніи составляетъ та часть, которая находится къ юго-западу отъ хребта, идущаго отъ Цѣвны къ Морачѣ, въ которомъ находятся высоты: Сукъ-грудскій, Хельмъ, Бойлскъ и др.

а) *Фундана.*

Фундана представляетъ одинъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ. Находясь на краю Подгорицкой равнины, на южномъ склонѣ и на высотѣ какихъ-нибудь 200 метровъ, какъ бы въ пазухѣ горъ, обступившихъ ее дугой отъ сѣвера и востока, она подвергается самому сильному дѣйствію солнца и не страдаетъ отъ су-

ровости сѣвернаго вѣтра; но жаръ умѣряется высотою и прохладнымъ токомъ воздуха отъ горъ. Фундана имѣетъ въ то же время много ключей, отъ которыхъ и получила свое названіе еще во время римлянъ (fontana). Видъ отсюда открывается самый широкій. Подъ вами стелется вся Подгорицкая равнина отъ древней Діоклеи до Скадарскаго озера, и вы видите Подгорицу со всѣми окружающими ее холмами, нивами и виноградниками; видите всѣ извилины Морачи, тонущія въ зелени села Нижней-Зеты, покрытое легкою дымкой Скадарское озеро съ живописнымъ хребтомъ стоящихъ по ту сторону его горъ, среди которыхъ высится коническій шпицъ Руміи; видите Ловченъ и всю панораму горъ Катунской нахіи.

б) *Исчезаніе воды въ щеляхъ.*

Замѣчательно, что въ цѣлой этой области нѣтъ недостатка въ живой водѣ; но нѣтъ ни одного потока; единственно только при краѣ изъ-подъ Фунданы спускаются нѣсколько потоковъ, которые однако исчезаютъ тотчасъ у подошвы горъ, а иные и не доходятъ до низу. При самой подошвѣ массива у Морачи и Малой-рѣки пробивается нѣсколько потоковъ. Одинъ изъ нихъ сначала обнаруживается на значительной высотѣ въ видѣ ключа близъ Косора, и называется Ланевикъ, и подъ этимъ же именемъ онъ является уже потокомъ при поверхности Морачи, такъ какъ народъ по разнымъ знакамъ дозналъ, что это одна и та же вода.

Даже Малая-рѣка, составляющаяся изъ никогда не изсякающихъ Лѣвой-рѣки и Брзкута, въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи большую часть года остается сухою. То же самое нужно сказать и о Цѣвнѣ, которая собираетъ въ себя при верхнемъ теченіи массу воды. Интересно въ Цѣвнѣ то, что при спускѣ на равнину у села Диношей она течетъ по такому узкому руслу, что съ одного берега можно перескочить на другой, но оно въ то же время чрезвычайно глубоко. У такъ-называемаго Аржаницкаго моста русло, занимаемое ею въ періодъ обилія воды, довольно

широко и состоитъ изъ сплошныхъ черныхъ плитъ; но это бываетъ рѣдко, чтобы вода шла во все русло, а посрединѣ его есть трещина не шире 1 м. и при глубинѣ одной сажени или болѣе, въ которой вы увидите что-то движущееся и клокочущее — это и есть рѣка.

5. ИЗОЛИРОВАННОЕ ПЛАТО БРАТОНОЖИЧЕЙ И ВѢТЕРНИКЪ.

Есть еще въ этой области мѣстность, служащая связующимъ звеномъ между областями Жійовой и Центральнаго массива и составляющая вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто отдѣльное, вслѣдствіе поставленныхъ самою природою границъ, и оригинальная, во всей рѣзкости представляющая собою характеръ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ частей Черногоріи; это — уголъ, находящійся между Морачей, Лѣвой и Малой-рѣками, посреди котораго возвышается Вѣтерникъ, занимаемый отдѣльнымъ племенемъ братоножичей.

Цуцъ иначе не называютъ, какъ каменными, а также и Кучъ, и вообще Черногорію называютъ *ломною*, т. е. такою, гдѣ на каждомъ шагу видишь только ломъ отъ камней и вездѣ рискуешь сломать себѣ ногу или голову, и ломятся дѣйствительно много, несмотря на привычку къ этимъ скаламъ; а братоножичи составляютъ вѣнецъ всего этого. Это не только все голыя скалы, но скалы, вдобавокъ, изломанныя, а куски ихъ разбросаны въ видѣ розсыпи, острой, нимало не сглаженной округляющимъ дѣйствіемъ воды. Мѣстами поверхность состоитъ сплошь изъ поставленныхъ на ребро плитъ, которыя дробятся и, дѣлаясь тоньше, торчатъ, какъ острые ножи, и такъ и рѣжутъ ногу. Всюду видно, что работала какая-то сила, приподнимая цѣлые пласты, ломая ихъ и разбрасывая, и нигдѣ не видать дѣйствія воды; да ея и не найдете нигдѣ, только подниметесь отъ Бег-иванова хана у Малой-рѣки, покуда перевалите Вѣтерникъ, на разстояніи почти 5 часовъ (около 25 кил.). Единственный источникъ — это искусственное скопленіе воды въ ублахъ или цистернахъ, и кое-гдѣ *каменицы*, гдѣ въ природныхъ углубленіяхъ въ цѣльномъ

камнѣ на нѣсколько времени задерживается вода дождевая. Высокія приподнятія всѣ конечно голы, и только кусты можжевельника своею темною зеленью рѣзко выдѣляются изъ общаго сѣраго фона. И среди этого моря камней мелкими островками выдѣляются маленькіе клочки обработанной земли: посединѣ зеленѣютъ посѣвы, а вокругъ лѣсокъ, иногда фруктовыя деревья, словно изумруды, вставленные въ сѣрую, свинцовую оправу. Такой видъ имѣетъ часть, расположенная на южномъ склонѣ Вѣтерника, на которой находятся главныя села братоножичскія, какъ Пелевъ-брегъ, Клопотъ и др. Во впадинахъ, при склонахъ къ Морачѣ и Малой-рѣкѣ, попадается уже лѣсокъ, состоящій преимущественно изъ дуба-цера съ его небольшимъ, чрезвычайно жесткимъ, сухимъ и блестящимъ листомъ; есть также ясень и грабъ, въ видѣ кустарника. Вся эта мѣстность лежитъ тоже на солнечной сторонѣ, и потому здѣсь при каждомъ домѣ вы найдете виноградъ и фиги, хотя, конечно, всего этого очень мало, вслѣдствіе недостатка простора и крайней бѣдности и сухости почвы.

Главная планина братоножичей, гдѣ они пасутъ свой скотъ и откуда пользуются лѣсомъ, это Вѣтерникъ. Голый на южномъ склонѣ, онъ на самомъ верху полонъ лѣса, благодаря тому, что тамъ находится множество углубленій, въ которыхъ больше скопляется земля и меньше оказывается изсушающее дѣйствіе солнца. Въ этихъ углубленіяхъ вы найдете почти постоянныя, хоть и грязныя лужи воды, а на самомъ верху устроенъ большой *убао*. Здѣсь подолгу также залеживается снѣгъ, что̀ и помогаетъ росту лѣса, главнымъ образомъ состоящаго изъ бука, достигающаго значительныхъ размѣровъ, а мѣстами есть и хвойныя деревья.

На сѣверной сторонѣ Вѣтерника является впадина, въ которой находится уже живая вода и видно совершенно другое сложенье горъ. Отсюда внизъ къ Лѣвой-рѣкѣ идутъ уже глинистые сланцы, въ видѣ штоковъ и тонкихъ пластинокъ, легко дробящихся и обращающихся въ мягкую массу; но мѣстами на томъ

слоѣ лежитъ сплошной известнякъ, или черезъ него проступаютъ торчащія известковыя скалы. Эта впадина называется Яблань, и на ней находятся до десятка домовъ, принадлежащихъ также братоножичамъ.

Оригинальность Вѣтерника состоитъ въ томъ, что, переходя его отъ Пелева-брега до Яблана, вы ныряете по углубленіямъ и дѣлаете при этомъ съ той и другой стороны 44 подъема и спуска (по 22 съ каждой стороны). Мѣстами вы идете совершенно какъ по лѣстницѣ, а есть такіе тѣсные проходы въ родѣ корридоровъ, что вьючное животное едва можетъ пролѣзть[1]).

Совершенно такого же характера на другой сторонѣ Малойрѣки находится высота Церовацъ съ 19-ю подъемами и спусками. Это совершенно копія Вѣтерника, только онъ меньше по высотѣ и объему. На немъ вы уже не найдете ни буковыхъ, ни хвойныхъ деревьевъ, а исключительно дубъ-церъ, отъ котораго и произошло его названіе. Сѣверный склонъ, какъ и у Вѣтерника, круче, и тутъ при подошвѣ находится *убао* Еленакъ, который однако въ два мои путешествія оказывался всякій разъ безъ воды.

6. СРАВНЕНІЕ ВЫСОТЪ ЭТОЙ ОБЛАСТИ СЪ ВЫСОТАМИ ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ.

Окончивъ обозрѣніе этой области, укажемъ на нѣкоторое соотвѣтствіе между высотами ея и области Приморской. Такъ Хумъ-Ораховскій (1804 м.) отвѣчаетъ Штировнику (1723 м.), Сукъ-Грудскій (1196) Ставору (1220), Вѣтерникъ (1263) Челинцу (1298) въ Бѣлицахъ, Хельмъ (974) Добрштаку (914) и Цеклинштаку (821); Жійовою (2,099) отвѣчаетъ находящійся уже въ австрійской границѣ Оріенъ (1867). При этомъ сравненіи видимъ, что область Жійовой лежитъ выше и потому по высотѣ ближе стоитъ къ Центральному массиву, гдѣ находимъ еще бо-

[1]) Въ послѣднее время здѣсь устроена новая дорога, которая довольно широка и идетъ пологими зигзагами, но мнѣ не привелось ее видѣть.

лѣе соотвѣтствующія высоты: Жійовой — Маганикъ (2108 м.), Хуму-Ораховскому—Лебершникъ (1824) и др. Впрочемъ, болѣе точному сравненію мѣшаетъ недостаточность опредѣленныхъ высотъ.

V. ОБЛАСТЬ КОМА.

До сихъ поръ мы разсмотрѣли 4 горныхъ области, и во всѣхъ ихъ нашли главныя существенныя черты однѣ и тѣ же: это — страшная расщепленность отъ верху до низу, скважистость, отсутствіе въ высокихъ слояхъ текучихъ водъ, рѣзкость всѣхъ очертаній, какъ поднятій, такъ и углубленій, отсутствіе сочныхъ луговыхъ травъ и т. п. Совершенно иной характеръ носитъ Комъ. Только высшій гребень его представляетъ собою тотъ же типъ расщепленности и слѣдовъ вѣчной ломки; но тотчасъ изъ-подъ него идутъ во всѣ стороны пологіе хребты съ толстымъ слоемъ земли и съ роскошною растительностью травяною и лѣсною, съ бьющими всюду ключами, которые тотчасъ же соединяются въ сильные горные потоки и даютъ начало рѣкамъ. Во всѣ стороны отъ него расходятся правильныя долины, тоже съ мягкими, покрытыми травой и лѣсомъ скатами, и всегда орошаемыя потоками, доходящими съ самаго верху и нигдѣ не скрывающими своего теченія.

Здѣсь нѣтъ обширныхъ высокихъ плато, какъ въ области Дурмитора; за то каждый хребетъ имѣетъ пологіе скаты и террасы. Здѣсь, гдѣ бы вы ни находились, вы сейчасъ чувствуете, что стоите на горѣ, потому что сейчасъ же подъ вами по ту и другую сторону открываются долины.

Это вполнѣ горная страна, напоминающая собою предгорья Альпъ, среди которой выдвигается массивъ Кома съ его тремя главными вершинами.

Пріурочивши названіе этой горной области къ имени Кома, мы должны замѣтить, что его вліяніе на поднятіе поверхности и рельефъ далеко не таково, какъ Дурмитора въ своей области. Огромныя высокія плато, идущія на всѣ стороны отъ Дурмитора, составляютъ съ нимъ одно цѣлое и въ прямомъ соотношеніи съ

его возвышеніемъ, и только далеко на сѣверо-западѣ и на востокѣ являются другіе факторы, вліявшіе на поднятіе и общее расчлененіе поверхности. Относительно же Кома мы видимъ въ прямой связи съ нимъ и составляющіе съ нимъ одно цѣлое только его непосредственные отроги, какъ Варда между Десной-рѣкой и Перутицей, Штавна между Десной и Кральштицей, пускающая свои собственные отроги дальше, какъ Пэй и Трешневикъ, Любаштица и др. Эти горы народъ называетъ «ноги» Кома. Сюда же можно отнести и Лысую, которая составляетъ какъ бы продолженіе его навстрѣчу высокимъ равнинамъ Бѣластицы, имѣющей обратный склонъ къ югу и юго-востоку; а также и Острвицу, такъ какъ она находится въ томъ именно углѣ, гдѣ Тара дѣлаетъ наибольшее уклоненіе къ западу, тѣснимая направляющимися туда отрогами Кома. Точно такъ же можно считать его пониженіями и развѣтвленіями всѣ хребты, наполняющіе горную страну къ югу отъ него, гдѣ мы видимъ Планиницу (кучскую) съ цѣлою цѣпью, идущею на юго-востокъ до Сточицы, откуда дѣлаетъ загибъ прямо на востокъ къ Виситору. Можно считать за одно цѣлое съ нимъ и цѣпь горъ, тянущуюся съ запада на востокъ, въ которой находятся горы Иліины-главы, Црногора и др., и при концѣ которой сходятся рѣки Перутица и Куцкая, далѣе уступающія названіе Злорѣчицѣ. Должно при этомъ замѣтить, что Злорѣчица у села Дьюличей и Куцкая выше села Цецунъ текутъ въ такихъ тѣснинахъ, что оба берега ихъ нельзя не считать за бывшее когда-то одно цѣлое. Къ этой южной странѣ Кома собственно приближается еще одна цѣпь, начало которой составляетъ на юго-западѣ Магличъ (2109 м.): отъ него въ западно-сѣверо-западномъ направленіи идутъ Црнапланина (1864 м.), Планиница (надъ Брзкутомъ) и горы Лѣвойрѣки, между которыми высшую точку составляетъ Птичъ (1309 м.), считающійся средоточіемъ самаго стараго васоевицкаго населенія подъ Комомъ.

Съ юго-востока отъ Виситора протянулся почти прямо на сѣверъ хребетъ Зелетинъ, имѣющій сначала широкое основаніе,

въ которомъ находятся Гребень и Липовица, а на сѣверѣ, въ углѣ сліянія р. Лима со Злорѣчицей, суживающійся и оканчивающійся вершиной Еринья-глава (1523 м.). Почти параллельно ему съ загибомъ къ западу идутъ еще два хребта: одинъ отъ Сѣкирицы по правую сторону Лима, другой отъ Мокрой-планины. Первый идетъ двумя вѣтвями, которыя сходятся въ одной высотѣ Баль и заставляютъ въ этомъ мѣстѣ Лимъ сдѣлать колѣно къ западу; а второй отъ Мокрой-планины идетъ въ томъ же направленіи и тоже упирается въ Лимъ.

Замѣтимъ при этомъ, что между Ериньей-главой и Балемъ Лимъ круто измѣняетъ свое направленіе изъ сѣвернаго въ западное и идетъ въ тѣснинѣ, называемой Сутеска, по выходѣ изъ которой, соединясь со Злорѣчицей, опять направляется на сѣверъ. Тутъ образуется самое большое расширеніе долины, въ которомъ и размѣстилась большая часть васоевицкихъ селъ, такъ-называемой, *Нахіи* или Нижнихъ Васоевичей, въ отличіе отъ верхнихъ въ Лѣвой-рѣкѣ.

Къ сѣверу отсюда мѣстность представляетъ собою высокое плато, перерѣзанное мѣстами широкими долинами, въ которыхъ находятся потоки Быстрица, Еловица и Градишница, стекающіе въ Лимъ по юго-восточному наклону, ясно обозначаемому стоящими на немъ высотами. Такъ, на самомъ краю на сѣверѣ стоитъ высшій хребетъ Бѣластица (2084 м.), нѣсколько къ юго-западу Ключъ (1898), къ юго-востоку идутъ, все понижаясь, Криви-до (1833), Турія (1821) и на самомъ краю Жолевица (1210).

Этимъ мы можемъ и окончить перечисленіе группъ и отдѣльныхъ высотъ, составляющихъ съ Комомъ одну горную систему. Къ югу и востоку отъ цѣлой этой области идутъ хребты: Проклятые, Бѣлуха, Мокрая и др., которыми отдѣляется бассейнъ Дрина, гдѣ на обширныхъ равнинахъ находятся славные въ исторіи сербскаго народа «высокіе Дечаны» и Печь, стоящіе отъ черногорской границы въ разстояніи 4-хъ часовъ, а далѣе Призренъ и Косово-поле. Мокрая, протянувшись далѣе къ сѣверо-востоку, отдѣлила отъ его бассейна верховья р. Ибра,

притока Сербской Моравы. Лимъ тотчасъ по выходѣ изъ границъ Черногоріи вступаетъ въ равнину Хасъ, среди которой стоитъ городъ Бераны, окруженный множествомъ васоевицкихъ селъ, оставшихся въ турецкомъ владѣніи; далѣе онъ идетъ къ Бѣлополю у подножія высотъ, составляющихъ сѣверо-восточную границу Черногоріи; а между Лимомъ и Ибромъ находится всхолмленная мѣстность, именно Бихоръ и Полица, заселенные сербами, и тутъ село Будимля, гдѣ одно время была столица сербскаго царства. Между южными отрогами Кома и Проклятыми лежитъ обширная равнина Плава и Гусинья, на которой собираются воды, дающія начало Лиму. Впрочемъ, кромѣ нѣсколькихъ потоковъ, стекающихъ съ Проклятыхъ горъ, Лимъ всѣми своими водами принадлежитъ области Кома. Точно такъ же и р. Тара. Изъ той же области вытекаютъ Лѣвая-рѣка и Брзкутъ, черезъ посредство Малой-рѣки отдающія свои воды Морачѣ въ ея нижнемъ теченіи; а также и Сѣверница, текущая черезъ Ровцы.

Строеніе и расположеніе горъ въ этой системѣ такъ просто, что объ нихъ нѣтъ надобности много распространяться: довольно только перечислить главные хребты и группы, что̀ мы уже и исполнили.

1. КОМЪ СОБСТВЕННО.

Намъ остается дать болѣе точную характеристику вершинъ Кома и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей, отличающихся какими-либо особенностями.

а) *Части его.* Верхъ Кома, издали виднѣющійся, какъ и у Ловчена, въ видѣ шапки, состоитъ изъ гребня, чрезвычайно зубчатаго, на которомъ выдаются три вершины: двѣ кучскихъ и одна васоевицкая. Гребень этотъ имѣетъ около 7 кил. протяженія почти по параллели; только васоевицкій конецъ отклоняется нѣсколько къ сѣверу или кучскій къ югу. Между васоевицкой вершиной и кучскими идетъ острый гребень въ видѣ сѣдла, почти отвѣсно спускающійся къ сѣверу, и потому здѣсь происходитъ главное его разрушеніе, отъ котораго и образовалось, такъ-на-

зываемое, *точило*, т. е. въ видѣ крутого потока спускающаяся внизъ масса разрушеннаго камня. Этотъ промежуточный гребень называется Междувершьемъ.

Одна вершина кучскаго Кома выше васоевицкаго. Самое лучшее мѣсто, откуда можно наблюдать очертанія всѣхъ трехъ вершинъ Кома, это Трешнево и Букова-поляна. Съ послѣдней мнѣ наблюдать помѣшалъ туманъ, а наблюденіе съ Трешнева даетъ не совсѣмъ вѣрное понятіе, именно васоевицкій Комъ кажется выше, такъ какъ вы стоите къ нему ближе, и разстояніе между кучскими вершинами представляется сокращеннымъ, такъ что онѣ почти не раздѣляются.

б) *Восхожденіе на Комъ*. Восхожденіе на Комъ возможно только съ юго-западной и сѣверо-восточной сторонъ. На Кучскій-Комъ можно легко подняться за 1 часъ отъ Царинъ, гдѣ находятся кучскіе катуны; но на самомъ верху приходится идти по гребню, который не шире 1 фута и имѣетъ по обѣ стороны почти отвѣсные склоны въ глубину нѣсколькихъ десятковъ саженъ; притомъ скалы, составляющія гребень, всѣ такъ и распадаются на отдѣльные куски. Вы не можете найти ни одного камня, который бы не колебался, какъ только ухватитесь за него или наступите на него. Поэтому требуется большая осторожность и, хватаясь за камень, не разсчитывайте на него, какъ на твердую опору, а только до нѣкоторой степени облегчайте тяжесть своего тѣла при взлѣзаньи на уступы до пояса или до груди въ вышину. На самой вершинѣ площадь также весьма узкая. Обвалы здѣсь должны происходить постоянно, но не большими, цѣльными массами, а отдѣльными кусками.

Совсѣмъ другого характера Васоевицкій-Комъ. На него восходятъ отъ Штавной или съ Варды. Разница въ подъемѣ ихъ подъ шапку; а тамъ существуетъ только одно мѣсто, доступное для подъема. Опишу здѣсь мой путь съ Варды.

Чтобы провести на Комѣ цѣлый день, нужно подняться до высшихъ катуновъ и тамъ ночевать; но я отправился 21 сентября, когда въ катунахъ уже никого не было, хотя время было

еще теплое и сухое, и народъ удалился вслѣдствіе того только, что начались непріятельскія дѣйствія со стороны арнаутовъ: одинъ черногорецъ оказался убитымъ какъ разъ на дорогѣ изъ Лѣвой-рѣки черезъ Комъ, и еще двое было убито со стороны Кучскаго-Кома и появились уже арнаутскія четы, противъ которыхъ выступили, конечно, и четы черногорскія.

Поэтому я заночевалъ въ ближайшемъ къ нему селѣ Конюхи, откуда и получилъ двоихъ вооруженныхъ проводниковъ.

Сначала путь идетъ р. Перутицей съ полчаса до мѣста, гдѣ съ лѣвой стороны по теченью въ нее впадаетъ р. Десная. Перейдя её, поднимаемся на косу Варду. Сначала вы идете по весьма мягкому подъему и по ровной дорогѣ, какъ по аллеѣ между густымъ пихтовымъ и еловымъ лѣсомъ, а съ обѣихъ сторонъ внизу слышится шумъ воды — Перутицы и Десной. Пройдя такимъ образомъ полтора часа, доходимъ до катуновъ на Берулякѣ, откуда изъ ключей собирается Десная. До 30 колибъ разбросано во впадинкахъ; мѣсто унавоженное и потому сильно заросло крупными травами, какъ конскій щавель, helleborus, чемерика и др., которыхъ не ѣстъ скотъ. Было туманно; но покуда мы тутъ закусывали, сквозь туманъ можно было видѣть, что вершина Кома освѣщена солнцемъ, и мы отправляемся дальше. Тутъ подъемъ уже круче, и мы все забираемъ влѣво, т. е. съ южной стороны; приходимъ до впадины у подножія вершины; здѣсь, группами и отдѣльными деревьями, растетъ черный боръ, составляющій высшую древесную зону, какъ въ Сибири кедръ; выше растетъ уже тотъ же боръ въ видѣ кустарника. До сихъ поръ ходу было еще около часу. Отсюда выбираемся наверхъ, карабкаясь по щели между скалъ, и видимъ здѣсь цѣлый уголъ, набитый снѣгомъ. Преодолѣвъ эту крутизну, идемъ зигзагомъ вправо сначала по каменной розсыпи, ползущей у васъ изъ-подъ ногъ (это *точило*, какъ и на сѣверной сторонѣ, только не такъ круто), а потомъ по мягкому, покрытому травой, склону. Здѣсь множество цвѣтовъ и травъ: geranium, желтый ranunculus, crocus (качунъ), gentiana (безъ цвѣта), кучки голубой незабудки

близъ ключей и т. п. Еще черезъ часъ мы стоимъ уже подъ капой, какъ разъ у в.-сѣверо-восточнаго конца, откуда свободно обозрѣваемъ окружающую мѣстность на дальнее разстоянье. Здѣсь же маленькая ямка съ водой, ключикомъ струящеюся внизъ. На самую капу приходится уже карабкаться съ помощью ногъ и рукъ вмѣстѣ, и черезъ полчаса вы достигаете самой вершины.

Тутъ открывается травянистая площадка, нѣсколько ввалившаяся между слегка приподнятыми краями. Поперечникъ ея 920 шаговъ или болѣе 300 саженъ (слишкомъ 600 метровъ). Она вся зеленая, только при одномъ краѣ лежитъ снѣгъ отъ прошлой зимы и изъ-подъ нея образуется натекъ воды, который однако тутъ же уходитъ сквозь землю въ находящіяся подъ нею щели.

Благодаря совершенно ясной погодѣ, Черногорію можно было обозрѣвать всю, какъ на ладони: на с.-западѣ Морача вся въ острыхъ шпицахъ, и черезъ нее величаво смотритъ широкій массивъ Дурмитора; къ востоку отъ него высокою и плоскою полосой тянется Синявина съ торчащими надъ нею отдѣльными вершинами, а дальше за нею горы Герцеговины, между которыми выдѣляется высочайшая вершина, кажется, Голія; наконецъ, черезъ Бихоръ, Полицу и цѣлое, идущее за ними пониженье, перерѣзанное невысокими кряжами, вы видите высокіе хребты, составляющіе границу Сербіи, какъ Яворье, Златиборъ и др., но черезъ нихъ не видите ничего, и конечно нельзя видѣть стоящей надъ Бѣлградомъ Авалы, какъ то видѣлъ съ Дурмитора г. Ж. Ж. Братиничъ [1]). Смотря на ю., вы видите Подгорицкую равнину, Скадарское озеро и во всей рѣзкости неровныя очертанья Краинскихъ горъ; но Ловченъ уже не выдѣляется изъ хребта своею оригинальною фигурой, а вы только догадываетесь объ немъ, зная, гдѣ онъ долженъ помѣщаться. На отдаленномъ востокѣ видите массу горъ, между которыми Шаръ-планина; а ближе вашъ взглядъ упирается въ зубчатую стѣну Про-

[1]) Годишница Н. Чупича. Кн. V. 1883. стр. 240.

клятыхъ, между зубцами которыхъ залегаетъ снѣгъ. Гусинья не видать, а только часть его зеленѣющей равнины и нѣсколько выше его — село Вусанье съ маленькимъ укрѣпленьемъ.

Что касается Васоевичей, то сверху Кома вы обозрѣваете ихъ, какъ на картѣ.

в) *Разрушенье Кома.* Какъ мы замѣтили выше, сѣверная сторона Кома массою рушится больше всего. При мнѣ было уже нѣсколько трещинъ, по которымъ этотъ край долженъ былъ обрушиться. Одна трещина была, отступя отъ края фута на три, и шла вдоль всего края. А послѣ того, 5-го января, ночью, при сильномъ морозѣ и совершенно ясномъ небѣ, на Андріевицѣ мы слышали громъ отъ обвала. Продолжительность грома была такова, что я успѣлъ вбѣжать въ корчму, изъ которой только-что вышелъ, и позвать людей, которые вмѣстѣ со мною могли засвидѣтельствовать это явленье. Еще рѣзче этотъ громъ слышался въ ханѣ подъ Трешневикомъ, лежащемъ ближе къ Кому, на сѣверной его сторонѣ. Такіе обвалы, безъ сомнѣнія, больше всего происходятъ зимою, когда собравшаяся въ щеляхъ вода, смерзаясь, расширяется и отдѣляетъ надтреснувшую часть отъ цѣлаго массива. Принимая въ соображенье, что такое явленье совершается, если не каждый годъ, то все-таки довольно часто, слѣдуетъ допустить, что пониженье Кома происходитъ на виду у людей, которые знаютъ, когда онъ былъ значительно выше, хотя, должно замѣтить, въ этомъ отношеньи мѣстные жители оказываютъ весьма мало наблюдательности. Не пониженьемъ-ли этимъ нужно объяснить то, что на старыхъ картахъ Комъ всегда показывался выше Дурмитора, въ которомъ незамѣтно такого быстраго разрушенья, такъ какъ кругомъ его находятся солидные контрфорсы?

Кромѣ того, здѣсь часто бываютъ снѣжные обвалы, которые однако никому не причиняютъ особеннаго вреда, потому что предѣлъ ихъ дѣйствія удаленъ отъ жилищъ человѣка. Они ломаютъ только лѣсъ, какъ мы уже говорили выше. Но громъ или гулъ отъ паденья этихъ снѣжныхъ лавинъ слышится въ Конюхахъ и въ Дрндарскомъ-ханѣ, на сѣверной сторонѣ Кома. Есть однако

мѣста, гдѣ пастухи со стадами проходятъ подъ самыми обвалами, и во время моего пребыванья въ Васоевичахъ, подъ Бѣлухой (выше села Великой въ Полимьи) задавило двоихъ пастуховъ; а подъ Синявиной, близь Колашина, тоже убило нѣсколько пастуховъ и много скота. Случилось, впрочемъ, однажды, что обваломъ отбросило только проѣзжавшихъ тамъ всадниковъ съ лошадьми, не сдѣлавши имъ никакого вреда. Существуетъ и особенное названье снѣжной лавины — *усо́в* или *утрг*, а также — *загон*; и близь Кома одна гора называется поэтому Дрецинъусовъ, а близь Брзкута — Загонъ.

г) *Бо́льшая мягкость климата, чѣмъ на Дурмиторѣ.* Восходя на Комъ 21-го сентября и не найдя тамъ новаго снѣга, хотя передъ тѣмъ были дожди, которые на менѣе значительныхъ высотахъ падаютъ въ это время снѣгомъ, я заключаю, что Комъ находится въ поясѣ весьма тепломъ, по крайней мѣрѣ, теплѣе Дурмитора, гдѣ снѣгъ падаетъ обычно съ половины сентября, и теплѣе даже Войника, который также рано покрывается снѣгомъ, хотя гораздо ниже Кома.

То же самое замѣчаетъ и г. Тице и даетъ при этомъ слѣдующее объясненье: «Этому помогаютъ изолированное положенье вершинъ Кома и ихъ крутизна, тогда какъ на Дурмиторѣ и Войникѣ широкое развитіе массива высоко поднимающихся отдѣльныхъ высотъ благопріятствуетъ сохраненью снѣжныхъ полей, которыя такъ распространены на сѣверной сторонѣ Дурмитора»[1]).

Кромѣ расчлененности Кома, на бо́льшую его теплоту оказываютъ, конечно, вліянье и другія обстоятельства, какъ совершенно иной составъ почвы, состоящей изъ толстаго земляного слоя и поглощающей въ себя много влаги, и вообще кругомъ обиліе водъ, умѣряющихъ суровость климата; а наконецъ, теплыя воздушныя теченья.

Въ то время, какъ Дурмиторъ съ юга отъ моря и теплаго воздушнаго теченья отгораживаютъ слившіяся въ одну массу

---

1) Geolog. Uebers., стр. 96.

высоты и высокія плато и по самому краю моря безъ перерыва тянущійся высокій хребетъ; — передъ Комомъ стоитъ одинъ только массивъ Жійовой, съ двухъ сторонъ котораго идутъ съ южными наклонами долины Морачи съ Малой-рѣкой и Цѣвны, вершинами своими достигающей области Кома, а устья имѣющей на одной изъ самыхъ низкихъ мѣстностей на Подгорицкой равнинѣ, открытой къ морю черезъ промежутокъ между Краинскимъ хребтомъ и высокою Албаніей.

Идя по южному склону Дурмитора во время дождей въ октябрѣ мѣсяцѣ при южномъ вѣтрѣ, я коченѣлъ отъ холода; тогда какъ южный вѣтеръ на восточныхъ и южныхъ склонахъ Кома даже среди зимы производитъ ощущенье весенней теплоты.

д) *Разница климата въ отдѣльныхъ частяхъ этой области.* Но мы замѣчаемъ рѣзкую разницу и въ отдѣльныхъ частяхъ области Кома. Такъ въ селахъ, какъ Конюхи, Кошутичи и др., стоящихъ надъ Перутицей у самаго подножія Кома, отлично созрѣваютъ фрукты: груши, черешня, сливы и весьма хорошаго качества табакъ; а въ другой его сторонѣ, въ долинѣ р. Тары, ничего этого нѣтъ, и вообще зима очень сурова. Здѣсь разница происходитъ, конечно, прежде всего отъ того, что Тара лежитъ на сѣверной сторонѣ Кома, тогда какъ Перутица — на южной, а затѣмъ отъ того, что первая совершенно открыта къ сѣверу, тогда какъ теченье второй направляется къ востоку съ легкимъ склономъ на югъ. Вообще весь бассейнъ Лима несравненно теплѣе Тары вслѣдствіе защищенности его долины отъ сѣвера.

Разница эта еще рѣзче проявляется при сравненіи Тары съ Лѣвой-рѣкой. Такъ, несмотря на смежность этихъ двухъ долинъ, намъ случалось наблюдать такое явленье, что въ первой лежитъ глубокій снѣгъ и держатъ морозы, тогда какъ во второй снѣгу совсѣмъ нѣтъ и бугорки на пригрѣвахъ начинаютъ уже зеленѣть.

Вообще Лѣвая-рѣка въ цѣлыхъ Васоевичахъ отличается мягкостью климата, и потому неудивительно, что народное преданье пріурочиваетъ къ этой мѣстности первое поселеніе племени Васоевичей, происходящихъ якобы отъ Васа, одного изъ

трехъ братьевъ, между которыми Пипо былъ родоначальникомъ Пиперъ, а Озро — Озриничей.

е) *Наибольшее сближенье водъ Черноморскаго бассейна и Адріатическаго моря.* Мѣстность эта интересна еще и въ томъ отношеньи, что здѣсь встрѣчается наибольшее приближенье источниковъ Тары и Морачи, слѣдовательно и двухъ бассейновъ Чернаго моря и Адріатическаго. Именно, тамъ есть небольшая площадка, называемая Рашково-гумно, съ которой одинъ потокъ идетъ въ Лѣвую-рѣку, притокъ Морачи; а другой — въ Верушу, притокъ Тары.

ж) *Лѣса и пастбища.* Область Кома чрезвычайно богата лѣсомъ, притомъ разнообразіе породъ мѣстами удивительное; такъ, въ долинахъ Скроботуши и Вучьего-потока или Врмоши (притоковъ Грнчара, текущаго въ Плавское озеро) вы встрѣчаете смѣшанныя вмѣстѣ яворъ, ель, сосну и букъ; мѣстами присоединяется и ясень. Въ долинахъ и по низкимъ солнечнымъ склонамъ всюду дубовый лѣсъ; а чуть выше — хвойный, подъ самой капой Кома все черный боръ, причемъ искривленный, вслѣдствіе того, что на густую хвою его нападаетъ масса снѣгу и сгибаетъ молодыя деревья. Въ долинѣ Десной рѣки есть тисъ, а подъ вершинами Кома со стороны Любашницы есть мѣстность, называемая Тисови-Хртъ, которая когда-то вся была покрыта тисовымъ лѣсомъ; но теперь осталось отъ него весьма мало, потому что его ломаютъ снѣжныя лавины. Наконецъ на Сѣкирицѣ и Зелетинѣ растетъ молика (pinus peuce), дерево весьма рѣдкое въ Европѣ, которое въ Васоевичахъ считается самымъ лучшимъ матеріаломъ для постройки.

Такъ же роскошна и травяная растительность. При этомъ замѣчаютъ, что травы на той сторонѣ Кома, которою владѣютъ Кучи (юго-западныя), не такъ роскошны на видъ, но несравненно питательнѣе, чѣмъ на васоевицкой сторонѣ. Поэтому васоевицкія овцы не могутъ такъ скоро откормиться, какъ кучскія, и мясо ихъ какъ-то грубо, несладко и сваренное, не такъ бѣло.

У юго-западнаго конца Кома находятся катуны Кучъ, между

которыми самое лучшее мѣсто Царины. Это довольно обширная площадь между горъ, съ которой стекаютъ нѣсколько ключей въ одинъ потокъ, Царинскую рѣку, соединяющуюся потомъ съ Луцкой рѣкой, откуда уже рѣка принимаетъ имя Перутицы.

Народное преданье гласитъ, что здѣсь когда-то были катуны *царскіе*, т. е. сербскихъ кралей Неманичей, и здѣсь же была мельница, о которой свидѣтельствуютъ обломки жернова; внизу же, гдѣ теперь село Конюхи, былъ царскій же конскій заводъ. Поводъ этому преданью дало, конечно, самое названье мѣстности; болѣе же точныхъ указаній на то въ народной памяти не сохранилось.

Въ нижней части долины Перутицы есть слѣды жилищъ, бывшихъ до прихода сюда теперешнихъ васоевичей; есть одно старое кладбище, а на другой сторонѣ есть также слѣды какого то стараго зданія: по народному преданью тамъ былъ монастырь.

Комъ положительно со всѣхъ сторонъ облѣпленъ катунами; не меньше наполнены катунами и всѣ горы къ югу отъ него: Планиница, Моянъ, Асанацъ, Липовица, а также и Зелетинъ. Кромѣ кучъ и васоевичей этими пастбищами пользуются и арнауты, прикочевывающіе сюда изъ-подъ Скадра и Ульцина. Здѣсь не только отличныя пастбища, но и много покосныхъ мѣстъ, какъ напр. Куты, обширная равнина въ вершинахъ р. Куцкой.

з) *Жизнь человѣка и земледѣліе.* Совмѣстность пастбищъ разныхъ племенъ часто вела къ кровавымъ столкновеніямъ не только арнаутъ съ кучами и васоевичами, но и этихъ послѣднихъ между собою. Поэтому въ народной поэзіи Кому часто придается эпитетъ «кроваваго». Много есть мѣстъ близъ Кома, которыя могли бы служить для постояннаго жительства, по крайней мѣрѣ, небольшими поселками; но вѣчная опасность со стороны арнаутъ дѣлаетъ это невозможнымъ. Нерѣдко бываетъ, что середи лѣта вдругъ бросаютъ катуны всѣ, какъ васоевичи, такъ и арнауты, зная, что непремѣнно должно произойти нападенье съ той или другой стороны, вслѣдствіе совершеннаго кѣмъ либо изъ нихъ убій-

ства, которое непремѣнно должно сопровождаться мщеніемъ; и на всемъ пространствѣ тогда воцаряется пустота, и только разбойническія четы разгуливаютъ, ища добычи и пищи своимъ кровожаднымъ инстинктамъ.

Такая необезпеченность жизни воспитала въ цѣломъ населеньи какое-то равнодушіе къ тѣмъ богатствамъ, которыя даетъ ему природа. Не говоря уже о томъ, что здѣсь идетъ самое варварское истребленье лѣса, гдѣ вы видите, что цѣлыя строевыя деревья рубятъ для того только, чтобы дать своимъ овцамъ и козамъ объѣсть ихъ листья; здѣсь мало запасаютъ сѣна и держатъ скота сравнительно меньше даже, чѣмъ въ лѣшанской нахіи, изъ которой на лѣто, за недостаткомъ пастбищъ, отдаютъ свой скотъ въ Кучи.

Впрочемъ, въ послѣднее время здѣсь сильно принялись за хлѣбопашество, и всюду, гдѣ только есть малѣйшая возможность, устраиваютъ орошенье своихъ нивъ. Много также занимаются разведеньемъ сливъ, которыя здѣсь отлично родятся. Хотя нужно замѣтить, что съ увеличеньемъ поливныхъ луговъ и нивъ увеличиваются болѣзни: на людей нападаютъ лихорадки съ тифознымъ характеромъ, на овецъ *метыль*, паразитъ, поражающій печень, съ которымъ овца сначала жирѣетъ, а послѣ непремѣнно должна издохнуть.

и) *Минеральное богатство.* Въ нѣдрахъ Кома можно предполагать и минеральныя богатства, такъ какъ въ его размывахъ отъ самаго верха подъ капой до дна глубокихъ долинъ попадаются эруптивныя породы. Въ двухъ потокахъ Перутицы (Бабовъ и Брадавацъ) находятся большія залежи марганца, который иногда сваливается оттуда цѣлыми глыбами, состоящими изъ марганцевыхъ кристалловъ и изъ массы порошкообразной, смѣшанной съ землей и другимъ какимъ-то веществомъ.

і) *Нѣчто изъ міра животнаго.* Изъ животнаго міра, кромѣ волковъ, есть медвѣди, которыхъ убиваютъ по нѣскольку штукъ каждый годъ, продавая шкуры отъ 5—10 флориновъ, идущія исключительно на чапраки на сѣдла. На южной сторонѣ Кома во-

дятся и дикіе кабаны, но мало. Особенно много здѣсь дикихъ козъ и сернъ. Послѣднія, какъ скоро выпадетъ на Комѣ большой снѣгъ, цѣлыми стадами спускаются внизъ долинъ, и тутъ ихъ хватаютъ тогда руками живьемъ. Послѣднихъ запрещено ловить, иначе истребили бы ихъ въ конецъ весьма скоро; а о козахъ существуетъ особое преданье.

к) *Преданія.* Есть на одной изъ Кучскихъ вершинъ площадка, называемая «Кольятъ одъ Кома»; она со всѣхъ сторонъ окружена скалами въ видѣ стѣнъ съ однимъ только отверстіемъ, черезъ которое можно туда проникнуть. Собрались туда однажды всѣ козы; а кучи, узнавши объ этомъ, поднялись цѣлымъ войскомъ, заняли единственный проходъ, и козамъ пришелъ конецъ. Но тутъ изъ ближней Вилиной пещеры послышался голосъ: «ступайте за Кариманами (?) на море; пусть принесутъ они кирки и молоты и просѣкутъ стѣны Кома; иначе исчезнетъ и слѣдъ дикихъ козъ въ Комскомъ-Кольятѣ». Застучали кирки и молоты, загремѣло кругомъ, застучало, и развалилась стѣна, образовавъ отверстіе, черезъ которое и убѣжали козы; только три изъ нихъ упали и убились. «Пусть это будетъ на ужинъ людямъ!» — послышался опять голосъ изъ той же пещеры. Люди воспользовались этими тремя убившимися козами, а остальныя спаслись отъ окончательнаго истребленія, и съ тѣхъ поръ такъ расплодились, что на вершинахъ Кома всегда встрѣтитесь съ ихъ стадами.

Съ Комомъ соединяется множество фантастическихъ разсказовъ о вилахъ, которыя живутъ въ его пещерахъ и выходятъ изъ нихъ, чтобы разстилать свое полотно на зеленой муравѣ и на досугѣ поплясать въ хороводѣ; объ *унгревахъ*, какомъ-то народѣ, который жилъ въ общеніи съ вилами и исчезъ съ того времени, какъ изобрѣтено было ружье и т. п.

На сѣверной сторонѣ Кома, на прямомъ пути изъ Лѣвойрѣки на Андріевицу, есть ключъ, который называется Маргарита, постоянно упоминающійся въ народной пѣснѣ.

л) *Перелетъ птицъ.* Комъ стоитъ на пути перелета птицъ. Каждый годъ во второй половинѣ ноября мѣсяца пролетаютъ

здѣсь стаи журавлей, гусей, лебедей, утокъ и др. преимущественно водяныхъ птицъ, которыя спускаются здѣсь для отдыха на разливахъ рѣкъ, чтобы, собравшись съ силами, летѣть дальше. Онѣ летятъ изъ-подъ южной стороны Кома черезъ промежутокъ между имъ и массивомъ Жійовой съ одной стороны и Проклятыми съ другой, направляясь на теплыя воды Скадарскаго озера. Иногда на этомъ перелетѣ застигаетъ ихъ непогода — мятель и противный вѣтеръ; тогда всѣ птицы, будучи не въ состояніи продолжать путь, крутятся въ воздухѣ, сбиваясь въ одну кучу, съ крикомъ, выражающимъ общую тревогу, мятутся туда и сюда, употребляя всѣ усилія; иныя, ослабѣвъ окончательно, тутъ же падаютъ и ихъ берутъ руками.

Случается иногда, въ концѣ сентября или въ октябрѣ, что прилетаетъ стайка ласточекъ и, застигнутая непогодой, влетаетъ въ какую нибудь пустую колибу, и тамъ замираетъ отъ холоду. Народъ вѣруетъ, что онѣ потомъ оживаютъ и улетаютъ.

2. БѢЛАСТИЦА.

Другая половина области Кома, гдѣ доминируетъ Бѣластица, какъ мы уже говорили, отличается болѣе равниннымъ характеромъ, отчего пастбищъ тамъ чуть-ли не больше, чѣмъ собственно на Комѣ; и также много лѣсу, живыхъ водъ и уютныхъ мѣстечекъ, гдѣ размѣщаются катуны. Самыя лучшія мѣста, конечно, въ тѣхъ долинахъ, которыя обращены болѣе къ югу и текутъ въ Лимъ, какъ Градишница и Еловица. Въ послѣдней иногда остаются со стадами цѣлую зиму. Градишница интересна еще тѣмъ, что, кромѣ постояннаго своего тока къ селу Требчѣ, она черезъ щель въ правомъ ея берегу подземнымъ ходомъ пробиваетъ цѣлый кряжъ и выливается на другой сторонѣ его въ селѣ Слатинѣ, гдѣ ею пользуются для мельницъ и для поливы. Сторона, обращенная къ Колашину, имѣетъ несравненно суровѣе климатъ, и разница эта ощущается весьма рѣзко, потому что оказывается на весьма короткомъ разстояніи.

Такъ, въ началѣ октября на Андріевицѣ листъ на деревьяхъ только что началъ опадать, а на Тарѣ близъ Колашина лѣсъ былъ уже совершенно голый, держался листъ на нѣкоторыхъ деревьяхъ только въ укромныхъ уголкахъ, какъ Рѣчины и др. На Бѣластицѣ находится водораздѣлъ Тары и Лима, и здѣсь находятся нѣсколько озеръ, между которыми Шишко-озеро, дающее стокъ въ р. Быстрицу, идущую къ Лиму и составляющую границу между Черногоріей и Турціей, и Біоградское съ романтическимъ положеніемъ и чрезвычайно вкусною форелью.

Въ этихъ мѣстахъ у васоевичей бываютъ постоянныя столкновенія съ колашницами, которые до сихъ поръ не признаютъ надъ собою власти ни Турціи, ни Черногоріи, и потому часто дѣлаютъ нападенія на катуны, гдѣ по большей части живутъ однѣ женщины съ дѣтьми, и отбиваютъ скотъ.

3. ПОЛИМЬЕ.

Нѣчто отдѣльное составляетъ Полимье, т. е. долина р. Лима со всею прилегающею къ ней мѣстностью. Съ одной стороны къ ней весьма круто спускаются Виситоръ и Зелетинъ, только при подошвѣ своей образующія нѣсколько площадокъ, на которыхъ можно жить; а съ другой отъ Мокрой и Сѣкирицы идутъ довольно отлогія косы, которыя обитаемы до самыхъ почти вершинъ. Это самое теплое мѣсто въ Васоевичахъ и самое плодородное. Здѣсь никогда почти не знаютъ неурожая, потому что, за весьма малыми исключеніями, всѣ нивы находятся подъ поливой. Но нельзя сказать, чтобы этой благодати соотвѣтствовали и гигіеническія условія. Кромѣ почти постоянныхъ лихорадокъ, горловыхъ болѣзней, часто появляющейся кори, здѣсь есть въ слабомъ развитіи и зобатость, отъ которой спасаются, по всѣмъ вѣроятіямъ, тѣмъ, что легче всего подвергающіяся ей женщины, дѣти и вообще болѣе слабые люди, проводятъ половину года на высокихъ мѣстахъ въ катунахъ. Причину зобатости приписываемъ замкнутости долины и вслѣдствіе того недостатку вентиляціи.

Между долинами Лима и Злорѣчицы въ хребтѣ Зелетина находится сѣдло, называемое Превія, черезъ которое лежитъ кратчайшій, хотя и болѣе трудный путь съ Андріевицы въ Полимье.

Полимью постоянно угрожаютъ арнауты со стороны Плава и Гусинья и еще болѣе воинственное племя Ругова.

Лимъ тоже называется кровавымъ, и совершенно справедливо дается ему это имя, потому что здѣсь никогда не прекращались кровопролитья, и не въ видѣ только мелкихъ схватокъ, а въ настоящихъ битвахъ, рѣшавшихъ судьбу цѣлаго племени, при чемъ погибали тысячи народу и множество отводилось въ плѣнъ со скотомъ и всѣмъ имуществомъ.

Въ Полимьѣ Черногорія достигла наибольшаго своего расширенія на с.-востокъ, гдѣ отъ родного ей старо-сербскаго населенія, какъ по происхожденію и вѣрѣ, такъ и по симпатіямъ, отдѣляютъ самыя фанатичныя и разнузданныя арнаутскія племена; а въ то же время и политическая граница проведена такъ, чтобы затруднить Черногоріи возможность всякаго движенія впередъ.

Б. РАВНИНЫ.

Этимъ мы могли бы окончить разсмотрѣніе вертикальнаго строенья Черногоріи; но, говоря исключительно о горахъ и углубленьяхъ между ними, какъ долины или просто впадины и ложбины, а отчасти и о высокихъ плато, мы совсѣмъ пропустили такія обширныя равнины, какъ Никшицкая и Подгорицкая, по своему промежуточному положенію относящіяся не къ одной какой-либо области, на которыя мы подраздѣлили поверхность Черногоріи, и сами по себѣ составляющія особую область, не находясь въ зависимости отъ поднятія отдѣльныхъ высотъ, а только въ связи съ общими причинами, вызвавшими въ одномъ мѣстѣ повышеніе, въ другомъ понпженіе поверхности. Подгорицкая равнина напр. представляетъ собою какой-то провалъ, на далекое пространство и по всѣмъ направленіямъ вызвавшій на поверхности трещины по радіусамъ, въ которыя устремились воды въ видѣ рѣкъ и потоковъ. Мы оставили безъ подробнаго описанія и равнины Це-

тинскую, Граховскую и др., потому что присутствіе ихъ или отсутствіе не измѣняетъ рельефа, хотя на нѣкоторыхъ мы и останавливались для остальной характеристики мѣстности. А между тѣмъ ими дорисовывается, такъ сказать, рельефъ поверхности и вставляются новыя звенья въ цѣпь явленій, вызванныхъ тѣми же общими законами, какіе управляли цѣлою формовкою страны. Наконецъ въ нихъ есть свои особенности, которыми онѣ отличаются отъ равнинъ другихъ странъ, да и въ самой Черногоріи не всѣ онѣ одного типа.

Поэтому мы отводимъ имъ въ орографіи Черногоріи особое мѣсто.

По типу онѣ представляютъ собою низменности у морскихъ береговъ или другихъ водныхъ бассейновъ, посредственно или непосредственно имѣющія связь съ моремъ, и равнины изолированныя, расположенныя на значительной высотѣ, замкнутыя со всѣхъ сторонъ горами, составляющими какъ бы ихъ берега.

1. НИЗМЕННОСТИ, ИМѢЮЩІЯ СВЯЗЬ СЪ МОРЕМЪ.

а) *Барская.* Начнемъ съ первыхъ, т. е. съ приморскихъ. Самый простой видъ имѣетъ Барская низменность. Это обширная бухта между Сутораномъ и Руміей съ ихъ отрогами, идущими къ морю, которая постепенно мелѣла отъ сносовъ съ горъ и обратнаго ихъ отбрасыванья морскимъ прибоемъ, пока совершенно не обсохла; а наконецъ изъ валуновъ съ галькой, приносимыхъ съ горъ потоками, и верхняго, земляного наноса, который постепенно отлагался изъ воды, образовался пластъ, со временемъ покрывшійся травяною и древесною растительностью. Было-ли при этомъ постепенное поднятіе морского дна вслѣдствіе дѣйствія силъ изнутри нашей планеты, мы на этомъ вопросѣ не можемъ останавливаться, потому что онъ принадлежитъ общей физической географіи; а для разъясненія указанной нами мѣстной причины пошлемся на тотъ фактъ, свидѣтельствуемый жителями Бара, что не такъ еще давно лодки приставали къ тому мѣсту, которое

теперь удалено отъ моря метровъ на 200. По краю моря равнина тянется до 3-хъ килом., а въ глубь материка къ востоку и юго-востоку вдалась на 4 и мѣстами до 6 кил. Она съ одной стороны входитъ въ пазуху между Сутарманомъ и Румiей, откуда вытекаетъ рѣчушка Желѣзница, съ другой тянется къ городу Бару и стелется у подножія Лисина и кряжа, который загибается къ морю и заканчивается мысомъ Волуйцей; и здѣсь течетъ другая рѣчушка Бунаръ или Рикавацъ, берущая начало изъ щели между Румiей и Лисиномъ. Эти двѣ рѣчушки, не стѣсняемыя высокими берегами, въ половодье выступаютъ изъ своихъ руслъ и разливаются по низменности, внутри нѣсколько ввалившейся отъ приподнятія берега прибоемъ морскихъ волнъ, и вода ихъ всюду застаивается въ ямахъ и канавахъ, образуя гніющее болото.

б) *Ульцинская или Нижней Бояны.* Другая низменная равнина находится на нижнемъ теченіи р. Бояны, между этою рѣкою и Ульциномъ. По теченію рѣки она протянулась отъ с. Снерча (св. Георгія) до ея впаденія въ море 12—15 килом., а къ западу внутрь материка вдалась кил. на 10 или болѣе, гдѣ ее окружили—береговой кряжъ Пинежъ, по другую сторону котораго на морскомъ берегу стоитъ Ульцинъ, и въ томъ же направленіи идущая Бѣлая гора, а далѣе Кодры, составляющія предгорья и отроги хребта Мажуры. По краю моря изъ песку, выбрасываемаго имъ и несомаго вѣтромъ далѣе, образовалась высокая закраина, не дающая водамъ, собирающимся на той равнинѣ, стекать къ морю, и потому тамъ образовалось обширное Зоганское болото, съ годами занимающее все большее и большее пространство. Здѣсь когда-то проходило русло Бояны и отъ него, можетъ-быть, въ углубленіи образовалось озерцо. Случается и теперь, что Бояна вливается въ это озерцо и болото, и тогда дѣлается огромный разливъ почти до самаго города; а стекать къ морю вся эта вода могла единственно по узкой, метра въ 2 ширины, канавкѣ, представляемой потокомъ Братицей, идущей изъ-подъ Мажуры. Понятно, что вода эта застаивалась и превращалась въ обширное

озеро, тѣмъ болѣе, что сюда же собираются и всѣ воды, текущія съ сосѣднихъ горъ.

Въ прошломъ 1885 г., подъ управленіемъ русскаго капитана военныхъ топографовъ В. И. Вармана, прорытъ отъ озера къ морю каналъ, посредствомъ котораго вся эта мѣстность должна осушиться, оставивши посрединѣ только небольшое озерцо. Каналъ этотъ, имѣющій въ длину 4 кил., настолько широкъ, что представляетъ собою рѣку.

Кромѣ береговъ моря и Бояны, состоящихъ изъ песку, вся середина этой равнины имѣетъ глинистую почву съ значительною примѣсью перегноя. Осушеніе болота должно избавить этотъ край и отъ свирѣпствовавшихъ тамъ лихорадокъ. Послѣднему, впрочемъ, и теперь помогаетъ часто дующій здѣсь сѣверо-восточный вѣтеръ, лѣтомъ приносящій собою пріятную свѣжесть, а зимою дождь, снѣгъ и холодъ.

Въ климатическомъ отношеньи ощущается разница между этою равниной и рядомъ находящимися мѣстностями, какъ у края моря, такъ и между Кодрами: на ней оживленье природы весной запаздываетъ противъ тѣхъ двухъ мѣстностей, по крайней мѣрѣ, на недѣлю, а маслины, растущія здѣсь, какъ мы уже упоминали, не даютъ плода.

в) *Низменности вокругъ Скадарскаго озера.* На другой сторонѣ Бояны, уже въ турецкой границѣ тянется также равнина, еще обширнѣе, потому что простирается до самаго Скадра, гдѣ она сливается съ равнинами, окружающими Скадарское озеро, частью въ турецкой границѣ, а частью въ черногорской; такъ что все это пространство отъ моря до Подгорицы и нѣсколько сѣвернѣе представляетъ одну непрерывную равнину, протягивающуюся даже вверхъ по долинамъ Зеты и Морачи. Отдѣльныя части этой обширной равнины разнятся только большею или меньшею тучностью земли, бо́льшимъ или меньшимъ затопленьемъ водою, и разницею климата, зависящею отъ положенья по отношенью къ господствующимъ вѣтрамъ. Всюду одинаково произрастаютъ виноградъ, смоква, гранаты, лавръ и другіе южные плоды; только маслина

держится исключительно близъ моря; полоса ея доходитъ до Скадра; дѣлаютъ попытки развести ее также въ Цермницѣ и Подгорицѣ, но въ успѣхѣ этого можно сомнѣваться. Постараемся дать хоть краткое очертанье отдѣльныхъ частей этой обширной равнины.

аа) *Цермницкая и Рѣцкая.* Вокругъ съ западной части Скадарскаго озера находятся двѣ низменныя равнины, Цермницкая и по Рѣкѣ-Черноевича.

Первая лежитъ между массивомъ Катунской нахіи и Суторманомъ и имѣетъ въ длину, протянувшись съ юга на сѣверъ, около 10 кил., а въ ширину отъ 2—5. Склонъ ея идетъ къ озеру и тутъ нижняя ея часть повременамъ затопляется. Въ то же время она имѣетъ богатое орошенье посредствомъ р. Цермницы съ цѣлою сѣтью другихъ, соединяющихся съ нею потоковъ. Почва здѣсь необыкновенно тучная вслѣдствіе наносовъ; климатъ теплый, потому что вся равнина имѣетъ укромные уголки подъ защитою горъ, гдѣ находятся лучшіе въ Черногоріи виноградники; а открытая ея часть посединѣ служитъ для хлѣбныхъ посѣвовъ; поэтому Цермницу справедливо называютъ Черногорскимъ садомъ.

Не менѣе роскошною была бы мѣстность къ сѣверо-западу отъ остр. Вранины при устьѣ Рѣки-Черноевича, еслибъ она съ давнихъ уже поръ сплошь не потоплялась водою, такъ что разбросанные по ней холмы теперь плаваютъ въ видѣ острововъ. Теперь тутъ засѣвается только незначительная часть, да и то иногда не успѣваютъ убрать посѣвы отъ наводненія. Сюда же относится и мѣстность около Жабляка между Горнимъ-блатомъ и р. Морачей, гдѣ, впрочемъ, положенье нѣсколько повыше. Когда не потопитъ водой, урожаи на этой тучной землѣ бываютъ неимовѣрные.

бб) *Нижняя-Зета.* Такова же и вся равнина, идущая къ востоку отъ р. Морачи и носящая названіе Нижней-Зеты, простирающаяся на востокъ до турецкой границы около 10 кил., а на сѣверъ отъ берега озера до р. Цѣвны около 13 кил. Здѣсь виноградники смѣшиваются съ посѣвами кукурузы, рощами лѣса и лугами. И сре-

ди зелени деревъ и луговъ разбросались до десятка селъ, какъ Бериславцы, Голубовцы, Гостиль, Бѣлополе и др., когда-то славившіяся своимъ богатствомъ и служившія житницами Зетскаго государства. А цѣлая окрестность Скадарскаго озера снабжала когда-то хлѣбомъ Римъ; послѣ же и самимъ бывало не въ дохватъ. Причиною упадка благосостоянья и богатства здѣшняго края были, конечно, турки, внесшіе сюда вѣчную войну, неурядицу и безхозяйственность. Теперь та часть, которая поступила во власть Черногоріи, значительно уже поправилась; но лучшая часть при устьяхъ Рѣки-Черноевича и Морачи, а также широкая полоса отъ 2—3 кил. вдоль озера потопляются теперь водою. Къ югу отъ Жабляка было цѣлое село Сарковина, отъ котораго и теперь видны еще слѣды; но мѣсто это каждый годъ бываетъ затоплено. То же самое съ селомъ Плавницей, гдѣ было когда-то до 40 дворовъ, съ большимъ караванъ-сараемъ; была тутъ и церковь, а кругомъ были сплошные виноградники. Винограду, говорятъ, бывало такъ много, что иногда не хватало посуды для выжиманья, и потому употребляли лодки и тогда, не имѣя, куда слить, оставляли виноградный сокъ на пойло скоту. Теперь же не только ничего этого нѣтъ, но и самое мѣсто бо́льшую часть года стоитъ подъ водой. Наводненья эти начались съ того времени, какъ Дринъ, вмѣсто обычнаго своего тока къ Лѣшу (Alessio), гдѣ прямо вливался въ море, продѣлалъ себѣ новое русло въ Бояну подъ Скадромъ и теперь задерживаетъ стокъ воды изъ Скадарскаго озера своимъ необычайно сильнымъ теченьемъ, а въ то же время засорилъ и русло самой Бояны. Наводненья эти угрожаютъ и Скадру, часть котораго и теперь уже потопляется.

г) *Цемовское-поле.* Продолженье этой равнины къ сѣверу отъ Цѣвны до Подгорицы, имѣющее протяженья приблизительно 6 кил., называется Цемовское-поле, потому что арнауты р. Цѣвну называютъ Цемъ. Оно состоитъ изъ конгломерата, едва прикрытаго тонкимъ слоемъ земли, который дѣлается еще тоньше, вслѣдствіе того, что середина поля выпукла, и дождевые потоки сносятъ землю по наклонамъ къ Цѣвнѣ, Морачѣ, Рыбницѣ и въ

ложбины у подножія горъ. На всемъ этомъ пространствѣ нѣтъ нигдѣ ни деревца, ни куста, и только тощая травянистая растительность: щетка, чаберъ (богородская трава), centaurea и другія сухія травы. Это собственно выгонъ подгорицкихъ жителей, на которомъ, впрочемъ, можно напасти достаточно только овецъ; а потому ихъ коровы отличаются такою захирѣлостью, какой не встрѣтишь нигдѣ въ Черногоріи.

Объ этой мѣстности г. Тице выражается такъ: «Причина пустынности этой равнины заключается не въ томъ, что, со времени поступленія ея во владѣнье черногорцевъ, она менѣе обработывается, а въ томъ, что почва ея, состоящая изъ щебня, какъ всѣ подобнаго рода отложенья, легко пропускаетъ сквозь себя воду, вслѣдствіе чего влажность почвы далеко не соотвѣтствуетъ количеству осадковъ изъ атмосферы. Кромѣ того въ Подгорицѣ на этой равнинѣ нерѣдко дуютъ сильные сѣверные вѣтры, которые также далеко неблагопріятствуютъ вегетаціи» (стр. 100).

Это мѣсто изъ сочиненья г. Тице, спеціалиста въ распознаваньи и оцѣнкѣ почвы, поучительно для тѣхъ иностранцевъ-путешественниковъ, которые думаютъ, что всякую мѣстность можно обратить въ лугъ или ниву.

д) *Равнины къ сѣверу отъ Подгорицы.* Кругомъ этой пустыни у подножія горъ, напротивъ, вы встрѣтите всюду виноградники или поля, засѣянныя кукурузой и другими родами хлѣба, особенно мѣстность подъ высокой окраиной Кучъ: Доляны и Златица, гдѣ, по народному преданью, когда-то на протяженьи 5 или болѣе километровъ было сплошное населенье домъ къ дому, такъ что съ одного конца на другой кошка могла перейти по крышамъ, нигдѣ не соскакивая внизъ.

И сюда-то, по всѣмъ вѣроятіямъ, проведена была вода изъ Цѣвны отъ Диношей, на что указываетъ до сихъ поръ существующій подъ соодомъ вровень съ землею каналъ. Равнина эта продолжается и за Подгорицу къ сѣверу до р. Морачи километра на 3 и узкою береговою полосою тянется на другой сторонѣ Морачи, гдѣ когда-то была Діоклея. Надобно замѣтить,

что и на южномъ берегу Морачи есть также слѣды построекъ, занимавшихъ просторъ еще больше, чѣмъ Діоклея.

е) *Лѣшкополе.* Къ западу отъ Подгорицы за Морачей также идетъ довольно обширная (вдоль около 7, а въ ширину отъ 2—5 кил.) равнина Лѣшкополе, связывающаяся съ небольшими ровными площадками, орошаемыми рѣчушками Ситницей, Церковницей, Трешницей и другими потоками, между Вельимъ-брдомъ и Бусовникомъ. Здѣсь село Бери славится своими виноградниками, дающими самое лучшее въ той мѣстности и самое крѣпкое вино.

ж) *Долина средней Зеты или Бѣлопавлицкая.* Долина средней Зеты или Бѣлопавлицкая на первый взглядъ кажется совершенно оторванною отъ Подгорицкой равнины; но, всмотрѣвшись ближе, вы увидите, что отъ Дукли идетъ непрерывная цѣпь ровныхъ площадокъ, которыя выходятъ къ Спужу, откуда и начинается уже широкая равнина, простирающаяся до Данилова-града и имѣющая мѣстами въ ширину 8 и болѣе, а въ длину 10 кил. Это роскошнѣйшая равнина съ толстымъ земляным слоемъ, подъ которымъ на глубинѣ сажени и болѣе не найдешь камня; гдѣ вся она покрыта самою сочною травянистою растительностію и лѣсомъ и при этомъ настолько низка и ввалена посединѣ, что вода на ней застаивается и образуетъ топкія, болотистыя мѣста, осушенье которыхъ, однако, весьма легко, потому что есть достаточный скатъ къ Зетѣ. Наводняется она преимущественно р. Сушицей, которая бóльшую часть времени стоитъ сухая, а въ періодъ дождей и таянья снѣговъ поднимается на большую вышину и производитъ наводненье на обширное пространство.

Соединить эту часть Зетской долины въ одно съ Подгорицкою равниной убѣждаетъ насъ и необыкновенно малая разница въ высотахъ той и другой. Такъ абсолютн. высота Подгорицы (на пирамидальную тополь) — 43 метра, а Орьей-луки (на колокольню церкви) 80; слѣдовательно разница на 37 метровъ. Но Орья-Лука стоитъ на высотѣ, по крайней мѣрѣ, въ три раза большей, чѣмъ высота колокольни, слѣдовательно, принявши

колокольню въ 6 метровъ, она будетъ имѣть 18 метровъ; да надъ Даниловымъ-градомъ эта высота стоитъ не менѣе (и во всякомъ случаѣ болѣе) 5 м.; самый же Даниловъ-градъ опять стоитъ выше равнины не менѣе чѣмъ на 5 м. Это въ совокупности составитъ 34 м., отнявши которые, получимъ абс. высоту 46 м. или разницу съ Подгорицей только въ 3 м. [1]). Такой малый подъемъ на разстояніи по прямой линіи приблизительно 17 кил., слишкомъ незначителенъ, когда даже между Сербской и Подгорицей, лежащихъ на одной равнинѣ въ разстояніи 7 кил., разница достигаетъ 25 м. И дѣйствительно, р. Зета въ одномъ мѣстѣ ниже Спужа на значительномъ разстояніи совершенно не течетъ. Поэтому, если предположить, что Подгорицкая равнина когда-либо представляла изъ себя водяной бассейнъ, то и ближайшая къ ней часть Бѣлопавлицкой долины тогда должна была также подвергнуться затопленію. На значительную глубину дна этой долины указываетъ и въ нѣсколько саженъ толщиною наносный слой.

Далѣе эта долина идетъ въ томъ же с.-западномъ направленіи, то расширяясь, то суживаясь, также съ весьма малымъ подъемомъ и постоянно имѣя довольно значительныя равнины по правую сторону текущей тутъ Зеты, которая плотно примыкаетъ къ горамъ, идущимъ по лѣвую ея сторону. Всѣ эти равнины также имѣютъ прекрасную почву и роскошную растительность. Особенность этой долины заключается въ томъ, что даже на значительныхъ высотахъ, обступающихъ её, отлично растутъ виноградъ и смоква; и въ Пѣшивцахъ (племя), находящихся въ самой верхней части долины, есть вино, которое нисколько не уступаетъ лучшему цермницкому. Это, благодаря тому, что вся она изложена сильному дѣйствію солнца, а мягкая почва ея прочно сохраняетъ получаемую отъ него теплоту.

Всего протяженія этой долины отъ Даниловаграда около

---

[1]) Бауманъ даетъ невѣроятныя цифры для Подгорицы 55,1, а для Даниловаграда 55,2. (Reise durch Montenegro).

15 кил., и тутъ её пересѣкаетъ хребетъ Планиница, отдѣляющій ее отъ Никшицкой равнины.

2. ВЫСОКІЯ ЗАМКНУТЫЯ РАВНИНЫ.

Обращаясь къ замкнутымъ равнинамъ, должно замѣтить, что всѣ онѣ находятся на значительныхъ высотахъ, имѣютъ совершенно ровное, плоское дно и окружены круто поднимающимися надъ ними горами въ родѣ стѣнъ, съ весьма нечувствительнымъ наклономъ въ одну какую-либо сторону, куда стекаются всѣ воды, собирающіяся съ краевъ, и исчезаютъ въ отверстія, находящіяся въ этой нижней ихъ части.

а) *Његушская.* Путешествуя изъ Котора, вы тотчасъ съ Крестца спускаетесь въ такую равнину Нѣгушскую. Она почти круглая и имѣетъ въ поперечникѣ отъ 1—2-хъ кил. Склонъ ея отъ ю.-запада къ с.-востоку и въ этомъ послѣднемъ концѣ находится *поноръ* или отверстіе, въ которое стекаютъ всѣ воды. Говорятъ, что въ старое время тутъ собиралось цѣлое озеро; но съ тѣхъ поръ, какъ открылся поноръ, воды собирается немного и та не застаивается долго. Наклонъ ея ясно обозначается рытвиной, по которой въ мокрое время идетъ цѣлый потокъ главнымъ образомъ изъ-подъ предгорій Ловчена, гдѣ тогда открываются цѣлые водопады. Дно этой равнины когда-то было шире; но горные потоки завалили часть его мелкимъ камнемъ, отчего и образовалась въ томъ мѣстѣ нѣсколько возвышенная окраина. Не смотря однако на малый просторъ, вокругъ ея находятся теперь около 200 домовъ.

Рядомъ съ этимъ, въ такихъ же, но еще меньшаго размѣра яминкахъ, живутъ еще двѣ общины на Врбѣ 40 д. и въ Дугомъ-долѣ — 50.

Неподалеку же находится небольшая ровная площадка, называемая Дѣвойкинъ-до, про которую существуетъ такой разсказъ. Тутъ была нива, на которой уродилась отличная, густая пшеница. Одна дѣвушка зареклась передъ своими подругами выжать

её за день до вечера; затѣмъ принялась и дѣйствительно дожала всю; но, когда вязала уже послѣдній снопъ, подъ нею провалилась земля, и открылся поноръ, въ которомъ она и исчезла. Поноръ такъ и остается донынѣ; ниву попрежнему засѣваютъ и попрежнему она хорошо родитъ, и её убираютъ; только что въ поноръ, сдѣлавшійся явнымъ, никто уже не проваливается.

Въ этомъ преданіи, на первый взглядъ фантастичномъ, есть реальное основаніе. Много есть такихъ воронкообразныхъ углубленій съ прекрасною землею на днѣ, которою и пользуются для посѣвовъ. Но потомъ вдругъ посрединѣ начинаетъ земля проваливаться, и образуется отверстіе, въ которое современемъ и уноситъ всю землю, противъ чего, однако, принимаютъ мѣры: заваливаютъ это отверстіе сначала крупными каменьями, а потомъ мелкими, такъ чтобы вода не застаивалась и въ то же время не уносила бы землю.

б) *Цетинская.* Цетинская равнина гораздо обширнѣе. Она имѣетъ въ длину 5 кил., а въ ширину отъ 1—2, и идетъ въ ю.-восточномъ направленіи. Верхній ея край находится на с.-западѣ, а нижній на противуположномъ концѣ.

Когда-то здѣсь протекала цѣлая рѣка отъ Байцъ и Хумцевъ, гдѣ и теперь находятся двѣ пещеры, изъ которыхъ по временамъ устремляются сильные потоки. Во время Иванбега (въ концѣ XV в.) черезъ эту рѣку былъ мостъ, ниже котораго была мельница. Часть этой рѣки, отводимая на мельницу, исчезала въ понорѣ, существующемъ и теперь подъ осинками; а часть впадала, не доходя мельницы, въ другой поноръ, заваленный уже въ недавнее время. Это какъ разъ при въѣздѣ въ городъ, гдѣ и до сихъ поръ сохранилось названіе мѣста «на увору» т. е. гдѣ втекаетъ вода.

Истребленіе лѣса на Ловченѣ, безъ сомнѣнія, имѣло вліяніе на исчезновеніе постоянныхъ источниковъ, питавшихъ эту рѣку, и теперь вдоль всего поля идетъ только сухой оврагъ, постепенно засыпаемый и засоряемый природой и людьми, и только послѣ продолжительныхъ дождей по нему несется бурный потокъ. От-

крывается тогда и еще одна пещера въ монастырѣ на верхнемъ его дворѣ. Это случается такъ быстро, что однажды ученики изъ стоящаго ниже зданія едва успѣли повыскакать черезъ окна; а сила тока была такова, что водою сворачивало плиты каменнаго крыльца, вырывало камни изъ мостовой и ревъ былъ потрясающій. Вся эта вода, не успѣвая входить въ ближній поноръ, наполняетъ нижнее поле, превращая его въ озеро, откуда вода постепенно исчезаетъ въ другіе поноры. Есть тутъ мѣстность, въ которой вода очевидно исчезаетъ въ щели, закрытыя сверху слоемъ земли, и эти отверстія называютъ *издухе*.

Каждую весну и вообще въ мокрый періодъ въ нижнее поле стекаетъ потокъ изъ Боровика (подъ Бѣлошами): русло его въ сухое время обозначается полосою чрезвычайно бѣлыхъ, устилающихъ его известковыхъ камешковъ. Прежде онъ, видимо, шелъ сильнѣе, и потому на немъ была мельница, остатки которой водятся еще и теперь; а внизу при владыкѣ Петрѣ I былъ прудъ, въ которомъ также прикоплялась вода для другой мельницы; теперь же тутъ только въ самое мочливое время собирается лужа, въ которой моютъ тряпки. Съ весны есть здѣсь кое-какіе ключики по краямъ; но лѣтомъ всѣ они исчезаютъ. Всѣ колодцы находятся въ Нижнемъ-полѣ, и вода въ нихъ собирается не изъ отдаленныхъ жилъ, а чисто мѣстная, почвенная, и потому въ сухое лѣто едва держится въ этихъ единственныхъ резервуарахъ. Сюда же ходятъ тогда за водой изъ Байцъ, а иногда и еще дальше изъ Дубовика.

в) *Граховская*. Совершенно какъ Цетинская и Граховская равнина, хотя имѣетъ и нѣкоторыя особенности. Она протянулась съ з. на в. и раздѣляется на двѣ части: Верхнее и Нижнее поле. Въ Верхнемъ-полѣ не исчезли еще постоянные ключи, и проходящій вдоль всего поля ерикъ часто наполняется водою. Нижняя часть этого поля лежитъ въ восточномъ углѣ, гдѣ вода и исчезаетъ въ поноры, и тутъ же во дворѣ воеводы Анта Даковича есть пещера, внутри которой въ разстояніи получаса ходу постоянно держится вода; её и берутъ для питья, отправляясь съ заж-

женною лучиной. Путь этотъ, надобно замѣтить, такъ ровенъ, что женщины, не смотря на совершеннѣйшую темноту, ходятъ туда за водой даже безъ лучины. Изъ нея, какъ и изъ монастырской пещеры на Цетиньѣ, также по временамъ выливается бурный потокъ. Народъ предполагаетъ, что она имѣетъ связь со Сланымъ въ Никшицкомъ-полѣ.

Въ Пиперахъ подобную же равнину представляетъ Копилье; а между Никшичемъ и Пивой мы уже указывали на Брезны; есть и другія; но мы разсмотримъ еще только Никшицкую равнину.

г) *Никшицкая.* Это послѣ Подгорицкой самая обширная равнина, и притомъ въ ней, благодаря обширности, нагляднѣе выражаются тѣ характеристичныя черты, которыя въ другихъ отъ различныхъ причинъ совершенно исчезли или значительно видоизмѣнились. Вмѣсто сухихъ руслъ, какъ въ разсмотрѣнныхъ выше равнинахъ, по которымъ когда-то шли постоянные потоки, тутъ до сихъ поръ протекаютъ цѣлыя рѣки, наводняющія часть его такъ, что образуется большое и достигающее болѣе десятка метровъ глубины озеро, и тутъ же есть поноръ, но не въ видѣ щели или узкой дыры, а цѣлая пропасть, заглянувъ въ которую, вы видите бездну, скрывающуюся во мракѣ, и на вашихъ глазахъ туда проваливается цѣлая рѣка, которая, пройдя подъ землей сквозь гору около 3 кил., снова появляется на свѣтъ божій.

Обширность этой равнины въ народной пѣснѣ выражена слѣдующими словами: «Седам поля около Никшича, свако поле по триста читлука (помѣстій)». И дѣйствительно, кромѣ существующаго города, къ западу отъ него черезъ Студеначкія-главицы на берегу р. Моштаницы есть слѣды еще какого-то города, о которомъ также есть упоминаніе въ пѣснѣ: «варош Подгорица, шехеръ Моштаница». Наконецъ тамъ же были еще два монастыря, отъ которыхъ едва можно замѣтить слѣды.

аа) *Отдѣльныя ея части, протяженіе и склоны.* Составляя какъ-бы расширеніе той трещины, которой соотвѣтствуютъ на

ю.-востокѣ долина Зеты, а на с.-западѣ проходъ Дуга, она протянулась въ томъ же направленіи по прямой линіи до 15 кил., а ширина ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ 12 кил. Посрединѣ ея вдоль протянулся въ видѣ острова отдѣльный скалистый кряжъ Студеначкія-главицы, а съ боковъ, также въ видѣ мысовъ, поперекъ выступаютъ продолженья окружающихъ её горъ и дѣлятъ её прежде всего на Горнее и Дольнее-поле, а затѣмъ образуютъ особые уголки.

Мы знаемъ уже, откуда берется часть орошающихъ её водъ, именно Зета собственно съ притоками до выхода ея изъ Горняго-поля, Быстрица и Грачаница; а другая часть, собирающаяся въ Дугѣ, присоединяется къ ней по пути подъ Вируштакомъ, гдѣ находится глубокій омутъ; затѣмъ есть озеро Крупацъ, лежащее подъ Трепчей и дающій Зетѣ притокъ Сомутъ; другое скопленіе воды въ Слапомъ, откуда она иногда идетъ тоже въ Зету, а иногда уходитъ куда-то внизъ. При общемъ протяженіи равнины на ю.-востокъ, она имѣетъ нѣсколько склоновъ, что́ можно видѣть по рѣкамъ: однѣ рѣки текутъ на ю.-западъ, другія прямо на югъ; а собравъ ихъ всѣ вмѣстѣ, Зета идетъ на в.-ю.-востокъ. Въ среднемъ теченіи Зеты мы видѣли, что она жмется къ лѣвому берегу, здѣсь же напротивъ — къ правому, гдѣ, упершись въ горы, она течетъ у ихъ подошвы, дѣлая загибъ къ востоку. Самая низкая часть равнины называется Сливле, гдѣ сливаются всѣ воды, и по временамъ образуется озеро. Въ старыя времена вода, говорятъ, бывала такъ велика, что боялись затопленія Никшича, который, надобно замѣтить, лежитъ въ разстояніи отъ нижняго края на 7 кил. и выше его до десятка метровъ или даже болѣе.

Самымъ простымъ объясненіемъ такого поднятія воды можетъ служить то, что принимающій въ себя всѣ воды поноръ оказывался тѣснымъ для вмѣщенія такой массы воды, нахлынувшей со всѣхъ сторонъ сразу, слишкомъ быстро. Но намъ привелось при этомъ наблюдать фактъ, которымъ такое объясненіе до нѣкоторой степени отвергается.

Идя однажды въ Никшичъ Бѣлопавличской долиной, я ви-

дѣлъ Зету всюду чистою, прозрачною; а прійдя на Сливлѣ, увидѣлъ, что вода все еще прибываетъ. Возвращаясь назадъ черезъ два дня, я уже не засталъ озера, и только рѣка съ шумомъ падала въ поноръ. Вступивши въ долину Зеты, я увидѣлъ тамъ сильную прибыль воды, и она была совершенно мутна отъ верха и до Даниловаграда и еще дальше. Какимъ образомъ вода, прибывавшая въ продолженіе недѣль и не вмѣщавшаяся въ поноръ, могла сразу пасть менѣе чѣмъ въ два дня? И почему передъ тѣмъ вода внизу въ Зетѣ была прозрачная, а только въ два дня замутилась? Нужно, значитъ, искать какого-то другого объясненія, котораго мы, однако, на себя не беремъ.

Поноръ самъ по себѣ представляетъ явленіе интересное и величественное. Онъ находится подъ однимъ холмомъ, состоящимъ изъ нагроможденія скалъ; отверстіе его, имѣющее вверху въ діаметрѣ до 20 метровъ, внизу суживается метровъ до 6; глубина, само собою разумѣется, отъ темноты представляется бездонною. Рѣка, полная воды шириною метровъ въ 20, влетаетъ въ каменный корридоръ, имѣющій не болѣе 3 м. ширины, и несется сначала по круто наклонной плоскости изъ каменныхъ плитъ, а потомъ низвергается отвѣсно въ глубь; не долетая до низу, она разбивается и превращается въ бѣлую массу, рѣзко выдѣляющуюся въ совершенно черномъ жерлѣ понора; а вверху надъ пропастью высоко стоитъ столбомъ тонкая пыль, точно дымъ или паръ, и кругомъ слышится такой громъ, что кажется будто все вокругъ дрожитъ. Увидѣвъ паръ, я предположилъ, не согрѣвается ли такъ вода при своемъ паденіи, и съ цѣлью узнать легъ на самый край, чтобы дохнуть этимъ паромъ изъ самаго жерла; но меня обдало только холодомъ, тонкою влагой и гнилымъ подвальнымъ запахомъ.

Этимъ мы и закончимъ обозрѣніе замкнутыхъ равнинъ, которыхъ множество по всей Черногоріи и всѣ онѣ, нося названіе *долова*, въ сущности представляютъ ничтожныя площадки въ воронкообразныхъ углубленіяхъ, служащія иногда, за недостаткомъ земли, полями и нивами.

3. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА О ЗАМКНУТЫХЪ РАВНИНАХЪ.

Общее впечатлѣніе, производимое ими на наблюдателя, возбуждаетъ мысль, что онѣ когда-то представляли собою озера или вообще резервуары воды, иногда совершенно скрытые, какъ теперь въ нѣкоторыхъ пещерахъ. Въ нѣкоторыхъ по бокамъ можно видѣть, какъ вода, постепенно убывая, оставляла свои слѣды въ горизонтальныхъ полосахъ, какъ то можно видѣть и теперь, когда сбываетъ вода въ подобнаго рода резервуарахъ. Такія полосы можно отлично видѣть на краяхъ Бокумирскаго-озера. А лежащее ниже его озеро Рикавацъ находится въ настоящій моментъ въ процессѣ превращенія его въ сухую замкнутую котловину; поэтому и обратимся къ нему за объясненіемъ. Источники, питающіе его, покуда еще не изсякли, но они изсякаютъ постепенно; притомъ эти же потоки воды каждогодно засыпаютъ озеро щебнемъ и землей, вслѣдствіе чего глубины его со временемъ должны непремѣнно наполниться. Знаки когда-то высокаго стоянія воды въ немъ очевидны. При этомъ обратимъ вниманіе на то, что у нижняго края его между горъ есть какой-то распадокъ или сѣдло, черезъ которое идетъ дорога въ лежащую сейчасъ за нимъ долину р. Скроботуши. Не случалось-ли, что иногда черезъ эту разсѣлину вода, переполнивъ свой резервуаръ, низвергалась внизъ водопадомъ или крутымъ потокомъ? Во всѣхъ бо́льшаго размѣра такого рода котловинахъ вы всегда увидите такое отверстіе при нижнемъ ихъ краѣ. Ставъ на новой цетинской дорогѣ надъ Байцами, откуда лучше всего видна вся цетинская равнина, вы именно увидите такую разсѣлину, идущую изъ-за госпиталя къ Добрскому-селу, которая и навела опытный глазъ инженера на мысль повести дорогу черезъ эту разсѣлину.

Въ высшей степени любопытное и вмѣстѣ съ тѣмъ загадочное явленіе представляетъ собою Планиница, плоскій хребетъ, составляющій перемычку между высотами Будошемъ и Острогомъ, отдѣляющую въ то же время Никшицкую равнину отъ долины средней Зеты. Весьма невысоко, но круто поднимаю-

щаяся надъ Никшицкой равниной и состоящая на той сторонѣ изъ твердыхъ скалъ, она на противоположной сторонѣ покрыта массивнымъ отложеніемъ земли и конгломерата или, какъ его называетъ Тице, брекчіи изъ доломитоваго щебня, мѣстами разсыпающагося, а мѣстами столь твердаго, что цѣлая скала изъ него, свалившаяся съ высоты, не разбивается на куски, какъ можно бы ожидать, судя по виду. Казалось бы, что это просто слѣпились кусочки и ихъ легко раздѣлить невооруженною рукою; но на дѣлѣ эти груды оказываются гораздо тверже.

Водное образованіе всего этого не подлежитъ сомнѣнію; но откуда могла быть такая сила воды? Съ Острога, стоящаго въ видѣ стѣны, не могло быть такого сильнаго потока, потому что его вершина весьма малаго объема, и существующія въ самомъ верху небольшія отверстія могли служить только для небольшихъ водопадовъ. Не шла-ли когда либо вода здѣсь именно изъ Никшицкаго резервуара, который, переполнившись водой, представлялъ изъ себя малое море? Не этому-ли потоку обязаны всѣ мягкія отложенія на южной сторонѣ Планиницы, впослѣдствіи времени сдѣлавшіяся высокими берегами въ глубинѣ текущей Зеты? По стѣнѣ Острога замѣтны какія-то полосы, идущія по направленію долины съ наклономъ сверху внизъ; не слѣды-ли это также бывшаго когда-то здѣсь сильнаго движенія воды?

Считая своею главною задачею только сообщеніе фактовъ и наблюденій, мы ставимъ эти вопросы единственно съ цѣлью обратить вниманіе будущихъ изслѣдователей спеціалистовъ на явленія, которыя могли быть упущены ихъ предшественниками.

Намъ остается еще сообщить о пещерахъ, которыя такъ распространены въ этихъ странахъ, такъ характеризуютъ ихъ и въ то же время играютъ роль не только въ экономіи природы, но и въ жизни человѣка; а также о различныхъ провалахъ въ землѣ въ видѣ дыръ или щелей.

Мы имѣли уже случаи касаться ихъ не разъ; теперь поговоримъ объ нихъ отдѣльно и для примѣра представимъ подробное описаніе какой-либо изъ нихъ.

4. ПЕЩЕРЫ И ВЕРТИКАЛЬНЫЯ ОТВЕРСТІЯ.

Возьмемъ Ободскую-пещеру, изъ которой вытекаетъ Рѣка-Черноевича. Она находится въ получасовомъ разстояніи отъ городка Рѣки къ с.-востоку. Въ этомъ мѣстѣ образуется углубленіе между горъ въ видѣ пазухи. Въ самомъ низу изъ-подъ крупныхъ валуновъ и скалъ вытекаетъ нѣсколькими струями рѣка, а выше метровъ на 25 вы видите въ скалѣ широкое отверстіе. Впервые я посѣтилъ её 8-го августа (1882 г.), что̀ необходимо знать, такъ какъ отъ времени года зависитъ повышеніе или пониженіе уровня истоковъ рѣки, и бываетъ время, когда она низвергается прямо изъ отверстія пещеры, и тогда слѣдовательно входъ въ нее невозможенъ.

Отверстіе это снаружи имѣетъ метровъ 15 въ ширину и столько же въ вышину. Она живописно драпируется плющемъ и другими ползучими растеніями; изъ щелей бахромками спускаются синіе колокольчики и другіе цвѣты; тамъ и сямъ на какомъ-нибудь выступѣ мотается деревцо. Подъ самымъ отверстіемъ навалены цѣлыя скалы и груды валуновъ и щебня, которыя въ одно и то же время служатъ препятствіемъ и мостомъ, и, благодаря только имъ, вы входите внутрь, не прибѣгая ни къ какимъ искусственнымъ приспособленіямъ. Прямо со входа открывается обширная ротонда или шатеръ, имѣющій въ діаметрѣ до 40 метр. при высотѣ свода до 20 метр. Внизу ровно, только навалены громадные камни и такіе же камни висятъ въ сводѣ, готовясь, конечно, также свалиться внизъ. Впередъ отверстіе нѣсколько суживается и передъ вами зіяетъ черная пропасть, въ которую вы и спускаетесь, идя сначала метровъ 30 по ровному, а затѣмъ по нагроможденьямъ скалъ. Вооружаетесь вы, конечно, лучиной и фонаремъ; послѣдній необходимъ, потому что, пройдя немного, вы встрѣчаете такой вѣтеръ, который задуетъ всякій факелъ. Минутъ черезъ 10, оглядываясь назадъ, вы уже не видите свѣта, проникающаго въ пещеру черезъ отверстіе извнѣ, и погружаетесь въ непроницаемый мракъ. Спускъ совершенно какъ съ

крутой горы, заваленной притомъ упавшими сверху скалами, хаотически нагроможденными одна на другую: то приводится вамъ скакать съ одного камня на другой, имѣя подъ собою трещину, въ которой не видно дна; то сползать внизъ, цѣпляясь руками и ногами, потому что паденіе угрожаетъ вамъ, по меньшей мѣрѣ, сломомъ; со сводовъ каплетъ вода, просачиваясь откуда-то сквозь пористый камень, мѣстами по краямъ она струится, жу́рча между скалами. Наконецъ вы слышите доносящійся изъ глубины шумъ потока. Спускаясь ниже, вы все яснѣе слышите этотъ шумъ воды, мѣстами, судя по шуму, низвергающейся водопадами. И вотъ черезъ $^3/_4$ часа такого спуска или, вѣрнѣе сказать, сползанья, сводъ передъ вами опускается и остается только узкое отверстіе, черезъ которое можно бы еще проползти, еслибъ въ немъ не было воды. Это обыкновенный потокъ: по бокамъ лежатъ крупные валуны, а между ними мелкій щебень и песокъ, и въ водѣ вдобавокъ промелькнула какая-то рыбка. По ровному потокъ этотъ идетъ всего какихъ-нибудь 5 метровъ и затѣмъ проваливается въ трещину, падая, повидимому, очень круто, водопадомъ. Судя по особенному гулу воды за отверстіемъ, изъ котораго она вытекаетъ, тамъ должна быть пустота.

Температура внизу не особенно холодная, такъ что никто не почувствовалъ охлажденья, хотя отъ усиленнаго карабканья привелось вспотѣть.

Обратный путь былъ легче и потому скорѣе; а всего спуска, я полагаю, до $1^1/_2$ кил.; и намъ казалось, что мы находимся гораздо глубже того мѣста, изъ котораго вытекаетъ вода внѣ пещеры.

Въ другой разъ мнѣ привелось видѣть пещеру, наполненную водой. Это обыкновенно бываетъ позднею осенью или весной; но тутъ переполненіе пещеры водой случилось 9-го августа отъ бывшаго передъ тѣмъ дождя, продолжавшагося непрерывно цѣлыя сутки. Я же смотрѣлъ ее 11-го августа, когда вода уже упала болѣе половины метра. Такого быстраго поднятія воды и такого бѣшенаго тока не запомнятъ жители. Она такъ затопила

все, что едва можно было пробраться къ ней. Прійдя на мѣсто, я увидѣлъ такую картину.

Во всю ширину пещеры неслась цѣлая рѣка. Мутная, клокочущая, она съ ревомъ летитъ по наклонной плоскости метровъ 100 — 120 съ высоты 25 метровъ, четырьмя или пятью каскадами съ уступовъ приблизительно по 2 метра каждый; встрѣчая на пути торчащія скалы, она взлетаетъ на нихъ и широкимъ фонтаномъ взбивается кверху, разсыпаясь тутъ же пѣной и пылью, которая и расходится, какъ дымъ; отъ рева, кажется, дрожатъ стѣны, угрожая паденьемъ. Внизу къ ней присоединяются еще два потока, начало которыхъ вы видите на высотѣ изъ отвѣсныхъ стѣнъ Люботина, откуда они падаютъ, разбиваясь въ бѣлую струю пѣны. По соединеніи съ этими двумя потоками, рѣка все еще имѣетъ крутое паденіе на разстояніи 200 метровъ, и тамъ, встрѣтивъ массивную скалу, выступившую поперекъ въ видѣ мыса, дѣлаетъ загибъ влѣво и стремится уже не такъ круто, но и тутъ падаетъ также по уступамъ. Тотчасъ за поворотомъ русло ея стѣсняется каменными стѣнами; тутъ она кипитъ, и надъ нею стоитъ водяная пыль, какъ дымъ. Ширина ея здѣсь до 100 метровъ; а далѣе она идетъ уже въ разливъ по плоскому берегу.

Обыкновенно ниже города на 2 — 3 кил. теченіе рѣки уже не ощущается, и она представляетъ изъ себя каналъ со стоячею водою; а въ этотъ разъ теченіе, и довольно сильное, шло до Плочи, гдѣ уже открывается выходъ къ Скадарскому озеру: а за часъ ниже города, чтобы взвести вверхъ небольшую лодку, привелось ее тащить бичевой и толкаться шестами, но до конца, т. е. до города, все-таки не могли дотащить.

Жители не запомнятъ такого быстраго подъема; но 17 лѣтъ назадъ (1864 г.) вода въ пещерѣ стояла выше нынѣшней еще на 1 метръ, какъ мнѣ показывали по стоящему сбоку камню, до котораго она достигала.

Такая масса воды, могущая притомъ собраться за такое короткое время, ясно указываетъ на то, что она собирается съ

обширнаго пространства и устремляется сюда съ значительной высоты. Народъ предполагаетъ, что пещера эта идетъ подъ Цетинье, и въ томъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Мутность воды показываетъ, что въ пещеру она попадаетъ съ плоскостей, покрытыхъ землею, какъ напр. Добрское-село, гдѣ я въ то самое время видѣлъ всю поверхность обратившеюся въ одинъ бассейнъ мутной воды; тогда какъ тутъ же съ горъ падали водопадами и каскадами струи воды совершенно чистой. По всѣмъ вѣроятіямъ, эта вода собирается здѣсь со всего склона Ловчена, обращеннаго къ Цетинью и Рѣкѣ-Черноевича.

На всемъ пространствѣ между Цетиньемъ и Рѣкой есть и еще пещеры, изъ которыхъ также по временамъ устремляется вода и, разлившись по всей террасѣ, подземными ходами спускается ниже. Въ Цеклинѣ есть одна пещера, въ которой всегда можно въ глубинѣ найти воду; а по временамъ въ ней слышится какое-то клокотанье, которое у мѣстныхъ жителей считается предзнаменованьемъ сильнаго дождя съ грозой и бурей. Это называется «лаетъ пещера».

Мы уже говорили о пещерахъ на Цетинскомъ-полѣ и о Граховской; такихъ пещеръ множество всюду, и всѣ онѣ въ извѣстное время наполняются водою, которая изъ нихъ выливается со страшною силой и стремительностью, вынося оттуда цѣлые камни, и потому дно у нихъ всегда чистое, и видны только слѣды свѣжаго голубинаго помета и остатки недавняго пребыванія скота, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ лежатъ невысоко и часто служатъ убѣжищемъ для скота и человѣка.

Поэтому искать какихъ-нибудь слѣдовъ древняго человѣка въ пещерахъ, подвергающихся наводненіямъ, по моему мнѣнію, невозможно, хотя одинъ ученый и нашелъ какія-то мелкія каменныя орудія даже въ Ободской пещерѣ.

Есть пещеры, лежащія очень высоко, которыя служили убѣжищемъ для людей отъ преслѣдованій турокъ. Въ Жолевицѣ (въ Васоевичахъ) есть пещера, въ которой, въ половинѣ прошлаго столѣтія, скрывалось 70 васоевицкихъ семействъ или около 500

душъ; но пушечные выстрѣлы, направленные въ отверстіе, заставили ихъ сдаться. Попасть въ нее можно съ большимъ трудомъ сверху. Въ Васоевичахъ же, близь Нижней-Аржаницы (въ турецкой границѣ) есть пещера, въ которую можно попасть только сверху, спускаясь по веревкѣ. Въ недавнее время туда лазали люди, полагая найти тамъ какія-нибудь сокровища; но, не найдя никакихъ сокровищъ, они нашли тамъ слѣды пребыванія человѣка: деревянные срубы и сводъ, какъ будто обдѣланный искусственно, обглоданныя кости, угли. Такія пещеры, конечно, не могли быть мѣстами постояннаго пребыванія человѣка, а только временнымъ убѣжищемъ какому-нибудь хайдуку или другому человѣку, находящемуся въ крайней опасности отъ своихъ преслѣдователей. Еще одна пещера находится въ горѣ Туріи, надъ Шавниками, въ которой также однажды скрывались дробняки отъ турокъ и также были выбиты пушечными выстрѣлами съ противоположной горы, называемой Градацъ. Въ нее, говорятъ, легко попасть съ задней стороны; но, очевидно, что она не велика, когда некуда было скрыться отъ выстрѣловъ. Въ этой самой пещерѣ есть, однако, отверстіе внизъ, въ глубину, и этимъ ходомъ можно пройти подъ село Поштьенье (разстояніе 1 кил.); а тамъ оказывается озеро и столбы сверху свода до низу. Не сталактиты-ли это? Хотя во всѣхъ другихъ пещерахъ нѣтъ и признака сталактитовъ.

Рядомъ съ пещерами, въ направленіи которыхъ преобладаетъ горизонтальное направленіе, здѣсь множество отверстій, идущихъ въ глубь вертикально. Одни изъ нихъ мы уже знаемъ — это *поноры*, сквозныя дыры, въ которыя скрывается вода, чтобы потомъ появиться гдѣ-нибудь въ видѣ рѣки или потока; а есть и глухія, въ которыхъ на днѣ скопляется вода, какъ въ глубокихъ колодцахъ, это *каменицы*. Такая есть подъ Добрштакомъ, гдѣ вода находится цѣлое лѣто на глубинѣ, мѣняющейся отъ 5 — 10 и болѣе метровъ, и ее достаютъ, конечно, посредствомъ сосуда на веревкѣ. Въ с. Прогоновичахъ (Лѣшанской нахіи) есть такая дыра, въ которой для спуска до дна къ водѣ высѣчено 56 сту-

пенекъ (около 16 метровъ). Впрочемъ, вода здѣсь не считается хорошею, потому что тепла; а иногда она и совсѣмъ вычерпывается и изсыхаетъ.

Если такія отверстія находятся на значительныхъ высотахъ, то въ нихъ цѣлое лѣто держится ледъ и снѣгъ. Такія я видѣлъ выше Ивачева-дола на пути изъ Ровцевъ въ Пиперы, а также передъ спускомъ на Лукавицу, на Ловченѣ и друг. Есть просто щели боковыя, которыя дальше спускаются въ глубь и изъ которыхъ лѣтомъ всегда дуетъ холодный воздухъ; это то же самое, что̀ у итальянцевъ ventaroli на берегахъ Комскаго озера и близь Кіавенны. Есть, по народнымъ разсказамъ, и такія, изъ которыхъ идетъ чрезвычайно теплый воздухъ, и потому около нихъ даже зимой не только нѣтъ снѣга, но и вѣчно зеленѣетъ трава.

Всѣ пещеры Черногоріи, сколько мнѣ извѣстно изъ личнаго наблюденія и изъ разспросовъ, представляютъ собою водяные каналы, мѣстами расширяющіеся въ видѣ шатровъ, идутъ однимъ только ходомъ, не развѣтвляясь и не представляя собою лабиринта пещеръ, какъ Адельбергская пещера (въ Краинѣ въ Австріи) или еще обширнѣе Кунгурская, и, не имѣя сталактитовъ ни известковыхъ, какъ въ первой, ни ледяныхъ, какъ во второй.

Расширенія пещеръ близь ихъ выходовъ любятъ выбирать для своего пребыванія голуби, и потому такая пещера называется *голубинякъ*, куда и отправляются черногорцы въ досужее время на ловлю голубей. Такихъ голубиныхъ гротовъ очень много въ скалистомъ морскомъ берегу между старымъ и новымъ Ульциномъ.

Около Подгорицы, въ берегахъ Рыбницы и Морачи, множество гротовъ образуется въ слояхъ тамошняго конгломерата. Въ нихъ пастухъ со своими стадами укрывается лѣтомъ отъ жара, а зимой отъ непогоды. На Морачѣ близь Дукли есть гроты, обращенные въ постоянныя жилища. Выводя снаружи невысокую стѣнку, а сверху устроивъ навѣсъ изъ досокъ, скромные обитатели получаютъ помѣщеніе, не только укрывающее ихъ

отъ непогоды, но имѣющее притомъ достаточно свѣта, котораго такъ мало даже въ настоящихъ черногорскихъ домахъ.

ПРИМѢЧАНІЕ. Имѣя задачею представить въ этомъ отдѣлѣ вертикальные разрѣзы Черногоріи, мы дѣлали неоднократныя отступленія, уклоняясь въ другія области — водныхъ системъ, климата, ботаники, даже исторіи и народнаго преданія, и т. п.; но этого невозможно было избѣгнуть, такъ какъ всѣ эти области настолько тѣсно связаны между собою и объясняютъ одна другую только въ близкомъ сопоставленіи рядомъ, что слишкомъ строгое проведеніе границъ между ними лишало бы изложеніе должной ясности, и вмѣсто полной характеристики и цѣльной картины природы мы получили бы однѣ сухія линіи, лишенныя смысла и содержанья, для чего было бы достаточно имѣть передъ собою только вѣрно составленную карту и другія графическія изображенія рельефа, затѣмъ перечень и таблицу высотъ, и описаніе было бы не нужно. Но, во-1-хъ, такой карты мы не имѣемъ, а таблицею высотъ далеко не исчерпывается запасъ данныхъ въ натурѣ, необходимыхъ для полнаго изображенія рельефа; описаніемъ пополняется этотъ недостатокъ, хотя, должно сознаться, до полноты все-таки еще очень далеко. Во-2-хъ, если теченіе рѣкъ вполнѣ зависитъ отъ направленія хребтовъ, отъ формы и свойства горъ, то, въ свою очередь, рѣки даютъ намъ возможность уяснить себѣ склоны и другія свойства ихъ. Въ 3-хъ, въ природѣ нѣтъ абстракціи, нѣтъ формы безъ содержанія, и потому, говоря объ очертаніи горъ, вы не можете не коснуться того, что̀ заключается и происходитъ въ нихъ или на нихъ. Вы не можете говорить о формѣ карстовыхъ горъ и долинъ, не сказавши ничего о процессѣ ихъ образованія. Представляя картину озеръ, расположившихся на поверхности, вы уясняете еще лучше ея очертаніе; растительный покровъ даетъ вамъ понятіе о высотѣ, крутизнѣ и положеніи склоновъ относи-

тельно солнца; особый складъ жизни человѣка, пріютившагося въ какой-либо мѣстности, находясь въ прямой зависимости отъ нея, позволяетъ намъ также дѣлать заключенія о самой мѣстности. И человѣкъ притомъ, въ свою очередь, оказываетъ вліяніе на природу: острыя скалы, крутые обрывы, осушеніе мѣстности можетъ происходить именно подъ вліяніемъ человѣка, лишающаго природу ея растительнаго покрова, безъ котораго она совершенно измѣняетъ свои формы. Наконецъ, отдѣляя форму отъ содержанія и жизни, такъ сказать, абстрагируя ее, мы дѣлаемъ это произвольно, единственно въ видахъ облегченія себѣ изложенія; а въ этихъ видахъ, дѣлая при описаніи горъ указанія изъ другихъ отдѣловъ, мы облегчаемъ себѣ дальнѣйшее изложеніе ихъ, причемъ намъ не будетъ уже надобности останавливаться на многомъ, что̀ само собою вытекаетъ изъ изложенія орографіи. Мы считали своею задачею, систематизируя научный матеріалъ, размѣщая его по разнымъ отдѣламъ, показать въ то же время ихъ связь между собою и обозначить границы ихъ соприкосновенія, гдѣ происходитъ неизбѣжное взаимодѣйствіе одной области на другую. Кромѣ того, въ народномъ преданіи или пѣснѣ о какой-либо мѣстности дорисовывается та ея сторона, которая не поддается абстрактному описанью внѣшнихъ формъ, это — сторона, которая такъ неотразимо дѣйствуетъ на все живущее, а тѣмъ болѣе на человѣка, что собственно и составляетъ конечную цѣль всякаго изученія и изложенія.

Поэтому, считая указанныя выше уклоненія изъ одной области въ другую неизбѣжными и законными, мы боимся, что въ иныхъ случаяхъ погрѣшили недостаточностью освѣщенія фактами изъ другихъ областей; напр., мы не вездѣ въ одинаковой степени изображали растительный и животный міръ. Но это произошло отъ боязни слишкомъ расширить объемъ одного отдѣла на счетъ другого; и при дальнѣйшемъ изложеніи мы имѣемъ полную возможность все недосказанное пополнить.

Списокъ горъ и другихъ пунктовъ, съ показаніемъ ихъ абсолютной высоты (по опредѣленію русскаго капитана военныхъ топографовъ Борщанскаго) *въ азбучномъ порядкѣ.*

	МЕТРЫ.	ФУТЫ.
1. Бѣластица (Закова-глава, къ с. отъ Колашина)	2,084	6.825,5
2. Бѣластица (на гран. Цермн. и Рѣцк. нахій)	547	1.794,16
3. Бобія (надъ Жаблякомъ)	422	1.384,16
4. Брникъ (въ Ровцахъ)	2,091	6.858,5
5. Бротьникъ или Магличъ (въ Пиперахъ)	1,537	5.041,36
6. Будошъ (къ югу отъ Никш.)	1,196	3.922,9
7. Буручковацъ (Пивская-планина)	2,063	6.766,64
8. Бусовникъ (Варинъ-врхъ, Лѣшанск.)	610	2.000,8
9. Вардаръ (Сомина-планина надъ Дугой)	1,513	4.962,64
10. Велье-брдо (близь Подгорицы)	278	911,84
11. Висъ (надъ Болевичами, Цермница)	498	1.633,44
12. Виситоръ (надъ Плавскимъ озеромъ)	2,174	7.130,72
13. Вѣтерникъ (между Братоножичами и Лѣвой-Рѣкой)	1,263	4.142,64
14. Власуля (Пивская-Жупа)	2,296	7.530,9
15. Войникъ (между Никшичемъ и Пивой)	1,968	6.454
16. Волуйца (Барская-пристань)	185	6.454
17. Врхови (или Печорацъ, Синявина, надъ Шаранцами)	2,012	6.599,36
18. Гарачъ (надъ Даниловымъ-градомъ)	1,423	4.667,44
19. Голешъ (3 часа отъ Колашина надъ Тарой)	1,701	5.579,3
20. Голія (Камъ-бѣли на Локвѣ, Никшицкая-Дуга)	1,913	6.274,64
21. Голикъ (Сутороманъ, надъ Скадарскимъ озер.)	977	3.194,56
22. Голо-брдо (между Цетиньемъ и Нѣгушами)	1,254	4.113,12
23. Горни-врхъ (или Црни-врхъ, надъ Рѣкой Черноевича)	630	2.066,4
24. Градиште (Вратова-глава, надъ р. Морачей близь Колаш.)	2,181	7.143,7
25. Гусаръ (Синявина)	1,875	6.140
26. Добрелица (между Пивой и Дугой)	1,864	6.114
27. Добрштакъ (надъ Добрскимъ-селомъ, близь Цетинья)	914	2.998
28. Дурмиторъ (Боботовъ-кукъ или Тьирова-печина)	2,483	8.144,24

	МЕТРЫ.	ФУТЫ.
29. Дурминторъ (Шлеме)	2,419	7.934,32
30. Еленакъ (Церквицы)	1,740	5.707,2
31. Еринья-глава (при соединеніи Лима со Злорѣчицей)	1,523	4.995,44
32. Жійова (Падежъ, Кучи)	2,099	6.884,72
33. Забрдска-коса (Синявина, близъ Руданцевъ въ Щаранцахъ)	1,776	5,824,3
34. Зебалацъ (Горняя-Морача)	2,097	6.879,46
35. Зла-гора (къ с.-зап. отъ Никшича)	1,437	4.713,36
36. Злоступъ (въ Дугѣ)	1,177	3.860,56
37. Ивица (между Шавниками и Езерами, Дробняки)	1,725	5.658
38. Каблена-главица (Рудины)	1,134	3.719,5
39. Каменикъ (между Ровцами и Пиперами)	1,758	5.766,24
40. Кита (близъ Никшича)	1,225	4.018
41. Ключъ (надъ Колашиномъ)	1,898	6.225,44
42. Кокотичъ (Баняны)	1,231	4.037,68
43. Кокоты-Горніе (Лѣшанск.)	249	816,72
44. Колашинъ (мечеть)	933	3.060,24
45. Комъ-Васоевицкій	2,422	7.974,16
46. » Кучскій	2,448	8.029,44
47. Корманъ (Синявина)	1,894	6.213,32
48. Костадинъ (надъ Рѣкой-Черноевича)	493	1.617
49. Криви-до (Васоевичи, подъ Бѣластицей)	1,833	6.012,24
50. Курозепъ (Бѣлопавличи)	1,090	3.575,2
51. Кучаевица (Езера)	1,755	5.756,4
52. Лебершникъ (между Бѣлопавл. и Пиперами)	1,824	5.982,72
53. Леденицы (Ружица, въ Пивѣ)	1,913	6.274,64
54. Лиса (Васоевичи)	1,846	6.054,9
55. Лисацъ-Бѣлопавличскій	1,538	4.844,64
56. » Кчевскій	1,134	3.719,5
57. » Пустой	1,448	4.749,44
58. Лисинъ (надъ Баромъ)	1,334	4.375,52
59. Ловченъ (часовня на Езерскомъ-верхѣ)	1,631	5.349,68
60. Лонацъ (Сутормань)	1,163	3.814,64
61. Луканичело (? Ровцы)	2,016	6.612,48
62. Лучка-гора (Синявина, выше Планы близъ Колашина)	1,715	5.625,2
63. Маганикъ (Ровцы)	2,108	6.914,24

	МЕТРЫ.	ФУТЫ.
64. Магличъ (Пива)	2,347	7.698,16
65. Мажура (между Баромъ и Ульциномъ)	623	2.043,44
66. Мравьянникъ (Нѣгуши)	1,317	4.319,76
67. Никшичъ (крѣпость)	652	2.138,56
68. Ноздри (Дуга)	1,319	4.311,12
69. Нѣгошъ (надъ Дугой)	1,698	5.569,44
70. Объяй (Баняны)	1,155	3.788,4
71. Орлово-брдо (Орловацъ въ Пивѣ)	1,954	6.409,12
72. Орья-лука (колокольня, близь Даниловграда)	80	257,4
73. Острвица (надъ Тарой)	1,739	5,703
74. Острогъ (надъ монастыремъ)	1,143	3.749
75. Острый-кукъ (Пива)	2,300	7.544
76. Падежъ (на границѣ съ Паштровичами въ Приморьи)	1,131	3.610
77. Планинница (Синявина)	1,839	6.032
78. Подгорица (тополь)	43	140
79. » (церковь)	50	160
80. Прекорница (Жупа-Никшицкая)	1,893	6.209
81. Птичъ (между Лѣвой-Рѣкой и Морачей)	1,309	4.293,52
82. Расовашъ (Синявина)	1,975	6.476
83. » Вельи (Цермница)	984	3.227,52
84. Румія (между Баромъ и Скадарскимъ озеромъ)	1,569	5.146,32
85. Свинштикъ (Люботинъ)	714	2.342
86. Силевацъ (Церквицы)	1;513	4.962,64
87. Соко (Церквицы)	1,415	4.641,2
88. Сомина (надъ Дугой)	1,579	5.179,12
89. Серска (церковь Зета)	18	59
90. Ставоръ (Бѣлицы)	1,220	4.001,6
91. Старацъ (Синявина)	2,002	6.566,56
92. Старжески-брегове (Ублн-Кчевскіе)	1,145	3.755,6
93. Столъ (Морача близь Колашина)	2,234	7.328,52
94. Стражиште (Баняны)	1,225	4.008
95. Стримія (Вельи-Космачъ, надъ Будвой)	870	2.853,6
96. Суховрхъ (между Комомъ и Гусиньемъ)	1,996	6.546,9
97. Сукъ Грудскій (Кучи)	1,196	3.922,9
98. Сѣкирица (надъ Полимьемъ)	1,957	6.419
99. Тали (надъ с. Осредакъ, Горняя-Морача)	2,029	6.655,12

		метры.	футы.
100.	Тройца (между Сутом. и Глухимъ-доломъ, Цермница)	1,114	3.654
101.	Турія (надъ Виницкой, Васоевичи)	1,821	5.972,9
102.	Хельмъ (Елемъ, Кучи)	974	3.194,72
103.	Хумъ (Очинлчскій, близь Цетинья)	974	3.194,72
104.	» на Вучьемъ (между Морачск. монаст. и Колашиномъ)	1,909	6.261,5
105.	Хумъ-Ораховскій (Кучи)	1,804	5.917,12
106.	Цеклиштакъ (надъ Цеклиномъ)	821	3.692,9
107.	Цетинье	638	2.072,64
108.	Црна-планина (подъ Комомъ)	1,864	6.114
109.	Црни-врхъ (Езера, на краю Тары)	1,612	5.287,36
110.	Челинацъ (Бѣлицы)	1,298	4.257,64
111.	Чурило (Дуга)	1.538	5.044,64
112.	Широкаръ (Магличъ, надъ Гусиньемъ)	2.109	6.917,52
113.	Шишманъ (Дуга)	1,479	4.851,12
114.	Штировникъ (Ловченъ)	1,723	5.653,44
115.	Штулацъ-Велій } между Езерами и Церквиц.	2,071	6.792,9
116.	» Малый }	1,973	6.471,44
117.	Ябловъ-врхъ (Синявина)	2,168	7.111

Внѣ Черногоріи (близъ ея границъ).

1.	Оріенъ (Кривошіи)	1,867	6.123,76
2.	Проклятыя (за Гусиньемъ)	2,643	8.679
3.	Хумъ-Хотскій (Нижняя-Зета)	254	833,12
4.	Шипчаникъ (тамъ-же, близь Подгорицы)	133	436,24

То же самое по порядку высоты въ нисходящей линіи.

метры.		метры.	метры.		метры.
2,500	1. Боботовъ-Кукъ (Дурмиторъ)	2,483		7. Власуля	2,296
	2. Комъ-Кучскій	2,448		8. Столъ	2,232
	3. » Васоевицкій	2,422		9. Градиште	2,181
	4. Шлеме (Дурмиторъ)	2,419		10. Виситоръ	2,174
	5. Магличъ	2,347		11. Ябловъ-врхъ	2,168
	6. Острый-Кукъ	2,300		12. Широкаръ	2,109
				13. Маганикъ	2,108
				14. Жійова	2,099

МЕТРЫ.		МЕТРЫ.	МЕТРЫ.		МЕТРЫ.
	15. Зебалацъ	2,097		58. Румія.....	1,569
	16. Брникъ.....	2,091		59. Чурило.....	
	17. Бѣластица.....	2,084		60. Лисацъ (Бѣло-павличскій)....	1,538
	18. Штулацъ-Велій..	2,071			
	19. Буручковацъ....	2,063		61. Бротьникъ.....	1,537
	20. Тали.....	2,029		62. Еринья-глава...	1,523
	21. Луканичело.....	2,016		63. Вардаръ.....	1,513
	22. Печорацъ.....	2,012	1,500	64. Силевацъ.....	
2,000	23. Старацъ.....	2,002		65. Шишманъ.....	1,479
	24. Суворхъ.....	1,996		66. Пустой-Лисацъ..	1,448
	25. Расовашъ.....	1,975		67. Зла-гора.....	1,437
	26. Войникъ.....	1,968		68. Гарачъ.....	1,423
	27. Сѣкирица.....	1,957		69. Соколъ.....	1,415
	28. Орлово-брдо....	1,954		70. Хумъ (Очиничск.)	1,394
	29. Штулацъ-Малый	1,923		71. Лисинъ.....	1,334
	30. Голія.....	1,913		72. Ноздри.....	1,319
	31. Леденицы.....			73. Мравьяникъ....	1,317
	32. Хумъ на Вучьемъ	1,909		74. Птичъ.....	1,309
	33. Ключъ	1,898		75. Челинацъ.....	1,298
	34. Корманъ.....	1,894		76. Вѣтерникъ.....	1,263
	35. Прекорница....	1,893		77. Голо-брдо.....	1,254
	36. Гусаръ.....	1,875		78. Кокотичъ.....	1,231
	37. Добрелица	1,864		79. Кита.....	1,225
	38. Црна-Планина .			80. Стражиште....	
	39. Лиса.....	1,846		81. Стоваръ.....	1,220
	40. Планиница.....	1,839		82. Будошъ.....	1,196
	41. Криви-до.....	1,833		83. Сукъ-Грудскій..	
	42. Лебершникъ....	1,824		84. Злоступъ.....	1,177
	43. Турія.....	1,821		85. Лонацъ.....	1,163
	44. Хумъ-Ораховскій	1,804		86. Объяй.....	1,155
	45. Забрдска-коса...	1,776		87. Старжески - бре-гове.....	1,145
	46. Каменикъ.....	1,758		88. Острогъ.....	1,143
	46. Кучаевица	1,755		89. Лисацъ - Кчевск.	1,134
	47. Еленакъ.....	1,740		90. Кабленова - гла-вица.....	
	48. Острвица.....	1,739			
	50. Ивица.....	1,725			
	51. Штировникъ....	1,723		91. Падежъ.....	1,131
	52. Лучка-гора.....	1,715		92. Тройца.....	1,114
	53. Голешъ.....	1,701		93. Курозепъ.....	1,090
	54. Нѣгошъ	1,698	1,000	94. Расовашъ-Велій.	984
	55. Ловченъ (Езерск. верхъ)	1,631		95. Голикъ.....	977
				96. Хельмъ.....	974
	56. Црни-врхъ.....	1,612		97. Колашинъ.....	933
	57. Сомина.....	1,579		98. Добрштакъ.....	914

МЕТРЫ.		МЕТРЫ.	МЕТРЫ.		МЕТРЫ.
	99. Стримія	870		109. Бобія	422
	100. Цеклинштакъ...	821		110. Велье-брдо.....	278
	101. Свинштикъ.....	714		111. Кокоты-Горніе..	249
	102. Никшичъ	652		112. Волуйца.....	185
	103. Цетинье.....	638		113. Орья-Лука	80
	104. Мажура	623		114. Подгорица (церковь).....	50
	105. Бусовникъ	610		115. Подгорица (тополь)	43
	106. Бѣластица (Цермница).....	547		116. Серска.....	18
500	107. Висъ.....	498			
	108. Костадинъ	493			

ГЕОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ И О МИНЕРАЛЬНЫХЪ БОГАТСТВАХЪ.

1. СЦІЕНТИФИЧЕСКІЯ ПУТЕШЕСТВІЯ.

Черногорія не можетъ пожаловаться на недостатокъ вниманія къ ней образованныхъ путешественниковъ Европы. Въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ стоятъ венеціанцы, которые, владѣя Адріатическимъ моремъ, конечно были заинтересованы изученіемъ всѣхъ, прилегающихъ къ нему земель. Поэтому еще въ началѣ XVII в. мы встрѣчаемъ сочиненіе Марина Болицы, венеціанскаго нобиля, который подъ именемъ «Скутарійскаго санджака», описалъ намъ весьма подробно Черногорію въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ мы ее знаемъ до недавняго времени. Описаніе его, какъ и у всѣхъ итальянскихъ образованныхъ путешественниковъ, отличается точностію и объективностію. Нельзя не удивляться, какъ онъ вѣрно перечисляетъ всѣ тогдашнія племена черногорскія съ названіями населенныхъ мѣстъ и даже съ именами ихъ главарей; подробно описываетъ онъ оригинальный способъ рыбной ловли, составляющій и теперь важную статью дохода одного черногорскаго племени; причемъ онъ характеризуетъ мѣстность и вообще природу Черногоріи. Спеціальная же цѣль его путешествія была торгово-политическою. Въ архивахъ Италіи

находится не одно описаніе Черногоріи, составленное по реляціямъ венеціанскихъ чиновниковъ, управлявшихъ южно-адріатическимъ приморьемъ, и миссіонеровъ.

Съ легкой руки Наполеона Бонапарта, покушавшагося вмѣстѣ съ Далмаціей и Боккой подчинить себѣ и Черногорію, съ началомъ XIX в. чрезвычайно ревностно посѣщаютъ ее французскіе путешественники, преслѣдуя опять-таки не научныя, а практическія цѣли и, собственно говоря, одну главную цѣль политическую. Являются затѣмъ туристы и безъ всякихъ заднихъ мыслей, интересуясь единственно оригинальностію страны и ея обитателей, такъ сказать, новизною предмета; иные изъ нихъ, обласканные гостепріимствомъ и пораженные свѣтлымъ умомъ и высокимъ характеромъ ихъ представителя владыки, явились восторженными почитателями Черногоріи и черногорцевъ и распространителями такой славы, что за ними потянулись путешественники и другихъ странъ, въ особенности англичане. Но всѣ эти посѣщенія Черногоріи иностранцами, учеными или просто туристами, отъ того времени и до недавней поры, не сопровождались никакимъ серьезнымъ изученіемъ природы и человѣка въ Черногоріи.

Природа ея даже мало привлекала къ себѣ вниманіе натуралистовъ вслѣдствіе ея наружной бѣдности и однообразія; къ тому же подобнаго характера горы напоминали собою и болѣе удобныя для ученыхъ экскурсій Истрію и Далмацію, которыя и посѣщались путешественниками съ спеціально учеными цѣлями. Отчасти это обусловливалось неувѣренностью въ безопасности при путешествіи внутрь страны, что̀ было совершенно несправедливо, и трудностію передвиженія, что̀ резонно вполнѣ. Но время и опытъ взяли свое; всѣ эти предразсудки разсѣялись, и Черногорія начинаетъ всѣхъ интересовать своею крайне оригинальною природой. И вотъ въ 1840 г. выходитъ сочиненіе Ами-Буэ и дѣлаетъ первый вкладъ въ географическое и естественно-научное описаніе Балканскаго полуострова, въ которой частицею входитъ и Черногорія; а въ слѣдующемъ году русское прави-

тельство посылаетъ туда горнаго инженера Е. П. Ковалевскаго для изслѣдованія минеральныхъ богатствъ Черногоріи [1]). Поводомъ, сколько мнѣ извѣстно, послужила просьба объ этомъ тогдашняго владыки Петра II. Эта мысль была и у его предшественника, къ чему побуждали ихъ чисто-практическія соображенія: страна бѣдная, не могущая пропитывать себя своимъ собственнымъ хлѣбомъ; такъ не найдется ли въ ней какихъ-нибудь драгоцѣнныхъ минераловъ, которые будутъ давать гораздо больше, чѣмъ истинно мученическій трудъ при обращеніи голыхъ скалъ въ нивы. Тѣмъ болѣе, что тамъ и сямъ попадаются какія-то руды и даже кристаллы какого-то блестящаго металла.

Такимъ образомъ Е. П. Ковалевскій совершилъ первый ученое путешествіе по внутренности Черногоріи и спеціально съ цѣлью геологическаго изслѣдованія. Онъ посѣтилъ Комъ и Морачу, самые отдаленные въ это время предѣлы Черногоріи. По всѣмъ вѣроятіямъ, по пріѣздѣ оттуда, онъ составилъ спеціальную записку о своихъ геологическихъ изслѣдованіяхъ; но намъ извѣстно только его общее описаніе путешествія, въ которомъ есть глава, заключающая въ себѣ весьма поверхностный геологическій очеркъ или, вѣрнѣе говоря, простой перечень попадавшихся ему породъ съ весьма неточными, а иногда и невѣрными заключеніями.

Г. Шварцъ въ книгѣ о своемъ путешествіи по Черногоріи помѣстилъ краткій, неизвѣстный до сихъ поръ путевой дневникъ знаменитаго изслѣдователя странъ, окружающихъ Средиземное море и въ особенности Балканскаго полуострова, Гейнриха Барта въ 1865 г. отъ Подгорицы до Мойковца на р. Тарѣ, при чемъ онъ познакомился сначала съ нижнимъ теченіемъ р. Морачи, затѣмъ былъ въ Лѣвой-рѣкѣ, у подножій Кома, и по долинѣ Тары достигъ Мойковца черезъ Колашинъ. У него есть нѣсколько указаній на формы и геогностическій составъ пройденной имъ мѣстности.

---

[1]) «Четыре мѣсяца въ Черногоріи», 1841 г.

Въ 1870 г. совершилъ путешествіе на Дурмиторъ нѣмецкій консулъ въ Сараевѣ Отто Блау вмѣстѣ съ г. Консуломъ. Первый, кромѣ отдѣльной книги, описывающей его путешествіе, изданной въ 1877 г. [1]), написалъ «Die klimatische Verhältnisse des Montenegro»; а второй о метеорологіи и метеорологическихъ измѣреніяхъ [2]). У обоихъ ихъ, касающихся частью мѣстностей, вошедшихъ въ составъ нынѣшней Черногоріи, есть много замѣчаній относительно вообще природы, а О. Блау спеціально ботаникъ.

Въ 1873 г. профессоръ высшей школы въ Бѣлградѣ І. Панчичъ совершилъ ботаническую экскурсію по Черногоріи и описалъ подробно ея флору въ соч. «Elenchus plantarum» и т. д.

Архим. Н. Дучичъ въ своемъ сочиненіи «Црна-Гора», вышедшемъ въ Бѣлградѣ въ 1874 г., перечисляя сочиненія о Черногоріи, упоминаетъ «Adnotationes ad Floram et Faunam Herzegovinae, Crnagorae et Dalmatiae auctore Josepho Pantoscek Posonii, 1874 г.», котораго намъ однако не удалось найти.

Все это — путешественники-изслѣдователи, чуждые какихъ-либо другихъ цѣлей и интересовъ, кромѣ чисто научныхъ, и всѣ они притомъ натуралисты.

Послѣдняя война много послужила популярности Черногоріи въ европейскомъ образованномъ мірѣ, какъ страна интересная во всѣхъ отношеніяхъ и вполнѣ открытая, совершенно безопасная и чрезвычайно гостепріимная для всякаго иностранца путешественника; и съ 1878 г. она уже ежегодно посѣщается десятками путешественниковъ, между которыми значительную часть составляютъ ученые и профессоры. Трудно услѣдить за всѣмъ, что̀ эти путешественники пишутъ потомъ въ различныхъ изданіяхъ или въ отдѣльныхъ брошюрахъ; но между всѣми ими выдаются сочиненія гг. Шварца и Тице, на которыя мы неоднократно уже ссылались.

---

[1]) Reisen in Bosnien u. der Herzegowina. Berlin. 1877.

[2]) Въ «Mittheilungen der Geograph. Gesellschaft». Wien. 1871.

Они путешествовали въ одномъ и томъ же году (1880 г.), только въ разныя времена; именно Шварцъ окончилъ уже свое путешествіе, когда Тице только что предпринялъ. Оба они натуралисты, и потому ихъ ученыя изслѣдованія обращены преимущественно къ природѣ; но г. Шварцъ, спеціально географъ, задался сверхъ того цѣлью издать вообще интересную и серіозную книгу для своихъ соотечественниковъ, что̀ и выполнилъ съ замѣчательнымъ талантомъ и добросовѣстностью; Тице же не выходитъ изъ рамки строго научнаго изложенія собранныхъ имъ фактовъ и наблюденій относительно геологическаго строенія Черногоріи, касаясь однако мимоходомъ и другихъ областей, насколько то, какъ мы указывали выше, неизбѣжно вслѣдствіе тѣсной, неразрывной связи всего въ природѣ.

Сочиненіе его по отношенію къ Черногоріи не исчерпываетъ задачи геологической науки вполнѣ до глубины и во всѣхъ деталяхъ; да ему и не требуется это, такъ какъ на черногорской территоріи ему интересно было только продолжить свои главныя изслѣдованія въ Босніи и Герцеговинѣ; но при всемъ томъ оно даетъ прочное и широкое основаніе для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Опытный путешественникъ и изслѣдователь, подготовленный къ тому не только теоретически, но и практически, уже много лѣтъ совершая свои геологическія экскурсіи въ различныхъ странахъ, онъ обо многомъ можетъ дѣлать весьма вѣрныя заключенія по аналогіи. Впрочемъ туръ, сдѣланный имъ по Черногоріи, обнимаетъ ее почти всю; а сверхъ того, при составленіи сочиненія, ему помогли наблюденія, собранныя товарищемъ его по путешествію Регенспурскимъ, который въ одно время съ нимъ изслѣдовалъ мѣстности, не посѣщенныя г-мъ Тице.

Благодаря только его труду, мы можемъ въ наше физическое описаніе Черногоріи внести краткій общій очеркъ ея геологическаго строенія, воспользовавшись при томъ его картой для наглядnаго ознакомленія съ расположеніемъ различныхъ формацій. Вотъ къ какимъ результатамъ привели его изслѣдованія Черногоріи.

2. ГЕОЛОГИЧЕСКІЯ ФОРМАЦІИ.

Бо̀льшую часть ея занимаютъ три формаціи: 1) палеозойскіе слои, 2) тріасовые известняки и 3) мѣловая формація съ доломитами. Спорадически въ видѣ островковъ размѣщаются на этихъ главныхъ формаціяхъ продукты формаціи древнѣйшей (кварцъ, кремень, порфиръ, гнейсъ и т. д.), выдвинутые на поверхность не переставшею еще дѣйствовать и во второмъ періодѣ вулканической силой, а также и слои смѣшанные, какъ верфенскіе, венгеровскіе, флисъ и др. Такъ же рѣдко, узкими полосами и островками является и юрская формація, столь богатая различнаго рода окаменѣлостями.

Впрочемъ, верфенскіе слои занимаютъ довольно значительное пространство, именно бо̀льшую часть Цермницы и долины рѣкъ: Тушины, Буковицы и Шавника, Верхней-Морачи, Мертвицы, Лѣвой и Малой рѣкъ, потока Липовицы, близь Колашина, долины Синьца (гдѣ Пивскій монастырь), нижняго теченія Пивы и еще кое-гдѣ; а флисъ разбросанъ островками въ области центральнаго массива и по западной половинѣ, а частью къ югу отъ Маглича въ Пивѣ и длинными полосами тянется на южныхъ склонахъ Приморской-цѣпи, гдѣ онъ чередуется съ полосами нуммулитовыхъ слоевъ; а также между хребтиками Краинскихъ горъ, идущихъ поперекъ р. Боянѣ въ среднемъ ея теченіи въ турецкой границѣ.

Середину Никшицкой Дуги сплошной полосой занялъ мѣловой шиферъ.

И такъ бо̀льшую часть Черногоріи занимаютъ тріасъ и мѣловая формація, занявши двѣ половины, рядомъ протянувшись съ с.-запада на ю.-востокъ; при томъ тріасъ занялъ с.-восточную половину высочайшую, а также и въ ю.-западной половинѣ держится высочайшихъ ея частей, тогда какъ мѣловая формація залегла въ приниженіяхъ и склонахъ. Тріасу же принадлежатъ и всѣ высочайшія горы, даже среди другой формаціи.

Вмѣстѣ они занимаютъ, по крайней мѣрѣ, $^4/_5$ цѣлой поверх-

ности Черногоріи; тогда какъ палеозойскимъ слоямъ остается не болѣе $^1/_5$, и находятся они въ той именно части, которую мы назвали областью Кома. Замѣтимъ при этомъ, что г. Тице, не имѣя точной карты и не видѣвши лично Жійовой и окружающей ее мѣстности, дѣлаетъ, по нашему мнѣнію, ошибку, относя ее тоже къ области палеозойскихъ слоевъ. Ошибкой мы считаемъ это на томъ основаніи, что тутъ, какъ и въ предыдущей полосѣ, залегаютъ сплошь известняки; шиферы же начинаются только сѣвернѣе отъ той линіи, которую мы приняли за южную границу области Кома. Тогда область палеозойскихъ слоевъ должна еще сузиться. Въ этихъ же слояхъ онъ обозначилъ еще спорадическіе массивные выступы известняковъ, на Верушѣ, Злорѣчицѣ и при сліяніи Лима со Злорѣчицей, гдѣ они образуютъ тѣснины; то же самое можно найти и выше по р. Куцкой и въ другихъ мѣстахъ. Эруптивныя породы онъ отмѣтилъ въ области Кома только въ одномъ мѣстѣ, по лѣвому берегу р. Перутицы; но онъ нашелъ бы ихъ и по другую сторону этой рѣчушки и подъ самымъ Комомъ, еслибъ обстоятельства не помѣшали ему посѣтить эти мѣста. Обстоятельства же эти заключались въ томъ, что было небезопасно со стороны арнаутъ. Вообще нельзя не пожалѣть, что этой мѣстности, отличающейся бо́льшимъ минеральнымъ богатствомъ, ему привелось посвятить слишкомъ мало времени.

Затѣмъ остается формація позднѣйшая — дилювій и аллювій, которая является на всѣхъ низменныхъ, а также и на высокихъ равнинахъ, какъ Цетинье, Грахово, Никшичъ, Копилье, Радовче, Брезны и Колашинъ, гдѣ когда-то со всею силой работали текучія воды; а въ Ульцинѣ, по краю моря до бухты Val-di-noce, является новѣйшая формація изъ конгломерата, въ которомъ находятся сплошными слоями окаменѣлые морскіе организмы, преимущественно устрицы, весьма большихъ размѣровъ, а также pecten, въ особенности же pecten latissimus, попадающійся здѣсь во множествѣ.

3. МИНЕРАЛЬНЫЯ БОГАТСТВА.

Какое вліяніе, прямое или косвенное, формаціи эти имѣли на рельефъ поверхности и на жизнь органическую, мы уже говорили въ предыдущемъ отдѣлѣ; намъ остается сказать только о ихъ ископаемыхъ богатствахъ, на что и было обращено большое вниманіе ученымъ изслѣдователемъ, какъ въ чисто научномъ интересѣ, такъ и въ интересѣ страны.

Чего же можно искать въ известковой формаціи, изъ которой состоитъ чуть не вся Черногорія? Мраморъ, каменный уголь, нефть, соль, а вмѣстѣ съ тѣмъ, свинецъ, мѣдь, желѣзо, — вотъ что̀ обыкновенно находится въ этой формаціи. Почти все это и найдено въ Черногоріи, но съ такимъ малымъ содержаніемъ, что разработка найденныхъ минераловъ оказывается невозможною, и при такихъ обстоятельствахъ, что даже затраты на поиски этихъ богатствъ впередъ можно считать напрасными.

Мраморовъ дѣйствительно здѣсь много и хорошаго качества, различныхъ цвѣтовъ, кромѣ чисто-бѣлаго [1]). Каменнаго же угля до сихъ поръ не найдено нигдѣ, хотя мѣстные жители указываютъ его во многихъ мѣстахъ, принимая за уголь или шиферъ, или известнякъ, пропитанный смолой (вонючій камень), горящій на жару и издающій извѣстный смолистый запахъ. Въ Лѣшанской нахіи, близъ села Парци, я видѣлъ вмѣстѣ съ этимъ камнемъ залегающій слой легкаго горючаго вещества, въ родѣ лигнита, которое горитъ хорошо само собою, будучи однажды разожжено; но слой его слишкомъ тонокъ (2 и не болѣе 5 миллиметровъ), и чтобъ добыть его, нужно ломать цѣлыя скалы, весьма твердыя. Говорятъ, что есть и толстые слои, но мнѣ не привелось ихъ увидѣть; а еслибъ это оправдалось, то въ этой мѣстно-

---

[1]) Твердые известняки представляютъ хорошій строительный матеріалъ; а мѣстами находятся залежи туфа, который также очень удобенъ для построекъ. Морачскій монастырь весь построенъ изъ туфа, который, какъ говорятъ, приносили изъ р. Тушины, откуда произошло и ея названіе (туфъ называется *сúга* и *туфла*; а мѣсто, гдѣ онъ добывается, *тушина*).

сти такой матеріалъ помогъ бы сбереженію лѣса, въ сильной степени уже истребленнаго и истребляемаго.

Слѣды желѣза находятся во многихъ мѣстахъ. Мы находили его на Ключѣ (передъ Колашиномъ), подъ Дурмиторомъ, гдѣ когда-то происходила и разработка его; между Тушиной и Шавниками на берегу Буковицы находятся цѣлые штоки бураго желѣзняка; хотя гепатитъ, который представляетъ собою лучшую желѣзную руду и который вы найдете у каждаго хозяина стадъ, какъ лѣкарство, находится не въ Черногоріи, а приносится изъ сосѣднихъ Герцеговины или Босніи. Г. Тице находилъ также во многихъ мѣстахъ желѣзную руду; между прочимъ въ окрестностяхъ Грахова на двухъ мѣстахъ видно, что тамъ когда-то происходила разработка руды, судя по обожженной глинѣ и шлакамъ, изъ которыхъ образовался слой до 2-хъ фут. толщины. Но, если прежде, при недостаткѣ сообщеній, и стоило разработывать свою руду, какого бы она содержанія ни была, то теперь это уже не имѣетъ мѣста. Между прочимъ тамошняя руда смѣшана съ сѣрнымъ колчаданомъ, что̀ еще больше понижаетъ качество добытаго изъ нея желѣза (стр. 53).

На переходѣ черезъ Сутормань г. Тице нашелъ въ известковой скалѣ прекрасныя и большія зерна малахита, въ которомъ по химическому анализу оказался мѣдный карбонатъ съ содержаніемъ воды, и вмѣстѣ съ малахитомъ мелкіе кусочки лазоревaго камня (lapis lasuli). Но все это въ слишкомъ маломъ количествѣ. Нужно, по его словамъ, поискать того же на другомъ мѣстѣ, и для этого онъ указываетъ широкую долину подъ верхомъ Сутормана, на сѣверной его сторонѣ, гдѣ находится богатый ключъ (вѣроятно, такъ называемая, Башина-вода) (стр. 62).

Сѣрный колчаданъ въ блестящихъ кристаллахъ находится всюду, а въ одномъ мѣстѣ въ Тушиной онъ попадается кусками до 1 ф. вѣсу.

Несравненно больше надеждъ подаютъ островки эруптивныхъ продуктовъ, верфенскіе и палеозойскіе слои.

Путешествуя изъ Васоевичей въ Колашинъ, именно выйдя

изъ села Слатины и поднявшись на гору, г. Тице встрѣтилъ цѣлый утесъ кварцитоваго песчаника; а затѣмъ, вступивши въ долину Градишницы, находилъ красноватые кварциты и яшмы. Еще немного далѣе, поднявшись на высоту Бачъ и приблизившись къ Шареняку, онъ нашелъ конгломераты изъ мелкихъ зеренъ кристаллической формы и за ними опять песчаники съ блестками. Эти песчаники и шиферы часто были прорѣзаны жилами бѣлаго кварца. И вотъ какое заключеніе дѣлаетъ онъ по этому поводу: «Если гдѣ въ Черногоріи можно искать золото, то прежде всего въ подобнаго рода кварцахъ. Къ сожалѣнію, химическій анализъ взятыхъ мною нѣсколькихъ кусочковъ съ Краштицы и Бача не обнаружилъ ни малѣйшаго присутствія въ нихъ золота» (стр. 17.)

Въ Васоевичахъ же, только совсѣмъ въ другой сторонѣ, именно по правую сторону р. Перутицы, въ вершинахъ двухъ потоковъ Бабова и Брадавца находятся штоки марганца, часто сваливающагося внизъ цѣлыми скалами. Этого, къ сожалѣнію, г. Тице не удалось видѣть. Но изъ его же геологическихъ изслѣдованій въ Босніи и Герцеговинѣ мы узнаемъ, что и тамъ находятся залежи марганца, направленіе которыхъ показываетъ протяженіе ихъ къ той части Черногоріи. Значитъ, это не какое-нибудь гнѣздо, а обширная залежь.

На слабое присутствіе соли указываютъ названія мѣстъ — Слатинъ въ Васоевичахъ, Бѣлопавличахъ и др., гдѣ, по народному мнѣнію, были когда-то соленые ключи. Есть преданіе, что въ Бѣлопавличской Слатинѣ добывалась соль при Иванъ-бегѣ (въ концѣ XV вѣка). Въ этихъ же мѣстахъ попадаются камни, которые постоянно лижетъ скотина, и такой камень называется *лизало*, что̀ отвѣчаетъ нашимъ солонцамъ.

Наконецъ, въ верфенскомъ слоѣ близъ села Буковика, въ Цермницѣ находится слабый источникъ петролея. Онъ извѣстенъ уже давно. Однажды его раскапывали и нашли тамъ слѣды работъ, о производствѣ которыхъ мѣстные жители не знаютъ ничего, ни даже по преданію. Тамъ нашли цѣлый корридоръ, въ

родѣ штольни, въ которомъ стѣнки и потолокъ были подперты толстыми, сохранившими вполнѣ свою твердость, буковыми бревнами, и нѣсколько инструментовъ; а въ 1880 году мнѣ привелось его посѣтить вмѣстѣ съ г. Шварцемъ, профессоромъ географіи во Фрейбергской Горной Академіи, гдѣ впослѣдствіи и сдѣланъ былъ полный анализъ собраннаго тамъ петролея.

Онъ показывается въ одной ямѣ, которую постоянно затягиваетъ ползущею со всѣхъ сторонъ жидкою глиной; поэтому предварительно человѣкъ 10 работали, чтобы вычерпать эту массу, и тогда мы увидѣли въ ямѣ, глубиною болѣе двухъ метровъ, въ одномъ боку слабую струю бѣловатаго вещества, которая бьетъ изъ отверстія въ камнѣ и собирается, какъ и всякое масло, на поверхности воды. Собранный ложкой петролей этотъ былъ настолько чистъ, что обмоченная въ него тряпка горѣла тутъ-же отлично. Впослѣдствіи его собрали на цѣлую бутылку и послали во Фрейбергъ, гдѣ и произведенъ былъ надъ нимъ химическій анализъ, результатъ котораго сообщаетъ въ своей книгѣ г. Шварцъ. Петролей оказывается довольно хорошаго качества и имѣетъ специфическій вѣсъ 0,874; только въ немъ мало сравнительно съ другими сортами (пенсильванскимъ, галиційскимъ, ганноверскимъ) легкихъ маслъ (Leichtöle, Petroleumäther) (стр. 391 — 92). Но дѣло опять въ слишкомъ маломъ количествѣ.

Г. Шварцъ предполагаетъ, что для открытія его настоящаго источника достаточно пробуравить слой на 100 фут. глубины, и потому считаетъ возможнымъ приступить къ этому дѣлу немедленно, такъ какъ затрата потребуется незначительная; но г. Тице смотритъ на дѣло совсѣмъ иначе. И вотъ его собственныя слова по этому поводу:

«При всякомъ изслѣдованіи мѣстности съ горнымъ масломъ не слѣдуетъ отдаваться большимъ надеждамъ, когда эта мѣстность лежитъ изолированно и нѣтъ возможности дѣлать какія-либо заключенія по мѣстности сосѣдней. Притомъ мы здѣсь имѣемъ дѣло съ такою геологическою поверхностью, въ которой никогда не предполагалось присутствіе нефти; слѣдова-

тельно и съ этой стороны нельзя быть увѣреннымъ въ успѣхѣ. Но при всемъ томъ я нахожу, что нужно изслѣдовать, достаточно-ли количество петролея въ Буковикѣ, чтобы стоило его разработывать. Для этого можно совѣтовать эту мѣстность сначала пройти буравомъ. Только не нужно предполагать, какъ г. Шварцъ, что буравить приведется только на 100 фут., потому что изъ опыта мы знаемъ, что его находятъ на глубинѣ только въ три и четыре раза большей. Поэтому мы совѣтовали бы или совсѣмъ оставить это дѣло, или искать петролей сразу на самой большой глубинѣ. Успѣхъ въ этомъ обѣщаетъ и самая формація мѣстности. Слои стараго шифера, изъ котораго сочится петролей, представляютъ собою сѣдло. Известковыя горы съ сѣверной стороны этой шиферной полосы имѣютъ сѣверный наклонъ, а южныя — южный. Изучивши подобное въ Карпатахъ и полагаясь на свидѣтельство Хефера, который изучалъ подобныя же условія въ Сѣверной Америкѣ, я по опыту убѣжденъ, что такое положеніе наиболѣе благопріятствуетъ нахожденію слоевъ съ горнымъ масломъ. Точно такъ и постоянный спутникъ горнаго масла — соль находится въ верфенскихъ слояхъ Буковика, хотя и не въ настоящей залежи, что̀ въ видахъ отысканія петролея ни необходимо, ни желательно. На это во всякомъ случаѣ указываютъ мѣста, на которыхъ находятся хорошо извѣстныя пастухамъ и ихъ стадамъ *лизала* (Salzlecken). По близости я собралъ также большіе, очень красивые кристаллы прозрачнаго, какъ вода (wasserhelle), гипса» (стр. 60 — 61). Тамъ же находятся нѣсколько ключей съ сильнымъ сѣрнымъ запахомъ, изъ воды которыхъ на предметы, лежащіе въ ней, осаждается какое-то бѣлое вещество, что̀ и дало поводъ думать, не сѣрная-ли это вода. Но по химическому анализу одной бутылки этой воды, посланной во Фрейбергъ, оказалось присутствіе только поваренной соли и гипса; сѣры же не открылось и слѣда.

Такихъ ключей съ сѣрнымъ запахомъ есть нѣсколько близъ Ульцина, но всѣ они, какъ оказывается, пріобрѣтаютъ свой запахъ не отъ присутствія сѣры, а отъ разложенія во внутреннихъ

слояхъ органическихъ веществъ. На пристани въ Барѣ, какъ разъ у моря, есть источникъ съ примѣсью соли.

Въ размывахъ береговъ р. Ораоштицы, одного изъ притоковъ Цермницы, находятъ множество гранатъ мелкихъ, какъ утиная дробь, и темнаго цвѣта, которыя мѣстные жители и употребляютъ вмѣсто дроби.

На нихъ, вѣроятно, указываетъ и г. Ковалевскій, называя кристаллами бураго желѣзняка; а такъ какъ онъ при этомъ указываетъ и на другіе минералы, то мы приведемъ это мѣсто изъ него цѣликомъ: «По лѣвую сторону р. Ораховой (недалеко отъ Берчелей) ниспадающій въ нее потокъ обнажаетъ разрушенный сіенитъ, въ которомъ находится множество кристалловъ бураго желѣзняка. Сверхъ того, здѣсь находятся слѣдующіе минералы: исландскій доппельшпатъ, въ сѣверной покатости горы Сутормана, известковый прозрачный шпатъ; въ отрогахъ Ловчена и болѣе въ тѣхъ, которые идутъ къ сторонѣ Катара, особенно замѣчательны известко-шпатовые кристаллы, образовавшіеся на нѣкоторыхъ сталактитахъ; оолитъ въ Рѣцкой нахіи. Куски яшмы встрѣчаются въ розсыпяхъ р. Цермницы, а обломки нечистаго горнаго кристалла попадались въ нѣкоторыхъ шурфахъ, по теченію той же рѣки» (стр. 149). Онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Въ двухъ шурфахъ по р. Верушѣ показались признаки золота: это были единственные отъ развѣдокъ нашихъ, которые можно было видѣть простымъ глазомъ» (?) (стр. 153).

4. ОСОБЕННЫЙ КОНГЛОМЕРАТЪ И ЭРУПТИВНЫЕ КАМНИ.

Не встрѣтивъ въ формаціяхъ Черногоріи ничего особеннаго и невидѣннаго въ другихъ мѣстахъ, г. Тице съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на конгломератѣ, на которомъ стоитъ Подгорица и о которомъ мы уже упоминали мимоходомъ. Поражаетъ прежде всего огромное пространство, сплошь занимаемое имъ. Онъ занимаетъ цѣлую равнину, на востокъ, начиная отъ вершинъ р. Рыбницы, у села Диношей, а на западъ тянется че-

резъ все Лѣшко-поле какъ разъ до горъ; на югѣ до Цѣвны, а къ сѣверу до Морачи и вверхъ по Морачѣ до Біоча, и немного вверхъ по Зетѣ; по Морачѣ вверхъ вы встрѣчаете его даже въ Морачскомъ монастырѣ и еще выше. Вотъ что̀ говоритъ объ этомъ г. Тице:

«Монастырь этотъ стоитъ на небольшой площади, бо̀льшую часть которой занимаютъ монастырскія же постройки. Эта площадь составляетъ поверхность массы конгломерата, которая стоитъ надъ рѣкою въ видѣ крутой, большею частью отвѣсной, а мѣстами и нависшей стѣны. Вышину этой стѣны я исчислилъ до 120 фут. Неширокій водопадъ, который набирается изъ вытекающаго близъ монастыря источника, низвергается, какъ длинный лучъ, съ этой стѣны изъ конгломерата. Русло рѣки въ этомъ мѣстѣ очень узкое, въ родѣ провала, и оба берега соединяетъ каменный мостъ. Дорога, ведущая на ту скалу конгломерата, очень узка и небезопасна. При этомъ вы видите, что составныя части этого конгломерата совершенно округленные и большею частью очень крупные камни. Ихъ спайка не слишкомъ крѣпкая. Слоевое же сложеніе большею частью не совсѣмъ ясно видимо: а гдѣ только можно замѣтить — для чего нужно отойти на нѣкоторое разстояніе отъ этой стѣны, — видно, что слои расположены горизонтально. Конгломератъ этотъ ничто иное, какъ со временемъ спекшаяся рѣчная галька Морачи, та самая, которую и теперь она носитъ. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ дилювіальнымъ образованіемъ, въ которое врѣзалась теперь та самая рѣка, наслоившая его, и ровная поверхность, на которой стоитъ монастырь, есть ложе когда-то бывшаго здѣсь рѣчного русла. Остатки этой поверхности постоянно рушатся. Огромныя глыбы конгломерата однѣ уже обрушились въ рѣку, другія висятъ, готовыя оторваться отъ стѣны, и — самое позднее, черезъ какихъ-нибудь 100 лѣтъ, — жители этого монастыря должны будутъ думать о пріисканіи себѣ для житья новаго мѣста» (стр. 19—20).

Важны для характеристики мѣстности въ геологическомъ отношеніи эруптивные продукты. Г. Тице предлагаетъ въ своей

книгѣ отчетъ о собранныхъ имъ эруптивныхъ камняхъ по опредѣленію д-ра Х. барона Фонъ-Фулланъ. Мы, съ своей стороны, беремъ изъ этого отчета только конечный результатъ, оставивъ безъ перевода нѣмецкую минералогическую номенклатуру. Вотъ этотъ результатъ:

Orthoklasgesteine.

Quarzfreie Porphyre:	Сотоничи и Буковикъ въ Цермницѣ.
Quarzporphyre:	Сотоничи въ Цермницѣ.
	Старо-село въ долинѣ Грачаницы.
	Брезны.

Plagioklasgesteine.

Olivindiabas:	Пивскій монастырь.
Diabasporphyrit:	Тоже.
	Сѣверная подошва Дурмитора.
	Въ берегахъ рѣки на Андріевицѣ.
Quarzdiabasporphyrit:	съ дороги между Морачскимъ монастыремъ и Драговицей, сѣверная подошва Дурмитора.
	дорога отъ Колашина на Штитарицу.
Quarzdioritporphyrit:	Тоже.
Augitandesit:	Лимляны, сѣверный склонъ Сутормана скаго перевала.

«Невольно кидается въ глаза — заключаетъ д-ръ Фонъ-Фулланъ, — что всѣ почти камни соединены съ аугитомъ и такъ часто къ соединенію Feldspath-Augit присоединяется кварцъ. Роговая обманка, слюда и оливинъ очень рѣдки. Изъ географическаго сопоставленія ихъ видно, что строго отдѣляются порфиры отъ порфиритовъ: первые ограничиваются югомъ, страною между Скадарскимъ-озеромъ и морскимъ берегомъ, и сверхъ этого слѣды ихъ есть въ центральной части страны; тогда какъ вторые ограничиваются восточною и сѣверною частями. Аугитъ-

андезитъ Лимлянъ по мѣстонахожденію примыкаетъ къ порфирамъ Сутормана и Буковика» (стр. 108.)

5. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Этимъ мы заканчиваемъ геологическій очеркъ, а въ заключеніе, отдавая справедливость труду г. Тице, который единственно послужилъ намъ для составленія этого очерка, мы должны замѣтить, что ему не удалось посѣтить многія мѣстности Черногоріи, которыя представляютъ большой интересъ въ геологическомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ. Къ такимъ мѣстностямъ мы причисляемъ цѣлую Центральную область, цѣлую область къ востоку отъ Малой-рѣки и Кома и къ югу отъ послѣдняго, Зелетинъ и Виситоръ, цѣлое Полимье съ хребтами, лежащими къ сѣверу отъ него, составляющими водораздѣлъ между нѣсколькими рѣчными бассейнами, и еще нѣкоторыя мѣстности меньшаго объема.

Знакомство съ этими мѣстностями не можетъ, конечно, измѣнить общихъ выводовъ г. Тице относительно распредѣленія главныхъ формацій, которое такъ совпадаетъ съ усвоеннымъ нами раздѣленіемъ поверхности по ея внѣшнему вертикальному расчлененію и выработаннымъ — надобно замѣтить — гораздо раньше выхода въ свѣтъ сочиненія г. Тице, что̀ можно видѣть изъ нашего разбора книги г. Шварца. Тѣмъ не менѣе, если намъ сочиненіе г. Тице уясняетъ планъ раздѣленія поверхности Черногоріи по ея вертикальному расчлененію, то, въ свою очередь, и мы позволили себѣ сдѣлать одну поправку относительно перемѣщенія Жійовой съ цѣлою окружающею ее мѣстностью въ полосу тріаса. Линію эту мы провели бы съ Яблана (на сѣверной сторонѣ Вѣтерника) прямо къ востоку черезъ Лѣвую рѣку, потомъ вверхъ по долинѣ Брзкута и, сдѣлавши скачекъ черезъ хребетъ подъ Дьебезой, продолжить ее ложбиною Мокрой до Маглича (на Широкарѣ), который стоитъ уже надъ Гусинскою равниной vis-à-vis съ Проклятыми. Такихъ поправокъ относительно главныхъ формацій не можетъ быть много; но какъ по-

полнилась бы его карта означеніемъ слоевъ, занимающихъ незначительныя пространства, спорадически, въ видѣ острововъ. Тогда ему полосу верфенскихъ слоевъ, въ которыхъ имъ показано теченіе Мертвицы и Ибришницы, привелось бы протянуть дальше къ западу черезъ Лукавицу, и сверхъ того означить островокъ Пониквицы.

Указывая на это единственно для примѣра, мы обращаемъ вниманіе на богатый матеріалъ, съ помощью котораго можно бы сдѣлать значительное пополненіе на геологической картѣ; это образцы породъ, собранные нашими военными топографами во время ихъ съемокъ всей новоприобрѣтенной территоріи Черногоріи и хранящіеся, безъ сомнѣнія, тамъ, куда были представлены ихъ съемки. Врядъ-ли кому-либо приведется изслѣдовать мѣстность въ такихъ подробностяхъ, въ какихъ изслѣдуютъ ее топографы, не упускающіе изъ виду ни одной выдающейся скалы, ни одного болѣе или менѣе значительнаго углубленія, и для которыхъ такъ осязательно опредѣляется всякое измѣненіе формаціи, влекущее за собою измѣненіе рельефа и тотчасъ же отзывающееся на облегченіи или затрудненіи ихъ собственнаго труда.

Мы, съ своей стороны, также занимались собираніемъ образцовъ породъ и бо̀льшую часть уже отдали, а часть намѣрены также отдать на разсмотрѣніе спеціалиста.

Еслибъ можно было всѣ эти образцы подвергнуть ученому анализу и результатъ его присоединить къ тому, что̀ уже дано въ сочиненіи г. Тице, въ геологическомъ очеркѣ Черногоріи врядъ-ли бы оставалось много пополнять, кромѣ спеціальнаго изслѣдованія представляющихъ особый интересъ мѣстностей.

КЛИМАТЪ, ПОГОДА И ОСОБЕННЫЯ ЯВЛЕНІЯ ПРИРОДЫ.

1. КЛИМАТИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ, ОПРЕДѢЛЯЕМЫЯ МАТЕМАТИЧЕСКИМЪ ПОЛОЖЕНІЕМЪ И ОБЩИМЪ ВОЗВЫШЕНІЕМЪ НАДЪ УРОВНЕМЪ МОРЯ.

Мы уже знаемъ, что Черногорія находится на одной широтѣ съ среднею Италіей, южною Франціей и Закавказьемъ. Но при

этомъ общемъ положеніи можетъ быть множество варіацій. Главную роль въ этомъ случаѣ играетъ высота страны надъ уровнемъ моря. Приморскія низменныя равнины Черногоріи, на которыхъ стоятъ Баръ и Ульцинъ, должны, конечно, имѣть тотъ-же климатъ, какъ и противолежащій берегъ Италіи. Съ этими же мѣстами довольно сходный климатъ должны имѣть также и равнины Цермницкая, Нижнезетская съ Подгорицей и частью Бѣлопавлицкая или средней Зеты, также весьма мало приподнятыя надъ моремъ. Это — полоса кукурузы, винограда, маслины, гранатъ, лавра, мирты и фиги, а въ болѣе закрытыхъ уголкахъ лимона и апельсина. Но совсѣмъ иной климатъ долженъ быть на стоящихъ тутъ-же рядомъ возвышенныхъ частяхъ Черногоріи, достигающихъ, не говоря уже о высокихъ горахъ, отъ 600—1,200 м. абсолютной высоты. Среднее поднятіе цѣлаго черногорскаго плато, какъ мы тоже знаемъ, 900 м. или 2,952 ф. Разсчитывая, что каждое поднятіе мѣстности на 350 ф. соотвѣтствуетъ передвиженію ея къ сѣверу на 1° (111,3 килом.), мы должны будемъ отнести Черногорію къ странамъ, находящимся сѣвернѣе на 6,4°, т. е. вмѣсто широтъ между 42° и 43°, принять широту 48° 30′ и 49° 30′. Это будетъ полоса, въ которой находятся Парижъ, Вѣна, Каменецъ-Подольскъ, Екатеринославль, Цымлянская станица, Черный-яръ. Въ Россіи это уже сѣверная граница полосы виноградниковъ, тогда какъ въ западной Европѣ она подвигается еще дальше на сѣверъ. Въ этомъ отношеніи Черногорія по климату приближается къ указанной выше полосѣ въ Россіи, за которою идетъ уже полоса дынь и арбузовъ, переходящая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительно за 50°. Въ Черногоріи, гдѣ чрезвычайно слабо развито огородничество, и земледѣліе ограничивается только посѣвами хлѣбовъ, мы соотвѣтственно этому характерное растеніе встрѣчаемъ въ кукурузѣ. И тутъ находимъ кукурузныя поля не только на Нѣгушахъ, на Цетиньѣ и въ Никшичѣ, на высотѣ до 652 м., но и гораздо выше въ Васоевичахъ и Колашинѣ, лежащихъ на 933 м., что отвѣчаетъ уже 52° широты, слѣдовательно широтѣ нашихъ мѣстъ около

Оренбурга, Саратова, Воронежа, Курска, Чернигова, полосѣ дынь и арбузовъ. Но подъ одною широтою и немного на меньшей высотѣ лежащія окрестности Печи (въ Старой Сербіи) имѣютъ уже множество виноградниковъ и производятъ отличное вино. Есть мѣста и въ Васоевичахъ, гдѣ также растетъ и созрѣваетъ виноградъ, не покрываемый на зиму ничѣмъ, напр. въ Виницкой, что̀, конечно, далеко невозможно въ соотвѣтствующихъ мѣстностяхъ Россіи. Поэтому въ Черногоріи мы находимъ климатъ болѣе суровымъ, чѣмъ въ западной Европѣ, но болѣе мягкимъ, чѣмъ въ Россіи. Есть въ Черногоріи мѣста, находящіяся въ особенно благопріятныхъ въ этомъ отношеніи климатическихъ условіяхъ, какъ Братоножичи, гдѣ при абсолютной высотѣ не менѣе 600 м., вслѣдствіе южнаго склона мѣстности, растетъ не только виноградъ, но и фига.

Изъ этого послѣдняго примѣра мы видимъ, что климатъ въ Черногоріи разнообразится, сверхъ разницы широты и абсолютной высоты мѣстности, еще склоненіемъ ея къ сѣверу или къ югу, а также зависитъ отъ большей или меньшей загражденности съ той или другой стороны.

При разсмотрѣніи рельефа Черногоріи мы уже имѣли случай показать главный склонъ Черногоріи отъ сѣвера къ югу и отчасти особенную разницу по количеству тепла между двумя обширными областями Дурмитора и Кома, которая обусловливается фигурою того и другого, направленіемъ идущихъ отъ нихъ долинъ и характеромъ окружающей ихъ мѣстности въ нѣкоторой связи съ геологическимъ составомъ почвы. Важную роль при этомъ и граетъ, конечно, близость моря и тѣсная связь съ нимъ или напротивъ разобщенность, вслѣдствіе стоящей между моремъ и тою мѣстностью какой либо преграды.

Весьма наглядно эту разницу можно видѣть изъ сравненія такъ близко стоящихъ другъ къ другу Нѣгушей и Цетинья. На Нѣгушахъ всегда бываетъ меньше снѣгу и вообще зима менѣе сурова, чѣмъ на Цетиньѣ, именно потому, что они ближе къ морю и имѣютъ непосредственную связь съ нимъ черезъ Кре-

стацъ, составляющій сѣдло между Ловченомъ и Мравьяникомъ. Еще рѣзче это можно видѣть въ Бѣлопавлицкой долинѣ, гдѣ подъ Острожскимъ монастыремъ на высотѣ приблизительно 500 м. мы встрѣчаемъ не только виноградники, но и фигу.

2. РАЗДѢЛЕНІЕ НА ПОЛОСЫ НА ОСНОВАНІИ РАСПРЕДѢЛЕНІЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ РАСТЕНІЙ.

На основаніи всего сказаннаго мы заключаемъ, что Черногорія главнымъ образомъ принадлежитъ полосѣ кукурузы, которая по вертикальной линіи поднимается до 900 м. абс. в., при этомъ на востокѣ въ области Кома она переходитъ даже за эту линію, тогда какъ въ области Дурмитора и на этой высотѣ, напр. на Горанскѣ и въ окрестности его, она хорошо удается на немногихъ, только болѣе защищенныхъ мѣстахъ. Поэтому на востокѣ въ Васоевичахъ кукуруза сѣется даже на высотахъ за 1000 м. надъ долинами Лима, Злорѣчицы, Краштицы и др.; а на западѣ еще ниже 900 м. начинается полоса пшеницы (преимущественно озимой), гречи и ржи; таковы Пивская-жупа, Тушина и обѣ Церквицы. Езера представляетъ единственную въ Черногоріи населенную мѣстность, которая, вслѣдствіе суровости климата, должна ограничиваться посѣвами ячменя, овса и частью ржи. Но и тутъ въ глубокихъ долинахъ Тары, Пивы, Плужинской-рѣки, въ Шавникахъ и окрестности сѣется кукуруза. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по особеннымъ условіямъ почвы и другимъ мѣстнымъ причинамъ, сѣется тотъ или другой хлѣбъ независимо отъ климата. Такъ въ Банянахъ отлично созрѣваетъ кукуруза, но въ то же время много сѣется ячменя и въ большомъ употребленіи ячменный хлѣбъ. Въ глубокихъ долинахъ къ кукурузѣ присоединяется еще виноградъ. Кромѣ низменныхъ равнинъ полоса виноградниковъ простирается до высшихъ предѣловъ Средне-Зетской долины, а по Морачѣ вверхъ почти до Морачскаго монастыря. Виноградъ растетъ не только въ глубокихъ долинахъ, но и на высокихъ мѣстахъ, какъ Братоножичи или Косоръ, Медунъ и Убли въ Кучахъ. Въ болѣе теплыхъ частяхъ этой полосы

вездѣ къ винограду присоединяется и фига. На краю моря, какъ мы уже упоминали выше, находится полоса маслины. И такъ мы имѣемъ въ Черногоріи 5 климатическихъ полосъ: 1) маслины; 2) виноградниковъ, гдѣ не можетъ быть маслины; 3) кукурузы, гдѣ не растетъ виноградъ; 4) пшеницы, ржи и ячменя (смѣшанно) и 5) пастбищъ на высокихъ горахъ.

3. НЕДОСТАТОКЪ ТОЧНЫХЪ НАБЛЮДЕНІЙ ВЪ ЧЕРНОГОРІИ ДЛЯ ОПРЕДѢЛЕНІЯ КЛИМАТА.

Все это зависитъ, конечно, отъ средней температуры годовой и по временамъ года, отъ степени суровости зимы, выражаемой ея продолжительностію и морозами, и отъ продолжительности лѣта и лѣтняго жара, и могло бы быть выражено цыфрами термометрическихъ наблюденій; но таковыхъ въ Черногоріи не имѣется. Въ гаваняхъ Бара и Ульцина хотя и ведутся метеорологическія наблюденія; но, имѣя въ виду исключительно мореплаваніе, эти обсерваторіи главнымъ образомъ слѣдятъ за движеніемъ воздушныхъ теченій, и только объ нихъ еженедѣльно публикуютъ въ «Гласѣ Черногорца»; наблюденія же надъ термометромъ и барометромъ остаются неопубликованными. Впрочемъ, эти наблюденія относятся къ одной приморской, береговой полосѣ; въ остальной же Черногоріи не ведется совершенно никакихъ наблюденій.

Наблюденія путешественника, хотя бы пробывшаго въ странѣ и много лѣтъ, не могутъ имѣть значенія, если онъ постоянно передвигался, и не могъ, слѣдовательно, наблюдать температуру въ различныя времена года въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Какіе выводы можно сдѣлать изъ наблюденій одной зимы (и то еще не всей) въ Ульцинѣ, лѣта на Цетиньѣ, осени подъ Дурмиторомъ, весны на Граховѣ и въ Рудинахъ и т. п.? Выводы можно дѣлать только изъ сравненія ряда цыфръ, добытыхъ за нѣсколько лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ въ разныя времена года. Единственно можно отмѣтить высшую и низшую температуру лѣта

и зимы въ извѣстный годъ въ извѣстной мѣстности, не дѣлая никакихъ выводовъ для цѣлой страны.

Г. Шварцъ въ своей книгѣ о Черногоріи приводитъ данныя относительно средней годовой температуры для Ульцина и Бара + 16°, для Цермницы и средней Зеты + 12°, для средней Морачи + 8°, для долинъ Лима, Тары и Тушины и для Никшича + 6°; а для пастбищъ на высотахъ 0—2°. Въ заключеніе онъ говоритъ: «Такимъ образомъ въ сравненіи съ монотоннымъ Западомъ съ его климатомъ степей или пустынь на ограниченномъ пространствѣ этой земельки мы встрѣчаемъ значительное климатологическое разнообразіе. Здѣсь заступлены зоны Европы отъ Норвегіи до Сициліи и, принимая въ разсчетъ и Западъ, отъ Франціи до Россіи» (стр. 398).

Какъ ни важно бы было намъ принять такіе выводы, основанные на цыфровыхъ данныхъ, мы однако должны отъ нихъ отказаться, такъ какъ они представляютъ не фактическія наблюденія, а только соображенія ученаго географа, впадающаго притомъ иногда въ очевидныя ошибки, ставя напр. въ одномъ поясѣ долину Тушины, гдѣ пшеница иногда не созрѣваетъ, съ долиною Лима, гдѣ сѣютъ кукурузу, и зима бываетъ весьма слабая; долина Тары также имѣетъ крайне неодинаковыя климатическія условія въ своемъ теченіи отъ вершинъ до Колашина и въ нижнемъ близъ ея сліянія съ Пивой. Да и вообще нужно сказать, что глубокія долины рѣкъ совершенно несходны въ климатическомъ отношеніи съ прилегающею къ нимъ мѣстностью на высокихъ краяхъ.

Впрочемъ, цыфра для Цермницы и средней Зеты, считая въ томъ, конечно, и находящуюся между ними равнину нижней Зеты, угадана г. Шварцемъ чрезвычайно вѣрно. Благодаря д-ру Милянычу, который велъ постоянныя наблюденія въ Подгорицѣ и доставилъ намъ результаты своихъ наблюденій за одинъ годъ (съ 1 сентября 1882 г. по 31 августа 1883 г.), мы находимъ для этой мѣстности ту же почти самую цыфру, выведенную изъ точныхъ наблюденій, именно + 12,°3 Р. (цѣлую табличку г. Милянича мы сообщаемъ ниже).

Не имѣя больше никакихъ данныхъ относительно климата Черногоріи, постараемся пополнить этотъ недостатокъ простыми наблюденіями надъ временами года.

4. ОБЩІЯ НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ КЛИМАТОМЪ.

а) *Баръ* и *Ульцинъ*. Относительно Бара и Ульцина можно сказать, что тамъ не бываетъ настоящей зимы со снѣгомъ и морозами. Въ Ульцинѣ мнѣ привелось провести двѣ зимы, съ 14-го ноября 1880 г. до 1-го марта 1881 г. и съ 17-го ноября 1884 г. до 4-го марта 1885 г. и потомъ съ 25-го марта до 1-го апрѣля.

Въ 1880 г. первая снѣжная мятель въ высокихъ горахъ на Сутерманѣ и Руміи была 18-го ноября, 22-го утромъ эти горы были всѣ въ снѣгу; но къ полдню снѣгу не осталось ничего; задержался онъ только кое-гдѣ въ глубокихъ щеляхъ. Окончательно снѣгъ покрылъ Румію только въ концѣ декабря. Въ Ульцинѣ первый морозъ (— $1^1/_2°$) былъ 29 дек.; тогда на сѣверной сторонѣ замерзли лужы воды, а у моря не было вовсе мороза. Въ 1881 г. 9-го января немного снѣжило, и на другой день опять лужицы на сѣвер. сторонѣ были замерзшія до полдня; въ ночь на 11-е палъ снѣжокъ, а 13-го былъ морозъ — 6°; лужицы промерзли до дна, грязь сдѣлалась твердою, какъ камень; 14-го лежалъ еще снѣгъ, но 15-го его уже не стало. Въ 1884 г. 14-го декабря мелкій градъ покрылъ землю, точно снѣгъ, но скоро стаялъ; 27-го чуть срывался снѣжокъ, а 30-го снѣгъ сталъ только покрывать высокія горы. Въ слѣдующемъ январѣ сначала я былъ въ Подгорицѣ до 6-го, было дождливое время; 8-го на рѣкѣ Черноевича палъ небольшой снѣжокъ, а 9-го растаялъ; ночью былъ морозъ и утромъ 10-го, а днемъ обогрѣло; 12-го въ Скадрѣ снѣгъ стаялъ только въ серединѣ города, а кругомъ лежалъ снѣгъ; 13-го по равнинѣ отъ Бояны къ Ульцину мѣстами только лежалъ снѣгъ, а то все были лужы воды; но окрестныя горы, даже невысокія, были сплошь покрыты снѣгомъ; 14-го въ Ульцинѣ былъ морозецъ около — 2°, и послѣ того не было больше ни мороза, ни снѣгу, и погода настала чисто весенняя;

23-го февраля въ 3 ч. по полудни на солнцѣ было + 26°, а вскорѣ по заходѣ солнца (около 6 ч.) + 12°.

Цвѣты не переставали цвѣсти цѣлую зиму: качунъ (crocus vernus), какъ зацвѣлъ въ другой разъ осенью, такъ и продолжалъ цвѣсти до апрѣля; 16-го декабря цвѣлъ простой душистый нарцисъ въ садикахъ, бѣлый подснѣжникъ (galanthus) и жонкили; въ половинѣ января на морской сторонѣ началъ цвѣсть миндаль; около 20-го цвѣтутъ гіацинты, а фіалка еще раньше; съ началомъ февраля миндаль покрывается уже листомъ, цвѣтетъ кизилъ (ebulus masculus) и спирея; бузина распустила листъ; гіацинтовъ уже множество и махровый нарцисъ; цвѣтетъ также капуста раштанъ (не вилковая), портулакка (sedum tectorum). 5-го летала бабочка, выползла змѣя; слива и персикъ тоже начали цвѣсть; 7-го послышалось кваканье лягушекъ; 13-го цвѣтетъ полевая вѣтреница, желтый жабникъ; фіалка такъ и обдаетъ запахомъ; кричатъ лѣсныя лягушки; купина (rubus fruticosa) и многіе кустарники совсѣмъ одѣлись листомъ.

Въ Барѣ мы встрѣтимъ то же самое, хоть зиму мнѣ не привелось тамъ жить, а только осенью до половины ноября и лѣтомъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ температура въ городѣ доходила до + 32°; а на пристани всегда прохладнѣе. Одна часть Залева, о которомъ мы уже говорили, отличается особенною теплотою; но вообще тутъ свирѣпствуетъ вѣтеръ бора, значительно охлаждающій температуру; нерѣдко среди полнаго развитія весенней теплоты налетаетъ туча со снѣгомъ и чаще, чѣмъ въ Ульцинѣ, падаетъ градъ; а вѣтеръ бываетъ такой, что ломаетъ деревья въ маслинадахъ. Въ концѣ октября и началѣ ноября въ саду Селимбега однѣ розы были въ полномъ цвѣту, а другія набирали бутоны къ Рождеству.

Полевыя работы въ этихъ мѣстахъ не прекращаются, конечно, цѣлую зиму. Обрѣзку винограда производятъ въ февралѣ, а посадку новыхъ деревьевъ 1-го марта. Въ февралѣ и частью въ январѣ озимыя пшеницы бываютъ такъ велики, что на нихъ пасутъ ягнятъ. Въ концѣ апрѣля созрѣваетъ черешня. Кукурузу

сѣютъ часто по уборкѣ пшеницы на той же самой нивѣ, обыкновенно за 8 дней до Иванова дня, слѣдовательно, 12-го мая; при этомъ держатся пословицы: «До подне челядма, послѣ подне теладма», т. е. что̀ посѣяно раньше, то созрѣетъ и пойдетъ на пищу людямъ; а посѣянное позже не созрѣетъ и приведется скосить на кормъ скоту. Уборка маслинъ идетъ съ половины ноября и продолжается мѣсяца 2 — 3, потому что ихъ не обиваютъ, а подбираютъ уже упавшія или только слегка стрясаютъ.

б) *Цермница, Рѣка и Жаблякъ.* Малымъ разнится климатъ въ Цермницѣ, защищенной притомъ отъ дѣйствія боры. На Рѣкѣ цвѣтутъ фіалки уже въ февралѣ; а къ половинѣ марта покрываются листомъ даже самыя тугораспускающіяся деревья, тутовое и косцела (celtis australis). Не смотря на замкнутость Рѣки, въ ней иногда сильно дуетъ бора и тогда сразу холодѣетъ. Въ ея устьяхъ острова покрыты лавромъ и миртой, а по берегу и тоже островамъ вѣчно зеленый дубъ (зеленика); гранатникъ повсемѣстно. Тѣмъ не менѣе въ устьѣ бываютъ морозы настолько сильные и продолжительные, что оно все и часть открытаго озера покрываются льдомъ.

Въ 1885 г. 9 дек. ледъ былъ толщиной до 3 миллим., такъ что пароходикъ пробивалъ его съ рискомъ. Этому предшествовали отличные дни, такъ что на Цетиньѣ днемъ можно было сидѣть и читать у растворенаго окна, а ночью были морозы до— 5°; но еще раньше, именно 1-го дек. былъ морозъ — 12°. Толщина льда бываетъ такая, что по нему можно ходить. Такъ было, говорятъ, въ зиму 1879—80 г., когда я былъ въ Васоевичахъ.

Въ Жаблакѣ нѣсколько теплѣе, чѣмъ на Рѣкѣ, судя по тому, что осенью листъ на тѣхъ же деревьяхъ держится долѣе. Въ Плавницѣ на берегу Скадарскаго озера 25-го ноября я нашелъ цвѣтущую купену и готовые распуститься бутоны шиповника. (На Цетиньѣ наканунѣ былъ морозъ — 7°).

в) *Подгорица.* Въ Подгорицѣ климатъ уже несравненно холоднѣе, даже чѣмъ въ Цермницѣ и въ Рѣкѣ, и суровы особенно

зимы, потому что тогда преимущественно свирѣпствуетъ бора. Тутъ иногда выпадаетъ снѣгъ довольно значительный и остается нѣсколько дней. Въ 1883 г. 24-го ноября тамъ выпалъ снѣгъ въ полколѣна, приблизительно до 25 сантим. Иногда послѣ дождей наступаютъ морозы, поверхность вся покрывается льдомъ и при сильномъ вѣтрѣ бываетъ совершенно невозможно ходить. Надобно замѣтить, что на той-же равнинѣ, въ селахъ Нижней-Зеты, уже теплѣе, чѣмъ въ Подгорицѣ, и вѣтеръ теряетъ свою силу, вслѣдствіе того, можетъ быть, что тамъ довольно лѣсу, или потому, что самая мѣстность какъ бы ввалилась.

Здѣсь двѣ жатвы поспѣваютъ постоянно (послѣ пшеницы кукуруза), сѣянный клеверъ косятъ 3 раза, могутъ иногда покосить и въ четвертый разъ; въ концѣ мая бываетъ ранній картофель (на поляхъ, конечно), а въ концѣ іюня на ранней кукурузѣ початокъ бываетъ настолько готовъ, что его можно печь (это назыв. печенякъ).

Мнѣ не привелось прожить здѣсь ни одного полнаго сезона, поэтому я и не могу представить никакихъ своихъ наблюденій; но за то мы имѣемъ табличку д-ра Милянича за цѣлый годъ, которую и предлагаемъ здѣсь.

МѢСЯЦЫ.	Средняя температ. по Реомюру.	Высшая и низшая температура.	Ясно.	Облачно и перемѣнч.	Дождь.	Снѣгъ.	Сѣверный вѣтеръ.	Южный вѣтеръ.
1882 года.								
Сентябрь	16,0	+21 +10	12	12	6	—	2	—
Октябрь.....	12,5	+18 + 6	14	11	6	—	2	—
Ноябрь	7,4	+13 — 1	4	12	14	—	2	6
Декабрь.....	4,5	+10 — 2	16	11	3	1	5	—
1883 года.								
Январь	4,4	+10 — 3	16	12	1	2	6	1

МѢСЯЦЫ.	Средняя температ. по Реомюру.	Высшая и низшая температура.	Ясно.	Облачно и перемѣнч.	Дождь.	Снѣгъ.	Сѣверный вѣтеръ.	Южный вѣтеръ.
1883 года.								
Февраль.....	5,1	+12 — 1	19	2	7	—	11	4
Мартъ.....	7,1	+15 — 2	10	7	10	4	7	2
Апрѣль.....	12,5	+21 + 6	11	12	7	—	4	—
Май.....	17,0	+26 +12	12	14	5	—	6	—
Іюнь.....	19,6	+29 +13	15	10	5 и 2 градъ.	—	2	1
Іюль.....	21,0	+30 +14	24	5	2	—	4	—
Августъ.....	20,5	+29 +12	14	13	4	—	4	1
Годовая.....	12,3	+19,5 + 5,4	167	121	70	7	55	16
					77		71	

Примѣчаніе. Термометръ былъ прикрѣпленъ къ стѣнкѣ дома, защищенной отъ солнца и отъ вѣтра; отсчитыванья производились три раза въ день. Господствующіе вѣтра въ Подгорицѣ и окрестности сѣверо-восточный (бора) и юго-западный, которые мѣстные жители называютъ просто — сѣверъ и югъ; а потому только эти два вѣтра и принимались во вниманіе. Два раза падавшій градъ сосчитанъ въ дождливыхъ дняхъ.

Данныя за одинъ годъ, конечно, не могутъ служить достаточнымъ матеріаломъ для вывода вообще о климатѣ страны; но выводы относительно средней годовой температуры можно считать довольно вѣрными. Нужно только оговорить, что термометръ, поставленный внутри города, между жилыми зданіями, долженъ по-

казывать температуру нѣсколько высшую. И кромѣ того, трудно согласиться съ тѣмъ, чтобы низшая температура въ Подгорицѣ не спускалась ниже — 3°, когда въ Ульцинѣ бывало — 6°. Этотъ годъ въ Подгорицѣ былъ, можетъ быть, исключительный, такъ какъ по свидѣтельству другихъ тамъ доходили иногда морозы до — 10°; большой снѣгъ, выпадающій иногда и задерживающійся на нѣсколько дней, также долженъ оказывать вліяніе на болѣе значительное пониженіе температуры.

Между прочимъ въ 1880 г. намъ привелось наблюдать погоду въ Подгорицѣ въ апрѣлѣ и маѣ. Около 15-го апрѣля было + 26°, а затѣмъ 8-го мая шелъ дождь при сѣверномъ вѣтрѣ и по временамъ падалъ снѣгъ; а по Тарѣ, въ Колашинѣ и на Андріевацѣ въ то самое время снѣгъ выпалъ въ полколѣна. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда черногорское войско стояло на Цемовскомъ полѣ, многіе отъ жару падали въ обморокъ. Вообще въ Подгорицѣ бываютъ рѣзкіе переходы, на что оказываетъ вліяніе сѣверный вѣтеръ.

Уборка винограда начинается съ 1-го сентября. Приблизительно тѣ же климатическія условія мы встрѣтимъ въ Бѣлопавличахъ и Спуѣхъ, въ части Пиперъ близъ Морачи, въ Братоножичахъ, въ Кучахъ на Біочѣ, Фунданѣ, Медунѣ, Косорѣ и Убляхъ.

г) *Цетинье.* Для примѣра климатическихъ условій высокихъ равнинъ возьмемъ Цетинье, для котораго мы имѣемъ больше всего данныхъ. Начнемъ съ зимы.

Въ 1880 г. я провелъ на Цетиньѣ весну и лѣто; 29-го іюля была снѣжная мятель на Крстцѣ.

Въ 1881 г. первый морозъ былъ 7-го октября и убилъ въ огородахъ — огурцы, тыкву, паприку, помидоры, георгины, бальзамины и др.; продолжались морозы до 11-го; затѣмъ дулъ постоянно южный вѣтеръ, и настали безпрерывные дожди съ грозами и штормами; всюду были наводненія; снесло мосты на Цѣвнѣ и на Морачѣ, а послѣдній былъ 34 ф. надъ водою; въ Даниловомъ градѣ Зета шла черезъ мостъ, чего также прежде не бывало; въ Барѣ большія опустошенія произвела рѣчушка Рикавацъ; на

Плавницѣ вода дошла до порога солянаго магазина, который былъ построенъ на мѣстѣ, возвышенномъ на 1 метръ выше когда-ли бывшей воды; Дринъ ринулся въ озеро и угрожалъ затопить Скадаръ. Въ это время высокія горы покрывались снѣгомъ. Листъ на деревьяхъ кое-гдѣ еще держался. Съ 1-го ноября снова начались морозы по ночамъ и утрамъ, а днемъ теплота необыкновенная, и на горахъ снѣгу не видать; съ 23-го сильные туманы; затѣмъ дожди и 28-го горы снова покрылись снѣгомъ; послѣ того ночью морозы, а днемъ теплота. Съ 11-го декабря сталъ падать снѣгъ то сухой, то мокрый, а 14-го смерзся, и внутри лавки (неотопляющейся) было — 10°; морозы продолжались до конца мѣсяца, а днемъ такъ тепло, что можно сидѣть на дворѣ, какъ въ комнатѣ, и читать; снѣгъ согнало и остался только на высокихъ горахъ; 15-го января 1882 г. днемъ работалъ у раствореннаго окна; 19-го ночью штормъ бора: дома трясутся, черепица съ крышъ летитъ, сломило толстую черешню; звѣзды необычно ярки и сверкаютъ, при морозѣ — 6°; морозы и безснѣжье и въ началѣ февраля, а 8-го февраля выпалъ снѣгъ до щиколки; а между тѣмъ на другой сторонѣ, перейдя такъ называемую Границу, вы встрѣчаете множество фіалокъ, качунъ и два вида звѣздчатки желтой и бѣлой (луковичныя), баранчики палеваго цвѣта пучками (primula officinalis). Къ концу мѣсяца то же самое и вездѣ на Цетиньѣ и даже до половины Динова-брда, и сверхъ того — цикламенъ, galanthus, синяя вѣтреница; орѣшникъ и осина цвѣтутъ, верба зазеленѣла; на грабѣ почка надулась (на верху горы все еще мертво). 28-го теплота чисто весенняя до + 18° на солнцѣ, тепло даже въ тѣни; ночь свѣтлая, небо чисто, какъ ледъ глетчера, въ воздухѣ разливается какой-то ароматъ; и съ Ловчена снѣгъ примѣтно исчезаетъ съ каждымъ днемъ. 9-го марта озими въ Байцахъ достигли роста въ четверть, какими прежде достигали только на Юрьевъ-день (23-го апрѣля); 16-го густой туманъ и паритъ; въ воздухѣ толпятся мелкія мушки; 17-го сплошь кряканье и турчанье лягушекъ, прилетѣли и ласточки; 20-го всѣ деревья облистали, цвѣтовъ множество; но по старой дорогѣ между

Цетиньемъ и Нѣгушами природа еще мертва даже 26-го. Внѣ Цетинья на высокихъ мѣстахъ въ Цекличахъ и Цуцахъ 1-го апрѣля еще мертво, только ракитникъ цвѣтетъ; близъ Грахова живѣе: цвѣтутъ барбарисъ, бѣлый нарцисъ и фіалка; въ ямкахъ съ водой кишатъ недавно выведшіеся головастики (шмигорица); 5-го мая въ Косіеревѣ описано на стр. 51; 17-го въ Нижней-Церквицѣ былъ дождь со снѣгомъ, а 19-го на Горанскѣ турчатъ лягушки; я сплю съ открытымъ окномъ; и 22-го въ монастырѣ спалъ на галлереѣ; 9-го іюня на Цетиньѣ начали косить ливаду. Весь іюнь сухой и жаркій; въ іюлѣ прошло нѣсколько дождичковъ съ грозой, освѣжило воздухъ и даже захолодало; было только 2—3 дня жаркихъ и 1 ночь душная; но вообще свѣжо. Съ августа не былъ на Цетиньѣ, а 1-го ноября воротился: все дождь съ грозами и штормомъ, 4-го было наводненіе отъ потоковъ изъподъ Хумцевъ и Байцъ; 8-го началъ падать снѣгъ, но мокрый и скоро исчезаетъ; 17-го выпалъ и держится, впрочемъ отъ Добрскаго села уже нѣтъ снѣгу; 21-го морозъ, 22-го снѣгъ падаетъ въ родѣ крупы, послѣ повернуло на дождь; 23-го штормъ; 24-го снѣгъ на равнинѣ почти согнало весь; но горы всѣ въ снѣгу, особенно Ловченъ; 25-го морозно, и онъ просто сіяетъ; 10-го декабря снѣгъ покрылъ и равнину тонкимъ слоемъ; 12-го мятель при сѣверномъ вѣтрѣ; послѣ начались морозы; 19-го днемъ пасмурно и туманъ, а ночью небо чисто, свѣтитъ мѣсяцъ и звѣзды, воздухъ прозраченъ необыкновенно, не морозитъ ничуть; 26-го сильный сѣверный вѣтеръ; въ ночь на 26-е падаетъ снѣгъ и продолжаетъ падать до 29-го; на Нѣгуши едва можно пройти пѣшкомъ; на Цетиньѣ по улицамъ нѣтъ проходу, поэтому для чистки собрано цѣлое войско. Тепло однако; только 8-го — 7° и все сухой туманъ (чаина, магла); 9-го около — 15°, 12-го снѣгъ хлопьями; 19-го морозъ — 10°; 22-го отъ тумана не видать на 10 шаговъ, не видать даже второй пары фонарей, и чуть подморозило; до конца мѣсяца легкіе морозы.

Снѣгъ, выпавшій съ 27 — 29, былъ по всей Черногоріи, кромѣ Бара и Ульцина, гдѣ былъ дождь; и на Рѣкѣ было мало. Но

больше всего выпало снѣгу и онъ крѣпче держится на Цетиньѣ и въ его окрестности, больше даже, чѣмъ на Нѣгушахъ. Въ Никшичѣ снѣгу не стало уже 8-го января; на Кчевѣ также растаялъ, а держался еще немного на Кчевской-Ластвѣ; въ Голіи вовсе не лежалъ; въ Колашинѣ, Васоевичахъ, Пивѣ и Дробнякахъ — небольшой снѣгъ. Дѣло въ томъ, что этотъ снѣгъ пришелъ съ запада и потому главнымъ образомъ осѣлся на Катунской-нахіи; а еслибъ былъ съ сѣнера, то его больше бы было по ту сторону Зеты. Къ концу января снѣгъ вездѣ почти въ низкихъ мѣстахъ сошелъ, а на Цетиньѣ оттаяла только дорога, гдѣ снѣгъ былъ счищенъ; не сошелъ еще совсѣмъ даже съ сѣверной стороны крышъ. На Рѣкѣ, въ Подгорицѣ, Цермницѣ, Барѣ и Ульцинѣ тепло, какъ весной, и даже жарко; изъ Котора приносятъ свѣжія редиски и салатъ.

Начало февраля очень теплое; 11-го — 6°; 14-го ощущается недостатокъ воды въ цистернахъ; 20-го — 10°; затѣмъ до конца снѣгъ, крупа, гроза; 26-го — снѣгъ съ грозой и зажгло патронную фабрику; подъ Буковицей (по дорогѣ на Нѣгуши) снѣгу 6 стопъ. 1-го марта снѣгъ выпалъ, какъ на Рождество; 2-го — морозъ 8°; затѣмъ опять снѣгъ и тепло. По другую сторону Границы цвѣтовъ много; на Рѣкѣ начали квакать лягушки; 12-го снѣгъ падаетъ хлопьями, но послѣ поворачиваетъ на дождь: тепло, и снѣгъ исчезаетъ; образуются цѣлыя озера. За Прилипомъ 21-го на качунъ падаютъ пчелы; за осинками начали кричать лягушки; 22-го — день совершенно весенній, + 18° на солнцѣ, но всякій чувствуетъ какую-то тягость; много болѣзней, насморки, кашли и лихорадочное состояніе; нѣсколько дней назадъ прилетѣли ласточки (въ Ульцинѣ появились еще около 1-го); послѣ захолодило; болѣзни усиливаются — при насморкѣ сильныя головныя боли, боль въ лицевыхъ костяхъ, ломота во всѣхъ членахъ, сильный внутренній жаръ, но всѣ перемогаются и переносятъ болѣзнь на ногахъ; съ 28-го падаетъ снѣгъ и 30-го, но обращается въ кисель и исчезаетъ, а въ горахъ все прибываетъ снѣгу; ласточки улетѣли и воротились только 5-го апрѣля; по

ночамъ кричатъ куропатки; вечеромъ поетъ черный дроздъ; 10-го — цвѣтовъ множество; осина цвѣтетъ, на вербѣ и черешнѣ надулась почка; 18-го, послѣ дождичковъ, деревья распускаются; кричатъ тюки (surnia); двѣ недѣли назадъ (4-го) куковала кукушка; 25-го на Ловченѣ снѣгъ дѣлается желтый, становится все грязнѣе и вообще его остаётся мало; по Динову-брду зеленѣютъ молодыя буковыя деревца, разбросанныя между темнымъ еще дубомъ. Въ началѣ мая было очень сухо, такъ что нельзя было пахать; послѣ прошелъ дождь съ юга съ грозой, которая съ особенною силой разразилась надъ Герцеговиной, гдѣ разрушила 4 фортецы и убила много солдатъ; горы всѣ покрылись снѣгомъ; а также палъ снѣгъ на 2 четверти въ Пивѣ и Колашинѣ. Къ 17-му цвѣтутъ деревья фруктовыя, душистый каприфолій (lonicera), начинаетъ цвѣсть боярышникъ, тутина только-что распускаетъ листъ; въ нижнемъ полѣ все еще пашутъ; ростъ хлѣбовъ хорошій; но погибло много скота, особенно въ Банянахъ. Съ половины мая приносятъ землянику, а еще черезъ недѣлю и черешни. Въ началѣ іюня кукурузу и картофель подбивали, а въ низкихъ мѣстахъ уже и окопали. Время нездоровое: на Цетиньѣ на взрослыхъ — лихорадки, а на дѣтей — коклюшъ; въ Зетѣ оспенная эпидемія; въ Колашинѣ тифъ; въ Васоевичахъ умираютъ всѣ роженицы. Всѣ дожди оканчиваются тѣмъ, что начинаетъ дуть сѣверный вѣтеръ и сильно холодаетъ; это дурно отзывается на хлѣбахъ: кукуруза почти не растетъ, на фасоль нападаетъ тля. Впрочемъ, это только на высокихъ мѣстахъ; а въ низкихъ, какъ Подгорица и Цермница, отлично. Въ Подгорицѣ съ половины іюня ѣдятъ огурцы; съ 27-го начали появляться раннія дыни; родъ кукурузы необыкновенный: по 4 — 5 початковъ на одномъ стеблѣ; лоза падаетъ на землю отъ тяжести гроздьевъ; готовъ уже печенякъ; въ Цермницѣ поспѣла уже фига *петровача*. На Ловченѣ съ 15-го іюня не видать уже снѣгу, а на Буковицѣ еще остается немного. 21-го начали косить повсюду на Цетиньѣ. Іюль сначала былъ сухъ и холоденъ; 17-го — небольшой дождичекъ; 19-го — жарко; по утрамъ была такая

роса, что капало съ листьевъ (это было въ Жаблакѣ). Въ концѣ августа захолодило, какъ осенью; въ сентябрѣ перепадаютъ дожди; 17-го, въ 10 час. утра, на сѣверной сторонѣ + 12°, на южной + 12½°; въ 2 часа пополудни + 17°.

Въ 1884 году я прибылъ на Цетинье въ половинѣ января; снѣгу было мало; но тутъ началъ падать, перемежаясь съ дождемъ, были морозцы до — 5°; 21-го снѣгъ завалилъ дорогу подъ Буковицей, но на Нѣгушахъ снѣгу мало, а на Крестцѣ совсѣмъ нѣтъ (въ это же время въ Васоевичахъ снѣгъ такой, что пройти нельзя); послѣ того днемъ теплота, ночью морозъ до — 6°, а за Границей уже цвѣты. Въ февралѣ опять падаетъ снѣгъ; но къ концу на равнинѣ его совсѣмъ нѣтъ. Первая половина марта такая теплая, что сплю съ открытымъ окномъ; но 13-го снѣгъ съ грозой, 14-го то же и землю укрыло снѣгомъ; скоро, однако, стаиваетъ; 17-го кричатъ лягушки; 19-го прилетѣли ласточки; къ 25-му апрѣля распустились всѣ деревья. Въ 1885 г. былъ необыкновенный май: до 11-го падали все дожди, въ горахъ-же падалъ снѣгъ; около Никшича по горамъ тоже палъ снѣгъ и въ самомъ Колашинѣ; въ долинѣ р. Тары снѣгъ въ полколѣна, въ Лѣвой-рѣкѣ до щиколки; даже на Нѣгушахъ падалъ немного; 22-го падалъ снѣгъ на Ловченѣ, на Крстцѣ замерзло 20 козлятъ, которыхъ гнали на продажу въ Которъ; люди спаслись, укрывшись въ ближній ханъ. Въ іюнѣ, именно 11-го, послѣ нѣсколькихъ дождей, такъ захолодило, что всѣ надѣли струки или теплыя пальто; затѣмъ опять пошли дожди-ливни и грозы. Въ августѣ и сентябрѣ было нѣсколько метеоровъ. Въ началѣ октября теплота доходила до + 23° утромъ въ тѣни; потомъ снова дожди, грозы, иногда градъ, который лежитъ слоемъ, а на горахъ выпадаетъ снѣгъ; 19-го на восходѣ солнца было — 3°, и это былъ первый морозъ. Въ ноябрѣ падающія звѣзды и теплая погода; 1-го дек. утромъ — 12°; вечеромъ въ 10 ч. — 9; цѣлый мѣсяцъ днемъ теплота, а ночью и по утрамъ морозцы; снѣгъ падалъ 1-го, 2-го и 18-го, но небольшой.

Сухость лѣтомъ особенно въ іюнѣ и іюлѣ бываетъ такая,

что вода въ цистернахъ едва держится; ласточки улетаютъ, и прилетаютъ назадъ послѣ перваго хорошаго дождя.

д) *Васоевичи.* Послѣ Цетинья больше всего наблюденій можемъ представить относительно Васоевичей, впрочемъ только о зимѣ и осени. Въ 1879 г. 22-го сент. былъ на самомъ верху Кома при отличной погодѣ; 27-го утромъ мы увидѣли его уже въ снѣгу, все равно какъ и другія высокія горы. Съ 1-го окт. началъ падать снѣгъ и внизу, и такъ было въ продолженіе всего этого мѣсяца — мятель, дождь, ночные морозцы; а днемъ пригрѣваетъ; то же самое и въ ноябрѣ; въ половинѣ ноября массами летятъ птицы, гонимыя непогодой; декабрь такой же, только въ концѣ его дни точно весенніе; рѣки не смерзлись; въ январѣ (1880) начинаются морозы, и самый сильный 6-го до — 17°; Краштица покрылась льдомъ; но Лимъ не мерзнетъ, а только по краямъ, гдѣ онъ разливается въ ширь, ухватилъ ледъ; горные потоки, тоже растекаясь, смерзаются и образуютъ цѣлыя ледяныя горы; 15-го и 16-го дни чисто весенніе; въ долинѣ Лима пучками цвѣтетъ качунъ, а 22-го — 7°; снѣгу на Андріевицѣ нѣтъ; но 23-го и 24-го по Тарѣ снѣгъ и ледъ, такъ что мѣстами рѣку можно перейти по льду; въ Лѣвой-Рѣкѣ снѣгу нѣтъ нисколько; въ Біочахъ, Подгорицѣ и Рѣкѣ-Черноевича 25—26 совершенно весна, а на Цетиньѣ и 29-го еще снѣгъ.

Въ 1882 г. мнѣ привелось быть въ Васоевичахъ въ сентябрѣ. Въ половинѣ этого мѣсяца начали убирать кукурузу; листъ на деревьяхъ только что сталъ желтѣть; дикія яблони и груши стоятъ покрытыя плодами; трава всюду зеленѣетъ; 22-го былъ слабый морозецъ, но ничему не повредилъ; со скотомъ прикочевали изъ высокихъ горъ. Совсѣмъ другое подъ Колашиномъ: тамъ листъ весь пожелтѣлъ и покраснѣлъ, только кое-гдѣ зеленѣетъ ясень, а мѣстами лѣсъ совсѣмъ уже голый.

Въ 1884 г. съ конца сентября привелось быть въ Затребчѣ, а послѣ въ Васоевичахъ. 25-го Жійова и другія высокія горы покрылись снѣгомъ, но затѣмъ настало отличное время: въ Никмарашахъ 28-го передъ восходомъ солнца было + 7°; въ пол-

день + 24°; 30-го утромъ + 12°, когда было облачно. До 7-го октября мы были подъ вершинами Кома и еще не было ни снѣгу, ни мороза; только вслѣдъ за этимъ 12-го и горы ниже Кома стали покрываться снѣгомъ. На Андріевицѣ былъ первый морозъ 22-го до восхода солнца — 4°; окружающія ее горы до половины покрылись снѣгомъ; 20-го ноября на Андріевицѣ мятель, то же и 23-го (въ Подгорицѣ тоже снѣгъ); 24-го въ 11 ч. у. не на солнцѣ при домѣ — 6°, внѣ — 8°; самый большой морозъ — 11° (въ Забрдьи, выше Андріевицы). Въ декабрѣ опять падаетъ снѣгъ, а морозы съ 22-го до 24-го — 10° до — 13°; въ январѣ до 3-го — 7°, а послѣ слабѣе; 7-го уѣзжаемъ изъ Васоевичей; по Тарѣ большой снѣгъ.

е) *Общее заключеніе и народныя примѣты.* Относительно другихъ мѣстностей не будемъ приводить наблюденій, потому что они отрывочны, да и не представляютъ собою никакихъ рѣзкихъ особенностей; частью же мы указали уже и на нихъ при описаніи мѣстности. Вообще можно сказать, что на высокихъ мѣстахъ, до которыхъ достигаетъ культурная жизнь, наступленіе зимы, выражающееся первыми морозами и снѣгомъ, колеблется между послѣдними днями сентября и октября; снѣгъ выпадаетъ иногда въ ноябрѣ, а послѣ стаиваетъ и настаетъ прекрасное теплое время до конца декабря. Это бываетъ больше въ Приморской части, тогда какъ въ восточной половинѣ снѣгъ, упавшій однажды, держится уже всю зиму. Мартъ мѣсяцъ часто бываетъ очень холодный, снѣжный и пагубный для скота; лѣсъ одѣвается листомъ только съ половины апрѣля, а начинаетъ опадать листъ между половиною сентября и половиною же октября.

Народъ имѣетъ свои примѣты относительно времени, основанныя на традиціональномъ наблюденіи, о которыхъ мы сообщимъ въ другомъ мѣстѣ; а здѣсь укажемъ только на главныя точки, по которымъ онъ распредѣляетъ времена года. Юрьевъ день (23-го апр.) считается началомъ лѣта, т. е. что уже можно не бояться возврата зимы, которая такъ коварно иногда обманываетъ въ мартѣ мѣсяцѣ, считающемся потому самымъ жесто-

кимъ; кромѣ того приписывается особенная сила солнечнымъ лучамъ въ этомъ мѣсяцѣ: отъ нихъ легче всего можно получить ударъ. Ясная погода на Рождество, а пасмурная на Юрьевъ день предвѣщаютъ плохой родъ. Половина октября, собственно день св. Луки (18-го) считается уже началомъ зимы; съ половины января считаютъ переломъ зимы, когда уже съ возрастаніемъ дня должна возрастать и теплота земли: «св. Сава воткнулъ въ землю раскаленный вертелъ и потому она согрѣвается». Въ Катунской нахіи считаютъ, если хорошая погода 15-го ноября (начало рождественскаго поста), то такая же погода будетъ и до Рождества; у Васоевичей такимъ считается *крестовъ день* (14-го сентября). Такихъ примѣтъ множество; но онѣ относятся уже къ области народнаго міросозерцанія, часто совершенно уклоняющагося отъ прямого наблюденія природы.

5. ОСОБЕННЫЯ ЯВЛЕНІЯ ПРИРОДЫ.

а) *Землетрясеніе*. Теперь укажемъ на нѣкоторыя особенныя явленія природы, которыя намъ привелось лично наблюдать въ Черногоріи.

Въ продолженіе шести лѣтъ являлись кометы, наблюденіе которыхъ въ Черногоріи, конечно, не могло представлять никакихъ особенностей. Однажды было затмѣніе мѣсяца (23-го ноября 1881 г.), продолжавшееся отъ $7^1/_4$ ч. до $7^3/_4$, при чемъ отъ него при концѣ видѣлся только тонкій серпъ; а въ 1880 г. 4-го дек., когда мѣсяцъ представлялъ собою только серпъ, покрылся только верхній рожокъ его. Въ 1881 г. весь почти іюль мѣсяцъ видѣлась комета, а 22-го на Цетиньѣ въ 10-мъ ч. у. былъ подземный ударъ, настолько незначительный, что многіе его не замѣтили; впрочемъ, въ одномъ домѣ упала штукатурка съ потолка; иному показалось, что разваливается домъ; въ 2-хъ этажахъ нѣкоторые были сильно встревожены. Въ Барѣ этотъ ударъ былъ наканунѣ въ 4-мъ ч. пополудни и потомъ 22-го же въ $10^1/_2$ ч. у., при чемъ

съ нѣкоторыхъ домовъ свалилась черепица, треснули стѣны и падали камни съ полуразрушенныхъ домовъ въ градѣ. Въ Ульцинѣ то же было, но слабѣе. Въ 1882 г. 25-го августа былъ подземный ударъ въ Подгорицѣ.

б) *Необыкновенное зарево по закатѣ солнца.* Въ 1883 г. въ ноябрѣ было необыкновенное сіяніе послѣ заката солнца. Впервые обратили вниманіе на Цетиньѣ 16-го; затѣмъ на Рѣкѣ было еще ярче, въ Подгорицѣ сіяніе разлилось съ запада на сѣверъ; но самое эффектное было 19-го въ Лѣвой-Рѣкѣ. Обыкновенная заря потухла и наступилъ полнѣйшій мракъ, такъ какъ мѣстность лежитъ между горъ; затѣмъ заря стала заниматься снова на западѣ, подвигаясь на сѣверъ и нѣсколько далѣе, такъ что охватила половину неба. Молодой мѣсяцъ на западѣ совершенно бѣлый, точно серебряный, плавалъ въ кровавомъ полѣ; на востокѣ горы были освѣщены точно заревомъ огромнаго близкаго пожара; зарево это было даже въ окнѣ дома. Продолжалось это съ $^1/_4$ ч. Послѣ того наступили ненастные дни и дальнѣйшее наблюденіе за этимъ явленіемъ было невозможно.

в) *Метеоры.* Осенью 1885 г. было особенно много метеоровъ. Самый большой былъ 27-го августа въ $7^1/_2$ ч. Онъ обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что, летя какъ разъ надъ нашими головами, далъ необыкновенное освѣщеніе и тутъ же раздѣлился, какъ ракета со звѣздочками, на частицы синяго, ярко-краснаго и, говорятъ, зеленаго цвѣта; полетъ былъ съ ю.-з. на с.-в. и небыстрый. Многіе сочли бы его за ракету, пущенную изъ княжескаго сада, еслибъ по исчезновеніи свѣта черезъ одну минуту не послышался громъ, начавшійся тихо, потомъ усилившійся въ видѣ раската. Громъ этотъ съ замираньемъ продолжался минутъ 7 за горами на с.-востокѣ и пошелъ раскатомъ по направленію къ Скадарскому озеру. Явленіе это видѣли и слышали по всей Черногоріи, кромѣ Грахова; не замѣтили также и въ Которѣ. На Рѣкѣ Черноевича видѣли его такъ же, какъ на Цетиньѣ, прямо надъ собою: онъ показался въ видѣ шара, величиною какъ мѣсяцъ, затѣмъ растянулся и сталъ разсыпаться. 2-го сентября

былъ такой-же большой метеоръ, но разсыпался далеко и безъ грома; 3-го тоже метеоръ поменьше; 5-го много падающихъ звѣздъ; 21-го еще большой метеоръ въ $6^1/_4$ ч., тотчасъ по закатѣ солнца, пронесся будто съ в. на з. 15-го ноября, тотчасъ по закатѣ солнца, цѣлый дождь падающихъ звѣздъ: падали десятками сразу, расползаясь въ разныя стороны и оставляя за собою свѣтлыя полосы, какъ и большіе метеоры; продолжалось до часу ночи; продолжалось ли еще дальше — не знаю; но въ 4 ч. свѣтилъ мѣсяцъ, звѣзды были спокойны и видѣлись слабо, уступая, конечно, сильному свѣту мѣсяца. Подобное же явленіе, говорятъ, было въ 1872 г.: дождь падающихъ звѣздъ былъ еще гуще, но самыя звѣзды были будто мельче и не оставляли за собою такихъ полосъ.

6. ПРИМОРСКІЙ ХАРАКТЕРЪ КЛИМАТА.

Не представляя ничего необыкновеннаго, чрезвычайно эффектны здѣшнія зимнія грозы, когда среди падающаго съ мятелью снѣга сверкаютъ непрерывныя молніи. Вообще зима здѣсь самое грозовое время. Зимніе дожди всегда бываютъ при южномъ вѣтрѣ; но въ борьбѣ южнаго теченія съ сѣвернымъ, дождь обращается въ крупу и градъ, а иногда переходитъ въ снѣгъ. Града крупнѣе простого орѣха мнѣ здѣсь не случилось видѣть, хотя бываетъ такъ густъ, что покрываетъ пространства бѣлымъ слоемъ, точно снѣгъ.

Какъ ни велика разница въ климатѣ между мѣстностями, лежащими почти на одномъ уровнѣ съ моремъ, и мѣстностями на высотахъ, и тѣ и другія имѣютъ одинъ общій приморскій климатъ, что̀ выражается отсутствіемъ рѣзкихъ переходовъ между временами года и рѣзкой разницы между крайними температурами лѣта и зимы. Не знаю, доходитъ-ли высшая температура лѣтомъ въ Барѣ и другихъ низкихъ мѣстахъ до $+40°$, а зимой на Цетиньѣ или Андріевицѣ до $-20°$ (мнѣ привелось наблюдать только $+32°$ и $-17°$); но вообще здѣшнія зимы, въ сравненіи съ мѣстностями въ Россіи подъ соотвѣтствующими широтами,

весьма мягки; то же самое должно сказать и о лѣтѣ. Еще больше выражается приморскій характеръ всѣхъ мѣстностей Черногоріи, начиная отъ края моря до отдаленнѣйшихъ отъ него мѣстностей надъ Дурмиторомъ и Комомъ, обиліемъ атмосферныхъ осадковъ въ видѣ дождя или снѣга. И надобно замѣтить, распредѣленіе ихъ по всей Черногоріи довольно равномѣрно: если суша, то суша вездѣ; а какъ скоро начали перепадать дожди въ одномъ концѣ, они дойдутъ непремѣнно и до другого.

7. ВОЗДУШНЫЯ ТЕЧЕНЬЯ.

Важную роль притомъ играютъ, конечно, воздушныя теченья, главнымъ образомъ сѣверное и южное, которыя однако сильно видоизмѣняются отъ вертикальныхъ разрѣзовъ мѣстности. Сѣверный вѣтеръ или попросту называемый здѣсь сѣверъ, какъ и вездѣ, отличается сухостью, поэтому его называютъ *празновретья*, т. е. съ пустымъ мѣшкомъ, потому что не приноситъ дождя, а наоборотъ, если и пройдетъ дождь съ какой нибудь другой стороны, подуетъ сѣверъ и высушитъ тотчасъ. Но въ то же время словомъ *бура* обозначаютъ дождь и *бурное время*, *бурное лѣто* означаетъ дождливое. Каждое мѣсто имѣетъ свой гнилой уголъ, откуда приноситъ дождь или снѣгъ. Для Катунской нахіи такой уголъ находится на ю.-западѣ, и дующій оттуда вѣтеръ *гарбинъ* всегда лѣтомъ наноситъ дождь, а зимой — снѣгъ; у Васоевичей тотъ же вѣтеръ и съ тѣмъ же свойствомъ называется *кривацъ*; то же самое и въ Дробнякахъ; только здѣсь онъ болѣе западный, зимой сопровождается мятелью, очень холодный и всегда почти съ него поворачиваетъ на сѣверъ. Въ Васоевичахъ съ нимъ хотя и приходитъ снѣгъ, но не можетъ быть такой большой, какъ съ с.-западнымъ, который называютъ — *колашинацъ*. Въ Подгорицѣ всегда приноситъ дождь вѣтеръ, дующій отъ Проклятыхъ, слѣдовательно съ в.-с.-востока, а также и южный. Одинъ вѣтеръ — *гарчаникъ*, дующій отъ Гарча, слѣдовательно

съ с.-запада, очень холодный и иногда приноситъ дождь. Въ Ульцинѣ и Барѣ дождь приноситъ *шилокъ* (siroccо), юго-восточный; *мурланъ*, с.-восточный, наноситъ облака съ дождемъ или снѣгомъ, но все это скоро разсѣевается, и послѣ него обыкновенно разведриваетъ и дуетъ сѣверъ (это, кажется, grego tramontana). Дующій южный вѣтеръ зимой вездѣ приноситъ оттепели и дождь, часто съ грозой. Бываютъ лѣта, когда дождь приносится сѣвернымъ вѣтромъ; это бываетъ рѣдко, и такой годъ считаютъ всегда урожайнымъ. Безъ снѣга, донесеннаго сѣверомъ, не можетъ установиться прочная, снѣжная зима. Въ Барѣ есть еще вѣтеръ — *брца*, дующій отъ села того же названія близь Спича, по видимому направленію с.-с.-западный, а въ сущности, говорятъ, это настоящій сѣверный вѣтеръ: это сухой, чрезвычайно сильный и порывистый вѣтеръ, при которомъ не можетъ въ бухтѣ удержаться ни одно судно. Онъ бываетъ весьма рѣдко; такъ же какъ и *пуленатъ* (ponente), западный, при которомъ еще труднѣе стоять въ барской пристани, потому что выброситъ на берегъ или разобьетъ объ скалы. Этотъ вѣтеръ также бываетъ не часто. Чаще же всего въ видѣ бури, шторма здѣсь дуетъ южный вѣтеръ, широкко: съ нимъ наступаютъ позднею осенью и зимой дожди, не прерывающіеся по недѣлямъ, и сверхъ того, помогая таянью снѣговъ, онъ бываетъ причиною самыхъ большихъ наводненій. Въ мѣстахъ, не особенно удаленныхъ отъ моря, какъ Цетинье, Лѣшанская и Рѣцкая нахіи, обыкновенно днемъ дуетъ легкій восточный вѣтеръ — *даникъ*, съ которымъ лодки отправляются отъ Скадра на Рѣку; а передъ вечеромъ и въ ночь — сѣверный или *ночникъ*, и съ нимъ плывутъ отъ Рѣки въ Скадаръ.

8. ТАБЛИЦЫ НАБЛЮДЕНІЙ ПОГОДЫ И ВЫВОДЫ ИЗЪ НИХЪ.

Не имѣя возможности постоянно наблюдать температуру по термометру, котораго у меня иногда и не было, я отмѣчалъ каждый день состояніе погоды, и изъ этихъ, веденныхъ изо дня въ

день отмѣтокъ въ продолженіе $6^1/_2$ лѣтъ, составилъ прилагаемыя при семъ таблички. Въ первой мы отмѣтили дни, когда было ясно, облачно, дождь цѣлый день или перемѣнчиво, снѣгъ, гроза и морозъ; а во второй — вѣтры. Изъ первой таблицы можно сдѣлать общій выводъ относительно дней ясныхъ, дождливыхъ или снѣжныхъ, предполагая, что количество атмосферныхъ осадковъ одинаково во всей Черногоріи; но относительно морозовъ мы встрѣчаемся съ такою несообразностью, что въ одномъ году декабрь мѣсяцъ былъ совершенно безснѣжный и безъ морозовъ, а въ другомъ, напротивъ, въ декабрѣ было 17 морозныхъ дней а 3 дня падалъ снѣгъ. Это значитъ, что въ первомъ случаѣ я провелъ этотъ мѣсяцъ въ Ульцинѣ, а во второмъ въ Васоевичахъ.

Въ наблюденіяхъ теплоты, слѣдовательно, такого рода обобщеніе совершенно невозможно. Поэтому, чтобы освѣтить до нѣкоторой степени всѣ эти цыфры, мы сбоку означаемъ мѣста, гдѣ мы находились въ то время, къ которому относятся данныя наблюденія; относительно же морозныхъ дней предлагаемъ еще особую табличку для сравненія числа ихъ въ разные мѣсяцы на Цетиньѣ и въ Васоевичахъ.

Годы.		Янв.	Февр.	Март.	Апр.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.
1879.	Ясно.....	Внѣ Черногоріи.				26	30	31	28	11	10	12
	Облачно...					2	—	—	—	7	6	2
	Дождь....					1	—	—	1	5	3	5
	Перемѣн..					2	—	—	2	7	9	6
	Снѣгъ....					—	—	—	—	—	3	5
	Гроза.....					—	—	—	3	1	1	2
	Морозъ...					—	—	—	—	—	5	9
1880.	Ясно.....	22	18	15	22	19	21	21	17	17	10	22
	Облачно..	4	3	2	2	9	2	2	4	8	13	6
	Дождь....	1	6	7	2	1	—	1	1	1	1	—
	Перемѣн..	1	1	6	4	2	7	7	9	4	7	2
	Снѣгъ....	3	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
	Гроза.....	—	2	2	2	—	4	3	4	3	1	1
	Морозъ...	19	5	6	—	—	—	—	—	—	—	—
1881.	Ясно.....	9	18	10	12	15	16	28	20	11	8	21
	Облачно..	8	7	8	9	1	11	1	6	10	4	5
	Дождь....	5	—	3	6	6	—	—	1	6	8	1
	Перемѣн..	9	3	9	3	9	3	2	4	3	11	3
	Снѣгъ....	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
	Гроза.....	3	3	—	1	9	2	1	3	4	6	—
	Морозъ...	3	—	1	—	—	—	—	—	—	4	21
1882.	Ясно.....	29	14	19	19	16	21	14	22	4	12	2
	Облачно..	2	2	5	5	5	4	6	5	15	5	2
	Дождь....	—	7	3	2	5	—	1	—	3	6	11
	Перемѣн..	—	4	2	4	5	5	10	4	8	8	11
	Снѣгъ....	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	4
	Гроза.....	—	2	1	—	2	1	1	—	1	3	5
	Морозъ...	11	7	2	—	—	—	—	—	—	6	2
1883.	Ясно.....	19	12	7	11	12	16	26	18	13	19	13
	Облачно..	5	8	4	5	12	4	1	4	2	5	6
	Дождь....	1	—	6	3	—	1	—	1	2	1	3
	Перемѣн..	3	—	8	11	7	9	4	8	13	6	5
	Снѣгъ....	3	8	6	—	—	—	—	—	—	—	3
	Гроза.....	—	3	2	—	2	3	—	3	3	—	1
	Морозъ...	14	13	5	—	—	—	—	—	1	2	7
1884.	Ясно.....	19	14	14	9	17	11	27	16	19	−20	18
	Облачно..	5	9	6	1	—	11	—	3	2	3	7
	Дождь....	1	2	7	8	3	—	—	2	3	3	2
	Перемѣн..	2	3	3	12	11	8	4	10	6	4	2
	Снѣгъ....	4	1	1	—	—	—	—	—	—	1	1
	Гроза	—	—	1	—	2	1	—	5	4	—	3
	Морозъ...	15	7	1	—	—	—	—	—	—	1	5
1885.	Ясно.....	19	13	12	17	14	20	Въ Дубровникѣ.	7	17	10	7
	Облачно..	4	14	7	1	7	6		1	2	4	11
	Дождь....	6	—	4	2	4	—		9	6	15	4
	Перемѣн..	2	1	8	10	6	4		5	5	2	7
	Снѣгъ....	—	—	—	—	—	—		(Съ	—	—	1
	Гроза	—	—	2	3	3	3		18-го)	3	4	2
	Морозъ...	2	—	1	—	—	—			—	2	8

ЦА № 1.

Сумма дней.	МѢСТА НАБЛЮДЕНІЙ.	Годы.
163 25 15 31 } 46 11 7 31	*Май*: до 18-го — Цетинье; до 26-го — Рѣка, Даниловъ-градъ, Никшичъ и Подгорица; до 13-го *іюня*: Цетинье; до 28-го Баръ, Крайна, Подгорица, Команы, Рѣка; *іюль* весь на Цетиньѣ; *августъ* до 5-го: Которъ, Рисанъ, Грахово; до 1-го *сентября*: Никшичъ, Дробняки, Колашинъ, Морача, Ровцы, Пиперы, Подгорица; до 7-го: путешествіе до Андріевицы; *остальное время до конца года* въ Васоевичахъ.	1879.
213 62 22 63 } 85 5 24 30	*Январь* до 23-го: Васоевичи; до конца: Цетинье; *февраль*, *мартъ*, и до 5-го *апрѣля*: Цетинье, *до конца* и до 27-го *мая*: Подгорица; *до конца* и весь *іюнь*: Цетинье; до 8-го *іюля*: Цермница и Баръ; *до конца іюля*, *августъ* и до 13-го *сентября*: Цетинье; *до конца сентября*, *октябрь* и до 15-го *ноября*: Виръ, Суторманъ, Баръ; отъ 15-го *ноября до конца года*: Ульцинъ.	1880.
181 76 40 64 } 104 4 34 38	*Январь*, *февраль* и до 4-го *марта*: Ульцинъ; до 21-го *апрѣля*: Цетинье; до 13-го *мая*: Цермница, Баръ, Ульцинъ, Скадаръ, Подгорица, Никшичъ, Дробняки, Колашинъ, Морача, Ровцы, Пиперы, Подгорица; остальное время до конца года: Цетинье.	1881.
186 63 39 65 } 104 12 18 36	*Январь*, *февраль* и до 26-го *марта*: Цетинье; до 7-го *мая*: Нѣгуши, Цуцы, Цекличи, Грахово, Баняны, Рудины, Никшичъ, Пива, Дуга, Никшичъ, Кчево, Цетинье; до 21-го *августа*: Цетинье; до 1-го *ноября*: Подгорица, Кучи, Васоевичи, Колашинъ, Езера, Пива, Никшичъ, Кчево; *до конца года*: Цетинье.	1882.
179 64 20 76 } 96 27 17 70	*Январь*, *февраль*, *мартъ*, *апрѣль*, *май*, *іюнь* и до 16-го *іюля*: Цетинье; до 1-го *августа*: Скадаръ, Подгорица; до 1-го *сентября*: Цетинье; до 6-го: Подгорица, Никшичъ; до 18-го: Цетинье; остальное до конца года: Подгорица, Затребачъ, Васоевичи; только съ 3 — 18 ноября въ дорогѣ съ Андріевицы на Цетинье и обратно.	1883.
194 54 39 69 } 108 8 21 29	*Января* до 9-го: Васоевичи; до 1-го *іюля*: Цетинье; до 14-го *августа*: Дубровникъ; до 26-го: Жаблякъ, Спужъ, Пиперы, Лукавица, Никшичъ, Кчево; до 5-го *сентября*: Цетинье; до 7-го *ноября*: Дубровникъ (10 — 12 октября: Цетинье); до 13-го *ноября*: Цетинье; остальное *до конца года*: Ульцинъ.	1884.
Не полный годъ.	*Январь* до 6-го: Подгорица, до 12-го: Рѣка; до конца: Скадаръ, Ульцинъ; до 6-го *марта*: Ульцинъ, Баръ; 19-го: Цетинье; до конца: Ульцинъ; до 4-го *апрѣля*: Баръ, Рѣка; до 10-го: Цетинье; до 20-го: Никшичъ, Спужъ, Подгорица, Рѣка; до 1-го *іюля*: Цетинье; до 18-го *августа*: Дубровникъ; до 16-го *декабря*: Цетинье; остальное на дорогѣ въ Россію.	1885.

ТАБЛ

Годы.	Вѣтра.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.
1880.	С.	—	2	—	—	—	2
	Ю.	—	1	—	1	1	2+1
	В.	—	—	—	—	—	—
	З.	—	—	1	—	—	—
	СВ.	—	—	—	—	—	—
	СЗ.	—	1	—	—	—	—
	ЮВ.	—	—	—	—	—	—
	ЮЗ.	—	—	—	—	—	—
1881.	С.	4	4	4	4	4	—
	Ю.	6	—	3	4	4	1
	В.	1	2	—	—	—	+1
	З.	—	—	—	1	—	+3
	СВ.	6	3	—	—	—	1
	СЗ.	—	—	—	—	—	—
	ЮВ.	—	—	—	—	—	—
	ЮЗ.	2	—	—	—	—	—
1882.	С.	6	1	8	10+1	6	2
	Ю.	—	1	1+2	5	4	4
	В.	—	2	3	1	4	—
	З.	—	—	—	—	—	—
	СВ.	—	—	—	—	—	—
	СЗ.	—	—	—	—	—	—
	ЮВ.	—	—	1	—	—	—
	ЮЗ.	—	—	—	1	—	—
1883.	С.	—	6	1	—	3+1	1
	Ю.	—	—	1	—	7	3
	В.	—	1	2	—	1+1	2
	З.	—	—	—	—	—	—
	СВ.	—	1	1	—	—	—
	СЗ.	—	—	—	—	—	—
	ЮВ.	—	1	—	—	—	1
	ЮЗ.	—	2	—	—	—	—
1884.	С.	6+1	1	—	—	+1	—
	Ю.	—	1	1	1	2	1
	В.	—	1	—	—	+1	1
	З.	—	—	—	—	—	—
	СВ.	—	—	—	—	—	—
	СЗ.	—	—	—	—	—	—
	ЮВ.	—	—	—	—	—	—
	ЮЗ.	—	—	—	—	—	—
		31+1	31	27+2	28+1	36+4	21+5
		32	31	29	29	40	26

Примѣч. Знакомъ + означается штормъ, буря.

А № 2.

Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Сумма за годъ.	
4+5	—	12	5+2	3	1	29+7	
3+1	1	2	4	5	1	21+2	
—	—	—	—	+2	1+1	1+3	
—	1	—	—	+2	—	2+2	62 + 14 = 76
—	—	—	—	4	—	4	
—	—	—	—	—	3	4	
—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	1	—	1	
2+1	—	+1	—	4	3	29+2	
1	—	1	—	—	—	20	
—	—	1	1	1	—	6+1	
2+1	—	—	—	—	1	4+4	74 + 7 = 81
—	—	—	—	—	2	12	
—	—	—	—	—	—	—	
1	—	—	—	—	—	1	
—	—	—	—	—	—	2	
1	—	6	5	1	1+1	47+2	
—	—	10+1	7+1	2+6	—	34+10	
—	—	1	—	—	—	11	
—	—	3	1	1	1	6	
—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	101 + 12 = 113
—	—	—	1	—	—	2	
—	—	—	—	—	—	1	
7	2	3	3	1	2	29+1	
+1	5	2	6	1	2+1	27+2	
—	1	—	—	+1	1	8+2	
—	—	—	—	—	—	—	
2	—	—	—	1	—	5	
1	—	—	—	—	—	1	
1	—	—	1	—	—	4	76 + 5 = 81
—	—	—	—	—	—	2	
4+1	2	1	+1	2+1	—	16+5	
2	—	8	5	3+2	4	28+2	
—	3	—	4	—	3	12+1	
1	—	—	—	—	—	1	
1	—	7	4	1	7	20	
1	—	—	—	4	—	5	87 + 8 = 95
3	—	1	1	—	—	5	
—	—	—	—	—	—	—	
37+10	15	58+2	48+4	35+14	33+3	400 + 46	
47	15	60	52	49	36	446	

Въ приложенныхъ таблицахъ мы имѣемъ данныя за 7 лѣтъ; но 2 года неполные, потому мы сдѣлаемъ общій выводъ, относительно атмосферныхъ осадковъ по мѣсяцамъ только за пять лѣтъ; при томъ соединимъ въ одно дождь и снѣгъ.

ТАБЛИЦА № 3.

Мѣсяцы.	Годы.					Всего дней.
	1880.	1881.	1882.	1883.	1884.	
Январь.....	5	14	—	7	7	33
Февраль....	8	2	12	8	6	36
Мартъ.....	14	13	6	20	11	64
Апрѣль.....	6	9	6	14	20	55
Май.....	3	15	10	7	14	49
Іюнь.....	7	3	5	10	8	33
Іюль.....	8	2	10	4	4	28
Августъ....	10	5	4	9	12	40
Сентябрь...	5	9	11	15	9	49
Октябрь....	8	19	15	7	8	57
Ноябрь.....	2	4	26	11	5	48
Декабрь....	14	12	10	11	12	59
	90	107	115	123	116	551

Изъ этой таблички мы видимъ, что въ пятилѣтней сложности по числу дождливыхъ дней мѣсяцы идутъ въ такомъ порядкѣ: 1) мартъ, 2) декабрь, 3) октябрь, 4) апрѣль, 5) май и сентябрь, 6) ноябрь, 7) августъ, 8) февраль, 9) январь и іюнь, 10) іюль.

Если же бы мы взяли одинъ какой нибудь годъ, то въ 1882 г. первое мѣсто занималъ бы ноябрь (26 дней), а мартъ становится на одну степень съ апрѣлемъ и отстаетъ отъ всѣхъ, кромѣ іюня и августа. Соединивъ же всѣ мѣсяцы въ группы по 4 вмѣстѣ, мы получимъ, что они занимаютъ мѣста:

1) мартъ, декабрь, октябрь, апрѣль . . . . . 235 дней.
2) май, сентябрь, ноябрь, августъ . . . . . 186 »
3) февраль, январь, іюнь, іюль . . . . . 130 »

551 день.

Самые сухіе, слѣдовательно, два лѣтніе и два зимніе мѣсяца; а самые мочливые — мѣсяцы, составляющіе переходъ къ зимѣ и къ лѣту.

Если въ пятилѣтній періодъ мы получили 551 день съ дождемъ или снѣгомъ, то на каждый годъ, значитъ, приходится по 110 дней, которые какъ неравномѣрно ни распредѣляются, но не оставляютъ безъ дождя ни одного мѣсяца. Даже въ самые сухіе мѣсяцы іюнь и іюль не пришлось ни разу менѣе 5 дождливыхъ дней. Только въ непринятомъ здѣсь въ соображеніе 1879 г. въ оба эти мѣсяца и до половины августа не упало ни капли дождя.

Относительно вѣтровъ мы видимъ, что на каждый годъ приходится по 80 дней съ вѣтромъ и по 9 штормовъ. Сѣверные вѣтра преобладаютъ (167) надъ южными (146); и это преобладаніе выкажется еще больше, если присоединить къ тому и другому смѣшанные вѣтры, с.-восточный и с.-западный, дувшіе 50 дней, а ю.-восточный и ю.-западный только 17. Впрочемъ, нужно замѣтить, мы означали только болѣе сильный вѣтеръ, южный же на высотахъ, какъ Цетинье, является иногда весьма слабымъ, вслѣдствіе чего мы его и не отмѣчали, тогда какъ всякій дождь зимой иначе не приходитъ, какъ съ южнымъ вѣтромъ. Интересна, между прочимъ, та особенность, что южные вѣтры преобладаютъ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ, когда только устанавливается зима, а сѣверные въ январѣ, іюнѣ и іюлѣ, когда высшей степени достигаютъ зимніе холода и лѣтніе жары; преобладаніемъ сѣвернаго вѣтра объясняется и особенная сухость этихъ мѣсяцевъ.

Самымъ тихимъ мѣсяцемъ является августъ, а самымъ вѣтрянымъ сентябрь.

Относительно числа морозныхъ дней въ зимніе мѣсяцы мы имѣемъ нѣсколько, хотя и неполныхъ данныхъ для Цетинья и Васоевичей.

Цетинье.	Годы.				Васоевичи.	Годы.		
	1881.	1882.	1883.	1884.		1879.	1880.	1883.
Январь.....	Не былъ на Цетиньѣ.	11	14	15		Не былъ.	19	Не былъ.
Февраль....		7	13	7				
Мартъ.....	—	2	5	1			Не былъ.	
Октябрь....	4	Не былъ	Не былъ.	На Цетиньѣ.		5		2
Ноябрь.....	21	2				9		7
Декабрь....	10	8				17		28

Изъ сравненія этихъ данныхъ можно отчасти заключить, что Андріевица въ Васоевичахъ (гдѣ производились наблюденія), превосходя Цетинье числомъ морозныхъ дней въ декабрѣ и январѣ, уступаетъ ему въ ноябрѣ.

Впрочемъ, при такомъ маломъ числѣ данныхъ, взятыхъ сверхъ того изъ разныхъ годовъ, легко можно за общее принять случайность, какъ очевидно можно считать случайностью то, что на Цетинье въ 1881 г. въ ноябрѣ былъ 21 морозный день, чего далеко не было въ слѣдующемъ году, а также не было и въ 1885 г. (4 дня).

Грозы особенно часты въ Черногоріи, притомъ часто бываютъ несчастія. За 6 лѣтъ пребыванія въ Черногоріи, я знаю нѣсколько случаевъ, что убивало людей; однажды убило стадо овецъ, загнанное въ пещеру.

Въ 1881 г. съ 8 на 9-е января въ Барѣ громъ ударилъ въ зданіе въ градѣ, гдѣ хранился порохъ и множество другихъ боевыхъ припасовъ, именно: 142 боченка съ порохомъ, 800 ящиковъ съ ружейными патронами и много пушечныхъ бомбъ. Все это, конечно, взорвало и, не говоря уже о погибели на мѣстѣ тро-

ихъ (пятеро остались цѣлы) черногорцевъ, бывшихъ на стражѣ, каменьями, упавшими на крыши и пробившими ихъ, убило внутри домовъ 23 чел. и ранено 24. Зданіе, которое взорвало, было когда-то большая католическая церковь св. Георгія, послѣ обращенная въ мечеть; отъ него не осталось ни одного камня на мѣстѣ, только полъ изъ каменныхъ плитъ, такъ что теперь вы видите на мѣстѣ его чистую, ровную площадь. Камни бросало на половину пути къ пристани, слѣдовательно по крайней мѣрѣ на 2 кил. Черезъ годъ то же самое случилось въ Скадрѣ (и прежде было 2 раза). Въ 1883 г. 26-го Февраля ударило въ патронную фабрику на Цетиньѣ, при чемъ часть зданія разрушило взрывомъ бывшаго тамъ въ небольшомъ количествѣ пороха; начали уже горѣть деревянные ящики, наполненные готовыми патронами, но народъ, вытаскивая ихъ горящіе уже, тушилъ, тутъ-же валяя въ снѣгу, и тѣмъ предупреждено несчастіе, угрожавшее городу и его жителямъ, такъ какъ зданіе это какъ разъ на краю его. Гроза была вмѣстѣ со снѣжною мятелью.

Однажды, какъ мы уже сообщали, гроза была повсемѣстная, и при этомъ разрушило 4 австрійскихъ фортецы, убивъ много солдатъ. Потомъ еще разъ ударило въ крѣпость на Вельемъ-верхѣ въ Кривошіяхъ.

Постоянно бьетъ громъ въ церковки на отдѣльныхъ горахъ, какъ на Ловченѣ, на Градцѣ въ Лѣшанской нахіи и др. На Цетиньѣ каждый годъ или ударитъ въ телеграфную проволоку, поломаетъ или повалитъ всѣ телеграфные столбы отъ Границы до высокаго края долины надъ Байцами, или въ домъ, иногда совершенно не выдающійся, минуя близъ стоящія большія зданія, или просто въ скалу и разбиваетъ ее. Весьма часто грозою заканчивается мятель.

Въ таблицѣ № 1 мы отмѣтили грозовые дни, при чемъ нужно пояснить, что мы отмѣчали только сильную грозу и большею частью продолжающуюся или цѣлый день, или цѣлую ночь, съ небольшими перерывами. Мимолетно пронесшуюся стороной, хотя весьма близко, тучу съ грозой, мы пропускали. Все равно какъ

относили къ яснымъ или только облачнымъ днямъ, тѣ дни, въ которые проносилась туча съ небольшимъ дождемъ, не смочившимъ достаточно землю.

Относительно грозъ предлагаемъ также общій выводъ за 5 лѣтъ.

По годамъ число грозовыхъ дней располагалось такъ: въ 1880 г. было 25 дней, въ 1881—38, 1882—16, 1883—17, 1884—21, или въ пятилѣтней сложности на каждый годъ 23,4 грозовыхъ дня. По мѣсяцамъ же за 5 лѣтъ они распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ январѣ.....	3 дня	Въ іюлѣ.....	5 дней
» февралѣ.....	9 »	» августѣ.....	15 »
» мартѣ.....	5 »	» сентябрѣ....	15 »
» апрѣлѣ.....	3 »	» октябрѣ.....	10 »
» маѣ.....	15 »	» ноябрѣ.....	10 »
» іюнѣ.....	11 »	» декабрѣ.....	12 »

Сравнивая по годамъ, мы видимъ, что нѣтъ совпаденія грозъ съ особенно мочливымъ годомъ, ни съ особенно вѣтрянымъ; а группируя по мѣсяцамъ, по 4 вмѣстѣ, получимъ:

1) май, августъ, сентябрь, декабрь имѣли . 57 грозъ.
2) іюнь, октябрь, ноябрь, февраль » . 40 »
3) мартъ, іюль, январь, апрѣль » . 16 »

Здѣсь наиболѣе грозовые мѣсяцы отвѣчаютъ дождливымъ мѣсяцамъ второго или средняго порядка; но январь и іюль, имѣвшіе наименѣе грозъ, соотвѣтствуютъ самымъ сухимъ мѣсяцамъ; приближается къ тому же и февраль.

Заканчивая этимъ наши общія замѣтки о погодѣ, весьма неполныя и неточныя, по которымъ нельзя себѣ составить ясно опредѣленнаго понятія о метеорологическомъ состояніи Черногоріи, вслѣдствіе неустроенности наблюдательныхъ станцій, мы позволимъ себѣ высказать желаніе, чтобы такого рода станціи были устроены въ Черногоріи, и при этомъ сдѣлаемъ съ своей

стороны указаніе мѣстностей, гдѣ онѣ должны бы быть учреждены, и способы.

Черногорія, какъ извѣстно, не обладаетъ ни матеріальными средствами, чтобы жертвовать что либо во имя чистой науки, ни умственными, подготовленными къ тому силами. Но, ограничиваясь самымъ малымъ, въ Черногоріи могла бы быть устроена довольно полная метеорологическая обсерваторія, по крайней мѣрѣ на Цетиньѣ, при матеріальной и инструктивной помощи Русской Академіи Наукъ или другого какого либо ученаго учрежденія, пославъ туда всѣ необходимые инструменты и отрядивъ человѣка, который бы показалъ какъ все это поставить, а затѣмъ одного черногорца изъ наиболѣе подготовленныхъ и призванныхъ къ тому научилъ бы, какъ дѣйствовать инструментами и вести наблюденія. На Цетиньѣ это было бы весьма легко, такъ какъ тамъ есть гимназія.

Другая станція могла бы быть устроена въ одномъ изъ портовъ, гдѣ и теперь ведутся наблюденія, и я предпочелъ бы въ этомъ отношеніи Баръ, такъ какъ здѣсь всѣ явленія природы обнаруживаютъ больше интенсивности, чѣмъ въ Ульцинѣ.

Въ другихъ мѣстахъ можно бы каждое училище снабдить, по крайней мѣрѣ, провѣренными термометрами и барометрами, и цетинская обсерваторія послужила бы обученію учителей, какъ производить наблюденія. Такія наблюденія ведутся въ Швейцаріи въ альпахъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ на зиму не остается никого кромѣ двоихъ сторожей, прерывающихъ всякое сношеніе съ внѣшнимъ міромъ на цѣлый зимній сезонъ. Эти простые люди весьма усердно и самымъ точнымъ образомъ ведутъ свои наблюденія по инструментамъ, присланнымъ имъ изъ Цюрихской главной обсерваторіи, записывая ихъ въ присланныя оттуда же печатныя книжки съ рубриками. Въ Черногоріи это устроить еще легче.

ВОДЫ (Гидрографія).

МОРЕ.

По послѣднему международному трактату Черногорія пріобрѣла, какъ мы уже упоминали, часть Адріатическаго моря; поэтому, говоря о ея водахъ, мы должны ихъ подраздѣлить на море и внутреннія или материковыя воды.

Начнемъ съ моря:

1. ЗАЛИВЫ И БУХТЫ.

На всемъ протяженіи береговой линіи (около 70 кил.) Черногорія имѣетъ нѣсколько бухтъ: Барскую, которая составляетъ часть одного залива, общаго со Спичемъ, присвоеннымъ Австріей; Стараго-Ульцина, Val-di-noce или, какъ его называютъ мѣстные жители, Вальданосъ, и Ульцина-Новаго.

а) *Барская*. Самая важная, конечно, Барская, какъ по простору, такъ и по другимъ удобствамъ. Вдавшись въ материкъ въ видѣ дуги, обращенной выгнутою стороной къ востоку, она открыта своимъ широкимъ устьемъ къ западу, откуда весьма рѣдко дуетъ, такъ называемый, ponente; съ юга же, со стороны преобладающаго здѣсь вѣтра siroccо, она защищена высокимъ мысомъ Волуйцей; со стороны также нерѣдко дующаго bora (с.-восточнаго) ее защищаютъ горы; а с.-западный вѣтеръ или maestro никогда почти не является въ видѣ бури. Со страшною силою дуетъ вѣтеръ *бриа*, должно быть, прямо сѣверный, tramontana, но онъ бываетъ весьма рѣдко и дуетъ съ силой только одинъ день, и тогда уже ни одно судно не можетъ удержаться въ пристани. Но вообще нужно замѣтить, что никогда почти не бываетъ, чтобы пароходъ Австрійскаго Ллойда не могъ войти и разгрузиться въ пристани Бара, тогда какъ сосѣднюю пристань Спича въ продолженіе зимняго сезона нерѣдко пароходу приводится миновать вслѣдствіе вѣтра.

Неудобство барской пристани заключается въ томъ только, что большіе корабли не могутъ подходить близко къ берегу и потому должны становиться за 3 — 4 кил. отъ берега и производить разгрузку посредствомъ лодокъ.

Подъ Волуйцей глубина значительна; но, чтобы устроить тамъ пристань, необходимо сооруженіе мола, который бы защищалъ отъ боя волнъ изъ открытаго моря.

б) *Старый и Новый-Ульцинъ.* Бухта Стараго-Ульцина весьма мала и, огражденная кругомъ скалистыми островами (scolio), пригодна единственно для мелкихъ судовъ или барокъ.

Бухта Новаго-Ульцина тоже небольшая, но значительно просторнѣе старо-ульцинской: два мола, проведенные отъ мысовъ Сука и отъ Града, совершенно бы закрыли ее отъ всякаго вѣтра; но потребовалось бы еще углубить ее.

в) *Val-di-noce.* Самая удобная бухта Val-di-noce: глубокая до самаго почти берега, она имѣетъ въ длину до 2 кил., а въ ширину до $1^1/_2$, и потому здѣсь потребовалось бы устроить только молъ и проложить дорогу до города, отъ котораго она находится въ разстояніи 4 кил.

г) *Общій выводъ.* Важность устройства этихъ портовъ для Черногоріи очевидна: тогда значительно облегчается путь отъ Подгорицы къ морю, такъ какъ, перейдя Сутормань (дорога на половину уже окончена), онъ направляется черезъ Скадарское озеро, гдѣ имѣется пароходъ, и потомъ отъ Плавницы идетъ все равниной; а Подгорица, какъ мы уже говорили, занимаетъ центральное положеніе больше чѣмъ для половины Черногоріи, не говоря уже о томъ, что тогда Черногорія дѣлается совершенно свободною въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ, что̀ невозможно, покуда она зависитъ отъ австрійскаго порта въ Которѣ.

2. СВОЙСТВА ЧЕРНОГОРСКАГО МОРЯ.

Теперь намъ слѣдуетъ сказать о свойствахъ Черногорскаго моря — такъ назовемъ мы доставшуюся Черногоріи частичку Адріатики.

Большею частью всѣ эти свойства общи для всего Адріатическаго моря; но нѣкоторыя изъ нихъ у черногорскихъ береговъ модифицируются, а иныя слѣдуетъ упомянуть, насколько они

имѣютъ значеніе въ жизни экономической черногорскаго прибрежья.

а) *Измѣненія уровня и теченія.* Прежде всего обратимъ вниманіе на высоту моря, которая не вездѣ одинакова. Извѣстно, что въ сѣверныхъ частяхъ уровень его измѣняется подъ вліяніемъ прибыли водъ въ По и другихъ рѣкахъ Италіи, въ извѣстное время года приносящихъ большую массу воды. Въ Барѣ и Ульцинѣ, посѣщая ихъ въ разныя времена года, я также замѣтилъ значительную разницу въ уровнѣ моря, независимо отъ вѣтра. Это особенно было замѣтно для меня въ Ульцинѣ, гдѣ я провелъ двѣ зимы. Осенью и зимой 1880 года вода и въ тихое время доходила до той линіи, до которой въ маѣ мѣсяцѣ доходила только до половины, и то во время сильнаго вѣтра. Въ зиму 1884 года опять вода была невысока. Притомъ я замѣтилъ, что разница эта совпадаетъ съ разницею наводненія отъ рѣкъ, впадающихъ въ Скадарское озеро и потомъ, посредствомъ Бояны, вливающихся въ море. Въ 1880 году наводненіе вездѣ — въ Рѣкѣ-Черноевича, въ Скадрѣ и разливъ по ульцинской низменности были гораздо больше, чѣмъ въ 1884 году.

Дѣйствительно, во время этихъ наводненій, вы можете видѣть, какъ мутная вода Бояны широкою полосой двигается по морю на сѣверъ, въ нѣкоторомъ, впрочемъ, отдаленіи отъ берега, потомъ въ Барѣ заходитъ въ бухту и доходитъ, говорятъ, до Будвы и далѣе. Можно бы это приписать постоянному морскому току, который идетъ отъ Эпира вдоль восточнаго берега и ощущается въ разстояніи отъ него не далѣе 11 кил. Но, по свидѣтельству тамошнихъ моряковъ, на ходъ ихъ судовъ оказываетъ вліяніе именно Бояна, помимо постояннаго тока. Слѣдовательно, если этотъ токъ помогаетъ движенію воды Бояны, то, въ свою очередь, и самъ онъ усиливается ею. Вотъ почему Боянѣ мы приписываемъ возвышеніе моря такъ же, какъ и въ сѣверныхъ частяхъ оно приписывается рѣкамъ По, Эча, Піавэ и Тальяменто. Между прочимъ, бывши на островѣ Млетѣ (Meleda), близъ Дубровника, я нашелъ тамъ выброшенные моремъ рога-

тые орѣхи (чилимъ, trapa natans), которыхъ тамъ нѣтъ нигдѣ, а занесены туда они, конечно, изъ Скадарскаго озера или собственно съ устьевъ Рѣки или изъ Хумскаго-блата.

Заговоривъ о теченіи, мы упомянемъ подъ рядъ и о другихъ видахъ движенія воды, — о волненіи и приливахъ и отливахъ.

б) *Волненіе и вѣтры.* Первое зависитъ, конечно, отъ вѣтровъ. Бора, который такъ ужасенъ въ сѣверныхъ частяхъ моря, особенно въ Кварнерахъ, здѣсь не имѣетъ такой силы; валы его короче, чѣмъ при южномъ вѣтрѣ, наверху они остріе и тоньше и оттого пересѣкаютъ одинъ другого; опасны только его порывы (reffoli), притомъ онъ ощущается со всею силою только на значительномъ отдаленіи отъ берега. Совсѣмъ иное представляетъ южный вѣтеръ или собственно ю.-восточный (siroccо), который продолжается обыкновенно 3 дня, а иногда, рѣдко конечно, и 9 дней, между которыми 3 или 4 дня самаго сильнаго вѣтра. Онъ причисляется къ экваторіальнымъ воздушнымъ теченіямъ. Волны его достигаютъ наибольшихъ размѣровъ: отъ 3 — 4 метровъ высоты, 6 — 9 метр. ширины и до 33 метр. длины; а вида округло-выпуклаго, и бьетъ онъ притомъ прямо на восточные берега, вслѣдствіе чего имъ могутъ итти только самыя большія суда, держась далеко отъ береговъ, въ открытомъ морѣ (maregrosso). Прибой его волнъ такъ силенъ, что брызги ихъ перелетаютъ черезъ стѣны укрѣпленія на мысу Волуйцы.

Сильный вѣтеръ еще западный (ponente); но онъ опасенъ тѣмъ только, что можетъ выбросить судно на берегъ или разбить объ него; волны же его не такъ велики. Остальные вѣтры, если только нѣтъ грозы, которая также имѣетъ вліяніе на поднятіе валовъ, не имѣютъ такой силы и не такъ опасны: наибольшая высота ихъ волнъ отъ 0,75 до 1,75 метр. и искусные моряки пускаются по такому вѣтру въ лодкахъ, называя его только свѣжимъ. Самый пріятный для моряковъ вѣтеръ: для идущихъ съ сѣвера маэстраль (maestro, NW), а для идущихъ съ юга — гарбинъ или лебичъ (lebecchio, SW).

в) *Приливъ и отливъ.* Что касается прилива и отлива, то мы

можемъ опредѣлить ихъ только приблизительно, согласуя съ мѣстностями наиболѣе близкими, для которыхъ имѣются точныя данныя.

На приливъ оказываютъ вліяніе различныя условія: положеніе мѣстности, господствующіе вѣтры и положеніе нашей планеты относительно солнца и луны. При продолжительномъ южномъ вѣтрѣ и особенно при грозѣ, напр. въ лагунахъ Венеціи, приливъ достигаетъ высоты 1,75 до 2 метр., а при сѣверномъ только 0,31 метра. Самые большіе приливы бываютъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а отливы въ мартѣ. Во время новолунія и полнолунія приливы бываютъ больше, чѣмъ при другихъ фазахъ луны. Вообще же въ Адріатическомъ морѣ они много слабѣе, чѣмъ въ открытыхъ моряхъ, но сильнѣе, чѣмъ въ Средиземномъ морѣ, и въ сѣверной части сильнѣе, чѣмъ въ южной. Такъ въ Корфу приливъ едва замѣтенъ, а въ Тріестѣ весьма значителенъ. Весьма мало онъ замѣтенъ и у береговъ черногорскихъ, но все-таки замѣтенъ и бываетъ два раза въ сутки.

Для опредѣленія времени его наступленія мы имѣемъ слѣдующія данныя:

Въ Корфу	въ 4 ч. 10 м.	Часы два раза въ сутки: пополудни и полуночи.
» Хварѣ (Lesina).	» 4 » 33 »	
» Задрѣ.	» 7 » 46 »	
» Рѣкѣ Сеньской (Fiume)	» 8 » 41 »	
» Тріестѣ	» 9 » 29 »	

Соображаясь съ этимъ, для черногорскихъ береговъ приливъ долженъ быть между 4 ч. 10 м. и 4 ч. 33 м. [1]).

г) *Глубина.* Глубины этого моря можно видѣть на австрійской морской картѣ, которой, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ; а мѣстные жители Бара свидѣтельствуютъ о слѣдующихъ глубинахъ, найденныхъ измѣреніями турецкихъ моряковъ: въ Ульци-

[1]) Общія данныя относительно Адріатическаго моря мы беремъ изъ соч. U. Klaića: Prirodni Zemljopis Hrvatske. Zagreb. 1878.

нѣ, противъ мыса Суки — 12 саженъ; въ Барѣ, противъ мыса Волуйцы — 74 саж., а въ Спичѣ — 114 саж. Вообще же глубина по восточному берегу возрастаетъ отъ сѣвера къ югу. Такъ противъ Шибеника (у острововъ Zuri и Pomo) 160 — 190 м., а между Млетомъ и Ластвой (Lagosta) 1,227 метр.; наименьшая глубина между Кварнерскими островами — 38 —76 метр.

д) *Соль.* Въ химическомъ составѣ воды особенное значеніе имѣетъ присутствіе въ ней соли. Для этого мы имѣемъ слѣдующія данныя: въ Рѣцкомъ заливѣ (Fiume) соли содержится 3,76%, въ Хварѣ 3,825%, въ Дубровникѣ 3,778% и въ Новомъ (въ Боккѣ) 3,705%. Въ Барѣ, на южной сторонѣ Волуйцы, гдѣ волны выбрасываются на скалистый берегъ и остаются въ углубленіяхъ, если потомъ пройдутъ дожди и снова наступитъ тихое жаркое время, по испареніи, осаждается значительный слой соли, какъ говорятъ, годный для употребленія въ пищу. Потому можно смѣло рѣшить, что здѣсь былъ бы расчетъ добывать соль изъ моря, для чего имѣется плоская мѣстность и потокъ Желѣзница.

3. ЖИВОТНЫЙ МІРЪ И РЫБОЛОВСТВО.

Море у черногорскихъ береговъ чрезвычайно богато разнаго рода рыбами, раками и моллюсками, служащими на пользу человѣка; но мѣстные жители весьма мало ими пользуются. Въ Барѣ для рыбной ловли пріѣзжаютъ ловцы изъ Будвы, а въ Ульцинѣ, кромѣ незначительнаго лова удочкой, есть ловъ неводомъ исключительно только скакавицы (кефалъ, cipolo), когда она идетъ стаей. Это бываетъ обыкновенно зимой, и если ухватятъ 600 окъ (около 40 пудовъ), ловъ считается необыкновенно хорошимъ (при мнѣ это было 21-го января 1885 г.). Рыбаки изъ Будвы въ Барѣ ловятъ сѣтью, и тоже ловъ бываетъ отъ 300 окъ и, кажется, никогда не бываетъ до 1,000.

Рыба эта, сколько мнѣ привелось видѣть, идетъ всегда съ юга на сѣверъ. Идетъ она громадными стаями далеко отъ берега. Сначала вы видите вдали потемнѣвшую, покрывшуюся

мелкою рябью полосу, и надъ нею черною тучею несущихся баклановъ, а выше ихъ въ одиночку вьются морскіе орлы, то спускаясь съ быстротою на море, то снова взвиваясь кверху; тутъ же шныряютъ и стаи бѣлыхъ чаекъ. Море будто кипитъ, и кипящая полоса эта двигается впередъ и приближается къ берегу, увлекая за собою тучу пернатыхъ ловцовъ. Съ приближеніемъ ея вы ясно различаете, что эта кипящая масса вся состоитъ изъ рыбы: темная, взъерошенная поверхность воды вся блеститъ серебромъ показывающей свои бѣлыя блестящія брюшки рыбы, которая кишитъ и мятется, выскакиваетъ на поверхность воды, кувыркаясь или скользя вдоль ея и маня парящихъ надъ нею хищниковъ, за что и прозвана скакавицей. Цѣлая эта длинная полоса потомъ дѣлится, разбивается на части, и тогда вы видите, какъ идутъ отдѣльныя стаи, также киша и скача, заставляя кипѣть водяную поверхность. Иногда вдругъ кипѣнье прекращается; игривая толпа испугалась чего-то, нырнула въ глубь, и море стало спокойно и гладко, какъ зеркало; а въ другомъ мѣстѣ снова закипѣло. Такимъ образомъ она, то бушуя наверху, то скрываясь въ глубь, приближается къ берегу и входитъ въ заливы, чего только и ждутъ рыболовы, давно слѣдящіе за этою стаей и стоящіе на готовѣ въ лодкахъ съ набраннымъ неводомъ. Ловъ ея мнѣ приводилось не разъ видѣть въ Ульцинѣ. Сторожа обыкновенно наблюдаютъ за ходомъ рыбы съ какой-нибудь высоты и даютъ знать о направленіи его крикомъ и другими знаками, по которымъ и бросаютъ неводъ, быстро гребя, стараясь ее окружить, затѣмъ съ быстротою стараются подвести клячи къ берегу, гдѣ уже ждетъ цѣлая толпа, готовая помогать вытаскивать. Изъ невода рыбу выбрасываютъ въ лодку, а потомъ нагружаютъ ее въ корзины и на ослахъ отвозятъ внутрь города на базаръ, гдѣ и сдаютъ для продажи извѣстнымъ рыбнымъ торговцамъ, условившись въ цѣнѣ, и что̀ получится отъ продажи, дѣлится между пайщиками невода. Всякій, кто помогалъ тащить неводъ, а иные и ничего не дѣлавшіе и только присутствовавшіе тутъ, получаютъ также долю. Не послѣднюю роль тутъ играютъ

дѣти: хватая прямо или получивъ отъ кого-нибудь рыбу, мальчуганъ бѣжитъ, передаетъ ее товарищу или сестренкѣ и снова является за полученіемъ; а иной зарываетъ ее въ песокъ, какъ ворона, и, набравши довольно, скидаетъ штанишки и, завязавши ихъ въ нижнихъ частяхъ, наполняетъ добычей и тащитъ домой. Случается, что одинъ у другого вытащитъ спрятанную въ песокъ рыбу; тогда начинается споръ и драка, оканчивающіеся вмѣшательствомъ взрослыхъ, которые, однако, не карая ни того, ни другого, даютъ каждому свое; а у кого не было или было мало, придадутъ еще. Другой рыбы, кромѣ скакавицы, въ этомъ случаѣ, не попадается. Весь уловъ рыбы расходится на базарѣ, и заготовленія въ прокъ ея нѣтъ, а если и продается соленая и копченая, то привозная. Изъ нея вынимается икра и сушится безъ соли, а только прокоптится; и продается весьма дорого. Икры этой больше всего собирается въ Скадрѣ, и иногда она отвозится въ Тріестъ, гдѣ тоже имѣетъ сбытъ, но не всегда имѣетъ цѣну. О рыбѣ этой говорятъ, что она на лѣто уходитъ въ р. Неретву, гдѣ и держится въ глубокихъ плёсахъ между Мостаромъ и Метковичами. Тамъ ее называютъ *главатица* или *зубатка*. Собственно это родъ крупной сельди и бываетъ вѣсомъ одна рыба до 1 фунта. Ловятся здѣсь бранцины, камбола (по-сербски *полуриба*, по-албански *шойс*), денталь, пешиканъ и др.; также раки разныхъ видовъ, большею частью на удочку или на *парангалъ*, въ родѣ нашей крючной снасти на Волгѣ. Это на длинномъ шнурѣ привязываются короткими бичевками небольшіе крючки до сотни, съ наживой изъ рыбы или какихъ-нибудь моллюсковъ. Часто всю эту наживу съѣдаютъ морскія звѣзды, которыхъ и вытаскиваютъ вмѣсто рыбы; но дѣлать съ ними нечего, и потому ихъ бросаютъ. Острогой бьютъ *сипу* (sepio), которая кроется подъ камнями и, почуявъ приближеніе лодки, пускаетъ изъ себя черную массу, чтобы замутить воду и скрыться такимъ образомъ отъ ловца. Ее считаютъ постною рыбой, которую можно ѣсть и на страстной недѣлѣ; а вынимаемая изъ нея кость, обращенная въ порошокъ, служитъ лекарствомъ для овецъ, при чемъ

порошкомъ этимъ посыпаютъ имъ пищу. Такимъ же способомъ ловятъ *хоботницу*. Это животное съ круглымъ тѣломъ, которое сверху коричневаго цвѣта съ темными пятнами, какъ у лягушки, а внизу бѣлое. Наверху у нея сидятъ два большихъ глаза, а внизу посрединѣ ротъ. Вокругъ этого тѣла 9 плоскихъ отростковъ въ родѣ морской звѣзды, и на всѣхъ отросткахъ, вдоль ихъ, въ два ряда идутъ присоски, которыми она хватаетъ другихъ животныхъ и привлекаетъ ко рту. Сила въ этихъ присоскахъ необыкновенная: давши палецъ уже вынутой изъ воды хоботницѣ, съ трудомъ оторвешь. Хоботница въ 2 — 3 оки, если присосется къ человѣческому тѣлу, не можетъ быть оторвана иначе, какъ отрѣзомъ цѣлаго отростка. Бываетъ же она въ 10 до 12 окъ, и такая, если ухватитъ человѣка въ водѣ за голову, то удушитъ. Ее также ѣдятъ, собственно ноги; и при этомъ требуется особенное искусство приготовленія, потому что онѣ необыкновенно тверды; когда же высушатъ, то это совершенно какъ толстые ремни; тѣмъ не менѣе при особенномъ приготовленіи кушанье изъ нихъ считается лакомствомъ.

Вѣчно колышащееся море часто оживляется, кромѣ того, вереницами дельфиновъ, тоже кувыркающихся, показывая свои бѣлыя, блестящія, какъ серебро, брюшки. Иногда пройдетъ акула, высоко неся длинный черный плавень въ хвостѣ или высовывая свою страшную черную голову. Въ мелкіе заливы она не заходитъ, и потому не опасна для купающихся; но тѣмъ не менѣе появленіе ея производитъ непріятное ощущеніе, потому что молодая можетъ залетѣть по глупости и схватить перваго попавшагося. Въ Дубровникѣ одна выскочила почти на берегъ въ Гружѣ, и тутъ была убита. Особенно много ихъ стало съ прорытіемъ Суэцкаго канала. Мнѣ случалось видѣть прилѣпившуюся къ подводной скалѣ морскую розу, въ видѣ пучка или букета ярко-розоваго цвѣта, на толстомъ, коричневаго цвѣта, стержнѣ. Отдѣленная отъ скалы, она, однако, втягиваетъ свой прелестный цвѣтокъ, и остается только безобразный стержень.

На берегу валяется множество выброшенныхъ моремъ ра-

ковинокъ и улитокъ; но болѣе крупныя большею частью сломленныя толченіемъ объ камни. И это бываетъ годами. Бывши въ Ульцинѣ въ 1880 году, я нашелъ ихъ массу на песчаномъ плоскомъ берегу; но послѣ уже никогда не было ихъ такъ много.

Приноситъ откуда-то и куски грецкой губки. Много выбрасываетъ морской травы, которая образуетъ мѣстами на берегу цѣлую толстую постель; но той травы, изъ которой обыкновенно дѣлаютъ матрацы, — нѣтъ.

Намъ остается сказать еще о судоходствѣ и объ управленіи морскими пристанями.

4. СУДОХОДСТВО.

Съ пріобрѣтеніемъ Ульцина Черногорія пріобрѣла и маленькую торговую флотилію изъ барокъ, поднимающихъ 6 тоннъ, и до большихъ трабакулъ въ 60 и до 100 тоннъ числомъ до 140. Мелкія суда, конечно, служатъ для каботажа между албанскимъ портомъ San-Giovano-di-Medua и Ульциномъ или между Ульциномъ, Баромъ и Будвой; а большія плаваютъ не только по Адріатическому морю, но также по Средиземному и Архипелагу. Плаваютъ они подъ особымъ черногорскимъ флагомъ.

Капитаны и всѣ служащіе на судахъ ульциняне — магометане, и только одно судно принадлежало католику. Въ Ульцинѣ же прежде они и строились; строятся и теперь, но мало, вслѣдствіе недостатка лѣсу. Большія суда большею частью строятся и работаютъ малыми компаніями отъ 3-хъ, 4-хъ и до 10 хозяевъ, на правахъ пайщиковъ. Дѣлается это въ тѣхъ видахъ, что въ случаѣ какого-либо несчастія съ судномъ или неудачной торговли, нѣсколькимъ хозяевамъ легче вынести потерю или убытокъ, и, имѣя паи въ разныхъ судахъ, хозяинъ, потерявши на одномъ, можетъ выиграть на другомъ. Кромѣ того, есть тутъ вѣрованіе и въ личное счастье: между нѣсколькими все же найдется кто-нибудь и счастливый. Былъ въ Ульцинѣ весьма богатый человѣкъ Бедюли, составившій себѣ большое состояніе именно мореплаваніемъ и соединенною съ нимъ торговлей; поэтому его ста-

рались вовлечь въ каждое судно, и онъ дѣйствительно принималъ участіе чуть ли не во всѣхъ большихъ судахъ. Недавно онъ переселился въ Скадаръ.

Плата матросамъ и всѣмъ служащимъ идетъ отъ прибылей; поэтому у нихъ не только капитанъ, но и послѣдній слуга заинтересованъ въ успѣхѣ дѣла. Предпринимая что-либо особенное, новое или рискованное, капитанъ совѣтуется съ цѣлымъ экипажемъ; поэтому у нихъ невозможно, чтобы, въ случаѣ какого-нибудь тяжелаго положенія, команда не работала изо всѣхъ силъ.

Ульциняне очень хорошіе моряки, т. е. умѣютъ управлять судномъ и вести его при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ; они имѣютъ компасъ и карту, но больше дѣйствуютъ на глазъ, и потому въ открытомъ морѣ при неблагопріятной погодѣ иногда не попадаютъ туда, куда слѣдуетъ, отчего и случаются несчастія. А между тѣмъ они чрезвычайно отважны, и потому со стороны иностранцевъ къ нимъ нѣтъ полнаго довѣрія, и ихъ суда неохотно принимаютъ подъ застраховку. Упомянутый выше капитанъ-католикъ, вслѣдствіе своей безшабашной отваги, утопилъ нѣсколько судовъ, и потомъ поневолѣ остался на сушѣ и сидитъ теперь въ своей лавкѣ.

Къ зимѣ они большею частью оканчиваютъ плаваніе и стоятъ въ какомъ-нибудь портѣ иностранномъ или дома. Въ черногорскихъ бухтахъ имъ нѣтъ удобной стоянки, поэтому всѣ они для того входятъ въ Бояну: часть стоитъ у св. Николая у черногорскаго берега, а большая часть выше по Боянѣ, недалеко отъ Скадра, на пристани Оботы. Это крайній пунктъ, куда доходятъ суда съ товаромъ, который отсюда въ Скадаръ перевозится въ большихъ лодкахъ-лондрахъ. Весьма умѣренные въ жизни и не платящіе никакихъ пошлинъ своему государству — Черногоріи, ульцинскіе капитаны довольствуются весьма низкимъ фрахтомъ, и потому конкурируютъ съ пароходами Австрійскаго-Ллойда, который успѣлъ убить торговый флотъ всей Далмаціи и Бокки, обремененный непомѣрными пошлинами своему австрійскому правительству. Благодаря имъ, въ Ульцинѣ и Скадрѣ можно найти

товары италіанскіе, англійскіе (изъ Мальты), константинопольскіе и даже изъ Египта, которые несравненно лучше австрійскихъ и въ то же время дешевле, благодаря болѣе дешевому провозу. Будь у Черногоріи устроенъ хоть одинъ морской портъ, этотъ маленькій торговый флотъ могъ-бы разростись и развить свою дѣятельность шире.

5. МОРСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Морское управленіе въ Черногоріи состоитъ изъ одного главнаго портоваго капитана въ Барѣ съ помощникомъ, изъ капитановъ же въ Ульцинѣ и еще одного на Боянѣ у св. Николая. Въ Барѣ на обязанности капитана лежитъ наблюденіе за приходомъ и отходомъ иностранныхъ пароходовъ и различныхъ судовъ, при чемъ съ иностранныхъ взимаются принятыя въ адріатическихъ водахъ пошлины; онъ же наблюдаетъ и за санитарнымъ состояніемъ, и въ случаѣ появленія гдѣ-либо эпидеміи, учреждается карантинъ подъ наблюденіемъ особо прикомандированнаго врача. Въ Ульцинѣ и на Боянѣ большею частью приходится имѣть дѣло только со своими судами, выдавать имъ паспорты и, такъ называемыя, *практики*, а также наблюдать за санитарною частью. На всѣхъ трехъ станціяхъ ведется запись метеорологическихъ наблюденій.

Наблюденіе за черногорскими морскими водами въ политическомъ отношеніи предоставлено берлинскимъ трактатомъ Австріи, которая и держитъ для того военную шкуну, постоянно крейсирующую въ тѣхъ водахъ.

6. КУПАНЬЕ.

Кромѣ всего уже сказаннаго о морѣ, нужно еще добавить о купаньяхъ. Въ Ульцинъ и въ прежнее время пріѣзжали для купанья скадарскіе торговцы; теперь же это дѣло развивается съ каждымъ годомъ и для того дѣлается все возможное со стороны мѣстнаго управленія и жителей: устроенъ особенный бассейнъ, ставятся будочки для раздѣванья, выстроилось уже нѣсколько

кофеень, есть одна гостиница съ номерами, хотя, конечно, весьма маленькая и, кромѣ того, постоянно выстраиваются дома на набережной, которая отлично выровнена утрамбована, и обсажена деревьями; для лодокъ и небольшихъ судовъ также устроена пристань. Однимъ словомъ, это теперь совершенно европейское мѣстечко. А купанье здѣшнее еще тѣмъ особенно хорошо, что далеко идетъ песчаная отмель, на которой вѣчное волненіе, столь важное въ морскихъ купаньяхъ. При этомъ прекрасное мѣстоположеніе и здоровый климатъ. Однимъ словомъ, природа дала все, чтобы Ульцинъ на всей Адріатикѣ могъ сдѣлаться лучшимъ мѣстомъ для купаній; а сообразно со средствами, Черногорія дѣлаетъ все, чтобы помочь природѣ.

МАТЕРИКОВЫЯ ВОДЫ.

А. ОЗЕРА.

Между материковыми водами мы должны будемъ по отдѣльности разсмотрѣть: озера, рѣки и меньшіе естественные источники воды, а въ заключеніе и искусственныя ея скопленія.

1. РАЗДѢЛЕНІЕ ИХЪ ПО ТИПАМЪ.

Озера Черногоріи принадлежатъ къ двумъ типамъ: горныя озера и низменныя.

Первыя изъ нихъ находятся на болѣе или менѣе значительныхъ высотахъ и составляютъ замкнутыя скопленія воды, частью стекающей сверху изъ окрестностей, а частью, и почти непремѣнно, притекающей внутренними жилами, въ видѣ ключей, постоянно бьющихъ, съ боковъ и на глубинѣ дна. Изъ нихъ вода также стекаетъ или каналами, видимыми снаружи, или находящимися на глубинѣ; но всѣ они имѣютъ непремѣнно какой-нибудь стокъ, всегда внутрь поверхности; въ противномъ случаѣ

они переполнялись бы и переливались черезъ края, чего въ настоящее время не бываетъ; но нельзя сказать, чтобы не бывало прежде.

Начнемъ съ горныхъ озеръ.

2. ГОРНЫЯ ОЗЕРА.

а) *Ловченское.* Въ Катунской нахіи существуетъ одно только озеро подъ Ловченомъ, о положеніи котораго мы уже говорили въ отдѣлѣ орографіи. Это воронкообразное углубленіе, лежащее какъ разъ подъ одною изъ вершинъ Ловчена, получившей отъ этого озерца и свое названіе Езерскаго-верха. Надъ нимъ отвѣсно стоятъ стѣны этого верха высотою до 100 метровъ. Изъ щелей этой стѣны повременамъ бьютъ водопады и наполняютъ это углубленіе, почти круглое и имѣющее 20 — 25 метр. въ діаметрѣ, съ краями отъ 20 — 30 метр. въ вышину. Кромѣ того, въ немъ есть постоянно бьющіе ключи на самомъ днѣ, никогда не изсякающіе, и среди жаркаго лѣта служащіе для водопоя отдыхающимъ здѣсь стадамъ. Но источники этихъ ключей, видимо, находятся не на такой высотѣ, чтобы могли подняться и покрыть все дно этой котловины, а потому держатся постоянно на одномъ уровнѣ въ небольшихъ ямкахъ, и тогда дно озера представляетъ зеленую лужайку, немного болотистаго характера. Озеро здѣсь собирается только осенью или отъ вешнихъ водъ. Поэтому, смотря сверху отъ часовенки, вы видите подъ собою то озерцо, то зеленую лужайку.

Вода изъ него уходитъ подземными путями, которыхъ, конечно, нельзя прослѣдить; но не въ дальнемъ разстояніи отъ него есть терраса съ углубленіемъ въ родѣ лощины Трешня съ нѣсколькими домами изъ Нѣгушей, гдѣ постоянно бьютъ ключи въ нѣсколькихъ мѣстахъ, иногда собирающіеся въ потокъ и образующіе въ расширеніяхъ временныя скопленія воды въ родѣ прудовъ.

б) *Подъ Дурмиторомъ.* Отсюда перебросимся на совершенно противоположный и самый удаленный край Черногоріи, на сѣ-

веро-восточные склоны Дурмитора, на извѣстную уже намъ высокую равнину Езеръ.

Надобно замѣтить, что тутъ отъ Дурмитора отдѣляется невысокій кряжъ, пересѣкающій всю равнину и раздѣляющій находящіяся на ней озера на два бассейна: одни, лежащія къ сѣверу, имѣютъ стокъ вмѣстѣ съ Чернымъ озеромъ, о которомъ мы уже говорили, и сюда относятся также небольшія озера: Барное, Валовитое и еще нѣкоторыя, а по другую сторону: Сврабле, Вражье, Рыбье и Зміиное, которыя черезъ лощину Суводо и Рамово-Ждрело сливаются сначала во Врела, а потомъ въ общее русло Между-жвалье. Изъ этихъ озеръ только въ Рыбьемъ водится рыба, видъ форели съ выдавшеюся нижнею челюстью; въ Зміиномъ ловятъ піявокъ; Сврабле же, небольшое, но довольно глубокое, лежащее подъ Сѣдломъ-Ранисавой, отличается особенно холодною водою, которая въ видѣ купанья служитъ средствомъ противъ болѣзни *сврабъ* (чесотка) на людяхъ и на скотѣ. Больше всего въ немъ купаютъ козъ, которыя здѣсь постоянно подвергаются этой болѣзни, *губаю-се*, какъ говорятъ здѣсь (паршивѣютъ).

На верху горы Савина-кука находится также небольшое озерцо, созданіе котораго приписываютъ св. Саввѣ. Когда онъ путешествовалъ — говоритъ легенда — въ этихъ мѣстахъ съ сопровождавшими его учениками (дьяци), то эти, почувствовавъ сильную жажду и голодъ, обратились съ жалобой къ своему учителю. Тогда Савва ударилъ посохомъ, и открылся ключъ, изъ котораго собралась вода въ озерцо; а затѣмъ онъ посѣялъ сѣмя, изъ котораго и выросъ тутъ же лукъ, называемый и теперь савинымъ лукомъ.

На южной сторонѣ Дурмитора также есть озерца. Мы упоминали уже о двухъ, находящихся въ Шкркѣ; а есть еще Подранское и Зеленое. Самому мнѣ не привелось ихъ видѣть; а первое упоминаетъ г. Бауманъ, опредѣляющій и высоту его въ 1749,5 м.; но, разспрашивая мѣстныхъ жителей, я не могъ узнать объ немъ ничего; Зеленое же извѣстно всѣмъ. Оно, по словамъ

мѣстныхъ жителей, небольшое и цвѣтомъ *«као сурутка»* (какъ сыворотка), слѣдовательно, бѣловато или синевато-сѣраго цвѣта, откуда и произошло его названіе, такъ какъ въ Черногоріи сѣрый цвѣтъ называютъ зеленымъ (зеленый, какъ зеленые глаза у человѣка, собственно сѣрые или голубые) [1]).

Ниже, спускаясь къ Пивѣ, есть Николь-до и въ немъ также озерцо.

Поштьенское озерцо близъ Шавника, о которомъ мы уже говорили. Отъ него идутъ два стока: одинъ идетъ къ Шавнику между Туріей и Заврго̀мъ и образуетъ передъ рѣшительнымъ склономъ мочажинку, которая, когда обсохнетъ, косится, а другой къ Комарницѣ, и на немъ стоитъ мельница, которая однако въ послѣднее время оставлена, потому что за недостаткомъ воды бо̀льшую часть года ей приводится стоять, а неподалеку въ Шавникахъ нѣсколько мельницъ, не перестающихъ работать никогда.

Есть озерца подъ Магличемъ и на Ровномъ въ Пивской-жупѣ.

в) *На Бѣластицѣ.* На Бѣластицѣ также есть нѣсколько озеръ. Одно изъ нихъ Шишко-озеро лежитъ на границѣ между Черногоріей и Турціей, и по одну сторону его вытекаетъ р. Быстрица, а по другую потокъ, идущій къ Тарѣ до Мойковца, составляющій границу. Другое — Біоградское находится уже внутри черногорской территоріи, именно на юго-западномъ склонѣ Бѣластицы. Оно лежитъ въ углубленіи: съ одной стороны надъ нимъ поднимаются Ярчевы-страны, съ другой Мелая и Голешъ; съ третьей отъ Кривого-дола и Еловицы возвышается Вранякъ. По направленію къ р. Тарѣ оно открыто и съ него идетъ спускъ на поле Подбиштье. Оно имѣетъ около 3 кил. въ поперечникѣ и состоитъ изъ двухъ, соединяющихся между собою, бассейновъ. Въ него стремится множество потоковъ, между которыми глав-

---

[1]) Не знаю, какъ согласить съ этимъ отзывы объ немъ Братинича, который говоритъ, что онъ видѣлъ его самъ и что вода его «найлѣпше зелено бое, коя се да замислити» (стр. 241); Бауманъ также называетъ его «изумрудно-зеленымъ.

ный — Біоградска-рѣка, берущая начало изъ-подъ Враняка, изъ мѣстности, называемой Яганчаръ, а изъ него вытекаетъ р. Езерштица, идущая въ Тару.

Озеро это лежитъ среди сплошного лѣса, называемаго Біоградска-гора, состоящаго преимущественно изъ ели, сосны и бука; но тутъ же есть яворъ, магрива, орѣшникъ и др. Лѣсъ этотъ полонъ дикаго звѣря: сернъ, козъ, медвѣдей. Въ водѣ его ловится самая лучшая форель, которая и продается дороже всякой другой, ловящейся здѣсь и въ другихъ мѣстахъ въ изобиліи.

Вся мѣстность чрезвычайно живописная, но дикая и глухая.

Отъ Колашина путь къ этому озеру идетъ вверхъ р. Свинячи и имѣетъ разстояніе до 10 кил.; а до Тары съ него приблизительно 1 ч. или 5 кил.

г) *На Центральномъ плато.* На Центральномъ плато Лукавицѣ собирается временное озеро Бойовича-бары; а къ ю.-востоку отъ Лукавицы находится Капетаново-озеро, изъ котораго вытекаетъ р. Мертвица. Но объ нихъ мы уже говорили.

д) *Въ области Жійовой.* Есть, наконецъ, рядъ озеръ въ области Жійовой въ Кучахъ.

Именно въ долинѣ между хребтами съ одной стороны Дьебезой, Торчемъ и Широкаромъ, а съ другой Загономъ, Штитанемъ и Вилой находятся сначала Бокумирское озеро, и потомъ еще два безымянныхъ, а еще дальше, въ глубокой котловинѣ подъ Широкаромъ Рикавацъ.

Къ Бокумирскому озеру можно выйти изъ с. Брзкута за 2 ч. Оно лежитъ въ широкой котловинѣ съ плоскими берегами подъ небольшимъ холмомъ, у подошвы котораго валяются нѣсколько оторвавшихся отъ него скалъ, и вообще видно разрушеніе, показывающее, что когда-то здѣсь шла вода во всю ширь долины. Нѣкоторыя скалы, свалившіяся сверху, лежатъ на днѣ озера.

Самое озеро представляетъ неправильно-круглую фигуру и имѣетъ въ поперечникѣ до 300 или болѣе метровъ. Сначала отъ края идетъ пологое дно, а затѣмъ обрывъ отвѣсный и глубина

такая, по народному сказанію, что и дна нѣтъ. Вода въ немъ чистая, прозрачная, отъ берега зеленоватая, а далѣе темная и почти черная. Озеро это не имѣетъ ни видимаго притока, ни истока; но у одного берега есть постоянные мелкіе ключи, а въ противоположной сторонѣ вы увидите, что вода имѣетъ теченіе къ берегу и тутъ же уходитъ въ землю. Во время дождей или таянія снѣговъ, оно поднимается отъ усиленія внутреннихъ притоковъ и переливается въ рядомъ находящуюся плоскую котловинку, образуя съ нею одно цѣлое; а въ сухое время изъ этой послѣдней вода возвращается въ свой прежній резервуаръ.

Изъ животнаго міра здѣсь есть только лягушки, которыя при моемъ посѣщеніи (въ половинѣ мая) были еще въ видѣ головастиковъ (калудьерице); изъ растеній начиналъ цвѣсти желтый кувшинчикъ (nymphaea lutea) и бѣлая звѣздочатка; по отмели у берега растетъ мелкая окужка. Еще въ водѣ находилась какая-то плавучая трава, называемая *вельа-трава*, которая ядовита для скота; а когда бываетъ моръ, то ее сушатъ, толкутъ и подмѣшиваютъ въ кормъ, и скотъ отъ того выздоравливаетъ.

Озеро находится на высотѣ (по Каульбарсу) 4,500 фут.

Названіе озера напоминаетъ *бокумировъ*, народъ, по преданію, населявшій когда-то эти мѣста, о которомъ вмѣстѣ съ этимъ озеромъ существуетъ нѣсколько разсказовъ; но имъ мѣсто въ другомъ отдѣлѣ.

Въ той же долинѣ находятся еще два озерца, небольшія и неглубокія, въ родѣ простыхъ натековъ съ береговъ.

Озеро Рикавацъ мы уже отчасти знаемъ. Оно тоже почти круглое и имѣетъ въ поперечникѣ около 1 кил. и также посрединѣ чрезвычайно глубоко, отчего и вода его почти черная. На днѣ его, говорятъ, бьютъ сильные ключи, а съ берега также есть постоянные ключики. Въ ю.-восточномъ концѣ его, въ боку, есть узкій каналъ болѣе метра въ ширину и менѣе 10 метр. въ длину, посредствомъ котораго вода изъ озера стекаетъ въ какое-то бездонное углубленіе при днѣ горы и, по народному пред-

положенію, проходя внутрь горы Вилы, вливается въ текущую по другую ея сторону р. Цѣвну.

При постоянномъ притокѣ и оттокѣ воды, поверхность этого озера находится постоянно на одномъ уровнѣ; но по временамъ сюда устремляется громадная масса воды съ Широкара, что́ можно видѣть по прорытому ею оврагу; при чемъ несетъ множество крупнаго и мелкаго камня, изъ отложеній котораго и состоитъ все дно этой глубокой котловины, съ каждымъ годомъ наростающее и отнимающее пространство у воды.

Предположеніе, что вода изъ Рикавца идетъ въ Цѣвну подземными ходами, имѣетъ много вѣроятія; хотя она можетъ итти также и въ Скроботушу, которая течетъ тутъ же, сейчасъ подъ этимъ озеромъ, переваливъ черезъ незначительную гряду. Во всякомъ случаѣ здѣсь такъ близко подходятъ обѣ рѣки, что склонъ одинаково возможенъ въ ту или другую. И, можетъ быть, здѣсь подъ Вилою находится водораздѣлъ внутреннихъ бассейновъ, дающихъ начало на одну сторону Цѣвнѣ, текущей въ Адріатическое море, на другую — Скроботушѣ, черезъ посредство Лима, посылающей свои воды Черному морю.

е) *Никшицкія.* На Никшицкой равнинѣ есть постоянное озеро Крупацъ, тоже чрезвычайно глубокое, окруженное болотистою мѣстностью, собирающееся изъ подземныхъ ключей, идущихъ отъ окружающихъ горъ, и отдающее свою воду подземными путями; а иногда изъ него идетъ цѣлая рѣка Моштаница, черезъ которую и существуетъ высокій каменный мостъ. Окружающее его болото отнимаетъ у людей значительное пространство; но осушкѣ его мѣшаетъ то, что оно лежитъ въ такой ложбинѣ, что стока вонъ почти не имѣется. Подобное же озеро представляетъ Слано и временно собирается большое озеро въ Сливлѣ.

Временно собирающихся озеръ и потомъ исчезающихъ множество по всей Черногоріи.

3. НИЗМЕННЫЯ ОЗЕРА.

Перейдемъ теперь къ низменнымъ озерамъ.

Такое въ Черногоріи — Скадарское, называемое туземцами Блатомъ.

а) *Скадарское озеро.* аа) *Размѣры его.* Въ древности оно называлось lacus Labeatis и было весьма не велико, представляя собою расширеніе соединеннаго теченія всѣхъ рѣкъ нынѣшней Черногоріи; но впослѣдствіи оно расширилось, затопивъ часть своихъ береговъ, такъ что у горнаго берега его отдѣльные холмы обратились въ окруженные водою островки, называемые тамъ *горицы*: Морачникъ, Старчево (Plak), Бешка или Бесъ (иначе Брезавица), Топалъ или Топхане и множество другихъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ существуютъ развалины древнихъ построекъ.

Такое же превращеніе холмовъ въ острова совершилось и въ устьяхъ Рѣки-Черноевича и Морачи.

Плоскій же с.-восточный берегъ затопленъ сплошь; это-то и дало поводъ народу назвать его не озеромъ, а *блатомъ*, какъ въ Венгріи Балатонъ (въ древности тоже Блато) представляетъ собою не что иное, какъ скопленіе воды отъ стоковъ съ окружающей эту впадину болѣе высокой мѣстности.

Въ настоящее время оно имѣетъ въ длину отъ острова Вранины до Скадра 40 кил., а съ лиманомъ Рѣки-Черноевича до 50 кил.; въ большую же воду и до 56. Наибольшая ширина его противъ острова Морачника до 14 кил.

бб) *Глубина.* Глубины его около гористаго берега подъ Краинскими горами точно не измѣрены, но извѣстно, что весьма значительны и спускаются ниже уровня моря, вслѣдствіе чего и было здѣсь постоянное озеро, еще въ древнія времена; а посрединѣ и ближе къ восточному берегу отъ 6—4 метр. Поэтому оно всегда совершенно свободно для судовъ средней руки и для небольшихъ пароходовъ. По старому же коренному руслу вплоть до лимана Рѣки-Черноевича могутъ проходить и глубоко сидящія

суда. А лодки, поднимающія на себѣ до 400 пудовъ, и небольшіе пассажирскіе пароходики могутъ достигать до самаго городка Рѣки, и по р. Вирштицѣ до Вирбазара.

Подобное Рѣкѣ-Черноевича представляетъ и Хумское-Блато, составляющее узкій заливъ, имѣющій въ длину до 12 кил., а въ ширину отъ 1 до 2 кил., который раздѣляется на двѣ части, называемыя по сидящимъ по краю ихъ албанскимъ племенамъ: Кастратскій заливъ (Licheni Kastrati) и Хотскій (L. Hoti). По этому заливу не особенно маленькій турецкій пароходъ поднимается до самой его вершины подъ такъ-называемую Холмскую-кулу (Kuli-Helmit), т. е. турецкія укрѣпленія на высотѣ Хумъ или Холмъ.

вв) *Наводненіе: причины его и средства къ устраненію.* Говоря о низменности, въ которой лежитъ Скадарское озеро, мы уже упомянули и о потопленіяхъ, производимыхъ имъ. Здѣсь намъ остается только дополнить это и указать на причины вообще поднятія уровня этого озера.

Нѣтъ сомнѣнія, что засореніе Бояны, составляющей единственный его истокъ, началось еще въ древнія времена. Между Враниной и Цермницей иногда подъ водой можно видѣть мостъ черезъ глубокое русло шедшей тутъ Рѣки; но когда это было, не знаетъ того и народное преданіе. Вранина сдѣлалась островомъ еще въ первой половинѣ XIII вѣка, что можно видѣть изъ грамоты, данной монастырю св. Николая на Враниѣ архіепископомъ сербскимъ Саввою II (1233 г.).

Поднятіе озера и затопленіе окружающей мѣстности сначала шло постепенно въ продолженіе столѣтій, и потому не составляло рѣзкаго, выходящаго изъ ряда вонъ явленія, которое бы запечатлѣлось въ народномъ преданіи и отразилось бы рѣзко на жизни народа.

Но ростъ его съ недавняго времени сдѣлался на столько быстръ и великъ, что громадную разницу замѣчаютъ люди въ продолженіе своего короткаго вѣка. Это началось менѣе сорока только лѣтъ назадъ. Именно въ 1840 году между Жаблякомъ и

Враниной было еще село Салковина, а теперь отъ него остались только развалины и вся мѣстность бо́льшую часть года находится подъ водою. Такъ же недавно существовало и село Плавница, о которомъ мы уже говорили.

Это произошло съ того времени, когда Дринъ, текшій всегда прямо въ море черезъ городъ Лѣшъ, однажды прорвался въ низменную равнину, окружающую Скадаръ, и прорылъ себѣ новое русло въ Бояну, при самомъ почти истокѣ ея изъ озера. Вода его бываетъ иногда такъ сильна, что Бояна, выше его впаденія, возвращается назадъ въ озеро, что̀ и производитъ его возвышеніе и расширеніе на всѣ стороны. Русло Бояны, поэтому, съ каждымъ годомъ стало засоряться и мѣшать стоку воды изъ озера, и теперь это засореніе продолжается каждый годъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ продолжается возвышеніе озера, угрожающее современемъ потопить и самый Скадаръ; а базаръ его и теперь уже каждый годъ страдаетъ отъ наводненія.

Отчасти способствуютъ засоренію истока Бояны и рыболовныя снасти, устроенныя въ немъ скадранами въ видѣ разнаго рода загородокъ и запрудъ.

Слѣдовательно, возвратить озеро въ то положеніе, въ которомъ оно находилось 40 лѣтъ назадъ, можетъ, во-1-хъ, обращеніе Дрина въ его прежнее русло; во-2-хъ, снятіе рыболовныхъ снастей въ истокѣ его и, въ-3-хъ, расчистка самаго русла, по крайней мѣрѣ, при истокѣ.

Къ сожалѣнію, все это находится во владѣніи Турціи, которая оказывается неспособною сдѣлать что-либо на пользу народа. На уклоненіи Дрина въ его прежнее русло работали уже три компаніи; но ни одна не довела дѣла до конца и не работала, какъ слѣдуетъ, потому что изъ собранной на это дѣло суммы половину брали себѣ скадарскіе правители, а изъ остальной половины предприниматели откладывали часть въ свои карманы, и на работу обыкновенно недоставало денегъ. Снасти въ истокѣ рѣки также были однажды сняты, а потомъ правительство опять

разрѣшило за извѣстную плату, частью въ пользу города, а частью въ свою собственную.

Обращеніе Дрина къ Скадру объясняется слѣдующимъ образомъ:

Вырываясь со страшною стремительностью изъ горъ, онъ вступаетъ сразу на низкую равнину, на которой, замедляя токъ, сталъ дѣлать отложенія, образовавшія посрединѣ его въ нижнемъ теченіи цѣлый островъ или валъ, который задерживаетъ и подпираетъ его теченіе, заставляя выливаться черезъ края вверху, гдѣ стелется равнина со склономъ къ Скадру, куда онъ и устремился и сдѣлалъ это новое русло главнымъ; тогда какъ къ Лѣшу идетъ только незначительный рукавъ, который переходятъ въ бродъ.

Въ мѣстѣ прорыва сдѣлана была каменная стѣна; но такъ какъ находящійся внизу валъ не былъ прорытъ, то рѣка поднялась на такую высоту, что перешла черезъ стѣну и разрушила ее. Поэтому прежде всего требуется расчистка его русла внизу, послѣ чего, можетъ быть, и не потребуется боковой плотины или, если потребуется, то не столь высокая, какъ прежде, хотя посолиднѣе, конечно. Ами-Буэ первый прорывъ Дрина въ Бояну относитъ къ 1852 году, и замѣчаетъ при этомъ, что Дринъ, въ этомъ случаѣ, нашелъ свое старое русло. Противъ того, что здѣсь было старое русло Дрина, ясно свидѣтельствуетъ фактъ существованія озера въ древнія времена, при весьма маломъ объемѣ; мы не говоримъ, однако, чтобы этого не могло быть когда-либо въ до-историческую эпоху. А относительно времени новѣйшаго прорыва болѣе точны данныя Гаана, бывшаго австрійскимъ консуломъ въ Албаніи, который съ точностью указываетъ, что это случилось въ зиму съ 1858 на 1859 годъ.

Это былъ самый сильный прорывъ; по разсказамъ же мѣстныхъ жителей, Дринъ переливался сюда еще раньше, только не съ такою силой, какъ послѣ.

Обратимся теперь къ дальнѣйшему разсмотрѣнію самаго озера.

гг) *Свойства воды.* Вода его, можно сказать, совершенно безцвѣтная съ легкимъ зеленоватымъ оттѣнкомъ, и въ тихое время чистая и прозрачная, а во время сильнаго волненія на мелкихъ мѣстахъ дѣлается желто-мутною.

Лѣтомъ вода въ немъ значительно нагрѣвается, и потому ее рѣдко пьютъ, а берутъ съ собою въ кувшинахъ воду изъ ключей. Между островами и Цермницей, какъ мы уже говорили, зимой часть его покрывается льдомъ, но весьма тонкимъ, конечно, и держится только до перваго вѣтра съ юга.

дд) *Вѣтры.* Подобно морю, оно имѣетъ свои особенные вѣтры. Постоянно дующіе вѣтры — днемъ *даникъ* или *источнякъ*, дующій днемъ съ востока, легкій и самый благопріятный для лодокъ, отправляющихся изъ Скадра; и *ночникъ*, такой же легкій вѣтеръ, дующій ночью съ сѣвера или с.-запада, съ которымъ лодки отправляются съ рѣки. Сильный сѣверный вѣтеръ или буря тоже благопріятствуетъ путешествію съ Рѣки, но онъ мѣшаетъ выходу изъ лимана, потому что тутъ является встрѣчнымъ. Шилокъ обыкновенно неблагопріятный вѣтеръ, потому что всегда производитъ очень крупныя волны, съ которыми не могутъ справляться плоскодонныя здѣшнія лодки. Съ востока, именно отъ села Враки, изъ албанскихъ горъ дуетъ сильный вѣтеръ *мурланъ*, при которомъ никакъ нельзя подойти къ Скадру, но отъ Скадра можно отлично итти на парусахъ. Есть вѣтеръ *ораховина*, дующій отъ Вира изъ Цермницы — это долженъ быть западный (ponente), который, устремляясь черезъ горы, является чрезвычайно порывистымъ и потому опаснымъ для лодокъ, притомъ для плывущихъ вдоль озера всегда боковой.

Самый опасный вѣтеръ *упоръ* или *смута*, налетающій изъподъ тучи, особенно при грозѣ, и съ вихрями; а иногда онъ бываетъ при ясной погодѣ и при другомъ постоянномъ вѣтрѣ. Онъто скорѣе всякаго другого переворачиваетъ лодку. Впрочемъ, такіе случаи весьма рѣдки, и всѣ несчастія случаются большею частью отъ неосторожности.

Есть еще вѣтеръ *сіявица* или *препоръ*, какъ будто сѣверо-

западный (maestral) съ дождемъ, бьющимъ сбоку, или съ мятелью.

ее) *Флора и фауна.* Скадарское озеро имѣетъ свою флору и фауну.

Въ лиманѣ Рѣки-Черноевича и въ другихъ заливахъ, кромѣ чрезвычайно толстаго, достигающаго трехъ сажень въ высоту тростника, окуги, чакана и другихъ крупныхъ травъ, обрамляющихъ плоскіе берега, на болѣе глубокихъ мѣстахъ растутъ желтый кувшинчикъ (nymphaea lutea), покрывая своими большими, круглыми, глянцевитыми листьями всю водяную поверхность, и родъ бѣлой лиліи, впрочемъ, тоже кувшинчикъ (nymph. alba). Въ устьѣ Вирштицы есть растеніе, подобное желтому кувшинчику, только у него мельче листъ и цвѣтокъ; и, кромѣ того, бѣлая звѣздчатка и еще какой-то цвѣтокъ мелкій розово-бѣлый. Въ рѣцкомъ же лиманѣ множество чилима или рогатаго орѣха (trapa natans), который собираютъ для корма свиньямъ, хотя и люди ѣдятъ ихъ, поджаривая съ оливковымъ масломъ и съ чеснокомъ. Замѣчательно, что это растеніе, хотя и растетъ въ водѣ, но, если не бываетъ дождя, — не бываетъ на немъ и плода, т. е. орѣховъ.

Изъ міра животнаго мы различимъ птицъ и рыбъ. Круглый годъ вы здѣсь встрѣтите утокъ разныхъ видовъ, лысуху или водяную курочку (балешка) и поганку (ушатка), похожую на нее, тоже съ куринымъ носомъ и съ ногами совсѣмъ при задѣ; цаплю сѣрую и бѣлую, аистовъ чернаго и бѣлаго, чаекъ и куликовъ. Во время хода рыбы налетаютъ стаи баклановъ и бабы-птицы или пеликанъ. Во время перелета птицъ являются стаи гусей и лебеди. Кромѣ того, здѣсь постоянно находятся водяной дроздъ, который сидитъ на какомъ-нибудь деревѣ и оттуда кидается въ воду, ныряетъ и ловитъ мелкую рыбу; какая-то мелкая птичка съ блестяще-зелеными перьями сверху, а снизу съ красноватыми съ золотомъ и рядомъ черными, съ необыкновенно твердымъ клювомъ: она тоже сидитъ на вѣткѣ надъ водой, откуда быстро падаетъ внизъ, схватываетъ рыбку и опять усаживается спокойно на свою вѣтку (alcedo-ipsida?)

Изъ рыбъ здѣсь замѣчательны лаксфорели или лососи (salmo trutta), достигающіе 15, 20 и болѣе окъ; также чрезвычайно большіе угри (егуля), сазаны или карпы, скобаль (?); главную же доходную статью составляетъ уклева (scoranza), которая, сушеная на дыму, вывозится за границу въ Италію и въ Сербію.

Есть также кефалъ и изрѣдка попадается камбала, а еще рѣже осетръ, называемый турками домузъ-балыкъ (свинья-рыба), а арнаутами — блинъ. Икру изъ него за ея черный цвѣтъ прежде выбрасывали, и только недавно стали вынимать и приготовлять. Черногорецъ, впрочемъ, и теперь не всякій станетъ ѣсть эту рыбу. Осетры попадаются больше въ Боянѣ и въ Дринѣ близь Лѣша, гдѣ бываютъ вѣсомъ 12 и до 24 окъ.

Главная ловля рыбы производится въ заливахъ и устьяхъ рѣкъ. Ловится она различными способами: сѣтью, которая бросается съ лодки; *притискомъ* (родъ сака), который распяленъ между тонкими жердями, связанными четыреугольникомъ и на длинной палкѣ, а опускается тоже сверху; вершами, удочками и крючками, *на паре* или парангаломъ и, наконецъ, *грибомъ* или неводомъ, который преимущественно служитъ для ловли уклевы. Кромѣ того ловятъ еще въ *коци* (наше *котцы*, отъ единствен. числа *котецъ*): это загороженная на мелкомъ мѣстѣ изъ кольевъ родъ верши, такъ что рыба, войдя туда въ узкое горло, послѣ не можетъ попасть въ него назадъ и остается.

Ловъ уклевы неводомъ производится зимой, когда настанутъ болѣе значительные холода и рыба кучами собирается въ глубокихъ яминахъ, гдѣ вода теплѣе. Такія мѣста называются *окали* (око) и всѣ они находятся въ лиманѣ Рѣки-Черноевича.

жж) *Фантастическія животныя.* О рыболовствѣ мы будемъ говорить въ отдѣлѣ промысловъ; а здѣсь скажемъ нѣсколько словъ о животныхъ, про которыхъ разсказываютъ много преувеличеннаго, но которыя существовали, а можетъ быть, и теперь существуютъ, хотя не такъ, какъ передается объ нихъ въ разсказахъ.

Это — *блоръ* и *ашкрапъ*, громадныя змѣи и нѣчто въ родѣ

крокодила, которые нападали на людей, пожирали ихъ и иногда отъ нихъ мимо извѣстныхъ мѣстъ не было проѣзда лодкой, но случалось людямъ и убивать ихъ. И теперь, плывя въ лодочкѣ между потопленными водой вербами, близь Плавницы, черногорецъ со страхомъ озирается кругомъ, чтобы не попасть на это животное.

Разсказовъ объ этомъ много: по однимъ — это просто громадная змѣя, а по другимъ — животное съ ногами, покрытое крѣпкою чешуей и только подъ горломъ имѣющее мягкое мѣсто, куда и можно его убить; это напоминаетъ уже крокодила.

Приведемъ хоть одинъ разсказъ, въ которомъ извѣстно лицо, къ которому относится событіе и время. Лицо это — извѣстный юнакъ цеклинянинъ Дьиканъ Пеановъ, жившій во время владыки Петра I.

Завелась громадная змѣя на Плочѣ (гдѣ теперь главный ловъ уклевы) и не давала никому проѣхать въ лодкѣ. Тогда Дьиканъ, хорошій рыболовъ, заготовилъ себѣ двѣ *ости* (желѣзная вилка съ зазубринами на длинномъ шестѣ, которою бьютъ рыбу), наострилъ ихъ, взялъ съ собою ружье и отправился въ челнокѣ. Проѣзжая мимо Плочи, онъ сталъ свистать, вызывая тѣмъ змѣю, которая не замедлила явиться. Змѣя кидается въ воду и плыветъ прямо къ нему. Онъ стрѣляетъ въ нее, но пуля только скользнула по чешуѣ. Змѣя между тѣмъ подплываетъ и поднимаетъ голову. Тогда онъ замѣтилъ у нея подъ горломъ бѣлое пятнышко, ударилъ въ это мѣсто остью и проткнулъ змѣю насквозь, и началась тогда борьба. Змѣя старалась сорваться съ ости, а онъ держалъ и засовывалъ ее все дальше. Наконецъ змѣя обезсилѣла, начинаетъ издыхать, но при этомъ фыркнула и обдала ему одинъ бокъ какою-то жидкостью, отъ которой все это мѣсто какъ бы сгорѣло, а тѣло взволдыряло. Похворавъ послѣ этого немного, Дьиканъ Пеановъ умеръ. Тѣло же змѣи было вытащено на берегъ и тамъ изгнило, а кости послѣ привезены были на Рѣку, собранныя цѣлымъ скелетомъ, и вѣсили 60 окъ (4 пуда). Скелетъ этотъ долго нахо-

дился на Рѣкѣ, пока не пришли туда турки, которые и сожгли его.

Шли также два черногорца въ Скадаръ и, проходя мимо Говедьяго-брода, услышали крикъ. Подбѣжавъ на крикъ, они увидѣли, что змѣя схватила человѣка, обвила его и уже прогрызла животъ. Онъ просилъ ихъ стрѣлять въ змѣю; но они, видя, что онъ уже умираетъ, побоялись, чтобъ имъ не приписали смерть его, такъ какъ онъ былъ арнаутъ. Они добѣжали до ближняго села и тамъ разсказали видѣнное; но, когда пришли люди, человѣкъ уже умеръ, а змѣя ушла.

Что во всѣхъ этихъ разсказахъ много фантастическаго и преувеличеннаго, не подлежитъ сомнѣнію; но не есть-ли это отголосокъ отъ давняго прошлаго, когда, можетъ быть, здѣсь и водился какой-нибудь видъ крокодила? А змѣи здѣсь и теперь существуютъ чрезвычайно большія и дерзкія. Мнѣ самому случилось въ Краинѣ видѣть змѣю, величины которой опредѣлить не могу, потому что она была за большимъ камнемъ, но когда одинъ изъ моихъ спутниковъ бросилъ въ нее камнемъ, то она не бѣжала, а поднялась, готовая кинуться на насъ.

зз) *Плаваніе.* Въ заключеніе намъ остается еще сказать о плаваніи по Скадарскому озеру.

Мы знаемъ уже условія, при которыхъ это плаваніе можетъ совершаться; теперь скажемъ, какъ ими пользуется человѣкъ.

Турція имѣетъ на немъ два военныхъ пароходика, посредствомъ которыхъ она, въ случаѣ надобности, перевозитъ войска, провіантъ и различные строительные матеріалы и боевые припасы вверхъ по Хумскому блату. Со стороны Черногоріи ходитъ до сихъ поръ только пароходикъ князя, собственно паровая лодка, служащій для его личныхъ разъѣздовъ и прогулокъ или для кого-либо изъ близкихъ ему людей и для именитыхъ иностранцевъ. Въ прошломъ же (1885) году заведенъ частный пароходикъ для пассажирскаго сообщенія между Скадаромъ и Рѣкой, поднимающій до 100 чел. съ небольшимъ багажемъ, и съ заходомъ на пристани Вирбазаръ, Плавница и Муричъ; онъ совершаетъ этотъ

рейсъ въ 7 часовъ, считая въ томъ числѣ и всѣ стоянки. Движеніе оказывается на столько значительно, что является потребность завести еще пароходъ для грузовъ.

До сихъ поръ, однако, главнымъ образомъ совершается плаваніе на лодкахъ, которыхъ здѣсь нѣсколько видовъ. *Ладья* или по-скадарски *лондра*, поднимающая до 6,000 окъ (400 пудовъ); меньшаго размѣра *поладьякъ* или *ладьица* и совсѣмъ малая *фркетъ*. У всѣхъ ихъ чрезвычайно длинный, острый носъ, а корма короче и тупая, съ навѣснымъ рулемъ. *Чунъ* или *чамацъ* имѣетъ одинаково короткіе носъ и корму и можетъ поднимать 5 и до 8 чел., а гнать его можетъ одинъ человѣкъ; но онъ, вообще, не имѣетъ быстраго хода и при большей гребной силѣ. Большую лодку могутъ гнать два гребца и одинъ кормчій, но нагруженная или со множествомъ пассажировъ (до 50 чел.) она требуетъ 5, 6 и до 10 веселъ, и тогда при тихой погодѣ можетъ проходить 5 — 6 кил. въ часъ. При благопріятномъ вѣтрѣ онѣ, конечно, идутъ парусомъ, но, не имѣя косыхъ парусовъ, не могутъ хорошо лавировать и пользоваться всякимъ вѣтромъ.

Строятся большія лодки исключительно въ Скадрѣ или въ селѣ Широкомъ, близъ него, на озерѣ; а мелкія тоже тамъ и въ Черногоріи.

Число большихъ черногорскихъ лодокъ можно считать до 50, и малыхъ столько же; феркетовъ до 70, а челноковъ множество.

Служатъ эти лодки для перевозки между Скадромъ, Рѣкой и другими пристанями: соли, рыбы, руя, другого различнаго товара и пассажировъ. На нихъ черногорцы совершали свои военныя экспедиціи, между прочимъ, два раза брали Жаблякъ, когда онъ былъ во власти турокъ; въ послѣднюю войну на нихъ же провезены были пушки и вся боевая амуниція для осады Бара; а въ 1883 г. въ зимнее время на 25 лодкахъ перевезено было до трехъ батальоновъ войска и двѣ легкія пушки для принятія Краины; и роль ихъ еще не кончилась.

Владѣтели этихъ лодокъ большею частью цеклиняне съ Рѣки и другихъ селъ близъ рѣки, какъ Каручъ, Превлака, Додоши

и др., затѣмъ вранинаши (съ острова Вранины), жители окрестностей устья Морачи и криничане (между Краиной и Цермницей); а на турецкой сторонѣ лучшіе лодочники широчане, всѣ почти потурчившіеся сербы.

Путь между Рѣкой и Скадромъ совершается обыкновенно такъ: отплывши съ Рѣки передъ вечеромъ, вы попадаете въ Скадаръ часу въ 9-мъ или 10-мъ утра; при благопріятномъ вѣтрѣ можно дойти за 8 часовъ, а при неблагопріятной погодѣ едва попадешь и за нѣсколько дней.

Обыкновенно лодки приходятъ изъ Скадра наканунѣ субботы (базарнаго дня) на Рѣку, а отправляются съ Рѣки въ воскресенье передъ вечеромъ; и тогда, вмѣстѣ съ другими пассажирами, платится по 3 цванцигера (1 гульденъ); а за лодку, взятую отдѣльно, 1 наполеондоръ (20 франковъ) и больше, смотря по числу гребцовъ. Также и на Виръ съ другими можно доѣхать за 1 цванцигеръ или 5 грошей, а отдѣльно въ маленькой лодочкѣ — 2 — 3 гульдена. До Жабляка на феркетѣ берутъ 8 — 12 цванцигеровъ, а на ладьицѣ отъ 15 цванц. и до 1 наполеондора, если будетъ 5 гребцовъ, потому что на каждаго гребца считается по 3 цванц., а до Плавницы и Талеръ 2 гульдена.

б) *Горнее-Блато.* Есть еще Горнее-Блато, лежащее въ углѣ между горами Бобіей, Везцемъ, Вельимъ-верхомъ и Понорскимъ-брдомъ. Оно лежитъ совершенно отдѣльно, и изъ него выходитъ только протокъ Бишевина, имѣющая протяженія съ извилинами до 2 кил. и впадающая близъ Жабляка въ Каратуну, которая отдѣляется въ видѣ рукава отъ устьевъ Морачи и впадаетъ въ Рѣцкій лиманъ противъ Плочи. Оно протянулось съ сѣвера на югъ и въ этомъ направленіи имѣетъ около 5 кил., а въ ширину отъ 1 до 3; впрочемъ, оно представляетъ собою озеро только кил. на 3, до острова Космача, а далѣе кил. 2 — это не что иное, какъ только узкая полоса воды сначала между густымъ камы-

шемъ, чаканомъ и лататьемъ, а далѣе съ идущимъ по обѣ стороны трясучимъ болотомъ.

Въ него постоянно течетъ съ сѣвера Синячкій-потокъ, берущійся недалеко, довольно сильнымъ потокомъ; а кромѣ того, съ боковъ бьетъ множество ключей и особенно сильные потоки съ с.-восточной стороны, между которыми противъ Космача потокъ называется Болье-сестра или Боня-сестра. Народъ предполагаетъ, что это подземными путями пробивается сюда вода, отдѣляющаяся отъ Морачи, и это весьма вѣроятно.

Вслѣдствіе обилія ключей, вода въ Горнемъ-Блатѣ гораздо холоднѣе, чѣмъ въ Скадарскомъ-озерѣ. Глубина его въ 1 и 2 человѣческихъ роста, а есть *виры* (омута) и до 70 сажень. Въ этихъ вирахъ передъ сильнымъ дождемъ или грозой и передъ наступленіемъ южнаго вѣтра вода начинаетъ кипѣть изъ глубины.

Высота этого озера надъ Скадарскимъ, по предположенію мѣстныхъ жителей, 10 локтей или около 5 метровъ, что, можетъ быть, нѣсколько преувеличено; но во всякомъ случаѣ оно лежитъ около $1\frac{1}{2}$ метра выше Каратуны подъ Жаблякомъ, что даетъ возможность, прокопавши сюда изъ него каналъ, понизить въ озерѣ воду настолько, что въ верхней его части осушится значительное пространство, которое можно будетъ обработывать. Бишевина не удовлетворяетъ этой цѣли, потому что, идя въ каменномъ руслѣ, дѣлаетъ множество извилинъ, замедляющихъ теченіе, вслѣдствіе чего передъ истокомъ ея въ самомъ озерѣ изъ отложеній образуется отмель; тогда какъ каналъ будетъ вдвое короче и, благодаря мягкому грунту, можетъ быть проведенъ по прямой линіи.

Въ настоящее время, при большихъ наводненіяхъ, вода отъ устьевъ Морачи поднимается въ ложбину Шегртницу и по ней проходитъ въ Горнее-Блато; впрочемъ, тогда вся эта мѣстность сливается подъ одно, и Жаблякъ остается какъ бы на островѣ.

Оно также богато рыбой, и въ немъ есть 2 ока: Шуйца и Биво, въ которыхъ ловля церковная и сдается на 3 года за 2,000 талеровъ.

Островъ Космачъ весь сплошь покрытъ лавромъ и представляетъ своимъ зеленымъ куполомъ рѣзкій контрастъ съ голыми скалами ближняго къ нему берега.

Немножко южнѣе мѣстность на берегу называется Бродичъ, отъ котораго, пройдя съ полчаса черезъ скалистый кряжъ, вы приходите въ село Вуковцы, близъ Морачи и на пути въ Подгорицу, все въ садахъ и виноградникахъ.

На сѣверномъ берегу этого озера, на Синьцѣ, устроенъ магазинъ для соли, чтобы изъ него ближе было брать ее жителямъ Лѣшанской нахіи; но невозможность во всякое время проводить лодки черезъ Бишевину заставила бросить эту соляную пристань.

Есть народное сказаніе, что прежде здѣсь стояло большое село, а озера не было, только была богатая водою чесма, изъ которой брали воду черезъ кранъ, отвертывая его и завертывая. Одна женщина вечеромъ пошла туда, отвернула кранъ и подставила кадушечку; какъ вдругъ кто-то крикнулъ, что къ ней воротился мужъ изъ какого-то дальняго странствованія. Отъ радости она поставила кадушечку на голову и побѣжала, забывши завернуть кранъ, и вода все текла. А такъ какъ дѣло было уже вечеромъ и никто больше за водой не ходилъ, то за ночь вода потопила все село, такъ что не спасся никто изъ жителей, а на мѣстѣ его образовалось озеро.

Въ тихую погоду, говорятъ, можно видѣть на глубинѣ колокольню; а были люди, которые туда ныряли и осязательно убѣдились въ существованіи тамъ церкви, но ни одинъ изъ нихъ потомъ долго не прожилъ. Объ этомъ приведемъ разсказы въ другомъ мѣстѣ.

в) *Шасское* и *Зоганское.* Есть еще озеро Шассъ, составляющее собственно расширеніе р. Мегуреда, впадающаго въ Бояну, и Зоганское озерцо, близъ Ульцина, разросшееся въ обширное болото, для осушенія котораго въ настоящее время прорытъ къ морю каналъ. Зоганское болото служитъ станціею для водяной птицы, во время перелета; какъ прилегающая къ нему равнина, покрытая лѣсомъ, кустарникомъ или просто травою,

привлекаетъ массу сухопутной птицы; въ особенности громадными массами налетаютъ сюда перепелки, которыхъ тогда сотнями ловятъ въ сѣти.

РѢКИ.

Говоря о рѣкахъ, мы прежде всего должны дать ихъ общую характеристику.

I. Общая характеристика рѣкъ Черногоріи.

Всѣ рѣки Черногоріи горнаго типа, т. е. имѣютъ весьма крутое паденіе, текутъ между высокими горами и большею частью между скалистыми берегами, вслѣдствіе чего, несмотря на массу несомой ими воды, онѣ нигдѣ не удобны для плаванія не только лодокъ, какія плаваютъ напр. даже въ верхнемъ теченіи Влтавы въ Чешской, гдѣ тоже имѣется множество пороговъ, но и для плотовъ. Поэтому онѣ не играютъ никакой помогающей роли, какъ пути сообщенія; а напротивъ, весьма легко вздуваясь отъ дождей, падающихъ преимущественно въ высокихъ горахъ, откуда берутъ свое начало, онѣ служатъ часто помѣхой, и только тогда и хороши, когда почти пересыхаютъ или даютъ броды. Онѣ не оказываютъ благодѣтельнаго дѣйствія даже своими наводненіями, потому что слишкомъ быстры и сносятъ не только верхній легкій слой земли, но и рвутъ мягкіе берега, оставляя только обнаженные камни.

А еслибъ не этотъ слишкомъ крутой, горный характеръ, что̀ могло бы быть лучше Зеты, которая идетъ изъ-подъ Никшича до Подгорицы, и Морачи, берущейся близь Дурмитора, или Лима, Тары и Пивы, ведущихъ далеко въ Боснію!

При такомъ общемъ характерѣ рѣки Черногоріи имѣютъ еще подраздѣленія.

Есть рѣки, которыя, подобно всѣмъ рѣкамъ вообще, имѣютъ свое начало далеко на высотахъ, на которыхъ берутъ свое начало изъ ключей и потоковъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи, принимая въ себя меньшія побочныя рѣки и потоки, постепенно усиливаются ими; а есть рѣки, которыя сразу выливаются гото-

выми, уже вполнѣ сформировавшимися, но этотъ процессъ формированія совершается невидимо никому, подъ землею. Мы назвали бы ихъ просто потоками, еслибъ онѣ массою воды не равнялись рѣкамъ, берущимъ свое начало далеко и постепенно возрастающимъ отъ собирающихся въ нихъ со всѣхъ сторонъ притоковъ. Есть, наконецъ, рѣки, которыя постоянно текутъ только при началѣ и при концѣ, тогда какъ среднее теченіе появляется только при особенномъ обиліи воды, или же онѣ совершенно не достигаютъ конца, исчезая въ глубинѣ своего, заваленнаго щебнемъ и валунами, русла, только тамъ-сямъ пробиваясь въ видѣ слабыхъ натековъ и лужъ или бьющихъ снизу ключей. А одна рѣка, именно Зета въ Никшицкой равнинѣ, совершенно исчезаетъ въ *понорѣ* и появляется вновь по другую сторону горы.

Послѣ этой общей характеристики рѣкъ, намъ остается распредѣлить ихъ по бассейнамъ, въ которые онѣ несутъ свои воды, и затѣмъ приступить къ разсмотрѣнію каждой въ отдѣльности.

II. Раздѣленіе рѣкъ по бассейнамъ и ихъ различіе.

Въ этомъ отношеніи однѣ изъ нихъ текутъ къ сѣверу и потомъ черезъ посредство Савы и Дуная вливаются въ Черное море; сюда принадлежатъ: Лимъ, Тара и Пива, которыя всѣ соединяются въ Дрину; другія идутъ къ югу, именно въ Скадарское озеро; таковы: Морача, соединяющаяся послѣ съ Зетой, Рѣка-Черноевича и Цермница; а выводитъ ихъ воды въ море единственный каналъ Бояна. Водораздѣлы ихъ мѣстами весьма незначительны, что̀ мы имѣли случай показать въ отдѣлѣ орографіи.

Въ дальнѣйшемъ же своемъ теченіи онѣ расходятся въ совершенно противоположномъ направленіи. Притомъ направленіе рѣкъ Адріатическаго моря, подобно направленію горъ, радіальное отъ окружности къ одному общему центру въ Скадарскомъ озерѣ; а тѣ, хотя съ меньшею правильностью, находятъ свой центръ: Тара и Пива тотчасъ на сѣверѣ отъ Дурмитора; а Лимъ соединяется съ ними еще дальше на сѣверъ у границъ Сербіи.

Кромѣ того, всѣ текущія къ югу рѣки берутъ начало изъ центральнаго горнаго массива и изъ приморскихъ хребтовъ, а сѣверныя — изъ-подъ Кома и Дурмитора.

Разница между тѣми и другими рѣками состоитъ еще и въ томъ, что южныя рѣки охватываютъ своимъ теченіемъ пространство вдвое большее, чѣмъ рѣки сѣверныя (разумѣется, въ предѣлахъ Черногоріи), тогда какъ масса воды и развѣтвленіе въ этихъ послѣднихъ значительнѣе первыхъ. И изъ этого сравненія становится очевиднымъ, что одна изъ этихъ неравныхъ половинъ должна быть орошена слабѣе, больше чѣмъ вдвое, и это именно половина, лежащая къ юго-западу.

III. Рѣки черноморскаго бассейна.

Начнемъ съ сѣверной системы рѣкъ, болѣе простой, съ которою мы можемъ и скорѣе покончить.

1. ЛИМЪ.

а) *Его протяженіе.* Самая большая рѣка въ этой системѣ — Лимъ, который въ предѣлахъ Черногоріи протекаетъ приблизительно 25 кил., а за предѣлами ея до соединенія съ Дриной — вчетверо больше. Кромѣ того, до его истока изъ Плавскаго озера, въ турецкой границѣ, онъ имѣетъ до 7 кил., что въ совокупности составитъ 132 кил., а вершины его, выше Плавскаго озера, удалены отъ истока еще болѣе чѣмъ на 20 кил. Поэтому все его теченіе до того мѣста, гдѣ онъ теряетъ свое имя, болѣе 150 кил. Уступая въ дальнѣйшемъ теченіи свое имя Дринѣ, которой врядъ ли уступаетъ массой воды, онъ уравновѣшиваетъ собою Пиву и Тару, взятыя вмѣстѣ.

Для полноты изложенія мы должны обозрѣть и тѣ части Лима, которыя находятся въ турецкихъ предѣлахъ, тѣмъ болѣе, что вершины его частью принадлежатъ и Черногоріи.

б) *Его верховья.* Къ югу отъ Кома, между лежащею у подножія его вершиной Курлаемъ и Магличемъ, находится небольшая перемычка, называющаяся Козеля: она такъ узка, что по

ея ребру едва укладывается тѣсная дорожка, идя по которой вы смотрите направо и налѣво, какъ въ пропасть, въ глубокія долины, густо заросшія лѣсомъ, а со дна ихъ доносится къ вамъ шумъ несущихся тамъ потоковъ. Къ сѣверо-востоку отсюда течетъ Козельская-рѣка, соединяющаяся потомъ съ Опасаницей, одной изъ вершинъ Тары, а къ юго-востоку стремится Вучій-потокъ, составляющій начало Лима. Отъ Козели онъ идетъ между Магличемъ и Планиницей въ предѣлахъ Черногоріи; потомъ, выйдя отсюда, встрѣчаетъ р. Скроботушу, текущую съ юга изъ-подъ Вилы, и тутъ оба потока теряютъ свои имена, называясь далѣе однимъ именемъ Врмоша. Эта, въ свою очередь, встрѣтившись съ Вруей и Долей, вытекающихъ — первая изъ-подъ Проклятыхъ, вторая — изъ-подъ Трояна, переименовывается въ Грнчаръ, впадающій наконецъ въ Плавское озеро.

Долины Врмоши и Скроботуши чрезвычайно богаты лѣсомъ, особенно послѣдняя, гдѣ вы видите поразительное смѣшеніе бука, ясеня, ели и явора, и всѣ деревья чрезвычайно высокія и стройныя, какъ въ первобытномъ лѣсу; а въ углѣ между ними прекрасная равнина Велиполе. Вся эта мѣстность принадлежитъ черногорскимъ подданнымъ Кучамъ; но политическая граница, проходя съ Вилы на восточный край Рикавца и на Планиницу, отдѣлила ихъ въ турецкую границу, оставивъ Черногоріи только вершины Вучьяго-потока.

в) *Плавское озеро.* Плавское озеро имѣетъ въ длину до 5 кил., а въ ширину до 2. При началѣ его на Грнчарѣ стоитъ городъ Гусинье, часть котораго окружена стѣной и канавой; а при истокѣ Лима — Плавъ; кругомъ же по всей обширной равнинѣ много селъ, большею частью чисто арнаутскихъ или поарнаутившихся. Озеро это лежитъ какъ разъ у подошвы горъ Сточицы, Липовицы, Гребня и Виситора, тогда какъ отъ Проклятыхъ, стоящихъ по другую сторону, его отдѣляетъ широкое ровное пространство, приблизительно на $1^1/_2$ и 2 ч. (отъ 7 — 10 кил.), тогда какъ съ другой стороны за $1^1/_2$ часа вы можете достигнуть Гусинья съ самаго верха Липовицы или Гребня.

Озеро мѣстами чрезвычайно глубоко; цвѣтъ его издали синій; оно обильно рыбой, а зимой, во время сильныхъ морозовъ, покрывается толстымъ льдомъ.

Лимъ, вылившись изъ озера, идетъ сначала въ сѣверо-восточномъ направленіи по обширной равнинѣ, на которой принимаетъ въ себя еще двѣ рѣки, Дьюрицкую и Комарушу, а затѣмъ поворачиваетъ къ сѣверу, и равнина съуживается до нешироко долины, при днѣ имѣющей въ ширину не болѣе одного километра, и наконецъ, загибая все больше къ западу, упирается въ высокія горы Баль съ Торлачей, и отсюда, круто повернувъ на западъ, идетъ въ тѣснинѣ, называемой Сутеска, имѣющей протяженія около 7 километровъ.

г) *Полимье*. Все пространство отъ истока Лима или, вѣрнѣе, отъ его поворота на сѣверъ, называется *Полимьемъ*, съ раздѣленіемъ на правое и лѣвое. На этомъ пространствѣ въ него текутъ съ правой стороны: р. Великая, долина которой идетъ въ глубь горъ километровъ на 8; затѣмъ потоки: Аржаницкій, Зорицкій и Пишевскій. Всѣ они берутъ начало изъ-подъ Мокрой и Сѣкирицы; а съ лѣвой идутъ потоки Брезовицкій, Пепичскій, Муринскій, Крушевицкій, Улотинскій и др.; всѣ чрезвычайно короткіе, крутые, но всегда обильные водою, и берутъ начало изъ-подъ Виситора и Зелетина.

Полимье, вслѣдствіе своей замкнутости, не подвергается охлаждающему дѣйствію вѣтровъ, и потому имѣетъ климатъ много теплѣе, чѣмъ въ другихъ сосѣднихъ долинахъ; почва чрезвычайно плодородна, потому что имѣется нѣсколько обширныхъ и ровныхъ террасъ, на которыхъ горныя воды не текутъ потоками, а тихими ручьями растекаются по плоскости, оставляя на ней всѣ похищенныя сверху частицы, въ которыхъ много перегноя отъ листьевъ, отъ травы и отъ пасущагося тамъ, стоящаго въ катунахъ скота. Эти тихіе потоки даютъ легко управлять собою человѣку, который и пользуется ими для орошенія своихъ полей и луговъ, когда ему то нужно, а въ другое время, пуская ихъ мимо. Здѣсь вездѣ почти имѣется искусственное орошеніе и по-

тому полимляне не знаютъ почти неурожая, и въ тяжелый 1879 — 80 г., когда голодъ былъ по всей Черногоріи, здѣсь у всякаго былъ запасъ хлѣба еще прошлогодняго, а у иныхъ и отъ третьяго года. Для скота имѣются прекрасныя планины, весьма близкія къ селамъ.

Всѣмъ этимъ вознаграждается тотъ вредъ, который наноситъ Лимъ при днѣ долины, обрывая берега, образуя непроходимыя стремнины, такъ называемыя *прла*, которыя постоянно обсыпаются, унося лежащіе внизу луга и нивы.

На всемъ этомъ пространствѣ находятся слѣдующія населенныя мѣстности: на правой сторонѣ — Новшичи (турецкіе), Великая, Аржаница, Машница, Зоричи и Грачаница; на лѣвой — Брезовица, Пепичи (оба турецкіе), Мурино, Улотина и Луги (дома этого села находятся по обѣ стороны рѣки).

д) *Сутеска.* Сутеска настолько тѣсна и находится большею частью между стѣнами, спускающимися изъ-подъ Баля и Ериньей-главы, что рѣдко гдѣ попадается отлогость или ровная площадка, которою можно воспользоваться для луга или поля, и потому здѣсь на всемъ пространствѣ находится одинъ только домъ съ лѣвой стороны, а на другой сторонѣ, на потокѣ, двѣ-три мельницы. Съ боковъ вездѣ мелкіе потоки и ключи, которые зимой образуютъ замерзшіе натеки, дѣлающіе путь совершенно непроходимымъ. Подобныя ледяныя образованія существуютъ и по всему лѣвому берегу Полимья, но тамъ есть просторъ и ихъ можно обойти, а въ Сутескѣ это невозможно иначе, какъ переходя то и дѣло съ одной стороны рѣки на другую, но и это также не вездѣ возможно, вслѣдствіе значительной глубины рѣки, а мостъ только одинъ.

Въ Полимьѣ, въ малую воду, можно перебродить рѣку на многихъ мѣстахъ, а для постояннаго сообщенія имѣется одинъ большой мостъ близъ Плава; другой же при селѣ Муринѣ изъ бревенъ шириною менѣе одного метра, и такой же одинъ мостикъ въ Сутескѣ. Бродъ въ этой послѣдней посединѣ имѣется одинъ только, и тотъ большею частью недоступный, а другой при вы-

ходѣ изъ нея, но также довольно глубокій, рѣдко ниже брюха лошади, что̀, однако, не мѣшаетъ прибрежнымъ жителямъ перебродить тамъ, хотя бы вода была по шею и была крутая зима.

Ширина Лима отъ 100 метровъ въ среднемъ теченіи, въ Сутескѣ доходитъ до 20 метр. и менѣе [1]).

Въ Сутескѣ всегда почти встрѣтите какой-нибудь вѣтеръ и чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, густой туманъ, обращающійся въ мелкій дождь или иней.

е) *Притоки Лима.* Тотчасъ при выходѣ изъ тѣснины съ лѣвой стороны подходитъ весьма сильный притокъ Злорѣчица, и отсюда Лимъ сначала идетъ на сѣверо-западъ, а потомъ, принявъ въ себя потокъ Кральштицу, направляется къ сѣверо-востоку, плотно прижавшись къ Балю съ правой стороны, и въ этомъ направленіи выходитъ на обширную равнину Хасъ, гдѣ находится турецкій городъ Бераны, окруженный множествомъ селъ.

аа) *Шекуларская рѣка* и *Калудра.* На этомъ пространствѣ Лимъ принимаетъ въ себя съ правой стороны — Шекуларскую-рѣку (черногорская) и Калудру (турецкая), а съ лѣвой — послѣ Кральштицы: Требчу, служащую границей, а далѣе Виницкій потокъ и Градишницу, притокъ которой Еловица принадлежитъ Черногоріи.

Населенныя мѣста здѣсь какъ разъ при устьѣ Сутески: на правой сторонѣ Сеоце, а на лѣвой противъ него частью на возвышеніи, а частью въ самомъ низу на низкомъ берегу, въ углѣ между нимъ и Злорѣчицей — По̀ды. Далѣе, съ правой стороны, вовсе нѣтъ поселеній до устья Шекуларской рѣки, а тутъ принадлежащее шекуларцамъ сельцо Мезгале; съ лѣвой же стороны на значительномъ отдаленіи отъ рѣки находятся — Присое, Слатина, Забрдье, Трешнѣво и Чоеча-глава, и наконецъ Требча на рѣкѣ того же имени.

---

[1]) Вода его на всемъ этомъ пространствѣ зеленоватаго цвѣта; а когда мутенъ, то муть бѣловатая. Въ Полимьѣ и тотчасъ по выходѣ изъ Сутески Лимъ раздваивается, и образуются острова.

бб) *Злорѣчица съ ея составными рѣками Куцкой и Перутицей.* Самый значительный притокъ Лима-Злорѣчица. Эта послѣдняя составляется изъ двухъ рѣкъ: Куцкой и Перутицы, которыя и разсмотримъ по отдѣльности.

Собственно Куцкая-рѣка берется между хребтами Липовицей и Асанцемъ и течетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, а послѣ совсѣмъ на востокъ и, пройдя 3 кил., соединяется съ другимъ потокомъ Штитской-рѣкой, идущей какъ разъ ей навстрѣчу изъ-подъ Зелетина и Гребня и имѣющей протяженія тоже до 3 кил.; соединившись, онѣ устремляются прямо на сѣверъ.

По обѣ стороны этихъ вершинъ стелется равнина, называемая Куты, имѣющая въ ширину 1 — $1^1/_2$ кил. Тутъ находятся самые лучшіе луга въ Васоевичахъ; притомъ мѣсто чрезвычайно хорошо защищенное отъ вѣтровъ, и потому здѣсь весьма удобно могли бы зимовать со скотомъ, еслибъ не боялись со стороны гусинянъ. Лѣтомъ же здѣсь стоятъ катунами цецуняне, не боясь своихъ безпокойныхъ сосѣдей, вслѣдствіе того, что тогда прикочевываютъ на Липовицу, Гребень и Зелетинъ клименты и малисоры изъ-подъ Ульцина, и они оберегаютъ другъ друга. Въ сѣверномъ направленіи эта рѣка идетъ около 10 кил., то расширяя свою долину, то съуживаясь въ тѣснину. Съ обѣихъ сторонъ изъ-подъ Зелетина и Асанца стремятся къ ней потоки. На значительной высотѣ надъ долиной съ правой стороны много отлогостей и террасъ, удобныхъ для обработки, и тутъ же расположилось большое село Цецуны, и только 2 — 3 дома на лѣвой сторонѣ. Пройдя это село, километра на 4, Куцкая-рѣка соединяется съ Перутицей, и отсюда идетъ уже названіе Злорѣчицы.

Перутица берется изъ-подъ Кома двумя потоками: Луцкая-рѣка изъ-подъ Лукъ, перемычки между Комомъ и Планиницей, и Царинская прямо изъ-подъ Кома, изъ-подъ террасы, носящей названіе Царинъ, гдѣ находятся катуны Кучъ.

Первая изъ нихъ течетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, а вторая въ юго-восточномъ и, пройдя до 3 кил., обѣ соеди-

няются и принимаютъ общее названіе Перутицы, которая идетъ отсюда прямо на востокъ.

До соединенія съ Куцкой она протекаетъ до 15 кил., и на этомъ протяженіи принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны р. Десну, берущую начало изъ-подъ Кома и идущую почти параллельно Перутицѣ, отдѣляясь отъ нея высокою косой Варда: длина ея около 8 кил. Кромѣ того, съ боковъ текутъ въ нее потоки, между которыми два съ правой стороны, Бабовъ и Брадавацъ, въ вершинахъ своихъ имѣютъ залежи марганца (манганій).

По лѣвому берегу Перутицы разбросалась большая община Конюхи, отдѣльныя села котораго называются: Дулиполе, Савардаки, Кошутичи; а при соединеніи съ Куцкой — село Дьюличи по ту и по другую ея сторону, а также и на правой сторонѣ Злорѣчицы.

Злорѣчица имѣетъ направленіе сѣверо-сѣверо-восточное; течетъ сначала по чрезвычайно крутому скату и въ такой тѣснинѣ, что часто почти исчезаетъ въ глубинѣ между громадныхъ скалъ, свалившихся сверху. До соединенія съ Лимомъ она имѣетъ около 8 кил. Только при концѣ ея начинаются отлогіе берега съ ливадами и полями, которые, однако, сильно обрываетъ вода; большею же частью ея теченіе идетъ между высокими берегами, и потому бо̀льшая часть полей и луговъ, а также и поселенія находятся высоко подъ Превіей, составляющей сѣдло между Зелетиномъ и Ериньей-главой. Боковыхъ потоковъ множество съ обѣихъ сторонъ. Села тутъ: съ правой стороны Бойовичи и Анджелатъ, а съ лѣвой — Божичи и Андріевица.

Вслѣдствіе крутого паденія, рѣка эта легко возводится канавами на значительную высоту для орошенія полей, и довольно обширная равнина передъ Андріевицей вся пользуется этимъ орошеніемъ. Много также на ней мельницъ, но весьма малыхъ и совсѣмъ первобытнаго устройства. О водѣ ея мѣстные жители говорятъ, что она, наводняя мѣстность, не сообщаетъ ей никакой питательности; но вообще вода чистая, здоровая, зеленоватаго оттѣнка; она вѣчно шумитъ и бурлитъ, а во время половодья

реветъ и принимаетъ грозный видъ. Это бываетъ приблизительно въ концѣ ноября.

Вода въ ней холоднѣе лимской, и вообще она охлаждающимъ образомъ дѣйствуетъ на свою близкую окрестность.

Съ усиливающимся каждый годъ орошеніемъ полей все больше развиваются лихорадки и горячки, а на овецъ все больше нападаетъ болѣзнь *метиль* — паразитъ, родъ короткаго глиста въ печени.

вв) *Кральштица.* Кральштица беретъ свое начало однимъ потокомъ изъ-подъ планины Лысой, а другой изъ-подъ Трешневика. Направленіе сначала юго-восточное, а послѣ восточное и сѣверо-восточное. Протяженіе ея до 10 кил. При ея впаденіи въ Лимъ обширная низменность, которая топится ею и къ несчастію заносится щебнемъ. Она настолько крута, что вода, взятая вблизи, выводится почти на самый высокій край равнины у Радуновца; на ней на всемъ протяженіи стоитъ также много мельницъ. Съ правой стороны въ нее впадаетъ Облобрдскій потокъ, берущій начало изъ-подъ Штавной (отрогъ Кома); а съ лѣвой мелкіе потоки. На правой же сторонѣ находятся села: Облобрдо и Пеовацъ, а съ лѣвой на значительной высотѣ разбросалось большое село Кралье и далѣе Салевичи. Потоковъ боковыхъ вообще множество.

гг) *Градишница* и *Быстрица.* Далѣе идетъ съ той же стороны Градишница, которая, проходя чрезъ село Требчу, называется Требачка-рѣка. Она берется изъ-подъ Бача и Лысой планины и идетъ на востокъ, а передъ горой Жолевицей, огибая ее, поворачиваетъ къ сѣверу и потомъ впадаетъ въ Лимъ въ сѣверо-восточномъ направленіи. Долина ея довольно глубока, но нѣтъ ни тѣснинъ, ни утесовъ; только передъ поворотомъ къ сѣверу она находитъ подземный проходъ, по которому спускается въ восточномъ направленіи и проходитъ въ видѣ потока между Слатиной и Забрдьемъ, гдѣ служитъ для орошенія полей и луговъ и для мельницъ. Этотъ отводъ ея совершается искусственно мѣстными жителями, которые, смотря по потребности, пускаютъ въ ка-

налъ больше воды или совсѣмъ запруживаютъ. Протяженіе этой рѣки можно считать до 25 кил.; при концѣ паденіе ея страшно крутое. Рѣка Виницкая, собственно потокъ, имѣющій начало недалеко отъ села того же имени и вся находится во владѣніяхъ Турціи; а далѣе идетъ Еловица, которая беретъ начало изъ-подъ Ключа и Бѣластицы. Вершины ея недалеко отъ вершинъ Градишницы, и тутъ лежатъ катуны забрдьянъ и слатиньянъ. Длина Еловицы немного короче Градишницы, и долина ея по своему замкнутому положенію весьма хорошо служитъ для зимовки скота: сюда приходятъ забрдьяне со скотомъ на такъ называемые «повратке». Съ ними вмѣстѣ зимуютъ тутъ и жители другихъ селъ, какъ Требча и Виницкая.

Далѣе идетъ Быстрица, берущая начало изъ озера Шишко; и по ней расположены, такъ называемыя, Горнія-села, часть которыхъ принадлежитъ Черногоріи, а часть Турціи.

ж) *Длина теченія всѣхъ рѣкъ.* Такимъ образомъ, принимая протяженіе Лима отъ его верховьевъ, находящихся въ черногорской границѣ (Вучій-потокъ), и на сколько онъ получаетъ свои воды изъ одной съ Черногоріей области, хотя бы часть была и въ турецкой границѣ, взявши за крайнюю точку Бераны, откуда онъ начинаетъ принимать притоки совершенно внѣ черногорской территоріи, длину его можно считать до 60 кил. Затѣмъ его притоки въ этихъ предѣлахъ: Скроботуша имѣетъ до 8 кил., Вруя и Доля — 14, Комаруша — 7, Дьюрицкая рѣка — 10, Великая — 8; сумма потоковъ, постоянно дѣйствующихъ, т. е. служащихъ для мельницъ или для орошенія полей, какъ Пепичскій, Муринскій, Зорицкій, Улотинскій, Пишевская-рѣка и др., составляетъ до 10 кил.; Злорѣчица съ Куцкой и Перутицей — 45, Кральштица до 10 кил., Градишница или Требачкая-рѣка до 25, Еловица до 15, Быстрица тоже до 15 кил., Шекуларская-рѣка — 10 и Калудра около 15 кил. Всѣ притоки въ совокупности имѣютъ протяженія до 192 кил.

2. ТАРА.

а) *Верховья*. Теперь мы должны опять воротиться подъ Комъ, чтобъ видѣть верховья Тары. Она происходитъ изъ соединенія двухъ рѣкъ: Веруши и Опасаницы, поэтому мы должны прежде разсмотрѣть ихъ. Между Црной-планиной съ одной стороны и Торчемъ и Дьебезой съ другой идетъ долина, носящая названіе Мокрой, гдѣ со всѣхъ сторонъ собираются ключи: мѣстами они образуютъ озеро, мѣстами растекаются цѣлою сѣтью мелкихъ со слабымъ теченіемъ потоковъ, и оттого здѣсь хорошія ливады, одна половина которыхъ принадлежитъ кучамъ, другая — брзкутянамъ. Эта широкая, ровная долина ниже суживается, и тутъ всѣ упомянутыя воды собираются въ одинъ потокъ, который и есть Веруша, принимающая въ себя еще сильный потокъ съ лѣвой стороны отъ Планиницы, а также и еще нѣсколько потоковъ съ той и другой стороны и, какъ мы уже имѣли случай упоминать, нѣкоторые изъ нихъ въ вершинахъ своихъ совершенно сближаются съ потоками, идущими къ другому бассейну. Она идетъ въ сѣверо-западномъ направленіи, а потомъ отклоняется къ сѣверу и востоку и до соединенія съ Опасаницей проходитъ до 10 кил. Долина, по которой она проходитъ подъ Планиницей, расширяется и образуетъ значительную равнину, на которой лѣворѣчане косятъ сѣно, отличающееся отъ всякаго другого своими особенными, хорошими качествами и ароматомъ. Постояннаго жилья здѣсь нѣтъ, а только катуны лѣворѣчанъ.

Километра за 3 до соединенія съ Опасаницей она входитъ въ чрезвычайно узкую долину между почти отвѣсно спускающимися горами: стѣны и висящія скалы, густой лѣсъ у ихъ подошвы, шумъ воды — придаютъ этой мѣстности дикій, романтическій характеръ.

Опасаница беретъ начало изъ угла между Комомъ, Планиницей и Курлаемъ, изъ-подъ той перемычки, по другую сторону которой вытекаетъ и Луцкая-рѣка. Обогнувъ Курлай, она принимаетъ съ лѣвой стороны Козельскую-рѣку, которая идетъ

между Курлаемъ и Црной-планиной. Вмѣстѣ онѣ стремятся почти прямо на западъ и, пройдя тоже до 10 кил., соединяются съ Верушей. Сначала Опасаница идетъ въ глубокой долинѣ, сплошь заросшей густымъ лѣсомъ, а потомъ эта долина расширяется, и при концѣ ея встрѣчаете уже нѣсколько домовъ, въ которыхъ живутъ постоянно. А также и по лѣвую сторону Веруши есть дома, и между ними одинъ ханъ и нѣсколько мельницъ.

б) *Среднее теченіе и притоки.* Отсюда начинается уже Тара, и она течетъ, огибая Комъ съ его отрогами, идущими ей поперекъ, вслѣдствіе чего дѣлаетъ чрезвычайно много извилинъ; но главное ея направленіе сначала сѣверо-сѣверо-западное, а потомъ заворачиваетъ къ востоку и, пройдя болѣе 15 кил. и принявъ въ себя сильный потокъ Дрзку, впадаетъ въ прежнее свое направленіе сѣверо-западное и уходитъ уже отъ Кома, огибая Острвицу и имѣя ее съ лѣвой стороны. На протяженіи километровъ 7 по пути къ Колашину она все больше выправляется къ сѣверу, а отъ Колашина дѣлаетъ даже незначительное уклоненіе къ востоку, и въ этомъ направленіи до Мойковца проходитъ около 25 кил. Отсюда вплоть до соединенія съ Пивой она идетъ въ сѣверо-западномъ направленіи, составляя границу Черногоріи.

Такимъ образомъ Тара въ предѣлахъ Черногоріи отъ своихъ верховьевъ имѣетъ протяженія до 57 кил. и по границѣ до 85 кил.

Долина Тары не широка, но тѣмъ не менѣе на многихъ мѣстахъ то съ той, то съ другой стороны являются отлогости, на которыхъ встрѣтите отличные луга и всюду обиліе лѣса, что̀ дѣлаетъ ее весьма удобною для жизни и обработки. Поэтому на всемъ ея протяженіи до впаденія въ нее Дрзкой найдете разбросанные небольшіе поселки изъ Лѣвой-рѣки: Тузи, на — Ябукѣ и наконецъ Матышево, разбросавшееся по обѣ ея стороны. Въ боковыхъ притокахъ, конечно, нѣтъ недостатка, но всѣ они, кромѣ Дрзкой, незначительны. Ширина Тары въ этихъ мѣстахъ отъ 15 до 40 и болѣе метровъ; а во многихъ мѣстахъ она разбивается на нѣсколько рукавовъ, между которыми образуются острова. Въ малую воду она имѣетъ множество бродовъ, а въ случаѣ

большой воды имѣется мостъ противъ Матышева. Цвѣтъ воды зеленоватый, но менѣе густой, чѣмъ въ Лимѣ, можетъ быть, вслѣдствіе меньшей глубины.

Въ крутую зиму она во многихъ мѣстахъ покрывается льдомъ, который хоть и тонокъ, но по нему человѣкъ можетъ пройти. Вообще Тара больше другихъ долинъ засыпается снѣгомъ и во многихъ мѣстахъ подвергается сильному дѣйствію вѣтровъ изъ боковыхъ долинъ; поэтому зимой она опасна для путешественника своими мятелями и вьюгами.

аа) *Дрзка.* Дрзка со своими верховьями имѣетъ около 20 кил. Одна изъ ея вершинъ, Честогазъ, берется изъ-подъ Трешневика, а другая безыменная изъ-подъ Штавной, и потомъ тутъ же изъ-подъ Кома вытекаетъ Любашница, а за нею Црня, Пецка́ и много другихъ, все съ лѣвой стороны изъ-подъ Кома. Съ правой же одинъ только болѣе значительный потокъ Вранештица, берущаяся между Ключемъ и Лысой.

Дрзка идетъ сначала прямо на западъ, потомъ на юго-западъ и, наконецъ, сдѣлавъ крутую дугу къ югу, впадаетъ въ Тару въ сѣверо-западномъ направленіи, гдѣ образуется обширная равнина, по которой она и растекается нѣсколькими рукавами, и мѣсто называется Саставице. Эта рѣка весьма крутая, и потому въ сухое время ее вездѣ почти можно перебродить; но чуть только прибыль воды, она тотчасъ дѣлается грозною и неприступною; насколько она бурна, можно видѣть по нагроможденію камней и громадныхъ деревьевъ, которые она подмываетъ и уноситъ. Характеръ мѣстности весьма суровый, тѣмъ не менѣе она всюду обитаема: тотчасъ при началѣ у подножія Трешневика вы встрѣчаете мельницы и ханъ; а далѣе Су́нга и Баре; послѣднее село разбросалось по обѣ стороны, и дома стоятъ по возвышеніямъ. Противъ устья на высотѣ нѣсколько домовъ на Буковой-полянѣ, и въ долинѣ Вранештицы, гдѣ, впрочемъ, больше катуны.

бб) *Рьчинская-рька.* Въ дальнѣйшемъ теченіи въ Тару впадаетъ съ правой стороны рѣка безъ имени, въ долинѣ которой

находится цѣлый поселокъ морачанъ Рѣчины; она весьма благопріятна для жизни, вслѣдствіе того, что не глубока, окружена пологими горами и защищена отъ вѣтра; она имѣетъ протяженія не болѣе 4 кил.

Въ этомъ колѣнѣ Тара идетъ чрезвычайно узкою долиной, которая снова проширяется только подъ Колашиномъ.

вв) *Пчиня*. Тутъ въ нее съ лѣвой стороны впадаетъ рѣчушка Пчиня или Быстрица, берущая начало въ Вучьемъ (надъ Морачей) километровъ 10 отъ своего устья; а съ правой — Пожня и Свиняча; первая, впрочемъ, течетъ не постоянно. Колашинъ стоитъ на равнинѣ, возвышающейся нѣсколькими террасами надъ низкимъ берегомъ Тары отъ 10 и до 15 метровъ, и вдоль всего этого возвышенія у подошвы его всюду бьютъ ключи, собирающіеся внизу въ одно русло, по которому вода и сваливаетъ къ Тарѣ, но весьма медленно, вслѣдствіе недостатка склона, а очень часто все это пространство обращается въ озеро или болото отъ растекающейся всюду воды изъ упомянутыхъ ключей и изъ Тары, вслѣдствіе чего мѣстность эта не имѣетъ никакихъ выгодъ, кромѣ того, что густо зарастаетъ тальникомъ.

гг) *Свиняча*. Главный притокъ здѣсь Свиняча, которая составляется изъ Капитановой и Мушовича-рѣки, берущихъ начало изъ-подъ Ключа и Бѣластицы въ разстояніи отъ устья приблизительно 15 кил.

Эта рѣка также весьма крута, и потому ея вода поднимается отводною канавой на высоту, гдѣ стоитъ городъ; и на ней стоятъ нѣсколько мельницъ, а также пользуются ея водою и для орошенія полей.

Черезъ Тару здѣсь имѣется мостъ, гдѣ ширина воды около 30 метровъ, а въ то же время выше и ниже ее можно перебрести, если вода не поднялась. Черезъ Свинячу также есть мостикъ. Эта рѣка очень бурная: несетъ громадные валуны и мѣняетъ свое устье, продирая его то выше моста, то ниже.

Отъ Колашина Тара снова вступаетъ въ тѣсную долину между Синявиной и Бѣластицей, а далѣе выходитъ на обширную

равнину, гдѣ находятся поселенія Требалево и Нижній-Колашинъ.

дд) *Плашница.* Прежде чѣмъ вступить въ тѣснину, Тара принимаетъ въ себя довольно значительный потокъ Плашницу, которая беретъ начало изъ Градишта и Синявиной и на всемъ протяженіи километровъ до 12 принимаетъ въ себя нѣсколько побочныхъ притоковъ. Долина, по которой она протекаетъ, довольно широка, заслонена отъ сѣвера, имѣетъ хорошую почву и готовое орошеніе, и потому вся заселена; начиная отъ Колашина, идутъ поселенія: Баблякъ, Дренакъ, Хорваты, Мигаловица, Кнеждо, и всѣ они вообще называются Липово.

ее) *Требалева и др.* Отсюда до Мойковца Тара принимаетъ также нѣсколько притоковъ съ той и другой стороны, между которыми болѣе важные: съ лѣвой стороны Штитарица, а съ правой — Требалевская и другіе потоки. Въ совокупности они составляютъ не менѣе 25 кил.

жж) *Сушица.* Отъ Мойковца Тара скоро вступаетъ между высокими горами; слѣва идетъ Синявина, высокое плато Езеръ съ еще высшими окраинами, отроги Дурмитора и другое высокое плато Церквицъ, а справа, въ Герцеговинѣ — Стожеръ, Кролева-гора, Бунетина, Любична, Обзири и др. Она идетъ такъ глубоко, что ближніе края возвышаются отъ 500 и до 1,000 метровъ. Черногорская сторона болѣе возвышена, чѣмъ герцеговинская, и вообще имѣетъ менѣе отлогостей, а спускается весьма круто. Поэтому тутъ почти нѣтъ и притоковъ. Если и есть, то весьма короткіе потоки, между которыми болѣе значительный Быстрица, или свалъ воды, совершающійся подъ землей, какъ въ Езерахъ, и только одна рѣка Сушица, берущаяся изъ-подъ Пруташа, одного изъ отроговъ и отдѣльныхъ вершинъ Дурмитора, и та едва имѣетъ 10 кил. длины и притомъ въ среднемъ теченіи большею частью остается безводною. Тѣмъ не менѣе тутъ живетъ цѣлое племя Шаранцевъ; впрочемъ, внизу находятся только Бистрица и Добриловина, а другія села наверху, какъ-то: Ясичи, Руданцы, Пода, Шливанско, Богомолье,

Кршъ, Зміиница, Алуга, Негобудье, Росничи, Врола. Точно такъ и дробняки пріютились вверху, какъ Медьюжванье, Нинковичи, Подгоръ, и только село Тепца спустилось внизъ. Въ Церквицахъ то же самое: всѣ поселенія находятся высоко на плато, и только при соединеніи ея съ Пивой нѣсколько домовъ стоятъ почти на днѣ долины, немного выше Штепанъ-поля. На той сторонѣ видимъ то же самое: низко лежатъ только противъ Штепанъ дома Житинъ и Умъ и довольно низко — Орашье; а остальныя села находятся весьма высоко, какъ-то: Грдіевичи, Верновичи, Колѣно, Врановина, Оградьеница, Тарадьордіевичи и др.; но тамъ, какъ мы замѣтили, и вся мѣстность лежитъ много ниже.

зз. Стокъ озеръ изъ-подъ Дурмитора. Между Чернымъ-верхомъ и Тргилемъ есть какъ бы ворота, ведущія къ Тарѣ, и тутъ самый удобный къ ней спускъ, сначала на ровную террасу Селину, а далѣе на Тару, гдѣ и былъ до послѣдней войны мостъ, а изстари здѣсь проходила большая дорога отъ Плевля.

Оканчивая описаніе теченія Тары, мы обращаемъ вниманіе на то обстоятельство, что она, родившись изъ Кома, а проходя потомъ далеко отъ него, весьма мало пользуется притоками изъ горъ другихъ системъ.

3. ПИВА.

Теперь намъ остается изъ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ, разсмотрѣть только Пиву. Она составляется изъ многихъ рѣкъ, именно: изъ Буковицы съ Тушиной, Бѣлой, Шавника, Комарницы и Синьца.

Буковица беретъ начало изъ южныхъ склоновъ Дурмитора и идетъ сначала въ юго-юго-восточномъ направленіи, имѣя съ лѣвой стороны отрогъ Дурмитора — Ивицу, а съ правой — Синявину на протяженіи 15 или 17 кил.; а тутъ, принявъ въ себя Тушину, круто поворачиваетъ на западо-сѣверо-западъ, гдѣ, пройдя еще километровъ 6, соединяется съ Бѣлой и Шавникомъ, и далѣе идетъ подъ именемъ послѣдняго около 7 кил. и потомъ называется Комарницей, по имени впадающей съ правой стороны

рѣки того же имени. Пройдя еще около 25 кил., съ лѣвой стороны она принимаетъ короткую, но весьма обильную водой рѣку Синяцъ, и отсюда идетъ уже названіе Пивы, до самаго конца ея, до соединенія съ Тарой на протяженіи приблизительно 26 кил.

На всемъ этомъ протяженіи она принимаетъ въ себя только съ лѣвой стороны р. Врбницу (иначе Плужинская) и потокъ Мратиню.

а) *Верховья.* Теперь остановимся въ отдѣльности на тѣхъ рѣкахъ, изъ которыхъ образуется Пива.

аа. Буковица. Буковица, считающаяся одною изъ главныхъ вершинъ, беретъ начало изъ-подъ Сѣдла-Ранисавы (въ ДурміторѢ), идя сначала у подножія Езеръ; а потомъ, какъ мы сказали, между Ивицей и склонами Синявиной. Это весьма широкая и довольно пологая долина, богатая лѣсомъ и лугами; поэтому по ней всюду поселенья: на самомъ верху Провалія, затѣмъ по лѣвой сторонѣ идутъ Буковица, растянувшаяся километра на 4, и Тимаръ, весьма хорошее село съ церковью, а по другую сторону, передъ поворотомъ къ западу, на высотѣ, село Слатина; кромѣ того на той же сторонѣ, нѣсколько выше, при пути, ведущемъ изъ долины Буковицы черезъ Ивицу въ Шавникъ, также нѣсколько домовъ и хатъ; а на другихъ мѣстахъ всюду мельницы и разбросаны колибы. Паденіе рѣки весьма крутое и при всемъ томъ бродовъ на ней мало. На ней два моста: одинъ близъ соединенія съ Тушиной, малый; другой подъ Шавникомъ — каменный, отлично сложенный, кажется, отъ римскаго времени или, можетъ быть, старо-сербскій.

Въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи она идетъ въ чрезвычайно глубокомъ руслѣ съ отвѣсно спускающимися берегами, и потому на самомъ берегу ея нѣтъ никакихъ поселеній, но на высокихъ террасахъ и отлогостяхъ находятся: Зуква, Косоричи, Мистичакъ и Добра-села, а съ лѣвой стороны на значительной высотѣ Малинско.

бб. Тушина. Притокъ Тушина имѣетъ большее протяженіе, чѣмъ Буковица. Эта большая протяженность линіи и дѣластъ

теченіе ея нѣсколько слабѣе, но значительной глубины она достигаетъ не на многихъ мѣстахъ и, кромѣ того, настолько узка, что черезъ нее возможны переходы по бревнамъ на многихъ мѣстахъ.

Она берется изъ-подъ Соминой и течетъ все время хотя между высокими горами, какъ съ одной стороны склоны Синявиной, а съ другой Семоль и отроги Яворья, но горы эти удалены, а у самаго русла довольно отлогіе берега, что̀ даетъ возможность селиться совсѣмъ близъ рѣки. Во время наводненій, однако, она весьма бурна, разрушаетъ нивы и срываетъ мельницы. Тамъ, гдѣ она берется изъ ключей, находится село Сомина, принадлежащее Горней-Морачѣ; далѣе, съ правой стороны, еще село Скокъ, потомъ Бары и Тушино, а съ лѣвой — Сировацъ и, наконецъ, собственно надъ Буковицей, тушинскій посслокъ Цокотинъ.

Направленіе ея съ востока на западъ, протяженіе приблизительно до 25 кил.

вв. Бѣлая. Бѣлая образуется изъ двухъ потоковъ: одинъ изъ нихъ вытекаетъ изъ Луковицы, другой между Лолей и Яворьемъ, протяженіе ея до 15 кил.; течетъ она на сѣверо-западъ въ чрезвычайно глубокой долинѣ, особенно передъ Шавниками идетъ въ глубокой тѣснинѣ, гдѣ почти скрывается подъ навѣсомъ скалъ. На ней находятся села: Бѣлая при самомъ началѣ, а далѣе Милошевичи, Юшицы и др. Въ нижнемъ теченіи, на значительной глубинѣ, — монастырь Бѣльскій или Подмалинско, во имя св. Луки.

г. Шавникъ. У мѣстечка Шавники къ упомянутымъ рѣкамъ присоединяется р. Шавникъ, который мы уже описали въ отдѣлѣ орографіи. Рядомъ съ Шавникомъ существуетъ постоянный неширокій водопадъ, низвергающійся съ высоты 10 — 12 метровъ, а начало ему составляетъ потокъ, носящій по водопаду названіе Скакавицы и берущійся издалека, километра за 3 — 4. Оба они сбоку впадаютъ въ долину Потницу, въ верху которой находится постоянный потокъ того же имени, при концѣ исче-

зающій подъ щебнемъ и валунами. По этимъ потокамъ на значительной высотѣ находятся села Превишъ, Годіель, Грабовица и Потница.

Шавникъ съ упомянутыми потоками соединяется съ Буковицей въ южномъ направленіи, и тутъ всѣ три рѣки образуютъ крестъ, четвертый конецъ котораго составляетъ дальнѣйшее ихъ теченіе по соединеніи между горами Градацъ и Турія, настолько тѣсный, что иногда невозможно пройти краемъ. За Туріей съ правой стороны подходитъ долина съ небольшимъ потокомъ изъ-подъ Поштьенскаго озера, и тутъ отлогій, низкій берегъ, на которомъ когда-то стояло село Придворица и былъ мостъ, но нападенія никшичанъ принудили село удалиться наверхъ.

дд. Комарница. Далѣе снова идетъ тѣснина до соединенія съ Комарницей.

Эта послѣдняя вытекаетъ изъ-подъ Пруташа въ Дурмиторѣ: спускаясь сначала очень круто, какъ горный потокъ, она потомъ идетъ довольно ровно по дну весьма глубокой долины, и по краямъ ея образуются низкіе берега съ прекрасною землей, весьма удобною для обработки. Не смотря на высокое положеніе и близость высочайшихъ горъ, климатъ здѣсь весьма мягкій. Направленіе рѣки сначала прямо почти на югъ, а потомъ круто поворачиваетъ къ западу, гдѣ она такъ суживается, что можно перескочить съ одного берега на другой; и утесистые края ея тутъ страшно высоки. Передъ поворотомъ съ лѣвой стороны падаетъ водопадъ съ высоты 50 — 60 метровъ. Тутъ же неподалеку разбросалось и село Комарница. Длина ея около 10 кил. Въ углѣ между Бѣлой и Шавникомъ, на высотѣ, лежитъ село Мокро.

Соединившись съ Шавникомъ, Комарница все идетъ между высокими горами: слѣва Войникъ, а справа Драгаль, Лояникъ, Ружица. Отъ лѣваго берега, впрочемъ, скоро горы отступаютъ далеко и начинается высокое плато Пивской Жупы; тогда какъ лѣвый берегъ совсѣмъ притиснутъ горами.

Пива, какъ мы уже говорили, получаетъ это названіе отъ впаденія въ Комарницу р. Синьца.

се. Синяцъ. Эта послѣдняя находится на днѣ глубокой долины. Начало ея составляетъ чрезвычайно глубокій бассейнъ (виръ, око), въ которомъ вода бьетъ изнутри и притомъ ярко-синяго цвѣта. Длина этой рѣчушки менѣе 2 кил.; но къ ней собираются воды по всей этой долинѣ, окружающей высокое плато, на которомъ стоитъ Горанско.

б) *Среднее и нижнее теченіе.* Далѣе Вербница собираетъ свои воды изъ нѣсколькихъ потоковъ, вытекающихъ изъ-подъ Кручицы и Орлова-брда съ одной стороны и съ плато Равнаго съ другой. Главное направленіе ея на востокъ, а одинъ потокъ, Пресѣка, притекаетъ къ ней въ сѣверо-восточномъ направленіи. Здѣсь она выходитъ изъ горъ; но въ то же время идетъ въ чрезвычайно глубокой долинѣ, гдѣ находится большое село Плужины; а выше находятся еще села: Брлево, Будань, Милошевичи, Седлари, Стабна, Ясень, Голубовичи, Зуква, Лисино, Аперцовичъ, Забрдье, Слеречко. Протяженіе Вербницы можно считать до 20 кил.

Немного далѣе, тоже съ лѣвой стороны подходитъ сухая долина Подводье, по которой можно подняться до Будана и Брлева; а затѣмъ Пива идетъ между высокими горами, образуя мѣстами только небольшія луговины, до впаденія съ той же стороны Мратиньи, гдѣ она нѣсколько расширяется, и тутъ стоитъ село того же названія со множествомъ мельницъ.

По правой сторонѣ Комарницы находится большое село Дужи, затѣмъ Рудополе, Дубровско и Гарне-поле, принадлежащія дробнякамъ; а далѣе пивскія села: Безуй, Дублевичи и Борковичи собственно въ пазухахъ горъ; а по лѣвую сторону до Синьца находятся села: Брезны, Буковацъ, Мильковацъ, Рудиницы и Селяны.

Весь уголъ между Пивой и Тарой наполняетъ высокое плато Церквицъ, пересѣченное возвышеніями, какъ Еленакъ, Косманъ и Силевацъ, а при соединеніи ихъ — Соколъ. Наибольшее протяженіе Пивы (отъ вершинъ р. Тушины) около 90 кил., а считая за вершину Буковицу, только 81. Броды на ней только

близъ Горанска; а далѣе былъ одинъ мостъ, но давно уничтоженъ, и переѣзжаютъ теперь на плотахъ близъ устья р. Плужинской и близъ Мратиньи. Ширина 40 — 60 метровъ. Цвѣтъ воды зеленоватый. Въ ней много форелей (настоящихъ).

Дополненіе. Съ правой стороны, немного выше устья Плужинской рѣки, подходитъ еще большая долина Пирни-до, по которой, однако, вода идетъ только въ мокрое время. Въ ней, какъ и во всей Пивѣ ниже, отличный лѣсъ.

4. СУММА ПРОТЯЖЕНІЯ ВСѢХЪ РѢКЪ ЧЕРНОМОРСКАГО БАССЕЙНА.

Сравнивая протяженіе трехъ разсмотрѣнныхъ нами рѣкъ, мы получаемъ слѣдующія данныя:

1) Лимъ съ верховьями, Плавскимъ озеромъ и притоками имѣетъ	252 кил.
2) Тара	238 »
3) Пива	161 »
Общее протяженіе цѣлой системы	651 кил.

Здѣсь мы должны обратить вниманіе на различіе между Комомъ и Дурмиторомъ: первый даетъ Лимъ и Тару, второй только Пиву съ прибавкою цѣлой системы озеръ, которыя наполняютъ собою обширную равнину-впадину, откуда почти не имѣютъ стока. Это обусловливается, конечно, тѣмъ, что Комъ больше расчлененъ, весь просѣченъ долинами, по которымъ вся вода сбѣгаетъ внизъ; тогда какъ Дурмиторъ болѣе массивенъ и на обширныхъ плато, иногда ввалившихся внутрь, значительная масса воды можетъ застаиваться, не стекая никуда. Кромѣ того, Комъ, стоящій ближе къ морю, собираетъ осадки изъ атмосферы больше, чѣмъ удаленный отъ него Дурмиторъ.

VI. Рѣки бассейна Адріатическаго моря.

Тутъ мы находимъ двѣ большія рѣки, которыя, подобно Тарѣ и Пивѣ, имѣютъ верховья, весьма удаленныя одно отъ дру-

гого, и потомъ соединяются въ одно русло, приводящее ихъ черезъ Скадарское озеро и Бояну къ Адріатическому морю; но тамъ обѣ рѣки, по соединеніи, теряютъ свои имена, уступивъ ихъ Дринѣ; тогда какъ здѣсь одна, именно Морача, удерживаетъ свое имя и далѣе, и становится какъ бы главною рѣкою, а Зета ея притокомъ. Имя, какъ оно установилось въ народѣ, не передѣлаешь; да и по протяженію цѣлой сѣти водъ Морача превзойдетъ Зету. Это мы увидимъ при концѣ; а пока будемъ разсматривать ихъ, какъ двѣ отдѣльныя рѣки.

1. МОРАЧА.

Что касается истоковъ Морачи, то до сихъ поръ ни карты, ни описанія не даютъ объ нихъ точнаго понятія. (Въ послѣднее время есть болѣе точное описаніе О. Баумана, но для яснаго пониманія необходима карта, которая, однако, не вышла). Поэтому мы будемъ говорить объ ней еще съ большею осторожностью, чѣмъ говорили объ другихъ рѣкахъ, тѣмъ болѣе, что самому мнѣ и не привелось быть въ Горней-Морачѣ.

а) *Верховья.* Она вытекаетъ изъ-подъ Яворья двумя потоками: одинъ собственно Морача на высотѣ 1,652 метровъ, а другой—Рзачки-потокъ (Rsacki); первая идетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи около 10 кил. и при соединеніи съ другимъ потокомъ падаетъ на 530 метр. (1,122 м.), и также круто спускается до Поля, понизившись, на протяженіи $3^1/_2$ кил., на 379 м. (743 м.). Между тѣмъ какъ далѣе, на протяженіи почти 18 кил. до Морачскаго монастыря, она понижается всего на 378 метр. (365 м.) [1]).

У монастыря устроенъ черезъ нее каменный мостъ, монастырская задушбина отъ архим. Димитрія.

---

[1]) Эти числовыя данныя мы беремъ изъ брошюрки О. Баумана «Reise durch Montenegro» 1883. Они не имѣютъ большой точности; но, произведенныя однимъ и тѣмъ же способомъ при одинаковыхъ обстоятельствахъ, могутъ быть сравниваемы безъ большой погрѣшности между собою.

Пологое теченіе рѣки отъ Поля объясняется тѣмъ, что тутъ она идетъ по самому дну глубокой долины между Соминой, Градиштемъ, Вучьимъ съ одной стороны и отрогами Яворья — съ другой. Въ своемъ верхнемъ теченіи отъ соединенія съ Рзачкимъ-потокомъ она на протяженіи 13 кил. направляется къ юго-востоку, и тутъ находятся довольно обширныя высокія равнины, на которыхъ расположились села, такъ называемой, Горней-Морачи: по лѣвую сторону — Милошевина, Поле, Серке, Трновица, Рашка, Міольска; а по правую — Лѣвишта, Старче, Пожня, Яблань.

б) *Среднее теченіе.* Отсюда приблизительно еще 14 кил. она идетъ въ юго-юго-западномъ направленіи, гдѣ и принимаетъ съ правой стороны самый сильный притокъ Мртвицу. Здѣсь уже нѣтъ обширныхъ высокихъ равнинъ, а только небольшія отлогости или террасы близъ самой Морачи или въ глубинѣ ея боковыхъ долинъ, и тутъ посрединѣ находится монастырь во имя Успенія Богородицы.

аа. Ибришница. На этомъ пути съ правой стороны подходитъ рѣчушка Ибришница въ юго-восточномъ направленіи; она имѣетъ не болѣе 5 кил. протяженія; а далѣе впадаетъ Мртвица. Говорятъ, что голову ея составляетъ Капотаново озеро. Недалеко отъ Медрюрѣчья черезъ нее идетъ мостъ каменный, построенный кн. Даніиломъ въ память его матери Кристины 1855 г.

бб. Мртвица. Это весьма сильная рѣка, въ которой есть глубокіе омуты, содержащіе весьма крупную рыбу, и во время половодій весьма бурная, но весьма короткая: она выпадаетъ прямо изъ-подъ высокой стѣны въ разстояніи отъ своего устья приблизительно 7 или не болѣе 10 кил. изъ отроговъ Маганика и Лола. Вода въ ней необыкновенно холодна, откуда происходитъ и ея названіе.

вв. Сѣверница. Еще ниже съ лѣвой стороны течетъ въ Морачу р. Сѣверница, главная вершина которой берется изъ-подъ Островицы и идетъ въ юго-западномъ направленіи, а другая —

Требешница съ юго-востока изъ-подъ Птича. Соединившись вмѣстѣ, онѣ идутъ въ западномъ направленіи, имѣя протяженія въ началѣ приблизительно по 5 кил., а послѣ вмѣстѣ около 10 кил. Тутъ мы имѣемъ села по лѣвой сторонѣ Морачи: Сеоца, Раичевина, Равныя, Бары, Дьюдьевина, Улица, Виноградины, Петроваравань, Поды; а на правой: Осредки, Вишни, Лѣшня, Трешница, Ясенова, Церовица, Ибрія (все это — Волье-дубоко) и Медьюрѣчье. Большихъ потоковъ здѣсь не имѣется, но ключей много, посредствомъ которыхъ всюду почти можно произвести орошеніе полей. При монастырѣ имѣется потокъ въ длину не болѣе 40 — 50 метровъ, который тутъ же низвергается водопадомъ съ отвѣсной высоты 15 — 20 метровъ; и наверху находится постоянно работающая мельница. Потокъ этотъ берется изъ маленькаго озерца, лежащаго высоко, въ разстояніи 3 — 4 кил.

Обращенные къ югу склоны и горы, обступающія всю мѣстность съ сѣвера, иногда страшно глубокія долины — дѣлаютъ климатъ ея весьма теплымъ, такъ что здѣсь уже произрастаютъ грецкій орѣхъ и виноградъ. Далѣе, на протяженіи до 24 кил. до соединенія съ Малой-рѣкой Морача идетъ почти прямо на югъ въ чрезвычайно тѣсной и глубокой долинѣ, и села здѣсь расположены только при началѣ, и то удаленно отъ рѣки въ глубокихъ же тѣсныхъ долинахъ, именно на правой сторонѣ: Раче-брда, Смолица, Мртво-Дубоко, Горня-Ровца, Гуняна, Андріево, Богутовъ-до, Ясеновъ-до и Трманы, а по другую сторону — Сретешка-гора.

в) *Нижнее теченіе съ Малой-рѣкой.* Отсюда къ югу рѣка идетъ между такими высокими и крутыми берегами, что на протяженіи приблизительно 20 кил. нѣтъ никакого жилья; только недалеко отъ соединенія съ Малой-рѣкой стоитъ монастырь Дужи, да нѣсколько домовъ и колибъ еще ниже на отлогомъ берегу, называемомъ Морачица. Близъ устья на Малой-рѣкѣ стелется довольно просторная отлогость, на которой стоитъ село Біоче, а еще ниже село Мрки въ долинѣ, идущей къ Морачѣ.

Отсюда она до соединенія съ Зетой идетъ еще около 15 кил.,

и бо̀льшая половина этого теченія идетъ въ тѣсномъ, обставленномъ высокими стѣнами жерлѣ, называемомъ Мазаница, а затѣмъ она уже выходитъ на Подгорицкую равнину.

До этого пункта Морача поэтому имѣетъ всего протяженья приблизительно 76 кил. Вода въ ней, въ среднемъ теченіи, синеватаго цвѣта; а ниже — больше приближается къ зеленому.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ притокъ Морачи — Малую-рѣку, принадлежащую совершенно другой горной системѣ. Она составляется изъ Лѣвой-рѣки и Брзкута.

аа. Брзкутъ. Брзкутъ берется изъ-подъ Дьебезы и направляется почти прямо на востокъ между Планиницей и отрогами Жійовой и имѣетъ протяженія около 7 кил. Принимая на пути нѣсколько небольшихъ притоковъ, она повременамъ едва струится. Это чисто горный потокъ между высокими горами, около котораго, однако, на днѣ долины имѣются отлогіе берега, дающіе возможность расположиться внизу довольно большому селу того же названія. Здѣсь хорошо родится всякій хлѣбъ и фрукты умѣреннаго пояса; но рѣка рветъ мягкіе берега, преимущественно правый, уноситъ землю и подмываетъ даже самые дома.

бб. Лѣвая-рѣка. Какъ разъ на перерѣзъ Брзкуту въ южномъ направленіи идетъ Лѣвая-рѣка. Она беретъ свое начало подъ Птичемъ и, пройдя километра 4, соединяется съ потокомъ Ковачицкимъ, который имѣетъ протяженія около 6 кил. и берется изъ отроговъ Планиницы, а нѣкоторые потоки изъ Рашкова-гумна, за которымъ течетъ Веруша. Въ этомъ потокѣ всегда достаточно воды, потому что онъ имѣетъ нѣсколько побочныхъ потоковъ, какъ-то: изъ-подъ Лопатъ, Скробуша и др.; тогда какъ Лѣвая-рѣка, видимо, не питающаяся богатыми источниками, въ сухое лѣто совершенно изсякаетъ, и до Брзкута доходятъ только воды Ковачицы, тѣмъ не менѣе ей названіе присвоено Лѣвой-рѣки. До соединенія съ Брзкутомъ онѣ проходятъ еще около 3 кил.

Мѣста здѣсь живописны и пріятны, множество мельницъ, канавы для орошенія полей, всюду зелень; но земля довольно тощая, потому что вымывается, да и мало ея. Эта мѣстность составляетъ

переходъ между суровымъ климатомъ долины Тары и совершенно южнымъ характеромъ долины Морачи по соединеніи ея съ Малой-рѣкой.

Собственно вверхъ по Лѣвой-рѣкѣ находятся села: Птичъ, Ками, Душки, Слатско; а по Ковачицкому потоку — Рѣка и Лопаты, а въ углѣ ихъ соединенія — Ножица. Далѣе идетъ уже необитаемая тѣснина, въ которой, по соединеніи съ Брзкутомъ, идетъ Малая-рѣка. Дѣлая крутые повороты, эта послѣдняя держится главнаго направленія къ юго-юго-востоку, и въ этомъ направленіи проходитъ до 18 кил. въ страшной глубинѣ между высокими горами: Вѣтерникомъ съ одной стороны и отрогами Жійовой съ чрезвычайно высокимъ кучскимъ плато — съ другой. Мѣстами ее едва можно видѣть въ глубокой и узкой щели. Кромѣ того, она часто съ половины своего теченія совершенно пересыхаетъ, скрываясь подъ кучами щебня и валуновъ, нанесенныхъ ею же самою въ половодье. Но, когда прибываютъ воды, она растетъ быстро и вслѣдствіе тѣсноты поднимается въ высоту противъ Біоча на 10 и больше метровъ, много выше каменнаго моста, находящагося тамъ; и разрушаетъ его. Поэтому до Біоча, несмотря на довольно значительное протяженіе, на ней нѣтъ никакого жилья, и только при концѣ встрѣчается малое поселеніе Подкршъ; есть однако нѣсколько выше мельница. Съ боковъ мѣстами прямо изъ стѣны бьютъ водопады.

Вслѣдствіе такого характера рѣкъ, Братоножичи, находящіяся между Морачей и Малой-рѣкой, представляютъ собою мѣстность самую бѣдную водой.

г) *Характеристика мѣстности въ нижнемъ теченіи Морачи.* Выбравшись къ Подгорицкой равнинѣ, Морача не устремляется прямо черезъ нее, а уклоняется вправо, огибая склоны высокаго Пиперскаго-плато; видимо, что ее встрѣтила тутъ готовая выпуклость, верхъ которой составляетъ Горица, представляющая собою островъ среди равнины. Что отсюда идетъ легкій подъемъ къ юго-востоку къ р. Цѣвнѣ, доказываетъ остатокъ проведеннаго оттуда канала, по которому вода изъ Цѣвны выходила на

равнину, составляющую лѣвый берегъ Морачи. Она тутъ течетъ въ глубокомъ корытѣ, въ вышину до 10 кил., берега котораго состоятъ изъ конгломерата, разваливающагося, однако, пластами, въ видѣ громадныхъ толстыхъ плитъ, и въ обвалахъ образуются неглубокія пещеры съ плитообразными навѣсами, гдѣ лѣто и зиму ютятся чобаны со стадами овецъ и козъ. Ширина ея тутъ отъ 30 до 50 метровъ, а глубина настолько значительна, что только на двухъ мѣстахъ имѣются броды. Для сообщенія тутъ когда-то былъ большой каменный мостъ, можетъ быть, еще отъ римскаго времени, потому что въ немъ имѣются камни съ римскими надписями; въ настоящее же время пользуются только бродами или перевозомъ въ малыхъ, всегда текущихъ челнокахъ. Мостъ же находится близъ устья Малой-рѣки, изъ Блоча въ Кучахъ на Завалу въ Пиперахъ и устроенъ нынѣшнимъ княземъ. Въ верхнемъ теченіи Морачи есть каменный мостъ у Морачскаго монастыря, и изъ бревенъ и плетня передъ Междурѣчьемъ. Въ нижнемъ теченіи Морачи ловится чрезвычайно крупная пастрва — вершами, забойками, крючками, а иные, особенно жители села Мрке, зимою ныряютъ въ глубины подъ скалами, гдѣ она собирается кучами, и хватаютъ ее короткими баграми.

Когда-то эта часть Морачи была сильно населена. Въ углѣ между нею и Зетой былъ большой городъ Діоклея, а на другой сторонѣ также видны остатки построекъ на обширномъ пространствѣ. Теперь же на развалинахъ Діоклеи бѣдняки ставятъ свои колибы для уборки полей, а на другой сторонѣ бродятъ только чобаны со своими стадами.

д) *Сумма протяженія Морачи съ притоками.*

Всего теченія Морачи до этого мѣста до 76 кил.
Сѣть притоковъ приблизительно. . . . . 73 »

Сумма . . . . . 149 кил.

2. ЗЕТА.

Зета представляетъ собою главную артерію, забирающую въ себѣ воды съ обѣихъ половинъ Черногоріи.

Приблизительно можно сказать, что водораздѣльною точкою по длинѣ этой линіи служитъ Ноздре въ Дугѣ; а съ боковъ такою границею служатъ хребты съ той и другой стороны долины, о чемъ мы также имѣли уже случай говорить.

Сообразно съ этими границами, бассейнъ ея по прямой линіи занимаетъ длину до 55 кил., а въ ширину по обѣ стороны отъ 10 до 20 кил.

Опредѣливъ такимъ образомъ приблизительную границу, которою обозначается водная область Зеты, перейдемъ къ разсмотрѣнію цѣлой системы ея со всѣми развѣтвленіями.

а) *Верхнее теченіе.* Въ сѣверо-восточномъ углѣ такъ называемаго Горняго Никшицкаго поля вытекаютъ, неподалеку одинъ отъ другого, собственно Зета, Видроваць и Ростоваць, которые тутъ же и соединяются вмѣстѣ, и сначала всѣ идутъ къ востоку, гдѣ уже подъ именемъ одной Зеты, упираясь въ высокія горы, обтекаютъ ихъ, заворачиваютъ къ югу, и въ этомъ направленіи со множествомъ извилинъ протекаютъ около 20 кил.; потомъ, опять встрѣтивши новыя горы, Зета измѣняетъ направленіе въ западно-юго-западное, въ которомъ идетъ у подошвы горъ около 7 кил., и тутъ, наконецъ, встрѣтивъ поперечный хребетъ Планиницу, поворачиваетъ круто на сѣверъ и черезъ 1 кил., найдя поноръ, исчезаетъ въ немъ. Видроваць до соединенія съ Зетой протекаетъ до 2 кил., а Ростоваць до 3-хъ. Подъ Вирштакомъ встрѣчается сильный подземный токъ, изъ котораго образуется глубокій омутъ Виръ. Два угла Нижняго Никшицкаго поля, западный и сѣверо-западный, также даютъ притоки Зетѣ: одинъ изъ-подъ Машановой-главы изъ озера Крупца, называемый Мошточица; другой изъ-подъ Киты потокъ Сомутъ, который также имѣетъ расширеніе въ родѣ озера съ омутомъ посрединѣ его. Оба эти потока составляютъ въ сложности протяженіе до 18 кил.

Съ лѣвой стороны, какъ разъ при выходѣ изъ Горняго-поля на Нижнее, впадаетъ въ Зету потокъ Бистрица, текущій съ востока на западъ и имѣющій протяженія около 3 кил., но среди лѣта онъ всегда почти сухъ. Изъ отдѣльнаго кряжа, называемаго Студеначки-главицы, стоящаго позади Никшича, къ западу отъ него, изъ-подъ его подошвы, посрединѣ и изъ южнаго конца бьютъ ключи, которые потомъ собираются въ одинъ потокъ, текущій около 5 кил. и впадающій прямо въ Зету; онъ, однако, течетъ не постоянно.

Наконецъ, есть еще рѣка Грачаница, которая берется изъ-подъ Прекарницы и Лукавицы и протекаетъ по всей Никшицкой-жупѣ въ сѣверо-западномъ направленіи, а достигши Никшицкой равнины, поворачиваетъ къ Зетѣ почти прямо на югъ, пройдя всего до 26 кил.

По временамъ идетъ потокъ у сѣвернаго конца Никшича, а также и на югѣ бьютъ ключи и всѣ направляются къ югу. Въ разстояніи 3 кил. къ сѣверу отъ Никшича, за отдѣльнымъ холмомъ, бьютъ ключи по направленію отъ Грачаницы къ Быстрицѣ. Быстрица, Моштаница, а также и всѣ подземные ключи вокругъ Никшича, видимо, имѣютъ постоянную связь съ Грачаницей; всѣ они не что иное, какъ ея развѣтвленія, и въ то время, какъ Грачаница бурнымъ теченіемъ высоко завалила свое русло каменьями, такъ что въ сухое время не можетъ подняться выше ихъ, здѣсь вода проходитъ подземными путями и образуетъ ключи, болѣе или менѣе постоянные.

Что же касается вершинъ Зеты съ Видрованомъ и Ростовцемъ, то и онѣ пробиваются сначала въ видѣ сильныхъ ключей съ западной стороны проходящаго тутъ хребта Товича, слѣдовательно тоже идутъ съ востока. Откуда собираются всѣ эти воды — мы уже знаемъ.

Часть водъ подземными путями проходитъ сюда и изъ Дуги, а Крупацъ и Сомутъ — изъ-подъ Трепчи и Рудинъ. На Трепчѣ бываетъ такое скопленіе воды, что наполняетъ всѣ впадины и подъ крышу затопляются дома, выбирающіе мѣсто на возвы-

шеніи, и потомъ вся эта вода быстро исчезаетъ въ поноры, ведущія ее ниже, по всей вѣроятности, въ Никшицкое поле.

Такимъ образомъ Никшицкая равнина представляетъ собою обширный бассейнъ, собирающій изъ цѣлой своей окрестности воды въ самой низкой части, называемой Сливле, гдѣ по временамъ образуется цѣлое обширное озеро; а потомъ эти воды исчезаютъ въ понорѣ подъ Планиницей, чтобы снова вынырнуть на другой сторонѣ этого высокаго каменнаго барьера между Никшицкой равниной и идущею ниже ея долиной.

б) *Среднее теченіе*. Подземное теченіе Зеты должно составлять около $2^1/_2$ — 3 кил. Здѣсь она вытекаетъ нѣсколькими водопадами по откосу и собирается глубоко внизу въ тѣсномъ руслѣ; а потомъ, пройдя какой-нибудь километръ, вступаетъ въ широкую открытую долину. Тутъ же она усиливается Перутицей и Обоштицей, вытекающими между Будошемъ и Лигунаромъ, и является также сразу цѣлою рѣкой.

Оглядываясь назадъ, мы останавливаемся на томъ особенномъ явленіи, что цѣлая водная сѣть Верхней-Зеты съ ея собственнымъ теченіемъ въ 28 кил. и съ протоками до 57 кил., а въ суммѣ 85 кил., подвергается слишкомъ рѣзкимъ колебаніямъ. То всѣ рѣки наполняются водою до краевъ и на каждомъ шагу бьютъ подземные ключи, формирующіеся въ цѣлые потоки, то бо́льшая часть ихъ пересыхаетъ и до поноры едва волочится тощая Зета, потомъ еще болѣе тощею струей выбивающаяся на другой сторонѣ изъ Планиницы. Это отчасти объясняется составомъ почвы, гдѣ глинистый, задерживающій воду слой лежитъ глубоко подъ верхнимъ, состоящимъ, если не изъ хряща и щебня, то изъ породъ, легко пропускающихъ воду; но въ то же время показываетъ, что въ окружающей ее мѣстности нѣтъ постоянно-дѣйствующихъ жилъ, а вся вода берется съ поверхности отъ сейчасъ падающаго дождя или тающаго снѣга. Наконецъ помогаетъ этому и самая конфигурація, какъ Центральнаго массива, такъ и другихъ окольныхъ горъ: онѣ всѣ представляютъ собою вершины, стоящія на высокихъ и весьма широкихъ плато, по

которымъ вода, за отсутствіемъ правильныхъ скатистыхъ долинъ, растекается и проникаетъ во внутреннія пустоты, гдѣ она застаивается, такъ какъ нужно слишкомъ много воды, чтобы имъ переполниться. И значительная масса этой воды, проходя слишкомъ глубоко внизъ, пробивается только при подошвѣ горъ, на самомъ днѣ идущей далѣе Зетской долины. Такихъ низкихъ потоковъ множество по всему протяженію Средней Зеты; а изъ болѣе значительныхъ только съ лѣвой стороны — Острожскій, а съ правой — Дреновштицкій.

Въ дальнѣйшемъ теченіи къ Зетѣ присоединяется р. Сушица, берущая начало подъ Гарчемъ, а впадающая въ нее близь Спужа, пройдя до 10 кил.; но эта рѣка въ мокрый сезонъ дѣлаетъ чудеса своими наводненіями, а въ остальное время, т. е. бо́льшую часть года, остается совершенно сухою, откуда и получила свое названіе.

Какъ бы то ни было, и при этой слабой помощи Зета постепенно растетъ, и въ Даниловомъ-градѣ черезъ нее построенъ мостъ, имѣющій въ длину 200 метровъ (собственно надъ водой не менѣе 100 м.). Каменный же мостъ черезъ Зету — въ Спужѣ.

Дополненіе. Въ верхнемъ теченіи существуетъ каменный мостъ на Дукахъ, по пути въ Дугу, и еще тоже каменный черезъ Моштаницу, идущую изъ Крупца, а другой черезъ Зету, близъ сѣвернаго края Студеначскихъ-главицъ — разрушенъ.

Подъ Пажичами, съ лѣвой стороны, ниже Острога, перекинутъ каменный же мостъ черезъ одинъ потокъ; а противъ Дреновштицы, если нельзя перебродить, то переѣзжаютъ въ челнокѣ.

Ширинѣ Зеты и высокому стоянію воды помогаетъ малый скатъ русла, такъ что, напр., ниже Спужа она во многихъ мѣстахъ во всю свою ширину представляетъ почти совсѣмъ стоячую воду. Въ этомъ отношеніи обратимъ вниманіе на то, на какой высотѣ идетъ русло Зеты въ различныхъ мѣстахъ. Въ Никшичѣ она протекаетъ на высотѣ 652 метровъ, а Орья-Лука стоитъ на высотѣ 80 метр., слѣдовательно разница въ высотѣ 572 метр.; тогда какъ отсюда до Подгорицы, находящейся почти на такомъ

же разстояніи, разница эта, какъ мы уже видѣли въ отдѣлѣ орографіи, всего 3 метра.

в) *Сумма протяженія.* Подведемъ же теперь итогъ протяженію водной линіи Зеты до ея сліянія съ Морачей.

Верхнее теченіе	28 кил.
Подземное	$2^1/_2$ »
Отъ Планиницы	42 »
Всего	$72^1/_2$ кил.
Притоки всѣ вмѣстѣ около . . .	70 »
Въ суммѣ	$142^1/_2$ кил.

Разница съ Морачей по протяженію незначительная; но она увеличится, если откинуть протяженіе притоковъ, наполняющихся водою только періодически, и принять въ соображеніе малую покатость, помогающую высокому уровню воды.

Мы говорили уже о долинѣ средней Зеты; остается дополнить это еще однимъ замѣчаніемъ, что Зета нигдѣ почти не портитъ береговъ разрушеніемъ, а напротивъ вездѣ помогаетъ плодородію почвы своими разливами, какъ въ Сливлѣ, такъ и на Косовомъ-лугѣ и около Спужа.

Недавно оконченъ черезъ нее большой каменный мостъ выше ея соединенія съ Морачей, ведущій въ Пиперы.

Въ ней, какъ и въ Морачѣ, ловятся большія пастрвы, но еще въ большемъ количествѣ и съ бо̀льшимъ удобствомъ.

3. СОЕДИНЕННОЕ ТЕЧЕНІЕ ЗЕТЫ И МОРАЧИ.

По соединеніи съ Морачей Зета теряетъ свое имя, и вмѣстѣ онѣ идутъ подъ именемъ только Морачи, которая сначала направляется на югъ до Подгорицы; потомъ съ нѣсколькими колѣнами, обращенными въ западную сторону, продолжаетъ удерживать свое южное направленіе, и наконецъ при краѣ, вступивъ на

самую низкую часть равнины, дѣлаетъ еще колѣно къ западу и впадаетъ въ озеро противъ острова Вранины въ направленіи юго-восточномъ. При послѣднемъ поворотѣ къ западу выдѣляется протокъ Каратуна, а далѣе рѣка разбивается еще на два рукава, одинъ изъ которыхъ называется Быстрица, другой — Тара, и между ними находится островъ съ селомъ Быстрицей. Всего теченія ея до устья можно считать до 30 кил.

Приблизительно на половинѣ своего послѣдняго теченія, Морача, миновавъ высоты Любовичъ и Дайбабы, выходитъ на совершенную равнину, разбивается на рукава, образуя острова, и разрушаетъ лѣвый берегъ, благодаря тому, что тутъ уже не твердый конгломератъ, а мягкій грунтъ. Растекаясь въ ширь и разбиваясь на рукава, она въ такихъ мѣстахъ дѣлается мельче и образуетъ броды; а на Быстрицахъ ее нельзя перебродить только во время высокой воды. Нижнее теченіе ея иногда совершенно сливается съ озеромъ, но все-таки теченіе ея сказывается и тогда; и вѣками изъ ея же наносовъ образовалась мягкая, весьма плодородная почва, на которой давно уже населились цѣлыя села. Одинъ протокъ изъ Каратуны мимо Жабляка въ лиманъ рѣки Черноевича называется Малая-Морача, которая въ сухое лѣто пересыхаетъ, равно какъ и Каратуна въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи отъ Жабляка поддерживается только р. Бишевиной, вытекающей изъ Горняго-Блата.

На этомъ пути Морача принимаетъ въ себя съ правой стороны р. Ситницу, а съ лѣвой — Цѣвну.

а) *Ситница*. Ситница или Матица беретъ начало изъ Вучьихъ-студенцовъ въ Загарчѣ изъ-подъ невысокаго каменнаго кряжа; съ нею же вмѣстѣ идутъ и потоки Церковница и Трешневица. Сначала она идетъ черезъ Команы въ юго-восточномъ направленіи между Вельимъ-брдомъ (Црвена-стѣна) и Зеленикой, а потомъ къ югу, параллельно Морачѣ, вдоль Лѣшкополя и между Горними и Дольними-Кокотами, имѣя всего до 15 кил. Въ сухое время она не доноситъ своихъ водъ до конца теченія, а

когда и течетъ, то вслѣдствіе открытаго положенія и мелководья при плоскихъ берегахъ, вода ея чрезвычайно согрѣвается. На ней, однако, есть мельницы, работающія временно. Въ мокрое время она поднимается высоко, и тогда ее нигдѣ нельзя перейти; а между тѣмъ, черезъ нее лежитъ главный сухой путь съ Рѣки, черезъ Лѣшанскую-нахію, въ Подгорицы. Поэтому на ней недавно построенъ новый каменный мостъ вмѣсто стараго, давно разрушившагося. По обѣ стороны прекрасныя поля и виноградники.

б) *Цѣвна.* Цѣвна иначе называется Цемъ, откуда и прилегающая къ нему равнина называется Цемовское-поле.

Эта рѣка принадлежитъ Черногоріи только въ своемъ нижнемъ теченіи, гдѣ наполняется водою во время дождей; а наполнившись, несется такъ стремительно, что черезъ нее очень труденъ переѣздъ и на лодкѣ, такъ какъ быстрымъ теченіемъ съ водоворотами можетъ перевернуть ее или нанести на камень и разбить. Въ этомъ нижнемъ теченіи былъ черезъ нее весьма солидный каменный мостъ, но онъ разрушенъ во время войны (его названіе Хаджи-Мухтаръ); новый построенъ недавно черногорцами.

Начало ея весьма далеко подъ Проклятыми-горами съ южной стороны. Именно она беретъ начало двумя рукавами: Цѣвна Сельчанская и Цѣвна Вукальская. Первая, названная такъ потому, что на ней находится большое село Сельцы, племени Климентъ, выходитъ изъ-подъ Гребена (рядомъ съ Трояномъ или его отрогъ), съ значительной высоты, гдѣ находится, однако, широкая отлогость, покрытая лѣсомъ въ перемѣшку съ пастбищами; но, спустившись оттуда, она сразу попадаетъ въ узкую трещину. Потомъ Цѣвна проходитъ расширеніе, гдѣ стоятъ Сельцы, но и тутъ врѣзалась на днѣ долины въ такую щель, что ея не видать. Вукальская Цѣвна беретъ начало изъ албанскаго племени Вукли, изъ Проклятыхъ же горъ и идетъ еще круче, чѣмъ Сельчанская. Обѣ онѣ, пройдя приблизительно по 10 кил., соединяются. Это одна изъ живописнѣйшихъ мѣстностей: смотря

сверху, вы видите подъ собою зеленѣющія поля Сельцъ и ихъ бѣлые домики, затѣмъ два потока, скачущіе по камнямъ; между ними два грозныхъ великана — Голешъ и Бумче; первый острый, весь въ зубцахъ, второй наверху плоскій, какъ столъ, съ отвѣсно спускающимися сѣрыми стѣнами, и у подошвы ихъ, на небольшомъ мыскѣ, ханъ и черезъ соединенную Цѣвну перекинутъ мостъ Тамара. Вдали виднѣются стройныя горы Проклятыя: зубцы, гребни, шели, то въ видѣ черныхъ полосъ, то набитыя снѣгомъ.

Сельчанская Цѣвна проходитъ въ южномъ направленіи, а Вукальская въ юго-западномъ; отсюда же соединенная Цѣвна, идя въ глубокой долинѣ между Кучскими и Албанскими горами, до 15 кил. проходитъ извилинами, склоняясь больше то къ югу, то къ западу, а передъ выходомъ на равнину у Диношей до 9 кил. идетъ прямо на западъ.

Выйдя на равнину, она, однако, не остается на поверхности, а глубоко врѣзывается въ каменное ложе и суживается такъ, что можно перескочить съ одного края на другой. Пройдя еще 4 кил., на ней каменный мостъ, называемый Ржаницкимъ и имѣющій въ длину до 20 метровъ. Подъ нимъ сухое каменное русло, какъ бы выложенное громадными черными плитами; но, всмотрѣвшись внимательнѣе, вы увидите, что въ глубокой, темной трещинѣ что-то шипитъ и шевелится, — это и есть Цѣвна, забивающаяся въ щели, какъ бы храня отъ осушенія свой необильный или, вѣрнѣе, оскудѣвшій запасъ воды, и немного далѣе совершенно зарывается въ землю; но только пройдетъ день дождя, она вылѣзаетъ изъ своей щели и начинаетъ шумѣть и вздыматься, а при болѣе продолжительномъ дождѣ становится уже грозною и неприступною.

Отъ Ржаницкаго моста до ея впаденія въ Морачу съ извилинами около 12 кил., а направленіе западо-юго-западное.

Долина Цѣвны представляетъ самый лучшій путь отъ Подгорицы до Гусинья и Андріевицы; но, благодаря дикости арнаутъ,

онъ неприступенъ для Черногоріи, да и для нихъ часто затворяется вслѣдствіе ихъ междоусобій.

Цѣлое протяженіе Цѣвны приблизительно 50 кил. Притоковъ она не имѣетъ никакихъ, вслѣдствіе слишкомъ крутыхъ, большею частью отвѣсныхъ спусковъ; но и тѣ двѣ вѣтви, составляющія верховья, собираютъ массу воды съ большаго пространства и съ такихъ высотъ, гдѣ никогда не стаиваетъ вполнѣ снѣгъ; а имѣя склоны къ югу, къ морю, онѣ задерживаютъ на себѣ громадное количество атмосферныхъ осадковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и окружающія ее плато, между высокими горами, собираютъ большое количество воды, которая, однако, вслѣдствіе дырявости почвы, вся проваливается внизъ и питаетъ Цѣвну подземными путями: при днѣ ея множество потоковъ, никогда не изсякающихъ, на которыхъ работаютъ мельницы.

в) *Рѣбница*. Есть еще одна рѣка, которая впадаетъ въ Морачу съ лѣвой стороны, какъ разъ на краю Подгорицы. Она беретъ начало недалеко отъ Подгорицы изъ-подъ Какарицкой горы въ разстояніи по прямому пути до 3 кил., а съ извилинами отъ вершины до Морачи, можетъ быть, имѣетъ до $4^1/_2$ кил. Нѣсколько сильныхъ ключей, бьющихъ прямо снизу, сразу образуютъ рѣку. Она идетъ между берегами, состоящими изъ твердаго конгломерата, подобно Морачѣ, и въ берегахъ ея также много пещеръ. Около Подгорицы она имѣетъ довольно широкое русло, растекается и образуетъ острова, которые всѣ обращены въ сады и огороды. Ближе къ устью на ней находятся до десятка мельницъ. Черезъ нее въ городъ устроено три моста и еще одинъ близъ самаго впаденія въ Морачу. Она всегда обильна водою; цвѣтъ воды зеленоватый. Начало ея русла, однако, гораздо дальше, между домами Омербожовача и Диношами, изъ-подъ той же Какарицкой-горы; оно наполняется во время дождей, и тогда рѣка имѣетъ протяженіе съ извилинами километровъ около 8.

4. ДРЕВНІЙ ВОДОПРОВОДЪ.

Есть здѣсь одна замѣчательная вещь: это подземный водопроводъ, который берется изъ-за Диношей, какъ разъ отъ Цѣвны, и идетъ до Морачи, имѣя поэтому протяженіе около 12 кил. Онъ замѣтенъ и сверху, потому что нѣсколько возвышенъ; а когда начнете копать, то увидите сводъ, сдѣланный изъ кирпича, имѣющій въ вышину до 1 метра, а въ ширину нѣсколько ýже. Народъ приписываетъ это баснословному царю Дукляну, а другіе — римскому императору Діоклетіану, и предполагаютъ, что этотъ каналъ переходилъ даже черезъ Морачу для сообщенія воды Діоклеѣ. Что касается перехода его черезъ Рыбницу, то въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: слѣды этого перевода черезъ рѣку видны еще и теперь по обѣ стороны; а на правомъ берегу можно видѣть сводъ до 2 метровъ въ длину и $1^1/_2$ въ ширину, на 2 метра возвышенный надъ землей, такъ какъ лѣвый берегъ рѣки значительно выше. Далѣе онъ идетъ сначала одною линіей, а потомъ отъ него начинаютъ отдѣляться вѣтви направо и налѣво и, развѣтвляясь такимъ образомъ, онъ переходитъ дорогу, ведущую изъ Подгорицы въ Кучи, и тутъ слѣдъ его теряется.

Развѣтвленіе канала мы представимъ особо на картѣ окрестностей Подгорицы, а переводъ его черезъ рѣку можно видѣть изъ прилагаемаго чертежа, гдѣ означены: *а* и *б* остатки сводовъ, при чемъ ширина была въ 1 саж., а вышина въ 2 арш.; *г* и *д* — правый и лѣвый берегъ Рыбницы, состоящій изъ конгломерата, сложившагося пластами, между которыми и происходитъ разрушеніе; пройдя своды, каналъ постепенно спускается на землю и идетъ на правомъ берегу такъ же мало замѣтно, какъ и на лѣвомъ; *в* — поверхность Рыбницы.

Еще далѣе, за дорогой, ведущей въ Васоевичи, онъ показывается снова и опять теряется въ лабиринтѣ слѣдовъ отъ построекъ, когда-то бывшихъ между Горицей и Морачей. Тутъ вы найдете и слѣды православной церкви съ кладбищемъ, и слѣды

турецкихъ шанцевъ, а наконецъ и слѣды обширнаго городка со стѣнами, окружавшими его, и улицами. Изъ всего этого обзора можно съ увѣренностью сказать, что нѣсколько вѣтвей его пошло для орошенія на востокъ, гдѣ и теперь находятся сплошные виноградники; а одна вѣтвь отдѣлилась къ западу, гдѣ за Горицей также были поля. Каналъ этотъ служилъ именно для орошенія полей, а не для города Діоклеи, который въ немъ нисколько не нуждался, потому что близъ его, кромѣ Морачи, есть другіе источники. Когда-то тамъ былъ постоянно потокъ, съ вѣками засорившійся и пересохшій, и черезъ него былъ мостъ.

По этому водопроводу можно ясно видѣть, на какой высотѣ стоитъ вода Цѣвны, когда изъ нея могла быть переведена черезъ высокіе берега Рыбницы. Тамъ и теперь отъ нея, даже не въ дождливое время, отдѣляется вѣтвь и растекается по поверхности, образуя небольшіе потоки и болота, которыми пользуются для орошенія полей и виноградниковъ диношане; а потомъ вся эта вода сваливается обратно въ Цѣвну выше Ржаницкаго моста. Эта вода собирается недалеко отъ верховьевъ Рыбницы, притомъ не только выше ея русла, но и выше ея высокаго берега. Значитъ, вода Цѣвны легко можетъ проходить и въ Рыбницу; а можно предполагать, и съ большимъ вѣроятіемъ, что Цѣвна именно и сообщаетъ подземнымъ путемъ воду Рыбницѣ, такъ какъ она составляетъ единственную водяную артерію, которая собираетъ воды съ большого пространства высокихъ плато и горъ Кучъ и Албаніи, дающихъ на другую сторону также массу воды, спускающейся въ Плавское озеро и Лимъ.

Эта масса воды раздѣляется по всей низменности между Албаніей и Черногоріей: часть ея Рыбницей и Цѣвной проводится къ Морачѣ, а часть непосредственно спускается къ Скадарскому озеру въ видѣ короткихъ рѣчушекъ, какъ Плавница, Зетица, Станича-потокъ и др., появляющихся только при краѣ, въ самой низкой части равнины.

5. ОБЩІЯ ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

Какъ по протяженію, такъ и по массѣ воды Цѣвну мы должны разсматривать за отдѣльную самостоятельную водную артерію, подобно Морачѣ и Зетѣ, имѣющую свою собственную отдѣльную область, съ которой она собираетъ воду. Всѣ эти три рѣки не впадаютъ одна въ другую, а соединяются въ общемъ бассейнѣ, который представляетъ не одно озеро Скадарское, а и цѣлая впадина съ озеромъ и окружающею его равниной, составляющія какъ бы провалъ среди высокаго плато, поднявшагося когда-то изъ моря. Сообразно съ такимъ взглядомъ мы охарактеризуемъ эти рѣки по отношенію къ ихъ воднымъ источникамъ такъ: Зету поитъ съ одной стороны сѣверо-западный край Центральнаго горнаго массива, съ другой — массивъ, прилегающій къ морю; Морача питается главнымъ образомъ сѣверо-восточнымъ склономъ Центральнаго массива, а частью и продолженіемъ его на востокъ, составляющимъ связующее звено съ отдѣльнымъ горнымъ узломъ, въ которомъ находятся Комъ и Проклятыя; Цѣвна же беретъ свои воды изъ этого соединительнаго горнаго массива и изъ Проклятыхъ.

Разсмотрѣвши такимъ образомъ бо́льшую и главную часть водъ Адріатическаго бассейна, подведемъ цифровые итоги, служащіе мѣриломъ протяженности этой водной системы.

1) Морача съ притоками.....	149	кил.
2) Зета.....	142½	»
3) Цѣвна (съ Рыбницей).....	57	»
4) Соединенное теченіе трехъ рѣкъ.....	50	»
Общее протяженіе цѣлой этой сѣти.....	398½	»

6. РѢКИ ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ.

Намъ остается разсмотрѣть еще рѣки Приморской области.

Здѣсь мы прежде всего замѣчаемъ, что склоны идутъ съ одной стороны прямо къ югу и къ юго-востоку, какъ Бишевина изъ

Горняго-блата, съ другой — къ востоку и сѣверо-востоку, какъ Ораошгица и Цермница, соединяющіяся потомъ въ Вирштицу. Но всѣ эти рѣчушки короткія и текутъ одна другой навстрѣчу передъ впаденіемъ въ общій бассейнъ — Скадарское озеро.

О Бишевинѣ и вершинѣ ея — рѣчушкѣ Синьцѣ мы уже говорили. Здѣсь собирается вода со склоновъ большей половины Лѣшанской-нахіи, и цѣлое протяженіе этой водной жилы до р. Каратуны имѣетъ около 7 кил.

а) *Рѣка-Черноевича.* Затѣмъ слѣдуетъ Рѣка-Черноевича. Объ истокѣ ея изъ Ободской-пещеры и о самой пещерѣ мы уже говорили; намъ остается прослѣдить только дальнѣйшее ея теченіе.

Масса несомой ею воды опредѣляется тѣмъ, что на протяженіи какихъ-нибудь $2^1/_2$ кил. до городка Рѣки на ней находятся до 15 мельницъ и, помимо того, значительная часть воды ея идетъ мимо. Ширина ея тутъ до 60 метровъ при глубинѣ у крутыхъ береговъ въ 2 и 3 метра, а есть виръ и много глубже. Цвѣтъ воды ея зеленоватый; въ глубокихъ же мѣстахъ темно-зеленый съ синимъ оттѣнкомъ, какъ вода Адріатическаго моря у береговъ.

аа. Собственно рѣка или каналъ. Теперь о теченіи ея ниже г. Рѣки. Собственно теченія она имѣетъ весьма мало, отъ города километра на 3, гдѣ оно уже не ощущается вслѣдствіе подпора воды озера даже въ сухое время; а въ наводненіе, которое всегда приходитъ отъ озера, русло рѣки даже выше города представляетъ широкій лиманъ стоячей воды. Въ дальнѣйшемъ теченіи она имѣетъ видъ рѣки только потому, что вода заключена въ узкомъ пространствѣ. Это собственно широкій каналъ между чрезвычайно высокими берегами, безъ всякихъ отлогостей и постепенностей поднимающимися прямо изъ воды на 300—600 метровъ. Нѣсколько мысовъ, выдвигающихся то съ правой, то съ лѣвой стороны заставляютъ ее дѣлать такія извилины, что иногда вы идете точно назадъ; такіе мысы сначала съ лѣвой стороны Градина, потомъ Сичъ, а затѣмъ самую большую извилину

приводится дѣлать изъ-подъ горы Лисина вокругъ мыса Рудины съ правой стороны, и отсюда начинается расширеніе мѣстности: съ правой стороны Рудины, а впереди съ лѣвой стороны выступаетъ Превнака. Въ сухое время вы видите здѣсь на правой сторонѣ обширный низменный лугъ, посрединѣ котораго стоитъ небольшой остроконечный холмикъ Малая-Орлія; такой же лугъ стелется и по другую сторону въ изгибѣ Превлаки; а чуть вода поднялась, луга эти затопляются, холмъ является островкомъ, а лѣвая мѣстность озеромъ, которое поросло бѣлыми и желтыми водяными лиліями, чилимомъ и другими водорослями, и по этому жидкому зеленому лугу снуютъ утки и другія водныя птицы, вьются стаи бѣлыхъ чаекъ, хватающихъ рыбу, а по отмелямъ бродятъ цапли и аисты, бѣлые и сѣрые; налетаютъ также бакланы и баба-птица; и тутъ же шмыгаютъ утлыя лодченки: то везутъ дрова, то рыболовъ бросаетъ сѣть, то собираютъ чилимъ. Иногда пройдетъ длинная черная ландра съ чрезвычайно длиннымъ, острымъ носомъ съ какимъ нибудь грузомъ или съ пассажирами, а изрѣдка увидите и пароходикъ. Въ большую воду вы всѣ эти извилины можете пересѣкать поперекъ, а въ малую — должны вилять, слѣдуя кривизнамъ русла. Русло идетъ вправо отъ Превлаки, и тутъ на правомъ же берегу главная рыболовная тоня Плоча. Влѣво между Превлакой и островомъ Одриньская-гора идетъ р. Каратуна: въ сухое время вы ее видите между берегами, которыя обросли вербами, а въ большую воду отличаете ее только по слабому теченію болѣе холодной воды.

Есть здѣсь, однако, и другой путь, черезъ Превлаку. Превлака представляетъ собою группу возвышеній, которыя къ материку совершенно принижаются и связаны съ нимъ нешироким перешейкомъ. Его-то цеклиняне и проломили, чтобы можно было въ большую воду проходить прямо, а черезъ каналъ этотъ, для сухопутнаго сообщенія, сдѣлали мостикъ. Этотъ проходъ называется Ишанова-тѣскота. Пройдя ее, вы вступаете въ заливъ: влѣво вдалекѣ видите село Каручъ и подъ нимъ тоня Волачъ съ

Калудьеровымъ-окомъ и противъ нихъ тоня Базагуръ; а вправо, у берега—Превлаки-Рань.

бб. Лиманъ съ островами. Отсюда начинаются острова, которые всѣ сбились къ лѣвой сторонѣ: самый большой — Одриньская-гора, и на сѣверо-восточномъ концѣ его отдѣльная пологая вершинка Комъ. Между Комомъ и Одриньской-горой есть длинный заливъ, въ углѣ котораго находится весьма глубокое мѣсто, называемое Янкова-яма; а передъ нею, въ узкомъ мѣстѣ, тоже довольно глубокомъ, говорятъ, видится подъ водою мостъ, а по словамъ нѣкоторыхъ, есть и дома. Въ сухое время отъ Додошъ нужно только перевезтись черезъ Каратуну, и потомъ сухопутно по лугу придти на Комъ; также можно и отъ Жабляка. Разстояніе между Превлакой и Одриньской-горой до $1\frac{1}{2}$ кил.; а отъ этого послѣдняго кил. на $3\frac{1}{2}$ на юго-востокѣ островъ Вранина съ двумя вершинами.

Пройдя немного отъ Плочи, вы вступаете въ расширеніе, которое можно считать лиманомъ Рѣки, и тутъ съ лѣвой стороны идетъ рядъ острововъ: сначала маленькій, длинный и невысокій островокъ Цеклинская-глиста, потомъ Липовнякъ съ низкою оконечностью, называемою Масловаръ; Каменикъ, послѣ Одриньской-горы самый большой островъ, отъ этой послѣдней въ разстояніи около 3 кил. ближе къ Враниѣ — Чаковицы большая и малая. Въ сухое время между ними появляются значительныя пространства луговъ и вода между ними проходитъ въ видѣ нешироких протоковъ. Всѣ они каменистые, скалистые, покрыты гранатникомъ, зеленикой (вѣчно зеленый дубъ) и лавромъ (особенно Каменикъ, Липовнякъ и Комъ), не говоря уже о другихъ породахъ въ видѣ деревъ или кустарника. Жилья на этихъ островахъ постояннаго нѣтъ; а только на нѣкоторыхъ изъ нихъ есть колибы; и только на Комѣ стоитъ церковь съ гробницей Стефана Црноевича и его жены и развалины другихъ зданій отъ бывшаго здѣсь монастыря.

Рядъ этихъ острововъ замыкаетъ собою Вранина, самый большой изъ нихъ: онъ имѣетъ въ высоту до 600 метровъ и со-

стоитъ изъ двухъ вершинъ, между которыми образуется сѣдло. На южной сторонѣ его, обращенной къ озеру, на нѣкоторой высотѣ, былъ когда-то знаменитый монастырь во имя св. Николая; а потомъ турки, разрушивши его, построили тутъ крѣпость, которую, въ свою очередь, недавно разрушили черногорцы. На сѣверной же сторонѣ находится село изъ 80 домовъ. Вранина имѣетъ совершенно голый видъ, особенно съ южной стороны; но, говорятъ, на ней растутъ отличныя травы для мелкаго скота. На южной сторонѣ много гранатника, но низкаго, изувѣченнаго, и видны слѣды бывшихъ когда-то виноградниковъ и маслинадъ. Къ западу отъ Вранины, въ разстояніи около 1 кил., находится маленькій, плоскій островокъ Лесендра съ фортецой. Отсюда начинается уже открытое озеро.

Всего протяженія Рѣка имѣетъ отъ начала до расширенія ниже Плочи до 12 кил.; а расширеніе или лиманъ до линіи Вранины около 5 кил. Ширина лимана отъ 50 метр. до 1 кил.

б) *Цермница и Виръ.* Цермница собственно беретъ начало въ Глухомъ-долѣ изъ-подъ Пресѣки и идетъ на сѣверо-сѣверовостокъ. При началѣ къ ней присоединяется Лимская-рѣка, берущаяся изъ-подъ Сутормана. Идя сначала, какъ всѣ горные потоки, по крутому склону, онѣ скоро вступаютъ на равнину и идутъ далѣе подъ однимъ именемъ Цермницы. Она течетъ уже въ мягкомъ руслѣ, окруженная вербами, тальникомъ и другимъ кустарникомъ, мѣстами разбивается на рукава, идетъ очень извилисто и такимъ образомъ представляетъ собою цѣлую водяную сѣть. По пути къ ней спускается небольшой потокъ отъ Болевичей и еще изъ одной боковой долины.

Ораоштица берется изъ Подгора, составляясь изъ потоковъ, вытекающихъ изъ горы Негалицы и отъ Брчелей. Отъ Цермницкой равнины ее отдѣляетъ кряжъ Бѣласица; поэтому она избираетъ свой собственный путь между этимъ кряжемъ и краями главнаго массива. На пути Ораоштица принимаетъ въ себя нѣсколько потоковъ отъ Градьянъ, потомъ Васоевицу изъ Дупила и др. Начиная отъ Градьянъ, течетъ она въ чрезвычайно глубо-

кой долинѣ, иногда въ тѣснинѣ, а мѣстами по краямъ ея стелятся довольно пространныя поля. На правой сторонѣ, на склонѣ Бѣласицы, расположилось село Орахово. Направленіе ея восточно-юго-восточное. Около Вирбазара она соединяется съ Цермницей, и далѣе онѣ идутъ подъ именемъ Вира или Вирштицы.

Виръ идетъ совершенно по низменности въ родѣ канала, между низкими берегами; русло его довольно глубокое, при ширинѣ 15 — 20 метр.; при устьѣ образуется отмель, а кругомъ болото.

Протяженіе ихъ:

Цермница собственно.	до	11 кил.
Лимская-рѣка	»	2 »
Ораоштица	»	14 »
Вирштица	около	2 »
Сумма.		29 кил.

7. БОЯНА.

Къ востоку и сѣверо-востоку отъ Скадарскаго озера есть также нѣсколько потоковъ, которые собираютъ воды изъ-подъ Проклятыхъ, подобно Цѣвнѣ, но всѣ они на столько слабы, что бо́льшую часть года стоятъ сухими, не исключая и самаго важнаго изъ нихъ — Кира, берущаго начало далеко изъ-за Маранья, въ разстояніи отъ устья приблизительно до 40 кил., и проложившаго себѣ путь не въ озеро, а въ Бояну, протекая черезъ самый Скадаръ. Даже во время наводненія онъ поднимается только на 3 — 4 часа, а потомъ тотчасъ упадаетъ. Поэтому, не останавливаясь на такихъ временныхъ потокахъ, мы перейдемъ къ Боянѣ, въ которой собираются воды всей разсмотрѣнной нами области.

Выходя изъ озера, она со множествомъ извилинъ направляется къ морю въ юго-западномъ направленіи и имѣетъ протяженія до 40 кил., изъ которыхъ около 15 кил. береговой линіи въ нижнемъ ея теченіи принадлежатъ Черногоріи.

По прежнимъ вычисленіямъ, уровень озера выше моря считался до $6^1/_2$ метровъ, а по заявленію инженеровъ, занимающихся планомъ регулированія Бояны, эта разница достигаетъ 12 метровъ, слѣдовательно почти вдвое. Не относятся-ли эти измѣренія къ различному стоянію воды въ озерѣ въ различныя времена года? Какъ бы то ни было, Бояна, при всей быстротѣ теченія, усиливаемаго еще Дриномъ, и теперь доступна судоходству отъ моря до Оботъ, гдѣ и начинаются мели, не доходя до озера 13 — 14 кил.

При самомъ истокѣ Бояны къ правому берегу ея придвинулись высоты Таробоша; а съ лѣвой стороны, тотчасъ миновавъ холмъ Розафу, на которомъ стоитъ крѣпость, начинается низкая равнина, тянущаяся до самаго моря съ однимъ перерывомъ ниже Оботъ, гдѣ пересѣкаетъ ее одинъ поперечный кряжъ, на которомъ съ правой стороны находится укрѣпленіе, называемое Белай, по имени бывшаго когда-то тутъ стараго града того имени. Тутъ она дѣлается узкою, глубокою, съ чрезвычайно стремительнымъ теченіемъ, образующимъ водовороты. Пройдя эти ворота, она опять расширяется и течетъ мирнѣе. Ширина ея измѣняется отъ 100 — 200 и болѣе метровъ, а глубина настолько значительна, что трабакулы прямо изъ моря поднимаются вверхъ. Одно только затрудняетъ, — это измѣненіе ходовой линіи. Проходя вездѣ между мягкими берегами, она ихъ рветъ и засоряетъ русло попеременно то съ той, то съ другой стороны, и такимъ образомъ перемѣщаетъ его съ одного мѣста на другое.

Наибольшій же вредъ наноситъ этому Дринъ. Подпирая озеро и заставляя его наводнять всю свою окрестность, онъ и въ самой Боянѣ осаждаетъ изъ своей мутной воды массу несомой имъ земли и песку, образуя поперекъ ея пересыпи и мели, мѣшающія проходить судамъ къ Скадру.

Мы упоминали уже о томъ, что Бояна рветъ свои мягкіе берега съ той и другой стороны; но, кажется, больше всего она обрываетъ лѣвый берегъ; такъ, на этомъ берегу православный монастырь св. Сергія и Вакха на половину уже обрушился въ

воду. Кромѣ того, есть слѣды, что она шла когда-то далеко западнѣе, т. е. вдавалась въ правую сторону. Это на равнинѣ передъ Ульциномъ, гдѣ и теперь существуетъ впадина, лежащая ниже уровня Бояны, и далѣе видно, гдѣ проходило русло къ морю въ разстояніи отъ Ульцина 4 — 5 кил.; судя по этому, настоящее русло уклонилось влѣво приблизительно на 10 кил.

Въ упомянутой впадинѣ въ настоящее время образовалось изъ мѣстныхъ потоковъ озерцо Зогай, имѣющее въ длину до $2^1/_2$ кил., а въ ширину до 1 кил.

При устьѣ Бояны, конечно, образуется баръ, который чрезвычайно затрудняетъ входъ и выходъ судовъ, поэтому тоже нуждающійся въ регулированіи.

На всемъ своемъ теченіи Бояна принимаетъ въ себя нѣсколько потоковъ. О Кирѣ съ лѣвой стороны мы уже говорили; а съ правой ихъ больше, но все короткіе и незначительные, какъ Облика, Катерколъ и др. Но есть одинъ, который можно назвать рѣкой — это Мегуредъ или Медьюречъ. Онъ берется между Румією и Лисиномъ, потомъ идетъ между невысокими кряжами, идущими отъ Руміи, Лисина и Можуры сначала въ южномъ, а потомъ въ юго-восточномъ направленіи. Въ этой второй половинѣ своего теченія онъ попадаетъ въ расширеніе, въ нижнемъ концѣ замыкаемое горами съ однимъ только узкимъ проходомъ, черезъ который и уходитъ рѣка въ Бояну; но передъ тѣмъ находится также значительное углубленіе, въ которомъ и собирается вода въ видѣ озера, называемаго Шасъ. Озеро это, конечно, измѣняетъ свою величину временемъ года; но постоянная его величина не болѣе 500 метровъ въ поперечникѣ, тогда какъ въ дождливое время оно удлиняется до 4 кил., и тогда вся эта равнина пересѣкается множествомъ потоковъ и часть ея совершенно затопляется.

Мегуредъ служитъ естественною границей между Черногоріей и Турціей. Передъ впаденіемъ его въ Бояну находится мостъ и тутъ же, на черногорской сторонѣ, село св. Георгія (по-арнаутски Снерчь); нѣсколько домовъ, впрочемъ, и на турец-

кой сторонѣ. Въ верховьяхъ рѣки также есть мостъ, называемый Каменичкій.

Все теченіе Мегуреда вмѣстѣ съ Шасскимъ озеромъ составляетъ около 20 кил. Есть и еще одна рѣчушка Братица, берущаяся изъ-подъ Можуры и не достигающая Бояны, а теряющаяся въ равнинѣ, гдѣ и Зоганьское озеро. Она имѣетъ протяженіе около 8 кил. Есть, впрочемъ, протокъ ея и къ морю по каналу, очевидно прорытому когда-то человѣческими руками.

Такимъ образомъ къ водной линіи 40 кил. собственно Бояны можно еще придать протяженіе ея побочныхъ водъ: Кира, Мегуреда и Братицы до 68 кил.

8. ЖЕЛѢЗНИЦА И РИКАВАЦЪ.

Остается присоединить еще двѣ рѣчушки, проложившія каждая свой собственный путь къ морю: Желѣзницу и Бунаръ.

Первая изъ нихъ беретъ начало въ изгибѣ между Суторманомъ и Румією, идетъ въ юго-западномъ направленіи и имѣетъ около 7 кил.; вторая беретъ начало между Румією и Лисиномъ и идетъ почти прямо на западъ, имѣя протяженія до 8 кил.

И та, и другая сначала идутъ между горъ, а потомъ вступаютъ на Барскую равнину, гдѣ на многихъ мѣстахъ сами собою раздѣляются на рукава, а мѣстами посредствомъ искусственныхъ канавъ разводятся на поля, подлежащія обработкѣ. При впаденіи ихъ интересно наблюдать борьбу съ моремъ: онѣ стараются удержать свое направленіе и достигаютъ этого въ рыхломъ береговомъ грунтѣ; но только ударитъ западный вѣтеръ (ponente), потокъ не въ состояніи побороть волны, задерживается въ своемъ движеніи впередъ и уклоняется вбокъ, а передъ нимъ тотчасъ же выростаетъ барьеръ до полутора метра вышины, и онъ идетъ вбокъ, покуда не пріобрѣтетъ большей силы: тогда онъ снесетъ этотъ барьеръ и воротится въ свое прежнее направленіе.

Желѣзница въ послѣднемъ своемъ теченіи составляетъ границу между Черногоріей и Австріей; а Рикавацъ впадаетъ у

Барской пристани, и неподалеку отъ берега въ него течетъ постоянный потокъ соленой воды изъ-подъ стоящаго тутъ мыса Волуйцы. Немного выше черезъ эту рѣчушку устроенъ мостъ, чтобъ она не могла мѣшать сообщенію и при наводненіи.

V. Сравненіе и оцѣнка рѣкъ обоихъ бассейновъ.

Подводя теперь общій итогъ протяженія всѣхъ рѣкъ Черногоріи, мы можемъ представить его въ слѣдующей табличкѣ:

I. БАССЕЙНЪ АДРІАТИЧЕСКАГО МОРЯ.

1) Морача собственно съ притоками	149	кил.
2) Зета.....	142½	»
3) Соединенное теченіе Зеты и Морачи..	107	»
4) Горнее-блато съ Бишевиной.....	7	»
5) Рѣка-Черноевича съ лиманомъ	17	»
6) Цермница.....	22	»
7) Скадарское озеро.....	40	»
8) Бояна съ притоками.....	108	»
9) Желѣзница и Рикавацъ	15	»
Сумма.....	607	кил.

II. БАССЕЙНЪ ЧЕРНОМОРСКІЙ.

1) Лимъ съ Плавскимъ озеромъ и притоками	252	кил.
2) Тара съ притоками.....	238	»
3) Пива.....	161	»
Сумма	651	кил.

Изъ этой таблички очевидна бо̀льшая протяженность рѣкъ черноморскаго бассейна. Сверхъ того, въ первой системѣ мы приняли въ счетъ много рѣкъ, которыя бо́льшую часть года бываютъ безводны, какъ напр. Малая-рѣка, Цѣвна, Грачаница и др.; тогда какъ въ другой такова только Сушица; но и та въ нижнемъ своемъ теченіи выступаетъ наружу, скрываясь только

въ среднемъ. Затѣмъ, рѣки черноморскаго бассейна берутся на несравненно большей высотѣ и имѣютъ паденіе круче, слѣдовательно онѣ быстрѣе и скатистѣе. Принимая въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, мы должны будемъ признать, что масса воды въ рѣкахъ черноморскаго бассейна несравненно значительнѣе, чѣмъ бассейна Адріатическаго моря.

Если же мы проведемъ линію, составляющую границу этихъ бассейновъ, то найдемъ, что рѣки адріатическаго бассейна собираютъ свою воду съ пространства вдвое бо́льшаго, чѣмъ рѣки черноморскаго бассейна.

Отсюда заключаемъ, что сѣверо-восточная половина и особенно южная оконечность этого послѣдняго — отличаются обиліемъ воды передъ половиной юго-западной, въ которой двѣ рѣки, Цѣвна съ Рыбницей и Киръ, составляющія въ общемъ счетѣ 87 кил., берутъ начало изъ тѣхъ же горъ, изъ которыхъ и Лимъ.

Къ сожалѣнію, это не имѣетъ никакого практическаго значенія, такъ какъ рѣки черноморскаго бассейна принадлежатъ Черногоріи только своими верховьями, которыя текутъ такъ круто и между такими высокими берегами, что на нихъ не къ чему спускать даже челнъ; а между тѣмъ, немного ниже на Дринѣ, у Фочи, на нѣкоторыхъ мѣстахъ могутъ свободно ходить большія лодки, а ниже Вышеграда лодками можно доставлять различный грузъ до Савы, гдѣ уже идетъ сообщеніе пароходное. Рыбная ловля въ этихъ рѣкахъ также не существуетъ, какъ промыселъ, а служитъ только случайной добычей. То же самое могли бы сказать и о рѣкахъ другой системы, если бы не было Скадарскаго озера, которое служитъ отличнымъ путемъ сообщенія и отъ котораго народъ можетъ наживаться также и рыболовствомъ, которое, впрочемъ, значительно въ Зетѣ и Морачѣ при ихъ сліяніи. А наконецъ, составляющаяся изъ суммы этихъ рѣкъ Бояна, при добромъ хозяйствѣ, составляетъ одно изъ такихъ природныхъ благъ, которому цѣны нѣтъ: это путь самый легкій, самый дешевый и притомъ далеко не требующій такого ремонта, какъ всѣ другіе пути, тѣмъ болѣе, что черезъ Бояну

вы выходите въ море, слѣдовательно вступаете въ непосредственную связь съ цѣлымъ свѣтомъ.

VI. Мелкія водяныя жилы.

Наконецъ, упомянемъ и о тѣхъ малыхъ водяныхъ жилахъ, которыя, хотя не развились сами до величины рѣкъ или болѣе значительныхъ потоковъ, но, тѣмъ не менѣе, теряясь въ глубинахъ земли, питаютъ другія, болѣе мощныя жилы. Такихъ довольно много представляетъ намъ сѣверо-западная окраина Черногоріи.

На самомъ сѣверѣ между высотами Орлово-брдо, Лебершникъ и др. съ одной стороны, Леденицей и Добрелицей съ другой, образуется обширная равнина подъ названіемъ Равно; она вся покрыта ключами, которые на одну сторону идутъ къ разсмотрѣнной уже нами рѣкѣ Вербницѣ, а въ другую сторону — къ Гацкому полю стекаютъ въ долину Жаневицу. Тутъ образуется цѣлый потокъ, который, спустившись внизъ, встрѣчаетъ другіе потоки и изъ ихъ соединенія составляется р. Муштица, проходящая черезъ Антовацъ, потомъ подъ Метохіей и далѣе, направляясь къ сѣверо-западу, встрѣчается съ р. Грачаницей, берущейся изъ-подъ Невесинскаго-поля, и вмѣстѣ, обратившись къ югу, исчезаютъ въ понорѣ между горами Бабой и Бѣластицей. По народному предположенію, этотъ потокъ выступаетъ потомъ въ мѣстности, называемой Корита, въ видѣ ключей, но и тутъ опять исчезаетъ, пока, наконецъ, достигнувши подземными путями Билечи, выходитъ въ видѣ р. Требишницы, которая далѣе идетъ, касаясь немного (приблизительно 10 — 12 кил.) и черногорской границы. На черногорскомъ берегу ея стоитъ монастырь Косіерево, а по другую сторону монастырь Добричево.

Въ сѣверо-западномъ концѣ Дуги изъ-подъ Крстца собирается также много ключей, у села Чарадье, которые всѣ сливаются въ одну котловину Сопоты, гдѣ и исчезаютъ въ поноръ; а далѣе черезъ небольшую перемычку, гдѣ другая половина Чарадья, ключи собираются въ небольшой потокъ, идущій къ Гац-

кому, проваливающійся, не достигши его, въ поноръ у подошвы Чурилца. Перейдя небольшой валъ на Боботовомъ-гроблѣ, у подошвы того же Чурилца, есть еще поноръ, въ который падаетъ потокъ, берущійся изъ-подъ Орлины и другой, болѣе значительный, изъ-подъ Кряжа Гата на Гацкомъ полѣ. На соединеніи этихъ двухъ потоковъ, какъ разъ въ жерлѣ понора, была когда-то мельница, и теперь внизу лежитъ жерновъ, и туда есть искусственный спускъ.

Въ Пилатовцахъ (въ Опутной Рудинѣ), также собирается множество ключей, а на самой границѣ выходитъ потокъ Коравница, текущій въ Требишницу, которая идетъ какъ разъ тутъ по роскошной равнинѣ, дѣлая множество извилинъ.

Въ потокахъ на Граховомъ-полѣ находятся нѣсколько ключей, изъ которыхъ собирается вода въ двѣ большія бистіерны; а подъ Граховомъ богатый ключъ Осѣченица; а поднявшись оттуда и переваливъ Боянье-брдо, вы встрѣтите верховья потока Заслапа, который также течетъ въ Требишницу.

По всему видно, что вдоль всей этой границы склонъ идетъ къ западу и всѣ водяныя жилы соединяются въ Требишницѣ, которая, однако, исчезаетъ на Поповомъ-полѣ, и часть ея, можетъ быть, вытекаетъ въ Гружъ подъ именемъ Омблы.

Между черногорской границей и Васвимъ-врхомъ въ Кривошіяхъ собирается также много ключей, которые потомъ въ видѣ потока Ораховацкаго впадаютъ въ Бокку; а немного южнѣе потокъ Люта.

Ловченскія высоты даютъ нѣсколько потоковъ Приморью; изъ нихъ болѣе значительный, Коложунъ, протекая по Жупѣ, впадаетъ въ Бокку недалеко отъ Превлаки.

Наверху Ловчена есть нѣсколько богатыхъ ключей, какъ Иванова-корито, Любимъ-потокъ, Межуаршъ и др. Изъ-подъ Хума надъ Бѣлошами бьетъ ключъ Соколъ. Но всѣ эти ключи замѣтно изсякаютъ. У села Угней богатые ключи Врела, а далѣе въ Люботинъ-Обзовица. Всѣ эти воды склоняются по направленію къ долинѣ Рѣки; все равно какъ и потоки съ Люботина и

Зачира; а далѣе за Дубовымъ склоны идутъ уже къ Рѣкѣ въ нижнемъ теченіи и къ озеру. Тамъ изъ ключей Добринъ, Марковъ и Вролеза составляется потокъ Зайчинъ, спускающійся къ Поселянамъ, и на немъ много мельницъ.

Тамъ, гдѣ есть рѣки и большіе потоки, не стоитъ говорить о мелкихъ потокахъ и ключахъ; но нѣкоторые изъ нихъ пользуются особенною извѣстностію, таковъ подъ вершиной Кома съ западной стороны ключъ Маргарито на кратчайшемъ пути изъ Лѣвой-рѣки на Андріевицу; а на другой сторонѣ Кома при Планиницѣ — славится Бѣлая вода.

Кучи, какъ и вся Катунская нахія, бѣдны водою, поэтому не лишне указать и здѣсь болѣе важные ключи и потоки. Часть ихъ относится собственно къ Кучской-Краинѣ и имѣетъ склонъ къ востоку къ Цѣвнѣ. Тутъ самый сильный резервуаръ воды представляютъ Корита въ лощинѣ между Ораховскимъ-хумомъ и Соколомъ. Воды въ нихъ много, хотя она мутится, потому что не течетъ, а собирается въ круглыхъ бассейнахъ Делой, Бенкой и Никморошъ; села въ Затребчѣ также имѣютъ свои ключи, сваливающіеся къ Цѣвнѣ, но всѣ незначительны. Тотчасъ за кряжемъ, отдѣляющимъ Затребачъ отъ Кучъ, склонъ идетъ уже къ западу. Тутъ община Орахово имѣетъ нѣсколько ключей, которые на мѣстѣ же скрываются въ землю. Къ югу и юго-западу отъ Жійовой собирается больше ключей у Нижней Кржани или Кривого-дола, и отсюда идетъ цѣлое русло, называемое Жлебъ, которое по цѣлому этому плато, называемому Кучкое повѣрье, въ южномъ направленіи черезъ гору Цвилинъ спускается къ селу Ублямъ. Русло это, имѣющее протяженія за 10 кил., большею частію стоитъ сухимъ, и только по временамъ наполняется водою, и тогда, спускаясь въ видѣ водопада къ Ублямъ, производитъ громадные наносы камня, портя лежащія внизу поля. Этотъ сухой потокъ проходитъ близъ села Безьова, и тамъ существуетъ постоянный ключъ. По народному преданію Жлебъ былъ постоянный потокъ; но св. Савва проклялъ его и онъ осушился, и только на память того остался богатый ключъ на Безьовомъ.

Отсюда водяная жила раздваивается: одна идетъ къ западу по направленію къ Косору и Біочу; другая къ юго-западу черезъ Медунъ къ Подгорицкой равнинѣ. Километра 3 отъ Косора къ западу выбивается изъ земли богатый ключъ Ланьевикъ, который, исчезая тутъ же въ землѣ, пробивается подъ берегомъ Морачи, гдѣ ему остается то же названіе и отлогость по нему называется Ланьсвочка-лука.

Верхній и Нижній Медунъ раздѣляетъ одна перемычка, на выдающемся пунктѣ которой стоитъ крѣпость. Есть ключи и въ Горнемъ-Медунѣ; но болѣе сильные на сторонѣ, обращенной къ Подгорицѣ. Идя туда, вы имѣете по правую сторону нѣсколько ключей, которые пробиваются и на дорогу; а пройдя Сѣницу, васъ встрѣчаетъ богатый ключъ (чесма), вода изъ котораго собирается въ прудѣ и тутъ устроена мельница. Слѣва идетъ долина Вербица, въ которой протекаетъ потокъ и на немъ мельница. Отсюда же берется и Златицкій потокъ, гдѣ когда-то былъ монастырь (и теперь видны развалины и гробницы). Воды, которыя идутъ слѣва, собираются сверху, съ плато, на которомъ находится Фундана. Тамъ множество ключей, по народному сказанію, ихъ 77 и на нихъ 77 мельницъ, и всѣ эти ключи спускаются къ Вербицѣ и влѣво отъ нея къ Долянамъ. Не даромъ эта мѣстность носитъ имя «Фундана» (Fontana). Самый сильный ключъ находится на верху подъ высотой Элемъ (Хольмъ) и называется Кровълюарскій (Люары мѣстность, поселеніе и цѣлый родъ, отъ котораго теперь тамъ не осталось никого). Сосѣдніе Братоножичи еще бѣднѣе водой: кромѣ искусственно устроенныхъ резервуаровъ воды они не имѣютъ ничего. Пиперы въ этомъ отношеніи стоятъ лучше: подъ такъ называемой Стѣной во многихъ мѣстахъ бьютъ ключи воды и устроены чесмы. Бѣдны водой также вся Лѣшанская нахія, Команы и Загарачъ, да и въ остальной старой Черногоріи рѣдко гдѣ находятся слабые источники воды, которые собираютъ въ искусственные резервуары и берегутъ, какъ великое сокровище.

В. ПРИРОДНЫЯ И ИСКУССТВЕННЫЯ СКОПЛЕНІЯ ВОДЫ.

Есть, однако, и въ этихъ безводныхъ мѣстахъ природные источники или скопленія воды — это *каменицы*. Въ нихъ собирается вода отчасти извнѣ, изъ атмосферныхъ осадковъ, частію внутренними путями, черезъ скважины камня. Примѣръ такой каменицы представляется въ Острогѣ, въ горнемъ монастырѣ, о которой мы уже говорили.

Такія каменицы существуютъ на многихъ мѣстахъ: ихъ обыкновенно огораживаютъ стѣнкой извнѣ, иногда покрываютъ и сверху, чтобы вода много не испарялась и не засорялась. Есть каменицы чрезвычайно глубокія, какъ колодцы. Такая, напр. подъ Добрштакомъ близъ Цетинья и въ Прогоновичахъ Лѣшанской нахіи, о которыхъ мы тоже говорили.

Есть весьма малыя каменицы, которыя наполняются водой отъ дождя до дождя, и потому онѣ часто стоятъ совершенно безъ воды. Близость такой каменицы вы можете узнать по слѣдамъ опанокъ въ сторону отъ дороги по скаламъ, куда нѣтъ никакого пути, ни даже козьяго. Такая существуетъ на Вѣтерникѣ, въ Братоножичахъ, пройдя Спасоевъ-долъ съ лѣвой стороны (идя въ Васоевичи); есть также между Градцемъ и Буроньемъ (Лѣшанской нахіи) на дорогѣ съ Рѣки на Даниловъ-градъ. Въ такихъ мѣстахъ вы можете иногда терпѣть отъ жажды и во время дождя, если не найдете каменицу, т. е. простое углубленіе въ плоскомъ камнѣ, гдѣ собирается дождевая вода, такъ что можетъ напиться десятокъ людей.

Здѣсь вы можете встрѣтить и лѣсъ, гдѣ нѣтъ ни капли воды; тутъ человѣкъ ищетъ ее въ углубленіяхъ между сплетеніями корней или въ дуплѣ дерева, и это называется *дупья*.

Гдѣ есть близко высокія горы, тамъ, въ глубокихъ ямахъ, пещерахъ и щеляхъ, особенно на засолнечной сторонѣ, долго сохраняется снѣгъ; тогда идутъ за нимъ иногда за два часа разстоянія (10 кил.). А иногда, найдя такую, болѣе обширную, яму или котловину, наполненную снѣгомъ, покрываютъ сѣномъ или соломой, подъ которой онъ и можетъ держаться, по крайней мѣ-

рѣ, до половины лѣта. Это — *снѣжницы*. Замѣчательно, что въ такомъ снѣгу изъ снѣжницъ находятся иногда маленькіе червячки, бѣленькіе съ черненькими головками. Скудость воды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ здѣсь такова, что во время прошлой войны иные умирали просто отъ жажды, соединенной, конечно, съ общимъ изнуреніемъ.

Наконецъ, приходимъ къ искусственнымъ резервуарамъ воды; таковы: *ублы* и *бистіерны* (cisterna).

Ублы (въ единственномъ числѣ — ублъ, убао) бываютъ двоякіе. Одни круглые, копаются въ землѣ, въ глубину отъ 5 до 7 или болѣе метровъ, а въ діаметрѣ отъ 4 — 6 м., потомъ выкладываются съ боковъ камнемъ, чтобъ только не обваливалась земля; края на поверхности обкладываются невысокимъ барьеромъ изъ тесанаго камня. Вода въ нихъ собирается подпочвенная, изъ атмосферныхъ осадковъ, падающихъ на поверхность. Выбираютъ для этого мѣсто или въ низкой части равнины, или между главицами, откуда былъ бы стокъ воды, которая, когда выкопаютъ, бьетъ снизу и съ боковъ ключемъ. Но эти ключи, конечно, скоро изсякаютъ, когда долгое время нѣтъ дождя, потому ихъ дѣлаютъ сколько возможно обширнѣе, разсчитывая на прикопленіе во время дождя, а не на постоянный притокъ. Берутъ воду или спуская на веревкѣ котелокъ, или устраиваютъ сходы до воды, чтобъ можно было зачерпнуть въ сосудъ просто рукой. Есть и такіе, въ которыхъ только моютъ бѣлье. Понятно, что вода эта цвѣтетъ, наполняется лягушками и засоряется сверху мухами, жучками и другими насѣкомыми. Другіе имѣютъ меньшій діаметръ и сверху закрываются тоже камнемъ, такъ что поверхность выпуклая, а посрединѣ отверстіе просто или съ возвышеннымъ горломъ изъ плитъ, а иногда изъ цѣльнаго камня, въ которомъ продѣлано отверстіе. Тамъ, гдѣ работаетъ цѣлое село или община, эти ублы дѣлаются весьма обширные — до 10 и болѣе метровъ въ діаметрѣ; наверху кругомъ онъ обводится стѣнкой, вышиною въ метръ или полтора и, кромѣ того, закрывается крышкой и даже запирается замкомъ.

Бываютъ они и четыреугольные.

Такіе, покрытые сверху, ублы называются также и бистіерной, хотя бистіерны нѣчто другое. Это — углубленія въ землѣ, круглыя или четыреугольныя, при домахъ, подъ стокомъ воды. Выложивъ тщательно камнемъ, стѣнки ихъ смазываютъ цементомъ, состоящимъ изъ толченаго и просѣяннаго черезъ сито, какъ мука, кирпича или черепицы и извести. Этотъ цементъ не пропускаетъ сквозь себя воду и держится долго. Такія, впрочемъ, я видѣлъ только на Цеклинѣ и при нѣкоторыхъ монастыряхъ, а также и въ Братоножичахъ, напр. въ Клопотѣ. Подобныя же, только меньшаго объема, находятся въ Подгорицѣ внутри дворовъ и называются *саранджа*.

Ублы — это наши колодцы, только они основаны не на настоящей водяной жилѣ, идущей издалека, а на водяныхъ нажимахъ изъ ближней почвы. Есть, однако, и такіе, которымъ удается найти довольно сильную жилу.

Въ закрытыхъ, съ небольшимъ отверстіемъ, ублахъ вода бываетъ очень хороша; но она скоро вычерпывается и слабо возобновляется; и потому при частомъ черпаніи вода дѣлается подъ конецъ мутною. Поэтому владѣльцы ихъ часто запираютъ и даютъ изъ нихъ воду только извѣстному числу людей, сокращая эту выдачу по мѣрѣ вычерпыванія и изсяканія.

Есть мѣста, гдѣ въ какой-нибудь впадинѣ или близъ горы изъ утеса вода пробивается наружу тонкою струей, *пиштн*, какъ говорятъ черногорцы, и такое мѣсто называется *пиштетъ*. Пиштетомъ же называется и устроенная на такомъ мѣстѣ бистіерна. Такая находится въ Байцахъ (въ верхней части цетинскаго поля); но вода въ нихъ обыкновенно исчезаетъ при малѣйшей засухѣ, и потому Байцы въ сухое лѣто принуждены бываютъ ходить за водой на ублы на нижнемъ Цетинскомъ полѣ.

Въ старое время изъ-за этихъ убловъ открывалась цѣлая война между байцами и дольнекрайцами.

Есть еще вмѣстилища воды — *локвы*, которыя собственно служатъ для пойла скоту, а иногда отъ нужды пьютъ изъ нихъ

и люди, гдѣ, на разстояніи 3 — 4 часовъ, не встрѣтите никакой другой воды. Это просто лужи; а какова въ нихъ вода, можно судить потому, что въ нихъ скотина забирается съ ногами. Онѣ собираются или временно послѣ дождей, или постоянныя, какъ будто есть какіе-то ключики, и по временамъ бываютъ довольно чисты. Дѣлаютъ ихъ также и искусственно: если найдутъ подъ почвою не пропускающій воду слой, то только углубятъ до этого слоя. Въ Синявиной же дѣлаютъ такъ: выберутъ мѣсто травянистое и углубленное; нагонятъ туда скотъ, попасутъ траву и оставятъ это мѣсто на цѣлое лѣто для легла скоту ночью; мѣсто отъ того утопчется и унавозится; прійдетъ зима, набьютъ эту впадину снѣгомъ, который потомъ обратится въ воду, а послѣ пойдутъ дожди, и вода больше уже не исчезаетъ. Скотина пьетъ эту воду слаще, чѣмъ всякую другую, особенно холодную ключевую.

Чтобы дать наглядное понятіе о разнаго рода водохранилищахъ, мы прилагаемъ рисунки, на которыхъ: 1-й — самый простой убао только съ каменною закраинкой; 2-й — съ выведенной вокругъ него стѣнкой; 3-й и 4-й — двѣ бистіерны, изъ которыхъ на одной сверхъ свода выстроенъ четыреугольный покровъ, а на другой сдѣлано изъ плитъ четыреугольное отверстіе и съ крышкой; 5-й имѣетъ наверху отверстіе, сдѣланное въ видѣ вазы изъ цѣльнаго камня. Такія находятся въ Ульцинѣ и нѣкоторыя, старыя, съ изображеніями гербовъ (см. рис. 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й на стр. 284 и 285).

Всѣ эти постройки изъ простого камня; только выбираютъ, конечно, камень получше и болѣе правильной формы.

Есть колодцы маленькіе, въ родѣ нашихъ копанокъ, только всегда внутри выложенные камнемъ. Такіе колодцы называются *дубочицами*, а вода изъ нихъ достается посредствомъ кожанаго мѣшка на длинной палкѣ, называемаго *жабка*.

Рис. 1-й.

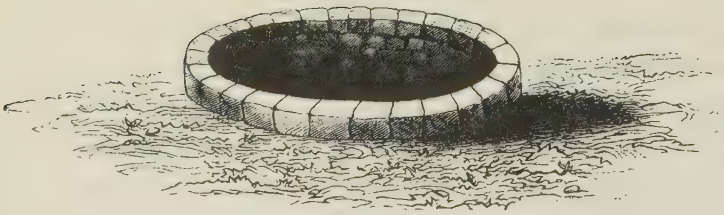


Рис. 2-й.

Рис. 3-й.

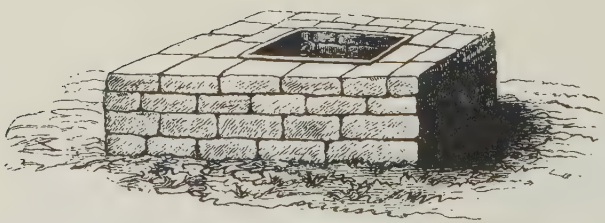


Рис. 4-й.

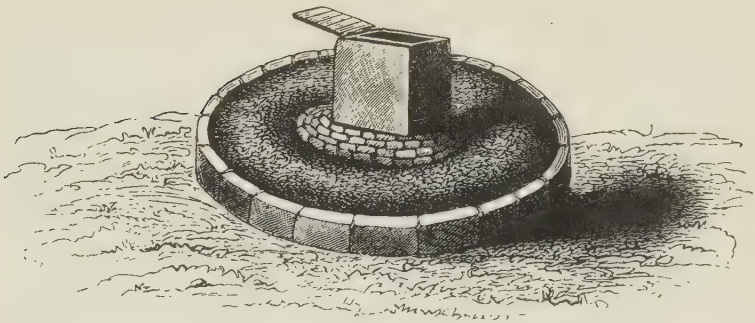
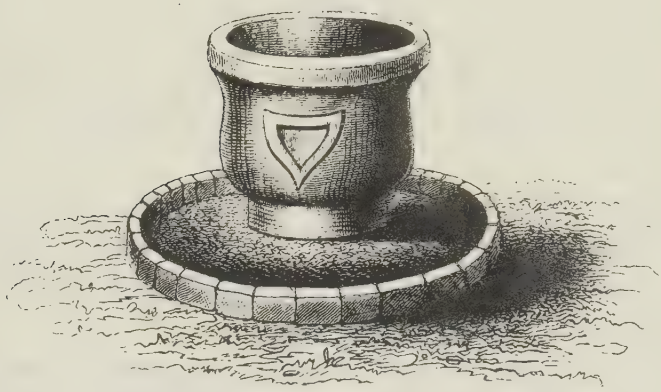


Рис. 5-й.



Въ Нижней-Зетѣ воду достаютъ изъ колодцевъ посредствомъ *дьерема* — это то же, что у насъ журавль. Составныя части его: соха съ развилиной вверху (*соа*, *соха* или *соя*), вышиною отъ 4 до 5 метр.; черезъ развилину на соху кладется длинная жердь, называемая *шипъ*, вращающаяся на деревянномъ гвоздѣ, какъ на оси; одинъ конецъ при этомъ толще, чтобы перевѣшивалъ; къ тонкому же привязывается на веревкѣ или на виноградной лозѣ (изъ *виняги*, дикаго винограда) бадья, называемая *кофа* или *кова*, которою и зачерпывается вода. Въ городахъ, какъ Подго-

рица и Никшичъ, есть еще способъ вытаскиванія воды *на чекрк*ъ, т. е. на колесо.

Для пойла скота, конечно, ставятся при колодцахъ корыта, иногда цѣлый рядъ.

Для поливы въ Цермницѣ выкапываютъ ямки, въ которыя напускается вода изъ потока и потомъ черпается какимъ-нибудь сосудомъ; ямка такая называется *вир*ъ. Это дѣлается въ тѣхъ видахъ, что прямо пущенная на молодыя растенія (единственно требующія поливы), холодная вода можетъ повредить имъ.

Для поливы полей отводятъ воду изъ потока или рѣки посредствомъ канавы, которая называется *язъ* или *вода*. Точно такъ же отводится вода и на мельницы. Но въ Цермницѣ и Кучахъ для этой цѣли сначала прикопляется въ круглыхъ бассейнахъ, сдѣланныхъ изъ тесанаго камня; это называется *ставъ* или *у́става*. Ставы же, т. е. прудки, только обширнѣе, устраиваются и просто на землѣ, на ровномъ мѣстѣ, гдѣ скопляется дождевая вода, и служатъ они для пойла скота или для полосканія бѣлья.

На Требишницѣ, въ Косіеревскомъ монастырѣ, вода для поливы полей поднимается посредствомъ чигиря, который тутъ называется *точакъ*, что̀ значитъ собственно колесо (въ Сербіи такихъ много и они называются *долапъ*).

Гдѣ есть ключевыя воды, тамъ заботятся только о приспособленіи ихъ. Для этого просто ставится желобокъ • деревянный или каменный — *точакъ*, или выстраивается каменный резервуаръ, закрытый со всѣхъ сторонъ, съ однимъ отверстіемъ для желобка или съ большимъ отверстіемъ, черезъ которое можно бы было черпать воду, а иногда входить внутрь и спускаться по ступенькамъ; есть подобные съ мѣднымъ краномъ. Это уже *чесма*, образцомъ которой служатъ турецкія подобнаго рода сооруженія. И устраиваются онѣ или обществами, или отдѣльными лицами ради спасенія души, и тогда такая постройка называется *задушбиной*.

Общія замѣчанія о водахъ Черногоріи.

Климатъ Черногоріи никакъ не можетъ назваться сухимъ; это мы можемъ видѣть изъ таблицъ, выражающихъ количество атмосферныхъ осадковъ. Почва ея также не суха: въ самое сухое лѣто деревья даютъ такіе побѣги, какіе въ другихъ мѣстахъ можно встрѣтить только въ добрые годы; а того жгучаго дѣйствія лѣтнихъ жаровъ, какіе мы встрѣчаемъ напр. въ нашихъ юго-восточныхъ губерніяхъ, здѣсь нѣтъ и тѣни. Не родится иногда только кукуруза, потому что она сѣется поздно и для нея нужно слишкомъ много влаги, чтобы выгнать и наполнить огромный колосъ; пшеница же и рожь всегда успѣваютъ дать родъ, если не повредятъ какія-нибудь другія обстоятельства, напримѣръ, градъ, кузнечикъ и т. п. Голодъ въ 1880 году былъ въ Черногоріи не столько отъ неурожая вслѣдствіе засухи, сколько отъ того, что мало было посѣяно и не во-время. А между тѣмъ бездождье нигдѣ не выражается въ такихъ рѣзкихъ чертахъ, какъ въ Черногоріи, и главнымъ образомъ отсутствіемъ воды на поверхности. Бывало время, что совершенно изсякали ключи на Ловченѣ; пересыхала Рыбница въ Подгорицѣ; а что̀ и говорить о тѣхъ частяхъ Черногоріи, гдѣ вода хранится только въ разнаго рода колодезяхъ. На Цетиньѣ напр., гдѣ такъ много колодезей на нижнемъ полѣ, воды становится иногда такъ мало, что въ открытыхъ для всѣхъ колодезяхъ остается только густая, мутная масса; частные же владѣльцы удѣляютъ воду только своимъ близкимъ по порціямъ. Общественные колодези, принадлежащіе извѣстной части города, открываются только разъ въ день, вода отпускается только малыми количествами. Лошадей тогда отправляютъ на Рѣку. Но на Цетинье приходятъ за водой изъ Бойцъ за 4 версты, и еще дальше изъ Дубовика. Ласточки обыкновенно улетаютъ съ Цетинья, какъ только настанетъ засуха; а тутъ не остается ни одного пернатаго гостя; и это совершенное прекращеніе вѣчнаго порханья и щебетанья производитъ впечатлѣніе какого-то внезапнаго замиранія природы.

Есть мѣста, гдѣ почти всегда среди лѣта вы съ трудомъ можете найти воды; это именно тамъ, гдѣ за водой приводится ходить далеко, а тутъ же пролегаетъ большая дорога, какъ напр. въ Лѣшанской-нахіи, по дорогѣ изъ Рѣки въ Даниловъ-градъ, или въ Братоножичахъ, гдѣ пролегаетъ путь изъ Подгорицы въ Васоевичи, а также между Граховомъ и Никшичемъ. Не даютъ воды ни за деньги. Мѣстами (въ Кучахъ и Пиперахъ) вамъ вездѣ предложатъ молока, какого хотите, только не спрашивайте воды, которую держатъ понемногу, единственно для варева, да и та плохая.

Еще обиднѣе бываетъ, когда вы, видя подъ собою цѣлую рѣку, какъ Тара, Морача и Пива, терпите жажду, потому что спускаться до воды нужно цѣлый часъ, а чтобы выйти обратно на верхъ потребуется еще полтора часа.

Таковы свойства поверхности Черногоріи, ея исключительно известковыхъ формацій, что она нигдѣ не задерживаетъ воду, пропуская ее въ глубины, иногда совершенно скрытыя и недоступныя человѣку.

Зато здѣшній человѣкъ изощрился въ отыскиваніи воды. Проходя впервые по какой-либо мѣстности, онъ никогда не потеряется въ лабиринтѣ горъ, и его острый глазъ всегда сумѣетъ отличить тропинку, по которой идутъ только чобаны со своими стадами, отъ той, по которой идутъ всѣ, и тутъ у него не ускользнетъ изъ виду ни одинъ слѣдъ опанка, показывающій своротъ къ какой-нибудь сокровенной каменицѣ. Или, выскочивъ на верхъ и осмотрѣвъ мѣстность, онъ сейчасъ опредѣлитъ, гдѣ можно искать воды. Эта способность проявляется въ немъ въ видѣ инстинкта.

Ведя жизнь весьма умѣренную въ ѣдѣ и питьѣ, онъ чрезвычайно разборчивъ относительно воды. Онъ не станетъ пить воду, какъ бы она чиста ни была, если только немного согрѣлась, а дальше есть ключъ холодной воды, и разбираетъ воду здоровую отъ нездоровой. Такъ, близъ Рѣки-Черноевича, по правой сторонѣ, есть обильный ключъ, бьющій изъ скалъ, называющійся

Липовачка-яма; вода въ немъ всегда чиста и холодна; но лѣтомъ черногорецъ ни за что не станетъ ее пить, потому что нездорова; зимой же пьетъ. Въ чемъ заключается это — онъ вамъ не объяснитъ; а только чувствуетъ, что она производитъ обремененіе въ желудкѣ. Про хорошую ключевую воду онъ говоритъ, что, попивши ее тотчасъ послѣ обѣда, опять захочешь ѣсть, и при ней обѣдалъ бы нѣсколько разъ въ день.

Если же нѣтъ никакой другой воды, то пьется всякая: теплая, мутная, зацвѣтшая, полная лягушекъ и другихъ животныхъ; только наложитъ платокъ, чтобы процѣживать. А когда нѣтъ воды ни капли, то беретъ въ ротъ кусокъ свинцу, т. е. вынимаетъ пулю изъ патрона и, вызывая тѣмъ слюну, заглушаетъ въ себѣ жажду.

Во время послѣдней войны были случаи, что люди умирали отъ жажды, соединенной, конечно, съ общимъ утомленіемъ и истощеніемъ.

Вотъ почему здѣсь такъ и цѣнится вода, и черногорскіе владыки вездѣ заботились объ устройствѣ различнаго рода водохранилищъ, и князь Николай въ настоящее время озабоченъ мыслію о проведеніи воды въ Цетинье изъ какихъ-либо постоянныхъ ключей, которыхъ, впрочемъ, весьма немного.

Есть въ Черногоріи нѣсколько ключей съ примѣсями желѣза, сѣры, соли; но содержаніе всѣхъ этихъ веществъ въ нихъ такъ ничтожно, что, какъ минеральные источники, они не заслуживаютъ никакого вниманія. Въ водѣ на Ловченѣ предполагаютъ присутствіе мышьяка, а Ковалевскій разсказываетъ, какъ одинъ русскій докторъ, страдавшій неизлѣчимымъ катарромъ горла, получилъ полное излѣченіе, пивши именно эту воду. Но не подѣйствовалъ ли тутъ скорѣе образъ жизни, вообще горный воздухъ и пользованіе молокомъ?

ФЛОРА И ФАУНА.

РАСТЕНІЯ.

Распредѣленіе растительности находится, конечно, въ прямой зависимости отъ климатическихъ поясовъ, о которыхъ уже говорили въ отдѣлѣ климата. Зависитъ это также отъ склоновъ горъ, отъ геологическаго состава и отъ влаги.

Въ первомъ случаѣ мы замѣчаемъ на одной и той же высотѣ и при одинаковыхъ геологическихъ условіяхъ такую разницу, что на одной сторонѣ горы сплошь растетъ букъ, на другой — дубъ, и отсюда различное названіе мѣстности. Такъ по дорогѣ отъ Нѣгушей къ Цетинью вы дѣлаете перевалъ черезъ гору Буковицу, на высотѣ около 200 метр. — здѣсь сплошь заросль бука, хотя большого лѣса и нѣтъ; но по другую сторону ея лежитъ небольшое поселеніе Дубовикъ, гдѣ снизу до верха горы вы увидите сплошь дубнякъ, тоже небольшой и довольно корявый. Подъ Ловченомъ склоны, обращенные къ сѣверу, покрыты букомъ, а южные — дубомъ. Впрочемъ, тутъ, независимо отъ склона, спускаясь ниже, вы встрѣчаете скорѣе дубъ, чѣмъ букъ. Горы, напр., окружающія Цетинье, преимущественно всѣ покрыты дубомъ въ перемежку съ ясенемъ и грабомъ, частью съ липой, и только спорадически между ними виднѣется букъ. Замѣтимъ при этомъ, что прямо на югъ обращенная и притомъ открытая сторона всегда почти совершенно безлѣсна, а покрыта травой или совершенно голая[1]). И еще: юго-восточный склонъ болѣе лѣсистъ, чѣмъ юго-западный. По народному замѣчанію, травы на южныхъ склонахъ несравненно питательнѣе, чѣмъ на сѣверной.

Геологическимъ составомъ почвы обусловливается до нѣкоторой степени влажность почвы; а потому эти два фактора на растительную жизнь оказываютъ свое вліяніе въ связи. Г. Тице замѣчаетъ, что во всей Черногоріи нѣтъ нигдѣ луговъ, какъ ихъ

[1]) Въ Землевѣдѣніи Риттера это замѣчено относительно нѣкоторыхъ хребтовъ Средней Азіи; а мнѣ привелось то же самое наблюдать всюду въ горахъ Россіи, частью въ Западной Европѣ, въ Сибири, сѣверной гористой части Монголіи и въ Сѣверной Америкѣ.

понимаютъ вообще въ Европѣ, представляющихъ равныя пространства, покрытыя густою и сочною травою. Въ большей части Черногоріи нѣтъ, конечно, и достаточно ровныхъ пространствъ или, если и есть, то слишкомъ сухи, вслѣдствіе крайней ноздреватости известковой почвы; поэтому въ старой Черногоріи сѣно главнымъ образомъ составляетъ трава въ родѣ нашей степной щетки или ковыля, весьма сухая и гораздо грубѣе, такъ называемый *вишъ* (Lasiagrostis или Calamagrostis Панч.), который жнутъ серпомъ между скалъ и вяжутъ въ снопы; а покосы бываютъ только на равнинахъ, затопляемыхъ водою, какъ въ Никшичѣ, въ нижнемъ Цетинскомъ-полѣ, на Лукавицѣ, или гдѣ подолгу залеживается снѣгъ на значительно высокихъ равнинахъ между Лукавицей и Войникомъ, на Синявиной и др. Эти послѣдніе напоминаютъ степные покосы нашей юго-восточной Россіи. Настоящіе луга можете встрѣтить только въ области Кома, на плоскихъ хребтахъ, какъ Штавна и Пэ, Куты въ верховьяхъ р. Куцкой и др.

Такое же вліяніе оказываютъ эти два условія и на лѣсную растительность: на сочность листа, гонкость побѣговъ, стройность и высоту ствола.

Отъ склоновъ горъ зависитъ, конечно, и пробужденіе природы послѣ зимняго оцѣпенѣнія: въ то время, какъ на Цетиньѣ природа еще совершенно мертва или даже лежитъ еще снѣгъ, на сторонѣ, обращенной къ Рѣкѣ, встрѣтите уже цвѣты — баранчелки (primula), фіалку и др.

По климатическимъ же поясамъ мы найдемъ приблизительно слѣдующее распредѣленіе растительности:

1) На высшей полосѣ мы, конечно, не встрѣтимъ лиственныхъ деревъ и, можно сказать, исключительно черный боръ (pinus, p. halepensis Kiefer). На сѣверной сторонѣ Дурмитора, на высотѣ, называемой Штулацъ (между 1,973 и 2,071 метр.), растетъ весьма похожій на него видъ кустарника, достигающій высоты 4 м. и сильно развѣтвляющійся, мѣстами даже какъ бы ползущій по землѣ; по опредѣленію Тице это — *pinus pumilio.*

То же самое растеніе, только въ видѣ жалкихъ остатковъ, ползущее по землѣ, какъ бы затоптанное, есть и на сѣверо-восточной сторонѣ Штировника (1,723). Подъ Дурмиторомъ, тамъ, гдѣ на самомъ верху, на хребтѣ, растетъ p. pumilio, чуть спустившись на западную сторону, встрѣчаете низкорослую иву и тальникъ (почва мокрая отъ множества стекающихъ сверху потоковъ воды, задерживающейся на террасахъ). Въ области Кома, приблизительно на этой же высотѣ, вы встрѣчаете вмѣстѣ съ чернымъ боромъ прекрасныя деревья *молики* (pinus peuce) на Зелетинѣ и Сѣкирицѣ (1,957 м.); но p. pumilio въ этой области не встрѣчалъ; а есть только видъ можжевельника. Въ той же полосѣ, немного ниже, начинаются смѣшанные лѣса ели, пихты и обыкновенной сосны, къ которымъ иногда примѣшивается и букъ.

2) Приблизительно начиная съ 1,200 метр., начинается сплошной букъ и господствуетъ до высоты около 800 метр.; въ высшей части примѣшиваются къ нему хвойныя деревья и весьма рѣдко береза (въ Брезнахъ, близъ Колашина, надъ Бѣлой въ Дробнякахъ, на Пэѣ, подъ Комомъ, и все, кажется, только прямо на сѣверной сторонѣ), а въ нижней, особенно на южныхъ склонахъ, примѣшиваются: кленъ, дубъ, грабъ, липа, тисъ, осина, ясень; по краю потоковъ — ольха и орѣшникъ; въ долинахъ Буковицы цуцкой, кое-гдѣ въ Цекличахъ и въ Трепчѣ (близъ Никшича) тотъ же орѣшникъ въ видѣ дерева, чрезвычайно большаго — *медвѣдья лѣска* по-черногорски (corylus colurna): листъ, цвѣтъ и плодъ тѣ же самые, только у плода скорлупа тверже, а ядро мельче и маслянистѣе.

3) Ниже, приблизительно до 400 метр., идутъ смѣшанныя лиственныя породы, постепенно умножаясь видами; тутъ является дубъ-церъ двухъ видовъ, кленъ мелколистный (черногор. *клен* и *кун*), тополь, косцела (celtis australis), фруктовыя деревья, какъ груши, яблони, вишни, черешня, айва (дуня, cydonix), дренъ (кизилъ? cornus mosculа), боярышникъ, тернъ, тутовое дерево, грецкій орѣхъ и др.; изъ кустарниковъ: руй (rhus cotinus), драча

(paliurus oculeata), родъ воздушнаго жасмина (фулика или дьермешикъ, viburnum opulus?) и др. Въ нижнемъ слоѣ этой полосы начинаетъ расти виноградъ и гранатникъ.

4) Послѣднюю полосу вплоть до моря занимаютъ виноградники вѣчно зеленые: зеленика (буксъ или самшитъ, buxus sempervirens?), дубъ съ узкими колючими по краямъ листьями (ilex aquifolium), кипарисъ съ придачею въ самомъ низу лавра и мирты, фиги, маслины, агаве (исключительно по скалистому морскому берегу) и др. Маслина, какъ мы уже говорили прежде, исключительно держится при морѣ, но есть небольшія маслинады и на значительной высотѣ, приблизительно на 300 метр. (въ с. Сальчи, почти подъ верхомъ Можуры, имѣющей 623 метра).

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ растеніяхъ, составляющихъ характеристическую черту природы Черногоріи или играющихъ какую-либо роль въ жизни народа.

Начнемъ съ высшаго пояса.

Мы знаемъ уже, изъ какихъ породъ состоятъ эти лѣса; всѣ онѣ извѣстны въ остальной Европѣ; только молика (pinus peuce) составляетъ видъ сосны, которая, по мнѣнію Гризбаха (Vegetation der Erde, Bd. I, pag. 316), не встрѣчается нигдѣ въ Европѣ[1]), а только въ восточной части Гималая и въ смежныхъ съ нимъ мѣстахъ Азіи. Въ Черногоріи это дерево растетъ въ Васоевичахъ, и то исключительно на Сѣкирицѣ и Зелетинѣ, стоящихъ по обѣ стороны Лимской долины. Она отличаотся длинною хвоей, стройностью ствола и соразмѣрностью съ нимъ вѣтвей, не такихъ тонкихъ, какъ у ели, и въ то же время недостигающихъ того размѣра, какъ у обыкновенной сосны. Это считается лучшимъ деревомъ для постройки домовъ, какъ по ровности бревенъ, такъ и по прочности.

Кромѣ pinus pumilio здѣсь находятся еще два вида можжевельника въ видѣ кустарника: одинъ съ колючимъ листомъ, дру-

---

[1]) По замѣчанію г. Тице, она находится еще въ Перистери, въ Македоніи (стр. 95 въ сноскѣ).

гой со сплющенными вѣточками (juniperus nana и cosaca?), плодъ котораго собираютъ и приготовляютъ изъ него питье *водницу*, просто наливая въ кадушечкахъ или боченкахъ горячею водою. Питье это считается прохладительнымъ и особенно употребляется лѣтомъ для утоленія жажды и жара. Можжевельникъ съ колючимъ листомъ доходитъ до самыхъ низкихъ мѣстъ на краю моря, держась преимущественно каменистой мѣстности. На Нѣгушахъ и Граховѣ есть остатки можжевеловыхъ деревъ, изъ которыхъ дѣлали различныя постройки: настолько стволы нхъ были велики и толсты.

Между лѣсомъ растетъ малина, черника, брусника, но не такъ много, какъ въ нашихъ лѣсахъ, и не собирается въ запасъ, служа только лакомствомъ для чабановъ.

Тамъ же (въ Церквицахъ) распространено ползучее растеніе въ родѣ бирючины, *волчье лыко* (Daphne Mezereum) съ лиловыми крестикомъ цвѣтами пріятнаго запаха, съ мелкимъ листомъ, легко опадающимъ, и еще растеніе въ родѣ сибирскаго багульника, называемое *еремичекъ*: цвѣтъ пучкомъ, зелено-палевый съ розоватымъ оттѣнкомъ, пріятнаго запаха (Daphne Blagayana. Шулекъ).

Изъ травъ на высотахъ всюду распространена горечавка, видъ ревеня, чемерица; на Дурмиторѣ *велье-зелье* съ густою мелкою травой, какъ у моркови, съ большимъ, толстымъ, непріятно пахучимъ корнемъ, который весьма ядовитъ, но его кладутъ въ сундуки съ бѣльемъ для запаха (не cicuta-ли? или, можетъ быть, то же что̀ *оманъ*-inula helenium?).

Есть много растеній, которымъ мы знаемъ только мѣстныя названія и употребленіе ихъ, а потому упомянемъ только въ матеріалѣ.

Изъ цвѣтовъ повсемѣстно по горамъ распространенъ качунъ (colchicum или crocusoernus), цвѣтущій весной и осенью; синяя, мелкая горечавка, muscari botryoides — по черногорски *лужаня* или *сличка; яблань* — желтый цвѣтъ въ родѣ сибирского жаркого цвѣта (trollius) съ пріятнымъ запахомъ, цвѣтущій среди лѣта.

На мягкихъ мѣстахъ, гдѣ черная, состоящая изъ перегноя земля, — папоротникъ, который иногда заглушаетъ всѣ другія травы и съ которымъ приводится вести борьбу человѣку; впрочемъ, для чобановъ онъ служитъ лучшею постельною настилкой.

Есть также родъ артишока, называемый *краваецъ*, который и ѣдятъ.

Въ полосѣ лиственныхъ деревъ мы встрѣчаемъ большое разнообразіе видовъ. Нѣсколько видовъ дуба, липа мелколистная и съ крупнымъ листомъ, снизу бѣлымъ пушистымъ; кленъ или яворъ, достигающій чрезвычайно великаго роста, съ крупнымъ листомъ въ родѣ платана (acer pseudoplatanus) и настоящій платанъ (въ Ульцинѣ), два сорта ясеня, горный и луговой, послѣдній съ болѣе узкимъ листомъ; нѣсколько видовъ тополя, вязъ, одно изъ самыхъ благодарныхъ деревъ въ катунской нахіи, потому что растетъ и между скалъ, чрезвычайно широко и глубоко пуская свои коренья между щелями; но особенно почитаемое дерево — это *косцела* (celtis australis), которая растетъ на самыхъ голыхъ каменистыхъ мѣстахъ и своею чрезвычайно густою листвой даетъ густую тѣнь, единственное убѣжище отъ лѣтняго знойнаго солнца въ этихъ голыхъ мѣстностяхъ. Подъ нимъ вы встрѣтите отдыхающихъ рядомъ и человѣка и стадо овецъ и козъ. По всѣмъ дорогамъ на высшемъ пунктѣ всегда вы найдете это дерево и подъ нимъ отдыхающихъ, и потому здѣсь много мѣстъ, которыя называются *подъ косцелой*; и косцелы тутъ составляютъ какъ бы станціи. Деревья эти растутъ сами собою; но всякій ихъ бережетъ и никто не смѣетъ тронуть такое дерево при дорогѣ. Плодъ ея, мелкій и кисловатый, не употребляется, и когда онъ хорошо родится, тогда ожидаютъ неурожая на всѣ другіе плоды. Листъ на немъ распускается позже всѣхъ другихъ деревъ. По горамъ встрѣчаются только одиноко стоящія деревья, на равнинахъ, напр. въ Нижней Зетѣ, рощицами, и здѣсь они достигаютъ высшаго роста и не такъ раскидисто вѣтвисты. Молодыя деревца и тонкія вѣтви употребляются для обручей на кадушки, а въ Италіи и Тиролѣ изъ нихъ дѣлаютъ рамки для окошекъ и дверецъ въ экипажахъ и упо-

требляютъ на другія мелкія подѣлки; а въ послѣдніе годы стали пріѣзжать оттуда покупщики этого дерева и въ Черногорію. Впрочемъ, область распространенія этого дерева въ Черногоріи небольшая: именно она находится вокругъ Скадарскаго озера и на склонахъ Черногоріи, обращенныхъ къ нему, а также по долинѣ средней Зеты и близъ моря. На Цетиньѣ и далѣе его нѣтъ, хотя есть попытки развести его, и мы видѣли тамъ уже четырехлѣтніе экземпляры отъ сѣмянъ, которые нисколько не пострадали отъ климатическихъ условій.

То же можно сказать о каштанѣ и грецкомъ орѣхѣ. Цѣлыя каштановыя рощи находятся въ Краинѣ (на горной сторонѣ Скадарскаго озера), затѣмъ въ Цетиньѣ и по цѣлому склону къ озеру; а опытъ посѣва показалъ, что оно можетъ быть также и на Цетиньѣ, какъ и грецкій орѣхъ и тутовое дерево.

Дикая груша и яблоня распространены всюду, даже въ глубокихъ долинахъ Пивы и Дробнякъ; и есть особенный видъ черешни: чрезвычайно большое дерево, съ мелкимъ и чуть горьковатымъ плодомъ, но съ весьма сильнымъ своимъ специфическимъ вкусомъ (чуть-ли то не та же marasca, изъ которой въ Задрѣ выдѣлываютъ лучшій ликеръ maraschino). Близъ Подгорицы и въ Кучахъ есть дикая груша съ листомъ столь узкимъ и мелкимъ, что съ перваго взгляда ее нельзя и принять за грушу. Эти дикіе плоды, впрочемъ, здѣсь никѣмъ и ни на что не употребляются.

Гранаты (punica granatum) также относятся къ самой теплой полосѣ; но ихъ особенно много на островахъ Рацкаго лимана, гдѣ жители собираютъ ихъ для того только, чтобы мѣнять на картофель, приносимый сюда съ высокихъ мѣстъ, гдѣ онъ родится гораздо лучше. Лучшія же гранаты садовыя находятся въ Барѣ, Ульцинѣ и Цермницѣ. Ихъ много также по всей долинѣ средней Зеты.

Точно такъ же распространенъ и дренъ (cornus mascula), только онъ поднимается и на значительную высоту: онъ переходитъ линію выше Никшича и есть также въ Васоевичахъ. Изъ него дѣ-

лаютъ водицу, какъ изъ можжевельника; а мѣстами, гдѣ его особенно много, гонятъ водку, какъ изъ виноградныхъ выжимокъ.

Изъ плодовыхъ кустарниковъ слѣдуетъ еще упомянуть весьма рѣдко попадающуюся калину и крыжовникъ: послѣдній я встрѣтилъ только въ Дугѣ Никшицкой и въ Пивѣ на пути съ Равнаго къ Дугѣ; мѣстами есть барбарисъ (по черногор. *жутокора*), особенно много его близъ Грахова. Есть еще плодъ *мукоша*, родъ вишни (кажется, русская мучница, Sorbus Aria — Шул.).

Положительно вездѣ распространена, такъ называемая у насъ, черная малина (rubus fruticosus), особенно по краю дорогъ и канавъ, образуя непреодолимую преграду для перехода сплетеніемъ своихъ длинныхъ, чрезвычайно крѣпкихъ и колючихъ вѣтвей. Ее ѣдятъ только путникъ или чобанъ, чтобы утолить жажду. Ежевика есть также, но мало, и ее мѣстные жители почти не различаютъ отъ черной малины. Изъ ягодъ, кромѣ упомянутыхъ черники и брусники, есть еще только земляника и клубника.

Изъ вѣчно зеленыхъ деревъ букъ встрѣчается на всѣхъ островахъ въ устьяхъ рѣки Черноевича, а также имъ покрыта цѣлая гора Зеленика въ Лѣшкополѣ, между Вельимъ брдомъ и Бусовникомъ, а ilex исключительно въ окрестности Ульцина. И то и другое достигаетъ роста порядочнаго деревца со стволомъ до 70 сантим. въ окружности.

Лавръ, кромѣ приморскихъ мѣстъ, находится въ устьяхъ Рѣки и на островѣ Космачѣ на Горномъ-блатѣ.

Кромѣ того въ Черногоріи множество видовъ жимолости, между прочимъ lonicera caprifolium въ видѣ кустарника и ползучаго растенія, тянущагося по стѣнамъ и скаламъ; цвѣты его имѣютъ чрезвычайно пріятный запахъ. Prunus Mahalel (по черногор. магрива или премовина), изъ которой дѣлаютъ чубуки. Много также спирей.

Между цвѣтами и травами множество луковичныхъ: собственно лукъ разныхъ видовъ (только дикій): дикій чеснокъ, черемша (сріемоша, allium ursinum), балючка (a. pallens), allium porrum (просъ); потомъ цвѣты качунъ и лужаня, которые мы

упоминали выше, кукушкины слезки (кошутице), тюльпанъ (желтый и бѣлый, мелкій, на высокомъ стеблѣ), нарцисъ горный (до колѣнъ, n. pseudonarcissus), гороцвѣтъ (adonis vernalis?), подснѣжный бѣлый (galanthus nivalis), и др.

Затѣмъ слѣдуютъ клубневыя: cyclamon (зечья кртоль), гуина трава (erythronium dens canis и corydalis), гіацинты разныхъ цвѣтовъ, гомулица (tuber cibarium). Послѣднюю проголодавшіеся пастухи выкапываютъ и ѣдятъ; а въ голодный годъ собираютъ ее и варятъ въ родѣ каши: растетъ она по высокимъ мѣстамъ между камнями или внизу на сухихъ мѣстахъ (въ Кучахъ).

Такимъ же, замѣняющимъ хлѣбъ корнемъ служитъ *козалацъ* (arum maculatum, аройникъ). Употребляютъ въ пищу съ весны боранчики (primula acaulis) — листъ и цвѣтъ въ питѣ (родъ пирога); молодую крапиву варятъ, какъ сѣрую капусту; цикорій (съ синимъ цвѣтомъ), конскій щавель, мелкій видъ папоротника, растущаго по скаламъ (aspidium felix mas); щавель обыкновенный, между которымъ есть имѣющій форму трилистника, дикая портулакка, лебеда и др.

Изъ кормовыхъ травъ упомянемъ: ржанецъ, ковыль, вишъ, три вида клевера, рожечный ледвенецъ, цвѣтущіе горошки (между прочимъ есть съ полевымъ цвѣтомъ), дикій овесъ и много другихъ злаковъ.

Много растеній ядовитыхъ или служащихъ какъ лекарство, а также какъ средство противъ разныхъ враговъ человѣка: бѣлена, дурманъ, велье зелье, велье билье (atropa belladona); видъ молочая, одна капля соку котораго, принятая на хлѣбѣ, служитъ какъ сильное слабительное; вербаска, sedum (въ видѣ чешуйчатыхъ шишекъ, растущихъ, прилѣпившись къ камню), балучка (bulbo vomitorio, moxari comosum, шулекъ) — служитъ для отравленія рыбы (теперь это запрещено); кичицу (erythraea centaureum) пьютъ противъ лихорадки; яричъ (sedum acre) служитъ противъ желтухи; тысячелиственникъ и подорожникъ — противъ ранъ; дикая мята (ея много видовъ) противъ гангрены при ранахъ; маргаритку пьютъ родильницы; персидская ромашка слу-

житъ средствомъ противъ блохъ и клоповъ и въ большомъ количествѣ вывозится за границу; алтея, шалфей и т. д.

Иныя растенія служатъ для украшенія и для аромата: фіалка, желтофіоль (множество по скаламъ въ Ульцинѣ), резеда (съ весьма слабымъ запахомъ), цмиль (gnaphalium arenarium), розмаринъ, богородская трава, дикая мелиса (служитъ также для приманки пчелъ), гвоздичка розовая, а есть и палевая, весьма впрочемъ рѣдко (между Граховымъ и Никшичемъ), зимзеленъ (vinca minor), горная и болотная незабудка и т. д.

Есть черная бузина (въ Кучахъ особенно), но употребленія ея въ Черногоріи не знаютъ; а мирту употребляютъ для метелъ при молотьбѣ хлѣба, чтобъ отдѣлять плеву отъ зерна.

Около Жабляка по краю воды, а также близъ Подгорицы и Ульцина, вмѣсто нашего тальника, является кустарникъ, называемый на мѣстномъ языкѣ *ракита* (по Шварцу — periplexa graeca, а по толкованію завѣдующаго ботаническимъ садомъ въ Дубровникѣ — vitex agnus castus), съ листьями, похожими на конопляные и съ полыннымъ запахомъ; цвѣтетъ онъ въ августѣ, выбрасывая букеты мелкихъ лиловыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ. А около Бара и Ульцина, тоже по краю воды, въ видѣ тальника и иногда толстымъ деревцомъ, находится растеніе съ листьями, какъ на туѣ, которые опадаютъ на зиму.

Тамъ же, какъ мы упоминали въ другомъ отдѣлѣ, произрастаетъ жуква (spartium junceum; джутъ?), служащая для выдѣлки грубаго волокна и для топлива, мѣстами достигающая толщины, какъ дерево.

Много здѣсь также вьющихся растеній: переступень (bryonia alba), clematis; вѣчно зеленый плющъ двухъ видовъ, который обвиваетъ стволы деревъ, голыя скалы и развалины старыхъ зданій; и рядомъ съ нимъ застилаетъ каменные заборы и стѣны домовъ — родъ мелкой портулаки съ цвѣтомъ въ видѣ звѣздочекъ бѣлаго и желтаго цвѣта (sedum tectorum, по-черногорски *чуваркутья* или *зебрище*). Къ вьющимся отнесемъ и хмель двухъ видовъ, который я встрѣчалъ отъ Пивы и до Цермницы и Уль-

пина; но никто не знаетъ, что̀ это за растеніе, смѣшивая его съ другими вьющимися, а въ Цермницѣ его называютъ дикой мареной.

Скажемъ въ дополненіе о тѣхъ растеніяхъ, съ которыми приходится человѣку бороться, какъ съ сорными травами или съ вредными, отравляющими. Къ такимъ принадлежатъ осотъ, пырей, мѣшающій пахать своими твердыми, какъ кость, корнями; о папоротникѣ мы уже говорили. Есть одинъ сортъ рѣпья, который чрезвычайно сильно размножается, но котораго въ старое время не было; это — xanthium acantifolium: занесли его, говорятъ, турки на верблюдахъ сначала въ Скадаръ и Зету, а потомъ онъ распространился и дальше. То же самое объ этомъ же растеніе мнѣ говорили въ Босніи и Сербіи, въ Шабацкомъ окружьѣ, гдѣ онъ теперь распространяется уже и по другой сторонѣ Савы. Этотъ же самый рѣпей распространяется и въ Астраханской губерніи (мнѣ извѣстно въ Черноярскомъ уѣздѣ) на счетъ обыкновеннаго рѣпья, и тамъ онъ считается тоже занесеннымъ растеніемъ съ Кавказа.

Въ Черногоріи же иные говорятъ, что онъ появился со времени пребыванія въ Боккѣ французовъ. Мы не можемъ провѣрить, на сколько справедливо такое утвержденіе, но интересно то, что всѣ признаютъ это растеніе занесеннымъ недавно и притомъ съ Востока. Эти растенія только засоряютъ хлѣба, затрудняя какъ посѣвы, такъ и уборку ихъ; а есть растенія, которыя примѣшиваются къ хлѣбнымъ зернамъ, такъ что нѣтъ никакой возможности отдѣлить ихъ, и потомъ они оказываютъ отравляющее дѣйствіе на человѣка. Таковы два растенія: *врат*ъ и *вук*ъ.

Первый — lolium temulentum, представляетъ собою зерно ржи, только короче и будто сморщенное. Когда его много въ зернѣ (пшеницѣ), то мука дѣлается горькою, и отъ хлѣба изъ такой муки человѣкъ получаетъ головокруженіе, дѣлается какъ бы отуманеннымъ и падаетъ въ обморокъ, и оттуда существуетъ выраженіе — *обратите се*; такое состояніе можетъ продолжаться три дня. Въ Васоевичахъ его особенно много, и тамъ

испытываютъ чистоту пшеницы такимъ образомъ: засунувъ палецъ въ зерно, приподнимаютъ; и если при этомъ на пальцѣ вмѣстѣ съ пшеницей окажется зерно врата, то хлѣбъ не годится, и его нужно чистить; если же нѣтъ, то значитъ его не много. Второе — melampyrum arvense — приближается по виду къ пшеницѣ и производитъ рвоту и тоже обмороки; а если его было много, то можно и умереть. Куколь также есть, но онъ замѣтнѣе, и его можно отдѣлить.

Есть травы вредныя для скота. Такъ *блоръ* — родъ проса: подобно ему, выметываетъ кость, въ которой такія же зерна, только не крупныя, а плоскія и удлиненныя. Скотина, особенно рогатая, весьма охотно его ѣстъ; а какъ скоро наѣстся, то у нея развивается въ животѣ сильный жаръ, причемъ животъ раздувается, затѣмъ скотина ложится и скоро издыхаетъ. Единственное средство противъ того — стащить животное въ холодную воду или поливать его водою.

О водяныхъ растеніяхъ мы уже говорили при описаніи Скадарскаго-блата и лимана Рѣки-Черноевича.

Въ концѣ, въ матеріалахъ, мы сообщаемъ словарь тѣхъ растеній въ Черногоріи, съ мѣстными названіями, которыя удалось видѣть самому, расположенный въ алфавитномъ порядкѣ; а для желающихъ познакомиться съ флорой Черногоріи въ системѣ рекомендуемъ книгу проф. бѣлградскаго лицея Панчича «Flora Montenegrina» 1875.

ЖИВОТНЫЯ.

Относительно животныхъ нужно замѣтить, что вслѣдствіе своей подвижности они не даются такъ легко пріурочить себя къ той или другой мѣстности, такъ какъ мѣняютъ свои мѣста не только по временамъ года, но и вообще по погодѣ, по урожаю необходимой имъ пищи, а иногда вслѣдствіе гоненій человѣка или другихъ какихъ либо обстоятельствъ, не стоящихъ въ прямой связи съ законами природы.

Въ Черногоріи былъ когда-то большерогій олень (cervus

claphus) и теперь въ нѣкоторыхъ домахъ увидите рога этого оленя въ видѣ украшенія, найденные гдѣ нибудь въ лѣсу, но не ископаемые, и объ немъ еще живо преданіе. Олень вообще нерѣдко упоминается въ народной пѣснѣ, а въ одной виденъ намекъ именно на большерогаго гигантскаго оленя:

У елена златни рози;
На розима три постелье;
На постельямъ три гаподье:
Свака свое чедо има,
Свака своме име діе[1]).

Въ отдѣлѣ орографіи мы сообщили народное преданіе о томъ, какъ угрожало совершенное истребленіе дикимъ козамъ въ Комѣ. Въ немъ истинно то, что истребленіе этого звѣря было ужасное, такъ что, по всѣмъ вѣроятіямъ, сами же старшины народные находили необходимымъ сдерживать слишкомъ хищническія наклонности своихъ одноплеменниковъ; и въ настоящее время въ высокихъ горахъ этихъ козъ не мало; тѣмъ болѣе, что онѣ могутъ убѣгать въ самыя неприступныя мѣста между скалами и спасаться тамъ не только отъ человѣка, но и отъ волка. При нынѣшнемъ князѣ совершенно запрещено убивать сернъ, которыя совсѣмъ было перевелись, потому что плодятся мало, а зимою составляютъ слишкомъ легкую добычу и волка и человѣка.

Много было также дикихъ кабановъ, а теперь собственно въ Черногоріи ихъ уже нѣтъ; только и держатся на южной сторонѣ Кома въ мѣстахъ, принадлежащихъ арнаутамъ магометанамъ, которымъ они не нужны; да и тѣ убиваютъ ихъ изъ отвращенія къ нимъ, поручая воспользоваться своею добычею кому либо изъ сосѣднихъ христіанъ, или просто бросая на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ.

Медвѣдей также остается немного въ лѣсахъ около Дурмитора, Бѣластицы и Кома; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,

[1]) Сообщено Цетинскимъ профессоромъ Беарою изъ Далмаціи.

напр. близъ Колашина, они весьма нахально приходятъ на нивы совсѣмъ вблизи города, чтобы покормиться кукурузой.

Во время послѣдней войны вообще крупный дикій звѣрь разбѣжался изъ Черногоріи; а потомъ сталъ опять собираться. Во время возстанія герцеговинцевъ противъ Австріи въ 1882 и 1883 годахъ много медвѣдей и волковъ прибѣжало оттуда въ Черногорію.

Людей, спеціально занимающихся охотой, какъ промысломъ, въ Черногоріи нѣтъ; но всякій черногорецъ, имѣя постоянно при себѣ, если не ружье, то пистолетъ или револьверъ, не пропуститъ случая, чтобъ не убить звѣря или птицу, если только попадется; стрѣляютъ даже рыбу, норовя ударить ей подъ брюхо, чтобы лопнулъ пузырь, и такимъ образомъ убиваютъ. Иногда селами дѣлаютъ облаву на медвѣдя или волковъ, когда они слишкомъ нападаютъ на стада. Князь имѣетъ свои заповѣдныя мѣста для охоты.

Вообще замѣчаютъ, что съ тѣхъ поръ, какъ у черногорцевъ завелись скорострѣльныя ружья, крупнаго звѣря становится все меньше.

Для шкурокъ бьютъ лису, куницу, выдру, иногда попадается рысь и дикая кошка (весьма рѣдко); бѣлка встрѣчается также весьма рѣдко; еще рѣже горностай.

Зайцевъ множество нѣсколько видовъ.

Послѣ волка весьма хищнымъ звѣремъ является лисица, которая приходитъ даже на Цетинье и пожираетъ домашнюю птицу. Вредитъ также хорекъ. За то ласочка считается избавителемъ человѣка отъ крысъ и мышей, и потому ее стараются пріучить къ дому; а убить ее считаютъ великимъ грѣхомъ, и за то убившаго должно непремѣнно постигнуть какое нибудь несчастіе. Куницу бьютъ ради высшаго качества ея шкурки, продающейся однако только по 2 флор., а иначе и ее считаютъ полезною какъ истребительницу мышей. Ее иногда держатъ въ домахъ, и, какъ кошка, она ласкается къ человѣку, вспрыгивая ему на плечо и вертясь около шеи; но всегда нужно беречься, чтобъ не укусила.

Много здѣсь язвецовъ, которые опустошаютъ кукурузу, и потому для обереганія нивъ раскладываютъ огни, а иногда караулятъ по ночамъ, при чемъ бьютъ ихъ изъ ружей или просто только пугаютъ выстрѣлами.

На Сутормапѣ и на нѣкоторыхъ островахъ въ устьѣ рѣки водятся, говорятъ, шакалы, и мнѣ два раза приводилось слышать его крикъ на Цетиньѣ.

Мелкаго звѣрька, какъ крысы, мыши, кроты и т. п. также много; а мелкая полевая мышь является иногда въ огромномъ количествѣ и пожираетъ еще не убранную кукурузу.

Подобно тому, какъ въ Сибири люди пользуются запасами кедровыхъ орѣховъ въ гнѣздахъ бѣлки или мыкыра (корень одного вида polygonum), въ норахъ у мыши, и здѣсь у мышей отбираютъ запасы орѣховъ. Существуетъ разсказъ, будто одна мышь, найдя свой запасъ расхищеннымъ, убила сама себя, раздравъ себѣ когтями кровяныя жилы подъ горломъ; и потому есть въ Черногоріи пословица: «Заклаосе, као мыш за лѣшнике». О мыши въ Сибири тоже говорятъ, что она убиваетъ себя. Но смерть, конечно, приходитъ сама собой, когда животному оказывается нечѣмъ питаться.

О домашнихъ четвероногихъ животныхъ мы будемъ говорить въ отдѣлѣ скотоводства, а здѣсь укажемъ только главные ихъ виды и распредѣленіе ихъ по особымъ мѣстностямъ. Лошадей мѣстной, спеціально черногорской породы нѣтъ: всѣ онѣ получаются изъ сосѣднихъ Герцеговины и Албаніи. Впрочемъ, въ Пивѣ и Дробнякахъ встрѣчается болѣе крупная порода, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; была также своя порода въ Васоевичахъ, именно въ Любой-рѣкѣ, но войны послѣдняго времени разорили это племя, и съ тѣхъ поръ оно не можетъ даже обзавестись лошадьми въ томъ количествѣ, въ какомъ были прежде.

Ослы и мулы держатся преимущественно въ Катунской нахіи, а также въ Лѣшанской, Рѣцкой, Цермницѣ и Пѣшивцахъ; въ Цермницѣ же нельзя даже найти лошади, чтобы нанять. Въ сѣверной или сѣверо-восточной половинѣ ихъ не держатъ и потому

еще, что они тамъ хирѣютъ и хвораютъ; а у ословъ начинаетъ копыто расти башмакомъ.

Рогатый скотъ вездѣ почти одинаковъ; но болѣе крупные быки въ Пивѣ и Нижней Зетѣ; а самые плохія коровы, какъ телята, въ Ровцахъ и у бѣдныхъ горожанъ, не имѣющихъ достаточно пастбищъ, какъ въ Подгорицѣ и на Цетиньѣ.

Между овцами по шерсти различаютъ нѣсколько видовъ; самыя крупныя въ Васоевичахъ, Пивѣ и Дробнякахъ и близко къ нимъ подходитъ порода въ Банянахъ; самая мелкая въ Нижнихъ Кучахъ и около Подгорицы. Притомъ, если заводили Васоевицкихъ овецъ въ Подгорицѣ, на Цетиньѣ и другихъ мѣстахъ, близкихъ къ морю, онѣ перерождались въ тамошнюю мелкую породу.

Свиньи двухъ породъ: одна съ твердою, прямою щетиной, длинною, порою наеживающеюся по всему хребту и по шеѣ; другая съ мягкою, нѣсколько закрученною шерстью. Первая порода мѣстная, а вторая изъ Сербіи. При стадахъ держатъ собакъ, которыя не отличаются величиной, но необыкновенно злы и притомъ сильны: онѣ борются съ волкомъ, и кидаются на человѣка, какъ волкъ.

Вообще нужно сказать, что Черногорія не бѣдна представителями всѣхъ родовъ и видовъ животнаго міра; но количество индивидуумовъ не настолько значительно, чтобы присутствіе ихъ выражалось наглядно оживленіемъ природы. Живя долго тамъ, привыкаешь къ тому и какъ-то не замѣчаешь; но на новаго человѣка это производитъ впечатлѣніе. Поэтому приведемъ для характеристики слова г. Шварца, который, надобно замѣтить, путешествовалъ съ 20-го апр. до половины мая, во время, самое благопріятное для наблюденія.

«Къ обнаженному виду каменистой почвы — говоритъ онъ — присоединяется еще впечатлѣніе мертвенности, вслѣдствіе недостатка животной жизни. Пусть не журчитъ тутъ ни одинъ ручей; но при этомъ не раздается также и пѣнія птицъ въ воздухѣ; не прошелеститъ ни одно четвероногое, робко пробѣгая по лугу.

Непривѣтная тишина господствуетъ здѣсь даже чуть-ли не глубже, чѣмъ въ арктическомъ поясѣ или въ пустыняхъ Сахары, которая все-таки оживляется легкими газелями или страусами. Только тамъ, гдѣ богаче, хотя тоже умѣренно, растительность, проявляется и нѣкоторая животная жизнь. То порхаютъ бѣлыя и пестрыя бабочки, то всюду шелестятъ безчисленныя мелкія ящерицы (lacerta agilis) между листьями, покрывающими почву, и раздается монотонный крикъ кукушки (cuculus canorus), скрывающейся въ скудномъ кустарникѣ. Послѣдняя одинаково распространена по всей Черногоріи, на западѣ и востокѣ, въ высокихъ горахъ центральной области и на горячихъ низменностяхъ Скадарскаго озера. А удивительному сычу [1]), нигдѣ въ свѣтѣ, кажется, не нравится такъ, какъ въ «черныхъ горахъ». Онъ водится здѣсь массами» (стр. 422).

Дѣйствительно, здѣсь около жилищъ почти не слыхать чириканья воробьевъ и щебетанья ласточекъ, которымъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не нравятся вѣчно дымящіяся крыши черногорскихъ домовъ; почти не видать также сорокъ и воронъ, ни скворцевъ, услаждающихъ неприхотливый вкусъ сельскаго жителя своимъ свистомъ и подражаніемъ звукамъ, издаваемымъ другими животными, и собирающихся въ цѣлыя тучи; голуби водятся только въ пещерахъ; наступленіе весны не возвѣщаетъ жаворонокъ и рѣдко гдѣ надъ равниной раздается высоко въ воздухѣ его трель, однообразная, но мелодичная, вызывающая въ душѣ человѣка какое-то особенное ощущеніе гармоніи природы. Рѣдко гдѣ слышится и пѣніе соловья; его замѣняетъ больше черный дроздъ, водящійся здѣсь во множествѣ. Много также здѣсь каменныхъ куропатокъ: онѣ-то и составляютъ здѣсь лучшую, всегда готовую дичь, и ихъ клокочущее пѣніе слышится всюду, когда онѣ токуютъ. Рѣдко также слышенъ крикъ перепелки, потому что массами онѣ являются только при перелетѣ на сѣверъ и обратно.

[1]) Мы не знаемъ имени этой ночной птицы, и намъ не случалось видѣть и слышать ее въ Россіи; а по-черногорски она называется *тюкъ* по крику, издаваемому ей; по-нѣмецки Kauz; а по-латыни, кажется, stix bubo.

Есть орлы, весьма большіе (falco imperialis), коршуны, соколы и другіе дневные и ночные хищники.

На самыхъ высокихъ горахъ есть каменная галка — мелкая съ желтымъ клювомъ и красными ногами, вѣчно кричащая и вылетающая человѣку навстрѣчу, подобно хайлыку въ Монголіи, гдѣ онъ многочисленными стаями водится въ ламайскихъ дацанахъ (монастыряхъ).

Въ густыхъ лѣсахъ есть тетерева, но весьма мало.

Во время же пролета птицъ, кромѣ массы водяныхъ птицъ, появляется много сухопутныхъ куликовъ въ мелколѣсьѣ около Ульцина, Бара, въ Цермницѣ, на Рѣкѣ и въ Бѣлопавлицкой долинѣ.

Скадарское озеро со всею прилегающею къ нему мѣстностью, а также Зоганское-блато близъ Ульцина привлекаютъ массы водяной и болотной птицы; а за рыбою, какъ мы уже говорили, налетаютъ чайки, бакланы, пеликаны и другіе рыболовы.

На смоквы спеціально налетаетъ мелкая птица *вуга* или *фуга*, зимой вся сѣрая, а лѣтомъ желтобрюхая, въ родѣ желны, и, когда откормится смоквами, составляетъ лакомую дичь черногорцевъ.

Нѣсколько разъ приводилось мнѣ видѣть стайки щуровъ, истребителей пчелъ, но весьма далеко, такъ что не могъ ихъ хорошенько разглядѣть, а узнавалъ только по лету и крику; отъ мѣстныхъ же жителей не могъ узнать даже черногорскаго названія этой птицы.

Вообще мелкихъ пернатыхъ здѣсь много видовъ; но всѣ они немногочисленны индивидуумами, вслѣдствіе чего, наблюдая ихъ мимоходомъ, какъ путешественникъ, легко можно многіе просмотрѣть, не замѣтить. Поэтому мы не можемъ согласиться съ слѣдующимъ заключеніемъ г. Шварца: «что черногорская фауна тамъ, гдѣ проявляетъ себя внѣшнимъ образомъ, хотя не богата видами (an Arten), за то богата индивидуумами, какъ это мы уже замѣтили въ ботаническомъ отношеніи» (стр. 422).

Напротивъ, врядъ ли гдѣ въ Европѣ на такомъ маломъ про-

странствѣ найдется такое разнообразіе фауны. Недостаетъ только скученности; не дѣйствуютъ ли и тутъ тѣ же самыя причины, какъ и въ жизни человѣка, живущаго также разбросанно?

Переходимъ теперь къ пресмыкающимся.

Тутъ мы встрѣчаемъ черепахъ, которыя распространены даже въ мѣстахъ, весьма отдаленныхъ отъ воды, и на высотахъ. Это совершенно сухопутное животное. Онѣ встрѣчаются даже на такой высотѣ, какъ Острожскій монастырь; но царство ихъ — это окрестности Скадарскаго озера. Тутъ ихъ цѣлыя стада; пойдите только при закатѣ солнца къ подгорицкой церкви (внѣ города), и вы услышите кругомъ шелестъ отъ ползанья ихъ и срыванія травы; точно пасутся овцы. Онѣ приносятъ даже вредъ, уничтожая молодую кукурузу и траву огородныхъ овощей. Есть между ними довольно большія, достигающія 20 — 25 сантим. и принадлежатъ къ тому виду, который въ Италіи охотно ѣдятъ (г. Шварцъ называетъ этотъ видъ testudo graeca, Chersemydae Strauch), и потому оттуда были однажды закупщики; но когда привезли нѣсколько лодокъ въ Цермницу, чтобы потомъ переправить въ Баръ или Будву къ морю, цермничане возстали противъ этого и всѣхъ ихъ пустили на свободу, считая торговлю такимъ животнымъ, какъ и употребленіе его въ пищу, не приличествующимъ человѣку. Но въ благодарность за спасеніе, такая масса черепахъ, оголодавшихъ за дорогу, страшно опустошила посѣвы хлѣба у цермничанъ.

Есть нѣсколько видовъ ящерицъ, которыя водятся во множествѣ и есть между ними большая, достигающая 20 сант., зелено-голубая съ золотистымъ отливомъ, называемая *зеленбачъ* (ту же намъ приводилось видѣть и въ Сербіи).

Изъ земноводныхъ упомянемъ животное, похожее на ящерицу, по-черногорски называемое *дуждевнякъ*, черный съ желтыми или оранжевыми пятнами, который водится и на Цетиньѣ въ лужахъ, а передъ дождемъ, особенно передъ сильнымъ съ бурей, выбирается на сухія мѣста и ползетъ все выше и такимъ образомъ является какъ бы предвѣстникомъ дождя (salamandra ma-

culata?). Есть еще похожее на это животное на Рѣкѣ въ застаивающейся водѣ, которое считаютъ ядовитымъ.

Лягушекъ также нѣсколько видовъ. Весной въ мартѣ мѣсяцѣ всѣ лужи наполнены мелкими новорожденными, которыя или кишатъ и толпятся въ водѣ, или мирно сидятъ, прилѣпившись къ камнямъ, тогда какъ старшее поколѣніе наполняетъ воздухъ своимъ кваканьемъ и турчаньемъ. Особенно непріятное впечатлѣніе производитъ жаба, вся покрытая бородавками, которыя черногорцы считаютъ болѣзнью, называемою *гу̀ба* (парши и вообще болячки вслѣдствіе какой-нибудь скверной болѣзни), и потому называютъ ее *жаба губавица*, и одно изъ самыхъ сильныхъ проклятій человѣку «*да се разгуба, као жаба губавица*». Есть въ лѣсахъ еще маленькая лягушка зеленая, золотистая, съ бѣлымъ брюшкомъ и съ совершенно золотыми кантиками, гдѣ сходятся эти два цвѣта, которая сидитъ на листѣ дерева, преимущественно дуба, и трещитъ. Въ Черногоріи ихъ, впрочемъ, мало; а въ Сербіи, въ дубовыхъ рощахъ шабацкаго и валевскаго окружій, отъ нихъ стоитъ въ воздухѣ оглушающая трескотня.

Змѣи здѣсь распространены всюду, начиная отъ морского берега до высотъ надъ Комомъ и Дурмиторомъ, и между ними есть весьма ядовитыя. Въ Васоевичахъ, въ Кривомъ-долѣ, есть мѣстность, гдѣ весь кустарникъ былъ полонъ змѣй, и не смѣли тамъ близко пускать стада, боясь ядовитаго ихъ укушенія; наконецъ эту мѣстность очистили, предавши пожару всѣ кустарники. Замѣчательно, что онѣ здѣсь весьма поздно скрываются, а вылѣзаютъ изъ норъ весьма рано на только-что оттаявшее мѣсто, когда рядомъ съ нимъ лежитъ еще снѣгъ. Гнѣздятся онѣ и въ жилыхъ домахъ, и тогда выползаютъ по временамъ въ теченіе цѣлой зимы.

Отъ укушенія такой змѣи жители не знаютъ другаго средства, какъ отнятіе, если то возможно, укушеннаго члена. При этомъ для ампутаціи ноги перетягиваютъ ее туго веревкой и держатъ съ такою перевязкой до совершеннаго омертвѣнія. Мнѣ случалось видѣть не одного, такимъ образомъ ампутированнаго, или съ отрѣзаннымъ пальцемъ, въ который онъ былъ уку-

шенъ. Въ Далмаціи на островахъ для этого имѣется особенная серебряная цѣпь, хранящаяся въ одномъ какомъ-либо домѣ, которой приписываютъ особенное значеніе; въ сущности же она производитъ такое же омертвѣніе члена, какъ и веревка.

Есть ужи, а особенно много такъ-называемаго *блора:* это короткая съ особенно вздутою среднею частью змѣя, коричневаго цвѣта, глянцовитая и по народному мнѣнію слѣпая (по Шварцу — anguis fragilis): ее считаютъ совершенно безвредною. Виперъ нѣсколько видовъ; по преимуществу онѣ маленькія; но есть ядовитыя и весьма большія — до полутора метра. Въ Лѣшанской нахіи — говорили мнѣ — есть змѣя, производящая при своемъ движеніи особенный шумъ, по которому ей существуетъ и особое названіе (кажется, чегртуша).

По народному примѣчанію, всѣ змѣи послѣ Успеньева дня (15 августа) взлѣзаютъ на деревья, чтобы грѣться на солнышкѣ. Иныя змѣи постоянно живутъ въ какомъ-нибудь домѣ и любятъ залѣзать въ колыбель къ ребенку, не причиняя ему никакого вреда, и это считается счастіемъ для дома.

О рыбахъ мы уже говорили въ отдѣлѣ гидрографіи, и въ то же время сказали, что̀ имѣли, о мягкотѣлыхъ, иглокожихъ и суставчатоногихъ, живущихъ собственно въ морѣ.

Изъ отдѣла суставчатоногихъ слѣдуетъ еще упомянуть рака, живущаго въ прѣсной водѣ, и скорпіона, который такъ распространенъ въ Черногоріи.

Рѣчныхъ или озерныхъ раковъ мнѣ не приводилось видѣть въ Черногоріи, но говорятъ, что они находятся въ заводяхъ средней Зеты, въ Лимѣ и въ Трешницѣ или Церковницѣ.

Скорпіонъ распространенъ положительно вездѣ. Больше всего онъ держится въ домахъ: въ щеляхъ стѣнъ, сложенныхъ изъ простого камня, въ занавѣскахъ оконъ, подъ черепичными крышами; затѣмъ — въ скалахъ. Мнѣ случалось отломить кусокъ скалы, и оттуда высыпалась цѣлая семья мелкихъ экземпляровъ. Величина его до 4 сантим., цвѣта тѣльнаго или темнаго, впадающаго въ черный.

Часто вы его найдете на постелѣ, на столѣ и въ ящикѣ съ бѣльемъ; но укушенія бываютъ весьма рѣдко. Укушеніе его ядовито, хотя и не смертельно, производитъ однако огромную опухоль. Онъ жалитъ и другихъ животныхъ: между прочимъ овца отъ его укушенія раздувается и послѣ того старая кожа вся облѣзаетъ, а выростаетъ новая, но нерѣдко животное и издыхаетъ отъ того.

Тарантуловъ здѣсь меньше: они какъ бы не уживаются съ скорпіонами; но ихъ укушеніе не менѣе ядовито.

Изъ многоногихъ распространены два вида: *увлажа* (наша двухвостка или сороконожка), прозванная такъ за то, что влѣзаетъ въ ухо; она водится и въ сѣнѣ, и чрезвычайно остро кусаетъ, какъ бы обожжетъ, если ляжете спать на сѣнѣ раздѣвшись; и еще *чешалъ* (значитъ гребень), шире и длиннѣе и съ такимъ множествомъ длинныхъ тонкихъ ножекъ, что онъ похожъ дѣйствительно на гребень, имѣющій зубцы съ двухъ сторонъ. Его укушеніе считается также ядовитымъ.

Переходимъ теперь къ насѣкомымъ.

Міръ бабочекъ здѣсь чрезвычайно разнообразенъ, начиная отъ самыхъ простыхъ и маленькихъ бѣленькихъ и палевыхъ и до самыхъ нарядныхъ, имѣющихъ иногда съ распростертыми крыльями до 7 сантим. Но никогда не увидите ихъ кучами. То же самое можно сказать и относительно вѣчно бьющагося надъ водой коромысла.

Комаровъ здѣсь мало: только на Рѣкѣ и вокругъ Скадарскаго озера, а также при морѣ въ Барѣ и Ульцинѣ; но и тутъ ихъ нѣтъ такихъ тучъ, какъ у насъ, напр. въ низовьяхъ Волги. Есть, однако, особенное чрезвычайно мелкое животное *невидъ*, который ночью кусаетъ особенно ноги, высунувшіяся изъ-подъ одѣяла, и производитъ ощущеніе, какъ отъ укушенія комара, и даже слабѣе, но потомъ зудъ ощущается сильнѣе и дольше, а иногда являются прыщи, отъ которыхъ отекаетъ и разболѣвается цѣлая ступня.

Часто налетаютъ крылатые муравьи, падая на огонь. А когда

созрѣетъ виноградъ и начнутъ его свозить, тогда нѣтъ житья отъ осъ, нападающихъ цѣлыми стаями. Кусающійся видъ обыкновенной мухи, появляющійся у насъ только къ осени, здѣсь надоѣдаетъ все лѣто, особенно нападая на ноги, если онѣ не въ обуви, закрывающей всю ногу. Существуетъ также особенный видъ конской мухи, плоской, которая впивается лошадямъ въ нижнія части живота такъ, что едва можно оторвать; притомъ она такая твердая, что, стиснувши ее пальцами слегка, не раздавишь и не умертвишь.

Въ жаркое, сухое лѣто всѣ кустарники наполняются *крецелеями:* это жесткокрылая муха, съ толстымъ тѣломъ и малыми крыльями, сѣраго цвѣта, съ выпученными глазами. Только разсвѣтаетъ, онъ взбирается на вѣтви, прилѣпляется къ вѣткѣ или стволу дерева ногами и трещитъ въ родѣ кузнечика, приводя въ движеніе свою заднюю часть и какъ-то припадая ею книзу. Въ то время его легко схватить просто руками, онъ сидитъ, какъ ошалѣлый. Воздухъ положительно полонъ ихъ криками.

Крикъ кузнечика слышится рѣдко; но есть мѣсто, гдѣ мелкіе кузнечики часто истребляютъ всѣ молодые посѣвы и траву.

Мелкихъ муравьевъ множество вездѣ и въ домахъ; но всѣ они держатся въ разбродѣ и не видно опредѣленно муравейниковъ; только въ большомъ лѣсу встрѣтите муравьиныя кучи, болѣе полуметра въ вышину.

Большими стаями появляются иногда зеленыя шпанскія мухи.

Изъ насѣкомыхъ, трудомъ которыхъ пользуется человѣкъ, пчела существуетъ и въ дикомъ состояніи, а иногда дичаютъ отлетѣвшіе домашніе рои; шелковичный же червь, существованіе котораго тамъ обусловливается произрастаніемъ тутоваго дерева, могъ бы занять въ Черногоріи обширную область; но въ послѣднее время и здѣсь, какъ въ остальной Европѣ, на него нападаетъ болѣзнь, и потому его разводится мало, тогда какъ прежде черногорское сѣмя было совершенно здоровое и вывозилось даже за границу.

Изъ породы червей полезная человѣку піявка водится не

только въ стоячихъ водахъ, въ нѣкоторыхъ озерахъ (даже подъ Дурмиторомъ), но и въ ключахъ: нерѣдко увидите, что изнутри земли, вмѣстѣ со струей воды, выносится піявка. Поэтому бываютъ случаи, что она впивается въ части рта лошади, а иногда и человѣку, когда онъ пьетъ воду прямо изъ трубки или желобка, по которому она вытекаетъ.

Изъ паразитовъ, живущихъ внутри человѣка, существуетъ нѣсколько видовъ глистъ, между прочимъ очень распространенъ ленточный (taenia), достигающій десятковъ аршинъ, и въ одномъ человѣкѣ бываетъ по нѣскольку индивидуумовъ. А у животныхъ, кромѣ мозговика, есть еще паразитъ у овецъ въ печени — *метылъ*, котораго получаетъ овца отъ паствы на влажныхъ мѣстахъ, и, по народному предположенію, чрезъ вдыханіе носомъ какой-то насѣдающей на траву пыли.

Болѣзнь на ногахъ и рукахъ *буганцы* (по-французски engelures) тоже, кажется, происходитъ отъ паразитовъ.

Въ сочиненіи Н. Каульбарса «Замѣтки о Черногоріи» имѣется цѣлый списокъ находящихся въ ней птицъ.

Дополненіе. Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ привести характеристику флоры и преобладающіе семейства и виды въ Европейской Турціи по соч. Ами Буэ «La Turquie d'Europe» и перечислить также всѣ семейства и виды, найденные въ Черногоріи Панчичемъ по его соч. «Elenchus plantarum vascularium in Crna Gora».

Ами Буэ говоритъ, что «ни одно растительное семейство не составляетъ собственности Турціи; но, сравнивая съ среднею Европою, вы находите такую же разницу, какъ между этою послѣднею и флорою Средиземнаго моря, что̀ лучше всего можно видѣть изъ перечисленій семействъ и родовъ, преобладающихъ въ южной Турціи и Албаніи. Вотъ они: злаковые, особенно на сухихъ почвахъ; шишконосные (хвойные); scraphulariae, въ особенности роды: veronica, digitalis, vitex, anthirrinum, linaria,

verbascum; acanthaceae; губоцвѣтные, особенно thymus, origanum, stachys, salvia, phlomis, marrubium, siderites, teucrium, lavendula, mentha; scabioseae (или dipsaceae, ворсянковые); сложноцвѣтные, между которыми centaurea, achillea, artemisia, crepis, gnaphalium, conyza, cineraria и отдѣлъ cinerocephabae; stallatae, особенно galium и asperula; aristolochiaceae; anacaridaceae; cupuliferae и бобовые, между которыми trifolium, cytisus, lotus, medicago, genista, astragolus, ononis, orobus, psoralea, colutea и cercis; розанные, особенно potentilla, rosa и rubus, alsinaceae, особенно cerastium; silenaceae: dianthus, silene, gypsophila: молочаевые: euphorbia и buxus; rhamnaceae особенно paliurus; cistaceae; cucurbitaceae, alimentaceae, особенно epilobium; vitaceae и ranunculaceae: ranunculus, clematis, delphinium. Довольно часто встрѣчаются лилейные, особенно ornithogalum и allium; орхидейные; нѣкоторые изъ boragineae, какъ onosma; myosotis и lithospermum; chenopodiaceae; salicineae; caprifoliaceae; urticeae; geraniaceae; polygonaceae; мальвы, фіалки, linum, hypericum и asperulae. (T. I, стр. 468—469).

По сочиненію Панчича мы можемъ переименовать всѣ найденные имъ въ Черногоріи, показавши число имѣющихся въ нихъ видовъ, всѣхъ 1,298.

A. Dicotyledoneae DC. 1077.

I. Thalamiflorae DC.	
1. Ranunculaceae	36
2. Berberideae	1
3. Nymphaeaceae	2
4. Papaveraceae	5
5. Fumariaceae	2
6. Cruciferae	61
7. Cistineae	5
8. Violariae	7
9. Resedaceae	1
10. Droseraceae	1
11. Polygleae	3
12. Sileneae	43
13. Alsineae	27
14. Lineae	5
15. Malvaceae	9
16. Tiliaceae	3
17. Hypericineae	4
18. Acerineae	6
19. Geraniaceae	12
20. Balsamineae	1
21. Oxalideae	2
22. Rutaceae	2
23. Celastrineae	3
24. Rhamneae	4
25. Terebinthaceae	2
26. Amygdaleae	5
27. Papilionaceae	83
28. Rosaceae	37
29. Sanguisorbeae	4

30. Pomaceae	12
31. Granateae	1
32. Onagrariae	10
33. Halorgeae	1
34. Callitrichineae	1
35. Cythrariae	4
36. Tamariscineae	1
37. Cucurbitaceae	2
38. Portulaceae	1
39. Paronychieae	3
40. Scleranteae	2
41. Crassulaceae	29
42. Ribesiaceae	2
43. Umbelliferae	81
44. Araliaceae	1
45. Corneae	2
46. Caprifoliaceae	9
47. Stellatae	17
48. Valerianeae	7
49. Dipsaceae	16
50. Compositae	182
51. Ambrosiaceae	2
52. Campanulaceae	17
53. Vaccineae	2
54. Pyrolaceae	2
55. Monotropeae	1
Сумма	784

II. Corollifloreae.

1. Oleaceae	6
2. Asclepiadeae	2
3. Gentianeae	16
4. Convolvulaceae	7
5. Borragineae	28
6. Solaneae	7
7. Verbasceae	12
8. Antirrhineae	18
9. Orobancheae	2
10. Rhinantaceae	15
11. Labiatae	66
12. Verbenaceae	2
13. Acanthaceae	2
14. Lentibulariae	1
15. Primulaceae	8
16. Globulariae	2
17. Plumbagineae	3
18. Plantagineae	5
Сумма	202

III. Monochlamideae.

1. Amarantaceae	2
2. Phytolacceae	1
3. Chenopodeae	7
4. Polygoneae	11
5. Thymeleae	3
6. Santalaceae	4
7. Aristolochieae	3
8. Empetreae	1
9. Cuphorbiaceae	12
10. Urticeae	9
11. Cupuliferae	12
12. Salicineae	10
13. Betulineae	3
14. Coniferae	11
Сумма	91

B. **Monocotyledoneae 201.**

1. Alismaceae	1
2. Butomeae	1
3. Potomeae	8
4. Najadeae	1
5. Lemnaceae	1
6. Typhaceae	2
7. Aroideae	1
8. Orchideae	6
9. Irideae	7
10. Amaryllideae	2
11. Asparageae	7
12. Dioscoreae	1
13. Liliaceae	22
14. Colchiaceae	3
15. Juncaceae	6
16. Cyperaceae	35
17. Gramineae	97

C. **Acotyledoneae vasculares. 20.**

1. Filices	17
2. Equisetaceae	3

Изъ этого перечня мы видимъ, что самая многочисленная — семья сложноцвѣтныхъ (182 вида). Тутъ мы найдемъ мать и мачиху, астры, маргаритки, золотарникъ, девясилъ, нѣсколько видовъ гнафалія (но Edelweis не встрѣчается), цминъ, чернобылъ, деревей, жабникъ, сенеціи, нѣсколько видовъ хризантема, между которыми, такъ-называемая, *буварица* — трава противъ клоповъ и другихъ насѣкомыхъ, татарники и чертополохи и между ними carduus ramasissimus и одинъ приземистый въ родѣ артишока; серпуха; центауреи и между ними василекъ и скабіозы; цикорій, употребляемый въ пищу; одуванчикъ; латукъ (салатъ); осотъ, чрезвычайно докучливая сорная трава; множество видовъ hieracium и др. Затѣмъ слѣдуютъ злаки (97 видовъ), мотыльковые (83), въ числѣ которыхъ много видовъ клевера, люцерны, ракитника, донникъ, spartium junceum, дроки, ледвенецъ, эспарцетъ и другіе виды астрогала, множество видовъ горошковъ (vicia). Почти такъ же обильна семья зонтичныхъ (81), между которыми тминъ, анисъ, укропъ, пустарнакъ, морковь (всѣ въ дикомъ состояніи) и др.; между губоцвѣтными (66) нѣсколько видовъ мяты, душица, богородская трава, чаберъ, мелисса, исопъ, шалфей, размаринъ, нѣсколько видовъ stachys и teucrium. Богата числомъ видовъ и семья крестоцвѣтныхъ (61), въ которой находятся нѣсколько видовъ настурцій, arabis, cardamine, alissum, thlapsi и draba; полевая горчица, iberis serratula, brassica sheiranthus и др.

Въ слѣдующихъ 8 семьяхъ число видовъ отъ 20—50. Гвоздичныя (43): множество видовъ dianthus и одинъ палевый (близъ Грахова, у Панчича не отмѣченъ), также много видовъ heliosperma и silene, saponaria и четырехъ видовъ lychnis. Между розанными (37) семь видовъ шиповника, множество видовъ potentillae, нѣсколько спирей, geum и rubus; земляника и agrimonia eupatoria. Въ числѣ лютиковыхъ (36) много видовъ собственно ranunculus, нѣсколько видовъ clematis, anemone, thalictrum и delphinium; aquilegia aconitum varieg и lycoctonum и крупный желтаго цвѣта съ прекраснымъ запахомъ trollius eurapalus (по-

серб. яблан.), чемерика, coltha palustris. Множество видовъ въ семьѣ осоковыхъ (35); а между толстолистными (29, crassulaceae) преобладаютъ sedum и saxifraga. Между бурачниковыми (28) находятся heliotropium, cynoglassum, anchusa, symphytum, echium vulgare, pulmonaria и нѣсколько видовъ lithospermum и myosotis. Въ тарицевыхъ (27) больше всего видовъ cerastium, затѣмъ идутъ alsine, arenaria, Stellaria и др. Между лилейными, какъ мы уже прежде замѣчали, множество видовъ лука (allium); между собственно лиліями lilium albanicum, carniolicum и martagon; два вида muscari comasum и botrioides.

Послѣ того слѣдуютъ семейства, въ которыхъ отъ 10 до 20 видовыхъ представителей. Антириновыя (18), въ числѣ которыхъ digitalis и нѣсколько видовъ linaria, особенно же много — veronica. Довольно также видовъ папоротниковыхъ (17) и по стольку же видовъ въ звѣздчатоцвѣтныхъ и колокольчиковыхъ. По 16 видовъ заключаютъ въ себѣ семейства ворсянковыхъ и горечавковыхъ. Погромовыхъ, гераневыхъ и яблоковыхъ по 15 видовъ; вербасковыхъ, молочайныхъ и блюдценосныхъ (cupuliferae) по 12 видовъ; гречишниковыхъ и шишконосныхъ по 11; вербовыхъ и кипрейныхъ по 10.

За этими слѣдуютъ еще 76 семействъ, въ которыхъ находится менѣе, чѣмъ по 10 видовъ.

Въ 1885 году, какъ мы уже упоминали, съ ботаническою цѣлью совершилъ нѣсколько экскурсій по Черногоріи итальянскій ученый Бальдачи, а въ нынѣшнемъ (1886) часть его изслѣдованій уже напечатана; но вполнѣ имъ воспользоваться можно будетъ только тогда, когда оно будетъ напечатано вполнѣ

Поправка къ стр. 150 — 151.

Мы упоминали о веществѣ, похожемъ на лигнитъ; теперь, показавши образчикъ его одному знатоку, мы можемъ съ увѣренностію сказать, что это не лигнитъ, а легкіе слоистые натеки или отложенія измельченной глины или извести, собравшіеся въ трещинахъ, такъ-называемаго, вонючаго камня и пропитавшіеся находящеюся въ немъ смолой, вслѣдствіе чего при легкости и тонкости состава упомянутаго натека или отложенія они и пріобрѣли способность легко горѣть.

ИСТОРІЯ ЗЕТЫ И ЧЕРНОГОРІИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Первыя попытки написать исторію Черногоріи принадлежатъ самимъ черногорцамъ. Владыка Василій († 1766 г.) написалъ «Исторію о Черной-Горѣ», которая впервые напечатана въ Чтен. Общ. Ист. и Древ. (1860 г., кн. 2); влад. Петръ I также составилъ записку, которая вошла въ очеркъ, помѣщенный въ черногорскомъ календарѣ «Грлица» (1835 и 1836 гг.); а секретарь его, Симо Милютиновичъ написалъ «Исторію Црне-Горе одъ искона до новіега времена» (Бѣлградъ, 1835 г.). Эта послѣдняя, какъ и самъ авторъ говоритъ о томъ, составлена преимущественно по устному народному преданію и разсказамъ владыки; но съ XVIII в. мы найдемъ у него и грамоты Петра В., Екатерины II и другихъ, и многіе другіе документы, касающіеся сношеній Черногоріи съ Россіей и Австріей.

Къ этимъ сочиненіямъ мы, конечно, не можемъ прикладывать мѣрку, какую даетъ намъ историческая наука, установившаяся въ позднѣйшее время; тѣмъ болѣе, что авторы ихъ были люди, можно сказать, безъ науки и писали не для науки, а для своего народа, чтобы не дать погибнуть въ рѣкѣ забвенія его прошлому. Они, однако, послужили послѣдующимъ историкамъ, какъ первые источники. И то нужно сказать, что владыки Василій и Петръ I своею личною жизнію захватили цѣлое столѣтіе отъ смерти влад. Даніила (1736 г.) до смерти Петра I (1830 г.) Объ этомъ времени

они могутъ говорить, какъ очевидцы, а за столѣтіе назадъ застали, конечно, вполнѣ сохранившееся народное преданіе.

Послѣ этихъ сочиненій въ 1850 г. является «Повѣстница Црне-Горе» (Землинъ) М. Медаковича; а въ 1853 г. «Geschichte des Fürstenthum Montenegro» (Wien) Андрича.

Кромѣ того, исторіи касаются всѣ почти путешественники въ своихъ описаніяхъ Черногоріи, какъ: Vialla de Sommieres въ «Voyage historique et politique au Monténégro» (Paris, 1818 г.), Броневскій въ «Запискахъ морского офицера» (Спб. 1818 г.) и «Письмахъ морского офицера» (1825 г.); соч. «Montenegro u. die Montenegriner» (Stuttgart и Tübingen, 1837), составленное по разсказамъ Вука Стеф. Караджича; А. Поповъ въ «Путешествіи въ Черногоріи» (1847); Е. Ковалевскій въ «Четыре мѣсяца въ Черногоріи» (1841 г.); G. Wilkinson въ «Dalmatia e Montenegro» (London, 1848); Cyprien Robert въ «Les slaves de Turquie» (Paris, 1844); Marmier въ «Lettres sur l'Adriatique et le Monténégro» (Paris, 1844); M. Kohl въ «Reise nach Istrien, Dalmatien und Montenegro» (Dresden, 1851); Паичъ въ «Cernogora, eine umfassende Schilderung des Landes u. Bewohner von Montenegro» (Agram, 1851)[1]) и др.

Спеціально же изученью черногорской исторіи отдался Д. Милаковичъ, секретарь влад. Петра II, и плодомъ этого многолѣтняго изученія явилась его «Историја Црне-Горе» (Задар., 1856 г.), которая до сихъ поръ остается единственнымъ сочиненіемъ, обнимающимъ всю исторію Зеты и Черной Горы отъ первыхъ поселеній сербо-хорватовъ на Балканскомъ полуостровѣ до смерти влад. Петра I (1830 г.). Это сочиненіе вполнѣ научное и написано добросовѣстно, включивъ въ себя все, что можно было найти въ предшествовавшихъ трудахъ.

Чтобы дать понятіе о томъ научномъ матеріалѣ, которымъ располагалъ Милаковичъ при составленіи своего труда, укажемъ цитируемые имъ сочиненія и источники.

---

[1]) Полный списокъ, какъ историческихъ, такъ и вообще сочиненій о Черногоріи, мы приложимъ особо при концѣ нашего сочиненія.

Изъ приведенныхъ нами выше сочиненій ему неизвѣстны были только соч. Віалла-де-Сомьеръ, Мармье и Вилькинсона; а сверхъ того онъ пользовался еще слѣдующими источниками: Mauro Orbini — Il regno degli Slavi (1601 г.); Il Campidaglio Veneto (въ рукописи); аббата Laugier — Storia della republica di Venezia (1767—69); Luccari — Capioso ristretto degli annali di Ragusa (1790); M. Bolizza — Relazione et descrittione delsangiacato di Scutari (1614); F. M. Appendini—Notizie istorico critiche sulla republica di Ragusa; Paura — Исторія слав. народовъ; П. Шафарика — Славянскія древности; Давидовича — Исторія Сербскаго народа; Казиванье старих Требьешана (Бѣлградъ, 1842.); H. Stieglitz — Ein Besuch auf Montenegro (1841); Записки кн. Ю. В. Долгорукова 1769 г. (изд. 1842); Српски споменици (Бѣлградъ, 1850); и повременными изданіями: Српски Лѣтопис., Гласник., Српск. Уч. Друштва (Бѣлградъ), Србско-далматински магазин (Задар), Ogledalo Illirie; а также краткою цетинскою лѣтописью и письменными документами, хранившимися въ цетинскомъ архивѣ, въ томъ числѣ копіями съ грамотъ изъ венедіанскаго архива, сдѣланными для влад. Петра II. Послѣ этого г. Вацликъ написалъ политическую брошюру — La souveraineté du Monténégro etc. (1858 г.) по поводу дипломатическихъ препирательствъ съ Турціею, которая не хотѣла признать независимость Черногоріи. Тоже съ политическою тенденціею написано и сочиненіе Delarue — Le Monténégro-histoire, déscription, moeurs etc. (Paris, 1861).

Самымъ важнымъ, однако, сочиненіемъ послѣ труда Милаковича и вполнѣ научнымъ является «Turcs et Monténégrins par F. Lenormant» (Paris, 1866).

Это сочиненіе пополняетъ пробѣлы въ предшествовавшихъ трудахъ новыми, самостоятельными изслѣдованіями относительно генеалогіи Балшичей, участія Западной Европы вообще въ дѣлахъ христіанъ Балканскаго полуострова и сношеній Черногоріи съ Австріей, Франціей и Россіей въ позднѣйшее время. На многіе, извѣстные уже факты онъ проливаетъ новый свѣтъ; от-

носительно другихъ даетъ много остроумныхъ и вѣрныхъ догадокъ и толкованій, хотя рядомъ можно встрѣтиться и съ ошибками, иногда довольно грубыми, проистекающими отъ увлеченія автора какою-нибудь предвзятою идеей. Г. Ленорманъ является послѣдователемъ идей и тенденцій Деларю, который, бывши одно время секретаремъ при князѣ Даніилѣ, вмѣстѣ съ французскимъ консуломъ въ Скадрѣ Эккаромъ (Hecquard) занятъ былъ пропагандированіемъ французскаго вліянія на Черногорію. Весьма драгоцѣнную часть въ сочиненіи Ленормана составляютъ «Pièces justificatives», въ числѣ которыхъ между различными трактатами и другими документами цѣликомъ помѣщено описаніе Скадарскаго-Санджаката — М. Болицы (послѣ оно издано и въ «Старинахъ», издаваемыхъ юго-славянскою академіей въ Загребѣ, 1880 года, кн. XII).

Ленорманъ, однако, далеко не исчерпалъ всѣхъ источниковъ, извѣстныхъ въ его время, какъ то сдѣлалъ Милаковичъ для своего времени.

Въ послѣднія три десятилѣтія вышло множество отдѣльныхъ сочиненій о Черногоріи, касающихся ея исторіи, и статей въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ не только славянскихъ, но и французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и италіанскихъ; такъ что образовалась цѣлая литература, одно обозрѣніе которой представляетъ не мало труда, вслѣдствіе ея разбросанности. Хотя нужно замѣтить, что, кромѣ личныхъ наблюденій, бо́льшая часть этихъ сочиненій представляетъ весьма мало новаго, важнаго. Самое важное составляютъ документы, опубликованные Миклошичемъ въ «Monumenta serbica» (1858 года), М. Пуцича — «Споменици» (Бѣлградъ, 1858), І. Шафарика — «Acta Archivi Veneti» (1860), Макушева — извлеченія изъ архивовъ Венеціи и Дубровника, а также матеріалы, найденные въ архивахъ Рима, Москвы и Петербурга; весьма мало или почти совсѣмъ не тронуты еще архивы Парижа и Вѣны.

Не смотря, однако, на обиліе вновь открытаго матеріала и множество вообще пишущихъ о Черногоріи и ея исторіи,

книга Милаковича до сихъ поръ остается единственною полною исторіею Черногоріи. Впрочемъ, это и неудивительно, потому что и находящіеся въ несравненно лучшемъ положеніи сербы королевства имѣютъ только исторію Ранке и Майкова, въ 1857 году; а у хорватовъ полная исторія издана Смичикласомъ въ двухъ томахъ въ 1879 и 80 годахъ. Но у тѣхъ сербовъ и хорватовъ рядомъ съ публикаціей новыхъ матеріаловъ идетъ оцѣнка ихъ и разработка, чѣмъ заняты цѣлые историческіе отдѣлы ихъ литературы, и всѣ выходящія сочиненія подвергаются научной критикѣ. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ относительно матеріаловъ, касающихся собственно Черногоріи. Располагая весьма скудными литературными силами, да и не имѣя досуга для науки и литературы, она до сихъ поръ должна была довольствоваться тѣмъ, что̀ удѣляли ей ея братья, находящіеся въ этомъ отношеніи въ лучшихъ условіяхъ, и иностранцы.

Вслѣдствіе такого положенія дѣла, сырые матеріалы, добытые за послѣднее время и касающіеся исторіи Черногоріи, до сихъ поръ остаются безъ всякой разработки; а сочиненія о ней не подвергаются надлежащей критикѣ, и эта предварительная работа предстоитъ прежде всего тому, кто бы принялся за трудъ написать исторію Черногоріи, которая безъ того положительно невозможна и немыслима.

Намѣреваясь дать читателю книгу, которая представляла бы собою полное и всестороннее, по возможности, описаніе Черногоріи въ ея прошломъ и настоящемъ, мы вслѣдъ за географіей должны представить и ея исторію. Но, вводя ее въ свое сочиненіе, какъ часть, мы не можемъ спеціально отдаться ея разработкѣ и могли бы остановиться на готовыхъ уже сочиненіяхъ по исторіи Черногоріи, между которыми самое важное составляетъ сочиненіе Милаковича. Оно, однако, не полно, такъ какъ послѣ его выхода въ свѣтъ (1856 г.), открыто множество новаго матеріала, которымъ не только пополняются пробѣлы въ фактахъ, но и дается имъ новое освѣщеніе, а на многія событія, можетъ быть, совершенно измѣняется взглядъ. Кромѣ того, у

Милаковича почти совсѣмъ отсутствуетъ изображеніе внутренней жизни, для чего въ то время, конечно, не было достаточно и матеріала.

Поэтому, положивъ въ основаніе нашего изложенія исторіи Черногоріи книгу Милаковича, мы постараемся пополнить имѣющіеся у него пробѣлы на основаніи матеріаловъ, открытыхъ и изданныхъ уже въ свѣтъ за послѣднее время, а частію имѣющихся въ нашемъ распоряженіи и еще неизданныхъ, которые и представимъ въ особомъ приложеніи.

Весь этотъ матеріалъ, однако, какъ мы замѣтили выше, нуждается еще въ предварительной разработкѣ: прежде всего его нужно собрать и, такъ сказать, регистрировать, такъ какъ онъ разбросанъ по разнымъ изданіямъ, иногда въ видѣ весьма мелкихъ замѣтокъ и отрывковъ; затѣмъ очистить его съ помощью исторической критики, протолковать его и дать ему надлежащее освѣщеніе. На нѣкоторые источники и документы нужно установить правильный взглядъ, чтобъ не быть введеннымъ ими въ заблужденіе. Какъ напримѣръ подобнаго рода заблужденія, укажемъ на исторію Степана Малаго, написанную будто бы современникомъ и соучастникомъ его, нѣкіимъ Заневичемъ, который былъ не что иное, какъ chevalier d'industrie позднѣйшаго времени, воспользовавшійся исторіею Степана Малаго для спекуляціи и чтобы въ то же время выставить героемъ самого себя.

Кромѣ такого грубаго подлога, если не полное искаженіе факта, то невѣрное освѣщеніе его можетъ произойти отъ личной тенденціи автора, которая такъ присуща большинству писателей.

Такъ, всѣ черногорскіе историки, относясь къ народному преданію безъ всякой критики, приписываютъ распространеніе магометанства въ Черногоріи Станишѣ Черноевичу и его товарищамъ, потомки которыхъ будто бы только и были тамъ магометане. Влад. Петръ I вводитъ даже новый эпизодъ о томъ, что Станиша этотъ подъ конецъ своей жизни не только возвратился въ христіанство, но и принялъ монашескій чинъ, въ кото-

ромъ и скончался въ своемъ отечествѣ. Въ этомъ мы видимъ съ одной стороны желаніе показать, что черногорскій народъ никогда не склонялся къ магометанству, а съ другой — снять черное пятно со славнаго имени Черноевичей. На дѣлѣ же это было совсѣмъ не такъ: могущество турокъ и счастливое положеніе магометанъ подъ ихъ господствомъ соблазняло многихъ черногорцевъ, и Станиша мечталъ подъ щитомъ Турціи сдѣлаться господиномъ всей Зеты, что̀ и побудило его принять магометанство, въ которомъ онъ и остался до смерти, будучи турецкимъ санджакомъ (губернаторомъ) и нося славное имя Скендербега.

Это было прямымъ слѣдствіемъ того упадка духа въ черногорцахъ, который длился почти до конца XVII в., т. е. до того момента, когда Турція стала терпѣть пораженія, и выразился нетвердостію въ вѣрѣ и склонностію одного владыки обратиться въ католичество.

Въ сочиненіяхъ иностранцевъ мы встрѣчаемъ другое. Въ этомъ ослабленіи духа они видятъ совершенное паденіе самостоятельности черногорцевъ и подчиненіе Турціи. Даже такой писатель, какъ Маріанъ Болица, оставившій намъ описаніе Черногоріи въ началѣ XVII ст., становится на точку зрѣнія турокъ и смотритъ на нее, какъ на турецкую провинцію, управляемую какимъ-то люботинскимъ спахіею, совершенно игнорируя митрополита и тотъ фактъ, что главою союза черногорскихъ племенъ всегда была Катунская нахія, а Люботинъ никогда.

Черногорская исторія до XVIII вѣка освѣщается исключительно документами изъ венеціанскихъ архивовъ, рапортами и реляціями венеціанскихъ проведиторовъ и другихъ чиновниковъ. Но тутъ мы встрѣчаемся иногда съ искаженіемъ факта намѣреннымъ и тонкимъ, которое сразу не кидается въ глаза, и потому по отношенію къ нимъ требуется и критика болѣе тонкая.

Мы должны были обратить особенное вниманіе на богумильство, которое всѣми черногорскими исторіями обходится молчаніемъ, тогда какъ оно когда-то было движущею силой и оставило до сихъ поръ память о себѣ въ черногорскомъ народѣ;

оцѣнить фактъ измѣненія правленія въ Черногоріи въ началѣ XVI вѣка, опредѣлить характеръ ея отношеній къ иностраннымъ державамъ, охарактеризовать личности, имѣвшія рѣшительное вліяніе на ходъ черногорской исторіи и т. п.

Такимъ образомъ съ одной стороны критика источниковъ, съ другой — уясненіе фактовъ, рѣшеніе вопросовъ и введеніе новаго содержанія заставляетъ насъ двоиться между изложеніемъ исторіи и предварительною работой, вслѣдствіе чего мы не можемъ сохранить должную соразмѣрность частей и, пропуская общеизвѣстное, останавливаемся на нѣкоторыхъ фактахъ слишкомъ много, дѣлаемъ отступленія и вводимъ цѣлые отдѣльные эпизоды.

Это пополненіе новымъ, уясненіе извѣстныхъ фактовъ и рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, и критику источниковъ, въ связи однако съ цѣлымъ изложеніемъ исторіи, — эту подготовительную работу мы и считали своею главною задачею; а присвоили ей названіе исторіи единственно съ цѣлію не прибѣгать къ другому заглавію, болѣе сложному.

Считая своею обязанностію сдѣлать дополненія и поправки къ прежнимъ историческимъ трудамъ относительно Черногоріи, и внести что либо новое не только въ содержаніи, но и въ направленіи, мы задаемся вопросомъ: кромѣ неполноты, которая не зависѣла отъ прежнихъ историковъ, а отъ недостатка матеріала, чего еще не доставало имъ?

Мы не знаемъ ни одного сочиненія, которое было бы посвящено разбору того или другого историка Черногоріи; но многими, писавшими что-либо по исторіи Черногоріи, высказывается недовольство всѣми предшествовавшими сочиненіями.

Архимандритъ Н. Дучичъ въ своемъ сочиненіи «Црна-Гора» (1874 г.) въ предисловіи, упомянувъ сочиненія о Черногоріи С. Милютиновича, Д. Милаковича и М. Медаковича, говоритъ: «И эти три неполныя и неоконченныя, особенно исторія Медаковича, полная панегириковъ» (стр. 1).-Полнѣе и опредѣленнѣе и въ формѣ весьма рѣзкой выражено это недовольство у Макушева,

который—нужно отдать ему справедливость—больше, чѣмъ кто-либо, сдѣлалъ для разработки исторіи Черногоріи и пріадріатическихъ славянъ, и потому можетъ считаться вполнѣ компетентнымъ судьею. Вотъ его отзывъ: «Вообще черногорская исторія извѣстна намъ весьма мало и то въ превратномъ видѣ. Черногорскіе историки-панегиристы, если только они достойны имени историковъ, односторонни, скудны свѣдѣніями и заслуживаютъ мало довѣрія. Ихъ, такъ называемыя, «Исторіи» родственны съ народными пѣснями, которыя впрочемъ были ихъ главнымъ источникомъ; государственными же актами они пользовались чрезвычайно мало и односторонне. Оттого черногорская исторія представляется намъ смѣсью эпопеи съ средневѣковою хроникой» (Рус. Вѣстн. 1869 г. кн. 8, стр. 33).

Отзывъ этотъ, конечно, не можетъ относиться ни къ владыкамъ Василію и Петру, ни къ С. Милютиновичу, потому что они не были люди науки; не можемъ этого отнести и къ Медаковичу, который написалъ весьма коротенькій очеркъ исторіи преимущественно владыки Петра I и его времени, держась свѣжаго еще въ то время преданія. Про Андрича, писавшаго нѣсколько позже, нельзя сказать, чтобы онъ былъ панегиристъ и не пользовался документами, насколько они были въ его время извѣстны и доступны.

Но послѣ всѣхъ вышла исторія Милаковича, съ которой только и можно считаться, какъ съ трудомъ вполнѣ научнымъ, которому уже отчасти проложенъ былъ путь его предшественниками.

Изъ одного перечисленія цитируемыхъ въ его исторіи источниковъ можно видѣть, что онъ пользовался не односторонне одними домашними источниками, которыхъ почти и нѣтъ, а больше всего иностранными. Онъ пользовался документами изданными уже, и кромѣ того тѣми, которые еще не были изданы, а находились въ цетинскомъ архивѣ. Милаковичъ вполнѣ цѣнилъ венеціанскіе источники и пользовался ими, насколько они были въ то время доступны. Въ исторіи Зеты при Бальшичахъ и Черное-

вичахъ онъ руководствовался главнымъ образомъ сочиненіемъ Мавра Орбини; но въ то же время провѣрялъ его и дополнялъ венеціанскими документами, цитируя которые, дѣлаетъ въ сноскѣ примѣчаніе, что «оригинальный документъ находится въ архивѣ Венеціи, а копія въ архивѣ цетинскомъ». Между прочимъ онъ въ то время впервые приводитъ цѣликомъ несчастный договоръ Стефана Черноевича съ Венеціей, 1451 г., въ которомъ Черноевичъ называется «nostro capitano nella Zenta Superiore», и ему, какъ слугѣ или вассалу Венеціи, опредѣляется жалованье вмѣстѣ съ братьями и другими главарями, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ (conditio sine qua non), чтобы они привели въ покорность и подданство республикѣ Грбаль и другія части Приморья, не хотѣвшія признать надъ собою ея господства. Изъ такой же венеціанской грамоты приводитъ онъ и титулъ, данный Венеціей Иванбегу Черноевичу: «Magnificus et potens Dominus Juanus Cernoevich, dominus in partibus Xentae Superioris ac *Vojvoda noster*».

Изъ этого мы видимъ, что черногорскому историку-панегиристу его патріотическое чувство не мѣшаетъ обнародовать впервые документы, въ которыхъ государи Зеты и Черногоріи признаются вассалами другого государства.

Макушевъ въ исторіи Степана Малаго дѣлаетъ сжатый очеркъ исторіи Зеты и Черногоріи на основаніи новыхъ, открытыхъ имъ, венеціанскихъ документовъ, и представивъ въ этомъ очеркѣ нѣсколько новыхъ, весьма интересныхъ подробностей, не даетъ, однако, ни одного факта, которымъ бы существенно измѣнялось что̀-нибудь въ исторіи Черногоріи, какъ мы ее знаемъ изъ книги Милаковича. Онъ приводитъ, правда, неизвѣстный Милаковичу договоръ между Стефаномъ Черноевичемъ и Венеціей 1456 г., изъ котораго выводятся вассальныя отношенія Черногоріи къ Венеціанской республикѣ. Но упомянутый выше договоръ 1451 г. совершенно одинаковаго смысла и содержанія, и можно думать, что это одинъ и тотъ же документъ, означенный различными годами.

Не смотря на это, Макушевъ не перестаетъ корить черногорскихъ историковъ и дѣлаетъ такое заключеніе вообще объ исторіи Черногоріи: «Приведенные нами факты достаточно, полагаемъ, свидѣтельствуютъ, въ какомъ ограниченномъ смыслѣ должно понимать «независимость» Черногоріи, о которой говорятъ черногорскіе историки-панегиристы, *включая сюда и автора* писанной по заказу князя Даніила брошюры: «La souveraineté du Monténégro» — г. Вацлика. Находясь при Бальшичахъ подъ покровительствомъ Венеціи, при Черноевичахъ Черногорія стала въ вассальное къ ней отношеніе; а съ пресѣченіемъ ихъ дома подпала власти турокъ» (Русск. Вѣстн. 1869 года, кн. 7, стр. 38).

Стараясь, во что бы то ни стало, доказать, что Зета и Черногорія никогда не были вполнѣ независимыми, Макушевъ сталкивается не съ историками Черногоріи, а съ авторомъ политическаго памфлета, г. Вацликомъ, написаннаго имъ, какъ говоритъ Макушевъ, по заказу князя Даніила, а поводомъ послужили дипломатическія препирательства съ Турціею, которая въ то время заявляла свои претензіи на Черногорію. Поэтому брошюру г. Вацлика, какова бы она ни была, мы не включаемъ въ исторію, а исключаемъ изъ нея; хотя, нужно сказать правду, она написана хорошо, съ знаніемъ дѣла и фактически не противорѣчитъ исторической истинѣ.

Вникнемъ немного въ сущность этого вопроса о зависимости или независимости Черногоріи.

Черноевичи признаютъ себя вассалами Венеціи, какъ владѣтели верхней Зеты; но на дѣлѣ не владѣли ею ни Черноевичи, ни Венеція, потому что она силою была занята турками, какъ Приморье венеціанцами. Значитъ, здѣсь вассальное отношеніе является вслѣдствіе владѣнія чисто-фиктивнаго, и по тому самому становится недѣйствительнымъ. Другимъ фактомъ, указывающимъ на подчиненное отношеніе, является получаемое Черноевичами жалованье отъ Венеціи; но это была субсидія за услуги; она потомъ ежегодно посылала дары деньгами и вещами ту-

рецкимъ санджакамъ въ видѣ обязательной дани; Болица разсказываетъ, какъ онъ самъ собственноручно не одинъ разъ передавалъ подарки скадарскому санджаку; и турки, навѣрное, смотрѣли на Венецію, какъ на свою данницу.

По отношенію же къ Турціи нѣтъ ровно никакихъ документовъ, которыми бы доказывалось подчиненіе ей Черногоріи. Правда, турки не разъ побѣждали черногорцевъ, проникали внутрь Черногоріи и, собравъ дань (харачъ), удалялись. Одна побѣда, однако, не рѣшаетъ судьбы страны; черногорцы одерживали надъ турками еще болѣе блестящія побѣды, напримѣръ на Царевомъ-лазѣ и при Крусахъ; но нужно имѣть силу, чтобы удержать страну за собою; а у турокъ этой силы и не хватало, и потому они всякій разъ торопились убраться съ Цетинья по добру — по здорову, опасаясь въ противномъ случаѣ погибнуть.

Въ нашемъ изложеніи черногорской исторіи читатель найдетъ указанія на документы, изъ которыхъ видно, что Венеціанская республика смотрѣла на Черногорію, какъ на турецкую провинцію, а потомъ и Австрія за помощь Черногоріи въ ея войнѣ съ Турціей при заключеніи свиштовскаго мира, въ 1791 году, желая оказать своей союзницѣ покровительство, внесла и ее въ свой трактатъ наряду съ чисто-турецкими провинціями, какими въ то время были Боснія, Сербія, Молдавія и Валахія. Но развѣ Венеція и Австрія имѣли на то хотя какое-нибудь право? Противъ этого Ленорманъ приводитъ слѣдующее положеніе изъ римскаго права: res inter alios acta aliis neque nocere, neque prodesse potest.

Передъ историкомъ лежатъ сотни договоровъ и различнаго рода дипломатическихъ документовъ, подписанныхъ высшими государственными чиновниками, а иногда и самими государями, и скрѣпленныхъ взаимными клятвами, а потомъ разорванныхъ и брошенныхъ. Для историка эти документы то же самое, что̀ бумажные знаки, замѣняющіе дѣйствительныя цѣнности, которыя имѣютъ цѣнность временную по курсу, а иногда совсѣмъ падаютъ и предаются уничтоженію. Но, помимо дипломатическихъ доку-

ментовъ, передъ глазами историка историческіе факты, которые всегда имѣютъ значеніе и оказываютъ неотразимое вліяніе на судьбы народовъ.

Въ исторіи Черногоріи безпристрастный наблюдатель видитъ прежде всего вѣчную, непрерывную войну противъ всякаго посягателя на ея свободу, и жестокое мщеніе тому, кто рѣшался переступить ея границы. Не разъ приводилось ей, уступая суровой необходимости, искать себѣ покровителя или союзника, входить въ сдѣлки, принимать на себя нѣкоторыя обязательства по отношенію къ своему покровителю, признавая его суверенство и нѣкоторое подчиненіе ему; но все это дѣлалось ради фактическаго сохраненія своей независимости. Если же это номинальное, почетное, такъ сказать, суверенство, признаваемое черногорскимъ народомъ добровольно во имя дружбы или единоплеменности и единовѣрія, давало ему почувствовать свою силу, отношенія тотчасъ измѣнялись. «Мы не желаемъ поступать въ подданническія отношенія и будемъ защищать свободу, завѣщанную намъ въ наслѣдство нашими предками, до послѣдней крайности, готовые скорѣе умереть съ саблею въ рукѣ, чѣмъ сдѣлаться низкими рабами какого бы то ни было государства» — вотъ слова изъ одного черногорскаго документа, и держава, къ которой они относились, первая признала за Черногоріей всѣ права, охранявшіяся ею такъ честно въ продолженіе столѣтій. Признала наконецъ это Европа и весь свѣтъ, подобно тому, какъ признали когда-то независимость швейцарскихъ горцевъ, отвоевавшихъ себѣ свободу отъ своихъ сильныхъ сосѣдей: короля французскаго и эрцгерцога австрійскаго, и сдѣлали это, не справляясь съ архивными документами, какъ то дѣлаетъ иногда историкъ. Въ такомъ именно смыслѣ мы стоимъ на сторонѣ черногорскихъ историковъ-панегиристовъ, которые считали Черногорію страною всегда свободною, никому не покорявшеюся и игравшею весьма важную, активную роль въ разрушеніи турецкаго господства и въ освобожденіи отъ него другихъ народовъ Балканскаго полуострова; въ этой роли она остается и до сихъ поръ.

Сохраненіе политической свободы и національной индивидуальности черногорскаго народа мы приписываемъ именно управленію владыкъ, и въ то время, какъ многіе корятъ ихъ невѣжествомъ, мы удивляемся ихъ политическому такту и дальновидности; и не нужно быть панегиристомъ, чтобы отнестись съ симпатіями и глубокимъ уваженіемъ къ такимъ личностямъ, какъ владыки Даніилъ и Петръ I, хотя перваго всячески чернятъ венеціанскіе проведиторы, а второго старается въ самомъ дурномъ свѣтѣ выставить современникъ его, французъ Віалла-де-Сомьеръ.

Что же касается самого народа черногорскаго, то исторія его представляетъ собою мартирологій. Не сломившись подъ гнетомъ обстоятельствъ, раздавившихъ не одно государство, этотъ народъ является въ нашихъ глазахъ такимъ историческимъ факторомъ, который вполнѣ заслуживаетъ со стороны безпристрастнаго историка и гуманиста самого живаго участія и глубокаго уваженія. Это, однако, не мѣшаетъ намъ признать, что бывали моменты, когда онъ представлялъ своею жизнію зрѣлище весьма неприглядное. Въ такомъ жалкомъ состояніи засталъ черногорскій народъ кн. Ю. В. Долгорукій во время Степана Малаго и пришелъ къ такому заключенію, что это вообще народъ ни къ чему не годный, даже какъ воинъ, и что онъ никогда не имѣлъ никакихъ военныхъ заслугъ, которыя преувеличены имъ же самимъ и людьми, знающими его по наслышкѣ. Не меньше ругательствъ расточали черногорскому народу и его сосѣди венеціанцы.

На историкѣ лежитъ обязанность, не закрывая глазъ на темныя стороны, разобрать, что̀ должно быть отнесено къ кореннымъ народнымъ свойствамъ и что̀ составляетъ явленіе случайное и временное, и явиться изслѣдователемъ причинъ и внѣшнихъ вліяній, породившихъ такое состояніе, а не голымъ порицателемъ и обвинителемъ.

На основаніи всего сказаннаго мы не пишемъ исторію, а собираемъ историческій матеріалъ и стараемся дать ему надлежа-

щую оцѣнку и необходимое освѣщеніе; въ конечныхъ выводахъ становимся на сторону доказательствъ историческими фактами, а не дипломатическими документами, и не считаемъ несовмѣстимымъ съ призваніемъ историка показывать уваженіе и симпатіи историческимъ личностямъ, заслуживающимъ того; а по отношенію къ цѣлому народу судимъ его, какъ историческаго фактора по результатамъ его исторической жизни, а не по субъективнымъ впечатлѣніямъ случайныхъ наблюдателей, которые часто бываютъ пристрастны или представляютъ факты въ ложномъ свѣтѣ.

Мы считали необходимымъ высказать это впередъ, чтобы оградить себя противъ обвиненій, какимъ, по нашему мнѣнію, незаслуженно подвергались безъ разбора всѣ историки Черногоріи; а послѣ этого намъ остается представить только планъ, по которому мы расположили весь историческій матеріалъ.

Исторія Черногоріи распадается на двѣ половины или два періода: въ первомъ періодѣ исторической ареной служитъ область Зеты, называвшаяся въ древности Діоклеей или Превалій; во второмъ — она перемѣняется, заключаясь въ тѣсномъ углѣ, составлявшемъ часть Зеты, изстари и до настоящаго времени носящимъ названіе Черной-Горы.

Въ первомъ періодѣ мы застаемъ сначала движеніе племенное, когда, подъ властью отдѣльныхъ родовыхъ вождей, возникаютъ политическія единицы, носящія названія жупаній, и между ними происходитъ борьба изъ-за первенства. Борьба эта завершается торжествомъ жупана Расціи Немани надо всѣми остальными, и подъ его сильною рукою происходитъ объединеніе всѣхъ сербовъ, окончательное уничтоженіе въ ихъ земляхъ господства грековъ и наконецъ созданіе Сербскаго Царства, которое постепенно захватываетъ подъ свою корону бо̀льшую часть земель Балканскаго полуострова и готовится занять мѣсто Восточной Имперіи. Кульминаціонной точки своего политическаго развитія и могущества оно достигаетъ при Стефанѣ Душанѣ, со смертью котораго (1356 г.) тотчасъ начинаетъ разлагаться на свои составныя части.

Среди этого процесса разложенія Царства на части выдѣляется, какъ особая политическая единица, Зетское государство, которымъ въ продолженіе полутораста лѣтъ управляли независимые государи изъ двухъ династій: Бальшичей и Черноевичей.

Весь періодъ отъ смерти Душана до Косовской битвы (1356 — 1389 г.) и правленія послѣдняго сербскаго деспота Лазаря, удалившагося въ Венгрію (1458 г.), представляетъ намъ процессъ медленнаго, но неуклоннаго разложенія Сербскаго Царства, завершившійся его окончательнымъ уничтоженіемъ, тогда какъ отдѣльныя его части продолжали существовать и бороться единственно ради этого существованія. Въ концѣ концовъ падаютъ и онѣ, частію уступая внѣшней силѣ, частію подрывая себя сами своими междоусобіями и внутренними неурядицами.

Дольше всѣхъ держатся готскіе государи; но и они наконецъ, покинутые всѣми, уступаютъ врагу всю равнинную часть государства, а сами спасаются въ горахъ, откуда продолжаютъ борьбу, защищая только знамя Зетскаго государства, которое потомъ изъ рукъ свѣтскаго государя переходитъ въ руки митрополита.

Съ удаленіемъ послѣдняго свѣтскаго государя Георгія Черноевича, государство падаетъ; но духъ и традиціи его продолжаются въ Черной-Горѣ народомъ и церковью.

Этотъ второй періодъ заключаетъ въ себѣ управленіе митрополитовъ или владыкъ, въ лицѣ которыхъ соединена была власть свѣтская съ духовною. Въ немъ мы различаемъ двѣ эпохи: въ первую эпоху, отъ 1516 года до конца XVII в., Черногорія управляется владыками изъ разныхъ домовъ и живетъ исключительно племенною жизнью, руководясь началами народности и вѣры и имѣя главною задачей сохраненіе національной индивидуальности; во 2-ю — она начинаетъ сознавать свое политическое значеніе и играетъ уже роль политическую, при чемъ власть владыки удерживается въ одномъ домѣ Петровичей, которые стремятся дать Черногоріи политическія учрежденія и сообщить ей

политическій обликъ. Въ то же время, войдя въ сношеніе съ Россіей, Черногорія выходитъ изъ своего прежняго изолированнаго положенія и въ началѣ XIX ст. является дѣятельною участницею въ міровыхъ событіяхъ, какъ членъ европейской коалиціи противъ политики насилія и захвата Наполеона I.

Этотъ періодъ заканчивается провозглашеніемъ Черногоріи княжествомъ Даніиломъ Петровичемъ, наслѣдникомъ владыки Петра II, послѣдняго, соединявшаго въ своихъ рукахъ двойную власть, духовную и свѣтскую.

Всѣ владыки изъ дома Петровичеи оыли больше политики, чѣмъ митрополиты; а въ Петрѣ II мы видимъ уже чисто-свѣтскаго государя въ монашеской мантіи; и провозглашеніе княжества было неизбѣжно: еслибъ не сдѣлался княземъ Даніилъ, то провозглашенъ бы былъ кто-нибудь другой изъ Петровичей; а стремились къ тому же еще прежде многіе: гувернадуры, Степанъ Малый, Вучъ, Николай Васоевичъ.

Мы оканчиваемъ наше историческое обозрѣніе періодомъ владыкъ, и тутъ доводимъ его только до владыки Петра II.

Правленіе этого послѣдняго владыки, отдаленное отъ насъ всего на 25 лѣтъ, не можетъ быть еще достояніемъ исторіи, потому во 1-хъ, что слишкомъ близко къ современной жизни Черногоріи и слишкомъ тѣсно связано съ современностію, чтобы его можно было отдѣлить отъ послѣдней, а во 2-хъ, для него имѣется много матеріала, который или еще недоступенъ изслѣдованію, или долженъ быть прежде опубликованъ и очищенъ критикой.

Благодаря просвѣщенному участію нашего консула въ Дубровникѣ В. Б. Пассека, мы получили возможность изъ тамошняго архива при нашемъ консульствѣ извлечь все, относящееся къ Черногоріи до вступленія князя Даніила, и въ этомъ больше всего матеріалъ, касающійся влад. Петра II, который мы и постараемся издать отдѣльно, если позволятъ средства и время; а покуда оканчиваемъ наше историческое обозрѣніе смертью влад. Петра I (1830 г.).

Въ сноскахъ мы ставимъ ссылки на цитируемыя сочиненія или даемъ краткія объясненія и пополненія смысла того, что̀ непосредственно входитъ въ текстъ изложенія; а въ отдѣльныхъ дополненіяхъ предлагаемъ болѣе обширное объясненіе отдѣльныхъ вопросовъ, напр. о названіи Черной-Горы, о богумильствѣ, о мѣстѣ, гдѣ находилась Зетская митрополія, о династіяхъ Бальшичей и Черноевичей и др.

Кромѣ того, въ особомъ приложеніи мы должны помѣстить цѣликомъ нѣкоторые документы, послужившіе намъ основаніемъ, въ видѣ цитатъ и ссылокъ.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ИСТОРІЯ ЗЕТЫ ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ СВѢТСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ.

I.

Обозрѣніе территоріи древней Зеты и племенъ, населявшихъ ее.

«Черная-Гора», отъ которой произошло названіе нынѣшняго княжества Черногоріи, есть одно изъ названій мѣстности, какихъ много въ разныхъ сербскихъ земляхъ и въ самой Черногоріи: въ Пивѣ, Васоевичахъ и Дробнякахъ. Поэтому нѣтъ никакого основанія производить его отъ имени Черноевичей; равно какъ и Черноевичи носили свое прозвище гораздо раньше ихъ поселенія въ Черную-Гору. Оба эти названія встрѣчаются въ документахъ сербскихъ и венеціанскихъ много прежде перенесенія столицы государства въ нынѣшнюю Черногорію, и рядомъ съ этимъ упоминается особенно присвоенное этой мѣстности названіе «катуновъ». [1])

Мѣстность эта всегда составляла часть Зетскаго государства и не служила исключительно для лѣтняго пребыванія зетянъ съ ихъ стадами, а была населена, какъ и остальная Зета, хотя конечно не такъ густо. Объ этомъ свидѣтельствуютъ всюду по Черногоріи разбросанные надгробные камни, чрезвычайно большіе и хорошо обдѣланные, какихъ не могли имѣть пастухи, и письменные историческіе памятники. Иванъ Черноевичъ, перенося свою столицу на Цетинье, засталъ уже тамъ селенія-Баицы,

Бѣлоши, Угни и др. Близъ Нѣгушей есть мѣстность Петровалють, на которой видны остатки какой-то постройки и, по народному сказанію, тутъ былъ Петровградъ. Объ этихъ остаткахъ, хотя и скудныхъ, мы будемъ говорить при разсмотрѣніи отдѣльныхъ частей; а здѣсь для насъ достаточно указать, что Черная-Гора всегда составляла не пустыню, а населенную часть Зетскаго государства, съ которымъ и имѣетъ одну общую исторію.

Зета въ свою очередь тѣсно связана съ исторіею цѣлаго сербскаго народа; но, входя въ составъ Сербскаго государства въ томъ видѣ, какъ оно было создано Неманичами, всегда сохраняла за собою долю политической самостоятельности и, подчиняясь ему, по временамъ оказывала и съ своей стороны обратное вліяніе на Сербское Царство. Мало того: Зета была колыбелью, взлелѣявшею, такъ сказать, идею сербскаго единодержавія. Рожденный здѣсь Неманъ является первымъ объединителемъ сербскаго народа, подѣленнаго на жупанства, и всѣ Неманичи, стремясь постоянно къ востоку, чтобы стать ближе къ Византіи, какъ къ центру Восточной Имперіи, опираются въ то же время на Зету; и потому Скадаръ въ Нижней Зетѣ былъ также резиденціею сербскихъ кралей. Зета собственно составляла какъ бы ленъ сербскихъ кралей изъ дома Немани, была ихъ «дѣдиной» и удѣломъ наслѣдниковъ сербскаго престола.

Но и прежде того владѣтели Зеты или Діоклеи, какъ она называлась въ древности, были самыми сильными между всѣми жупанами. Въ началѣ XI в., владѣтель Зеты Владиміръ, въ сказаніи анонимнаго діоклейскаго священника, называется княземъ и кралемъ; но онъ погибъ отъ болгаръ; во второй же половинѣ того же столѣтія жупанъ Зеты Михаилъ, сынъ Стефана Боислава, получилъ отъ папы Григорія VII титулъ сербскаго короля со всѣми принадлежащими ему инсигніями, и съ этимъ титуломъ управлялъ страною тридцать лѣтъ (съ 1050 — 1080 г.). Вслѣдъ за тѣмъ Зету покоряютъ греки, господство которыхъ, впрочемъ, было непродолжительно, такъ какъ вскорѣ послѣ того

выступило на сцену Сербское государство, захватившее не только Зету, но и значительную часть земель, принадлежавшихъ Византійской Имперіи.

Составляя въ продолженіе двухъ съ половиною столѣтій часть Сербскаго государства, Зета вполнѣ сохраняла свою внутреннюю автономію и рѣзко отличалась отъ остальныхъ его частей характеромъ жителей и своею культурою. Намекъ на это встрѣчаемъ въ родословіи Немани, гдѣ говорится, между прочимъ, о Бальшѣ, Зетскомъ государѣ, что онъ былъ не твердъ въ словѣ, притворялся, «якоже обично всегда есть у Закомовъ и предѣлахъ земли той».

Со смертью Стефана Душана и послѣ весьма кратковременнаго правленія его прямого наслѣдника Уроша, сербскимъ престоломъ овладѣваетъ Вукашинъ изъ рода Мрнявчевичей, строителей новаго Скадарскаго града, родомъ Зетянинъ и чуть-ли не изъ Бѣлопавличей, гдѣ и теперь одна мѣстность съ остатками какихъ-то старыхъ построекъ называется *Мрне*.

Съ этого времени зетскіе государи дѣлаются опять самостоятельными и одни выдерживаютъ до конца борьбу противъ Оттоманскаго царства.

Отсюда вѣчно шелъ импульсъ политической жизни, сообщавшійся цѣлому сербскому народу, далеко за предѣлы Зеты; онъ ощущался въ цѣлой Далмаціи; поддавались ему и албанскія племена, которыя молчаливо и добровольно признавали надъ собою власть зетскихъ государей, вслѣдствіе чего господство ихъ вплоть до Драча никогда не встрѣчало ни въ комъ противодѣйствія вплоть до того времени, когда всею Албаніей завладѣли турки. И послѣ того ближайшіе сосѣди Зеты: Хоты, Груды и Клименты чуть не до послѣдняго времени были постоянными союзниками черногорцевъ. Все равно какъ подобнымъ же вліяніемъ пользовалась Черногорія и въ южной части Далмаціи. Вліяніе это уничтожено только соединенными усиліями Турціи, Венеціи и Австріи, поставившихъ себѣ это прямою своею задачей, которую онѣ и преслѣдовали съ необыкновеннымъ постоянствомъ и тактичностью.

Этимъ и опредѣляется роль и важность положенія, которыя занимала прежняя Зета, нынѣшняя Черногорія, не смотря на весьма незначительный объемъ ея территоріи, какъ въ прежнее, такъ и въ настоящее время.

Указавъ такимъ образомъ историческую и политическую роль Зеты, мы должны опредѣлить ея границы.

Для этого мы должны обратиться къ исторіи ея до окончательнаго поселенія сербовъ и хорватовъ на земляхъ Греко-Римской Имперіи въ первой половинѣ VII в. Это намъ необходимо еще для того, чтобы уяснить, какимъ образомъ могли соединиться въ одно цѣлое два племени, сербы и арнауты, между которыми въ настоящее время открывается такая пропасть, что является сомнѣніе въ томъ, было ли когда-нибудь между ними единеніе.

По раздѣленіи Римской Имперіи на Западную и Восточную, та часть Балканскаго полуострова, которой присвоено было общее названіе Иллиріи и въ составъ которой входили вся Далмація, Хорватія, часть Паннонiи (нынѣшняя Венгрія), Дарданія (нынѣшняя Сербія и Старая Сербія съ частію Македоніи), Мизія, Албанія, Діоклея, — находилась подъ юрисдикціею первой; все побережье еще прежде того было сплошь занято римскими колоніями, къ числу которыхъ принадлежала не только Діоклея, но и вся Сербія и Румынія; и только въ VI в. императоръ Юстиніанъ, пользуясь слабостію Запада, возстановляетъ господство Византіи на всемъ Балканскомъ полуостровѣ до Адріатическаго моря. Церковная митрополія до него находилась въ Солунѣ; а онъ перенесъ ее къ сѣверу на берегъ Охридскаго озера (древн. Lychnis), свою родину, гдѣ и построилъ для того городъ, давши ему имя «Prima Justiniana»[1]). («Justiniana secunda» названъ былъ городъ въ Дарданіи Ulpiana; а на островѣ Кипрѣ г. Констанція, отечество жены Юстиніана-Теодосіи, переименованъ въ

[1]) И. С. Ястребовъ доказываетъ, что Prima Justiniana находилась въ Скоплѣ, а не въ Охридѣ (Гласн. Српск. уч. друш. 1884 г. кн. 47, стр. 38—70). Но для нашего положенія, что основаніемъ Primae Justinianae вытѣснено вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ Рима, — это безразлично.

«Justiniana nova» и т. п.). Здѣсь былъ уже прежде городъ, близъ котораго родился Юстиніанъ, и былъ городомъ епископальнымъ; Юстиніаномъ онъ былъ расширенъ и украшенъ, сколько возможно, и если не могъ сдѣлаться столицею цѣлой имперіи, то поставленъ на степень вторую послѣ нея; и въ церковномъ отношеніи ему подчинено было все пространство на сѣверъ до р. Дравы и за Дунаемъ до сѣверной границы нынѣшней Венгріи.

Такая обширная область была, конечно, раздѣлена на нѣсколько частей. Не входя въ подробности этого дѣленія, замѣтимъ только, что Превалитанія или Діоклея входила въ Восточный Иллирикъ вмѣстѣ съ Дакіей, Мезіей и Дарданіей cum parte Macedoniae salutaris. При такомъ раздѣленіи нынѣшняя Албанія находилась въ самой тѣсной связи съ Превалитаніей, впослѣдствіи Зетой. Призваніе славянъ, чтобы съ помощію ихъ вытѣснять аваръ, и затѣмъ мирное водвореніе ихъ на этихъ мѣстахъ показываетъ, что они призвавшимъ были уже знакомы и при томъ со стороны, говорящей въ пользу ихъ культурности. Они скоро принимаютъ христіанство; и только нарентане, жившіе между рр. Цетиной (въ Далмаціи) и Неретвой, оставались въ язычествѣ такъ долго, что въ томъ же состояніи находитъ ихъ Константинъ Порфирогенетъ въ X в. (945—959).

Ни одинъ историкъ не говоритъ о какой бы то ни было борьбѣ новыхъ поселенцевъ Превалитаніи со старожилами сосѣдней Албаніи, съ которыми они составляли одну эпархію, имѣя одну общую митрополію Primam Justiniam. Заодно ихъ должна была охватить и проповѣдь славянскихъ апостоловъ — солунскихъ братьевъ; и послѣдовавшее за тѣмъ въ концѣ IX в. раздѣленіе церквей должно было подѣйствовать на тѣхъ и другихъ также одинаково.

При такихъ отношеніяхъ, естественно, что въ Зетское государство входила значительная часть земель, населенныхъ албанскими племенами.

Поэтому, когда столица Зеты была въ Скадрѣ, тогда гра-

ницы ея на югѣ доходили вплоть до Драча, а политическое вліяніе простиралось еще дальше по берегу моря и на всю окрестность, гдѣ теперь находятся Мирдиты, Маты, Дукадьикъ, вся страна между моремъ и Чернымъ Дриномъ. На востокѣ, по описанію Фарлати, границу Діоклеи составлялъ высокій хребетъ Scordus или Scodrus, подъ именемъ котораго онъ разумѣетъ хребетъ, идущій тотчасъ за Скадромъ и составляющимъ какъ бы южное развѣтвленіе Проклятыхъ и Кома; поэтому онъ и говоритъ, что въ настоящее время хребетъ этотъ называется Marinai (Маранай).

Насколько Фарлати ошибочно переноситъ названіе Шаръпланины на горы близъ Скадра, соблазняясь сходствомъ имени этого города съ упоминаемымъ у римскихъ историковъ (Ливій) хребтомъ Scordus, на столько онъ вѣрно опредѣляетъ восточную границу Діоклеи, которая не переходила на с.-востокѣ за Комъ. Мы разумѣемъ здѣсь Зету собственно, независимо отъ Сербскаго государства.

Поэтому г. Милаковичъ въ своей исторіи Черногоріи, цитируя между городами Зеты Будиммо, находящуюся въ Нижнихъ Васоевичахъ (на сѣверъ отъ г. Беранъ), смѣшиваетъ границы ея съ границами цѣлаго Сербскаго государства. И еще менѣе основанія ставить хребетъ Яворъ на границѣ ея съ Сербіей (стр. 10). Оногоштъ (Никшичъ) находился близъ сѣверной границы Зеты; а на западѣ и с.-западѣ ее ограничивали сильныя жупаніи: Тербунія (Требинье) и Заклумія (Герцеговина). Относительно приморскихъ городовъ зетскіе государи стояли въ положеніи патроновъ, смотря на море только какъ на поприще для торговли, а отнюдь не для расширенія или укрѣпленія политическаго могущества. Поэтому они предоставляли этимъ городамъ независимое существованіе, сохраняя за собою право въ случаѣ нужды обращаться къ нимъ за помощью денежными суммами или перевозочными средствами. Только истинные моряки, какъ венеціанцы, въ то время умѣли оцѣнить море и посредствомъ его сдѣлались повелителями и на сушѣ.

Впрочемъ, Будва, Баръ, Ульцинъ, Драчъ составляли одно нераздѣлимое цѣлое съ Зетой; тогда какъ Которъ, повинуясь сербскимъ кралямъ, никогда не хотѣлъ признать надъ собою власти зетскихъ государей, и за то нѣсколько разъ страдалъ отъ нихъ. И въ войнѣ между Которомъ и Дубровникомъ зетскіе государи всегда помогали послѣднему, а Которъ въ свою очередь искалъ себѣ защиты въ короляхъ Босніи.

Требинье и Канали впослѣдствіи также входили въ составъ Зетскаго государства.

Такимъ образомъ, ядромъ этого государства служила равнина: одна на сѣверъ, тянущаяся отъ Пиперскихъ горъ до Скадарскаго озера, другая — по обѣ стороны Бояны до моря. Въ первой центромъ была Діоклея, во второй — Скадаръ; а послѣ многократнаго разрушенія Діоклеи, сѣверный центръ переносится въ Подгорицу.

Сѣверная половина называлась Верхнею Зетой и къ ней примыкала вся Зетская долина до ея истоковъ подъ Планиницей; а южная носила названіе Нижней Зеты, къ которой относилось, какъ мы уже указали выше, все прибрежье до Драча и страна внутрь материка до Чернаго Дрина, а также и Приморье отъ Бокки на югъ и, такъ называемая Краина, гористая страна между моремъ и Скадарскимъ озеромъ.

Окружающія сѣверную равнину горы частію были заселены свободными людьми, частію служили катунами, принадлежавшими владѣтелямъ Зеты или зетскимъ властителямъ. Что касается равнины, то существуетъ самое подробное описаніе всѣхъ селъ на ней съ обозначеніемъ границъ, ихъ земель и угодій въ рукописномъ сборникѣ въ Цетинскомъ монастырѣ (описаніе это напечатано М. Драговичемъ въ Гласѣ Черногорца за 1882 годъ), а также и о границахъ разныхъ племенъ Катунской нахіи. Кромѣ того, много матеріала для топографіи находится въ различныхъ грамотахъ и дарственныхъ записяхъ, которыя мы намѣрены присоединить въ приложеніи.

А изъ городовъ, сверхъ поименованныхъ уже, упомянемъ

Жаблякъ, основанный въ одно время съ Подгорицей въ X в., и впослѣдствіи бывшій нѣкоторое время столицею Иванбега; Спужъ въ двухъ часахъ разстоянія отъ Подгорицы на Зетъ; Лѣшкополе, большая община по другую сторону Морачи противъ Подгорицы; къ востоку отъ Скадра — Дань и Дривастъ; Тузи, въ настоящее время ничтожное мѣстечко недалеко отъ Подгорицы на турецкой границѣ, гдѣ въ 1385 году Балша II подписалъ торговый договоръ съ Дубровникомъ. Медунъ въ Кучахъ-село и развалины турецкой крѣпости — извѣстенъ былъ еще въ римское время. Вотъ по какому случаю и какимъ образомъ вспоминаетъ его Т. Ливій: «Аниційпослалъ Перпенну для пріема друзей и знакомыхъ императора, и онъ отправился въ Медеонъ, городъ Лабеатскаго народа (Labeatis — Скадарское озеро), откуда жену Этлеву съ двоими сыновьями, Сцердилетомъ и Плевратомъ, а также брата Караванція отвелъ въ Лагерь подъ Скадромъ». Изъ этого видно, что Медунъ служилъ убѣжищемъ для родственниковъ и знакомыхъ императора. Фундана, очевидно, когда-то служила римлянамъ для загородныхъ виллъ. Но оба эти мѣста въ исторіи Зеты не упоминаются.

Есть и еще мѣста, игравшія когда-то роль, и потомъ преданныя разрушенію и забвенію. Такъ, въ Краинѣ былъ большой монастырь и близъ него дворецъ князя Нижней Зеты Владиміра (въ началѣ XI в.), который былъ убитъ болгарскимъ царемъ Владиславомъ; а потомъ объ этомъ мѣстѣ нѣтъ и помина въ зетской исторіи. Извѣстно только, что сюда перенесена была зетская митрополія изъ Дрепы, которая также нигдѣ не упоминается, кромѣ житія св. Саввы, установившаго тамъ зетскую епископію при церкви Арх. Михаила.

Эта незначительная просторомъ территорія составляла собственно ядро Зеты; тогда какъ по временамъ къ ней присоединялись сосѣднія Канали, Тервунія, Захлумія и ближайшія части Расціи, а на югѣ значительная часть Албаніи. Вотъ какъ опредѣляетъ эти первоначальныя границы Зеты или Діоклеи Константинъ Порфирогенетъ: «Діоклея простиралась до слѣдующихъ го-

одковъ Диррахія: Элисса, Хелкиніонъ, Антибари и до Декатеры; горами же граничитъ она съ Сербіей. Отъ Декатера идетъ архантія Тербунія и простирается до Раузія и горами соприкасается съ Сербіей. Отъ Раузія идетъ архонтія Захлумцевъ» [1]). Въ дальнѣйшемъ описаніи этой стороны онъ говоритъ, что сначала она была населена римлянами, а потомъ подверглась опустошенію со стороны Аваръ, и снова начала заселяться хорватами и сербами во время императора Гераклія; тѣмъ не менѣе «въ ней находятся большіе населенные города: Градэтэ, Нуградэ и Лантодокла». Трудно рѣшить, къ какимъ мѣстностямъ относятся эти названія. Въ названіи Лантодокла, по всѣмъ вѣроятіямъ, скрывается имя Діоклеи съ какимъ-то эпитетомъ, называемой у другихъ писателей *Doclea*, а у славянъ *Дукля*; Нуграде или Новый городъ могъ быть на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Подгорица или на другой сторонѣ Морачи противъ Діоклеи, гдѣ тоже есть слѣды обширнаго города; а Градэтэ могъ быть дѣйствительно Градацъ въ Лѣшанской нахіи, какъ предполагаетъ Шафарикъ, потому что и тамъ находятся слѣды древней постройки, и сама мѣстность, отстоя не особенно далеко отъ равнины, доминируетъ надъ значительнымъ пространствомъ вокругъ. Анонимный діоклейскій священникъ даетъ намъ еще больше указаній, насчитывая въ Зетѣ (Zentaeregio) десять жупъ: et zupaniae Lusca, Padlugiae, Gorska, Cupelnich, Obliquit, Propratna, Cremeniza, Buudua, Cuceva et Gripuli». Не беремся разгадать всѣ эти названія, но нельзя не признать въ нихъ, кромѣ Будвы, чтеніе которой не представляетъ никакого затрудненія, — Цермницу (*Cremeniza*), Грбаль (*Gripuli*), Кучи (*Cuceva*), Обликву — мѣстность близъ Скадра; *Gorsca*, можетъ быть Горица (возвышеніе передъ Подгорицей) или Горичаны (село на берегу Морачи ниже Подгорицы); а *Lusca* — не Луштица-ли (въ Боккѣ) или Лугп, откуда древнее населеніе въ Бѣлопавличахъ *лужане?* тогда само собою объясняется и

---

[1]) Въ этихъ названіяхъ очень ясно можно видѣть нынѣшніе: Драчъ (Durazzo), Лѣшъ (Abssio), Ульцинъ (Dulcigno), Катаръ (Cattaro), Требинье.

названіе *Podlugiae*. *Пропратну* можетъ отвѣчать *Попратно* и *Попрадничко* въ Цермницѣ, или скорѣе село къ с.-востоку отъ Скадра, гдѣ былъ и городъ Дань. Названіе Зеты встрѣчается весьма рано: кромѣ Діоклейскаго анонима, вспоминаютъ его житія св. Саввы и родословіе Неманичей. Такъ Волкану, брату Стефана Первовѣнчаннаго, дается титулъ «князя всей Зеты» (въ русск. сборн. *Восонъзяти*).

Вступая подъ власть сербскихъ кралей, Зета была въ тѣсномъ общеніи съ сосѣдними сербскими землями, между которыми болѣе тѣсная связь была съ захлумами, называвшимися такъ, по толкованію Константина Порфирогенета, оттого, что они жили за холмомъ, за какою-то большою горой, на которой находились два города: Бона и Хлумъ; а за нею протекаетъ р. Бона, по-греч. καλὸν. Рѣка Буна существуетъ и понынѣ и впадаетъ ниже Мостара въ Неретву; а при истокѣ ея находятся развалины древняго города Благая; относительно же холма можно указать на Вележъ, который дѣйствительно возвышается надъ этою мѣстностію въ видѣ отдѣльнаго холма[1]). Захлумы жили къ с.-западу отъ Раузія и Тербуніи до р. Аронта (Неретва). Тутъ они мѣшались съ Арентанами (Неретване), которые иначе назывались *Паганами*, потому что не приняли крещенія въ то время, когда крестились всѣ сербы. Ихъ населенія простирались до р. Цетины (въ Далмаціи), за которою уже начинались поселенія хорватовъ. Они жили и по берегу моря; владѣли даже островами: Брачемъ, Хваромъ, Корчулой, Млетомъ и еще кое-какими мелкими островками. Поэтому Раузій (нынѣшн. Рагуза или Дубровникъ) былъ очень стѣсненъ въ своихъ владѣніяхъ, представляя собою общину, образовавшуюся изъ остатковъ римской колоніи и частію изъ новыхъ доселенцевъ. Народъ этотъ отличался своимъ независимымъ духомъ, упорствомъ противъ всякаго подчиненія, чему, по всѣмъ вѣроятіямъ, благопріятствовала и самая

[1]) Какъ разъ противъ Мостара по другую сторону р. Неретвы находится возвышеніе, называемое *Хумъ*; но оно не могло послужить названіемъ цѣлой страны по своей незначительности.

мѣстность, такъ какъ и въ позднѣйшее время она была гнѣздомъ сначала ускоковъ и пиратовъ, а потомъ хайдуковъ. Точно такъ отъ самого древняго времени и до позднѣйшаго захлумы находились въ весьма тѣсныхъ сношеніяхъ съ Зетой. Близость эта еще лучше опредѣляется у Діоклейскаго священника, который Захлумію называетъ Подгорьемъ и при этомъ перечисляетъ слѣдующія, принадлежавшія ему 10 жупъ: «Onogoste (нынче Никшичъ), Moratio (Морача), Comernica (Комарница подъ Дурмиторомъ), Piua (Пива), Gerico, Netusini, Guisemo, Debreca, Neret et Ramma. Изъ нихъ первыя четыре въ настоящее время вошли въ составъ Черногоріи; а изъ другихъ не подлежатъ никакому сомнѣнію имена Неретвы и Рамы (притокъ Неретвы выше Коныша). Остальныя же Шафарикъ толкуетъ такъ: Gerico или Gasa—Гацка, Netusini—Невесинье; Guise тоже и Debreca, хотя и толкуетъ, но точно не пріурочиваетъ ихъ къ какой-либо мѣстности. Часть этого Подгорья онъ называетъ Краиной (Cheranania), подобно Краинѣ въ нижней Зетѣ, и тутъ съ ясностью можно разобрать названія Стана (Stantonio; у Конст. Прф. Stagnon), Попово (Papava), Дубравы (Dubrava) — между Мостаромъ и Метковичами, Дабаръ или Добричево (Debre; у Конст. Dobriskik.). Захолмскіе жупаны боролись противъ великихъ жупановъ и кралей сербскихъ, отстаивая свою независимость, и для того вступали въ договоръ съ болгарами и дубровчанами (Объ этомъ у Шафарика. Древ. Т. 2. кн. 1 стр. 420—425).

Захлумцы, какъ мы уже сказали, долго сопротивлялись принятію христіанства; а и послѣ, принявши его, отпадали; въ послѣдствіи же времени у нихъ нашло пріютъ богумильство, которое также было распространено и въ Зетѣ. Лужане и бокумиры (т. е. богумилы), жившіе когда-то по всей Зетѣ, по народному преданію, были народъ необыкновенно гордый и непокорливый, какими изображаетъ намъ Константинъ Багрянородный и захлумцевъ. Одинаковость старинныхъ надгробныхъ камней, какъ въ Зетѣ, такъ и въ Герцеговинѣ, прежней Захолміи, даетъ нѣкоторое основаніе предполагать и одинаковость исповѣданія и

характера жителей той и другой. Нѣкоторое сходство между нынѣшними черногорцами и герцеговинцами объясняютъ тѣмъ, что Черногорія заселялась изъ Герцеговины; но то же сходство по образу жизни и характеру существуетъ у нихъ и съ морлаками, которые составляютъ самую характерную этнографическую особь въ Далмаціи. Такое сходство не случайное и имѣетъ свое начало въ глубокой древности въ тѣсномъ родствѣ и одинаковой культурѣ этихъ народовъ.

Такимъ образомъ сербскій народъ, населявшій Зету, составлялъ одно этнографическое цѣлое съ народомъ, занявшимъ все пространство къ западу, именно нынѣшнія: Герцеговину, Далмацію до р. Цетинь, и юго-западную часть Босніи. Но политическія событія, а отчасти и условія мѣстности раздѣлили ихъ, и подъ вліяніемъ этого раздѣленія, конечно, и развитіе ихъ пошло различными путями.

Совершенно иныя отношенія были у Зеты на югѣ. Тутъ сербы сталкиваются съ албанцами, безъ сомнѣнія старожилами Иллирика, на счетъ которыхъ они и распространились. Въ Рѣцкой и Цермницкой нахіяхъ до сихъ поръ встрѣчается много географическихъ названій албанскаго происхожденія; а въ дарственныхъ грамотахъ сербскихъ кралей Вранинскому монастырю св. Николая упоминаются албанскія семейства, жившія въ то время въ Цермницѣ (теперь же тамъ и помина нѣтъ объ арнаутахъ). Когда Скадаръ былъ столицей Зеты, тогда, конечно, вся окрестность его была сербская и сербскій языкъ удерживался тамъ до весьма недавняго времени. А такъ какъ политическая граница Зеты простиралась еще дальше, до Драча, то до него же былъ распространенъ и сербскій элементъ. Поэтому въ борьбѣ противъ турокъ во время Георгія Кастріота Зета и Албанія дѣйствуютъ заодно не только какъ союзницы, но какъ два народа, имѣющіе, если не все, то много общаго въ смыслѣ культурномъ. Сербскій и арнаутскій элементы были здѣсь сильно помѣшаны, и въ настоящее время трудно опредѣлить, къ какому племени относятся различныя племена, считающіяся теперь чисто-арнаутскими:

хоты, груды, кастраты, клименты и др. Обратное движеніе началось съ того времени, когда и Зета и Албанія окончательно подпали подъ турецкое иго.

И такъ область собственно Зеты была весьма необширна, но она представляла собою нѣчто цѣльное и до того сплоченное, что обладаніе ею давало обладателю возможность дѣйствовать и распространяться во всѣ стороны, не рискуя своимъ.

Благодаря такому особенному физическому положенію Зеты, ея жупаны не имѣютъ равнаго соперника ни въ комъ изъ своихъ сосѣдей, не смотря на то, что пространствомъ территоріи и численностью населенія ее превосходили какъ захлумы, такъ и албанцы; опираясь на нее, создаютъ свое могущество великіе жупаны сербскіе и наконецъ объединяютъ всѣ сербскія земли подъ царскою короной. Зета уступала только Византійской Имперіи и Болгарскому царству, а съ Сербскимъ составляла или одно нераздѣльное цѣлое, или союзную единицу.

Когда пало Сербское царство и покоренъ былъ весь Балканскій полуостровъ турками; когда передъ турецкимъ могуществомъ не смѣлъ поднять оружія никто въ Западной Европѣ, зетскіе государи одни не свертывали своего боеваго знамени и цѣлыхъ сто лѣтъ послѣ паденія Сербскаго царства отстаивали свою независимость, уступая только шагъ за шагомъ.

Одну изъ выгодъ физическаго положенія Зеты составляло еще и то, что, совмѣщая на весьма маломъ пространствѣ роскошныя равнины и высокія горы и представляя собою какъ бы природный укрѣпленный лагерь, она имѣла близкій и открытый путь къ морю, вокругъ котораго тогда ютилась и цивилизація, и торговля, и развивался духъ предпріимчивости.

Не менѣе благопріятны были и условія, созданныя Зетѣ исторіей. Наслѣдница славной нѣкогда Діоклеи, она была и культурнымъ центромъ: рано дѣлается митрополіей греко-восточной церкви, и въ то же время одною изъ важнѣйшихъ среди діоцезъ римскихъ, которой, кромѣ Зеты съ Приморьемъ, подчинена была вся Албанія, и въ сербскихъ земляхъ епископаты Призренскій,

Бѣлградскій и Смедеревскій; а было время, когда ей подчинялся и Сирміумъ.

Находясь такимъ образомъ между Римомъ и Византіей, Зета, такъ сказать, нейтрализовала на своей почвѣ это двоякое вліяніе, прокладывая себѣ свой собственный культурный путь, и въ такомъ серединномъ положеніи между вліяніями Востока и Запада страна эта остается и донынѣ.

Подъ властью сербскихъ кралей Зета сама составляла только часть обширнаго Сербскаго царства; но и тогда не теряла своего значенія, какъ «дѣдина» Неманичей, въ которой заключалось средоточіе и опора ихъ могущества. Стефанъ Ниманя въ *повельи* Хилендарскому монастырю говоритъ: «и обновихъ свою дѣдину.... вьздвигахь погибшую свою дѣдину и пріобрѣтахь одь морске земле Зету и е грады». И въ житіи Симеона и Саввы говорится: «Диоклитою же и Далмацою, истовую дѣдину свою», а далѣе это же самое житіе, говоря о томъ, канъ св. Савва вѣнчалъ своего брата Стефана на царство, ту же Зету или Диоклитію называетъ королевствомъ: «яко да вѣнчаеть брата своего на кралевство по прьвому отьчьству кралѣвства ихъ, въ нѣмь же и отьць ихъ роди се по божьствьному съмотрению въ мѣстѣ, рекомѣмь Диоклитии, *еже зоветься велико кралъвство отъ прьва*« (стр. 246).

Недаромъ жившій здѣсь Стефанъ Душанъ еще при жизни своего отца, краля Стефана Дечанскаго, подписывался «млади краль». Съ этою мѣстностью соединялось понятіе королевства, и обладающій ею, если не всегда носилъ, то всегда имѣлъ право носить королевскій титулъ.

Само собою разумѣется, что Зета, играя такую важную роль, благодаря своему положенію, въ то же время еще бо́льшую силу и значеніе пріобрѣтала подъ сѣнью сильнаго Сербскаго царства, и тотчасъ послѣ паденія его стала утрачивать и то, и другое, уступая всюду усиливающемуся господству турокъ и изъ-за него пробивающемуся вліянію Венеціи.

Доведенная до крайняго minimum'а въ послѣдніе дни прав-

ленія Ивана Черноевича, Зета переноситъ свой политическій и духовный центръ на Черную-Гору подъ Ловчекъ и подъ именемъ этой послѣдней продолжаетъ свое традиціональное существованіе до нашихъ дней, когда и значительная часть старой Зеты освободилась отъ турецкаго ярма и снова поступила подъ власть своего единокровнаго и единовѣрнаго государя.

Въ заключеніе напомнимъ, что область Зеты, какъ политическое цѣлое, никогда не ограничивалась одною своею собственною территоріею, но всегда была въ связи съ другими территоріями и расширялась на западъ до Дубровника и Требинья, на сѣверъ и сѣверо-востокъ до границъ нынѣшней Сербіи и Новаго-Базара, а на югъ до Авланы. Въ настоящее время, чтобы возстановить границы старой Зеты, ей не достаетъ цѣлой области отъ Скадра на югъ и цѣлой территоріи подъ Боккой; за то она подвинулась немного къ сѣверу въ древнюю Захолмію и стала на границу старой Рашки, съ которыми вяжетъ ее не только единоплеменность и единовѣріе, но и исторія, заставившая ихъ почти половину тысячелѣтія соединенными силами отстаивать свою народность и вѣру, бороться на жизнь и смерть съ врагами своей народности и политической свободы. Борьба эта до сихъ поръ еще не кончена; она только вступила въ новую фазу и значительно осложнилась и, какъ историческій факторъ, можетъ или усилить стремленіе къ объединенію Зеты съ сосѣдними ей землями, или должна прекратиться и дать совершенно иной тонъ и направленіе стремленіямъ той и другой стороны и измѣнить ходъ исторіи, освященный вѣками.

Не такъ далекое будущее должно показать намъ, что̀ сильнѣе: исторія или на нашихъ глазахъ дѣйствующіе, современные намъ политическіе факторы.

Собственно Черная-Гора составляла незначительную часть и отдѣльную мѣстность Зеты; но исторія дала ей великую роль въ освободительной миссіи, и къ ней, какъ къ основному кристаллу, постепенно приросли нахіи Лѣшанская, Рѣцкая и Цермницкая, а послѣ такъ называемая Брда, т. е. Бѣлопавлича, Морача, Ровцы

Пиперы и Кучи, къ которымъ въ свою очередь примыкали уголки, какъ Руданы, Жупа-никшицкая и Луково; Пива и Дробняки, при помощи черногорцевъ отбивавшіеся отъ турокъ, тоже примкнули къ Черной-Горѣ, а наконецъ присоединилась и Васоевицкая нахія.

Сообразно съ этимъ въ исторіи Черногоріи необходимо имѣть въ виду различный объемъ ея территоріи въ различныя эпохи и обращать вниманіе, на сколько то возможно, на исторію отдѣльныхъ ея частей и племенъ, изъ которыхъ она сложилась. Поэтому начало ея исторіи составитъ исторія Зеты или Зетскаго государства, которое тоже не находилось постоянно въ однѣхъ и тѣхъ же границахъ; затѣмъ слѣдуетъ исторія Черной-Горы т. е. той, состоящей изъ однѣхъ горъ мѣстности, гдѣ народъ, лишившись государства, отстаивалъ свою независимость подъ управленіемъ владыкъ, и наконецъ нынѣшнее Черногорское княжество.

II.

Исторія Зеты до включенія ея въ составъ Сербской Державы Неманичей (отъ X до конца XII вѣка).

Сербо-хорваты, обитатели горныхъ прикарпатскихъ странъ, въ VII вѣкѣ призываются императоромъ Геракліемъ въ предѣлы Восточной Римской Имперіи для борьбы съ аварами, которые наводнили его владѣнія своими полчищами и крайнимъ варварствомъ, и дикими нравами совершенно подавляли культурную жизнь греко-римскихъ колоній и мирныхъ обитателей, тамошнихъ автохтоновъ. Въ этомъ приглашеніи видно, что приглашавшіе сербо-хорватовъ съ одной стороны считали ихъ достаточно сильными и способными для борьбы съ аварами, съ которыми не могли управиться своими собственными средствами; а съ другой— видѣли въ нихъ народъ болѣе мягкихъ и культурныхъ нравовъ, болѣе воспріимчивый, со стороны котораго поэтому имъ нечего было бояться.

Разсчетъ былъ вѣренъ. Вскорѣ отъ аваровъ не осталось и

слѣда, а новые пришельцы дѣлаются христіанами и мирными согражданами. Правда, дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ смутъ и колебаній: принявшіе сначала христіанство отступали, потомъ обращались къ нему вторично; приняли крещеніе сначала отъ римскихъ священниковъ, а потомъ отъ греческихъ; иные же такъ и остались въ язычествѣ. Но это бывало вездѣ; ни одинъ культурный шагъ не дѣлается сразу, а требуетъ времени, чтобы упрочились и устоялись въ народѣ принятыя имъ новыя начала. Въ сущности же переходъ сербо-хорватовъ отъ язычества къ христіанству былъ одинъ изъ самыхъ мирныхъ и быстрыхъ. Мы знаемъ уже въ общихъ чертахъ, въ какихъ мѣстахъ они поселились. Обращаясь собственно къ Зетѣ, мы замѣчаемъ, что всѣ города ея въ это время заняты были греками, и вокругъ нихъ по равнинѣ греческое же населеніе было и въ селахъ; притомъ при городахъ вездѣ были укрѣпленія, занятыя сильными гарнизонами. Главнымъ образомъ эта военная греческая сила сосредоточивалась вокругъ Діоклеи, а также въ городахъ, находящихся на восточномъ краю Скадарской равнины подъ горами, въ Дривастѣ, Данѣ и во всѣхъ приморскихъ городахъ. Сербамъ, слѣдовательно, оставались только горы и боковыя долины.

Могущество Греческой Имперіи, однако, стало ослабѣвать со времени усиленія болгаръ въ IX вѣкѣ, которые два раза побѣдоносно прошли всю Зету, разрушивши всѣ греческіе города и ихъ укрѣпленія и опустошивши всю страну до такой степени, что вплоть до Дубровника не оставалось ни одного жителя и она представляла изъ себя совершенную пустыню. Но съ того же времени начинаютъ усиливаться въ Зетѣ сербы, которымъ греки стали уступать свои мѣста, не желая подвергаться новымъ нападеніямъ. Поэтому мы узнаемъ, что въ X вѣкѣ сербскіе жупаны строятъ грады въ Подгорицѣ, Жаблякѣ, Спужѣ или, можетъ быть, только возобновляютъ грады, брошенные греками.

Дѣлясь на племена и имѣя своихъ отдѣльныхъ жупановъ, сербы признавали одного главнаго или великаго жупана, резиденція котораго въ то время находилась въ Десницѣ на Дринѣ;

но это признаніе было только нонимальное, и всякій жупанъ стремился къ первенству, изъ-за чего и происходили между ними постоянныя междоусобія. И такой порядокъ длился до тѣхъ поръ, пока въ лицѣ Немани не усилился жупанъ Расціи. Этотъ періодъ остался бы для насъ совершенно темнымъ, если бы не сохранилась на латинскомъ языкѣ лѣтопись какого-то безыменнаго священника изъ Діоклеи, современника Немани, описывающая событія этихъ краевъ, начиная отъ прихода готовъ (въ концѣ V вѣка) до XII вѣка, и переведенная, по его словамъ, съ другой лѣтописи, написанной на *славянскомъ* языкѣ.

ИСТОРІЯ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА ПО СКАЗАНІЮ ДІОКЛЕЙСКАГО СВЯЩЕННИКА.

Лѣтопись эта, не имѣющая большой фактической точности, полна именъ лицъ и названій мѣстностей, и въ то же время содержитъ много разсказовъ, характеризующихъ дѣйствовавшія въ то отдаленное время лица, различныя отношенія, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, духъ и нравы той эпохи. Между прочимъ въ ней находится эпизодъ о зетскомъ кралѣ Владимирѣ, имя котораго до сихъ поръ почитается безъ различія вѣры всѣмъ населеніемъ Краины, гдѣ онъ жилъ и потомъ былъ похороненъ; хранится до сихъ поръ, какъ великая святыня, и крестъ, съ которымъ онъ былъ убитъ. Разсказъ этотъ на столько интересенъ по сообщаемымъ фактамъ изъ этой темной эпохи и по характеристикѣ тогдашнихъ нравовъ и отношеній, что мы считаемъ не лишнимъ дать ему мѣсто въ исторіи Зеты. Будемъ держаться изданія его на сербскомъ языкѣ въ «Сербской Лѣтописи за 1853 г. кн. II».

Дѣдъ Владимира, Хвалимиръ владѣлъ цѣлою Зетой или Превалій со всѣми, принадлежащими ей провинціями: Зетой собственно, средоточіемъ которой въ то время былъ Скадаръ, Трибуніей, Хелміей и Подгоріей; но передъ смертью онъ раздѣлилъ ее на три части, изъ которыхъ Зета собственно досталась стар-

шему сыну его Петрославу, а по смерти этого послѣдняго его сыну Владимиру, который въ то время былъ еще дитя, и принявъ королевство, «росъ, украшаясь мудростію и святостію».

Между тѣмъ современно ему «у булгаръ появился какой-то Самуилъ, который повелѣлъ, чтобы его называли императоромъ. Сражался онъ много разъ съ греками и прогналъ ихъ изъ всѣхъ мѣстъ Булгаріи, такъ что за его время греки не смѣли туда даже близко подойти». Онъ овладѣлъ въ то время Македоніей, касался уже Адріатическаго моря и задумалъ присоединить къ своимъ владѣніямъ и Зету; но не рѣшался, пока она представляла изъ себя сильную державу. Когда же произошло ея раздѣленіе, и въ южной, ближайшей части сдѣлался королемъ юный Владиміръ, «Самуилъ собралъ великое войско и пришелъ въ Далмацію, въ землю короля Владимира; а король, будучи святымъ человѣкомъ и не желая, чтобы кто-нибудь изъ его людей погибъ въ битвѣ, смиренно удалился и со всѣмъ своимъ войскомъ поднялся на гору, называемую *Косою*. Царь булгарскій, прійдя съ войскомъ и видя, что не можетъ ничего сдѣлать Владимиру, оставилъ одну часть войска у горы, а другую повелъ на Ульцинъ, чтобы овладѣть этимъ городомъ; и въ то же время послалъ къ Владиміру вѣстниковъ съ приглашеніемъ, чтобъ онъ сошелъ внизъ для переговоровъ. Король, однако, не поддался этому; но *жупанъ* того мѣста, подобный Іудѣ-предателю, послалъ сказать царю: «Если твоему величеству угодно, я предамъ тебѣ короля»— Узнавъ объ этомъ, Владиміръ предался добровольно, чтобы не быть причиною гибели другихъ. Самуилъ же тотчасъ послалъ его въ заточеніе «въ страну Ахридскую, въ мѣсто называемое Пропа (Преспа?), гдѣ былъ и дворецъ царя. Затѣмъ, собравъ войска, ударилъ онъ на Ульцинъ, но, не смотря на всѣ усилія, не могъ его взять; на что озлобившись, оставилъ его и сталъ опустошать Далмацію, все разрушая и предавая огню. Города Декатеру и Лаузію зажегъ, а села и всю провинцію опустошилъ такъ, что, казалось, въ цѣлой землѣ живой души не осталось».

Владиміръ между тѣмъ томился въ темницѣ. И въ это время,

«однажды Косара, дочь Самуила, по внушенію святого духа, приходитъ къ отцу и проситъ его позволить ей съ дѣвушками пойти въ темницу и вымыть головы и ноги заключеннымъ, что̀ ей отецъ и позволилъ. При этомъ она, увидѣвши Владимира, его красоту, смиреніе и кротость, и какъ онъ преисполненъ мудрости и духа Божія, пустилась съ нимъ въ разговоръ. И были ей его рѣчи пріятны, какъ медъ и воскъ. И тутъ не по страсти плотской, а изъ участіякъ его молодости и красотѣ, изъ-за того, что онъ былъ король и королевской лозы, она поцѣловала его и, тотчасъ простившись, ушла». Послѣ этого она отправляется къ отцу, падаетъ передъ нимъ на колѣни и проситъ: «или теперь же выдай меня за короля Владимира, или я скорѣе умру, чѣмъ выйду за кого нибудь». Отецъ не противился и послалъ за Владимиромъ. «Тогда его обмыли, одѣли въ нарядныя королевскія одежды и представили предъ царя. Этотъ принялъ его ласково и поцѣловалъ передъ *великашами* своей земли, и далъ ему свою дочь въ супруги, и сваты были снаряжены по королевскому обычаю» и возвращено было ему все, что̀ было его и его отцовъ, и земля Драчская. Дядѣ его, Драгимиру, также возвращена была принадлежавшая ему Трибунія, и сказано, чтобы онъ воротился домой, и собралъ бы весь разбѣжавшійся народъ и снова населилъ имъ земли, что̀ и было исполнено».

Но роковая судьба не миновала Владимира. Самуилъ умеръ, а наслѣдовавшій ему сынъ Радоміръ былъ измѣнически убитъ двоюроднымъ братомъ Владиславомъ, по наущенію греческаго императора Василія.

Владиславъ тотчасъ-же послалъ гонцовъ за Владимиромъ; но Косара не пустила его, а отправилась сама, говоря: «Если онъ захочетъ погубить меня, пусть его; только бы тебѣ не было ничего». Она была отлично принята; но въ этомъ и заключалось коварство. Къ Владимиру отправляютъ новыхъ пословъ съ золотымъ крестомъ и клятвеннымъ обѣщаніемъ, что ему ничего не будетъ: «Чего ты боишься? писалъ при этомъ Владиславъ—твоя супруга у меня, и ей не только ничего не сдѣлали, но съ честью

принимаемъ ее и я, и мои люди». На это король отвѣчалъ: «Извѣстно, что Іисусъ Христосъ, пострадавшій за насъ, былъ распятъ не на золотомъ или серебряномъ крестѣ, а на деревянномъ; поэтому, если твоя клятва крѣпка и рѣчи твои истинны, то пошли мнѣ деревянный крестъ съ людьми священнаго сана».

Тогда Владиславъ позвалъ двоихъ епископовъ и одного пустынника и, притворившись передъ ними, будто ничего дурного не замышляетъ, вручилъ имъ крестъ изъ дерева и послалъ ихъ къ Владимиру, чтобы они убѣдили его прибыть къ нему. Они, конечно, тотчасъ отправились и, прибывъ туда, поздоровались съ королемъ и, приглашая его съ собою, дали ему требуемую клятву. — Принявъ отъ нихъ крестъ, Владиміръ палъ передъ нимъ на колѣни, помолился, поцѣловалъ и, *засунувши его за пазуху*, отправился къ императору, взявши съ собою немного людей.—Царь между тѣмъ устроилъ ему на дорогѣ засаду, чтобы его на пути убили и никто бы не зналъ, что это сдѣлано по его приказанію, и онъ былъ бы чистъ передъ епископами. Но люди, которымъ это было поручено, не исполнили даннаго приказанія, и царь пришелъ въ страшный гнѣвъ, увидѣвши Владимира живымъ. Владиміръ же прямо съ дороги пошелъ въ церковь и сталъ тамъ молиться; а тотчасъ же за нимъ посланы были и убійцы.—Король молился еще Богу, когда его окружили воинами, и тогда король, догадавшись, въ чемъ дѣло, подозвалъ бывшихъ тутъ двоихъ епископовъ и пустынника и обратился къ нимъ со словами: «Что̀ это, господа? Что̀ вы сдѣлали? Зачѣмъ вы меня такъ обманули? за что я долженъ умереть невинно, положившись только на ваши рѣчи и клятвы?» А они отъ стыда не смѣли и въ глаза ему посмотрѣть. — Послѣ этого король еще помолился Богу, исповѣдался и причастился и, держа въ рукахъ посланный царемъ крестъ, сказалъ: «Господа мои, молитеся за меня Богу! а этотъ честный крестъ пусть въ день судный будетъ свидѣтелемъ того, какъ я умираю безъ вины». —Затѣмъ онъ поцѣловалъ крестъ, простился съ епископами и вышелъ изъ церкви; а всѣ при этомъ плакали. Передъ самыми дверьми воины быстро

отсѣкли ему голову 22-го дня мая, а епископы взяли его тѣло и похоронили въ той самой церкви съ пѣніемъ и хваленіемъ».

Это было въ Преспѣ, резиденціи болгарскаго царя. Скоро гробъ мученика сталъ творить чудеса, испугавшись которыхъ, царь дозволилъ женѣ покойнаго, Косарѣ, взять его тѣло и похоронить, гдѣ она хочетъ. «Она взяла его и перенесла въ мѣсто, которое называется *Краина, гдѣ былъ его дворецъ*, и тамъ положила въ церкви св. Маріи».—«Тѣло его—добавляетъ повѣствователь—лежитъ невредимо и благоухаетъ, какъ будто намазано какими-нибудь ароматами, и крестъ, полученный отъ царя, держитъ въ рукѣ, и по заслугамъ и заступничеству его дѣлается тутъ много добра тѣмъ, которые молятся ему съ чистымъ сердцемъ и *до нынѣшняго дня*».

Косара потомъ приняла монашескій чинъ и умерла въ той самой церкви, и погребена у ногъ своего супруга.

КРАИНА И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕТЫ.

Остатки церкви и другихъ зданій въ Краинѣ видны до сихъ поръ. Тутъ былъ монастырь, извѣстный въ народѣ и въ грамотахъ подъ именемъ *Святая* или *Пречистая Краинская*. Здѣсь именно была, по народному преданію, та церковь, гдѣ похороненъ краль Владиміръ; тутъ же былъ и его дворецъ; а нѣсколько въ отдаленіи находится высота въ видѣ отдѣльнаго конуса, носящая названіе *Катрколъ* или *св. Владиміръ*.

Кѣмъ и когда были разрушены церковь и всѣ зданія—неизвѣстно; но потомъ живущіе тамъ магометане нашли крестъ, который теперь находится въ одномъ домѣ въ родѣ Микуличей (1 изъ 6-и православныхъ домовъ) и къ которому прибѣгаютъ, какъ къ всепомогающей святынѣ, и христіане, и магометане, и говорятъ, что это тотъ самый крестъ, съ которымъ погибъ краль Владиміръ, что̀ весьма вѣроятно. Онъ, правда, довольно великъ, именно: 45 сантим. въ вышину и 38 поперекъ, а ширина концовъ $2^1/_2$ сантим.; но не держалъ же его Владиміръ, какъ шейный крестъ, а просто заткнулъ только подъ верхнюю одежду на

груди. Онъ притомъ деревянный и только снаружи обитъ какимъ-то листовымъ металломъ съ позолотой; но и эта обивка могла быть сдѣлана послѣ. На четырехъ концахъ креста изображены 4 евангелиста; а по толщинѣ кругомъ выбиты латинскія буквы: FOIO FOIO. Его обыкновенно съ процессіей изъ Бара и всей окрестности выносятъ на Троицынъ день на верхъ Руміи, гдѣ находится церковка во славу этого праздника, и тогда приходятъ туда же и магометане мрковичи и вмѣстѣ съ христіанами произносятъ: «Крст се диже, бог се молю; господи помилуй!».

Магометане мрковичи, отнявшіе его у краинскихъ магометанъ, считаютъ его своею собственностію и берегутъ, какъ величайшую драгоцѣнность, съ которою связано благополучіе ихъ края; но хранятъ его въ христіанскомъ домѣ, считая то приличнѣе, чѣмъ держать въ домѣ магометанина. Такимъ образомъ крестъ этотъ составляетъ въ настоящее время палладіумъ, спасающій цѣлый этотъ край отъ всѣхъ золъ и напастей, которыхъ онъ испыталъ слишкомъ много.

При скудости и крайней сухости вообще сербскихъ лѣтописей, этотъ простой, безыскусственный разсказъ составляетъ драгоцѣнную рѣдкость, какъ выраженіе народнаго чувства и отношенія къ историческому факту, которое и придаетъ ему настоящій смыслъ и значеніе. Только по этому разсказу, по народному преданію и по сохранившимся до нашего времени развалинамъ, мы узнаемъ, какое значеніе когда-то имѣла Краина, о которой впослѣдствіи совершенно забыла исторія.

Начиная съ островковъ, цѣпью унизавшихъ берега Краины, и до морского берега, по другую сторону проходящаго вдоль ея хребта, вы на каждомъ шагу найдете тутъ остатки древнихъ православныхъ церквей, которыя, какъ пчелы около матки, ютились когда-то вокругъ Пречистой Краинской.

Форлати въ своемъ соч. «Illyricum sacrum» говоритъ о мрковичахъ.... nobilissimus et frequentissimus est pagus Marcovichiorum.... ab Rascianis schismaticis et Turcis incolitur. Prope adest vicus, cui nomen *Crainae, ubi olim caria et sedes re-*

gum Serbliae». Дѣйствительно, надъ долиною р. Мегуреда и Шасскаго озера видны развалины обширныхъ построекъ, и тутъ же, по всѣмъ вѣроятіямъ, находился городъ *Свачъ* (*Sfaccia*), откуда произошло нынѣшнее названіе *Шасъ*. Обратимся теперь къ сѣверу.

Здѣсь въ то же самое время усилился великій жупанъ Діоклеи Михаилъ Бославовъ (1050—1080), который вошелъ въ сношенія съ папою Григоріемъ VII и, принявъ католицизмъ и признавши себя вассаломъ римской куріи, получилъ отъ него титулъ короля со всѣми принадлежащими сану инсигніями. Онъ постоянно держался въ Діоклеѣ и мирно, но съ честію управлялъ Зетой 30 лѣтъ; а его сынъ, Константинъ Бодинъ, перенесъ свою столицу въ Скадаръ и принудилъ жупановъ Босніи и Рашки признать зависимость отъ него. Но онъ правилъ недолго: наступившіе за тѣмъ внутренніе раздоры дали возможность грекамъ снова водворить свою власть надъ цѣлою Зетой, и это продолжалось до Немани, къ которому мы и обратимся.

НЕМАНЯ.

Дуклянскій священникъ, современникъ Немани, съ большими подробностями описываетъ все, что происходило въ семействѣ, изъ котораго онъ вышелъ; но въ путаницѣ разныхъ именъ лицъ и названій мѣстностей трудно дойти до самаго смысла событій. Видно только, что греки въ лицѣ сильнаго императора Мануйла держали зетскихъ князей въ крѣпкой зависимости отъ себя; тогда какъ въ Расціи, болѣе удаленной отъ нихъ, сербы усиливались тѣснымъ союзомъ съ жупанами Босніи.

Въ это же время венгерскіе короли овладѣваютъ частію Далмаціи или собственно Бѣлою Хорватіей, и въ нихъ зетскіе жупаны ищутъ себѣ союзниковъ и опоры противъ грековъ, при чемъ между ними происходитъ раздѣленіе: одни дѣйствуютъ съ венгерцами, другіе остаются вѣрны грекамъ.

Неманя, впрочемъ, въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ совершенно самостоятельно. Онъ прежде всего заручился союзомъ съ

Босніей, банъ которой Кулинъ, будучи вполнѣ независимымъ во внутреннемъ управленіи, во внѣшней политикѣ признавалъ нѣкоторое суверенство Немани. Съ помощью его Неманя сдѣлалъ нападеніе однимъ войскомъ на Далмацію, которою въ то время владѣлъ венгерскій король Бела, а другимъ — на Зету, гдѣ былъ жупанъ Радославъ, вѣрный слуга грековъ, передъ которыми не смѣлъ назваться кралемъ, хотя и имѣлъ этотъ титулъ.

Въ Зетѣ, однако, Неманю встрѣтилъ греческій воевода Ѳеодоръ Падіатисъ, который и отбилъ это нападеніе. Тогда Неманя, видя, что онъ со своими войсками, недостаточно еще искусными для боя въ открытомъ полѣ, не въ состояніи бороться противъ хорошо обученныхъ и опытныхъ греческихъ легіоновъ, отступилъ въ горы, откуда и повелъ войну партизанскую и довольно успѣшно; хотя Зета тѣмъ не менѣе оставалась въ рукахъ грековъ, и даже Неманя на этотъ разъ долженъ былъ признать надъ собою суверенство греческаго императора. Это было приблизительно въ 1170 году.

Послѣ того Неманя всѣ свои силы сосредоточилъ на сѣверѣ и востокѣ и тамъ нашелъ болѣе сильную опору, такъ какъ тамъ все населеніе было противъ грековъ и благопріятствовала гористая мѣстность, а также и удаленность ея отъ моря, вслѣдствіе чего затруднялся подвозъ новыхъ греческихъ войскъ и всѣхъ припасовъ; не такъ какъ въ Зетѣ, гдѣ всюду равнины и легкое сообщеніе съ моремъ. Въ одинъ походъ 1182—83 года онъ успѣлъ занять область Нишавы, Враню, Ситницу, Лабъ, затѣмъ Скопле, всю область Вардара и часть Македоніи, и послѣ всего обратился на западъ въ Зету, гдѣ продолжалъ еще владѣть Радославъ. На этотъ разъ и здѣсь походъ Немани увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Ему сдавались городъ за городомъ: Данъ, Дривастъ, Скадаръ, Ульцинъ, Баръ и Которъ. Отовсюду греки были прогнаны, а грады ихъ разрушены всѣ кромѣ Которскаго. Въ верхней Зетѣ и Хумѣ онъ поставилъ, по словамъ дуклянскаго священника, жупанами своихъ братьевъ: Мирослава (иначе Првоша) и Страцимира (Константина), и завладѣлъ также сѣверною Албаніей до

Дрина. Такимъ образомъ на западѣ его граница дошла до Адріатическаго моря, при чемъ въ составъ его державы вошло и все южное приморье съ Боккой.

Въ Греціи за это время произошло много перемѣнъ. Царь Мануилъ померъ: престолъ занялъ узурпаторскимъ способомъ племянникъ его Андроникъ, по словамъ жизнеописателя Немани, «царь люты и крьвопролиятель», при которомъ, однако, Неманя и имѣлъ больше успѣха, такъ какъ внутри Греческой Имперіи происходили придворныя и семейныя междоусобія, дававшія поводъ вмѣшательству Венгріи. Въ то же время и венеціанцы пытались было занять Задаръ, Трогиръ и другія прибрежныя мѣста, но были прогнаны венгерцами.

На востокѣ, между тѣмъ, турки овладѣли Іерусалимомъ (1187), и папа Иннокентій III объявилъ крестовый походъ.

Находясь въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, византійскій императоръ Исаакъ Ангелъ въ 1192 году заключаетъ съ Неманей союзъ и даетъ въ замужество за его старшаго сына Стефана свою племянницу Евдоксію. Неманя съ своей стороны уступаетъ ему часть Македоніи къ югу отъ Скопля, оставивъ, однако, этотъ городъ за собою.

Когда императоръ Фридрихъ Барбаросса со 150,000-нымъ войскомъ шелъ на освобожденіе Іерусалима черезъ Нишъ, его встрѣтилъ тутъ Неманя съ такою предупредительностію, какой ему и его войскамъ не было оказано нигдѣ. Въ благодарность за это и чтобъ привязать къ дѣлу крестоновцевъ этого новаго сильнаго государя, располагавшаго громаднымъ вліяніемъ въ предѣлахъ бывшей Восточной Имперіи, Фридрихъ предлагаетъ Неманѣ титулъ короля, отъ котораго, однако, онъ отказывается, не желая обязываться Риму и нѣмцамъ, и, чтобы не возбуждать зависти въ другихъ владѣтеляхъ, остается съ титуломъ великаго жупана; а въ 1195 году совсѣмъ удаляется отъ свѣта, посвятивши себя монашеской жизни, въ основанной имъ Студеницкой лаврѣ, гдѣ и принимаетъ имя Симеона. Черезъ 2 года, однако, удаляется онъ и отсюда на Аѳонъ, сначала въ монастырь Вато-

недъ, а потомъ основываетъ свой собственный сербскій монастырь Хилендаръ, гдѣ и скончался 13 февраля 1200 года.

Итакъ, только передъ концомъ своей жизни Неманя успѣлъ объединить бо́льшую часть сербскихъ земель и образовать изъ нихъ одно государство, признающее его, великаго жупана, верховнымъ главою и независимо отъ Греціи, въ то же время очистивши отъ грековъ наводненную ими Зету.

Всѣ эти событія до послѣдняго десятилѣтія XII в. составляютъ только введеніе въ исторію Сербскаго государства, въ составъ котораго, какъ его нераздѣльная часть, вошла и Зета; но тѣмъ не менѣе уже здѣсь мы видимъ, какіе элементы должны принять участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи.

ЖУПАНЪ МИХАИЛЪ БОИСЛАВОВЪ И ЕГО СКЛОННОСТЬ КЪ РИМУ.

Въ Діоклеѣ мы видимъ сначала господство римское; поэтому сильный жупанъ ея, Михаилъ, сынъ Боислава, получаетъ королевскій титулъ отъ папы Григорія VII, принимаетъ католичество самъ и старается къ тому же принудить и своихъ подданныхъ. Послѣднее ему не удалось вполнѣ; тѣмъ не менѣе и Неманя, родившись на Рыбницѣ, крещенъ былъ по католическому обряду. И въ то время уже учреждена была римская епископія въ Діоклеѣ, тогда какъ православной еще не было, и православныя церкви, находившіяся тамъ, должны были зависѣть отъ архіепископіи или митрополіи Охродской (по другимъ, — Скоплянской). Грекамъ, присвоившимъ себѣ господство въ Діоклеѣ, вскорѣ по смерти Михаила (приблизит. 1080 г.), было мало дѣла до сербскаго православнаго населенія въ тѣхъ краяхъ, которое всюду старались затереть и вытѣснить, чтобы на ихъ мѣстахъ поселить своихъ грековъ.

СЕРБСКАЯ НАРОДНАЯ ЦЕРКОВЬ И БОГУМИЛЬСТВО.

Сербы такимъ образомъ въ этихъ краяхъ, предоставленные въ церковномъ отношеніи самимъ себѣ, не имѣя никакого непо-

средственнаго церковнаго главы и относясь къ грекамъ, какъ къ своимъ непріятелямъ, должны были создать свою собственную церковь, вполнѣ оригинальную, независимую ни отъ Византіи, ни отъ Рима.

Что̀ это была за церковь, мы не имѣемъ относительно того никакихъ данныхъ; не можетъ подлежать сомнѣнію только то, что она была вполнѣ народная, потому что не имѣла никакихъ отношеній ни къ какой иностранной іерархіи; но въ то же время въ главномъ держалась исповѣданія восточной церкви и этимъ объясняется невмѣшательство въ ея дѣла римской куріи, которая въ то время имѣла уже своего представителя въ Діоклеѣ.

Въ житіи св. Саввы прямо говорится, что когда отецъ Немани жилъ въ Зетѣ, тамъ все было заражено ученьемъ богумильской секты, и что даже въ его собственномъ семействѣ были послѣдователи богумильства, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ для крещенія своего сына пригласить латинскаго священника. Въ имени *букумировъ*, о которыхъ существуетъ преданіе по всей нынѣшней Черногоріи, и въ названіи нѣкоторыхъ мѣстностей, какъ Богмиловичи въ Пѣшивцахъ, очевидно держится темное и отдаленное воспоминаніе о богумилахъ.

Но въ чемъ состояло это богумильство, узнать положительно неоткуда, и остается догадываться по аналогіи съ богумильствомъ въ другихъ земляхъ, какъ въ Босніи и Герцеговинѣ, и еще раньше въ Болгаріи.

Одну весьма существенную и характерную черту богумильства въ Босніи составляетъ то, что оно признавалось народнымъ, и церковь богумильская называлась *босанскою* по преимуществу, тогда какъ другіе православные назывались *ромеями* т. е. греками. Ρωμαιχός и теперь на Балканскомъ полуостровѣ означаетъ *греческій*; а турки и арнауты изъ этого сдѣлали *урум*; того же происхожденія названія многихъ мѣстностей и между прочимъ въ Черногоріи названіе горы Румія, про которую арнауты разсказываютъ, что на вершинѣ ея построена церковь *урум-кралица*, т. е. греческая, а въ сущности, кажется, та же самая, кото-

рую сербы называютъ *света-кралица*, разумѣя подъ нею Елену, жену Уроша и мать Милютина и Драгутина.

Иначе они себя называли *крьстіяни*. Потомъ это имя они измѣнили въ угоду римской церкви. Именно въ 1202 г. богумильскіе монахи дали папскому легату слѣдующее обѣщаніе: «Nos autemde caetero non christianos, sicut hactenus, *sed fratres* nos nominabimus, ne singularitate nominis aliis christianis injuria inferatur».

У богумиловъ было стремленіе не только къ народности, но еще къ простонародности, что̀ вытекало изъ принципіальнаго ученія ихъ о безразличіи всѣхъ людей по состоянію или богатству, вслѣдствіе чего они будто бы не жаловали и не принимали въ свое общество людей образованныхъ. Дѣло заключалось, конечно, не въ образованности, а въ томъ, что образованность въ то время была привилегіею высшихъ и болѣе богатыхъ классовъ; у нихъ же были свои люди ученые, которые не только поучали народъ, но и разработывали ученіе своей церкви, и вообще не могли быть темными людьми, когда послѣдователями ихъ были даже баны и короли. Если у нихъ было много мистицизма, заимствованнаго съ Востока изъ ученія манихеевъ, то по отношенію къ схоластическому ученію Рима и Византіи, а еще болѣе по отношенію къ представителямъ ихъ, часто людямъ совершенно невѣжественнымъ, полагавшимъ вѣру главнымъ образомъ въ слѣпомъ повиновеніи догматамъ и исполненіи обрядовъ, они являлись даже раціоналистами. Богумилы стремились усвоить духъ христіанства, какимъ оно является въ непосредственномъ ученіи Христа и его апостоловъ въ Евангеліи, и отвергали многое изъ внѣшняго богопочитанія, считая то ветхозавѣтнымъ или языческимъ.

Какъ въ западной церкви представителями ея являлись преимущественно римляне или итальянцы, такъ въ восточной были греки, и въ славянскомъ богослуженіи многое было на греческомъ языкѣ, въ чемъ вмѣстѣ съ раболѣпіемъ передъ греческими епископами и заключалась ортодоксія, въ духѣ которой и

былъ воспитанъ Неманя. Въ то время, какъ зетскіе жупаны не подозрѣвали въ своихъ подданныхъ никакого отступленія отъ уставовъ православной церкви, отецъ Немани предпочитаетъ имъ католиковъ, и, имѣвши несчастіе видѣть, какъ зараза богумильскаго ученія проникла въ его семейство, постарался своего наслѣдника воспитать въ духѣ самой строгой ортодоксіи, для чего и долженъ былъ, конечно, прибѣгнуть къ учителямъ грекамъ, которые единственно и могли считаться настоящими ортодоксами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ должны были воспитаться и политическіе взгляды въ томъ самомъ духѣ, которымъ была проникнута Византійская имперія и съ которымъ никакъ не могъ поладить демократизмъ зетскихъ богумиловъ. По народному черногорскому преданію богумилы были народъ очень гордый въ смыслѣ свѣтскомъ и духовномъ: они не признавали надъ собою никакой (ненародной) власти и не были, какъ христіане, проникнуты духомъ смиренія и самоуничиженія; а будучи проникнуты духомъ суроваго аскетизма и строгой, умѣренной жизни, являлись естественными противниками роскоши и блеска, которые господствовали не только при византійскомъ дворѣ, но и въ средѣ всѣхъ его намѣстниковъ и крупныхъ и мелкихъ представителей провинціальной власти. А въ этомъ именно духѣ и долженъ былъ воспитаться Неманя, и съ такимъ характеромъ долженъ былъ явиться вторымъ послѣ византійскаго императора. Можетъ быть, въ отказѣ отъ королевскаго титула, предложеннаго Неманѣ нѣмецкимъ императоромъ, имъ руководило не одно нежеланіе обязываться, но и другія соображенія: соединяя узами родства своего старшаго сына съ византійскимъ царственнымъ домомъ, онъ безъ сомнѣнія подготовлялъ ему въ наслѣдство титулъ и положеніе выше короля-вассала новой нѣмецкой имперіи.

Итакъ, побудительными причинами къ дѣйствію Немани противъ богумиловъ было все: личное предубѣжденіе, вынесенное его отцомъ; его воспитаніе подъ вліяніемъ греческихъ ортодоксовъ и, наконецъ, политическіе идеалы, внушенные ему самымъ

близкимъ ему примѣромъ Византіи. Не даромъ же всѣ неманичи стремятся къ Константинополю и ставятъ себѣ конечною цѣлью сдѣлаться полными наслѣдниками Византійской имперіи. Поэтому сербскіе крали или цари, будучи сербами по происхожденію, пропитаны были духомъ и идеями Византіи, и, добившись престола въ Константинополѣ, были бы тѣмъ же, чѣмъ были всѣ императоры Византіи и Рима изъ варваровъ.

Вотъ почему съ перваго шага на зетскую почву Неманя кидается на богумиловъ, т. е. на все тогдашнее сербское населеніе, сжигаетъ и другими способами истребляетъ сербскія церкви и книги, и тѣмъ уничтожаетъ любопытнѣйшія страницы въ исторіи сербскаго народа. При истребленіи книгъ не могло быть разбора, относились ли онѣ къ вѣроученію, или были содержанія историческаго и географическаго, повѣствовательнаго или естественно-описательнаго. И не было ли тутъ памятниковъ болѣе древней сербской письменности, чѣмъ какіе мы имѣемъ? Предположеніе это имѣетъ большое основаніе, потому что Зета по своему географическому положенію, на которое мы указали выше, должна была явиться наиболѣе культурною страною между всѣми сербскими землями.

Зная характеръ сербскаго народа, его практическій свѣтлый умъ, глубоко нѣдрящееся въ немъ чувство собственности и личности, и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтлый взглядъ на жизнь, природную склонность къ прекрасному съ нѣкоторой роскошью внѣшней обстановки, безъ всякаго рода крайностей и экстравагантности, какъ у народовъ сѣвера и востока, — мы предполагаемъ, что зетскіе богумилы не могли быть ни темными мистиками, ни крайними соціалистами и людьми не признающими власти; ни обскурантами, ни мрачными аскетами, какими должны были быть по ученію близкихъ имъ сектъ, о которыхъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по дошедшимъ до насъ апокрифическимъ сочиненіямъ.

Всякая идея, всякое ученіе видоизмѣняется народностію; поэтому и у сербовъ, подолгу предоставленныхъ самимъ себѣ,

православіе приняло особенный, народный характеръ, и они совершенно осмысленно свое православіе называютъ сербскою вѣрой. Такою сербскою вѣрой должно было быть у зетскихъ сербовъ и православіе, и богумильство. Это были вѣра и церковь чисто-народныя, въ которыхъ не было ничего оскорбляющаго вообще христіанскую идею и христіанскую мораль; и потому къ ней благосклонно относились ближайшіе, родившіеся и воспитавшіеся среди своего народа жупаны; и могъ враждебно отнестись только слишкомъ оторванный отъ народной массы воспитанникъ греческаго духовенства и греческихъ политиковъ, какимъ былъ Неманя. Чтобы судить о культурномъ состояніи сербской Зеты въ эпоху до Немани, намъ не осталось ничего, кромѣ надгробныхъ памятниковъ и могилъ, прикрываемыхъ ими. Изученіе различныхъ фигуръ на тѣхъ памятникахъ и раскопки могилъ, можетъ быть, дадутъ хоть какія нибудь данныя для пополненія этого темнаго періода въ исторіи сербскаго народа; но здѣсь мы должны ждать археологическихъ изслѣдованій.

III.

Зета въ составѣ державы Неманичей.

(Съ конца XII в. до 1356 г.).

Въ этомъ періодѣ исторія Зеты сливается съ исторіею сербскаго царства, центръ тяготѣнія котораго находился далеко внѣ ея предѣловъ. Мы остановимся только на тѣхъ фактахъ, которые совершились въ предѣлахъ собственно Зеты или имѣли непосредственное вліяніе на ея судьбу.

ЗЕТСКАЯ ЕПИСКОПІЯ, ВПОСЛѢДСТВІИ МИТРОПОЛІЯ.

Первымъ вопросомъ является: что же сдѣлалъ Неманя послѣ уничтоженія богумильства для водворенія православія въ Зетѣ? Безъ сомнѣнія, онъ привелъ съ собою священниковъ и епископа, съ помощью которыхъ должно было произойти обращеніе еретиковъ къ истинной вѣрѣ, такъ какъ тамъ не было ни одного православнаго священника въ то время, когда родился Неманя;

греки же были изгнаны, когда Неманя поставилъ здѣсь свою власть. Мы не знаемъ ни одного указанія на это. Въ житіи св. Саввы говорится, что онъ, установляя епископіи, учредилъ и зетскую при церкви арх. Михаила на Дрепѣ. Изъ этого видно, что прежде тутъ не было православной епископіи, и зетская епархія поэтому оставалась безъ епископа въ продолженіе приблизительно 30 лѣтъ (отъ 1192 г., когда овладѣлъ ею Неманя, до поставленія въ архіепископы Саввы въ 1221 г.). Гдѣ же была эта Дрепа? Ястребовъ полагаетъ, что названіе Дрепа произошло отъ Требчи, а Требачка-главица есть недалеко отъ Подгорицы (собственно далеко, по другую сторону Зеты и Морачи, за развалинами Діоклеи); притомъ есть племя Требчи или Затребчи.

Въ то время, когда это было писано, авторъ не могъ знать, что̀ за мѣста Требча и Затребча, такъ какъ самому ему тамъ не приводилось быть, а ни картъ, ни точнаго описанія ихъ не было. За Требчей дѣйствительно находится равнина, называемая Дрезга, на которой возможно допустить существованіе какихъ нибудь построекъ, и мѣстность эта имѣетъ легкое сообщеніе съ Подгорицей, а слѣдовательно и со всею Зетой; Затребачъ же есть такое тѣсное мѣсто на крутизнахъ, составляющихъ правую сторону р. Цѣвны, что тамъ рѣшительно невозможно предполагать ничего подобнаго. Къ тому же отъ равнины Подгорицкой онъ находится въ трехчасовомъ разстояніи при такой дорогѣ, что едва можно пробраться верхомъ. Благодаря такой изолированности этой мѣстности, Затребчане создали себѣ положеніе въ родѣ независимой ни отъ кого республики или, вѣрнѣе, разбойничьяго притона (описаніе мѣстности и образа жизни ея жителей см. въ отдѣлѣ географіи).

Ястребовъ же указываетъ еще и другую мѣстность, тоже близъ Подгорицы: это Златица, гдѣ можно видѣть развалины древней церкви и какихъ-то построекъ вокругъ нея; тутъ, по народному преданію, было празднованіе Михайлова дня (8-го ноября) и была зетская митрополія.

Это предположеніе имѣетъ за собою больше вѣроятія; но за-

мѣчу, что, судя по остаткамъ церкви, она хотя и обращена на востокъ, но не смотритъ православною, потому что въ ней нѣтъ раздѣленія на припрату и главную церковь; а то, что̀ Ястребовъ считаетъ за припрату, представляетъ собою не что иное, какъ портикъ передъ входомъ въ церковь; во-вторыхъ, выпуклость, гдѣ быть алтарю, пропорціонально ширинѣ церкви слишкомъ мала, чтобы въ ней помѣщался алтарь: она очевидно оставалась безъ всякаго употребленія, какъ во многихъ католическихъ церквахъ въ тѣхъ же краяхъ.

Съ своей стороны укажемъ, что часть Подгорицы, сверхъ подраздѣленія ея на махалы (кварталы), отъ горы Любовича наискось къ р. Рыбницѣ до сихъ поръ называется *Дрпе*; и здѣсь, начиная отъ берега Рыбницы до первыхъ дворовъ и домовъ, видны старыя могилы; часть ихъ вошла во дворы; а нѣсколько подальше внутрь города въ одномъ турецкомъ домѣ до сихъ поръ находится, такъ называемая, *света трапеза*, т. е. каменный пьедесталъ, на которомъ находился престолъ; кругомъ видно, что были стѣны церкви. И вообще среди этихъ домовъ находится много слѣдовъ старыхъ построекъ. Сами турки съ достовѣрностію говорятъ, что здѣсь были церковь и монастырь.

Роль, которую прежде играла Діоклея, послѣ перешла для католиковъ въ Антивари, а для православныхъ въ Подгорицу, и не было мѣста болѣе удобнаго и соотвѣтствующаго назначенію митрополіи, какъ здѣсь; и самое названіе вполнѣ отвѣчаетъ показанному въ житіи Саввы. Это было вполнѣ центральное положеніе по отношенію къ православному населенію: ее совершенно кольцомъ окружали горныя племена, и въ то же время оставалось прекрасное сообщеніе съ приморьемъ. Отсюда епископъ Иларіонъ, при объѣздѣ своей епархіи, прельстившись живописностію мѣстности и соображая важность положенія острова Вранины въ центрѣ густо населенныхъ мѣстностей Цермницы, Цеклинянъ и Лѣшанъ,—основалъ тамъ монастырь во имя святителя Николая, гдѣ потомъ умеръ и погребенъ. Мѣсто это ему могло быть извѣстно и потому, что̀ онъ, по народному сказанію, самъ

былъ родомъ изъ Цермницы. Благословилъ же на построеніе этого монастыря архіеп. сербскій Савва II и онъ же потомъ надѣлилъ его доходными статьями.

Церковная юрисдикція зетскаго епископа простиралась и на все приморье, не исключая и Котора; поэтому неудивительно, что епископъ зетскій Неофитъ строитъ церковь въ Боккѣ близъ Котора, какъ то значится въ этой самой церкви, въ селѣ Богдашичахъ; и этотъ Неофитъ упоминается въ нѣсколькихъ документахъ отъ 1262 до 1270 г. [3]).

На сѣверѣ границы этой епархіи встрѣчались съ границами другой епархіи—будимльской, епископская резиденція которой находилась въ Георгіевыхъ-столпахъ въ Васоевичахъ; на сѣверозападѣ для Герцеговины была епископія въ Милешевѣ, въ монастырѣ, основанномъ королемъ Владиславомъ (1234 — 1240); а на востокѣ — епархія Печская.

ПОСТРОЙКА МОНАСТЫРЕЙ И ЦЕРКВЕЙ.

Вмѣстѣ съ этимъ неманичи не скупились на постройку церквей и монастырей и въ другихъ мѣстахъ, какъ въ Зетѣ, такъ и по сосѣдству съ нею. Такъ, Вуканъ, свергшій сначала съ престола своего старшаго брата Стефана, а потомъ добровольно уступившій ему, поселился въ Зетѣ и построилъ въ Морачѣ монастырь съ церковью во имя Успенія Богородицы (1252 г.); особенно щедра была къ церквамъ и монастырямъ жена Уроша I Елена, урожденная дочь послѣдняго латинскаго короля въ Константинополѣ Балдуина II. Между всѣми ея сооруженіями самое важное составляетъ, конечно, постройка монастыря Успенія Богородицы на Ротцѣ близъ Бара и возобновленіе монастыря святыхъ Сергія и Вакхана на Боянѣ. Имя ея, прославляемое въ сербскихъ лѣтописяхъ, особенно въ Цароставникѣ Даніила, пользуется не меньшею славою въ народѣ, и до сихъ поръ по всей Черногоріи она извѣстна подъ именемъ *святой кралицы* и съ ея именемъ связано множество преданій.

Кромѣ этихъ большихъ церквей съ монастырями по всей

Зетѣ находится множество церквей маленькихъ. Къ числу такихъ, древность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, относятся церковки: въ селѣ Вуковцахъ лѣшанской нахіи близъ нижняго теченія Морачи; въ Подгорицѣ, Никшичѣ и на верхнемъ полѣ Граховскомъ. Послѣднія три весьма похожи одна на другую не только по внѣшнему виду, но и по остаткамъ стѣнной живописи внутри ихъ, такъ что, судя по этому внѣшнему сходству, сказалъ бы, что всѣ онѣ строены въ одно время и какъ бы однимъ мастеромъ.

Нѣсколько церквей находится внутри Барскаго града, очевидно православныхъ и не позже времени неманичей, и иныя изъ нихъ застроены внутрь большихъ католическихъ церквей, а одна вошла внутрь самой стѣны, окружающей градъ, и служила чѣмъ-то въ родѣ инквизиціоннаго отдѣленія. То же самое и въ окрестностяхъ Бара, а также и въ Мрковичахъ, и по Цѣлой Краинѣ. Много церквей также и въ окрестностяхъ Скадра, гдѣ до недавняго времени было православное населеніе; а затѣмъ въ нижней Зетѣ и въ Кучахъ (на Медунѣ).

Въ особомъ отдѣлѣ мы представимъ описаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ церквей; а здѣсь считаемъ достаточнымъ указать, что̀ сдѣлано неманичами въ Зетѣ для удовлетворенія ея религіозной потребности.

Особенными милостями пользовался Вранинскій монастырь. Обращая вниманіе на бѣдность природы этого острова, монастырь надѣляли селами съ разными угодіями и кметами въ сосѣднихъ Зетѣ и Цермницѣ.

Прежде такимъ же вниманіемъ пользовался монастырь, такъ называемый, *Пречистой Краинской*, въ Краинѣ къ ю.-западу отъ Скадра, гдѣ когда-то̀ была и резиденція нижне-зетскихъ князей, о чемъ мы уже говорили.

Постройка монастыря Архангела Михаила на Превлакѣ въ Боккѣ приписывается по грамотѣ, правда нѣсколько сомнительной, Стефану Первовѣнчанному; а Георгіевы-столпы въ Васоевичахъ — старшему брату Немани Первославу.

Строя церкви и монастыри и надѣляя ихъ всѣмъ, чтобы они ни въ чемъ не терпѣли нужды, дѣлая все это для спасенія своихъ душъ, неманичи въ то же время и любили здѣшнія мѣста и жили здѣсь. Жили здѣсь Вуканъ, Стефанъ Дечанскій и Стефанъ Душанъ.

Стефанъ Душанъ, принявъ титулъ императора Сербіи, Греціи и Болгаріи, переименовалъ и архіепископа сербскаго въ патріархи и объявилъ сербскую церковь независимою отъ константинопольскаго патріархата. Въ это же время (1346 г.) многіе епископіи, въ томъ числѣ и зетская подняты на степень митрополій. О перенесеніи ея куда либо изъ Дрепы не упоминается нигдѣ; да не было въ то время никакой надобности въ томъ. А вслѣдъ за тѣмъ Стефанъ Душанъ строитъ церковь святыхъ архангеловъ Михаила и Гавріила въ Іерусалимѣ; отъ 1348 г. мы имѣемъ его грамоту, по которой этой церкви отдается въ полное пользованіе и распоряженіе Вранинскій монастырь со всѣмъ его имуществомъ и съ доходами, которые онъ имѣлъ отъ св. Сергія на Боянѣ, «и у томь мѣстѣ (Вранинѣ) да нѣсть властьнь никто поставляти старѣишину, тько кога буде хотѣние игумену иерусалимскому, тогази да благослови и постави у Вранинѣ» (Monsom Serb. C. XVI). [4]).

Этотъ фактъ имѣетъ глубокій смыслъ въ томъ отношеніи, что обнаруживаетъ намъ взглядъ сербскихъ кралей на Зету. На нее смотрѣли они, какъ на свою «дѣдину», т. е. наслѣдственное достояніе ихъ дома, дома неманичей, которымъ они могли располагать, какъ хотѣли; и въ то же время она служила имъ средствомъ для достиженія другихъ, болѣе широкихъ политическихъ цѣлей: ихъ идеалъ былъ, какъ мы уже замѣчали, сѣсть на византійскомъ престолѣ и съ него повелѣвать цѣлымъ Востокомъ. Поэтому все, что̀ они дѣлали для Зетской церкви, не имѣло никакой цѣли, заключающейся въ ней самой, а служило только для спасенія душъ жертвователей, о чемъ они такъ заботились: одни по природной религіозности, другіе изъ страха возмездія за многія темныя дѣла.

ОТНОШЕНІЯ НЕМАНИЧЕЙ КЪ РИМУ.

Если въ характерѣ и образѣ дѣйствій всѣхъ ихъ сказывается иногда ихъ сербская натура, то воспитаніе и развитіе ихъ въ извѣстномъ направленіи, не имѣющемъ никакого отношенія къ народности, дѣлало ихъ какими-то космополитами и индифферентами не только по отношенію къ народности, но и по отношенію къ православію.

Кромѣ великаго жупана зетскаго Михаила обращался въ католичество и Вуканъ, сынъ Немани, впослѣдствіи построившій Морачскій монастырь. Стефанъ Первовѣнчанный принялъ свою корону отъ папы. Владиславъ Храпавый (рябой, Неманичъ III) сначала принялъ вѣнецъ на царство въ Приштинѣ изъ рукъ архіепископа Саввы II, а потомъ его вѣнчалъ также и легатъ папы Гонорія. Такая уступчивость со стороны сербскихъ кралей порождала въ папахъ еще больше претензій. Ихъ планамъ относительно сербовъ особенно благопріятствовала женитьба Уроша на Еленѣ, ревностной католичкѣ. Ей папа черезъ своихъ легатовъ постоянно писалъ, чтобы она позаботилась обратить на путь истинный, т. е. въ лоно католической церкви, своихъ сыновей Милютина и Драгутина. Это, однако, ей не удалось. Но Милютину привелось выдержать большое искушеніе. Много разъ, стѣсненный обстоятельствами, онъ вынужденъ былъ обращаться къ папѣ за содѣйствіемъ, обѣщая присоединиться къ римской церкви; но только миновала опасность, онъ отказывался подъ разными предлогами, между прочимъ, говоря, будто онъ не имѣетъ матери и брата (у Голубинскаго стр. 621—22). Прибѣгали къ папамъ и Стефанъ Дечанскій, и Стефанъ Душанъ.

Это обстоятельство подало Голубинскому поводъ сдѣлать упрекъ неманичамъ въ томъ, что «они въ своихъ разныхъ политическихъ обстоятельствахъ и нуждахъ не находили предосудительнымъ обращаться, какъ къ одному изъ средствъ выручать себя, къ *притворной готовности* признать власть римской цер-

кви. «Впрочемъ — добавляетъ онъ — имѣя въ виду нисколько не болѣе похвальное въ этомъ отношеніи поведеніе многихъ изъ императоровъ византійскихъ, не должно быть чрезмѣрно строгимъ и къ королямъ сербскимъ» (стр. 516).

Это, впрочемъ, законъ общій и неизбѣжный вездѣ, гдѣ правители стремятся къ высшимъ политическимъ цѣлямъ и достигаютъ ихъ, въ то время какъ народъ стоитъ на такой низкой степени, какъ въ смыслѣ политическомъ и гражданскомъ, такъ и въ культурномъ, что не внушаетъ имъ никакого уваженія къ себѣ, ни даже участія.

Если сами короли сербскіе прибѣгали иногда къ папамъ и преклонялись передъ ними по неволѣ, то при дворѣ ихъ не было недостатка въ добровольномъ служеніи католической пропагандѣ. Больше всего дѣйствовала въ этомъ направленіи упомянутая выше королева Елена, которая одно время была правительницею Сербскаго царства отъ имени своихъ сыновей Драгутина и Милютина, надъ которыми сохранила свое вліяніе до своей смерти.

Это была, безъ сомнѣнія, женщина высокаго ума и образованія и вообще прекрасной души, за которую и вспоминаетъ ее народъ, не входя въ разборъ того, была она католичка или православная. При ней при дворѣ находилась католическая капелла и постоянно были представители римской куріи, которые черезъ нее ходатайствовали о разныхъ льготахъ для своихъ людей; и она это, конечно, исполняла. Но въ то же время она благодѣтельствовала и православнымъ церквамъ и монастырямъ и ихъ служителямъ, за что и заслужила похвалы со стороны этихъ послѣднихъ, которые совершенно забываютъ даже, что она была католичка. Это мнѣніе до того вошло въ общее убѣжденіе, что его повторяютъ, значительно усиливши, иностранные писатели, какъ Du Cange, который характеризуетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Elena vero Orosii mater, quae hosce omnes in Servia motus ac civilia bella excitaret et foverat, femina ferocі et arroganti animo et *catholici ac romani ritus hostis*

infestissima» *) (стр. 229). Тѣмъ не менѣе она была католичка и служила, на сколько то было возможно, католическому дѣлу, и потому Голубинскій совершенно справедливо говоритъ о ней: «во-первыхъ, она усердно заботилась о находившихся въ Сербіи католикахъ; она выпросила у папы дозволеніе открыть, въ прибавку къ существовавшимъ прежде, новую католическую епархію; во-вторыхъ, не довольствуясь дѣятельностью въ самой Сербіи, она было мечтала своими трудами привести къ подножію папы сосѣднюю Болгарію» (стр. 520 въ сноскѣ).

Церковь Сергія на Боянѣ католическая, а не православная, потому въ ней и надписи латинскія; то же самое можно сказать о монастырѣ на Ротцѣ; при чемъ можно допустить только то, что на этихъ мѣстахъ еще прежде существовали уже православные монастыри, которые однако были разрушены, а она ихъ возобновляла и при этомъ на мѣстѣ ихъ строила церкви уже не православныя, а католическія. Милютинъ также былъ женатъ на католичкѣ Елизаветѣ, дочери венгерскаго короля Андрея III, которая также покровительствовала католикамъ, потому по смерти ея—по словамъ Экара—тотчасъ начались преслѣдованія католиковъ **). Брачныя узы съ католичками, притомъ изъ венгерскаго королевскаго дома, облегчали вмѣшательство въ сербскія дѣла венгерскихъ королей, какъ то было при Урошѣ, который былъ лишенъ престола собственнымъ сыномъ Драгутиномъ, вообще человѣкомъ слабымъ, но получившимъ помощь отъ венгерскаго короля, на дочери котораго былъ женатъ.

ЦЕРКОВЬ, ЗЕМЛЯ И НАРОДЪ.

У неманичей въ началѣ замѣтно стремленіе замѣщать и высшія духовныя должности членами своей фамиліи, и потому двое

*) Елена была жена Уроша, а мать Драгутина и Милютина, которые однако и въ надписи церкви Сергія на Боянѣ также называются иначе: regibus Urosio et Stephano; эти два имени у всѣхъ сербскихъ кралей были, такъ сказать, титулярными, и сынъ Милютина Стефанъ, какъ король, называется Урошъ III.

**) H. Hecquard.—Histoire et description de la Haute Albanie—ou Guégarie. стр. 411—412.

изъ нихъ являются архіепископами; они всецѣло отдавались дѣлу народной церкви и оказывали вліяніе вообще на дѣла церкви и государства; но потомъ этого не замѣчаемъ, и архіепископы не играютъ никакой роли въ государствѣ. Понятно послѣ этого, что зетскіе епископы играли роль еще менѣе значительную.

Такъ въ грамотѣ архіепископа Саввы II Вранинскому монастырю, основанному епископомъ зетскимъ Иларіономъ, говорится слѣдующее: «Си же святи и божественни храмь совршивь (Иларіонъ) предасть его мне. *А да не имать шниме какое области епископъ зетски....* и да пребиваеть у васакои божственои свободи оть коегоде ине обиде и да му есть отговоритель и осветитель архіепископъ; и у семь божественемь храме *да поменуетсе архіепископъ вместо епископа зетскаго.* — да изберуть братіа живуіціа ва мѣсте семь святемь единого брата боещасе бога и умеюща пасти стадо божіе и *да пошлютъ его ко архіепископу да га благословитъ архіепископъ и постави да будетъ старешишна сему святому мѣсту*».

Если изъ вѣдѣнія епископа изымался монастырь, имъ же основанный, и даже имя его запрещено было поминать, то до какого minimum'а вообще доведенъ былъ кругъ его дѣятельности! Поэтому неудивительно, что до послѣднихъ дней зетскаго государства въ періодъ почти 200 лѣтъ намъ случайно только попадаются имена зетскихъ епископовъ: перваго Иларіона, посвященнаго Саввою I; Неофита, упоминаемаго подъ 1262 г., Евстафія около 1264 г., впослѣдствіи всесербскаго архіепископа, и Іоанна.

Что касается отношеній краля или царя къ землѣ и народу, отношеній правовыхъ и имущественныхъ, судовъ и управленія страною, то Зета, находясь подъ властію сербскихъ царей, не могла составлять исключенія и жила, конечно, тѣми же самыми порядками, какіе были во всѣхъ сербскихъ земляхъ. Одна только могла быть особенность: въ силу того, что Зета считалась «дѣдиной» неманичей, множество земель составляли собственность краля, что̀ можно видѣть изъ дарственныхъ записей на земли, особенно Вранинскому монастырю. Такъ, Владиславъ даритъ ему

1'одине, Елена — Криницы, Милютинъ — Лимляны, Стефанъ Урошъ III—Брчели и Орахово, Стефанъ Душанъ—село Трново. Все это въ Цермницѣ, которая такимъ образомъ вся была королевскою, а послѣ подарена монастырю. Архіепископъ Савва даруетъ ему Плавницу, конечно, изъ земель, принадлежавшихъ ему, какъ архіепископу. Въ законникѣ Душана упоминается земля царева и церковная; а была еще и властельская. Священники тоже имѣли *баштину*; это видно изъ статьи 26, въ которой говорится, что если городъ, не смотря на настояніе архіерея, не хочетъ давать содержаніе священникамъ, то священникъ имѣетъ право идти куда хочетъ, а если онъ *баштинникъ*, то его не могутъ прогнать. Всѣ земли, не исключая и властельскихъ, но кромѣ монастырскихъ, обложены были извѣстною данью житомъ въ пользу царской казны; а всѣ люди, сидящіе на землѣ, т. е. работающіе на ней, кромѣ монастырскихъ, сверхъ того обязаны были отбывать извѣстное число дней на царскихъ покосахъ, виноградникахъ и другихъ работахъ; и въ то же время были экстренныя работы при государственныхъ постройкахъ крѣпостей, устройствѣ дорогъ и т. п. Кромѣ того народъ долженъ былъ отбывать натурой или деньгами постой царскихъ людей съ охотой или лошадьми, и давать имъ при томъ кормъ.

Мы не намѣрены излагать здѣсь весь государственный строй Зеты, потому что это относится къ исторіи цѣлаго Сербскаго царства; намъ нужно только въ главныхъ чертахъ прикинуть, такъ сказать, его къ Зетѣ, чтобы можно было представить себѣ общее состояніе зетскаго народа въ то время и составить нѣкоторое понятіе о его матеріальномъ благосостояніи и культурномъ развитіи.

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что главная основа народнаго благосостоянія—земля, не принадлежала народу, а также не принадлежалъ ему вполнѣ его трудъ и произведенія его. Былъ особенный разрядъ людей, *власи* или *арбанаси*, которые, кажется, занимались исключительно скотоводствомъ и жили притомъ въ мѣстностяхъ теперешней катунской нахіи.

Есть одна статья въ законникѣ Душана *), (13), въ которой говорится, что бѣдные люди должны кормиться при церквахъ; если же церкви не будутъ этого исполнять, то, кто окажется въ томъ виноватъ — митрополитъ, или епископъ, или игуменъ — лишается сана. Это не могли быть нищіе, въ ряды которыхъ во всѣхъ странахъ въ старинное время становились калѣки, люди увѣчные, сироты и безродные, или люди, обнищавшіе вслѣдствіе какихъ нибудь особенныхъ, случайныхъ обстоятельствъ и несчастій; такихъ людей не бывало нигдѣ особенно много; то не были и нищенствовавшіе бога-дѣля, а цѣлый разрядъ людей неимущихъ въ родѣ греческихъ и римскихъ пролетаріевъ. Поэтому государство такъ и было озабочено ихъ состояніемъ и возложило обязанность прокормленія ихъ на монастыри, которые шедро надѣлялись землями и другими дарами и освобождались отъ всѣхъ другихъ государственныхъ повинностей. Пустыми землями были только горы, брда и планины, служившія для пастьбы скота, но и тѣ принадлежали извѣстнымъ жупанамъ и селамъ, и кочевавшіе по нимъ влахи и арбанасы были пастухами чужого скота.

Право судиться было въ одинаковой степени доступно всякому, и *меропхъ* могъ судиться со своимъ господаремъ, съ царемъ, съ царицей, съ церковью, съ царевымъ властелемъ «да га никто неудержи отъ суда царева». Но громадная разница въ наказаніяхъ: если властель убьетъ себра, то платитъ 1000 перперъ; а если себръ убьетъ властеля, то отсѣчь ему обѣ руки и взять 300 перперъ; за святителя, священника или монаха «да се убіе и обѣ си». Не совсѣмъ ясная, но тѣмъ не менѣе ограничивающая права себровъ, слѣдующая за тѣмъ статья: «Себрова сбора да нѣсть; кто ли се обрѣте зборникь, да му се уши урѣжу и да му се осмуде поводчіе».

Сословное различіе принято въ соображеніе и въ *поротъ* (судъ присяжныхъ); властелей судятъ великіе же; «сроднимъ лю-

*) Статьи этого законника мы цитируемъ по списку іеромон. Пахомія въ монаст. Раковцѣ въ Сралѣ, 1701 г. (Srbski Лѣтопис, 1828 г., кн. III и IV).

демь противу ихъ дружина; а себрамь дружина ихь да су судіе». Также «иновѣрцамь и торговцамь да су поротци половина сробли, а друга половина на нихь дружина». Число присяжныхъ сообразовалось съ важностію дѣла: за важное дѣло 24, за меньшій долгъ 12, за малое дѣло 6. Если окажется, что они судили несправедливо, тогда «да узме царь на тѣхь судіе вражду по ти суща перперь, а потомь да нису техь судіе вѣрованіе, ни да се кто оть нихь ни мужи, ни жени». Строгою казнью ограждаетъ законъ государства отъ еретичества, отъ разнаго рода чародѣйства и волхвованій, отъ татей и гусаровъ.

Относительно послѣднихъ законъ гласитъ: «У коему се надье селу тать или гусарь, то село да се распе; а гусарь да се обѣси стрьмоглавь, а тать да се ослѣпи.—И ако кто поище судомь гусара и тата, а не буде правда обличеніа, да чемь есть оправданіе желѣзо, что е повелѣніе царско, да га узимаю у вратахь црквьныхь оть огня, и да га постави на светои трапезѣ».

Кто продастъ христіанина «у ину невѣрную вѣру, да му се отсѣче и езикь да се урѣже».

Оберегаетъ законъ святость брака, мораль и всякую благопристойность; дѣйствія противу родственныхъ отношеній судятся строже, чѣмъ противъ духовнаго чина: кто убьетъ отца, мать, брата или «чедо свое, да се сьжеже на огню». Умалчивается, однако, о женѣ и сестрѣ, да и «чедо» стоитъ, кажется, въ смыслѣ «мушко чедо». Есть еще одна статья (93-я), ограничивающая женщину: «Жене да облежу у цркви, развѣ господьи царица и кралица». На судъ жена не можетъ быть позвана безъ мужа. И еще есть одна статья (26), относящаяся къ женщинѣ: «а коли (себрь) свою жену узме посилѣ, да му се обѣ руцѣ отсѣку и нось уреже». То же самое наказаніе опредѣляется властелину: «ако ли узме владыку посилѣ»; себрь же за подобное преступленіе относительно владыки «да се обесп».

Рядомъ со статьями, относящимися слишкомъ сурово къ людямъ низшихъ сословій, подвергая ихъ мучительнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, напоминающимъ греческій помоканонъ и частію духъ

Феодальныхъ временъ, въ нѣкоторыхъ статьяхъ видно стремленіе смягчить этотъ суровый характеръ особою, высшею милостію. Такъ, если человѣкъ побѣжитъ изъ темницы, будетъ то царскій человѣкъ или властельскій, и прибѣжитъ въ царскій дворъ,—то онъ освобождается. «Кои се туцакь (?) дрожи у двору црковномь паки утече у цареву полату, да свободань; такожде и кои туцакь утече на дворь патріарховь, свободань». Наконецъ, надо всѣмъ законникомъ поставлено общимъ девизомъ такое гуманное начало: «Луче сьгрешеніа оставляти не отмщенна, неже нѣкіе неповинне мучити».

Законникъ этотъ не знаетъ никакого различія между подданными сербскаго царя ни по народности, ни по вѣрѣ; но все-таки есть отдѣльная 60-я статья о грьцехь. А также въ сословной лѣствицѣ упоминается греческое имя особо въ статьѣ 17: «властели и властелничници—србли и грци».

Врядъ-ли греки остались жить по селамъ, чтобы тамъ мѣшаться съ себрами, меропхами и другими низшими сословіями; но они остались какъ властели, и среди этого сословія обособлялись отъ сербовъ. Этому еще должно было благопріятствовать заведеніе Стефаномъ Душаномъ придворнаго этикета съ цѣлымъ придворнымъ штатомъ по образцу византійскому. Придворныя степени были слѣдующія: деспотъ, севастократоръ, кесарь, пангиперсевастосъ, протовестіарій и др. Конечно, не были эти мѣста заняты греками исключительно; они были только необходимы, какъ при нашихъ дворахъ нѣмцы; хотя въ то же время на высшихъ должностяхъ встрѣчаемъ часто сербскихъ властелей: такъ деспотомъ былъ Вукашинъ Мрнявчевичъ, севастократоромъ—Жарко Деяновичъ, кесаремъ—Воихна, протовестіаріемъ—Николай Буча (фамилія знаменитая въ Боккѣ, а потомъ въ Венеціи). Между властелями были князья; упоминается, какъ особенное званіе, *казнацъ* (cubicularius). Укрѣпленными градами завѣдывали — *кефаліи*.

РАЗДѢЛЕНІЕ СЕРБСКАГО ЦАРСТВА НА ПРОВИНЦІИ И НЕДОСТАТОКЪ МЕЖДУ НИМИ ВНУТРЕННЕЙ СВЯЗИ.

Все же царство подѣлено было на 8 провинцій или намѣстничествъ, правители которыхъ облечены были полною властію. Называясь самъ императоромъ Сербіи, Греціи и Болгаріи, Стефанъ Душанъ сына своего, престолонаслѣдника Уроша назвалъ королемъ Сербіи.

Такое раздѣленіе было въ то время неизбѣжно. Того требовалъ просторъ созданной Душаномъ имперіи, державшейся на военной силѣ, и самая мѣстность, чрезвычайно расчлененная горами. Составныя части, изъ которыхъ она образовалась, слишкомъ долго жили каждая своею особою политическою жизнью, признавая только личное сюзеренство византійскихъ императоровъ, авторитетъ которыхъ, однако, сильно парализовало вліяніе Рима и возраставшее могущество западныхъ государствъ, въ особенности венгерскихъ королей, принимавшихъ непосредственное и горячее участіе въ дѣлахъ Балканскаго полуострова. Каждая изъ этихъ составныхъ единицъ имѣла свою династію и не только жила своею отдѣльною политическою жизнью, но еще претендовала на присвоеніе себѣ гегемоніи надъ другими. Части эти, воспитанныя подъ различными вліяніями, смотря по тому, стояли ближе къ Востоку или къ Западу, различались между собою характеромъ, и это различіе доходило между нѣкоторыми до антагонизма. Народные элементы, хотя и неполучившіе индивидуальнаго развитія и самосознанія, были въ нихъ весьма различны. Прибрежныя страны стремились совершенно отдѣлиться отъ материковыхъ и даже хотѣли бы держать эти послѣднія въ зависимости отъ себя. Во внутренней жизни каждой провинціи играли роль элементы династическій и племенно-родовой, тогда какъ община была задавлена.

Высокій умъ и сильный характеръ Стефана Душана импонировалъ всему и заставлялъ преклоняться предъ собою, но и онъ чувствовалъ необходимость сдѣлать уступку провинціальнымъ инстинктамъ и создать себѣ опору въ нихъ же самихъ.

Кромѣ того Сербское царство, покуда ему не принадлежалъ Константинополь, не имѣло одного опредѣленнаго политическаго центра: то онъ въ Рашкѣ, то въ Скоплѣ, въ Приштинѣ, въ Призренѣ, въ Будимлѣ, гдѣ нибудь въ Зетѣ. Такое непостоянное положеніе столицы царства показываетъ, что еще не успѣло вполнѣ сложиться и принять опредѣленную форму и самое царство.

Все это прекрасно понималъ одаренный свѣтлымъ и прозорливымъ умомъ Душанъ, и, не нарушая провинціальной автономіи, старался приготовить и воспитать провинціи къ единству, давши имъ однообразную форму общаго управленія и общій законникъ и единеніе культурное въ лицѣ патріарха, своего собственнаго, сербскаго, независимаго отъ Византіи. Имѣя большое уваженіе на Святой Горѣ, которая пользовалась большимъ вліяніемъ на умы православныхъ христіанъ, Душанъ стремился вознести свое имя и вообще передъ цѣлымъ христіанствомъ, для чего и построилъ храмъ въ Іерусалимѣ, пожертвовавъ ему самый богатый угодьями монастырь въ Зетѣ, Вранинскій.

Онъ записывается въ граждане Венеціи, чтобы расположить къ себѣ эту богатую и вліятельную своимъ богатствомъ республику, предвидя, что потребуется помощь ея флота, а можетъ быть, разсчитывая, въ случаѣ какихъ-нибудь неудачъ, найти въ ней поддержку или послѣднее прибѣжище. Съ Дубровникомъ хорошо жили еще его предки, въ особенности отецъ его Стефанъ Деганскій, который за ничтожную сумму, 500 перперъ на годъ, уступилъ ему Стокъ и полуостровъ Ратъ (penisola di Punta), выговоривши, однако, чтобы сербскому клиру тамъ предоставлена была полная свобода въ отправленіи ихъ церковныхъ обязанностей.

Все было Душаномъ предусмотрѣно и подготовлено; оставалось только овладѣть Константинополемъ, въ чемъ тоже можно было не сомнѣваться, но смерть положила всему конецъ.

Говорятъ, что его отравили греки, въ чемъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ они прибѣгали ко всѣмъ, самымъ крайнимъ средствамъ, чтобы остановить успѣхъ Душанова похода на Константинополь: они съ этою цѣлью призвали на помощь турокъ

и тѣмъ дѣйствительно подготовили паденіе Сербскаго царства, а менѣе чѣмъ черезъ 100 лѣтъ и своего собственнаго.

IV.

Зета подъ управленіемъ Бальшичей.

(Съ 1356—1427).

ОБЩЕЕ СОСТОЯНІЕ СЕРБСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ ПО СМЕРТИ ЦАРЯ ДУШАНА.

Степанъ Душанъ былъ единственный носитель идеи объединенія всего юго-славянства подъ щитомъ могущественнаго Сербскаго царства; онъ одинъ только былъ въ состояніи и осуществить эту идею, для чего нужно было имѣть его умъ и несокрушимую волю. Преемника его идеѣ не нашлось, и смерть его была сигналомъ, по которому поднимаютъ головы династы съ ихъ провинціальными, сепаратистическими стремленіями. Смерть Душана была началомъ распаденія Сербскаго царства; а на Косовомъ-полѣ пораженіе сербской военной силы было прямымъ слѣдствіемъ начавшагося уже прежде внутренняго разложенія государства.

Намѣстники тотчасъ же сбросили съ себя всякія обязательства передъ царствомъ и обратили намѣстничества въ собственныя владѣнія, стараясь, сколько возможно, захватить и изъ чужого. Самыми сильными оказались: Вукашинъ Мрнявчевичъ, резиденція котораго была въ Приштинѣ; Лазаръ Гребляновичъ, правитель Мачвы и Срема и Бославъ Воиновичъ — въ Герцеговинѣ. Въ Босніи былъ независимый банъ Твртко. Греки также воспользовались этимъ, чтобы возвратить отнятое у нихъ, и тотчасъ же заняли Ѳессалію.

Осьмнадцатилѣтній царь Урошъ оказался лишеннымъ всѣхъ владѣній и власти и долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что давали изъ милости намѣстники. Болѣе милостивымъ оказался по отношенію къ нему Вукашинъ, который, однако, преслѣдовалъ тутъ свои личныя цѣли и намѣренно держалъ его ближе къ себѣ;

а когда узналъ, что Урошъ хочетъ удалиться въ Дубровникъ, убилъ его, зазвавши на охоту. Это было въ 1367 г., на Косовомъ-полѣ, гдѣ послѣ рѣшилась и судьба Сербскаго царства.

Между всѣми этими личностями, очевидно, не нашлось ни одного на столько широкаго ума, чтобы стать выше своихъ узкопровинціальныхъ интересовъ. Никому и въ голову не приходило обсудить общее положеніе дѣлъ и договориться относительно того, что̀ было возможно и должно предпринять противъ угрожавшей имъ всѣмъ опасности; да врядъ-ли кому и предвидѣлась эта опасность. Освободившись изъ-подъ сильной руки Душана, они ликовали, отбросивши все: и присягу на вѣрность его сыну, и идею единства, которая имъ, какъ близкимъ къ нему людямъ, должна была быть извѣстна и сочувственна. Урошъ зналъ, конечно, Вукашина, какъ человѣка лукаваго и невѣрнаго, и потому обращался къ Лазарю Гребляновичу, но не встрѣтивъ добраго пріема и у него, поневолѣ опять обратился къ Вукашину, приготовляясь въ то же время бѣжать въ Дубровникъ, которому передъ тѣмъ уступилъ часть территоріи отъ вершины берегового хребта къ морю между Лютой и Куриномъ, и островъ Млетъ [1]). Смертью Уроша Вукашинъ надѣялся проложить себѣ путь къ сербскому трону; но онъ для этого не имѣлъ ни личныхъ достоинствъ, ни необходимой популярности.

Народная память сохранила о немъ самыя невыгодныя для него преданія.

Такъ, при постройкѣ Скадарскаго града, онъ и второй братъ его, Углѣша, преступили тайну, выдавши ее своимъ женамъ, вслѣдствіе чего совершенно несправедливо палъ жребій быть замурованной на жену младшаго ихъ брата Гойка, который одинъ остался вѣренъ данному слову. Онъ же сманиваетъ жену воеводы Момчина подъ Дурмиторомъ и съ помощью ея убиваетъ

[1]) Островъ этотъ былъ уже однажды еще отцомъ Немани (1151 г.) уступленъ тамошнему монастырю и находился подъ протекціей Дубровника; но Стефанъ Душанъ возсоединилъ его къ сербскимъ провинціямъ.

его; но потомъ женится не на ней, а на Момчиновой сестрѣ; ее же велѣлъ привязать къ хвостамъ двухъ лошадей, которыя помчались и разорвали на части привязанную женщину. Народная пѣсня отмѣтила и то, что Вукашинъ отнялъ царство у юнаго Уроша, вопреки протесту противъ того его родного сына Марка Кралевича, котораго хотѣлъ за это въ ярости убить, и только Богъ спасъ его чудомъ.

Тѣмъ не менѣе Вукашинъ объявляетъ себя царемъ, на котораго, однако, никто не обращаетъ вниманія. Между тѣмъ дѣлаютъ нападеніе турки. Онъ отбиваетъ это нападеніе и гонитъ непріятеля за р. Марицу; но тамъ встрѣчаетъ турецкое войско болѣе сильное, и послѣ первой же схватки предается бѣгству. Множество сербовъ на мѣстѣ же было убито и изрублено въ куски; много также потонуло въ рѣкѣ, и между ними братья Вукашина, Углѣша и Гойка; самъ же Вукашинъ спасся вплавь черезъ рѣку; но тутъ былъ убитъ собственнымъ своимъ слугою, Николою Арсоевичемъ (26 сент. 1371 г.).

Тогда, съ согласія всѣхъ другихъ намѣстниковъ, выступаетъ Лазаръ Гребляновичъ, какъ преемникъ царскаго достоинства. Онъ устраиваетъ себѣ столицу въ г. Крушевцѣ, въ южной Сербіи; подражая Неманичамъ, строитъ задушбину церковь Раваницу «подъ Кучайот високом планином, у Ресави свойой државини» (въ Пожаревацкомъ округѣ нынѣшней Сербіи); роднится съ людьми, имѣющими имя и значеніе, и окружаетъ себя славными въ то время воеводами-юнаками. Обладая плодороднѣйшими изъ сербскихъ земель Сремомъ и Мачвой и рудниками въ Майданпекѣ и Копаоникѣ, онъ считался очень богатымъ, что̀ также было весьма важно для достиженія какихъ бы то ни было цѣлей. Но и на него не могли смотрѣть иначе, какъ на узурпатора; къ тому же онъ съ перваго шага попадаетъ на путь внутреннихъ междоусобій. Именно, по смерти Вукашина, провозглашенъ былъ за краля сынъ его Марко, но потомъ, какъ мы видѣли, большинство великашей признало кралемъ Лазаря. Въ это же время, пользуясь смутой, турки занимаютъ часть земель Вукашина и

Углѣши; а Лазарь, какъ бы въ согласіе съ турками, отнимаетъ у Марка послѣднее. Тогда Марку ничего не осталось, какъ обратиться за помощью къ туркамъ, что̀ онъ и сдѣлалъ, и потурчился, какъ говоритъ народное преданіе, *за инот* своей же братіи сербамъ, т. е. на зло имъ и на досаду.

Дѣйствуя насиліемъ, Лазарь долженъ былъ заискивать въ другихъ, и потому часть земли, отнятой у наслѣдниковъ Вукашина, долженъ былъ уступить двоимъ сильнымъ воеводамъ: Николаю Алтомановичу и Бальшѣ. Послѣдній находился въ родствѣ съ Вукашинымъ, такъ какъ сынъ его Георгій былъ женатъ на дочери Вукашина Милицѣ; по смерти же Вукашина, бракъ этотъ расторгнутъ, и Георгій женился на другой, на дочери Жарка Деановича, бывшаго при Душанѣ севастократоромъ и потомъ намѣстникомъ въ части Македоніи. Дочь его Ѳеодора, сдѣлавшаяся второю женою Бальши, по словамъ Мавра Орбини, была одарена прекраснѣйшими качествами, физическими и душевными.

БАЛЬША I И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Здѣсь мы должны сказать, кто были Бальшичи. Бальша во время Душана былъ племичемъ и владѣтелемъ одного села, но происходилъ отъ провансальской фамиліи de Baux, одинъ изъ членовъ которой прибылъ сюда въ то время, когда частью албанскаго прибрежья завладѣлъ принцъ Анжуйскій. Въ народномъ же преданіи онъ извѣстенъ подъ именемъ *зетянина*, такъ какъ въ Зетѣ былъ рожденъ, тамъ же выросъ и воспитался и тамъ же имѣлъ свое владѣніе. Еще при жизни Уроша, когда всѣ намѣстники начали захватывать себѣ земли, онъ также, слѣдуя ихъ примѣру, съ помощью своихъ троихъ сыновей завладѣлъ Скадромъ и приморьемъ до Котора. По смерти его (1360 г.) сыновья его, Страцимиръ (или Страшимиръ), Георгій и Бальша распространили свою власть и на всю Верхнюю Зету. Они имѣли виды на Которъ; но которяне рѣшительно отказались признать надъ собою патронатство Бальши, хотя бы привелось всѣмъ погибнуть. Которъ никогда не былъ тѣсно связанъ съ территоріей ни

Зеты, ни Сербскаго царства, и, будучи королевскимъ городомъ, считалъ себя всегда автономнымъ и состоящимъ только подъ личною протекціей Неманичей, находясь какъ бы только въ личной уніи съ остальными частями ихъ обширной державы. Такія отношенія между Которомъ и Зетой остались навсегда. За то зетскіе государи самою тѣсною дружбой связываются съ Дубровникомъ, который въ свою очередь находился въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ владѣтелями Герцеговины, соприкасавшимися территоріально съ нимъ въ Требиньѣ, Конавляхъ и Драчевицѣ, такъ что въ 1361 г. дѣло дошло даже до войны между Дубровникомъ и владѣтелемъ Герцеговины, княземъ Воиславомъ. Дубровчане обратились за содѣйствіемъ къ своимъ сосѣдямъ которянамъ и просили ихъ, чтобы они остановили вывозъ соли изъ ихъ земли во владѣнія Воислава; а когда которяне безъ особенныхъ для себя выгодъ на то не согласились, рагузинцы послали свои суда и разрушили ихъ заведенія для добычи соли. Оскорбленные такими дѣйствіями дубровчанъ, которяне соединились съ Воиславомъ и поставили такимъ образомъ своихъ обидчиковъ въ крайне тяжелое положеніе. На выручку Дубровнику явился Бальша, который тотчасъ двинулъ свое войско въ Бокку, и тѣмъ парализовалъ силу которянъ; вслѣдствіе чего обѣ воюющія стороны оказались болѣе склонными къ миру, который, при посредничествѣ краля Уроша, и былъ заключенъ въ Оногоштѣ (1362 г.).

Съ этого времени у Зеты, съ одной стороны, открываются рѣшительно враждебныя отношенія къ которянамъ, съ другой— болѣе тѣсная связь съ Дубровникомъ.

Въ 1368 г. дубровчане получаютъ право безпошлиннаго провоза своихъ товаровъ черезъ Дань въ Нижней Зетѣ. Грамота на это дана сыновьями Бальши и начинается такъ: «Мы Срацимиры, Гюргь и Балша», а оканчивается словами: «сие записаемо ниже Широкаго Брода у Лѣшу, коди се диже Срацимирь и Гюргь и паде на Мати, кьди одѣху на Карла» (Monum-Serb. CLXI).

Здѣсь обращаемъ вниманіе на то, что старшій Страцимиръ не отдѣляетъ братьевъ отъ участія въ правленіи и подписывается

вмѣстѣ съ ними; и узнаемъ, что они предприняли походъ противъ албанскаго владѣтеля Карла Топіи, съ которымъ пришли въ столкновеніе, присвоивая себѣ Драчъ. Впослѣдствіи, однако, они съ Карломъ вошли въ самыя дружественныя отношенія и выдали за него свою сестру.

Занимая значительную часть Албаніи, именно берегъ до Авлоны, а внутри захвативши Канину и Бѣлградъ (Бератъ), братья отняли у наслѣдниковъ Вукашина и Костуръ; но потомъ младшему изъ нихъ, Иванишѣ, возвратили часть ихъ владѣній, когда онъ рѣшился сбросить съ себя господство турокъ.

Въ этомъ послѣднемъ фактѣ видно, что владѣтели Зеты поняли, откуда угрожала опасность всѣмъ, и, устраивая свои собственныя дѣла, предпринимаютъ, по крайней мѣрѣ, кое-что, направленное противъ распространяющагося господства турокъ, чего нисколько не видимъ со стороны стоявшаго во главѣ всѣхъ сербскихъ земель Лазаря Гребляновича, который запутывается въ междоусобіяхъ, возникшихъ въ западной половинѣ сербскихъ земель.

Поводъ междоусобію далъ Никола Алтомановичъ своими нападеніями на земли бана Босніи Твртка. Лазарь, какъ верховный глава всѣхъ сербскихъ земель, считалъ своимъ долгомъ прекратить это своею властію, а когда Алтомановичъ не послушался, тогда онъ выступилъ для усмиренія его съ войскомъ вмѣстѣ съ баномъ Твртдкомъ, и началась война (1374 г.), окончившаяся полнымъ пораженіемъ непослушнаго, при чемъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ и по приказанію Лазаря ослѣпленъ, но жизнь свою ему удалось спасти бѣгствомъ.

Бальшичи, т. е. братья Георгій и Бальша, и племянникъ ихъ второй Георгій, сынъ Страцимира, умершаго въ 1373 г., дали ему убѣжище и держали его у себя до самой его смерти, въ 1376 г. Это и дало имъ поводъ, когда Лазарь и банъ начали дѣлить между собою его земли, занять принадлежавшія ему Требинье, Конавле и Драчевицу.

Дубровчане между тѣмъ употребляли всѣ средства, чтобы

примирить ихъ, и они съѣхались въ Дуоровникѣ, но не прійдя ни къ какому соглашенію, разошлись, готовые снова къ войнѣ.

Тврдко въ томъ же году (1376) объявляетъ себя королемъ Босніи; три спорныя мѣстности въ 1378 г. возстаютъ противъ Бальшичей и соединяются съ Тврдкомъ. Тогда Георгій Бальшичъ, соединившись съ Карломъ Топіей, нападаетъ на владѣнія Тврдка со стороны Оногошто, предавая все огню и мечу, проникаетъ въ Невесинье и, забравши большую добычу, возвращается домой.

Въ это время которяне, заручившись покровительствомъ венгерскаго короля Людовика I, снова подняли войну противъ Дубровника (въ 1371 г.). Война эта продолжалась нѣсколько лѣтъ съ большими потерями съ той и другой стороны, но въ концѣ концовъ которяне обратились за помощью къ Тврдку, который, не смотря на всѣ оказанныя ему услуги Дубровникомъ, принялъ сторону Котора и подъ смертною казнью запретилъ своимъ подданнымъ продавать что бы то ни было дубровчанамъ. Бальшичи опять являются имъ на помощь: нападаютъ на владѣнія которянъ, производятъ опустошенія и тѣмъ принуждаютъ Которъ заключить миръ съ Дубровникомъ.

Въ томъ же году (1379) умираетъ Георгій Бальшичъ, и правителемъ Зеты дѣлается третій, самый младшій братъ Бальша II.

Смуты, происшедшія въ Неаполѣ по прибытіи туда принца Анжуйскаго (въ 1383 г.), дали Бальшѣ возможность совершенно завладѣть Драчемъ, который все еще находился въ италіанскихъ рукахъ. Въ томъ же году онъ имѣлъ возможность еще разъ оказать помощь Дубровнику противъ Котора и былъ записанъ патриціемъ Дубровника и нобилемъ въ сенатѣ республики въ благодарность за оказанныя имъ и его братьями заслуги.

ГЕОРГІЙ II БАЛЬШИЧЪ

А въ концѣ 1385 г. турки напали на владѣнія Бальшичей, близъ албанскаго Бѣлграда (Берата) и зажгли часть ихъ. Бальша не дожидаясь, пока соберется большое войско, съ 1000 всадни

ковъ отправляется противъ турокъ и, вопреки увѣщаніямъ всѣхъ своихъ воеводъ, вступаетъ съ ними въ бой близъ Бояны, въ которомъ и погибаетъ, и съ нимъ воевода Георгій Хрвавчичъ и Иванишъ, сынъ Вукашина. Владѣтелемъ Зеты провозглашенъ былъ Георгій, сынъ Страцимира, содержавшійся до того времени въ крѣпости въ Драчѣ за то, что, будучи весьма живыхъ способностей, въ то же время былъ безпокойнаго характера, и оказывалъ неповиновеніе своему дядѣ. Нѣкоторые изъ великашей Верхней Зеты, и въ томъ числѣ Черноевичи, вначалѣ отказывались признать его подъ тѣмъ предлогомъ, что они признаютъ своимъ сувереномъ Тврдка, короля Босніи; но Георгій скоро справился съ ними: заставилъ ихъ покориться, а главныхъ виновниковъ предалъ наказанію. Чтобы успокоить, однако, своихъ личныхъ непріятелей, онъ женился на дочери князя Лазаря Деспѣ, вдовѣ болгарскаго царя Шишмана.

Турки въ это время продолжали свои опустошенія въ Зетѣ вокругъ Скадра, Бара, Будвы и вверхъ по зетской долинѣ до Острога и границы Оногошта, и прекратили войну только за уступку имъ Бѣлграда и Костура.

Такъ легко полученный миръ показываетъ, что сами турки въ то время не чувствовали себя довольно сильными, и потому не рѣшились остаться въ Зетѣ, довольствуясь однимъ набѣгомъ и легкою добычей, чему благопріятствовало и нѣкоторое замѣшательство, бывшее тамъ по поводу перемѣны владѣтеля; иначе они не могли бы проникнуть такъ далеко, а еслибъ Зетѣ сколько нибудь оказана была помощь со стороны кого нибудь изъ ея сосѣдей, то это турецкое войско могло совершенно погибнуть. Но недостатокъ единства между сербскими землями, узкій эгоизмъ, воодушевлявшій ихъ владѣтелей, людей крайне недальновидныхъ и непонимавшихъ истиннаго положенія дѣлъ, и угрожавшія всѣмъ имъ опасности были причиною того, что туркамъ все проходило безнаказанно и они постоянно распространялись, не торопясь и укрѣпляя за собою каждый свой шагъ впередъ.

Благодаря такимъ отношеніямъ, турки легко овладѣваютъ

Романіей, частью Македоніей, Ѳессаліей и западною Грецією; болгары дѣлаются ихъ данниками, и Лазарь Гребляновичъ также обязывается платить дань Амурату и служить ему своимъ войскомъ во время войны, а въ то же время (1376 г.) переноситъ свою столицу въ Призренъ и вступаетъ на тронъ Душана, объявляя себя царемъ сербскимъ, хотя на монетахъ того времени и значится скромный титулъ князя. Онъ возвращаетъ своему царству Сремъ и Бѣлградъ, которыми завладѣли-было венгерцы; при этомъ Бѣлградъ или главнымъ образомъ укрѣпленія его разрушаетъ, чтобъ подъ его защитой мадьяры не могли опять утвердиться въ тѣхъ мѣстахъ. Наконецъ онъ отказываетъ туркамъ въ дани и вспомоществованіи войскомъ. Тогда султанъ Амуратъ двинулся противъ него (1387). Произошла битва на р. Ситницѣ близъ Топлицъ и Плочаника, по сосѣдству съ Новымъ-Позаромъ, въ которой князь Лазарь остался побѣдителемъ.

Леунклавій, на основаніи турецкой исторіи, а за нимъ и сербскій историкъ Раичъ—приписываютъ эту побѣду Георгію Кастріоту, славному албанскому герою, извѣстному больше подъ именемъ Скендербега. Противъ этого совершенно основательно возражаетъ Милаковичъ: «Если кто-либо явился изъ южныхъ сербскихъ провинцій въ помощь князю Лазарю, то, безъ всякаго сомнѣнія, то былъ Георгій, сынъ Страцимира Бальшича. Онъ въ то время господствовалъ въ Скадрѣ и надо всею страною. Не могъ быть также и дѣдъ Георгія Кастріота, о господствѣ котораго въ этой провинціи не находимъ упоминанія ни у одного заслуживающаго довѣрія историка; напротивъ, они разсказываютъ и доказываютъ, что сынъ его, Іоаннъ Кастріотъ былъ владѣтелемъ незначительной части Албаніи, которая попала въ турецкую зависимость, если не въ XIV ст., то во всякомъ случаѣ въ XV, и никогда не были владѣтелями Скадра ни онъ, ни его сынъ Георгій Кастріотъ, извѣстный подъ именемъ Скендербега, которымъ именемъ не назывался его дѣдъ». (Storio del Mont. стр. 35).

Черезъ 2 года послѣ этого произошла битва на Косовомъполѣ, которая нанесла окончательный ударъ Сербскому царству.

Не мѣсто здѣсь разсуждать, что̀ было причиною пораженія сербовъ; скажемъ только, что оно было неизбѣжно и подготовлялось всѣми обстоятельствами. Побѣда князя Лазаря 1387 г. носила уже въ себѣ зародыши слѣдующаго пораженія: онъ, слишкомъ понадѣясь на себя, не подготовился съ должнымъ напряженіемъ и не позаботился о привлеченіи къ себѣ всѣхъ тогдашнихъ сербскихъ князей, которые съ своей стороны также не видѣли, что въ этой битвѣ рѣшается судьба ихъ собственная и цѣлаго сербства. Безъ сомнѣнія, тутъ играла роль и коренная особенность сербскаго характера — непослушность общей командѣ и склонность къ дѣйствію по своему разумѣнію и на свой страхъ, а можетъ быть, и личное желаніе выказать себя на счетъ гибели другого, чѣмъ преданіе запятнало Вука Бранковича; но нѣкоторые находились не въ полной извѣстности о томъ, что̀ должно было произойти, а иные ошиблись въ разсчетѣ и не поспѣли вовремя.

Не поспѣлъ, говорятъ, и Георгій Бальшичъ, что̀ вполнѣ вѣроятно, такъ какъ онъ лучше всѣхъ понималъ, какъ опасны турки и бился съ ними, а противъ князя Лазаря не имѣлъ ничего, такъ какъ ради сближенія съ нимъ женился на его дочери. Послѣдствія этой несчастной битвы сейчасъ же отразились на немъ.

ОТНОШЕНІЯ КЪ ВЕНЕЦІИ.

Города Драчъ и Лѣшъ, видя, что турки придвинулись какъ разъ къ ихъ границѣ, тотчасъ же отдались подъ защиту Венеціи, неизвѣстно, съ согласія Георгія Бальшича, или противъ его воли; скорѣе можно предполагать первое, потому что въ 1394 г. онъ уступаетъ имъ и свою резиденцію Скадаръ, выговоривши себѣ только городокъ Дривастъ и чтобы Венеція ежегодно платила ему по 1000 цехиновъ.

По венеціанскимъ источникамъ (Макушевъ — Русск. Вѣст. 1869 г., кн. 7, стр. 33—36), Георгій II передъ тѣмъ имѣлъ несчастную войну съ турками, и, попавъ въ плѣнъ къ Баязету, готовъ былъ уступить ему всю нижнюю Зету. Тогда (1392 г.) Венеція

поручила своему капитану моря отправиться къ его супругѣ, ободрить ее и посовѣтовать не дѣлать этой уступки, обѣщая ей помощь, вслѣдствіе чего уступка не состоялась, а Георгій II, освободившись изъ плѣна, сдѣлалъ упомянутую выше уступку Венеціи не только Скадра, но и Дриваста, оставивъ себѣ Баръ, Ульцинъ и всю Забояну до Дивичиной-стѣны. А прежде будто бы онъ предлагалъ ей всю Нижнюю-Зету и самъ съ семействомъ хотѣлъ переселиться въ Венецію. Вообще въ добрыхъ отношеніяхъ съ Венеціею онъ оставался до самой своей смерти.

Вообще Бальшичи старались поддерживать хорошія отношенія къ ней: давали ей полную свободу торговли, обязуясь платить имъ за всѣ убытки, которые бы ея торговцы потерпѣли отъ ихъ подданныхъ (Млок. Истор. стр. 33 — 34), и выполняли это условіе. Съ своей стороны Венеція давала имъ титулъ своего гражданства и являлась иногда на помощь противъ турокъ; имъ и семействамъ ихъ она была открыта какъ послѣднее убѣжище, которымъ, впрочемъ, воспользовалась только вдова Бальши II. Но въ то же время она боялась ихъ, и потому не допускала имъ имѣть свой военный флотъ. Страцимиру въ 1386 г. она дозволила имѣть 2 вооруженныя галеры «ad damnum suorum inimicorum», но послѣ его войны съ Которомъ, отняла это право. Бальша II хотѣлъ имѣть 4 галеры, но такъ и умеръ не получивши дозволенія; только Георгію II дозволили имѣть 2 бригантина. Вотъ чѣмъ и объясняется, что зетскіе государи не имѣли и не могли имѣть своего флота.

Послѣ пораженія главной сербской силы на Косовомъ-полѣ, среди сербскихъ владѣтелей всѣ упали духомъ, и каждый ждалъ только своей очереди. Бальшичи, не покорившись туркамъ, были въ то же время такими близкими ихъ сосѣдями, что столкновеніе предстояло немедленно и неизбѣжно, а союзниковъ, кромѣ венеціанцевъ, не было никого. Приморскіе города сами желали стать подъ ихъ покровительство, но господство ихъ, принимаемое по крайней нуждѣ, было тяжелое и непріятное. Поэтому, въ 1405 г., когда умеръ Георгій II и на его мѣсто вступилъ сынъ

его Бальша III, жители Скадра, вкусивши горечь венеціанскаго господства, предали городъ Бальшѣ.

БАЛЬША III И ДѢЛА СЪ ВЕНЕЦІЕЙ.

Въ скоромъ времени предались ему и всѣ тѣ части Зеты, которыя было-заняла Венеція. Едва узнали объ этомъ венеціанцы, какъ тотчасъ же послали вооруженную флотилію подъ командой Маріана Каравелли, который, пустивъ въ ходъ больше деньги, чѣмъ оружіе, успѣлъ дать такой оборотъ дѣламъ, что Бальша съ матерью едва успѣли спастись бѣгствомъ въ Верхнюю Зету, тогда какъ Нижняя Зета и города Ульцинъ, Будва, Баръ, Скадаръ и Дривастъ остались подъ ихъ господствомъ.

Вотъ какъ описываетъ отношенія и дѣла между Венеціей и Бальшею III Макушевъ, также на основаніи венеціанскихъ источниковъ: «По смерти Юрія (Георгія) II Венеція, по предложенію капитана моря, рѣшилась въ 1405 г. изъ корыстныхъ видовъ на весьма гнусный поступокъ—извести или схватить живого его сына и наслѣдника Бальшу III, вмѣстѣ съ его матерью Еленою, — послѣднюю отрасль Страцимира Бальшича, и присвоить себѣ его владѣнія, обѣщая даровать ежегодную пенсію въ 1000 дукатовъ тому, кто рѣшится на такой подвигъ. Попытка Венеціи не удалась, и Бальша естественно сталъ врагомъ венеціанскаго правительства: онъ потребовалъ въ 1406 г. возвращенія Дриваста и Будвы, и когда Венеція отказала ему, онъ въ союзѣ съ Албаніей и Турціей напалъ (1407 г.) на венеціанскія владѣнія въ Албаніи, перерѣзалъ всѣ сообщенія и осадилъ Баръ.—Венеція поспѣшила заключить миръ, уступивъ Бальшѣ Будву и Забояну. Но миръ этотъ, заключенный столь поспѣшно, былъ, по сознанію самой Венеціи, непроченъ, и она *обратилась къ какимъ-то таинственнымъ средствамъ для укрощенія Бальши*, но, видно, и эти средства оказались недѣйствительными. Въ 1411 г. они заключили союзъ съ Иваномъ Кастріотомъ и братьями Юрашичами противъ Бальши, и въ то же время предложили капитану моря стараться о заключеніи съ нимъ мира, нуждаясь въ хлѣбѣ, вывозимомъ изъ его

владѣній. Но Бальша хитрилъ» (Р. В. 1869 г., кн. 7). Пользуясь народнымъ нерасположеніемъ къ венеціанцамъ, онъ успѣлъ убѣдить жителей Скадра и Ульцина съ ихъ окрестностями предаться ему. При этомъ извѣстіи венеціанскій сенатъ немедленно посылаетъ войско въ Зету, но Бальша разбилъ это войско на голову, и вслѣдствіе такой побѣды снова вступила подъ его власть бо̀льшая часть Зеты, гдѣ господствовали венеціанцы. Венеція посылаетъ новыя войска; но война затянулась и ложилась такимъ бременемъ на республику, что она поручаетъ своему дожу Михаилу Стено, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1412 г., обратиться къ владѣтелю Герцеговины Сандалю Храничу, прося его посредничества для заключенія мирнаго трактата съ Бальшею въ такомъ смыслѣ: «Венеціанская держава уступаетъ вельможному господину Бальшѣ Страцимировичу, сыну покойнаго господина Георгія Страцимирова Бальшича, государю Зеты и проч., а равнымъ образомъ и его наслѣдникамъ, города Ульцинъ и Будву со всѣми ихъ правами, границами и территоріей; и сверхъ того обязуется платить ему ежегодно 1000 цекиновъ, какъ прежде обыкновенно платила вельможнѣйшему господину Георгію, его отцу; и что она остается во владѣніи всѣми остальными мѣстами съ ихъ правами, границами и землями, пріобрѣтенными кунлею или даромъ отъ вышеименованнаго отца его Георгія» (Милак. Stor. стр. 38—39).

Не довольствуясь этимъ, венеціанцы хитростью убѣдили вдову Бальши II продать имъ Авлону (въ 1416 г.).

Вскорѣ послѣ этого Бальша III, заручившись обѣщаніемъ содѣйствія своего родственника по женской линіи Стефана Черноевича (Maramonte), собралъ войско и въ 1419 г. двинулся на Скадаръ и взялъ его. Венеціанская флотилія, стоявшая въ Трогирѣ и Сплетѣ, немедленно оставляетъ эти гавани и отправляется въ Скадаръ, гдѣ къ ней присоединились другія суда, привезшія войска подъ предводительствомъ Якова Дандоло, и приняліись за осаду города. Но сербы геройски защищались и венеціанцы никакъ не могли овладѣть Скадромъ.

Тогда Венеція черезъ своего посланника при Оттоманской

Портѣ Bertuccio Diedo обращается за помощью къ султану, который въ то время находился съ войскомъ во Ѳракіи. Онъ посылаетъ 8000 своихъ воиновъ въ помощь венеціанцамъ, но и это не помогло.

Въ 1420 г. снаряжается еще больше венеціанская флотилія, состоявшая изъ 15 вооруженныхъ галей и множества другихъ судовъ, наполненныхъ войскомъ и всевозможными припасами, подъ командою Петра Лоредано. Предварительно этотъ флотъ отнялъ у венгерцевъ занятые ими въ Далмаціи: крѣпость Омишъ, потомъ острова Брачъ, Хваръ и Корчулу и города Трогиръ и Сплетъ, вербуя всюду для себя войско; Которъ добровольно призналъ надъ собою господство Венеціи и предоставилъ въ ея распоряженіе помощь противъ Бальши. Бальша также собралъ всѣ свои силы и въ первой же битвѣ нанесъ большой уронъ непріятелю. Кромѣ массы убитыхъ, нѣсколько ротъ венеціанской пѣхоты попали въ плѣнъ и захвачено 200 лошадей. По полученіи этого извѣстія изъ Венеціи послали еще помощь, и въ томъ числѣ множество стрѣлковъ и кавалеріи. Съ этими силами побѣда венеціанцевъ была бы несомнѣнна, но они явились на помощь такъ поздно, что уже невозможно было ничего предпринять, и венеціанцы вынуждены были заключить миръ съ Бальшею. Это было уже въ 1421 г. Бальша тотчасъ же отправляется въ Сербію на свиданіе со своимъ дядею по матери, деспотомъ Стефаномъ Лазаревичемъ, оставивши намѣстникомъ Стефана Черноевича. Предпринимая эту поѣздку, онъ имѣлъ въ виду, конечно, договориться о дальнѣйшемъ планѣ дѣйствій; и это въ цѣломъ разсматриваемомъ періодѣ единственная попытка къ объединенію дѣйствій. Смерть, однако, пресѣкла всѣ планы этого выдающагося изъ своей среды человѣка, который вмѣстѣ съ деспотомъ Стефаномъ, тоже занятымъ болѣе общими планами, чѣмъ какими-нибудь узкими, личными интересами, могъ значительно повліять на измѣненіе хода дѣлъ въ лучшую сторону для сербства. Заболѣвши лихорадкой еще въ Зетѣ, онъ умеръ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, вскорѣ по прибытіи своемъ въ Сербію.

Послѣ него осталась только дочь Елена, которая вышла замужъ за герцога Стефана, и потому на немъ обрывается мужская линія Бальшичей, а выступаетъ новая династія, находившаяся съ ними въ родствѣ,—Черноевичей. Стефанъ Черноевичъ, однако, при первомъ извѣстіи о смерти Бальши удалился въ Неаполь.

Никто такъ не обрадовался этому извѣстію и никто не извлекъ изъ него такой пользы для себя, какъ венеціанцы. Они тотчасъ же заняли Дривастъ, Баръ, Ульцинъ, Лѣшъ, Будву, а немного позже Скадаръ и наконецъ всю Нижнюю-Зету.

Между тѣмъ деспотъ Стефанъ Лазаревичъ, считая себя вправѣ вмѣшаться въ наслѣдство Бальши, какъ его племянника отъ сестры, тотчасъ отправилъ въ Зету войско, которое вытѣснило венеціанцевъ отовсюду, исключая Скадра, безъ окружья его, а также Ульцина и Будвы. Приступлено было и къ осадѣ Скадра; но венеціанцы при помощи денегъ привлекли на свою сторону многихъ изъ Зеты и изъ Сербіи, а также цѣлое племя паштровичей, и съ помощью ихъ въ декабрѣ мѣсяцѣ отбили деспотово войско. Въ слѣдующемъ 1423 г. деспотъ посылаетъ новое войско подъ начальствомъ своего племянника Георгія Бранковича; но и къ венеціанцамъ пришли свѣжія войска и вся сила паштровичей.

Видя невозможность добиться чего-либо силой, деспотъ ставитъ Георгія Бранковича правителемъ Зеты, и съ нимъ венеціанцы заключаютъ миръ, по которому за обладаніе Скадромъ обязуются ежегодно платить ему по 1,000 цехиновъ.

По смерти Стефана Лазаревича 1427 г., не оставившаго наслѣдниковъ мужескаго пола, по его волѣ деспотомъ Сербіи дѣлается Георгій Бранковичъ, который поэтому оставляетъ Зету; а жители Зеты между тѣмъ успѣли уже призвать изъ Неаполя Стефана Черноевича, который и прибылъ сначала въ Дубровникъ, а потомъ въ Зету.

(О происхожденіи Бальшичей см. вмѣстѣ съ Черноевичами въ примѣчаніяхъ и дополненіяхъ 8).

V.

Зета подъ управленіемъ Черноевичей.

(Съ 1427—1516).

СОСТОЯНІЕ СЕРБСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ ПОСЛѢ КОСОВСКОЙ БИТВЫ.

Распавшееся на части Сербское царство доживало свои послѣдніе дни въ этихъ частяхъ. То тамъ, то здѣсь по временамъ вспыхиваетъ пламя свободы, но тотчасъ и гаснетъ, освѣщая только поле послѣдней борьбы, усѣянное трупами павшихъ борцовъ, и путь побѣдителя, попирающаго ногами все, что̀ создано было вѣками культурной жизни народовъ, и оставляющаго за собою только слѣды насилія и разрушенія.

Какъ-то глухо прошло занятіе турками Болгаріи, Ѳракіи, Ѳессаліи и всей восточной половины Балканскаго полуострова вплоть до стѣнъ Цареграда; и только на Косовомъ-полѣ произошла катастрофа, которая хотя на время пробудила дремавшія силы, и съ нея завязывается борьба на всѣхъ пунктахъ,—борьба ожесточенная, но ни къ чему другому не ведущая, какъ только къ взаимному истощенію силъ, съ тою разницею, что одна сторона тратила свои силы, не имѣя ни откуда подкрѣпляющаго и пополняющаго ихъ источника, тогда какъ другая росла поминутно, постоянно пополняясь изъ неистощимыхъ запасовъ Азіи и усиливаясь на счетъ покоряемыхъ ею чужихъ элементовъ.

Перевертывая кровавыя страницы исторіи этой борьбы, представляющей безплодную гибель и трату силъ, безъ всякой возможности на благопріятный исходъ, невольно впадаешь въ раздумье и задаешься вопросомъ: нужно-ли было все это? не было-ли это безразсудство или не проистекало-ли изъ личныхъ побужденій, изъ суетнаго славолюбія вождей того времени? и всѣ тѣ герои, съ царемъ Лазаремъ во главѣ, павшіе на Косовомъ-полѣ, заслуживаютъ-ли той славы и благоговѣнія, которымъ окружаетъ ихъ позднее потомство?

ЗНАЧЕНІЕ КОСОВСКОЙ БИТВЫ.

Скептическое отношеніе къ великимъ дѣламъ и людямъ тамъ, гдѣ не достаетъ точныхъ фактовъ, составляетъ одинъ изъ пріемовъ исторической критики; но въ данномъ случаѣ можно сказать, что «гласъ народа — гласъ Божій». Всѣ детали косовской битвы съ эпизодомъ за ужиномъ наканунѣ ея, съ убійствомъ султана Мурата Милошемъ Обиличемъ подъ шатромъ и съ измѣною Вука Бранковича — могли быть, если не вымышлены совсѣмъ, то значительно искажены фантазіей, преувеличены; это, однако, не уничтожаетъ главныхъ фактовъ, въ подтвержденіе которыхъ говорятъ всѣ послѣдствія. Битва была рѣшительная; смерть Мурата и князя со всѣми его паладинами не подлежитъ также сомнѣнію. Вукъ Бранковичъ, можетъ быть, дѣйствительно не подалъ помощи, но не вслѣдствіе измѣны, а по какимъ-нибудь другимъ причинамъ. Да и многіе не участвовали въ этой битвѣ: иные не хотѣли, не придавая тому значенія, не понимая, что тутъ рѣшалась судьба сербства; иные опоздали. Въ общемъ, однако, это вліяло на результатъ такъ же, какъ измѣна, и оправдывать этого нельзя; все равно какъ нельзя обвинять Лазаря за то, что онъ вступилъ въ бой не готовый вполнѣ, такъ какъ не онъ искалъ боя, а бой его. Стоя исключительно на нравственной точкѣ зрѣнія, народъ оправдываетъ Лазаря и возводитъ его въ мученики и даже святые, а Вука Бранковича предаетъ проклятію. У народа и нѣтъ другого критеріума, какъ нравственный: онъ не разсуждаетъ и не можетъ разсуждать, былъ-ли тотъ поступокъ тактиченъ и хорошо разсчитанъ. Врядъ-ли и исторія въ этомъ случаѣ имѣетъ какія-нибудь данныя, чтобы произнести свой рѣшительный судъ. Да ей и нѣтъ надобности входить въ мелочи тамъ, гдѣ передъ нею цѣлое событіе во всемъ своемъ величіи и съ цѣлою совокупностію фактовъ, предшествовавшихъ и послѣдующихъ, является во всей ясности.

Сербское царство, какъ мы видѣли, само въ себѣ носило зародыши своего распаденія; оно было притомъ слишкомъ недавне

и, составленное изъ частей крайне разнохарактерныхъ, держалось только умомъ и сильною волей Душана. Антагонизмъ существовалъ не только въ отдѣльныхъ частяхъ государства, но и внутри этихъ частей господствовала такая сословная раздѣленность, что цѣльность также терялась; и высшія сословія были слишкомъ отчуждены отъ остального народа. Мы имѣли случай показать, какъ мало участія въ дѣлахъ, касающихся цѣлаго государства или какой-нибудь отдѣльной страны, дано было даже высшему провинціальному духовенству; а остальное представляло собою просто массу, И въ то же время племичество сербское или аристократія, не обновляясь притокомъ свѣжихъ силъ изъ другихъ сословій, и воспитываясь подъ вліяніемъ двора, правда, блестящаго и этикетнаго, но въ то же время весьма не высоко стоящаго на ступени морали, должно было вырождаться и, развращаясь примѣрами придворныхъ, терять нравственную силу, не получая взамѣнъ того ни образованія ума, ни обогащенія его знаніемъ. Придворный режимъ сербскихъ кралей воспитывалъ эгоистовъ, безхарактерныхъ льстецовъ и хитрецовъ.

Поэтому, по смерти Душана, когда великаши сдѣлались самостоятельными, мы не находимъ между ними людей, которые выдавались бы умомъ или характеромъ. Выше стоятъ личности, воспитавшіяся дальше отъ царскаго двора, провинціалы, какъ напримѣръ Бальшичи, въ которыхъ замѣтно и образованіе, почерпнутое ими не изъ Византіи, а съ Запада. Жестокими эгоистами оказываются эти стоящіе во главѣ государства люди всюду и даже въ собственной семьѣ. О Вукашинѣ мы уже говорили; знаемъ также, что и Лазарь Гребляновичъ ослѣпляетъ Алтомановича, а другой Лазарь, сынъ Юрія Бранковича, отравляетъ мать, чтобъ скорѣе сѣсть на престолъ, и рѣшается убить родныхъ братьевъ, уже ослѣпленныхъ султаномъ, и ихъ спасаетъ только бѣгство къ венгерскому королю. Нечего говорить о томъ, что̀ дѣлалось въ династіи Неманичей. Все это было плодъ воспитанія подъ вліяніемъ Византіи, гдѣ дворъ также достигъ крайнихъ предѣловъ въ развитіи узко-эгоистическихъ инстинк-

товъ и гдѣ потому также не видать ни одной выдающейся личности съ широкимъ и дальновиднымъ взглядомъ, великою душой и сильнымъ характеромъ. Несравненно выше всѣхъ ихъ стояли турки.

Вотъ гдѣ основная причина гибели всѣхъ государствъ, образовавшихся на развалинахъ Восточной Римской Имперіи. Это измельчавшее поколѣніе поѣло само себя, и туркамъ оставалось только добивать его.

Гибель и несчастія, обрушивающіяся на цѣлыя страны, народъ обыкновенно приписываетъ гнѣву Божію за согрѣшенія людей, и этимъ онъ объясняетъ вполнѣ раціонально гибель народовъ, вслѣдствіе грѣховъ и крайней испорченности ихъ вождей. Но несчастія открываютъ людямъ глаза, воспитываютъ ихъ, пробуждаютъ въ нихъ добрые, только подавленные обстановкою инстинкты, поднимаютъ ихъ духъ и вызываютъ въ нихъ силу и энергію. На Косовомъ-полѣ погибло много здоровыхъ силъ, но въ то же время осужденъ на смерть тотъ низкій, эгоистическій принципъ, которымъ управлялось сербство. Здѣсь искупилъ свои грѣхи и недостатки и царь Лазарь и явился послѣдующему поколѣнію личностью чистою, святою, которая потомъ воодушевляла сербскій народъ на подвижничество во имя чести и славы. На всемъ пути послѣдующей исторической жизни косовская битва съ цѣлымъ цикломъ, въ которомъ заключается борьба сербскаго народа за свободу, создала ему идеалъ, который воспиталъ рядъ поколѣній, и его воспитательное вліяніе не должно кончиться и нынѣ; хотя, къ сожалѣнію, руководимые эгоистическими инстинктами, вожди сербскаго народа забываютъ его, прельщаясь блескомъ Душанова царства, и влекутъ свой народъ на другое Косово..

Вотъ почему мы, вопреки скептицизму относительо событій, сопровождавшихъ паденіе Сербскаго царства, стоимъ на томъ, что борьба эта, производящая самое тяжелое впечатлѣніе своимъ кровавымъ характеромъ и безплодною для того момента тратою силъ сербскаго народа, была, во-первыхъ, неизбѣжна, а во-вто-

рыхъ, поражая сербскій народъ матеріально, спасала, такъ сказать, его душу, пробуждая въ немъ самосознаніе, уничтожая сословныя преграды и, вслѣдствіе того, сплачивая его въ одно нераздѣлимое цѣлое, вызывая его на борьбу во имя идеи, которая одна только и можетъ быть истиннымъ и общимъ народнымъ богатствомъ, а не во имя благъ матеріальныхъ, которыя всегда сосредоточиваются въ рукахъ немногихъ, часто въ рукахъ недостойныхъ, и не на благо, а на гибель народа.

Это предпочтеніе идеальнаго матеріальному прекрасно выражено въ одной изъ сербскихъ пѣсенъ, въ которой царю Лазарю на Косовомъ-полѣ упадаетъ съ неба письмо отъ Богородицы, спрашивающей его: «Какое царство онъ желаетъ получить — небесное или земное? Если хочешь получить земное царство, то тебѣ будетъ дана побѣда на Косовомъ-полѣ; а если небесное, то построй церковь; и потомъ, причастивши войско, ударь на турокъ: погибнетъ войско и ты съ войскомъ. Тогда —

Мисли царе мисли свакояке:
«Мили Боже, што тью и како тью?
Коме тью се приволети царству?
Да или тью царству небескоме?
Да или тью царству земальскоме?
Ако тью се приволети царству,
Приволети царству земальскоме,
Земальско е замалено царство,
А небеско увык и до вика».

Вотъ гдѣ идеалъ сербскаго народа, которымъ онъ всегда жилъ послѣ паденія Сербскаго царства.

Но есть мудрствующіе иначе.

Одинъ авантюристъ тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія, домогавшійся сдѣлаться васоевицкимъ княземъ и успѣвшій весьма много въ своемъ намѣреніи, хотя и не вполнѣ, въ предисловіи къ картѣ Косова-поля, писалъ между прочимъ: «пусть время пока-

жетъ дальнему потомству и дѣтямъ его, гдѣ князь Лазарь навсегда заковалъ весь родъ свой въ вѣчныя цѣпи рабства, срама и безчестія». Издатель же этого произведенія, ученый сербинъ изъ Воеводины, дѣлаетъ къ тому слѣдующее примѣчаніе: «Это мнѣніе князя Васоевицкаго многимъ можетъ показаться страннымъ и несообразнымъ съ исторіей. Но замѣчанія достойно, что это общее мнѣніе въ южныхъ краяхъ Сербіи, и я, къ величайшему моему удивленію, имѣлъ случай и отъ другихъ, а особенно отъ Крушевлянъ, теперешнихъ жителей престольнаго Крушевца (въ Сербіи), слышать, какъ они за косовскую битву осуждаютъ князя Лазаря, а Вука Бранковича оправдываютъ. Они говорятъ, что князь Лазарь, пускаясь въ битву противъ цѣлой оттоманской силы, подвергалъ вѣрной гибели Сербское царство, которое могъ бы спасти другимъ способомъ, а что Вукъ Бранковичъ, видя общую гибель, спасъ отъ погибели 12000 самаго лучшаго войска [1]).

Да найдутся, конечно, такіе раціоналисты между сербами и теперь, которые, бросая свое отечество въ минуту, рѣшающую его судьбу, будутъ еще хвалиться тѣмъ, что не были глупы подобно другимъ. Мы знаемъ подобные случаи изъ новѣйшей сербской исторіи, и видимъ, что узкій эгоизмъ, иногда просто самолюбіе, или, какъ они говорятъ, *инат* заставляетъ серба забывать высшую цѣль и назначеніе, чтобъ только дать удовлетвореніе своему грубому, иногда весьма низкому инстинкту.

Вотъ почему мы, не входя въ подробности, которыя можно найти во всякой сербской исторіи, останавливаемся на оцѣнкѣ только совокупности всѣхъ фактовъ, какъ предшествовавшихъ косовской битвѣ, такъ и вытекшихъ изъ нея.

Не будь въ тогдашнемъ сербствѣ внутреннихъ, разлагающихъ его причинъ, оно могло бы выдержать борьбу противъ турокъ; это доказываютъ послѣдующія событія.

Царство Душана выдержало едва-ли не тридцать лѣтъ борьбы съ

---

[1]) Историческо - критическо описаніе Битке Косовопольске. Соч. одъ Дьордьа Малетича, а издано Дьордьемъ Мушицкимъ. У Новомъ-Саду. 1847 г.

турками, только-что ступившими на европейскую почву и неуспѣвшими укрѣпиться какъ слѣдуетъ, а народъ сербскій больше ста лѣтъ послѣ этого боролся, имѣя противъ себя не только турокъ, но еще венгерцевъ и венеціанъ, впослѣдствіи, конечно, тоже получившихъ должное возмездіе. Въ этотъ періодъ сербство дало столько героевъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, какихъ не было за все время существованія Сербскаго царства. Тутъ только пробуждается въ сербскомъ племени тотъ высокій героизмъ, который поддержалъ его въ продолженіе столькихъ вѣковъ и не далъ ему пасть подъ тяжкимъ игомъ турокъ, и за который его никогда не перестанетъ уважать человѣчество.

Сама по себѣ народная масса, конечно, не могла бы ничего сдѣлать, еслибъ не имѣла замѣчательныхъ людей, какими въ то время являются баны Босніи и Герцеговины, а въ Зетѣ Бальшичи и Черноевичи; сосѣдняя Албанія также создаетъ героя Скендербега, который имѣетъ одинаковое значеніе для албанскаго и сербскаго народа, и потому воспѣвается въ сербской пѣснѣ наравнѣ съ сербскими героями и даже считается сербомъ.

ЮРІЙ БРАНКОВИЧЪ; БОСНІЯ И ГЕРЦЕГОВИНА.

Намъ опять нѣтъ надобности излагать здѣсь событія, относящіяся къ общей сербской исторіи, тѣмъ болѣе, что эта часть ея прекрасно разработана въ сочиненіи г. Ч. Міатовича «Юрій Бранковичъ Смедеревацъ», и мы прямо переходимъ къ исторіи Зеты при Черноевичахъ.

Замѣтимъ только, что Юрій Бранковичъ является послѣднимъ и лучшимъ представителемъ доживающаго послѣдніе дни Сербскаго царства, и судя по той страшной дѣятельности, которую онъ проявляетъ, сдѣлавшись деспотомъ, не вѣримъ, чтобъ это могъ быть шестидесятилѣтній старецъ, вынесшій на себѣ много тягостей и еще больше личнаго и общаго горя и ударовъ судьбы. Онъ можетъ показаться непостояннымъ и безхарактернымъ; такъ, мы видимъ его то въ дружбѣ съ турками и даже въ полномъ подчиненіи имъ, то въ союзѣ съ Венгріей противъ нихъ, то против-

никомъ турокъ. Но таковы были тогда обстоятельства. Работая для отечества, онъ жертвовалъ своею личностью и, отбросивъ личное самолюбіе, обивалъ пороги вездѣ, гдѣ только могъ на что нибудь надѣяться; онъ искалъ помощи у западныхъ государей и у папы; пожертвовалъ своими сыновьями и дочерью, и все было не въ помощь. Но, когда задѣвались интересы государства и народа, онъ не боялся выступить прямо. Между прочимъ, обращаясь съ просьбами о помощи къ Западу, онъ не только отказался послать своихъ уполномоченныхъ на Ферраро-Флорентійскій соборъ, но и не отвѣтилъ даже императору на его приглашеніе. Напротивъ, сынъ его Лазарь хотѣлъ предать Сербію въ ленное владѣніе императору передъ смертію, и въ этомъ смыслѣ составилъ завѣщаніе, вслѣдствіе чего явился легатъ, разсчитывавшій также на содѣйствіе его вдовы Елены, урожденной Палеологъ; но онъ склоненъ былъ на сторону Запада, вѣроятно, разными обѣщаніями. Дѣло это, однако, не состоялось; «бояре и народъ, предпочитая вопреки князю лучше иго турецкое, чѣмъ католическое, поспѣшили сами призвать къ себѣ турокъ, чѣмъ тотчасъ же и положенъ былъ конецъ всякимъ папскимъ мечтамъ» (Голубин. стр. 520).

Къ Зетѣ Юрій Бранковичъ не имѣлъ почти никакого отношенія. Однажды, преслѣдуемый всѣми, онъ искалъ убѣжища въ Барѣ; но жители его, боясь въ равной степени какъ турокъ, такъ и венеціанъ, задумали его выдать, и онъ спасся только тайнымъ побѣгомъ. Не разсчитывая удержаться въ Сербіи, онъ всѣ свои богатства вручилъ на сохраненіе Дубровнику; а умереть привелось все-таки въ Сербіи, въ своей резиденціи Смедеревѣ въ 1456 г., на 89 году отъ рожденія. Прошло еще два года, и Сербія окончательно сдѣлалась турецкимъ *пашалукомъ*.

Послѣ этого, старшій сынъ Юрія, Стефанъ слѣпой, жившій въ Сренѣ, хотѣлъ было что-то предпринять, но, не сдѣлавъ ничего, поторопился черезъ Зету убраться въ Италію. Боснія окончательно покорилась туркамъ въ 1463 г., а потомъ часть ея въ 1465 г. отнята была венгерскимъ королемъ Матвѣемъ и потомъ находилась уже во власти венгерцевъ.

Прежняя Захолмія съ того времени, какъ князь или воевода Стефанъ Косача получилъ отъ императора Фридриха III (1441 г.) титулъ герцога, стала называться Герцеговиной. Родъ этихъ князей происходилъ изъ Рудины; Владко Храничъ участвовалъ въ косовской битвѣ и съ немногими изъ своего войска воротился, гдѣ потомъ долженъ былъ воевать съ мадьярами, чтобы защитить отъ ихъ нападеній владѣнія боснійскаго короля Твердка; а когда напали на Боснію турки, онъ нанесъ имъ страшныя пораженія въ двухъ битвахъ въ Рудинѣ и подъ Билечью. За эти услуги онъ и получилъ отъ боснійскаго короля земли, впослѣдствіи получившія названіе Герцеговины. Сынъ его Сандаль долженъ былъ воевать съ венгерцами и пріобрѣлъ Требинье, Попово и Конавле. Стефанъ Косача былъ его племянникъ.

Эти воеводы, впослѣдствіи герцоги, не сталкивались съ турками, кромѣ упомянутыхъ выше битвъ, а скорѣе сталкивались съ Дубровникомъ, держа всегда сторону которянъ, а чрезъ то и съ Бальшичами, и впослѣдствіи со Стефаномъ Черноевичемъ. Герцогъ Стефанъ умеръ въ 1466 г., а черезъ 20 лѣтъ и его провинціей овладѣваютъ турки.

СТЕФАНЪ ЧЕРНОЕВИЧЪ.

Главная борьба теперь происходила въ Зетѣ и Албаніи, и неразлучными участниками въ ней были зетскій владѣтель Стефанъ Черноевичъ и албанскій Георгій Кастріотъ, прозванный турками Скендербегъ. Вся жизнь обоихъ ихъ прошла въ этой борьбѣ, а умерли они почти одновременно — Скендербегъ въ 1467 г., а Стефанъ Черноевичъ въ 1471 г.

Мы уже видѣли, что съ удаленіемъ Стефана Черноевича въ Италію венеціанцы овладѣли всею Нижнею Зетой. Юрію Бранковичу хотя и удалось вытѣснить ихъ изъ большей части Зеты, но они удержались въ Скадрѣ и Ульцинѣ, а также сильную приверженность имъ оказали Будва и сильное племя Паштровичей. Когда въ 1427 г. воротился Стефанъ Черноевичъ изъ Италіи, его признала вся Зета; но фактически онъ былъ господиномъ

только въ Верхней Зетѣ съ Черной-Горой; тогда какъ въ Нижней распоряжались уже венеціанцы, хотя Приморье отъ Ульцина, съ нимъ включительно, до Котора также признавало власть Черноевича.

ГЕОРГІЙ КАСТРІОТЪ ИЛИ СКЕНДЕРБЕГЪ.

Между нимъ и турками такимъ образомъ находилась нейтральная территорія Нижней Зеты, состоявшей подъ властью дружественной туркамъ Венеціанской республики. Но турки въ это самое время успѣли придвинуться какъ разъ къ границамъ Нижней Зеты, захвативши уже значительную часть Албаніи, которая когда-то также находилась подъ ея властью. Въ 1413 г. они довели владѣтеля Крои, Іоанна Кастріота до того, что онъ обязался платить туркамъ дань и для вѣрности всѣхъ своихъ четырехъ сыновей, между которыми младшему Георгію было только 9 лѣтъ, послалъ въ Цареградъ заложниками. Тамъ они, вопреки уговору, всѣ были обращены въ магометанство. По смерти же Іоанна Кастріота въ 1432 г. турки заняли войсками Крою и такимъ образомъ очутились уже въ предѣлахъ Зеты, менѣе чѣмъ во 100 километрахъ отъ Скадра и около 20 кил. отъ моря.

Венеціанцамъ не было до этого никакого дѣла, потому что Кроя и ея окружность представляли изъ себя бѣдную гористую мѣстность, а съ занятіемъ ея турками усиливалась ихъ торговля.

Между тѣмъ младшій изъ сыновей Кастріота, Георгій, переименованный въ магометанствѣ въ Скендербега, оказался чрезвычайно способнымъ во всѣхъ отношеніяхъ: при замѣчательныхъ умственныхъ способностяхъ, онъ отличался необыкновеннымъ физическимъ развитіемъ и обнаруживалъ духъ отваги и рѣшимости. Полнаго довѣрія къ нему со стороны турокъ не могло быть, такъ какъ они отчасти ускорили смерть его отца, а потомъ захватили все принадлежавшее ему съ братьями наслѣдство. Это вполнѣ понималъ Скендербегъ; но счелъ за нужное и умѣлъ скрыть ото всѣхъ, что было у него на душѣ, и, по-

казывая полнѣйшую преданность султану, расположилъ его къ себѣ такъ, что сталъ быстро повышаться по службѣ. Участвуя въ разныхъ военныхъ дѣлахъ, онъ показалъ чудеса храбрости и, наконецъ, сдѣлался военачальникомъ. Когда ему приводилось дѣйствовать противъ христіанъ, тогда онъ поступалъ такъ, чтобы не потерпѣть отъ нихъ и въ то же время дать имъ средство спастись. Такъ свидѣтельствуетъ объ немъ его жизнеописатель Маринъ Барлецій Скодранинъ [1]). А когда Іоаннъ Гуніадъ, извѣстный въ сербской исторіи подъ именемъ Сибинянина Янка, въ 1443 г. нанесъ сильное пораженіе туркамъ въ Болгаріи, Скендербегъ нашелъ случай уйти домой и хитростью вырвать изъ рукъ турокъ свою родную Крою, которую и защищалъ до конца своей жизни въ продолженіе 24 лѣтъ. Рядъ походовъ начатъ былъ султаномъ Амуратомъ II, а завершенъ Магометомъ II, 14 лѣтъ спустя послѣ взятія Цареграда. Описаніе этой двадцатичетырехлѣтней войны, ознаменованной геройскими подвигами Скендербега, составлено Барлеціемъ на латинскомъ языкѣ въ книгѣ in 4^0 въ 380 стр. убористой печати и представляетъ цѣлую эпопею, въ которой авторъ описываетъ событія по разсказамъ очевидцевъ и сподвижниковъ Скендербега, которыхъ авторъ засталъ еще въ живыхъ. Въ разсказахъ этихъ, конечно, много преувеличеній въ пользу Скендербега, происходящихъ отъ патріотическихъ чувствъ разсказчиковъ. И самъ авторъ, съ своей стороны, многое возсоздаетъ. Такъ онъ сочиняетъ цѣлыя рѣчи, произнесенныя Скендербегомъ то въ собраніи сосѣднихъ князей, то передъ войскомъ; письма его и къ нему и, наконецъ, его предсмертныя слова. Между прочимъ, онъ даетъ описаніе многихъ мѣстностей, чрезвычайно вѣрное, потому что самъ ихъ видѣлъ; весьма живо обрисовываетъ то всеобщее воодушевленіе и торжество послѣ побѣдъ, и то уныніе и упадокъ духа послѣ претерпѣнныхъ пораженій. Весьма живо и вполнѣ правдоподобно

---

[1]) De vita, moribus ac rebus praecipue adversus Turcas gestis Georgii Castrioti etc. per Marinum Barletium Scodrensem. Argentorati. 1537 г. (I, стр. 11).

рисуетъ онъ картину поля послѣ битвы, уборки тѣлъ и похоронъ ихъ родными въ сопровожденіи извѣстныхъ мѣстныхъ обрядовъ. Книга эта въ высшей степени интересна помимо того, что заключаетъ въ себѣ главный источникъ, который знакомитъ съ личностью замѣчательнаго героя и съ важными событіями. Въ свое время она была такимъ же любимымъ чтеніемъ, какъ исторія Александра Македонскаго. Извлеченія изъ этой книги сдѣланы были вскорѣ послѣ ея выхода и на сербскомъ языкѣ [5]).

Относительно участія Стефана Черноевича въ дѣлахъ Скендербега въ этой книгѣ весьма мало; но и это малое имѣетъ цѣнность, потому что разъясняетъ намъ нѣкоторые вопросы относительно его личности.

Такъ какъ сербское сказаніе называетъ Скендербега Черноевичемъ, то не лишнимъ будетъ, для разсѣянія всякихъ недоразумѣній, привести здѣсь его родословіе, которое Барлеціусу, конечно, было извѣстно лучше, чѣмъ кому-либо другому. Для большей точности приведемъ это мѣсто цѣликомъ. Вотъ оно:

«Per id tempus in Epiro inter caeteros regulos principesque satis nobile nomen Johannis Castrioti, tum caeterum urbium, tum *Croiae praecipue imperio erat*. Et quio neque latere penitus Scanderbegi genus aequum duco, neque omnem avorum ejus seriem perscribere in animo est, illud unum attigisse contentus ero, auctores gentir Castriotae *ex Aemathio* nobili ortu fluxisse, imperitasseque pari glorio fortunaque in Epiro, eos omnes Johannes prudentia, gravitate ac animi invicti magnitudine, coeterisque deinceps virtutibus, atque egregio etiam (si quid ad rem facit) corporis decore facile cuperavit. Uxori *Voisavae* nomen erat, non indignam eo viro, tum pater nobilissimus Triballorum (болгаръ) princeps, tum forma moresque, ac insignis super milieбre ingenium animus faciebat. Potest et a prole illi, a quo merito commendari foeminae censuerunt, non minor fortasse fieri accessio laudis, novem nanque liberos peperisse, educasseque narratur, quinque faeminas, *Maram*, Jellam, Angelinam, Vlaicam, Mami-

zam; maresque reliquos, Reposium scilicet, Stanisam, Constantinum et Georgium.» (I, 4).

Указаніе мѣстности совершенно понятное: Кроя находится на южной границѣ племени Мирдитъ, а къ юго-востоку племя *Mati* или *Mathio* на верхнемъ теченіи рѣки того же имени, впадающей прямо въ Адріатическое море; а на востокѣ течетъ Дринъ (черный) и за нимъ идетъ уже Дабра. Мать Скендербега была болгарская княжна, а въ именахъ дѣтей вы встрѣчаете тѣ именно, которыя и теперь больше всего распространены въ сербскихъ семействахъ.

Когда Скендербегъ выступилъ противъ султана и обратился съ воззваніемъ ко всѣмъ окрестнымъ князьямъ, то къ нему стали собираться они со всѣхъ сторонъ, и вотъ какъ ихъ перечисляетъ Барнецій: «Obtulit inter coeteros fortuna Mosem Golentum Petri generis, atque animi nobilitete insignum, virum.— Musachius Angelinae, ut vulgo dictus, ex Angelina sorore nepos (Ангеличъ), Goicus ac Georgius, Stresii fratres ambo ex Iella, item sorare. Ginus Musachius Vlaicae maritus, nam Johannes pater priusquem vita cessisset, filios omnes diversis principibus ac optimatibus provinciae in matrimonium collocaverat, praeter Mamizam, quoe recuperatum a Scanderbego post imperium, ac pacatum provinciae statum, Musachio Thopiae nupsit. *A Stephano quoque Cernovichio, qui Maram uxorem et ex ea liberos habebat.*» (I, 22). Arriannites Thopia *Golemus, sive latiniore vocabulo Commatus* magni vir nominis et auctoritatis. — Inter eas et Georgius Stresius nepos venit, *Balsae filius, Johannes et Boicus*, fratres demum relicti. — Aderat praeterea tam foelix pater, quam fortunatus princeps Petrus Hispanus, cum Alexio, Bosdario, Vruoo et Mirco filiis». О Стефанѣ Черноевичѣ въ другомъ мѣстѣ говорится подробнѣе: «Progrediebatur non lange post hos Stephanus Zernovichius cum Georgio et Johanne filiis, tanto patre nihil indignis, qui in Illyrico sive Liburnia ad ripos lacus Zabiacum et Falconem munitissima oppida cum agro latissimo possidebat». (II, 38—39).

Жена Скендербега носитъ имя *Donica*, но не *Danica*-ли, т. е. Даница, тѣмъ болѣе, что она была дочь Голема, котораго авторъ неудачно переводитъ на латинскій языкъ Commatus или Cominatus.

Во всемъ этомъ мы встрѣчаемъ сплошь славянскія имена, а иныя, можетъ быть, не узнаемъ потому только, что искажены въ передачѣ, частію вслѣдствіе писанія ихъ латиницей, а частію самимъ авторомъ, который не былъ ни славянинъ, ни арнаутъ, и вообще былъ иностранецъ, хотя сербскій переводчикъ и говоритъ, что онъ былъ «словенинъ родомъ».

Изъ этого мы видимъ, какъ тѣсно была связана Албанія съ Зетой и какъ жители той и другой считались близкими между собою и совершенно смѣшивались. Языкомъ письменной корреспонденціи Скендербега, видимо, былъ сербскій, вслѣдствіе чего и въ Дубровникѣ ему выдаютъ документы на сербскомъ языкѣ и получаютъ отъ него такъ же. Одна записка, по которой сдѣланъ заемъ 500 червонцевъ, скрѣплена Скендербегомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Ми господинь Гюрьгъ Кастриоть, речени Скендерьбегь — ови нашь листь отворени, а подъ печатимь прьстена моега.» (Mon. Serb. CCCL. XXXV).

Неудивительно послѣ этого, что у сербовъ явилось отождествленіе Скендербега съ Черноевичемъ.

Милаковичъ въ своей исторіи Черногоріи не совсѣмъ рѣшительно соглашается вмѣстѣ съ Барлеціемъ, что жена Черноевича была Мара, сестра Скендербега. Въ Комской же церкви, построенной Стефаномъ Черноевичемъ, гдѣ онъ и похороненъ вмѣстѣ съ супругой, и теперь можно прочитать слѣдующія надписи на двухъ, рядомъ лежащихъ надгробныхъ плитахъ: на одной — «Сіа плоча деспота степана воеводе мѡлеше црьноевича», а на другой — «сіа плоча госпоге маре». Слѣдовательно это не была Воисава, какъ говоритъ Мавро Орбини, а Мара, та самая, о которой говоритъ Барлецій, старшая дочь Іоанна Кастріота или сестра Скендербега.

Отдавшись весь дѣлу Скендербега, Стефанъ Черноевичъ въ

то же время защищалъ, конечно, свое дѣло или дѣло своей страны, Зеты, которая стояла на пути дальнѣйшихъ завоеваній турокъ.

ВЕНЕЦІЯ И ДУБРОВНИКЪ.

Во время всей этой борьбы Венеція играетъ роль весьма недвусмысленную: отнявъ у Зеты Скадаръ, она оттѣснила ея государя глубоко внутрь страны и Стефанъ Черноевичъ долженъ былъ перенести свою резиденцію въ Жаблякъ, какъ разъ у подножія горы; а вмѣсто того, чтобы помогать Скендербегу, она ведетъ противъ него разныя интриги: даетъ убѣжище людямъ, дѣйствующимъ противъ него, и вооружаетъ противъ него всю окрестность Скадра. Стефанъ Черноевичъ, притекая на помощь Скендербегу, всегда рисковалъ быть отрѣзаннымъ отъ своихъ владѣній венеціанцами или встрѣтить отпоръ въ своихъ собственныхъ подданныхъ. Барлецій, какъ католикъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, итальянецъ, скрываетъ это, и только случайно у него же можно найти факты, разоблачающіе лукавство венеціанъ; и потому онъ влагаетъ въ уста Скендербегу на смертномъ одрѣ похвалы венеціанцамъ, которыхъ они никогда не заслуживали, и которыхъ онъ, конечно, никогда не говорилъ. Во все это время борьбы Албаніи и Зеты противъ турокъ, Венеція сохраняла съ ними лучшія отношенія.

Совсѣмъ иначе относились дубровчане. Какъ прежде Бальшичамъ, такъ послѣ Черноевичу и Скендербегу они помогали заемомъ денегъ, доставкою оружія и перевязочными средствами. Не имѣя военнаго флота, какъ венеціанцы, и вообще сильнаго войска, они уклонялись отъ всякаго столкновенія съ турками, отъ чего пострадала бы ихъ торговля, которою они только и жили; но ихъ симпатіи были всегда на сторонѣ не турокъ, а сербовъ и вообще христіанъ, что̀ узнавши о туркахъ, они постоянно сообщали своимъ пріятелямъ, сербскимъ князьямъ. Такъ въ 1399 г. они сообщаютъ воеводѣ Радичу: «а о гласовѣхъ имамо за гласе, ерь се турци купе у срьбле на Зету и друго те да невѣмо кудѣ» и обѣщаютъ при томъ сообщать и впредь. Посольство Скендер-

бега въ Дубровникѣ съ драчскимъ архіепископомъ Павломъ Анчело во главѣ встрѣтило тамъ самый радушный пріемъ; архіепископъ держалъ въ сенатѣ горячую рѣчь въ похвалу Дубровинской республики, на которую отвѣчалъ секретарь сената Даніилъ похвалами Скендербегу; но дѣло было не въ однихъ голыхъ комплиментахъ, а въ томъ, что дубровчане дали Скендербегу свои суда для перевозки войска и разныхъ припасовъ. По этому поводу и Барлецій восхваляетъ какъ мѣстоположеніе и постройки Дубровника, такъ и его учрежденія, похожія на венеціанскія, и доблести его гражданъ: «Дубровникъ — это второй Римъ» (Кн. X, стр. 290)[6]).

ВОЙНА СЪ ГЕРЦОГОМЪ СТЕФАНОМЪ.

Въ это самое время Стефанъ Косача расширяетъ свои владѣнія на счетъ болѣе слабыхъ сосѣдей: отнимаетъ, какъ мы уже упоминали, Требинье у Родосава, и ставитъ подъ свою руку Попово; а потомъ, ставши ленникомъ императора Фридриха III и принявши титулъ герцога, нападаетъ на владѣнія Дубровника: опустошаетъ всю его окрестность, завладѣваетъ Конавлемъ, разрушаетъ укрѣпленія городка Оциня въ устьяхъ Неретви и опустошаетъ сосѣднія земли. Все это дѣлалось по поводу препирательствъ изъ-за соли; но въ то же время это было какъ разъ въ интересахъ Венеціи, которой желательно было всячески подорвать Дубровникъ. Не было у герцога мира и внутри его собственной семьи: родной сынъ Владиславъ взбунтовалъ противъ него города: Мостаръ, Благай, Почитель, Вргорацъ и Любушки, хотя и былъ, конечно, усмиренъ. Интересно то, что грамота, которою онъ возвращаетъ милость своему сыну въ 1453 г., дана имъ и у Пивѣ на планинѣ на Пишчу, гдѣ и теперь существуютъ слѣды какихъ-то старинныхъ построекъ (Monum. Serb. CCC. LXIX). Къ миру съ Дубровникомъ (1452) принудили его только угрозы султана Магомета II и венгерскаго короля Владислава IV. Такое соединеніе султана и венгерскаго короля показываетъ ясно, что герцогъ зашелъ уже слишкомъ далеко въ своихъ хищническихъ стремленіяхъ.

Къ этому же времени относится его война со Стефаномъ Черноевичемъ, въ которой послѣдній потерпѣлъ пораженіе, а одинъ изъ сыновей его попалъ даже въ плѣнъ. Неудивительно, что Стефанъ Черноевичъ потерпѣлъ тутъ пораженіе, такъ какъ силы его раздѣлялись на борьбу съ турками и на охрану со стороны венеціанцевъ. Какъ бы то ни было, это послужило на пользу венеціанцамъ, съ которыми онъ вынужденъ былъ заключить весьма невыгодный для него договоръ (въ 1451 г.). Послѣ обычнаго титулованія и приступа, онъ начинается слѣдующими словами: «Вельможный (magnifico) воевода Стефанъ Черноевичъ пусть будетъ и называется нашимъ правителемъ (capitano) Верхней Зеты..... и мы утверждаемъ за нимъ права наслѣдованія во владѣніи и какъ прежнемъ, такъ и теперешнемъ; но съ условіемъ, чтобы не касался владѣній Котора, ни другого сосѣдственнаго города, ни земель, принадлежащихъ нашимъ подданнымъ» и т. д.[7]).

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ СТЕФАНА ЧЕРНОЕВИЧА.

Сорокъ четыре года Стефанъ Черноевичъ управлялъ Зетой; не покладая рукъ, работалъ, чтобъ отстоять ея свободу; не щадилъ для того ни себя, ни своей семьи, и все-таки долженъ былъ уступать своимъ врагамъ, которыхъ было слишкомъ много, и между ними Венеція, конечно, самый злой и опасный. Однимъ только могъ онъ утѣшаться — это внутреннимъ миромъ и счастіемъ въ сыновьяхъ.

По словамъ Барлеція, у него было два сына: Георгій и Иванъ, а по исторіи Черногоріи, составленной по запискѣ владыки Петра I, былъ и еще одинъ сынъ Божидаръ, а Георгій названъ Андреемъ, и послѣдній имѣлъ прозвище *Арванитъ храбрый*. Божидаръ вмѣстѣ съ Арванитомъ помогали Скендербегу, и въ это время случилось убійство Павломъ Дукадьиномъ Захаріи Амнисфора, при чемъ погибъ и Божидаръ (Грлица, 1835; стр. 58).

Противъ Жабляка, на другой сторонѣ рѣчушки Каратуны, на совершенно плоской равнинѣ возвышается высокій и каменистый

островъ Одринская-Гора и отъ нея отдѣляется небольшая плоская вершинка Комъ, покрытая вѣчно зеленымъ дубомъ, лавромъ, миртой и гранатникомъ. По одну сторону виднѣется градъ Жаблякъ на конусообразномъ каменномъ холмѣ, и за нимъ цѣлый хребетъ трехверхой Бобіи, состоящій весь изъ сѣрыхъ скалъ, у подножія котораго лѣпятся села съ бѣлыми домиками, осѣненными деревьями тута и косцелы, окруженныя виноградниками. А къ югу въ видѣ двухъ горбовъ высится островъ Вранина. Это какъ разъ въ устьяхъ рѣкъ Морачи и Ободской-рѣки, впослѣдствіи Черноевича. Кругомъ вода и каменистые холмы въ видѣ плавающихъ острововъ, покрытыхъ зеленью, среди которой виднѣются то группа домиковъ, то церковь, то развалины какого-нибудь стараго града или просто нагроможденія скалъ, имѣющія видъ фантастическихъ замковъ, а между ними сплошная зелень луговъ или нивы. За этими островами, на болѣе отдаленномъ горизонтѣ видится высокій хребетъ Краинскихъ горъ, среди которыхъ выдѣляется съ коническою вершиной и однимъ плечомъ Румія; Сутормань съ выбѣгающимъ въ Скадарское озеро тоже коническимъ Голишемъ; широкая впадина Цермницы обращена сюда какъ разъ своимъ широкимъ устьемъ, и наконецъ на самомъ высокомъ и далекомъ горизонтѣ высится вершина Ловчена съ разбросавшимся у его подножія нагроможденіемъ горъ, покрытыхъ дремучими лѣсами, носящихъ общее названіе Черной-Горы.

Комъ представляетъ собою уголокъ весьма укромный, закрытый, и въ то же время съ него вы видите не только перечисленныя нами горы, но и частицу Скадарскаго озера и равнину нижней Зеты съ разбросанными по ней селами и рощами, а за нею зубчатыя, бо̀льшую часть года покрытыя снѣгомъ албанскія Альпы.

Тутъ-то и устроилъ Стефанъ Черноевичъ монастырь и церковь во имя Успенія Богородицы. Все это крошечное, потому что не позволяли больше средства. Вышина церкви такова, что рукою достаете гораздо выше стрехи; внутрь если войдутъ 20

чел., то она уже и полна; за то передъ нею устроена крытая галлерейка, просторомъ втрое больше, подъ которою можно укрыться отъ дождя и солнца. Церковь вся расписана внутри и снаружи иконами святыхъ и изображеніями картинъ изъ священнаго писанія, до сихъ поръ еще не совсѣмъ слинявшими, и подъ ними можно еще читать, хотя и съ трудомъ, надписи. Кругомъ была стѣна частью изъ мѣстнаго камня, какъ вообще тамъ строятся дома, а частью изъ громадныхъ глыбъ, заполняющихъ промежутки между вошедшими въ нее скалами. Внутри двора находились жилыя постройки: домъ для монаховъ и служителей съ подваломъ; еще зданіе тоже для службъ и внизу *коноба*, т. е. помѣщеніе для скота съ отдѣльными помѣщеніями, какъ въ нынѣшнихъ черногорскихъ сельскихъ домахъ, для ягнятъ и козлятъ, называемыми *котци* (един. ч. *котацъ*). Однимъ словомъ, вы узнаете въ этихъ развалинахъ ту же самую обстановку, разсчитанную на тѣсноту и уютность, какую мы встрѣчаемъ и теперь въ порядочномъ домѣ черногорца; хотя народная фантазія обратила подвальныя постройки этихъ развалинъ въ тюрьмы, а съ глухими стѣнками котцы, черезъ которые обыкновенно безъ дверокъ бросаютъ и вытаскиваютъ ягнятъ и козлятъ, обратили въ мѣста пожизненныхъ заключеній или каменные мѣшки.

Не было у Стефана Черноевича такого рода преступниковъ; не былъ онъ жестокаго и горделиваго нрава, какъ другіе владѣтели земли и людей; это мы видѣли изъ его уступчивости передъ волею послѣдняго сербскаго деспота; да и былъ для того цѣлый градъ Жаблякъ. Но здѣсь онъ отдыхалъ душою отъ всѣхъ треволненій тяжелой политической жизни и въ уединеніи скорбѣлъ надъ горькою участью своего многострадальнаго отечества. Тяжелые дни онъ переживалъ въ тотъ моментъ; а еще тяжеле предвидѣлись и уже наступали: съ паденіемъ Албаніи, на очереди была Зета.

Уединясь отъ свѣта и его треволненій, онъ здѣсь собирался съ духомъ, предаваясь благочестивымъ размышленіямъ и углубляясь въ сокровенный смыслъ священнаго писанія; а передъ ве-

черомъ, окруженный своею семьей и скромными иноками, любовался на свой Жаблякъ, обливаемый послѣдними лучами заходящаго солнца, и на переливы цвѣтовъ зари на вершинахъ албанскихъ горъ, изъ-за которыхъ скоро выходила полная луна, отражаясь сначала огненнымъ столбомъ на спокойномъ зеркалѣ озера, а потомъ дробясь по нему серебромъ и очерчивая силуетъ окружающихъ горъ, скалъ, острововъ. Кругомъ тишина; въ воздухѣ ароматъ и нѣга, отъ воды и съ горъ по временамъ тянетъ освѣжающая струя влаги и горнаго воздуха. Жизнь даетъ себя знать только крикомъ ночныхъ птицъ, шорохомъ и трескомъ ночныхъ насѣкомыхъ; да издали доносится лай собакъ, привязанныхъ у своихъ *торовъ* (пригонъ для скота). Въ зимнее время окрестность ея оживлялась стеченіемъ рыболововъ съ ихъ снастями и всюду шныряющими лодками. Тогда днемъ воздухъ наполнялся стаями пернатыхъ, и ночью по всѣмъ водамъ раздавался ихъ плескъ и крикъ, какъ на базарѣ.

Таковъ этотъ Комъ въ настоящее время; таковъ онъ былъ, конечно, и во время Стефана Черноевича, развѣ только было меньше воды и побольше населеніе.

Здѣсь же подъ низкими сводами его маленькой церкви успокоились и кости Стефана Черноевича и супруги его Марьи, сестры его друга до смерти и славнаго въ цѣломъ свѣтѣ героя, Скендербега.

Это мѣсто всегда было уединенное; а съ тѣхъ поръ какъ турки раззорили его вмѣстѣ съ Вранинскимъ монастыремъ, тутъ не живетъ ни одинъ монахъ, и круглый годъ не совершается божественная служба. Не пасется здѣсь ни единое стадо, не тронетъ никто ни прутика изъ лѣса, ни одного плода не возьметъ отсюда, ни одного зернышка изъ граната; только на Успеніе Богородицы и наканунѣ его служится вечерня, и потомъ заутреня и литургія и собирается народъ изо всей окрестности.

Стефанъ Черноевичъ умеръ въ 1471 г., правивши Зетой 44 года, а лѣтъ отъ рожденія имѣлъ, вѣроятно, близко 80 или больше, судя по тому, что еще Бальша III поручалъ ему Скадаръ,

какъ старшему между воеводами, и старшимъ же онъ является между зятьями Скендербега, который былъ много моложе его и умеръ пятью годами раньше, и то имѣлъ отъ рожденія 63 года.

ИВАНБЕГЪ.

Тяжкое бремя досталось его наслѣднику, сыну Ивану, извѣстному больше подъ именемъ Иванбега, въ чемъ видно уже вліяніе турокъ. Титулъ бега означалъ сначала достоинство владѣтельнаго лица или князя; онъ придавался и къ имени султана съ придачею, конечно, еще и другого имени: *царь* или *эмиръ*. Въ одной грамотѣ Дубровнику, разрѣшающей ему именемъ султана возвратить залогъ нѣкоему Влатку, читаемъ слѣдующее: «Боже, вь име твоѣ аминь. Іаа Али-бегъ, синь кнеза Ивана Влаховика, *чеснегьрь* и *склавь* великаго цара и великаго господара Амирь султанъ Мехемедь-*бега* даю знати» и проч. (Monum. Serb. C. D. XXXIV 1470 г.).

Кромѣ титулованія султана бегомъ, въ этой грамотѣ интересно видѣть новоиспеченнаго изъ сербскаго князя новаго турецкаго бега и чиновника, величающаго себя *чеснегьромъ* и *склавомъ* султана: не знаемъ, что̀ означаетъ первое слово, но во второмъ ясно видно *рабъ*.

Ивану Черноевичу предстояла, конечно, высшая честь у турецкаго султана, еслибъ онъ только согласился ее принять; но онъ отъ этой чести отрекся и только въ имени его остался титулъ бега, съ которымъ къ нему обращался султанъ и турки, а послѣ усвоилъ это имя и свой народъ и передалъ въ отдаленное потомство.

Въ это время султанъ Магометъ II овладѣлъ всѣмъ почти Балканскимъ полуостровомъ и островами Архипелага; Сербія и Боснія давно уже пали; герцогъ Стефанъ, ожидая со дня на день нападенія турокъ, укрѣпилъ градъ въ Клобукѣ, подобно тому, какъ Черноевичъ въ Жаблякѣ; но при его наслѣдникахъ турки завладѣли и имъ. Въ обходъ владѣній Дубровника турки проникли до Адріатическаго моря, и Дубровникъ пощаженъ ими

только потому, что, оставаясь независимымъ, былъ гораздо полезнѣе для нихъ, чѣмъ былъ бы въ ихъ рукахъ. Черная туча висѣла надъ Зетой.

Въ 1474 г. войско изъ 70,000 чел., подъ предводительствомъ румелійскаго бегleръ-бега Сулеймана-паши, подступило къ Скадру, гдѣ въ то время сидѣли венеціанцы.

Стѣсненные турками, они обращаются къ Иванбегу, который, презрѣвъ все зло, принесенное венеціанцами его отечеству, въ виду угрожавшей общей опасности, является на помощь, и соединенными силами они отбиваютъ непріятеля, нанесши ему громадный вредъ (полагаютъ болѣе 7,000 убитыми), и не переставая его тревожить, заставляютъ турокъ не только снять осаду, но и удалиться. Венеціанцы записали имя Иванбега между своими патриціями въ золотой книгѣ и почтили дипломомъ съ слѣдующимъ титуломъ: *Magnificus et potens Dominus Joanus Cernoevich dominus in partibus Xentae Superioris ac Vajvoda noster.*

Въ 1478 г. снова собирается громадное турецкое войско, является подъ Скадромъ и съ нимъ самъ султанъ Магометъ II. Черноевичъ и тутъ является на помощь и искуснымъ маневромъ отрѣзываетъ турецкое войско отъ его обоза съ провіантомъ. Этимъ онъ раздражилъ только турокъ: обойдя Скадаръ, они пошли прямо на Жаблякъ и завладѣли имъ. А венеціане безъ всякой нужды предали имъ Скадаръ и заключили миръ, бросивши своего союзника.

Въ 1481 г. онъ, однако, отнимаетъ у турокъ свой Жаблякъ; а въ слѣдующемъ году турки снова осадили его; но онъ держался. Иванбегъ обратился за помощью къ венеціанцамъ, но ему отвѣтили, что они не желаютъ нарушать мирный и торговый договоръ, заключенный съ Баязетомъ II. Тогда Иванбегъ оставилъ Жаблякъ, предавши его прежде огню, и углубился внутрь горъ, гдѣ и укрѣпился въ узкой долинѣ Ободской рѣки; и потомъ отправился въ Италію искать помощи, оставивши своего брата, Георгія Арванита, который и отбивалъ турокъ до возвращенія Ивана. Георгій Арванитъ скоро и умеръ, не оставивши

наслѣдниковъ мужскаго пола; а двѣ дочери его выданы были замужъ: Марія — за валашскаго воеводу Радула (управлялъ съ 1462 — 1477 гг.), и Ангелина — за сына Юрія Бранковича, Стефана Слѣпого, который, какъ мы уже упоминали, пытался предпринять что-то противъ турокъ, но не могъ сдѣлать ничего и, спасаясь отъ нихъ, черезъ Зету уѣхалъ въ Италію. Ангелина считается въ Черногоріи святою и называется не иначе, какъ *майка Андьелина*, что̀ она заслужила своею любовью и добрыми дѣлами, оказанными зетскому народу, вѣроятно, еще до замужества. Такою же славою у сербовъ пользуются сыновья ея — архіепископъ Максимъ и деспотъ Іоаннъ, оставшіеся послѣ отца въ Сремѣ.

Ничего не успѣвши въ Италіи, Иванбегъ построилъ на Ободѣ небольшой градъ Соколъ и основалъ при немъ типографію; наконецъ, укрѣпилъ всѣ проходы въ горы и свою резиденцію перенесъ подъ Ловченъ, гдѣ на Цетинской равнинѣ основалъ церковь во имя Рождества Богородицы и при ней монастырь; а для себя небольшой дворецъ.

На Цетинье же онъ убѣдилъ тогдашняго митрополита зетскаго Виссаріона перенести и свою столицу. Это случилось въ 1484 г.; а въ 1490 г. не стало и Иванбега, и ему наслѣдовалъ старшій сынъ его Георгій, управлявшій Черногоріей до 1516 г. и тогда удалившійся въ Венецію, откуда была родомъ его жена. Затѣмъ настаетъ періодъ правленія митрополитовъ или владыкъ.

Относительно перенесенія резиденціи зетскаго государя и зетскаго митрополита на Цетинье мы имѣемъ точные документы, между прочимъ, грамоту Ивана Черноевича на пергаментѣ и съ печатью, хранящуюся на Цетиньѣ. Но о томъ, какъ прошли его послѣдніе годы на этомъ новомъ мѣстѣ, мы ничего не знаемъ. Къ тому времени относится, однако, преданіе, весьма важное въ дальнѣйшей исторіи Черногоріи; это — преданіе о томъ, какъ потурчился сынъ Иванбега Стефанъ, иначе называемый Станиша.

ВОПРОСЪ О СТАНИШѢ ЧЕРНОЕВИЧѢ.

Въ народной пѣснѣ говорится, что его послалъ самъ отецъ въ Цареградъ въ качествѣ заложника съ нѣсколькими другими черногорцами. Но тамъ онъ — волей или неволей — потурчился и затѣмъ, посланный султаномъ пашой надъ Зетой, долженъ былъ сразиться со своимъ братомъ; произошла битва на Лѣшкополѣ; Станиша былъ разбитъ и спасся бѣгствомъ, а товарищи его черногорцы взяты въ плѣнъ. Послѣ этого Скадаръ не впустилъ его къ себѣ, и онъ поселился въ селѣ Бушатахъ, по которому его потомки прозвались *бушатліями*; и всѣ паши изъ этого рода были самыми злыми врагами Черногоріи. Взятые же въ плѣнъ другіе черногорцы поселились въ Черногоріи всякій въ своемъ селѣ, не перемѣнивши магометанства, и отъ нихъ пошли въ Черногоріи первые потурченцы.

Варьируется это преданіе еще такъ, что Станиша самъ отправился къ султану изъ зависти или ненависти къ своему старшему брату. На основаніи этого варіанта Милаковичъ и передаетъ весь этотъ эпизодъ въ своей исторіи Черногоріи. По его словамъ, вотъ какъ это было: «Завидуя своему брату, Станиша отправился къ султану просить у него войска, чтобы съ помощью его покорить своей власти Черногорію, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Баязетъ поставилъ его тамъ правителемъ и Скадаръ былъ столицею Зеты; а что онъ, съ своей стороны, будетъ платить портѣ ежегодную дань. Султанъ согласился на просьбу Станиши подъ условіемъ только, чтобы онъ прежде принялъ магометанство. Можетъ быть, изъ страха, а можетъ быть и по свободному выбору, Станиша, вмѣстѣ съ сопровождавшими его черногорцами, согласился на предложеніе султана и принялъ исламизмъ, прозвавшись Скендербегомъ» (стр. 63).

Еще нѣсколько иначе передаетъ это событіе Грлица (1835 г.). По ней Станиша, потурчившись со всѣми своими товарищами и принявъ имя Скендербега, воротился домой; но тутъ, «частью вслѣдствіе угрызенія собственной совѣсти, частью вслѣдствіе

укоровъ со стороны братьевъ и народа, онъ возвратился къ своей прежней вѣрѣ въ великомъ раскаяніи, и наконецъ принялъ монашескій чинъ, въ коемъ и умеръ; остальные же потурченцы остались всякій въ своемъ мѣстѣ, держась магометанскаго закона» (стр. 63).

Существенная разница заключается въ томъ, потурчился ли Станиша поневолѣ, бывши отцомъ Иванбегомъ посланъ къ султану заложникомъ, какъ то стоитъ въ пѣснѣ; — или по смерти отца отправился къ нему самъ.

Народная пѣсня часто смѣшиваетъ, если не событія, то имена, и нерѣдко чужого героя воспѣваетъ вмѣсто своего. Мы видѣли уже въ исторіи Скендербега Кастріота, какъ сербскій переводчикъ произвелъ его въ Черноевичи; такъ и здѣсь та же самая исторія повліяла и на преданіе о Станишѣ. Иванбега легко было отожествить съ Іоанномъ Кастріотомъ, а и Станишѣ, по принятіи имъ магометанства, очень естественно турки дали имя славнаго героя Скендербега, можетъ быть даже по его собственному желанію. Отдача же его въ заложники Иванбегомъ совершенно противорѣчитъ исторіи, такъ какъ Иванбегъ до послѣднихъ дней своихъ не складывалъ оружія передъ турками и не заключалъ съ ними мира. Въ 1484 г. онъ бросаетъ Зету и поднимается въ горы, утвердивши всѣ проходы, конечно, не для мира, а для продолженія борьбы; и если онъ въ состояніи былъ такъ долго держаться въ Жаблякѣ на равнинѣ, которымъ турки сначала завладѣли только потому, что самъ Иванбегъ былъ за Скадромъ, гдѣ помогалъ венеціанцамъ, и потомъ они все-таки были имъ выбиты изъ Жабляка, то, забравшись въ горы, онъ уже положительно не боялся турокъ, и ни о мирѣ съ ними, ни о дачѣ имъ заложниковъ не могло быть и рѣчи. Это совершенно перелицованная исторія Кастріотовъ, тѣмъ болѣе, что она въ то время слишкомъ хорошо была извѣстна и, конечно, воспѣвалась въ народѣ не только албанскомъ, но и зетскомъ, а впослѣдствіи она утратила свой мѣстный албанскій характеръ и тогда легко ее было пріурочить къ Станишѣ.

Что онъ отправился позже, доказываютъ двѣ грамоты, данныя Георгіемъ и Стефаномъ Черноевичами вмѣстѣ въ 1492 и 1495 гг. (объ нихъ будетъ дальше).

Однимъ словомъ, онъ отправился позже, имѣя какой нибудь поводъ быть недовольнымъ братомъ, или считая себя болѣе способнымъ, чтобы управлять Зетой, и надѣясь достигнуть этого черезъ турокъ.

Но послѣ этого шага ему уже не было возврата домой и невозможно было возвращеніе къ христіанству: эта версія принадлежитъ владыкѣ Петру I или тѣмъ патріотамъ, отъ которыхъ онъ взялъ ее и которые имѣли намѣреніе обѣлить одного изъ членовъ славнаго дома Черноевичей.

Родъ Бушатліевъ, существующій понынѣ въ Бушатахъ близъ Скадра, и одно семейство ихъ въ Ульцинѣ совершенно опредѣленно хранитъ преданіе о происхожденіи ихъ отъ Станиши; опираясь на это, и страшный Кара-Махмудъ (въ концѣ прошлаго столѣтія) заявлялъ свои претензіи на Черную-Гору.

Наконецъ есть двѣ грамоты, говорящія въ пользу того же. Приведемъ изъ нихъ тѣ мѣста, изъ которыхъ увидимъ, кто ихъ далъ. Первая начинается такъ: «При царе Сулеимане. Преда мномь *Скѣдербегомъ Црновичемь санджакомь црногорскиемь* додье игумань оть светога Николе-вранинскога и калугери пожалише ми се, како имь су притисли запешани медье црковне. сьерчине подь Забесь. потому узехь іа господарь кадию царева изидосмо на Вир и скуписмо 24 властела оть све црьвнице и заклесмо ихь богомь и душами нихь да покажу кудиесу медье црьковне и забешке». . . . . Въ другой по тому же поводу приводится грамота Ивана Черноевича, а въ концѣ слѣдующая приписка: «Потоле потврди сіе что приложіо господинь Ивань Черноевичь *синь неговь Скендербегь Ивановичь.* восе по реду више писано цркви светога Николе. лет ҂ѕ҃л҃є (7035=1527) фр. є҃ дань. у град жабіак. писа никола поповичь бивьши іазажиа скендербегов. у то вриеме».

Очень ясно, что это былъ сынъ Иванбега, а другого, кромѣ Станиши, не было, — который былъ пожалованъ въ санджаки,

какъ и Скендербегъ Кастріотъ, по толкованію Барлеція, во второй чинъ послѣ паши или начальникомъ надъ 5000 конницы. Очень естественно, что султанъ поставилъ его правителемъ только той малой части Зеты, въ которой до послѣднихъ дней держался Иванбегъ, съ резиденціею Жаблякомъ. Награждая такимъ образомъ Станишу, султанъ не рисковалъ ничѣмъ, потому что эта часть не имѣла большого значенія, а въ то же время, находясь на самомъ краю, открытомъ нападеніямъ съ сосѣднихъ горъ, она больше всего приличествовала Станишѣ, который все-таки тамъ былъ своимъ человѣкомъ и могъ лучше всякаго другого изъ турокъ имѣть вліяніе и дѣйствовать на Черную-Гору, для которой онъ собственно и былъ поставленъ, а не для Зеты. И это было уже въ 1527 г., слѣдовательно по удаленіи Георгія Черноевича и когда уже настало правленіе владыкъ.

Отъ *язаджіи* или секретаря Николы Поповича и теперь есть потомки, и мы имѣемъ относящійся къ нимъ документъ, въ которомъ ясно указывается на ихъ происхожденіе изъ Жабляка.

ОТНОШЕНІЯ КЪ ТУРЦІИ.

Эти совершенно случайные документы проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на тогдашнія отношенія Черногоріи, давшія поводъ нѣкоторымъ утверждать, что отъ начала XVI до конца XVII в. Черногорія въ теченіе почти двухъ столѣтій находилась въ подданствѣ Турціи (Голуб., стр. 601). Правда, вся Зета была турками покорена, но часть ея, Черная-Гора, состоявшая притомъ не изъ однихъ катуновъ, какъ предполагаютъ многіе, не могла признавать надъ собою ихъ власти, такъ какъ имѣла свою собственную власть, какъ свѣтскую, такъ и духовную.

Изъ обстоятельствъ, указанныхъ въ этихъ документахъ, видно, что даже часть Зеты, составлявшая какъ бы округъ Жабляка, была оставлена при автономіи съ Черноевичемъ во главѣ, и турки не даютъ въ обиду православный монастырь. Давши Скендербегу Черноевичу титулъ правителя Черной-Горы, Порта руководилась тѣмъ, что она составляла часть Зеты; но

Черная-Гора совершенно легально по международнымъ отношеніямъ конституировалась независимо отъ остальной Зеты и, напротивъ, принципіально сохранила за собою право на юрисдикцію свѣтскую и духовную въ Зетѣ за предѣлами собственной территоріи.

Съ удаленіемъ Георгія Черноевича водворяется порядокъ, похожій на республику, во главѣ которой стоитъ владыка съ племенными главарями и народнымъ собраніемъ.

Ставя рядомъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Черною-Горой правителемъ Черноевича, Турція стремилась осуществить свои претензіи, дѣйствуя этимъ именемъ на Черную-Гору, чего, однако, ей не удалось достигнуть; но это не осталось, однако, совершенно безъ послѣдствій: туркамъ удалось совершенно подчинить себѣ всю Рѣцкую нахію и Цермницу, и затѣмъ постепенно провести магометанскій элементъ и въ Черную-Гору, который къ концу XVII в. является уже такою силой, что съ нею приводилось считаться. Можно съ увѣренностію предположить, что постепенно турки успѣли пріобрѣсти себѣ въ Черногоріи цѣлую партію приверженцевъ, съ помощію которыхъ они могли совершенно завладѣть этою независимою страною, но до этого дѣло еще не дошло, и когда было близко осуществленіе этой цѣли, рѣшительный конецъ положенъ былъ владыкою Даніиломъ.

Голубинскій даетъ такое толкованіе подчиненности Черногоріи туркамъ: «Зависимость — говоритъ онъ — какъ нужно предполагать, не была совершенно настоящею, а походила на ту полунезависимость, въ которой находятся въ настоящее время албанцы нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностей, которые, когда хотятъ, платятъ, а когда не хотятъ, отказываются платить дань султану и которые не допускаютъ турецкое правительство до вмѣшательства въ свое внутреннее управленіе» (стр. 600).

Основываясь на платѣ дани, которую турки съ помощію войска брали съ какой нибудь мѣстности, можно вывести зависимость многихъ государствъ, которыя подвергались набѣгамъ завоевателей и должны были платить имъ контрибуцію; по отно-

шенію же къ Черной-Горѣ не было и этого, потому что впервые турки напали на самую Черную-Гору только въ концѣ XVII в., а до тѣхъ поръ нога турецкая не ступала нигдѣ въ Катунской нахіи, не считая, конечно, нападеній, соединенныхъ съ разореніемъ и грабежомъ окраинъ ея, смежныхъ съ мѣстами, гдѣ турки были уже полными господами. Въ такомъ полунезависимомъ положеніи находились только Брда, т. е. долина средняго теченія Зеты, и правый берегъ Морачи противъ Подгорицы, гдѣ христіане постоянно бились съ турками и иногда поражали ихъ съ помощію независимыхъ катунянъ, а иногда туркамъ удавалось поставить тамъ свою власть. Ничего подобнаго не бывало въ Черногоріи. Кромѣ того албанскія племена постоянно были участниками всѣхъ турецкихъ войнъ, составляя часть султанскаго войска. Наконецъ албанцы послѣ Скендербега никогда не носили въ себѣ идеи политической независимости и не имѣли такого центра, какимъ для черногорцевъ былъ владыка цетинскій, духовная юрисдикція котораго простиралась далеко за предѣлы Черногоріи. У албанскихъ племенъ никогда вплоть до навязанной имъ недавно *албанской леги* не было и помысла вести освободительную миссію общими усиліями, и каждое племя не шло дальше свободы своей собственной или помощи ближайшему сосѣду, и то тогда только, если не было съ нимъ въ ссорѣ. Черногорія же никогда не упускала изъ виду этой миссіи, и такъ смотрѣли на нее всѣ племена, даже находившіяся въ турецкой зависимости. Къ ней обращали свои взоры иногда и албанскія племена. Когда западныя державы собирались открыть войну во имя изгнанія турокъ изъ Европы, планы ихъ останавливались прежде всего на Черногоріи, которую избирали своимъ операціоннымъ базисомъ, и на одномъ международномъ собраніи съ этою цѣлію, бывшемъ въ Кучахъ, черногорскій владыка фигурируетъ, какъ представитель не одной Черногоріи, но и Албаніи или собственно Скендеріи.

Нѣчто особенное представляли только Плавская республика и Клименты, которые окончательно покорились туркамъ только

къ половинѣ XVII в.; но тутъ были преимущественно сербы, какими они оставались весьма долго и послѣ того. Однимъ словомъ, мы не можемъ смотрѣть на Черногорію, отъ самаго начала ея самостоятельнаго конституированія послѣ паденія Зеты, иначе, какъ на страну вполнѣ автономную, независѣвшую въ то время ни отъ какой другой державы.

Останавливаемся на этомъ вопросѣ не ради практическо-политическихъ цѣлей, такъ какъ для осуществленія ихъ, такъ называемое, историческое право имѣетъ весьма малое значеніе и современная Черногорія владѣетъ уже не только частями Зеты, которыя были подъ властью то Венеціи, то Турціи, но еще землями, не принадлежавшими даже Зетѣ; мы дѣлаемъ это единственно съ цѣлію уясненія историческаго факта.

ОТНОШЕНІЯ КЪ ВЕНЕЦІИ.

Кромѣ Турціи, сильнымъ противникомъ Черной-Горы была всегда Венеція, которая также пыталась принудить еще зетскихъ государей признать свое суверенство, и до нѣкоторой степени ей это удавалось. Такъ она de facto умѣла распространить свою власть на Цермницу, пользуясь ея сосѣдствомъ съ Баромъ и Приморьемъ, которыми въ то время еще не успѣли овладѣть турки.

Изъ одного документа 1454 г. мы видимъ, что игуменъ Вранинскаго монастыря, затягавшись съ цермничаниномъ Калодьюрдьемъ Дьюрашевичемъ изъ-за мельницы при селѣ Ораховѣ (въ Цермницѣ), идетъ вмѣстѣ съ другими монахами на судъ въ Которъ, къ графу и капитану Венеціанской республики Алоизію Баффо (Mon. Serb. CCC. LXXX).

Безъ сомнѣнія, ту же фамилію Дьюрашевичей мы встрѣчаемъ въ одномъ русскомъ документѣ начала нынѣшняго столѣтія, относящемся къ капитану и графу Боки-ди-Катаро Василію Юрасовичу, который большія услуги оказывалъ во время пребыванія тамъ русскимъ войскамъ.

Не знаемъ, можно ли сюда же отнести фамилію *Юрасичей*,

изъ которой, по словамъ Голубинскаго, происходилъ Стефанъ Черноевичъ (стр. 599), потому что не знаемъ, откуда имъ это взято; все равно какъ не знаемъ, чѣмъ объяснить значащееся на надгробной плитѣ его имя *Мулеши*. Приводимъ это къ тому, что между всѣми этими случайными совпаденіями именъ можетъ быть историческая связь и такое сопоставленіе ихъ можетъ хоть нѣсколько освѣтить какую-нибудь частность въ этомъ темномъ періодѣ, лишенномъ всякаго освѣщенія исторіей и документами. Фамилія Черноевичей до сихъ поръ задержалась въ Черногоріи и находится въ связи, если не со Станишей, довольно долго державшемся въ Зетѣ, то съ родовичами перваго извѣстнаго въ исторіи Стефана Черноевича, и это уясняетъ намъ мѣсто его происхожденія; отсюда можетъ быть и его привязанность къ этимъ мѣстамъ. Одинъ Черноевичъ-Давидовичъ по особенному порученію отъ владыки Петра I ѣздилъ въ Россію, и этотъ родъ былъ изъ Вранины, а также есть Черноевичи и въ Градьянахъ въ Цермницѣ.

Господство венеціанцевъ въ Цермницѣ, между прочимъ, видно въ дипломахъ, которые они давали мѣстнымъ *отмѣннымъ людямъ*, давая имъ разные титулы, какъ впослѣдствіи отъ Россіи многіе черногорцы получили дворянство. Весьма старый и интересный дипломъ съ изображеніемъ герба имѣютъ Пламенцы въ Цермницѣ (село Болевичи).

ГЕОРГІЙ ЧЕРНОЕВИЧЪ.

Не покончивши съ фактами послѣднихъ лѣтъ управленія Черноевичей, мы забѣжали нѣсколько впередъ по той причинѣ, что эти факты позднѣйшаго періода имѣютъ свое начало и получаютъ объясненіе въ томъ именно моментѣ, когда прежнее зетское государство прекращало свое существованіе, и изъ него зараждалось новое, совершенно на иныхъ началахъ, которыя безъ сопоставленія ихъ рядомъ съ началами предшествовавшаго періода не могутъ быть правильно понимаемы.

Мы не останавливались много на родословіи Черноевичей,

потому что считаемъ совершенно достаточнымъ для объясненія его факты, собранные Милаковичемъ (стр. 64 — 75). Считаемъ нужнымъ упомянуть только, что Иванбегъ еще при жизни помолвилъ своего старшаго сына Георгія съ дочерью венеціанскаго патриція Антонія Эрицо, Елисаветою, но померъ, не увидѣвши своей будущей снохи, въ то время, когда она была уже на дорогѣ въ Цетинье.

Народная пѣсня воспользовалась и этимъ фактомъ для поэтическаго воспроизведенія, давши ему совершенно иную, трагическую обстановку и опять перемѣшавши имена: вмѣсто Георгія является Максимъ, а также иное имя дается и матери. Кромѣ того, сваты отправляются не изъ Цетинья, а изъ Жабляка; но при этомъ видно, что составитель пѣсни хорошо былъ знакомъ съ мѣстностію, какою она была въ то время, когда еще не была до такой степени затоплена водою.

Иванбегъ завелъ и типографію въ Ободѣ; но печатаніе книгъ началось позже при его сынѣ Георгіѣ, и первая, вышедшая изъ нея книга была *осмогласникъ*, носящая дату 1494 г.

Трудно теперь войти въ тѣ планы и цѣли, которые онъ имѣлъ въ виду, заводя типографію въ такое тяжелое время; одно только въ этомъ видно несомнѣнно, что онъ былъ по своему времени просвѣщенный человѣкъ и любитель просвѣщенія.

Похороненъ онъ въ собственной церкви; но во время перваго нашествія на Цетинье турокъ, тѣло его было оттуда вынуто и гдѣ-то скрыто, а гдѣ именно — остается до сихъ поръ тайною для всѣхъ.

Съ удаленіемъ изъ Черногоріи послѣдняго правителя Георгія Черноевича прекращаются всякія сношенія ея съ остальною Европою и наступаетъ самая глухая пора, самый темный періодъ въ жизни черногорскаго народа, о которомъ мы ничего не знаемъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому періоду, мы должны, на сколько то возможно, собрать факты изъ внутренней жизни Зеты съ тѣхъ поръ, какъ она стала управляться собственными госу-

дарями независимо отъ Сербскаго царства. (О происхожд. Черноевичей, см. прим. 8.)

VI.

Общій взглядъ на внутреннее состояніе Зеты до прекращенія ея владѣтельной династіи.

Какъ и въ предыдущемъ періодѣ, мы и здѣсь поставимъ на первомъ планѣ положеніе церкви.

Намъ извѣстно, что зетская епископія находилась при церкви арх. Михаила въ Дрепѣ, и это мѣсто совершенно точно опредѣляется тамъ, гдѣ нынче находится Подгорица. И больше объ ней нѣтъ никакого упоминанія, какъ будто она вовсе не существовала.

ЦЕРКОВЬ.

Изъ общаго же политическаго положенія Зеты мы видимъ, что политическій центръ ея передвигается къ югу, и какъ Неманичи, такъ потомъ Бальшичи и Черноевичи стремятся основать свою резиденцію въ Скадрѣ, сталкиваясь здѣсь съ венеціанцами, покуда имъ не овладѣли окончательно турки.

Это стремленіе къ югу не могло не повліять и на высшее церковное управленіе. Основывая свою резиденцію здѣсь, государи Зеты, по всѣмъ вѣроятіямъ, увлекли за собою и митрополію. Мы имѣемъ грамоту Бальши III, данную имъ церкви Пречистой Богородицы на островѣ Морачникѣ (на Скадарскомъ озерѣ), въ которой упоминаются два митрополита зетскихъ, безъ означенія, однако, гдѣ именно они жили. Вотъ это мѣсто: «И сіе малое приношеніе вь дар принесох душеумиленно и срьдцемь смѣренном приложих іа баоша гюргевикъ *пръчистои у морачнику* от моих солиль у брода едногувно. от солиль кои да господинь *митрополит зецки арсеніе сь всѣмь збором и клиросом пречисте кравнске* доброволно, ниедно посилие имаюки и мене баоши *митрополит дв҃дь* по томжде образу потврди и записа, да ми су непоколѣбима вишеписанна, а да давам *пръчистои кравнскои десеты* кобьл соли .... писанно солило приложих *пръчистои у мо-*

рачьникь да дае прьчистои краинскои десети кобл соли». (1417 г.).

Надобно замѣтить, что на Морачникѣ была небольшая церковь, слѣды которой можно видѣть и теперь; а такъ называемая *Прьчиста Краинска* находится въ Краинѣ на концѣ того хребта, который заканчивается противъ Скадра доминирующею надъ нимъ высотою Тарабошъ. Здѣсь находятся развалины большого монастыря и множества другихъ построекъ вокругъ него. Монастырь этотъ когда-то былъ въ большой силѣ, и по народному сказанію тутъ именно была когда-то митрополія.

Изъ приведенной грамоты видится, что церковь Пречистой на Морачникѣ была какъ бы филіальною по отношенію къ главной Пречистой Краинской и какъ будто ея назначеніе было принимать дары во имя и для Пречистой Краинской, гдѣ и находился во время составленія дарственной записи зетскій митрополитъ Арсеній со всѣмъ соборомъ и клиросомъ; а потомъ то же самое подтвердилъ и другой митрополитъ Давидъ.

Потомъ, когда резиденція зетскихъ государей должна была перенестись въ Жаблякъ, вслѣдствіе того, что Скадаръ заняли сначала венеціане, а потомъ турки, тогда, конечно, митрополіи неудобно было оставаться въ Краинѣ, и тогда она, по всѣмъ вѣроятіямъ, перенеслась на Вранину, гдѣ была какъ разъ близъ Жабляка. Переселился Иванъ Черноевичъ на Цетинье, туда же переселяется и митрополитъ. Да и могла-ли митрополія находиться на далекомъ разстояніи отъ государя, когда съ одной стороны митрополитъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ долженъ былъ руководствоваться его волею и соображеніями, а съ другой — и самъ былъ однимъ изъ первыхъ въ совѣтѣ государя?

Вотъ почему, какими милостями ни пользовался Вранинскій монастырь какъ у Неманичей, такъ и у зетскихъ государей, а митрополія тамъ не могла имѣть своей резиденціи, именно вслѣдствіе отдаленности главнаго центра мірской власти, имѣвшей резиденцію въ Подгорицѣ или въ Скадрѣ. Да и по чисто церковнымъ дѣламъ митрополія должна была избирать болѣе централь-

ное положеніе, а не какой нибудь крайній предѣлъ, какъ Превлако въ Боккѣ, гдѣ помѣщаютъ её гг. Голубицкій и Дучичъ.

Основаніемъ имъ служитъ то, что первоначально митрополія находилась при церкви арх. Михаила, во имя котораго находилась церковь на Превлакѣ.

Но въ житіи св. Саввы говорится, что она была при церкви Михаила на Дрепѣ, а это и есть въ Подгорицѣ, гдѣ, по народному преданію, всегда было особенное празднество или *слава* на Михайловъ день.

Всѣ пиперы, ближайшіе сосѣди Подгорицы, которыми она большею частью и населена, до сихъ поръ также славятъ *архангеловъ день*, т. е. арх. Михаила.

Сами Неманичи славили арх. Михаила не потому-ли, что онъ былъ патрономъ цѣлаго этого края, откуда и они происходили? А они въ честь своего патрона строили церкви въ Призренѣ, на Превлакѣ и даже въ Іерусалимѣ; была, говорятъ, и въ Скадрѣ.

Относительно монастыря на Превлакѣ существуетъ грамота Стефана Первовѣнчаннаго, будто бы основавшаго на ней монастырь и поставившаго тамъ патріарха Арсенія. Но эта грамота извѣстна только въ экземплярѣ, напечатанномъ милешевскими монахами въ ихъ собственной типографіи, и полна такихъ несообразностей, что признана подложною.

Есть, однако, еще грамота, данная тому же монастырю Стефаномъ Душаномъ и хранящаяся на Цетиньѣ.

Граждане Котора отправили депутацію къ царю Стефану въ Приштину для подтвержденія дарственныхъ записей тому монастырю предшествовавшихъ ему сербскихъ кралей; и царь Душанъ, разсмотрѣвши всѣ доставленные которянами документы, цѣлымъ соборомъ, состоявшимъ изъ патріарха Даніила, епископовъ, игумновъ и разныхъ высшихъ чиновъ свѣтскихъ, подтвердилъ эти записи въ такихъ выраженіяхъ: «о ми се тому успоменуемо, како праву веру и поштену службу преказаше нашиемъ родителем и прародителем и нашему царству и видесмо записе се вишеписаних записа запис и крусивои господина крала радо-

сава и господина владисава и урошь видевшіи како по крусивою господиńа краля гурга господина серпскога и поморскога которскою опкини благослови и потверди церкавь архангелову ве малом мору према отоку» и т. д. идетъ перечисленіе мѣстъ.

Здѣсь упоминаются короли Родосавъ, Владиславъ и Урошъ, и ни слова не говорится о Стефанѣ Первовѣнчанномъ, что̀ было бы непремѣнно, еслибъ онъ былъ основателемъ этого монастыря, и никакого особеннаго значенія этой церкви не придается.

Форлати разсказываетъ, какъ въ 1270 г. нѣкто-Basilius Dragonis похитилъ мощи св. Трифона, частичку честнаго древа и иконы, и за то епископъ которскій Маркъ вмѣстѣ съ зетскимъ епископомъ, по повелѣнію краля Уроша, предали его проклятію: duo episcopi de Zento Neophiton et Catharensis ep. Marius (s. Marcus).

Въ другихъ мѣстахъ, относящихся къ епископіи, упоминается *зетская земля*; а извѣстно, какая земля носила преимущественно это названіе. Къ тому же, епископу гораздо легче было въ коигоды разъ посѣтить область Котора, чѣмъ оттуда всякій разъ отправляться на соборъ, который бывалъ по многимъ дѣламъ и часто.

Конецъ XII и все XIII стол. больше всего ознаменованы построеніемъ церквей и монастырей новыхъ и обновленіемъ старыхъ, какъ мы уже видѣли въ обозрѣніи періода Неманичей. Это былъ періодъ насажденія и укрѣпленія православія, пострадавшаго отъ еретическаго ученія богумиловъ, а также и отъ опустошительныхъ войнъ. Неманичи, раскинувши свои владѣнія далеко на сѣверъ, востокъ и югъ, не стѣснялись въ земляхъ и потому раздаривали ихъ щедрою рукою монастырямъ и церквамъ. Въ томъ они не только находили спасеніе души, но и особенное высшее удовольствіе, такъ какъ это служило на славу и украшеніе царству. «Царски цвет црькви цавтит — говорится въ хрисовулѣ Стефана Уроша Вранинскому монастырю — царска дарованиа — црквам украшениа; цару слава, венаць, скиптро царско ва руках цару утверждение властели и велмужи силни и

велики, нищи и убоги; ови убо получише црьство небесное излианием крьви мученіа, ини излианием сльзь покаіанна; други истощанием и расточением богатства своего Христа ради подадоше нищимь и убогим, сиротам и водовицам; ини светие црькве сградише и украсише, и разлике милостине сатворише и богу въ руце пред собою предпослаше».

Все это говорится въ царской грамотѣ по поводу желанія одного изъ царскихъ властителей передать монастырю св. Николы все свое имущество. Вотъ въ чемъ состоитъ это дарованіе: «Іако же и сан ва православна вере живущи и душе свое спасенна желающи нашъ прьвеишн властелин митрь казаньць видѣвь нашѣ кралѣвство егово благое и верно и верное порабощение и видех желание его и любов ка великому арьхіерею и чудотворцу христову николи вранинскому. скорому помощнику и благому заступнику, идѣже и гробъ устрои преставленнго своему. Приде кралевству ми и испроси у насъ *село свое брьчеле. ими владахом его*, ва еже приложену бити дому светаго николе у вранине еже и бист. И приложи село сіе брьчели са васеми правинами и мѣдьями сѣла того. До живота своего да се има тем селом хранити речени митрь казанаць и негова жена. А по них животе да ест црькви и да нема нитко тем селомъ облади токмо црьква са васакою властию и утврьждением. И ако би се негова жена по неговои смрьти удала да нема ничто *от* села брьчелих. Ако ли се не уда да е има црьква хранит. а црькви светаго николи да дрьжи село брьчели са васеми людми села того».

Примѣръ королей очевидно дѣйствовалъ и на подданныхъ.

Подобно Димитрію Казнцу, заблаговременно устроившему себѣ гробъ въ монастырѣ, о томъ же позаботились и нѣсколько человѣкъ изъ села Матагужей (въ Зетѣ) въ 1468 г.: «Матагужи приложиша Увич у Зети. — землю Уечъ между реку Плавницу и поток Откабежъ и до брода Михоліа. Приложили: Никола Кефалиа, Левъ Грубачевичъ и Гургъ, и Буза, и Петаръ, и Паваль, и Андреа», а были при томъ игуменъ «Кир Іосив и Никандро проигуман и еклесиархъ Дамъюнъ, Іованъ Вучиновичъ,

Кирил и Лазар *Шишоевичи*: и дадоша дарование 3 гроба вънутаръ монастира Матагужемъ. — у вранини».

Въ грамотѣ Стефана Уроша обращаютъ на себя вниманіе два обстоятельства: первое — что властелинъ не можетъ распорядиться своею землею по своей волѣ безъ разрѣшенія царя, такъ какъ она только царскою волею можетъ быть освобождена ото всѣхъ лежащихъ на ней даней и повинностей; а второе — что вдова, вышедшая замужъ, теряетъ право на мужнино имѣніе. Во время же Черноевичей, напротивъ, Матагужи свободно располагаютъ своею землею. Между присутствовавшими при составленіи этой дарственной записи интересно встрѣтить имя Шишоевичей, изъ рода которыхъ происходитъ зетскій епископъ Иларіонъ, строитель монастыря на его родномъ островѣ.

Не менѣе прилежали церквамъ и монастырямъ и послѣдующіе правители Зеты, Балшичи и Черноевичи.

Георгій Страцимировичъ приложилъ Вранинскому Николѣ половину села *Раже*: «почанши на Спилице и посред дворищъ Николѣ Илича. одтле на куке урович. и одтле право велицемь путемь уговедьи брод у Цевну, тер низ Цевну на косачинками и тако низ цема опет на Спилицу» (1404 г.).

Елена или Ела, дочь святопочившаго князя Лазаря, а «подружіе» Георгія Страцимировича, въ 1440 г., построила храмъ Богородицы на островѣ *Бесъ* или Бешка (также Брезавица) [1]); и ей же приписываютъ построеніе церкви во Враньи (близъ Хума) и св. Николая въ Гостилѣ.

Бальша III приложилъ, какъ мы видѣли, часть отъ своихъ солилъ Пречистой Краинской, и село Каручъ въ Цермницѣ Ни-

---

[1]) Надпись эту мнѣ самому не привелось видѣть, а беру ее изъ книги И. С. Ястребова, потому не считаю себя въ правѣ дѣлать какія-либо поправки; но замѣчу, что она противорѣчитъ общимъ фактамъ: дочь Лазаря Елена была сначала замужемъ за венгерскимъ палатиномъ, а послѣ за сандалемъ Храничемъ; Георгій же Страцимировичъ былъ женатъ на дочери Лазаря Деспѣ, вдовѣ болгарскаго царя Шишмана; а еще была Елена, жена Бальши III и уже никакъ не могла быть дочерью князя Лазаря.

колѣ Вранинскому. Въ грамотѣ, между прочимъ, находится слѣдующая приписка: «а тому милостник и приставъ бека, а у главници Алекси Ирешн Калогургевич и Гургъ Буткович и Богдан Медошевич и ти бише васи оть Каручь. Писахь лето 6928 (1420) у Брчели у двору господина Баоше».

Но зетскіе государи далеко не располагаютъ тѣми средствами, которыми располагали сербскіе цари, и потому отъ нихъ меньше даровъ землями; тѣмъ болѣе что и властели при нихъ стали самостоятельными владѣтелями своихъ земель и стали нарушать границы монастырскихъ владѣній во имя своего права, устраненнаго высшею волею кого-либо изъ сербскихъ царей. Интересна въ этомъ отношеніи грамота Ивана Черноевича, которою онъ возстановляетъ границы владѣній Вранинскаго монастыря, нарушенныхъ его сосѣдями. Пропуская все, что составляетъ предисловіе и напоминаетъ права и преимущества монастыря, приведемъ здѣсь только слова, касающіяся сущности дѣла: «Наипрьво село Плавница приложено светим арьхіепископом богоносним оцем савою. то исправисмо по медьи. от мѣста где ест био свети іоанъ и рѣком у михолброд, кои пут тече от старе гостиле и у лесковаць: Такожде и цечь что беху отузели властели матагужие то повратисмо и исправисмо дому светаго николе. Такожде и раке у грьлиех исправих по хрисоволю. почанши на спилице и посред дворищь николе и лина, оттуда право путем на говедьи на куке у рьвичь. и оттуда право путем на говедьи брод, у Цемву. и ни (з) Цемву на косачинками. и такожде низь Цемакек опет успилице. Село лимліани приложено светим кралем стехваном от тога что беху *отузели живодпри. и хръличи. и глуходоліани.* изнадьох по медьи по хрисовулю, исправих куділе текла у то врieме риека вранщица поверьх руевиць Годелисрому велики брод и тако посред реке. гдѣ пристае грабовик у велику реку Лимску. И землѣ црьковне у лимском полю что *беху притиснули дупиліани и сотоничи*, то васе ослободих по хрисовулю црькви. Тако и *млинь що беху учинили кущичи на црковнои реци, що іа дах калогургевичем* и та млин узех опет и повратих га цркви и освободих. да

ест свободан како и други млин црьковни. Тако и земле кое *беху притиснули опточичи и дупиліани црькви и томичи под брьчели*, васе ослободих. реком у младьеново гувно. И еще что *беху притиснули шишоевичи* от земліах, то све исправих црькви по русоволю. И сие вишеписано нами узнашасто и утврьждено дому светаго николи. не учинисмо ником насилием не праветно, но по хрисовуліех светих христианских крал хтитор (далѣе цѣлая строка объедена мышью или червемъ) — ти землею сѣю и владати им же азь владаю. или синь мои или кто от сродник моих или *судом божием кто от инаго езика.* молю и прошу сиему нашему исправленію и потврьжденію непреложну и неразорену бити никимже. іакоже и азь грешни светим и божественим црькам. не разорих ни единого утврьжденіа. на пач(е) приложих и обнових и утврьдих». Годъ, вѣроятно, переписчикомъ означенъ ошибочно: «ва лето шесте тисуще ц҃о҃з҃ (6977=1469) мѣсеца ноемра 23. днь. писаху жабіакь».

Въ 1482 г. онъ вообще ограничиваетъ всѣ земли монастырскія отъ другихъ и отъ своихъ собственныхъ; при этомъ были съ нимъ: властем его воевода зетскій «Тома» и от двора нашего Двурдь воевода и воевода Вукъ и кефалія Никола, и от придворацъ моихъ Лазаръ и Ставань», а въ самомъ концѣ приписались еще: «Іа Николо Іакобовичъ властелинъ которски, бивши посланъ отъ властель которскихъ господину узлеожному Івану Црьноевичу породи овезиехъ границах и шнимъ тудиенъ быхъ и подписахъ своиемъ рукомъ засвиедочанство. Ми віценьцо Франьцешковичъ бывши таде з' господиномъ Іваномъ послатъ от властелах подписуемъ своіомъ рукомъ за виеру. Ми Гашпаръ канжалиеръ послани от господина Алувиза лоньга узлеожного кнеза от Будве господину Івану ради овиехъ границах и подписуемъ рукомъ за виеру. Ми Стевано Николетовичъ от Будве посланъ от вишереченого кнеза господину Івану паради границах тудие шнимъ ходечи подписуемъ рукомъ за виеру како оно границе ставили и утврьдили, тко помьери више речене границе или пашъ, или господина Ивана чоекъ да га правда смрьтью отсуди. Пи-

сахъ Никола Грькъ въ лето от сотв. м. 6990, а от Р. Х. 1482».

Граница эта шла по Суторману, потомъ спускалась на Ластву къ морю, шла черезъ будванскія поля и захватила морской берегъ, гдѣ были старыя его (Иванбега) солила, и потомъ опять поднималась въ гору.

Мы видѣли уже, какъ Иванбегъ, утверждая владѣнія Враинскаго монастыря, завѣщаетъ блюсти ихъ свято и своимъ преемникамъ изъ его рода «или судом божием кто от инаго езика»; такъ оно и сбылось. Подтверждаютъ ихъ потомъ «Силни царь и велики эмир султан мухамед» (II; годъ не означенъ), и при султанѣ Сулеймапѣ его санджакъ Скендербегъ Черноевичъ Ивановичъ съ турецкимъ кадіею (судьею) и 24-мя властелями (1527); и наконецъ игумену привелось итти на судъ въ Которъ къ венеціанскому капитану (1454 г.).

Съ постройкою монастыря на Цетиньѣ Иванбегъ всѣ свои приложенія обращаетъ къ этому монастырю.

Подробное опредѣленіе владѣній этого монастыря находимъ въ грамотѣ Георгія и Стефана Черноевичей въ 1495 г., для изысканія которыхъ призвано было опять 24 человѣка *боляръ*. Изъ этого документа видно, что владѣнія монастыря простирались отъ вершины Добрштака черезъ Вртіелку до ловченскихъ вершинъ, обходя весь Боблякъ и спускаясь черезъ Бостуръ къ Пресѣкѣ. При этомъ отдано ему много кметовъ и опредѣлено, что они должны давать ежегодно монастырю произведеніями земли и личною работой; между прочимъ приложили «Беладона хумца с болциномъ и з децомъ да пасу иманѣ црьковно и нихъ трагъ».

Есть тутъ виноградники и мельница въ Приморьѣ; мельницы на Рѣкѣ, пронія на Ботунѣ (лѣшанской нахіи) и язъ (запруда на рѣкѣ) въ Пѣшивцахъ «према Слабьциехъ» (на средней Зетѣ).

ЗЕМЛЯ И НАРОДЪ.

Все это Ива́нбегъ даритъ изъ своихъ собственныхъ владѣній и часть, конечно, оставилъ за собою. Кромѣ того вездѣ упоминаются властели, которымъ также принадлежала земля и кметъ.

Кромѣ того Иванбегу принадлежали земли въ Бѣлопавличахъ и въ Озриничахъ (на Кчевѣ).

Соображая все это, приходишь къ тому заключенію, что свободныхъ земель и свободныхъ хлѣбопашцевъ не было; а все только кметы, работавшіе на чужой, владѣльческой землѣ; все было господарево и церковное; хотя ни обры, ни меропхи уже не упоминаются. Въ собственной Черной-Горѣ, какъ увидимъ дальше, были свободныя земли и свободные хлѣбопашцы.

Ни у Бальшичей, ни у Черноевичей не было, конечно, ничего подобнаго этикету и великолѣпію двора сербскихъ кралей; они не имѣли даже постоянной своей резиденціи, и были то въ Скадрѣ, то въ Жаблякѣ, то на Ободѣ; а Бальша III имѣлъ сверхъ того свой дворецъ въ Брчеляхъ. Судя по остаткамъ этихъ зданій, обстановка зетскихъ государей была весьма тѣсная и скромная.

Только Иванбегъ построилъ себѣ на Цетиньѣ дворецъ, хотя небольшой, но отвѣчавшій своему назначенію, судя по описанію Марина Болицы и по остаткамъ украшеній: каменнымъ капителямъ, колоннамъ съ гербами, обломку большой фигуры льва, и др. Онъ былъ навѣрное и самый богатый между ними; а въ народѣ оставилъ память человѣка любостяжательнаго, хорошаго хозяина, строгаго государя, но въ то же время справедливаго судьи и заботливаго попечителя о народномъ благѣ. По его имени старыя владѣнія Зеты называются у черногорскаго народа «Иванбеговина», возвращеніе которой составляетъ ближайшую цѣль черногорца.

При всей бѣдности историческихъ памятниковъ для этого періода въ исторіи Зеты, по однимъ грамотамъ мы можемъ собрать достаточно указаній относительно населенныхъ мѣстъ, а частію опредѣлить и національность ихъ жителей. Мѣстность къ югу

отъ Подгорицы до Скадарскаго озера и въ это время была уже густо населена; тутъ мы и въ то время встрѣчаемъ имена почти всѣхъ селъ, какія существуютъ и нынѣ: Гостили, Бериславцы, Матагужи, Голубовци, Грли, Дайбабы, Тузи и др.; нѣкоторыя названія, можетъ быть, искажены. Въ Краинѣ выдѣляется, такъ называемая, Шестанская Краина (нынче Шестаны), затѣмъ ближе къ Цермницѣ — Кринице, Годины, и всѣ почти села и племена цермницкія: Лимляны, Глухой-долъ, Сотоничи, Брчели, Опточичи, Орахово, Дупило. Упоминаются также Градьяны, Люботинъ, Цеклинъ, Ободъ, Добрское село или просто Добро (т. е. имѣніе) верхнее и нижнее и вся окрестность Ловчена: Бостуръ, Баицы, Угни, Врсла, Хумъ. Тѣ же самыя племена, какія существуютъ и теперь: Пѣшивцы, Бѣлопавличи, Пиперы, Кучи, Озриничи; около Подгорицы Хоть и Груды, и вся окрестность Скадра; въ Приморьѣ — Паштровичи, Поборы, Маины, Грбаль, Браичи и города Ульцинъ, Баръ, Будва. Собственно Катунская нахія остается меньше всѣхъ освѣщенною; но и ея имя, какъ мы видѣли, встрѣчается въ документахъ XV в. Если упоминается Цеклинъ, то въ то время были уже и Цекличи, давшіе ему это имя, а сами принявшіе его отъ церкви св. Теклы въ Бѣлопавличахъ, гдѣ нынче Даниловградъ.

Все это населеніе было чисто сербское; только на юго-востокѣ еще держится албанскій элементъ, который можно усматривать въ именахъ не сербскаго происхожденія, какъ: Косалъкутъ, Рокспнгъ, Шотевичъ (и теперь есть въ Люботинѣ Шоти), Драгашь *воглит* (поалс. *вогель*=маленькій); или просто говорится— *арбенаси, краинскія арбенасы*; есть *арбанашская* дорога близъ Цетинья. При изложеніи совмѣстнаго дѣйствія Стефана Черноевича съ Скендербегомъ Кастріотомъ, мы уже имѣли случай показать, какъ силенъ былъ въ то время сербскій элементъ въ Албаніи. Въ то время Орбали же были заселены и тѣ мѣста, гдѣ теперь албанскія племена Кастраты, Хоты, Груды, Клименты, Плавъ. Образъ жизни большей части населенія и тогда, какъ теперь, двоился между земледѣльческо-осѣдлымъ и пастушескимъ.

Чисто земледѣльцами были только жители нынѣшней Нижней-Зеты.

Въ отдаленныхъ краяхъ проявлялся иногда духъ своеволія и мирные обитатели готовы были подчасъ ограбить иностранныхъ купцовъ. Такъ въ 1411 г. Дубровникъ обращается къ Еленѣ, супругѣ Бальши III, съ слѣдующею жалобою. Послѣ обычнаго приступа и напоминанія, какъ Дубровникъ всегда жилъ въ дружбѣ со всѣми зетскими государями и какъ они сами приглашали, чтобы торговцы его шли черезъ зетскую землю спокойно и не платя никакихъ пошлинъ, говорится далѣе: «и ми на ваше уфанье наручисмо нашѣмь трьговцемь да туде греду, смисливь стару пріазень, а навластито сьдашни ваши обѣть, да поимѣлео, ерь изо изьгине ви обѣтоваство платити; а то сьде да зна господьство ерь су наши трьговци изь срьбаль и скупивь се *бѣлопавлики и озрихники мазницѣ и малоньшики* с воискомь терь самосилно узели наше властели и трьговце, и узели имь сребро кане оружье и вьсе ино що носили и нихь напоконь одь свить и одь обукье свлькли и учинили велику срамоту изо неби одь крьвникь учинили, а сьди госпоге погледаи срьдчнѣма очима къ пріятельству и почтенью нашемь, ели достоино да ваши пріателье толику щету и срамоту приму одь вашѣхь люди и на вашои вѣри молимо ти великость господьства по печали зато и промисли, како ви е болье богь наставиль да се врати трьговцемь» и т. д. (Спомен. Срп. Модо-Пуц. I, № 192). Въ это время Бальша находился въ войнѣ съ венеціанцами въ Нижней-Зетѣ. Все это населеніе, само собою разумѣется, размѣщалось по селамъ и городамъ.

ЖУПА И ГРАДЪ.

Въ разныхъ грамотахъ и въ Душановомъ законникѣ упоминается слово *жупа*. Въ нынѣшней Черногоріи есть нѣсколько мѣстностей, носящихъ названіе *жупы*. Такъ жупа Добрская, гдѣ Добрское село; Цеклинская — нѣсколько селъ въ углѣ между рѣкой Черноевича и Горнимъ-блатомъ; Никшицкая — села по

долинѣ р. Грачаницы; Пивская — села по лѣвую сторону р. Пивы, тогда какъ противоположная сторона называется — *планина*[1]). Въ настоящее время эти названія потеряли смыслъ какого-либо общественнаго или политическаго значенія; а иногда *жупа* означаетъ мѣсто низкое, не на горахъ, съ мягкимъ климатомъ, гдѣ поэтому возможно земледѣліе; тогда какъ планина годна только для скотоводства; жупное мѣсто вообще противополагается планинскому.

Но прежде этимъ обозначалась община, состоящая изъ нѣсколькихъ селъ. Это ясно изъ слѣдующихъ §§ Душанова законника: 66: «за хрисовуль ако му запише *жупу от высокоі села* по 30 перперь», и 74: «где се обрѣтаю жупе смесне, села црквена или царева или властелска, и не буде на тои жупи единога господара, нь ако буде кефаліе и судіе цареве да поставе страже» (противъ гусаровъ и татей). Ако буде бродо пусто между жупами», то стражу должны держать села, расположенныя около того брда. § 31. «*село с селом да пасе* куде едно село, туде и друго, разве жита и ливаде . . . . Законь *жупа съ жупомь да не попасе* с добытом нища; ако ли се обрѣте едно село у оной жупи у коего властителіо или царево, или црквено село, или властеличичка — оному селу да се не забрани нитко пасти, да пасе куда е жупа».

Изъ этихъ мѣстъ видно, что жупы дѣлились между собою по землѣ, не имѣя ничего общаго; тогда какъ села въ одной жупѣ имѣли общее пастбище.

Въ нынѣшней Черногоріи мы имѣемъ тѣ же самыя отношенія между общинами, не называющимися жупой, но также состоящими изъ нѣсколькихъ селъ. Такъ въ Цуцахъ одни села имѣютъ общее пастбище на Пустомъ-мѣстѣ, другія — на Буковицѣ; на Ставорѣ съ одной стороны пасутъ Бѣлицы, съ другой— Лѣшняне; села по Брзкуту имѣютъ общее пастбище между Дье-

[1]) По хрисовулѣ герцога Стефана 1453 значится: «данъ у Пивѣ на *планинѣ на Пишчу*» (Mon. Ser. CCC. LXIX).

безой и Загономъ; кучскія села дѣлятся также на нѣсколько общинъ, изъ которыхъ однѣ имѣютъ свою планину на Комѣ, другія — на Широкарѣ, третьи — на Стравчѣ. Это называется *планина, комунъ и лестехъ*.

Въ прежнее время жупы были царскія, церковныя и властельскія. Поэтому въ § 88 говорится, что, если въ жупѣ родится *жиръ* (жолуди дубовые), то одна половина его дается царю, а другая — властелину, чья *держава* (владѣніе).

Въ Черногоріи нѣкоторыя мѣстности, носящія названіе жупъ, чуть-ли не были монастырскія, напр. никшицкая принадлежала монастырю св. Луки, пивская — монастырю Успенія Богородицы, добрская — келіи при церкви во имя того же праздника.

Политическими центрами страны были *грады*. Это были укрѣпленія съ каменными стѣнами, съ кулами (башнями) на нихъ и бойницами, съ внутренними казармами и казематами, съ подвальными магазинами для боевыхъ припасовъ и разнаго рода провіанта, съ желѣзными воротами, передъ которыми иногда были мосты. Таковы были: Діоклея, Медунъ, Скадаръ, Ульцинъ, Баръ, въ Краинѣ и др. Внутри ихъ были и жилые дома, построенные улицами съ площадями и базарами, съ водопроводами и маленькими садами внутри дворовъ, съ церквами, а иногда были и монастыри. Образцами могутъ служить нынѣшніе грады Ульцина и Бара, которые сохранили свой видъ, въ какомъ они были еще до занятія ихъ турками въ половинѣ XVI в. Бо̀льшая часть построекъ въ этихъ двухъ городахъ относится ко времени венеціанскаго господства, слѣдовательно къ XIV в.; но многое осталось отъ болѣе древняго времени.

Съ умноженіемъ населенія и развитіемъ торгово-промышленной жизни эти грады, конечно, оказывались недостаточными для вмѣщенія постоянно возрастающаго населенія, которое поэтому селилось внѣ стѣнъ града.

Внутри града были дома только знатныхъ людей, т. е. сербскихъ властелей и венеціанскихъ нобилей и патриціевъ, которые въ окрестностяхъ города имѣли свои виллы съ участками земли,

съ маслинадами, виноградниками, огородами и нивами, которые обработывались руками кметовъ. Упоминаемые въ законникѣ Душана *градане* и *вообще градскіе люди*, безъ сомнѣнія, были не изъ этого привилегированнаго сословія; но въ то же врѣмя не были и кметами, а владѣли своими особыми, городскими землями, и за то обязаны были поправлять градъ, если что̀ въ немъ разрушится или попортится — стѣна или кула (§ 62). Это были, такъ сказать, принадлежащіе граду кметы, какъ властельскіе и церковные. Торговцы, ремесленники и разнаго рода промышленные люди жили, конечно, внутри града и не имѣли никакого отношенія къ городской землѣ.

ТОРГОВЛЯ, ТОРГОВЫЕ ПУТИ И ПОШЛИНЫ.

Торговцы были, главнымъ образомъ, дубровчане и венеціанцы, и къ этимъ торговцамъ-иностранцамъ относится, безъ сомнѣнія, встрѣчающееся въ Душановомъ законникѣ названіе *гостей*. И тѣ, и другіе выхлопатывали себѣ право безпошлинной торговли, какъ у сербскихъ кралей, такъ и у зетскихъ государей, которые, видимо, давали имъ это право охотно и извлекали изъ того выгоды помимо взиманія торговыхъ пошлинъ; но въ то же время нерѣдко эти права нарушались и иностранные торговцы подвергались взыску пошлины произвольно какимъ-нибудь приставомъ, а иногда просто подвергались грабежу, вслѣдствіе чего возникали жалобы. Поэтому въ торговыхъ договорахъ обусловливалась безопасность личная и имущественная для торговцевъ и ставилось условіемъ вознаграждать потерпѣвшихъ убытки на счетъ виновниковъ посредствомъ содѣйствія правительства той страны, гдѣ эти убытки нанесены. Что отъ этой торговли были выгоды государямъ, видно изъ ихъ зазываній этихъ торговцевъ въ свои земли съ обѣщаніемъ имъ разнаго рода правъ и льготъ. Въ свою очередь и Дубровникъ отказывался отъ пошлинъ съ произведеній той страны, съ которою былъ въ подобномъ договорѣ. Для нагляднаго представленія этихъ отношеній приведемъ одну грамоту дубровчанъ по этому поводу

Георгію Стратимировичу: «Почтену и намь срьдчному приятелю господину Гюргю Срацимировикю.... пишешь, да си послаль твое масло (оливковое) да ти се прода у нашему граду, терь смо ми царину од нега узели, нашъ почтени приятелю. Богь е бѣ ми нѣсмо нигда узели нѣдне царине улциняномь и друзѣмь вашемь людемь. и нека бисмо вашои милости узели, тогда богь недаи. у нашу вѣсть нѣ нигда вамь царина одь ничеса узета, да упиши намь, тко ее вамь рекьль, да му е узета и тко му е узель. ерь ако този буде хокемо е добрѣ педепсати да тогази веке не учине. а сьди, како рекосмо, мы нѣсмо никьда одь ничеса царине узели ни вашемь людемь, ни мыслимо у вѣкь аминь узимати (М. Пуп. Спом. Сръп. I, № 8).

Кромѣ того, государи обращались къ Дубровнику за займами денегъ и получали подарки, иногда въ видѣ постояннаго, годового дара, какъ то видно изъ слѣдующаго отвѣта Дубровнику Сандаля Хранича, бана Босніи: «.... да ми дате *могоришь*, како ви е господнь краль тврьтко по своль листу уписаль да ми дасте по закону, каконо се е вьзда даваль *о михолю дневь*, а овози за годище лѣто Р. Х. 1406».

Въ грамотѣ Дубровника «славнои и вельможнои госпоги Елѣ и господину Балши» послѣ отказа въ займѣ денегъ подъ предлогомъ, что община не имѣетъ денегъ и никогда не имѣла обычая занимать, въ концѣ добавлено слѣдующее: «а кьде бисмо имамо, не бисмо се щедили, молимо господьствови, будиви милость не зазрите намь и ето за почтену любовь посласмо комадь цѣль *ирьлъна челуна*, молимо примите за почтену любовь» (1409 г.).

Тѣмъ не менѣе *царина* (таможенныя пошлины и таможни) существовала и взималась съ тѣхъ торговцевъ, съ державою которыхъ не было дружбы и особенныхъ договоровъ, напр. съ которянъ. Не освобождалась отъ этого, кажется, и транзитная торговля.

Зетскія царины были между Котóромъ и нынѣшними Нѣгушами, гдѣ и теперь одна мѣстность носитъ это названіе; на

пути черезъ долину Дрина отъ Призрена въ Данѣ (близъ Скадра) и въ самомъ Скадрѣ.

Вокругъ Зеты по сосѣдству съ нею происходила торговля иностранныхъ купцовъ въ Оногоштѣ, гдѣ находилась застава кралей или бановъ Босніи и Герцеговины; на р. Тарѣ, въ Морачѣ и на Лимѣ, и потому здѣсь еще въ то время проходили важные торговые пути.

Изъ Оногошта одинъ путь шелъ въ Бокку, а другой черезъ Бѣлопавличи. Это была собственно конечная вѣтвь того пути, который шелъ изъ середины Европы черезъ Бѣлградъ на Валево и потомъ черезъ Пожегу и Ужицы выходилъ на Плевле, а оттуда въ Тару подъ Пирлиторомъ, гдѣ владѣлъ когда-то воевода Момчило и гдѣ до сихъ поръ видны слѣды заставы. Отъ Пирлитора дорога эта проходила черезъ Езера и потомъ черезъ Ивицу на Превишъ, съ котораго спускалась въ долину Шавника и, наконецъ, черезъ высокія, но ровныя плато Мокро, Вучье и др. и черезъ общину Луково или черезъ Жупу достигала Оногошта посреди нынѣшней Никшицкой равнины. На всемъ этомъ пути отъ Пирлитора существуютъ слѣды этой большой дороги, мосты черезъ рѣки, а мѣстами остатки каменной мостовой черезъ мягкій топкій грунтъ, а около нея признаки бывшихъ когда-то и впослѣдствіи исчезнувшихъ поселеній, значительныхъ и пользовавшихся благосостояніемъ.

Что касается части этого пути въ Сербіи, то тамъ мы видѣли въ этомъ же направленіи разбросанные всюду слѣды римскихъ колоній; а есть римскіе памятники и на Повіѣ между Никшичемъ и Острогомъ; нѣтъ также недостатка въ нихъ и на той части этого пути, которая проходитъ по Старой Сербіи до черногорской границы. Отъ той же дороги у границы нынѣшней Сербіи одна вѣтвь шла вверхъ по Лиму, который, сверхъ того, соединялся съ долиною Моравы въ Сербіи черезъ Новый-Базаръ посредствомъ долины р. Ибра. Съ вершинъ Лима путь шелъ подъ Комомъ долиною р. Цѣвны, притомъ было двѣ вѣтви: одна шла отъ Плава и Гусинья, а другая отъ нынѣшнихъ Беранъ че-

резъ Андріевицу и краемъ долины р. Перутицы, черезъ такъ называемыя Царины, подъ вершинами Кучскаго-Кома. Послѣдняя могла соединиться съ первою въ долинѣ Цѣвны или итти черезъ Кучи.

Торговля на Морачѣ шла по вѣтви, отдѣляющейся отъ нынѣшняго Бѣлополя съ середины теченія Лима и черезъ Колашинъ.

Всѣ эти пути существовали, какъ въ разсматриваемое нами время, такъ и гораздо раньше того, въ эпоху господства римлянъ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СТРАНЫ.

Иностранные купцы за свои товары, состоящіе изъ разнаго рода матерій, желѣзныхъ и стеклянныхъ издѣлій и другихъ предметовъ тогдашней роскоши, брали въ сербскихъ земляхъ сначала только кожи, воскъ и «сиренье» (?), а потомъ (при деспотѣ Стефанѣ Лазаревичѣ) стали вывозить серебро и золото (М. Пуц. Спом. Срп. №№ 248, 250 и 251).

Кромѣ послѣднихъ двухъ предметовъ, Зета давала имъ, конечно, то же самое; и сверхъ того изъ нея вывозился, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ значительномъ количествѣ хлѣбъ, потому что, по всѣмъ отзывамъ, въ ней развито было земледѣліе, а Баръ и Ульцинъ производили много деревяннаго масла. Не знаемъ, вела ли она торговлю виномъ; но въ весьма отдаленное время она имѣла уже множество виноградниковъ.

Объ этомъ даетъ намъ понятіе описаніе Ульцина у Барлеція по поводу водворенія тамъ Скендербегомъ своей жены на лѣто и осень. «Подъ самымъ градомъ — говоритъ онъ — находилась равнина, которая была прелестна, какъ по своему пріятному климату, такъ и по красивому положенію; а вслѣдствіе совершеннѣйшей ея обработки людьми и прилежанія жителей (exactisima hominum cultura et accolarum diligentia) она не имѣетъ недостатка ни въ деревьяхъ, ни въ виноградной лозѣ, ни въ хлѣбѣ, которые ея почву и надѣляютъ благосостояніемъ и украшаютъ» (De vita G. Castrioti etc. VII, 204).

Въ Нижней Зетѣ въ Плавницѣ сохранилось преданіе, что

обиліе винограда было когда-то такое, что не доставало сосудовъ для его давленія и для этого употребляли лодки, а выжимками откармливали скотъ. Въ Доланахъ (близъ Подгорицы) остались слѣды орошенія всей мѣстности посредствомъ каналовъ, проведенныхъ съ чрезвычайнымъ искусствомъ отъ Цѣвны. Въ Цермницѣ нынѣшнее населеніе, храня преданіе за 3 и болѣе столѣтія назадъ, запомнило отъ своихъ предковъ, что они застали лозы, насажденныя еще до ихъ прихода. Хлѣба въ ней было не только вдоволь для себя, но и для вывоза. Въ 1411 г. Венеція, во время войны съ Бальшою III, поручаетъ своему капитану моря постараться заключить съ нимъ миръ, потому что нуждалась въ хлѣбѣ, вывозимомъ изъ его владѣній.

Все это, конечно, стало приходить въ упадокъ отъ первыхъ столкновеній съ турками и до окончательнаго покоренія ими всей Зеты.

Существуетъ мнѣніе, что развитію благосостоянія этихъ краевъ, въ особенности поднятію земледѣлія и садоводства способствовали венеціанцы, и что имъ собственно принадлежитъ разведеніе маслинъ въ Барѣ и Ульцинѣ; это опровергается тѣмъ фактомъ, что прежде чѣмъ завладѣли этими мѣстами венеціанцы, тутъ уже была культура маслины и деревянное масло составляло предметъ вывоза въ Дубровникъ. А въ то время венеціанцы жили только въ городахъ, занимаясь исключительно торговлей, ремеслами и другими городскими профессіями, не имѣя никакого отношенія къ земледѣлію.

Въ городахъ же они стали селиться давно. Въ грамотѣ Георгія Страцимировича (1388 г.) обратимъ вниманіе на слѣдующія выраженія: «мы, Георгій Страцимировичъ, государь Зеты, позволяемъ всѣмъ венеціанцамъ, *живущимъ въ Ульцинѣ*, торговать свободно, *какъ то было въ обычаѣ во времена моихъ предшественниковъ*». Значитъ, во-1-хъ, они были тамъ не наѣздомъ, а жили постоянно; и, во-2-хъ, задолго до того времени это вошло уже въ обычай.

Вотъ почему съ тѣхъ поръ, какъ послѣдніе Черноевичи уда-

лились въ Черную гору, а турки заняли Скадаръ, венеціанцы совершенно завладѣли Ульциномъ и Баромъ, присвоивши себѣ и ихъ земли, на которыхъ построили виллы и завели хозяйство, пользуясь рабочею силою того же сербскаго населенія, какое было тамъ до нихъ.

Въ разсматриваемомъ же нами періодѣ, венеціанцы занимались исключительно торговлей и торговля Зеты находилась въ рукахъ главнымъ образомъ ихъ, потомъ дубровчанъ.

ПРОМЫСЕЛЪ И ИСКУССТВО.

Трудно сказать что-нибудь опредѣленное о состояніи промышленности и мастерства въ Зетѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что обычныя постройки, какъ домовъ, хотя бы и городскихъ, такъ и небольшихъ церквей, производились своими мастерами; но для построекъ, выходящихъ изъ ряда, выписывались мастера изъ-за границы, хотя и тутъ, особенно при постройкѣ церквей, не могли обойтись безъ собственныхъ мастеровъ, такъ какъ требовалось знаніе, какъ расположить ихъ части согласно требованіямъ православнаго архитектурнаго искусства, и еще больше это требовалось во внутренней отдѣлкѣ и при расписываніи ихъ. Притомъ построекъ этихъ во время сербскихъ кралей было такъ много, что должны были непремѣнно выработаться собственные мастера. Между прочимъ въ Деганскомъ храмѣ находится слѣдующая надпись, свидѣтельствующая, что *протомайстаръ* при постройкѣ его былъ изъ Котора: «Фрадь Вита, мали брать, протомаисторъ изъ Котора, града Кралѣва, сьзида овузи црковъ свето (га) пандократора господину кралю Стефану Урошу III-ему и своему сыну свѣтлому и прѣвеликому и прѣславному господину кралю Стефану. сьзида за э годищь, и доспѣла есь всѣмь црковъ въ лѣто 6843» (1335).

Для разработки рудъ, какъ извѣстно, кралемъ Владиславомъ (1234—40) выписаны были саксонцы, и въ разныхъ сербскихъ земляхъ добывался свинецъ, желѣзо, потомъ серебро и золото. Зета не обладала такими минеральными богатствами; но и тутъ

кое-гдѣ видны слѣды разработки желѣзной руды: подъ Дурмиторомъ въ Банянахъ и еще кое-гдѣ. Въ Цермницѣ въ селѣ Буковинѣ существуютъ до сихъ поръ корридоры, свидѣтельствующіе тоже о какихъ-то подземныхъ работахъ, при этомъ тутъ же находится слабый источникъ нефти, изъ чего можно предположить, что именно этотъ продуктъ и добывался. Если это такъ, то здѣсь, значитъ, мы встрѣчаемъ самое древнее добываніе нефти. Добываніемъ соли занимались еще во время Неманичей, и добывали ее не только на морѣ, но и въ Брдахъ.

Жители Ульцина, вѣчные моряки, отъ этого времени считаютъ свое искусство въ судостроеніи, съ которымъ тѣсно связаны работы плотничныя и столярныя.

Въ Зетѣ, а именно въ Ульцинѣ, еще при Неманичахъ и послѣ при Бальшичахъ была *ковница*, въ которой ковалась монета. Изъ этого монетнаго двора показаны нѣсколько экземпляровъ у Симы Любича, и недавно найдены еще монеты воеводою ульцинскимъ Симою Поповичемъ.

Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, судя по нѣкоторымъ документамъ, приглашались люди изъ Дубровника. Такъ въ одной грамотѣ *Гюрг* (Бранковичъ?) (1414) г.) сообщаетъ правительству Дубровника слѣдующее: «дрьжаль у мене царину и ковницу за годище Богдань Милѣновикь зь братомь и Богиша Радьмиловичь и остали ми су прави. изьправили ми сувые на пльно и кѣсу ми учинили нѣдну крагю, ни кое лукавьство. — на смь нему остальдльжань 4 сталитарь и сье имь кю платити, ну ми сьда не би на руку. — дань у вльчиемь трьну» (М. Пуц. Спом. Срп. II, подъ 1414 г.).

Замѣчательно здѣсь то, что этимъ людямъ даны были въ завѣдываніе, кромѣ ковницы, еще и таможенные сборы. Подобнымъ же образомъ, нѣкая госпожа Ругина, жена Мрькши, даетъ знать, что у нея тоже дубровнинскій гражданинъ держалъ царину и не остался ей ничего должекъ; и Гюргь и Мора заявляютъ то же самое о Никшѣ Саркочевичѣ съ братомъ, который держалъ «царину прищевьску и бири брань по земле» (Тамъ же).

Изъ свободныхъ профессій медицинская была такою рѣдкостью, что даже Дубровникъ имѣлъ лѣкарей иностранцевъ, и вотъ какъ онъ отвѣчаетъ монахинѣ кир-Евгеніи и князю Стефану (1397 г.) на ихъ просьбу о присылкѣ лѣкаря: «Ми ихь имамо на наіамь и на плату, а подь увѣть нѣсу, людие иностраници врѣменни, а иньдѣ не море: мо имь заповидѣть освѣнь Дубровника да лѣче». и на предложеніе отправиться они отвѣчали: «с вама имамо цвѣть да ни не силуете нигдѣ послати лѣчити освѣне Дубровника. да и този бисмо могли учинити госпоге кнегине и не синовь ради, а и вась ради. да ви видите ерь смо людие врѣменни и стари много. неморемо поки ерь едва и оздѣ по граду ходимо. у насъ путника нѣ».

ПРОСВѢЩЕНІЕ И ПИСЬМЕННОСТЬ.

Что касается письменности, то при зетскихъ государяхъ Балышичахъ и Черноевичахъ она должна была получить весьма значительное развитіе, такъ какъ всѣ они были люди образованные и находились въ тѣсной связи съ Италіей, самою просвѣщенною въ то время страною въ Европѣ, и нѣкоторые изъ нихъ въ Италіи получили свое образованіе.

Брчельскій монастырь, служившій одно время резиденціей Бальшѣ III, былъ когда-то полонъ различнаго рода рукописей; также богаты были и монастыри Краинскій, Вранинскій, Морачскій. Часть этого богатства перенесена была на Цетинье, и есть краткіе списки, хотя и много позднѣйшаго времени, изъ которыхъ можно видѣть, что содержаніе было разнообразное. Изъ всего этого, однако, сохранилось весьма немногое. Истребленіе письменныхъ памятниковъ продолжалось до весьма недавняго времени. Кое-что можно еще найти у частныхъ людей; но все это не даетъ и намека на бывшее когда-то богатство письменныхъ памятниковъ. Одно то, что тотчасъ по изобрѣтеніи книгопечатанія заводится типографія и въ Зетѣ на Ободѣ, показываетъ, что въ книгахъ чувствовалась такая потребность, которой не удовлетворяло рукописное ихъ изготовленіе. Въ первой вышедшей тамъ книгѣ

октоихѣ (1494 г.) находится слѣдующее объясненіе: «трудихь же се о семь и рукоделисахъ сіе смерени свещеникь мнихь Макаріе отъ Чрьные гори повеленіемь господина ми Гюрга Црьноевикіа при высосвещенномь архіепископе зетьскомь митрополите кирь Вавиле».

Дѣло на этомъ не остановилось. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, нашелся продолжатель его, Божидаръ Вуковичъ, который сталъ печатать книги въ Венеціи. Въ изданномъ имъ служебникѣ (Уставъ божественые слоужбы. въ неи же и діаконства) находится слѣдующее интересное послѣсловіе: «Сего ради и азь грѣшніи и мьнши въ чл̃цех. *Божидарь вуковикъ от гюрикъ, подгоричанинь.* оувѣдевь іако вса житіа сего суетна и врѣменна и прѣходеща. сьмрьтію вса прѣсѣкаема. Бывшоу ми тогда въ западных странахь италскыих. вь славнѣмь граде венетіани. богомь наставліаемь. и вьзревновахь поспѣшеніем сто̃ духа. *трудолюбьзнь потвизахсе сьставити форми.* въ еже быти оугодна вьсакому прочитающому. исьписахь душепользніе книгы сіе литоургіе, вь нихже божьствьна и безькрьвна жрьтва съвьршается на просвѣщеніе божествимь цркважь. Тѣмже колѣнѣ прѣклонь молю се и мили се дѣю. поющимь, или прочитающимь, или прѣписующим. аще будет что погрѣшено исправліаите. и нас о сем трудившихсе благословите, а не кльнете. Понеже не писа духь светы ни аггль. нь рука бренна, и духь грѣшни и оуніли. Повелѣніемь господина божідара. Трудихсе о сем азь окааннейши и мьнши вь иноцѣхь *іеромонахъ пахоміе от црьніе гори от реке.* ему же отчьство гробь земліа же мати да молю ви отци и братіа, поюще исправліаите. аще и грубое слово, нь сладко ест. такожде и медь аще и на коре ест, нь сладкь ест. Поюще же поменоуите раба божіа божідара, изложившаго типари сіе. А писавшаго благословите. — Сіе сьврьшисе. Въ лѣто от рождьства Христова 1554. Оу бнеціех».

Интересно, какъ относились къ этой книгѣ послѣ.

На одной сторонѣ передней корочки написано: сию книгу глаголеми летурѳию азь *презвитеръ марко попа вука от села*

мрковића глаголеми међуреч синь предъложихь е попу иовану сину божову за душу мога отца попа вука и свихь моихь кои су се преставили от рода моега»; и еще: «да се зна кто ща даде за книгу предъ свою душу радунь дукать, павлић грошь, а вучета грошь, петрь грошь». [1])

Въ Пивскомъ монастырѣ въ подобномъ же служебникѣ въ послѣсловіи читаемъ слѣдующее: «Іеромонахь Мардаріе рукодјелиса сија слова од желѣза и мједи. Тогда же восточным странам обладајуштему великому цару Сулеиману. При храму св. Вознесенија еже ест Мркшина въ подкриліе Черниј Гори в лѣто 7070» (1562). [2])

Это уже вторая типографія, находившаяся если не въ самой Черногоріи, то близъ ея (въ Призренскомъ округѣ), а также работала и третья типографія въ Милешевѣ.

Такое явленіе ясно указываетъ, что начатое Черноевичами печатное дѣло нашло отзывъ въ цѣломъ томъ краю и что было къ тому достаточно подготовлено дѣло письменное; но гнетъ политическихъ событій задушилъ эту дѣятельность при самомъ ея началѣ.

ВНУТРЕННІЯ ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ОТНОШЕНІЯ.

Во внутреннихъ отношеніяхъ политическихъ и общественныхъ въ главномъ продолжали, конечно, дѣйствовать тѣ начала, которыя дѣйствовали и въ предшествовавшемъ періодѣ и на которыя мы уже сдѣлали нѣкоторыя указанія на основаніи Законника Душана и разнаго рода грамотъ того времени. Но мы замѣтили уже, что въ Зетѣ тѣ главные и общіе для цѣлаго Сербскаго царства законы видоизмѣнялись или не примѣнялись во всей полнотѣ и строгости.

---

[1]) Книга эта находится у нашего консула въ Скадрѣ И. П. Крылова и куплена имъ тамъ-же; а находилась прежде, какъ видно изъ приписокъ, въ Мрковичахъ, которые потомъ всѣ приняли магометанство.

[2]) Приписка эта снята не мною, но я видѣлъ ее, какъ и самую книгу, и могу сказать, что она совершенно вѣрна; только измѣнена нѣсколько орѳографія.

Прежде всего мы замѣчаемъ разницу въ отношеніяхъ между собою членовъ зетской династіи Бальшичей. Во 1-хъ, мы видимъ, что при старшемъ братѣ Страцимирѣ, наслѣдовавшемъ власть, въ грамотахъ упоминаются и двое младшихъ братьевъ, Георгій и Бальша, какъ его соправители; во 2-хъ, старшему изъ нихъ не наслѣдуетъ сынъ, а братъ, и при этомъ подписываются опять два брата и племянникъ, и послѣдній вступаетъ во владѣніе только по смерти послѣдняго своего дяди. Ему наслѣдуетъ сынъ его Бальша III, такъ какъ братья его, Гойко и Иванишъ, умерли раньше. Это противорѣчитъ порядку наслѣдованія у Неманичей и похоже на нашу удѣльную систему. Кромѣ того, мать Бальши III Деспа продаетъ венеціанцамъ городъ Авланъ, составлявшій, по всѣмъ вѣроятіямъ, ея удѣлъ, въ который не вмѣшивается ея сынъ, государь всей Зеты. Наконецъ дубровчане въ письмахъ къ Балшѣ всегда ставятъ имя жены его Елены и притомъ прежде, чѣмъ его собственное: «Вь всемь многопочтенои госпоги Елѣ и господину Балшѣ одь владущаго града Дубровника многопочтено поздравленіе» или: «Славнои и вельможнои госпоги Елѣ и господину Бальши» (М. Пущ. Спом. Сръп. I, 106, 108 и 177). А однажды за отсутствіемъ Бальши обращаются прямо къ ней; это было по поводу грабежа, произведеннаго надъ дубровницкими подданными въ Бѣлопавличахъ (тамъ же 192). Подобнымъ почетомъ пользовалась только по смерти своего мужа Уроша I кралица Елена, бывшая попечительницей и соправительницей своихъ сыновей, Драгутина и Милютина. Обращались также прямо къ женѣ Сандаля Еленѣ, дочери князя Лазаря, вдовѣ венгерскаго палатина Nicolo de Gara, въ отсутствіе ея мужа.

Въ этихъ отношеніяхъ играетъ роль не одинъ законъ или обычай, а также и личные нравы и характеры. Но между зетянами и сербами всегда дѣлалась разница. Въ одной грамотѣ упоминаются *властели старые зетскіе*; а въ судномъ дѣлѣ въ письмѣ къ деспоту Георгію (Бранковичу) *сербскіе властели* подписываются отдѣльно отъ *зетскихъ*. По всѣмъ вѣроятіямъ, кромѣ За-

конника Стефана Душана, Зета имѣла свой особый законникъ, которымъ опредѣлялись гражданскія и вообще правовыя отношенія ея гражданъ, основанныя на правѣ и обычаѣ мѣстныхъ.

Въ спискѣ рукописныхъ книгъ, бывшихъ когда-то въ книгохранилищѣ Цетинскаго монастыря, упоминаются «2 законники велике». Не были-ли это именно тѣ особенные сборники законовъ, по которымъ жила и управлялась Зета?

Въ Зетѣ значительно иныя отношенія были между государемъ и простымъ народомъ. Мы видимъ, что простые люди, бѣлошъ и бойца, пришли къ Иванбегу судиться о межахъ; выслушавъ ихъ, онъ послалъ 24 властеля отъ разныхъ племенъ, чтобы они разсмотрѣли эти межи въ натурѣ и нашли, какъ онѣ должны проходить согласно съ ихъ опредѣленіемъ по свидѣтельскимъ показаніямъ, и затѣмъ рѣшилъ дѣло самъ. Точно такъ поступаютъ и его сыновья, Георгій и Степанъ.

Встрѣчаемъ также разницу въ наказаніи за уголовное преступленіе. Такъ Георгій и Степанъ Черноевичи даютъ знать, что Радоня Лаловичъ и сынъ его Иванъ убили безъ всякаго повода Іована, сына попа Балошина, и за то подвергаются изгнанію, а земля, на которой они сидѣли какъ кметы, передана другимъ.

Наконецъ въ Черной-Горѣ часть земли принадлежитъ государю, часть властельская; а въ то же время есть *баштинники* въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. владѣльцы земли по наслѣдству отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, имѣющіе право её мѣнять или отчуждать, не спрашивая ничьего позволенія.

Характерную черту составляетъ и то, что при разборѣ дѣла между бѣлошемъ и бойцомъ спрошены были подъ присягой 24 бѣлошанина *съ ихъ женами*[1].

Если матеріалъ, которымъ мы располагали, оказывается крайне недостаточнымъ для политической исторіи, то еще бѣднѣе

[1]) Относящіяся къ этому грамоты будутъ напечатаны цѣликомъ въ матеріалахъ.

онъ по отношенію къ внутренней жизни; и, собравши въ особую главу тѣ относящіяся къ ней немногія крохи, разсыпанныя по разнымъ документамъ, мы имѣли въ виду уловить только основныя начала, на которыхъ держалась государственная и народная жизнь Зеты послѣ того, какъ она вышла изъ-подъ непосредственнаго управленія ею сербскихъ государей; поэтому мы и не разсчитываемъ ни на полноту, ни на систематичность.

Въ слѣдующій періодъ эти начала продолжаютъ жить и дѣйствовать, предоставленныя народу, безъ протекціи государственной верховной власти, и что было въ нихъ существенно здраваго и нормальнаго, отвѣчавшаго всякому состоянію народа, сохранилось до конца; остальное же, появившееся подъ различными внѣшними вліяніями и основанное на узурпаціи управляющихъ классовъ надъ народною массой, утратило постепенно смыслъ и силу, и брошено народомъ, какъ чужое, ненужное и ни къ чему непригодное.

Для большей ясности при обозрѣніи послѣднихъ двухъ періодовъ предлагаемъ таблички родословія послѣдняго сербскаго князя Лазаря, Балшичей и Черноевичей, и перечень главнѣйшихъ событій въ періодъ времени съ 1356—1516.

1.

Кн. Лазарь Гребляновичъ (1371 †1389 г.) жена Милица (†1406).

Стефанъ Высокій деспотъ (1406 †1427) жена Елена Кантакузенъ.

Мара за Вукомъ Бранковичемъ (†1398).

Юрій Бранковичъ Смедеревацъ; вторая жена Ирина, сестра Іоанна и Константина Палеологъ.
Съ 1425—1427 правитель Зеты.
Съ 1427 †1456 деспотъ.
Ирина, правительница до †1457.

Елена за венгерскимъ палатиномъ Николаемъ Гарскимъ, а послѣ за Сандалемъ Храничемъ, великимъ воеводою Боснійскимъ.

Деспа за Болгарскимъ цар. Шишманомъ; а послѣ за Георгіемъ II Бальшичемъ, сыномъ Страцимира.

Вукосава за Милошемъ Обиличемъ.

Милена за султаномъ Баязетомъ.

Григорій *Стефанъ* — Оба ослѣплены.

Стефанъ жена Ангелина, дочь Георгія или Андрея, Арванита храбраго Черноевича (съ 1467 г. удалилась въ Сремъ).

Максимъ архіепископъ. — Іованъ—деспотъ.

Лазарь съ 1457 г. деспотъ; жена Елена Палеологъ (сестра Софія за русск. цар. Іоанномъ III), съ 1458 г. удалилась въ Венгрію.

Екатерина за граф. Цельскимъ (1430).

Марина за Амурат томъ II.

2.

Бальша (†1360).

Страшимиръ (1360 † 1373); (жена неизвѣстна).

Георгій I (1373 † 1379); 1-я жена Милица, дочь краля Вукашина; 2-я Ѳеодора, дочь намѣстника въ Македоніи Жарка Деановича.

Катерина за Карломъ Топіею.

Бальша II (1379 †1385).

Георгій II (1385 †1405); жена Деспа, дочь кн. Лазаря, вдова болгар. царя Шишмана.

Гойко — *Иванишъ* — умерли при жизни отца.

Бальша III (1405 †1421); жена Елена (неизвѣстно изъ какого рода).

Елена за герцогомъ Стефаномъ.

Съ 1421—1427. Зета находилась подъ управленіемъ сначала деспота Стефана Высокаго, а послѣ — Юрія Бранковича.

3.

Стефачъ Черноевичъ (1427—1471); жена Мара, сестра Георгія Кастріота (Скендербега).

Иванбегъ (1471 †1490); жена Марія или Екатерина, родом. изъ Италіи.

Божидаръ († окт. 1450).

Георгій или Андрей Арванитъ († окт. 1484).

Георгій (1490—1516); жена Елизавета Эрицо.

Стефанъ соправитель съ Георгіемъ— 1495; правитель турецкій — 1527.

Марія за валашск. воеводою Радуломъ (1462 † 1477).

Ангелина за Стефаномъ, слѣпымъ сыномъ Юрія Смедеревца.

Константинъ; жена Maria Contarini (1530)

Соломонъ.

Илія.

Двѣ дочери; изъ нихъ одна за отцомъ di Triffone Buca Cattarina.

Иванъ (1560); жена 1-я дочь di Giambattisto Alberti; 2-я Orseta дочь di Gabriele Valeresso.

Викторъ — (1590); жена по однимъ Елена di Pietro Calvi; по друг. E. Balbi.

Иванъ (1596 †1660) не былъ женатъ и съ нимъ прекращается родъ.

Faustina замужемъ за L. Delfi.

Перечень главнѣйшихъ событій въ періодъ времени отъ 1356—1516.

Съ 1360 — 1385. Наибольшее распространеніе власти Бальшичей къ югу за Авлону; а въ томъ послѣднемъ году первое нападеніе турокъ на Зету; бой на Боянѣ, въ которомъ погибъ Бальша II, и турки проникли до верха Зетской долины (въ границы Оногошта) и разорили окрестности Скадра, Ульцина и Будвы; но заключили миръ и удалились.

Въ 1387. Побѣда сербскаго войска надъ турками на Ситницѣ близъ Топлицы.

» 1389. Косово.

» 1394. Венеціане овладѣли Драчемъ, Лѣшемъ и Скадромъ.

» 1405. Скадаръ готовъ предаться Бальшѣ третьему; но послѣ отказываетъ; война съ Венеціей; Бальша наноситъ венеціанцамъ рядъ пораженій.

» 1412. Венеція проситъ мира и уступаетъ Бальшѣ Ульцинъ и Будву.

» 1416. Венеціанцы купили Драчъ у Деспы, матери Бальши.

» 1419. Бальша овладѣлъ Скадромъ; война съ Венеціей, которая призываетъ на помощь турокъ; но успѣха нѣтъ никакого.

» 1421. Бальша отправляется въ Сербію, оставивши въ Скадрѣ Стефана Черноевича, который удаляется въ Италію, узнавши о смерти Бальши, а венеціанцы овладѣваютъ Скадромъ.

Съ 1421 — 1427. Стефанъ деспотъ и Юрій Бранковичъ напрасно стараются возвратить Скадаръ, и отступаются отъ него совсѣмъ за 1,000 цекиновъ каждогодно.

Въ 1413. Турки напали на Крою и принудили Іоанна Кастріота платить дань и дать въ заложники своихъ сыновей.

». 1432. Смерть І. Кастріота и турки овладѣваютъ Кроей.

» 1443. Георгій Кастріотъ (Скендербегъ) уходитъ отъ султана, освобождаетъ отъ турокъ свое отечество и от-

крываетъ войну съ ними, которую ведетъ до своей смерти, въ 1467 г.

Въ 1451. Стефанъ Черноевичъ въ войнѣ съ герцогомъ Стефаномъ терпитъ пораженіе и заключаетъ весьма невыгодный трактатъ съ Венеціей.

» 1463. Боснія покорилась туркамъ.

» 1474. Турки осаждаютъ Скадаръ; но при помощи Иванбега венеціанцы ихъ поражаютъ и отбиваютъ.

» 1478. Турки снова подъ Скадромъ; Иванбегъ опять помогаетъ венеціанцамъ; но въ то время турки обходятъ его и овладѣваютъ Жаблякомъ, а послѣ венеціанцы сдаютъ Скадаръ и заключаютъ миръ.

» 1481. Иванбегъ отнимаетъ у турокъ Жаблякъ обратно.

» 1482. Турки снова осаждаютъ; Иванбегъ напрасно проситъ помощи у венеціанцевъ, а потомъ зажигаетъ Жаблякъ и уходитъ на Ободъ; отсюда онъ отправляется искать помощи за границу, оставивши управлять брата Георгія Арванита.

» 1483. Пала Герцеговина, и турки овладѣли Поповымъ — послѣ Требиньемъ, Новымъ и Рисномъ.

» 1484. Иванбегъ, не успѣвши ни въ чемъ за границей, продаетъ дубровчанамъ Конавле и съ этими деньгами заводитъ типографію въ Ободѣ, строитъ на Цетиньѣ монастырь и дворецъ, куда и переноситъ свою резиденцію.

» 1490. Смерть Иванбега.

» 1494. Вышла первая напечатанная въ ободской типографіи книга (Октоихъ).

» 1516. Удаленіе Георгія Черноевича въ Италію, и начало правленія владыкъ.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

ИСТОРІЯ ЧЕРНОГОРІИ ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ МИТРОПОЛИТОВЪ (СЪ 1516 — 1851 Г.).

I.

Смыслъ и значеніе теократическаго правленія въ Черногоріи.

Перенося свою столицу на Цетинье, Иванбегъ не перестаетъ называться «зетскимъ господаремъ» и рядомъ съ собою ставитъ зетскаго же митрополита. Оставивши Жаблякъ въ 1482 г., съ Обода онъ разъѣзжаетъ по Цермницѣ, провѣряетъ и установляетъ границы Вранинскаго монастыря, спускающіяся къ морю черезъ будванскія земли и простирающіяся на «солила» на межѣ съ которянами, вслѣдствіе чего, при опредѣленіи границъ присутствуютъ и представители которской власти. Но въ 1489 г., разбирая распрю о землѣ между бѣлошевичами и очиничами, онъ назначаетъ для разслѣдованія 24 властеля отъ Черной-Горы, въ числѣ которыхъ находятся властели: Цеклина, Цетинья, Нѣгушъ, Угней, Поборъ и Браичей. Здѣсь Черная-Гора является именемъ не одной мѣстности, а государства, которое въ то время подъ державою Иванбега совмѣщало въ себѣ и Рѣцкую нахію, и Приморье, и, какъ увидимъ изъ другихъ документовъ, Цермницу, Лѣшанскую нахію и Пѣшивцевъ.

Сыновья его Георгій и Степанъ вмѣстѣ даютъ грамоты въ 1492 г. на Рѣкѣ, въ 1495 г. на Цетиньѣ; въ 1527 г. распрю между Вранинскимъ монастыремъ и жителями Забеса въ Черм-

ницѣ, разбираетъ уже Скендербегъ Черноевичъ, для чего отправляется туда на Виръ вмѣстѣ съ турецкимъ кадіею и потомъ въ своемъ престольномъ городѣ Жаблякѣ даетъ письменное рѣшеніе во имя султана Сулеймана, а пишетъ это рѣшеніе *язаджія* (писарь или секретарь) Никола Поповичъ, который писалъ грамоту и Георгія и Степана на Рѣкѣ, въ 1492 г.

Видно, что юрисдикція Цетинья въ Цермницѣ уже прекратилась, а, по всѣмъ вѣротіямъ, также и на Рѣкѣ.

Въ 1551 г. митрополитъ Ромилій не называется уже зетскимъ, а черногорскимъ и приморскимъ. Но изъ этого, а также и изъ другихъ документовъ видно, что церковная юрисдикція черногорскаго владыки простиралась еще на многія земли прежнаго Зетскаго государства, тогда какъ гражданская или политическая врядъ-ли простиралась дальше предѣловъ собственно Черной-Горы. И потому, какъ только столица государства перенесена была на Цетинье, исторія Зеты оканчивается, и начинается исторія новаго государства, Черной-Горы или Черногоріи.

Время правленія ею Ивана Черноевича и сыновей его было настолько коротко, что мы въ правѣ принять его только за одну ступень на переходѣ отъ свѣтскаго правленія къ іерархическому, и вся исторія Черногоріи до новѣйшаго времени такимъ образомъ совершается подъ управленіемъ ея митрополитовъ или владыкъ. И эта исторія обнимаетъ почти три съ половиною столѣтія, тогда какъ все время предшествовавшаго существованія самостоятельнаго Зетскаго государства было менѣе двухъ столѣтій. Поэтому можно сказать, что нынѣшнее Черногорское княжество обязано всѣмъ правленію владыкъ и составляетъ, такъ сказать, его плодъ и непосредственный результатъ. Со старою Зетой вяжетъ ее только тѣнь Иванбега, который въ Цетиньѣ создалъ новый политическій центръ, поставивъ его на двухъ незыблемыхъ устояхъ: съ матеріальной стороны на неприступности горъ, съ нравственной или духовной — на православной народной церкви; и потому вопреки теоріи, отнимающей у личности рѣшающее вліяніе на ходъ историческихъ событій, мы должны

признать лично за Иванбегомъ это вліяніе на дальнѣйшую судьбу Черногоріи, что̀ и побуждаетъ насъ прежде всего оцѣнить фактъ перенесенія столицы государства на Цетинье, которымъ открывается совершенно новая эра въ исторіи Черной-Горы, и затѣмъ уже мы постараемся проникнуть въ смыслъ и значеніе наступившаго вскорѣ послѣ того іерархическаго правленія.

Тѣснимый со всѣхъ сторонъ турками и брошенный единственными своими союзниками венеціанцами, Иванъ Черноевичъ отправляется въ Италію, чтобы еще разъ попытать счастья склонить кого-либо изъ западнаго христіанства принять участіе въ борьбѣ противъ турокъ. Но западная Европа въ это время была поглощена своими внутренними дѣлами: въ западной церкви тогда произошло уже разстройство, вызвавшее сначала гуситство, а потомъ реформацію; въ политической жизни также совершался переломъ: падалъ феодализмъ, и возникали новыя политическія отношенія. Обаяніе же турецкаго могущества, возростающаго изъ года въ годъ, было такъ сильно, что всякое одиночное предпріятіе противъ него было немыслимо. Потому обращеніе Иванбега къ Западу было напрасно.

Покинутый совершенно всѣми, онъ рѣшается оставить Зету и искать убѣжища въ горахъ. Но и для этого нужны были средства, которыхъ у него не было.

Тогда онъ продаетъ свою провинцію Конавле (contrada di Canali) дубровчанамъ за нѣсколько тысячъ перперъ, чтобъ съ этою суммою устроить себѣ новую столицу, и, собравъ всѣ свои пожитки, отправляется на Черную-Гору, подъ Ловченъ, гдѣ находились его катуны[1]) и куда онъ наѣзжалъ по временамъ для охоты и лѣтняго препровожденія времени. Облюбовавъ единственную равнину Ловченскій-долацъ, по которой протекала рѣчушка Цетина и на которой можно было устроить какое-нибудь поселеніе, Иванбегъ начинаетъ закапываться тутъ и устраиваться.

[1]) Лѣтнее пребываніе чабановъ съ ихъ стадами и съ приспособленными къ тому временными жилищами.

Прежде всего онъ строитъ церковь во имя Рождества Богородицы и монастырь, а затѣмъ для себя маленькій дворецъ. По словамъ Болицы, венеціанскаго путешественника начала XVII в., видавшаго лично эти постройки, онѣ были небольшія, но прекрасныя, что̀ можно видѣть по сохранившимся еще до нашего времени остаткамъ.

Съ Иванбегомъ переселились и оставшіеся вѣрными ему зетскіе воеводы съ горстью зетянъ, которые скудную жизнь въ горахъ, между голыхъ скалъ, и вѣчную борьбу съ непріятелемъ своей вѣры и народности и съ суровою природой — предпочли плодороднымъ равнинамъ богатой Зеты и всѣмъ благамъ жизни подъ чужимъ игомъ.

Собравшись здѣсь, они постановили между собою слѣдующее: «Покуда будетъ продолжаться война съ турками, ни одинъ черногорецъ не можетъ оставить свой постъ безъ приказанія своего главаря, ни уйти совсѣмъ — подъ страхомъ потери чести и добраго имени между своими братьями и сотоварищами; въ противномъ же случаѣ его, одѣвъ въ женское платье, женщины же прогоняютъ изъ отечества, и онъ объявляется низкимъ предателемъ своихъ братьевъ [1]).

Строя монастырь и не жалѣя ничего, чтобъ сдѣлать его поистинѣ прекраснымъ, Иванбегъ задумалъ перенести сюда и зетскую митрополію, находившуюся въ то время въ монастырѣ св. Николая на островѣ Вранинѣ, на что охотно согласился тогдашній митрополитъ Висаріонъ.

И вотъ на высотѣ болѣе 2.000 ф., гдѣ только орлы вили свои гнѣзда, да чобаны бродили со своими стадами, какъ бы какимъ-то волшебствомъ возникаютъ церкви съ монастыремъ и дворецъ со службами, и въ нихъ обитаетъ глава всего православнаго населенія на крайнемъ юго-востокѣ и вождь малочисленной дружины, рѣшившейся до послѣдней капли крови защи-

[1]) Вотъ откуда ведетъ начало обычай, до позднѣйшаго времени сохранившійся въ Черногоріи, пугать всякаго труса тѣмъ, что ему надѣнутъ *опрегљачу*, т. е. женскій передникъ.

щать свою свободу, вѣру и народность. Они были не только покинуты всѣми, но и отрѣзаны отъ всего остальнаго мира, будучи окружены со всѣхъ сторонъ своими непріятелями, такъ какъ турки заняли тогда уже всю Боснію и Герцеговину и спустились даже въ Бокку, гдѣ заняли Рисанъ и Новый, а потомъ и все южное Приморье. И ни откуда ни единаго голоса участія или утѣшенія, ни луча надежды. Съ ними былъ только Богъ, и вся надежда только на Него, да на желѣзную волю и юнацкія груди. Въ этой горсти, ничтожной частицѣ сербства, заключалось тогда все сербское дѣло, и положеніе этого народнаго сербскаго дѣла лучше всего рисуется въ душевномъ настроеніи его единственнаго въ то время вождя Иванбега, которое онъ выразилъ въ грамотѣ 1484 г., сопровождавшей основаніе Цетинскаго монастыря.

Вотъ эти трогательныя и вмѣстѣ съ тѣмъ знаменательныя слова послѣдняго государя Зеты и перваго государя Черногоріи.

«Възлюбленна братіе! нощь успе, а день приближисе; отверьземъ дѣла темна и явимсе чеда свѣту, и услышимъ, что глаголетъ слово Божіе, бесмертное къ человѣкомь: «Пріидите кь Мнѣ вси труждающеисе и обремененны, и азь покою вы». И пакы: «Творей чистоту», юже хвалить, рекы: «Блаженны чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узреть». Тѣмь же и азь, грѣхми смеренны и недостоины рабь Христу нарещисе, Ивань Црноевикь. Попущеніемь Божіемь заради сьгрѣшеній моихь изгнанну ми бывшу отъ моего отечьствіа измаильтьскымъ царемь султаномь Мехмедомь, иже многа царствіа пріе и многые царе побѣди, и никто же ему супротивити се възможе. И пришедшу ми вь страны Италіе, обрѣтохь прѣчюдны храмь прѣчистіе Владычице наше Богородице близь града, глаголемаго Якына (Анкона), глаголемы Делорита. И вь немь видѣхъ нерукотворенны образь преславные Матере Бога нашего, яже многа чюдеса и знаменіа сьтвараеть, еже и очима нашима видѣхомь. И падохь ниць на землю прѣдь тое страшнымъ образомь. И помолихсе оное милосердію и обѣти мое всесердечно вьздахь тое благоутробію, *аще умилосердитсе*

на мене недостойнаго раба своего и възвратить ме въ землю отечьствія моего, да потьщусе церковь сътворити вь честное име ее. Тѣмь же по своемь человѣколюбію милостива ми бысть Мати Творца моего и прошеніе мое исполни. И азъ потьщахьсе вьседушне и вьсесердечне обѣти мое испльнити, елико же ми бысть вьзможно. И сьздахь храмь на мѣстѣ, глаголемѣмь Цетинье, въ славу и въ хвалу тое Госпожде Матере Божіе вь име рождьства ее. И монастырь при неи сътворихь вь успокоеніе мнихомь, еже и *Митрополіа Зетска нарекохомь, аще будетъ угодно милостивьи Госпожди*»[1]).

Уступивъ тому, «кто многими царствами овладѣлъ и многихъ царей побѣдилъ, и кому никто не могъ воспротивиться» и, видя въ томъ волю Божію, Иванбегъ не отчаявается, что милость Божія когда-нибудь возвратитъ его въ свое отечество, если не его самого, то его потомковъ, и водворяетъ съ собою митрополита, который не теряетъ своего титула «Зетскаго», такъ какъ пало только государство и только государство покорилось чужому властелину; церковь же Зетская того новаго властелина не признала и не могла признать.

При томъ, можно сказать, стихійномъ поступательномъ движеніи турокъ, которому нигдѣ не находилось никакихъ преградъ и передъ которымъ все безусловно покорялось или бѣжало, никому не могло и въ голову прійти оказать какое-либо сопротивленіе, и еще меньше могло быть надежды на возможность удержаться передъ нимъ на болѣе продолжительное время, потому что сила турокъ ежеминутно росла, какъ снѣжная лавина. А между тѣмъ Иванбегъ рѣшается на этотъ шагъ, и рѣшается на борьбу долгую и упорную; иначе онъ не обстраивался бы такъ прочно и, можно сказать, съ роскошью. Онъ какъ бы зналъ и предвидѣлъ, что здѣсь никогда турки не въ состояніи будутъ нало-

[1]) Имѣя въ виду въ точности передать только смыслъ и духъ этого документа, мы сдѣлали отступленіе отъ орфографіи оригинала въ тѣхъ случаяхъ гдѣ она могла затруднять чтеніе, и для этого раскрыли вездѣ титла и вставили вмѣсто глухого ь соотвѣтствующіе ему гласные звуки.

жить свои цѣпи на свободныхъ горцевъ и что эти скалы послужатъ центромъ, который современемъ будетъ играть освободительную роль и по отношенію къ остальнымъ сосѣднимъ сербскимъ землямъ. Въ этомъ первомъ шагѣ, въ рѣшимости на такое, повидимому, безумное дѣло усматриваемъ мы величіе духа Иванбега.

Притомъ онъ уводитъ съ собою въ горы и митрополита, и въ этомъ была его главная цѣль и главная заслуга. Государство безъ территоріи и народонаселенія, лишенное всѣхъ атрибутовъ государственности, не имѣетъ никакого смысла существованія; тогда какъ церковь сохраняетъ вліяніе на свою паству, гдѣ бы она ни находилась, хотя бы совершенно въ другомъ государствѣ и на самой отдаленной территоріи. Перенеся столицу зетскаго митрополита на Черную-Гору, Иванбегъ обезпечилъ и этой послѣдней вліяніе на всю прежнюю, въ политическомъ смыслѣ потерянную Зету, и связавъ такимъ образомъ судьбу православнаго населенія въ Зетѣ и Черногоріи съ единымъ духовнымъ пастыремъ ихъ, митрополитомъ, онъ связалъ между собою и эти двѣ расторженныя половины; церковь же поставилъ при этомъ краеугольнымъ камнемъ того зданія, которое должно было созидаться вѣками, пока эта самая церковь, одержавъ побѣду надъ врагами своими и своего народа, и упрочивъ народу его свободу, не возстановитъ и самое государство.

Вмѣстѣ съ мудростью мы видимъ въ этомъ шагѣ Иванбега и высокій патріотизмъ. Для его личной выгоды прямой выходъ былъ перемѣнить вѣру и признать надъ собою суверенство султана, и затѣмъ господствовать надъ народомъ, какъ дѣлали многіе въ то время и какъ разсудилъ его собственный сынъ Станиша, и не только господствовать, но и посвящать всего себя заботамъ объ этомъ народѣ и о процвѣтаніи края. Какъ человѣкъ необыкновеннаго ума, имѣющій за собою многолѣтнюю опытность и искушенность въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, онъ былъ бы оцѣненъ султаномъ и даже могъ бы имѣть на него вліяніе и, пользуясь имъ, быть полезнымъ своему народу.

Не стѣснялись же вѣрой нѣкоторые изъ его предковъ! Развѣ во 2-й половинѣ XI в. діоклейскій жупанъ Михаилъ Бославовичъ не перемѣнилъ православіе на католичество за королевскій титулъ отъ папы Григорія VII? Точно такъ же поступилъ и одинъ изъ Неманичей, Вуканъ (въ 1199 г.), ради того только, чтобы сбросить съ престола родного брата и самому сдѣлаться королемъ. Да и вообще Неманичи относились благосклонно къ католичеству, дорожа дружбой съ папою и венгерскими королями, отъ которыхъ получали и титулы, и матеріальную помощь.

Но Иванъ Черноевичъ былъ слишкомъ великъ умомъ и характеромъ, чтобы быть суетнымъ и пойти на какую бы то ни было сдѣлку; а вѣра и народность составляли для него нѣчто неотдѣлимое отъ его существа; и потому для него невозможно было отступленіе отъ нихъ ни на шагъ.

Кромѣ этихъ однако естественныхъ или физіологическихъ причинъ, дѣлавшихъ для Иванбега невозможнымъ отреченіе отъ вѣры и народности, мы не можемъ допустить, чтобы онъ въ то же время не прозрѣвалъ своимъ умомъ далеко въ будущее и чтобы ему не рисовалось, хотя въ самомъ отдаленномъ будущемъ, неминуемое крушеніе турецкаго могущества. На это указываетъ глубокая обдуманность и разсчитанность на продолжительный срокъ во всемъ, что̀ онъ тогда дѣлалъ; — какое-то величавое спокойствіе, въ виду урагана, который все опрокидывалъ и разносилъ. Къ дальновидѣнію тутъ присоединилась глубокая вѣра, которая крѣпила его душу и успокоивала его чувства, испытывавшія неимовѣрныя потрясенія.

Поэтому мы вполнѣ увѣрены, что, оставляя своимъ преемникомъ сына Георгія, онъ предвидѣлъ его неизбѣжное удаленіе изъ Черной-Горы, вслѣдствіе чего и поставилъ рядомъ съ нимъ митрополита. Онъ, однимъ словомъ, предвидѣлъ, что митрополиту рано или поздно приведется принять въ свои руки управленіе не только церковными, но и мірскими дѣлами, и все къ тому подготовилъ: надѣлилъ монастырь средствами, какими въ то время и самъ не обладалъ, и, не щадя ничего на красоту зданія и благо-

лѣпіе, тѣлесному оку черногорскаго народа представилъ въ этомъ зданіи нѣчто никогда имъ не видѣнное, необыкновенное, чтобы еще больше привязать его къ церкви и больше возвысить ее въ глазахъ народа. Совершенно сознательно онъ создавалъ на Цетиньѣ не мірскую державу, а церковь, которая должна была управлять всѣми функціями національно-религіозной жизни.

Онъ зналъ, что свѣтскому государю легко было измѣнить вѣрѣ и народности, чему имѣлось уже такъ много примѣровъ въ сербской же исторіи, и что въ то же время ему не вынести было ту жизнь, которая ожидала его въ Черной-Горѣ: жизнь безъ всякихъ средствъ, полную всевозможныхъ лишеній подъ вѣчною грозой, которая, не знаешь откуда, нагрянетъ; безъ всякой государственной организаціи для управленія собственнымъ народомъ. Государственный бытъ, выработанный уже въ Зетѣ, долженъ былъ уступить племенному и родовому, а эти двѣ формы исключаютъ одна другую и не могутъ уживаться вмѣстѣ. При такихъ отношеніяхъ единственно возможная форма была патріархальная, которую мы и встрѣчаемъ въ правленіи владыкъ. Владыки управляли народомъ не физической силой, а чисто моральнымъ вліяніемъ, и не силой собственно, а убѣжденіемъ и молитвой. У нихъ не было своего я, а во всемъ былъ авторитетъ только вѣры и церкви, передъ которымъ сливались воедино и пастырь, и его стадо. Это было какое-то духовное братство.

Племенное и родовое начало въ Черногоріи при владыкахъ достигло крайняго развитія, съ чѣмъ также никакъ не могъ ни совладѣть, ни ужиться принципъ государственности.

Быть главою народа при такихъ условіяхъ могъ только владыка-монахъ, сливающійся съ нимъ во всемъ, о Христѣ братъ всякому, для котораго отреченіе отъ православія и народности было наложеніемъ рукъ на самого себя.

Это была единственная форма, которою обезпечивалась индивидуальность черногорскаго народа, его національность и вѣра; потому что, измѣни онъ тому или другому, ему предстояла участь сдѣлаться безличною единицею въ массѣ населенія Турецкой им-

періи или Венеціанской республики, а со временемъ какой нибудь Австро-Венгріи или Албано-Италіи, и съ нимъ вмѣстѣ не было бы уже главнаго иниціатора въ дѣлѣ освобожденія остальныхъ частей сербскаго народа, всюду подпавшаго чужому игу и низведеннаго на степень райи или слѣпого орудія въ рукахъ своего инороднаго и иновѣрнаго господина.

Эта форма спасла народъ не только отъ грубой силы турокъ, но и отъ лукавыхъ покушеній на его индивидуальность со стороны латинъ, которые дѣйствовали — гдѣ хитростью и интригой, а гдѣ и просто насиліемъ. Мало того: подъ этой формой въ Черногоріи плодились сословныя различія и возстановлены права народа, какъ главнаго фактора политической и общественной жизни, постепенно утраченныя имъ подъ вліяніемъ феодальныхъ порядковъ, которымъ онъ неизбѣжно подвергался во время управленія сербскихъ кралей, почерпавшихъ свои политическія воззрѣнія изъ Рима или Византіи.

Съ удаленіемъ изъ Черногоріи послѣдняго Черноевича народъ остался окончательно одинъ со своимъ владыкой, который былъ для него все: прежде всего, конечно, духовный пастырь, учитель вѣры и наставникъ христіанской нравственности; затѣмъ вождь его въ борьбѣ съ внѣшнимъ непріятелемъ, верховный судья и примиритель внутреннихъ тяжбъ и распрей; а главное — стражъ народной сокровищницы, хранившей высшее благо народа, его духовную мощь и силу, народное самосознаніе, основанное на вѣрѣ и на преданіи о его прежнихъ дѣлахъ и славныхъ предкахъ.

Указавъ такимъ образомъ смыслъ и значеніе, какое мы придаемъ превращенію свѣтскаго государства въ іерархическое, мы можемъ приступить къ дальнѣйшей исторіи Черногоріи.

Въ цѣлой этой исторіи мы отличаемъ два періода. Въ первомъ періодѣ, въ продолженіе приблизительно двухъ столѣтій, Черногорія находится въ какомъ-то пассивно-консервативномъ состояніи: охраняя свою свободу въ неприступныхъ горахъ, она ничѣмъ не заявляетъ своей активной внѣшней жизни; никто не

трогаетъ её, никого и она не трогаетъ; но пользуясь этимъ застоемъ, среди ея ширится магометанство, опутывая её страшною сѣтью; а по Приморью, подъ эгидою Венеціи, распространяется католицизмъ, подавляя всюду православіе, нанося на каждомъ шагу оскорбленія и удары православному народу и его святынѣ. Только въ послѣдней четверти XVII ст. начинается пробужденіе Черногоріи къ болѣе активной жизни: владыка Руфимъ Болевичъ обращаетъ въ православіе племя Кучей, бывшихъ въ то время католиками, а Висаріонъ Байца помогаетъ венеціанцамъ изгнать турокъ изъ Новаго, чѣмъ навлекаетъ удары Турціи на Черногорію; въ то же время среди сербскаго народа, покореннаго турками, появляется активный протестъ и отпоръ въ лицѣ хайдуковъ, собирающихся въ четы, чтобы мстить по крайней мѣрѣ отдѣльнымъ лицамъ, насильникамъ своего народа, оскорбителямъ его вѣры и чести. Изъ этихъ частныхъ и случайныхъ обстоятельствъ возникаетъ общее народное броженіе, пользуясь которымъ владыка Даніилъ Петровичъ открываетъ новую эру поголовнымъ истребленіемъ магометанства въ Черногоріи и, случайно или не случайно, напавъ на связь съ Россіей, выводитъ Черногорію снова на политическую арену, съ которой она была удалена въ продолженіе почти двухъ столѣтій.

Милаковичъ дѣлитъ исторію іерархической Черногоріи на 2 періода: подъ управленіемъ владыкъ изъ различныхъ родовъ и потомъ изъ рода исключительно Петровичей, и въ такомъ дѣленіи онъ руководится единственно этимъ внѣшнимъ, случайнымъ признакомъ. Удерживая то же самое дѣленіе, мы считаемъ долгомъ указать на существенную разницу этихъ двухъ половинъ исторіи Черногоріи, и замѣтимъ при этомъ, что задержаніе съ того времени владыческаго достоинства въ домѣ Петровичей произошло вслѣдствіе того именно, что эти владыки явились истинными носителями черногорскаго идеала того времени, имѣли преимущественно передъ другими всѣ шансы и дарованія для ея осуществленія и показали себя людьми, вполнѣ заслужившими ихъ

выборъ и оправдавшими лежавшую на нихъ народно-политическую миссію.

Вообще Нѣгуши должны были стоять выше другихъ племенъ по политическому развитію, такъ какъ они ближе были къ европейской политической аренѣ; а народный выборъ палъ въ то время на домъ Петровичей, изъ рода Ераковичей, предпочевши его всѣмъ другимъ родамъ, между которыми Раичевичи были гораздо многочисленнѣе, богаче и сильнѣе, вслѣдствіе того, что считалъ ихъ способнѣе по ихъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ. Все равно, какъ въ глубь Черногоріи и дальше отъ Западной Европы среди сильнаго племени Озриничей выдѣлялся въ то время домъ Вукотичей. Цермница, Рѣцкая и Лѣшанская нахіи, сильныя числомъ и богатствомъ, и имѣвшія нѣсколько знатныхъ родовъ и фамилій, не выступали никогда въ роли освободителей, частію вслѣдствіе своего слишкомъ открытаго положенія передъ турками, частію же вслѣдствіе чисто естественныхъ условій страны, которая ихъ щедро надѣляла своими естественными дарами, такъ сказать, нѣжила и баловала, а ихъ главарей направляла къ соблазнамъ, предлагаемымъ имъ съ одной стороны сильною Оттоманскою Имперіей, съ другой мудрою, богатою и высокообразованною Венеціей. Это отразилось и во всей послѣдующей ихъ исторіи.

Людей, закаленныхъ въ нуждѣ и борьбѣ, вѣрныхъ народу и до гроба преданныхъ трудной миссіи, лежавшей на тогдашнихъ владыкахъ, прежде всего могли дать Черногоріи Катуны. И посмотрите, что̀ за люди эти послѣдніе владыки! какою необыкновенною физическою и нравственною силою должны были они обладать, чтобы выносить по 30 лѣтъ самое тяжкое бремя, какое когда либо доставалось правителямъ народовъ!

Въ первомъ періодѣ, заключающемъ въ себѣ 181 г., исторія насчитываетъ 15 владыкъ (а можетъ быть, она кого нибудь и пропустила); слѣдовательно на каждаго приходится по 12 лѣтъ правленія; а во второмъ, въ продолженіе 154 лѣтъ, было всего 5 владыкъ, слѣдовательно каждый управлялъ по 30 лѣтъ;

вѣрнѣе же будетъ считать только 4 владыкъ, такъ какъ Савва съ Василіемъ составляли одно владычество; и тогда придется на каждаго владыку чуть не по 40 лѣтъ.

Разбирая исторію Черногоріи въ этомъ послѣднемъ періодѣ и жизнь этихъ владыкъ, не знаешь, кто изъ нихъ сдѣлалъ больше и кто несъ бремя тяжеле; одно только обо всѣхъ ихъ можно сказать, что они были не только великіе дѣятели, но и мученики дѣла и идеи.

Послѣ этой оговорки, приступая къ изложенію исторіи Черногоріи, мы принимаемъ то самое раздѣленіе ея на два періода, какого держится Милаковичъ, хотя по другимъ нѣсколько мотивамъ и на другомъ основаніи. Годъ избранія во владыки Даніила Петровича мы будемъ считать началомъ второго періода.

II

Черногорія подъ управленіемъ владыкъ изъ различныхъ родовъ. (Съ 1516 — 1697 г.).

ВОЗРАСТАНІЕ ТУРЕЦКАГО МОГУЩЕСТВА.

Въ продолженіе всего XVI в. турки невозбранно распространяются по всему Балканскому полуострову, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія; ихъ сила растетъ и крѣпнетъ; слава ихъ оружія обезпечиваетъ имъ дальнѣйшія побѣды, и они идутъ все впередъ: отнимаютъ у Венгріи Бѣлградъ, переходятъ Дунай и неудержимымъ потокомъ лавы растекаются по равнинамъ Баната, Бачки, Срема и Славоніи, все истребляя, разрушая и сжигая. Юный и слабый вслѣдствіе внутреннихъ несогласій венгерскій король Людовикъ II едва могъ собрать 30,000 войска для отраженія арміи султана Сулеймана, состоящей изъ 100,000, въ числѣ которыхъ большинство составляло кавалерія и съ 300 пушками. При Могачѣ въ 1526 г. произошла рѣшительная битва: венгерское войско поражено на голову, король утонулъ во время бѣгства въ Дунаѣ; 4,000 обезглавлено на мѣстѣ, а 24,000 сда-

лись въ плѣнъ, и въ томъ числѣ 3 архіепископа, 5 епископовъ и до 500 вельможъ. Пештъ и Будимъ преданы грабежу и пожару; а дикія полчища, ставъ на зимовку, разсыпались по богатымъ равнинамъ Венгріи и, алчныя наслажденій, безнаказанно предавались удовлетворенію своихъ дикихъ инстинктовъ. Такая же судьба постигла и значительную часть Хорватіи, той же участи подверглись — вся Далмація до самыхъ береговъ моря, Лика и Корбава съ Удбиной. Пощаженъ былъ Дубровникъ ради платимой имъ дани; а также и Которъ. Съ Венеціей они вели торговлю и потому не имѣли прямыхъ столкновеній; но въ 1571 г. заняли Баръ и Ульцинъ.

ПАДЕНІЕ УЛЬЦИНА.

Занимая послѣдній, турки, однако, не поцеремонились договоромъ, по которому обѣщали дать свободный пропускъ венеціанскому гарнизону, и только были отворены ворота въ градъ, кинулись на сдавшихся солдатъ и всѣхъ ихъ перерѣзали тутъ же на мѣстѣ; только предводитель Мартинего съ нѣсколькими незамѣтно ускользнулъ и избавился бѣгствомъ въ лодкѣ, ожидавшей его подъ градомъ, и очнулся только въ Дубровникѣ, гдѣ встрѣтилъ, конечно, самый радушный пріемъ; но, не медля ни минуты, онъ полетѣлъ съ рапортомъ свѣтлой Республикѣ.

Мы имѣемъ донесеніе одного венеціанскаго чиновника о состояніи Ульцина въ 1570 г., слѣдовательно какъ разъ наканунѣ занятія его турками [1]). Оно такъ интересно, что совершенно кстати дать ему мѣсто въ изложеніи общаго хода событій того времени.

«Городъ Ульцинъ, — доноситъ онъ — расположенъ частью на скалистомъ краю моря, частью внутри материка. Въ приморской части еслибъ была построена стѣна съ западной стороны, или еслибъ устроить бастіонъ въ томъ мѣстѣ, которое назы-

[1]) Relazione dell' Albania e sue citto, fiumi, monti, laghi, pioni, confini etc. fatto l'anno 1570 («Starine», издаваемыя юго-слав. акад. въ Загребѣ. 1879 г., кн. XII, стр. 193—200).

вается «у св. Доменика», съ 6-ю или 8-ю орудіями, такъ какъ обрывъ здѣсь прекращается, а стѣны разрушаются отъ ветхости, то, безъ сомнѣнія, можно бы не бояться непріятеля, съ какимъ бы онъ ни былъ большимъ войскомъ, потому что только къ св. Доменику ведетъ тропинка, остальная же часть града стоитъ на высотѣ неприступныхъ скалъ, съ которыхъ, не боясь нападенія, можно изнутри обстрѣливать непріятельское войско на разныя стороны. Только въ указанномъ выше пунктѣ и есть опасность; а безъ того это мѣсто, по мнѣнію людей знающихъ, было бы самымъ крѣпкимъ и непобѣдимымъ. Но, говоря правду, въ томъ положеніи, въ какомъ оно находится теперь, ему угрожаетъ величайшая опасность. Часть города, обращенная къ материку, расположена, правда, на высокихъ крутизнахъ, но стѣны его слабы и древни; еслибъ эту часть фланкировать и укрѣпить по правиламъ современнаго искусства, то входъ въ нее непріятелю, во всякомъ случаѣ, былъ бы невозможенъ. Но такъ какъ часть города, расположенная выше крѣпости на мѣстѣ высокомъ и доминирующемъ, высока только своими стѣнами, которыя тонки и стары, то въ эту часть въ нее можно стрѣлять изъ пушекъ съ холмовъ, не особенно удаленныхъ. И при всемъ томъ, если стѣны и обрушатся внизъ, непріятель не въ состояніи будетъ войти внутрь, такъ какъ нужно будетъ много подниматься на высоту. Поэтому, если только укрѣпить террасы и бока и запастись необходимымъ, то можно не бояться непріятеля. Этотъ городъ ни болѣе, ни менѣе, какъ первый и послѣдній городъ въ Албаніи, принадлежащій республикѣ, составляя фронтъ цѣлой Далмаціи,— тотъ именно городъ, который, какъ скала среди моря, долженъ будетъ выдерживать всю ярость волнъ, устремляющихся противъ него. Всѣ турецкія войска, которыя, гонясь за нашими, проникли до залива Венеціи, прошли здѣсь; но Ульцинъ, по милости божіей, еще остается цѣлъ подъ свѣтлѣйшею властью. Санджаки Скадра и Дукадьина граничатъ съ Ульциномъ, и въ прошлую войну огромное войско пришло и опустошило всю территорію, рубя виноградныя лозы, маслины и фруктовыя деревья, но война тогда нача-

лась послѣ уборки хлѣба и винограда; поэтому вѣрнѣйшій народъ не имѣлъ тогда такой нужды, какую ему приводится терпѣть въ настоящую войну, когда онъ голодалъ уже годъ, а теперь наступила война вдругъ, потому что пришли сразу три санджака болѣе чѣмъ съ 20,000 пѣхоты и 5,000 кавалеріи, которые разграбили и сожгли всѣ села и все имущество. Съ того времени огромное множество народу собралось въ городѣ, гдѣ и терпитъ страшный голодъ. Передъ войной привезено было хлѣба частнаго и казеннаго изъ Албаніи; поэтому народъ еще не совсѣмъ погибъ и съ радостью довольствуется крохами, только бы просуществовать; но теперь какъ разъ время уборки, а народъ не можетъ жать свой хлѣбъ, и потому, если не пришлютъ на помощь двѣ галеи или фусты (мелкое судно), то они не въ состояніи сами ничего собрать; не имѣя при томъ стараго и лишенные всѣхъ средствъ, они должны помирать съ голоду, какъ горожане, такъ и поселяне, вошедшіе внутрь, даже и солдаты, которые, по назначенію свѣтлѣйшей республики, составляютъ гарнизонъ. Кромѣ того, нужно знать впередъ и быть увѣреннымъ въ томъ, что эти вѣрные люди могутъ поколебаться въ вѣрности, уступивъ голоду, и вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми сѣсть въ лодки и отправиться искать прокормленія, подвергаясь разнаго рода опасностямъ моря, и бросить городъ, если только, оставшись вѣрными, не умрутъ храбро въ бою съ непріятелемъ, который во всякомъ случаѣ сдѣлаетъ нападеніе, слишкомъ благопріятствуемый близостью прикрытыхъ мѣстъ. Если же въ помощь Ульцину прійдутъ двѣ или три галеи или фусты, ульциняне отправятся въ Реддони (портъ въ Албаніи къ югу отъ устья Дрина), гдѣ, несмотря на войну съ турками, они будутъ встрѣчены албанцами съ любовью и готовностью; такъ какъ тамошніе жители не оказываютъ полнаго повиновенія туркамъ, и отъ реддонцевъ можно вывезти разнаго хлѣба въ большомъ количествѣ даромъ и не только для Ульцина, но и для прокормленія города Антивари, который теперь окруженъ турками, такъ какъ стоитъ не на морѣ, и для прокормленія Будвы, Котора и Далмаціи, такъ какъ из-

вѣстно, что въ мирное время изъ устья Дрина отпускаютъ для Венеціи всякаго хлѣба до 50,000 старовъ. — И такъ, чтобы сохранить эти мѣста — Которъ, Будву, Антивари, Ульцинъ, нужно ихъ снабдить войскомъ и разнаго рода оружіемъ, озаботится — и это самое необходимое — послать нѣсколько вооруженныхъ кораблей, которые охраняли бы море, начиная отъ Бокки-Которской до Реддани, потому что въ Дураццо находятся два фрегата о десяти банкахъ (?) каждый и одна вновь прибывшая фуста о 16, которые держатъ тѣ мѣста въ осадѣ, и какъ только флотъ синьоріи выйдетъ изъ залива, эти корсары не допустятъ входить въ заливъ Дрина, и такимъ образомъ упомянутые города, не проливши крови, будутъ находиться въ опасности».

Донесеніе это ясно обнаруживаетъ въ составителѣ его очевидца, отлично знающаго всѣ тѣ мѣста, и даже личнаго участника въ событіяхъ того времени, когда рѣшалась судьба этого края. Оттуда происходитъ его горячее желаніе убѣдить республику въ необходимости принятія мѣръ для спасенія Ульцина, доведеннаго до крайности; но убѣжденія его, очевидно, остались втунѣ. Можетъ быть, онъ былъ въ числѣ тѣхъ немногихъ, спасшихся съ Мартинего, а можетъ быть, погибъ съ большинствомъ подъ турецкими ножами. Есть нѣкоторое основаніе подозрѣвать въ немъ славянина, какъ по горячему участію къ странѣ, такъ и потому, что онъ жителей Ульцина называетъ не по итальянскому способу *Dulcignatti*, а по славянскому — *Dulcignani*.

Это донесеніе живо рисуетъ намъ положеніе цѣлаго края, жители котораго разбѣжались или собрались въ городѣ, стѣны котораго оказываются слишкомъ слабыми для ихъ защиты, а также несостоятельными были и стѣны крѣпости, несмотря на всѣ выгоды мѣстности. Венеція, видимо, бросила Ульцинъ, находя безцѣльнымъ держать его, когда все кругомъ и Баръ попало уже въ руки турокъ. Во всей наготѣ выступаетъ бѣдность хлѣбомъ Венеціи со всѣми подвластными ей частями Далмаціи и Приморьемъ; когда для снабженія приморскихъ городовъ не откуда было больше взять хлѣба, какъ въ Албаніи, которою хоть

и завладѣли турки, но есть еще возможность, хотя тайкомъ и съ рискомъ, вывезти, благодаря сочувствію народа, неохотно покоряющагося туркамъ. Изъ этого ясно видно, что Венеція, эксплуатируя занимаемыя ею страны, нисколько не заботилась о развитіи въ нихъ земледѣлія и поднятія уровня ихъ благосостоянія, какъ то предполагаютъ многіе.

ПОСЛѢДСТВІЯ ПАДЕНІЯ УЛЬЦИНА.

Интересенъ въ этомъ донесеніи тотъ фактъ, что албанскіе порты блокированы корсарами, которые являются такимъ образомъ какъ бы спутниками или помощниками турокъ, а 30 лѣтъ спустя послѣ занятія Ульцина турками, становятся знаменитыми уже ульцинскіе корсары. Прежде ихъ не было тамъ и изъ мѣстныхъ жителей они не могли выработаться такъ быстро; откуда же взялись? По разсказамъ современныхъ жителей Ульцина, всѣ они доселились въ него во время турокъ; но тамъ уже были жители, турки азіатскіе и арабы, которыхъ завоеватели поселили въ Ульцинѣ тотчасъ при его занятіи. Подъ именемъ арабовъ здѣсь нужно разумѣть вмѣстѣ съ ними и жителей сѣвернаго берега Африки, издавна занимавшихся пиратствомъ, которые были спутниками турецкихъ завоеваній на морѣ и положили основаніе ульцинскимъ корсарамъ, которые отличались отъ всѣхъ другихъ корсаровъ Далмаціи и изъ которыхъ впослѣдствіи развились мореходы-торговцы, до сихъ поръ отличающіеся вмѣстѣ съ искусствомъ въ борьбѣ съ моремъ и вѣтрами необыкновенною, безразсчетною отважностію. Въ то же время они занимались и постройкою своихъ судовъ.

Сельское населеніе во время войны должно было разбѣжаться; но въ описаніи Скадарскаго санджаката М. Болицы, относящемся къ первымъ годамъ XVII ст., въ этой мѣстности насчитывается уже 11 селъ, въ которыхъ 475 домовъ и 1.159 вооруженныхъ людей; значитъ, разбѣжавшіеся жители опять собрались, а частію, можетъ быть, приселились новые. Замѣчательно при этомъ, что въ то время, какъ при всѣхъ городахъ

считаются села, составляющія съ городомъ округъ, къ Ульцину не причисляется ни одно село. Дойдя до Ульцина, Болица говоритъ: «Dolcigno non *ha terre* et può far gente armato 800, fra quali sono 400 archebugieri (съ ружьями); brava gente *per il piu leventi et corsari*». Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ, что въ Ульцинѣ находятся «300 ullafazi, che sono sudi stipendiati continuamente» — это родъ гарнизона, присутствіе котораго, однако, нисколько не мѣшало корсарамъ.

НАЦІОНАЛЬНОСТЬ УЛЬЦИНСКАГО ОКРУГА.

Относительно національности сельскаго населенія не можетъ быть сомнѣнія, что оно было все арнаутское; это видно изъ названія селъ и ихъ старшинъ: Gerana — старшина — Marco Crutto, Scoimèri — Andrea Poruba, Porubbi — Luca Mida, Cullumsi — Piene Bitti, Pistulle — Colla Costrat, Zogagni — Paulo Soimira и др.; замѣшались славянскія названія только *Bratizze* и *Rezzi* (Речъ), но и тутъ старшины—Gion Salechi и Pepa Jubani. Это большею частію тѣ же названія, которыя существуютъ и теперь. Славянскій элементъ, значитъ, давно уже былъ вытѣсненъ отсюда, и на присутствіе его въ прежнее время указываютъ только славянскія названія, принявшія, однако, арнаутскій обликъ.

То же самое видно и изъ перваго донесенія (1570 г.), въ которомъ слѣдующими словами опредѣляется Албанія: «Албанія — страна, которая у древнихъ называлась Македоніей, т. е. часть Македоніи; такъ какъ она заключаетъ въ себѣ много мѣстностей и странъ, которыя — не Албанія. Албанія же та именно часть, которая на западѣ граничитъ Адріатическомъ моремъ: она идетъ съ сѣвера на югъ черезъ города Антивари и Ульцинъ, отстоящіе одинъ отъ другого только на 15 миль, такъ что *Антивари составляетъ конецъ Далмаціи, а Ульцинъ начало Албаніи; и населеніе ихъ различно также и по языку: такъ, отъ Антивари до самой Истріи говорятъ однимъ славянскимъ языкомъ, а отъ Ульцина сверхъ того (апсо) употребляется языкъ греческій*» (вѣрнѣе, арнаутскій).

Частица *anco* даетъ поводъ толковать, что арнаутскій языкъ или, какъ его называетъ авторъ донесенія, греческій существовалъ тамъ *сверхъ* существовавшаго тамъ сербскаго; но тогда нечего бы было и ставить здѣсь предѣлъ слав. языку. Однимъ словомъ, въ то время, какъ и теперь, хребетъ Мажура былъ границею между славянскимъ и албанскимъ элементами.

ДѢЛА СЪ ТУРКАМИ.

Паденіемъ Ульцина завершилось покореніе турками Зеты или, вѣрнѣе сказать, части ея, лежавшей въ равнинѣ. Найдя въ Скадрѣ готовую крѣпость и построивши новую въ Подгорицѣ еще при Магометѣ II, турки изъ нихъ доминировали надо всею равнинною окрестностью и отъ времени до времени предпринимали довольно значительныя экспедиціи для покоренія горцевъ; но это послѣднее имъ удавалось плохо. Во время М. Болицы турки предпринимали двѣ большихъ экспедиціи противъ албанскаго племени Климентъ, но не имѣли никакого успѣха, и покорить ихъ удалось только около 1640 г.

Подобныя экспедиціи предпринимались и противъ Черной-Горы. Болица разсказываетъ о двухъ такихъ экспедиціяхъ. Въ 1604 г. Алибегъ-Мехметбеговичъ отправился, чтобы взять дань съ черногорцевъ, но, перейдя Морачу и Лѣшкополе, при чемъ сжегъ села Гарицу и Станевичъ, въ одномъ тѣсномъ мѣстѣ былъ встрѣченъ черногорцами такъ, что и самъ раненый едва спасся на быстромъ скакунѣ, оставивъ на мѣстѣ убитыми 100 человѣкъ и между ними своего *тьехаго* (адъютантъ или секретарь), и, еслибъ не темнота ночи, плохо бы пришлось всему войску. Другая экспедиція въ 1613 г. была противъ Бѣлопавличей, и тутъ на Косовомъ-лугѣ (между Спужемъ и нынѣшнимъ Даниловымъ-градомъ) потеряли 40 человѣкъ убитыми и 60 телѣгъ обоза; а прежде еще погибло 70 человѣкъ турокъ и отнято 80 лошадей.

Все это, конечно, мелочи; но при недостаткѣ вообще извѣстій объ этой темной эпохѣ, какъ домашнихъ, такъ и иностран-

ныхъ, такіе мелкіе факты являются свѣтлымъ лучемъ среди непроглядной ночи, скрывающей отъ насъ Черногорію въ самые трудные моменты ея жизни, и при ихъ слабомъ освѣщеніи хотя неясно выступаетъ величавая картина ея горъ, и среди нихъ горсть отчаянныхъ борцовъ за свободу, мужественно отбивающихся отъ наступающаго со всѣхъ сторонъ непріятеля, передъ которымъ кругомъ все пало ницъ и трепетала вся Европа.

Черная-Гора въ то время была заброшена, забыта всѣми; она не существовала для остального свѣта, какъ и этотъ свѣтъ для нея; тѣмъ не менѣе, она жила и дѣйствовала, боролась и не поддавалась. Но она не въ состояніи была отстоять свои, лежащія ниже окраины. Это можно видѣть по успѣхамъ магометанства, которое распространялось даже въ глубь Черной-Горы.

Лѣшкополе все было турецкое и имѣло турка-кадію. Изъ одной дарственной записи Цетинскому монастырю мы узнаемъ, что нѣкая Дахвина Стоянова приложила «у Бере (село на границѣ Комакъ) двіе мотике; а има *шехвію* (*сосѣда*) *Мустахву Садъявицу*, код нѣгова винограда» — значитъ, и тутъ уже въ то время были турки землевладѣльцы. Ширились они и по долинѣ средней Зеты за Спужемъ въ Бѣлопавличахъ. Жаблякъ сдѣлался опорнымъ пунктомъ турокъ, откуда они распространялись и укрѣплялись въ Рѣцкой-нахіи, въ Цермницѣ, Люботинѣ и даже Цеклинѣ; вездѣ въ этихъ мѣстахъ есть слѣды не только магометанства, но и турецкихъ кулъ, которые служили крѣпостями для того, чтобы посредствомъ ихъ держать въ повиновеніи окрестное населеніе и предпринимать что либо противъ Черной-Горы. Во время Болицы главарь Люботина Вуко Раичевъ носилъ титулъ спахіи, полученный имъ изъ Константинополя, гдѣ его считали главою всей Черной-Горы, хотя этого на дѣлѣ не было и не могло быть, такъ какъ она никогда не принимала къ себѣ ни одного турецкаго главаря; и безъ сильнаго войска, и то только впослѣдствіи, ни одинъ турокъ, какъ господинъ, не смѣлъ ступить на черногорскую почву.

Только нынѣшняя Зета, т. е. равнина между Подгорицей и Скадарскимъ озеромъ, лежала мирно у ногъ своего побѣдителя,

благодаря беззащитности самой мѣстности, а то вездѣ шла борьба и импульсъ этому шелъ отъ Черной-Горы. Она служила базисомъ всякаго болѣе серьезнаго движенія противъ турокъ. Такимъ базисомъ она была избрана и въ затѣѣ герцога Неверскаго, который собирался предпринять нѣчто въ родѣ крестоваго похода противъ турокъ, и по иниціативѣ его въ 1614 г. 8 сент. было великое народное собраніе въ Кучахъ, на которомъ, подъ предсѣдательствомъ печскаго патріарха, участвовали церковные и мірскіе представители Албаніи, Босніи, Македоніи, Болгаріи, Сербіи, Герцеговины и Далмаціи. Черногорія здѣсь не упоминается, потому что у западныхъ историковъ она не отдѣляется отъ Албаніи и митрополитъ ея носилъ титулъ скендерійскаго, т. е. албанскаго. Планъ цѣлаго возстанія, рѣшеннаго на этомъ собраніи, мы помѣщаемъ въ приложеніи цѣликомъ [2]); а здѣсь скажемъ только, что дѣло это не удалось, потому что случайно или неслучайно сгорѣла приготовленная для того флотилія; а затѣмъ Западная Европа выбросила его изъ головы; но со стороны христіанъ Балканскаго полуострова это былъ крупный шагъ и несомнѣнный знакъ того, что у Балканскихъ народовъ еще не заглохло чувство свободы.

Но турецкая сила все росла. Экспедиціи турокъ противъ горцевъ, какъ бы ни были неудачны, служили имъ экзерциціями; а что онѣ дорого стоили, до того не было дѣла намѣстнику пророка. И то нужно сказать, что главный уставъ турокъ состоялъ въ распространеніи магометанства, которое дѣйствительно распространялось даже въ такой мѣстности, какъ Черная-Гора, нисколько не подвластной туркамъ. Магометанство дало Турціи тотъ сильный контингентъ, съ помощію котораго она впослѣдствіи держала въ своихъ рукахъ весь Балканскій полуостровъ, не имѣя надобности содержать вездѣ свое войско. Такой контингентъ готовился и въ Черногоріи, и готовился при томъ такъ, что въ Черногоріи никто и не подозрѣвалъ, какая темная сила зрѣетъ въ ней, и какую судьбу ей готовитъ.

Между тѣмъ Турція достигла апогея своего могущества и военной славы и осаждаетъ Вѣну; но здѣсь въ 1683 г. терпитъ

пораженіе отъ Яна Собѣсскаго, а въ 1684 г. Австрія, Польша и Венеція снова объявляютъ ей войну и приглашаютъ къ этому союзу Черногорію, которая, конечно, не заставила себя ждать.

Въ то время, какъ венеціанцы осаждали Новый (Castel Novo), черногорцы съ владыкою Висаріономъ пошли на встрѣчу главному турецкому войску подъ предводительствомъ Топалъ-паши и, зайдя въ тылъ, нанесли ему такое пораженіе, что онъ бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ 300 человѣкъ убитыми и 7 знаменъ; а потомъ, при ихъ же помощи и вслѣдствіе этой побѣды, принуждена была сдаться и крѣпость, такъ какъ ей не откуда было ждать помощи.

ПЕРВОЕ РАЗОРЕНІЕ ЦЕТИНЬЯ ТУРКАМИ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ.

Въ 1687 г. черногорцы вмѣстѣ съ приморцами отбили скадарскаго пашу Сулеймана, осадившаго съ 10.000 войска Будву. Въ слѣдующемъ году они же, побуждаемые венеціанцами, нападаютъ на турокъ въ Албаніи и Герцеговинѣ, и потомъ вмѣстѣ съ венеціанцами занимаютъ Грахово, прогнавши 15.000 турецкаго войска, шедшаго ему на помощь; а черезъ два года послѣ этого (въ 1690 г.) тотъ же Сулейманъ-паша Скадарскій врасплохъ напалъ на Черногорію, проникъ до Цетинья, взорвалъ порохомъ монастырь и дворецъ Иванбега и съ торжествомъ возвратился назадъ, передавъ по пути градъ Ободъ и Рѣку въ руки ренегатовъ.

Это былъ заключительный актъ въ цѣломъ періодѣ атакъ Турціи противъ Черной-Горы въ продолженіе почти двухсотъ лѣтъ.

Съ этого момента нѣкоторые считаютъ начало данническихъ отношеній черногорцевъ къ Турціи [1]). Но взять одинъ разъ съ

[1]) Г. Ленорманъ въ своемъ соч. «Turcs et Monténégrins» точно такъ же считаетъ начало этихъ отношеній съ сулеймановскаго погрома; но онъ дѣлаетъ одну ошибку: переноситъ его съ 1690 г. на 1623, что, однако, не мѣшаетъ ему тотъ же фактъ разсказать во второй разъ подъ 1688 г. (стр. 123 и 133—134). И потомъ, не подозрѣвая такой ошибки, онъ поторопился оформить вытекшія изъ того отношенія такимъ образомъ, что владыка считался наравнѣ съ пашою перваго ранга, а гувернадуръ или регентъ гражданскій числился между спахіями, т. е. въ ряду старинной военной знати (стр. 92). Довершивъ путаницу отнесеніемъ гувернадурства, впервые учрежденнаго владыкою Даніи-

помощію большого войска дань или, вѣрнѣе, разорить страну, не значитъ еще покорить ее себѣ. Если бы Черная-Гора была не только побѣждена хоть на одинъ моментъ, но и покорена, то Турція должна бы въ ней поставить свою власть; а этого турки не сдѣлали и не могли сдѣлать. А вслѣдъ за тѣмъ новый владыка Даніилъ, не признавая никакихъ обязательныхъ отношеній къ Турціи, не хотѣлъ даже принять посвященія отъ поставленнаго ею патріарха, а обратился за этимъ къ прогнанному ею патріарху Арсенію, проживавшему въ Венгріи, и потомъ тотчасъ вступилъ въ открытую и рѣшительную борьбу съ турками, своими домашними и внѣшними.

Возвращаемся къ факту нашествія турокъ на Черную-Гору.

Оно имъ удалось вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, именно вслѣдствіе бывшей тогда внутренней неурядицы, наступившей, какъ думаютъ нѣкоторые, во время безвладычія, когда владыка Висаріонъ умеръ скоропостижно, а новый еще не былъ избранъ, о чемъ паша былъ предувѣдомленъ черногорскими потурченцами, и они же служили ему проводниками до Цетинья. Изъ Котора, по приказанію республики, посланъ былъ въ помощь Черногоріи отрядъ въ 1.560 чел. подъ предводительствомъ Зана Грбичича; отправился также Байо Псевлянинъ, знаменитый герцеговинскій арамбаша, проживавшій въ то время между Которомъ и Перостомъ, съ 60 своими удальцами. Но Грбичичъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, увидѣвши, что сами черногорцы не намѣрены сопротивляться, вернулся назадъ; а Байо пошелъ на встрѣчу туркамъ, и засѣвъ близъ дороги съ Рѣки, подъ горой Вертіелькой, первый открылъ по нимъ огонь; но не поддержанный никѣмъ изъ черногорцевъ, погибъ на мѣстѣ со всею своею дружиной.

ломъ въ 1718 г., на начало XVI в., онъ составилъ даже списокъ одиннадцати гувернадуровъ до Ивана Вукотича, за которымъ идутъ уже Радоничи (стр. 84 и 285). Не имѣя надобности опровергать слишкомъ поспѣшныя заключенія серіознаго европейскаго ученаго, основанныя, очевидно, на случайномъ недосмотрѣ, мы считали своимъ долгомъ отмѣтить его, чтобы другіе не увлеклись ошибкой г. Ленормана, тѣмъ болѣе, что всѣ его труды пользуются заслуженнымъ авторитетомъ.

Милаковичъ говоритъ, что Сулейманъ-паша занялъ Цетинье только послѣ кровопролитнѣйшей битвы; но тогда не могъ бы такъ погибнуть Байо Псевлянинъ со всѣмъ своимъ отрядомъ, который держалъ Вертіельку, пунктъ дѣйствительно самый важный на пути отъ Рѣки; а кромѣ его тутъ не оказалось никого. Если и была перестрѣлка, то уже поздно: когда турки взошли на Цетинье.

ПОТУРЧЕНЦЫ ВЪ ЧЕРНОГОРІИ.

Какъ бы то ни было, а это была первая тяжкая рана, нанесенная въ самое сердце Черногоріи, и, къ сожалѣнію, не послѣдняя. И несчастье не ограничивалось только разореніемъ, которому подверглось Цетинье съ окрестностью, а при этомъ оказалось, что она въ нѣдрахъ своихъ держитъ злѣйшихъ враговъ своихъ, которые рано или поздно доведутъ ее до погибели. Эти враги были потурченцы.

Вотъ что говоритъ о нихъ Милаковичъ въ своей исторіи (стр. 83): «До этого времени ренегаты не только не имѣли никакого преобладанія надъ остальными черногорцами (еще бы!), но даже не были уравнены съ ними въ правахъ, и потому не было ни одного случая, чтобы ренегатъ поставленъ былъ главаремъ какого либо племени или села; но потомъ положеніе совершенно измѣнилось. Имѣя въ своей власти крѣпостцу Ободъ, ренегаты сдѣлались господами торговли на Рѣкѣ — Черноевича, съ тѣхъ поръ какъ къ ней начали приставать турецкія лодки и вмѣстѣ съ тѣмъ стало возрастать ихъ первенство въ народѣ, во-первыхъ, потому что они всегда могли получить помощь отъ турокъ Албаніи, въ случаѣ какой бы то ни было надобности; и во-вторыхъ, потому что многіе черногорцы совершенно не могли жить безъ этой торговли».

Изъ этого мы видимъ, что Милаковичъ признаетъ усиленіе ренегатовъ только въ послѣднее время, когда Сулейманъ-паша отдалъ въ ихъ руки крѣпость Ободъ и городъ Рѣку; а прежде высказалъ мнѣніе, что всѣ они произошли отъ тѣхъ потурченцевъ, которые въ Стамбулѣ со Станишей и послѣ взятія въ

плѣнъ на Лѣшкополѣ, снова водворены на своихъ мѣстахъ въ Черногоріи.

Противъ этого мы имѣемъ возразить многое. Если имъ не давалось главарство, то имъ оно было не нужно; да и кто далъ бы имъ это главарство?

Въ Черногоріи тогда была такая раздробленность, что на Цетинской равнинѣ 2 села — Байцы и Дольній-край — иногда по нѣсколько лѣтъ воевали другъ съ другомъ; слѣдовательно тутъ объ общемъ главарѣ не могло быть и рѣчи, а главаря, какого имѣлъ напр. Дольній-край, Цетинская община потурченцевъ имѣла своего собственнаго; отъ владыки же они ни главарства, и никакого другого назначенія, конечно, не приняли бы и сами. Никакихъ преимуществъ, ни равноправности въ Черногоріи имъ также было не нужно, такъ какъ они увѣрены были, что все это получатъ отъ Турціи, которой служили и съ которою были въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Гдѣ теперь стоитъ городъ Цетинье, въ то время не было никакого жилья, кромѣ монастыря, дворца и службъ при нихъ, и рядомъ община потурченцевъ, имѣвшая тутъ же свою мечеть. Я засталъ еще основаніе этой мечети, а не особенно старые люди помнятъ стѣны ея въ вышину до груди человѣка. Судя по этимъ остаткамъ, она величиною далеко превосходила церковь, построенную Иваномъ Черноевичемъ; а остатки домовъ, отлично обдѣланные камни, находили до послѣдняго времени, когда прокладывали каналы по Цетинью. Это были дома беговскіе, т. е. господскіе, какихъ не было у тогдашнихъ черногорцевъ православныхъ. Другая мечеть ихъ была между Байцами и Дольнимъ-Краемъ или близъ Хулицевъ, гдѣ они, значитъ, тоже жили. Кромѣ того они жили рядомъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ теперь монастырь, въ такъ называемой Медоевинѣ[1]). Гдѣ нынче сельцо Дубовицъ, по шоссе изъ Байцъ къ Нѣгушамъ, жили исключительно потурченцы. Множество ихъ было въ Цекличахъ, и тамъ также была

[1]) Отъ Меда, сокращен. имя Мехмеда.

ихъ мечеть. Жили они и въ Озриничахъ, и въ Цуцахъ; не говоря уже о Рѣцкой и Цермницкой нахіяхъ, гдѣ ихъ было множество и гдѣ они составляли силу; а въ Бѣлопавличахъ и Пѣшивцахъ они были господами. Однимъ словомъ, они опутывали Черногорію цѣлою сѣтью своихъ поселеній.

Могли ли они такъ размножиться отъ товарищей только Станиши? Преданіе это можно принять только съ значительнымъ ограниченіемъ. Во 1-хъ, товарищей у Станиши не могло быть много; во 2-хъ, потурчившись, они лучше могли поселиться въ Зетѣ подъ турецкимъ господствомъ и подъ господствомъ того же Станиши, который довольно долго былъ турецкимъ санджакомъ; и въ 3-хъ, трудно допустить, чтобы черногорцы такъ охотно приняли въ свою среду измѣнниковъ вѣрѣ и отечеству, да еще не обративши ихъ опять въ христіанство. И что̀ это за странный случай, по которому въ битвѣ лѣшкопольской турецкое войско потерпѣло ужасное пораженіе, и ихъ предводитель Станиша едва спасся бѣгствомъ, а черногорцы-ренегаты остались цѣлы и попались или сами сдались въ плѣнъ? Да развѣ это похоже на ренегатовъ вообще и особенно черногорцевъ?

Все это представляетъ такія противорѣчія и несообразности съ естественнымъ ходомъ дѣлъ и характеромъ черногорцевъ, что необходимо принять другой путь, которымъ распространялось магометанство въ Черногоріи.

Это должно было совершиться въ тотъ моментъ, когда съ удаленіемъ послѣдняго Черноевича изъ Черной-Горы, народъ упалъ духомъ и впалъ въ то апатичное и пассивное состояніе, которое дѣлаетъ его равнодушнымъ ко всему, только бы его не трогали и не тревожили. Мы указывали, что въ это самое время Станиша Черноевичъ подъ именемъ Скендербега, турецкаго санджака, управлялъ частью Зеты какъ разъ до подножія Черной-Горы. Если въ началѣ народъ черногорскій сильно былъ возбужденъ противъ Станиши за его отступничество, то со временемъ это возбужденіе должно было стихнуть и перейти въ полное равнодушіе; а между тѣмъ не могъ онъ не имѣть въ

Черной-Горѣ людей, преданныхъ ему, даже любившихъ его, которые и послѣ его удаленія не переставали служить ему. Удаленіе Георгія Черноевича должно было подѣйствовать подавляющимъ образомъ и владыка никакими усиліями не въ состояніи былъ поднять народный духъ. Въ этотъ моментъ легко было потурчившимся товарищамъ Скендербега Черноевича возвратиться на свои мѣста, а потомъ сдѣлаться и пропагандистами магометанства. Почва была готова въ апатичномъ состояніи народа; а пропагандѣ помогло вліяніе Станиши, въ рукахъ котораго была торговля на Рѣкѣ и другія средства, предоставленныя сильною Турціей.

Такимъ образомъ магометанство захватило и туземные, новые элементы, и потомъ все росло и глубже пускало корни, пока наконецъ возникли цѣлыя магометанскія общины, которыя имѣли своихъ старшинъ, а на Рѣкѣ былъ ихъ главный кадія, который въ свою очередь зависѣлъ отъ власти въ Скадрѣ или Подгорицѣ. Живя въ Черногоріи, потурченцы не признавали надъ собою никакой власти, кромѣ властей турецкихъ, съ которыми находились въ самой тѣсной связи. Владыка же, облеченный только духовною властью по отношенію къ своей духовной паствѣ, не могъ имѣть никакого вліянія на потурченцевъ. Потурченцы, однимъ словомъ, составляли въ Черногоріи государство въ государствѣ и были страшною язвою на ея тѣлѣ, отъ которой она должна была въ концѣ концовъ распасться и погибнуть. Послѣднія событія во всей наготѣ показали опасность, угрожавшую съ этой стороны Черногоріи. Стало очевидно, что ей готовится участь, постигшая всѣхъ ея ближайшихъ сосѣдей, и ожидаетъ ее это не въ далекомъ будущемъ, если во-время немедленно же не будутъ противъ того приняты энергическія и радикальныя мѣры. Сознавалась-ли, однако, эта опасность народомъ и задумывался ли кто нибудь надъ этимъ? Не подкрадывалась ли эта неминучая бѣда изподтиха, никѣмъ несознаваемая и незамѣчаемая?....

ОТНОШЕНІЯ КЪ КАТОЛИКАМЪ И ВЕНЕЦІИ.

Отвѣтомъ на эти вопросы служатъ событія, которыя мы по принятому порядку будемъ разсматривать въ слѣдующемъ періодѣ. А въ этомъ періодѣ намъ предстоитъ еще разсмотрѣть положеніе Черногоріи по отношенію къ католической пропагандѣ.

Мы уже упоминали, что церковная юрисдикція черногорскихъ владыкъ простиралась и за предѣлы Черногоріи. Никакимъ актомъ не была отмѣнена ихъ юрисдикція ни въ Зетѣ, ни въ Приморьѣ. По свидѣтельству барскаго архіепископа (прежде того трогирскаго) Франциска-де-Леонардисъ, путешествовавшаго по Черногоріи и Сербіи въ 1638 г., въ составъ епархіи черногорскихъ владыкъ, кромѣ Черногоріи, входили: 1) все Приморье, или такъ называемая Венеціанская Албанія; 2) Зета, т. е. сѣверная часть Скадарскаго пашалыка, заключающая въ себѣ мѣстность по обѣ стороны Морачи съ городами Подгорицей, Жаблякомъ и Спужемъ, и 3) часть Турецкой Албаніи или собственно округъ Скадра. И число православныхъ жителей, населявшихъ эти провинціи, онъ считаетъ до 130.000 [1]).

На сколько владыки черногорскіе пользовались своимъ правомъ въ Зетѣ, гдѣ господствовали турки, мы не знаемъ; а знаемъ только тотъ несомнѣнный фактъ, что магометанство тамъ было на столько сильно, что оказывало свое дѣйствіе и на Черную-Гору.

Что касается Приморья, то тамъ распространялось католичество; впрочемъ, встрѣчая въ народѣ отпоръ, оно достигало цѣли путемъ насилій, которыя считались позволительными ad majorem gloriam Romae. Прежде чѣмъ Баромъ и Ульциномъ завладѣли турки, венеціанцы всюду отнимали у православныхъ ихъ церкви и — или разрушали, чтобы на этомъ же самомъ мѣстѣ построить свои, или просто обращали ихъ въ католическія, принудивъ и прихожанъ отступиться отъ православія. Здѣсь не мѣсто

[1]) Farlati Illyricum Sacrum. XVII, 127; мы беремъ изъ статьи Д. Бакича: «Черногорія подъ управленіемъ владыкъ». — Ж. М. Н. П., ч. CXCVIII, отд. 2, стр. 264 — 65.

входить въ подробности, но въ археологическихъ матеріалахъ мы представимъ доказательство подобнаго рода превращенія православныхъ церквей въ католическія, при описаніи старыхъ построекъ барскаго града.

Большой и чрезвычайно богатый монастырь на мысѣ Ротцѣ близъ Бара, построенный сербскимъ кралемъ Милютиномъ и матерью Еленой, до половины XV ст. былъ сербскимъ монастыремъ; а тутъ подошли 2 венеціанскихъ галеи и пушечными выстрѣлами выгнали оттуда сербскихъ монаховъ и водворили своихъ. Точно такъ они поступили и съ монастыремъ на Превлакѣ въ Боккѣ. Отняты были нѣкоторыя церкви у православныхъ и въ Которѣ.

По народному преданію въ монастырѣ на Превлакѣ предварительно было отравлено 73 монаха нѣкіимъ которяниномъ Дружкомъ по наущенію венеціанцевъ. Не имѣя на то никакихъ болѣе основательныхъ указаній, мы относимъ этотъ фактъ въ область народной фантазіи. Но что̀ сказать относительно слѣдующаго факта, записаннаго въ Цетинской лѣтописи: «въ лѣто 1687 примише латини Нови, и то лѣто епископъ Висаріонъ изведе латине на Цетинье и монастырь провидура и каваліера, и *владыку Висаріона отроваше*, и умріе»? Это была благодарность черногорскому владыкѣ за то, что онъ помогъ венеціанцамъ прогнать турокъ изъ Новаго! Впрочемъ, цѣль облагораживаетъ средства; поэтому отравленіе своего лучшаго союзника и помощника въ крайней нуждѣ извиняется тѣмъ, что этимъ путемъ отравители надѣялись успѣть склонить черногорскій народъ къ признанію надъ собою власти Венеціи, какъ то признало, волею или неволею, Приморье; а затѣмъ было легко обратить черногорцевъ и въ католичество. Ради такой высокой цѣли можно извинить всякое преступленіе. Но мы и этотъ фактъ готовы приписать народному вымыслу, который цѣликомъ занесъ въ свою лѣтопись составитель ея, черногорецъ. У черногорцевъ того времени было убѣжденіе, что венеціанцы хотѣли отравить и владыку Василія, и Петра I. Все это не можетъ быть ничѣмъ доказано, и

возникло, можетъ быть, подъ вліяніемъ вообще предубѣжденія противъ Венеціанской Республики въ черногорцахъ и во всемъ православномъ населеніи Приморья. Отсюда и происходятъ всѣ эти легенды, хотя есть несомнѣнные факты, показывающіе, что отравленіе было однимъ изъ обычныхъ средствъ у венеціанцевъ.

Намъ, впрочемъ, нѣтъ и надобности въ этихъ фактахъ, потому что есть другія доказательства производившихся венеціанцами насилій надъ православными. А что отравленія входили въ инструкціи венеціанскихъ агентовъ, это доказывается документами, извлеченными изъ венеціанскихъ архивовъ и изданными В. И. Ламанскимъ. Относительно же отниманія церквей у православныхъ даже еще раньше окончательнаго паденія Зетскаго государства видно изъ декретовъ венеціанскихъ дожей, сообщаемыхъ у Фарлати и Колети. Такъ, въ 1455 г. дожъ Франческо Фоскари издалъ декретъ на имя которскаго правителя, въ которомъ ему приказывается отнять у православныхъ церкви и принадлежащія имъ имѣнія и отдать въ распоряженіе католическаго духовенства; а священниковъ «схизматиковъ» прогонять изъ владѣній республики [1]).

Если такъ относились къ православнымъ Приморья въ XV в., когда у нихъ была еще опора въ государяхъ Зеты, то въ XVI и XVII ст. всѣ эти декреты отъ слова перешли въ дѣло.

Черногорскіе владыки имѣли полное право вмѣшаться въ это дѣло, потому что Приморье находилось прямо подъ ихъ церковною юрисдикціей. Но они врядъ ли пользовались этимъ правомъ; по крайней мѣрѣ, мы не знаемъ ни одного указанія на то до владыки Даніила.

Въ это время высшее католическое духовенство Далмаціи, а также и Приморья, добилось слѣдующаго постановленія относительно православныхъ: 1) «Чтобы высшая католическая духовная власть имѣла право визитировать православныя церкви и мо-

[1]) Далмат. Магаз. 1849 г., стр. 167 — 171; у Бакича стр. 267.

настыри; 2) каждый духовный греко-восточнаго исповѣданія, прежде чѣмъ быть посвященнымъ во священники, долженъ былъ получить на то разрѣшеніе папы, и 3) каждый православный священникъ обязанъ былъ при посвященіи своемъ предварительно прочитать передъ римско-католическимъ епископомъ символъ вѣры западной церкви»[1]).

Черногорія въ то время была слишкомъ слаба внутри, чтобы оказывать вліяніе на дѣла, происходящія внѣ ея тѣсныхъ границъ.

ПОПЫТКИ ВВЕСТИ КАТОЛИЦИЗМЪ ВЪ ЧЕРНОГОРІИ.

Во внутренней ея жизни совершался радикальный переворотъ: властели безъ поддержки высшей государственной власти должны были утратить свое значеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ должно было пасть и ихъ исключительное право на землю и всѣ другія прерогативы; отниманіе земли болѣе сильнымъ у слабѣйшаго началось еще при Иванбегѣ, и при немъ наряжалось нѣсколько комиссій для разбора границъ; съ удаленіемъ Георгія Черноевича въ этомъ отношеніи должно было произойти значительное ухудшеніе, и тутъ на защиту обиженныхъ должно было возстать племя, а внутри племени родъ и, наконецъ, братства. Возникли междоусобія, мирить и разбирать которыя владыкѣ было трудно, потому что онъ сразу не могъ имѣть въ народѣ никакого авторитета. Въ это время, особенно въ началѣ, въ нахіяхъ Лѣшанской, Рѣцкой и Цермницкой, по всѣмъ признакамъ, цетинскаго владыку и не считали своимъ господиномъ, имѣя въ Жаблякѣ турецкаго санджака Скендербега Черноевича; кромѣ того, еще въ концѣ XIV ст. были два брата, Радичъ и Степанъ Черноевичи, которые самостоятельно вступаютъ въ договоръ съ Дубровникомъ (Mon. Serb. C. D. XCI). Въ Цермницѣ еще въ 1454 г. распрю между ея властелемъ Калодьюрдьемъ Дьюрашевичемъ и Вранинскимъ монастыремъ рѣшалъ венеціанскій чиновникъ Алоизій Баффо, капитанъ въ Которѣ (Mon. Serb. CCC. LXXX). Вліяніе венеціанъ въ этомъ краю, конечно, должно было уси-

[1]) Милаков., стр. 99.

литься съ уничтоженіемъ свѣтскаго правленія въ Черногоріи. И Турція, и Венеція вначалѣ въ политическомъ отношеніи просто игнорировали цетинскаго владыку, и смотрѣли на Черную-Гору, какъ на уголокъ, долженствующій принадлежать одной изъ нихъ, потому что безъ нихъ она физически не могла существовать.

Немудрено послѣ этого, что одинъ изъ владыкъ не видѣлъ иного выхода изъ такого положенія, какъ признать надъ Черногоріей протекторатъ другого государства, и при этомъ предпочелъ всему поставить ее въ прямую зависимость отъ папы и, если не измѣнить православію, о чемъ онъ не могъ и помыслить, то связать черногорскую церковь уніею съ Римомъ. Такимъ владыкою былъ Мардарій Корнетянинъ (изъ села Корнета Лѣшанской нахіи), который, по словамъ Фарлати, сносился по этому дѣлу съ папою Урбаномъ VIII и съ собственноручнымъ письмомъ послалъ къ нему своихъ уполномоченныхъ: архидіакона Висаріона, своего племянника, и еще одного цетинскаго іеромонаха, которые должны были, повергшись къ стопамъ римскаго первосвященника, «торжественно исповѣдать свою вѣрность и преданность іерарху всего христіанства». Посланные были приняты папою весьма милостиво и возвратились въ Черногорію также съ письмомъ отъ 12-го мая 1640 г., въ которомъ папа изъявлялъ радость по поводу поступка Мардарія и давалъ ему различныя наставленія для укрѣпленія его въ католичествѣ. Надобно при этомъ замѣтить, что передъ этимъ посѣщали Черногорію трогирскій архидіаконъ (впослѣдствіи архіепископъ) Франческо де-Леонардисъ и которскій нобиль Ф. Болица, которые, безъ сомнѣнія, и подѣйствовали на владыку (Бакичъ, стр. 269).

Въ цетинской лѣтописи упоминается только имя владыки Мардарія подъ 1659 г., а о фактѣ обращенія его къ папѣ нѣтъ упоминанія ни въ одномъ православномъ источникѣ. Но точность, съ какою это сообщается у Фарлати, не даетъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, хотя г. Бакичъ и старается, если не совсѣмъ отвергнуть его, то, по крайней мѣрѣ, значительно видо-

измѣнить, объясняя, что этотъ поступокъ не былъ искреннимъ выраженіемъ воли митрополита Мардарія и вызванъ былъ только крайнимъ притѣсненіемъ со стороны турокъ и что онъ не могъ и помышлять о полномъ подчиненіи Риму, такъ какъ въ то время «существовалъ сербскій патріархатъ, отъ котораго въ церковномъ отношеніи зависѣла Черногорія, что̀ выражалось такъ называемыми каноническими визитаціями, посылаемыми отъ сербскаго патріарха черезъ каждые 7 лѣтъ» (стр. 270). Но это возраженіе ослабляется тѣмъ, что патріархъ сербскій въ то время и самъ былъ слишкомъ стѣсненъ и вскорѣ послѣ того вынужденъ былъ совсѣмъ оставить Сербію и переселиться въ Австрію.

О владыкѣ же Мардаріи, не смотря на полное отсутствіе какихъ бы то ни было свѣдѣній въ письменныхъ сербскихъ источникахъ, осталось воспоминаніе въ народѣ, воспоминаніе притомъ недоброе, какимъ и должно быть по изложенному выше факту. Когда кто-нибудь хочетъ свои грѣхи взвалить на другого, тогда въ Черногоріи говорятъ: «онъ, какъ и карнетскій владыка». При этомъ разсказываютъ, что владыка этотъ, прижившись со служившей у него дѣвушкой ребенка, хотѣлъ взвалить эту бѣду на молодого Василія, впослѣдствіи острожскаго святителя, который въ то время жилъ при владыкѣ въ монастырѣ. Но клевета эта была чудодѣйственно обнаружена передъ народомъ, и владыка былъ каменованъ, т. е. заваленъ подъ кучею камней, которую и теперь показываютъ въ с. Карнетѣ лѣшанской нахіи.

Если владыка былъ таковъ, какимъ рисуетъ его народное преданіе, т. е. человѣкъ, который ищетъ прежде всего физическихъ наслажденій и для достиженія ихъ способенъ на самую злостную клевету, то само собою разумѣется, что жизнь черногорскаго владыки не могла его удовлетворять, и тогда нечего искать какихъ-нибудь особенныхъ причинъ и побужденій, по которымъ онъ и отдался папѣ ради личныхъ выгодъ. А дурная память въ народѣ свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что онъ согрѣшилъ чѣмъ-то передъ народомъ тяжко, хотя народъ и понимаетъ этотъ грѣхъ его иначе, чѣмъ какъ онъ записанъ въ исторіи. И

какъ знать, не было ли фактомъ то, что онъ дѣйствительно былъ народомъ каменованъ или вообще какимъ-нибудь способомъ казненъ, а съ нимъ вмѣстѣ пало и предано забвенію и его предпріятіе относительно передачи Черногоріи во власть Рима?

Этимъ фактомъ дополняется неутѣшительная картина общаго тяжелаго положенія черногорской церкви и слабость, доходящая до совершеннаго моральнаго упадка ея представителя-владыки. Не личная безнравственность какого-нибудь одного владыки была причиною этого факта, какъ то представляетъ себѣ народъ, а общее разстройство въ самомъ народѣ, отразившееся на ослабленіи его церкви и основъ его вѣрованій и идеаловъ, сопровождавшееся упадкомъ духа въ его представителѣ.

Вслѣдствіе такого состоянія, какъ мы уже указывали выше, возможно было распространеніе по Черногоріи магометанства, и, пользуясь имъ, хотѣли прибрать ее въ свои руки католики.

Можетъ быть, это обнаружившееся покушеніе католической пропаганды на православіе въ Черногоріи и открыло глаза народу на его положеніе и пробудило ту энергію, которая проявляется въ немъ къ концу этого несчастнаго періода.

Знакомъ такого пробужденія и поднятія духа въ Черногоріи служитъ дѣятельность владыки Руфима Боневича, который далеко за предѣлами Черногоріи присоединяетъ къ православію бывшихъ въ то время католиками Кучей Дрекаловичей.

ТВЕРДОСТЬ НАРОДА ВЪ ПРАВОСЛАВІИ.

Впрочемъ, православные Приморья, если въ концѣ концовъ и должны были уступать вооруженной католической пропагандѣ Рима и Венеціи, то уступали медленно, оказавъ прежде всевозможное сопротивленіе, и бо̀льшая половина осталась вѣрна православію.

Прекрасную, вполнѣ вѣрную характеристику этой борьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ вообще положенія православныхъ того края мы находимъ въ упомянутой выше статьѣ Бакича, и намъ ничего не остается, какъ привести его слова по этому поводу.

«Вмѣшательство латинскаго духовенства въ дѣла православной церкви — говоритъ онъ по поводу приведенныхъ выше декретовъ — конечно, вызвало со стороны православныхъ открытое сопротивленіе. Очень многіе православные священники и монахи не принимали отъ католическихъ прелатовъ ни посвященія, ни даже благословенія; не подвергались ихъ экзаменамъ или испытаніямъ, а во время ихъ визитацій запирали свои церкви; если же какой епископъ, при помощи вооруженной силы, входилъ въ церковь и касался своими руками престола, то такая церковь, тотчасъ по отъѣздѣ визитатора, была окропляема святою водою. Такою устойчивостію въ православной вѣрѣ и преданностію къ обрядамъ и обычаямъ Восточной Церкви православное духовенство еще болѣе вооружало противъ себя фанатическія страсти римскихъ прелатовъ, которые при содѣйствіи гражданскихъ властей сажали православныхъ священниковъ въ тюрьмы вмѣстѣ съ убійцами, подвергали ихъ ссылкамъ на галеры, денежнымъ штрафамъ и даже инквизиціонному судилищу по обвиненію въ ересяхъ, возмущеніи противъ церкви, разныхъ порокахъ и т. д. Но всѣ эти мученія не могли принудить православныхъ отказаться отъ вѣры своихъ предковъ. Народъ не менѣе своего духовенства выказывалъ изумительную твердость и непоколебимость въ православіи. Ему, какъ и священникамъ, также суждено было испытывать на себѣ жестокости латинскихъ миссіонеровъ, терпѣть за вѣру всякаго рода лишенія и изгнанія, видѣть осквернение своей святыни, слушать безобразныя поруганія и поношенія, произносимыя іезуитами на ученіе православной церкви, о которомъ вездѣ распространяемы были желчныя сатиры. И не смотря на все это, приморцы твердо хранили вѣру своихъ отцовъ. Самъ латинскій историкъ Фарлати подтверждаетъ это, говоря, что всѣ усилія антиварскихъ архіепископовъ въ обращеніи православныхъ жителей Паштроевичей (одного изъ комунитатовъ Приморья) въ римско-католическое исповѣданіе, всегда оставались вполнѣ безуспѣшными. Главныя причины, такъ крѣпко привязывавшія приморцевъ къ православію, были: во-пер-

выхъ, то, что они очень дорожили своею народностью, и во вторыхъ, то религіозно-нравственное вліяніе, которое оказывали на православныхъ приморцевъ черногорскіе владыки. Римскіе папы и прелаты вполнѣ сознавали силу этого вліянія, а потому и прилагали всевозможныя старанія, чтобы привлечь самыхъ владыкъ къ единенію съ римскою церковью, дабы потомъ чрезъ нихъ утвердить католицизмъ и вообще въ черногорской епархіи, а затѣмъ и во всемъ сербскомъ народѣ». Разсказавъ исторію митроп. Мардарія, г. Бакичъ продолжаетъ: «Не успѣвъ при Мардаріи подчинить черногорскую церковь римскому престолу, католическая пропаганда и послѣ того еще съ бо́льшимъ усердіемъ стремилась достигнуть этой цѣли насиліемъ, пользуясь притомъ усерднымъ содѣйствіемъ венеціанскаго правительства. Послѣднее строго предписывало своимъ чиновникамъ выгонять изъ Приморья священниковъ (православныхъ) и истреблять православно-служебныя книги; вмѣсто же послѣднихъ типографія коллегіи пропаганды распространяла множество книгъ римскаго издѣлія на славянскомъ языкѣ. Какъ съ цѣлію пропаганды, такъ и изъ политическихъ видовъ, венеціанское правительство въ 1687 г. поселило въ Цетиньѣ нѣсколько лицъ римскаго вѣроисповѣданія. Эти фанатики, истощивъ всѣ свои іезуитскія хитрости, которыми думали-было привлечь къ латинству тогдашняго владыку Виссаріона, рѣшились наконецъ на самое низкое дѣло: они отравили владыку, надѣясь, что по смерти его будетъ легко утвердить и распространить католицизмъ во всей черногорской епархіи. Но и этимъ поступкомъ римскіе миссіонеры не достигли своей цѣли, такъ какъ въ это самое время на Черногорію напалъ скутарскій паша Сулейманъ, который, разрушивъ цетинскій монастырь, прогналъ изъ Цетинья и католическихъ миссіонеровъ» (стр. 268—271) [1]).

---

[1]) Прекрасную иллюстрацію къ тому составляютъ и черногорскія и приморскія повѣсти — Степана Любаши, основанныя частью на народномъ преданіи, а частью и на документахъ, которыхъ онъ, однако, опубликовать не успѣлъ или не смѣлъ, потому что все, компрометирующее дѣятельность католической пропаганды въ Приморьѣ, кололо бы глаза Австріи.

Больше всего католичество успѣло близъ Котора, который всегда былъ антагонистомъ зетскихъ государей и потомъ совсѣмъ отдался Венеціи, и близъ Бара, гдѣ находился католическій архіепископъ. Промежутокъ между ними сохранилъ православіе и до нашихъ дней.

Стоя, какъ между двухъ огней, между Турціей и Венеціей, черногорскіе владыки не смѣли выступить въ одно время противъ той и другой, и на первое время рѣшились держаться Венеціи и вмѣстѣ съ нею открыть борьбу противъ турокъ.

Да и сама Венеція, видя постоянное усиленіе Турціи на Адріатическомъ побережьѣ, гдѣ она считала себя безраздѣльною госпожею, поставлена была въ необходимость бороться противъ ея захватовъ, а Черногорія въ этомъ отношеніи была тою именно страною, черезъ которую удобнѣе всего было повести противъ нея аттаку. Поэтому во всѣхъ планахъ Западной Европы противъ турокъ Черногорія, какъ мы видѣли, или избиралась операціоннымъ базисомъ, или приглашалась къ соединенному дѣйствію.

Какого рода участіе Черногоріи было въ этихъ дѣлахъ и какія отъ того были для нея послѣдствія, мы уже знаемъ.

ПРОБУЖДЕНІЕ НАРОДНАГО ДУХА: УСКОКИ И ХАЙДУКИ.

Въ тотъ же періодъ въ гористыхъ мѣстностяхъ, не подпавшихъ еще турецкому господству, образуется цѣлое населеніе ускоковъ. Все, что̀ не хотѣло покориться туркамъ или не могло вынести ихъ гнета, бѣжало въ сосѣднія горы, сбивалось ближе къ Адріатическому морю, гдѣ ни турки не имѣли власти, ни венеціанцы не успѣли еще вполнѣ утвердить свое господство. Фарлати, относящійся къ *ускокамъ* не особенно благосклонно, сравнивая ихъ съ чумою, о происхожденіи ихъ говоритъ слѣдующее: «Происхожденіе этого народа не какое-нибудь темное или безславное (illandabilia), потому что онъ произошелъ отъ мужей доблестныхъ, которые, ненавидя господство турокъ, уходили съ одного мѣста на другое, чтобы только быть свободными. Когда они должны были оставить городъ Клиссу, которая слу-

жила самою крѣпкою твердынею для спасенія ихъ жизни и свободы, императоръ Фердинандъ въ XVI в. далъ убѣжище этимъ скитальцамъ и изгнанникамъ и указалъ имъ мѣстопребываніе въ Сенѣ (Zengg), откуда они, смѣшавшись постепенно съ морлаками, распространились и по другимъ городамъ» (Т. I, стр. 163).

Часть ихъ такимъ образомъ спустилась совсѣмъ на море и стала заниматься, какъ и всѣ поморцы, судоходствомъ, рыболовствомъ и торговлею, не теряя, однако, характера ускоковъ и не упуская изъ виду своей главной задачи — бороться противъ турокъ, подобно тѣмъ своимъ братьямъ, которые остались въ горахъ.

Эти послѣдніе, образуя небольшіе отряды или четы, дѣлали нападенія на турокъ, т. е. на своихъ же братьевъ, принявшихъ магометанство и сдѣлавшихся въ рукахъ турокъ орудіемъ угнетенія своихъ братьевъ христіанъ. Благопріятное время для этихъ набѣговъ было, конечно, только лѣтомъ, когда не нужно было искать жилья, ни заботиться много о продовольствіи, такъ какъ жильемъ могла служить первая попавшаяся пещера или просто густой лѣсъ, непроницаемый для ихъ непріятелей, а пищу доставляли всюду пасущіяся стада: жители имъ сами давали отъ своихъ стадъ — мясо, молоко, сыръ; а у другихъ они отнимали.

На зиму они покидали горы и спускались на море, гдѣ имѣли свои собственныя, отдѣльныя убѣжища, или поселялись у мѣстныхъ жителей. Здѣсь они отдыхали и запасались всѣмъ необходимымъ, а главное — оружіемъ и боевыми припасами для своихъ лѣтнихъ походовъ.

Такими зимними убѣжищами имъ служили окрестности Сеня, Омиша, устьевъ Неретвы и въ Боккѣ Которской-Перастъ.

Въ турецкихъ войнахъ Венеціи, Австріи или Венгріи главари ускоковъ формировали цѣлые отряды, которые и составляли самую существенную часть въ европейскихъ войскахъ и часто давали имъ побѣду. Предводители эти назывались сердарями, иногда капитанами, а знатность рода ихъ признавалась, какъ Венеціанской республикой, такъ и императоромъ. Самыми знат-

ными были Янковичи и Смиляничи. Равные Котары (въ нижнемъ теченіи р. Цетины въ Далмаціи) были гнѣздомъ этихъ юнаковъ, и въ сербской народной поэзіи составился цѣлый циклъ пѣсенъ о котарскихъ геройхъ.

По народному преданію, однако, первоначальное убѣжище этихъ ускоковъ было въ Перастѣ въ Боккѣ, подъ крыломъ Черногоріи, гдѣ такимъ образомъ населилась и Доброта (село рядомъ съ Которомъ) и гдѣ имѣлъ свою кулу знаменитый Байо Пивлянинъ, погибшій въ битвѣ съ Сулейманомъ-пашой 1690 г., откуда Венеціанская республика, во избѣжаніе неудовольствій съ Турціей, забрала ихъ всѣхъ и на нѣсколькихъ судахъ вывезла оттуда и поселила въ Синѣ и Котарахъ.

Что такое насильственное выселеніе ускоковъ изъ Бокки было, можно въ томъ не сомнѣваться, хотя въ Далмаціи въ то время было уже ускоцкое населеніе, къ которому эти впослѣдствіи только присоединились.

Надобно замѣтить, что между ускоками, жившими на самой сѣверной ихъ границѣ, и ускоками Бокки и Черной-Горы поддерживалась связь непрерывная до послѣдняго времени ихъ существованія.

Они имѣли своихъ союзниковъ и внутри странъ, занятыхъ турками. Это были отдѣльныя личности, по частнымъ случаямъ принужденныя бѣжать отъ преслѣдованія турецкихъ властей и скрываться въ горахъ и лѣсахъ, откуда въ продолженіе лѣта нападали, гдѣ возможно, на турокъ, грабили, убивали ихъ, наносили имъ вредъ, какой могли, мстили, однимъ словомъ, за себя и своихъ; а на зиму укрывались по селамъ у христіанъ, которые, хотя и со страхомъ (отъ турокъ), но охотно давали имъ пріютъ. Изъ нихъ образовались уже чистые *хайдуки* (разбойники), которые дѣйствовали иногда одиночно, а большею частью собирались въ *четы* (шайки) подъ предводительствомъ избранныхъ атамановъ, носившихъ титулы «четобаши» или «арамбаши», а иногда воеводы [1]).

[1]) Въ статьѣ А. Н. Пыпина «Герцеговинскіе гайдуки сто лѣтъ назадъ» (Вѣстн. Евр. 1877 г. кн. 6; стр. 712 — 747) прекрасно изложена исторія

МОРСКІЕ РАЗБОЙНИКИ (ПИРАТЫ ИЛИ КОРСАРЫ).

Фарлати, видимо, смѣшиваетъ въ одно ускоковъ и морскихъ пиратовъ, и негодованіе его противъ ускоковъ должно быть отнесено только на морскихъ разбойниковъ, которые грабили и уводили въ плѣнъ, не разбирая, былъ ли то христіанинъ или магометанинъ, свой братъ торговецъ сербинъ-дубровчанинъ, которянинъ, задранинъ или латинянъ. Ими не руководила никакая идея, ни народная, ни религіозная, ни политическая, и ихъ существованіе обусловливалось вовсе не притѣсненіями и гоненіями, терпимыми отъ мѣстныхъ властей, а чисто хищническими инстинктами, удовлетворенію которыхъ благопріятствовали тогдашнія обстоятельства.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что первый поводъ и примѣръ показали сами венеціанцы своими чисто разбойническими нападеніями на вольныя торговыя общины Далмаціи и захватами чужой собственности. Съ этой стороны пираты Далмаціи вначалѣ были мстителями за цѣлую страну; но потомъ уже это извратилось, и отъ нихъ меньше всего страдали суда венеціанскія, всегда почти хорошо вооруженныя, а больше всего доставалось торговцамъ далматинцамъ же.

Впрочемъ, и въ дѣйствительности ускоки и морскіе разбойники иногда мѣшались. И ускоки иногда, въ сообществѣ съ пиратами или скорѣе безъ нихъ, предпринимали цѣлыя экспедиціи на лодкахъ, высаживались на берегъ и проникали внутрь материка; но цѣлью этихъ экспедицій было, кажется, нападеніе только на турецкія владѣнія. По поводу этихъ ускоковъ имѣется интересная переписка между турецкими начальниками Новаго съ Дубровникомъ, изъ которой видно, что послѣдній по обязанности, такъ сказать, увѣдомлялъ турокъ о появленіи подобнаго рода

возникновенія гайдучества, а также указано его значеніе въ жизни южнаго Славянства и собраны всѣ характеризующія его черты—во введеніи къ весьма интересной и характерной исторіи гайдука XVIII в. Станислава Сочевицы, переведенной съ италіанскаго сочиненія о немъ Дубровницкаго аббата І. Ловрича.

ускоковъ, и на эти увѣдомленія его сохранились отвѣтныя турецкія письма на сербскомъ языкѣ, писанныя кириллицей; всѣ они относятся къ началу XVII в. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы составить себѣ понятіе объ этихъ ускоцкихъ экспедиціяхъ.

Вотъ одно письмо отъ Мехмедъ-капетана, агъ и поглавицъ новскихъ: «племенитои и мудрои и сваке части и и часне хвале достоинои в. п. д. А по том примисмо в. г. и разумисмо, како нам даиу на знание за осамнаиес орманица ускока, да се су партиле ис Макарскога велициемь моремь, а не знаиутьи коием ты путемъ обратити; и велите да се и ви боите и страже чувате. разумиссмо, що нам даиете на знание, тако ие и право, и хвала; и не моите манкати чувше да намъ не даду на знание; ал их молимо, да чини в. г. да се с ваше стране чине страже добре, да не би прошли преко вась како и минуте дни, нека будемо у ветвои лиубови, а ми с наше стране чинимо добре страже; а бити твомо како буде г̃ну богу драго, него и виталианом и конавланомь да даду на знание, да добру стражу с мора чине, и да имь г̃нь бог уздаржи г. у милости своиеи. На 12 сесетенбра 1605».

Другое письмо отъ новскихъ поглавицъ, того же года 9-го іюля, въ которомъ они, благодаря за увѣдомленіе, продолжаютъ: «али бисмо вамъ ветье захвалили, да их ниесте пропустили прековаше земле да хараиу и робе, и тако и вас молимо, наше тои робио, сестра и братиа, кои су заробили у Требину, преко вас да их чине испустити; за що су тужни и убози на стану свому: то иесть Хачи Иусуфофа ктье самотретиа и Курт-балиа з женомъ своиомь. и такои учинивше хотьемо у миру бити; яко у напредокь ветье пропустите речене ускоке, виера вамь наша, нигда да не будемо у миру ни у лиубави. Како би вама драго било, да ми пропустимо левенге барбарешке и поробе ваше властеле и владике у конавлах? за то ако ис такои, вами драго да буде. ви знате и туи код орландо [1]) ие ухитьен иедан ускок иеданъ ускок:

[1]) *Орландо* — въ Дубровникѣ военный стражъ.

овому, кога смо ухитили, овому ие другь. немоите га пропустити, ер тье се од вас питати: а и ови каже доста ствари од вашега чиниениа; з бременом гдье буде, хотье в. м. разумиети, и тому одговорите».

Здѣсь интересна угроза турокъ Дубровнику тѣмъ, что пустятъ на него *барбарешке левенте*, т. е. варварійскихъ пиратовъ, которые въ то время находились въ Ульцинѣ, со времени занятія его турками въ 1571 г. Видимо также, что Дубровникъ къ ускокамъ относился благосклонно, такъ какъ они нападали только на турокъ, которыхъ, однако, долженъ былъ увѣдомлять по необходимости, чтобы не нажить себѣ враговъ. Такимъ образомъ они предупреждали турокъ вообще относительно угрожающаго имъ непріятеля. Такъ, въ одномъ письмѣ Мехмед-капетанъ выражаетъ за то благодарность Дубровнику: «дадье нам Андриа капетан и на ричи каза од стране в. г. за армаду неприателску, да се ие на близу указала велетьи да имамо стати справни, на кому гласу веома в. г. захвалисмо, за що показуиу сваку виерност пренедобитному царству. такои се и уздамо и у напредокь да нетье поманкати, коиа ни досле несу поманкала». (1606 г. 3-го августа).

Изъ письма 1605 г. 28 октября узнаемъ, «да се ие указала иедна фрегада армана у каналу од Млиета, и да се сциени до истине да су ускоци»; а письмо 1607 г. 8-го марта гласитъ слѣдующее: «синотька примисмо почтовану в. г. како нам даиу глась, да су изишли у Далмациу шесат (60) ускока, даутьи намъ на знание да се чувамо» [1]).

Жалуясь на ускоковъ, Турція сама стояла во главѣ всѣхъ разбоевъ, нападая на чужіе берега и захватывая чужія земли, и кромѣ того, занявши Ульцинъ, она населила, какъ мы видѣли, пиратами съ береговъ Африки, которые и производили потомъ разбои по всему берегу южнаго Приморья. Пиратство это уси-

[1]) Письма эти напечатаны въ «Старинахъ», издав. юго-слав. акад. въ Загребѣ, Ф. Рачкимъ подъ заглав. «Dopisi izmedju krajiških turskih i hrvatskih častnika» (1879, кн. XI).

ливалось въ то время, когда открывались какія-нибудь враждебныя дѣйствія между Турціей и Венеціей или между приморскими городами. Такъ было во время ссоръ Будвы и Паштровичей съ Дубровникомъ. Ульциняне въ это время нападали на открытые берега, хватали людей и уводили въ рабство, заставляя ихъ работать на галеяхъ. С. Любичъ въ статьѣ «Объ отношеніяхъ между Венеціанскою республикой и Дубровникомъ отъ начала XVI в. до ихъ паденія» [1]) разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующій случай. «Нѣкто Динко Кампса арнаутъ (изъ Ульцина), чтобы заработать себѣ откупъ, подошелъ со своимъ судномъ къ Будвѣ и схватилъ одного изъ тамошнихъ гражданъ. Будване же во-время успѣли это замѣтить и пустились въ погоню за Кампсой, который, видя, что его настигаютъ, убилъ схваченнаго будванина; но въ этотъ же моментъ Кампса былъ настигнутъ, схваченъ и каменованъ на островкѣ, лежащемъ противъ Будвы. А бывшій съ нимъ его дядя, чтобы избѣжать той же участи, самъ себя прокололъ ножомъ. Этотъ междоусобный ловъ людей продолжался, не смотря на всѣ усилія власти въ Задрѣ» (стр. 135).

Противъ нихъ собственно и направлены проклятія Фарлати, который только вслѣдствіе смѣшенія переноситъ ихъ и на ускоковъ. Но Венеція дѣйствительно преслѣдовала и гнала ускоковъ, потому что они навлекали на нее гнѣвъ Турціи, которая изъ-за нихъ грозила Республикѣ войной и не давала ходу ея торговлѣ.

Вслѣдствіе такихъ отношеній не пираты уже, а настоящіе ускоки изъ Сеня и Равныхъ Котаръ должны были укрыться подъ щитъ Австрійской имперіи, которая дала имъ мѣсто въ Истріи и Хорватской Краинѣ. Фарлати говоритъ, что въ то время вычислено было 133 ускоцкихъ главаря съ ихъ семействами и имъ отведены были земли и жилища въ горахъ Хорватіи (стр. 232) [2]).

---

[1]) Rad jndosl. акад. 1880. Кн. LIII.

[2]) Далѣе Фарлати разсказываетъ, какъ Венеція послала противъ ускоковъ военный флотъ, который и сжегъ всѣ ихъ лодки; а потомъ изъ-за нихъ же между Венеціею и Австріею возгорѣлась война, длившаяся на погибель той и другой стороны два года, пока наконецъ заключили миръ, вслѣдствіе котораго эрцгерцогъ Фердинандъ удалилъ ускоковъ внутрь страны,

ПРИТОКЪ ВЪ ЧЕРНУЮ-ГОРУ НОВЫХЪ ПОСЕЛЕНЦЕВЪ.

Въ этотъ же періодъ дѣлается наплывъ въ Черную-Гору поселенцевъ изъ Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи. Отдѣльными семьями и цѣлыми партіями двигаются эти переселенцы съ Косова-поля, съ Явора и Стараго-влаха, отъ Сребреницы близъ Дрины, отъ Сараева и Травника, даже отъ Лики и Корбавіи, останавливаясь иногда на перепутьѣ на нѣсколько лѣтъ, и отъ этихъ мѣстъ усвоиваютъ себѣ прозвища, съ которыми являются на постоянныя свои жилища внутри Черной-Горы; таковы были Нѣгуши и Церовичи, изъ которыхъ одни осѣлись-было сначала подъ Нѣгошемъ — планиной и послѣ приблизились къ Цетинью; а другіе подъ Церовицей-планиной въ нынѣшнихъ Банянахъ, откуда переселились на р. Тушину въ Дробнякахъ.

Въ преданіяхъ отдѣльныхъ черногорскихъ племенъ часто встрѣчаются указанія, что они совершали длинные переходы съ остановками: иные изъ Старой Сербіи шли черезъ Боснію въ Далмацію, а потомъ уже направлялись въ Черногорію, это послѣднее убѣжище, гдѣ не могли достать ихъ ни турки, ни латины; да и некуда было больше; тамъ же цѣлыхъ пять лѣтъ спасался печскій патріархъ Арсеній III.

Австрія также воспользовалась эмигрантами для заселенія Посавья и Подунавья; но это сдѣлалось возможнымъ только въ концѣ XVII ст., когда турецкое могущество, достигши своего зенита, стало склоняться къ упадку; потому что до того времени и сама Австрія не была безопасна отъ турокъ. Изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ совершено было два громадныхъ доселенія подъ преводительствомъ печскихъ патріарховъ: первое въ 1690 г.

отведя имъ мѣсто близъ Карлштадта въ Хорватіи транзальпинской; и заключаетъ свой разсказъ слѣдующими словами: «*Ita demum pertis illa depulsa*, mare purgatum, regio pacata, restitutum incolis commercium magna populorum laetitia. De Uscochis plura scire et distinctus cognoscere qui cupiat, legat libellum, quem de initiis et progressionibus hujus gentis, *de latrociniis et flagitiis* Minucius de Miniciis Archiepiscopus Jadertinus Italico sermone conscripsit» (стр. 163).

37.000 семействъ подъ предводительствомъ Арсенія III Чарноевича, а второе въ 1737 г. при Арсеніѣ IV Іовановичѣ.

Доселеніе въ Черногорію было такъ сильно, что вездѣ туземцы должны были имъ уступить въ числѣ и значеніи и въ настоящее время въ каждомъ племени считается всего по нѣскольку домовъ старожиловъ. Такимъ образомъ въ этомъ періодѣ все населеніе Черногоріи возобновилось. Это также должно было подѣйствовать на нее освѣжающимъ образомъ, вдохнуть новую жизнь и возбудить энергію. Эти новые элементы не могли равнодушно относиться къ туркамъ вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ черногорскимъ потурченцамъ. Они лучше старыхъ жителей Черной-Горы знали турокъ, и испытавши ихъ гнетъ, принудившій бросить родину, проникнуты были самою непримиримою враждою къ нимъ, и въ то же время менѣе боялись ихъ, потому что привыкли уже дома бороться съ турками и знали, какимъ образомъ съ ними бороться. Эти доселенія должны были начаться вскорѣ послѣ окончательнаго паденія Босніи и Герцеговины, приблизительно около половины XVI в.; а подъ 1631 г. мы видимъ въ Черногоріи уже владыку изъ новыхъ досленцевъ, Руфима Нѣгоша. Должно было, однако, пройти не мало времени, пока этотъ новый элементъ возобладалъ надъ старымъ; тѣмъ болѣе, что были же племена, которыя и не обновлялись новыми пришельцами, какъ Цеклинъ, Лѣшанская нахія, Цекличи и частью другія.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, УСИЛИВАЮЩІЯ РЕАКЦІЮ ПРОТИВЪ ГОСПОДСТВА ТУРОКЪ.

Совокупность всѣхъ обстоятельствъ во внутренней жизни Черногоріи во 2-й половинѣ XVII ст. начинаетъ возбуждать реакцію противъ того коснѣнія и застоя жизни, въ которомъ она находилась до сихъ поръ.

Этому благопріятствуютъ и внѣшнія обстоятельства. Западная Европа успѣла уже отдохнуть послѣ Тридцатилѣтней войны и во внутренней жизни континентальныхъ европейскихъ государствъ кризисъ переворотовъ разрѣшился и насталъ періодъ

постепеннаго развитія ея, сдерживаемаго отъ всякихъ крупныхъ скачковъ и потрясеній крѣпкою централизаціею политической власти.

Между тѣмъ появленіе турокъ подъ Вѣной сплотило Австрію, Польшу и Венецію, и съ того момента соединенными силами они начинаютъ оттѣснять турокъ за Дунай и Саву, и возбуждаютъ возстанія внутри Оттоманской имперіи.

Въ это время и на востокѣ Европы выступаетъ новая грозная сила въ лицѣ Московскаго царя.

Въ XVI и до половины XVII ст. турки имѣли тамъ дѣло только съ казаками, русскими *граничарами* или *крашниками*; съ этого времени, какъ только Южная Россія стала подъ скипетръ Русскаго царя, имъ пришлось считаться съ цѣлою Русскою державой. Молдавскій господарь также добровольно становится въ вассальныя отношенія къ русскому царю. Царь Алексѣй Михайловичъ открываетъ войну противъ Турціи. Война эта продолжалась 10 лѣтъ и не была удачна; но ее продолжаетъ его сынъ Ѳеодоръ, и тоже неудачно, чему помогло то обстоятельство, что съ Турціею вступилъ въ союзъ польскій король.

Россія, правда, опять оттѣснена была за Днѣпръ, удержавши однако за собою Кіевъ; но сила Москвы этимъ не была истощена, и турецкая война для нея была только школой, тогда какъ Турціи нужно было напрягать всѣ свои силы до послѣдняго и разрываться на части.

Трудность положенія Турціи отзывается и на цѣлой ея политической системѣ, которая дѣлается неровною и непослѣдовательною и, ложась тяжелымъ бременемъ на управляемыхъ и тиранствуя надъ ними, доводитъ ихъ до того крайняго состоянія, въ которомъ человѣкъ перестаетъ уже бояться мукъ и смерти и становится способнымъ на самое отчаянное сопротивленіе. Силу и энергію заступаетъ насиліе и жестокость, которая только раздражаетъ, не достигая цѣли, съ какою они производятся.

Черногорія, какъ мы видѣли, испробовала уже свое оружіе на турецкихъ шеяхъ, и готова была продолжать начатую борьбу;

но послѣднія событія показали, что она у себя дома въ своихъ горахъ не безопасна, хотя эти горы до тѣхъ поръ и считались неприступными. Ясно было, что внутри она имѣетъ даже болѣе опасныхъ враговъ, чѣмъ внѣ. Но какъ выйти изъ такого положенія, какимъ образомъ избавиться отъ нихъ? Это былъ роковой вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависѣла судьба Черногоріи.

Мы пропускаемъ здѣсь отдѣлъ о состояніи Черногоріи за весь этотъ періодъ, такъ какъ единственный почти источникъ для этого составляетъ извѣстное описаніе Скадарскаго Санджаката на италіанскомъ языкѣ, составленное М. Болицею въ 1614 г.; а его мы намѣрены въ русскомъ переводѣ цѣликомъ приложить отдѣльно.

III.

Черногорія подъ управленіемъ владыкъ изъ рода Петровичей Нѣгошей. (1697 — 1851 г.).

ВЛАДЫКА ДАНІИЛЪ И УНИЧТОЖЕНІЕ МАГОМЕТАНСТВА ВЪ ЧЕРНОГОРІИ.

Нашествіе турокъ на Черногорію въ 1690 г. могло имѣть для нея роковыя послѣдствія. Проложивши однажды путь къ самому, такъ сказать, сердцу Черногоріи, турки не должны были остановиться на этомъ первомъ шагѣ, и потому нужно было постоянно ожидать новыхъ нападеній, которыя облегчались присутствіемъ въ средѣ черногорцевъ самыхъ горячихъ приверженцевъ Турціи, ожидавшихъ только минуты, чтобы предать имъ Черногорію и вмѣстѣ кинуться въ объятія своей матери по вѣрѣ, Турціи.

Появленіе турокъ на Цетиньѣ должно было произвести удручающее впечатлѣніе не только на Черногорію, но и на всѣ сербскія земли, смотрѣвшія на нее, какъ на вѣрное убѣжище, неприступное для турокъ. Теперь это убѣжденіе падало, и всѣми

должно было овладѣть отчаяніе, кромѣ, конечно, потурченцевъ, сердце которыхъ наполнено было безконечною радостью; и они въ ожиданіи вожделѣнной минуты высоко подняли голову.

Новому владыкѣ было надъ чѣмъ задуматься.

Тяжелое положеніе Черногоріи въ то время прекрасно изображено въ «Горскомъ Вѣнцѣ», и вотъ эта печальная картина:

Што е ово ево неко доба
Те су наше горе умучале?
Не разлежу, ратніем клицима?
Почину ни рдья на оружье;
Остаде ни земля без главара;
Некрштью су горе усмрдьеше!
Здружіо се турчин с црногорцем;
Оджа виче на равном Цетинью;
Смрад ухвати лава у клюсама;
Затріе се име црногорско;
Не остаде крста од три прста!
. . . . . мушка прса охладнѣла,
А у нима умрла слобода,
Ка кад зраке умру на планину,
Кад утоне сунце у пучину» [1]).

«Что же дѣлать и съ кѣмъ?» — задается роковымъ вопросомъ владыка, задумываясь надъ безвыходнымъ положеніемъ своего отечества и своею безпомощностью. «Что я?» говорилъ онъ самъ себѣ:

---

[1]) «Что это значитъ, что вотъ уже столько времени умолкли наши горы? что не раздаются ратные клики? Оружіе наше покрыла ржавчина; земля осталась безъ главарей; горы наши засмердѣли нехристью! Сдружился турчинъ съ черногорцемъ; мулла кричитъ съ минарета на Цетиньѣ; гніетъ левъ, попавши въ ловушку; затерялось черногорское сѣмя; не осталось трехперстнаго сложенья!.... сердца мужей охладѣли; а въ нихъ умеръ духъ свободы, какъ умираютъ на горахъ солнечные лучи, когда солнце тонетъ въ морской пучинѣ».

«Мало рукахъ, малена и снага,
Една сламка медью вихорове;
Сирак тужни безъ нигдье никога.
Мое племе сном мртвіем спава;
Суза моя нема родителья;
Нада мном е небо затворено,
Не прима ми плача, ни молитве.
У ад ми се свіет претворіо,
А сви люди паклени духови.
О црни дане, о црна судбино!
О, кукавно српство угашено»!. . . . [1])

Владыка этотъ былъ, однако, человѣкъ необыкновенный. То былъ Нико Петровичъ Штепчевичъ изъ Нѣгушей, въ монашествѣ Даніилъ. Еще ребенкомъ бѣжалъ онъ изъ родительскаго дома на Цетинье въ монастырь, гдѣ и остался, чувствуя особое призваніе къ духовной жизни. А не минуло ему еще и 16-и лѣтъ, какъ народное собраніе провозгласило его владыкой (1697 г.), и вскорѣ послѣ того привелось ему на себѣ испытать коварство потурченцевъ и грозившую отъ нихъ опасность [2]).

По приглашенію зетскихъ христіанъ, и съ дозволенія подгорицкаго паши онъ отправился въ Зету освящать церковь; но только прибылъ туда, какъ былъ схваченъ и отведенъ въ Подгорицу, гдѣ паша хотѣлъ посадить его на колъ, и отпустилъ только за огромный выкупъ, который не могли бы собрать всѣ христіане тамошнихъ краевъ безъ помощи герцеговинскаго митрополита, жившаго въ то время въ Савиной пустыни близъ

[1]) «Мало рукъ у меня, и малая сила; я—соломенка между вихрями; жалкій сирота, у котораго нигдѣ нѣтъ никого; мое племя спитъ мертвымъ сномъ; слезамъ моимъ нѣтъ родителей; надо мною закрылося небо; не принимаетъ оно отъ меня ни плача, ни молитвы. Весь свѣтъ сдѣлался для меня адомъ, а всѣ люди — адскими духами. О, черный день, о черная судьба! О, несчастное, угасшее сербство!»

[2]) Посвященъ въ епископы онъ въ Венгріи въ городѣ Сечуѣ въ 1700 г патріархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ, который въ то время бѣжалъ изъ Турціи.

Новаго (въ Боккѣ). Но покуда собрали ту сумму, владыка былъ повѣшенъ въ городскихъ воротахъ за руки сзади, и только ночью христіане подкрадывались и поддерживали его на своихъ спинахъ, чтобы облегчить страданія.

Вырвавшись изъ рукъ своихъ мучителей и воротившись на Цетинье, владыка немедленно созвалъ черногорцевъ на скупштину и тутъ же предложилъ истребить въ Черногоріи всѣхъ потурченцевъ, грозя въ противномъ случаѣ сложить съ себя званіе и покинуть Черногорію. Предложеніе его было принято единодушно и срокомъ назначенъ *бадній вечеръ*, т. е. канунъ Рождества.

Мѣра эта, какъ ни жестока, вынуждена была крайнею необходимостію.

И вотъ въ 1702 г. отъ вечерней зори наканунѣ Рождества Христова началась кровавая драма, черногорская варѳоломеевская ночь: однихъ убивали, другіе крестились и были пощажены, а къ утру во всей Черногоріи не осталось ни одного потурченца.

Это не было, однако, избіеніемъ безоружныхъ, потому что турки были вооружены не хуже, если не лучше черногорцевъ, и не могли не замѣтить, что противъ нихъ замышлялось что-то недоброе, тѣмъ болѣе, что они имѣли между черногорцами своихъ *приталицъ* (партизановъ), друзей и шпіоновъ. Поэтому настоящая рѣзня была только на Цетиньѣ, гдѣ около владыки собралось больше всего черногорцевъ и гдѣ больше всего было возбужденіе противъ турокъ; а изъ Цекличей они успѣли всѣ заблаговременно бѣжать. Въ Цермницѣ же былъ такой бой, что изъ черногорскаго войска половина погибла на мѣстѣ. Павшихъ въ этой битвѣ черногорцевъ было такъ много, что для могилъ не хватило мѣста въ оградѣ церкви и закапывали по 6 человѣкъ вмѣстѣ.

Въ Дупилѣ (въ Цермницѣ) внутри церкви до сихъ поръ находятся нѣсколько надгробныхъ плитъ, а посрединѣ кругъ, выложенный изъ бѣлаго и краснаго мрамора, въ которомъ вырѣзана слѣдующая надпись: «овдень почиваю кости вучете дьюро-

вича, кои іе погинуо су 70 дупилани на бесац (возвышеніе съ укрѣпленіемъ) у доба кнеза ніколе, а под владом владіке данила».

Очистивъ Черногорію отъ злѣйшихъ ея внутреннихъ враговъ, владыка тотчасъ принялся строить вновь церковь и монастырь, и въ 1704 г. они были уже готовы; въ то же время возобновлены церковь и дома на Ловченѣ и въ Маинахъ; а въ 1706 г. турки напали на черногорскую окраину отъ Никшича въ отмщеніе за избіеніе ихъ братьи въ Черногоріи, но были разбиты и прогнаны. Въ этой битвѣ 157 турокъ погибло на мѣстѣ, а множество было взято въ плѣнъ, и въ томъ числѣ 36 беговъ, которыхъ потомъ обмѣняли на свиней голова за голову [1]).

Въ этомъ преданіи, конечно, есть преувеличеніе; такихъ нападеній со стороны турокъ въ то время было много; но это были просто набѣги, частныя предпріятія герцеговинскихъ и босній-скихъ беговъ, въ которыхъ Турція, какъ держава, не принимала участія; иначе предводительствовалъ бы непремѣнно какой-нибудь паша. Истребленіе черногорскихъ потурченцевъ произвело такое впечатлѣніе, что Турція не рисковала напасть на Черногорію сразу и стала выжидать благопріятнаго момента.

ПЕРВЫЯ СНОШЕНІЯ СЪ РОССІЕЙ.

Между тѣмъ въ 1711 г. является къ черногорцамъ посланникъ отъ русскаго православнаго царя, полковникъ Михаилъ Милорадовичъ, родомъ герцеговинецъ, съ письмомъ, призывающимъ ихъ къ возстанію противъ турокъ. Въ письмѣ этомъ Петръ В., напомнивъ имъ славу и великую роль, которую играли прежніе сербскіе крали и князья, призываетъ всѣхъ черногорцевъ возобновить славу своихъ предковъ и соединенными силами ударить на общаго непріятеля за вѣру и отечество, за свою честь и славу, за свободу и независимость свою и своихъ потомковъ. Не обѣщая много, онъ скромно указываетъ, что прежде всего ихъ наградитъ за то Богъ: «А затѣмъ — продолжаетъ письмо — будетъ милость

[1]) Грлица 1835 г., стр. 72 — 73.

и отъ насъ: не только вознаграждены будутъ всѣ издержки, но и каждый получитъ по своей заслугѣ и по желанію; такъ какъ для себя мы не оставляемъ иной славы, какъ только быть въ состояніи освободить отъ ига невѣрныхъ христіанскіе народы, находящіеся на вашей сторонѣ, возобновить православныя церкви и воздвигнуть святой крестъ». Для этой цѣли онъ обѣщаетъ отдать послѣднюю копейку и лично стать во главѣ своего войска, горящаго нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ своей вѣры и испытаннаго въ бояхъ, а конечною цѣлью ставитъ прогнаніе турокъ въ ихъ прежнее отечество, въ пустыни Аравіи. Въ этомъ слышится тонъ увѣренности, которая совершенно умѣстна въ Петрѣ, въ то время побѣдившемъ подъ Полтавой Карла XII, перваго полководца своего времени; но по отношенію къ черногорцамъ онъ не больше, какъ братъ по языку и по вѣрѣ и ихъ естественный союзникъ въ борьбѣ съ общимъ непріятелемъ.

Какая простота и правдивость, какое истинно братское отношеніе къ единовѣрному и единоплеменному народу! За то и въ черногорцахъ это произвело восторгъ неописанный. Милорадовичъ поэтому доносилъ Головкину о своихъ дѣйствіяхъ: «Христіане, прочтя грамоты, сильно обрадовались и начали всѣ единодушно за вѣру и отечество кровь проливать; и тѣ, которые получали жалованье отъ венеціанъ и турокъ, бросили это жалованье, соединились со своими и стали воевать, какъ при древнихъ сербскихъ царяхъ и короляхъ. Все это воины добрые, только убогіе; пушекъ и прочихъ военныхъ припасовъ не имѣютъ... Латины гораздо враждебнѣе, ибо латины надѣялись, что земля будетъ вся ихъ, и когда онъ пошелъ на турокъ, то латины посылали къ нимъ письма, обнадеживая ихъ, чтобы не боялись, и уговаривали турокъ, чтобъ обѣщали христіанамъ деньги за его голову; но христіане всѣ обѣщались вѣрно государю служить» (Соловьевъ. XVI, 80). Моментально произошло возстаніе не только въ Черногоріи, но и въ Зетѣ и сосѣднихъ съ Черногоріей частяхъ Герцеговины. Не успѣли турки собраться съ силами, какъ были сожжены всѣ сосѣднія турецкія поселенія, и затѣмъ черногорцы,

при содѣйствіи мѣстныхъ жителей, осадили турецкія крѣпости: Никшичъ, Спужъ, Подгорицу и Жаблякъ, и города эти уже готовы были сдаться, какъ получено было роковое извѣстіе, что Петръ, окруженный турками при р. Прутѣ, заключилъ съ Турціею миръ, и она теперь могла всѣ свои силы свободно обратить противъ Черногоріи. «Радость — говоритъ народная пѣсня — продолжалась всего одинъ мѣсяцъ съ половиной, и скоро обратилась для сербовъ въ скорбь и горе. Дошли недобрыя вѣсти, что Петръ помирился съ туркомъ не по волѣ, но по неволѣ. *Заплакалъ и малъ, и великъ; всякъ жалѣлъ царя православнаго*».

Черногорцы, однако, и послѣ этого одержали еще побѣду надъ большимъ турецкимъ войскомъ въ Царевомъ-лазѣ, которая считается самою знаменитою въ исторіи Черногоріи по числу убитыхъ турокъ и по количеству военныхъ трофеевъ (кромѣ массы оружія, 86 знаменъ); тогда какъ у черногорцевъ погибло только 300 чел. и нѣкоторое число было раненыхъ, между которыми находился и владыка.

Но, по черногорской пословицѣ, «вырви у комара ногу, изъ него вылѣзетъ и вся внутренность», такъ было и съ черногорцами: Турція, какъ ни въ чемъ ни бывало, собралась съ новыми средствами; а у черногорцевъ не осталось ничего послѣ того, какъ они потратили всѣ свои средства на предшествовавшія войны. Помощь было получить совершенно не откуда: Петръ былъ поглощенъ войною со Швеціей, а Венеція закрыла для черногорцевъ всѣ свои базары, частію дорожа торговлею съ Турціей, частію изъ страха передъ нею.

Великій визирь Нуманъ-паша Тьюприличъ собралъ громадное войско, но не погнушался въ то же время и обманомъ. Онъ выразилъ желаніе покончить дѣло мирно и для этого позвалъ на договоръ черногорскихъ главарей; но едва они явились, ихъ тутъ же изрубили въ куски, и только тогда визирь двинулся впередъ, разсчитывая не встрѣтить нигдѣ сопротивленія. Въ этомъ послѣднемъ разсчетѣ онъ однако ошибся: Цетинья удалось ему достигнуть только послѣ 5 дней непрерывнаго боя, и тогда только,

по словамъ лѣтописи, «пожеже Черну Гору и раскопа церковь и монастырь».

600 душъ женщинъ, стариковъ и дѣтей, спасшихся на венеціанской территоріи, были преданы венеціанцами туркамъ, которые, отобравъ себѣ молодыхъ женщинъ и понравившихся дѣтей, все остальное дали подъ ножъ.

Черногорцы, однако, и тутъ не пали духомъ, и не успѣли еще турки выйти изъ Черногоріи, какъ они приступили второй разъ къ возобновленію монастыря; но такъ какъ своихъ средствъ было мало, то они рѣшили послать своего владыку въ Россію за сборомъ милостыни.

А вотъ какъ отнесся къ этому несчастію Петръ Великій. Считая себя причиною этого, онъ спѣшитъ съ утѣшеніемъ пострадавшему народу. Прежде всего онъ заявляетъ, что ему вполнѣ извѣстно, какъ на Черногорію напало огромное войско, какъ притомъ много было изрублено въ куски и отведено въ плѣнъ, съ преданіемъ огню и разоренію церквей и монастырей, и вслѣдствіе того, въ изъявленіе своего христіанскаго состраданія, онъ немедленно велѣлъ во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ православнаго царства вознести молитвы къ Богу за пострадавшихъ за Христову вѣру, да получатъ они награду мучениковъ. Обращаясь затѣмъ къ оставшимся въ живыхъ доблестнымъ воинамъ и воздавъ имъ должную публичную похвалу, онъ съ прискорбіемъ заявляетъ, что вслѣдствіе истощенія Россіи продолжительною войной съ еретическимъ королемъ Швеціи, онъ не можетъ вознаградить ихъ сообразно съ ихъ заслугами и жертвами, а только, чтобы сколько-нибудь выразить свою признательность, посылаетъ 160 золотыхъ медалей со своимъ изображеніемъ и 5,000 рублей для раздачи наиболѣе пострадавшимъ и 5,000 рублей въ распоряженіе владыки на покрытіе хоть части военныхъ издержекъ; а сверхъ того ассигнуетъ на каждые три года по 500 руб. въ Цетинскій монастырь.

«Мы теперь въ мирѣ съ турками — говоритъ онъ въ заключеніе — но если они снова поднимутся противъ насъ и нашего

царства, то намъ желательно, чтобы вы, какъ народъ, связанный съ нами вѣрой и народностью, опять притекли на помощь нашему оружію. И обѣщаемъ вамъ наше благорасположеніе и вознагражденіе за все; а также не оставятъ васъ наши милости и послѣ»[1]).

Моментъ вступленія Черногоріи въ сношенія съ Россіей имѣетъ рѣшающее значеніе въ дальнѣйшемъ ходѣ ея исторіи. При этомъ матеріальная помощь, которую съ этого времени она стала получать отъ Россіи, далеко не имѣетъ такого значенія, какъ подъемъ духа у черногорцевъ, вслѣдствіе явившагося съ того момента убѣжденія, что они не одиноки на этомъ свѣтѣ и имѣютъ единовѣрныхъ и единокровныхъ братьевъ въ великомъ Русскомъ царствѣ. Иначе стали относиться къ нимъ и сосѣди ихъ — Венеція и Турція.

Въ 1715 г. самъ владыка Даніилъ отправился въ Россію. Жаль, что не сохранилось никакого извѣстія о томъ, какимъ образомъ владыка былъ встрѣченъ Петромъ В. и какъ они бесѣдовали между собою, а это непремѣнно должно было быть. Можно однако съ достовѣрностію предположить, что встрѣча эта была самая интимная и на обѣ стороны произвела самое благопріятное впечатлѣніе. Величественная наружность монарха величайшаго въ то время по простору государства въ Европѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ простота и задушевность обращенія, которыя Петръ обыкновенно показывалъ передъ своими друзьями, должны были сильно подѣйствовать и очаровать черногорскаго владыку и его спутниковъ. А въ бесѣдѣ не могло обойтись безъ взаимнаго обмѣна широкихъ плановъ въ будущемъ. Съ какимъ интересомъ долженъ былъ смотрѣть и Петръ на владыку, тоже виднаго ростомъ, съ прекрасными чертами лица, побѣдителя 50-тысячнаго турецкаго войска, немного меньше половины котораго осталось на полѣ битвы! Всѣ путешествія первыхъ представителей Чер-

---

[1]) Полное изложеніе этихъ событій находится въ книгѣ А. Кочубинскаго: «Мы и они» (1711—1878). Одесса. 1878, стр. 163—175.

ногоріи въ Россію, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ, сопровождаются необыкновенными разсказами: о просторѣ Россіи, о добродушіи русскаго народа и любви его къ своей единовѣрной братіи, о величіи и богатствахъ русскаго царя и о его симпатіяхъ къ черногорцамъ. Народъ сохранилъ память о Петрѣ В., какъ единственномъ православномъ царѣ, котораго считаетъ и своимъ; и разсказываютъ, что когда владыка Даніилъ воротился изъ Россіи, то на каждый домъ принесъ по цекину (серебряный рубль), что по тогдашнему представляло сумму необычайную.

На челобитье черногорскаго владыки, Петръ далъ одну грамоту всему черногорскому народу, въ которой рядомъ съ воздаяніемъ должной хвалы за его подвиги и самопожертвованіе значится, что особенно отличавшимся русскій царь даритъ 160 золотыхъ медалей со своимъ изображеніемъ и 5,000 рублей на вспоможеніе всѣмъ разореннымъ и понесшимъ убытки; а сверхъ того на возстановленіе разоренныхъ церквей и монастырей также 5,000. Другая грамота дана лично владыкѣ Даніилу, въ которой, между прочимъ, слѣдующее, чѣмъ опредѣляются дальнѣйшія сношенія Черногоріи съ Россіей: «Также соизволяемъ мы, великій государь, изъ монастыря Рождества Пресв. Богор. Цетинскаго въ предыдущія времена присыланнымъ пріѣзжать въ государство наше къ Москвѣ, и сюда ко двору нашему въ Петербургъ въ третій годъ по милостыню; а въ пріѣздѣ ихъ быть по 2 и по 3 монаха, да по 2 или по 3 человѣка изъ бѣльцевъ, съ которыми посылать въ тотъ монастырь въ такой указный годъ по 500 рублей; да пріѣзжимъ монахамъ и бѣльцамъ давать кормъ и питіе, и на отпускъ жалованья и подводы *противъ иныхъ такихъ же пріѣзжающихъ изъ греческихъ и другихъ подъ игомъ агарянскимъ обрѣтающихся монастырей.* И когда изъ того монастыря по милостыню монахи въ государство наше въ указный годъ съ указнымъ числомъ поѣдутъ, нашимъ фельдмаршаламъ, генераламъ, вышнимъ и нижнимъ офицерамъ, а въ городахъ губернаторамъ, комендантамъ пропускать ихъ къ Москвѣ и до резиден-

ціи нашей Петербурга безъ задержанія и остановки, и въ дачѣ потребнаго числа подводъ, и, гдѣ надлежитъ, провожатыхъ — чинить имъ вспоможеніе. А митрополиту Даніилу и впредь по немъ будущимъ митрополитамъ, іеромонахамъ и монахамъ за наше милостивое къ монастырю ихъ и народу черногорскому призрѣніе и жалованіе молить въ Троицѣ славимаго Бога о нашемъ и всего нашего ц. дома здравіи, благополучіи нашего государства и побѣдѣ на нашихъ непріятелей, за что наша ц. в—ва милость къ нимъ и впредь никогда отъемлема не будетъ. И въ увѣреніе сего въ будущіе роды нашу ц. в—ва жалованную грамоту имъ дать повелѣли» (Кочуб. 173—174).

Обратный путь владыки лежалъ черезъ Малороссію; поэтому Головкинъ пишетъ гетману: «Былъ здѣсь при дворѣ его ц. в—ва митроп. Даніилъ Скендерійскій, который за нѣкоторую службу его ц. в—ву здѣсь пожалованъ и отпущенъ со всѣми бывшими здѣсь монахи и офицеры... Въ проѣздѣ его чрезъ малороссійскіе города изволите его принять пріятно и прикажите давать ему по подорожнымъ подводы и въ протчемъ показать пріязнь и въ требованіи его вспоможеніе» (тамъ же, 174).

Надобно замѣтить, что при первомъ извѣстіи о разореніи Черногоріи Нуманъ-пашой въ 1714 г. черногорскому посланнику архидіакону Максиму данъ былъ отвѣтъ совершенно другого рода. Боярамъ и воеводамъ черногорскимъ, которымъ невозможно было оставаться тамъ, предлагалось переселиться въ Россію и имъ обѣщаны были земли, годныя для поселенія, но безъ денежной помощи, которой «за нынѣшнимъ военнымъ временемъ дать имъ невозможно». Для монаховъ также предлагалось переселеніе и помѣщеніе въ русскихъ монастыряхъ. Знаки милости царской также не считалось возможнымъ послать, развѣ въ томъ только случаѣ, когда бы открылась война между Турціею и Венеціею, и чрезъ то положеніе Черногоріи было бы внѣ опасности. Митрополиту же обѣщали только архіерейскія одежды, книги и прочее церковное украшеніе; «а грамотъ къ митрополиту и къ народу теперь послать нельзя, пбо неизвѣстно, гдѣ они те-

перь обрѣтаются: есть извѣстія, что они турками разогнаны и укрываются по разнымъ мѣстамъ» (Соловьевъ, XVI, 130). Вотъ въ какомъ отчаянномъ положеніи представлялось въ Россіи положеніе Черногоріи послѣ погрома ея турками и какъ кстати была поѣздка самаго митрополита, показавшая положеніе дѣлъ совершенно въ другомъ свѣтѣ, и положившая основаніе связи Россіи съ Черногоріей, которая крѣпла съ годами, а съ тѣмъ вмѣстѣ крѣпъ и росъ духомъ народъ черногорскій.

ПОСЛѢДСТВІЯ СВЯЗИ СЪ РОССІЕЙ.

Съ этого времени Черногорія, увѣренная, что у нея всегда есть сильное *заплечье*, не боялась уже рисковать ничѣмъ, и потому она не пропускаетъ ни одного случая побиться съ турками и участвуетъ во всѣхъ войнахъ противъ Турціи, — ведутъ ихъ Россія, Венеція или Австрія; а на пограничныхъ мѣстахъ, у краишниковъ черногорскихъ не проходитъ, кажется, года безъ кровавыхъ схватокъ съ ихъ сосѣдями никшичами, бегами Требинья и Герцеговины, съ Подгорицей и скадарскими арнаутами. Со второй половины XVII в. начало пробуждаться геройство черногорцевъ, а въ продолженіе XVIII в. оно достигаетъ такой силы и развитія, что поднимаютъ голову и смѣло выступаютъ на бой съ турками даже тѣ племена, которыя прямо входили въ составъ земель Турецкой имперіи и считались ея данниками. Кучи, братоножичи, пиперы, васоевичи, ровцы и морачане, дробняки и пивляне, бѣлопавличи съ мартиничами, граховляне и баняне — начинаютъ *отыматься* и добываютъ себѣ полунезависимость. Часто турками дѣлаются погромы этихъ племенъ, но часто и турки терпятъ отъ нихъ.

Исторія этихъ битвъ составляетъ особый, весьма обширный циклъ въ народной черногорской поэзіи, изъ котораго часть только вошла въ «Српско Огледало», изданное въ 1845 г. въ Бѣлградѣ и редижированное самимъ владыкою Петромъ II, тогда какъ другая часть, никѣмъ не записанная, и теперь еще живетъ только въ устахъ народа. Многія изъ этихъ битвъ имѣли рѣши-

тельное вліяніе на судьбу племенъ и вообще на исторію Черногоріи, и потому Милаковичъ далъ нѣкоторымъ изъ нихъ мѣсто въ своей исторіи, что̀ освобождаетъ насъ отъ обязанности заносить ихъ въ свой общій историческій очеркъ, такъ какъ это было бы голословное повтореніе и перефраза народнаго преданія, которому мы отводимъ особое мѣсто въ народной литературѣ и въ преданіяхъ отдѣльныхъ племенъ.

Скажемъ только, что въ этомъ періодѣ и составилась та слава о геройствѣ черногорскаго народа, какою они по справедливости пользуются и до настоящаго времени.

ВНУТРЕННІЯ ОТНОШЕНІЯ.

Обратимся теперь къ чисто-политическому состоянію Черногоріи.

Она была раздѣлена на племена, которыя, какъ мы уже замѣчали, стояли одно къ другому на столько независимо, что часто по годамъ воевали между собою и не имѣли никакого сообщенія. При такомъ состояніи, конечно, не могло быть и рѣчи о какихъ бы то ни было общихъ политическихъ учрежденіяхъ, хотя потребность въ нихъ не могла не сознаваться самими же черногорцами. Но этому, конечно, мѣшали главари отдѣльныхъ племенъ, которые при такомъ состояніи могли дѣлать что̀ хотѣли, такъ какъ потому и сдѣлались главарями, что за нихъ были самыя сильныя братства. Въ маломъ видѣ здѣсь повторялась исторія сербовъ до соединенія ихъ подъ скипетромъ неманичей и послѣ паденія этого царствующаго дома. Сильныя племена расширялись на счетъ слабѣйшихъ, какъ напр. цеклиняне силою отняли значительную часть владѣній лѣшнянъ; хотѣли завладѣть и Зачиромъ, но тутъ столкнулись съ люботинянами, которые перетянули его къ себѣ. Бѣлицы должны были дѣлать уступки лѣшнянамъ. Кучи одно время господствовали надъ васоевичами и ровцами. Правда, тотъ же разладъ былъ отчасти и въ сосѣднихъ турецкихъ земляхъ, что̀ и давало возможность борьбы противъ нихъ; но по временамъ власть султана или даже мѣстныхъ пашей и вліятель-

ныхъ беговъ могла собирать весьма большое войско и нападать на какое-нибудь племя, отторгнутое отъ другихъ племенъ. Турки иногда съ помощью одного племени покоряли другое. Въ Черногоріи же такой объединяющей власти не было. И владыкамъ всегда стоило большого труда поднять даже всѣ подвластныя имъ племена, не говоря уже о племенахъ, находившихся внѣ черногорской территоріи, хотя они и признавали духовную власть владыки.

Безъ сомнѣнія, не мало усилій стоило владыкѣ Даніилу поднять черногорцевъ на искорененіе магометанства въ Черногоріи. Но съ этихъ поръ онъ не переставалъ работать по установленію болѣе прочнаго порядка внутри страны и по опредѣленію отношеній къ ближайшему своему сосѣду — Венеціи.

ТРАКТАТЪ СЪ РОССІЕЙ.

Связь съ Россіей помогла ему въ обоихъ этихъ случаяхъ. Милорадовичъ, явившись въ Черногорію единственно съ цѣлью поднять народъ на оружіе въ помощь Россіи, начавшей войну съ Турціей, не покинулъ ее безъ того, чтобы не составить съ нею договоръ постоянный на будущее время, и составляетъ его «на збору црногорскому на Цетинѣ, апрѣля 16-го, 1712 г.». Все, что въ немъ говорится, идетъ какъ бы прямо отъ имени русскаго царя, какъ отъ верховнаго повелителя черногорскаго народа, хотя нѣтъ ни одного намека на вмѣшательство въ ихъ внутреннюю жизнь, ни малѣйшаго покушенія на ихъ внутреннюю свободу. Приведемъ изъ него главныя, характерныя мѣста по рукописному оригиналу, хранящемуся на Цетиньѣ.

Указавъ на «вѣрне службе юнакахъ и храбріехъ и вѣрніех вптезових црьногорскіехъ, кои наипрьви почеше воевать за благочестиваго цара Петра», упомянутый договоръ продолжается такъ: «За то видетьи ми такову них прьву и садашню верну службу, допущавамо им сваку слободу да су своевластни, да немаю над собомь господара токмо цара; а другу маншу господу и офпціере да имаю от своіехъ племенахъ и от своега отачьства, а

отъ друге земле и от другога племена да нема никада медью нима ни воиводе, ни кнеза, ни капетана, ни никаквога старіега, токмо цара по царскому закону и суду, а по духовному митрополита, како смо ихъ тако и пашли, и тако им е било и код Ива Црноевича; и духовни пастирь и архіереи от них племена и отачаства, и воиводе, и кнезови, и капетани и сваки офиціери да имаю бити от них отачаста, а изь друге стране никако. То имь допушисмо сь заклетвомь». «Да су либери и франци» ото всякихъ податей и работъ, «нако [1]) с мачемь и пушкомь [2]), да су вояци цареви, другога измета [3]), да нечине никаква». «Кои би трьговину носіо крозь ону землю, кою би богь допустіо цару Петру владати, да нема ніедань црногораць царине [4]) давать, ни никаква данка, ни никакву трьговину ни на малу, ни на велю, него имь допущуемо да су и от тога либери и франци. Све имъ допущуемо»; только не допускается мѣшаться въ церковныя имущества и вообіце церковныя дѣла, подлежащія вѣдѣнію митрополита. И наконецъ «да су волни и слободни у сваки градь с мачемь о пасу шетати и съ свіемь своимь оружіемь да су волни прѣдь свакога господара слободни изисти; а они да су вазда готови с оружіемь у руци за цара воевать на свою краину, о свому харчу; теке да имь дава царь прахь и олово и кому узманка мачь и пушка и то нима да се да кадь буде рать, а кадь е мирь да не ищу нища у цара, ни царь от нихь да не ище нища ни други кои господарь». И ако бихь у кое врієме царь звао на другу краину воевать да ихь силомь нема тьерать, како би ктіо тко от свое воле пошао за послужить цару: онь да дава царь сву храну [5]), и сваки начинь [6]) воиничьски. Тако се ово писмо учини, да не буде никогда пометнуто, него потврьдьено сь заклетвомь».

---

[1]) Только, кромѣ какъ.
[2]) Ружье.
[3]) Работа.
[4]) Таможенная пошлина.
[5]) Пища.
[6]) Принадлежности.

Глухо здѣсь упоминается о жалованьѣ офицерамъ и другимъ воинскимъ чинамъ; говорится только: «и да има свакому официру плата от цара — воевода воеводску, а кнезь кнежеску, капетань капетаньску и сваки офиціерь свою, како у наибольега крала», но не говорится, ни сколько всякій будетъ получать, ни за какое время, то есть военное только или и за мирное.

Это форменный договоръ, въ которомъ означены только общія начала взаимныхъ сношеній, заключающіяся главнымъ образомъ не столько въ признаніи суверенства русскаго царя, сколько въ устраненіи всякаго другаго суверенства, т. е. турецкаго или венеціанскаго, такъ какъ и Турція, и Венеція одинаково стремились къ подчиненію себѣ Черногоріи, хотя и добивались того различными путями, и до нѣкоторой степени успѣвали въ своихъ намѣреніяхъ.

Турція, дѣйствуя силой и средствами приманки, не разъ отторгала отъ Черногоріи отдѣльныя племена и собирала харачъ, а Венеція цѣлымъ рядомъ мѣропріятій вытѣсняла церковную юрисдикцію черногорскаго епископа въ Приморьѣ и въ то же время, платя жалованье черногорскимъ главарямъ и снабжая черногорцевъ боевыми припасами, когда ей то было нужно, старалась привести ихъ въ вассальныя отношенія къ себѣ и подчинить ихъ незамѣтнымъ образомъ и вымучивая отъ нихъ своими скудными милостями выраженія преданности, которую можно бы было при удобномъ случаѣ протолковать въ смыслѣ вѣрноподданничества.

Владыки черногорскіе хорошо понимали это положеніе и ясно видѣли, что пріязнь Венеціи далеко не безкорыстна и покупается ими цѣною уступки ей значительной доли своей политической роли и свободы; но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, имъ не было никакого другого исхода, какъ склониться передъ христіанскою державою, за которою стояла цѣлая Западная Европа, чтобы не покориться мусульманину.

Появленіе посланника русскаго царя, какъ молнія среди темной ночи, освѣтило темный сводъ неба, мрачно окутавшій Чер-

ную Гору. Неожиданно явившаяся связь съ Россіею сильно повліяла на поднятіе народнаго духа въ Черногоріи. Неудача прутскаго похода Петра Великаго ограничилась только непріятнымъ первымъ впечатлѣніемъ, а потомъ, когда владыка и нѣкоторые изъ черногорскихъ главарей побывали въ Россіи и, воротившись оттуда, привезли и роздали народу такую денежную сумму и другіе дары, какихъ они никогда ни отъ кого не получали, вмѣстѣ съ разсказами о Россіи, гдѣ православныя церкви и монастыри сіяютъ и утопаютъ въ богатствѣ, — впечатлѣніе это совершенно изгладилось, тѣмъ болѣе, что неудача эта приписывалась измѣнѣ молдавскаго господаря Бранковасса, о чемъ владыка и его спутники могли наслушаться отъ непосредственныхъ участниковъ этого похода, во время проѣзда черезъ Малороссію.

Поѣздка владыки въ Россію, ласки и почести, съ которыми онъ былъ встрѣченъ при русскомъ дворѣ, и милости, которыми опъ былъ осыпанъ царемъ, должны были значительно поднять его въ глазахъ собственнаго народа.

ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО.

Пользуясь этимъ, онъ, вскорѣ по пріѣздѣ, созываетъ скупштину для установленія общаго порядка и управленія всей Черногоріи, на которой и учреждается губернаторство, высшая политическая власть, и въ помощь къ ней въ каждомъ племени назначаются сердари, а по селамъ или общинамъ — кнези, или сельскіе старшины. Губернатору подлежалъ разборъ дѣлъ между черногорцами и иностранными подданными и болѣе крупныя дѣла внутри Черногоріи; онъ былъ предсѣдателемъ скупштины и подписывалъ приговоры за болѣе тяжкія преступленія. Сердари рѣшали дѣла каждый внутри своего племени; а кнези были блюстителями порядка и представляли собою полицейскую власть въ своемъ сельскомъ районѣ.

Это было въ 1718 г., и первымъ губернаторомъ или по-черногорски *гувернадуромъ* былъ Дьиканъ изъ села *Мишки* въ Озриничахъ. Выборъ этотъ показываетъ, что народъ не хотѣлъ

имѣть изъ одного племени главныхъ представителей духовной и свѣтской власти, и потому выбралъ гувернадура изъ другого племени, притомъ изъ племени, живущаго на окраинѣ и имѣвшаго большую заслугу въ охраненіи и защитѣ черногорской свободы.

На международное значеніе этой должности указываетъ то, что первый гувернадуръ долженъ былъ жить въ Которѣ.

Венеція, безъ сомнѣнія, тотчасъ же стала платить жалованье гувернадуру и старалась подчинить его своему вліянію. Мы ничего не знаемъ объ этомъ первомъ гувернадурѣ; народная молва говоритъ только, что онъ былъ отравленъ въ нѣгушскомъ селѣ Копитѣ нѣкіимъ Богдановичемъ, потомки котораго и теперь живутъ въ томъ же сельцѣ. Трудно себѣ представить, чтобы могъ отравить гувернадура какой-то Богдановичъ, да еще въ своемъ селѣ, когда его постигла бы непремѣнно заслуженная казнь или месть; и потому является подозрѣніе, не сдѣлано ли это кѣмъ другимъ въ домѣ или, по крайней мѣрѣ, въ селѣ Богдановичей, чтобы на нихъ пало обвиненіе? не было ли это убійство политическаго характера и не проистекало ли изъ того, что Вукотичъ не соглашался быть венеціанскимъ слугою и орудіемъ?

Какъ бы то ни было, а сынъ его, Вукале, на котораго по наслѣдству должно было перейти гувернадурство, отказывается отъ него и, по народному преданію, промѣниваетъ его Радоничу изъ Рода Раичевичей въ Нѣгушахъ за сердарство съ придачею со стороны послѣдняго 100 цекиновъ (200 талеровъ) и тѣмъ освобождается отъ того высокаго званія, которое отцу его навлекло только ничѣмъ незаслуженную смерть.

Эти новыя въ Черногоріи учрежденія удержались въ продолженіе всего правленія владыки Даніила.

Что касается гувернадурства, то оно продержалось болѣе ста лѣтъ въ Черногоріи; а также сердарство и кнези; но Милаковичъ этимъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать, что вплоть до смерти Даніила удерживался вообще порядокъ и послушаніе властямъ,

тогда какъ съ его смертью, когда сдѣлался владыкою слабохарактерный Савва, внутренній порядокъ былъ нарушенъ.

Не забѣгая впередъ, мы останавливаемся на этомъ замѣчаніи, относящемся къ личности Даніила, который обладалъ необыкновеннымъ умомъ и характеромъ, чтобы заставить народъ уважать его и повиноваться тѣмъ учрежденіямъ, которыя онъ далъ народу при участіи народной скупштины.

ОТНОШЕНІЯ КЪ ВЕНЕЦІИ.

Въ то же время онъ хочетъ добиться и отъ Венеціи уваженія своихъ правъ въ Приморьѣ. Это дѣло было гораздо труднѣе и безъ внушительной силы невозможное, потому что церковная юрисдикція его простиралась на область, политически совершенно изъятую изъ-подъ его вліянія, въ которой Венеція дѣйствовала такъ, чтобы совершенно искоренить православіе.

Мы не знаемъ ни одного документа, изъ котораго можно было видѣть, какой характеръ имѣли сношенія черногорскихъ владыкъ съ Венеціанскою республикою прежде Даніила; но отъ его времени имѣемъ три венеціанскія грамоты на пергаментѣ, 1717 и 1718 годовъ, изъ которыхъ можно отчасти уразумѣть, какъ смотрѣла Венеція на Черногорію и чего по отношенію къ ней добивалась.

Грамоты эти въ извлеченіяхъ напечатаны въ «Исторіи Черногоріи» Д. Милаковича; но, читая эти извлеченія, вы ничего не можете видѣть, какъ только то, что владыка обращался къ Венеціи въ одно и то же время съ просьбой о помощи и съ предложеніемъ взаимнаго содѣйствія съ своей стороны противъ общаго врага — Турціи, выговаривая за то себѣ и своему народу возстановленіе нѣкоторыхъ правъ, отнятыхъ у него частію турками, а частію самою Венеціею. Судя по извлеченіямъ, это договоръ, по которому заключается союзъ оборонительный и наступательный противъ Турціи между Венеціей и Черногоріей, какъ между равными. И вотъ чего въ силу договора владыка добился отъ Венеціи: 1) дозволенія совершать богослуженіе по

православному обряду въ церкви св. Луки въ Которѣ, подъ условіями однако и съ ограниченіями, какія найдетъ необходимыми тамошній намѣстникъ (proveditore); 2) освобожденія отъ пошлинъ черногорскихъ произведеній на базарахъ, подчиненныхъ Венеціи, и наконецъ 3) выговорена плата черногорскимъ главарямъ, обязанность которыхъ быть всегда готовыми для обороны страны противъ непріятеля, то-есть противъ турокъ; а также выговорено снабженіе на этотъ предметъ черногорцевъ извѣстнымъ количествомъ оружія и всякой боевой муниціи и продовольствіемъ. Владыка, однако, по замѣчанію Милаковича, не былъ вполнѣ доволенъ этимъ, потому что онъ не только не получилъ духовной юрисдикціи въ Боккѣ, но и вообще не была вполнѣ обезпечена свобода богослуженія православному населенію этой провинціи. Въ сущности же, это было не что иное, какъ наемъ черногорцевъ на службу Венеціи за плату и безъ всякихъ уступокъ со стороны послѣдней въ пользу черногорскаго народа и его верховнаго, независимаго представителя, митрополита.

Церковь св. Луки была православная, и ту не давали православнымъ въ полное распоряженіе, а подъ какими-то условіями, и безъ сомнѣнія, стѣснительными (мы ихъ не знаемъ). Не только владыка черногорскій не получилъ духовной юрисдикціи въ Боккѣ, но еще и черногорцы ставились подъ юрисдикцію венеціанскую.

Въ упомянутой грамотѣ, данной венеціанскимъ дожемъ Іоанномъ Корнеліо на имя главнаго правителя Далмаціи и Албаніи Ангело Эмо, въ самомъ концѣ говорится: «Предоставляя право и власть судить самимъ (черногорцамъ) уголовныя и гражданскія распри, я сохраняю за обвиняемыми право обращаться (съ жалобой) къ экстраординарному представителю въ Которѣ». Этого заключенія Милаковичъ не приводитъ и тѣмъ скрываетъ истинный смыслъ и характеръ этого договора, читая который цѣликомъ, вы ясно видите, что это были отношенія между сувереномъ и вассаломъ. Это ясно видно изъ самаго приступа: «Преданность и вѣрность, оказанныя черногорскимъ народомъ нашему величеству (allo signorio nostro) въ прежнее время, а также

твердость и храбрость его, показанныя по потребностямъ республики дѣлами настоящаго времени, подтверждаютъ его приверженность власти нашей республики (sua deditione al dominio della republica nostra). Соизволяя поэтому съ дружественною готовностью на просьбы, которыя отъ имени упомянутыхъ коммунъ поданы намъ вашими посланниками (ambasciatori) въ меморіалѣ, сенатъ, относясь съ особенною любовію къ возлюбленнѣйшимъ подданнымъ (sudditi) и всегда готовый содѣйствовать всему тому, что̀ можетъ служить къ ихъ удовлетворенію и выгодамъ, рѣшилъ согласиться на всѣ 12 пунктовъ и другія поданныя при томъ прошенія».

Еще опредѣленнѣе, не оставляя уже никакого сомнѣнія, показываетъ эти отношенія грамота того же венеціанскаго дожа Іоанна Корнеліо, иначе Джіованни Корнаро, отъ 1718 года. Ее-то изъ всѣхъ трехъ экземпляровъ, какъ самую важную и характерную, мы и приводимъ цѣликомъ въ полномъ переводѣ.

Послѣ титула слѣдуетъ:

«Призвавши въ нашъ Совѣтъ посланниковъ монсиньора Даніила епископа Цетинья и Скандеріи, именно двоихъ главарей изъ коммуны (нахіи) Рѣцкой и четверыхъ изъ другой коммуны Цермницкой, прочитать и дать имъ въ копіи слѣдующее: Монсиньоръ епископъ! Къ великой заслугѣ, которую вы имѣете передъ нашимъ государствомъ вслѣдствіе засвидѣтельствованной храбрости и вѣрности, показанныхъ вами въ прошлую войну, какъ мы о томъ вполнѣ извѣщены нашимъ генеральнымъ проведиторомъ Мочениго; вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ съ вашей стороны въ возлюбленномъ намъ черногорскомъ народѣ духа преданности и подчиненности (vassallaggio) нашей власти въ настоящее время вы приноспте намъ новые высшіе знаки того меморіаломъ, теперь поданнымъ намъ отъ вашего имени, въ которомъ съ искренностію подтверждаете намъ *обязательность вашей преданности власти республики*. Подтверждая вполнѣ благосклонность республики по отношенію къ дѣламъ горячаго усердія, которое вами въ томъ руководило, вмѣстѣ съ преданностію и

вѣрностію, которыя съ самоотверженіемъ показаны по отношенію къ нашему величеству (signorio) вашею дѣятельностію, мы должны увѣрить народъ Рѣки и Цермницы въ постоянствѣ любви и расположенія къ нему республики, въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Такъ какъ сенатъ въ своемъ сердечно-отеческомъ расположеніи принимаетъ въ уваженіе ваше прошеніе не только относительно того, о чемъ вы спеціально просите, но и относительно всего, что̀ можетъ служить для удовлетворенія и пользы коммунъ Рѣки и Цермницы, мы даемъ наше согласіе на отправленіе вашей церковной юрисдикціи въ странахъ и мѣстахъ, которыя послѣ прошлой войны вступили подъ власть дожа республики, и на свободное совершеніе греко-сербскаго богослуженія, предоставляя также вамъ право возобновлять церкви, которыя были разрушены, и строить новыя во всякомъ мѣстѣ, подлежащемъ вашей юрисдикціи. Сверхъ того увѣряемъ васъ, что, если бы по несчастію турки напали на Черную-Гору (чего не допуститъ Богъ по Своему божественному промыслу, отъ котораго вы напротивъ можете надѣяться на большій успѣхъ и болѣе значительныя пріобрѣтенія на этой сторонѣ — для смущенія и обузданія этого варварскаго народа), вы будете съ . . . . . [1]) нами цѣнимы и принимаемы, и получите отъ насъ искренніе знаки расположенія республики.—Обращаясь къ первому изъ пунктовъ, находящихся въ прошеніи двухъ вышеупомянутыхъ общинъ, мы опредѣляемъ 12-ти князьямъ, управляющимъ тѣми общинами, мѣсячное жалованье по 5 дукатовъ каждому пожизненно, которые будутъ имъ выдаваться изъ которской камеры; а по второму даемъ свободное отправленіе ихъ греко-сербскаго богослуженія. По третьему пункту освобождаемъ отъ пошлинъ ихъ мѣстныя произведенія при переносѣ изъ одного края нашего государства въ другой, и то на основаніи постановленія декретомъ 13-го марта 1717 г. съ другими общинами Черной-Горы. Относительно четвертаго и послѣдняго пункта мы приказали доставить 16

[1]) На сгибѣ прорвано и нельзя разобрать словъ; но смыслъ не теряется.

знаменъ и 400 ружей и столько же албанскихъ шпагъ (ятагановъ или ханджаровъ). Послѣ этихъ столь ясныхъ доказательствъ особенной любви, съ какою мы васъ принимаемъ и относимся къ вамъ, мы увѣрены также, что вы, вмѣстѣ съ главарями обѣихъ вышепоименованныхъ общинъ, спѣшащихъ воротиться домой и понуждаемыхъ къ тому наступившимъ уже рабочимъ временемъ, — постараетесь внушить нашимъ прелюбезнымъ подданнымъ объ особенномъ нашемъ расположеніи къ нимъ и о постоянствѣ нашего покровительства для охраненія и защиты ихъ жизни и имущества. Мы твердо увѣрены, что отъ васъ и отъ ихъ постоянства въ вѣрности при всевозможныхъ обстоятельствахъ, — мы будемъ имѣть величайшую пользу».

«Поэтому властію вышеупомянутаго Совѣта поручаемъ вамъ къ исполненію».

Въ отдѣлѣ матеріаловъ мы эту грамоту, а также и другія двѣ представимъ въ италіанскомъ оригиналѣ; здѣсь же позволимъ себѣ остановиться на томъ затаенномъ смыслѣ, который заключается въ чрезвычайно ловко запутанныхъ фразахъ, отъ начала до конца проникнутыхъ однимъ духомъ.

Изъ этого документа мы видимъ ясно, къ чему стремилась Венеція по отношенію къ черногорцамъ. Она стремилась къ подчиненію ихъ своей власти, такъ чтобъ они сами не замѣтили, какъ окажутся въ ея рукахъ, подобно Боккѣ и Приморью. Мы не знаемъ содержанія того прошенія и тѣхъ 12-и пунктовъ, на которые ссылается дипломъ; но довольно того, что самъ владыка отправляется въ Венецію, какъ проситель, вмѣстѣ съ другими черногорскими главарями. По всѣмъ вѣроятіямъ, о подданствѣ тамъ не было рѣчи, хотя и говорилось о преданности и вѣрной службѣ за оказываемую народу милость въ видѣ снабженія его оружіемъ и боевыми припасами, а также деньгами, допущеніемъ свободной торговли и т. п. Но въ Венеціи эти выраженія приняты, какъ выраженіе вассальныхъ и подданническихъ отношеній. Съ какимъ тактомъ все это представляется какъ бы проистекающимъ изъ иниціативы самого владыки и его народа, за

что разсыпаются имъ самыя лестныя похвалы и обѣщаются всевозможныя блага! И ни малѣйшаго намека на то, что владыка въ то время имѣлъ уже сношенія съ Россіей, съ которою и заключенъ договоръ. Какъ предупредительно стараются скорѣе отпустить черногорцевъ домой, чтобъ не упустить весенняго времени! А въ сущности въ томъ была потребность самой Венеціи, которая въ то же лѣто предприняла экспедицію противъ Ульцина, занятаго въ то время турками. Но венеціанскій флотъ ничего не могъ сдѣлать вслѣдствіе бури; а черногорцы, разоривъ и сжегши часть города, должны были также удалиться. Обѣщая свободу своимъ подданнымъ православнаго исповѣданія и допуская между ними церковную юрисдикцію Черногорскаго владыки, она въ 1720 г. совершенно изъяла изъ-подъ этой юрисдикціи Маины, Поборы и Браичи и тѣмъ совершенно оттѣснила черногорцевъ отъ моря; а между тѣмъ въ продолженіе 30-и лѣтъ постоянно выдавала денежную субсидію Черногоріи.

Милаковичъ, говоря объ этомъ, дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Не только Черногорія собственно, но и Брда въ то время получали военную муницію отъ Венеціанской республики, за которую должны были проливать свою кровь въ войнѣ съ турками. Я читалъ въ копіи подобный венеціанскій декретъ и относительно племени Кучъ» (стр. 103, въ сноскѣ).

Въ дѣйствіяхъ Венеціи по отношенію къ Черногоріи и вообще къ сербамъ Адріатическаго побережья много аналогичнаго съ дѣйствіями Австріи въ сербскихъ земляхъ сѣверо-восточныхъ. И та, и другая возбуждаютъ населеніе противъ турокъ и снабжаютъ его боевою муниціей, а нѣкоторымъ вождямъ народнымъ платятъ жалованье; но въ роковую минуту бросаютъ сербовъ на произволъ судьбы, заключивъ выгодный для себя миръ и договоръ съ Турціею. Разница въ томъ, что Австрія послѣ всякой неудачной войны увлекаетъ за собою массу сербскаго народа, который и поселяетъ на границѣ, образуя такимъ образомъ изъ нихъ барьеръ противъ нападенія турецкой силы, слѣдовательно, обрекая ихъ на первую жертву при всякомъ нападеніи турокъ,

и послѣ минованія опасности поступаетъ съ ними не лучше турокъ, лишая ихъ даже свободы въ отправленіи обрядовъ ихъ вѣроисповѣданія, что̀ и заставляетъ ихъ потомъ искать убѣжища въ Россіи. Венеція же лишаетъ ихъ всѣхъ правъ прямо на мѣстѣ и, обративши часть ихъ въ католичество, съ остальною частію, т. е. съ православными поступаетъ такъ же, какъ турки. Православный сербъ въ ея державѣ не человѣкъ и не личность, и потому его третируютъ совершенно такъ, какъ въ Турціи иновѣрца райю. А тѣхъ, которые живутъ подъ турецкимъ правленіемъ, возбуждая противъ турокъ, въ то же время выдаютъ имъ головой, не стыдясь самымъ низкимъ образомъ тайно предувѣдомлять ихъ, что тогда-то и тамъ-то ожидаетъ ихъ нападеніе со стороны сербовъ, не щадя въ томъ и своихъ собственныхъ подданныхъ. Это какое-то болѣе, чѣмъ варварское, злорадное истребленіе народа. Точно такъ Венеція поступала и противъ Черногоріи: побуждая ее къ возстанію, она въ критическую минуту бросала ее и выдавала Турціи несчастныя семейства, спасающіяся отъ турокъ на ея территоріи. Всякое столкновеніе съ Турціей она окупала какимъ-нибудь предательскимъ дѣйствіемъ противъ Черногоріи. А въ то же время она разыгрывала роль покровительницы, какъ Черногоріи, такъ и остальныхъ сербскихъ племенъ, боровшихся противъ Турціи, и претендовала считать ихъ своими вассалами.

На сколько Черногорія ободрилась съ появленіемъ на балканскомъ политическомъ горизонтѣ Россіи, на столько ухудшились и обострились отношенія къ ней Венеціи. Она какъ бы торопится осуществить свои планы относительно Черногоріи, которые строила и носила въ своемъ умѣ такъ долго, не обнаруживая ей своихъ истинныхъ цѣлей и намѣреній. Изъ приведенныхъ нами документовъ видно, какъ намѣренія эти постепенно выступаютъ все яснѣе и яснѣе. Такъ, въ одномъ актѣ говорится только *о преданности республикѣ* (sua daditione al dominio della republica nostra); а въ слѣдующей затѣмъ грамотѣ стоитъ уже *обязательность* этой преданности (*impegno* della deditione al pu-

blico Dominio). Въ цѣломъ рядѣ такихъ документовъ трудно вообще уловить эти постоянно усиливающія смыслъ, съ перваго взгляда ничего незначащія словечки и выраженія; а между тѣмъ на нихъ Венеція основывала свои права и претензіи. Съ помощію такихъ канцелярскихъ крючковъ Венеція отняла у Черногоріи послѣдніе клочки земли, которые принадлежали ей на морѣ. По венеціанскимъ документамъ оказалось впослѣдствіи, что черногорскій монастырь въ Станевичахъ стоялъ на венеціанской территоріи, и Австрія, унаслѣдовавшая права Венеціи, оттягала этотъ монастырь не безправно, а на основаніи венеціанскихъ документовъ, и владыкѣ Петру II не было никакой возможности удержать его за Черногоріей, и ничего не оставалось, какъ принять отъ Австріи предложенную ею сумму въ видѣ уплаты за постройки, воздвигнутыя тамъ черногорскимъ владыкою Саввою на свой счетъ.

Такими крючками, рано или поздно, Венеція надѣялась закабалить и всю Черногорію; а потомъ ту же самую тактику по традиціи унаслѣдовала и Австрія.

ОБЪЯСНЕНІЕ ХАРАКТЕРА И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАДЫКИ ДАНІИЛА.

Кромѣ дѣлъ владыки Даніила не сохранилось въ исторіи ни одной черты, характеризующей его личность. Владыка Раде прекрасно изобразилъ только его положеніе; но характеру его придалъ слишкомъ много нерѣшительности и слабости, которая нуждалась въ поддержкѣ и искала ее. Даніилъ «Гарскаго Вѣнца» слишкомъ много медлитъ и раздумываетъ. Ему, сдѣлавшемуся владыкою шестнадцати лѣтъ отъ роду, въ началѣ не оставалось ничего, какъ только подчиниться существовавшему порядку вещей и волѣ заправлявшихъ тогда дѣлами главарей. Тутъ не могло быть никакихъ раздумій и сомнѣній; а получивъ посвященіе въ епископы, онъ тотчасъ же рѣшаетъ истребленіе магометанъ въ Черногоріи, и если не настоящій планъ его, то, по крайней мѣрѣ, его особенная враждебность къ этимъ магометанамъ была нескрытою, вслѣдствіе чего они и задумали его погубить,

очень ловко поставивши ловушку. И самый этотъ фактъ показываетъ необыкновенную рѣшительность и неустрашимость Даніила; иначе онъ никакъ не отправился бы въ Зету. Видно, что однажды рѣшившись на какое-нибудь дѣло, или задумавши что-либо, онъ больше не предавался уже никакому раздумью.

Но все-таки остается вопросъ: откуда же явился такой планъ у двадцатилѣтняго юноши? не явился же онъ у него тогда только, когда его водили съ коломъ въ Спужъ или когда онъ висѣлъ подъ сводомъ городскихъ воротъ? Этотъ фактъ могъ послужить ему поводомъ для убѣжденія массы и сигналомъ, по которому должно было произойти общее движеніе; а планъ долженъ былъ явиться и созрѣть раньше.

Останавливаясь на этомъ вопросѣ, обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что Даніилъ для посвященія ѣдетъ въ Венгрію, гдѣ и получаетъ его отъ Арсенія Черноевича, который въ то время всю свою жизнь отдавалъ на то, чтобы работать противъ Турціи. Вспомнимъ, что Арсеній самъ былъ черногорецъ, родомъ изъ Баицъ, а имя Черноевича принялъ, чтобы придать себѣ больше вѣса и значенія. Онъ съ перваго шага, какъ только сдѣлался печскимъ патріархомъ, по смерти Максима, наущаемый и ободряемый Австріей, старался поднять всѣхъ своихъ сербовъ противъ Турціи; но Турція, раздраженная пораженіемъ при Вѣнѣ, обратила свое вниманіе на агитацію внутри страны, и тогда Арсеній долженъ былъ бѣжать и спасся въ Черногоріи. Вотъ что̀ говоритъ объ этомъ современникъ: «много зла подьеть (Арсеній) тогда оть проклети агарень именна ответиемь и васего лишаемь и ва мале угокезе са главою, а васего лишивсе. Ва полуноши низь стену изь патриаршие свешенъ бисть и прибегь ва Чрную гору и у Никшиче самотречи, и прочи ексархи разбегошесе кои камо, едни ва светую гору забегоше, а ини инамо». Въ Черногоріи, въ бѣгахъ, патріархъ пробылъ все время до взятія австрійцами Бѣлграда сербскаго (1688 г.), послѣ чего онъ возвратился въ свою столицу, всю разоренную (Гласн. XXIII, 249; Кочуб. 34). Слѣдовательно, онъ былъ въ Черногоріи при

влад. Висаріонѣ Баицѣ, который въ 1687 въ союзѣ съ Венеціей бился съ турками подъ Новымъ; не былъ ли Арсеній даже участникомъ этого похода?

Какъ черногорецъ и бывши въ Черногоріи въ ту эпоху, которая породила Даніила, Арсеній отлично зналъ какъ общее положеніе дѣлъ, такъ и дѣла Черногоріи, и ея людей, и могъ имѣть даже нѣкоторое вліяніе на умы черногорцевъ въ то время, когда, бѣжавши вторично изъ Печи, жилъ въ Венгріи, напрягавшей всѣ усилія противъ общаго врага христіанъ — Турціи.

Отправившись на посвященіе въ 1700 г., Даніилъ возвращается домой только въ 1701. Если тутъ не прошло времени около года, то во всякомъ случаѣ нѣсколько мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ юный владыка, съ дѣтства влекомый къ подвижничеству, находился подъ вліяніемъ своего земляка патріарха, стараго, опытнаго и въ то же время горячаго агитатора, всю жизнь свою посвятившаго на освобожденіе своего народа отъ агарянскаго ига.

Даніила не нужно было фанатизировать; но на воспріимчивую душу его и юный умъ должны были неотразимо и благодѣтельно подѣйствовать совѣты Арсенія и его примѣръ въ дѣятельности. Уже въ то время Арсеній видѣлъ, что онъ обманутъ Австріей, и потому постарался внушить молодому владыкѣ, чтобы онъ разсчитывалъ только на свои собственныя силы и не полагался на милости своей сильной покровительницы Венеціи, которая съ нимъ поступитъ такъ же, какъ Австрія съ предавшимися ей сербами.

Вотъ гдѣ, по нашему предположенію, нужно искать начало идей и плановъ, которыми напоена была душа слишкомъ молодого Даніила, предавшагося имъ со всею энергіею и служившаго имъ до конца жизни. Обладая геніальнымъ умомъ, пылкою душей и сильнымъ характеромъ, какъ истый черногорецъ, онъ отваживается на дѣло крайне опасное и не имѣвшее, повидимому, за собою никакихъ шансовъ на успѣхъ, такъ какъ кромѣ его, оно никому больше въ цѣлой Черногоріи и въ голову не приходило;

и если онъ вышелъ побѣдителемъ, то единственно благодаря своей чисто-черногорской отвагѣ и мѣткости направленнаго удара.

Впослѣдствіи нѣчто подобное мы встрѣчаемъ въ князѣ Даніилѣ, при чемъ оба генія сходятся на началѣ и концѣ одного общаго дѣла: одинъ полагаетъ начало политическому возрожденію Черногоріи, а другой вѣнчаетъ его дѣло окончательнымъ провозглашеніемъ княжества.

За отсутствіемъ домашнихъ источниковъ, обратимся за характеристикой владыки Даніила къ Венеціи, которой онъ служилъ и до нѣкоторой степени угождалъ, всегда помогая противъ турокъ, въ чемъ и получилъ признаніе свѣтлой республики, какъ мы то видѣли изъ приведенныхъ выше дипломовъ.

Вотъ какой отзывъ о немъ находимъ въ донесеніи генералъ-проведитора Далмаціи Петра Кендрашина отъ 21-го октября 1729 г. Сказавъ, что Даніилъ управляетъ черногорцами «съ неограниченной властью», онъ продолжаетъ такъ: «Епископъ Даніилъ человѣкъ въ высшей степени продажный и столь же честолюбивый. Онъ *не совсѣмъ склоненъ въ пользу Венеціи* и руководится личнымъ капризомъ или личною выгодой. Врагъ турокъ по обязанностямъ религіи, онъ *не большой пріятель вашихъ превосходительствъ* по недостатку внутренняго влеченія; и если онъ иногда съ какимъ-нибудь отрядомъ черногорцевъ приходилъ къ намъ на помощь, то съ цѣлію не послужить намъ, а поживиться на нашъ счетъ. Онъ поступаетъ съ такою осмотрительностію, что, *показывая видъ, что служитъ вашей свѣтлости, ни мало не вредитъ туркамъ*, и съ изворотливостію обманывая обѣ стороны, извлекаетъ личныя (?) выгоды; пользуясь неограниченною властью въ Черногоріи, онъ сталъ почти необходимъ для пограничныхъ державъ. Поощряемый русскимъ золотомъ, онъ внушилъ черногорцамъ преданность царю въ ущербъ Венеціи. Въ виду таковыхъ его дѣйствій необходимо продолжать придерживаться въ отношеніи къ нему прежней системы — ласкать и обнадеживать его. Нерасположеніе его къ Венеціи обнаружилось особенно *при уступкѣ намъ Турціей* (?) четырехъ общинъ:

Жупы, Поборъ, Браичей и Маинъ; онъ не упустилъ посѣять между этими новыми подданными сѣмена отвращенія и ядовитыя инсинуаціи, дабы отвратить ихъ отъ преданности и вѣрноподданничества Венеціи. *Нужны были — неутомимое вниманіе и рѣшимость и непоколебимая неустрашимость* (!) для противодѣйствія столь преступнымъ замысламъ этого владыки» (Макушевъ, Русск. Вѣстн., 1869, кн. 7, стр. 40).

ЛИЧНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ВЛАДЫКИ ДАНІИЛА КЪ ПЕЧСКОМУ ПАТРІАРХУ.

Ведя непрерывную борьбу съ турками и имѣя такихъ друзей въ Венеціи, владыка Даніилъ не состоялъ въ добрыхъ отношеніяхъ и съ печскимъ патріархатомъ, на что указываютъ слѣдующіе факты.

Въ 1719 г. или немного позже патріархъ Моисей писалъ въ видѣ наказа подгорицкому протопопу: «пріимисмо ваша писма, коіа су писата мѣс. дек. 14, у коих разумесмо, что нам пишете породи тога *бедника и расколника арантоса*: кад е супрот ніега сам богь стао, а *честити га царъ* омазуліо, ни іа ніему не могу бити прііатель, ни по единому начіну; но и сад и свагда *хочу да никако онь ніе у том вилаету между вами.* ово садъ четверта година, како едне аспре іа ни сам от нега узео» и затѣмъ обѣщаетъ имъ поставить другого, «кои тье у свему сложанъ бити с вами и *вам за владику бити* правилно и по закону. Че с ним будите у единству и у едной речи» (Далм. маг. 1850 г.).

Правда, не ясно, о комъ именно здѣсь говорится; но говорится о владыкѣ, а владыка въ томъ краю былъ единственно черногорскій, вѣдѣнію котораго въ церковномъ отношеніи подлежала и Зета съ Подгорицей. Но внѣ всякаго сомнѣнія направленное противъ него же посланіе къ подгорицкимъ христіанамъ патріарха Арсенія въ 1726 г. Давая вообще поученіе христіанамъ и поручая заботамъ ихъ сиротъ какого-то Дьюриши Сточкова, посланіе обращается къ священникамъ, совѣтуя имъ держаться правила и часто служить литургіи, и затѣмъ добавляетъ: «и не мойте кои истога Филдета *к владыки данилу* за каковь по-

саль да иде. ели ако чуемо хоче они чл҃къ клетву дочекать кои к нему подье. тако да весте». Посланіе это писано въ Сараевѣ. (Далм. Маг. 1851 г.)

Патріархъ Моисей, безъ сомнѣнія, тотъ самый, прозвищемъ Чурла, который былъ въ Черногоріи въ 1719 г. и тогда же въ Маинахъ посвятилъ въ епископы Савву, племянника владыки Даніила; а Арсеній Іовановичъ — его преемникъ, потомъ въ 1737 г. принужденный бѣжать въ Австрію. Послѣ Арсенія III, конечно, турецкое правительство приняло мѣры, чтобы въ патріархи ставили людей, приверженныхъ ему, и такимъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ и Моисей, для котораго на первомъ планѣ стоялъ его *бир*ъ, за которымъ онъ и ѣздилъ въ Черногорію и котораго онъ тамъ, конечно, получить не могъ по той простой причинѣ, что самъ владыка съ народа ничего не бралъ и не получалъ, а между тѣмъ долженъ былъ постоянно вести войну съ турками. При этомъ видно, что патріархъ особенно благоволитъ какому-то подгорицкому протопопу и поручаетъ ему Лѣшкополе, которое, однако, находясь смежно съ Лѣшанскою нахіей, тянуло къ Черной-Горѣ, и тутъ происходило столкновеніе интересовъ. Рапортуя о томъ, что подгорицкая церковная власть здѣсь встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны такой же власти черногорской, и жалуясь на то, протопопъ, само собою разумѣется, постарался распространиться вообще о плохихъ церковныхъ порядкахъ въ епархіи черногорскаго митрополита, а кое-что, можетъ быть, приплелъ много и лично о владыкѣ. Да и самъ патріархъ Моисей, бывши въ Черногоріи, врядъ-ли могъ вынести хорошее понятіе, гдѣ его, конечно, не сумѣли хорошенько ни накормить и ни оказать почета, какимъ онъ пользуется въ Турціи даже со стороны турокъ, если онъ пріятный правительству человѣкъ. Вотъ почему патріархъ и разражается руганью и проклятіемъ на несчастнаго Даніила, которому было вовсе не до него. Интересно въ посланіи патріарха Моисея выраженіе, что «кого опорочилъ или отвергъ (омазуліо) царь, т. е. султанъ, тому и я не могу быть пріятелемъ». Изъ этого можно видѣть, что патріархъ

этотъ былъ вѣрный слуга султана, которому Даніилъ былъ заклятый противникъ. Въ ругательствѣ патріарха, неприличествующемъ его сану, сказывается его личное непріятное воспоминаніе о Черногоріи, гдѣ находясь, онъ, конечно, отъ страха не смѣлъ промолвить слова противнаго. Арсеній, впрочемъ, писалъ, можетъ быть, по принужденію со стороны турецкаго правительства, тѣмъ болѣе, что писалъ свое посланіе въ Сараевѣ. Оба они, однако, съ полнымъ сознаніемъ своего права запрещаютъ своимъ христіанамъ обращаться съ чѣмъ бы то ни было къ черногорскому владыкѣ подъ угрозою проклятія, а одинъ изъ нихъ обѣщаетъ даже послать другого владыку.

Въ этомъ случаѣ видно, что поставленіе черногорскаго владыки, кромѣ народнаго выбора, находилось въ зависимости и отъ патріарха; но пока патріархи были люди народные, тутъ не могло произойти никакого столкновенія; а съ тѣхъ поръ, какъ стали возводиться въ этотъ санъ креатуры турецкаго правительства, власть печскихъ патріарховъ стремится парализовать вліяніе Черногоріи на христіанъ Зеты. Даніилъ, принявъ посвященіе отъ Арсенія III въ Венгріи, тѣмъ самымъ выразилъ непризнаніе власти печскихъ патріарховъ и возбудилъ ихъ противъ себя.

Патріархъ Моисей, намекая на какое-то другое лицо, которое онъ намѣревался поставить владыкою, не имѣлъ ли въ виду посвященнаго имъ же въ епископы Савву, въ которомъ предусматривалъ требуемыя имъ качества и который еще въ то время, вѣроятно, обнаруживалъ именно тѣ же качества, за какія впослѣдствіи народъ уклонилъ его отъ правленія. Подтвержденіемъ этому предположенію можетъ служить отправленіе Саввою своего племянника Василія въ Печь для обученія къ патріарху Аѳанасію Гавриловичу, который впослѣдствіи посвятилъ его въ епископы.

Мы забѣжали впередъ; но всѣ эти обстоятельства, отдаленныя одно отъ другого значительнымъ пространствомъ времени, имѣютъ между собою такую внутреннюю связь, что одно вытекаетъ изъ другого.

Впрочемъ, этимъ мы можемъ и завершить разсмотрѣніе правленія владыки Даніила, окончившаго свое земное подвижничество въ 1735 г., приблизительно на 62 году жизни.

Ему наслѣдовалъ заблаговременно подготовленный къ владыческому званію племянникъ его Савва.

ВЛАДЫКА САВВА.

Въ это самое время, именно въ 1736 г., Россія объявляетъ войну Турціи; Австрія присоединяется къ Россіи, и въ 1737 г. русскія войска одерживаютъ надъ турками славныя побѣды, овладѣваютъ крѣпостями Хотиномъ и Очаковымъ, а австрійцы, владѣвшіе уже Бѣлградомъ, овладѣваютъ Ужицами и Нишемъ и осаждаютъ Видинъ. Въ это же время поднимаются всѣ Брда: Кучи, Васоевичи и Пиперы вмѣстѣ съ албанскимъ племенемъ климентами. Они отнимаютъ у турокъ Новый-Базаръ, Рожай, Бѣлополе, Печь, Дьяковицу и Призренъ. Къ нимъ присоединяются магометане Хаса, Плова и Гусинья, рѣшившіеся возвратиться въ христіанство. И въ самомъ разгарѣ возстанія отъ Австріи не оказывается никакой помощи, которая была обѣщана; а у возставшихъ недостаетъ боевыхъ средствъ, и возстаніе падаетъ; Австрія же въ 1739 г. заключаетъ съ турками миръ въ Бѣлградѣ, который опять со всею Сербіею отходитъ къ Турціи; Россія также заключила миръ. Послѣ этого въ краю возстанія начинается турецкая расправа. Печскій патріархъ Арсеній бѣжалъ съ сербами въ Австрію, и съ нимъ часть климентъ, которые также поселились въ Сремѣ близъ Савы, гдѣ и теперь находятся ихъ два села.

Черногорія въ это время была безучастна; только въ Кучахъ турки были разбиты и часть ихъ, державшаяся въ Рошовичской Кучѣ, была окружена и сожжена, вмѣстѣ съ заключавшимися въ ней 70 турками изъ лучшихъ подгорицкихъ фамилій.

Въ 1742 г. владыка отправился въ Россію за полученіемъ обычной милостыни, гдѣ былъ отлично принятъ императрицею Елизаветою Петровной и, богато одаренный, возвратился домой,

свернувшп по пути въ Берлинъ, гдѣ также получилъ въ даръ отъ Фридриха В. золотой епископскій крестъ.

ИЗБРАНІЕ СОПРАВИТЕЛЯ ВЛАДЫКЪ.

Тотчасъ по возвращеніи въ Черногорію, уступая желанію народа, владыка напменовалъ себѣ помощникомъ пли соправителемъ и наслѣдникомъ двоюроднаго брата Василія и послалъ его въ Печь къ патріарху Аѳанасію Гавриловичу для науки; а въ 1750 г. этотъ Василій былъ поставленъ въ митрополиты «Епархіи Скендерійскія и Приморскія» съ титуломъ сверхъ того: «да есть и екзархъ Святѣйшаго Ѳрона Пекскаго Патріархіи Славеносербскія: и повсюду на всякомъ мѣстѣ яко лице Патріаршеское да будетъ воспріятъ и почтен» (Милютиновича, 78).

Воротившись въ Черногорію, Василій вступаетъ въ управленіе публичными дѣлами, а владыка Савва удаляется въ монастырь св. Троицы въ Станевичахъ, имъ же построенный въ 1736 г., и предается занятію хозяйствомъ. Тутъ онъ пріобрѣтаетъ земли для цетинскаго монастыря, устраиваетъ ихъ, а на досугѣ занимается чтеніемъ книгъ, не упуская изъ виду и дѣлъ политическихъ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ВЛАДЫКИ САВВЫ.

Точнаго понятія объ его личности нельзя составить. Говорятъ, что онъ былъ довольно простодушенъ и тихаго мягкаго характера, вслѣдствіе чего имъ легко было овладѣть всякому, чѣмъ очень искусно умѣли воспользоваться агенты Венеціи, совершенно забравшп его въ свои руки. Другіе говорятъ, что, напротивъ, онъ былъ хитрый человѣкъ и притомъ очень начитанный. Былъ онъ отличный хозяинъ и любилъ заниматься хозяйствомъ, очень аккуратно велъ всѣ записи и счеты по хозяйству, и въ то же время тщательно хранилъ и собиралъ старину и переписывалъ или другимъ давалъ переписывать старые хрисовули, особенно всѣ документы, относящіеся до монастырскихъ владѣній. Въ одной книгѣ, носящей общее названіе «хрисовули»,

кромѣ грамотъ Стефана Первовѣнчаннаго (копіи съ печатанной въ Милешевѣ) монастырю арх. Михаила на Превлакѣ, Иванбега, Георгія и Юрія Черноевичей и др., значительную часть составляетъ: «Саввы митрополита, како составихъ книге от свіехъ бащинахъ, що самъ купіо и що е кто приложіо церквы Цетинской у метахъ Поборскій и Махинскій, що е у Вишковиче и другый весь метохъ поборскій». 1752 г. Всѣхъ записей 63 съ 1606 г. до 1750. А прежде того тоже 38 записей съ 1698—1773 г.

Нужно замѣтить, что въ записяхъ этихъ, гдѣ должно быть имя владыки, именуются два: «И по тому мы оба брата архіерея Савва и Василіе» (1763 г.), «Додье владыки Савви и Василію у монастырь Живко Шпадиеръ» (1752 г.) и т. п.; а въ концѣ стоятъ имена писцовъ, между которыми часто значится имя владыки Василія: «а писахъ іа владика Василіе Петрович, по риечи» или «Нѣгушъ».

Изъ этого видно, что Савва не былъ ни лишенъ сана владыки, ни совершенно устраненъ ото всѣхъ дѣлъ, но только отъ управленія и политики, къ чему, повидимому, онъ и самъ не имѣлъ склонности и призванія. Противъ его административной неспособности или недѣятельности свидѣтельствуетъ фактъ требованія народа, чтобы онъ избралъ себѣ соправителя: до такой крайности дошли внутренніе безпорядки и общая распущенность, которая доводила Черногорію до совершеннаго безсилія въ виду важныхъ событій, совершавшихся вокругъ нея.

Поставленныя владыкою Даніиломъ власти совершенно утратили при немъ свой авторитетъ: племена опять вскочили одно на другое; кровавая месть заступила мѣсто рѣшенія судомъ; всюду начались воровства и грабежи; никто не чувствовалъ себя безопаснымъ; а владыка въ то время весь предавался исключительно монастырю и церквамъ, и проживалъ въ прекрасномъ своемъ уголкѣ Станевичахъ.

Ревность въ пріобрѣтеніи земель въ пользу монастыря навлекла на него осужденіе народа, чѣмъ очень ловко умѣлъ воспользоваться Степанъ Малый и обличилъ владыку въ томъ, что

въ 1741 г., во время голода въ Черногоріи, онъ покупалъ у людей землю несравненно ниже той цѣны, какой она стоила, и потому эти купчіи расторгъ и даже не велѣлъ возвращать деньги, данныя имъ впередъ, и самого владыку при этомъ арестовалъ.

Что народъ въ нуждѣ отдавалъ землю дешевле настоящей цѣны, это не подлежитъ сомнѣнію; да при той необезпеченности жизни черногорецъ и не дорожилъ землею и предпочиталъ ей полученіе хоть какой-нибудь суммы деньгами. Тутъ не нужно было со стороны владыки особенныхъ прижимокъ: угнетало народъ общее тяжелое состояніе. Изъ записей мы видимъ, что иные отдавали монастырю свои земли съ условіемъ только, чтобы онъ кормилъ ихъ до смерти. Кое-какое устройство дано было владыкою Даніиломъ только въ 1718 г., слѣдовательно держалось менѣе 20 лѣтъ и не имѣло времени окрѣпнуть и установиться, и потому тотчасъ уступило прежнему безпорядку, какъ только опустилась желѣзная рука его творца и строгаго блюстителя. Можетъ быть, владыка Савва больше радѣлъ монастырю, чѣмъ народу; но вѣдь и монастырь же былъ народный, и владыки, живя въ немъ, не пользовались какими-либо особенными благами, не имѣли, чего не дѣлили бы съ народомъ.

Прекрасно характеризуетъ съ этой стороны положеніе черногорскаго владыки слѣдующее примѣчаніе владыки Петра I къ исторіи Черногоріи, напечатанной въ «Грлицѣ» за 1835 г. Разсказавъ объ удаленіи Георгія Черноевича изъ Черногоріи и призваніи владыки на управленіе, онъ добавляетъ: «И такъ митрополиты стали господствовать въ Черногоріи только вслѣдствіе крайней необходимости, по принужденію, а не ради властолюбія или тщеславія, какъ говорятъ нѣкоторые, не имѣя ни малѣйшаго понятія о положеніи Черногоріи и черногорскаго митрополита [1]). А еслибъ они это знали, они поняли бы свою ошибку, увидѣвши,

[1]) Большей части иностранцевъ всегда не нравилось то, что Черногоріей управляютъ митрополиты, и они всегда были на сторонѣ гувернадуровъ противъ владыкъ.

что митрополиты черногорскіе отъ народа ничего не получаютъ и никакихъ другихъ доходовъ не имѣютъ, кромѣ монастырской земли, и то все, что̀ получаютъ, даютъ народу, который безпрестанно къ нимъ приходитъ; слѣдовательно и удовольствія они не могутъ имѣть никакого, кромѣ безпрестаннаго труда и тяжелыхъ заботъ. Однимъ словомъ, домъ черногорскаго владыки не другое что̀, какъ домъ общенародный, *оли ти едан бирцауз безъ плате* (корчма безплатная) (стр. 66).

Поэтому въ страсти владыки Саввы къ пріобрѣтенію земель, хотя бы и на невыгодныхъ для продавцовъ условіяхъ, мы не можемъ видѣть его личнаго интереса, за что онъ подлежалъ бы строгому осужденію; а самозванецъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ единственно для пріобрѣтенія себѣ популярности у народа и устраненія владыки, который лучше другихъ могъ понимать его обманъ и всѣ продѣлки и во многомъ былъ ему помѣхой. Народу же, конечно, не было до этого дѣла; только бы получить свое.

Слѣдуетъ замѣтить еще и то, что обвиняющія владыку обстоятельства падаютъ на 1741 г., когда самъ владыка долженъ былъ находиться въ безденежьѣ, такъ какъ только въ 1742 г. онъ отправился въ Россію за милостыней.

Есть еще обвиненіе противъ него — это слишкомъ большая преданность Венеціи. Въ запискѣ князя Долгорукаго, напримѣръ, прямо говорится, что онъ былъ венеціанскій шпіонъ; но тамъ же говорится, что черногорцевъ вообще нужно опасаться такъ же, какъ турокъ и венеціанцевъ, и владыка называется «древній злодѣй и разбойниковъ начальникъ».

Но въ то же время венеціанскій чиновникъ Дольфинъ, въ 1739 г., сообщая республикѣ о положеніи дѣлъ въ Черногоріи, пишетъ, что вступившій по смерти Даніила владыко Савва искренно преданъ Россіи «по вѣрѣ и по завѣщанію своего дяди», и вообще считаетъ его человѣкомъ опаснымъ для республики. А вслѣдъ за тѣмъ другой, Гримальди, говоритъ, что у него «въ сердцѣ укоренена преданность Венеціи».

Впрочемъ, противъ него говоритъ достаточно тотъ фактъ, что народъ нашелъ необходимымъ устранить его отъ дѣлъ. Онъ былъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не дальняго ума, не обладалъ характеромъ, не былъ человѣкомъ популярнымъ; однимъ словомъ, онъ былъ неспособенъ къ управленію и потому долженъ былъ уступить младшему. При такихъ качествахъ онъ легко могъ подчиниться венеціанцамъ и особенно служилъ имъ въ позднѣйшее время.

Приведемъ здѣсь вполнѣ отзывъ упомянутаго генеральнаго проведитора Дольфина IV о владыкѣ Саввѣ и о другихъ личностяхъ въ Черногоріи, при чемъ найдемъ у него интересныя свѣдѣнія вообще о положеніи дѣлъ въ Черногоріи, въ особенности же объ отношеніяхъ къ Венеціи.

«Нерасположенные къ Венеціи даже по различію вѣроисповѣданія черногорцы — пишетъ онъ — показываютъ видъ, что преданы ей. Вотъ почему было необходимостію ласкать и даже давать имъ субсидіи, которыя проходятъ черезъ руки ихъ главарей, первое мѣсто между коими занимаютъ два сердаря, князь (conte) Петръ Саввичъ и попъ Іоко Станишичъ, подчиненные губернатору Вукадину Вукотичу. Второй изъ этихъ сердарей, человѣкъ быстраго ума и дѣятельный, подчинилъ своему вліянію большинство главарей и заправляетъ черногорцами деспотически; но онъ непостояненъ и вѣроломенъ, а потому необходимо неуклонно слѣдить за нимъ и обращаться съ нимъ весьма осторожно. Много зависитъ отъ этихъ главарей расположеніе черногорцевъ къ Венеціи, которая въ случаѣ войны можетъ разсчитывать на столькихъ заклятыхъ враговъ Порты. Эти же сердари могутъ много содѣйствовать отклоненію репрессалій и разбоевъ, безпрестанно производимыхъ на турецкой границѣ, и тѣмъ избавить насъ отъ будущихъ жалобъ турокъ, которые могутъ укорить насъ въ поддержкѣ и возмущеніи бунтовщиковъ. Вотъ почему я прекратилъ имъ субсидіи; но тщетно. Постоянно нужно опасаться, что въ настоящую войну они примутъ сторону одной изъ христіанскихъ державъ, и въ такомъ случаѣ Турція не за-

медлитъ обвинить въ поддержаніи ихъ республику, которая, однакоже, можетъ оправдаться тѣмъ, что прекратила имъ ежегодныя субсидіи». Далѣе онъ говоритъ о постоянныхъ распряхъ черногорцевъ между собою и о способѣ прекращенія ихъ только до юрьева дня, и *састанкахъ*, на которыхъ вершатся всѣ дѣла, и на всѣхъ этихъ састанкахъ присутствуетъ владыка Савва, способствующій достиженію ихъ цѣли. Онъ имѣетъ такое вліяніе на черногорцевъ, что они легко подчиняются его волѣ. Съ нимъ нужно обращаться съ большою осторожностію и искусствомъ. Онъ хвалится властію надъ черногорцами и приписываетъ имъ преданность республикѣ, которая, впрочемъ, весьма ненадежна, такъ какъ основана на корыстныхъ видахъ. Онъ искренно преданъ Россіи и по вѣрѣ, и по завѣщанію дяди своего»[1]).

Рядомъ съ этимъ поставимъ отзывъ другого провед. Франциска Гримани о владыкахъ Саввѣ и Василіи вмѣстѣ, изъ позднѣйшаго времени.

САВВА И ВАСИЛІЙ ПО ОТЗЫВУ ВЕНЕЦІАНЦА.

«Черногорцы — сообщаетъ онъ сенату — деспотически управляются двумя ихъ епископами *сербскаго* вѣроисповѣданія. Старѣйшій изъ нихъ, владыка Савва Петровичъ имѣетъ характеръ спокойный, хотя корыстолюбивый и, кажется, что въ сердцѣ его укоренена преданность Венеціи, и что онъ не поощряетъ нѣкоторыхъ необдуманныхъ предпріятій. Его помощникъ (coadjytore) Василій Петровичъ, напротивъ, человѣкъ молодой, характера безпокойнаго и чрезвычайно честолюбивый; питаетъ замыслы безпутные и безпокойные».

«Возвратившись въ прошломъ году (1756) изъ путешествія по Россіи и Германіи, онъ задумалъ стать во главѣ народа, *склоняя его къ Россіи по чувствамъ единовѣрія и къ Германіи въ надеждѣ субсидій* и увѣряя, что онъ находится въ хорошихъ сношеніяхъ съ дворами этихъ странъ. Было бы безполезно пе-

[1]) В. Макушевъ: «Самозванецъ Степанъ Малый». Русск. Вѣстн. 1869 г. кн. 7, стр. 41.

ресказывать пышныя и почти баснословныя рѣчи, которыми онъ возбуждаетъ честолюбіе главарей. Онъ довелъ ихъ до того, что они *пренебрегли обязанностями вѣрноподданничества султану, внушивъ имъ, что они народъ свободный* и что могутъ разсчитывать на своихъ двухъ государей. Главарямъ онъ обѣщаетъ большія стипендіи отъ обоихъ дворовъ, а простой народъ возбуждаетъ къ грабежамъ, отъ которыхъ страдаютъ и венеціанскіе подданные. Чрезвычайнымъ проведиторомъ дознано, что Василій возбуждалъ къ возстанію три общины — Поборъ, Браичей и Майнъ и четырехъ графовъ (conti) Жупы.... Въ особенно тѣсныхъ связяхъ, скрѣпленныхъ родствомъ, находится онъ съ братьями Газаровичами, губернаторомъ и сердаремъ Жупы, которыхъ я и арестовалъ за весьма важныя ихъ преступленія»[1]).

Изъ этой параллели между Саввою и Василіемъ лучше всего обрисовывается характеръ того и другого и ихъ отношенія къ Венеціи и другимъ дѣламъ.

Вмѣсто покладливости, которая была такъ на руку венеціанцамъ, въ Василіи венеціанцы встрѣтили характеръ самостоятельный. Онъ всецѣло преданъ политикѣ; при чемъ, по пути изъ Россіи, успѣлъ побывать у прусскаго короля и, повидимому, произвелъ на него хорошее впечатлѣніе и возбудилъ участіе къ Черногоріи. Все это крайне непріятно венеціанцамъ, потому что заручившись какими-то связями въ Европѣ, онъ держитъ венеціанъ въ рукахъ, угрожая имъ въ приморьѣ. При этомъ, не имѣя возможности подчинить Черногорію своей власти, Венеціи желательно бы было видѣть въ ней вѣрноподданную Турціи; но онъ «пренебрегаетъ этими обязанностями» и внушилъ уже черногорцамъ, что они народъ свободный!

ПОБѢДА НАДЪ ТУРЕЦКИМЪ ВОЙСКОМЪ ВЪ 1756 г.

Все это было послѣ первой поѣздки Василія въ Россію. Возстановивши учрежденія, дѣйствовавшія при Даніилѣ, подъ пред-

[1]) Тамъ же, стр. 42.

сѣдательствомъ гувернадура, Станка Радонича и проживши два года въ Черногоріи, онъ былъ увѣренъ, что поставленные имъ главари въ состояніи будутъ поддерживать въ народѣ порядокъ и согласіе, и отправился въ Россію второй разъ. Но во время его продолжительнаго отсутствія гидра внутренняго раздора снова подняла голову. И на этотъ разъ нашлись главари, которые пошли сначала къ боснійскому визирю, а оттуда въ Константинополь къ султану съ предложеніемъ привести ему Черногорію въ подданство. Съ этой цѣлью султанъ повелѣлъ боснійскому визирю собрать все свое войско и двинуться на Черногорію.

Но въ 1755 г. успѣлъ прибыть Василій и, умиривши наскоро междоусобія, въ слѣдующемъ году, когда на Черногорію наступило большое турецкое войско, нанесъ ему жестокое пораженіе. Гримальди не безъ сожалѣнія доноситъ объ этомъ республикѣ, и причиною пораженія выставляетъ медлительность визиря, который, впрочемъ, и медлилъ вслѣдствіе того, что сознавалъ свое безсиліе. При этомъ венеціанскій репортеръ добавляетъ, что для укрощенія Черногоріи не были достаточны даже соединенныя силы Босніи и Албаніи; поэтому мы можемъ судить, какова была побѣда Василія и какое она имѣла значеніе.

ВНУТРЕННІЯ ОТНОШЕНІЯ; ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ ПОѢЗДКИ ВЛАДЫКИ ВАСИЛІЯ ВЪ РОССІЮ.

Пораженіе турокъ способствовало, конечно, пораженію и ихъ пріятелей въ Черногоріи и вообще умиротворенію черногорцевъ. Но въ то же время владыкѣ Василію было ясно, что безъ радикальныхъ реформъ невозможны никакія учрежденія въ Черногоріи. Главари только и смотрѣли, откуда бы получить побольше денегъ: отъ Россіи, отъ Венеціи или Турціи, и торговали черногорцами. По возвращеніи Василія изъ Россіи, они прежде всего приступили къ нему съ требованіемъ русскихъ денегъ. Но онъ энергично отбилъ эти требованія, показавъ ясно, на что именно даны эти деньги и на что имъ употреблены. Чтобы впе-

редъ оградить себя отъ претензій такого рода, во вторую поѣздку въ Россію Василій беретъ съ собою четверыхъ главарей, въ томъ числѣ Станка Радонича, въ качествѣ свидѣтелей и контролеровъ, чтобы черезъ нихъ и русское правительство знало, на что владыка употребляетъ отпускаемыя суммы, равно какъ и черногорцы могли бы узнать, что̀ онъ получаетъ въ Россіи и что̀ вообще дѣлаетъ.

Въ эту же вторую поѣздку въ Россію (1758 г.) онъ беретъ съ собою 15 молодыхъ людей для обученія, которые и были приняты въ сухопутный шляхетскій корпусъ; но вслѣдствіе своей неподготовленности должны были оставить науку и воротиться домой. Эта, хотя и неудавшаяся, попытка показываетъ, что владыка Василій сознавалъ недостатокъ въ людяхъ для осуществленія предположенныхъ имъ преобразованій въ Черногоріи.

Конечною цѣлью этой поѣздки было выхлопотать у Россіи постоянную субсидію, чтобы завести въ Черногоріи болѣе правильное управленіе и судъ, при чемъ потребовалось бы платить должностнымъ лицамъ жалованье, для чего у него не было никакихъ другихъ средствъ, какъ только то, что̀ платила главарямъ Венеція [1]). Чтобы склонить и расположить Россію въ пользу своего плана, онъ предлагалъ ей нѣчто въ родѣ подданства. Но хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ, и воротился онъ домой ни съ чѣмъ, лишив-

---

[1]) Макушевъ говоритъ (Русск. Вѣстн. 1869, кн. 7, стр. 41), что черногорскимъ главарямъ, кромѣ подарковъ сукномъ и другими вещами, Венеція платила ежемѣсячно около 400 дукатовъ. Такое извѣстіе, почерпаемое изъ венеціанскихъ официальныхъ документовъ, нужно принимать съ большою осторожностію: не все то выдавалось по назначенію, что̀ значилось въ отчетахъ чиновниковъ; а иногда, какъ мы видѣли, субсидія эта въ видѣ наказанія прекращалась, и цѣль иногда достигалась: такъ въ 1731 г. этою мѣрою удалось принудить черногорцевъ помириться съ которянами; но это было невсегда: иногда, по свидѣтельству самихъ же венеціанскихъ чиновниковъ, народъ дѣлалъ свое дѣло, не слушаясь подкупленныхъ главарей. Вообще же венеціанская субсидія была зломъ для Черногоріи; вотъ почему владыка и искалъ средствъ для платы жалованья людямъ, которые бы честно служили наро-

шись одного изъ своихъ спутниковъ, Станка Радонича, который въ Петербургѣ разболѣлся и умеръ.

Обращался онъ и въ Венецію, предъявляя требованіе на жалованье главарямъ, которое республика назначала черногорскимъ главарямъ въ договорахъ съ владыкою Даніилóмъ; но здѣсь, конечно, повернулись къ нему спиной, потому что видѣли въ немъ слугу Россіи.

Третью и послѣднюю поѣздку въ Россію онъ совершилъ въ 1765 г., подъ предлогомъ поздравленія императрицы Екатерины съ восшествіемъ на престолъ, и на этотъ разъ уже не возвращался больше въ Черногорію. Онъ умеръ, прохворавши весьма недолго, что̀ и дало поводъ видѣть въ этомъ отравленіе какимъ-то подкупленнымъ будто бы Венеціею докторомъ италіанцемъ. Это было 10 марта 1766 г.; похороненъ онъ съ подобающею честью на кладбищѣ Александро-Невской лавры. При смерти его присутствовали племянникъ его, дьяконъ Петръ (впослѣдствіи владыка) и старый монахъ Іосифъ Вукичевичъ изъ Маинъ, которые и воротились домой со всѣми пожитками покойнаго въ сопровожденіи двухъ русскихъ офицеровъ. Въ числѣ пожитковъ находилась и драгоцѣнная митра, которая впослѣдствіи помогла въ крайне затруднительномъ положеніи владыкѣ Петру, тому самому, который теперь везъ ее въ Черногорію.

Въ настоящее время, на кладбищѣ, гдѣ похороненъ владыка Василій, не осталось и признака его могилы; никто не знаетъ указать даже мѣсто, гдѣ она была, такъ что потомки не могутъ теперь и праху его поклониться[1]). За то въ исторіи все больше и больше уясняется его неусыпная дѣятельность, направленная къ тому, чтобы вывести Черногорію изъ того коснѣнія въ смутахъ и раздорахъ и крайняго внутренняго неустройства въ продолженіе болѣе чѣмъ двухъ столѣтій; дѣятельность, унесшая у него

[1]) Недавно одинъ изъ членовъ С.-Петерб. Слав. Благотв. Общ. П. А. В. нарочно ѣздилъ на то кладбище, чтобы отыскать мѣсто погребенія владыки Василія; но всѣ поиски и разспросы оказались тщетными.

много жизни, а во многихъ случаяхъ навлекшая ему осужденіе и непріятности.

ДѢЛА И ПЛАНЫ ВЛАДЫКИ ВАСИЛІЯ.

Впрочемъ, Милаковичъ на разсмотрѣніе дѣятельности владыки Василія отводитъ въ своей исторіи только два листка. Это мы объясняемъ тѣмъ, что владыка такъ мало жилъ въ Черногоріи, работая для нея же больше въ Россіи, гдѣ поэтому и находятся всѣ относящіеся къ его дѣятельности документы. Частью ихъ воспользовался М. Драговичъ и написалъ небольшое, но богатое новыми фактами сочиненіе: «Митрополитъ Черногорскій Василій Петровичъ и его сношенія съ Россіей» (1882 г.), которое продолжаетъ пополнять новыми статейками въ повременныхъ изданіяхъ, и, благодаря ему, начинаетъ получать должное освѣщеніе эта замѣчательная личность.

Глубоко ненавидя Венецію, въ которой видѣлъ корень многихъ золъ въ Черногоріи, онъ одинаково былъ ненавидимъ и ею, и потому при немъ не разъ дѣло доходило у черногорцевъ до кровавыхъ столкновеній съ венеціанскими властями и войскомъ. Объ этомъ существуетъ цѣлая записка, поданная имъ венеціанскому сенату, которая, конечно, осталась безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ въ планы Венеціи относительно Черногоріи входило отклонить ее всевозможными притѣсненіями отъ Россіи, а если это невозможно, то мстить, вредя ей всякими способами. Венеція не пожалѣла бы на это никакихъ средствъ, и среди Черногоріи нашлись бы люди, которые охотно предались бы ей, когда находились готовые предаться Турціи. Но владыка Василій не былъ тотъ мелкій умъ и ничтожный характеръ, который можно бы было привлечь на свою сторону лаской, подарками и посулами или силой и угрозами, и потому крѣпко держался Россіи, и связь, начавшуюся случайно при владыкѣ Даніилѣ, закрѣпилъ и обратилъ въ неразрывный союзъ, безъ котораго стало немыслимо существованіе свободной Черногоріи.

Это единственная цѣль, достигнутая имъ вполнѣ и составляющая его главную заслугу.

Частыя поѣздки владыки Василія въ Россію показываютъ, что въ ней онъ видѣлъ главное и единственное прибѣжище; у нея искалъ онъ не только матеріальной помощи, денежныхъ средствъ, но и чисто-моральной поддержки, такъ какъ она уже имѣла авторитетъ въ черногорскомъ народѣ, противъ котораго дѣйствовала Венеція, подкупая ея главарей. Отъ нея онъ ожидалъ разрѣшенія вопроса о необходимомъ устройствѣ Черногоріи и помощи матеріальной и нравственной для приведенія этого въ исполненіе.

Мысль объ устройствѣ Черногоріи мучила владыку Василія всю его жизнь. Онъ видѣлъ съ одной стороны необходимость вывести Черногорію на чисто-политическое поле, создать изъ нея свѣтское государство; но на пути этому стояла освященная вѣками теократическая форма правленія, тогда какъ его самого на каждомъ шагу путаетъ его духовный санъ.

Онъ мучился этимъ напрасно, потому что не настало еще время.

Предположимъ, что тогдашней Черногоріи удалось бы сдѣлаться свѣтскимъ государствомъ. Губернаторъ въ добромъ соглашеніи съ владыкой сдѣлался бы ея свѣтскимъ государемъ, княземъ. Внутри нѣтъ никакого устройства; между племенами нѣтъ никакой связи; собственныхъ средствъ никакихъ; самое существованіе Черногоріи, какъ независимой единицы, какое-то контрабандное и шаткое, потому что кругомъ ея стоятъ сильные претенденты. Несчастному князю ея, еслибы его и признали сильные сосѣди, пришлось бы отдаться Венеціи или Турціи. А развѣ не явились бы такіе же князья у другихъ племенъ? Развѣ не стали бы они интриговать одинъ противъ другого, уничтожать одинъ другого и изъ-за поддержки въ этомъ соперничествѣ пресмыкаться у ногъ турецкаго паши или венеціанскаго проведитора?

Это было бы непремѣнно. Единство племенъ было еще слишкомъ слабо; въ самой Черногоріи одна внѣшняя власть безъ вну-

тренней организаціи и подготовки элементовъ не могла сдѣлать ничего и даже не въ состояніи была держаться. Воспитаніе подъ опекою церкви необходимо было продлить и сохранить, еслибъ что-либо ему угрожало.

Въ Россіи не понимали, чего добивался владыка, и сложился отчасти взглядъ на него, какъ на человѣка, преслѣдовавшаго какія-то свои личныя цѣли; не понимали даже вообще отношеній, въ какихъ она должна была находиться съ Черногоріей, какъ ясно показала послѣдующая исторія этихъ сношеній. И Россія, значитъ, въ то время не была еще готова къ той миссіи, которую должно было выполнить ей по отношенію вообще къ южнымъ славянамъ и къ Черногоріи въ особенности.

Есть одинъ фактъ въ дѣятельности владыки Василія, бросающій на него нѣкоторую тѣнь. Это проектъ его о переселеніи всѣхъ черногорцевъ въ Россію, поданный имъ въ Петербургѣ сенату въ 1754 г., о которомъ говоритъ Соловьевъ въ «Исторіи Россіи» (т. 23, стр. 252—253) и вслѣдствіе котораго образована была въ Петербургѣ, такъ называемая, «Черногорская Коммиссія». Объ этомъ говорится также въ книгѣ «Извѣстіе о похожденіи Симеона Степановича Штепчевича съ 1731—1735 г.» (собственно съ 1753—1767; а писано въ 1785 г.).

Изъ этого видно, что владыка взялся за это дѣло и принялъ къ себѣ въ помощники нѣкоего Шаровича, котораго и выдалъ за своего племянника, назвавъ его Петровичемъ. Но потомъ, открывши его злоупотребленія, обнаружилъ это передъ русскимъ правительствомъ, и тогда надъ Шаровичемъ наряжено было слѣдствіе, а владыкѣ велѣли удалиться изъ Россіи, выдавши однако ему 1,000 рублей (Солов. т. 24, стр. 234—235).

Пишчевичъ подробно описываетъ злоупотребленія въ этомъ дѣлѣ майора, носившаго имя Хорвата, и страданія обманутыхъ сербовъ-переселенцевъ.

То же самое находимъ и у С. Милютиновича, который разсказываетъ это дѣло иначе. По его словамъ, однажды канцлеръ Мих. Илар. Воронцовъ выразилъ владыкѣ желаніе императрицы

составить цѣлый полкъ изъ черногорцевъ. Владыка отвѣтилъ на это, что однихъ черногорцевъ недостаточно для того по ихъ малочисленности и по потребности дома; а что для этого нужно будетъ привлечь сербовъ, живущихъ въ Австріи; и взялся за это дѣло. Послѣ этого онъ встрѣтился съ нѣкіимъ Стефаномъ Шаровичемъ изъ Подгорицы (та же фамилія и теперь существуетъ въ Цермницѣ), майоромъ русской службы, принялъ его себѣ въ помощники и назвалъ Петровичемъ и вмѣстѣ съ нимъ сталъ вербовать людей для полка, а не для переселенія всѣхъ черногорцевъ въ Россію. И трудно допустить, чтобъ у него могъ явиться подобный планъ. Изъ черногорскаго полка также не вышло ничего; тѣхъ, которые прибыли уже въ Петербургъ, постарались спровадить обратно, не видя въ нихъ надобности, но не дали имъ ни паспортовъ, ни денегъ; и они отправились пѣшкомъ, дошли до Любляны и тамъ застали владыку, который и препроводилъ ихъ на родину.

Есть во всей дѣятельности этого владыки что-то слишкомъ нервное и порывистое, обнаруживающее крайне неспокойное состояніе его духа.

Мы видимъ, что одно его присутствіе водворяетъ спокойствіе внутри Черногоріи, падаетъ интрига, веденная извнѣ, и крамола, поднятая ею внутри страны; при немъ не могутъ не уважать Черногорію и ея внѣшніе враги — Венеція и Турція; онъ умѣетъ справиться съ ними при всемъ разстроенномъ состояніи Черногоріи. По уму и характеру это замѣчательный правитель; но онъ не останавливается на ближайшей своей задачѣ, состоявшей въ томъ, чтобъ заведя извѣстный порядокъ, укрѣпить его своимъ личнымъ участіемъ, дать ему устояться подъ своимъ личнымъ неустаннымъ наблюденіемъ и руководствомъ. Не давая такимъ образомъ этому порядку окрѣпнуть и устояться, онъ бросаетъ его на произволъ судьбы, гоняясь за какими-то отдаленными, высшими цѣлями, по времени еще недостижимыми и вполнѣ имъ самимъ не сознаваемыми. Ему, знавшему, какимъ интригамъ внутреннимъ и внѣш-

нимъ открыта была Черногорія, непростительны были безпрестанныя отлучки изъ дому и разъѣзды по цѣлому свѣту. Въ 16 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ считался правителемъ Черногоріи, едва ли онъ пробылъ на своемъ посту половину этого времени. Поэтому, для внутренняго устройства Черногоріи, онъ, можно сказать, не сдѣлалъ ничего, и оставилъ ее въ самомъ жалкомъ состояніи, на которомъ и основанъ былъ успѣхъ тотчасъ же по смерти его явившагося самозванца.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕРНОГОРЦЕВЪ ПО ЗАПИСКѢ КН. ДОЛГОРУКАГО (1769 г.).

Кн. Ю. В. Долгорукій, прибывшій въ Черногорію черезъ три года по смерти владыки Василія, засталъ ее въ самомъ ужасномъ видѣ: междоусобія, разбои, безпрестанныя судьбища, пограничныя схватки, за которыя приводится расплачиваться своими же головами и отводомъ въ рабство; грабятъ свою братью христіанъ и въ видѣ трофеевъ вмѣсто турецкихъ головъ приносятъ христіанскія; продаютъ женъ; кругомъ во всѣхъ ложь и обманъ, начиная съ главарей; полное безправіе; какой-то Вукотичъ отличается самымъ нахальнымъ хищничествомъ; Иванъ Петровичъ отъ живой жены женится на другой; самого его, т. е. кн. Долгорукаго, обманываютъ и обкрадываютъ; принимаютъ отъ него деньги, а потомъ отказываются принять боевую муницію, потому что не хотятъ воевать, да и негодны они для войны: только умѣютъ хвастаться и преувеличивать свои подвиги; шпіонируютъ и венеціанцамъ, и туркамъ, такъ что положеніе русскаго между ними положительно опасно; особенно отличаются разбойничествами катунцы и рисанцы; и надо всѣмъ этимъ предводителемъ является митрополитъ Савва. Онъ изобличаетъ самозванца и народъ видитъ это; а все-таки потомъ идетъ за нимъ и приписываетъ ему чудотворную силу.

Простоявши три мѣсяца на Цетиньѣ и не видя возможности сдѣлать хоть что-нибудь, кн. Долгорукій плюнулъ на все и скрытнымъ образомъ сошелъ внизъ къ морю, гдѣ уже ждало его су-

дно, и удалился, ругая страну и народъ, и эту ругань теперь читаемъ мы, отдаленные отъ того времени слишкомъ на сто лѣтъ.

Въ общемъ картина эта вѣрна; вѣрны и многія частности; но ошибка автора въ томъ и состоитъ, что всѣ частности онъ возводитъ въ общее явленіе. Принявъ набросанную имъ мрачную картину за относительно вѣрное изображеніе тогдашняго состоянія Черногоріи, мы обязаны сдѣлать нѣкоторыя поправки, безъ которыхъ при полномъ довѣріи къ ней и многое ошибочное можетъ быть возведено въ истину.

Чтобы вполнѣ вѣрно передать какой бы то ни было фактъ, нужно, прежде всего, хорошо его самому понять; а это и было невозможно для автора, сразу попавшаго въ такое положеніе и въ такую среду, въ какомъ онъ никогда не бывалъ, да подобія которому и нѣтъ въ Европѣ. Потому, сообщая фактъ, самъ по себѣ вѣрный, но давая ему ложное толкованіе, онъ сообщаетъ не истину, а ложь.

Такъ въ Озриничахъ, а можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ Катунской нахіи, въ голодные годы иные отдавали своихъ женщинъ — женъ, дочерей или снохъ — никшицкимъ туркамъ за хлѣбъ, чтобы избавить отъ голодной смерти остальную семью. Сами женщины вызывались иногда на такое самопожертвованіе, разсчитывая какъ-нибудь убѣжать, и убѣгали. Но это далеко не торговля женщинами, какъ то представляетъ авторъ записки. Иногда за хлѣбъ же или за деньги отводили въ заложники и мужчинъ.

Двоеженство Ивана Петровича могло быть дѣйствительно слѣдствіемъ крайней распущенности нрава и самоволія; но подобные случаи иногда допускались черногорскимъ обычаемъ, если первая жена была безплодна. Одинъ изъ Петровичей въ позднѣйшее время женился точно такъ же на другой по добровольному соглашенію на то со стороны первой жены, которая сохранила по прежнему всѣ добрыя отношенія, какъ со стороны мужа, такъ и со стороны его родни и постороннихъ, какъ къ настоящей, законной женѣ. Иногда это случалось, когда не было дѣтей мужескаго пола, а только дѣвочки. Все это факты, не оправдывае-

мые ни по праву, ни по чувству человѣчности; но они не судятся такъ строго, если происходятъ изъ народныхъ нравовъ, а не изъ личнаго произвола и нравственной распущенности.

Отнимать же у черногорцевъ даже ихъ добрыя военныя качества и говорить, что они никогда не одерживали побѣдъ, а только хвастались и т. п., значитъ совершенно отвернуться отъ истины, увлекшись личною непріязнью.

За 10 лѣтъ передъ тѣмъ (1756 г.) побѣдѣ, одержанной черногорцами надъ значительнымъ турецкимъ войскомъ, предшествовалъ 15-дневный непрерывный бой, въ которомъ черногорцы отступили только вслѣдствіе недостатка пороху и свинцу, которыхъ нельзя было купить, потому что строго было запрещено продавать венеціанцами. Нашелся, однако, благодѣтель которянинъ, доставившій имъ тайно нѣсколько тысячъ зарядовъ, и этимъ они побѣдили несравненно многочисленнѣйшее турецкое войско. Какова была эта побѣда, можно судить по приведенному выше отзыву объ ней венеціанскаго чиновника. За 10 лѣтъ, протекшихъ съ того времени, не могли такъ измѣниться народныя качества.

Въ жизни черногорскаго народа бывали моменты, когда въ немъ засыпалъ духъ воинственности и никакъ невозможно было подвинуть его на войну. И для пробужденія и поднятія народнаго духа, нужны соотвѣтствующія тому обстоятельства и нуженъ человѣкъ, который умѣлъ бы овладѣть имъ.

Кн. Долгорукій прибылъ въ Черногорію въ самый неблагопріятный моментъ. И на всѣ его убѣжденія открыть военныя дѣйствія противъ турокъ, ему отвѣтили отказомъ. Тутъ, впрочемъ, дѣло не обошлось безъ наущеній со стороны владыки и нѣкоторыхъ главарей, которымъ благоразуміе внушало воздержать народъ отъ такого рискованнаго шага, когда противъ Черногоріи сразу могутъ оказаться два непріятеля — Турція и Венеція. Она и безъ того находится въ самомъ разстроенномъ состояніи, а отъ нея требуютъ, чтобъ она шла воевать.

Какая громадная разница во всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ прибытіе въ Черногорію Милорадовича и кн.

Долгорукаго? Первый является вскорѣ послѣ того момента, когда Черногорія торжествовала побѣду надъ своимъ внутреннимъ врагомъ и во главѣ ея стоялъ человѣкъ, замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ, пользовавшійся притомъ безграничною преданностію и довѣріемъ своего народа.

А что представляла изъ себя Черногорія въ пріѣздъ Долгорукаго?

Полнѣйшее безначаліе. На управленіи ни къ чему неспособный владыка; является русскій царь, судитъ, грабитъ и сажаетъ подъ арестъ этого владыку; какъ съ неба сваливается, является какой-то патріархъ и ставитъ новаго владыку; народъ, что называется, мятется, не понимая ничего, что дѣлается съ нимъ и вокругъ. Въ дополненіе ко всему прибываетъ русскій генералъ со свитою, громадными деньгами и военными припасами, собираетъ народъ, велитъ читать грамоту русской царицы на русскомъ языкѣ, которой народъ не понимаетъ; раздаетъ главарямъ деньги, а народу суетъ въ руки военную муницію и требуетъ, чтобы всѣ шли воевать; за что, для чего?... и тутъ же доказываетъ, что ихъ царь не царь.

Милорадовичъ говорилъ на родномъ черногорцу языкѣ, какъ родной братъ, въ его духѣ и отъ имени царя, который успѣлъ побѣдить своего противника — шведскаго короля, величайшаго полководца того времени, отнять у нѣмцевъ столько земель и создать новую столицу. Въ горячемъ словѣ Милорадовича Петръ являлся въ глазахъ черногорцевъ какимъ-то полубогомъ. Ничего подобнаго не было въ положеніи Долгорукаго, тѣмъ болѣе, что съ появленіемъ хоть и ложнаго Петра въ народѣ огласилась уже злополучная исторія настоящаго и, конечно, съ массою прибавленій. Прибытіе и самыя дѣйствія Долгорукаго еще больше сбили народъ съ толку, а въ концѣ концовъ Долгорукій поставилъ въ крайнее недоумѣніе даже людей благоразумныхъ и до того еще не растерявшихся, когда послѣ всѣхъ изобличеній уполномочилъ самозванца на дальнѣйшее управленіе Черногоріей.

Мы остановились на запискѣ кн. Долгорукаго потому, что она лучше всякаго другого источника представляетъ намъ общее состояніе Черногоріи въ ту смутную пору; но, читая ее, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ не впасть въ крайность, нужно имѣть въ виду то исключительное положеніе автора, вслѣдствіе котораго многое у него является преувеличеннымъ и искаженнымъ ложнымъ освѣщеніемъ фактовъ. Читая же это сочиненіе съ критикой, вы найдете въ немъ много драгоцѣннаго матеріала, касающагося бытовой стороны Черногоріи.

КРИТИКА ИСТОЧНИКОВЪ ДЛЯ ИСТОРІИ ЭПОХИ САМОЗВАНЦА.

Съ не меньшею осторожностію нужно относиться и къ другому, болѣе обильному и болѣе, такъ сказать, документальному источнику, — къ оффиціальнымъ донесеніямъ венеціанскихъ чиновниковъ, на основаніи которыхъ г. Макушевъ составилъ свою статью о Самозванцѣ.

Составляя свои донесенія, чиновники эти имѣютъ въ виду, что это оффиціальные документы, которые должны служить основаніемъ извѣстнаго рода правовыхъ отношеній или претензій, и потому каждая, могущая имѣть какое-нибудь значеніе, фраза составляется такъ, чтобы могла быть протолкована непремѣнно въ пользу республики. Собственно говоря, составителямъ такихъ донесеній нечего выдумывать, потому что у нихъ уже готовы фразы, выработанъ спеціально для этого дѣловой оффиціальный языкъ. Мы уже имѣли случай видѣть образчикъ этого языка въ дипломѣ Венеціи, данномъ влад. Даніилу. У нихъ доведено было до совершенства исскуство уловлять на словѣ. И въ этомъ случаѣ они всѣ дѣйствуютъ одинаково и проводятъ выгодныя для республики тенденціи чрезвычайно послѣдовательно. Такъ оно, конечно, и должно быть. Такъ напр., не признавая Черногорію свободною и будучи не въ состояніи назвать ее подданною или вассальною Венеціи, они съ чрезвычайною настойчивостію проводятъ по всѣмъ своимъ документамъ признаніе ея турецкою провинціей. Такъ, оттягавши у Черногоріи Поборы, Браичи, Маины и Жупу, они дѣлаютъ видъ,

что эти общины уступила имъ Турція. Поэтому одинъ проведиторъ пишетъ о влад. Даніилѣ: «Нерасположеніе его къ Венеціи обнаружилось особенно *при уступкѣ намъ* Турціей четырехъ общинъ» и т. д.; между тѣмъ какъ эти общины никогда не знали надъ собою никакой турецкой власти и никогда тамъ не была нога турецкаго чиновника. Черногорію также послѣдовательно вездѣ называютъ турецкою провинціей, и потому корятъ влад. Василія тѣмъ, что онъ пренебрегъ *обязанностями вѣрноподданничества султану*. Влад. Даніилъ никакъ не уступаетъ своей церковной юрисдикціи въ Приморьѣ, которая подтверждена была самими же венеціанцами, — это они называютъ возмущеніемъ. Православное населеніе этого края не хочетъ признать надъ собою юрисдикціи католическихъ прелатовъ, — въ томъ виноватъ владыка Даніилъ и за то его называютъ pretore del Scandalo. Онъ помогалъ Венеціи противъ турокъ, ходилъ напр. подъ Ульцинъ и погромилъ его, въ то время какъ венеціанцы, шедшіе съ моря, за вѣтромъ не могли подойти и оставили владыку одного; и все-таки венеціанскій чиновникъ обвиняетъ въ лукавствѣ черногорцевъ, такъ какъ будто бы они только показываютъ видъ, что служатъ Венеціи, но на самомъ дѣлѣ «ни мало не вредятъ туркамъ» (да кто же больше всего *вредилъ* туркамъ, какъ не черногорцы?), или что они обманываютъ обѣ стороны и извлекаютъ изъ того свои выгоды. Если владыка требуетъ отъ Венеціи денегъ за услуги черногорцевъ, онъ, по ихъ мнѣнію, уже человѣкъ корыстолюбивый, продажный, руководится личною выгодой и т. д. Часто вы встрѣтите у нихъ фразы, что владыка управляетъ съ *неограниченною властью* (autorita illimitato), иногда деспотически. Развѣ же это похоже на истину?

А между тѣмъ иной писатель, цитируя эти донесенія, выставляетъ ихъ, какъ безапелляціонные документы и ими старается побить другія историческія свидѣтельства.

Поэтому, признавая важность этихъ оффиціальныхъ донесеній, мы относимся къ нимъ съ строгою критикой и принимаемъ съ вѣрою только то, что̀ историческая критика очиститъ отъ оффиціальной лжи. Можно до нѣкоторой степени знать впередъ, гдѣ оффиціаль-

ный репортеръ солжетъ и гдѣ нѣтъ; поэтому одному и тому же документу въ одномъ случаѣ мы вѣримъ, въ другомъ сомнѣваемся. Остановились мы на томъ по поводу статьи г. Макушева, которая составляетъ до сихъ поръ самое важное сочиненіе о Степанѣ Маломъ и основана именно на документахъ, извлеченныхъ имъ изъ венеціанскаго архива, что̀ придаетъ ей особенное значеніе; но мы нигдѣ не видимъ со стороны автора критическаго отношенія къ этому матеріалу.

Онъ дѣлаетъ какъ бы сводъ матеріала, не заботясь о томъ, чтобы привести его къ одному знаменателю, чтобы изъ него вытекалъ одинъ выводъ, а не нѣсколько, и чтобы выводъ этотъ получался именно изъ сопоставленія и совокупности фактовъ, а не по волѣ автора.

Возьмемъ примѣръ: «Самозванецъ въ разговорахъ съ венеціанскими чиновниками часто касался Австріи и Россіи, *обнаруживая знакомство съ этими странами* (а знали сами венеціанскіе чиновники Россію, чтобы судить его познанія?). Носился слухъ, что онъ долгое время пробылъ въ Россіи. Всѣ послѣдующія обстоятельства, какъ увидимъ, подтверждаютъ этотъ слухъ. Соображая всѣ вышеприведенныя показанія, мы можемъ съ основательностію признать, что самозванецъ прибылъ въ венеціанскую Албанію изъ Россіи черезъ Австрію, Герцеговину и Дубровникъ» (Р. В. кн. 7 стр. 14). А между тѣмъ существуютъ ясныя указанія, что онъ былъ въ Германіи, Австріи, Босніи и Герцеговинѣ, а о Россіи нигдѣ ни слова и послѣдующихъ обстоятельствъ, подтверждающихъ какіе-то слухи, также нѣтъ.

Вотъ его окончательное заключеніе о самозванцѣ со всѣми мотивами: «По единогласному показанію всѣхъ современниковъ, объяснявшихся съ самозванцемъ на единственномъ языкѣ, который онъ зналъ, сербскомъ, онъ говорилъ на сербскомъ нарѣчіи. Всѣ его привычки, весь образъ его жизни переносятъ насъ въ Турцію. Его рѣчь, письменная и устная, обличаетъ въ немъ монаха(?)... Онъ былъ хорошій ѣздокъ и умѣлъ владѣть оружіемъ (а гдѣ онъ это показалъ?); — а таковы именно православные мо-

нахи въ Турціи: монахи-капитаны, монахи-воеводы (это единственно въ Черногоріи!). Припомнимъ «герцеговинскаго коменданта» архим. Никифора Дучича... Издавна ходили и доселѣ ходятъ въ Россію за собираніемъ милостыни православные монахи изъ турецкихъ областей. При какомъ-нибудь почтенномъ старцѣ-іеромонахѣ или, пожалуй, даже архимандритѣ изъ Босны прибылъ въ Россію около 1760 г. молодой, умный послушникъ, наглядѣлся у насъ и наслушался всякой всячины и вернулся на родину разыграть роль Отрепьева».... (кн. 9, стр. 33—34).

Цѣлый рядъ догадокъ, и хоть бы одинъ фактъ!....

Или, ставится какой-нибудь вопросъ, а отвѣта на него нѣтъ. Такъ, влад. Савва «для убѣжденія, что самозванецъ не знаетъ ни русскаго, ни другихъ иностранныхъ языковъ, поручилъ Костѣ Живковичу написать къ нему письма по-русски, по-итальянски, по-гречески, по-французски» (кн. 8, стр. 597), и больше ничего. Были ли въ дѣйствительности написаны эти письма и что̀ изъ того вышло, авторъ не говоритъ.

Намъ нѣтъ надобности входить въ подробный разборъ статьи г. Макушева, но, пользуясь ею и рекомендуя другимъ, заявляемъ впередъ, что нельзя на нее полагаться вполнѣ, какъ по характеру взятыхъ авторомъ источниковъ, такъ и по отношенію его самого къ матеріалу, которымъ онъ располагалъ.

Приведемъ еще примѣръ тому, какъ свидѣтели и очевидцы, показывая объ одномъ и томъ же предметѣ, могутъ другъ другу противорѣчить. Возьмемъ самую простую вещь, въ которой не можетъ участвовать тенденція, а также не требуется и особенной тонкости наблюденія, — наружный видъ самозванца.

Показываютъ — Бубичъ: «Я внимательно разсмотрѣлъ его лицо, сравнивая съ портретомъ русскаго императора Петра III, и нашелъ его весьма схожимъ. Лицо продолговатое, маленькій ротъ, толстый нѣмецкій подбородокъ, носъ, какъ на портретѣ. На *лѣвой щекѣ два рубца*, какъ на портретѣ. Цвѣтъ тѣла *бѣлый, приближается къ оливковому*. Ростъ обыкновенный, пальцы длинные и хорошо сложенные. Длинные по-турецки *волосы каштановаго*

цвѣта. Усы черные. Онъ полонъ ума и твердаго характера» (кн. 7, стр. 23). Трифонъ Стефановичъ (провелъ съ нимъ часовъ 6): «Средняго роста, худощавъ; *цвѣтъ тѣла бѣлый*; бороды не носитъ, а только маленькіе *бѣлорусые усики*; длинные волосы покрываютъ шею и падаютъ на спину» (кн. 8, стр. 586).

Доменикъ Палеологъ: «около 30 лѣтъ; роста почти обыкновеннаго, невысокаго; худощавъ; лицо небольшое; усы цѣльные; *волосы свѣтлорусые*, глаза черные, небольшіе: *тѣло не бѣло*; на *лицѣ слѣды оспы*» (кн. 7).

Еслибъ мы привели всѣ другія извѣстія о наружномъ видѣ самозванца, также авторитетныя, то положительно стали бы втупикъ надъ рѣшеніемъ вопроса: какая же была его физіономія?

Всѣ эти люди не лгали и не имѣли никакого повода и побужденія лгать, и описывали то, что̀ видѣли собственными глазами. Но одному кинулись въ глаза на портретѣ Петра III на лѣвой щекѣ два рубца, онъ усмотрѣлъ ихъ и на лицѣ самозванца; другой, услышавши, что у Петра лицо было испорчено оспой, то же самое нашелъ и у самозванца; у одного лицо бѣлое, у другого бѣлое близко къ оливковому, у третьяго не бѣлое; усы отъ бѣлорусыхъ переходятъ въ совершенно черные.

Что̀-жъ это значитъ? А это значитъ, что если субъективность наблюдателя такъ сильно участвуетъ въ дѣлѣ такомъ простомъ, какъ наблюденіе внѣшнихъ формъ и цвѣта, то что̀ же должно быть въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется передать несравненно труднѣе уловимыя черты психическія или цѣлую сцену, разговоръ или рядъ мыслей, дать оцѣнку характеру, дѣйствіямъ и событіямъ съ надлежащею окраскою и оцѣнкой! Если въ первомъ случаѣ, при описаніи внѣшнихъ формъ является такое сильное участіе субъективности, предвзятой мысли или тенденціи, то какой широкій просторъ для него во второмъ случаѣ.

Въ астрономическихъ наблюденіяхъ всегда принимается въ соображеніе способность глаза наблюдателя; на томъ же основаніи и въ исторіи всегда обращается вниманіе на то, кто — лицо, сообщающее то или другое свѣдѣніе, какое оно занимало поло-

женіе и какой его личный характеръ и т. д., разумѣется, все это въ предѣлахъ возможности. Дальтонизмъ, какъ физіологическій недостатокъ человѣка, въ нравственномъ и политическомъ человѣкѣ, можно сказать, составляетъ непремѣнное свойство каждаго, т. е. человѣкъ видитъ не то, что̀ есть, а то, что̀ ему кажется, иногда же просто, какъ ему хочется, какъ ему выгодно и т. д. Вотъ почему при оцѣнкѣ венеціанскихъ источниковъ мы прежде всего должны имѣть въ виду, что̀ сообщаютъ обо всемъ венеціанцы или венеціанскіе подданные, и притомъ чиновники, лично во всемъ заинтересованные, а въ отношеніи Черногоріи имѣющіе прямую тенденцію подобрать сколько возможно больше все, говорящее не въ ея пользу, не стѣсняясь иногда просто ложью. И поэтому, дѣлая при посредствѣ ихъ исправленія въ готовыхъ уже историческихъ фактахъ, нужно прежде всего приложить тщательную поправку къ нимъ самимъ. Вотъ этого-то и не дѣлаетъ г. Макушевъ и потому совершенно отдается имъ и ихъ тенденціи.

СТЕПАНЪ МАЛЫЙ И ВЕНЕЦІЯ.

Послѣ этой необходимой оговорки, приступая къ статьѣ г. Макушева, мы находимъ, что она, не рѣшая безапелляціонно ни одного вопроса въ исторіи Степана Малаго, дорисовываетъ намъ какъ личность и характеръ его, такъ и всю его обстановку, при которой совершилась его дѣятельность. Прекрасно изображено сначала общее недоумѣніе относительно самозванца, а затѣмъ такое же общее стремленіе воспользоваться имъ для своихъ цѣлей. Смутилась и мудрая Венеція, сначала недоумѣвавшая, какъ и всѣ, а потомъ озабоченная пріисканіемъ выхода изъ глупаго положенія, въ которое сама себя поставила вслѣдствіе того, что сразу не поняла, въ чемъ дѣло, и которая наконецъ прибѣгаетъ къ отравленію — средству, по замыслу и духу, самому простому и низкому, но по техникѣ выполненія — геніальному, показывающему, что эта часть у нихъ такъ же выработывалась годами и достигла такого же совершенства, какъ и ихъ интригантская политика и оффиціальная, чиновничья литература, гдѣ все нужно чи-

тать между строкъ, а иногда понимать совершенно обратно, чтобы дойти до истиннаго смысла.

Нельзя не поблагодарить г. Макушева за то, что онъ, въ числѣ многихъ весьма интересныхъ документовъ, представилъ цѣликомъ и документъ относительно предпринимавшагося отравленія самозванца. Оно играетъ такую важную роль во всѣхъ сношеніяхъ Венеціи и составляетъ непремѣнный атрибутъ ихъ политики, какъ пучокъ розогъ у римскаго ликтора; поэтому мы считаемъ вполнѣ цѣлесообразнымъ помѣстить этотъ документъ также цѣликомъ и въ нашемъ очеркѣ, потому что онъ бросаетъ свѣтъ на многіе факты въ исторіи Зетскаго государства и Черногоріи.

Генеральный проведиторъ Далмаціи получилъ слѣдующую секретную инструкцію отъ государственныхъ инквизиторовъ: «По весьма важнымъ государственнымъ причинамъ крайне необходимо прекратить жизнь неизвѣстнаго иностранца, виновника происшедшихъ въ Черногоріи волненій, могущихъ причинить еще бо̀льшія безпокойства и насилія; а потому судъ нашъ находитъ удобнымъ и нужнымъ, посылая въ семъ пакетѣ все потребное, поручить вашему превосходительству привести въ исполненіе это дѣло способами самыми осторожными, менѣе замѣтными и наиболѣе тайными и вѣрными. На этотъ конецъ вы употребите лицо наиболѣе ловкое, способное и вѣрное, хотя бы и преслѣдуемое закономъ: ему вы объявите прощеніе его преступленій и, кромѣ того, по совершеніи дѣла вручите ему въ награду 200 цекиновъ....» (Какой языкъ, сколько ума и тонкой предусмотрительности!).

Въ пакетѣ заключалось слѣдующее:

Бутылочка № 1. Четвертая ея часть дѣйствуетъ въ нѣсколько дней.

Б. № 2. Соль для соленія всякаго кушанья въ количествѣ достаточномъ для вкуса.

Б. № 3. Корица для употребленія тамъ, гдѣ нравится.

Б. № 4. Шоколадъ: четвертая его часть, положенная въ чашку настоящаго, дѣйствуетъ чрезъ нѣсколько дней.

Б. № 5. 40 капель, смѣшанныхъ съ розоліо, производятъ свое дѣйствіе.

Къ этому г. Макушевъ добавляетъ: «Не въ первый разъ Венеція прибѣгала къ подобнымъ низкимъ средствамъ, чтобъ избавиться отъ опаснаго ей лица: въ бумагахъ государственныхъ инквизиторовъ и «Совѣта Десяти» находится не мало свидѣтельствъ, какъ часто прибѣгала она къ подобнымъ мѣрамъ въ отношеніи не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ армій». (Р. В. 8, стр. 391 — 392).

Есть ли послѣ этого основаніе отвергать фактъ отравленія венеціанцами 73 монаховъ на Превлакѣ, владыки Висаріона и др.?

Покушеніе Венеціи на жизнь самозванца не удалось, все равно какъ и туркамъ удалось оно только во второй разъ (если не было ихъ прежде больше) и самозванецъ успѣлъ еще помутить свѣтъ.

По отношенію къ Венеціи онъ старается дѣйствовать тактично: откровенно признается, что онъ не то, чѣмъ выдаетъ себя народу, но что прибѣгаетъ къ этому, какъ къ средству умирить народъ, импонируя ему именемъ русскаго царя. Боснійскому визирю также пишетъ весьма дружественное письмо и также предлагаетъ ему союзъ и помощь. Но рядомъ съ этимъ подчасъ мистифицируетъ и корчитъ изъ себя какого-то чудака, смахивающаго нѣсколько на нашихъ притворно-юродивыхъ, при чемъ въ безсмысленной болтовнѣ одна какая-нибудь не глупая фраза возводится въ великую мудрость, и въ ней подозрѣваютъ многое таинственное, недосказанное. А ему, бѣдняку, при полной неподготовленности къ роли ничего не остается, какъ напускать туману мистической безсмыслицей, потому что онъ рѣшительно не знаетъ, какъ отвѣчать на массу предлагаемыхъ вопросовъ; а подчасъ въ немъ проглядываетъ будто раскаяніе и желаніе вернуться, да ужъ нѣтъ возможности, и идетъ онъ впередъ, куда вынесетъ!

Въ разсказахъ его о своемъ прошломъ видна крайняя неумѣлость и небывалость. Больше всего ему слѣдовало бы говорить о Россіи; а тутъ-то у него и нѣтъ ничего. Видно, что

кромѣ полудикихъ странъ Босніи, Герцеговины, да полуцивилизованной Далмаціи онъ нигдѣ не бывалъ; а если и бывалъ въ Австріи, то просто въ качествѣ какого-нибудь бѣдняка или искателя заработка, и ни роли никакой не разыгрывалъ, ни продѣлокъ никакихъ не совершалъ. Да и не скрылись бы эти продѣлки, потому что въ то время заинтересовалась имъ вся Европа. Въ этомъ отношеніи куда какъ выше стоитъ послѣдователь его, Стефанъ Зановичъ, да и многіе другіе авантюристы.

АВАНТЮРИСТЫ ВЪ ЧЕРНОГОРІИ.

Какъ бы то ни было, а Степану Малому посчастливилось: онъ занялъ мѣсто въ исторіи, обративъ на себя вниманіе всей Европы, а нѣкоторыя державы были имъ сильно заинтересованы и встревожены, и наконецъ по поводу его возникла цѣлая ученая литература, а владыка черногорскій Петръ II изъ его жизни создалъ трагедію, исполненную, какъ и всѣ его произведенія, большихъ достоинствъ. Кромѣ общеизвѣстныхъ сочиненій укажемъ еще одно, мало кому извѣстное вслѣдствіе того, что оно составляетъ библіографическую рѣдкость, — сочиненіе: Le fameux Pierre III, empereur de Russie ou Stiepan Mali, qui parû dans le duché de Monténégro etc. 1784 par Stefano Zanovich. Авторъ этого сочиненія и самъ былъ вторымъ послѣ Степана Малаго самозваннымъ царемъ Петромъ III; но, съ перваго шага отвергнутый черногорцами, онъ пошелъ совершенно по другой дорогѣ: отправился скитаться по бѣлому свѣту, гдѣ продѣлалъ массу мошенничествъ, за которыя сажали его въ тюрьму и выпускали; и продолжалъ онъ свои похожденія до тѣхъ поръ, пока не былъ окончательно засаженъ въ Амстердамѣ, гдѣ и покончилъ съ собою, перерѣзавши себѣ жилы [1]). Скажемъ нѣсколько словъ объ

[1]) Обманщикъ этотъ, всю свою жизнь обманывавшій людей своими плутовствами, даже по смерти морочилъ людей своими сочиненіями, въ числѣ которыхъ, безъ сомнѣнія, съ величайшимъ интересомъ читалась его исторія Степана Малаго, гдѣ, кромѣ общеизвѣстныхъ фактовъ, этотъ псевдо-очевидецъ и генералъ его все вретъ, не пропуская, конечно, случая выставить и

этой, тоже замѣчательной, личности. Сынъ паштровицкаго башмачника, онъ окончилъ курсъ въ какомъ-то учебномъ заведеніи въ Падуѣ, послѣ чего и явился въ Черногорію въ качествѣ Петра III, а потомъ выдавалъ себя за потомка Скендербега, иногда же перемѣнялъ имя, но всегда бралъ изъ потомства какого-нибудь знаменитаго человѣка. Былъ онъ въ Польшѣ, въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вратиславѣ; водилъ знакомство съ людьми литературы и науки; состоялъ въ перепискѣ со многими литературными знаменитостями: съ Руссо, Вольтеромъ и съ членами царствующихъ домовъ. Въ 1778 г. онъ былъ посаженъ въ тюрьму въ Вѣнѣ, но по милости Іосифа II выпущенъ съ совѣтомъ удалиться изъ Австріи и Германіи. Тогда онъ надѣваетъ священническую сутану, отправляется въ Римъ, и тамъ за него чуть не вышла замужъ графиня Елизавета Кингстонъ. Послѣ всего онъ въ Аугсбургѣ, на счетъ какой-то голландской фирмы, получилъ 80,000 гульденовъ, и голландцамъ предложилъ 20,000 черногорцевъ для войны съ Іосифомъ II, но тутъ былъ схваченъ и покончилъ съ собою въ 1786 г., имѣя 35 лѣтъ отроду. Кромѣ упомянутой выше исторіи Степана Малаго, онъ написалъ еще нѣсколько сочиненій на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Приводимъ біографію этого авантюриста для того, чтобы читатель зналъ, кто былъ авторъ сочиненія о Степанѣ Маломъ и какъ поэтому нужно къ нему отнестись. Но въ то же время считаемъ совершенно умѣстнымъ сопоставить двухъ авантюристовъ, изъ которыхъ одинъ является оригиналомъ и ему удается мистификація, какъ она ни была груба и очевидна; а другой — подражателемъ или просто какимъ-то шутникомъ въ этомъ дѣлѣ, потому что на неудачу могъ разсчитывать впередъ. Это была съ его стороны не только шутка, но и какая-то насмѣшка надъ людьми. И въ самомъ дѣлѣ: развѣ Степанъ Малый не былъ улп-

---

самого себя героемъ. Обманулъ онъ и г. Мордовцева, который, на основаніи его книги, написалъ прекрасную монографію о Степанѣ Маломъ, съ полнымъ довѣріемъ къ нему, какъ къ очевидцу, усвоилъ всѣ его лжи и даже сдѣлалъ упрекъ въ несправедливомъ отношеніи къ Степану записки Всеволожскаго.

ченъ въ самозванствѣ? а между тѣмъ его оставили въ покоѣ, потому что однимъ онъ нравился и былъ на руку, а другимъ было все равно. «Отчего-жъ не попробовать и мнѣ?» — подумалъ Зановичъ, зная, что въ людяхъ сидитъ много простоты или пошлости, вслѣдствіе чего могутъ удаваться вещи, по здравому разсудку самыя невозможныя. А когда не удалось здѣсь, то онъ пошелъ въ другое мѣсто, гдѣ уже имѣлъ удачу и провелъ эти 12 лѣтъ не хуже, чѣмъ Степанъ Малый свои 7 лѣтъ въ Черногоріи; даже еще веселѣе въ томъ отношеніи, что морочилъ не простыхъ черногорцевъ, а всѣхъ образованныхъ и даже ученыхъ людей; сочиненія же его и теперь, можетъ быть, морочатъ своихъ случайныхъ читателей.

Но еще гораздо раньше этого Черногорія удостоена была посѣщеніемъ одного проходимца изъ Россіи, который эксплоатировалъ ея бѣдную казну русскимъ именемъ. Объ этомъ дознано по слѣдующему обстоятельству. Въ ноябрѣ 1721 г. прибылъ въ Петербургъ отъ Даніила архим. Леонтій и въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ объяснилъ, что въ 1712 г. былъ на Черной-Горѣ у нихъ кап. Пав. Аркулей, который, назвавъ себя царскимъ посломъ, взялъ въ монастырѣ 1,000 золотыхъ и оставилъ въ закладъ скрынку «будто съ діамантами», «которыхъ денегъ аще толико и не біяше въ монастыри нашемъ, обаче церковніи утвари въ закладъ дати принуждени мы сотворихомъ по требованію, ради воинскаго интересу его в — ва». Петръ велѣлъ эту сумму выдать ради того, что тогда «монтегрійскій» народъ, принявъ царскую грамоту, вступилъ въ войну и показалъ царю свою службу и вѣрность, вслѣдствіе которой и тѣ 1,000 червонцевъ даны взаемъ Аркулею; и сдѣлано это, «дабы тотъ народъ и впредь для такихъ случаевъ содержать въ такой же ревности и вѣрности» (Кочуб., стр. 167). Жаль, что мы не имѣемъ никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ проходимцѣ, чтобы пополнить коллекцію біографій этихъ замѣчательныхъ личностей. Впослѣдствіи и сама Черногорія стала производить такихъ же авантюристовъ; и какъ знать, не повліяли ли на то предтечи въ родѣ Степана Малаго?

ОЦѢНКА ХАРАКТЕРА И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СТЕПАНА МАЛАГО.

Остановившись на эпохѣ этого самозванца въ Черногоріи, мы не имѣемъ надобности излагать всѣ событія, сопровождавшія его появленіе и правленіе, потому что объ этомъ писано уже много и мы прибавить ничего не можемъ, но постараемся резюмировать только черты, которыми опредѣляются и оцѣниваются какъ его личный характеръ, такъ и его роль и значеніе въ исторіи Черногоріи.

К. Долгорукій, судя по запискѣ, совершенно одобряетъ его, находя вполнѣ пригоднымъ и полезнымъ для Черногоріи. Но это взглядъ русскаго, который притомъ весьма низкаго понятія о черногорцахъ и недоволенъ ими. Обратимся же къ черногорскому историку Милаковичу, родомъ герцеговинцу, но всю свою дѣятельность посвятившему Черногоріи, гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ 20 лѣтъ. Вотъ что говоритъ онъ: «Мнѣніе нѣкоторыхъ, что Степанъ Малый былъ легкаго и ребяческаго нрава, простъ и ничего не понималъ въ политикѣ, не можетъ быть допущено иначе, какъ съ большою сдержанностію. Если бы Степанъ не былъ самымъ интеллигентнымъ между всѣми черногорцами того времени и самымъ способнымъ, чтобъ управлять народомъ, то кн. Долгорукій не оставилъ бы въ его рукахъ кормило правленія, ни черногорцы, послѣ того какъ узнали, что онъ не царь, не признали бы его своимъ государемъ. Тѣ же люди, которые характеризуютъ его, какъ слабаго, не могутъ не признать, что въ продолженіе его правленія, не было ни одного случая, чтобы у кого-нибудь была украдена хоть одна скотина, не говоря уже о другихъ, болѣе важныхъ преступленіяхъ. Чтобы достигнуть этого съ народомъ свободнымъ, даже черезчуръ самовольнымъ и всегда съ оружіемъ въ рукахъ, какъ черногорцы, и достигнуть этого безъ денежныхъ средствъ, нужно имѣть большой умъ и значительную силу характера. Венеціане, лучше кого другого, были въ состояніи понимать Степана Малаго. Они имѣли съ нимъ много сношеній и, хотя не могли про-

стить тѣ униженія, которыя они изъ-за него должны были терпѣть отъ турокъ, но при всемъ томъ еще при жизни его писали о немъ сенату слѣдующее: «Во всѣхъ его разговорахъ постоянно проглядываетъ миролюбіе, согласіе и справедливость; въ обхожденіи онъ мягокъ, отвѣты его быстры и мудры, умъ его всегда свѣтлый и нѣтъ недостатка въ хорошей идеѣ управленія какою-либо страной. При такихъ достоинствахъ, даже не выдавая себя за русскаго царя, въ ту эпоху, онъ могъ удержать власть надъ такимъ народомъ» (стр. 133 — 134). Указывая дальше, что эти свѣдѣнія онъ беретъ изъ донесеній которскаго проведитора и у кн. Долгорукаго, онъ добавляетъ: «Свѣдѣнія эти слѣдовательно взяты изъ вѣрнаго источника, а истина есть основа исторіи». Въ томъ же смыслѣ отзывается о немъ и С. Любиша, талантливый писатель сербской исторической повѣсти и знатокъ старины приморской и черногорской: «Степанъ Малый — говоритъ онъ — и по свидѣтельству дуждевыхъ людей (венеціанскихъ чиновниковъ), и по запискамъ Долгорукаго, и по разсказамъ его современниковъ былъ человѣкъ здраваго разума, умѣренный на разговоръ, чрезвычайно разсудительный и добраго сердца. Говорилъ ясно и трезво. Больше всего заботился о поддержаніи мира въ народѣ, старался предупреждать зло и искоренять кровавую месть. Былъ бережливъ, но не скупъ; ни расточителенъ, ни жаденъ къ деньгамъ. Жилъ онъ въ маломъ монастырѣ, какъ монахъ, и его рѣшенія были справедливы и безпристрастны. Еслибъ не былъ раненъ, онъ былъ бы очень здоровъ, вполнѣ благоустроилъ бы Черную-Гору и, можетъ быть, возстановилъ бы старое княжество. По сказанію маинцевъ, онъ скорѣе всего могъ быть подлѣкарь изъ Хорватской Границы, прозвищемъ былъ Раичевичъ» (это послѣднее взято у Долгорукаго). Въ другомъ мѣстѣ у него же находимъ слѣдующія интересныя подробности, сообщаемыя хозяиномъ дома, къ которому онъ пришелъ впервые, Вука Вулова Вранеты въ Лапчичахъ въ Среднихъ-Маинахъ: «Онъ былъ средняго роста, стройно сложенъ, костистый, блѣдный, лицо покрыто оспинами, а густые волосы

космами покрывали лобъ, спускаясь до глазъ; носъ немного загнутъ, очи сѣрыя, какъ у совы (собств. тьюкъ). Говоритъ медленно и съ затяжкой, какъ будто по-краински, такъ что его едва могъ понимать хозяинъ дома. — Здѣсь онъ жилъ годъ, занимаясь собираніемъ травъ и лѣченіемъ. Осенью онъ отправился въ Цермницу, гдѣ стоялъ у попа Княжевича, и тоже лѣчилъ; на обратномъ пути обошелъ Рѣцкую-нахію до Добрскаго-села и зимой воротился въ Маины черезъ Браичи».

Рядомъ съ этимъ поставимъ характеристику его у С. Милютиновича, которому также нельзя отказать въ правдивости и авторитетности. Вотъ его слова: «Этотъ загадочный человѣкъ и ложный русскій царь Петръ былъ средняго роста, хорошо сложенъ, благообразенъ, смуглъ, съ темными волосами и такими же бровями и глазами; былъ хорошій наѣзднкъ; когда прибылъ въ Черногорію, ему было около 30 лѣтъ. Незамѣтно, чтобъ онъ зналъ читать и писать или говорить на какомъ-либо другомъ языкѣ, кромѣ сербскаго, и то говорилъ такъ, какъ на тройной границѣ (Австріи, Турціи и Венеціи) говорятъ личане и далматинцы; но хорошо зналъ города по всей Босніи и другія мѣста, и даже села, каждое по имени. Нельзя, однако, было допытаться истины ни кто онъ, ни откуда пришелъ въ Бокку и какъ ему вздумалось пуститься на такое дѣло и взять на себя такое имя. Больше всего онъ занимался игрой и забавой; тайкомъ любилъ и выпить, и вообще обнаруживалъ больше легкомыслія и ребячества, чѣмъ серіозной силы характера и великости духа; однимъ словомъ, самый обыкновенный простакъ, хотя и показывалъ нѣкоторое притворство въ церкви: когда на большомъ выходѣ поминали имя русской царицы и царскую фамилію, то онъ при имени великаго князя наслѣдника Павла утиралъ будто бы слезы платкомъ и притомъ нѣкоторое время стоялъ отвернувшись головою къ стѣнкѣ. А о государственной формѣ, о какихъ бы то ни было нуждахъ и крайнихъ потребностяхъ, о политикѣ, о сущности правды и силѣ государственныхъ законовъ и о пользѣ всего человѣчества, а въ особенности того народа, среди коего жилъ, не

имѣлъ понятія; поэтому онъ ни съ кѣмъ ни извнѣ, ни внутри страны не велъ никакой переписки и никакихъ сношеній. Вотъ все о немъ, что опредѣленно видѣлъ и узналъ и чего никто не можетъ опровергнуть» (стр. 108 — 109).

Изъ всѣхъ этихъ отзывовъ о Степанѣ Маломъ мнѣніе Милютиновича стоитъ особнякомъ.

Всѣ, кромѣ его, находятъ въ Степанѣ именно тѣ качества, которыя необходимы были правителю Черногоріи, и въ короткое время правленія онъ успѣлъ достигнуть многаго.

Что же онъ сдѣлалъ такого великаго? — Унялъ всѣ распри и междоусобія и прекратилъ воровство до такой степени, что потомъ разбрасывали по дорогѣ червонцы, и никто къ нимъ не прикоснулся. — Чѣмъ же, какими средствами онъ достигъ этого? — Очень просто: прежде чѣмъ пойти въ Черногорію, онъ объявилъ депутатамъ, что не пойдетъ къ нимъ прежде, чѣмъ народъ не постановитъ прочнаго, постояннаго мира; и миръ былъ постановленъ, а затѣмъ одного повѣсилъ за варварство, другого за убійство брата. Народъ увидѣлъ, что съ царемъ шутить нельзя, и покорился.

Такого рода умиреніе въ Черногоріи бывало много разъ и достигалось общею дѣятельностію народа, когда бѣдствія доходили до крайности и въ народѣ возникала реакція; нужно было, чтобъ только явилось нѣсколько благонамѣренныхъ и вліятельныхъ главарей и взяли бы на себя иниціативу. Воровства же въ тѣсномъ смыслѣ этого слова не было, а былъ грабежъ и отъемъ, которые только и могли быть во время междоусобій.

Можно только удивляться его рѣшимости и отвагѣ. Но отвага, достигающая безумной дерзости — непремѣнный спутникъ всякаго авантюриста; безъ этого нельзя совершить даже самаго простого воровства или обмана, которыми кишитъ цѣлый свѣтъ. Всякій авантюристъ отваженъ потому, во-1-хъ, что ему нечего терять и, во-2-хъ, дерзостью и нахальствомъ они только и успѣваютъ во всѣхъ своихъ продѣлкахъ; а въ случаѣ неудачи у нихъ всегда есть спасеніе — лисья хитрость и заячья быстрота.

Кромѣ того онъ казнилъ и миловалъ, угощалъ и бросалъ въ народъ деньги, хотя и собранныя тоже народными приношеніями, что́ было чрезвычайно понутру многимъ главарямъ, потому что открывало впереди и имъ возможность дѣйствовать подобнымъ же образомъ.

Владыкамъ нельзя было прибѣгать не только къ вѣшанію, но и вообще къ физическимъ наказаніямъ: этого не позволялъ ихъ санъ. И вообще настоящему, исконному правителю народа, сросшемуся съ нимъ плотью и духомъ, живущему народомъ и для него, такихъ путей и способовъ не существуетъ. Онъ не долженъ и не имѣетъ надобности бить на какой-нибудь минутный успѣхъ, послѣ котораго положеніе можетъ ухудшиться; онъ всегда имѣетъ въ виду больше будущее, чѣмъ настоящее; а parvenu весь сосредоточивается на одной минутѣ, которою и опредѣляется его личная судьба; такова и была роль и дѣятельность въ Черногоріи Степана Малаго. Но ему помогъ, конечно, престижъ Россіи, подкрѣпленный еще больше потомъ кн. Долгорукимъ.

ЛЮДИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОМОГШІЯ САМОЗВАНЦУ.

Помогли, однако, ему люди и обстоятельства.

Пронюхавшіе о немъ, подобные ему авантюристы и скитальцы являются совершенно нежданно, словно посланные съ неба: патріархъ Бркичъ изъ Печи, потомъ какой-то архимандритъ изъ Скопля.

Архимандритъ привезъ Степану какія-то письма изъ Константинополя и ларецъ съ мощами; самозванецъ торжествовалъ, получивши какія-то важныя, радостныя вѣсти, и веселился; а архимандритъ отправился къ владыкѣ Саввѣ, чтобъ и его посвятить въ какую-то тайну, посвятилъ въ нее также и другихъ.

Бркичъ принимаетъ тутъ весьма дѣятельное участіе и успѣваетъ расположить къ себѣ кн. Долгорукаго, который и увозитъ его съ собою. Что́ съ нимъ сталось послѣ — неизвѣстно, а о прежней его судьбѣ существуетъ разсказъ у Любиши, почерпнутый

имъ изъ собственнаго признанія патріарха, кѣмъ-то записаннаго и устно переданнаго.

Въ немъ чрезвычайно правдоподобно изображается личность и судьба патріарха, а вмѣстѣ съ тѣмъ бросается свѣтъ и на его роль въ Черногоріи, о которой можно судить по аналогіи съ его прошлымъ, и потому пріобщимъ здѣсь и это извѣстіе.

«Знай — говоритъ онъ хозяину дома, къ которому явился въ Приморьи, — что я палъ ницъ на землю въ хорватскомъ (?) Приморьи. Отецъ мой былъ священникъ и парахъ, который рано отдалъ меня въ науку. Оставшись сиротою 18 лѣтъ, я поступилъ въ Ходошскій монастырь и тутъ меня задьяконили, а потомъ посвятили (т. е. поставили въ священники или іеромонашескій чинъ). Но среди братства не было полнаго согласія, поэтому я удалился, чтобъ не видѣть глазами это разстройство. Пошелъ въ Венецію, гдѣ и поступилъ на службу дуждю духовникомъ православныхъ во флотъ. На третій годъ меня оклеветали мои непріятели, будто я внушаю морякамъ, что они стали рабами съ тѣхъ поръ, какъ потеряли свое (т. е. Сербское) царство и служатъ чужому, какъ нѣкогда жиды египтянамъ. По суду заточили меня въ Савиной (монастырь) близъ Новаго. Тутъ я жилъ три года въ постѣ и молитвѣ: но и тутъ нашли меня дуждевы шпіоны — Богъ ихъ прости! — и донесли, что я великій злодѣй. Подкупили ложныхъ свидѣтелей какъ противъ Христа, будто я хочу разорить домъ Божій. Тогда я бѣжалъ; обошелъ Герцеговину и Боснію, и черезъ годъ пришелъ въ Печь, гдѣ и поступилъ на службу греку, который въ то время былъ патріархомъ. Человѣкъ онъ былъ надутый и корыстолюбивый — Богъ его прости! — только онъ и стоялъ на истинномъ пути, а мы всѣ на ложномъ! и надоѣлъ онъ народу хуже, чѣмъ паша. Взбунтовался народъ, прогналъ его, а меня поставилъ вмѣсто него. Я день и ночь работалъ противъ турокъ и арнаутъ, которые совершенно искоренили насъ въ несчастной Старой Сербіи, и тѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ Карамана-паши Шумадинскаго. Однажды среди ночи схватили меня и отправили въ Анатолію. Возили меня три мѣсяца и привезли въ Критъ, гдѣ

и бросили, оставивши въ какой-то пустой кельѣ. Надоѣла райя пашѣ, моля его утромъ и вечеромъ воротить меня, и дѣйствительно стало что-то ему жаль меня и онъ позвалъ меня назадъ. Тутъ, едва прошелъ годъ, кто-то изъ арнаутъ оболгалъ меня, будто я говорилъ, что прибылъ на Цетинье московскій царь, и будто я ему послалъ въ подарокъ своего коня *брняша* (съ лысиной на лбу). Тутъ, еслибъ я не бѣжалъ въ ту же ночь, паша навѣрное повѣсилъ бы меня».

По этому признанію онъ былъ изъ тѣхъ страдальцевъ за вѣру и народъ, какихъ много бывало въ Турціи, хотя собственное признаніе далеко не можетъ служить настоящею мѣркою при нравственной оцѣнкѣ человѣка. Но и въ этомъ собственномъ признаніи выдается его авантюристскій характеръ. Притомъ видно, что съ ловкостью, которая характеризуетъ людей пронырливыхъ, онъ умѣлъ добиться патріаршества, занявъ его, конечно, съ соизволенія турецкой власти; а вооружились противъ него турки уже послѣ, когда онъ слишкомъ увлекся патріотическою агитаціею.

Поэтому Степанъ Малый и патріархъ Бркичъ оба были скитальцы по бѣлому свѣту и въ Черногоріи встрѣтились на обоюдно-родномъ полѣ авантюръ.

Прослышавши о царѣ, патріархъ сейчасъ возмечталъ достигнуть чего-нибудь черезъ него, и потому устремился къ нему. Царю же онъ былъ весьма кстати, потому, во 1-хъ, что тотчасъ же посвятилъ ему новаго митрополита; а во 2-хъ, своимъ поклоненіемъ ему поднималъ его авторитетъ передъ народомъ. Что́ онъ дѣлалъ, съ достовѣрностью сказать нельзя; но въ началѣ Савва отнесся къ нему хорошо и самъ же попросилъ посвятить въ митрополиты племянника его Арсенія Пламенца; а потомъ не только Савва вооружился противъ него, но и нѣгушане и другіе черногорскіе главари стали требовать отъ Долгорукаго его удаленія. Дѣйствительно, онъ, видимо, заправляетъ дѣлами вмѣсто новаго владыки, который былъ устраненъ ото всѣхъ дѣлъ и обреченъ на бездѣйствіе въ Брчельскомъ монастырѣ. Однимъ

словомъ, онъ является союзникомъ и помощникомъ Степана Малаго, хотя могъ лучше кого другого понимать его роль и знать кто онъ.

Затѣмъ сообщниками самозванца являются: маинскій капитанъ М. Тановичъ, который пользовался большимъ авторитетомъ въ своемъ краю, какъ глава коммуны, и тутъ явился свидѣтелемъ тожественности Степана съ Петромъ III, потому что бывалъ въ Петербургѣ съ владыкою Василіемъ и, по его словамъ, видѣлъ Петра, бывшаго въ то время наслѣдникомъ престола.

Марку Вуковичу, у котораго жилъ Степанъ Малый, было очень пріятно, что его гость оказывается царемъ. И оба они дѣлаются сейчасъ же его приближенными чиновниками: Вуковичъ— секретаремъ, а Тановичъ — адъютантомъ.

Нашелся и монахъ, Ѳеодосій Марковичъ [1]), который тоже былъ въ Россіи и видѣлъ царевича Петра, и теперь свидѣтельствовалъ въ пользу самозванца. Нашелся въ какомъ-то монастырѣ и портретъ Петра III, съ которымъ такъ тщательмо венеціанскіе чиновники сравниваютъ черты лица Степана Малаго, и приходятъ къ полному убѣжденію, что копія съ оригиналомъ вѣрна.

И это еще не всѣ проходимцы. Явился въ качествѣ русскаго эмиссара нѣкто Марко Воиновичъ, сербскій уроженецъ, 15 лѣтъ находившійся въ русской службѣ и имѣвшій въ то время чинъ штабсъ-капитана, давнишній, будто-бы, знакомецъ и пріятель Степана Малаго. Онъ отправился изъ Венеціи въ Тріестъ и потомъ въ Сеньскую-Рѣку, гдѣ сѣлъ на корабль, высадившій его въ Суторинѣ на турецкой территоріи. Ему поручено было войти въ сношенія съ главарями Подгорицы и убѣдить ихъ сдать это укрѣпленіе черногорцамъ (По венеціанскимъ рапортамъ Макушевъ, кн. 10, стр. 30).

---

[1]) Подпись этого монаха часто встрѣчается подъ купчими и дарственными записями во время Саввы и Василія. А вмѣсто Яновича, упоминаемаго у Макушева, у всѣхъ другихъ встрѣчается Тановичъ; и это послѣднее вѣрнѣе, такъ какъ фамилія Тановичей существуетъ въ тѣхъ мѣстахъ и теперь, а Яновичей нѣтъ.

Былъ еще русскій генералъ, посланный будто бы въ помощь Степану русскимъ правительствомъ, оказавшійся потомъ сербомъ изъ окрестностей Карлштата, а имя ему было Яковъ (Тамъ же).

Все это слетѣлось, незваное, нечаянное въ несчастную Черногорію, какъ хищники на добычу, въ надеждѣ чѣмъ-нибудь поживиться отъ своего брата по ремеслу Степана Малаго.

Но были у него и добрые помощники, въ которыхъ и заключалась вся его сила.

Народъ въ своей простотѣ и благоговѣйномъ почтеніи къ Россіи, стекается къ нему на поклоненіе и шлетъ ему дары. Конавляне, тайно отъ венеціанскихъ властей, послали ему императорскій щитъ и скипетръ; приходили къ нему и которскіе властели; а черногорскіе главари открыто приходили воздать ему почести отъ Черногоріи и всѣхъ Брдъ — бѣлопавличей, пиперъ, кучъ и др. и приносили ему въ даръ барановъ, масло и проч.; являлись люди даже изъ Босніи и Герцеговины, въ числѣ которыхъ были турецкіе шпіоны.

Сообщниками самозванца являются люди, какъ и онъ, бывалые, ловкіе и отважные въ томъ смыслѣ, что не остановятся ни передъ какою ложью и продѣлкой, въ которой воодушевляются прежде всего собственнымъ интересомъ. При содѣйствіи такихъ помощниковъ Степанъ весьма ловко разыгралъ комедію съ черногорцами, явившимися къ нему съ призывомъ на управленіе. Онъ разорвалъ и бросилъ подъ ноги поднесенное ему постановленіе скупштины, на которой постановленъ былъ не полный миръ, а только перемиріе до юрьева дня, требуя новаго собранія съ поставленіемъ полнаго мира и преданіемъ забвенію всѣхъ прежнихъ обидъ, было ли то личное оскорбленіе, грабежъ, убійство и т. д.

Послѣ этого отправился и владыка Савва повидать, что́ это за царь, и повелъ съ собою племянника Арсенія Пламенца.

Во всѣхъ этихъ сношеніяхъ Тановичъ играетъ дѣятельную роль и, являясь въ Черногоріи депутатомъ отъ Приморья, вмѣшивается въ число депутатовъ черногорскихъ, которые посланы народомъ къ Степану Малому.

ГЛАВНЫЕ ФАКТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СТЕПАНА МАЛАГО ВЪ ЧЕРНОГОРІИ.

Въ половинѣ января 1768 г. онъ отправляется въ Цетинье и тамъ на общемъ народномъ собраніи провозглашаетъ себя русскимъ царемъ Петромъ III, но не велитъ себя звать царемъ, а только Стефаномъ и на офиціальныхъ актахъ подписывался: *Стефанъ, малый съ малыми, добрый съ добрыми, злой со злыми.* Послѣ этого онъ отправился въ монастырь Станевичскій, разогналъ монаховъ, а владыку Савву съ племянникомъ Петромъ отдалъ подъ стражу, взявши у него сто барановъ за то, что онъ не роздалъ народу деньги, присланныя изъ Россіи, и возвратилъ земли, неправильно купленныя владыкою, ихъ прежнимъ хозяевамъ.

Въ Черногорію онъ наѣзжалъ отъ времени до времени, а постоянно жилъ въ Маинахъ у Марко Вуковича, пока не потребовала удаленія его оттуда Венеція, которая съ одной стороны боялась, что возмутятся и перейдутъ на его сторону ея собственные подданные, а съ другой — неловко было передъ Турціей. 12-го апрѣля онъ перенесъ свою квартиру на Цетинье, откуда, однако, черезъ нѣсколько дней отправился на Нѣгуши, гдѣ и помѣстился у гувернадура Іока Станкова Радонича. Здѣсь онъ судилъ и чинилъ расправу передъ постояннымъ собраніемъ народа. Чиновниковъ однихъ смѣнялъ, другихъ ставилъ на ихъ мѣста. Внушалъ, чтобы поддерживали миръ съ сосѣдями своими, венеціанскими подданными; но запретилъ по воскресеньямъ и другимъ праздничнымъ днямъ сходиться въ Которъ для торговли, какъ то бывало прежде.

Недолго, однако, привелось ему поцарствовать мирно. Вскорѣ турки двинули два огромныя войска: одно отъ Босніи и Герцеговины, а другое отъ Скадра.

Черногорцы поднялись дружно и встрѣтили турокъ на границѣ Никшича; а Стефанъ въ это время сталъ укрѣплять Острогъ;

но тутъ-то и прорвались турки и начали жечь Пѣшивцевъ и Бѣлопавличи и потомъ ударили на Кчево. Черногорію угрожало страшное опустошеніе, но обычная черногорская военная ловкость и счастливый случай спасли ее: молніею взорвало всю военную муницію въ турецкомъ войскѣ; а новую муницію, шедшую къ дѣйствующему турецкому войску, ночью перехватили черногорцы и съ помощью ея нанесли туркамъ жестокое пораженіе.

Степанъ Малый изъ-подъ Острога бѣжалъ въ Цермницу въ Градьяны, гдѣ и укрывался въ продолженіе 9 мѣсяцевъ, откуда явился на Цетинье въ то только время, когда тамъ былъ кн. Долгорукій, убѣдившій черногорскихъ главарей отречься отъ него, какъ отъ самозванца. Тѣмъ не менѣе народъ былъ за него, и кн. Долгорукому привелось употребить насиліе и арестовать его. На требованіе Долгорукаго, чтобы признался въ самозванствѣ, Степанъ отвѣтилъ, что онъ и не называетъ себя русскимъ царемъ.

Нѣкоторые изъ черногорскихъ главарей по личной ненависти хотѣли убить Степана, и арестъ въ этомъ отношеніи служилъ ему спасеніемъ; а «болѣе интеллигентные между ними — говоритъ Милаковичъ — сильно сожалѣли его и боялись за его жизнь. Они разсуждали такъ: Долгорукій — человѣкъ мудрый, но онъ нынче или завтра оставитъ насъ; владыка Савва — знаемъмы его — не въ состояніи сдѣлать ни добра, ни зла; лишившись Степана, мы останемся совсѣмъ безъ главы, возобновятся междоусобія, снова польется братская кровь и этимъ тотчасъ же воспользуются турки, которые уже давно работаютъ на нашу погибель. Стефанъ, каковъ бы онъ ни былъ, болѣе всякаго другого подходящій для насъ. Онъ умѣлъ поддержать между нами миръ и согласіе, онъ показалъ себя способнымъ защитить невиннаго и наказать виноватаго; пока существуетъ такой порядокъ между нами и остаются наши скалы, непріятели могутъ напасть и сжечь наши дома, но подчинить насъ и остаться между нами, — свидѣтель тому Богъ! — они не будутъ въ состояніи никогда!» (Милак., стр. 129).

Собраніе, сдѣланное послѣ этого Долгорукимъ, и передъ которымъ была прочитана новая прокламація, приглашающая чер-

ногорцевъ къ повиновенію волѣ императрицы и къ дѣйствіямъ противъ турокъ, дало полное свое согласіе, и послѣ этого кн. Долгорукій раздѣлилъ между главарями 400 цекиновъ и боевую муницію. На этомъ собраніи присутствовалъ и патріархъ, которому Долгорукій оказывалъ особенное почтеніе; а митрополитъ Савва, сказавшись больнымъ, оставался въ Станевичахъ. Прошло три мѣсяца, какъ кн. Долгорукій прибылъ въ Черногорію, а ожидаемый имъ русскій флотъ не показывался въ Адріатикѣ. Не видя больше цѣли своего пребыванія въ Черногоріи и тяготясь своимъ неловкимъ положеніемъ среди чрезвычайной путаницы дѣлъ черногорскихъ, онъ рѣшился удалиться, освободивши Степана Малаго и поставивши его правителемъ Черногоріи, въ знакъ чего и далъ ему какой-то дипломъ и военную униформу, а патріарха Бркича увелъ съ собою. Степанъ, довольный такимъ улаженіемъ дѣла и признательный кн. Долгорукому, отправился проводить его вплоть до морского берега, при чемъ оказалось, что онъ зналъ дорогу лучше, чѣмъ всѣ бывшіе съ ними черногорцы.

Послѣ этого — говоритъ Милаковичъ — онъ сталъ управлять еще лучше, чѣмъ прежде. Но при прокладываніи дороги въ Цермницѣ миною, положенною для взрыва скалы, его сильно ранило, такъ что онъ навсегда остался слѣпъ на одинъ глазъ и съ поврежденными одною ногою и одною рукою, что́ и мѣшало его передвиженіямъ и не позволяло объѣзжать всѣ провинціи и лично наблюдать, какъ дѣйствуютъ тамъ вводимые имъ новые порядки.

Въ 1771 г. онъ установилъ высшій судъ изъ 12 главарей (ottimati у Милак.), изъ которыхъ одни засѣдали при немъ въ Цермницѣ и чинили разборъ дѣлъ и судъ, а другіе разъѣзжали по странѣ, куда призывало ихъ дѣло. Въ то же время онъ послалъ комиссаровъ съ однимъ монахомъ сдѣлать перепись всѣхъ мужскихъ душъ въ Черногоріи, чтобы знать, какимъ числомъ воиновъ можетъ онъ располагать въ случаѣ войны съ Турціей; а чтобы развлечь вниманіе турокъ, воевавшихъ въ то время съ Россіей, онъ распускалъ по народу слухъ, что въ Черногорію

ожидается русское войско и для этого велѣлъ на Вирѣ въ Цермницѣ строить казарму, будто бы для имѣющихъ прибыть русскихъ офицеровъ. Послѣднее, полагаю, больше служило для внушенія почтенія къ нему со стороны черногорцевъ.

Въ 1774 г. онъ былъ убитъ ночью своимъ слугою грекомъ, который, какъ говорятъ, былъ подкупленъ скадарскимъ визиремъ Мехметъ-пашою, и бѣжалъ на турецкую территорію. Тѣло Степана погребено въ Брчельскомъ монастырѣ, гдѣ онъ и пребывалъ постоянно все послѣднее время.

Насколько былъ непрозорливъ Степанъ Малый, доказательствомъ служатъ его отношенія къ Мехметъ-пашѣ скутарійскому, который до того времени совершилъ массу самыхъ ужасныхъ убійствъ и преступленій, сопровождавшихся безсовѣстнѣйшимъ предательствомъ. Вотъ какъ изображаетъ эти отношенія Макушевъ: «Степанъ Малый — говоритъ онъ — вступилъ въ сношенія со скадарскимъ пашою Мехметъ-пашою: между ними завязалась постоянная переписка, и посланцы паши безпрестанно приходили въ Черногорію. Подозрѣвали, что паша намѣренъ передаться русскимъ при первомъ появленіи нашихъ кораблей у береговъ Албаніи. Дабы скрыть отъ Порты свои тайныя сношенія съ самозванцемъ, Мехметъ-паша жаловался, что венеціанскіе подданные помогаютъ черногорцамъ грабить пограничныя турецкія селенія, и что Венеція снабжаетъ ихъ деньгами. Послѣ продолжительныхъ дружественныхъ сношеній скадарскаго паши съ самозванцемъ и тайнаго его покровительства черногорцамъ, случилось слѣдующее происшествіе, которое ставитъ насъ въ недоумѣніе: въ апрѣлѣ 1770 г. Мехметъ-паша пригласилъ къ себѣ воеводу Кучей, самаго храбраго и многочисленнаго черногорскаго племени, Илью Дрекаловича, пользовавшагося между своими большимъ довѣріемъ, подъ предлогомъ выкупа заложниковъ за 900 цекиновъ; когда довѣрчивый Илья явился къ пашѣ, его убили вмѣстѣ съ двумя спутниками, взявъ не только находившіяся при немъ деньги, но и богатыя его одежды и оружіе, а голову его Мехметъ-паша отправилъ въ Константинополь. И

послѣ этого самозванецъ продолжалъ поддерживать дружественныя сношенія со скадарскимъ пашой» (Русск. Вѣст. 1869, кн. 9, стр. 30 — 32).

Въ этомъ случаѣ самозванецъ, можетъ быть, хитрилъ; но хитрость эта была весьма низкой пробы.

Мы касались фактовъ для того только, чтобы уяснить себѣ его характеръ и дѣятельность.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ О ЗНАЧЕНІИ СТЕПАНА МАЛАГО ВЪ ИСТОРІИ ЧЕРНОГОРІИ.

Изъ всего этого видно, что Стефанъ Малый былъ человѣкъ не глупый и ловкій, какъ всѣ люди его сорта; поскитавшись по свѣту, повидавши людей и познакомившись съ лучшими порядками, ему легко было стать выше черногорцевъ и показаться даже мудрецомъ; на простой народъ всегда съ бо́льшимъ успѣхомъ дѣйствуетъ простой дерзкій авантюристъ, особенно если его личность облечена таинственностію и прикрывается какимъ-нибудь громкимъ именемъ, чѣмъ человѣкъ истинно дѣльный и серьезный, желающій народу пользы, и не прибѣгающій ни къ какимъ фокусамъ. Но такой успѣхъ обыкновенно непроченъ и непродолжителенъ; и авторитетъ самозванца въ Черногоріи къ концу сильно падаетъ.

Степану Малому помогли и, можно сказать, создали его обстоятельства. Безъ Тановича врядъ ли ему могла прійти въ голову мысль объявить себя Петромъ III. Онъ и М. Вуковичъ толкнули его на это и руководили имъ все время. Проживши годъ въ Приморьѣ, гдѣ постоянно бываютъ нѣгушане, и пропутешествовавши по Цермницкой и Рѣцкой нахіямъ, онъ легко могъ познакомиться съ положеніемъ вещей въ Черногоріи, чтобы потомъ умѣть держаться. По отношенію къ владыкѣ Саввѣ онъ поступилъ слишкомъ просто: на счетъ его явился благодѣтелемъ народа, не разобравши, что земли куплены были для монастыря, слѣдовательно и деньги, выданныя подъ нихъ, были монастырскія; а отнявши 100 барановъ за деньги, полученныя изъ Россіи, онъ также поступилъ неправильно, потому что только однажды

посланы были деньги для раздачи народу, пострадавшему отъ нашествія турокъ, а потомъ ихъ назначеніе было другое: нужды государственныя, для удовлетворенія которыхъ владыка не имѣлъ средствъ. Народъ приступилъ-было съ подобнаго рода претензіями къ владыкѣ Василію, но онъ показалъ только, куда онъ употребилъ эти суммы, т. е. не на свои личныя прихоти, а на потребы народныя же, церковныя и государственныя. Этимъ самозванецъ только оправдывалъ хищническіе позывы черногорцевъ, которые проявлялись неоднократно, и съ которыми послѣ привелось бы ему самому бороться. Топтать въ грязь владыку Савву не было ему никакой надобности, потому что онъ и не игралъ никакой роли; а между тѣмъ были же люди трезвые и благомыслящіе, которые въ этомъ не могли не видѣть поруганія надъ высокимъ саномъ со стороны какого-то иностранца-проходимца, чего они не простили бы и настоящему царю. Оппозицію кн. Долгорукому дѣлаетъ онъ не своимъ только умомъ и своею волею, а потому что противъ него стали всѣ нѣгуши; противъ Долгорукаго, однако, они все-таки стѣснялись, относительно же Степана Малаго, обличеннаго всенародно въ самозванствѣ, имъ легко было увлечь и другія племена. Зная это, онъ старался дѣйствовать именемъ Россіи, показывая видъ, будто ожидаетъ скораго прибытія русскаго войска. Не станемъ говорить о томъ, умно ли поступилъ кн. Долгорукій, изобличивши самозванца и оставивши его управлять Черногоріей, и не тактичнѣе ли было бы ему употребить свой авторитетъ на выборъ новаго владыки, постаравшись достигнуть этого, не вооружая противъ себя стараго владыку; мы останавливаемся на вопросѣ: могла ли Россія сноситься съ Степаномъ Малымъ и поддерживать его? — Никогда!

Кромѣ того, что этого не допускала честь Россіи, это было крайне рискованно, потому что его легче всего было прибрать въ свои руки Венеціи и сдѣлать изъ него своего гувернадура. Но и она на это не пошла бы, а предпочла бы ему готоваго Радонича, который и примкнулъ къ самозванцу, чтобы только лучше слѣдить за нимъ и, можетъ быть, въ то уже время онъ дѣйствовалъ,

какъ агентъ Венеціи. Она до нѣкотораго времени не только не предпринимала ничего противъ самозванца, но даже облегчала ему дѣло, иначе могла бы тотчасъ прекратить сборища еще въ Маинахъ. Она предвидѣла его неизбѣжное паденіе, за которымъ настала бы въ Черногоріи смута, открывавшая Венеціи возможность прибрать ее къ своимъ рукамъ, такъ какъ авторитетъ владыки подавленъ былъ самозванцемъ, и съ паденіемъ его единственнымъ авторитетнымъ лицомъ оставался гувернадуръ. Конечно, это было бы въ томъ случаѣ, еслибъ не вмѣшалась съ своей стороны Турція. И судьба Черногоріи рѣшилась бы прежде, чѣмъ приспѣла ей помощь Россіи, которая съ того самаго момента отвернулась уже отъ нея.

По всему Степанъ Малый не обѣщалъ счастья Черногоріи, какъ то предполагали Милаковичъ и Любиша, а напротивъ, онъ увлекалъ ее въ бездну.

Одно появленіе и короткое пребываніе и правленіе самозванца въ Черногоріи успѣло уже произвести значительную путаницу въ умахъ черногорцевъ и попортило ея внѣшнія отношенія; но къ счастію ея все это не было продолжительно; а вслѣдъ за тѣмъ вступаетъ въ управленіе Черногоріей человѣкъ, полный самоотверженія, которому на своихъ плечахъ привелось вынести тяжелое бремя, навязанное прошлымъ, и вывести свое отечество на чистую, хотя по прежнему тяжелую дорогу.

Таково, по нашему мнѣнію, значеніе самозванца въ исторіи Черногоріи.

Обращаясь къ нему, какъ къ просто человѣческой личности, мы могли бы уважать въ немъ отвагу, потому что, какъ въ военной храбрости, такъ и вообще въ отвагѣ въ какихъ бы то ни было дѣлахъ, проявляется самообладаніе человѣка, способность подавить въ себѣ чисто-животное чувство страха за жизнь, которою такъ дорожитъ все живое. Мы не находимъ въ немъ и этого. Во все время пребыванія въ Черногоріи онъ замѣтно бѣжитъ изъ ея середины и жмется къ венеціанской границѣ, къ Котору или къ Будвѣ, и живетъ на Нѣгушахъ и въ Цермницѣ.

При наблюдательности черногорцевъ, это не могло ускользнуть у нихъ изъ виду; а у народа воинственнаго только и можно снискать расположеніе полнымъ довѣріемъ къ нему. У него не хватило духу принять участіе въ битвѣ съ турками; а потомъ онъ совсѣмъ бѣжалъ и куда-то скрылся отъ народа, и тѣмъ показалъ себя вполнѣ трусомъ; а трусъ въ глазахъ черногорца — послѣдній человѣкъ. Онъ и погибъ вслѣдствіе своего малодушія и трусости: боясь черногорцевъ, онъ взялъ себѣ слугою какого-то грека, который его и продалъ.

Гдѣ же тутъ «большой умъ и значительная сила характера» и вообще тѣ качества, которыя помогли бы ему «возстановить въ Черногоріи старое княжество», приписываемыя ему упомянутыми выше писателями?...

Что онъ былъ интеллигентнѣе всѣхъ черногорцевъ, по словамъ Милаковича, какъ вообще грамотный стоитъ выше неграмотнаго при одинаковыхъ природныхъ умственныхъ способностяхъ, съ этимъ можно пожалуй согласиться; но такая неглубокая интеллигентность всегда должна уступить свѣтлому и широкому уму и сильному характеру, какими бываютъ одарены и люди совершенно простые, безъ всякой науки и образованія. Такими именно являются многіе изъ черногорскихъ владыкъ, которые, хотя и корятъ ихъ чужіе и доморощенные историки крайнимъ невѣжествомъ, были велики умомъ и характеромъ и въ нихъ подъ монашеской шапкой скрывались дальновидные политики и истинно-государственные люди, благодаря которымъ Черногорія не только уцѣлѣла, но и стоитъ на такой степени, что всякій долженъ отнестись къ ней съ уваженіемъ. Этого г. Милаковичъ совершенно не понимаетъ, возвышая какую-то интеллигентность самаго обыкновеннаго обманщика надъ свѣтлымъ и крѣпкимъ умомъ простого черногорца. Ожидая для Черногоріи какихъ-то благъ отъ Степана Малаго, г. Милаковичъ смѣшиваетъ ловкихъ плутовъ съ истинно-великими людьми, не видя между ними существенной разницы въ томъ, что первые живутъ исключительно для своей личности и никогда никому никакого

счастія принести не могутъ, тогда какъ вторые, напротивъ, живутъ и, когда нужно, жертвуютъ собою для другихъ. Степанъ Малый только и могъ появиться при владыкѣ Саввѣ, который былъ слабъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Ссылка г. Милаковича на кн. Долгорукаго весьма неудачна, потому что этимъ самъ Долгорукій въ то время скомпрометировалъ себя и Россію передъ черногорцами.

Существуетъ у черногорцевъ разсказъ изъ того времени, что, когда по приказанію Долгорукаго, Степанъ былъ посаженъ въ комнатѣ выше его покоевъ, то народъ говорилъ: «Видно, что это царь: оттого и посадили его выше». Конечно, народъ черногорскій и въ то время не былъ такъ глупъ, чтобы не понимать, почему его посадили выше, откуда труднѣе сдѣлать побѣгъ; и этотъ анекдотъ не что иное, какъ отголосокъ тѣхъ шутокъ и насмѣшекъ, которыя тогда ходили въ народѣ на счетъ представителя Россіи. Что же касается отзыва о немъ венеціанскихъ чиновниковъ, то нѣтъ сомнѣнія, что такой, какъ говорятъ малороссы *пройдисвѣтъ*, проведетъ кого угодно и въ отвѣтахъ не будетъ лазить въ карманъ за каждымъ словомъ; если такіе люди, какъ Зановичъ, удостоивались состоять въ корреспонденціи съ знаменитостями ума въ вѣкъ просвѣщенія, то не мудрено, что Степанъ Малый получилъ аттестацію человѣка со свѣтлымъ умомъ и быстро дающаго отвѣты мудрые отъ чиновника просвѣщенной державы, для котораго, между прочимъ, стояли на первомъ планѣ другія его качества, это — миролюбіе и мягкость, а въ заключеніе, какъ резюме всего, является то, что въ немъ «нѣтъ недостатка въ хорошей идеѣ управленія», подъ которою разумѣлась, конечно, идея, соотвѣтствующая желаніямъ и цѣли Венеціанской республики.

Любиша, какъ новеллистъ, хотя и стоитъ довольно твердо на исторической почвѣ, нуждается въ героѣ, въ какіе онъ и производитъ Степана Малаго, придавъ особенное значеніе самымъ незначащимъ ничего отзывамъ о немъ, что онъ былъ здраваго ума, разсудительный и добраго сердца, заботился о мирѣ и объ

уничтоженіи кровавой мести, не былъ ни скупъ, ни расточителенъ и т. д. Что онъ былъ не глупъ, объ этомъ и говорить нечего, водворить миръ было для него условіемъ его существованія, добрымъ же онъ обязательно долженъ былъ показываться, только эта доброта постоянно показывалась на чужой счетъ. Впрочемъ, и самъ онъ нуждался и потому бралъ глобу, дѣлясь съ главарями и угощалъ народъ. Но онъ былъ веселаго и добраго нрава; ему недоставало только болѣе возвышеннаго ума и характера, и онъ былъ чисто орудіемъ другихъ, которые сумѣли его одурачить и вскружить ему голову, или онъ не имѣлъ характера, чтобы дать отпоръ завладѣвшимъ имъ его благодѣтелямъ. Это такъ ясно. Человѣкъ, видимо, всегда нуждавшійся и не имѣвшій въ мірѣ никого и ничего, онъ радъ былъ, что послѣ всѣхъ скитаній, нашелъ себѣ тихое убѣжище: собираетъ травы и лѣчитъ людей, и за то, а также за нѣкоторыя познанія его, вынесенныя имъ изъ жизни и скитаній по свѣту, къ нему относятся съ уваженіемъ; за добрый и веселый нравъ свой онъ вездѣ является пріятнымъ гостемъ. На этомъ онъ могъ остановиться и прожить счастливо, наживая копѣйку своимъ трудомъ, и обзавестись своею семьей и домкомъ, чему охотно помогли бы добрые приморцы. Вотъ къ чему у него было призваніе, еслибъ не данъ былъ толчекъ извнѣ.

Это совершенно вяжется съ тою характеристикой его у С. Милютиновича, который ее получилъ отъ владыки Петра I, знавшаго самозванца лично и наблюдавшаго все, что происходило въ то время, и умѣвшаго, конечно, цѣнить людей не хуже венеціанскихъ чиновниковъ.

С. Милютиновичъ, говоря, что Степанъ Малый не имѣлъ понятія ни о государствѣ, ни о потребностяхъ народа, ни о политикѣ, ни о сущности правды, о пользѣ всего человѣчества и т. д., тѣмъ самымъ показываетъ, что все это было въ прежнихъ правителяхъ Черногоріи — владыкахъ, и въ этомъ онъ существенно разнится отъ Милаковича, который, не подозрѣвая этого во владыкахъ, воображаетъ, что Степанъ Малый, человѣкъ самаго

обыкновеннаго ума и безъ всякой подготовки къ управленію народомъ, можетъ сразу сдѣлаться хорошимъ правителемъ и осчастливить народъ своимъ правленіемъ.

Въ сужденіи о Степанѣ Маломъ выразилась рѣзче всего разница въ историческихъ взглядахъ и въ складѣ ума двоихъ черногорскихъ историковъ: С. Милютиновичъ, самоучка, народный секретарь владыки Петра I, къ историческимъ лицамъ и событіямъ прикладываетъ мѣркою идеалъ, сложившійся подъ вѣяніемъ философско-политическихъ размышленій; тогда какъ у Милаковича, прошедшаго высшія науки въ Австріи и вращавшагося въ кругу людей науки и литературы, притомъ много позже Милютиновича, эта идеальная мѣрка отсутствуетъ, и потому у него самый обыкновенный человѣкъ можетъ попасть въ великіе люди, а истинно-великіе люди низводятся на степень самыхъ заурядныхъ личностей; вслѣдствіе чего онъ приходитъ иногда въ столкновеніе съ самимъ собою. Увлеченный талантами и первыми успѣхами самозванца, онъ совершенно забываетъ остановиться на обстановкѣ его, т. е. на людяхъ и обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его, какъ будто это не имѣло къ нему никакого отношенія или все было имъ же создано; а въ заключительномъ словѣ самъ же говоритъ о немъ слѣдующее: «Долгорукій въ своей запискѣ говоритъ, что Степанъ былъ человѣкъ замѣчательный и высокаго достоинства, рожденъ въ Босніи, и архимандритъ Ѳеодосій Марковичъ побудилъ его дебютировать въ роли русскаго императора. Этотъ архимандритъ, родомъ изъ Маинъ, жилъ одно время въ Россіи, и очень возможно, что, *въ соглашеніи съ болѣе знатными черногорскими главарями*, видя неспособность къ управленію владыки Саввы, *онъ побудилъ Степана разыгрывать роль русскаго императора*» (стр. 133).

Вотъ гдѣ самая суть и главный смыслъ этой комедіи: творцами и дирижерами были люди, составившіе цѣлый комплотъ, а Степанъ Малый былъ только вышколенный ими актеръ, что́ и показываетъ весь ходъ дѣла, если вы отнесетесь къ нему критически и безъ предвзятой идеи.

СОБЫТІЯ ПОСЛѢ САМОЗВАНЦА.

По смерти Степана опять выступаетъ правителемъ Черногоріи въ третій уже разъ несчастный Савва, и въ тотъ же самый мѣсяцъ Махмудъ-паша, Скадарскій Бушатлія, разорилъ и пожегъ Кучи, но на обратномъ пути долженъ былъ за то потерять болѣе 1000 чел. убитыми, такъ дорого заплативши за дикое и безсмысленное разореніе какой-нибудь сотни лачугъ.

Къ этому же, вѣроятно, времени нужно отнести записанное у С. Милютиновича покушеніе венеціанцевъ на Станевичи. Бригадиръ Раде Маика, собравши 700 чел., напалъ на Станевичи; но посланный Саввою племянникъ его Петръ наскоро собралъ черногорцевъ и поспѣшилъ на выручку монастырю, разбилъ бригадира и загналъ въ одно поборское село, гдѣ и держалъ его три дня въ осадѣ, а потомъ, конечно, оставилъ.

Венеція, какъ видно, не измѣняла своей тактики. Послѣ несчастной, лично для Стефана Малаго, битвы на Кчевѣ 1768 г., она тотчасъ схватила и посадила въ тюрьму нѣсколько главарей изъ тѣхъ трехъ приморскихъ племенъ, которыя по договору 1718 г. состояли подъ юрисдикціей черногорскаго владыки и въ послѣднее время показали сочувствіе Степану Малому. По произведеніи слѣдствія двое изъ нихъ были осуждены на смерть, другіе подверглись ссылкѣ, а дома ихъ сожжены.

«Понынѣ въ Маинахъ — прибавляетъ Милаковичъ — на возвышеніи виднѣются стѣны сожженнаго дома, въ которомъ была резиденція Степана Малаго».

ВЛАДЫКА ПЕТРЪ I.

Еще при владыкѣ Саввѣ племянникъ его, архимандритъ Петръ, по всѣмъ вѣроятіямъ, принималъ участіе въ правленіи, предоставляя высшую власть со всѣмъ внѣшнимъ почетомъ своему престарѣлому дядѣ. Этому участію въ правленіи молодого архимандрита нужно приписать то, что 8 послѣднихъ лѣтъ правленія Саввы прошли мирно.

Петръ, бывши діакономъ, посланъ былъ въ Россію для пріученія къ церковнымъ порядкамъ, и присутствовалъ при смерти въ Петербургѣ владыки Василія, послѣ чего онъ и другіе спутники покойнаго съ должною честью въ сопровожденіи двоихъ русскихъ офицеровъ отправлены были обратно въ свое отечество. Вскорѣ по его прибытіи въ Черногорію появился Степанъ Малый и на его глазахъ совершилась вся эта комедія, длившаяся 7 лѣтъ; самъ онъ былъ даже арестованъ. Если вообще театръ дѣйствуетъ поучительно на зрителей, то послѣдняя комедія, данная на черногорской сценѣ, была въ высшей степени поучительна для будущаго владыки Черногоріи, въ то время молодого и воспріимчиваго, но достаточно уже зрѣлаго умомъ и подготовленнаго жизнію и путешествіемъ. Петру это послужило школой. Здѣсь, наблюдая въ качествѣ не совсѣмъ постороняго, а можно сказать, закулиснаго зрителя, онъ имѣлъ случай видѣть, кѣмъ и чѣмъ управляется народъ, какъ и куда его ведутъ, и что́ онъ представляетъ самъ собою. Смутныя эпохи — самыя любопытныя для серіознаго наблюдателя народной жизни, потому что здѣсь больше, чѣмъ во время полнаго спокойствія и стройнаго теченія народной жизни однимъ русломъ, точно опредѣленнымъ крѣпкими плотинами изъ давно установившихся и устоявшихся государственныхъ формъ и административной организаціи, высказывается народный характеръ и всѣ его добрые и дурные инстинкты, какъ природные, такъ и привитые ему исторіей или явившіеся вновь подъ вліяніемъ внѣшнихъ факторовъ и случайныхъ обстоятельствъ.

Петръ имѣлъ возможность во всей наготѣ узнать свой народъ и его главарей и оцѣнить ихъ общіе и частные недостатки и добродѣтели; тутъ онъ научился любить и ненавидѣть, а въ концѣ концовъ долженъ былъ прійти къ глубокому убѣжденію, что въ жизни и исторіи народа слишкомъ много, такъ сказать, деспотически дѣйствуютъ чисто личныя, узко эгоистическія цѣли и побужденія, и поэтому, чтобы быть вождемъ истинно народнымъ, нужно прежде всего полное самоотверженіе, и затѣмъ для

достиженія цѣли необходимо постоянство, неуклонное слѣдованіе по одному разъ избранному пути, для чего нужно закалить въ себѣ силу воли и запастись громаднымъ количествомъ терпѣнія.

Таковымъ былъ владыка Петръ I въ продолженіе всего своего правленія съ 1782 — 1830 г., слѣдовательно чуть не полустолѣтній періодъ. Никто изъ владыкъ не вынесъ больше, чѣмъ онъ, нравственныхъ обидъ и страданій, самыхъ тяжелыхъ по послѣдствіямъ разочарованій; и при всемъ томъ онъ до послѣдняго издыханія оставался вѣренъ своему идеалу и ни разу на всемъ своемъ тернистомъ пути не повернулъ назадъ и не забрелъ въ сторону.

Ему привелось жить и дѣйствовать въ эпоху, когда въ Западной Европѣ оказались подкопанными основы вѣры и государства, когда колебались и падали троны, теряли самостоятельность цѣлыя государства; когда всѣ народы пришли въ какое-то броженіе, напоминая время первыхъ передвиженій человѣчества, и вся Европа судорожно сжималась будто подъ вліяніемъ какой-то міровой, стихійной силы.

Случайно или нѣтъ, Черногоріи привелось быть не только свидѣтельницей, но и дѣятельной участницей въ порожденныхъ этимъ общимъ движеніемъ событіяхъ.

Приглашенная тремя великими державами: Россіей, Австріей и Англіей дѣйствовать въ Боккѣ противъ Наполеона, передъ которымъ начинала уже трепетать Европа, Черногорія является дѣятельною участницею міровыхъ событій и честно и славно выполняетъ возложенное на нее дѣло. Но прежде и послѣ этого ей и особенно ея владыкѣ привелось вынести много бѣдъ, обидъ и личныхъ оскорбленій.

Начиная съ того, что его, подготовлявшагося для своего сана въ Петербургѣ, не допускаютъ въ Россію для посвященія въ епископы, воротивши изъ Вѣны, и онъ долженъ былъ посвятиться въ Австріи у сербскаго патріарха въ Карловицахъ. Затѣмъ, въ 1785 г., пользуясь его отсутствіемъ и несогласіемъ между главарями и племенами, турки разоряютъ Цетинье и всю

почти Черную-Гору и Приморье. Послѣ этого онъ болѣе году ходилъ межъ народомъ: поучалъ, увѣщевалъ, ободрялъ, мирилъ, уговаривалъ, чтобы не слушались никакихъ подстрекателей и не поддавались бы ложнымъ обѣщаніямъ турокъ, ихъ исконныхъ враговъ, не обязывались бы имъ платить *арачъ* и не ходили бы къ нимъ.

Трудясь для народа, такимъ образомъ, день и ночь, онъ безъ всякихъ крутыхъ мѣръ и безъ малѣйшаго насилія достигъ полнаго умиротворенія страны во всѣхъ ея частяхъ и обезпечилъ ее поднятіемъ народнаго духа настолько, что внѣшній непріятель не могъ найти себѣ ни въ комъ помощи, и что по первому призыву все готово было подняться на защиту своей земли съ рѣшимостію скорѣе всѣмъ погибнуть, чѣмъ признать надъ собою чужое господство.

ЗАТѢЯ ГУВЕРНАДУРА.

Надобно замѣтить, что, когда вступилъ владыка Петръ, живъ былъ еще владыка Арсеній; но онъ былъ настолько слабъ, что не вмѣшивался въ дѣла; была, однако, еще личность, которая затѣвала произвести цѣлый переворотъ въ Черногоріи, — это былъ гувернадуръ Іоко Радоничъ, сынъ доблестнаго Станка, избравшій совсѣмъ иной путь, чѣмъ его отецъ, который всегда былъ другомъ и вѣрнымъ товарищемъ своего владыки.

Этотъ Іоко Радоничъ, тайно, безъ сомнѣнія, участвовавшій и въ дѣлѣ самозванца, задумалъ, по словамъ С. Милютиновича, ни много, ни мало, какъ предать Черногорію Австріи: съ этою цѣлью онъ ѣздилъ въ Вѣну и привелъ оттуда на Цетинье какую-то коммиссію отъ цесаря подъ предлогомъ основать тутъ типографію и печатать сербскія книги для народа; но въ дѣйствительности этимъ людямъ поручено было разсмотрѣть Черногорію, изслѣдовать, какія могутъ быть отъ нея выгоды, и развѣдать, какъ приметъ то народъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ люди эти сняли карту Черногоріи и, работая такимъ образомъ все время своего пребыванія въ Станевичахъ 9 мѣсяцевъ и не сказавши никому о своей миссіи и

ничего не сдѣлавши, удалились. Но типографію они оставили въ даръ гувернадуру, который потомъ продалъ ее кому-то въ Боккѣ.

С. Милютиновичъ записалъ это, конечно, по словамъ владыки Петра I, и потому у него это дѣло является не въ полномъ свѣтѣ. Объясненіе его находимъ, однако, у Ленормана (стр. 207 и 353 — 354), который опредѣленно говоритъ, что «свѣтскій регентъ Иванъ Радоничъ былъ посланъ въ Вѣну, чтобы заключить союзъ съ Австріей». Къ этому побудила сама Австрія, желавшая сама занять въ Черногоріи мѣсто, до тѣхъ поръ занятое Россіей. Это было въ 1778 г., когда и заключенъ трактатъ, состоящій изъ 11 статей. Подъ фразами: «черногорскій народъ останется вполнѣ независимымъ, — не будетъ никогда платить податей императорскому двору» и т. п. — скрывается тонъ суверенной державы, трактующей со своимъ вассаломъ, который получаетъ отъ своего суверена извѣстную плату и за то обязывается всегда быть готовымъ на службу ему. Особенное значеніе имѣетъ 7-я ст.: «Губернаторъ, митрополитъ, сердари, воеводы и сельскіе старшины будутъ получать отъ австрійскаго двора постоянное жалованье», и 8-я: «Черногорцы должны содержать на счетъ императорскаго двора постоянное войско изъ 300 чел., которое предназначается для удержанія народа отъ нападенія на турокъ, во время мира съ ними» (весь трактатъ см. примѣч. 10).

Изъ этого видно, что всѣ главари черногорскіе, начиная съ губернатора, который поставленъ выше митрополита, состоящіе на жалованьѣ — слуги Австріи, хотя въ другихъ статьяхъ и идутъ обѣщанія присоединить къ Черногоріи всѣ Брда, Подгорицу, Герцеговину и т. д.

Помощникъ владыки Саввы, Петръ, тогда еще не посвященный даже въ епископы, естественно, былъ совершенно подавленъ властью губернатора. Но ему удалось, кажется, задержать окончательную ратификацію этого трактата, такъ какъ онъ былъ заключенъ и подписанъ только Радоничемъ и не былъ предложенъ скупштинѣ. Въ 1779 г. Петръ, въ сообществѣ того же

Радонича, отправляется въ Россію, чтобы прежде всего заручиться благорасположеніемъ русскаго двора. Это ему удалось вполнѣ; но за то на возвратномъ пути ему привелось задержаться въ Берлинѣ вслѣдствіе того, что австрійское правительство долго не соглашалось пропустить его черезъ Вѣну.

По смерти Маріи-Терезіи вступилъ на престолъ Іосифъ II, который еще тѣснѣе сблизился съ Россіей въ союзѣ противъ Турціи, а по тому самому долженъ былъ хорошо относиться къ Черногоріи.

Въ поѣздкѣ въ Россію Радоничъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ только соглядатаемъ; искренняя же, тайная связь у него была съ Австріей, которая постепенно стала входить въ роль Венеціи по отношенію къ Черногоріи.

Мы уже упоминали, что учрежденіе губернаторства было отчасти на-руку венеціанцамъ или, вѣрнѣе говоря, венеціанцы постарались извлечь изъ него свою пользу и тотчасъ стали платить губернатору жалованье и постарались, чтобъ онъ даже и жилъ въ Которѣ. Вукотичи отказались отъ этой чести, находя для себя это несподручнымъ; а Радоничамъ было все равно, жить на Нѣгушахъ или въ Которѣ; они могли жить и тутъ, и тамъ и имѣть, такъ сказать, двѣ резиденціи. Перваго изъ нихъ, Станка Радонича, мы не можемъ упрекнуть, чтобы онъ работалъ противъ Черногоріи или противъ владыки въ свою пользу; но сынъ его былъ несомнѣннымъ антагонистомъ владыки, и не изъ личныхъ какихъ-нибудь столкновеній съ нимъ, а просто потому, что добивался самъ сдѣлаться полновластнымъ господиномъ, къ чему его, конечно, подстрекали со стороны Венеціи, обѣщая ему помощь и разныя блага; а потомъ Австрія.

Здѣсь — начало того антагонизма между владыкой и гувернадуромъ, который съ теченіемъ времени выступалъ все рѣзче и рѣзче, пока не разразился открытою войною между этими двумя властями, окончившейся безвозвратнымъ изгнаніемъ гувернадура со всѣмъ семействомъ изъ Черногоріи.

Къ этому предмету мы еще воротимся въ своемъ мѣстѣ; но прежде всего намъ предстоитъ, по крайней мѣрѣ, перечислить

главнѣйшія событія въ Черногоріи почти за 50 лѣтъ правленія Петра I. Милаковичъ посвятилъ этому періоду почти половину своей книги; поэтому намъ для нашего очерка нѣтъ надобности излагать всѣ событія съ тѣми подробностями, съ какими они уже изложены у него; а вмѣсто того мы можемъ остановиться на той сторонѣ событій, которая представляетъ интересъ именно подробностями, отсутствующими въ книгѣ Милаковича, или на фактахъ, нуждающихся, по нашему мнѣнію, въ разъясненіи и освѣщеніи.

Всѣ эти событія разбиваются на группы: на первомъ планѣ стоятъ военныя дѣла съ турками; затѣмъ — европейская война съ французами, въ которой Черногорія участвуетъ по приглашенію трехъ великихъ державъ; отношенія Черногоріи къ другимъ государствамъ; внутреннее состояніе Черногоріи и характеристика владыки Петра I.

ВОЕННЫЯ ДѢЛА СЪ ТУРКАМИ И АФЕРА АВСТРІЙСКАГО ПОЛКОВНИКА ВУКАСОВИЧА.

Съ турками у черногорцевъ были непрерывныя битвы безъ войны, потому что понятіе о войнѣ предполагаетъ предшествующій ей миръ и потомъ объявленіе разрыва, чего никогда не бывало между Черногоріей и Турціей, такъ какъ послѣдняя нападала, когда ей вздумается, когда только представится къ тому удобный случай. Изъ Черногоріи такого рода неожиданныя нападенія бывали только четами, т. е. небольшими отрядами или скорѣе шайками, и были вызываемы чѣмъ-нибудь со стороны турокъ. Черногорцевъ сдерживало по отношенію къ Турціи то, что они не могли обойтись безъ базаровъ, которые всѣ почти, кромѣ Рѣки, были въ рукахъ турокъ; особенно во время ссоръ съ венеціанскими властями и ихъ подданными, когда Венеція затворяла для нихъ свои базары.

Экономическія причины, слѣдовательно, заставляли черногорцевъ сдерживаться по отношенію къ Турціи, но онѣ же иногда и вызывали нападенія.

Однако, кромѣ мести за самихъ себя, черногорцы всегда являлись на помощь герцеговинскимъ ускокамъ, пиперамъ и кучамъ, которые, въ свою очередь, помогали черногорцамъ. Связь тутъ была самая тѣсная и интимная, несмотря на то, что между ними стояли турки, дѣля ихъ географически на двое, и чѣмъ сильнѣе становилась Черногорія, чѣмъ смѣлѣе она выступала противъ Турціи, тѣмъ крѣпче примыкали къ ней эти племена. Тутъ не было никакой внѣшней связи, но внутренняя связь была неразрывная.

Въ то же время вовлекаютъ Черногорію въ войны съ Турціей Россія и Австрія; притомъ онѣ приглашаютъ ее, обращаясь не только къ владыкѣ ея, государю, но прямо къ народу, для чего и посылаютъ спеціально съ этою цѣлью своихъ людей, которые раздаютъ боевую муницію, деньги, а иногда приводятъ съ собою цѣлые отряды.

Путь этотъ открытъ былъ прежде всего Петромъ В., который впервые послалъ къ черногорцамъ Милорадовича; затѣмъ является кн. Долгорукій и распоряжается, какъ мы видѣли, самостоятельно, какъ у себя дома. А въ 1788 г. является въ Черногорію австрійскій майоръ Филиппъ Вукасовичъ съ Людовикомъ Пернетомъ и приводятъ съ собою 400 солдатъ съ громадною суммою денегъ (около 100,000 цекиновъ), съ съѣстными припасами, съ боевою муниціей и съ манифестомъ отъ императора Іосифа II.

Владыка, однако, отказывался отъ содѣйствія Вукасовичу до тѣхъ поръ, пока русскій полковникъ Тутолминъ не привезъ манифестъ русской императрицы, съ приказаніемъ черногорцамъ слушаться во всемъ Вукасовича.

Въ планъ Австріи входило привлечь къ участію въ войнѣ противъ Турціи и албанцевъ съ ихъ пашою Махмудомъ-Бушатліей, который, повидимому, стремился къ независимости. Съ этою цѣлью отправлялся въ Скадаръ посланникъ Броньяръ съ богатыми дарами, цѣнностію до 50,000 цекиновъ, и съ нимъ капитанъ Пернетъ, лейтенантъ Шенпфлугъ и православный монахъ

Дебеля изъ Бара. Владыка никакъ этого не совѣтовалъ, доказывая, что Махмудъ-паша, какъ магометанинъ, никогда не соединится съ христіанами противъ своего султана; но его не послушали и посольство отправилось.

Вотъ какъ это было по разсказу Кипріяна Робера. Махмудъ-паша еще до прибытія этого посольства, получивши только увѣдомленіе о замыслахъ Австріи, сталъ оказывать особенную склонность къ христіанству и обѣщалъ самъ принять католичество, если только его признаютъ сувереномъ Албаніи. Для этого онъ прибылъ въ Подгорицу, куда созвалъ главарей всѣхъ горныхъ арнаутскихъ племенъ, христіанъ и магометанъ, которые были ему преданы. Онъ велѣлъ этимъ главарямъ принести присягу и самъ съ ними присягалъ въ томъ, что будутъ биться до смерти съ врагами своей свободы, т. е. съ турками. Одни принимали присягу на крестѣ и евангеліи, другіе на алкоранѣ. Послѣ этого изъ Дубровника прибылъ съ привѣтствіями къ Махмудупашѣ отъ республики гр. Кабога; а императоръ Іосифъ II послалъ ему массивный серебряный крестъ. Махмудъ затопилъ въ Боянѣ турецкую флотилію и обложилъ скадарскую крѣпость, чтобы тамошняго пашу съ войскомъ принудить голодомъ къ сдачѣ. Въ это время является Броньяръ. Его отлично приняли; за дары императора паша посылаетъ ему длинное албанское ружье и пару пистолетовъ (леденицы) въ серебряной оправѣ и съ позолотой. Послы получили письма и были отпущены, сопровождаемые съ большимъ почетомъ до самыхъ лодокъ на Скадарскомъ озерѣ. Они уже далеко отплыли отъ Скадра, какъ были остановлены съ берега подъ предлогомъ, что нужно передать имъ еще нѣкоторыя письма. Но только они подошли къ берегу, на нихъ напали и всѣхъ убили. Все, что было при нихъ, отнесено къ пашѣ, который, въ свою очередь, всѣ эти трофеи послалъ султану, какъ знакъ своей вѣрности и приверженности.

Остался въ Черногоріи одинъ Вукасовичъ; но съ нимъ никакъ не могъ согласиться владыка и удалился въ Станевичи, оставивши его на Цетиньѣ.

Мы говорили уже, что черногорцы никогда не нападали сами на турецкіе предѣлы, особенно если не было никакого повода, а тутъ именно требовалось отъ нихъ такого рода нападеніе единственно въ угоду другому; черногорцы сильны были всегда только при отраженіи непріятеля отъ своихъ границъ, а для нападенія у нихъ не было силы. Вукасовичъ это могъ понять, но не хотѣлъ, потому что онъ посланъ былъ съ тѣмъ, чтобы поднять черногорцевъ во что бы то ни стало, надѣясь, что къ нему примкнутъ всѣ албанцы-христіане; а какъ на этихъ надѣяться — мы уже видѣли.

Владыка имѣлъ полный резонъ не соглашаться съ Вукасовичемъ, тѣмъ болѣе, что не видѣлось никакой помощи со стороны Россіи, которая тоже обѣщала явиться съ флотомъ.

Наконецъ, владыка уступилъ настояніямъ Вукасовича; написалъ игумену острожскаго монастыря Іосифу Бошковичу письмо, чтобъ онъ помогъ ему, и началось движеніе. Но тогда сильное войско двинулъ визирь Скадарскій на Кучи и Пиперы; а изъ Босніи и Герцеговины пошло другое войско на Пѣшивцы и Бѣлопавличи.

Въ это самое время (въ 1789 г.) изъ Россіи прибылъ гр. Маркъ Ивеличъ, родомъ изъ Рисна, съ манифестами императрицы Екатерины, и присоединился къ Вукасовичу.

Вукасовичъ принялся за осаду Спужа, а Ивеличъ оперировалъ противъ Оногошта съ 2,000 черногорцевъ подъ предводительствомъ гувернадура Іока Радонича. Они подняли всѣхъ христіанъ изъ окрестности и сами остановились въ Требьесѣ противъ Оногошта.

Успѣха не имѣли ни Вукасовичъ, ни Ивеличъ, и оба они должны были удалиться.

Относительно экспедиціи Вукасовича Ленорманъ дѣлаетъ слѣдующее весьма важное разоблаченіе.

Описавъ неудачную операцію противъ Спужа, онъ продолжаетъ: «Нѣкоторыя особенности въ поведеніи Вукасовича убѣдили черногорцевъ, что онъ ихъ обманывалъ (qu'il les trahissait). Тогда всѣ поднялись, и толпа черногорцевъ окружила императора

скаго посланника и его товарищей въ одномъ селѣ въ Загарчѣ, гдѣ и держала ихъ, какъ плѣнниковъ. Узнавъ объ этомъ зловѣщемъ происшествіи, владыка поспѣшилъ послать въ Загарачъ своего брата Савву, пользовавшагося большою популярностію въ Черногоріи, чтобы освободить Вукасовича и предупредить столкновеніе, которое могло дойти до кровопролитія. Ему оказано было повиновеніе; но офицеръ императорской арміи, наскучивши принятою имъ на себя миссіею и видя постоянное недовѣріе къ себѣ народа, поспѣшилъ сѣсть на корабль въ Которѣ, откуда онъ отправился черезъ Венецію въ Австрію». И еще къ этому добавляетъ авторъ: «Два вѣнскіе журнала «Austria» 1845 г. и «Soldatenfreund» 1853 г. очень подробно описываютъ миссію Вукасовича. Но ихъ реляціи намѣренно умалчиваютъ объ истинныхъ причинахъ неуспѣха австрійскаго полковника» (стр. 224).

Но вся эта афера печально отразилась на Черногоріи и на ея союзникахъ, герцеговинскихъ христіанахъ.

Село Требьесъ было тотчасъ же предано огню, и жители, 35 семействъ, должны были бѣжать и скитаться по Черногоріи, на которую тоже со дня на день нужно было ожидать нападенія турокъ, связанныхъ немного продолжавшеюся еще войною съ Австріей и Россіей. У Черногоріи же средствъ не было ровно никакихъ и, задумываясь надъ такимъ положеніемъ Черногоріи, въ виду спѣшной потребности запастись, во что бы то ни стало, боевою муниціей, владыка рѣшился обратиться къ императору австрійскому и послалъ къ нему своего секретаря, аббата Дольчи. Іосифъ II, который такъ благоволилъ къ Черногоріи, въ это время померъ, и на престолъ вступилъ Леопольдъ II, что́, однако, было все равно.

«Исполненное доброты сердце новаго монарха — говоритъ Милаковичъ — тронуто было прошеніемъ черногорцевъ, и онъ повелѣлъ *безъ всякой платы* послать Черногоріи достаточное количество муниціи» (стр. 149) [1]).

[1]) Относительно безплатности мы считаемъ долгомъ привести слѣдующія мѣста о томъ же фактѣ изъ черногорскаго календаря «Грлица», который ре-

Въ іюнѣ 1790 г. все это дѣйствительно было доставлено въ Черногорію, и сверхъ того (въ 1792 г.) выдано 6.480 флориновъ за издержки Черногоріи во время экспедиціи Вукасовича. Между тѣмъ въ іюлѣ 1791 г. Австрія заключила съ Турціею въ Свиштевѣ миръ, первая статья котораго гласитъ такъ: «Отнынѣ да будетъ миръ вѣчный и всеобщій, на сушѣ, на морѣ и на рѣкахъ между двумя имперіями, ихъ подданными и вассалами; дружба истинная и искренняя, союзъ полный и тѣсный, освобожденіе и амнистія полная и всеобщая за всѣ непріятельскія дѣйствія, насилія и обиды, совершенныя въ теченіе этой войны со стороны обѣихъ державъ или подданными и вассалами одной изъ нихъ, которые держали сторону другого; и спеціально жители всѣхъ состояній *Черногоріи*, Босніи, Сербіи, Валахіи и Молдавіи, въ силу этой амнистіи, пусть опять вступятъ въ свои старыя жилища, владѣнія и всякія права и спокойно наслаждаются, никогда не тревожимые, ни оскорбляемые, ни наказываемые за то, что были *противниками своего собственнаго суверена*, или за то, что оказывали покорность (hommage) императорскому и королевскому дому» (Martens, Recueil de traités, t. V, p. 20).

Черногорія здѣсь впервые включена въ число подданныхъ султана: а на какомъ основаніи? не на основаніи ли трактата,

---

дактировался Милаковичемъ же и гдѣ имъ же составлена была и исторія Черногоріи, передающая фактъ иначе: «Не имѣя денегъ, митрополитъ послалъ императору Іосифу архіерейскую митру, прося послать за нее муниціи. Митру эту царица Елизавета подарила митрополиту Василію и, когда этотъ померъ въ Петербургѣ, послала ее въ Черногорію, митрополиту Саввѣ. Какъ знакъ царской милости, она была драгоцѣнна, и *стоила больше, чѣмъ во сколько была оцѣнена*. А такъ какъ Іосифъ II уже умеръ, то Леопольдъ II послалъ въ Черногорію 300 боченковъ пороху, а соотвѣтственно тому — свинцу и кремней, и препоручилъ все то подѣлить, и чтобы не воздерживались тратить это противъ турчина, общаго непріятеля и гонителя христіанства» (стр. 71 — 72). Упоминаемая здѣсь митра уже не возвращалась болѣе въ Черногорію; значитъ, муниція была дана не совсѣмъ даромъ. Мы считали необходимымъ напомнить это тѣмъ болѣе, что Милаковичъ съ особеннымъ стараніемъ указываетъ на безкорыстіе Австріи, и на стр. 162 повторяетъ это, приводя даже стихи владыки Рада изъ его «Слободіады» въ похвалу и благодарность Леопольду.

заключеннаго Радоничемъ съ Австріей въ 1778 г.? Вотъ почему Милютиновичъ имѣлъ право сказать, что Радоничъ хотѣлъ продать Черногорію Австріи.

Въ декабрѣ того же года заключила миръ съ Турціей и Россія.

Черногорія осталась одна: мечъ Дамокла занесенъ уже былъ надъ ея головою.

Въ это время требьешане были собраны и поселены въ Верхней Морачѣ, гдѣ и основали свои жилища; одинъ изъ нихъ, Малиша Вукичъ, поставленъ былъ надъ ними сердаремъ (онъ назвался впослѣдствіи Миною Лазаревичемъ); и зажили они тамъ, собирая къ себѣ ускоковъ изъ сосѣднихъ краевъ Герцеговины и ведя постоянную войну съ сосѣдними турками, особенно съ колашинцами никшичанами. Однажды въ 1795 г. собралась большая партія турокъ, напала на нихъ нечаянно, наведенная однимъ перебѣжчикомъ морачаниномъ, и сожгла не только дома, но и колибы пастуховъ. Но, когда турки возвращались съ добычею, ускоки и морачане, всего человѣкъ 30, подкараулили ихъ въ одномъ тѣсномъ проходѣ и произвели такое ужасное нападеніе, что они бѣжали, бросивши добычу и оставивши на мѣстѣ 37 чел. убитыми. Такого рода схватки были по всей турецкой границѣ: пиперы и кучи также то и дѣло нападали на турокъ.

Махмудъ-паша рѣшился наказать эти племена, и писалъ о томъ владыкѣ, совѣтуя не вмѣшиваться, на что владыка отвѣтилъ тоже письмомъ, въ которомъ говоритъ, что онъ не можетъ бросить на жертву своихъ братьевъ и, напомнивъ ему все, что́ онъ сдѣлалъ противъ Черногоріи, заключаетъ такъ: «Опять обращаюсь къ тебѣ съ совѣтомъ оставить несчастныхъ бердянъ и пощадить кровь невинныхъ; если же ты не хочешь, то — клянусь Богомъ! — съ помощью его мы будемъ защищаться противъ твоей силы и твоего нападенія, пока хоть одинъ изъ насъ будетъ въ живыхъ».

Отвѣтъ этотъ былъ, можно сказать, дерзкій, въ виду того, что Махмудъ-паша былъ человѣкъ надменный, не знавшій рав-

наго себѣ ни по физической силѣ, по росту и вообще громадности тѣла, ни по вліянію на цѣлый край. Онъ былъ при этомъ неукротимо жестокъ и рѣшителенъ, и потому все трепетало передъ нимъ и преклонялось. А коварству его также не было мѣры. Мы уже видѣли, какъ онъ поступилъ съ послами австрійскаго императора; а въ 1785 г., когда онъ, разоривши Цетинье, но видя, что ему тутъ не сдобровать и что на обратномъ пути черезъ Черногорію ему предстоитъ гибель, упросилъ Венеціанскую республику позволить ему мирно пройти черезъ ея владѣнія въ Приморьѣ, — что́ же онъ сдѣлалъ? На цѣломъ пути онъ все сжегъ и разрушилъ и убивалъ всякаго, кто не успѣлъ или не хотѣлъ бѣжать или уклониться съ дороги. Такихъ дѣлъ у него была масса. Онъ вполнѣ оправдывалъ собою черногорскія поговорки: «Не вѣрь турчину, какъ змѣѣ лютой» или «турчинъ — старый обманщикъ; никто такъ не лжетъ, какъ турчинъ». Таковъ былъ Махмудъ-паша, иначе — Кара-Махмудъ.

Владыка собралъ скупштину, на которой рѣшено было защищаться до послѣдней капли крови (20-го іюня 1796 г.), и затѣмъ стали готовиться.

Ждать привелось недолго. Махмудъ-паша явился съ войскомъ отъ Подгорицы и сталъ среди Бѣлопавлицкой долины, на возвышеніи Высочицѣ, опираясь на крѣпость Спужъ, увѣренный, что тутъ черногорцы не осмѣлятся сами напасть на него; но, видя съ ихъ стороны приготовленія, далъ битву подъ Мартиничами 11-го іюля (1796 г.). Черногорцы, однако, остались побѣдителями: турки были обращены въ бѣгство и въ числѣ бѣжавшихъ былъ самъ Махмудъ-паша раненый, а часть затворилась въ крѣпости Спужѣ. Уронъ черногорцевъ былъ ничтожный, а у турокъ убито 67 однихъ беговъ и агъ, а простыхъ множество.

Махмудъ-паша лѣчился и готовилъ новый ударъ Черногоріи, собирая и напрягая всѣ свои силы.

До сихъ поръ мы ни разу не останавливались на описаніи ни одной черногорской битвы, съ одной стороны потому, что пишемъ не полную исторію, а только очеркъ и выбираемъ изъ нея

факты и черты только самые существенные, избѣгая ничего не освѣщающихъ деталей; съ другой — нѣтъ вѣрнаго источника, такъ какъ всѣ битвы увѣковѣчены только народною пѣснью, въ которой всегда такъ много поэтическихъ прикрасъ и гипербол, что ими затемняется даже самый фактъ, не говоря уже о подробностяхъ. Но битва на Крусахъ, до которой мы дошли въ нашемъ изложеніи, случайно имѣла посторонняго свидѣтеля, русскаго дьякона Алексѣя, который былъ при владыкѣ Петрѣ I въ качествѣ секретаря по сношеніямъ съ Россіей. Его-то сообщеніе въ Россію, независимо отъ сообщенія владыки, чуждое всякихъ прикрасъ и потому заслуживающее довѣрія, и даетъ намъ возможность представить эту битву съ нѣкоторыми подробностями, чтобы по ней составить себѣ хоть приблизительное понятіе вообще о битвахъ черногорцевъ, играющихъ такую роль въ исторіи Черногоріи и наполняющихъ всю ея жизнь.

Махмудъ-паша шелъ на Черногорію отъ Подгорицы черезъ Лѣшкополе и Лѣшанскую нахію, но въ то же время постарался окружить ее турецкими войсками со всѣхъ сторонъ, чтобы растянуть ея и безъ того слабыя силы во всѣ стороны.

Вотъ какъ расположены были и двигались турецкія и черногорскія войска съ 8-го по 24-е сентября 1796 г., по запискѣ дьякона Алексѣя [1]).

Первая турецкая армія стояла между Подгорицей и Спужемъ, по правую сторону р. Морачи, подъ предводительствомъ Махмуда, визиря албанскаго и брата его Ибрагима-паши, потомъ племянника его Мехмеда-паши, печскаго паши Махмудабеговича и другихъ беговъ, алай-беговъ и агъ. Войска было 23,000 пѣхоты и конницы, кромѣ разнаго сброда, приставшаго къ главному войску.

Черногорскіе же два корпуса стояли: первый, подъ предводительствомъ митрополита Петра съ прочими сердарями, воево-

[1]) Записка эта помѣщена въ статьѣ Ж. Драговича: Черногорія и ея отношенія къ Россіи въ царствованіе императора Павла 1797 — 1801 гг (Русск. Стар. т. XXXV, 1882 г., августъ, стр. 361 — 367).

дами и князями черногорскими, на правой сторонѣ р. Матицы въ урочищѣ Волчьи-Студенцы — до 3,590 чел.; а второй, подъ командою губернатора Ивана Радонича и другихъ — подъ горою Бусовникомъ, у селенія Крусе, на той же сторонѣ р. Матицы, до 3,000 чел. Разстояніе между обоими было $3^1/_2$ версты. Черногорское войско при этомъ разбивалось на нѣсколько частей, какъ того требовала мѣстность.

Съ турецкой стороны прежде всего ударилъ сбродъ, а потомъ пошло и остальное войско тремя колоннами и, перейдя въ бродъ Матицу, турки сдѣлали еще четвертую колонну, чтобы удобнѣе окружить оба черногорскіе корпуса; но это имъ не удалось.

22-го сентября въ $8^1/_2$ час. утра турки четырьмя колоннами пошли на юришъ, сопровождая его страшнымъ крикомъ. Крикнули также и черногорцы, и эхо горъ при этомъ произвело такой звукъ, что турки пришли въ сомнѣніе. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя части черногорскаго войска должны были отступить; черезъ полчаса, однако, снова заняли прежнія позиціи и завязался бой рукопашный.

Бились такимъ образомъ 4 часа, «и войско (турецкое) до тѣхъ поръ на одномъ мѣстѣ стояло, пока побѣдители мѣсто и путь себѣ очистили. На этомъ мѣстѣ было паденіе людей, разрушенію зданія подобное. Но верхъ благополучія нашей побѣды и совершенное торжество составляетъ то, что съ такою поспѣшностію обратилось въ бѣгство противное турецкое войско, на которое такой страхъ напалъ, что то, что́ раньше къ оборонѣ имъ служило, того самаго они теперь боялись. Тогда уже оба наши корпуса, одержавъ совершенную побѣду, погнались за бѣгущими даже и чрезъ самое ихъ лагерное мѣсто и далѣе, сколько возможно было въ такомъ случаѣ побѣдителямъ за бѣгущими успѣвать». Тутъ же погибъ Махмудъ-паша; братъ его, Ибрагимъ-паша, раненый вынесенъ изъ боя однимъ муллой; со стороны турокъ пало 3,400 чел., кромѣ раненыхъ, и между ними былъ и одинъ шейхъ, «который, по ихъ (турокъ) мнѣнію, представлялъ родъ архіерейскаго класса»; *посѣчено* было 74 головы беговъ, алай-беговъ и агъ. «Остав-

шіяся же ихъ войска принуждены были тонуть въ водѣ во время побѣга при переправѣ на ладьяхъ черезъ великое Зетское озеро, предваряя одинъ другого и дѣлая этимъ препятствіе; а сколько раненыхъ и утонувшихъ, о томъ извѣстія нѣтъ; но только извѣстно то, когда были найдены обнаженныя мертвыя тѣла, въ томъ числѣ найдены 4 мертвые француза съ длинными европейскими волосами, въ турецкой одеждѣ. Добыча состояла въ слѣдующемъ: 15 знаменъ, разнаго оружія въ серебряной и золоченой оправѣ, одеждъ и другихъ воинскихъ снарядовъ и припасовъ премногое множество». У черногорцевъ убито 132 чел., ранено 237.

Милаковичъ, держась разсказа, помѣщеннаго въ календарѣ «Грлица» (1836), говоритъ, что владыка успѣлъ собрать только 4,000 катунянъ; бѣлопавличи же не смѣли принять участіе въ битвѣ, потому что ожидали на себя турокъ, которыхъ 2,000 стояло и противъ пиперъ, поэтому отъ начала до конца съ катунянами были только лѣшняне. Кучи, частію вслѣдствіе подкупа главарей, частію изъ страха визиря — были съ турками. Они, впрочемъ, не участвовали и на скупштинѣ, которая передъ тѣмъ была на Цетиньѣ. Но, по свидѣтельству черногорцевъ, участвовавшихъ въ этой битвѣ, они же, какъ только турецкое войско начало колебаться, повернули оружіе противъ турокъ и произвели въ ихъ войскѣ наибольшее смятеніе.

Отдѣльныя части черногорскаго войска иногда начинали отступать; но, одушевляемыя владыкой, снова кидались впередъ. Турки между тѣмъ всею силою ударили на село Крусы, откуда были встрѣчены сильнымъ огнемъ; а въ это время успѣли собраться всѣ части черногорцевъ: подоспѣли цермничане и изъ Рѣцкой-нахіи, и соединенными силами ударили на турокъ, сломили ихъ и погнали; и тѣ были уже не въ состояніи больше поправиться.

Въ дополненіе слѣдуетъ присоединить распредѣленіе войскъ и на другихъ мѣстахъ, также по сообщенію дьякона Алексѣя.

У Сугормана, на границѣ территорій турецкой, черногорской и венеціанской, стояло 4,000 турокъ, а черногорцевъ 978;

въ Пепичахъ (между Цермницей и Шестанами) 760 тур. и 315 черног.; отъ Спужа (противъ Бѣлопавличей) 3,700 тур. подъ предводительствомъ Мурта-бега, визирева дяди, черногорцевъ 1,600; на Лопатахъ (между Колашиномъ и Морачей) 3,000 тур., 685 черног.; на Сливнѣ (противъ Пѣшивцевъ и Острога) 2,000 тур. и 400 черног. Со стороны Герцеговины отъ Кореничей, Клобука, Стольца и Требинья, а также отъ Бѣлой-горы въ Зубцахъ, противъ Катунской-нахіи стояло 4,000 турокъ, о которыхъ черногорцы и не знали, потому что они были скрыты мѣстностію. Всего въ дѣйствіи было турецкаго войска 23,000 чел., а черногорскаго 6,540; безъ дѣйствія стояло для наблюденія границы 17,460 турокъ и 3,978 черногорцевъ.

Самымъ важнымъ трофеемъ этой битвы была смерть Махмуда-паши. Голова его отнесена была на Цетинье, гдѣ и была выставлена въ числѣ другихъ до князя Даніила.

Смерть Махмуда-паши и пораженіе его войска, такъ долго подготовлявшагося къ нанесенію Черногоріи самаго тяжелаго удара, должно было произвести удручающее впечатлѣніе на всѣхъ тамошнихъ турокъ и на всю Албанію. Арнауты, вообще мало вспоминающіе свою исторію, забывшіе даже Скендербега, въ числѣ весьма немногихъ историческихъ пѣсенъ, до сегодня сохранили пѣсню на смерть Махмуда-паши въ видѣ какого-то штурмового марша, зовущаго впередъ и напоминающаго о мести въ перемежку съ напоминаніями нѣкоторыхъ моментовъ изъ самой битвы.

Не будетъ, полагаю, лишнимъ привести здѣсь эту арнаутскую пѣсню въ дословномъ переводѣ, какъ дающую нѣкоторое освѣщеніе насколько факту, настолько и произведенному имъ впечатлѣнію. Вотъ она:

«О, паша Кавайи![1]) Тебѣ жаль твоего дяди?»—Нѣтъ, мнѣ не жаль, что потерялъ дядю, а жаль, что сломлена наша сила.

---

[1]) Городокъ Албаніи къ югу отъ Драча, близъ моря, гдѣ былъ пашою Мехмедъ, сынъ сестры Махмуда-паши.

Теперь въ той церкви [1]), памятникѣ древности, поставлены наши 7 знаменъ. Бейте, мирдиты! впередъ! Нашъ паша остался одинъ!

«Всѣ ущелья и шанцы полны невѣрныхъ, какъ мошекъ. Бейте, мирдиты!...

«Махмудъ-паша, падая въ полѣ, вскричалъ: «О, я несчастный, зачѣмъ у меня нѣтъ сына, который отомстилъ бы за меня Балабардамъ! [2]) Бейте!...

«Надъ тѣми золотыми пистолитами [3]) клялися беги Ульцина. Бейте!...

«Въ той церкви съ каменнымъ поломъ, тамъ остался Махмудъ-паша. Бейте!...

«Бейте, молодцы, груды изъ бойницъ вашихъ кулъ. Бейте!...

«Эти Пиперы и Балабарды, они убили пашу кольями изъ тына [4]). Бейте!...

«О, аманъ! владыка! не отсѣкай мнѣ голову. Бейте, мирдиты, впередъ! Еще живъ Левъ Скадра. Бейте, молодцы и герои! Бейте, пока не ворвемся внутрь Черногорья. Бейте, мирдиты, впередъ!...

«8-го октября, въ 4-мъ часу пополудни — по словамъ дьякона Алексѣя, — былъ торжественный въѣздъ въ свято-троицкій монастырь» (вѣроятно, въ Острогѣ). А слава черногорскаго оружія впервые прогремѣла по всей Европѣ. Трофеи, посланные владыкою императрицѣ Екатеринѣ, не застали уже ее въ живыхъ; но она, получивъ только первое извѣстіе объ этой побѣдѣ, назначила владыкѣ орденъ Александра Невскаго.

ДѢЛА ВЪ БОККѢ.

Во все это время Венеція будто не существуетъ; а въ 1797 году Бонапартъ однимъ штрихомъ уничтожилъ республику

---

[1]) На Цетиньѣ.

[2]) Бѣлопавличи.

[3]) Пара пистолетовъ, доставшихся въ числѣ трофеевъ черногорцамъ.

[4]) Намекъ на плохое вооруженіе черногорцевъ и на то, что они болѣе земледѣльцы и пастухи, чѣмъ воины.

и вычеркнулъ Венецію изъ числа самостоятельныхъ государствъ. Та же судьба ожидала и всѣ ея провинціи вдоль Адріатическаго моря.

Въ томъ же году боккели собираются и приглашаютъ на совѣтъ черногорскаго владыку, по совѣту котораго предаются австрійскому императору, но въ то же время образуютъ временное правленіе, «избравши своимъ протекторомъ, защитникомъ и судьею Петра Петровича, славнѣйшаго архіепископа и митрополита Черногоріи». Актъ этотъ, прочитанный въ воскресенье въ соборной церкви съ каѳедры, въ присутствіи стекшагося народа, былъ подписанъ рукою владыки.

Баронъ Рукавина съ австрійскимъ флотомъ вошелъ въ Бокку; но въ это же время французы подошли со своимъ флотомъ къ Дубровнику и послали требованіе объ удаленіи австрійцевъ изъ Бокки, угрожая въ противномъ случаѣ прибѣгнуть къ силѣ.

Въ такомъ положеніи графъ Турнъ обращается съ письмомъ къ владыкѣ, въ которомъ, между прочимъ, проситъ: «не отказать Боккѣ въ помощи со своими храбрыми черногорцами противъ общаго врага, разрушителя вѣры и самыхъ священныхъ соціальныхъ узъ, и войти въ сношенія по столь интересному и важному предмету съ его превосходительствомъ господиномъ комендантомъ Бради, или съ ближайшею властью». А въ концѣ письма Турнъ прибавляетъ: «Поручаю отеческому и благочестивому попеченію вашего святѣйшества и вашему мудрому расположенію, какъ въ настоящее время находящееся въ Которѣ императорское войско, такъ и то, которое прійдетъ для бо̀льшаго обезпеченія счастливаго результата» [1]).

Войдя такимъ образомъ въ сношеніе съ Австріей и предпочтя ее Франціи, какъ союзницу Россіи, владыка шлетъ одно за другимъ посольства русскому императору, прося объяснить, какъ держаться, и оказать ему покровительство въ случаѣ ка-

[1]) Это письмо, равно какъ и вышеуказанный актъ, въ подлинникахъ находились на Цетиньѣ и были въ рукахъ г. Милаковича.

кихъ-либо столкновеній, а также прося и денежной помощи для заведенія болѣе организованнаго внутренняго управленія въ Черногоріи.

На первое посольство полученъ милостивый отвѣтъ императора Павла, который опредѣлилъ Черногоріи ежегодно по 1,000 цекиновъ (рублей) «на общественныя нужды и въ особенности на полезныя учрежденія, посредствомъ которыхъ въ народѣ упрочивались бы христіанскія добродѣтели и доставлялись средства къ образованію, возвышая благосостояніе страны». Второе посольство было принято также хорошо, но прежде чѣмъ послѣдовало разрѣшеніе цѣлаго ряда вопросовъ, поставленныхъ владыкою, умеръ императоръ Павелъ. Императоръ Александръ подтвердилъ все, что́ было обѣщано покойнымъ родителемъ, и на томъ дѣло остановилось.

Владыка предался внутреннему устройству Черногоріи, установлялъ власти и порядокъ, издалъ законникъ, а въ это время поднялась противъ него гроза изъ Россіи.

На него донесено было, что онъ предался Франціи, а къ этому присоединилась и масса другихъ обвиненій [11]).

Оскорбленный до глубины души, владыка послалъ отвѣтъ отъ имени черногорскаго народнаго собранія, въ которомъ, напоминая, что Черногорія страна свободная и не подвластная Россіи, но всегда вѣрная и преданная ей по доброй волѣ, вслѣдствіе добрыхъ отношеній съ Россіей, отвергаетъ всякое право св. синода звать владыку черногорскаго на судъ и мѣшаться во внутреннія дѣла Черногоріи.

Дѣло потомъ разъяснилось: съ одной стороны обнаружилось, что это были чьи-то интриги (безъ сомнѣнія, архимандрита Вучетича и гр. Ивелича), а съ другой — что секретарь владыки Дольчи дѣйствительно былъ въ сношеніяхъ съ французами, за что и погибъ въ тюрьмѣ. И тѣмъ пока окончилось дѣло. Настало время, когда нужно было дѣйствовать, а не препираться; и владыка со своими черногорцами весь предался общему дѣлу, не жалѣя ни себя, ни своего народа и оставаясь самымъ вѣрнымъ

союзникомъ Россіи и ея союзниковъ и послушнымъ волѣ русскаго монарха.

Дѣла собственно въ Боккѣ такъ полно изложены въ исторіи Милаковича, а также о нихъ столько писано въ другихъ сочиненіяхъ, и въ то же время въ нихъ такъ мало характернаго для исторіи Черногоріи, которая тутъ играла совершенно подчиненную роль и служила только своею боевою силой, что намъ можно о ней и не говорить въ своемъ очеркѣ.

Скажемъ только, что черногорцы, водимые русскими, ходили по всей Боккѣ и подъ Дубровникъ, и подъ Никшичъ и Клобукъ, мѣстами одерживали побѣды, а мѣстами бѣжали; въ концѣ же концовъ, совладавши съ общимъ непріятелемъ, были въ Боккѣ полными хозяевами, и имѣли на то полное право и заслугу. Два раза черногорскій владыка, по приглашенію союзныхъ державъ и по желанію всего населенія Бокки, переносилъ свою резиденцію въ Которъ, и два раза по приглашенію тѣхъ же державъ долженъ былъ удаляться.

Въ окончательномъ результатѣ Черногорія въ смыслѣ политическомъ стала высоко, потому что была участницею міровыхъ событій и сдѣлалась величиною, съ которой стали водить счетъ на европейскихъ конгрессахъ; въ сущности же политическое положеніе ея не измѣнилось нисколько. Такъ же, какъ и прежде, она стояла лицомъ къ лицу съ Турціей, готовой ринуться на нее каждую минуту всею своей силой; въ то время какъ сзади вмѣсто Венеціи насѣдала на нее Австрія.

Что же касается внутренняго состоянія Черногоріи, то все это произвело крайне тяжелое впечатлѣніе, вслѣдствіе наставшаго за тѣмъ разочарованія, частію деморализовало народъ и разстроило его обыденную жизнь.

Тяжелѣе всѣхъ, конечно, это отразилось на самомъ владыкѣ, который напрягалъ тутъ всѣ свои силы и, по окончаніи всѣхъ дѣлъ, изнеможенный и глубоко разочарованный, безъ всякихъ средствъ, больше 10 лѣтъ былъ оставленъ и забытъ Россіей.

Исторія съ Боккой тѣмъ обиднѣе для Черногоріи, что столько усилій положено за дѣло, которое, во-1-хъ, окончилось не къ пользѣ, а къ большему стѣсненію Черногоріи; а во 2-хъ, она тогда могла употребить тѣ же силы на дѣло болѣе достойное и болѣе полезное, на помощь сербамъ, которые въ это самое время вели борьбу за свое освобожденіе.

Владыка весь былъ поглощенъ дѣлами въ Боккѣ, поэтому сначала не могъ вполнѣ понять и оцѣнить того, что́ предпринималось въ Сербіи. Тѣмъ не менѣе онъ былъ заинтересованъ Сербіей и вошелъ въ переписку съ Карагеоргіемъ, а когда сербы подошли подъ Сѣницу, то къ нему стали стекаться дробняки и васоевичи, морачане и другіе; но Карагеоргій долженъ былъ оставить Сѣницу и поспѣшить на восточную границу, гдѣ вслѣдствіе раздора между воеводами сербы потерпѣли страшное пораженіе на Каменицѣ. Будь Черногорія свободна, она помогла бы сербамъ взять Сѣницу и соединиться съ Черногоріей; но къ сожалѣнію она въ то время принадлежала не себѣ, а союзникамъ. Сношенія владыки съ Карагеоргіемъ шли черезъ Гаврила Шибайлію изъ Дробнякъ, который при самомъ началѣ сербскаго возстанія отправился туда со своимъ старшимъ братомъ Іованомъ, тамъ и погибшимъ. Съ ними же отправлялся туда и Станко Петровичъ (дѣдъ нынѣшняго князя) съ партіею черногорцевъ и герцеговинцевъ. Сочувствіе въ Черногоріи къ сербскому движенію было сильное, какъ въ народѣ, такъ и въ его владыкѣ; но черногорцы сначала были связаны дѣлами въ Боккѣ, а потомъ оказались безъ всякихъ средствъ и главное — безъ боевыхъ припасовъ.

Такое расположеніе дѣлъ можно считать несчастіемъ для цѣлаго сербства.

ОТНОШЕНІЯ КЪ ДРУГИМЪ ГОСУДАРСТВАМЪ.

а) *Къ Россіи.* Что касается внѣшнихъ отношеній, то каковы они были къ Россіи, мы знаемъ частію изъ общаго хода дѣла; а въ особомъ отдѣлѣ мы разсмотримъ ихъ подробнѣе. Съ учреж-

деніемъ русскаго генеральнаго консульства въ Дубровникѣ, сношенія эти пошли уже черезъ консула, на обязанности котораго было спеціально слѣдить за дѣлами въ Черногоріи. Сначала генеральнымъ консуломъ былъ Недоба; но онъ больше отсутствовалъ и его должность исправлялъ секретарь Іеремія Гагичъ.

Такъ же было и при Коронелли; а съ 1825 г. Гагичъ сдѣлался уже настоящимъ ген. консуломъ и оставался на этомъ мѣстѣ въ продолженіе болѣе чѣмъ 25 лѣтъ. Сербское происхожденіе Гагича много облегчало ему сношенія какъ съ черногорскимъ владыкой и черногорцами, такъ и вообще съ цѣлымъ тѣмъ краемъ, населеннымъ исключительно сербскимъ племенемъ; а насколько вѣрно онъ понималъ свое назначеніе и служилъ ему, это еще увидимъ при дальнѣйшемъ изложеніи.

Впрочемъ, какъ мы уже говорили, до 1825 года Черногорія была совершенно забыта Россіей, и только съ восшествіемъ на престолъ императора Николая Павловича начинаются прежнія отношенія: Черногоріи выдается ея пенсія за всѣ прежніе годы, въ продолженіе которыхъ она ее не получала, и потомъ выдается ей уже каждогодно.

Племянника владыки, дьякона Георгія Петровича, принимаютъ по соизволенію императора въ Александро-Невскій монастырь для подготовленія его въ будущіе митрополиты; а когда онъ оказался непризваннымъ къ духовному званію, то съ разрѣшенія государя былъ уволенъ изъ него и опредѣленъ въ военную службу по кавалеріи; и когда отправлялся въ дѣйствующую армію въ Турцію (1829 г.), то получилъ отъ императора большія милости.

Вообще императоръ Николай весьма сочувственно относился къ Черногоріи и черногорцамъ и въ свою очередь пріобрѣлъ большую любовь и популярность въ черногорскомъ народѣ.

Во время войны Россіи съ Турціей 1828 — 29 гг., черногорцы горѣли нетерпѣніемъ, чтобы сразиться съ турками, которые, зная это, постоянно держали противъ Черногоріи на готовѣ значительное войско и постоянно ей угрожали; иногда бывали и схватки; но Гагичъ этому словно противился и постоянно вну-

шалъ владыкѣ въ письмахъ, чтобы онъ воздерживалъ черногорцевъ отъ всякихъ столкновеній съ турками, а въ противномъ случаѣ разражался укорами. Вотъ одинъ изъ такихъ укоровъ владыкѣ отъ 14-го мая 1829 года.

Послѣ обычнаго вступленія, слѣдуетъ: «къ прискорбію моему я понялъ изъ вашего письма, что черногорцы — по предопредѣленію ли Всевышняго, который наказываетъ свое созданіе различными способами, или по свойственному имъ упрямству и непослушанію — нарушили заповѣдь и тѣмъ свое и своихъ единоплеменниковъ спокойствіе, поднявши голое оружіе противъ подготовленнаго вполнѣ и много сильнѣйшаго непріятеля, который со свѣчею въ рукѣ искалъ этого благопріятнаго для него случая и предлога. Не желалъ бы я пророчествовать зло — свидѣтель тому Богъ! — но боюсь, чтобы на черногорцахъ не исполнился тотъ грозный приговоръ: «Горе рабу, вѣдущему заповѣдь Господа своего и не сотворившему по ней, яко біенъ будетъ много!» Впрочемъ, буди воля Божія! — Я по должности моей сообщу объ этомъ куда слѣдуетъ и отправлю это самое письмо ваше. Пакетъ вашъ черезъ Анкону и Римъ послалъ въ Вѣну. Сообщите, прошу васъ, если заблагоразсудите, что̀ отвѣтятъ вамъ турки, чѣмъ меня премного обяжете».

Въ письмѣ русско-черногорскому агенту въ Которѣ, М. Вучичевичу, онъ выражается еще рѣзче: «Неужели черногорцевъ вовсе обуздать нельзя было преступить имъ границы? чего же они ожидать могутъ послѣ его непослушанія? Я не предвижу лучшаго, кромѣ грознаго приговора непослушнымъ во священномъ писаніи: «Горе» и проч. [1]).

И такъ симпатіи черногорскаго народа къ Россіи выражались въ то время дѣйствіями, которыя, однако, въ видахъ осторожности, были останавливаемы русскимъ представителемъ. Побѣды русскихъ надъ турками въ продолженіе войны 1828 —

[1]) Эти письма, какъ и слѣдующія, взяты нами изъ архива русскаго консульства въ Дубровникѣ.

29 гг. воодушевили владыку Петра I, который сочинилъ пѣсню, распѣваемую и нынѣ черногорцами.

б) *Отношенія къ Австріи и афера съ Орловичемъ.* Совсѣмъ иныя отношенія были, конечно, къ Австріи, которая тотчасъ же начала интриговать и шпіонировать, придираться ко всему и изъ пустяковъ возбуждать цѣлыя исторіи, перехватывать письма и т. п.; а конечною цѣлью всего этого было изолировать Черногорію, душить ее и при случаѣ отнять у нея что-нибудь. Образецъ такого рода отношеній представляетъ исторія съ нѣкіимъ Орловичемъ. Она столь характерна, что мы считаемъ приличнымъ дать ей мѣсто въ исторіи внѣшнихъ отношеній Черногоріи. Вотъ какъ она изложена въ официальномъ донесеніи Гагича отъ 24-го февраля 1820 года.

«Симеонъ Петровичъ Орловичъ, уроженецъ кроатскій и австрійскій подданный, оставивъ свое отечество Лику еще въ малолѣтствѣ, прожилъ нѣкоторое время, служа у купцовъ, въ Далмаціи, и оттуда прибылъ въ Черногору, гдѣ удостоился званія писаря при митрополитѣ и, наконецъ, сдѣлался любимцемъ онаго. По стеченію разныхъ обстоятельствъ или, лучше сказать, по естественному его влеченію къ перемѣнамъ, г. Орловичъ 1810 г. оставилъ митрополита и прибылъ въ Сербію [1]). Тамъ находившемуся тогда нашему дипломатическому агенту, статскому совѣтнику Недобѣ, случайно оказалъ услуги и за оныя, представленъ бывъ, произведенъ прямо въ коллежскіе ассесора, опредѣленъ на службу по вѣдомству государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и причисленъ къ сербской миссіи, по окончаніи коей получилъ онъ въ Вѣнѣ отъ гр. Штакельберга паспортъ и по оному отправившись черезъ Венецію, Флоренцію и Анкону, прибылъ въ Черногору, гдѣ онъ вторично благосклонно принятъ (еще бы не принять съ такими отличіями изъ Россіи!). Во время пребыванія въ Черногорѣ употребляемъ былъ митрополитомъ въ разныхъ перепискахъ и переговорахъ съ австрійцами,

[1]) Тутъ онъ продолжалъ называться секретаремъ владыки и пристроился къ Гаврилѣ Шибайліи, какъ черногорскій же агентъ (Милаков., 224).

яко сосѣдственными Черногорѣ, и по большей части жилъ онъ въ Боккѣ-которской (конечно, жизнь въ Черногоріи не могла быть по вкусу такому жуиру!), австрійскомъ краѣ, гдѣ его весьма уважали, по собственному его признанію. Въ бытность мою прошлаго года въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Боккѣ-К. и при свиданіи моемъ съ митрополитомъ черногорскимъ я любопытствовалъ о званіи Орловича въ Черногорѣ: сказано мнѣ, что онъ уволенъ отъ службы, въ чемъ онъ самъ не хотѣлъ признаться, и что онъ неоднократно просилъ высокомонаршаго соизволенія, дабы при порядочномъ жалованьѣ остаться ему въ родѣ агента въ Черногорѣ, и потому быть будто полезнымъ Россіи. Скоро по возвращеніи моемъ изъ Бокки-К., пріѣзжалъ онъ въ Рагузу на нѣсколько дней и ежедневно обходясь съ комендантомъ крѣпости и гарнизона здѣшняго и которскаго генералъ-майоромъ Шмельцеромъ, отправился въ Черногору, гдѣ, по его словамъ, ожидали его присутствовать въ какой-то комиссіи о разбираніи между австрійцами и черногорцами пограничныхъ ссоръ. При концѣ декабря мѣсяца прошлаго года вдругъ прекращаются сношенія между Рагузою и Боккою-де-Которо подъ предлогомъ, что въ сосѣдственныхъ краяхъ турецкихъ владѣній свирѣпствуетъ заразительная чума и что черногорцы имѣютъ междоусобную брань — сіе по сію пору не оправдалось — посему доселѣ неизвѣстно было, что́ въ Боккѣ-К. дѣлается. Слухи, между тѣмъ, носились, что Орловичъ, въ чемъ-то обманувъ и обокравъ митрополита, хотѣвъ убѣжать, осторожными черногорцами въ преступленіи пойманъ и арестованъ. Мало за тѣмъ пронеслась молва, что австрійцы напали явно на Черногору, и отняли пограничное оной мѣсто Станѣвичъ и въ плѣнъ взяли нѣсколько черногорцевъ: сіе въ самомъ дѣлѣ случилось. Австрійцы, хотѣвъ освободить Орловича, тогда находившагося въ Станѣвичѣ, употребили оружіе противъ черногорцевъ; сіи же, употребивъ силу противъ силы, удержали Орловича съ потерею мѣста Станѣвичи, и отправили его въ средину Черногоры въ неприступное мѣсто Цетинѣ, гдѣ митрополитъ обитаетъ. Потомъ посланный Зары отъ губерна-

тора инженерный капитанъ Кобога, соединившись съ ген.-майоромъ Шмельцеромъ, пошли уговаривать черногорцевъ къ освобожденію Орловича и, наконецъ, послѣ долго пугающихъ (продолжительныхъ) переписках и переговорахъ взаимныхъ, согласились черногорцы передать Орловича австрійцамъ и своихъ въ плѣну бывшихъ назадъ возвратили. Несмотря на лестное изложеніе ген.-майора Шмельцера, что всѣ сіи непріятности на границѣ происшедшія случились будто единственно по существующей нелицемѣрной связи и дружбѣ между Австріей и Россіей, дабы освободить невинно попадшаго россійскаго чиновника *въ руки разбойниковъ* (!), Орловичъ, какъ увѣряютъ, въ Боккѣ-К. состоитъ подъ строгимъ арестомъ». А потомъ читаемъ отъ 12-го марта: «На австрійскомъ военномъ суднѣ Орловичъ, яко арестантъ, приведенъ подъ карауломъ въ Зару; оттуда же, какъ увѣряютъ, отправятъ его въ Вѣну».

И такъ черногорцы являются разбойниками за то, что схватили мошенника, обокравшаго митрополита, обманувшаго Россію и служившаго шпіономъ Австріи противъ Россіи и Черногоріи, и за него поднимается цѣлая война и дѣлается захватъ черногорской территоріи. Это вполнѣ по-австрійски!

Между тѣмъ еще прежде того объ этомъ же Орловичѣ на запросъ Гагича съ Цетинья писали ему, что «Орловичъ въ россійскомъ мундирѣ въ Черной-горѣ обрѣтается, но не пользуется любовью и довѣріемъ митрополита и народа черногорскаго, потому что, какъ открылось, съ одной стороны — онъ исключенъ изъ русской службы и императорскому гнѣву подверженъ; съ другой — въ немъ лицемѣрная злость и онъ для черногорцевъ весьма опасенъ и россійскимъ интересамъ противенъ, *въ чемъ и сильную подпору имѣетъ*». Это письмо съ Цетинья, вмѣсто трехъ дней, шло цѣлый мѣсяцъ; по поводу чего Гагичъ пишетъ владыкѣ: «Медленное путешествіе оныхъ изъ Цетинья до Рагузы мѣсяцъ дана дае ми поводъ утвердительно мыслити, да су прошла крозъ чистительный огонь и послѣ дошла къ ихъ опредѣленію».

Это все «вслѣдствіе нелицемѣрной дружбы между Австріей и Россіей»!

Какъ затруднены были Австріей сношенія съ Черногоріей, видно изъ слѣдующаго донесенія Гагича нашему посланнику въ Вѣнѣ Татищеву (отъ 11 мая 1829 г.): «Уважая нынѣшнее положеніе митрополита Нѣгоша, притѣсненнаго чрезмѣрною бдительностію австрійцевъ, наблюдающихъ каждый шагъ черногорцевъ и подъ разными предлогами запрещающихъ, *вопреки народныхъ правъ*, всякое сношеніе митрополита съ кѣмъ бы то ни было, наипаче съ россійскими чиновниками; отношеніе же въ семъ случаѣ митрополита къ вашему высокопрев. почитая важнымъ, долгомъ почитаю препроводить вамъ депешу митрополита Нѣгоша при семъ, и вѣрною оказіею на суднѣ моего тестя, направленіе имѣющее чрезъ Тріестъ въ Анкону, отправить оную по желанію митрополита нашему консулу Герацци, препоручая ему постараться всячески съ надлежащею предосторожностію доставить вамъ оную депешу безъ отлагательства».

в) *Отношенія къ Турціи.* Отношенія къ Турціи были очень просты: ничѣмъ непримиримая вражда и вѣчный бой. Битва на Крусахъ въ значительной степени обезпечивала Черногоріи миръ со стороны Турціи; но тѣмъ не менѣе пограничныхъ столкновеній избѣжать было невозможно, и черногорцы въ этомъ случаѣ становились рѣшительнѣе, такъ что ихъ нужно было воздерживать. Но и турки дѣлали попытки крупныхъ нападеній на черногорскія окраины. Одною изъ такихъ попытокъ было нападеніе на Морачу 12,000 турокъ подъ предводительствомъ Дели-паши, а по распоряженію визиря Джеллаледина-паши въ 1820 г. они пожгли всю верхнюю Морачу и вступили въ нижнюю; но тутъ были задержаны соединенными силами морачанъ, пиперъ, бѣлопавличей и пѣшивцевъ; а другіе черногорцы засѣли въ тѣснинѣ, гдѣ туркамъ лежалъ обратный путь; здѣсь сломивши и обративши въ бѣгство, они настигли турокъ въ одномъ тѣсномъ проходѣ, убили, какъ говорятъ, 1500 чел., захвативши при этомъ 1200 лошадей; а многихъ захватили въ плѣнъ и убили на развалинахъ раз-

рушенныхъ ими домовъ верхней Морачи. Это было послѣднее нападеніе турокъ на Морачу вплоть до войны 1876—77 гг.

Кромѣ того скадарскій паша дѣйствовалъ противъ Черногоріи хитростію и старался отклонить отъ нея не только отдаленныя племена, какъ кучи или пиперы, но и ближнія. Такъ въ 1827 г. ему удалось привлечь на свою сторону цеклинскихъ главарей. Этому помогало крайнее разстройство и ослабленіе порядка внутри Черногоріи послѣ безплодной траты силъ въ Боккѣ. При всемъ томъ, въ виду угрожающей общей опасности, безпорядки прекращались, возбуждался въ народѣ прежній духъ и энергія, и непріятель, получивъ такой отпоръ, какъ напр. въ Морачѣ, надолго ограничивался одними угрозами, не рѣшаясь на такія слишкомъ рискованныя и дорого оплачивающіяся попытки.

г) *Отношенія къ Франціи и дѣло аббата Дольчи.* Въ это же время завязываются у Черногоріи сношенія и съ Франціей, дѣлающіяся потомъ постоянными и играющія впослѣдствіи важную роль въ ея политической исторіи.

Стремясь распространить свою власть и вліяніе на цѣлую Европу, Наполеонъ обратилъ свое вниманіе на Балканскій полуостровъ и тутъ впервые пришелъ въ столкновеніе съ черногорцами.

Съ того момента, какъ черногорцы вмѣстѣ съ русскими открыли первыя военныя дѣйствія противъ французовъ въ Дубровникѣ, въ 1806 г., до окончательнаго удаленія ихъ изъ Бокки и всей Далмаціи въ 1813 г., сношенія эти были то враждебныя, то дружественныя, смотря по тому, какія отношенія были между Россіей и Франціей.

Во время всей этой кампаніи, когда Бокку занимали то австрійцы, то французы, черногорскій владыка имѣлъ возможность сдѣлать сравненіе между тѣми и другими, и сравненіе это было не въ пользу Австріи. Французы въ это короткое время успѣли показать во 1-хъ, что они болѣе культурный народъ, чѣмъ австрійцы; во 2-хъ, что они лучше относились къ славянамъ вообще и взяли подъ защиту православныхъ въ Боккѣ, которыхъ преслѣ-

довали одинаково католическія Венеція и Австрія. Французы въ Которѣ возвратили православнымъ ихъ церковь, отнятую католиками, и при нихъ впервые дозволено православнымъ имѣть собственные дома въ Которѣ. Съ первыхъ же сношеній съ Австріей, владыка почувствовалъ на себѣ невыносимую тяжесть, и онъ во всякомъ случаѣ предпочелъ бы союзъ съ Франціей; французы съ своей стороны дѣлали все возможное къ этому сближенію и дѣлали владыкѣ нѣсколько разъ самыя лестныя предложенія.

Но, связанный искренними узами съ Россіей, онъ ни разу не подумалъ уступить своимъ личнымъ симпатіямъ и сойтись съ французами, повернувъ спиной къ ненавистной ему русской союзницѣ — Австріи.

За это время всѣ сношенія владыки такъ опредѣленно ясны и происходили на столько публично, что никакихъ сомнѣній быть не можетъ. Но есть указанія на тайныя сношенія еще раньше этого, именно въ 1803 г., за которыя и привелось владыкѣ перенести самое тяжелое оскорбленіе.

Какъ подѣйствовало на владыку революціонное движеніе во Франціи съ его антирелигіознымъ характеромъ, можно знать впередъ. Оно ясно выражено имъ въ письмахъ, посланныхъ въ то время къ разнымъ лицамъ въ Россію. Возмущаясь всѣмъ, что дѣлалось во Франціи, онъ былъ полонъ негодованія противъ нея, и потому, какъ только французы заняли Венецію, онъ, ни минуты не колеблясь, немедленно вмѣстѣ съ пригласившею на совѣтъ Боккою сталъ подъ защиту Австріи, на которую въ то же время смотрѣлъ, какъ на союзницу Россіи. Но сразу увидѣлъ, что дѣло тутъ гораздо сложнѣе, чѣмъ казалось на первый взглядъ, и не такъ легко. Находясь въ такомъ сомнѣніи и не имѣя никакого знака изъ Россіи, онъ отправилъ въ Петербургъ сначала одно посольство, потомъ вслѣдъ за нимъ другое. Одно это показываетъ, въ какомъ тревожномъ настроеніи онъ находился — и было отъ чего тревожиться! — и какъ онъ хлопоталъ въ эту тяжелую минуту соединиться ни съ кѣмъ другимъ, какъ съ Россіей. Но изъ

Россіи, какъ мы знаемъ, не послѣдовало никакого отвѣта; а между тѣмъ опасность была на носу: Австрія его гнететъ, а Франція также можетъ нахлынуть. Тогда онъ входитъ въ сношеніе съ Франціей, чтобы на первый случай обезпечить Черногорію, ради которой онъ живетъ и дѣйствуетъ, помимо всѣхъ личныхъ симпатій и антипатій внѣ ея. Онъ не только духовный глава своего народа, но и глава государства; руководя политическою жизнью своего народа, онъ долженъ быть прежде всего политикомъ, отбросивши не только свои личныя симпатіи, но и симпатіи народно-религіозныя, которыя неизбѣжно пострадаютъ, какъ скоро страна и народъ потеряютъ политическую свободу.

На сношенія эти есть указаніе у одного французскаго писателя того времени Vialla de Sommières. Онъ говоритъ слѣдующее: «Я не могъ разобрать, каковы могли быть въ то время наши сношенія съ Черногоріей; въ 1803 г. встрѣчаю одного высшаго кавалерійскаго офицера, по имени Félix de Laprade, который лично зналъ владыку или князя-епископа Петра I и пользовался его уваженіемъ и дружбой. Феликсъ-де-Лапрадъ находился въ Гагѣ (въ Голландіи), когда владыка послалъ къ нему своего племянника съ депешами. Владыка приглашалъ французскаго офицера прибыть для принятія команды надъ всѣми черногорскими войсками для дѣйствія противъ войскъ пограничныхъ государствъ, еслибъ они пришли нарушить миръ. Онъ уполномочивалъ въ то же время г. де-Лапрада сообщить консулу о. его *готовности предоставить всѣ черногорскія силы въ распоряженіе Франціи*». Такое расположеніе владыки авторъ объясняетъ успѣхами французскаго оружія и отношеніями къ Австріи и Россіи, а далѣе приводятся слова владыки при одномъ свиданіи: «Муки, которыя я испыталъ отъ губернатора Бради, истерзали мою душу; онѣ принудили меня съ моимъ народомъ предаться Россіи, и съ того момента донынѣ я сталъ совершенно русскимъ».

«Эта угроза или, пользуясь выраженіемъ владыки, оффиціальная нота, была произнесена въ октябрѣ 1798 г.» передъ

австрійскимъ адвокатомъ Форлани на конференціи по дѣламъ между владыкой и австрійскимъ генераломъ Бради [1]).

Приведенныя здѣсь собственныя слова владыки такъ были умѣстны и соотвѣтствуютъ его цѣли, угрозы надменному австрійцу, что въ нихъ не можетъ быть никакого сомнѣнія и они ни малѣйше его не компрометируютъ. Что касается посылки племянника съ депешами къ французскому политическому или военному агенту въ Гагу, то мы и въ томъ не видимъ ничего больше, какъ желаніе узнать намѣренія французовъ, чтобы сообразно съ тѣмъ и держаться. Но въ то же время сильно сомнѣваемся въ томъ, чтобы онъ готовъ былъ всѣ черногорскія силы предоставить въ распоряженіе Франціи. И не принадлежитъ ли эта фраза самому г. Віаллѣ, который вообще мало стѣсняется съ истиной? Такъ, онъ описываетъ свое путешествіе въ такія мѣста Черногоріи, куда и не заглядывалъ, и при этомъ сочиняетъ массу сценъ, встрѣчъ и вдобавокъ упрекъ ему со стороны владыки за то, что совершилъ такое путешествіе чуть не по всей тогдашней Черногоріи, не побывавши прежде у него на Цетиньѣ. Ложь у него на каждомъ шагу, кромѣ описанія быта, украденнаго у Фортиса и другихъ. Составленная имъ карта, которой онъ придаетъ такое значеніе, всего лучше изобличаетъ его ложь, не говоря уже о картинкахъ, на одной изъ которыхъ у губернатора Богдана Радонича волосы заплетены въ двѣ косы, спущенныя спереди на грудь.

Указывая на возможность лжи и въ этомъ случаѣ, мы дѣлаемъ это вовсе не для оправданія владыки, а въ видахъ чисто теоретической истины, потому что въ оправданіи владыка не нуждается, такъ какъ онъ былъ самостоятельный государь, хотя другіе и не признавали того, и имѣлъ полное право сноситься независимо ни отъ кого, обязанный передъ своимъ народомъ искать какого-нибудь выхода изъ сомнительнаго положенія, оставаясь

---

[1]) Voyage historique et politique au Monténégro. 1820. V. I, p. 21. — Vialla de Somières.

также правъ и передъ своими союзниками или покровителями, изъ которыхъ одинъ въ самую критическую минуту совершенно бросилъ Черногорію, а другой дѣйствовалъ противъ нея, какъ злѣйшій ея врагъ.

Все это дѣло, какъ мы уже упоминали, вышло изъ интриги со стороны людей, которые, подобно Орловичу, умѣли втереться въ довѣріе и къ владыкѣ, и къ Россіи и потомъ оказывались слугами Австріи.

ДѢЛО АББАТА ДОЛЬЧИ.

Совсѣмъ иначе стоитъ дѣло аббата Дольчи. До недавняго времени на него смотрѣли, какъ на жертву русской клеветы, такъ какъ ему въ главномъ принадлежитъ отвѣтъ владыки русскому св. синоду, полный горькихъ истинъ и справедливыхъ упрековъ въ формѣ, мѣстами весьма острой. Иные винили въ его напрасномъ страданіи владыку, находя, что все это пало съ больной головы на здоровую, что онъ именно принялъ на себя грѣхъ владыки, будучи только орудіемъ тѣхъ преступныхъ сношеній, которыхъ доискивалась Россія. Все это, однако, были гаданія, обнаруживавшія притомъ совершенно превратное пониманіе личности владыки Петра; а теперь, когда открываются новые документы, догадки и поклепы на чистую во всѣхъ отношеніяхъ личность владыки окончательно падаютъ. Тѣмъ не менѣе слишкомъ жестокая кара, постигшая Дольчи, дѣлаетъ его мученикомъ и темнымъ пятномъ ложится на страницы черногорской исторіи, и пятно это становится еще темнѣе, потому что падаетъ на тѣ страницы, которыя освѣщаетъ чистая, высокая личность Петра, по заслугѣ чтимая въ черногорскомъ народѣ святымъ.

Какъ человѣкъ высокаго ума и образованія, Дольчи былъ чрезвычайно полезенъ для Черногоріи и необходимъ для владыки Петра, какъ его единственный совѣтникъ, понимавшій вещи; онъ и былъ правою рукою владыки. Лишившись его, владыка Петръ не имѣлъ больше человѣка, съ которымъ могъ бы работать надъ замышленными имъ преобразованіями въ Черногоріи, для которыхъ только послѣ настало время.

Потеря его невознаградима для того времени; но онъ самъ сошелъ съ того пути, гдѣ ожидала его честная работа на благо народа, отъ котораго заслужилъ бы искреннюю благодарность и скромную, но чистую, ничѣмъ не запятнанную славу. Былъ ли то недостатокъ характера, вслѣдствіе чего онъ послушался другого, или увлеченіе какою-нибудь возвышенною идеей, или неисцѣлимый фанатизмъ католика, или, наконецъ, какіе-нибудь корыстные виды, — во всякомъ случаѣ мы его глубоко сожалѣемъ, но оправдывать не можемъ, какъ не можемъ помириться съ жестокостію казни и варварскимъ способомъ слѣдствія и суда, въ чемъ мы видимъ, что судьями руководила какая-то низкая страсть и духъ варварства, тѣмъ болѣе, что истязаніями его ничего не достигнуто.

Вообще самая тяжкая вина Дольчи была лично противъ владыки, потому что онъ злоупотребилъ его довѣріемъ и именемъ; но владыка не принадлежалъ самому себѣ, поэтому его преступленіе судилось, какъ преступленіе противъ страны и народа, и судъ былъ народный, а народный судъ всегда безпощаденъ.

Новые матеріалы относительно Дольчи мы имѣемъ въ статьѣ «Матеріалы для исторіи Черной-Горы» М. Драговича, извѣстнаго уже своими статьями по фактической разработкѣ черногорской исторіи. Помѣщена эта статья въ «Извѣстіяхъ Серб. Уч. Общ.» въ Бѣлградѣ, за 1884 г., кн. 55, стр. 283 — 325, гдѣ въ числѣ 9 главъ находится и «Судъ черногорцевъ надъ католическимъ аббатомъ Франциском Долци Вицковичемъ. 1804 г. 27-го ноября».

Такъ какъ это представляетъ совершенно новый документъ, не вошедшій еще ни въ одно изъ общихъ сочиненій о Черногоріи, то мы и представимъ его впервые въ общемъ историческомъ очеркѣ, въ пополненіе весьма важнаго пробѣла.

Начнемъ съ личности Дольчи.

Онъ былъ священникомъ въ Перастѣ, откуда и выдано было ему свидѣтельство объ усердной службѣ и хорошемъ поведеніи; затѣмъ онъ перемѣщенъ былъ за главнаго священника въ Дуб-

ровникъ, оттуда въ Вѣну. Въ одномъ документѣ онъ называется викаріемъ церкви св. Стефана въ Вѣнѣ, въ другомъ — генеральнымъ викаріемъ въ Петербургѣ. Есть также свидѣтельство, что онъ окончилъ богословскія науки въ университетѣ (какомъ?) и удостоенъ степени баккалавра. Онъ водилъ переписку съ Кобенцелемъ, съ генер. Рукавиной, гр. Гикосо въ Дубровникѣ, генераломъ Бради въ Которѣ и другими высокопоставленными лицами Россіи, Франціи и Австріи. Вся его переписка консуломъ Мазуревскимъ передана мин. иностр. дѣлъ въ Петербургѣ.

Указаніе на его тайныя сношенія съ французами находится въ слѣдующемъ письмѣ Антонія Гики изъ Дубровника владыкѣ Петру, 23-го февраля 1800 г. «Полагаюсь на ваши отеческія попеченія относительно новоприбывшаго гостя аббата Дольчи, который два года находился въ Анконѣ съ французами, а послѣ взятія оной, не могши тамъ оставаться, предпринялъ путь. — Зачѣмъ и куда? — Въ Черную-Гору».

А вотъ показанія самого Дольчи на допросѣ и самый допросъ.

По старинѣ онъ герцеговинецъ, а родился въ Дубровникѣ, римско-католическаго исповѣданія, 62 лѣтъ отъ роду. Прибылъ онъ въ Черногорію для поправленія здоровья. Въ сношеніяхъ онъ былъ только со С. Вучетичемъ, предлагавшимъ ему завести торговлю въ Анконѣ или въ Ливорнѣ и для этого давалъ 500 цекиновъ деньгами и товаръ, куда и самъ хотѣлъ отправиться, потому что надоѣло въ Станѣвичахъ; но онъ этого предложенія не принялъ. Бонапарту не писалъ ничего, кромѣ одной пѣсни, а просилъ его объ этомъ опять Вучетичъ, который при этомъ говорилъ, что, бывши въ Россіи, онъ убѣдился въ безполезности имѣть дѣло съ нею, и что на нее не имѣютъ надежды ни владыка, ни народъ, и что онъ пошелъ бы, куда попало, только не въ Россію, гдѣ все только обманываютъ. Отвѣта отъ Бонапарта не имѣлъ никакого и клянется въ томъ Богомъ, а найденныя у него французскія печати объясняетъ тѣмъ, что «писалъ я французскому консулу въ Дубровникъ ради моего оправданія... и

генералу Мюрату, чтобы послалъ мнѣ паспортъ, который онъ мнѣ послалъ». На вопросъ, гдѣ эти письма, онъ отвѣтилъ, что разорвалъ ихъ, такъ какъ они для него не имѣли уже никакого значенія. По поводу какихъ-то грбанвскихъ писемъ говоритъ, что просилъ его о нихъ Вучетичъ и не давалъ ему покоя ни днемъ, ни ночью и обѣщалъ за нихъ денегъ; но онъ ихъ все-таки не взялъ. Относительно дѣлъ владыки въ Грбнѣ говоритъ, что владыка заклиналъ его не мѣшаться въ эти дѣла, такъ какъ все припишутъ ему, владыкѣ. Принцу Карлу послалъ пѣсни, но также отвѣта не получилъ. Губернатору которскому писалъ одинъ разъ, чтобы онъ взыскалъ ему деньги съ одного во Фрушкой-горѣ; а въ другой разъ просилъ оставить его (Дольчи) въ покоѣ, потому что видѣлъ, какъ около него хлопочутъ, и просилъ прислать игумна Бучича или Бубича, для сообщенія устмено.

Чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, владыка пригласилъ въ Станевичи для разбора дѣла и русскаго консула А. О. Мазуревскаго, передъ которымъ и обличалъ аббата. Но онъ скрылъ или кому-то передалъ бо́льшую часть самыхъ важныхъ оригинальныхъ писемъ, въ которыхъ заключалась больше всего тайна его преступленія, и не хотѣлъ ничего сказать не только по доброй волѣ, но и *подъ палками* не далъ ни одного указанія. А когда заковывали его по рукамъ и ногамъ въ цѣпи, тогда въ нижней одеждѣ нашли фальшивый паспортъ отъ имени владыки. Вмѣсто смертной казни рѣшено: «имя предателя на Цетиньѣ и въ Станевичахъ, а также и на всѣхъ черногорскихъ базарахъ повѣсить, а самого его заковать въ цѣпи и на вѣчное время подъ крѣпкимъ карауломъ заключить въ темницу». Подписали приговоръ: губернаторъ Вуко Радоничъ, 47 главарей отъ разныхъ племенъ, а скрѣпленъ приложеніемъ печати и подписью народнаго секретаря Якова Стефановича.

Преданіе народное говоритъ, что приговоръ этотъ исполненъ такъ: у монастыря въ Станевичахъ вырыта была яма въ нѣсколько аршинъ простора (?) и въ нее былъ посаженъ Дольчи, а затѣмъ его тутъ замуровали, оставивши только отверстіе въ

стѣнѣ, черезъ которое можно было только просунуть руку для подачи хлѣба и воды. Тутъ онъ прожилъ около мѣсяца и умеръ.

Все это мы беремъ изъ статьи г. Драговича. Кромѣ недостатка документовъ, осязательно доказывающихъ виновность Дольчи, въ самомъ процессѣ много неяснаго; но у г. Драговича, по его словамъ, находится все слѣдственное дѣло и многія письма, которыя также онъ намѣренъ напечатать (а можетъ быть, уже напечаталъ); тогда дѣло выяснится, можетъ быть, больше. А покуда мы можемъ сказать только, что сношенія эти никакъ не могли ограничиться только посылкою тому и другому по одной пѣснѣ, какъ не можемъ допустить, чтобъ онъ не хранилъ писемъ, хотя бы и ничтожныхъ, отъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ; а они уничтожены именно потому, что обнаруживали его сношенія, которыя ему желательно было скрыть, такъ какъ они компрометировали бы много личностей.

Допустимъ, что онъ былъ виновенъ въ самомъ большомъ, что́ было въ его средствахъ, — сообщалъ французамъ все, что́ дѣлалось въ Черногоріи и около нея, былъ, такъ сказать, ихъ шпіономъ; больше онъ ничего не могъ сдѣлать; и тогда ему, слабому здоровьемъ и дряхлому старику, достаточною казнью было бы прогнанье съ позоромъ. То жестокое физическое истязаніе, которому его подвергали, можетъ быть объяснено только жестокостію нрава судей или ихъ излишнимъ усердіемъ, которое они хотѣли показать передъ Россіей.

Впрочемъ, въ преданіи о замурованіи его есть утрировка; а смерть должна была послѣдовать скоро послѣ тѣхъ допросовъ съ пристрастіемъ.

Какъ бы то ни было, а сношенія съ Франціей на первыхъ порахъ сопровождались такимъ мрачнымъ эпизодомъ.

Во время пребыванія своего въ Боккѣ французы, конечно, были въ частыхъ сношеніяхъ съ Черногоріей и ея владыкой. Объ этихъ сношеніяхъ мы найдемъ очень много у Віаллы-де-Сомьеръ, но во всемъ томъ проглядываетъ взаимное недовѣріе и доля враждебности. Причина была въ самихъ французахъ, кото-

рые относились къ черногорцамъ слишкомъ горделиво и никакъ не могли примириться съ тѣмъ, что владыка и весь народъ черногорскій такъ открыто и настойчиво выражали свою преданность Россіи, и говоря противъ, они тѣмъ еще больше возбуждали непріязненное чувство къ себѣ.

Въ прокламаціи владыки къ черногорскому народу и бокелямъ, 27-го августа 1813 г., по уходѣ французовъ изъ Бокки, упоминается, между прочимъ, что французы хотѣли сдѣлать, чтобы Черногорія не называлась бы болѣе черною, а красною, т. е. залили бы ее кровью ея народа, и далѣе слѣдуетъ: «Они это и сдѣлали бы по своему злому нраву, такъ какъ еще прежде омочили свои окаянныя руки въ крови законнаго короля и королевской фамиліи и на фундаментѣ безбожія основали свое якобино-формасонское правительство; но, — благодареніе богу! — они не могли этого сдѣлать у насъ, потому, во-1-хъ, что не нашли между нами якобинцевъ и предателей, которые были бы ихъ вожаками; во-2-хъ, мы поклялись въ церкви св. Георгія на Мирцѣ скорѣе умереть при своей свободѣ и вѣрѣ, чѣмъ предаться живыми; въ-3-хъ, не допустили бы ихъ наши горы; въ 4-хъ, въ то самое время поднялась Испанія».

д) *Къ Англіи.* Къ этому же времени относится и начало сношеній Черногоріи съ англичанами.

Когда начальникъ англійскихъ войскъ, контръ-адмиралъ Hoste черезъ полковника Данезо предлагалъ черногорцамъ, чтобъ они заняли Бокку, изгнавъ оттуда французовъ (1813 г.), то черногорцами подано было письменное заявленіе, въ которомъ, между прочимъ, было слѣдующее: «Народъ черногорскій не жалѣлъ бы проливать свою кровь, если бы былъ вполнѣ увѣренъ, что Бокезская провинція и Канавле, которыя и прежде были черногорскія, будутъ присоединены къ Черногоріи и вмѣстѣ будутъ признаны за малую республику подъ покровительствомъ Великобританіи и Россіи. Народъ черногорскій еще проситъ, чтобъ ему было обѣщано, что въ случаѣ — чего не дай Богъ! — еслибъ непріятель въ этихъ предѣлахъ усилился и одолѣлъ и мы были бы

не въ состояніи ему противиться, — великобританскій дворъ имѣлъ бы объ немъ попеченіе и не предалъ бы въ жертву непріятелю, и принялъ бы народъ на свои корабли для переселенія въ его государство или въ Россію, кто куда пожелаетъ. А если бы переселился народъ черногорскій въ великобританскія владѣнія, будетъ ли тамъ исповѣданіе восточное или римское, чтобъ ему было свободно строить церкви, сколько бы было нужно, и свободно исповѣдывать вѣру безъ всякихъ притѣсненій и чтобъ всякій народъ (такъ какъ изъ Бокки переселились бы православные и католики) имѣлъ своего архіерея по уставу восточной или римской церкви». (Тамъ же, стр. 302 — 303). Мы не знаемъ, какъ англійское правительство отвѣтило на всѣ эти пункты, но черногорцы дѣйствительно заняли Бокку, а французы изъ нея ушли.

Интересно въ этихъ предложеніяхъ ясно выраженное желаніе объединенія цѣлаго того края подъ формою республики, чѣмъ до того времени по существу и были всѣ его части; но въ то же время нежеланіе покориться французамъ такъ велико, что всѣ предпочитаютъ этому переселеніе цѣлымъ народомъ въ страну чужую, имъ совершенно невѣдомую; а наученные примѣромъ, какъ Венеція и Австрія поступали со своими православными подданными, они впередъ договариваются о свободѣ вѣроисповѣданія.

ПОСѢЩЕНІЕ ЧЕРНОГОРІИ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ СЪ НАУЧНЫМИ ЦѢЛЯМИ.

Кромѣ этихъ политическихъ сношеній съ разными европейскими правительствами, Черногорію съ того времени начинаютъ посѣщать иностранцы, изъ простого любопытства или съ научною цѣлію; а иные, особенно французы, преслѣдовали и тутъ политическія цѣли.

Первыми такими путешественниками по Черногоріи были участники военной компаніи: Віолла-де-Сомьеръ и русскій офицеръ Броневскій, которые потомъ и издали свои записки о Черногоріи.

Въ это время посѣтили Черногорію: изъ Россіи профессоръ Кухарскій, а изъ Англіи нѣкто Барнетъ, о которомъ Гагичъ изъ Дубровника извѣщалъ русскаго агента въ Которѣ, Ивана Поповича, чтобы онъ научилъ Барнета предварительно послать письмо митрополиту и отправиться не раньше полученія отвѣта. «Того ради — пишетъ Гагичъ — прошу васъ заблаговременно извѣстить о семъ митрополита, если ему заблагоразсудится принять сего иностранца, чтобы на сей случай взять свои мѣры: добро намъ быть учтивыми, но гораздо лучше быть благоразумными». На обратномъ пути Барнетъ выражалъ свое полное удовольствіе отъ путешествія и обѣщался писать въ пользу Черногоріи.

АВАНТЮРИСТЪ ВУИЧЪ.

Не обошлось дѣло и безъ авантюриста. Это былъ нѣкто Вуичъ, по однимъ полякъ, по другимъ — сербъ, который явился къ владыкѣ Петру съ предложеніемъ отъ Порты создать изъ Черногоріи княжество, княземъ которой былъ бы, конечно, онъ, графъ Вуичъ. Вотъ принесенныя имъ предложенія, сохранившіяся въ цетинскомъ архивѣ и напечатанныя въ книгѣ г. Ленормана:

1) Вуичъ признается княземъ Черногоріи, который повинуется только повелѣніямъ, исходящимъ отъ Порты.

2) Черногорія должна признать надъ собою суверенство Высокой Порты.

3) Вуичъ обязывается доставлять Портѣ въ видѣ дани 300,000 окъ немытой шерсти.

4) Въ случаѣ войны, Черногорія должна помогать туркамъ своими вспомогательными войсками.

Ему, конечно, посовѣтовали скорѣе убраться изъ Черногоріи, потому что, еслибъ узналъ народъ объ его миссіи, то ему не сдобровать бы: не въ состояніи бы былъ защитить его и владыка.

Надобно замѣтить, что онъ прежде со своимъ проектомъ являлся къ русскому правительству, и отвѣтомъ на это предложеніе была высылка Вуича изъ Россіи. О немъ, на основаніи доку-

ментовъ, найденныхъ въ Россіи, написана отдѣльная статейка Ж. Драговичемъ «Графъ Вуичъ въ Черногоріи» (Журн. Нар. Просв., ч. CCXXI, отд. 2, 1882 г.).

ВНУТРЕННІЯ ОТНОШЕНІЯ ВЪ ЧЕРНОГОРІИ ПРИ ВЛАДЫКѢ ПЕТРѢ I.

Вѣчная война съ внѣшнимъ непріятелемъ, не выходя изъ тѣсныхъ границъ своего отечества, вѣчная забота объ охранѣ этихъ границъ поглощали всю жизнь черногорца. Поэтому нечего тутъ искать какихъ-нибудь успѣховъ культуры и гражданственности. Такое состояніе ведетъ скорѣе всего къ одичанію и упадку началъ гражданской жизни. Въ такомъ именно состояніи очутилась Черногорія по окончаніи всѣхъ войнъ и аффери въ Боккѣ. Предшествовавшая тому эпоха самозванца еще меньше благопріятствовала ея правильному развитію. И вотъ какъ результаты такого состоянія представляетъ въ своей исторіи Милаковичъ:

«Едва только владыка воротился въ Черногорію (изъ Бокки), какъ возобновились прежнія несогласія и раздоры, которые за короткое время обратились въ настоящую анархію, не прекращавшуюся до конца жизни владыки. Не было ни одной нахіи, ни Брда, жители которыхъ находились въ мирѣ между собою, и рѣдко можно было найти хоть одно племя, среди котораго не происходило бы внутренней войны и пролитія братской крови. Племена Катунъ бились съ племенами Рѣки и Цермницы, пиперы воевали съ бѣлопавличами, а бѣлопавличи въ то же время съ катунянами; морачане съ ровчанами, которые опять бились съ бѣлопавличами и пиперами; баицы поперемѣнно бились то съ дольнекрайцами, то съ нѣгушами и цекличами; люботиняне съ цеклинянами, цеклиняне съ добрлянами и т. д. Если по временамъ и утихали эти внутренніе раздоры на короткое время, то единственно вслѣдствіе моленій владыки и нѣкоторыхъ заслуженныхъ главарей, которымъ съ большими усиліями удавалось установить только перемиріе, за которымъ возобновлялась старая вражда еще съ большимъ ожесточеніемъ. Къ этому бѣдствію присоеди-

нились частыя выселенія въ иностранныя земли, въ которыхъ народъ искалъ спасенія въ голодные годы. Одни выселялись въ Россію, но бо́льшая часть изъ нихъ, встрѣченная тамъ неблагопріятными обстоятельствами, снова возвращались въ свои безплодныя горы; другіе стали искать себѣ новаго отечества въ княжествѣ Сербіи, но и оттуда многіе скоро возвращались назадъ на родину, вслѣдствіе нездороваго климата, а частію отъ страха передъ суровостію сербской полиціи; наконецъ, были люди, которые пытались найти убѣжище въ Неаполитанскомъ королевствѣ, но не могли его найти среди народа иной религіи и иного языка. Сердце владыки обливалось кровью, глядя на бѣдствія своего народа, но онъ былъ не въ состояніи ни предотвратить ихъ, ни помочь народу, съ тѣхъ поръ, какъ, по заключенію тильзитскаго мира въ 1807 г., императоръ Александръ остановилъ посылку Черногоріи годовой субвенціи 1,000 цекиновъ, которая назначена была ей императоромъ Павломъ; съ того времени сдѣлалась пустою тѣнью всякая власть и прежній произволъ возобладалъ по всей Черногоріи» (стр. 238 — 239).

Фіаско, которое потерпѣла Черногорія въ Боккѣ, потративши свои послѣднія силы на пользу своихъ непріятелей, должно было не только ослабить духъ владыки, но и уронить его авторитетъ въ народѣ. Можно прослѣдить, какъ его власть поднималась, и онъ предпринималъ что-нибудь для внутренняго устроенія Черногоріи всякій разъ, какъ только была какая-нибудь удача во внѣшнихъ дѣлахъ. Такъ, послѣ первой побѣды надъ турками подъ Мартиничами 11-го іюля 1796 г., онъ созываетъ скупштину, на которой устанавливаются 16 §§ законника. Въ 1798 г. новая скупштина въ Станевичахъ подтверждаетъ эти законы и они вступаютъ уже въ дѣйствіе, а для приведенія ихъ въ исполненіе опредѣлены и выбраны необходимые для того органы.

Въ то же время хотѣли ввести небольшую подать, чтобы можно было платить постоянное жалованье служащему въ новыхъ учрежденіяхъ персоналу; но это встрѣтило въ народѣ самый рѣшительный отпоръ, при чемъ разсуждали такъ: «Еслибъ

мы хотѣли быть данниками, мы платили бы туркамъ, а такъ какъ данниками ничьими не хотимъ быть, то зачѣмъ же будемъ платить своимъ?» Впрочемъ, изъ этого затрудненія вывела Черногорію постоянная субсидія, опредѣленная ей императоромъ Павломъ. Въ 1803 г. было новое народное собраніе, на которомъ утвержденъ законникъ изъ 33 §§ и установленъ судъ, называемый *кулукъ*.

Статьи этого законника цѣликомъ вошли потомъ въ законникъ, изданный въ 1855 г. княземъ Даніиломъ и состоящій уже изъ 93 статей и дѣйствующій въ Черногоріи до сихъ поръ.

Основное положеніе его состоитъ въ томъ, что «законы нужно приспособлять къ народамъ, а не народы къ законамъ», и затѣмъ слѣдуютъ статьи, которыя мы укажемъ, по крайней мѣрѣ, по заглавіямъ.

1 — Объ измѣнникѣ отечеству; 2, 3, 4 и 5 — объ убійцѣ; 6 — объ ударѣ оружіемъ и ранѣ; 7 — объ ударѣ и ранѣ другимъ чѣмъ; 8 — объ убійствѣ послѣ предварительно нанесеннаго убійцѣ удара; 9 — о нечаянномъ убійствѣ или ранѣ; 10 — объ убійствѣ при самозащитѣ; 11 — о томъ, кто возьметъ чужую жену или дѣвушку; 12 — о священникѣ, который повѣнчаетъ съ чужой женой; 13 — о ворѣ; 14 — о вознагражденіи пострадавшаго отъ вора; 15 — о свидѣтельствахъ на проданную вещь; 16 — о взысканіи долга; 17 — вообще о кражѣ; 18 — о мирѣ съ сосѣдями; 19 — о поддержаніи порядка и мира на базарахъ; 20 — о податяхъ; 21 — о мейданѣ (поединкѣ); 22 и 23 — о судѣ и судопроизводствѣ; 24 — о мытѣ (подкупѣ) судьи; 25 — о томъ, кто подкупаетъ судью; 26 — о должномъ уваженіи къ судьямъ; 27 и 28 — какъ поступить, если судьи между собою несогласны; 29 — судья не имѣетъ права торговать и вести привозныя дѣла; 30 — о потравахъ, намѣренныхъ или ненамѣренныхъ; 31 — противъ самосуда; 32 — обязанность священниковъ и старѣйшинъ поучать народъ; 33 — опять объ измѣнѣ. Затѣмъ еще статьи дополнительныя: 1 — вѣра, т. е. обязательство вѣрности одного другому (у арнаутъ *беса*); 2, 3 и 4 — о необхо-

димости защищать другъ друга и казнить измѣнника; 5 и 6 — заключительныя слова [1]).

Въ законникѣ Даніила остались тѣ же самыя статьи; только иныя разбились на нѣсколько спеціальныхъ случаевъ, а въ иныхъ отношеніе къ преступнику строже и суровѣе, напр. отношеніе къ ворамъ, къ прелюбодѣямъ.

Все это, вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ, пало, и у владыки не оставалось никакого другого средства для поддержанія порядка и мира, какъ то, что́ ему давала церковь: мольба съ крестомъ въ рукахъ именемъ Бога и угроза проклятіемъ. Проклятія его, по народному сказанію, всегда навлекали кару на ослушниковъ, и потому народъ изъ страха передъ ними покорялся и слушался. Но есть основаніе думать, что это преданіе, равно какъ и высокое уваженіе къ личности владыки Петра явились послѣ; иначе былъ бы миръ, а между тѣмъ мира не было при его жизни, и умиреніе всѣхъ междоусобій произошло только на его гробѣ, надъ его мертвымъ уже тѣломъ.

Стремленіе къ выселенію изъ Черногоріи возникло не исключительно подъ вліяніемъ голодовокъ и вообще нужды, а напротивъ, часто голодовки происходили вслѣдствіе того, что не было мира, никто не могъ спокойно предаться трудовой жизни, и подъ вліяніемъ безпрерывной неурядицы, внутренней и внѣшней, народъ отвыкъ уже трудиться, поэтому большинство возвращалось изъ Россіи, гдѣ требовался усиленный трудъ, а также и изъ Сербіи, гдѣ нужно было подчиняться власти и порядку. Было одно особенное обстоятельство, которое во многихъ вызвало охоту къ переселенію въ Россію.

Мы уже говорили о требвешанахъ, которые поселились въ Верхней Морачѣ, и о томъ, какъ къ нимъ стали отовсюду стекаться ускоки изъ Герцеговины, и какъ они пострадали отъ нападенія турокъ, которымъ хотя и отмстили, но все-таки, поте-

[1]) Онъ напечатанъ по-сербски прежде всего въ «Путешествіи въ Черногорію» Н. Попова, 1847 г., а потомъ въ исторіи Черногоріи Медаковича, 1850 г.; у Ленормана также весь переведенъ на французскій.

рявши второй разъ все, что́ имѣли, не могли поправиться, не получая ни отъ кого помощи. Находясь въ такомъ положеніи, они, безъ вѣдома владыки, послали въ Петербургъ своего сердаря, Мину Лазаревича, съ прошеніемъ къ императрицѣ Екатеринѣ. Прошеніе ихъ, однако, не застало ее въ живыхъ, и потому попало къ императору Павлу, который принялъ его весьма благосклонно и, давши сердарю Минѣ золотую медаль, послалъ ускокамъ слѣдующій рескриптъ:

«Благороднымъ и почтеннымъ главарямъ, старѣйшинамъ и воеводамъ сербовъ и прочимъ господамъ, духовнымъ и мірскимъ, которые, въ настоящее время, покинувши свое отечество Герцеговину, живутъ въ Морачѣ: всѣмъ имъ изъ Никшича, Требеса, Кучъ, Пиперъ, Дробнякъ, Грахова, Банянъ, Ровцевъ, Верхней и Нижней Морачи, Бѣлопавличей и проч., и проч., и проч. Наша императорская милость и благоволеніе.

«Ваше письмо, адресованное на имя нашей почившей возлюбленнѣйшей матери, императрицы Екатерины Алексѣевны, посланное чрезъ вашего депутата сердаря Мину Лазаревича Требишника изъ Никшича, отъ 23-го іюля 1796 г., и прошеніе, имъ подписанное, принято нами съ особенною благосклонностію. Мы принимаемъ живое участіе во всемъ, что́ касается васъ, и желаемъ искренно, дабы Всевышній улучшилъ ваше положеніе. Что касается позволенія переселиться въ нашу Имперію множеству вашихъ семействъ, мы охотно соглашаемся принять ихъ, имѣя въ виду одинаковость вѣры, подъ нашу державу и, какъ только окажется благопріятное время для приведенія этого въ исполненіе, мы не преминемъ дать инструкцію нашему поелаанику въ Вѣнѣ, а равнымъ образомъ и всѣмъ пограничнымъ властямъ гражданскимъ и военнымъ относительно всего, что́ можетъ обезпечить ваше путешествіе. Примите это наше письмо, какъ знакъ, которымъ оказывается вамъ и всѣмъ вашимъ собратіямъ наша императорская милость и искреннее благоволеніе». Дано въ Павловскѣ, 30-го апрѣля 1798 г., въ лѣто нашего царствованія второе».

Вмѣстѣ съ императорскимъ рескриптомъ сердарю Минѣ дано было 7 золотыхъ медалей и 10 серебряныхъ, съ изображеніемъ императора, для раздачи болѣе важнымъ герцеговинскимъ главарямъ и старѣйшинамъ.

Воротившись къ Морачу, сердарь Мина показалъ народу рескриптъ императора и роздалъ медали, и это произвело въ народѣ такой восторгъ и движеніе, что тотчасъ во всѣхъ Брдахъ начались сборы къ переселенію и 200 семействъ были уже готовы тронуться въ путь. Узнавъ объ этомъ, владыка изъ опасенія, чтобъ чрезъ то не ослабѣло населеніе Брдъ, постарался убѣдить народъ отстать отъ такого рѣшенія, и ему это удалось вполнѣ, вслѣдствіе чего въ 1804 г. выселились изъ Черногоріи въ Россію только 20 семействъ требьешанъ; остальной же народъ отступилъ отъ такого намѣренія (Милак., стр. 167—169).

Во второмъ посольствѣ въ Россію 1799 г. въ числѣ разныхъ предметовъ, означенныхъ въ инструкціи, поручалось выставить на видъ русскому правительству, съ одной сторону недобросовѣстность дѣйствія сердаря Мины, съ другой — тотъ вредъ, который непоправимо будетъ нанесенъ тѣмъ краямъ, если не остановить выселеніе изъ нихъ въ Россію, что́ и было уважено русскимъ правительствомъ.

Лежало на сердцѣ у владыки Петра I и образованіе народа; съ этою цѣлію онъ приглашалъ къ себѣ знаменитаго сербскаго ученаго и философа автодидакта Досифея Обрадовича, чтобъ онъ устроилъ школы въ Черногоріи[1]); но въ то же время, если не раньше еще послѣдовало приглашеніе его со стороны Сербіи, и такъ этотъ планъ владыки разрушился. Въ одномъ письмѣ с.-петербургскому митрополиту Серафиму (1826 г.) онъ писалъ о переводѣ на сербскій языкъ Новаго Завѣта, имѣя въ виду распро-

[1]) Зная, въ какихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ всю свою жизнь находился владыка Петръ I, мы находимъ совершенно несправедливыми и легкомысленными слѣдующія относящіяся къ нему фразы архим. Н. Дучича: «Онъ имѣлъ при себѣ ученыхъ людей: С. Милютиновича и аббата Дольчи, бывшихъ его секретарями. Но нельзя не удивляться тому, что *онъ никакого вниманія не обращалъ на школы*» (Црна-Гора, стр. 74).

страненіе его въ народѣ тоже съ цѣлію его просвѣщенія въ духѣ христіанской вѣры. Пригласилъ онъ къ себѣ и С. Милютиновича, сербскаго ученаго своего времени и поэта, которому поручилъ довершеніе образованія и воспитанія своего племянника Рада, впослѣдствіи владыки Петра II, а старшаго племянника Георгія, какъ мы видѣли, послалъ въ Россію для приготовленія къ митрополичьему званію. Былъ онъ любитель просвѣщенія и литературы, которой хоть изрѣдка посвящалъ свой досугъ и самъ написалъ нѣсколько героическихъ и дидактическихъ стихотвореній, между которыми знаменита его пѣсня на побѣды русскихъ надъ турками въ 1828—29 гг. Писалъ онъ также и исторію Черногоріи, которая послужила основаніемъ историческаго очерка, помѣщеннаго потомъ въ «Грлицѣ». С. Милютиновичъ, при составленіи своей исторіи, руководился свѣдѣніями, устно переданными ему владыкою, на что онъ ясно указываетъ въ концѣ своего труда. Упомянувши, какъ владыка расхворался и умеръ $80^1/_2$ лѣтъ отъ рожденія, онъ говоритъ въ заключеніе: «Въ немъ я потерялъ, какъ великаго благодѣтеля своего, такъ и ревностнаго помощника и руководителя въ исторіи Черногоріи. И такъ до сихъ мѣстъ (до 1788 г.) я принялъ и записалъ отъ него и радуюсь, что успѣлъ то спасти отъ забвенія, и сохранить для современниковъ и потомства, предавъ печати, что съ покойнымъ пошло бы въ могилу, и это не порадовало бы никого, по крайней мѣрѣ, между сербами» (стр. 120).

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ВЛАДЫКИ ПЕТРА I.

Личность черногорскаго владыки, въ одно и то же время представителя церкви и государства, такъ тѣсно связана съ народомъ, что въ исторіи Черногоріи они нераздѣлимы. Владыки, въ полномъ смыслѣ, представители своего народа или, вѣрнѣе сказать, представители лучшихъ его стремленій и идеаловъ, потому что являются его избранниками. Такимъ именно былъ владыка Петръ I, о которомъ до сихъ поръ еще живо преданіе, рисующее его человѣкомъ идеальнымъ, и одно это достаточно го-

воритъ въ пользу того, что онъ былъ личностію высокою. Вслѣдствіе такого положенія вообще владыки въ Черногоріи, въ личной исторіи Петра I мы должны пройти всю исторію Черногоріи того времени, и наоборотъ: въ исторіи Черногоріи въ эту эпоху вполнѣ обрисовывается характеръ и личность владыки.

Есть, однако, у него отношенія чисто личныя. Такъ обвиненіе въ тайныхъ сношеніяхъ съ Франціею падало лично на него; но вслѣдствіе этого пострадало Черногорія. Все равно, какъ немилость къ нему императрицы Екатерины была слѣдствіемъ того, что черногорцы приняли къ себѣ самозванца и не оказали той помощи, которой требовала отъ нихъ Россія во время войны съ Турціей.

Такого рода связь личнаго съ общимъ представляютъ его отношенія къ гувернадуру. Гувернадуръ былъ такою личностію, на которой останавливаютъ свое вниманіе иностранныя державы, заинтересованныя въ дѣлахъ Черногоріи. Венеція вслѣдствіе этого, сверхъ жалованья, предложила ему и квартиру въ своемъ городѣ Которѣ, чтобы имѣть его ближе къ себѣ, знать все, что́ онъ дѣлаетъ, и удобнѣе направлять его дѣятельность. Не безъ ея участія, конечно, сдѣлался гувернадуромъ Станко Радоничъ, съ которымъ ей легче было сойтись, чѣмъ съ Озриничемъ.

Французы, въ короткое время управленія Боккой, также оказываются особенно внимательны къ гувернадуру, и имъ желательно было бы, чтобъ онъ имѣлъ больше власти, чѣмъ владыка, Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересны затѣи Віалла де-Сомьеръ, который и ѣздилъ въ Черногорію съ цѣлію сдѣлать рекогносцировку и составить ея карту, чѣмъ интересовался генералъ Готье, предвидѣвшій неизбѣжность войны съ Черногоріей.

Съ этою цѣлію полковникъ Віалла доѣхалъ на Нѣгуши и занимался изученіемъ Черногоріи и составленіемъ карты въ домѣ Радоничей, отчего она и вышла вовсе не похожею на дѣйствительную карту. Инспированный въ этомъ домѣ, онъ, съ

видомъ глубокаго знатока Черногоріи, говоритъ о значеніи этихъ двухъ властей, владыки и гувернадура, и объ ихъ отношеніяхъ, при чемъ становится совершенно на сторону послѣдняго. Разсужденія его довольно обширны, тѣмъ не менѣе мы считаемъ полезнымъ привести ихъ во всей цѣлости, потому что въ томъ находимъ много новаго.

«Съ 1806 г. — говоритъ онъ — въ Черногоріи произошло раздѣленіе власти: митрополитъ является представителемъ власти духовной; губернаторъ — свѣтской (pour le temporel) и, несмотря на такое раздѣленіе, владыка, подъ кровомъ церковнаго характера, овладѣвши совѣстью (народа), de facto сдѣлался сувереномъ, тогда какъ губернаторъ считается таковымъ только по имени; и подъ тѣмъ видомъ, что прелатъ долженъ дѣйствовать въ духѣ и по обычаямъ народнымъ, онъ пріобрѣтаетъ такое вліяніе во всѣхъ публичныхъ дѣлахъ, что по своей волѣ можетъ распоряжаться дѣлами націи, какъ своими семейными; онъ можетъ возбуждать и утишать раздоры, создавать себѣ приверженцевъ, предавать анаѳемѣ или канонизовать; наконецъ, отворять двери въ жилище блаженныхъ или низвергать въ вѣчный огонь. Одной его воли достаточно, чтобы ниспровергнуть не только его (губернатора) юрисдикцію, но и лишить его всей его обстановки. — Получивъ такого рода подробности, мнѣ легко было открыть, что между родомъ владыки и родомъ губернатора существуетъ не только недоразумѣніе, но какое-то соперничество, которое происходитъ отъ столкновенія власти. Дѣла послѣдняго времени вполнѣ подтверждаютъ мои наблюденія. Это соперничество, которое производитъ рознь между жителями, породило въ Черногоріи двѣ партіи, что, однако, не производитъ никакихъ явныхъ нарушеній. Это — политическій феноменъ, вполнѣ заслуживающій вниманія, который часто бывалъ предметомъ размышленій далматинскихъ мудрецовъ» (стр. 66).

Французъ, конечно, не знаетъ, что упоминаемое имъ раздѣленіе власти въ Черногоріи произошло за 100 лѣтъ ранье, и что это не было собственно раздѣленіе власти владыки, а созда-

ніе имъ для себя новаго о́ргана, который бы функціонировалъ подъ его верховною властью въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его личное участіе умаляло бы его высокій санъ и достоинство. Но естественно, что гувернадуръ сталъ стремиться къ созданію себѣ независимаго положенія, и de facto до нѣкоторой степени достигъ этого въ смутное время правленія Саввы и самозванца. Это, однако, было только de facto, а не въ принципѣ.

Не понимая этого, Віалла становится втупикъ передъ такимъ явленіемъ, что, не смотря на антагонизмъ между владыкою и гувернадуромъ, раздѣляющій всю Черногорію на двѣ партіи, это не выражается ничѣмъ въ ея публичной общественной и политической жизни. Это-то и показываетъ, что указываемое имъ раздѣленіе жителей существуетъ только въ его головѣ, воспріявшей такое неправильное понятіе отъ Радоничей, мечта́вшихъ создать себѣ партіи. Партіи такой не было и не могло быть. Убѣдить массу, что владыка не господарь, нечего было и думать; не могли пристать къ гувернадуру и другіе главари, потому что при владыкахъ они были вполнѣ самостоятельными внутри своего племени, а гувернадуръ наложилъ бы руку и на нихъ. Поэтому Радоничи, кромѣ своего рода или братства, не могли имѣть союзниковъ внутри Черногоріи ни въ комъ, а вся ихъ опора основывалась на содѣйствіи другой державы. На этомъ основаніи они и ухватились за Віаллу и вербуютъ его въ свои партизаны, чего и достигли вполнѣ. Онъ пишетъ цѣлую главу, носящую названіе: «Des prétentions du Wladika», занявшую около 20 стр. I тома; и во второмъ томѣ продолжаетъ развивать ту же тему. Какъ придирчивый прокуроръ, онъ не оставляетъ безъ вниманія ничего, что́ могло бы скомпрометировать владыку, какъ личность, и въ то же время показать свѣту, чѣмъ онъ угрожаетъ: «Я считаю своимъ долгомъ — говоритъ онъ — апеллировать къ нимъ (правителямъ Франціи и вообще Европы), чтобы они обратили вниманіе на тактику, которая, вслѣдствіе моей опытности, пріобрѣтенной въ продолженіе 6 лѣтъ управленія этими краями, дала мнѣ возможность предвидѣть всѣ послѣдствія» (V. II, 22). Главная

опасность заключается въ томъ, что владыки черногорскіе узурпируютъ, титулуясь скендерійскими и присвоивая себѣ власть, далеко переходящую за настоящіе предѣлы Черногоріи, и въ концѣ концовъ ведутъ дѣло къ тому, чтобы всѣ края, находящіеся подъ ихъ церковною юрисдикціей, предать въ руки Россіи (V. II, 14 и 15 и др.). Но въ то же время нынѣшній владыка поддѣлывается и къ Австріи; дѣйствуетъ, однимъ словомъ, такъ, чтобы были «козы сыты и капуста цѣла» (V. I, 379). «Пусть не удивляются — продолжаетъ онъ — что я такъ долго останавливаюсь на личности владыки. Пусть только обратятъ вниманіе на то, что со вступленіемъ этого владыки все перемѣнило свой видъ. Губернаторъ теперь не болѣе, какъ агентъ подчиненный, безъ вліянія и власти и безъ всякихъ прерогативъ, кромѣ внѣшняго почета. Все проходитъ чрезъ руки владыки; все дѣлается по его приказаніямъ и ничто не дѣлается безъ него. Это убѣждаетъ насъ въ необходимости разсмотрѣть его частную политику и его сношенія съ различными державами, которыхъ дружба или помощь интересуютъ его» (V. I, 389).

Подъ именемъ «частной политики» владыки разбирается чисто его личность. Наприм., онъ слѣдующимъ образомъ представляетъ неприличіе и комичность торжественности служенія владыки (котораго, надобно замѣтить, онъ никогда не видалъ): «Ничего нѣтъ забавнѣе и комичнѣе для наблюдателя, немного философа, какъ наблюдать, что́ случалось мнѣ нѣсколько разъ, смущенныя, глупо и безсмысленно удивленныя физіономіи этихъ добрыхъ, полудикихъ горцевъ при видѣ ихъ владыки въ большіе праздники, въ шапкѣ почти изъ одного золота, въ расшивныхъ одѣяніяхъ, съ русскими лентами и орденами на шеѣ. Они смотрятъ, тѣснятся вокругъ него, идутъ за нимъ и, какъ будто спрашиваютъ другъ друга: ихъ-ли это тамъ человѣкъ, житель бѣдныхъ скалъ, инокъ монастыря св. Василія?» (V. I, 387).

«Но что́ менѣе всего можно простить лицу его положенія и сана — говоритъ онъ нѣсколько выше — это легкость, съ какою онъ сгибается, смотря по его политическимъ цѣлямъ, передъ пове-

лительною волею державы, совершенно чуждой его народу, отъ которой ожидаетъ для себя лично денегъ и почестей!».... (V. I, 384).

Ужасно возмущается онъ тѣмъ, что, по милости сильныхъ міра сего, не понимающихъ дѣла, какая-нибудь ничтожная Черногорія играетъ роль, будучи управляема попомъ! (стр. 383).

Какъ ни безтактны подобнаго рода выраженія г. Віаллы и какъ ни слаба вообще его критика дѣлъ владыки Черногоріи, слишкомъ ясно обнаруживающія въ немъ тенденціозность и личные вкусы,—но онъ человѣкъ искренній и не скрываетъ, что желалъ бы Черногоріи провалиться. Между тѣмъ какъ послѣдующіе, подобные ему пропагандисты французскаго вліянія, проникнутые тѣми же самыми взглядами, прикрываютъ ихъ маскою дружбы, питаемой къ черногорскимъ правителямъ, и симпатій къ черногорскому народу.

Такого рода нападки на владыку еще больше его возвышаютъ; а мелочная придирчивость и страстность этихъ нападокъ ясно обнаруживаютъ горькое сознаніе въ нападающемъ своего безсилія, не смотря на то, что соучастниками Віаллы являются тутъ и Радоничи.

Изъ этого мы видимъ, что у владыки было много личныхъ враговъ, которые въ то же время были и врагами Черногоріи.

Сколько однако ума, характера и честности нужно было имѣть, чтобы выдержать эту борьбу и не заплутаться въ этомъ лабиринтѣ всевозможныхъ ковъ, вооруженныхъ умомъ, силой, лукавствомъ, обманомъ и разнаго рода соблазнами!

Въ дополненіе характеристики влад. Петра I скажемъ о послѣднихъ его дняхъ.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая снова поправились отношенія Россіи къ Черногоріи. Субсидія, невыдававшаяся Черногоріи въ продолженіе 17 лѣтъ (сверхъ личной пенсіи владыки, которая не прекращалась), выслана ей сразу вся сполна и велѣно выдавать постоянно по 1000 рублей въ годъ [1]).

[1]) Въ статьяхъ, помѣщенныхъ мною въ Ж. М. Н. П. и въ Извѣст. Слав. Благ. Общ., я, по недосмотру, вставилъ фразу: «владыка не дождался этого»,

Но владыка въ это время былъ уже настолько слабъ, что кончина его ожидалась со дня на день. На это указываетъ одно письмо къ нему Гагича отъ 19 апр. 1825 г. — Увѣдомляя владыку, что на пенсію его пришелъ вексель, который онъ послалъ для размѣна въ Тріестъ, Гагичъ проситъ поторопиться выслать росписку: «иначе министерство сумняло бы о вашей жизни: мени се свагда налогъ дае у случаю ваше смерти (отъ чега боже сохрани еще на долгое время), да возвратимъ у цѣлости ваши векселъ назадъ министерству. И садъ самъ учиніо произвольно отъ мене и посла о векселѣ продавати, *не знаючи за ваше въ живыхъ состояніе*».

Что онъ жилъ не для себя, доказываетъ обстановка его кончины. За нѣсколько часовъ до смерти, онъ, не имѣя дровъ, чтобъ отопить свою спальню, пришелъ погрѣться у огня въ кухнѣ; сидѣлъ здѣсь, разговаривая съ собравшимся народомъ, поручая строго исполнить свое завѣщаніе, которое онъ въ то же утро продиктовалъ секретарю своему Симу Милютиновичу; затѣмъ воротился на кровать, легъ и, продолжая разговаривать, безъ всякой боли и страданій постепенно скончался, будто заснулъ, на 81 году своей жизни.

А что онъ былъ постояненъ и для блага своего отечества приносилъ въ жертву свое самолюбіе, доказываетъ все его служеніе Россіи и касающіяся ея слова его предсмертнаго завѣщанія: предавая проклятію каждаго, кто бы рѣшился дѣйствовать противъ своего отечества, онъ добавляетъ:

«Точно также да будетъ проклятъ и тотъ, кто бы покусился отвратить васъ отъ вѣрности благочестивой и христолюбивой Россіи, и всякому, кто бы изъ васъ черногорцевъ и брдянъ пошелъ противъ единоплеменной и единовѣрной намъ Россіи, дай Богъ, чтобъ у него у живого отпало мясо отъ костей, и не былобъ ему добра въ этой жизни, ни въ будущей».

т. е. что онъ умеръ уже въ то время, тогда какъ въ статьѣ Ж. М. Н. П. означенъ годъ смерти 1830, слѣдовательно онъ успѣлъ дождаться, что, однако, его личнаго положенія не улучшило.

Со вступленіемъ на владычество Петра II сразу и совершенно измѣняется положеніе Черногоріи. Россія относится къ ней вполнѣ, какъ къ самостоятельному государству, и беретъ ее въ свое покровительство; молча признаютъ то же самое и остальныя европейскія государства, кромѣ, разумѣется, Турціи, которая не знаетъ другого права, какъ право сильнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются и всѣ отношенія внутри ея: подъ верховною властію владыки, учреждается высшее правительственное мѣсто — сенатъ, передъ которымъ падаетъ судъ народный и главарскій; народъ облагается податью въ пользу государственныхъ учрежденій; за всякое дѣйствіе противъ своего отечества черногорецъ подвергается казни, какъ за измѣну. На отдѣленіе цѣлаго одного племени или части его смотрятъ уже, какъ на возмущеніе противъ государства, и другія племена помогаютъ власти привести его въ повиненіе и водворить въ немъ законную власть и прежній порядокъ. На владыку всѣ смотрятъ уже, какъ на государя, передъ которымъ падаетъ власть гувернадура, отказывавшаго ему въ признаніи. Самъ владыка въ одной записи, какъ бы въ шутку надъ своимъ положеніемъ, называетъ себя «prince par contrebande». Да и на самомъ дѣлѣ онъ не былъ митрополитомъ, такъ какъ поставленъ былъ въ это званіе противъ своей воли, и самимъ покойнымъ дядею готовился совершенно къ иному званію. При немъ Черногорія принимаетъ обликъ вполнѣ свѣтскаго государства и ждетъ только благопріятнаго момента, чтобы замѣнить іерархическій образъ правленія свѣтскимъ, изъ владиката сдѣлаться княжествомъ. Для этого переходнаго момента въ исторіи Черногоріи покуда не имѣется достаточно матеріала, да и матеріалъ, уже готовый, требуетъ много подготовительной разработки, для чего мы не имѣемъ ни времени, ни призванія; поэтому мы, дойдя до него, оканчиваемъ нашъ историческій очеркъ, и только въ приложеніи представимъ имѣющіеся у насъ матеріалы; но, оканчивая его, считаемъ необходимымъ бросить общій взглядъ на пройденный періодъ, по возможности, сгруппировавши всѣ результаты, добытые жизнію, и уяснивши тѣ принципы, ко-

торыми за это время управлялась Черногорія, и тѣ цѣли и идеалы, къ достиженію которыхъ она стремилась, завѣщавъ осуществленіе ихъ слѣдующимъ поколѣніямъ.

IV.

Внутреннія отношенія въ Черногоріи въ правленіе владыкъ.

Особенность теократическаго правленія въ Черногоріи составляетъ полнѣйшее отсутствіе теократическаго характера.

Вездѣ въ такихъ случаяхъ духовенство выдѣляется изъ народа и создаетъ себѣ привилегированное положеніе; ни тѣни подобнаго не встрѣчаемъ мы въ Черногоріи.

Большинство готово приписать это неспособности и невѣжеству самого священства, которое не выдѣлялось изъ народной массы своимъ знаніемъ и умственнымъ развитіемъ. Но прежде всего нужно сказать, что они не имѣли къ тому средствъ. А развѣ мы не видимъ примѣра на Востокѣ, гдѣ ламы (буддійскіе священники или монахи), знающіе только читать нѣкоторыя молитвы и манипулировать при совершеніи церковныхъ обрядовъ, при всемъ ихъ невѣжествѣ, совершенно господствуютъ надъ народомъ и размножаются непомѣрно, дармоѣдствуя и по своему роскошествуя на счетъ народа? Развѣ въ западной Европѣ не было большинство духовенство совершенно невѣжественно, и при всемъ томъ развѣ оно не господствовало не только надъ простымъ народомъ, но и надъ другими, до нѣкоторой степени образованными классами? Развѣ мы, отчасти по крайней мѣрѣ, не встрѣчаемъ подобнаго въ современной намъ Европѣ? И достигается это не столько просвѣщеніемъ и другими умственными превосходствами, сколько сосредоточіемъ въ своихъ рукахъ средствъ чисто матеріальныхъ — денегъ и людей, у которыхъ народъ находится въ зависимости.

Если у черногорскихъ владыкъ не было этихъ средствъ, то они могли ихъ пріобрѣсти; но у нихъ мы не замѣчаемъ даже и стремленія къ этому, все равно какъ стремленія къ власти.

Часто выбиралъ ихъ народъ противъ ихъ собственнаго желанія. Съ тѣхъ поръ, какъ владычество пало на родъ Петровичей, владыки сами назначаютъ себѣ преемниковъ; но это дѣлается только въ томъ случаѣ, если народъ имѣетъ полную преданность владыкѣ; но и тутъ иногда измѣняетъ выборъ владыки: вмѣсто Саввы народъ поставилъ Василія; все равно какъ послѣ, при живомъ еще влад. Арсеніѣ, избранномъ Саввою, поставленъ былъ Петръ. Это было не что иное, какъ естественное совпаденіе воли владыки съ волею народа; изъ того же источника вытекла и преемственность владычества въ одной фамиліи; но при какомъ-нибудь столкновеніи могла произойти перемѣна и могъ быть выбранъ владыка изъ другого племени или рода.

Въ исторіи отдѣльныхъ черногорскихъ племенъ мы видимъ, что главарство у нихъ удерживалось иногда подолгу въ одномъ родѣ; но въ случаѣ недовольства выборъ дѣлался изъ другого рода.

Таковъ вообще духъ сербскаго племени, которое не терпѣло никакихъ привилегій и сословныхъ отличій. Тѣ сословныя отличія и преимущества однихъ предъ другими, бывшія въ Зетскомъ государствѣ, были привиты ему извнѣ и главнымъ образомъ развились подъ вліяніемъ Византіи, а потомъ этому содѣйствовали феодальные порядки западной Европы. Но все это отпало совершенно естественно, не произведя ни малѣйшаго болѣзненнаго потрясенія въ организмѣ, какъ посторонній наростъ, съ того времени, когда Черногорія уединилась отъ этихъ посторонніхъ вліяній. Этотъ народный характеръ не далъ развиться и особому классу духовенства, которое тоже не имѣло къ тому стремленія, потому что было народное. Въ сербскомъ племени всегда вѣра сливалась съ народностію, и какъ богумильствующіе сербы называли себя христіанами, такъ потомъ всякаго православнаго стали называть сербомъ. Этимъ духомъ проникнуто было и его духовенство; такимъ оно было и въ Черногоріи.

Многіе ошибаются, находя въ названіи *попъ* презрительное отношеніе народа къ священству, заслужившему такое отношеніе къ себѣ своимъ невѣжествомъ.

Нисколько. Священники здѣсь, не выдѣляясь изъ массы, какъ сословіе, и неся на себѣ всѣ обязанности, общія цѣлому народу, и сверхъ того свои особыя священническія, всегда пользовались уваженіемъ народа, и какъ служители церкви, и какъ люди, болѣе знающіе, по народному понятію, ученые; поэтому многіе изъ нихъ дѣлались главарями, и семейство гордится фамиліей Поповичей. Честь тому семейству, изъ котораго выходятъ священники; это и до сихъ поръ осталось въ Черногоріи. Ихъ слушались на народныхъ собраніяхъ, къ нимъ обращались за совѣтомъ, имъ предоставляли на разбирательство свои тяжбы и распри. Поэтому во всѣхъ болѣе важныхъ вліятельныхъ родахъ вы встрѣчаете много священниковъ. Они одинаково были предводителями на войнѣ и даже хайдуцкими *четоводіями*.

Что касается владыкъ, то они, хотя не были людй школьной науки, но не были также и полные невѣжды. Судя по уцѣлѣвшимъ спискамъ книгъ, находившихся въ книгохранилищѣ при Цетинскомъ монастырѣ, старые владыки, даже раньше Даніила, были любителями книжнаго дѣла. Но прежде всего они были люди крѣпкаго ума, не терявшагося въ погонѣ за отвлеченными истинами, а державшагося на почвѣ реальныхъ задачъ и цѣлей, которыя ставила народу самая жизнь, и разрѣшеніе которыхъ предстояло имъ и руководимому ими народу. Они не были и не могли быть догматиками; и пуристы ортодоксіи могутъ сдѣлать имъ массу упрековъ относительно теоретической и обрядовой стороны вѣры; но имъ не было времени ни изучать всѣ тонкости догматики, ни примѣнять на дѣлѣ всѣ формальности, требуемыя обрядомъ. Усвоивая вѣру простымъ чувствомъ, а не умомъ и изученіемъ, они жили ею и за нее готовы были жертвовать собственною жизнію.

Въ томъ же духѣ воспитанъ былъ и народъ черногорскій. За что онъ шелъ въ бой и умиралъ? «За честной крестъ!»—Вотъ единственный военный кличъ черногорца, при которомъ всякій возстаетъ и летитъ въ бой, забывая домъ, дѣтей и все, что̀ ему дорого.

И эта простая вѣра спасла народъ не только отъ грубой силы турокъ, но и отъ лукавыхъ покушеній со стороны латинъ.

Это былъ единственный лозунгъ, передъ которымъ исчезали всякія различія рода или племени, передъ которымъ стихала всякая вражда и даже кровавая месть.

Вторымъ принципомъ послѣ вѣры идетъ народность; но здѣсь понятія о народности, въ настоящемъ смыслѣ слова, не было: оно всюду уступало понятію о племени. Сколько было племенъ, столько и народностей. Имя сербъ означало православнаго, и затѣмъ тотчасъ слѣдовали имена: байцъ, негушей, цекличей и т. д.

Единеніе племенъ происходило только во владыкѣ, представителѣ ихъ общей вѣры и церкви, и на этомъ основано было вліяніе владыкъ на такіе отдаленные края, какъ Кучи или Дробняки, отчасти и Васоевичи, хотя тутъ вліяніе ихъ парализовалось близостію Печи, гдѣ находился патріархъ.

Безъ владыки никакая другая сила и власть не могли произвести единенія между этими племенами. Это духовное единеніе было важно тѣмъ, что признавалось даже во время самой ожесточенной борьбы одного племени съ другимъ. Вотъ почему такъ и обрадовались венеціанцы учрежденію губернаторства въ Черногоріи, надѣясь съ помощію его подорвать власть владыки, а потомъ самъ собою падалъ бы союзъ племенъ, которыя должны были сдѣлаться легкою добычею.

Таковъ былъ общій политическій характеръ Черногоріи. Въ отдѣльныхъ частяхъ ея была жизнь племенная: племена отдѣлялись одно отъ другого территоріальными границами и всѣмъ внутреннимъ управленіемъ. Народная скупштина изъ представителей всѣхъ племенъ собиралась единственно по дѣламъ внѣшнимъ или, говоря опредѣленнѣе, по дѣламъ съ турками, для договора объ оборонѣ противъ нихъ или о нападеніи. Инціатива скупштины проистекала иногда отъ владыки, а иногда отъ самого народа или его главарей. Это были собранія, вызываемыя особенными случаями и потребностями, касающимися всѣхъ племенъ. Многіе годы могли проходить безъ подобнаго рода скупштинъ.

Назывались эти собранія *сбор*, *скуп* или *састанакъ*. Кромѣ сбора на Цетиньѣ, бывали сборы нѣсколькихъ племенъ въ разныхъ мѣстахъ: въ Цеклинѣ у церкви, въ Цермницѣ у соборной церкви Успенія Богородицы (на Ораоштицѣ), въ Кучахъ на Рогани и др. Иногда для договора пользовались обычными ежегодными собраніями на извѣстные праздники: въ Троицу на Ловченѣ, въ Рѣцкой нахіи на Комѣ, въ Брдахъ подъ Острогомъ и т. д.

Сами собою или по призыву владыки дѣлали собранія для умиренія враждующихъ племенъ, для разбора дѣлъ кровавой мести или тяжебъ о границахъ. Въ дѣлахъ кровавой мести выбирались съ той и другой стороны судьи, называвшіеся *кметами*, по 12 чел. съ той и другой стороны, которые изъ своей среды выбирали по одному, и эти выборные вели весь разговоръ и процессъ, а остальные поддерживали ихъ; а мѣсто для этого выбиралось какое-нибудь нейтральное. Рѣшеніе записывалось въ двухъ экземплярахъ, связанныхъ шелковымъ шнуркомъ и одною мелкою монетой, которая разрѣзывалась на двѣ половинки, чтобы при каждомъ экземплярѣ оставалось по половинкѣ. Затѣмъ назначался срокъ, когда должно было привести это рѣшеніе въ исполненіе, сопровождаемое договоренною уплатою съ той или другой стороны за головы и за убытки и различными обрядами. Рѣшеніе это въ черногорскихъ документахъ называется «сетенція, како се умирише» тѣ и тѣ; а судьи называются: *24 главаря и главарскихъ сына*.

При разборѣ границъ также избираются 24 чел., *добрые люди* или также *кметы*, которые всѣ межи должны обойти собственными ногами, а впередъ должны присягнуть въ томъ, что будутъ показывать по совѣсти истинную правду; присягаютъ также и призываемые съ той и другой стороны свидѣтели.

Подробное изложеніе этого суда и описаніе всей процедуры находится у Богишича въ его «Юридическихъ обычаяхъ югославянъ», у Врчевича въ «Народныхъ Разсказахъ» и у Любиши въ «Повѣстяхъ черногорскихъ и приморскихъ».

Названія: *главари*, *кметы* и *добрые люди* заступаютъ властелей и властеличичей перваго періода.

Предоставленный самому себѣ сербскій народъ въ Черногоріи, отбросивъ на свободѣ все, что́ было ему силой навязано изъ чужой культуры и не согласовалось съ его исконными, коренными началами, во внутренней жизни возстановилъ свои древнія народныя формы, которыя и сохранилъ почти вплоть до нашего времени во всей цѣлости съ небольшими уступками въ духѣ новыхъ, болѣе мягкихъ нравовъ и обычаевъ. Поэтому многія бытовыя черты этого періода мы встрѣтимъ въ быту современной Черногоріи во всемъ разнообразіи, въ зависимости отъ особенныхъ условій мѣстности и племенныхъ различій.

Вмѣстѣ съ этимъ нужно признать, что въ смыслѣ культурномъ въ Черногоріи царилъ полный застой. Мало того. Вслѣдствіе безпрерывной войны нравы ея должны были загрубѣть и одичать. Въ этомъ отношеніи въ несравненно лучшемъ положеніи находились даже тѣ сербы, которые остались подъ турецкимъ господствомъ, потому что у нихъ все-таки былъ досугъ, чтобы посвятить себя мирнымъ занятіямъ; тамъ поэтому развиваются ремесла и торговля, рядомъ съ хлѣбопашествомъ идетъ садоводство и огородничество, и въ жизнь также вносится нѣкоторый комфортъ. Ничего этого не было и не могло быть въ Черногоріи, потому что черногорецъ не зналъ этого досуга, не имѣя покоя ни днемъ, ни ночью, когда долженъ былъ выходить на работу и даже спать съ оружіемъ. И гдѣ тамъ заботиться не только о комфортѣ, но о какомъ бы то ни было улучшеніи сьоего жилища, когда нѣтъ почти мѣста въ Черногоріи, которое не было бы нѣсколько разъ сожжено и разорено турками, не говоря уже, что не давали мира также и внутреннія междоусобія. Поэтому Черногорія должна была сдѣлаться самою дикою страною; такою она и была на самомъ дѣлѣ. Но подъ этою внѣшнею дикостью сохранилось много добрыхъ, народныхъ началъ отъ глубокой старины, и вмѣстѣ съ тѣмъ развилась необыкновенная сила духа и характера, энергія и предпріимчивость, умѣніе найтись въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, тѣ именно свойства, которыя вы замѣтите и въ современномъ черногорцѣ и которыя и теперь составляютъ его силу.

Но эти самыя сила духа и энергія, при недостаткѣ внутренней дисциплины и стройной организаціи, при горячности темперамента и привычкѣ къ бою—изъ ничтожныхъ поводовъ создавали громадныя дѣла, цѣлыя внутреннія войны, сопровождавшіяся самымъ безпощаднымъ истребленіемъ другъ друга и взаимною тратою народной силы на радость своимъ внѣшнимъ врагамъ. При недостаткѣ регулирующаго начала свобода часто обращалась въ своеволіе и самоуправство, доходящія до грабежа и полнѣйшей распущенности.

Это бывало, какъ мы уже видѣли, въ такія времена, когда ослабѣвала единственная регулирующая сила — вліяніе владыки, вслѣдствіе его личной неспособности или подъ ударами какихъ-нибудь тяжкихъ пораженій, нанесенныхъ извнѣ.

Замѣчательно, что перемѣны эти происходятъ чрезвычайно быстро и находятся, какъ мы уже говорили, въ зависимости всецѣло отъ личности владыки.

Такой порядокъ вещей ясно указываетъ недостатокъ постоянныхъ учрежденій, которыми бы поддерживался одинъ и тотъ же порядокъ или который тормозилъ бы слишкомъ быстрыя перемѣны.

Въ этомъ случаѣ прямо сказывался недостатокъ тѣхъ патріархально-народныхъ началъ, на которыхъ держался союзъ черногорскихъ племенъ безъ всякихъ политическихъ формъ и учрежденій. И чѣмъ ближе она приходила въ столкновеніе съ другими государствами, тѣмъ болѣе сказывался этотъ недостатокъ. При этихъ условіяхъ невозможно было ни полное объединеніе и сплоченіе отдѣльныхъ племенъ, которое становилось все болѣе необходимо въ виду усиливающихся внѣшнихъ непріятелей, ни внутреннее развитіе. Черногорія при этихъ условіяхъ обрекалась на вѣчный застой внутренній и внѣшній, за которымъ въ концѣ концовъ угрожало неминуемое самоуничтоженіе.

XVIII вѣкъ для Черногоріи открывается тремя, можно сказать, эпохальными событіями: уничтоженіемъ магометанства, первыми связями съ Россіей и началомъ политическихъ учреж-

деній. Всѣ эти событія играютъ весьма важную роль въ дальнѣйшей исторіи Черногоріи.

Интересно то, что первая попытка политическаго учрежденія въ Черногоріи слѣдуетъ тотчасъ за вступленіемъ ея въ сношенія съ Россіей. Что тутъ не было иниціативы со стороны Венеціи, можно заключить изъ того, что съ нею Черногорія давно уже находилась въ связяхъ и болѣе близкихъ, чѣмъ съ Россіей, въ продолженіе двухъ столѣтій, и при всемъ томъ никому ни разу не пришло это въ голову до тѣхъ поръ, пока Черногорія не столкнулась съ Россіей. Поэтому можно тутъ предположить вліяніе Милорадовича или непосредственно Петра на явившагося къ нему владыку Даніила и заставшаго его на великомъ дѣлѣ преобразованія Россіи. Безъ всякихъ внушеній одинъ примѣръ Петра долженъ былъ подѣйствовать на молодую и свѣжую душу Даніила, начавшаго свою дѣятельность переворотомъ. Путешествіе въ Россію въ ту эпоху, когда все въ ней кипѣло жизнію и самою горячею работою, должно было непремѣнно подѣйствовать на Даніила. И онъ, ставя надъ всѣми народными главарями, избираемыми по племенамъ, назначеннаго имъ самимъ губернатора, дѣлаетъ крупный шагъ впередъ, чтобы вывести народъ изъ коснѣнія въ его племенномъ быту. Къ сожалѣнію, преемникъ его былъ не въ состояніи ни оцѣнить это учрежденіе, ни поддержать, и отъ всего остается только гувернадуръ, который на половину дѣлается венеціанскимъ агентомъ. Владыка Василій поддерживаетъ пришедшія въ упадокъ учрежденія своего дяди; но въ то же время у него въ головѣ носится какой-то свой идеалъ, осуществленія котораго онъ надѣется достигнуть только при содѣйствіи Россіи, и поэтому пишетъ разныя просьбы, проекты и предложенія. Но этотъ идеалъ политическаго устройства у него вяжется съ нѣкоторымъ подчиненіемъ Черногоріи русскому царю или царицѣ. Можетъ быть, это было только маневромъ съ его стороны: средствомъ заинтересовать Россію въ дѣлахъ Черногоріи и чрезъ то получить необходимую для осуществленія его плановъ денежную сумму. Впрочемъ, Черногоріи нечего было бояться Россіи, потому

что ихъ раздѣляло громадное пространство и въ промежуткѣ между ними стояла другая держава. Поэтому черногорскій народъ, какъ мы видѣли изъ договора, заключеннаго Милорадовичемъ на Цетиньѣ, сразу и безъ страха становится подъ покровительство русскаго царя и признаетъ даже его суверенство. Да и Россіи не было никакой цѣли и надобности обращать Черногорію въ свою провинцію, потому что Черногорія ей нужна была только какъ союзникъ въ войнахъ съ Турціей, конечную цѣль которыхъ составляло завладѣніе Константинополемъ.

Совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ находилась Черногорія къ Венеціи.

Венеція успѣла уже утвердиться на территоріи, которая вмѣстѣ съ Черной-Горой составляла часть Зетскаго государства, и, утвердивши тутъ свое политическое господство, старалась отторгнуть ее отъ Черногоріи и въ церковномъ отношеніи. Ту же самую участь готовила она и Черногоріи и забирала ее въ руки незамѣтно для нея самой, какъ ни мудры были ея владыки и какъ ни остерегались они венеціанскихъ сѣтей. Вѣчная война съ Турціей и вѣчная нужда въ самыхъ необходимыхъ вещахъ, ставили Черногорію въ положеніе подневольной зависимости отъ Венеціи. Пользуясь такимъ мучительнымъ положеніемъ Черногоріи, она успѣла уже привлечь на свою сторону ея главарей, платя имъ жалованье; оставался только владыка. Она стояла уже одной ногой на измученномъ тѣлѣ Черногоріи, а другою готовилась стать ей на голову. И въ это время какъ бы для спасенія ея является Петръ Великій.

Геніальный умъ его не могъ не предвидѣть, къ чему шла Венеція, и этимъ объясняется заключеніе упомянутаго договора. Но что онъ въ дѣйствительности не покушался на «самовластіе» Черногоріи, какъ стоитъ въ договорѣ, а имѣлъ въ виду только устраненіе отъ этого другого, доказываетъ его письмо, написанное послѣ договора. Не подданныхъ себѣ искалъ его великій духъ, чтобъ эксплоатировать ихъ или удовлетворять своему самовластію, а вѣрнаго союзника, съ которымъ яснѣе, чѣмъ всякій

договоръ, связывала бы общность интересовъ. Его дальновидный умъ не ошибся, остановившись на Черногоріи, которая составляла клинъ, могущій во всякое время, при помощи извнѣ, начать свое разрушающее дѣйствіе не только противъ Турціи, но и противъ всякой другой сосѣдней державы. Говоря о безпошлинной торговлѣ въ землѣ, «которою Богъ допустилъ бы царю Петру овладѣть», составитель договора, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду не Турцію, которой Черногоріи нечего было продавать, а сосѣднее Адріатическое приморье. Это была его завѣтная мысль, которую, можетъ быть, подсказали ему и поддерживали окружающіе его выходцы изъ Далмаціи и Герцеговины. Но осуществить ее онъ былъ не въ состояніи, потому что имѣлъ много дѣла ближе; а послѣдующіе за нимъ правители о томъ совершенно забыли.

Мы уже упомянули, что владыка Василій въ сношеніяхъ съ Россіей по текущимъ дѣламъ добивался отъ нея чего-то особеннаго: во 1-хъ, онъ стремился теоретически опредѣлить эти отношенія между Россіей и Черногоріей; во 2-хъ, опредѣливъ эти отношенія, дать Черногоріи на основаніи того какія-то учрежденія, въ которыхъ бы русское правительство приняло какое-то участіе. Все это чрезвычайно запутано и неясно. Еслибъ тутъ было желаніе поставить Черногорію въ подданство или въ вассальныя отношенія къ Россіи, то владыкѣ тутъ нечего было бы много толковать, а просто сдѣлать народный сборъ, на которомъ бы этотъ вопросъ рѣшился въ утвердительномъ смыслѣ (и въ этомъ можно не сомнѣваться), и поднесть это народное рѣшеніе Россіи. «Мы—твои подданные, промышляй о насъ, какъ знаешь!» Этого, однако, нѣтъ.

Совершенно въ томъ же духѣ добивается отъ Россіи чего-то и владыка Петръ I; но такъ и умираетъ, не добившись ничего. На немъ этотъ вопросъ совершенно обрывается; а Петру II нѣтъ уже никакой надобности поднимать какіе-либо теоретическіе вопросы: такъ ясны и опредѣленны отношенія къ Россіи. Значитъ, какъ разъ, его вступленіемъ на владычество разрѣшился этотъ вопросъ, мучившій владыкъ, его предшественниковъ. Онъ рѣшился

еще раньше, потому что владыка Петръ I съ 1814 г. не обращается къ Россіи ни съ какими вопросами до самой своей кончины, а въ завѣщаніи своемъ напоминаетъ своему народу объ этихъ отношеніяхъ, какъ о точно опредѣленныхъ.

Слѣдовательно, именно въ этотъ періодъ отъ владыки Даніила до Петра II у Черногоріи носился какой-то идеалъ, по которому она должна была конституироваться внутри и опредѣлить свои постоянныя отношенія къ Россіи.

Такая связь этихъ двухъ различныхъ вопросовъ и постановка ихъ въ продолженіе всего XVIII и въ началѣ XIX в. заставляетъ насъ въ заключеніе послѣдняго, разсмотрѣннаго нами періода черногорской исторіи, остановиться на нихъ съ полнымъ вниманіемъ и посвятить тому особенную главу; а здѣсь вкратцѣ подведемъ итогъ всему, что въ этотъ періодъ Черногорія пережила и переработала, и что передала слѣдующимъ поколѣніямъ.

Современная Черногорія представляетъ собою прямой результатъ Черногоріи подъ управленіемъ владыкъ; это та самая горсть людей, вышедшихъ съ Иваномъ Черноевичемъ изъ Зеты въ Черную-Гору, которая постепенно росла, размножаясь путемъ нарожденія и притокомъ новыхъ доселенцевъ изъ родственныхъ сербскихъ краевъ, бѣжавшихъ изъ турецкой неволи; крѣпла и сплачивалась подъ мудрымъ управленіемъ владыкъ въ одно нераздѣлимое цѣлое и закалилась въ борьбѣ съ суровою природой и людьми до такой степени, что нужда и война, ихъ неразлучные спутники, сдѣлались ихъ стихіею. Изъ этой горсти постепенно выросталъ цѣлый народъ, составившійся изъ союза племенъ; а союзъ этотъ, принявъ постепенно политическій обликъ, преобразовался въ государство, самостоятельное и независимое, по внутреннему порядку и благоустройству ставшее на ряду съ другими государствами цивилизованной Европы, крѣпостію же духа и постоянствомъ характера заслужившее всеобщее уваженіе, какъ въ древнемъ мірѣ Спарта, заключая въ себѣ тѣ же доблести и тѣ же недостатки.

Насъ останавливаетъ теперь еще одинъ вопросъ: какимъ образомъ эта ничтожная горсть могла сохраниться и удержать свою самостоятельность, когда все кругомъ ихъ покорилось и признало надъ собою чужое господство?

Большинство объясняетъ это гористою мѣстностію, неприступностію скалъ Черногоріи, голыхъ, ни для кого не привлекательныхъ и не нужныхъ; ничтожностію самаго населенія и его роли, и наконецъ счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ на помощь ей притекло и покровительство другихъ сильныхъ державъ.

Да, все это дѣйствительно имѣло значеніе въ исторіи Черногоріи; но, что горы и скалы сами по себѣ не спасаютъ, доказательствомъ служитъ рядомъ стоящая Албанія, которая покорилась туркамъ, не смотря на то, что имѣетъ въ серединѣ своей не одну, а нѣсколько такихъ Черногорій. Да и самимъ черногорцамъ не помогали скалы, когда у нихъ ослабѣвала сила: и черезъ Черногорію три раза проходили изъ конца въ конецъ турецкіе визири. А если бы они были такъ ничтожны, Турція не напрягала бы противъ нихъ всѣхъ своихъ силъ, не посылала бы противъ нихъ, если не сотни, то во всякомъ случаѣ, много десятковъ тысячъ войска подъ предводительствомъ лучшихъ своихъ генераловъ. И зачѣмъ тогда такъ хлопотала около нея Венеціанская республика, стараясь ее поработить или погубить, то лицемѣря и заискивая, то явно предавая ее туркамъ и разрушая ея храмы и святыя обители пушечными ядрами. А помощь сильныхъ державъ большею частію являлась въ видѣ «дара Данаевъ».

Нѣтъ, однѣхъ скалъ тутъ мало; другой народъ задохнулся бы въ нихъ или померъ съ голоду, или бросилъ бы ихъ и бѣжалъ вонъ, какъ бѣжитъ узникъ изъ тюрьмы, предпочитая скорую смерть вѣчному тюремному заключенію. Тутъ нужна была особенная сила духа и самоотверженность какъ въ самомъ народѣ, такъ и еще болѣе въ его вождяхъ и представителяхъ. Нужна была слишкомъ глубокая вѣра, чтобы не впасть въ отчаяніе, не потерять духа и устоять противъ безконечнаго ряда

тяжкихъ испытаній. Эта ничтожная горсть должна была имѣть великую душу и великихъ людей, какими и являются ея владыки, которые, во имя народа, совершенно отрекались отъ своей личности.

Еслибъ они были узкіе эгоисты, они могли бы отлично жить съ Венеціей и постепенно обратить къ ней симпатіи своего народа; но это были идеалисты, которымъ благо народное и чистое, славное имя въ потомствѣ были выше всѣхъ благъ временныхъ, матеріальныхъ. Во имя этого идеала они и стремились приблизиться къ Россіи, отъ которой единой ожидали его осуществленія. Вотъ почему въ сношеніяхъ съ Россіей они отрекались отъ всякаго личнаго интереса и во имя одушевлявшаго ихъ идеала жертвовали своимъ личнымъ самолюбіемъ, унижаясь до роли простыхъ просителей, обивающихъ пороги сильныхъ русскихъ вельможъ, и прощая всевозможныя обиды и оскорбленія. Это были не только великіе патріоты и политическіе дѣятели, но великіе идеалисты и мученики идеи.

V

Отношенія между Россіей и Черногоріей при владыкахъ.

(По новымъ документамъ).

Около двухъ столѣтій Россія находится не только въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Черногоріей, но и въ такой тѣсной связи съ нею, какой не имѣетъ ни съ какимъ другимъ государствомъ. Уже одна давность и непрерывность говорятъ въ пользу того, что связь эта основана на прочныхъ началахъ. И затѣмъ является вопросъ: что́ жъ это за начала, на которыхъ держатся наши сношенія съ Черногоріей? Въ исторіи этихъ сношеній мы замѣчаемъ рядъ колебаній или охлажденія, какъ напримѣръ, при императрицѣ Екатеринѣ II, при Александрѣ I и въ началѣ царствованія Александра II. Это показываетъ, что колебались самыя начала,

на которыхъ держались наши отношенія. Судя по открытымъ заявленіямъ съ той и другой стороны, главною основою служатъ единоплеменность и единовѣріе. Но эти основы никогда не подвергались никакимъ колебаніямъ ни въ Черногоріи, ни въ Россіи. Слѣдовательно, причины колебаній были другого рода, и кромѣ указанныхъ, были еще и другія основы взаимной связи.

Даже самый поверхностный взглядъ на исторію и характеръ этихъ сношеній обнаруживаетъ, что важную роль въ нихъ играетъ именно политическій интересъ. А всматриваясь глубже, мы замѣчаемъ, что Черногорія, сохранившая до XVIII столѣтія свою народность и вѣру, боролась уже не изъ-за нихъ, а изъ-за политической самостоятельности, которой угрожали не столько Турція, сколько Венеція, а потомъ Австрія. Поэтому въ ихъ владыкахъ вы прежде всего видите политиковъ, а не духовныхъ сановниковъ. Покровительство Россіи имъ нужно было не столько для поддержанія вѣры и народности, сколько для защиты ихъ политической самостоятельности. Помощь же Черногоріи со стороны Россіи оказывалась также главнымъ образомъ изъ расчетовъ политическихъ: Петръ Великій нашелъ въ ней средство дѣлать диверсію силамъ Турціи, на случай войны съ нею. Однажды Россія воспользовалась черногорцами и противъ французовъ. А какъ скоро мы достигали своей цѣли, мы тотчасъ же забывали о нихъ.

Со стороны Черногоріи такихъ колебаній не было: она обращалась къ помощи другой державы только тогда, когда Россія отворачивалась отъ нея; она надѣялась всегда получить помощь безъ всякихъ съ своей стороны уступокъ въ пользу ея, кромѣ готовности служить ей съ оружіемъ въ рукахъ противъ общаго непріятеля, и Россіи, конечно, ничего больше и не нужно было. Въ то время, какъ прежде Венеція, а послѣ Австрія считали своимъ интересомъ обрѣзать Черногорію, ослабить ее во всѣхъ отношеніяхъ, интересъ Россіи былъ напротивъ въ томъ, чтобъ она была обширнѣе и сильнѣе. На этомъ и основана привязанность Черногоріи къ Россіи: ее вяжетъ съ нами не вѣра только и на-

родность, но и обоюдность политическихъ интересовъ. И на сколько эта обоюдность интересовъ будетъ существовать, до тѣхъ поръ не можетъ и не должна прерываться связь Черногоріи съ Россіей.

Однако понятіе объ этомъ обоюдномъ интересѣ покуда, мнѣ кажется, не выяснено, не получило опредѣленности, и потому колебанія въ нашихъ сношеніяхъ, какъ бывали прежде, такъ возможны и теперь. Уясненію дѣла можетъ въ значительной степени помочь только исторія нашихъ сношеній, и не фактическая только ихъ сторона, а изслѣдованіе, такъ сказать, духа и характера этихъ сношеній, внутреннихъ побужденій и цѣли управлявшихъ ими.

Для уясненія вопроса пока не имѣется достаточно данныхъ. Данныя эти хранятся въ документахъ, которые принадлежатъ государственнымъ архивамъ и держатся въ тайнѣ. Что касается Россіи, то часть ихъ, приблизительно до половины настоящаго столѣтія, находящаяся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и св. синодѣ, открыта для науки и понемногу выходитъ въ свѣтъ. Но есть документы въ Австріи и особенно во Франціи, о которыхъ до сихъ поръ никому ничего неизвѣстно. На Цетиньѣ также находилось много документовъ, изъ которыхъ кое-что было дано Милаковичу для составленія «Исторіи Черногоріи». Ссылаясь на нихъ, онъ между прочимъ говоритъ, что владыка Петръ II предоставилъ въ его распоряженіе только ничтожную часть и документы, не имѣющіе большого значенія; а все важное было скрыто имъ и заперто въ двухъ ящикахъ. Гдѣ все это находится теперь, мнѣ неизвѣстно. Часть, безъ сомнѣнія, сохранилась и находится во дворцѣ у князя; но часть, видимо, брошенная безъ всякаго призрѣнія, растаскана приватными лицами или исчезла безслѣдно.

Мнѣ удалось получить одну тетрадку, содержащую въ себѣ документы относительно посылки въ Россію владыкою Петромъ I архимандрита С. Вукотича въ 1798 г.и графа Н. Давидовича въ 1799 г., которые уясняютъ весьма многое въ сношеніяхъ того

времени Россіи съ Черногоріей. Братья М. и Ж. Драговичи опубликовали уже часть документовъ относительно того же предмета, найдя ихъ въ Московскомъ архивѣ.

Въ общемъ изложеніи мы имѣли возможность видѣть, въ чемъ состояли сношенія Черногоріи съ Россіей; теперь намъ остается освѣтить эти сношенія съ теоретической стороны, т. е. выяснить, кромѣ взаимной матеріальной помощи, не преслѣдовалась ли тутъ какая-нибудь особенная цѣль съ той и другой стороны, не руководились ли при этомъ представители ихъ какою-нибудь идеею.

При владыкѣ Даніилѣ черногорскій народъ призналъ надъ собою верховную власть Русскаго царя. Но въ подобныхъ отношеніяхъ, какъ мы видѣли, стояла Черногорія и къ венеціанскому дожу. При владыкѣ Василіи эти отношенія выясняются нѣсколько больше: рядомъ съ признаніемъ суверенства Россіи, идетъ опроверженіе всякаго права на то со стороны Оттоманской имперіи, какъ и со стороны Венеціи. И на одно изъ прошеній владыки Василія, отъ 22-го апрѣля 1753 г., со стороны Русской императрицы послѣдовало такое рѣшеніе: «что оной черногорскій принципатъ (княжество) никому неподвластенъ, какъ токмо ея императорскому величеству самодержицѣ Всероссійской, и *чтобы сей принципатъ въ титулъ ея императорскаго величества включенъ былъ*; то хотя ея императорское величество сіе его представленіе милостивѣйше принять изволила, однакожъ, на какомъ основаніи и за что оной черногорскій народъ ея императорскому величеству совершенно подвластнымъ быть хочетъ, о томъ обождано будетъ формальное сего народа прошеніе».

М. Драговичъ[1]), изъ брошюры котораго мы беремъ это мѣсто, дѣлаетъ притомъ замѣчаніе: «Относительно формальнаго прошенія черногорскаго народа о желаніи его быть присоединеннымъ къ Всероссійской Имперіи, я не могъ найти никакихъ извѣстій». Но въ той же самой брошюрѣ (стр. 53) находится

1) *Марка Драговича*, Митрополитъ Черногорскій Василій Петровичъ и его сношенія съ Россіей. С.-Пб. 1882 г., стр. 23.

прошеніе владыки, въ которомъ между прочимъ говорится ясно: «Мы дали *формальное представленіе отъ всего общества народа черногорскаго*, въ которомъ всеподданнѣйше предложено о включеніи въ титулъ вашего императорскаго величества и о снабженіи высокомонаршею милостію вольное наше черногорское княжество. Но *нынѣшняго времени обстоятельства оному нашему прошенію препятствуютъ*; а между тѣмъ оный народъ къ послѣдней крайности приходитъ и болѣе уже никакъ не можетъ столь частыя кровопролитія отъ Порты Оттоманской, а отъ Венеціанской республики всегдашняго злоухищренія претерпѣвать безъ вашего вспомоществованія и общаго всѣхъ согласія и союза любви и другихъ окрестныхъ христіанъ, которые всѣ смотрятъ на то, что̀ воспослѣдуетъ черногорцамъ при ихъ вольности». А въ другомъ мѣстѣ (стр. 42) русскій посолъ въ Царьградѣ Обрѣсковъ ссылается на письмо владыки Василія, въ которомъ тотъ увѣдомляетъ его, что «по пріѣздѣ его (владыки) въ Черногорію все первенствующее и начальствующее общество черногорское предъ портретомъ ея императорскаго величества въ вѣрности ея императорскому величеству присягали». И наконецъ онъ, «для учрежденія въ черногорскомъ народѣ добраго порядка проситъ объ опредѣленіи ежегоднаго пенсіона на тысячъ до 15 рублей, и чтобы, сверхъ того, кто-либо отсюда (то есть, изъ Россіи) отправленъ былъ въ ихъ резиденціи» (тамъ же, стр. 56).

Дѣло со стороны черногорскаго народа ясное и рѣшенное. Еще больше это подтверждается исторіею Степана Малаго, который хоть на короткое время былъ государемъ Черногоріи подъ ложнымъ именемъ русскаго царя Петра III. Но осуществленіе этого должно было отложить само русское правительство вслѣдствіе «нынѣшняго времени обстоятельствъ», упоминаемыхъ въ прошеніи владыки Василія. Это подняло бы противъ Россіи не только Турцію, но и Венецію и Австрію. Идея эта, однако, не погибла, а продолжала зрѣть и развиваться въ послѣдующихъ сношеніяхъ Россіи съ Черногоріей.

Стараясь по возможности уловить и выяснить идею, руководившую Черногоріей въ сношеніяхъ съ Россіей, мы однако не сдѣлали того же самаго по отношенію къ этой послѣдней. Впрочемъ тутъ, кромѣ Петра Великаго, никто, кажется, и не задавался никакими высокими идеями. Императрица Елизавета открыла на своей обширной территоріи прибѣжище всюду гонимому сербскому православному народу, имѣя въ виду заселеніе южныхъ предѣловъ Россіи; оказывая милости черногорскому владыкѣ Василію, императрица руководилась больше личнымъ добродушіемъ и чувствомъ благоговѣнія передъ завѣтами своего отца, чѣмъ какими-либо высшими соображеніями. По заведенному порядку, владыка Василій отправился поздравить съ восшествіемъ на престолъ и императрицу Екатерину II и былъ ею хорошо принятъ; онъ однако умеръ въ Петербургѣ, не дождавшись никакихъ результатовъ. Владыка съ надлежащею почестію похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ; спутники его съ честію отправлены назадъ въ Черногорію, при чемъ въ грамотѣ царицы черногорскому народу стоитъ увѣреніе въ милостивомъ ея расположеніи къ нему и высказана надежда, что черногорцы постараются заслужить то своимъ усердіемъ, вѣрностью и т. д. Вторичное управленіе Черногоріи владыкою Саввой ознаменовалось появленіемъ самозванца, не столько конечно опаснаго Россіи, сколько Турціи и Венеціи, которыя и постарались съ нимъ покончить; тѣмъ не менѣе это событіе произвело непріятное впечатлѣніе на русское правительство, которое и дало это почувствовать Черногоріи, когда въ Россію прибылъ будущій владыка, въ то время архимандритъ, Петръ Нѣгошъ, для обычнаго полученія царской милости. Ему ничего не дали, и еще послана была записка, полная несправедливыхъ упрековъ черногорскому народу, который будто бы во время турецкой войны не только не показалъ себя достойнымъ «о пользѣ его попеченія, но паче въ буйствѣ и невѣжествѣ своемъ, примѣняясь къ нѣкоему презрительному самозванцу и бродягѣ, всячески учинилъ себя недостойнымъ высочайшаго покровительства государыни импера-

рицы». Потомъ ему не дали пропуска въ Россію для посвященія въ митрополиты; а когда онъ явился туда, какъ владыка, Потемкинъ прогналъ его по личному капризу. Говорятъ, Екатерина сожалѣла о томъ и посылала вернуть владыку; но онъ самъ не пожелалъ вернуться.

Одна возможность подобнаго случая ясно показываетъ, что тутъ нѣтъ никакой идеи и высшаго руководящаго начала, а управляютъ всѣмъ личные инстинкты — расположеніе или нерасположеніе къ тому или другому, и не только одной царицы, но и ея любимцевъ.

Доказательствомъ служитъ и то, что Черногорія во все время царствованія Екатерины не получила ни копейки изъ той субсидіи, которая опредѣлялась грамотами Петра Великаго и Елизаветы и не была отмѣнена и самою Екатериной. Даже, начавши войну съ Турціей при участіи Австріи и призывая манифестомъ черногорцевъ тоже подняться, Екатерина послала только лично митрополиту части мощей въ ящичкѣ, украшенномъ драгоцѣнными каменьями (по другимъ — панагію), и никакой другой помощи, безъ которой они рѣшительно ничего не могли сдѣлать. Впослѣдствіи только австрійскій императоръ Іосифъ II послалъ имъ разнаго рода боевыхъ припасовъ съ двумя пушками и немного денегъ, и съ этимъ владыка Петръ, послѣ заключенія Россіей и Австріей мира съ Турціей, долженъ былъ вступить въ новую войну одинъ противъ грознаго въ то время скадарскаго визиря Махмуда-паши Бушатліи. Благодаря только этой небольшой австрійской помощи, черногорцы въ 1796 г. одержали двѣ блистательныхъ побѣды подъ Мартиничами и Крусами: въ послѣдней погибъ и Махмудъ-паша. Владыка тотчасъ же шлетъ пословъ въ Россію съ увѣдомленіемъ о побѣдѣ и съ трофеями въ отдаръ императрицѣ за посланную ею святыню; но Екатерину это извѣстіе не застало въ живыхъ, а посланныхъ принялъ новый царь, Павелъ, принялъ милостиво и въ награду послалъ митрополиту орденъ Александра Невскаго.

Императоръ Павелъ относился къ Черногоріи иначе: проникнутый самъ рыцарскимъ духомъ, онъ не могъ не любить черногорцевъ за ихъ геройство; а въ то же время Черногоріи предстояло непремѣнно играть роль въ общеевропейской войнѣ, такъ какъ французы перекинулись со своими завоеваніями и на Адріатическое море.

Не знаемъ, какъ бы отнесся къ этому и что́ бы предпринялъ самъ императоръ Павелъ; но его предупредила Черногорія. Въ 1797 г. французы заняли Венецію, и вслѣдствіе того, зависѣвшія отъ нея Бокка и Приморье рѣшились предаться Австріи, которая однако и сама не въ состояніи была ничего сдѣлать безъ чьей-либо помощи, а призвала къ тому Черногорію, предоставивъ въ полное распоряженіе владыки посланное въ Бокку свое войско.

Но владыка, вѣрный идеѣ, вошедшей уже въ традицію, въ виду начавшейся путаницы въ политическихъ дѣлахъ, прежде всего обращается къ Россіи, отдаваясь въ полное ея распоряженіе и прося покровительства и помощи. Онъ отправлялъ съ этою цѣлью въ Россію два посольства одно за другимъ, въ 1798 и 1799 гг.

Императоръ Павелъ весьма благосклонно принялъ первое посольство и отвѣтилъ грамотою, въ которой даетъ полное увѣреніе, что не дастъ черногорскій народъ въ обиду никому, и что для того немедленно посланъ будетъ флотъ въ Средиземное море, и въ то же время ассигнуется постоянная ежегодная субсидія въ 1000 цекиновъ для введенія въ Черногоріи лучшаго порядка и всего, что́ споспѣшествовало бы развитію народнаго благосостоянія. Второе посольство было также хорошо принято. Годъ спустя, на русскій престолъ вступилъ новый императоръ, Александръ, который подтвердилъ все, что́ было сдѣлано и обѣщано Черногоріи его покойнымъ отцомъ.

Эти два посольства были архимандрита Саввы Вукотича и Николая Петровича Давидовича, который въ относящихся къ нему актахъ называется Черноевичемъ воеводой или графомъ. Оба они отправились съ особенно важными секретными поруче-

віями къ русскому двору и потому документы, относящіеся къ нимъ, представляютъ большой интересъ, такъ какъ лучше всего бросаютъ свѣтъ на занимающій насъ вопросъ о характерѣ и конечной цѣли сношеній между Россіей и Черногоріей. Матеріалъ для этого имѣется готовый, вынесенный на свѣтъ изъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ Ж. Драговичемъ и помѣщенный имъ въ двухъ статейкахъ въ «Русской Старинѣ» (1882 г., тт. XXXIII и XXXV), и мы могли бы довольствоваться только имъ; но въ Цетинскомъ монастырѣ нашлась цѣлая тетрадь, содержащая въ себѣ всѣ документы, которыми снабжены были оба упомянутые посланника, и ими пополняется и еще больше уясняется то, что́ найдено въ Московскомъ архивѣ. Такъ, въ напечатанномъ изъ прошенія къ императору Вукотича сдѣлано только сжатое извлеченіе изъ того, о чемъ просилось, а въ имѣющемся у насъ наказѣ опредѣлено и то, какъ проситель долженъ поступить въ случаѣ отказа; есть и другія характерныя мѣста, не попавшія въ извлеченіе. Въ наказѣ Давидовичу также многое не вошло въ поданный имъ проектъ, а иное представлено иначе. Считая положительно необходимымъ опубликовать изъ этого матеріала то, что́ прямо относится къ нашему вопросу, мы думаемъ, что не будетъ излишне за-одно помѣстить и все, чего вообще недостаетъ въ напечатанномъ уже, хотя бы это прямо и не относилось къ дѣлу. Поэтому прежде всего приступаемъ къ изложенію имѣющихся у насъ документовъ.

Они состоятъ изъ наказовъ отправляющимся и изъ писемъ императору и разнымъ лицамъ при императорскомъ дворѣ. Начнемъ съ заглавія, какое придано этимъ документамъ.

На первомъ стоитъ такъ: «Инструкція, учиненная при консисторіи Петра Митрополита Черногорскаго, Скандарійскаго и Приморскаго съ согласіемъ Обще-народнаго Черногорскаго Совѣта священно-архимандриту Саввѣ Вукотичу для предпріятія путешествія ему во Всероссійскую Имперію. маія 19-го числа 1798 г.». А на второмъ: «Полномочное наставленіе, данное съ согласіемъ Общаго Національнаго Черногорскаго Публичнаго

Собранія, достойному и вѣрному ходатаю и соотечественнику нашему Оберъ-воеводѣ Графу Николаю Черноевичу Давидовичу; при митрополитанской кавтедралной резиденціи, *для вящшаго изысканія явнаго покровительства* отъ Всероссійскаго Императорскаго Двора. Сентября 10 дня, 1799 г.».

Подписи подъ всѣми документами одного митрополита съ означеніемъ титула или просто: «М. Петръ Петровичъ Негошъ», иногда со скрѣпой: «У производства дѣлъ Всероссійской Имперіи дьяконъ Алексѣй» или еще иначе: «въ производствѣ писменныхъ тайныхъ дѣлъ отъ Рос. Имп. дьякъ А.». А подъ письмомъ императору владыка подписывается такъ: «Вашего Имп. священнѣйшаго Величества всепокорнѣйшій и всенижайшій слуга и богомолецъ М. П. П. Негошъ за себя и за все черногорское и берганское національное собраніе».

Самое дѣло внутри текста характеризуется такъ: «послать съ велико-важнымъ по секрету интересомъ къ Его И. В.» или «всеобщій императорскій интересъ». А поводъ заключается въ особенныхъ политическихъ обстоятельствахъ: «и по причинѣ превратныхъ сего времене обстоятельствъ». Не присвоивая себѣ власти рѣшающей по формѣ, митрополитъ является здѣсь только какъ бы представителемъ народа, выразителемъ его воли и рѣшеній по существу дѣла, оставаясь, конечно, его душою и иниціаторомъ. Потому очень интересны его письма, хотя и къ придворнымъ людямъ, но къ которымъ онъ относится, какъ къ своимъ добрымъ знакомымъ и друзьямъ. Изъ нихъ можно видѣть то душевное настроеніе владыки, подъ впечатлѣніемъ котораго развивалась его внѣшняя, политическая дѣятельность. Таково письмо его императорскому духовнику (имени не означено), которое мы и позволимъ себѣ привести цѣликомъ:

«Ваше Высокопреподобіе, о Христѣ возлюбленный Братъ.

«Возвожду внутренными моего сердца очима взоръ ко всевышнему и неисповѣдимому его промыслу, прославляя неизреченное человѣколюбіе къ намъ провидѣнія и всещедрую благость божескую, что престолъ священныя Русскія Имперіи паки вос-

пріялъ верхъ первобытнаго своего существа, преукрашенный всерадостнѣйшимъ возшествіемъ торжественно Его И. В. на оный, есть всеобщее благополучіе нашего блаженства и слава, отъ многихъ лѣтъ возжеланная; понеже промыслъ верховнѣйшаго правителя на сіе предѣломъ предуставлено, не точію воздвигнуть и прославить, но и умножить во время потребное потребнаго ей, и оградить еще миромъ окрестъ, и вожделѣнныя тишины покоемъ и радостію.

«Покровенная нынѣ чрезвычайнымъ мракомъ полуденно-западная часть Европы, который разсипавъ мрачніе повсюду свѣты, претытельно стремится бурливость своихъ волнъ быстро-текущихъ прозрачныхъ сердецъ привлечь во храмъ покрове своего любосластія; но мы будучи по несчастному жребію къ тѣмъ мѣстамъ прикосновенны, гдѣ гнѣздящійся мракъ прелести воспріялъ свое внезапу обиталище. Ободряя себе надеждою сѣверныхъ силъ священныхъ россійскихъ горызонтовъ, отъ которыхъ сіяетъ молніено-лучная немерцающая и лучезарная аурора, осѣняющая неукоснительнимъ ея блиставіемъ еще отъ временъ безсмертнаго славнаго императора Петра перваго на народъ здѣ заключенный.

«Превратность сего непостояннаго времене сугубо въ такомъ случаѣ ободрительно возбудила съ надеждою простерть опытъ моего къ вамъ прошенія. Вручителя сего священно архимадрита Саву Вукотича всепокорнѣйше прошу возможнымъ вашимъ и могущественнымъ пособіемъ о представленіи онаго къ Его И. В. воспріять посредственное ходатайство, кое присвояя собранному удовольствію. При взаимномъ же и священномъ жертво-приношеніи по мѣрѣ силъ нашихъ обязанъ моею истинностію пребыть навсегда таковымъ.

«Вашего Высокопреподобія, Милостиваго моего Государя, всепокорнѣйшій слуга Петръ Петровичъ Нѣгошъ. Митрополитъ Черныя Горы, Скандеріи и Приморья.

«Мая 19, 1798 г.»

Какъ ни тяжело добраться до смысла всего, что̀ говорится въ этомъ письмѣ, вслѣдствіе напыщенности и какого-то особеннаго скованнаго языка, изъ него однако намъ видно, что переворотъ во Франціи и особенно ея антирелигіозное направленіе, готовое вмѣстѣ съ завоеваніями французовъ охватить собою всю Европу, сильно озабочивали владыку; противодѣйствія этому онъ ожидалъ только отъ Россіи, которую единственно считалъ достаточно сильною и православно-вѣрующею, чтобы противостать такой силѣ. Это видно и во всѣхъ другихъ его письмахъ. Видя, какъ быстро и неожиданно совершались и развивались политическія событія, владыка чувствовалъ себя въ крайнемъ затрудненіи и недоумѣніи, какъ поступить и съ кѣмъ держаться. Вслѣдствіе того, что Россія недавно въ союзѣ съ Австріей воевала противъ Турціи, онъ дѣйствуетъ въ духѣ этого союза, и когда жители Бокки обратились къ нему за совѣтомъ, какъ имъ поступить теперь, когда Венеція находится въ рукахъ французовъ, онъ посовѣтовалъ имъ стать подъ покровительство Австріи; въ этомъ смыслѣ было составлено и письмо Австрійскому императору отъ общества Будвы съ подписью владыки. Въ концѣ его однако стоитъ такое добавленіе: «И, покуда будемъ приняты подъ покровительство Его Импер. В., мы избираемъ своимъ покровителемъ, защитникомъ и правителемъ Петра Петровича, славнаго архіепископа и митрополита Черногоріи».

Съ Турціей онъ также старается поддержать миръ, потому что такъ внушается ему Россіей. Но сосѣдняя ему Албанія не признаетъ султана и никакого закона. Куда ни посмотришь, всюду неопредѣленность, отовсюду грозитъ опасность, а онъ не имѣетъ никакихъ средствъ и не знаетъ, какъ отнесется къ дѣлу Россія: между прочимъ ему очевидно, что и Россія, стоя слишкомъ далеко отъ театра событій, можетъ заблуждаться на счетъ ихъ. Поэтому, чтобы разъяснить положеніе, онъ пишетъ вице-канцлеру, графу В. П. Кочубею: «Что же принадлежитъ до смежныхъ намъ сосѣдей, которые ежечасно, а паче отъ стороны турецкихъ городовъ на Черногорскія и Бердскія пограничныя селенія безпре-

рывно буйственныя производятъ нападенія и тѣмъ самымъ причиняютъ великое разореніе, убійство и грабительство, что мы со стороны нашей *сохраняя опасно и наблюдая союзъ аліатственной дружбы между обоима имперіями*, и потому принуждены продолжать съ терпѣніемъ оное несносное нападеніе; но какъ по видимому намъ предмету, что турки не отступаютъ отъ своихъ предпріятій, своеволно и развратно пребываютъ, понеже они и законному ихъ государю султану не повинуются и ниже о томъ никакого понятія и зависимости не имѣютъ. Для чего въ оправданіе нашей невинности оборонною рукою съ надеждою всероссійской защиты и помощи оружіемъ нашимъ себе обранять; но за неимѣніемъ здѣсь къ тому супротивленію пороха и свинцу понеже подъ великимъ штрафомъ запрещено какъ турецкихъ мѣстахъ намъ прикосновенныхъ, *а паче въ станъ новыхъ сосѣдей аустрійцевъ*. Сіе же все происходитъ по тому предлогу, что Черногорскія и Бердскія области приверженность имѣютъ къ священному тому престолу, и дабы тѣмъ запрещеннымъ угнетеніемъ отторгнуть насъ отъ участія и единенія россійской державы».

Въ томъ же смыслѣ и духѣ составлено и письмо императору Павлу, отправленное съ Вукотичемъ. Вотъ оно тоже цѣликомъ:

«Всеавгустѣйшій Государь, Ваше Императорское Священнѣйшее Величество!

«При шумѣ восклицанія всеобщія радости, когда судьба благоволеніемъ своимъ предопредѣлила вѣнчать діадимою верхъ достоинства вашего И. В. и утвердить при томъ залогомъ благодати господней священнѣйшимъ миропомазаніемъ, о возшествіи на прародительскій императорскій вашъ престолъ, здѣшнее общество единогласно принося жертву благодаренія верховнѣйшему правителю богу; о ниспосланіи вамъ силъ къ прохожденію служенія въ славу имени его возложенному безотлагательно предпріяли опытъ дерзновенія чрезъ посредство всероссійскаго императорскаго посланника, находящагося въ Константинополи, въ прошломъ годѣ сентября отъ 3-го числа всеусерднѣйшее принесть вашему И. В. поздравленіе. Понеже милость милосердія и

человѣколюбіе отъ всещедрыхъ нѣдръ блаженно-почившихъ вашего И. В. прародителей обильно проливаемое на народъ черногорскій запечатлѣны оніе неотъемлемую вовѣки къ себѣ приверженность, и похваля ревностнѣйшіе сихъ народовъ подвиги и труди высокомонаршими ихъ засвидѣтельствовать благоволили грамматами.

«Нынѣ же, будучи сила австрійскаго оружія внезапу распростершись покрыла мѣста владѣнія бывшей Венеціанской республики, даже и до самыхъ предѣловъ Черныя Горы; какъ повидимому намъ предмету употребляетъ всѣ возможнія мѣры разнообразними способы и происки соединить къ своему владѣнію и народъ здѣ обитающій.

«Того ради поднося сіе во изъявленіе вашему И. В. всеподданнѣйше представляемъ, что по данному предковъ нашихъ клятвенному обѣту на вѣрность и службу высокославному престолу всероссійскому, которой доселѣ наблюдая въ непоколебимомъ и безпорочномъ исполненіи, избѣгая при томъ вѣроломства, предварительно припадая къ освященнымъ стопамъ вашего И. В., единогласно просимъ отеческаго призрѣнія и высокомонаршей благопокровительствуемой съ милостію протекціи.

«Простры, всепресвѣтлѣйшій монархъ императоръ, скиптромъ скиптродержавную и всесильную десницу; пріимы купнародно отъ лица всего народа глубочайшее наше прошеніе; услишь вопль стенанія озлобленныхъ младенцевъ, извлеци исподъ ига агаринскаго славеносербскій родъ, заключенный во узахъ вѣроломныхъ магометанъ. Онъ благоговѣетъ къ освященному лицу твоему. Напитай алчущія люды благочестія злакомъ, воздвигни долу падшихъ скиптромъ державы твоея, привлецы чрезъ то на себе безсмертную славу; соберы порфирою силъ твоихъ расточенныхъ воедино; распростры парусъ милосердія твоего и соедини сердца наша зъ синамы росскими, пролей гнѣвъ твой на языкъ агарянскій и возврати плѣненіе людей своихъ; возгласи трубою повелѣнія твоего, и се потрясутся пленицы константинопольскія»[1]).

[1]) Обычный конецъ письма не приводимъ.

Нельзя не удивляться, что скоро опредѣлились отношенія къ новой сосѣдкѣ, которая оказалась нисколько не лучше старой. Владыка не обманывался на счетъ Австріи и вслѣдствіе того еще сильнѣе стремился къ Россіи.

Изъ прошенія черногорскаго народа императору, извлеченіе изъ котораго напечатано, мы приведемъ одно только мѣсто, показывающее, чего собственно добивался онъ отъ Россіи.

Изложивъ положеніе Черногоріи, прошеніе резюмируетъ желаніе народа такъ: «А посему и просимъ, дабы высочайшимъ вашего И. В. благоволеніемъ и милостію повелѣно было сіе наше прошеніе принять и о *причисленіи насъ Черныя Горы и Бердъ подъ высочайшую протекцію, помощь и защиту*, присовокупить въ единодержаніе владычества вашего, также и *государственними утвердить правами и правилами* духовными, военными и гражданскими; съ преподаваніемъ открытія наукъ полезныхъ и училищъ; со статами; и со утвержденіемъ пошлинныхъ зборовъ, которые спомоществовать полнымъ изобиліемъ, когда будутъ существовать строгости и права, и съ равномѣрнымъ же проискомъ рудокопныхъ металловъ, коихъ по видимому предмету изобильность не оскудѣваетъ. О присилки же сѣмо отъ имени вашего И. В. кого заблагоразсудитъ ваша високо-монаршая верховнѣйшая власть, для вящшаго обозрѣнія и совершенной вѣрности съ полномочнимъ вашего священнѣйшаго величества наставленіемъ, и о томъ учинить милостивѣйшее благоразсмотрѣніе и опредѣленіе».

Прошеніе это долженъ былъ подать и подалъ архимандритъ С. Вукотичъ, которому сверхъ того дана была и особенная инструкція. Одни изъ пунктовъ ея относятся лично къ посланнику и показываютъ заботу составителя, чтобъ съ полномочіемъ не вышло какого злоупотребленія; а другіе указываютъ ему, чего добиваться. Мы приведемъ только то, чего нельзя видѣть изъ напечатаннаго извлеченія. Послѣ общаго изложенія задачи посланнаго, ему вмѣняется въ обязанность слѣдующее:

1) «Имѣйте вы по должности своего чина и по соразмѣрности вашего званія честно и благопорядочно въ пути всегда поступать.

2) «Въ посторонныя дѣла ни съ кимъ не входить и въ *свои никого изъ посторонних не принимать;* ниже оныя, кромѣ гдѣ принадлежитъ, никому не открывать.

3) «Въ дорогѣ безъ великой причини либо нужды незадерживаться; но какъ скорѣе возможно къ назначенному мѣсту безъ остановки поспѣшать.

4) «Въ журналъ вносить, какого мѣсяца и числа въ коемъ либо городѣ и мѣстѣ прибылъ и изъ онаго отъехалъ, означая, сколко гдѣ и за какою необходимостью остановку имѣлъ.

5) «Искать тотчасъ представленья императору.

6) «Нынѣшнія обстоятельства и состояніе народа высочайшему двору въ точности представить; а потому *неукоснительной резолюціи просить.*

7) «Если высочайшему двору невозможно будетъ въ семъ времени по прошенію нашему учинить, въ такомъ случаѣ просить, дабы благоволено было *отправить къ симъ мѣстамъ одного офицера съ флагомъ государственнаго императорскаго герба съ надлежащимъ наставленіемъ*, которое могло бы при самой нужной необходимости и утѣсненію совершенною защитою намъ послужить, равномѣрно же и *со вспомоществованіемъ* хотя невеликой суммы денегъ, и военной самонужнѣйшей аммуниціи чрезъ Неаполь: пороху, свинцу и бумаги: вамъ же въ томъ мѣстѣ ожидать тогда другаго повелѣнія.

8) «Написать въ защиту Черногоріи Римскому императору и Портѣ Отоманской, а также своимъ посланникамъ, чтобъ черезъ нихъ поддерживать постоянную связь съ Россіей.

9) «Если будетъ успѣхъ во всемъ, то просить послать портреты царя и всей фамиліи.

10) «Просить послать обычную милостыню на содержаніе церквей, если можно, за 6 лѣтъ впередъ, а также мура, книгъ и церковной утвари и одеждъ.

11) «А ежели паче чаянія высочайшій всероссійскій императорскій дворъ впредь не соблаговолитъ принять народъ сей черногорскій и бердскій подъ явное и неотверженное покрови-

тельство, то съ крайнымъ неудовольствіемъ и оскорбленіемъ дозволяется вамъ отъ имени народа цѣлаго *во ограждение нашей невинности просить конечнаго навсегда отрѣшенія* понеже никакими мѣрами не можемъ болѣе при нынѣшнихъ превратныхъ обстоятельствахъ безъ оной высочайшей протекціи себе содержать, и по обѣту отъ предковъ нашихъ ко всероссійскимъ самодержцамъ данному на вѣрность и услуги продолжать отнынѣ впредь силъ не имѣемъ». Посланному за дѣйствіе противно наказу угрожается «церковнымъ по правиламъ безотвѣтнымъ истязаніемъ».

Пункты, относящіеся къ посланному, показываютъ, что составители наказа допускали возможность, если не злоупотребленія съ его стороны, то недоразумѣнія, и особенно строго запрещается входить въ сношенія съ посторонними лицами, чтобы сохранить тайну и устранить всякое постороннее вмѣшательство. Но это не направлено лично противъ архимандрита Вукотича, которому въ то же время просятъ дать золотой крестъ на золотой же цѣпочкѣ «въ знакъ высокомонаршаго благоговѣнія» и просьба была исполнена.

Въ остальномъ видна боязнь, чтобы дѣло не затянулось, такъ какъ обстоятельства не терпятъ, и потому требуется отвѣтъ немедленный. Положеніе дѣлъ казалось составителямъ такимъ критическимъ, что въ случаѣ замедленія со стороны Россіи, Черногорія сію же минуту должна будетъ искать другого покровительства. Поэтому поручается «просить конечнаго отрѣшенія»; далѣе протянута какая-то черта, какъ будто хотѣлось что-то сказать еще рѣшительнѣе, но остановилась рука, хотя изъ слѣдующаго затѣмъ ясно видно, что тогда Черногорія объявляетъ себя безсильною выполнить свои старые обѣты на вѣрность и службу Россіи.

Изъ этого никакъ нельзя усматривать, чтобы Черногорія впередъ рѣшилась дѣйствовать съ кѣмъ-либо другимъ или вообще колебалась въ преданности Россіи. Какъ она относилась къ Австріи, мы видимъ изъ самого прошенія; о союзѣ съ Франціей,

которая низвергала государей и рушила религію, также не могло быть и помысла въ то время. О Россіи же въ Черногоріи думали гораздо больше, чѣмъ Россія о ней.

Но въ случаѣ отказа со стороны Россіи въ требуемомъ, Черногоріи безъ всякаго предвзятаго плана ничего не оставалось, какъ отдаться кому-нибудь другому, будь это Австрія или Франція,— все равно. Въ такомъ положеніи Черногорія бывала не разъ, и оно возможно всегда.

Возвращеніе посольства, однако, ободрило черногорцевъ своими результатами въ такой степени, что они отправляютъ тотчасъ же новое посольство и уже не съ однѣми просьбами, а съ цѣлымъ планомъ дѣйствій; посылается притомъ человѣкъ, видимо, съ познаніями и опытностію, который, по словамъ владыки (письмо къ гр. Кочубею) «здѣсь довольно оказалъ дѣятельностью хорошихъ примѣровъ, услугъ и вѣрности, относящихся до пользы всероссійской имперіи», и который съ особеннымъ удареніемъ составителями наказа называется нашимъ соотечественникомъ»[1]).

Ему дается не простая инструкція, которою бы въ то же время опредѣлялось поведеніе и тѣсно ограничивалась его дѣятельность, а и полномочное наставленіе, выданное также изъ консисторіи митрополита «при публичномъ національномъ здѣшнемъ собраніи, въ *правленіи верхняго суда*». Въ началѣ дѣлается ссылка на инструкцію, данную Вукотичу, по которой онъ долженъ былъ «изыскивать отъ высочайшаго двора явнаго покровительства *съ открытіемъ публичной провинціи законнымъ порядкомъ, зависимую отъ того же священнаго престола*, дабы подъ онымъ защищать себе могли отъ противныхъ неминуемыхъ неудобствъ»; а потомъ поручается письменно благодарить императора за оказанныя уже милости и въ знакъ «всенижайшаго усердствованія» поднести «12 военно-плѣнныхъ знаменъ, равно и саблю Магмутъ

---

[1]) Онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, изъ той же фамиліи, изъ которой были попъ Томо Давидовичъ и братъ, первые вошедшіе въ Жаблакъ при владыкѣ Петрѣ II; они родомъ изъ Вранины, куда, можетъ быть, переселились изъ Зеты.

визиря албанскаго и планъ, снятой вами, генеральнаго положенія старыхъ и новыхъ границъ. О доставленіи *пристойнымъ и публичнымъ образомъ* къ высокославной въ присутствіе Его Величества особѣ». Въ письмѣ къ гр. Кочубею владыка придаетъ, видимо, особенное значеніе тому, чтобы знамена и сабли «публичнымъ образомъ съ тріумфомъ при конвои представить».

Наставленіе состоитъ изъ 21-го пункта или «артикула». Въ напечатанномъ прошеніи и планѣ Давидовича можно найдти даже больше того, что̀ заключается въ наказѣ; но въ имѣющемся у насъ наставленіи есть статьи, не имѣющіяся въ напечатанномъ планѣ или изложенныя полнѣе и нѣсколько иначе. Ихъ только мы и воспроизведемъ. Вотъ эти пункты:

3) «Обстоятельно представить по какимъ мѣстамъ границы наши были, какъ въ письменныхъ документахъ бывшаго владѣтельнаго принца господина Ивана Черноевича находится, и какимъ образомъ венеціане въ непродолжительномъ времени отцѣпили отъ насъ Гербальскую-комунитадъ и другіе три комуна Манни, Браичи и Побори, по той причинѣ, что имѣя мы прежде прикосновеніе къ берегамъ Адріатическаго моря, и имѣя приверженность къ всероссійской имперіи, дабы тѣмъ прекратить и возбранить удобной путь имѣть съ тою имперіею свободное сношеніе; и что помянутой принцъ въ своихъ нужныхъ и тѣсныхъ обстоятельствахъ, не получивши отъ сосѣдственныхъ державъ противъ турецкаго султана Мегмеда помощи, принужденъ былъ Конавлянскій уѣздъ за небольшую сумму денегъ заложить рагузской республикѣ, о чемъ и нынѣшнія жители канавленскія памятуя свидѣтельствуютъ».

5) «Во время паденія республики Венеціанской въ 797 г. мы защищая городъ Будву, предохранили сію Бокескую провинцію двократно отъ французовъ, а въ послѣднюю россійской и Римскаго цесаря съ портою Отоманскою войну не малую услугу и помощь австрійскому двору показали; наипаче же разбитіемъ албанскаго визиря, которой по договору съ французами намѣренъ былъ къ дунайскимъ берегамъ слѣдовать и, соединивши

свои силы съ французскими и Посквапчи-Оглу-бега видинскаго силами, дальше простирати ихъ намѣренія; не могли мы ожидать со стороны австрійскаго двора никаковаго неблагодарствія; кольмы же паче утѣсненія, какъ напротивъ того находящійся въ Боккѣ генералъ баронъ Томазъ Броди съ нами поступалъ въ разсужденіи нашихъ границъ и монастырей и какимъ зло-коварнымъ умысломъ и прещеніемъ старался насъ всячески отъ россійской привязанности отторгнуть; тому вы очевиднымъ свидѣтелемъ были; о чемъ высочайшему двору и донести можете, также и порученіе вамъ копіи съ разныхъ писемъ, гдѣ принадлежитъ, къ болшому вѣроятію представить».

13) «Паче всего отъ имени цѣлаго народа всенижайше просить и наивящше вамъ употребить стараніе, дабы Бокеская провинція съ Черною Горою соединенна и явнымъ императорскимъ покровительствомъ снабжена была; съ чего весма не малая полза россійскому государству возпослѣдовать можетъ, поелику во оной провинціи болѣе трехъ сотъ *квадрыхъ купеческихъ судовъ* [1]) находится, и народъ восточнаго исповѣданія вчетверо превосходитъ число римскаго, къ мореплаванію-же и военной службѣ отъ природы весма благоспособной; а если, паче чаянія, сего невозможно будетъ учинить, то по крайней мѣрѣ маленькой городокъ Будву и Паштровичи присовокупить къ старымъ нашимъ границамъ, отъ коихъ вы точную копію имѣете, и сочиненной вами планъ Черныя горы, Зетты и Приморья представить можете, по коимъ имѣютъ быть границы возобновлены».

Въ проектѣ Давидовича вмѣсто Будвы указана гавань Трасте (недалеко отъ входа въ Бокку), въ томъ случаѣ, еслибы нельзя было присоединить къ Черногоріи цѣлую Бокку.

Наконецъ весьма важенъ и слѣдующій пунктъ, не вошедшій въ изложеніи Давидовича:

15) «Естли при благополучномъ окончаніи французской войны воспослѣдуетъ между аліатственными потентатами постановленіе

[1]) Большія суда вмѣстимостью больше 12 тоннъ.

мирнаго трактата, въ томъ вамъ приложить наивящшее стараніе подать письменно, гдѣ принадлежитъ, въ силу сего артикула и просить, дабы Черногорская и Берганская нація оговорена была въ томъ мирномъ трактатѣ, что оная имѣетъ быть *на всегда* подъ явнымъ покровительствомъ высоко-славной россійской державы; а *чтобъ она снабдѣнна была защищеніемъ государственнаго флага, со открытіемъ публичнаго правительства и со учрежденіемъ основательныхъ правъ соразмѣрныхъ той имперіи и сихъ мѣстъ*, которые со стороны нашей почитаемы имѣютъ быть за свето-непоколебиміе и вѣчніе, отъ чего самою современностію не малая произрастетъ россійскому государству полза».

Передъ нами теперь весь матеріалъ, чтобы судить о томъ, къ чему стремилась Черногорія. Додадимъ къ тому еще немного отъ того, что̀ напечатано Ж. Драговичемъ.

Къ проекту Давидовича присоединена цѣлая реляція всѣхъ военныхъ заслугъ Черногоріи съ 1711 г. до 1799 г., и тутъ же высказана жалоба на интриги австрійскаго генерала Броди. По поводу этой жалобы и перехваченной переписки Броди съ австрійскимъ же консуломъ въ Занте и другихъ его неблаговидныхъ поступковъ адмиралъ русскаго флота, стоявшаго въ Корфу, Ѳ. Ѳ. Ушаковъ написалъ ему довольно рѣзкое письмо въ повелительномъ духѣ, которое заключаетъ такъ: «Долгомъ почелъ откровенно объясниться вашему превосходительству и просить таковые напрасные затѣи и замыслы оставить и поступать *съ мѣстами и народами, подъ протекціею и покровительствомъ всемилостивѣйшаго государя моего императора состоящими*, съ искреннимъ благопріятствомъ». Это было еще 12-го іюля 1799 г. Слѣдовательно, Черногорія объявлена уже подъ *явною* протекціей Россіи еще раньше втораго посольства, отправленнаго послѣ 10-го сентября того же года, и русскій флагъ, развѣвающійся въ водахъ Адріатики, уже оказываетъ помощь.

Зачѣмъ же опять повторяется просьба о явной протекціи и въ наказѣ второму посланнику? Здѣсь разница въ томъ, что просятъ объявить эту протекцію *навсегда*, притомъ оговорить это и

въ мирномъ трактатѣ, который былъ бы заключенъ между Россіей и другими державами, такъ какъ въ прежнія времена Черногорія при заключеніи трактатовъ постоянно забывалась. Составители прошенія хорошо понимали, что покуда Черногорія не упоминается въ трактатѣ, она игнорируется, такъ-сказать, какъ нѣчто самостоятельное и предоставляется личному расположенію державы, связанной съ нею какими-либо выгодами или дружбой. Это было бы признаніе и узаконеніе ея самостоятельнаго существованія, хотя бы и подъ протекціей другой сильнѣйшей державы. Въ этомъ видѣнъ вѣрный политическій взглядъ Черногоріи.

Но что́ значатъ фразы въ первомъ прошеніи: «присовокупить въ единодержавіе владычества вашего», и къ чему требуется посылка отъ Русскаго императора особаго человѣка съ полномочнымъ наставленіемъ, и въ чемъ наставлять? По всѣмъ вѣроятіямъ, такой человѣкъ нуженъ былъ для утвержденія новаго порядка «государственными правами и правилами» и т. д., какъ говорится въ прошеніи, для установленія пошлинъ, введенія науки, изслѣдованія природныхъ богатствъ страны.

Да, Черногорія въ то время представляла собою нѣчто странное въ Европѣ: нѣтъ ровно никакихъ государственныхъ учрежденій и никакой власти, кромѣ владыки, который, однако, былъ только духовное лицо, во многія дѣла свѣтскаго характера не имѣвшее и права вмѣшиваться. Самое участіе его въ войнѣ въ глазахъ Европы было чѣмъ-то незаконнымъ. Это была страна безъ опредѣленныхъ границъ, народъ, тоже не имѣющій постояннаго опредѣленнаго числа, притомъ не связанный между собою никакими другими узами, кромѣ народности и вѣры; однимъ словомъ, это не была политическая единица, какъ и смотрѣла на Черногорію вся Европа, и какъ понимали ее и сами ея владыки, которые о ней думали и печаловались.

Останавливая вниманіе на этомъ исканіи какого-то идеала, невольно задаешься вопросомъ: почему-же владыки не обратились къ примѣрамъ республикъ Венеціанской и Дубровницкой? Казалось бы, что тогдашняя Черногорія и была въ сущности

республика: во главѣ стоитъ владыка, котораго избираетъ народъ; внутри такимъ же образомъ выбираются главари; всѣ дѣла большой важности рѣшаются народнымъ собраніемъ.

Но Дубровникъ и Венеція были республики исключительно торгово-аристократическія, въ которыхъ управляли и обладали только богатые и знатные горожане и земскіе властели; масса же населенія не только была устранена отъ участія въ управленіи, но и вообще не была равноправна съ управлявшими классами. Въ Черногоріи же не было ни торговцевъ, ни аристократіи, ни землевладѣльцевъ, которые обработывали бы свои земли чужимъ, притомъ даровымъ трудомъ; въ ней же былъ только пастухъ и земледѣлецъ по занятію, а по званію вѣчный воинъ, и въ томъ не было различія между первымъ, начиная съ владыки, и послѣднимъ; послѣдняго, впрочемъ, и не было: попадалъ въ послѣдніе только трусъ или вообще негодный человѣкъ, котораго прогоняли изъ Черногоріи. Въ этомъ отношеніи въ Черногоріи, въ ея общественномъ или политическомъ быту было больше, такъ сказать, естественной законности и правды.

Кромѣ того, всякому черногорцу было извѣстно состояніе Приморья, сдѣлавшагося венеціанскою провинціей: стѣсненіе народа крайнее въ отправленіи его религіи и вообще обращеніе съ народомъ такое же, какъ съ райею обращаются турки; множество чиновниковъ, производящихъ всякія насилія при помощи солдатъ; всюду вносится развратъ: продажность, шпіонство, и въ добавокъ такіе же, если не больше, какъ въ Черногоріи, внутреннія раздоры и междоусобія; безпорядки во всемъ и народъ страдаетъ втройнѣ: отъ своихъ господъ, отъ самого себя и отъ турокъ

Какъ умный черногорецъ долженъ былъ смотрѣть тогда на Венецію, прекрасно представлено въ «Горскомъ Вѣнцѣ». Воевода Дражко, котораго владыка Даніилъ посылалъ въ Венецію по политическимъ дѣламъ, воротившись оттуда, разсказываетъ своимъ, что̀ онъ тамъ видѣлъ и что̀ узналъ.

Страшная жадность къ богатству, роскошь, толпы голыхъ нищихъ, вѣчно праздныхъ или таскающихъ на носилкахъ бога-

тыхъ женщинъ, которыя не въ состояніи ходить своими ногами отъ ожиренія и лѣни; тѣснота и смрадъ въ узкихъ улицахъ среди многоэтажныхъ домовъ, безсмысленная суетня; объ юначествѣ нечего и говорить: они захватили коварствомъ въ свои руки «соколовъ-далматинцевъ да храбрыхъ хорватовъ» и съ помощью ихъ собираютъ богатства, отнимая чужія земли и города; суды немногимъ лучше турецкихъ; вмѣсто того, чтобы просто убить человѣка за совершенное имъ преступленіе, они его подвергаютъ разнымъ мукамъ, и тысячи томятся въ темницахъ и въ тяжкихъ работахъ, прикованные желѣзными цѣпями. «Глядя на ихъ темницы говоритъ Дражко — я вижу, что они совсѣмъ забыли Бога, и не можетъ ихъ царство удержаться, а должно перейдти въ лучшія руки. Отъ сыщиковъ и шпіоновъ всякій дрожитъ, боясь своей собственной тѣни. Тамъ, если двое говорятъ на улицѣ, третій наставитъ ухо и подслушиваетъ, да тотчасъ бѣжитъ въ судъ и сказываетъ, что они говорили, а кое-что и прибавитъ, и прикраситъ; а судъ тотчасъ тѣхъ двоихъ ухватитъ, да потомъ и мучитъ на галерахъ. Оттого они совсѣмъ пропадаютъ; между собою не вѣрятъ одинъ другому. Какъ велика Венеція изъ конца въ конецъ, а нѣтъ въ ней ни одного человѣка, который не считалъ бы всякаго другаго за тайнаго сыщика и шпіона».

Такіе порядки не могли служить идеаломъ для Черногоріи, какъ и вообще порядки республиканскіе. Бытъ родовой съ патріархальными формами правленія не представляетъ собою никакихъ элементовъ для республики; онъ ближе всего подходитъ къ абсолютной монархіи. И все это весьма хорошо понимали владыки и потому, отвернувшись отъ Венеціи и всякой республики, шли къ тому, чтобы изъ Черногоріи сдѣлать монархическое государство съ сильнымъ покровительствомъ, безъ котораго оно было бы слабо.

Но какъ это сдѣлать?

Первою попыткою къ выходу изъ такого положенія было учрежденіе губернаторства. Но губернаторъ этотъ тотчасъ же обратился въ чиновника другой державы и сталъ работать про-

тивъ владыки и своего отечества. Нѣтъ, Черногоріи нуженъ свой собственный, независимый государь. Но что́ же онъ будетъ дѣлать, когда ему будетъ нечѣмъ и самому жить, не только содержать различныя учрежденія и чиновниковъ?

Раздумывая надъ такимъ положеніемъ, владыки нашли единственное средство и выходъ изъ него въ союзѣ и покровительствѣ Россіи, которой, какъ я замѣтилъ выше, имъ нечего было бояться, что она будетъ ихъ угнетать, такъ какъ оградой противъ того была отдаленность. Поэтому владыки смѣло идутъ на встрѣчу Россіи, совершенно отдаваясь въ ея руки. Но отказаться вполнѣ отъ всякой самостоятельности они вовсе не намѣревались.

Нѣсколько темныя фразы: «присовокупить насъ въ единодержавіе владычества вашего, также и государственными утвердить правами и правилами духовными, военными и гражданскими» и т. д. ясно указываютъ на желаніе получить государственное устройство со всѣми его учрежденіями. Владыка, считая себя въ такомъ дѣлѣ неподготовленнымъ и по нѣкоторымъ обстоятельствамъ неспособнымъ и некомпетентнымъ, какъ лицо духовное, по понятіямъ черногорцевъ, не призванное къ свѣтской власти, проситъ Россію послать человѣка, который могъ бы быть облеченъ свѣтскою властью, и въ преданности котораго Россіи былъ бы увѣренъ ея государь. Тогда только Черногорія и могла быть включена въ какой бы то ни было европейскій трактатъ, какъ политическая единица, и для этого, ставя себя подъ протекцію Россіи, она желаетъ явиться тамъ «снабдѣнною защищеніемъ государственнаго флага» и съ опредѣленными отношеніями къ Россіи, какъ страна, имѣющая свое правительство, «со открытіемъ публичнаго правительства (своего) и со учрежденіемъ основательныхъ правъ соразмѣрныхъ этой имперіи (Россіи и сихъ мѣстъ (Черногоріи)», то есть, проситъ дать ей право голоса въ общей, совокупной политикѣ, сообразно съ ея размѣрами, силами и важностію положенія.

Такія отношенія въ то время нигдѣ не существовали, и потому такая идея была новою, неудобопонятною; да и у самихъ

владыкъ она не успѣла принять опредѣленной формы, поэтому и выражалась всегда туманно. Имъ она навѣяна была естественнымъ положеніемъ ихъ страны, а выработать для нея опредѣленныя формы и осуществить ее они надѣялись при содѣйствіи Россіи, которой отдавались, обѣщая на вѣчныя времена вѣрность и готовность служить по первому призыву, какъ то было и прежде.

Въ наше время это уже не новость. Полное осуществленіе такихъ отношеній мы видимъ въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, гдѣ подъ сильную руку первоначальнаго союза, избравшаго своимъ политическимъ центромъ Вашингтонъ, то и дѣло присоединяются новыя территоріи, отказываясь отъ самостоятельности въ дѣлѣ общихъ политическихъ основъ и вопросовъ внутреннихъ и внѣшнихъ и сохраняя совершенную независимость въ дѣлахъ, касающихся исключительно только ихъ территоріи. Но ближе къ тому идеалу, который носился у черногорскихъ владыкъ, — нынѣшняя Германія, гдѣ подъ суверенною властью императора продолжаютъ свое существованіе короли, герцоги, князья и т. д. Но въ то время, когда въ цѣлой Европѣ царилъ внутренній абсолютизмъ, вызвавшій своею разнузданностію реакцію въ людяхъ философской мысли и увѣнчавшійся во Франціи, его фокусѣ, ужасами революціи, тотъ же духъ переносился и на отношенія внѣшнія, международныя. Сильный не могъ довольствоваться одною протекціей надъ слабымъ, имѣя его всегда добровольно готовымъ на вѣрную службу; нужно было непремѣнно обезличить слабаго, воспользовавшись атрибутами его самостоятельности, его именемъ и титуломъ для украшенія своего собственнаго герба.

Неудивительно послѣ того, что Потемкинъ, человѣкъ безъ высшаго образованія и политическаго такта, смотрѣлъ на Черногорскаго митрополита, хотя онъ и владѣтельное лицо, какъ на простого монаха, на одного изъ русскихъ архіереевъ, которыхъ онъ никогда особенно не чествлъ. Не удивляемся ему, если даже Екатерина, эта вполнѣ европейски образованная и чрезвычайно тонкаго, проницательнаго ума женщина, смотрѣла на Черногор-

скаго владыку немного лучше, чѣмъ ея любимецъ, съ бо̀льшимъ уваженіемъ и тактомъ, чѣмъ онъ, относясь только къ его духовному сану, который она не могла не уважать, какъ царица православнаго русскаго народа, всегда преданнаго своей вѣрѣ и глубоко уважавшаго ея представителей. Волею Петра Великаго втиснутая въ систему европейскихъ государствъ, Россія между ними и искала себѣ союзниковъ въ войнѣ съ Турціей, не придавая почти никакого значенія маленькой Черногоріи, гдѣ не было даже съ кѣмъ сноситься, такъ какъ не было государя съ подобающимъ титуломъ, а былъ только народъ и его духовный владыка. Въ такомъ положеніи она могла только приказывать. И посмотрите, какъ она адресуетъ манифестъ, которымъ призываетъ Черногорію поднять оружіе противъ турокъ въ 1788 году:

«Священнымъ митрополитамъ и другимъ церковнымъ сановникамъ и всему клиру, достопочтеннымъ и любезнѣйшимъ намъ губернаторамъ, главарямъ, воеводамъ, князьямъ, дворянамъ, а также всѣмъ славнымъ и храбрымъ жителямъ Черной Горы и живущимъ въ другихъ мѣстахъ соплеменникамъ наша императорская милость и благоволеніе».

Екатеринѣ хорошо было извѣстно, что въ Черногоріи одинъ только владыка, къ которому всегда и обращались русскіе государи, когда относились къ народу и его остальнымъ представителямъ послѣ него. Употребивъ титулъ митрополита во множественномъ числѣ, манифестъ Екатерины, такъ сказать, обезличилъ его. Совсѣмъ иначе смотрѣлъ на дѣло императоръ Павелъ. Для него Черногорія представляла собою то же самое, что̀ орденъ Мальтійскихъ рыцарей, которыхъ онъ былъ великимъ магистромъ. Поэтому никто лучше его не относился къ Черногоріи послѣ Петра Великаго. И идеалъ владыкъ никѣмъ не могъ быть лучше осуществленъ, какъ имъ. Прежде всего онъ былъ человѣкъ искренній и, выступая противъ Франціи, онъ считалъ это своимъ призваніемъ и долгомъ, чтобы поддержать поколебавшіяся основы религіи и самодержавія, не разсчитывая, подобно своей

предшественницѣ, на славу и прославленіе современными льстецами въ Европѣ. Потомъ его возмутила нечестность австрійской политики и вообще лицемѣрность тогдашнихъ европейскихъ правителей, какъ и меркантильный духъ Англіи, и онъ потому склонился къ Бонапарту, въ которомъ видѣлъ великій умъ и характеръ, въ головѣ котораго предполагалъ великіе планы, къ которымъ онъ и самъ былъ наклоненъ. Но смерть, прекратившая жизнь императора Павла, остановила и развитіе его плановъ, бывшихъ только въ зародышѣ и, измѣнивъ всѣ отношенія Россіи, дала, можетъ быть, совершенно иное направленіе всей ея послѣдующей исторіи, которое не могло не отразиться и на всемъ ея внутреннемъ состояніи.

Для Черногоріи это было, можно сказать, положительнымъ несчастіемъ. Если владыка Петръ въ началѣ только сожалѣлъ умершаго императора, сдѣлавшаго для него весьма многое своимъ добрымъ, истинно братскимъ отношеніемъ къ Черногорскому народу, то впослѣдствіи ему привелось оплакивать его слезами горькими, кровавыми.

Правительство Александра I, составленное изъ элементовъ самыхъ противоположныхъ, прежде всего отличается безхарактерностію, внутреннимъ антагонизмомъ, борьбою, такъ сказать, съ самимъ собою, взаимнымъ недовѣріемъ и подозрительностію. При такихъ условіяхъ нельзя ожидать опредѣленнаго направленія въ политикѣ внутренней и внѣшней, нечего искать самостоятельности. Это была политика вѣчнаго колебанія, подъ вліяніемъ различныхъ вѣяній то съ той, то съ другой стороны. Великая драма, развязкой которой было уничтоженіе многочисленной арміи Наполеона на поляхъ Россіи, среди разоренныхъ и обращенныхъ въ пепелъ городовъ и селеній, съ апоѳеозой Александра въ Парижѣ, имѣла свой финалъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, гдѣ интересы Россіи были пожертвованы пустой славѣ, которою европейскіе льстецы щедро вѣнчали ея императора. О черногорцахъ, которые играли такую важную роль въ этой борьбѣ, особенно въ началѣ, не могло тутъ быть и помина.

Это было тѣмъ несправедливѣе, что Черногорія, отказавшись отъ своихъ имѣющихъ основаніе предубѣжденій противъ Австріи, помогала ей чисто по приказанію Русскаго императора и дѣйствовала противъ французовъ, которые во всякомъ случаѣ показали себя по отношенію къ Черногоріи и населенію Бокки лучше, чѣмъ австрійцы. Кромѣ того, и Россія, и Австрія въ Боккѣ и Далмаціи, пустившись въ войну противъ французовъ, не могли имѣть никакого успѣха безъ помощи черногорцевъ и бокелей; безъ нихъ, этихъ голыхъ и голодныхъ, двѣ сильныя державы не смѣли бы тамъ ничего начать. Австрія не въ состояніи была держаться въ Боккѣ, отнятой у французовъ, и для этого призванъ былъ владыка Петръ. Принужденный въ 1807 г., вслѣдствіе постановленія Тильзитскаго мира и по требованію Русскаго императора, сдать Бокку обратно французамъ въ 1812 году, когда вся почти Европа, подъ знаменами Наполеона, пошла на Россію, онъ снова поднялся и, поддерживаемый нѣсколькими англійскими судами, выгналъ французовъ изъ Бокки и сталъ ея единымъ повелителемъ, перенесъ въ Которъ и свою резиденцію съ Цетинья, думая, что наконецъ завѣтная мечта достигнута. Онъ снова стоялъ на морѣ, воротивъ часть старой Зеты. Ему, однако, суждено было терпѣть удары, и отъ того именно, кому больше всего былъ преданъ и кому оказалъ ничѣмъ невознагражденныя заслуги, жертвуя не только собою лично, но и всѣмъ, что̀ было ему свято и дорого. 20-го мая 1814 г. императоръ Александръ написалъ владыкѣ Черногорскому изъ Парижа слѣдующее: «Приглашаю васъ, ваше преосвященство, для общей пользы не только не препятствовать австрійскимъ войскамъ въ занятіи крѣпостей и возвратиться съ храбрыми вашими черногорцами въ предѣлы ваши; но и употребить вліяніе ваше къ склоненію жителей Бокки да Каттаро непрекословно повиноваться постановленію союзныхъ державъ». И онъ повиновался.

Размолвка между Россіей и Черногоріей въ 1803 г. намъ уже извѣстна. Какъ она ни непріятна, но ей нужно приписать рѣшительное вліяніе на измѣненіе нашихъ отношеній къ лучшему,

потому что она способствовала болѣе правильной постановкѣ ихъ въ смыслѣ принципіальномъ.

Русское правительство, очевидно, до того понимало свои отношенія совсѣмъ иначе, и послѣ этого объясненія со стороны Черногоріи у него какъ бы спала повязка съ глазъ; равнымъ образомъ, дѣйствія русскаго правительства открыли глаза и черногорцамъ.

Разница въ томъ, что Черногорія, несмотря на нанесенную ей обиду, осталась вѣрна завѣту своихъ предковъ, служа Россіи и послѣ того вѣрой и правдой, какъ будто между ними ничего и не бывало, какъ и слѣдуетъ въ дѣлахъ великой важности; Россія же не выдержала своей роли и, участвуя въ заключенныхъ тогда трактатахъ, на которыхъ была первенствующею державой, не сдѣлала ничего въ пользу Черногоріи, не потому что не могла, а потому что не умѣла понять свою собственную выгоду.

И въ самомъ дѣлѣ, не сдѣлавъ ничего для Черногоріи и отдавъ ее совершенно въ руки Австріи, не сдѣлали ли мы въ то же время чего самимъ себѣ больше, чѣмъ ей? Развѣ, оставивъ Бокку за Черногоріей, мы не были бы въ ней, какъ у себя дома, не требуя отъ черногорцевъ и бокелей, чтобъ они были нашими подданными? Развѣ пришлось бы въ послѣднюю войну отдать Австріи двѣ такія важныя провинціи, какъ Боснія и Герцеговина, если бы Черногорія въ то время имѣла море и вообще была бы сильнѣе, чѣмъ какою ее застала тогдашняя война?

Наша политика по отношенію къ юго-славянамъ какая-то лихорадочная: то мы осыпаемъ ихъ своими благодѣяніями и стараемся всячески привязать къ себѣ, то вдругъ отталкиваемъ и отнимаемъ даже то, что́ обязаны давать въ силу обѣщаній, закрѣпленныхъ грамотами. Сравните по царствованіямъ, какъ мѣнялись наши отношенія къ нимъ: Петръ Великій открываетъ въ нихъ себѣ союзниковъ; затѣмъ ихъ забываютъ; Елизавета снова благодѣтельствуетъ имъ; Екатерина II опять отталкиваетъ ихъ и оскорбляетъ; Павелъ возвращаетъ имъ всѣ милости; Александръ I гнѣвается и предаетъ ихъ суду; Николай I снова обра-

щается къ нимъ со своими милостями; позже — опять новая размолвка. Но какая рѣзкая разница между нами и маленькою, дикою Черногоріей! Въ полтораста почти лѣтъ сношеній съ Россіей при самыхъ тяжелыхъ искушеніяхъ ни одного противорѣчія, ни малѣйшаго уклоненія отъ однажды принятаго направленія, которое достигаетъ наибольшей опредѣленности въ политикѣ владыки Петра I. Онъ былъ настоящій носитель черногорскаго идеала; притомъ въ немъ заканчивается цѣлый періодъ черногорской политики и въ немъ же заключается начало второго. Онъ былъ послѣдній правитель Черногоріи, вся дѣятельность котораго вполнѣ сообразовалась съ волею народа, и который во всемъ совершенно сливался со своимъ народомъ, будучи только его лучшимъ представителемъ, истолкователемъ его мысли и желаній, какъ во внутренней жизни, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ. Никогда не было розни съ народомъ, исключая борьбы противъ невѣжества и дикихъ инстинктовъ.

Мы уже видѣли, въ чемъ состояла внѣшняя политика этого владыки, которая была вполнѣ народная, потому что народъ и владыка одинаково не любили венеціанцевъ и потомъ ихъ наслѣдниковъ австрійцевъ и напротивъ всецѣло преданы были Россіи. Это доказано не словомъ только, но и дѣломъ. Поэтому крайне несправедливо было повѣрить какому-нибудь интригану, явившемуся лжесвидѣтелемъ противъ такого непоколебимо вѣрнаго и честнаго человѣка, какимъ былъ Петръ.

Ища помощи отъ Россіи и ставя себя подъ ея покровительство, владыка Петръ I, однако, поручаетъ своему посланному, въ случаѣ отказа Россіи въ помощи, объявить прямо и откровенно, что Черногорія тогда не можетъ остаться ей вѣрною, то-есть не въ состояніи оказать никакихъ услугъ по той простой причинѣ, что не имѣетъ никакихъ средствъ, ибо совершенно стѣснена Турціей и Австріей, и поневолѣ должна будетъ искать помощи у другого, можетъ быть, у тѣхъ же французовъ, противъ которыхъ она потомъ дѣйствовала, получивъ помощь и опору отъ Россіи.

Французы уже во время кампаніи предлагали владыкѣ сдѣлаться церковнымъ главою не только Бокки, но и всей Далмаціи и Герцеговины; но онъ не принялъ этого предложенія, во-первыхъ, потому, что никогда не измѣнилъ бы Россіи, и, во-вторыхъ, потому, что не былъ на столько самолюбивымъ и честолюбивымъ человѣкомъ. Онъ даже тяготился и тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое занималъ въ Черногоріи, совмѣщая въ своемъ лицѣ владыку духовнаго и свѣтскаго, и потому искалъ выхода изъ того положенія. Онъ видѣлъ, что невозможно въ одномъ лицѣ совмѣстить церковную и свѣтскую власть, безъ ущерба для той или другой. Считая себя главою церкви, онъ все время думалъ о томъ, кому бы предоставить свѣтскую власть. И въ этомъ вопросѣ онъ никакъ не хотѣлъ обойти Россію. Онъ имѣлъ уже изъ Россіи офиціальное лицо съ 1793 г. діакона Алексѣя, который положительно все скрѣплялъ, какъ русскій представитель. Канцелярскій языкъ при немъ былъ русскій не только въ письмахъ и актахъ, предназначаемыхъ для русскихъ, но и въ наставленіяхъ своимъ посланнымъ, для нихъ лично, хотя это были сербы и не должны были представлять ихъ кому-либо изъ русскихъ. Онъ, однако, не перестаетъ добиваться отъ Русскаго правительства, чтобы прислали какое-либо довѣренное лицо, которое было бы облечено властью для заведенія государственнаго порядка. Гувернадуръ именно для того и былъ въ Черногоріи, но онъ былъ сначала венеціанскій чиновникъ, а потомъ сталъ австрійскимъ; владыкѣ же требовался русскій человѣкъ, хотя бы и не русскій по происхожденію, но пользующійся довѣріемъ русскаго правительства.

Вотъ съ этою-то цѣлью и отправленъ былъ Николай Давидовичъ, которому данъ титулъ оберъ-воеводы и прозвище Черноевича и который рекомендуется притомъ, какъ человѣкъ преданный Россіи и уже оказавшій ей много услугъ. Не даромъ ему дано было и такое широкое полномочіе, что онъ развиваетъ не только цѣлый планъ военныхъ дѣйствій, но и предлагаетъ учрежденіе «военныхъ и гражданскихъ заведеній и распорядковъ къ общему благоустройству, образованіе гвардіи «изъ присоединяю

щихся къ намъ нашихъ же соотечественниковъ, бывшихъ въ венеціанской службѣ офицеровъ и прочихъ чиновъ, знающихъ военную службу», для чего требуется 10,000 ружей со штыками и столько же лядунокъ, «артиллерійскихъ орудій 12, 6 и трехъ-фунтовыхъ пушекъ, каждаго сорта по 10, и мортировъ 10 же». Требуются двѣ типографіи — гражданская и церковная; и на все устройство 80,000 червонныхъ. Это замыслы уже чисто реформаторскіе, осуществленіе которыхъ владыка возлагалъ на Давидовича, котораго считалъ человѣкомъ къ тому способнымъ и призваннымъ, только бы признала его и Россія.

Вотъ почему владыка и пишетъ ему въ Россію: «Также постарайтесь быть назначеннымъ по повелѣнію его императорскаго величества въ своемъ отечествѣ званіемъ, соотвѣтствующимъ вашему чину. Таковое на васъ возложенное со стороны императора достоинство послужитъ особливо въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ не малымъ выгодамъ и общей пользѣ».

Попорченныя отношенія съ Россіей, потомъ война, а послѣ войны внутреннее разореніе и разстройство не дали осуществиться этому плану; но планъ съ этого времени уже существовалъ и не забывался.

Завести государственные порядки вмѣсто патріархально-племеннаго устройства было завѣтною мыслію всѣхъ владыкъ Черногорскихъ, начиная съ Даніила; достаточно ясно это опредѣлилось при владыкѣ Василіи, который для этого просилъ у Россіи 15,000 червонцевъ; а владыка Петръ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ уже прямо поставить свѣтскаго правителя, облеченнаго высшею властью, въ лицѣ Давидовича, которому въ этихъ видахъ и придано прозвище владѣтельнаго дома Черноевичей.

И не было ли поэтому признаніе Россіею такого намѣренія владыки истинною причиною того, что русское правительство такъ круто повернуло противъ него, осмѣлившагося мечтать создать самостоятельную политическую единицу изъ страны, которая считалась уже просто за русскую провинцію? И архимандритъ С. Вукотичъ не послужилъ ли только орудіемъ, не будучи

вовсе иниціаторомъ дѣла? Главнымъ дѣятелемъ тутъ является высокопоставленное лицо — русскій посланникъ въ Вѣнѣ Д. П. Татищевъ. Онъ постоянно сносится съ Вукотичемъ и заключаетъ съ нимъ формальное условіе относительно удаленія митрополита Петра, и потомъ является въ синодъ, гдѣ подъ его диктовку, такъ сказать, составляется извѣстное письмо противъ владыки. Но кто кого прежде нашелъ: Вукотичъ Татищева или наоборотъ?

Это все вопросы, на которые, можетъ быть, найдется отвѣтъ, хотя не прямой, въ новыхъ документахъ; для насъ же и изъ того, что̀ извѣстно, ясно видно, что представителямъ русской дипломатіи въ то время самостоятельность Черногоріи не нравилась, и стремленіе къ ней, такъ настойчиво выраженное въ отвѣтѣ черногорскаго народа русскому синоду, поразило нашихъ дипломатовъ своею неожиданностію. Будучи, однако, не въ состояніи ни остановить это стремленіе, ни обвинить владыку, и удовлетворившись одною только жертвой, осужденіемъ секретаря его Дольчи, русская дипломатія уклонилась отъ дѣйствій въ пользу Черногоріи.

При влад. Петрѣ II мы застаемъ уже совершенно другія отношенія Россіи къ Черногоріи, которыми самымъ очевиднымъ образомъ Россія показываетъ съ своей стороны признаніе полнѣйшей независимости и самостоятельности покровительствуемаго ею государства. Когда «гувернадуръ» вздумалъ интриговать противъ новаго владыки, чтобы ограничить его власть только церковными дѣлами, и обратился за поддержкою къ русскому консулу, то ему сдѣлано было внушеніе, чтобъ онъ не смѣлъ обращаться съ подобными предложеніями, а какъ частный человѣкъ, консулъ совѣтовалъ ему бросить всѣ затѣи и, покорившись владыкѣ, своему государю, стать въ ряду другихъ и служить своему отечеству.

Молодость и неопытность и связанная съ тѣмъ горячность новаго владыки внушали русскому правительству нѣкоторыя опасенія, чтобъ имъ не сдѣланъ былъ какой-либо неосторожный шагъ, и потому оно постоянно черезъ своего консула совѣтовало ему держаться какъ можно осторожнѣе и осмотрительнѣе; но

при этомъ соблюдалось полнѣйшее уваженіе къ личности владыки и къ его праву свободнаго дѣйствія, не смотря на нѣкоторыя обязательства его, какъ союзника. Если русскій консулъ Гагичъ иногда бывалъ слишкомъ назойливъ въ преподаніи совѣтовъ, то это искупалось его безграничною преданностію Черногоріи и дружбою, которую онъ питалъ къ владыкѣ, равно какъ и владыка къ нему, что́ можно видѣть изъ ихъ переписки.

Тотъ же взглядъ русское правительство перенесло и на его преемника Даніила, не смотря на то, что онъ тотчасъ же совершилъ въ Черногоріи переворотъ, котораго никто не ожидалъ и всѣмъ, кромѣ Россіи, былъ противенъ, и только рѣшительное признаніе его Россіей одержало ихъ протесты [1]).

Съ этого момента между Черногоріей и европейскими правительствами стоитъ посредствующая инстанція, которую послѣднія не могутъ обходить, какъ то было при владыкахъ, — князь. Съ нимъ или только черезъ его посредство чужія правительства могутъ заводить связи и сношенія въ Черногоріи и не имѣютъ права ни въ какомъ случаѣ апеллировать прямо къ народу.

Существенное измѣненіе произошло и въ цѣляхъ и задачахъ, которыя преслѣдуетъ Черногорія. При владыкахъ главными факторами въ жизни Черногоріи были вѣра и народность, потому что на нихъ только и основывалась ея обособленное, самостоятельное существованіе, только это не допускало ее слиться съ Турціей,

---

[1]) X. Marmier, въ своемъ сочиненіи «Lettres sur l'Adriatique et Monténégro», говоря о влад. Петрѣ II (T. II, pp. 260—267), приводитъ между прочимъ слѣдующій случай. «Однажды, написавши по просьбѣ одной дамы нѣсколько стиховъ въ альбомъ, онъ прибавилъ: «Ces vers sont l'oeuvre d'un homme civilisé au sein d'un peuple à demi barbare; d'un demi-barbare dans les pays civilisés; *d'un prince de contrebande*». Къ этому авторъ присоединяетъ отъ себя такое объясненіе: «Il dépeignait par là lui-même très-justement sa situation. Nature d'élite, isolée au sein d'une sauvage tribu, nature entachée des scories de son origine au sein des raffinements de la civilisation, prince de contrebande, entre la Turquie qui le refuse à reconnaître son indépendance, l'Autriche qui ne le nie, ni ne le sanctionne, *et la Russie qui l'admet dans son intérêt*». Фраза относительно Россіи фальшива, потому что Россія не только допускала независимость Черногоріи, но принудила къ признанію ея и другихъ, а первый, признавшій Даніила княземъ Черногоріи, былъ Русскій императоръ.

Венеціей или Австріей. Сдѣлавшись же государствомъ свѣтскимъ, Черногорія во внѣшней своей политикѣ руководится прежде всего соображеніями политическими, которыя могутъ иногда стоять въ разрѣзъ съ религіозно-народными симпатіями. Такое столкновеніе было при князѣ Даніилѣ, когда онъ, отвергши протекцію Россіи, искалъ ее у Франціи. Это было, однако, политическимъ недоразумѣніемъ; и потому такія отношенія существовали недолго.

Что касается отношеній Черногоріи къ Россіи, то здѣсь тѣ немногія недоразумѣнія послужили къ большему скрѣпленію ихъ союза. Время и разнаго рода искушенія показали, что Россію и Черногорію связываютъ не вѣра только и народность, а въ то же время и обоюдность политическихъ интересовъ. Связь эта можетъ считаться вполнѣ прочною, потому что существуетъ безъ перерывовъ почти два столѣтія.

Разница въ сношеніяхъ Россіи съ Черногоріей при владыкахъ и при князьяхъ заключается въ томъ, что тогда приводилось имѣть дѣло съ союзомъ черногорскихъ племенъ, безформеннымъ, не имѣвшимъ опредѣленныхъ границъ и не представлявшимъ собою единаго плотнаго цѣлаго; а теперь Черногорія представляетъ собою политическое цѣлое, крѣпкое и нераздѣлимое, какъ одинъ кристаллъ, и на нее вы можете ослониться въ полной увѣренности, что она вамъ не измѣнитъ и въ состояніи выдержать давленіе, какого не вынесетъ другое, подобное ему и болѣе обширное государство. Поэтому, если другія государства считаютъ своимъ интересомъ, сколько возможно, обрѣзывать Черногорію и ослаблять во всѣхъ отношеніяхъ, то интересы Россіи совершенно обратные: ей необходимо, чтобы Черногорія была, сколько возможно, обширнѣе и сильнѣе. И пока существуетъ Черногорія, не только Россія, но и все славянство имѣютъ въ ней на самомъ слабомъ и въ то же время самомъ важномъ своемъ краю вѣрную и трудно преодолимую опору; пусть же и она знаетъ, что и ей всегда принадлежатъ симпатіи всего славянства и скорая помощь могущественной Россіи.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

НАЗВАНІЕ ЧЕРНОЙ-ГОРЫ.

1) *Къ стр. 339.*

Названіе Черной-Горы такъ просто и обыкновенно не только у сербовъ, но и у всѣхъ другихъ народовъ, что объ немъ нечего бы было много распространяться; но тутъ эпитетъ *черный* встрѣчается одновременно въ названіи страны и въ имени управлявшей ею династіи Черноевичей, что́ и дало поводъ многимъ производить одно отъ другого. Такимъ образомъ явились два различныя мнѣнія, и ни одно сочиненіе не обходится безъ того, чтобы не посвятить этому вопросу нѣсколько строкъ, а иныя и нѣсколько страницъ. А если вопросъ этотъ существуетъ, то мы не въ правѣ обойти его или коснуться только мимоходомъ.

У всѣхъ народовъ есть склонность названія городовъ, селъ и другихъ мѣстностей, а также племенъ и цѣлыхъ народовъ производить отъ личныхъ именъ. У насъ, славянъ, это особенно развито, откуда и возникли разсказы о Чехѣ, Лѣхѣ, Вяткѣ, Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и т. д. У черногорцевъ такимъ же образомъ явились Озро, Пипо, Васо, Хото, Красо, Колачо, отъ которыхъ произошли названія племенъ озриничей, пиперъ, васоевичей, хотъ, крастеничей и города Колашина. Архимандритъ Н. Дучичъ въ своемъ «Описаніи Черногоріи» говоритъ, что, когда онъ обращался къ кому-либо изъ старыхъ черногорцевъ съ вопросомъ,

отъ чего произошло названіе Черной-Горы, всякій отвѣчалъ ему, что отъ имени Ивана Черноевича.

Но были люди, которые наоборотъ — имя Черноевича производили отъ Черной-Горы.

Противъ этихъ послѣднихъ весьма основательно возражаетъ Д. Милаковичъ въ своей «Исторіи Черногоріи» указаніемъ на документы, изъ которыхъ видно, что имя Черноевичей упоминается еще раньше, чѣмъ они переселились въ Черную-Гору, именно еще въ 1385 г., и въ одномъ изъ трактатовъ съ Венеціей родоначальникъ этой династіи — Стефанъ также называется Черноевичъ, а не Черногорецъ, какъ бы слѣдовало ожидать (стр. 12). Дѣйствительно, въ словообразованіи того и другого имени нѣтъ никакой связи. Но Милаковичъ идетъ дальше. Онъ утверждаетъ, что и имя Черной-Горы не встрѣчается нигдѣ въ публичныхъ актахъ до появленія государей изъ дома Черноевичей (1427—1499 г.); имя это — говоритъ онъ — по всѣмъ вѣроятіямъ, еще не вошло въ языкъ народа, который все еще держался имени Зеты, пока оно не было замѣнено названіемъ Черной-Горы по имени Черноевича; а никакъ не Черноевичи получили свое прозвище отъ этой страны» (стр. 11—12). Онъ отвергаетъ при этомъ мнѣніе Марина Болицы (соч. его 1614 г.), который говоритъ, что имя Черной-Горы дано странѣ турками, которые тѣмъ выразили свои враждебныя отношенія къ ней.

Еще съ большею настойчивостію мнѣніе, высказанное Милаковичемъ, проводитъ архим. Дучичъ, посвятивши этому цѣлыхъ 4 страницы въ «Описаніи Черногоріи» (1874 г.).

Онъ, между прочимъ, оспариваетъ и то мнѣніе, что названіе это присвоено странѣ по ея наружному виду, вслѣдствіе чернаго цвѣта ея скалъ; такъ какъ турки называли ее *Карадагъ* въ то время, когда еще не бывали внутри Черногоріи и слѣдовательно не имѣли понятія о томъ, какого цвѣта ея скалы; притомъ Черная-Гора въ то время была не голою, какъ теперь, а вся покрыта лѣсомъ, и потому скорѣе могла бы быть названа зеленою, а по обилію пролитой изъ-за нея крови — кровавою. Въ за-

ключеніе онъ ставитъ такой вопросъ: «Находятся ли въ окружности Зетской Планины (?) какая-нибудь гора или село, которыя бы назывались *Црно-брдо* или *Црна-гора*, подобно тому, какъ есть съ такимъ названіемъ одно село въ Герцеговинѣ, въ Пивѣ; а также одинъ срезъ (капитанія) въ Рудницкомъ окружьѣ въ Сербіи и одинъ предѣлъ съ нѣсколькими селами въ Старой Сербіи въ Скоплянской нахіи? Еслибъ подобное названіе находилось на черногорской территоріи, то было бы естественно допустить, что отъ него произошло названіе и цѣлой страны. Но я старательно разспрашивалъ объ этомъ и мнѣ никто въ Черногоріи не могъ указать такого другого названія» (стр. 6).

Ему мало того, что есть мѣста, носящія то же названіе, въ сербскихъ же земляхъ, какъ Пива и др., и что всѣ эти горы также не голыя, а покрыты густымъ лѣсомъ, съ чѣмъ и связано ихъ названіе, и что съ тѣмъ же именемъ есть цѣлый предѣлъ съ нѣсколькими селами между Чернымъ-Дриномъ, Диброй, Мирдитами и Дукадьиномъ, не меньше Катунской нахіи, носящей названіе Черной-Горы. Ему нужно, конечно, чтобы такъ назывался Ловчэнъ или какая-нибудь изъ вершинъ, стоящихъ надъ Цетиньемъ. Есть въ томъ потребность или нѣтъ, разсуждать не стоитъ, если мы знаемъ, что такихъ названій множество и тутъ рядомъ съ Черногоріей, хотя и не надъ самымъ Цетиньемъ, а перейдемъ къ его главному возраженію, основанному на исторіи. «Въ добавокъ ко всему — говоритъ онъ — могу указать и то, что имя Черной-Горы, сколько мнѣ извѣстно, не упоминается ни у одного писателя ни древняго, ни средняго вѣка. Поэтому нѣкоторые изъ нашихъ писателей, не знающіе хорошо нашей народной исторіи, ошибочно помѣщаютъ имя Черной-Горы между названіями сербскихъ предѣловъ раньше XVI в.»

Компетентность такихъ людей, какъ Милаковичъ и Дучичъ, у которыхъ, кромѣ печатныхъ сочиненій, находились въ рукахъ документы, хранившіеся при Цетинскомъ монастырѣ, придала этому мнѣнію такой вѣсъ, что оно многими принимается голословно на вѣру; а одинъ молодой, но весьма серьёзный писа-

тель, притомъ черногорецъ, даетъ и объясненіе, какъ это могло произойти: «Эти горы (т. е. Зетскія) — говоритъ онъ — по переселеніи послѣдняго Черноевича въ Венецію, въ отличіе отъ Зеты, сдѣлавшейся подвластною отчасти Турціи, отчасти Венеціи, получили *новое названіе Черной-Горы*. Появленіе его восходитъ къ началу XVI в., а происхожденіе объясняется отъ имени Ивана Черноевича, основателя особаго владѣнія въ Зетскихъ горахъ. Первоначальная гора, которую Иванъ избралъ для своей резиденціи, называлась *Черноева или Церноева-гора*. Это же названіе распространилось и на всѣ Зетскія горы и съ теченіемъ времени стало общимъ для всей области»[1]).

Въ сочиненіи И. С. Ястребова «Податци за историю српске цркве» (1879 г.) приводится много мѣстъ, въ которыхъ есть названіе Черной-Горы, изъ документовъ гораздо раньше XVI в. Такъ въ одной грамотѣ Стефана Душана упоминается «Чрьна-Гора» близъ Везирова моста на пути изъ Призрена въ Скадаръ (Сретьковича-Синан-паша, стр. 64); Урошъ V съ матерью своею Еленой довершили постройку церкви «вь чрьной-гори» между Гиляномъ и Скоплемъ; а въ хрисовулѣ Стефана Деганскаго стоитъ: «Село Врьмоша: мегія Чрьнимь горамь мегю Плавомь и Будимломь конь козиега хрьбта» (Monum. Serb., стр. 95). Но самое важное мѣсто въ хрисовулѣ краля Милютина, хранящемся на Цетиньѣ, въ которомъ говорится, что монастырю св. Николая на Врапинѣ дается село Орахово (въ Цермницѣ), 100 перперъ отъ св. Сергія (на Боянѣ) и сверхъ того: «И еще придахь *одь чрьне горе* васила сь дѣтию. да есть такожде работьникь сь дѣтию святому николѣ. якоже и они више писани». Это уже прямо относится къ нынѣшней Черногоріи, по окраинамъ которой, въ Рѣцкой и Цермницкой нахіяхъ проживало много *арбанасъ*, оставившихъ тамъ свои названія тамошнимъ мѣстностямъ. Наконецъ, въ октоихѣ, напечатанномъ въ Ободѣ 1494 г., трудившійся надъ

---

[1]) *Д. Бакичъ*. «Черногорія подъ управленіемъ владыкъ» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г. Ч. CXCVIII; стр. 215).

нимъ даетъ слѣдующее извѣстіе о себѣ: «трудихъ же се о семь и рукоделисахь сіе смерени свещеникь мнихь Макаріе *отъ Чрьные гори* повелѣніемъ господина ми Гюрга *Црьноевикія*». Здѣсь мы рядомъ встрѣчаемъ имя страны и ея правителя.

Въ договорахъ между Юріемъ Бранковичемъ и Венеціей (1435 г.) по поводу правъ Сербіи и Венеціи на албанскія и приморскія земли и города, къ которымъ тогда причислялась нынѣшняя Черногорія, нѣсколько разъ упоминается *Cernagora*; а въ уговорѣ о выгрузкѣ соли въ Будвѣ изъ которскихъ солилъ упоминаютъ *catunos Cernagore* (Acta archivi veneti t. 2, p. 294—295).

Эти данныя, безъ дальнихъ разсужденій, ясно показываютъ, что, если Черноевичи назывались своимъ именемъ раньше поселенія въ Черногоріи, то и Черная-Гора такъ называлась независимо отъ нихъ; а названа она такъ потому же, почему называются Черныя-Горы цѣлаго свѣта, почему напр. у нѣмцевъ называется Schwarzwald, у англичанъ — Blackwood и др., отъ покрывающаго ихъ лѣса, какъ и въ Черногоріи, на языкѣ которой *гора* означаетъ лѣсъ.

О БОГУМИЛЬСТВѢ.

2) *Къ стр. 370.*

Существованіе богумильства въ предѣлахъ нынѣшней Черногоріи, такъ ясно и точно свидѣтельствуемое въ житіи Немани, еще больше подтверждается преданіями о нихъ, до сихъ поръ существующими въ Черногоріи, и названіями, напоминающими ихъ имя, и сверхъ того массою надгробныхъ памятниковъ, относящихся къ тому отдаленному времени, о которомъ не знаетъ ничего ни исторія, ни народное преданіе. По типу это тѣ же самые, какіе встрѣчаются во множествѣ въ Босніи и Герцеговинѣ, и главную, характерную, общую для всѣхъ, какъ черногорскихъ, такъ и для боснійско-герцеговинскихъ памятниковъ, черту составляетъ отсутствіе на нихъ изображенія креста, который, какъ извѣстно, у богумиловъ отнюдь не пользовался тѣмъ почитаніемъ,

какое ему оказывается вообще христіанами всѣхъ исповѣданій и даже сектантами. Памятники и преданія о богумилахъ, найденные мною въ Черногоріи, дали мнѣ поводъ составить цѣлую отдѣльную статейку, которая и была напечатана въ Ж. М. Нар. Просв.; но съ тѣхъ поръ у меня прибавилось матеріала, собраннаго въ Черногоріи, который еще больше убѣждаетъ въ распространенности богумильства по всей Черногоріи и въ томъ, что оно имѣло значительное участіе въ культурномъ развитіи народа. Не имѣя, однако, никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ народнаго преданія и памятниковъ, мы представимъ этотъ матеріалъ въ отдѣлѣ археологіи; а здѣсь не можемъ не сдѣлать нѣсколько указаній. Говоря о богумилахъ въ Черногоріи, необходимо принять въ соображеніе и все то, что́ найдено и написано относительно той же секты въ Босніи и Герцеговинѣ, въ особенности въ трудахъ Рачкога, изданныхъ Юго-славянскою Академіею въ Загребѣ, а также и общія сочиненія о ней въ иностранной литературѣ. Между прочимъ, изъ договора боснійскихъ богумиловъ съ папскимъ легатомъ въ 1202, мы обращаемъ вниманіе, во-первыхъ, на то обстоятельство, что францисканскіе монахи, больше всего работавшіе на искорененіи богумильства въ Босніи, какъ бы въ видѣ компромисса съ цѣлью привлеченія къ себѣ народа, привыкшаго къ извѣстнаго рода формамъ, выработаннымъ богумилами,—сохранили за католиками преимущественное названіе *крьстіянъ*, которымъ они отличаются отъ православныхъ, называющихъ себя по духу сербскаго языка *риштьянами*; а за священствомъ осталось названіе *фратровъ*. Затѣмъ оно избрало для себя средоточіемъ Крешево, основавши тамъ свой монастырь; но тамъ же была и столица патаренскаго епископа (Голубин., 593). Наконецъ фратры эти, пользуясь дозволеніемъ измѣненія костюма in partibus infidelium, приняли совсѣмъ костюмъ народа и никогда не брили усовъ; а иные отпускали и бороду, и по народному обычаю носили всегда оружіе. Однимъ словомъ, францисканы по наружному виду всегда старались быть тѣми же босняками. Но и кромѣ наружности, нужно отдать справедливость, они были

людьми вполнѣ народными: любили свой народъ, преданы были его интересамъ и, вполнѣ проникнутые духомъ народности, насколько могли, модифицировали, такъ сказать, католицизмъ, смягчали его и отнимали у него его противународный характеръ, съ какимъ онъ всегда и вездѣ былъ и остается до сихъ поръ. Этотъ-то слишкомъ народный характеръ францисканцевъ въ Босніи и обратилъ на себя особенное вниманіе римской куріи въ недавнее время и теперь противъ нихъ воздвигнуто гоненіе, подобно тому, какъ они сами нѣкогда гнали сербскую народную церковь: у нихъ теперь отнято все и предоставлено іезуитамъ.

Съ тѣмъ же характеромъ были въ Далмаціи, такъ называемые, *глаголяши* — католическіе священники, пользовавшіеся церковнослужебными книгами, писанными глаголицей, и всю церковную службу совершавшіе на славянскомъ языкѣ.

Всѣ эти явленія вытекли изъ одного источника съ обще-сербскимъ богумильствомъ: изъ стремленія сдѣлать религію и церковь народными.

КЪ ВОПРОСУ О МѢСТѢ ЗЕТСКОЙ МИТРОПОЛІИ.

3) *Къ стр. 373.*

Вотъ эта надпись въ церкви села Богдашичей.

«Вь име отьца и сына и светаго духа и свете богородице и светыхь и врховнихь апостоль. милостию божиовь *епископь с...тъ... и Теофитъ* създахь храмь сіи вь область светаго Михаила вь дни благочестиваго и богомь дрьжавнаго и светороднаго господина краліа Стѣфана, внука Оуроша, сына прьвовѣнчаннаго краліа Стѣфана, внука светаго Симеона Немане въ лѣто 6777» = 1269.

Даничичъ полагалъ, что это былъ владыка холмскій; но Миклошичъ нашелъ кормчую 1262 г., писанную «потьщаниемь и любовию многою и жиланиемь из млада богочьстиваго и всеосвещеннаго *Епископа всее зетскые области* господина ми и отьца кур Неофита, испльніающаго все недостатьчное светыихь писаніи светои цркви архангелу Михаилу на мѣстѣ глаголемѣмь

Иловицѣ въ лѣто 6770» = 1262. Наконецъ епископъ Даніилъ въ житіи епископа Евстатія I (1278—1285) говоритъ, что онъ «въ юности пришьдь *въ страну земле зетьскые* вниде вь монастырь архангела Михаила, идѣже именуеть се славьнаіа епископиіа и ту приеть образь мнишьскыи оть рукы вьсеосвештенаго епискупа Неофита» (Сообщено монахомъ Иларіономъ въ Гласн. Учен. Друшт. 1867 г. кн. IV (21), стр. 358—362).

Эти записи не только констатируютъ имена зетскихъ епископовъ, но въ одной изъ нихъ несомнѣнно видно, что, кромѣ монастыря во имя арх. Михаила на Превлакѣ, былъ того же имени монастырь въ *странѣ земли зетской*, что́ уже никакъ не можетъ быть отнесено къ Превлакѣ, которая находится въ странѣ, извѣстной въ старыхъ документахъ подъ именемъ Приморья или Поморья; какъ всѣ крали сербскіе и сербскій архіепископъ обыкновенно титулуются: «всехъ земль срьбскихь и *поморскихъ*» или: срьбские земли и *поморские*; а Георгій II Бальшичъ въ грамотѣ, данной имъ дубровчанамъ 27 января 1386 г., подписывается самодержцемъ «всей *Зеты и Приморья*» (Милак. Истор., стр. 33).

ГРАМОТА СТЕФАНА ДУШАНА ІЕРУСАЛИМСКОЙ ЦЕРКВИ.

4) *Къ стр. 375.*

Грамота эта полна указаній на многія характерныя мѣстныя отношенія, и потому мы считаемъ не лишнимъ сообщить ее здѣсь всю, какъ она напечатана у Миклошича, выпустивши только общія мѣста. Послѣ чрезвычайно длиннаго и витіеватаго приступа слѣдуетъ: «тѣмь обь убожаніе видѣ црькви црьство ми потьща се царьство ми вьздвигнути и укрѣпити и испльнити недостатьчьнаа храма того светого и *приложи царьство ми светого Николу Вранину и сь црьквомь и сь сели и сь людми и сь са всѣмь метохомь* и сь виногради и сь планинами и сь пашищи и сь сѣнокоси и сь доходьки црькви тези, и що има у светого Срьгіа доходька на всако годище 100 перьперь оть царине царьства ми и сь всѣми мегіами сель тѣхь и сь всѣмь иманьемъ црькве тези, и що есть димина на людехъ црьквенихъ, и такои ю при-

ложи царьство ми црькви иіерусалимскаа на всако годище оть Вранине, що се обрѣта лѣтине, жита и вина, и оть овьць, и оть кобиль, половина оть того да се продае и да се носи у Иіерусалимь. и пакии приложи царьство ми црькви архистратига Михаила иже у Иіерусалимѣ, да си узима у Дубровницѣ одь дохотка царьства ми на вьсако годище на вьскрѣсениіе 5 сьть перьперь венетьчькихъ. и людие црьквени светого Николи вранинскога да не работаю работе никоіере господствующому, ни дани даю, ни пути тѣраю, ни воиске воюю, ни у жупу приплащаю, ни града зигю, ни позоби даю, ни конь хране, ни пьсь хране, и оть всакое работи и дани освободихь, и сие приложихь и утверьдихь, да іесть непоколѣбимо до вѣка. и тѣмь всѣмь никто да нѣсть областьнь, ни кепалиіа, ни властелинь, ни инь тко любо владущии у земли царьства ма, токмо іегоже богъ изволи игумена иіерусалимскога, ть да іесть тѣмъ областьнь, и у томь мѣстѣ да нѣсть властьнь никто поставліати старѣишину, тько кога буде хотѣниіе игумену иіерусалимскому, тогази да благослови и постави у Вранинѣ» и т. д. «у Призрѣни, кьда постави црьство ми темеліа архангела Михаила вь лѣто ,s̄w...» (Миклошичъ, вѣроятно, дополняетъ къ этому ns и тогда выходитъ 6856 = 1348; а въ противномъ случаѣ вышло бы 6800 = 1292).

О СКЕНДЕРБЕГѢ-КАСТРІОТѢ.

5) *Къ стр. 412.*

Въ цетинскомъ монастырѣ въ рукописномъ сборникѣ, носящемъ общее названіе «Хрусовуля», находится и сказаніе о Скендербегѣ подъ такимъ заглавіемъ: «Повіест о Скендер Бегу Черноіевичу во святом крешчении нарсченомъ Георгию». Рукопись эта поздняя, не раньше второй половины прошлаго столѣтія; но въ Петербургѣ въ Импер. Публичной Библіотекѣ находится буквально та самая повѣсть, только въ древнѣйшемъ спискѣ (приблизительно не позже второй половины XVII в.) въ сборникѣ, пріобрѣтенномъ отъ архимандрита Порфирія, который купилъ его на Аѳонѣ, у одного болгарскаго монаха. Этотъ списокъ чрезвы-

чайно драгоцѣненъ по языку сербскому, вполнѣ народному, богатому оригинальными формами и конструкціей, а также и въ лексикальномъ отношеніи; но въ немъ недостаетъ множества листковъ (около половины). Цетинскій экземпляръ въ этомъ отношеніи имѣетъ преимущества, потому что полный [1]).

Есть еще коротенькое изложеніе той же повѣсти въ хронографѣ Московской Синодальной библіотеки въ спискѣ XVII в., гдѣ въ главѣ 157, носящей заглавіе «Царство сербское», помѣщена особая статья: «О Албанской-странѣ и о княжествѣ ихъ», въ которой и заключается сказаніе о Скендербегѣ (Изборникъ А. Попова 1869 г., стр. 156—159).

Въ главномъ видно, что источникъ былъ одинъ и тотъ же, съ тою только разницею, что здѣсь уже чисто русская реценэія и Скендербегъ не называется Черноевичемъ. Есть одно мѣсто, котораго не находится въ сербской повѣсти, а именно: «Слышавъ же Угорскій король и писалъ Скендербегу грамоты, что онъ роду христіанскаго, и онъ бы помнилъ свою вѣру, и пришелъ бы въ Албанскую землю, въ свою отчину, стоялъ бы на поганыхъ содново съ вѣрными. Слышавъ же Скендербегъ и учини по воли Угорскаго краля, и отъиде въ Албанскую отчину свою».

Источникомъ для всѣхъ ихъ послужила, конечно, книга Барлеція, который жилъ въ Скадрѣ, и если не былъ современникомъ Скендербега, то засталъ еще живое преданіе о немъ и даже людей, которые его знали. Факты, послѣдовательность и даже отчасти внѣшняя форма (заглавія на поляхъ) взяты изъ него, но значительно, конечно, сокращены; а въ то же время все, гдѣ только возможно, наклоняется въ сербскую сторону.

Не удалось намъ сличить житіе Скендербега, находящееся въ хроникѣ Мартина Бѣльскаго.

Но интересно то, что Vialla de Sommieres въ своемъ пу-

---

[1]) При изданіи слѣдовало бы взять въ основаніе списокъ, находящійся въ Петербургѣ, а цетинскимъ пополнить недостающее въ немъ, и вставить, гдѣ есть, варіанты.

тешествіи по Черногоріи [1]), пересказывая исторію Скендербега и держась главнымъ образомъ Барлеція, въ то же время даетъ участіе черногорцамъ больше, чѣмъ въ оригиналѣ. Такъ онъ говоритъ, что близъ Крои жилъ Basile Czernowich (конечно, Стефанъ), котораго земля, однако, находилась «de l'ouest de l'Epire», и потомъ прибавляетъ: «évidemment le Monténégro». Этотъ Черноевичъ является къ Скендербегу еще раньше, чѣмъ онъ рѣшился уйти отъ султана, и убѣждаетъ его къ этому и составляетъ весь планъ. А когда потомъ Скендербегъ былъ уже дома, и султанъ, притворившись, будто все прощаетъ, звалъ его назадъ, опять Черноевичъ останавливаетъ его. Затѣмъ, когда Скендербегъ, послѣ неудачнаго нападенія на Бѣлградъ, былъ окруженъ непріятелемъ, его спасаетъ тоже Черноевичъ со своими черногорцами. Этого нѣтъ ни у Барлеція, ни въ сербскомъ сказаніи о Скендербегѣ. Віалла, впрочемъ, совсѣмъ смѣшиваетъ черногорцевъ съ албанцами и говоритъ: «le héros albanais ou monténégrin» (стр. 310). То же самое находимъ и у Барлеція, съ тою разницей, что онъ наоборотъ въ сербахъ видитъ албанцевъ и въ томъ смыслѣ передѣлываетъ сербскія имена.

Такое смѣшеніе становится понятнымъ, когда сообразимъ, что зетскія владѣнія незадолго до того простирались за Авлону по берегу моря, а внутрь страны за Бѣлградъ (Бератъ) и до Дибры.

Поэтому измѣненія въ сербскомъ пересказѣ исторіи Скендербега могли произойти на основаніи другого, отечественнаго источника, такъ какъ устно исторія Скендербега была распространена помимо всякихъ письменныхъ источниковъ среди сербскаго народа, и сербскій переводчикъ или переписчикъ могъ по своему разумѣнію дѣлать исправленія или дополненія, основываясь на сербскомъ народномъ преданіи.

Пѣсни о Скендербегѣ, напечатанныя Качичемъ Міосичемъ въ его соч. «Razgovor Ugodni»; 1801, и теперь услышите въ Черногоріи. Мнѣ удалось записать одну изъ этихъ пѣсенъ въ Ва-

[1]) Voyage historique et politique au Monténégro. 1820.

соевичахъ, и въ ней на 100 стиховъ больше, чѣмъ въ напечатанной. Замѣчательно, что въ этой пѣснѣ, какъ и у Барлеція, находится вѣщій сонъ Воисавы, относящійся къ будущему рожденію необыкновеннаго героя; тогда какъ въ письменномъ сербскомъ сказаніи онъ пропущенъ.

Есть и печатное сочиненіе о Скендербегѣ на сербскомъ языкѣ. Это — «Животъ и витежка воеваня славногъ кнеза епірскогъ Ђорђа Кастріота Скендербега. Описана Іоанномъ С. Поповичемъ, мудролюбія слушателемъ. Трошкомъ Іосифа Миловука. Scanderbeg's Leben u. Heldenthaten. У Будиму. Словыма К. Свеуч. Пештанскогъ. 1828. im 8°, VI, 127». Содержаніе этой книги слѣдующее: 1—75 стр. исторія; а затѣмъ пѣсни, взятыя у Качича Міосича: 1) Храбрость Скендербега (стр. 75—79); 2) Богатство Скендербега въ Албаніи (79—86); 3) Бой съ Али-пашею (86—94); 4) Бой съ Мустафою (94—98); 5) Второй бой съ Мустафою же (98—102); 8) Пѣсня о Светиградѣ (102—111); 7) Пѣсня о Кроѣ (111—119) и 8) Измѣна воеводы Мусы (119—127).

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ составилъ свое сочиненіе по Барлецію въ римскомъ изданіи 1493 г., изъ его же книги взятъ и портретъ Скендербега. Кромѣ того, по его словамъ, онъ пользовался сочиненіями Сагреда, Бусіереса и др.

Есть наконецъ печатное сочиненіе на греческомъ языкѣ Н. Драгуми, составленное по Паганелю «Histoire de Scandeberg»[1]).

Это послѣднее сочиненіе во всемъ, что́ касается Скендербега, держится Барлеція; но въ немъ находятся очень интересныя главы относительно положенія Турецкой имперіи и земель Балканскаго полуострова въ то время вообще и объ отношеніяхъ къ нимъ Запада. Въ исторіи онъ держится главнымъ образомъ Хаммера, а въ географіи — Пуквиля. Одну изъ лучшихъ главъ составляетъ завоеваніе турками Константинополя.

Есть, конечно, много и другихъ сочиненій о Скендербегѣ въ новѣйшей европейской литературѣ; но для насъ важно изданіе

[1]) M. Camille Paganel. «Histoire de Scanderbeg» etc. Paris. 1855.

сербскаго житія этого героя по различнымъ спискамъ со сличеніемъ съ Барлеціемъ и другими письменными и печатными сказаніями о немъ, а если можно, то и съ устными преданіями, какія найдутся.

ДУБРОВНИКЪ И ВЕНЕЦІЯ.

6) *Къ стр. 416.*

Въ судьбѣ этихъ странъ принимаютъ участіе, прямое или косвенное, двѣ независимыя въ то время державы-республики: Венеція и Дубровникъ. Первая играетъ въ исторіи весьма важную политическую роль, и потому ея дѣянія записаны въ исторіи крупными словами, хотя вліяніе ея было въ результатѣ отрицательное и вредное и въ концѣ концовъ тѣмъ же самымъ отразилось на ней самой. Она съ своимъ участіемъ является какимъ-то хищникомъ: проникая въ страну съ торговыми цѣлями, вноситъ въ нее внутренній разладъ, пользуясь которымъ, завладѣваетъ ею, эксплоатируетъ, налагая на жителей ея цѣпи рабства и развращая ихъ нравъ, а въ конечномъ результатѣ бросаетъ ихъ въ жертву тому, противъ кого они же помогали ей бороться и отстаивать взаимными усиліями и свою, и ея свободу. Такъ она поступала съ Зетой и Приморьемъ; а во все время борьбы Скендербега противъ турокъ, она же развлекала его силы войною около Скадра и была тайнымъ, а иногда и явнымъ союзникомъ турокъ.

Совсѣмъ иного характера участіе Дубровника. Не обладая, конечно, тою силой и средствами, какими располагала Венеціанская республика, онъ играетъ роль въ исторіи весьма скромную. Поэтому участіе его въ судьбѣ сосѣднихъ сербскихъ и албанскихъ земель не ознаменовывается какими-нибудь крупными и видными фактами, не обрисовывается рѣзкими чертами; но оно было и оставляло по себѣ слѣды, если не особенно замѣтные, зато прочные, отзывающіеся добрыми результатами въ будущемъ. Дубровникъ былъ слуга всѣхъ, и служилъ онъ всѣмъ: доставлялъ различные товары и издѣлія, оружіе; поставлялъ разнаго

рода мастеровъ: строителей, серебряковъ, свитарей [1]), трумбеташей [2]); давалъ свои суда для перевозки людей или доставки какого-либо провіанта; ссужалъ деньгами и бралъ вещи подъ залоги или на сохраненіе. Все это было его торговое дѣло, отъ котораго онъ кормился и жилъ. Но въ то же время онъ давалъ убѣжище многимъ гонимымъ или просто безпріютнымъ. Такъ, онъ обращается къ нѣкоей Влькосавѣ: «пишете да ви іе неволіа допала за то молекіе наась да би ви смо дали милость да си можете доити слободно прѣстати у Дубровнику и за то ви одписуіемо. на никога гледаіе ни одлагаіе развѣ на наше *чловѣчство* и како наамь прѣстои учинити да вѣть ето ви даровасмо милость и вѣру нашу да си можь доити у Дубровникь слободно с колицѣмь ви драго и стаіавь колико ви любо слободно сь всѣмь опеть поити безь забаве и богь с вама» (1405. апр. 14). (М. Пуц. Спом. Срп. № 113).

Такихъ писемъ множество въ собраніи документовъ М. Пуцича (№№ 112, 122, 128, 178). При этомъ говорится; «іерь іе Дубровникь слободно мѣсто — іерь іе наше мѣсто всакому, отворено» и «ако ви буде неволіа одь угрьске воиске можь доити». Не принимали, однако, перебѣжчиковъ изъ державы дружественной. Къ сосѣднимъ дружественнымъ владѣтелямъ обращались постоянно съ просьбами беречь ихъ людей, и не однихъ только дубровчанъ: «*заморане и далматине* да вамь препоручене», писали они Хрьвою воеводѣ Сплетскому.

Увѣдомляли дубровчане своихъ пріятелей, если что-нибудь угрожало имъ съ чьей-либо стороны или вообще что́-нибудь тѣмъ хотѣлось знать. Такъ они пишутъ Бальшѣ III (1405 г.): «писасте да ви упишемо за гласе одь господина краліа угрьскога що се чуіе и за то господству ви дамо узнать. имамо гласове иерь іе биль никьда и праве да велике воиске приправліа. да кудѣти му іе кана или кудѣніе с тѣми силами одь господина деспота може господство ви увѣдѣть кои іе у великои любвѣ и у іединству шнимь. а іерь за ону голию бнетьчку що пише ваша милость да

[1]) Суконщиковъ, производившихъ тонкія сукна.

[2]) Трубачей.

ви дамо узнать що іе одь ніе куде ли поиде. господство да узна овьдѣ приходи прѣдь градь на божиіе и ускресениіе и с тези голиіе неизьлази размѣ іедань човѣкь и купивь си нѣщо брашна тьи часъ поиде опеть на голию а праліаше іерь греду у бнетке и тьи часъ дѣлише се и поидоше да невѣмо кудь» (№ 117).

Это напоминаетъ нѣсколько сообщенія резидентовъ, которыхъ дворы держали въ разныхъ мѣстахъ. Истинно гуманное дѣло дубровчанъ было освобожденіе плѣнныхъ изъ турецкой неволи, на что республика давала значительныя суммы, изъ которыхъ современемъ составились милліоны, потомъ отнятые у Дубровника австрійскимъ правительствомъ. Для этой цѣли они имѣли своихъ агентовъ или обращались къ извѣстнымъ имъ людямъ, которымъ и посылали для этой цѣли необходимыя средства. Вотъ для примѣра одно изъ такихъ порученій (1403 г. апр. 17): «Вь вьсемь многопочтеному, а наамь срьдчному приіателю господину Метелинскому одь владущаго града Дубровника кнеза властель и одь вьсе опкине много любимо поздравление. вь всемь почтена твоіа любовь да зна писали су и послали к намь господа босаньска и господа срьбска наши почтени сусѣдие и приіателие, а говоре ерь су утекли ись туракь нихь властеличикіа кои су били ухвакіени одь туракь и да су дошли у ваше владаньіе молеки нась да пошліемо да за този разувѣмо. и ето посиламо нашега човѣка Франка Вициіановикіа за този и много молимо господьство ти ако сте що разувидѣли о комь годѣ властелину или срьбьскомъ или босьнскомь будити милость увѣждьбати реченога нашега човѣка тко су на име и у ком мѣсту, да нашь човѣкь погіе до нихь іерь що бисмо могли за нихь ослобогіениіе и изьведениіе радибисмо» (№ 85). Раньше этого изъ письма (1397 г. окт. 1) видно, что они такимъ образомъ освободили однихъ, а турки за то ухватили другихъ, и по поводу этихъ Дубровникъ пишетъ монахинѣ Евгеніи и князю Стефану: «а за онози що ищу турци Франка и влкьшу за дѣцу Францiашку кою су одькуповали и тѣмь ихь криве. а ваша милость зна іерь у томе нѣсу сьгрѣшили іерь биетци живинези (генуэзцы) и вси іезици одькупую робове по всеи цареви

земли и дори у брусу и поводе ихь куде имь годѣ и овудьіе мимо дубровникь мимоводе ихь всаки дьнь и нашіеми очима този видимо и никомурь забаве недаше. — а франко и влькша стаіа все годище тамо и неби имь одь никога забаве и кьде они погоше одь тудіе забавише онѣмь кои не бѣху никимь криви ни повинни» (№ 15).

Одинъ изъ видовъ сношеній Дубровника съ сосѣдними землями составлялъ наемъ воиновъ. Изъ одного документа видно, какъ этотъ наемъ производился, какое было вооруженіе воиновъ, что имъ давалось и вообще какое было ихъ положеніе.

Вотъ этотъ документъ, относящійся къ 1403 г.:

«Одь капетановь боголюбимаго града Дубровника Марина Буникіа и одь Іакете Гундуликіа да іе во свидѣниіе властелом и всѣмь добрѣмь мужемь изь Горе Лющичьке како приде к намь у Дубровьникь Грубачь Дабчикь Лющичанинь и уговори овакои с нами и утврьди да доведе одь туде одь вась петь десеть добрѣхь юнака одѣвенихь оружіемь іедни сь луцьмихь и стрѣлами а друзи с мачи и сь щити и да доиде шними у дубровникь на службу дубровнику а ми обѣтуіемо и овако смо уцѣнили да дамо всакому одь реченихь юнаковь на мѣць 5 перьперь динара дубровчьцѣхь, а они да су дльжни воіевать за Дубровникь вьздѣ куде іе пошліемо сь нашѣми юнаци и безь нашѣхь юнаковь у дне у нощи ли вьзда комь ихь пошліемо да имаю поити. и щогоде би богь даль терь добуду да комуну даду одь плѣна петомѣрьіе а остало нимь по разлогу и ако би кога чловѣка ухватили одь нашѣхь непрііатель обѣтуіемо дати за всякога 10 перьперь динарь и толикогіе ако кога убию ондѣ на томь мѣсти такожде обѣтуіемо дати всаку главу 10 перперь и к тому ако би се кому коіе оружіе разьбило или уломило обѣтуіемо одь нась помощи направити и к тому обѣтуіемо стрѣлами помагати ви и одь чеса богь уклони ако кои одь реченихь юнака буде раніень обещавамо дати лѣкара и лѣкариіе да се лѣчи и онои врѣме що буде лежать да се плакіа како и читавь и ако кога ухвате одь реченихь обѣтуіемо дати за ніега замѣну чловѣка що іе прѣма ніему ніегова прилика одь сужань коіе узимамо» (№ 86).

Документъ этотъ, кромѣ отношеній Дубровника къ сосѣднимъ землямъ, даетъ намъ нѣкоторое понятіе о воинѣ того времени; потому что о воинѣ сербскомъ или зетскомъ мы совершенно ничего не знаемъ, какъ только то, что это была общая повинность. Надобно замѣтить, что Венеціанская республика составляла свое войско также большею частію изъ славянъ, между которыми были далматинцы, приморцы и даже кучи.

Остается еще нѣсколько замѣчаній объ отношеніяхъ Дубровника къ сосѣдямъ.

Съ Бальшичами онъ находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ нерѣдко отказывалъ имъ въ просимомъ.

Такъ объ одномъ отказѣ Бальшѣ III въ займѣ денегъ мы уже знаемъ изъ документа 1409 г.; а затѣмъ имѣются два подобныя письма отъ 1405 г. Въ одномъ говорится: «листъ господства ти примисмо по вашемъ слузѣ по Дмитру и разумѣсмо и о здравию господствати и о вашемь боліему много іесмо весели, а іерь щоног ви проси одь нась за теи ваше потрѣбе много молимо господство ви *будиви милость на сьдашніе врѣме тогаи не искать одь нась іер смо ваше слуге и пріателиіе и господе бнетачске іесмо пріателиіе* и за то ощь много молимо не примите наамь за зло и богь ви умножи господьство».

То же и въ другомъ: «*поручуіете за оружиіа*. богь зна и господство ви може знать іерь с вашѣми прьвѣми наши прьви живѣли су у всакои доброи любвѣ и пріательству и щогоде се іе могло сь всякоимь почтеніемъ послужити наши се нѣсу у ничемь господьству ми садьшни толикожде у чемь моремо а сьди и прьви смо одьписали господьству ви много молеки не искать».

Это было время, когда между Бальшей, только-что вступившимъ на престолъ, и венеціанцами открылась война; Бальша, очевидно, просилъ оружія, но дубровчане видѣли полнѣйшую невозможность провезти его ни моремъ, потому что тутъ былъ венеціанскій флотъ, ни черезъ горы, такъ какъ тамъ какъ разъ на

пути были которане и великій воевода Босніи Сандаль Храничъ, враги какъ Зеты, такъ и Дубровника.

Съ Сандалемъ Храничемъ по наружности у Дубровника были самыя дружественныя отношенія. Такъ они шлютъ ему подарки и платятъ извѣстную ежегодную сумму, расточая увѣренія въ дружбѣ и взаимности, и пишутъ въ одной грамотѣ: «Дубровникь іе слободно мѣсто всакому и *навлащь людемь воіеводе Сандала іер га имамо мегю инъми много любима и срьдна пріателіа*» (1405).

Но все это притворно и дѣлается поневолѣ, изъ страха, на что указываетъ слѣдующее письмо за годъ передъ тѣмъ: «Вьсемь многосрьдчнѣ намь пріателемь почтеному воіеводи Гюргю и Лѣшу Гюрашкивикіемь одь владущаго града Дубровника кнеза властель и одь вьсе опкине много любимо поздравлениіе. почтена ваша любовь да зна. догіе кь намь нашь властелинь Никола Пуцикь когда бѣсмо послали до ваше любве и принесе намь листь одь васъ у комь разумѣсмо како ваша любовь на всемь облюби и прѣста супротѣвь вашѣмь и нашѣмь непріателіемь како іе нашь речени властелинь с вами по листу бесѣдиль и за то да зна ваша любовь іерь ми на томь пристаіемо како смо рекли и хокіемо дати бродь или на ошліемь или гдѣ ви речете за колико воиске потрѣбуіе да прѣбродисе *на Сандаліеву землю ки іесть вашь и нашь непріатель* и молимо ви. многосрьдчно пошлите ни одговорь по вашемь човѣку да ми овамо направимо и приуготовимо бродове и ино що потрѣбуіе а о гласѣхь хокіе вамь Никола Пуцикь писати» (№ 88).

Дубровчане понимали истинное положеніе дѣлъ, и ихъ симпатіи были на сторонѣ того, кто шелъ иротивъ враговъ христіанства и славянства, т. е. противъ турокъ и венеціанъ; но недальновидность и крайне узко понимаемые политическіе интересы сербскихъ владѣтелей и приморскихъ общинъ предали гору туркамъ, а море венеціанцамъ. Дубровникъ и зетскіе государи были единственные, которые это понимали, но въ громадной массѣ своихъ противниковъ они должны были всюду отступать, будучи не въ состояніи даже протянуть другъ другу руку.

Тяжкій грѣхъ лежитъ частью на которанахъ, которые тѣсному союзу съ Дубровникомъ и Зетой предпочли предаться Венеціи.

ТРАКТАТЪ СТЕФАНА ЧЕРНОЕВИЧА СЪ ВЕНЕЦІЕЙ (1451 г.).

Къ стр. 417.

Вотъ этотъ несчастный трактатъ, продиктованный торжествующей Венеціей пораженному своимъ же братомъ Стефану Черноевичу:

«Вельможный (magnifico) воевода Стефанъ Черноевичъ пусть будетъ и называется нашимъ правителемъ (capitano) Верхней Зеты.... и мы утверждаемъ за нимъ право наслѣдованія во владѣніи, какъ прежнемъ, такъ и теперешнемъ; но съ условіемъ, чтобы не касался владѣній Котора, ни другого сосѣдственнаго города, ни земель, принадлежащихъ нашимъ подданнымъ; утверждаемъ ему право на обычныя его дани, равно какъ и отъ салинъ, изъ которыхъ мы позволяемъ, какъ то было и прежде, вывозить соль; позволяемъ упомянутому воеводѣ и его братьямъ заключать и подписывать всякій мирный договоръ, какой бы мы ни заключили съ славнымъ деспотомъ Рассіи и съ другими государями Босніи и Албаніи; съ другой стороны, воевода обѣщаетъ притекать къ намъ на помощь со своимъ народомъ всякій разъ, какъ только мы будемъ имѣть въ томъ нужду и когда только наше правительство потребуетъ вооруженной помощи; въ то же время мы пишемъ и даемъ приказаніе всѣмъ нашимъ губернаторамъ въ Которѣ и нашей Албаніи, чтобы въ случаѣ какой-либо войны, какая случилась бы вышеименованному воеводѣ, они не давали никакой помощи и убѣжища его непріятелямъ; но, чтобы напротивъ были ему на помощь; съ этимъ вмѣстѣ мы требуемъ отъ славнаго государя герцога св. Саввы освобожденія сына воеводы, какъ бы то касалось одного изъ нашихъ нобилей и гражданъ; опредѣляемъ его братьямъ Jurasino e Coicino съ двоими другими его нобилями годовое жалованье отъ насъ, сколько каждый изъ нихъ получалъ въ послѣднее время, и самому вое-

водѣ изъ нашей кассы въ Которѣ по 600 дукатовъ въ годъ; съ другой стороны тотъ же воевода долженъ позаботиться и содѣйствовать, радѣя какъ себѣ самому, чтобы Грбаль и другія мѣста въ окрестности Котора возвратились къ повиновенію намъ и въ наше подданство, какъ онъ то обѣщалъ сдѣлать; и когда это будетъ исполнено, тотчасъ послѣдуетъ плата ему, его братьямъ и двоимъ другимъ нобилямъ; воевода долженъ, радѣя какъ самому себѣ, позаботиться и содѣйствовать, чтобы Грбаль и другія мѣста въ окрестности Котора, возвратившись къ повиновенію намъ, остались сверхъ того и въ нашемъ подданствѣ; и чтобы, какъ только одно изъ поименованныхъ мѣстъ начнетъ отказывать намъ въ повиновеніи, онъ выступилъ противъ нихъ съ войскомъ и привелъ ихъ въ повиновеніе, пока они не прійдутъ опять въ наше подданство, и тогда тотчасъ же, какъ то у насъ въ обычаѣ, будутъ выплачены вышеозначенныя суммы; сверхъ того вышеименованный воевода Стефанъ долженъ признать и подтвердить вышепоставленныя условія и поклясться и обѣщать ихъ исполненіе публичнымъ письмомъ, скрѣпленнымъ его печатью, въ которомъ должны быть изложены всѣ вышеуказанныя условія».

Оригиналъ этого трактата, по словамъ Милаковича, находится въ венеціанскомъ архивѣ, а копія въ цетинскомъ. Намъ не привелось видѣть нигдѣ, какъ только въ книгѣ Милаковича, откуда и приводимъ по италіанскому тексту.

Документъ этотъ рисуетъ намъ положеніе Зетскаго государства въ то время, совершенно аналогичное съ современнымъ положеніемъ Черногоріи, гдѣ вмѣсто Венеціи Австрія требовала отъ черногорскаго князя употребить его власть и вліяніе на приведеніе въ повиновеніе австрійскому правительству Бокки и Герцеговины.

БАЛЬШИЧИ И ЧЕРНОЕВИЧИ.

Къ стр. 400 и 433.

Въ 1866 г. французскій ученый Ленорманъ въ своемъ сочиненіи «Turcs et Monténégrins» первый изъ историковъ Черно-

горіи выступилъ съ доказательствами иностраннаго происхожденія Бальшичей и Черноевичей; послѣднихъ онъ иначе не называетъ, какъ les Maromont-Tsernoievitz.

Главнымъ основаніемъ такому мнѣнію послужило соч. Дю-Канжа «Histoire de l'empire latin de Constantinople», который съ положительностью говоритъ о Бальшичахъ: «Весьма вѣроятно, что они происходили изъ дома des Baux, который водворился въ Албаніи въ то время, когда король Сициліи Карлъ и принцъ Тарентскій Филиппъ владѣли городомъ Duras (Durazzo). Это подтверждается именемъ Balsa ou Balza, имя, которое италіанцы даютъ славной фамиліи Baux, находившейся въ Неаполитанскомъ королевствѣ, а славяне образовали изъ него свое Баоша (Baoscia); всякое сомнѣніе относительно такого происхожденія устраняется тѣмъ, что Орбини приписываетъ Бальшамъ гербъ со звѣздою о многихъ лучахъ, которую носитъ и гербъ дома Бо. Причиною этого послужило, можетъ быть, то, что, когда Анжуйскій домъ владѣлъ Албаніей, великіе господа этихъ странъ гордились своимъ происхожденіемъ отъ знатныхъ фамилій Франціи; вслѣдствіе чего, съ того времени установилось сношеніе и взаимная связь между этими двумя націями. Подобнымъ же образомъ фамилія (албанская) Топія производила свой родъ отъ Карла В., и въ доказательство того показывали изображеніе этого великаго государя, вырѣзанное на дикомъ камнѣ града Крои, который принадлежалъ имъ. Дукадьины ведутъ свое происхожденіе отъ баснословнаго Griffon de Hautefeuille. Это ясно показываетъ, что они производили свой родъ отъ французовъ».

Приводя это мѣсто изъ Дю-Канжа, Ленорманъ распространяетъ его слѣдующими толкованіями, на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ исторіи Франціи: «Когда Карлъ Анжуйскій — говоритъ онъ — овладѣлъ Неаполитанскимъ королевствомъ, въ числѣ множества провансскихъ рыцарей, сопровождавшихъ его въ этихъ новыхъ владѣніяхъ, былъ младшій членъ этой знатной фамиліи, Bertrand de Baux, который и сдѣлался родоначальникомъ этой новой вѣтви, блескомъ и могуществомъ затмившей

старшія. Переселившись въ Неаполь, а вскорѣ затѣмъ на Востокъ, дѣля судьбу принцевъ Анжуйскихъ, домъ де-Бо занялъ первое мѣсто послѣ сувереновъ въ монархіи, созданной геніемъ Людовика Святого на востокѣ Европы, чтобы служить ему стѣной.

«Графы de Montescagiosa, de Squilloce, d'Avellino, герцоги d'Andria, потомъ принцы Тарентскіе въ королевствѣ Неаполитанскомъ, сенешали Сициліи до того несчастнаго времени, когда въ этой странѣ арагонцы заступили французовъ, потомки фамиліи Бо нѣкоторое время владѣли Ахаіею, и одинъ изъ нихъ, женатый на наслѣдницѣ латинскихъ обладателей Византіи, самъ достигъ титула императора Константинополя и Романіи.

«Изъ этого именно дома и происходили первые независимые государи княжества, послѣдній обломокъ котораго составляетъ Черногорія. Первоначальная генеалогія этихъ князей довольно темная; въ томъ, что́ намъ извѣстно, недостаетъ много ступеней развѣтвленія, и только посредствомъ догадокъ можно приписать ихъ происхожденіе отъ младшаго сына Бертрана де-Бо, который впослѣдствіи утвердился въ Албаніи» (стр. 3—5).

Означивши границы Зеты со включеніемъ значительной части Албаніи, Ленорманъ продолжаетъ: «Въ этой странѣ развилось могущество вѣтви провансальскаго дома Бо. Затерявшись въ своемъ развѣтвленіи, она снова появляется на свѣтъ въ 1356 г. Потомки древнихъ бароновъ des Alpines, перемѣнивши свое настоящее и первоначальное имя des Baux на славизированное «Бальши», владѣли въ то время только нѣкоторыми замками въ Гегаріи или въ самой сѣверной части Албаніи. Одному изъ этихъ замковъ они дали имя провансальскаго города, откуда сами происходили, — имя, сохранившееся въ названіи села Balsch близъ Скадра»[1]) (стр. 10).

По смерти Бальши государями Зеты сдѣлались сыновья его Страцимиръ, Георгій и Бальша. «Эти три молодые принца —

---

[1]) Въ настоящее время тамъ есть село *Baiza* и того же имени село въ Черногоріи *Баице* — на Цетинской равнинѣ.

продолжаетъ Ленорманъ — раздѣлили между собою корону и практиковали наслѣдованную отъ отца верховную власть сообща. *Однимъ изъ первыхъ актовъ ихъ было возвращеніе въ лоно католической церкви*, которую предки ихъ, хотя и латины по происхожденію, въ продолженіе многихъ поколѣній промѣняли на восточную схизму, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ ту эпоху, когда Стефанъ Душанъ, не довольствуясь отдѣленіемъ отъ Рима, предавался преслѣдованію католиковъ. Существуетъ письмо папы Урбана V, писанное въ Montefiascone, 25 мая 1368 г. и носящее слѣдующее заглавіе: *Nobilibus viris Strazimiro et Georgio ac Balse fratribus Zapanis Zente.* Святой отецъ въ этомъ письмѣ привѣтствуетъ ихъ возвращеніе, внушаетъ имъ быть твердыми въ этомъ и настойчиво убѣждаетъ блюсти католиковъ, живущихъ въ ихъ предѣлахъ, особенно людей г. Котора, съ которыми, какъ видно изъ папскаго письма, три молодые принца имѣли войну, и веденіе этой войны было предоставлено Георгію» (стр. 11—12).

Чтобы не могло быть никакого сомнѣнія въ толкованіи этого документа, на основаніи котораго Ленорманъ дѣлаетъ свои весьма важные выводы, прилагаемъ его цѣликомъ, а затѣмъ относительно какъ самого документа, такъ и толкованія его сдѣлаемъ свои замѣчанія.

Вотъ этотъ документъ:

Письмо папы Урбана V къ троимъ сыновьямъ Бальши I по случаю ихъ возвращенія въ католичество (такъ озаглавилъ это письмо Ленорманъ).

Nobilibus viris Strazimiro et Georgio ac Balse fratribus Zapanis Zente gratiam in præsenti per quam obtineant gloriam in futuro.

Spiritus noster exultavit in Domino, qui, sicut ex relatione venerabilis fratris nostri Petri Episcopi Suacinensis latoris presentium per vos super hoc ad nostram presentiam destinati percepimus, misericorditer dignatus est vobis tribuere intellectum, ut relictis schismatis et errorum tenebris et umbra mortis eterne, in quibus hucusque mansistis, incipiatis animabus vestris et sub-

ditorum vestrorum prudenter consulere, et lumen agnoscere veritatis; intendentes ad obedientiam et devotionem sacrosancte Romane Ecclesie, matris ac magistre cunctorum fidelium, reverentur et cordibus sinceris accedere; in eisque perpetuo remanere, ac a nobis qui, licet immeriti, sumus in terris Christi vicarius, instrui qualiter debeatis in via mandatorum Domini ambulari.

De iis igitur laudandis principiis Deo, qui vos sua gratia prævenit et (si pura intentio in mentibus vestris vigeat) sequetur indubie, devotas gratias agimus, et vos plurimum commendamus, intendentes vos, si nostris et dicte Ecclesie mandatis devote parebitis, in filios spirituales recipere et tenere, ac prosequi favoribus opportunis.

Ut autem mereamini ad gratiam reconciliationis admitti, ac obtinere Apostolice sedis benevolentiam et favores, a molestiis ecclesiarum et personarum ecclesiasticarum, alio rumque catholicorum obedientium dicte Romane Ecclesie; præsertim civitatis Catharensis, quam jamdiu a vobis, seu te, Georgi, hostiliter molestari percepimus, curatis penitus abstinere, ut in iis et aliis vestram intentionem purissimam ostendetis. Super quibus et aliis, per vos agendis in dicte vestre reconciliationis negotio, prefatum episcopum duximus informandum, cui semper iis, que vobis ex parte nostra retulerit, velitis fidem indubiam adhibere.

Datum apud Nontemflasconem Balneoregiensis diœcesis, VIII kal. junii anno VI.

Спѣшность выводовъ Ленормана очевидна, потому что въ такомъ фактѣ документомъ могло бы служить письменное заявленіе самихъ Бальшичей, а его-то и нѣтъ; папа же шлетъ свою грамоту на основаніи какого-то сообщенія епископа въ Свачѣ Петра. Такой важный актъ, конечно, не могъ быть совершенъ втихомолку; но для папы этого и не нужно было: ему нуженъ былъ малѣйшій поводъ къ тому, чтобы написать письмо. Развѣ не писали папы подобнаго рода писемъ Неманичамъ, искавшимъ у нихъ протекціи и выражавшимъ имъ только свое личное уваженіе и преданность? Этой самой тактики впослѣдствіи держа-

лась и Венеція по отношенію къ черногорскимъ владыкамъ, толкуя ихъ готовность служить и помогать Венеціи противъ турокъ, въ знакъ ихъ подданства. То же самое было и съ Бальшичами. Можетъ быть, они обратились бы въ католичество, еслибъ могли повести за собою свой народъ; но это было немыслимо, тѣмъ болѣе, что въ то время православіе было распространено и между албанцами, и отъ того времени у миридитовъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удержалось причащеніе подъ обоими видами и нѣкоторые другіе обряды восточной церкви.

Въ выводѣ Ленормана видна не простая поспѣшность, а тенденціозность католика-прозелита, который, несмотря на то, что посвящаетъ себя чистой наукѣ и своими сочиненіями пріобрѣлъ себѣ въ ея области имя серьёзнаго изслѣдователя, не можетъ отрѣшиться отъ предразсудковъ своего фанатическаго духовенства и православіе называетъ часто не иначе, какъ *схизма*.

Это нужно всегда имѣть въ виду, какъ поправку, пользуясь его сочиненіемъ «Турки и Черногорцы».

Другую тенденцію, вслѣдствіе которой, читая его, можно попасть въ заблужденіе, это — стремленіе находить слѣды пребыванія въ различныхъ мѣстахъ французовъ, основываясь не на дѣйствительности, а единственно на личномъ желаніи автора отыскать ихъ во что́ бы то ни стало.

Чтобы насъ не обвинили и въ этомъ случаѣ въ голословности, приведемъ также цѣликомъ одно мѣсто изъ его сочиненія:

«Сѣверная Албанія — говоритъ онъ — въ настоящее время почти дикая, дѣйствительно представляетъ собою восточную Францію. Горячо католическая и страстно латинская, древняя страна иллировъ, обезсмертившая себя въ христіанскихъ войнахъ подъ предводительствомъ Скендербега, не забыла своихъ связей съ Западомъ, и главнымъ образомъ съ нашею страною. Европа игнорируетъ, такъ сказать, ея существованіе, и не хочетъ понять, что подъ слоемъ варварства, въ которое турецкое господство погрузило албанскій народъ, существуетъ еще рыцарское величіе и задатки будущаго. — Между тѣмъ, когда, что́

случается весьма рѣдко, путешественникъ французъ отважится ступить на дикую почву Албаніи, его вездѣ встрѣчаютъ, какъ брата и соотечественника. Въ каждомъ селѣ шефъ или господинъ, принимая его, говоритъ, что въ его жилахъ также льется кровь французскихъ рыцарей; онъ покажетъ мебель, старое феодальное оружіе, которое его предки принесли съ Запада, и онъ разскажетъ тысячу фамильныхъ преданій, которыя видоизмѣнились съ вѣками, но которыя всѣ относятся къ Франціи. — И эта претензія въ концѣ концовъ не одно тщеславіе; присутствіе французовъ въ Албаніи въ XIII в., утвержденіе въ этой странѣ многочисленныхъ господскихъ семействъ французскаго происхожденія — неопровержимые историческіе факты» (стр. 5—6).

Историческій фактъ не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію; но такихъ живыхъ воспоминаній о французахъ въ современныхъ албанцахъ до сихъ поръ не открывалъ ни одинъ ученый путешественникъ, ни даже Экаръ, такъ же горячій католикъ и французъ, какъ и самъ Ленорманъ. Увлекаясь тенденціей, авторъ позволяетъ себѣ ложь просто дѣтскую. Современные албанцы не только не помнятъ своихъ предковъ французовъ, но и вообще не имѣютъ семейныхъ преданій, представляя въ этомъ отношеніи рѣзкій контрастъ съ живущимъ рядомъ сербскимъ племенемъ. Они едва знаютъ своего Скендербега и не имѣютъ о немъ ни одной пѣсни, воспѣвая массу героевъ современныхъ, не принадлежащихъ исторіи; и сами они такимъ образомъ являются какимъ-то неисторическимъ народомъ, въ смыслѣ отсутствія въ нихъ самихъ историческаго преданія.

Но, ища французское преданіе тамъ, гдѣ его нѣтъ и не можетъ быть, Ленорманъ не обратилъ вниманія на ту особенность въ семействѣ Бальшичей, которую онъ могъ бы протолковать въ пользу своей идеи. Знали ли Бальшичи сами о своемъ французскомъ происхожденіи и думали ли о томъ, — мы фактически подтвердить не можемъ. Но по своему характеру они отличаются отъ остальныхъ сербскихъ князей, и въ числѣ этихъ отличитель-

ныхъ чертъ мы встрѣчаемъ больше, чѣмъ у другихъ, почтеніе женщины въ лицѣ жены и матери. Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ и у сербскихъ кралей, но единственно по отношенію къ женѣ Уроша Еленѣ, урожденной французской принцессѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что имъ была ближе западная культура, чѣмъ восточная, и что рядомъ съ письменностью славянскою была и латинская, какъ это замѣчаемъ и у Неманичей. На это отчасти могутъ указывать двѣ серебряныя монеты, приписываемыя Ленорманомъ Бальшѣ III при слѣдующемъ ихъ описаніи: «На обѣихъ монетахъ на одной сторонѣ изображенъ щитъ съ головою волка съ открытою пастью, а сверхъ него шлемъ, на верху котораго также голова волка, какъ и въ щитѣ; въ полѣ, наполовину прикрытомъ шлемомъ, видна комета, которая составляла гербъ дома Бо, какъ на Востокѣ, такъ и въ Провансѣ; надпись слѣдующая: M. Balse. D. Gorgi, т. е. Moneta Balse Domini Georgi. На обратной сторонѣ находится изображеніе св. Лаврентія со словами: S. Laurentius m. (artyr). Св. Лаврентій былъ патронъ Драча и изображеніе его указываетъ, что монета была выпущена въ Драчѣ» (стр. 29). Слѣдуетъ однако замѣтить, что Милаковичъ приводитъ также монету съ латинскою надписью, въ которой передъ именемъ Георгія вмѣсто D стоитъ S, и потому читается Stracimirus, что́ указываетъ на Георгія II, сына Страцимирова.

Съ такою же опредѣленностью Ленорманъ говоритъ о Черноевичахъ, ссылаясь также главнымъ образомъ на соч. Дю-Канжа. По тому поводу, что по смерти Бальши II (1385 г.) многіе властели Верхней-Зеты не хотѣли признать своимъ государемъ сына Страцимирова Георгія II, вступивши въ подданническія отношенія къ королю Босніи Твердку, Ленорманъ дѣлаетъ такое объясненіе: «Предводителями этого возстанія были властели Николай и Андрей Захе (Zachet) и родственникъ княжеской фамиліи Стефанъ de Maramonte изъ французскаго дома, жившаго въ Апуліи, котораго три сына Бальши I призвали въ Зету, давши ему во владѣніе Черную-Гору, и который, поселив-

шись среди славянскаго народа, принялъ имя С. Черноевича или *сына чернаго* (Fils du noir)» (стр. 21).

Подобнымъ же образомъ говоритъ и Луккари (Copioso restretto degli annali di Ragusa in Venezia 1605 e in Ragusa nel 1790), что по смерти послѣдняго изъ Бальшичей (1422 г.) и чувствуя отвращеніе къ сербскому правительству вслѣдствіе пятна измѣны, лежавшаго на отцѣ Георгія (Бранковича), зетяне рѣшились привести къ себѣ изъ Апуліи Стефана *Черногорца* (S. Crnogorac), называемаго другими Mauromonte, двоюроднаго брата Бальши. Будучи позванъ жителями Зеты, онъ прибылъ въ Рагузу, откуда въ 8-й день перенесся въ Албанію. При содѣйствіи своихъ друзей, онъ овладѣлъ Ульциномъ, Смоковицей и Черной-Горой, которыя находятся на краю Славоніи. Потомъ онъ сталъ нападать на Зету, но неувѣренный въ предпріятіи, такъ какъ въ гарнизонахъ преобладали числомъ сербіанцы, онъ скоро прекратилъ войну и удалился въ Черную-гору, обведя толстою стѣною Жаблякъ на Морачѣ, а въ концѣ 1423 г. сталъ укрѣплять Смоковицу и тамъ со стороны моря воздвигъ двѣ крѣпостцы. Отъ этого Стефана произошелъ родъ Черноевичей, который господствовалъ въ Черногоріи до 1815 г. (стр. 144—145).

Такъ говорятъ о происхожденіи династіи зетскихъ государей иностранные писатели; изъ сербскихъ же историковъ первый заговорилъ о чужеземномъ ихъ происхожденіи Ч. Міятовичъ[1]), руководясь главнымъ образомъ сочиненіемъ Ленормана, въ статьѣ: «Бальшичи, очерки изъ исторіи Зеты» (Гласн. Серб. Уч. Общ. 1883 г. кн. XLIX).

Въ такомъ положеніи вопросъ этотъ находился до прошлаго 1886 г., когда вышла брошюра г. Миклошича: «Die Serbischen Dynasten Crnojevic», въ которой онъ рѣшительно побиваетъ мнѣніе объ ихъ иностранномъ происхожденіи. Приведя все, что со-

[1]) Милаковичъ, приводя въ своей исторіи выше цитированное мѣсто Лукари и не опровергая его, такъ сказать, молчаливо признаетъ, что Стефанъ Черноевичъ прибылъ въ Зету изъ Апуліи, гдѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ Mauromonte.

общаетъ по этому вопросу Ленорманъ, онъ говоритъ: «Этотъ разсказъ невѣренъ: Стефана Марамонте приняли за одно лицо со Стефаномъ Черногорцемъ потому только, что въ имени Mauromonte, которое однако въ венеціанскихъ источникахъ является въ формѣ Maramonte, усматривали полугреческій, полулатинскій переводъ славянскаго Черногорецъ. — Изъ источниковъ же видно, что Стефанъ Марамонте былъ *кондотьеръ*, который въ 1429 г. служилъ венеціанцамъ сначала въ Ломбардіи, потомъ въ Албаніи, а въ позднѣйшее время дѣйствовалъ противъ нихъ, такъ что Венеціанская республика въ 1440 г. отказала ему въ охранной грамотѣ (salvum conductum). На отождествленіи Марамонта со Стефаномъ Черноевичемъ Фалмерайеръ основываетъ албанское происхожденіе Черноевича. Кто считаетъ Стефана Черноевича за неаполитанскаго дворянина или за албанца, тотъ забываетъ, что у сербовъ, государственный бытъ которыхъ основанъ на родовомъ началѣ, авантюристу никогда не удалось бы, хотя бы на короткое время, утвердить свое господство, такъ какъ у нихъ *главарь* можетъ разсчитывать на повиновеніе только людей одного съ нимъ происхожденія. Производство имени Бальша, Балша, Баоша изъ французскаго Baux совершенно произвольно: это имя неотдѣлимо отъ личнаго имени *бал*, *бао*, *балин*; *ша* — есть суффиксъ» (стр. 60—61).

Не располагая необходимыми учеными средствами, мы не можемъ пускаться въ разборъ этого спеціальнаго вопроса относительно генеалогіи Бальшичей и Черноевичей и ограничиваемся только изложеніемъ различныхъ мнѣній о немъ. Считаемъ, однако, нелишнимъ сообщить то, что́ извѣстно намъ лично, именно, что имя Бальши носятъ и теперь нѣкоторыя мѣстности въ Черногоріи, какъ: Бальшинъ-градъ на высотѣ между Рѣкой-Черноевича и Горнимъ-блатомъ; Башина или вѣрнѣе Баошина-вода въ двухъ мѣстахъ — на сѣверной сторонѣ хребта Сутормана и между Острогомъ и Никшичемъ; а въ Верхней-Морачѣ есть цѣлое братство Баошичей; и въ Боккѣ одно мѣстечко называется Баошичи, первые поселенцы котораго по преданію пришли изъ

Черногоріи. Если первыя два имени, безъ сомнѣнія, относятся къ извѣстнымъ въ исторіи государямъ Зеты, то съ достовѣрностью нельзя этого сказать о послѣднихъ двухъ: изъ нихъ можно видѣть, что фамилія эта существовала давно, и была далеко распространена помимо владѣтельнаго дома. Во то же время мы встрѣчаемъ это имя и у Барлеція въ Житіи Скендербега въ числѣ помогавшихъ ему воеводъ, которыхъ онъ, однако, считаетъ за албанцевъ: «Inter eos et Georgius Stresius nepos venit, *Balsae filius*, Johannes et Boicus fratres domum relicti, nondum aetatis gratia, vel ad consultandum, vel belligerandum idonei: *horum sedes intra Croiam et Lyssum* tam amplae que amoenae erant» (De vita, moribus etc. Georgii Castrioti, P. II p. 38).

Въ современной Албаніи также до сихъ поръ существуютъ названія мѣстъ, напоминающія имя Бальши. Относительно же производства этого имени изъ французскаго Baux нужно имѣть въ виду, что и тамъ когда-то былъ *l* и писалось Bals, перешедшее во множ. числѣ въ *baux*.

Однимъ словомъ, признавая, что какъ прежніе изслѣдователи этого вопроса слишкомъ легко склонились къ рѣшенію его въ смыслѣ иностраннаго происхожденія черногорскихъ Бальшичей, такъ и противное мнѣніе Миклошича требуетъ еще фактовъ и доводовъ, за которыми, конечно, дѣло не станетъ, такъ какъ мнѣніе маститаго ученаго во всякомъ случаѣ обратило вниманіе и другихъ изслѣдователей.

Совсѣмъ иначе дѣло стоитъ съ Черноевичами, которымъ Миклошичъ спеціально и посвятилъ свое изслѣдованіе.

Тутъ, кромѣ опроверженія тождества Черноевича съ Марамонтомъ, онъ приводитъ цѣлый рядъ извѣстій, почерпнутыхъ изъ документовъ, относительно фамиліи Черноевичей отъ самаго древняго времени до послѣднихъ ихъ потомковъ.

Насколько это изслѣдованіе вноситъ цѣнный вкладъ въ исторію Черногоріи, распутывая вопросъ о генеалогіи династіи, еще больше имѣетъ цѣнности тѣмъ, что выноситъ на свѣтъ новый матеріалъ, которымъ такъ ярко освѣщаются послѣдніе дни

Черноевичей и находившагося подъ ихъ управленіемъ Зетскаго государства, въ тотъ критическій моментъ, когда, заключившись въ твердынѣ Черной-Горы, оно отстаивало только свою вѣру и народность. Эти новые документы составляютъ 7 писемъ Скендербега Черноевича, отправленныя имъ въ Венецію, но случайно попавшія въ руки чиновниковъ Нѣмецкой, нынѣ Австрійской имперіи и хранившіяся до нашего времени въ одномъ изъ архивовъ, откуда и извлекъ ихъ Миклошичъ.

Прежде, однако, чѣмъ обратиться къ этимъ письмамъ, мы остановимся на документахъ, также до сихъ поръ нигдѣ ненапечатанныхъ, относящихся ко времени много раньше ихъ появленія.

Документы эти — 2 грамоты Георгія Черноевича въ соправительствѣ брата его Стефана [1]).

Одна изъ нихъ 1492 г. не имѣетъ начала; но далѣе сохранилась въ цѣлости и представляетъ рѣшеніе, по которому у одного за провинность отнимается *пронія* (держаніе монастырской земли) и передается другому; а другою подтверждаются границы земель Цетинскаго монастыря и сверхъ того онъ надѣляется новыми дарами. Эта послѣдняя грамота относится къ 1495 г. Представимъ ихъ по порядку годовъ.

I.

Георгій и Стефанъ Черноевичи объявляютъ: «како Радоніа Лаловић и син му Иван убише Иованца с̄на попа Болашина, кои ніе имъ быо крвникъ, ни дужникъ, и за ту согрѣху ми ему успоменусмо и прве сагрѣхе, кое су быле пращане, реченога Радоніа и сина му Ивана прогнасмо и ону проню, на кои ови су седили на селу нашемъ, на Орахову-лютъ, ту проню узесмо Грубичевићи на поли с братучедомъ своиемъ Раданомъ Балочевичемъ. Ту пронію и Радонына дела, що бы то дасмо Сѣпану Николе

[1]) Описаніе этой рукописи, находящейся на Цетиньѣ и заключающей въ себѣ упомянутыя грамоты, напечатано въ «Гласѣ Черногорца» 1887 г., въ №№ 11 и 12.

Голубовића сину од Малоншићъ, или бы винограда или сенокосъ или земліа или лугъ или гора или вода свеколико му дасмо реченому Сћепану у прћію да му буде у вечну башчину ниему и ниеговиемъ по немъ, како е у прьвомъ нашемъ записанію записано и потверждено и о те реченне проне да не дава нища, него само на годину по еданъ дукатъ господствующему, а и тому смо дали у прћію и за ниегову правую службу, що е послужіо прародителю нашему и паки при насъ, и за то молимо и заклиніамо свакога, кои буде по насъ господствовати ва земли сеи, сему нашему данію непотворену быти, наипаче потврждену, да бы при васъ кои буди са усердіемъ послужити вамъ тои прони, що е у Грубичевића и у Сћепана Николића». За этимъ слѣдуетъ описаніе границъ, а въ концѣ слѣдующее: «А тому сведоци: милостници мои Вукъ Дојевићъ, Никола Щиліановићъ. А приставъ Радосавъ Јонаковићъ, дворођржца нашъ, и ту бѣше властели, кои су те мене изнашли: Нико Строисаликъ, Вукашинъ Карковикъ, Иванишъ Ђурђевићъ, од Ћећезъ Расавъ Миросаликъ и Ђураћъ божидаровићъ, од команъ Радоніа Дабьковикъ, Никола Браиновићъ, Радосавъ Остоићъ. Писа се от битія въ лето ,ѕ҃ а от рождества Хрстова ,а҃ѕ҃ч҃в. генваріа ї день у Риеку. писа Никола Поповићъ».

II.

«Повелѣніемъ Господина Ђурђа и Степана Црноевићъ. Въ славу иже нераздѣлимей Троици славимому и на земли нами бреними славословивому Цару царствующимъ и Господу господствующимъ всѣмъ Бозѣ и Господѣ Отцу и Сину и стому Духу равнопрестолному. Во славу пречистеи, преблагословенней приснодѣви Маріи, Матери его въ молбу всехъ святыхъ добре подвигшихсе и давшихъ се милостиню и насъ наставлшихъ споминяти кончину с надеждою воскресенія проваждати и утверждати всякимъ равнословіемъ излишнеише іе слишати изреднѣишаго судіамъ Ђурђа Црноевића рекшаго от своихъ устъ словесе божіа не на лица зреще судите судіе землсци на праведно судите зане суд

божіи есть. Тѣмже слишавше словеса васъ любезни и слатки мои Іисусе. Мы Господинъ Ђураћъ и братъ мой Стефанъ тебѣ судіа имуще ждуща насъ страхолюбія исполнь суще потщахомсе судити праведне възискающе же пред нами меру же и правидни метехъ помежду катуни сели же и заклинающе комуждо свое известно исказати; монастиремъ же и намъ сущемъ господствующимъ въ земли ни указахомъ, еже отлучне имами от прочихъ села (немного пропущено) и виноградіе, и воденице, ниве и холме. Сіе извѣстихомъ воеже по суду божію господствующему иному по насъ землею сести възискающи наша пріяти не отемлетъ кому от меншихъ своя ему, и уредихомъ на коиждо стране искома боляре 24, странн тои муже верніе и въсякому пріятелю достоіние и извещеніе от родителей пріемшихъ от предреченыхъ меһахъ и правинахъ и съ сими послахомъ единога от боляровъ нашихъ и от двора нашего и нихъ отлучихомъ со всякимъ утвержденіемъ клетвенимъ ва Бога слова име, воеже не по любови, ни мазди саделати, что на въсе чатома двадесетимъ са заклетвою и известихомъ обоимъ прущихсе правини и изобрѣтохомъ првею первенствующей въ женахъ Богородици Црногорцей, іаже есть на Цетиню меће и правине и села, винограде и воденице и доходке отъ царинъ нашихъ и от кораблей и просто рещи владическій добити и церковни.»

Опускаемъ описаніе монастырскихъ владѣній и границъ; а далѣе слѣдуетъ: «И еще кметіе приложи Господин Ђураћъ и Стефанъ на Цетиню Беладина хумца с бащиномъ и з децомъ, да пасу иманѣ црковно и нихъ трагъ. И у Загору Боика Радовановића з децомъ и з бащиномъ, и Пачка парца з децом, да су совршени работници церковни и да даю цркви сваку годину по три крбли вина полеву и на Горнѣ добро рукоданіе, наши що су были дали деди наши Михаилу Пиперу и за неверу узе родитель нашъ за себе и држа, и паки ми ту пронію дадосмо церкви и на Ботуну 1 кабал седбе пшеничне и у Реку іазъ, ниже іаза стго Николе Риечькога. И у Плешивце іазъ према Слабьциехъ; кому предстателъ церковни повели да држи іазъ са церквом наполи.

Писа се сіе въ лѣто ҂ѕг҃. (7003—1495) мца июнія 15 на Цетинѣ.»

Хотя въ этихъ документахъ совершенно измѣнена орѳографія оригинала вслѣдствіе неоднократнаго переписыванія, а иногда, можетъ быть, просто по невниманію писца искаженъ и самый смыслъ, — тѣмъ не менѣе въ основѣ этихъ копій, безъ всякаго сомнѣнія, лежитъ старый оригиналъ; для насъ же важны они, какъ свидѣтельство, что до 1495 г. оба Черноевича жили и управляли Черногоріею вмѣстѣ. Притомъ есть основаніе думать, что совмѣстность опредѣлена была еще Иванбегомъ, на что́ наводитъ насъ слѣдующее мѣсто изъ одной грамоты. Это — подтвержденіе Иванбегомъ грамоты Уроша III, которая тутъ вписана почти вся, а передъ концомъ онъ прибавляетъ: «И іа по млти бжиеи гнь Иван Чрноевиħъ обрето́х ва томжде русовулю гна краліа стго Стефана по діаволем наважденію едину границу потрену именемъ ієѵва-стена. А написано на место евве-стене бршланова стена. иною рукою и иною мастию. и сие неправедно вамѣнихом бити. Потщах се видети моима очима са синови моими Гурегом и Степаном. и са многими боліари држави нашее. — Въ лет. ҂ѕчси (6998—1490) круг слнцу 28. луни 6 маіа 29 днь.».

И такъ мы теперь съ достовѣрностію знаемъ, что до 1495 г. оба брата управляли вмѣстѣ; а что́ сталось вслѣдъ за тѣмъ — дополняется дневникомъ Marino Sanudo (1466—1535 г.), бывшаго въ то время венеціанскимъ чиновникомъ въ Будвѣ. Подъ 1496 г. мы читаемъ у него слѣдующее: «Прибылъ въ эту страну дня.... декабря Георгій Черноевичъ (Zorzi Zernovich), господарь всѣхъ мѣстъ и горъ, сосѣднихъ съ Которомъ или граничащихъ съ нимъ, будучи лишенъ господарства своимъ братомъ съ помощію турка, какъ я писалъ прежде, именно Стефаномъ, который управляетъ въ Черногоріи, и Скендербегомъ, третьимъ братомъ, находящимся въ турецкой странѣ. Онъ прибылъ въ нашу страну съ супругою, нашею дворянкою, дочерью Антонія Эриццо» (Миклош., стр. 44).

Далѣе изъ дневника Санудо отъ 1516 г. видно, что Стефанъ господствовалъ въ Черногоріи и въ то время (стр. 50).

Прогнанный братьями, Георгій отправился въ Италію искать тамъ помощи и въ 1499 г. былъ въ Которѣ, чтобы оттуда предпринять экспедицію противъ нихъ, а передъ тѣмъ составилъ завѣщаніе. Предпріятіе его, однако, не удалось, и послѣ многихъ попытокъ и неудачъ онъ отправился съ покорною головою въ Скадаръ, откуда препровожденъ былъ въ Цареградъ, гдѣ и принятъ султаномъ, при чемъ долженъ былъ перемѣнить вѣру, а въ концѣ концовъ поселился на дарованной ему землѣ въ Анатоліи съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 25,000 аспри.

Жена-же его съ дѣтьми отправилась въ Венецію, гдѣ и осталась навсегда.

Дальнѣйшая судьба этого рода Черноевичей не принадлежитъ уже исторіи Черногоріи; но насъ интересуетъ судьба и личность того изъ нихъ, который и послѣ держался въ Зетѣ и въ качествѣ турецкаго правителя (санджака) оказывалъ на нее вліяніе. За этимъ мы и обратимся къ тѣмъ письмамъ Скендербега-Черноевича, которыя опубликовалъ Миклошичъ.

Письма эти относятся къ 1523 г., къ тому именно времени, о которомъ мы ничего положительнаго не имѣемъ относительно Черногоріи; а главное — они освѣщаютъ намъ характеръ той именно личности изъ Черноевичей, на которую пало проклятіе за отступленіе отъ вѣры своихъ отцовъ и предательство своей родины.

Вотъ вкратцѣ содержаніе этихъ писемъ: 1) Дожу и синьоріи Венеціанской республики — жалоба на то, что, несмотря на заключенный съ султаномъ миръ, венеціанцы не соблюдаютъ его: даютъ у себя убѣжище турецкимъ перебѣжчикамъ и продаютъ турецкимъ подданнымъ соль; при концѣ онъ поручаетъ ихъ вниманію князя Старограднскаго и дѣтей Георгія Черноевича (стр. 4—8); 2) Тѣмъ же: проситъ свободный отъ пошлинъ провозъ изъ Венеціи матерій для разнаго одѣянія (стр. 12—13); 3) Венеціанцу Андрею Гритти съ просьбою поддержать его требова-

нія, изложенныя въ первыхъ двухъ письмахъ (стр. 14—17); 4) Ему же: проситъ оказать содѣйствіе его подданному Степану получить по умершемъ его братѣ Свилѣ оставшееся имѣніе (стр. 19—20); 5) Зятю своему Іерониму и сестрѣ Антоніи родственныя привѣтствія и подарки (стр. 20—21); 6) Снохѣ своей Елисаветѣ и ея сыну Саломону, тоже привѣтствія и подарки (стр. 21—22); и наконецъ 7) Драгоману при венеціанскомъ дворѣ князю Стефану рекомендуетъ своего посланника воеводу Скендера, съ которымъ и были отправлены всѣ эти письма, а также привѣтствія и подарки.

Подпись подъ этими письмами такая: «одь сина госпоцтва ви, господара Скендерь бѣга Црьноевикіа, санжака црьногорьскога и приморьскога и вьсои діоклитііаньскои зѣмли господина».

Кто же былъ этотъ Скендербегъ-Черноевичъ, черногорскій санджакъ (правитель)? Въ его письмахъ, не раскрывая имени, мы можемъ, такъ сказать, читать его душу, и въ этомъ отношеніи особенно важно письмо подъ № 6, которое поэтому мы и приведемъ здѣсь цѣликомъ. Вотъ оно[1]):

«Племенитои и мудрои и вьсакои чьсти и високои хвали богомь дарованои и высокородьнои нашои милои и любимои сньси, господьи Изабеті, и нашему прѣвьзлюбіеному сину господину ми Соломону одь господара Скендерь бѣга Црноевитьіа, санжака црьногорьскога и приморьскога и вьсои диоклитііанскои зѣмли господина, мило и любимо и веле драго поздравліеніе вашему госпоцву.

«По темь такои да зна госпоцьво ваше, како ни богь сподоби обладати и госпоцвоваті земьліею сею деда и оца нашего, такои молимо господа бога вьседрьжителіа и по нась и на вась да буде велики божи дивни и непремени промись царьства му, *и вась, да*

---

[1]) Передаемъ все современнымъ русскимъ правописаніемъ; а особенные сербскіе звуки, выражающіе смягченныя *д* и *т*, выражаются посредствомъ *дь* и *ть*.

богь сподоби обладати и госпоцвоваті землією и прѣстоломь деда и оца нашего и нашиемь.

«Паки да зна госпоцво ваше, посиліемь вашои милости дьва миеха сира и петь миліарь рибѣ и три сирѣ творіоне, него прими госпоцво ваше за добру волю и за любовь.

«Паки що е за потребу вашу а ми можемо на овеи крае, намь допустіте за сваку работу, и пошлите ми книжицу о вашему здравью, да знамо, како жівуете на техихь странахь, и за сваку ми работу одьпишите, да знамо и господьіе ріечи, що ти рече нашь Скендерь воевода, вѣруи, ерѣ су тои ріечи мое. али, господьіе, *тко на суньце не исходи, суньце га не грѣе, да знашь.* — и богь да умножі вашу милость аминь».

Сзади письма: «Нашои милои и любимои сньси господьи Забѣти и сину ми господину Соломону любовно поздравліеніе».

Письмо это преисполнено чисто родственной любви и задушевности и въ то же время проникнуто какою-то грустью, которая выразилась при концѣ въ словахъ: «кто не выходитъ на солнце, того оно не грѣетъ». Это можно понимать въ томъ смыслѣ, что, отрекшись отъ христіанства, онъ не смѣетъ надѣяться, чтобъ его когда-нибудь согрѣли лучи христіанскаго солнца, т. е. чтобъ исполнились его завѣтныя желанія и намѣренія.

Какія-же это намѣренія его и желанія?

«Да богъ сподобитъ васъ (племянника Соломона) обладать и господствовать надъ землею и престоломъ дѣда и отца нашего и нашимъ».

Сподобившись — какъ онъ говоритъ выше — самъ возвратиться къ власти надъ отечественною землею, онъ, очевидно, намѣревался отступиться и привести на свое мѣсто племянника, но уже не въ качествѣ санжака.

Достигнуть этого онъ надѣялся только при помощи Венеціи, поэтому въ письмѣ къ дожу (№ 1) онъ говоритъ: «и още, прѣсвѣтла господо, да су прѣпоручена деца господина Гюрьдьіа а

слуге ваши стари прѣсвѣтле полаче госпоцва вашега, ерѣ, господо, *додьіе вріеме, кьда те и они послужіти прѣсвѣтлому госпоцву вашему»* (стр. 7).

Намѣреніе здѣсь очевидно: а еще больше поручено высказать устно воеводѣ Скендеру, къ словамъ котораго велѣно относиться, какъ къ своимъ собственнымъ.

Имя и положеніе, занимаемое Скендеромъ, доказываютъ, что онъ былъ магометанинъ; но воспитанный съ дѣтства въ христіанскомъ духѣ, онъ не усвоилъ магометанства и остался въ душѣ христіаниномъ, и въ одномъ письмѣ Республикѣ цитируетъ даже слово святаго евангелія. Но для себя лично онъ не надѣялся уже ни на что, и всѣ свои желанія и надежды перенесъ на молодого Черноевича Соломона.

Мы знаемъ, когда писаны эти письма, но не знаемъ, откуда. Миклошичъ объ этомъ выражается неопредѣленно: «die Briefe Skender Begs, am See von Skutari geschrieben» (стр. 3). Можно подумать, что въ Скадрѣ, потому что другого соотвѣтствующаго тому мѣста нѣтъ. Но Скадаръ былъ столицею, такъ называемой, Нижней-Зеты, которую составляли его окрестность, вся Бояна и Краина. Скендербегъ же Черноевичъ зоветъ себя санжакомъ черногорскимъ, приморскимъ и господиномъ всей діоклетіанской земли, средоточіемъ которой прежде служила Діоклея (теперешнія развалины — Дукля), а потомъ Подгорица. Когда же Скендербегъ говоритъ, что Богъ благословилъ его обладать землею дѣда и отца, тогда нельзя думать ни о Подгорицѣ, такъ какъ ихъ столица находилась въ Жаблякѣ.

На Цетиньѣ имѣются копіи съ двухъ грамотъ того же Скендербега, датированныя именно изъ этого мѣста, нѣсколько позже (1527 г.).

Мы цитировали уже ихъ однажды (стр. 426), но не вполнѣ, не предвидя, что онѣ будутъ имѣть такое значеніе, какое дается имъ теперь въ числѣ другихъ писемъ того же лица, и потому считаемъ необходимымъ одну изъ нихъ напечатать цѣликомъ; изъ

другой же достаточно приведеннаго уже прибавленія, такъ какъ содержаніе ихъ одинаковое[1]).

«*При царе Соултан Соулеинами* (красными чернилами).

«Преда мномь снѣдербегомь Црновикемъ санчакомъ црногорскиемъ дође игуманъ отъ светога Николе вранинскога и калугери. пожалишеми се, како им су притисли запешани међе црковне. Сьерчине под забес. потому узех іа господаръ кадию цр҃ева, изидосмо на Вир и скуписмо 24 властела отъ све црьвнице и заклесмо ихъ богомъ и душами нихь да покажу кудие су међе црковне и забешке. у око матабанско реком. у граб у ками путем през миел у Поганицу по краи плиме у кршь до Теочарице низ међу старога винограда Радотина. у хоберъ обиду у плочу улицу по врхь крша у мель како гледа око у Године. повозником како се ками вальа ка лугу испод костан опет у око матабанско. а съ ерчина и Лугъ и бесаць, и обида нађоше, да е црквѣ враниньске. и тако кметъ обнађоше и пред нами показаше. и ми с кадиом осудисмо. и тому сведокъ Мехмет Плавніца, Мустава драгоман. Скендер жарина. Жаверъ Жабѧкъ. Новакъ клиса Лазар. Милое. Иванъ Вуковић. Сћепанъ Драговић. Ва лето ҂ѕл҃є (7035—1527). писах у Жабіакъ.»

Эти двѣ грамоты даютъ намъ возможность прослѣдить за Скендербегомъ-Черноевичемъ еще на 4 года впередъ. И здѣсь сказывается опять его душа, не отрекшаяся отъ христіанства; иначе онъ не пошелъ бы разыскивать границы монастыря, чтобы рѣшить притомъ распрю въ его пользу. Но съ нимъ идетъ *царевъ кадія* и въ числѣ свидѣтелей красуются магометанскія имена.

Тѣмъ не менѣе первоначальное христіанское имя этого послѣдняго Черноевича остается и теперь намъ неизвѣстнымъ. Мы знаемъ, однако, что это не Станиша, къ которому относится извѣстный разсказъ ибъ измѣнѣ его вѣрѣ и отечеству, занесенный

---

[1]) Рукопись, изъ которой мы ихъ извлекаемъ, находится на Цетиньѣ, и подробное описаніе ея помѣщено нами въ «Гласѣ Черногорца» за 1887 г. въ №№ 11 и 12. Грамоты эти были также напечатаны въ книгѣ г. Ястребова: «Податци за историју српске цркве» (Београд. 1879 г.).

и въ наше изложеніе исторіи (стр. 424—427). Это былъ третій братъ послѣ Георгія и Стефана, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, младшій, такъ какъ первые два, какъ старшіе, являются участниками отца Иванбега, когда онъ ходилъ установлять границы владѣній Цетинскаго монастыря. Былъ ли это Петръ, какъ то говорятъ нѣкоторые, или Максимъ, по народной пѣснѣ, — для насъ все равно: для насъ важно знать только то, что это былъ третій сынъ Иванбега, который находился у турокъ въ то время, когда Черногоріей управляли его старшіе братья, и, предпочитая Стефана, помогъ ему одному завладѣть престоломъ и прогнать Георгія; но когда этотъ удалился въ Турцію, бросивши семейство, онъ перенесъ все свое родственное чувство на сноху и племянника, которому и подготовлялъ господство въ Черногоріи, забывъ самого себя.

Въ письмахъ его ясно обрисовываются его характеръ и его стремленія, и сообразно съ тѣмъ мы должны признаться, что преданіе объ его возвращеніи въ Черную-Гору и принятіе монашескаго чина имѣетъ полное основаніе. И тогда само собою падаетъ преданіе о происхожденіи Бушатліевъ отъ какого бы то ни было Черноевича. Арнауты не умѣютъ твердо и точно хранить свои преданія; такъ и въ этомъ случаѣ Бушатліи помнятъ только то, что предки ихъ были сербы, а зная черногорское преданіе о потурчившемся Черноевичѣ, усмотрѣли въ немъ своего родоначальника и держатся этого мнѣнія до сихъ поръ. По мнѣнію же Миклошича, они потомки Мрнявчевичей, что̀ имѣетъ много основанія, такъ какъ Мрнявчевичи, основатели Скадра, несомнѣнно оставили тамъ какихъ-нибудь потомковъ.

Намъ остается еще, пользуясь Миклошичемъ, указать на самыя старыя упоминанія имени Черноевичей и высказать по тому поводу нѣкоторыя соображенія.

Въ грамотѣ Душана 1351 г. (въ италіанскомъ переводѣ) упоминаются Micus и Радославъ Черноевичи; они же упоминаются и въ грамотѣ Стефана Уроша 1356 г. и наконецъ въ концѣ того же вѣка являются уже въ политической роли Черное-

вичи Радичъ и Стефанъ, отъ которыхъ имѣется слѣдующая грамота (Monum. Serb. C. D. XCI):

«Вь име оца и сина и св. духа обещава се Радичь и Стѣпань *Црноіевики* сьвомь братию своіемь славному граду Дубровнику, да смо срьдчни прьіателие и братиіа, и да прьіамо граду Дубровнику и всакому дубровчьскому чловѣку на всакомь мѣстѣ, и да ихь бранимо и обороюмо нихь трьгь, кои ходи по нихь земли и гдѣ мороремо досечи, да ходе по наше земли свободно безь забаве, и да не пристанемо никомуре, тко бн ми хотѣль зло учинити, паче, ако увѣмо, тко б-и-мь хотѣль зло учинити, да имь навѣстимо и прѣповѣмо, како брати и срьдачнимь прьіателемь, и се рѣчи затврьдеюмо нашомь печатию».

Года на этой грамотѣ не означено, но Миклошичъ относитъ ее къ XV в. на томъ основаніи, что въ венеціанскихъ документахъ (Гласникъ, кн. XII, стр. 129 и 138) упоминается «Radiz de Cernue, dominus Zente et Buduë» подъ 1392 г.; а какъ о мертвомъ, о немъ говорится въ 1396 г. (тамъ же стр. 181).

Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ тождественности Радичей, упоминаемыхъ во всѣхъ этихъ грамотахъ, хотя въ одномъ случаѣ онъ называется Черноевичемъ, а въ другомъ Cernue, или, какъ читаетъ Макушевъ, *Черный* (вѣрнѣе, нужно читать по-сербски: Црное, какъ Мркое, Благое, Видое).

Значеніе этихъ Черноевичей видно изъ того, что Дубровникъ заключаетъ съ ними отдѣльный договоръ, какъ съ владѣтелями самостоятельными. Радичъ уступаетъ Венеціи Лѣшъ и получаетъ отъ нея потомственное гражданство, какъ Бальшичи. Онъ сверхъ того именуетъ себя и господиномъ Зеты, посягая, такъ сказать, на единодержавное право Бальшичей, и является ихъ соперникомъ. Это, по всѣмъ вѣроятіямъ, и было причиною того, что Георгій II Бальшичъ убиваетъ его (1396 г.), возвѣщая о томъ и Венеціи, какъ о воздаяніи за его измѣну.

Изъ этого рода, конечно, происходило возмущеніе и при вступленіи на княженіе Георгія II; изъ него же происходилъ и

былъ съ нимъ въ родствѣ и Стефанъ Черноевичъ, который прежде всего является въ Приморьѣ и отсюда ведетъ свои атаки на Зету, въ то время захваченную венеціанцами. Послѣ Приморья опорою ему служитъ Черная-Гора, и у подножія ея, въ Жаблякѣ, онъ основываетъ свою столицу и стратегическій базисъ. Связь ихъ съ Черною-Горою была очень старая; поэтому они здѣсь вполнѣ дома: тутъ ихъ собственныя земли и катуны, тутъ ихъ и политическая сила, съ которою должны были считаться въ то время, когда сила ихъ достигла высшаго роста. И въ то время, значитъ, Черная-Гора, вслѣдствіе своего особеннаго положенія, пользовалась преимущественно предъ другими землями, входившими въ составъ Зетскаго государства, нѣкоторою независимостью.

Исконною связью рода Черноевичей съ Черною-Горою объясняется особенная привязанность ихъ къ этому краю и то, что Иванбегъ въ ней основываетъ свое послѣднее убѣжище.

Имя Черноевичей не исчезло въ Черногоріи и понынѣ; но неизвѣстно, имѣютъ ли носители его какое-нибудь отношеніе къ прежнимъ зетскимъ владѣтелямъ. Мы знаемъ только, что одинъ Черноевичъ-Давидовичъ владыкою Петромъ I посылаемъ былъ съ особенною миссіей въ Россію (объ этомъ см. въ изложеніи исторіи владыки Петра I).

ПЛАНЪ ВОЗСТАНІЯ ХРИСТІАНЪ НА БАЛКАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ, ВЫРАБОТАННЫЙ НА СОБРАНІИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВСѢХЪ НАХОДЯЩИХСЯ НА НЕМЪ СТРАНЪ И НАРОДОВЪ 8 СЕНТЯБРЯ 1614 Г. ВЪ КУЧАХЪ И ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ГЕРЦОГУ НЕВЕРСКОМУ КАРЛУ II ДЕ ГОНЗАГО.

9) *Къ стр. 485.*

8 сентября 1614 г. составилось собраніе въ Кучахъ, въ верхней Албаніи, въ которомъ участвовали сербскій патріархъ, господа главари (signori principali) всѣхъ странъ (de tutti li regni), именно: верхней Албаніи, Босніи, Македоніи, Болгаріи, Сербіи, Герцеговины (Arcecovina) и Далмаціи, которыми владѣютъ турки,

по случаю подати, которую тамошніе паши хотѣли наложить на духовенство; и по этому случаю рѣшено послать капитана Gioanni Reness въ Италію къ его святѣйшеству, чтобы дать ему отчетъ о томъ, что рѣшено въ этомъ собраніи для освобожденія отъ турецкой тиранніи.

«Прежде всего хотятъ постараться провезти оружіе въ горы Черногоріи и въ горы Химеры (Zimarra, въ Эпирѣ), которыя прилегаютъ къ морю, въ количествѣ, какое только будетъ возможно, и это будетъ легко, потому что *туда не приходятъ турки, и страны эти не платятъ подати Великому Турку (султану), постоянно сохраняя свою свободу.*

«Изъ этихъ горъ пронесутъ оружіе въ горы Дукадьина, который находится въ сосѣдствѣ съ Химерой, и оттуда передадутъ оружіе всѣмъ горамъ, которыя вошли въ этотъ заговоръ, какъ: Пиперы и Клименты, Кучи, Versevo e Bilopagli (Васово-племя и Бѣлопавличи?), которые уже *30 лѣтъ какъ живутъ свободно* и не платятъ дани Великому Государю. И тамъ можно найти до 30,000 хорошихъ солдатъ.

«Сверхъ того рѣшено провести 12,000 солдатъ также изъ вошедшихъ въ заговоръ Сербіи, Герцеговины, Македоніи, Албаніи и Босніи, провинцій, смежныхъ съ вышеупомянутыми горами; народы эти мало-по-малу присоединятся къ тѣмъ горамъ въ то время, когда произойдетъ возстаніе, и выставятъ въ суммѣ 42,000 солдатъ избранныхъ, изъ которыхъ 12,000 будетъ конныхъ и 30,000 пѣшихъ.

«Порядокъ, котораго будутъ держаться, слѣдующій: воины Химеры въ числѣ 8,300 выступятъ и направятся къ Валлонѣ, чтобы завладѣть крѣпостью и городомъ, что будетъ легко сдѣлать, такъ какъ тамъ христіане составляютъ гарнизонъ и всѣ начальники состоятъ въ договорѣ съ химеріотами.

«Дукадьинцы съ другими отправятъ часть къ Кроѣ, чтобы ее взять, и это удастся безъ всякаго препятствія, потому что въ настоящее время часть стѣны этого города развалилась и турки ее не поправляли.

«Другая часть пойдетъ къ Скадру, потому что тамъ есть единомышленники, и еще одна часть отправится къ Новому (Castel-novo); прежде всего черногорцы ночью нападутъ, чтобы овладѣть крѣпостью, такъ какъ они находятся въ договорѣ съ христіанами, которые держатъ ночную стражу крѣпости.

«Какъ скоро это будетъ сдѣлано со стороны горъ, всюду начнутъ производить возстаніе странъ, вошедшихъ въ заговоръ, рубя въ куски всѣхъ турокъ, какіе найдутся въ тѣхъ странахъ; это будетъ легко въ виду того, что тамъ 10 турокъ приходится на 200 христіанъ. И часть этого народа отправится на Скопле (Scoppio), и тамъ къ нимъ присоединятся вышеуказанные 42,000 чел., съ которыми составится 120,000 отборнаго войска, и менѣе, чѣмъ въ два мѣсяца, дѣло будетъ покончено.

«Тогда отправятся къ Адріанополю черезъ упомянутыя выше, вошедшія въ заговоръ, страны, и прежде чѣмъ достигнуть Адріанополя, будутъ имѣть на продовольствіи всего болѣе 160,000 солдатъ. И этотъ переходъ будетъ совершенъ безъ всякаго сопротивленія со стороны непріятеля, потому что возстаніе начнется въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда турки разоружены.

«У турокъ нѣтъ войска въ Европѣ; поэтому, чтобы оказать сопротивленіе нашему войску, ему потребуется привести войско изъ Азіи; но, чтобы довести его до насъ, потребуются 6 мѣсяцевъ. Потомъ, такъ какъ турки имѣютъ обыкновеніе ставить войско по селамъ только по уборкѣ хлѣба, то у насъ будетъ въ распоряженіи 8 мѣсяцевъ, чтобы произвести всѣ необходимыя укрѣпленія.

«Когда всѣ эти страны возстанутъ, турки будутъ съ весьма слабыми силами; кромѣ того, сосѣдніе съ Болгаріей католическіе князья Балахіи и Моравіи во всякомъ случаѣ притекутъ намъ на помощь, такъ какъ съ ними заключенъ договоръ черезъ посредство архіепископа Валахіи, который по плоти двоюродный братъ сербскаго патріарха, и это будетъ исполнено охотно, подъ условіемъ, чтобы навсегда остались князьями они и ихъ потомки.

«Въ продолженіе этихъ 8 мѣсяцевъ, мы надѣемся, съ помощью Бога, войти въ Константинополь, такъ какъ его легко взять, потому что на пути нѣтъ ни одной крѣпости, взятіе которой потребовало бы времени или остановило нашъ походъ, кромѣ находящихся на границахъ Венгріи и Хорватіи крѣпостей, которыя мы оставимъ позади; и въ этомъ случаѣ императоръ не будетъ терять времени, чтобы завладѣть Венгріей, а эрцгерцогъ — Хорватіей.

«И сверхъ всего этого на нашемъ собраніи предположено, на случай этого возстанія, сдѣлать самую мелкую монету изъ смѣси какого-нибудь бѣлаго металла и издать указъ, чтобы весь народъ принималъ эту монету отъ солдатъ въ уплату за провизію и, получившіе эту монету, каждые три мѣсяца будутъ приносить ее правителямъ тѣхъ странъ, которыя по стоимости возвратятъ имъ хорошею монетою; и только такимъ образомъ можно платить солдатамъ каждый мѣсяцъ, не обременяя тѣмъ народъ.

«И еще рѣшено, чтобы всю добычу, которую отняли бы въ городахъ у турокъ и евреевъ, какъ: золото, драгоцѣнные каменья, серебро, — сносили въ королевскую кассу для содержанія войска; и такимъ образомъ соберутся большія сокровища, которыя дадутъ возможность вести войну нѣсколько лѣтъ безъ всякой другой помощи; и по взятіи Константинополя такимъ образомъ возможно будетъ изъять изъ обращенія упомянутую выше монету и удовлетворить всѣхъ, кого слѣдуетъ, по стоимости хорошею монетой».

Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія о виновникѣ всего этого, герцогѣ Неверскомъ.

Карлъ II Гонзаго, сынъ Людовика Гонзаго (сынъ Фридриха II, герцога Мантуанскаго) и Генріетты de Cleves, наслѣдовалъ въ 1601 г. титулы и владѣнія обоихъ. Онъ былъ герцогъ de Nevers et de Rethel, и близъ этого послѣдняго города основалъ Charleville, которому и далъ свое имя. Маргарита Палеологъ de Montferrat, единственная отрасль Монферратскихъ Палеологовъ, которые происходили по прямой линіи отъ и-ра Андро-

ника Палеолога Стараго (le vieux), въ лицѣ Ѳеодора Палеолога, второго сына Андроника и Іоланды Монферратской, сдѣлавшейся императрицею Ириной, вышла замужъ за Фридриха Гонзаго, герцога Мантуи, дѣда Карла II. Когда вѣтвь герцоговъ Мантуи въ свою очередь прекратилась, герцогъ Неверскій остался въ одно и то же время главою дома Гонзаго и единственнымъ представителемъ правъ Палеологовъ. Объ этомъ герцогѣ Неверскомъ извѣстно, что онъ участвовалъ въ войнѣ германскаго императора противъ турокъ въ продолженіе первыхъ годовъ XVII ст. и тогда уже въ 1612 г. вошелъ въ сношеніе съ Майнотами. Съ помощью Майнотовъ составленъ планъ возстанія Мореи и заведены въ этой странѣ связи. Но герцогъ Неверскій не хотѣлъ остановиться на экспедиціи въ Пелопонезъ и въ цѣлую Грецію. Онъ не увлекался чувствомъ энтузіазма по отношенію къ воспоминаніямъ древности, и освобожденіе такихъ мѣстъ, какъ Спарта или Аѳины, занимало самую малую часть въ его планахъ. То, къ чему онъ стремился, или, вѣрнѣе, мечталъ, было — создать на Востокѣ великую имперію и, низвергнувши султана, сѣсть на престолъ Византіи и поставить щитъ Гонзаго надъ двуглавымъ орломъ императоровъ.

Заручившись расположеніемъ германскаго императора, поддавшагося ему, несмотря на мирный договоръ съ султаномъ, герцогъ Неверскій послалъ новыхъ эмиссаровъ въ Морею, чтобы поторопить съ приготовленіями къ возстанію. Онъ привлекъ на свою сторону и испанскаго короля Филиппа III, которому изложилъ весь свой планъ относительно приготовляемаго возстанія въ Македоніи, Албаніи, Далмаціи и Хорватіи. И тогда же сдѣлано упомянутое выше собраніе въ Кучахъ.

Сблизился онъ также съ отцомъ Жозефомъ (Père Joseph), который продолжительное время былъ довѣреннымъ лицомъ и правою рукою кардинала Ришельё. По совѣту о. Жозефа онъ учредилъ рыцарскій орденъ *de la Milice chrétienne*. Въ 1617 г. о. Жозефъ отправился въ Римъ, чтобы изложить планъ папѣ, который также далъ свое благословеніе.

Построено было и вооружено 5 большихъ кораблей, что́ по тогдашнему времени представляло большую силу. Въ то время не было столько ни у короля Франціи. Отзывъ былъ всюду: въ Испаніи, Польшѣ, Германіи, Италіи и Греціи. Но полную готовность оказать помощь оружіемъ и средствами оказали три правительства: папское, мадридское и великій магистръ Мальтійскаго ордена. Папа обѣщалъ 300,000 ливровъ, испанскій король — 600,000, а самъ герцогъ Неверскій долженъ былъ дать 200,000 и его друзья 100,000. Сверхъ того папа обязался къ маленькой эскадрѣ Карла Гонзаго присоединить 10 вооруженныхъ галеръ, по 200 чел. на каждой. Испанскій король обѣщался изъ портовъ Неаполя и Сициліи послать 20 галеръ; наконецъ Мальтійскій Орденъ — 10 галеръ. Все это должно было составить 36 кораблей съ 7,200 чел., не считая кораблей и войска самого герцога. Надѣялись также привлечь къ этому дѣлу и Генуэзскую республику, которая могла дать 6 галеръ съ 1,200 чел.

Посланы были люди, чтобы немедленно произвести возстаніе въ Морею. Драчскій архіепископъ Харитонъ подготовилъ уже дѣло въ Албаніи и Черногоріи. Архіепископъ Арты приготовился произвести возстаніе въ Эпирѣ и Румеліи. Трновскій архіепископъ Денисъ Раллисъ Палеологъ составилъ заговоръ въ Болгаріи, какъ ея митрополитъ. Вездѣ полученъ былъ приказъ быть наготовѣ къ возстанію каждый моментъ.

Но въ то время случилось несчастіе. Всѣ большіе корабли сгорѣли и съ ними погибли въ пламени или морѣ всѣ потраченныя на нихъ огромныя средства. Къ проекту герцога въ Европѣ тотчасъ же перестали относиться серьёзно, и христіане Востока должны были отложить свои надежды на безконечно долгій срокъ. Герцогъ продолжалъ еще агитировать въ Турціи, чтобы составить новый заговоръ; но все это осталось въ области фантазіи.

(F. Lenormant. Turcs et Monténégrins, pp. 95—115 и 331—334). Тамъ же (стр. 334—336) приложены 2 письма къ папѣ Павлу V и кардиналу, его племяннику Боргезе, писанныя въ 1618 г. православнымъ архіепископомъ Янины вмѣстѣ съ

5-ю епископами и другими представителями народа, въ которыхъ выражается всеобщая радость и готовность по случаю ожидаемаго освобожденія отъ турокъ.

О ЗАНОВИЧАХЪ.

10) *Къ стр. 570.*

Упомянувъ о жизнеописателѣ Степана Малаго, Зановичѣ, такомъ же, какъ и онъ, самозванцѣ и авантюристѣ, кстати помѣщаемъ извѣстіе о братьяхъ Зановичахъ и особенно о ихъ дѣятельности въ Россіи изъ соч. «Записки Льва Николаевича Энгельгардта» (М. 1860 г.). Именно въ предисловіи мы находимъ о немъ слѣдующія свѣдѣнія:

«Ни одного не было барина въ Россіи, который бы такъ жилъ, какъ Зоричъ. Шкловъ (въ то время имѣніе Зорича) былъ наполненъ живущими людьми всякаго рода, званія и націй; многіе были родственники и прежніе сослуживцы Зорича, когда онъ служилъ майоромъ въ гусарскомъ полку, и жили на его совершенномъ иждивеніи; затѣмъ отставные штабъ и оберъ-офицеры, не имѣющіе пріюта; игроки, авантюристы всякаго рода, иностранцы: французы, италіанцы, нѣмцы, сербы, греки, молдаване, турки, словомъ — всякій сбро́дъ и побродяги; всѣхъ онъ ласково принималъ, столъ былъ для всѣхъ открытъ.

Къ нему же пріѣхали и братья Зановичи, которые — по словамъ Энгельгардта — «могли быть безъ малѣйшаго замѣчанія, ибо они пріѣхали, какъ путешественники, познакомившись въ Парижѣ съ Неранчичемъ, роднымъ братомъ (по матери) Зорича, котораго и ссудили не малымъ числомъ денегъ; пріѣхали же, имѣя паспорты, жили роскошно и вели большую банковую игру».

Вскорѣ, однако, послѣ ихъ прибытія появились фальшивыя ассигнаціи, и одинъ еврей доносилъ прямо на нихъ, вслѣдствіе чего наряжено было слѣдствіе.

«По слѣдствію открылось, что какъ Зоричъ былъ много долженъ, то Зановичи хотѣли заплатить за него долги, а Шкловъ съ принадлежавшимъ имѣніемъ взять въ свое управленіе на

столько лѣтъ, пока не получатъ своей суммы съ процентами; Зоричу же давать въ годъ по сту тысячъ рублей, по тогдашнему времени большую сумму; для сего просиживали они съ нимъ запершись ночи, уговаривая его по сему предмету, и употребленъ въ посредство учитель, бывшій въ корпусѣ Сальморанъ. Зоричъ говаривалъ, что скоро заплатитъ свои долги и будетъ опять богатъ, что́ и подало подозрѣніе, что онъ участвовалъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. То же послужило поводомъ къ такому невыгодному для него мнѣнію, что два карла (служившіе у него) мѣняли фальшивыя ассигнаціи; это случилось оттого, что они держали карты; а на большихъ играхъ, когда Зановичи метали банкъ, за карты давали по сту рублей и болѣе.

«Когда Зановичи уговорили Зорича на ихъ предложеніе, то старшій изъ нихъ остался въ Шкловѣ, а меньшой уѣхалъ за границу, подъ видомъ тамъ продать свое имѣніе и пріѣхать съ деньгами для заплаты долговъ Зорича; но истинный предметъ былъ, чтобы тамъ надѣлать фальшивыхъ ассигнацій и уже пріѣхать съ готовыми въ Россію, и для дѣланія оныхъ привезти инструменты; онъ былъ за границею нѣсколько мѣсяцевъ, а по возвращеніи проживалъ съ полгода въ Шкловѣ до пріѣзда свѣтлѣйшаго князя (Потемкина). Младшій Зановичъ отправился съ Сальмораномъ въ Москву, и туда же полетѣли два курьера — одинъ, чтобы извѣстить тамъ главнокомандующаго, а другой, чтобы слѣдить за Зановичемъ, а старшаго ночью арестовали и отправили въ Могилевъ. Въ квартирѣ не оказалось ничего подозрительнаго, кромѣ двухъ тысячъ золотомъ, нѣсколькихъ сотенъ фальшивыхъ ассигнацій и нѣсколькихъ вещей изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. На допросѣ онъ показалъ, что братъ его поѣхалъ черезъ Москву въ Петербургъ предъявить правительству ассигнаціи, вымѣненныя за границею отъ жидовъ за дешевую цѣну. Но послѣ нашли въ его квартирѣ подъ поломъ всѣ инструменты для дѣланія ассигнацій. Меньшой Зановичъ схваченъ былъ въ Москвѣ у самой заставы; найдено съ нимъ слишкомъ 700,000 фальшивыхъ ассигнацій, все сторублевыхъ. Столкнувшись съ

братомъ, онъ показывалъ то же; потомъ, по признаніи ихъ вины, заключены они были въ крѣпость Балтійскій портъ. Во время нападенія на оный портъ шведовъ, въ 1789 г., по малочисленному гарнизону, арестанты были выпущены для защиты онаго; Зановичи оказали особливую ревность и разумными совѣтами нѣкоторыя услуги, за что, по освобожденіи порта, высланы за границу.

«Графы Зановичи родомъ изъ Далмаціи; меньшой изъ нихъ былъ іезуитомъ; по уничтоженіи сего ордена монаховъ, возвратился къ брату, который, проживъ имѣніе, сталъ жить насчетъ ближнихъ разными оборотами; оба получили хорошее воспитаніе, при большомъ умѣ обогащены были познаніями; во многихъ были государствахъ и вездѣ находили простячковъ, пользовались то игрою, то другими хитрыми выдумками; сказывали даже, что ихъ портреты въ Венеціи были повѣшены; а они, сдѣлавъ какое-то криминальное дѣло, успѣли ускользнуть; такимъ образомъ встрѣтились съ Неранчичемъ въ Парижѣ, какъ сказано прежде, и видно, что планъ ихъ тогда же имѣлъ основаніе».

Вотъ все, что́ говоритъ объ этихъ личностяхъ сек.-майоръ Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ (ум. 1836 г.) въ своихъ «Запискахъ», изданныхъ въ Москвѣ 1860 г. (стр. 24—28). Тамъ же мы находимъ свѣдѣнія о Зановичахъ до ихъ прибытія въ Россію, сдѣланныя издателемъ им. И. М. Лонгиновымъ въ примѣч. 29-мъ (стр. 26—27):

«Зановичи были въ связяхъ съ знаменитымъ искателемъ приключеній Казановой (род. 1725 г., ум. 1803 г.), который говоритъ о нихъ въ своихъ запискахъ. Трудолюбивый нѣмецъ Бартольдъ издалъ 2 тома разысканій о лицахъ, упоминаемыхъ въ запискахъ Казановы (Die geschichtlichen Persönlichkeiten in Iacob Casanowa's Memoiren. Berlin 1846). Бартольдъ сообщаетъ слѣдующія извѣстія о Зановичахъ: Стефанъ и Предиславъ Зановичи были родомъ далматы; эти искатели приключеній начали подвиги свои въ Венеціи, а оттуда отправились путешествовать по Европѣ. Стефанъ, посѣтивши многія столицы, вошелъ въ

сношенія съ разными знаменитостями, и находился, между прочимъ, въ перепискѣ съ Вольтеромъ и Даламберомъ. Въ апрѣлѣ 1776 г. явился онъ въ Потсдамѣ и успѣлъ втереться въ общество принца прусскаго и его супруги. Стефанъ выдавалъ себя за албанскаго господаря, увѣрялъ, что у него 300,000 червонцевъ годового дохода, и что онъ располагаетъ тридцатитысячнымъ войскомъ. Но вскорѣ изъ газетъ узнали его прежнія нечистыя продѣлки, и въ январѣ 1778 г. его выслали изъ Берлина. 28 янв. 1778 г., Фридрихъ II писалъ къ одному изъ своихъ генераловъ въ Бреславль, что туда прибылъ Зановичъ, посѣщавшій разные европейскіе дворы, промышляя обманомъ; а потому его нужно задержать въ Бреславлѣ, подъ предлогомъ взыскиваемыхъ съ него долговъ. Но Зановичъ успѣлъ бѣжать въ Голландію, куда имѣлъ рекомендательныя письма отъ кавалера Кавалли, венеціанскаго посланника въ Неаполѣ. Онъ такъ умѣлъ воспользоваться этими письмами, что успѣлъ занять у голландскихъ банкировъ 300,000 гульденовъ, которые скоро исчезли. Голландское правительство хотѣло взыскать эту сумму съ Кавалли, который отказался платить, говоря, что рекомендательныя письма не суть кредитивы. Тогда штаты обратились къ венеціанскому правительству за уплатой, но и оно отказалось. По этому случаю дѣло чуть не дошло до войны между Голландіею и Венеціей; но императоръ Іосифъ II предложилъ свое посредничество, помирилъ противниковъ, и Голландія отступила отъ своего требованія въ 1779 г. Предиславъ Зановичъ за разныя плутни былъ изгнанъ изъ Флоренціи» (В. II, §. 324—327).

Бартольдъ имѣлъ ошибочныя свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ Зановичей: онъ говоритъ, что Стефанъ умеръ въ амстердамской долговой тюрьмѣ. Записки Л. Н. Энгельгардта открываютъ истину. Вѣроятно, Стефанъ успѣлъ бѣжать въ Парижъ, гдѣ нашелъ своего брата; тамъ познакомились они съ Неранчичемъ и отправились въ Шкловъ къ Зоричу.

Здѣсь, кромѣ самихъ Зановичей, весьма интересна характеристика цѣлаго общества, собиравшагося у *шкловскаго барина*.

А между тѣмъ, у этого самаго барина былъ однажды и владыка Петръ I, и обращался къ нему за помощью, чѣмъ и навлекъ на себя гнѣвъ всесильнаго Потемкина. Только изъ характеристики Зоричева общества и видно, что Потемкинъ, если, по словамъ Милютиновича, изъ личной вражды къ Зоричу ненавидѣлъ всѣхъ сербовъ, то въ то же время имѣлъ и основаніе, потому что между этими сербами было множество проходимцевъ, противъ которыхъ, однако, нельзя было ничего сдѣлать, благодаря именно неразборчивой протекціи Зорича; но запятналъ себя свѣтлѣйшій князь тѣмъ только, что для своей мести избралъ человѣка, который не только не имѣлъ и не могъ имѣть ничего общаго съ тѣми проходимцами, но былъ великимъ человѣкомъ между людьми въ истинномъ смыслѣ этого слова.

УСЛОВІЯ СОЮЗА МЕЖДУ ЧЕРНОГОРЦАМИ И ВѢНСКИМЪ ДВОРОМЪ, ПОСТАНОВЛЕННЫЯ (STIPULÉES) ВЪ 1778 Г.

11) *Къ стр. 597.*

1) Всякій непріятель императорскаго двора долженъ считаться непріятелемъ и Черногоріи.

2) Черногорскій народъ останется вполнѣ независимымъ, учреждая свои суды и самъ именовывая своихъ чиновниковъ.

3) Черногорцы никогда не будутъ платить податей (d'impôts) императорскому двору.

4) Если сербская земля (territoire serbe) освободится отъ турокъ, то верхняя и нижняя Зета и три крѣпости — Подгорица, Спужъ и Жаблякъ, а равнымъ образомъ и вся территорія до устья Бояны останутся за Черногоріей; Пиперы, Брда и Герцеговина также будутъ присоединены къ Черногоріи.

5) Черногорцы въ *своей республикѣ* будутъ пользоваться полною независимостію и совершенною свободою, и свободно будутъ принимать въ свою страну братьевъ своихъ сербовъ.

6) Черногорцы будутъ чеканить монету при помощи Австріи, но отъ имени своего собственнаго государства.

7) Губернаторъ, митрополитъ, сердари, воеводы и старшины (les knèzes) будутъ получать опредѣленное жалованье (des pensions fixes) отъ Австрійскаго двора.

8) Черногорцы будутъ содержать на счетъ императорскаго двора одинъ отрядъ (un corps) постояннаго войска въ 300 чел., чтобы не допускать народъ нападать на турокъ во время заключеннаго съ ними мира.

9) Какъ только Австрійскій дворъ начнетъ войну съ Оттоманскою Портой, его императорское величество пошлетъ черногорцамъ пороху, свинцу и оружіе, дабы они могли слѣдовать за Австріей.

10) Если Австрія заключитъ съ Портою миръ, то она сдѣлаетъ черногорцевъ участниками въ трактатѣ.

11) Если у Австріи откроется война съ другими государствами, то она пошлетъ въ Черногорію комиссара, который произведетъ наборъ войска, сколько страна въ состояніи будетъ поставить (lèvera ce que le pays pourra fournir de troupes). Всѣ, безъ исключенія, офицеры отряда, также набранные (levés), должны быть черногорцы и получать жалованье отъ императора. Это войско не будетъ смѣшиваться съ императорскою арміею и будетъ сражаться по своему обычаю.

Вѣрная договору, Австрія вспомнила Черногорію въ трактатѣ съ Турціей, заключенномъ 4 авг. 1791 г. въ Свиштовѣ, въ 1-й его статьѣ, которая гласитъ: «Отнынѣ да будетъ миръ вѣчный и всеобщій, на сушѣ, на морѣ и на рѣкахъ, между двумя имперіями, ихъ подданными и вассалами, дружба истинная и искренняя, союзъ совершенный и тѣсный, амнистія полная и всеобщая и прекращеніе всѣхъ непріятельствъ, насилій и обидъ, совершенныхъ въ теченіе этой войны, обѣими державами или подданными и вассалами одной изъ нихъ, которые принимали сторону другой; и въ особенности жители всѣхъ состояній *Черногоріи*, Босніи, Сербіи, Валахіи и Молдавіи, въ силу этой амнистіи, должны получить возможность войти въ ихъ прежнія жилища, владѣнія и во всѣ права, и въ мирѣ пользоваться, не будучи

тревожимы, оскорбляемы и наказаны за то, что явили себя противниками *своего собственнаго суверена* или оказывали честь (hommage) императорскому и королевскому двору, какъ своему государю» (Martens, «Recueil de traités», t. V, p. 20).

Это первый документъ, въ которомъ одна изъ европейскихъ державъ включила черногорцевъ въ число подданныхъ и вассаловъ Турціи, наравнѣ съ сербами, босняками и др., которыми дѣйствительно управляли турецкіе паши, и турецкаго султана назвала ихъ собственнымъ сувереномъ.

ПЕРЕПИСКА ПО ОБВИНЕНІЮ ЧЕРНОГОРСКАГО ВЛАДЫКИ ПЕТРА I ВЪ ИЗМѢНѢ ОТЕЧЕСТВУ И РОССІИ.

12) *Къ стр. 613.*

Все дѣло, какъ мы уже сказали, изложено г. Жмакинымъ; здѣсь мы, чтобъ не пускаться въ его изложеніе, которое заняло бы слишкомъ много мѣста, приведемъ только обвинительныя письма и отвѣты на нихъ въ томъ видѣ, какъ они сообщены въ «Исторіи Черногоріи» Милаковича.

Осенью 1803 г. было донесено императору Александру, что черногорскій владыка не только съ пренебреженіемъ относится къ своимъ обязанностямъ, какъ духовный пастырь, но еще въ договорѣ со своимъ секретаремъ, аббатомъ Дольчи, рѣшился предать Черногорію въ руки французовъ за 25,000 руб. Вслѣдствіе этого и былъ посланъ въ Черногорію графъ М. Ивеличъ съ письмомъ императора черногорскому народу, чтобы открыть ему глаза на угрожающую опасность и навести на путь спасенія. Въ то же время ему вручено было письмо св. синода къ владыкѣ. Вотъ существенное изъ императорскаго письма: «Мы были смущены, когда къ намъ пришло извѣстіе, заслуживающее полнаго довѣрія, что стремленіе иностранцевъ къ господству — которымъ подаютъ руку нѣкоторые превратныхъ мыслей нечестивцы среди той самой Черногоріи — угрожаетъ нападеніемъ на Черную-Гору и Брда и стремится уничтожить ея независимость.

Въ нашемъ желаніи удалить такую опасность, мы рѣшили послать лицо, пользующееся нашимъ довѣріемъ, нашего генералъ-лейтенанта графа Ивелича, поручивъ ему увѣрить черногорцевъ и бердянъ въ нашемъ постоянно неизмѣнномъ расположеніи къ нимъ, открыть имъ явственно угрожающую имъ опасность и показать путь, который они должны взять, чтобы достигнуть собственнаго блага и славы. Надѣемся, что въ томъ рѣшеніи нашемъ черногорскій и брдскій народъ, до сихъ поръ привязанный къ намъ съ такою вѣрностію, увидитъ новое доказательство нашей заботы объ его благѣ и окажетъ полное довѣріе графу Ивеличу во всемъ томъ, что́ онъ предложитъ отъ нашего имени».

А вотъ письмо св. синода:

«Императоры Россіи, въ знакъ своего покровительства, въ грамотахъ своихъ щедро надѣляли и надѣляютъ дарами народъ Черной-Горы и Брдъ, и дарили ихъ церквамъ драгоцѣннѣйшія священныя принадлежности и сосуды; слѣдуя примѣру ихъ, и св. синодъ посылалъ черногорцамъ не только святое миро и антиминсы, но также и церковно-служебныя книги. Вы же всѣмъ этимъ злоупотребили: драгоцѣнные предметы передавали въ руки иностранцевъ, и не употребили на благо народа ни миро, ни антиминсы, ни книги; но все это было брошено безъ всякаго призрѣнія. Дѣтей между тѣмъ крестятъ, не помазывая миромъ; церкви остаются безъ принадлежностей, необходимыхъ для богослуженія; забросили безъ вниманія монастыри, которые стоятъ безъ монаховъ; народъ остается безъ поученія вѣрѣ и обрядамъ и, что́ всего хуже, цѣлые годы остается безъ церковнаго богослуженія. Такое печальное состояніе, угрожающее ужасною опасностію христіанской религіи въ Черногоріи и Брдахъ, обратило на себя вниманіе св. синода, который смотритъ на это, какъ на величайшее преступленіе и несправедливость; вслѣдствіе чего, по волѣ и повелѣнію великаго императора, симъ письмомъ Вы немедленно призываетесь на его судъ, дабы доказать свою невинность или подвергнуться наказанію, если окажетесь виновнымъ. Если же Вы откажетесь повиноваться этому приказанію,

то св. синодъ будетъ смотрѣть на ваше неповиновеніе, какъ на доказательство вашей виновности противъ религіи, вѣры и отечества, и приверженности вашей къ непріятельской націи. И тогда онъ (синодъ) вынужденъ будетъ лишить васъ вашего сана и отлучить отъ церкви, какъ недостойнаго сына, измѣнника отечеству, призвавъ черногорскій и брдскій народъ избрать достойнѣйшаго пастыря и послать его въ Петербургъ для посвященія».

Глубоко оскорбленный этимъ, владыка поручилъ своему секретарю аббату Дольчи составить обширный отвѣтъ, который и былъ подписанъ гувернадуромъ Вукомъ Радоничемъ и другими черногорскими главарями и врученъ Ивеличу. Вотъ это отвѣтное письмо:

«Получивши копіи съ письма св. синода, пущенныя для обращенія въ народѣ этой страны, мы находимъ въ нихъ выраженія русскаго св. синода весьма непріятныя народу Черногоріи и Брдъ, такъ какъ русскіе св. отцы, основываясь единственно на обвиненіяхъ и низкихъ доносахъ непріятелей и плутовъ, направленныхъ противъ нашего пастыря, и не обращая никакого вниманія ни на нашу къ нему привязанность, ни на его заслуги отечеству, ни на его преданность нашему великодушному покровителю, приказываютъ ему предстать предъ ихъ судъ, осуждая его, какъ врага вѣры и православія, и предателя отечества. Нечему удивляться, если Россійская имперія, такая обширная, населенная столькими милліонами душъ, цвѣтетъ благоденствіемъ и просвѣщеніемъ, чего она достигла постепенно въ теченіе многихъ лѣтъ, при содѣйствіи огромнаго труда и издержекъ ея монарховъ; но удивительно, какъ русскій св. синодъ требуетъ благодѣтельныхъ учрежденій отъ епископовъ, которые ему не подчинены, и хочетъ, чтобы мы стояли на такой же культурной степени, какъ и Россія, тогда какъ у насъ нѣтъ никакихъ средствъ къ тому, ни судовъ и судей, ни школъ и способныхъ учителей. Пусть русскіе св. отцы оглянутся на состояніе, въ какомъ ихъ паства находилась до эпохи Петра В., и они увидятъ, что возросшая тогда сорная трава понынѣ не можетъ быть совершенно

истреблена; у насъ, напротивъ, если нѣтъ образованія, то нѣтъ также и ересей, и повсюду одинаково господствуетъ православное греко-славянское вѣроисповѣданіе. Со времени паденія Сербскаго царства, чтобы удалиться отъ враговъ христіанскаго имени, мы убѣжали въ эти горы и основали тутъ свое пребываніе, ни отъ кого независимые, получая только указанія и завися только отъ власти нашихъ митрополитовъ, какъ нашихъ пастырей, и отъ нихъ мы научились защищать православную вѣру и нашу свободу. Теперешній нашъ владыка больше, чѣмъ всякій другой, сдѣлалъ уже для насъ, и дѣлаетъ; и, если мы не попали подъ иго, которому, благодаря нашимъ несогласіямъ, подвергъ было насъ паша Албаніи, то во всемъ этомъ заслуга нашего настоящаго владыки, которому мы обязаны вѣчною благодарностію за сохраненіе нашей свободы. Русскій св. синодъ, не зная нашихъ обстоятельствъ, думаетъ, что владыка нашъ живетъ въ такой же изнѣженности, какъ русскіе архіереи, которые въ позолоченныхъ каретахъ въ парадѣ и роскоши разъѣзжаютъ по улицамъ, не занимаясь ничѣмъ больше, какъ только церковными дѣлами; у насъ дѣло стоитъ совсѣмъ иначе: нашъ епископъ въ кровавомъ поту долженъ пѣшкомъ восходить на самыя крутыя горы, какъ только явится потребность — а это продолжается безъ перерыва — умирить или научить народъ, такъ что для отправленія церковныхъ обязанностей у него остаются только моменты, свободные отъ правительственныхъ заботъ. И эти моменты очень рѣдки, вслѣдствіе полнѣйшаго отсутствія въ странѣ судебныхъ учрежденій, и, благодаря его неустанной заботѣ, въ истекшемъ году былъ учрежденъ и организованъ судъ, посредствомъ котораго положенъ предѣлъ самоволію и преступленіямъ, укоренившимся въ народѣ. Намъ оказывали благоволеніе прежніе императоры Россіи своими милостивѣйшими грамотами, и между ними имѣемъ только двѣ, которыми, сверхъ другихъ благодѣяній, обѣщана нашему народу ежегодная денежная субсидія, это — повелѣнія Петра В. и Павла I, имена коихъ заслужили вѣчную память; по грамотамъ императрицъ Елисаветы Петровны и Ека-

терины II, наши митрополиты (за ихъ и наши вѣрныя службы, а также за любовь и привязанность къ Россійскому двору) получали епископскія одѣянія, священническія принадлежности съ одеждами архіепископскими; эти великодушные дары и донынѣ украшаютъ нашихъ владыкъ на славу, честь и въ память ихъ августѣйшихъ покровителей; эти вещи дѣйствительно находятся въ рукахъ другого, но принадлежатъ намъ. Св. синодъ не могъ самъ видѣть, въ какой нуждѣ находятся наши церкви, но въ своей попечительности митрополитъ нашъ частью снабдилъ ихъ, насколько то позволяли наши средства. Мы обязаны русскому св. синоду величайшею благодарностію за посланные намъ мyро и антимисы, тѣмъ болѣе, что онъ это сдѣлалъ по собственному побужденію. Наши дѣти тотчасъ при крещеніи мажутся мyромъ, которое разсылается въ соотвѣтствующихъ тому стеклянныхъ сосудахъ, и это чистая клевета, донесенная св. синоду, что крещеніе у насъ не сопровождается миропомазаніемъ. Монастыри наши дѣйствительно не имѣютъ большого числа монаховъ, но, принимая во вниманіе средства существованія, ихъ должно быть мало. Мы слышали разсказы, какъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ Россіи монастыри опустѣли, что они находятся въ состояніи, достойномъ сожалѣнія, и, не смотря на то, что Русская имперія цвѣтетъ благосостояніемъ и образованностію, монахи разбѣгаются изъ монастырей, какъ скотъ отъ недостатка пищи; и удивительно, что св. отцы русскаго святѣйшаго синода не видятъ недостатковъ своей паствы, а замѣчаютъ несовершенства у другого. Русскій народъ, обладающій ученымъ и просвѣщеннымъ священствомъ, въ дѣлѣ религіи понимаетъ не больше нашего, а отъ кого мы учимся понимать наши христіанскія обязанности и добродѣтели? отъ нашего добраго владыки, а ужъ никакъ не отъ русскихъ миссіонеровъ. И еще болѣе: почему русскій св. синодъ въ нынѣшнее время не проникнется состраданіемъ, какъ бы приличествовало св. отцамъ, къ христіанамъ турецкой Сербіи, гдѣ мусульмане немилосердно искореняютъ христіанство и саблею пресѣкаютъ жизнь епископовъ? Тамъ, гдѣ православные христіане

находятся подъ гнетомъ и погибаютъ, къ нимъ нужно прибѣгать съ помощію, а не къ намъ, благодаря Бога, никѣмъ не угнетеннымъ, а пользующимся полною свободою подъ правленіемъ нашего наилучшаго владыки. По всѣмъ видимостямъ, русскій св. синодъ не знаетъ, что сербскій православный народъ имѣлъ своего патріарха, отъ котораго зависѣли всѣ сербскіе епископы до 1769 г., и съ того времени, когда, съ открытіемъ войны между Оттоманскою Портою и Россіей, патріархъ Сербіи и всей Иллиріи, убѣгая изъ нашихъ мѣстъ отъ угрожавшихъ ему опасностей, отправился оттуда въ Россію, гдѣ въ Петербургѣ и окончилъ свою жизнь; съ нимъ прекратилъ свое существованіе славяносербскій патріархатъ, и столъ печскаго патріарха навсегда остался незанятымъ; вслѣдствіе этого, нашъ митрополитъ остается въ нашей церкви независимымъ, не подчиняясь ни чьей власти. Кромѣ того, когда, въ самыя отдаленныя времена, мы приняли христіанство, мы его приняли не отъ русскихъ, а отъ грековъ. Съ тѣхъ поръ мы не обнаруживали желанія, чтобъ русскій св. синодъ простеръ свою власть и на славяно-сербскій народъ, живущій внѣ границъ Россіи, и чтобы онъ притекалъ къ намъ со своимъ попечительствомъ; мы не можемъ зависѣть отъ его юрисдикціи, такъ какъ черногорцы и бердяне не подданные Россійской имперіи, но состоятъ только подъ его моральнымъ покровительствомъ, и единственно вслѣдствіе одинаковости вѣры и народности мы сохраняемъ привязанность, вѣрность и любовь къ русскому двору, каковыми и пребудемъ навсегда. Кромѣ того случая, какъ если бы насъ оттолкнула сама Россія, чего, надѣемся, не будетъ, мы, черногорцы и бердяне, будемъ любить Россію и останемся ей вѣрны, пока она хранитъ православную вѣру, объявляя, однако, при всемъ томъ, что мы не желаемъ поступить въ подданническія отношенія къ ней, подобно другимъ народамъ, живущимъ въ предѣлахъ Имперіи, и будемъ защищать свободу, завѣщанную намъ въ наслѣдство нашими предками, до послѣдней крайности, готовые всѣ скорѣе умереть съ саблею въ рукахъ, чѣмъ сдѣлаться низкими рабами какого бы то ни было

государства. До сихъ поръ никто не осмѣливался ставить нашего владыку подъ отвѣтственность передъ русскимъ синодомъ; поэтому мы никому не позволимъ присвоить себѣ право судить его дѣйствія. Если бы онъ погрѣшилъ въ чемъ-либо противъ своихъ обязанностей и оказался виновнымъ въ какомъ-нибудь преступленіи, въ чемъ онъ несправедливо былъ оклеветанъ, мы готовы судить его сами, не какъ епископа, но какъ частнаго человѣка между нами, потому что мы его избрали, поставили на ту степень и послали его для посвященія, за отсутствіемъ въ то время патріарха Сербіи, къ православному митрополиту Венгріи, который посвятилъ его соборнѣ, въ соприсутствіи другихъ епископовъ, и облекъ его епископскою властью между нами. Если бы онъ оказался недостойнымъ такой власти, отъ насъ зависитъ лишить его ея, избравши другого, болѣе достойнаго, и представивши его, кому слѣдуетъ; но мы никогда не имѣли болѣе достойнаго и болѣе заботящагося о спасеніи нашихъ душъ и, пока онъ живъ, мы не желаемъ другого; поэтому мы не позволимъ, кому бы то ни было, вмѣшиваться въ дѣла нашего владыки. — Несправедливо обвиняя его передъ русскимъ дворомъ, вы хотѣли удалить отъ насъ нашего добраго владыку, человѣка самаго вѣрнаго своему отечеству и самаго преданнаго императору Россіи, чтобы поставить на его мѣсто Вучетича и подчинить его своей власти. Но мы, черногорцы и бердяне, которымъ вы хорошо извѣстны, слишкомъ убѣждены, что ваше намѣреніе не принесетъ ни славы, ни чести, ни счастія. Если бы вы тотчасъ по вашемъ прибытіи отнеслись къ намъ и нашему владыкѣ съ тою политикой, которая приличествуетъ Россіи, то, при данныхъ вамъ инструкціяхъ, хотя бы вы и не успѣли, все-таки содержаніе вашихъ посланій не было бы такъ оглашено и ваша миссія никѣмъ не была бы порицаема. Мы желали видѣть васъ между нами, чтобы узнать о цѣли вашего прибытія и объ отношеніяхъ между нами и императоромъ; но что́ вы сдѣлали, отказавшись прибыть къ намъ, какъ то налагалъ вамъ вашъ долгъ? Поэтому мы съ общаго согласія просимъ васъ оставить насъ въ покоѣ и осво-

бодить отъ вашихъ интригъ, явныхъ и тайныхъ; и мы пребудемъ непоколебимы въ нашей вѣрности трону Россіи, въ ожиданіи какого-либо чиновника, природнаго русскаго, который разслѣдуетъ и донесетъ своему двору истину о положеніи дѣла, отъ которой вы такъ отдаляетесь. Остаемся въ увѣренности, что славный императоръ Россіи уничтожитъ всѣ клеветы, взведенныя на насъ и нашего владыку, и что еще упрочится его расположеніе и милость къ намъ, какъ къ народу, заслужившему того и самаго вѣрнаго ему».

Въ то же время составлено было письмо къ императору, въ которомъ, изложивши вкратцѣ всю борьбу черногорскаго народа по удаленіи послѣдняго Черноевича, заслуги его предъ православіемъ и передъ Россіей, а также указавши, что, благодаря русской субсидіи, въ Черногоріи заведены суды и изданъ законникъ и что во всемъ главная заслуга владыки, подписавшіе его выражаютъ удивленіе, по какому поводу Ивеличъ прибылъ въ Которъ и вошелъ въ связи съ злѣйшими врагами черногорцевъ и, вмѣсто того, чтобъ предъявить подлинную грамоту императора, только копіи съ него распустилъ въ народѣ, и заявляютъ при этомъ, что Вучетичъ и Ивеличъ произвели только смятеніе и что послѣдній, прибывшій въ Черногорію, въ 1798 г., для возбужденія сосѣднихъ христіанъ противъ турокъ, измѣнилъ имъ, а теперь, какъ только прибылъ въ Которъ, сталъ похваляться, что онъ уполномоченъ, прибывъ въ Черногорію, арестовать владыку и отправить на вѣчную ссылку въ Сибирь. Заканчивается это письмо слѣдующими словами: «Нашъ владыка не заслужилъ, чтобы кто-либо осмѣлился прійти въ его домъ и нарушить его свободу и относиться къ нему такимъ тиранскимъ способомъ; *пока мы живы, нѣтъ той человѣческой силы, которая бы отважилась на такое насиліе.* Нашъ митрополитъ не находится въ зависимости отъ приказаній русскаго св. синода, онъ былъ только подъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества, и то только моральнымъ, такъ какъ иначе до настоящаго момента мы не признавали покровительства ни отъ кого; и теперь вмѣсто могу-

щественнаго покровительства, мы начинаемъ чувствовать только могущественное преслѣдованіе. Св. синодъ не имѣетъ никакого права повелѣвать епископамъ, находящимся внѣ Россіи, которые поэтому не подчинены его власти, и не имѣетъ поэтому никакого права вмѣшиваться въ дѣла нашего владыки. Милости, приказанія и желанія Вашего Императорскаго Величества, имѣющія въ виду благо нашего народа, мы съ почитаніемъ принимаемъ отъ великодушнѣйшаго изъ нашихъ покровителей; но если это идетъ черезъ генерала Ивелича, безъ согласія нашего владыки, то мы не можемъ этого принять: во 1-хъ, потому что не имѣемъ вѣры ни въ его слово, ни въ него самого, а затѣмъ потому, что онъ отказывается сообщить намъ это черезъ посредство нашего владыки. Милостивѣйшій Государь! чтобы убѣдиться въ истинномъ положеніи дѣлъ, благоволи благосклонно послать честнаго человѣка, какъ своего уполномоченнаго, только природнаго русскаго, который бы дозналъ всю чистую истину и донесъ Вашему Императорскому Величеству».

Дѣйствительно, посланъ былъ русскій уполномоченный Мазуревскій, который примирилъ владыку съ Ивеличемъ и Вучетичемъ и потомъ донесъ императору о полнѣйшей преданности ему владыки и всего его народа. Затѣмъ былъ судъ надъ аббатомъ Дольчи, 20 лѣтъ служившимъ при владыкѣ секретаремъ, по которому онъ за сношенія съ французами былъ осужденъ на тюремное заключеніе, гдѣ и скончался.

Какъ только Наполеонъ провозгласилъ себя императоромъ (1804 г.), императоръ Александръ, тотчасъ по заключеніи вооруженнаго европейскаго союза противъ него, отправилъ бригадира, статскаго совѣтника Стефана Санковскаго въ Черногорію въ качествѣ уполномоченнаго при владыкѣ Петрѣ, чтобы онъ оставался тамъ въ готовности ради всякаго случая. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1805 г. Санковскій прибылъ въ Черногорію съ письмомъ отъ императора Александра, обращеннымъ къ черногорскому народу, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: «Желая во всякомъ случаѣ показать новыя доказательства нашего постоянно

неизмѣннаго расположенія къ вамъ, мы склонились на ваши просьбы относительно вашего митрополита и возвращаемъ ему нашу императорскую милость. Въ то же время мы убѣждены, что въ его поведеніи, равно какъ и въ поведеніи всѣхъ членовъ черногорскаго правительства, мы не только не встрѣтимъ ничего, что̀ давало бы поводъ къ сомнѣнію или недовольству, но напротивъ всегда будемъ имѣть случай видѣть потомковъ тѣхъ черногорцевъ, которые нашимъ предшественникамъ представили столько доказательствъ непоколебимой привязанности и преданности Россіи».

Санковскій привезъ съ собою 3,000 руб., составлявшіе задержанную съ 1802 г. субсидію, которая предназначена была Черногоріи императоромъ Павломъ.

На томъ дѣло и кончилось. Тонъ однако всей этой переписки обнаруживаетъ ясно, что ни та, ни другая сторона не отступились отъ своего: Черногорія продолжала считать себя вполнѣ независимою отъ Россіи, а русское правительство, не признавая этого права за нею, примирилось съ тѣмъ на время, потому что того требовала политика въ виду наступающихъ дѣлъ съ Франціею, въ которыхъ Черногоріи предназначалась далеко не послѣдняя, хотя и подчиненная роль.

АВАНТЮРИСТЪ ВУИЧЪ.

13) *Къ стр. 634.*

О немъ, какъ мы уже упоминали, писалъ г. Ж. Драговичъ, на основаніи совершенно новыхъ и оригинальныхъ документовъ, найденныхъ имъ въ Москов. главн. арх. мин. ин. дѣлъ, и напечаталъ это въ Журн. мин. нар. просв. (ч. CCXXI, отд. 2). Поэтому намъ говорить о его личности больше нечего; а упоминаютъ о немъ и другіе, какъ Медаковичъ въ своей исторіи Черногоріи и Ленорманъ. Но мы въ общемъ изложеніи недостаточно опредѣлили значеніе вообще авантюристовъ въ Черногоріи и особен-

ное значеніе Вуича; вслѣдствіе чего и считаемъ необходимымъ возвратиться къ нимъ еще разъ.

Три самозванца — Степанъ Малый, Зановичъ и Вуичъ впродолженіе какихъ-нибудь 30 лѣтъ для такой маленькой страны, какъ Черногорія, слишкомъ много. А ихъ было и еще больше. Притомъ, если первый изъ нихъ только переполошилъ Европу и въ то же время не встрѣтилъ ни въ одной изъ державъ сочувствія, а второй, прогнанный тотчасъ же изъ Черногоріи, довершилъ свое поприще, какъ chevalier d'industrie, то послѣдній изъ нихъ принимаемъ былъ всюду при дворахъ и въ концѣ концовъ заключилъ трактатъ съ Турціей. Нѣкоторымъ дворамъ онъ пришелся кстати. Французскіе принцы разсчитывали, что онъ соберетъ имъ значительное число отчаяннаго войска изъ юго-славянскихъ земель, что́ было вполнѣ возможно, еслибъ онъ дѣйствительно предался этому дѣлу; но онъ выманилъ денегъ, пожуировалъ, поскитался и принялся за другое дѣло. Англіи и Австріи онъ обѣщалъ взбунтовать всѣхъ христіанъ Балканскаго полуострова, что́ также имѣло шансы, еслибъ то приняли дѣйствительно къ сердцу сами народы, на которыхъ онъ долженъ былъ дѣйствовать. Въ особенности ему необходимо было заручиться Черногоріей, съ которой онъ началъ свои попытки въ 1790 г. Есть основаніе думать, что владыка черногорскій имѣлъ съ нимъ свиданіе въ Боккѣ, и, конечно, тотчасъ распозналъ плута, который ищетъ только денегъ для того, чтобы ихъ мотать. Трудно допустить, чтобы государственные люди не понимали его. Австрійскій министръ Тугутъ въ разговорѣ съ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ графомъ Разумовскимъ называетъ его прямо извѣстнымъ ему бродягою (онъ былъ австрійско-венгерскій сербъ); но тѣмъ не менѣе не трогаетъ его, изъ уваженія къ заступничеству Разумовскаго, который уже сообщилъ о немъ въ Петербургъ и ожидалъ только предписанія оттуда относительно его. Тугуту интересно было запутать и Россію въ ихъ интригу противъ Турціи. Является въ Россію онъ въ сопровожденіи черногорскаго гувернадура Луки Радонича и Стефана Вучетича. Обѣ эти лич-

ности извѣстныя, и исторія знаетъ ихъ, въ то же время, какъ интригановъ, дѣйствовавшихъ противъ владыки. Здѣсь онъ представляетъ цѣлый планъ новой гражданской и военной организаціи Черногоріи; себя же рекомендуетъ, какъ народнаго избранника, который и поможетъ Россіи и Австріи уничтожить Турцію, а на мѣстѣ ея возстановить какую-то великую христіанскую имперію. Этотъ планъ вполнѣ напечатанъ у г. Ж. Драговича и интересенъ въ томъ отношеніи, что первымъ шагомъ ставитъ преобразованіе Черногоріи въ свѣтское государство, то именно, необходимость чего вполнѣ сознавали, о чемъ постоянно думали и хлопотали передъ Россіей владыки Василій и Петръ I. Поданная имъ записка составлена недурно; но легкомысліе авантюриста пробивается всюду и особенно въ его похвалахъ самому себѣ, что́ и выдаетъ его задушевную, весьма не высокую цѣль. Государственные люди не пренебрегаютъ иногда пользоваться средствами и людьми ничтожными и сомнительнаго свойства; такъ отнеслись они и въ настоящемъ случаѣ къ Вуичу и къ его планамъ и предложеніямъ. Императрица Екатерина, однако, поняла и оцѣнила его сразу и выразилась о немъ такъ: «Il paraît que cet homme là est un aventurier de la premiére force» и велѣла сдѣлать самое точное дознаніе о немъ. Дознаніемъ обнаружены его плутни, и ему велѣно немедленно удалиться. Товарищи же его, прикинувшись жертвами обмана, отступились отъ него и пожелали возвратиться на родину, при чемъ имъ выдано было по триста червонныхъ и по сту рублей на дорогу, какъ то значится въ письмѣ къ владыкѣ.

Прогнанный изъ Россіи, Вуичъ отправился въ Цареградъ, это прибѣжище искателей счастія и приключеній, и тамъ обратился сначала къ патріарху съ планомъ освобожденія христіанъ отъ турокъ, а потомъ съ совершенно противнымъ планомъ къ султану, заключилъ съ нимъ форменный договоръ и явился, какъ поставленный султаномъ князь, въ Черногорію, откуда однако былъ прогнанъ; и тѣмъ закончилась его политическая дѣятельность.

Изъ всѣхъ показаній относительно этой личности для насъ самое интересное герцеговинскаго архимандрита Аксентія Никшича, который изъ Вѣны написалъ на имя русскаго канцлера слѣдующее письмо (21 іюня 1796 г.): «Извѣстно намъ было на пути, что нѣкоторый негодный человѣкъ, называемый Вуичъ, пришедъ въ Черную-Гору, представлялъ тамошнему губернатору, что онъ явился освободить тамошній народъ отъ ига, чего ради объявлялъ о томъ въ 1790 г. и митрополиту черногорскому, прося о вспоможеніи; но митрополитъ, якобы *не желая народу избавленія, прогналъ его прочь, не давъ ему никакого вспоможенія. Но, какъ упомянутый Вуичъ, такъ равно и черногорскій губернаторъ, не имѣя истинной ревности ни къ Богу, ни къ государынѣ, ни къ народу, простирали намѣреніе свое къ тому, чтобы государеву казну похитить, а бѣдный народъ обмануть и чрезъ то привести въ еще горшее состояніе*, то я, по присягѣ моей, данной вашему сіятельству, объявляю вамъ съ истиннымъ увѣреніемъ, что митрополитъ всегда былъ и донынѣ остается Россійскому отечеству вѣрнымъ и усерднымъ».

Изъ этого ясно, что Вуичъ нашелъ себѣ товарища въ гувернадурѣ, который помогалъ ему, надѣясь, конечно, въ концѣ концовъ перехитрить его, и добившись устраненія отъ власти владыки, устранить впослѣдствіи и Вуича, чтобы завладѣть самому, разсчитывая на поддержку Россіи, а можетъ быть и Австріи, какъ то и было въ самомъ началѣ при вступленіи въ управленіе Петра I. Другимъ помощникомъ является такой-же интриганъ, монахъ Вучетичъ, который разсчитывалъ сдѣлаться митрополитомъ. Это совершенно напоминаетъ исторію Степана Малаго, когда тоже видимъ на его сторонѣ гувернадура и патріарха Бркича. Все дѣло ведется лично противъ митрополита, интрига противъ его власти, что́ и составляетъ почву для всякаго авантюриста; орудіями и помощниками имъ являются гувернадуръ и какое-нибудь духовное лицо, люди чисто личныхъ интересовъ, не дорожащіе притомъ ни интересами, ни политическою свободою черногорскаго народа и всегда готовые предать его

во власть перваго сильнаго, который помогъ бы имъ осуществить свои личныя цѣли. Такимъ образомъ, эти частныя лица, люди узко-эгоистическихъ интересовъ, находятся, отчасти невѣдомо для самихъ себя, орудіями другихъ державъ, которыя имѣли свои политическіе виды на Черногорію.

Вукасовичъ и Ивеличъ являются людьми, которыхъ послали: одного Австрія, другого Россія, и дѣйствуютъ совершенно, какъ у себя дома, чѣмъ и возбуждаютъ противъ себя владыку. Это тоже своего рода авантюристы; но люди извѣстнаго имени и положенія, а не темныя личности и не самозванцы, потому что посланы своими правительствами. Послѣднимъ авантюристомъ является самозванный князь васоевицкій Никола, который добился не только политической роли, но и официальнаго положенія, былъ турецкимъ инженеромъ и квартирмейстеромъ, а послѣ англійскимъ консуломъ. Потомъ онъ объѣзжалъ Черногорію, какъ рожденный васоевицкій князь, и хлопоталъ у европейскихъ дворовъ о признаніи его въ этомъ званіи, въ чемъ и имѣлъ успѣхъ. Но его убили въ Черногоріи на дорогѣ, какъ можно предполагать, съ вѣдома владыки Рада (Петра II), и тѣмъ Черногорія спасена отъ подчиненія чужой власти, потому что князь-авантюристъ не можетъ быть другимъ, какъ слугою той державы, которая ему помогаетъ въ достиженіи его личныхъ цѣлей, а еще раньше владыка прогналъ гувернадура и совершенно уничтожилъ это званіе. Тѣмъ самымъ онъ уничтожилъ одно изъ сильныхъ орудій иностранной интриги и укрѣпилъ самостоятельность Черногоріи. Въ князѣ Даніилѣ достигается преобразованіе Черногоріи въ политическую единицу и полагается конецъ всякимъ покушеніямъ на ея политическую независимость извнѣ, кромѣ, конечно, Турціи, значеніе которой, однако, приводилось уже къ нулю.

Исторія всѣхъ этихъ самозванцевъ лучше всего указываетъ намъ, что Черногорія въ то время представляла весьма пригодную почву для ихъ появленія, и что это явленіе принимало все болѣе серьезные и угрожающіе размѣры. Мудрые черногорскіе

владыки, начиная съ Даніила, понимали это положеніе и потому искали выхода изъ него; но, не доумѣвая, какимъ бы образомъ этого достигнуть, они обращались за помощью къ Россіи, которая, однако, и сама вполнѣ того не понимала. У владыки Петра I это сознаніе проявляется сильнѣе, чѣмъ у кого-либо другого, и въ его умѣ уже складывался нѣкоторый образъ новой организаціи Черногоріи, что́ мы, надѣюсь, достаточно ясно изложили въ исторіи. И онъ обращался къ Россіи; но Россія его не поняла или поняла превратно, и стала противъ него, на сторону его противниковъ; тогда онъ сталъ готовить себѣ двухъ наслѣдниковъ — одного племянника, Георгія — для митрополичьяго званія, а другого — Рада для свѣтскаго. Это, однако, ему также не удалось, и осуществилась его идея только при внукѣ.

Есть нѣкоторое основаніе думать, что совершенно случайно и невольнымъ образомъ нѣкоторое вліяніе оказалъ на него и Вуичъ. Съ одной стороны, самое появленіе его и покушеніе завладѣть правленіемъ въ Черногоріи заставляло владыку серьезнѣе подумать объ этомъ вопросѣ и поспѣшить съ рѣшеніемъ; съ другой — ему понравились и самыя идеи и планъ Вуича, съ которыми онъ могъ познакомиться при личномъ свиданіи въ Боккѣ, если оно было, или даже не имѣлъ-ли въ рукахъ записку? а не подлежитъ сомнѣнію то, что ему всѣ подробности должны были сообщить воротившіеся изъ Россіи Радоничъ и Вучетичъ. Они воротились въ Черногорію въ 1796 г. (отправились изъ Петербурга 23 апрѣля) и въ томъ же году послѣ побѣды надъ турками подъ Мартиничами (11 іюля) въ Черногоріи издается законникъ изъ 16 параграфовъ; а въ 1798 г. на скупштинѣ подтверждается этотъ законникъ, и Вучетичъ отправляется съ извѣстнымъ уже намъ предложеніемъ въ Петербургъ. Затѣмъ второе посольство отправляется 10 сентября 1799 г., послѣ того, какъ Вуичъ являлся въ Черногорію въ качествѣ князя. Скажемъ больше: мы находимъ даже нѣкоторое сходство въ предложеніяхъ владыки Россіи, порученныхъ черезъ Давидовича-Черноевича, съ предложеніями, выраженными въ запискѣ Вуича.

Такимъ образомъ, появленіе въ Черногоріи самозванцевъ свидѣтельствуетъ о ненормальномъ ея состояніи, которое могло быть для нея весьма гибельно; но мудрость и преданность своему народу ея правителей спасли ее отъ этой гибели и вывели на дорогу, на которой ей предстоитъ только дальнѣйшее развитіе на завѣщанныхъ исторіею началахъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧАСТИ.

I.

Грамота Ивана Черноевича на построеніе храма Рождества Богородицы и монастыря на Цетиньѣ (1485 г.).

Грамота эта писана на твердомъ пергаменѣ, на листѣ въ 90 сантиметровъ въ длину и 47 въ ширину 64 строки, мелкимъ полууставомъ, не особенно искусною рукою, по графамъ весьма нѣжнымъ, едва примѣтнымъ; большія буквы писаны киноварью, а остальной текстъ сепіей или краской, не могъ разобрать. Посрединѣ уцѣлѣлъ шнуръ, на которомъ висѣла печась: онъ малиноваго шелку, перевитый съ золотою нитью, продѣтъ въ двѣ дырочки, печати нѣтъ; но существовала еще въ то время, когда копія съ нея послана была Миклошичу, который и приводитъ въ своемъ изданіи: «Monum. Serb.» надпись на ней: «Ивань црьноевикь господарь зетски»; къ сожалѣнію однако онъ не говоритъ, какое еще изображеніе было на ней, кромѣ надписи.

Еще одинъ экземпляръ этой грамоты въ позднѣйшей перепискѣ мы находимъ въ одной книгѣ въ Цетиньскомъ монастырѣ, заключающей въ себѣ различныя статьи, а носящей общее названіе «крусоволъ». Правописаніе въ этой копіи, конечно, значительно измѣнено, и произошло много также и другихъ измѣненій въ текстѣ, но въ то же время въ ней есть обширныя прибавки

относительно границъ пожалованныхъ монастырю земель, угодій и другихъ даровъ. Въ концѣ этого экземпляра находится слѣдующія приписка: «**препи͏сато ва лѣто х͠ва рожтка ҂а҂ѱ҃м҃з м͠ца ва к҃л д҃нь на Цетиніе ва м͠тирь**».

Очевидно, что было дано двѣ грамоты: одною изъ нихъ возвѣщалось созданіе храма и основаніе монастыря и опредѣлялось его содержаніе въ общихъ чертахъ, а другою точно обозначены границы всѣхъ его владѣній и со всѣми подробностями, безъ чего и не могъ оставаться монастырь. Поэтому намъ ничего не оставалось-бы, какъ напечатать только этотъ второй, неизвѣстный въ печати экземпляръ, такъ какъ первый былъ уже напечатанъ Миклошичемъ. Но у Миклошича кое-что пропущено противъ пергаменнаго экземпляра, иное (хотя и не многое) не совсѣмъ хорошо разобрано, и притомъ вездѣ исправлено правописаніе; поэтому мы рѣшаемся цѣликомъ перепечатать весь первый экземпляръ, удержавши вполнѣ его орфографію со всѣми имѣющимися въ немъ надстрочными знаками и ошибками; а въ то же время воспользуемся и вторымъ экземпляромъ для варіантовъ, которые означимъ въ сноскахъ; а все, что́ касается подробнаго описанія границъ, недостающаго въ пергаменномъ экземплярѣ, считаемъ необходимымъ напечатать отдѣльно съ отмѣтками, сдѣланными переписчикомъ на поляхъ, которыя тоже имѣютъ свой интересъ. Относительно перваго мы не допустимъ ни малѣйшаго измѣненія, а во второмъ упрощаемъ правописаніе для облегченія печатанія.

1-й экземпляръ.

Възлюблѥнна бра́тїѐ ноϣь оу̑спѐ а̂ дьнъ прибли́жисе ѿврьземь дѣ́ла тьмна̏ и̂ ꙗ̂ви́м'се че́да свѣ̀тоу и̂ оу̑слишй что̏ гл҃ѥть сло́во б҃жїе весьмрьтноѐ кь ч҃лкомь. прїйдете кь мнѣ̀ вьси троу̂ждающейсе и̂ ѿбременѥнны̏ и̂ а̂зь поко́ю вы. Й пакы̏: творей чи́стотоу ю̆же хва́лить ре́кы̏: бл҃женны̏ чи́стїи ср҃цемь ꙗ̂ко тїи б҃а оу̑зрѐть. Тѣм'же и̂ а̂зь грѣхми смере́нны и̂ недо̑нны̏ ра́бь хоу̂

нарецисе ивань црноевикь. Попоущенїемь бжїемь заради сьгрѣшенїи моихь. изгнанноу ми бывшоу ѿ моего ѿчьствїа измаильтьскыимь црѣмь соултаномь мехмедомъ, иже многа цртвїа прїе и многыѥ царе побѣды, и никтоже ємоу соупротивитисе кьзможе. И пришьш8 ми кь страны италїе. Ѡбрѣтохь прѣчюдны храмь прѣчтїе блце наше бце близь гра глѥмаго ıакыина глѥмы делорита. И кь нѥмь видѣхь нероукотворенны ѡбразь прѣслак'ные мтере ба нашего. ıаже многа чюдеса и знаменїа сьткараєть, еже и ѡчима нашима видѣхѡ. И падохь ниць на землю прѣ тое страшныимь ѡбразомь. И помлихсе ѿное млрдїю, и ѡбѣти мое кьсесрьчно въздахь тоѥ блгоустробїю. Аще оумлрдитсе на мене недостоинаго раба своего, и кьзкратит'ме кь землю ѿчьствїа моего. да потьщоусе црковь сьткорити кь чтнои име ѥѥ. Тѣм'же по своемь члколюбїю милостива ми бди мти ткор'ца моѥго и прошенїе моѥ испльни. И азь потьщах'се кьседоушнѣ и кьсесрьчнѣ ѡбѣти моѥ испльнити єликоже ми бысть кьзможно. И създахь храмь на местѣ глѥмѣмь цѣтинѣ. Кь славоу и кь хвалоу тое гпоже мтере бжїе кь име рѡжьства ѥѥ. И монастирь при ѥи сьткорихь кь оупокоенїе минихомь, еже и митрополїа зетска нарекохомь аще боудеть оугодно млтвѣи гпожи [1]). И приложихь тоѥ прѣчтномоу храмоу, єлико ми бысть кьзможно, сь договоренїемь пѡдроужїа моего, и сновь моихь. Наипрво приложихь поль виногра моего на добро [2]) кои сьмь ıа насадиль троудомь моимь да се дае вина готова половина црквы, ѿ сваке лѣтине. И єще приложихь що годѣ с8 имали ѡстоики ратко з братомь и сь синовцима доиѥ добро или ѥ землѣ, или ѥ лозїе, или гора, или кода све колико ѥ нимь дадѡ заменоушнихь [3]) добромь володимь. на зачиру, землю за землю а лозоу за лозоу и доубь за доубь, оукѣкь и оу вашиноу. И єще имь ѿвѣкѣ дарѡвахь

[1]) 2-й экземпляръ: і поставих ту митрополїта зетскаго кур висаріона бившаго ва то време, да владеетъ васемь и по нѣмь будущи.

[2]) 2-й экземпляръ: Доніе-добро.

[3]) 2-й экземпляръ: а німа дадох замѣну ніхъ.

едноу воденицоу моѭ оу ѡ҆бо́доу, кою ѥ҆ прѣма воденици ком'скѐ цр҃кве да боу́деть бл҃кенїе за мены. И҆ щѡ̀ е било коук'не землѥ̀ ѿстоикь той све рекосмо да соу̀ стоупове цр҃ковныї. А҆ щѡ̀ е кмет'щина тоудеи̑ да се населе кметїе цр҃ковныї. И҆ е҆ще приложихь строугаре свѐ по мегьї[1]) съ метехомь ни̑хь да стоѥ ѡ҆н'де кметїе цр҃ковныї, кои̑ те работати црквы. И҆ та́кои̑ оу̑чинисмо[2]) за кмети кои̑ се населѣ на цр҃ковне бащине все на добро, да ни е҆днога дан'ка гс҃поцкѡ̀га не даю никомоу, ни да имь ѥ҆ вол'нь тко заповидети на ра́ботоу чи̑ю, ть́чїю цр҃ква на свою работоу. А҆ ѡ҆ни да соу сьврьшенныї ра́ботници цр҃ковныї. И҆ е҆ще да даю̀ цр҃квы свака коукꙗ по .г҃. кр҃ьле вина полѥ̀ва, и҆ по .а҃. старь пшенице, а҆ дрꙋ́гьї ста́рь глотине со́кꙗ[3]). И҆ е҆ще приложихь планиноу нашоу бащин'скоу лов'тень щѡ̀ годе ѥ҆ земль работньі̑ехь свѐколико, а҆ли е драго цр҃квы да сама работа, и҆ли да даѥ̑ на дохо́тке. И҆ ктѡ̀годе бьі на дохо́дькь оу̑сѣꙗ̑о жито да даѥ̑ цр҃квы четврьтоу, и҆ да га свакьї свои̑ доходькь прѣда жито готово оу монастирь. И҆ да ни̑тко не сѣѥ̀ без оу̑про́са цр҃ковнога ѡ҆ц҃а архїе́реа̀ з братїѡ̑[4]). И҆ такои̑гѥръ на тьїй начинь приложихь дохотке ѿ горнѥга по́лꙗ на цѣтиню̀ щѡ̀ е годе наше ме́гѥ̑ по старїехь сказиѐхь и҆ по белѣзїехь кои̑ соу̀ посталѥны. ткѡ̀ сѣѥ̑ да даѥ̑ цр҃квьі четрь тоу̑[5]). И҆ да нитко не работа без оу̑прошенїа̀ цр҃ковнога ѡц҃а а҆рхїе́реа з братиѡ̑. Тко ли бьі без оупроса цр҃ковнога сѣꙗ ѿ нарѣ҃енне землѥ цр҃ков'нѐ и҆ на лов'тенꙋ̀ и҆ на цѣтиню, да моу може цр҃ква оу̑зети жи́то свѐ щѡ̀ годе боуде, а҆ нѥмоу да ѥ҆ троудь залоудо. И҆ такои̑ ѥ биѡ̑ законь вьсакомоу ктѡ̀ ѥ сѣꙗѡ̑ на лов'теноу, и҆ на цѣтиню доклѐ смо мьї и҆ за себѣ дрьжали, давано ѥ҆ трѐтїа дохо́т'ка. А҆ сьда тои̑

---

[1]) Mon. Serb. строутаве све пометы. д.

[2]) 2-й экземпляръ: за Стругаре и за друге кметие, кои се населе и. т. д.

[3]) Во 2-мъ экземплярѣ идетъ большая вставка, которую помѣщаемъ ниже отдѣльно до словъ: И еще приложихь планину,

[4]) Во 2-мъ экземп., отсюда идетъ перечисленіе границъ, котораго здѣсь не достаетъ, а иное—измѣнено.

[5]) Въ Mon. Serb. идетъ пропускъ до словъ: и на цѣтиню докле смо мы— и такъ далѣе.

оучинисмо да се дае цр҃кви четврьта, да га вьсакы доноси самь оу монастирь. И еще приложихь едноу коденицоу мою горню на врѣла. И еще приложихь стоупь землѥ на горнѥ добро кой ми ѥ заложиш гюгь мрькшикь за .м҃. перерь на залогооу. аколи ю оузмож ѿкоупити гюгь за себѣ а за иного ни за кога, да да цр҃кви .м҃. перпер. а землю да оузи за себѣ. Аколи бы хотѣш да ю цр҃кви ѿкоупи а дроугомоу да ю прода, да нѥсть ю колнь ѿкоупити. И еще приложихь дрьгы стоупь землѥ на ѥблано кой ми заложи ѡстоѧ радославикь, и гюгь мрькшикь за .п҃. перпер. Аколи би ю моглы кьда ѿткоупити самы за себѣ, а за иного ни за кога, да дадоу цр҃кви .п҃. перпер. а землю да оузмоу за себѣ. Аколи бы хотѣлы да ю цр҃кви ѿкоупе, а дроугомоу продаде, да несоу колны ѿкоупити ѥ. И ѡкаи ѡва стоупа землѥ кьда соу мене заложили, и ѡ имь даш готове динаре моѥ свѣочно[1]) ѥ свѣми цѣтльинаны и вьсѣми клѣти добрьсціємы. И еще приложих ѿ царине наше которскѥ .л҃. перпер да се даю цр҃кви вьсакоу годиноу на рожьство прѣч҃тѣ. И еще приложихь ѿ солиль нашиехь .г҃. кьвль солы девелиехь да се даю вьсакоу годиноу цр҃кви. ѡть дрѣва моего, кое оучинноу, що годиє догѣ на тои дни одь моѧ два дѣла оть дрѣва, оть вьсега да седае црькви десетькь[2]). И еще приложихь ѿ доубраве кою искастрісмо на цѣтиню како ходи поуть ѿ цѣтинѣ кь вртѣлки десноу страноу ѿ гинова брьда до наше мегѥ да нитко ниша не смиє тькноути. хо[3]) цр҃ква. И еще приложихь дрьва наша законила ѡ рожьствоу хв҃оу кой доносе врѣлѧне и оугнѧне. Свака коукиѧ по .п҃. времена. И той вьсега да прѣдаю оу монастырь. Еще приложихь на цѣтиню комать землѥ прѣ цр҃квомь, ѿ потока, како тече потокь оу понорь и до поута кое греде кь двороу нека ѥ цр҃кви за кипоурие. И ѡвой що смо приложили семоу ч҃тномоу храмоу прѣч҃тые. писмо що комоу силомь за-

---

[1]) Mon. Serb. свѣдочно.

[2]) Выше, начиная отъ словъ: ѡть дрѣва — вставлено мною послѣ безъ соблюденія знаковъ; далѣе знаки снова соблюдаются, но, кажется, не всѣ.

[3]) Mon. Serb. тькноуть лихо цр҃ква.

менилы, ни ѿоузели що несьмъ ꙗа комоу даѡ или родителїе мои. И еще що е имала црковь кѡмска и горица, кое соу ѡ б цркве съградилы наши родителїе, въ име прѣчтые. и пакы соу запоустѣлы соудо бжїемь, и тои свеколико приложисмо семоу чтномоу храмоу прѣстые влчце наше бце на цѣтинѥ или соу кметїе, или землѥ, или винограды, или воденице, или дохот'ци ѿ царине или ѿ солы или ѿ рыбе. А сїа црковь паметь да творы ктиторомь кьда имь ѥ исходнїи днь. И да храны два или .г. калоугѥре кои правило оуздрьже оу црквы прѣчтїе оукомоу. Аколи би се кьда гь бь оумилосрьдїѡ, и прѣчтаа его мти да се ѡ ней црквe ѡпеть наслѣдѣ и понове оу сьмиренїю како е и прѣже было. Да есть вол'на црква вьсака своѥ кь себѣ оузети. нь ѿць архїерей ѿ ѡвеи црквe или тко боуде старѣи да вьсѣ (тѣмемъ) ѡблада, и да ѥ вьсе пѡ ѡвей црквe заповѣдь. И еще такои оучинисмо сь сщеннейшими ѡци архїерей, сь прѣѡсщенный митрополитомь зет'цїимь, кѵр висарїѡно и сь еппкомь, кѵр вавѵломь и з братїѡ вьсѡмь. да боуде вьсега ѡв'де оу монастироу прѣчтїе ѡбщежитїе, или мало имаю или много и да ни едьнь брать нѥ вол'нь себѣ нища стежати, ни оу свою (кѣлїю) дрьжати тьчїю вьсе ѡб'щѣ како е законь повьсоу въ стхь и бжтвный монастире, где соу ѡбща житїа. Тко ли се ѡбрѣте потьщав'се разроушити ѡбщежитїе и прѣстоупивь ѡб'щаго житїа законь своимь хотенїемь таковаго да ськроуши мти бжїа и дшею и тѣлѡ. И да прїими педепсїю и изьгнанїе ѿ монастира како прѣстоупникь бжи и злобникь [1]). Тѣм'же млюсе твоей млти прѣчтаа влце бгородителнице, оупованїе вьсѣмь концемь земли рожьшїа творца и ба моего еже ѿ вѣка оутаен'на тайна, и аггломь несвѣдома. прїими сїе малое приношенїе мое вь дарь себѣ ꙗкоже снь твои и бь нашь двѣ цѣте ѡное оубогые вьдовице. И покрыи ме кровомь млрдїа твоего и боуди ми помощница вь днь страшнаго соудища. И по семь егоже изволый бь

---

[1]) Во 2-мъ экземплярѣ отсюда вставка, которая будетъ помѣщена ниже вмѣстѣ съ другими вставками.

гсподовати землю сию, или снъ мои или вьноукь или инь тко годѣ соудомь бжіемь ѿ иного племене, или ѿ иного езика. Того вьсесрьчнѣ сь смѣреніемь молимо и заклинамо, семоу нашемоу вышеписанномоу приложенію и оузаконенію и оутврьженію непрѣложноу и непрѣткоренноу быти кь вѣкы сіемоу чтномоу храмоу прѣславные мтре ба нашегѡ. ꙗкоже и азь бжтвнымь црквамь ничтоже не вьзехь, ни потворихь. нь паче елико вьзмогѡ приложихь и потврьдихь. Кога ли научи зловѣ свѣтель и соупрьныкь нашь діаволь нечто ѿоузети или потворити ѿ сего нами вишеписаннаго. Таковыи да еть проклеть ѿ крѣпкые деснице влкы нашего твор'ца нбоу и земли. и ѿ силы чтнаго и животворещаго крта. и ѿ. ві. апль врьховний и. о прочіи и ѿ тп. (318) стхь ѿць иже вь никеи. и ѿ всѣ стыи. иже ѿвѣка боу оугожьшій. и да е пѡвнь іоудѣ прѣдателю. и ѡ немь рекшій вьзми вьзми разьпны его. крьвь егѡ на нась и на чедехь наши и прѣчтаа мти бжіа соупрьница да моу е и (на) страшномь и нелицемѣрном соудоу ·:·~

Вь лѣто ,зц. ,сг. писасе мца генуаріа. .д. днь. оу рѣцѣ.

Сего ради и пѡписоую и печать нашоу ѿвкичноу поставлюю кь свѣніе вьсѣмь ·:·~

Въ ха бга благовѣрнии и бгѡ хранимии гсподарь зетскы ика црьноевикь.

Дополненіе по 2-му экземпляру.

Послѣ словъ: дроугы старь глотине сокѡ,

«и от замѣне ратка остоика отогде церковно при светои текли 12 кварать седбе пшенічне и под кучіще ратко остоича два стара и два шестака седбе пшеничне и около те земле печа дубраве: і оу кошучи до едань старь и четьврьтанік сѣдбе, и на чемѣ е ратко сѣдіо медьомь лозіе, када е радьяло наиветьіе 55 крьбаль, а наимане 30 крьбаль віна бівало; і вище зграде раткове комать дубраве, і две кметщине раткове, на коих сѣди нікола ковачь і вукота крівокутьіа, оба кмета церковна сь бащінами да су кметіе, ка и стругари; и на іабланово два кабла сѣдбе пшенічне

и под великомь плочомь віноградь, и више села над виноградомь брьда и гори по медьіах, како се овдень именце: наипрьво по чанши на наивіши врхь добрьщікь; отолень у тесно ждріело, с такорніка у граніцу і оттолѣ вѣнцемь у врхь дебелога и оттоле у граніцу на дно ругина доца, и оттоле на западь у граніцу више миомана клобучара кутьіе; и оттоле у граніцу под водомь, коіа се зове грабь (грмь), више нікшине кутьіе; и оттолѣ у граніцу на плочу у дно алка, у граніцу у дебелу плочу, и оттолѣ у дно молога (малога?) зеліа у сказь; і оттоле опеть на наивішши врхь добрьщика. — і рада прибисаличіа издецомъ из бащіномъ и радоню мрькшічіа; діо брьда и горе надъ лупоглавомь; тому има у граніцу, уврьхь ивине и оттолѣ над лугобь (лугомь?) у границу; и оттолѣ под ковачевь доль у крсть у граніцу, и оттолѣ у границу, како идешь управь узгору путом одесну пута на вышье, иоттолѣ віше ковачева дола у велики ками у границу; и оттолѣ више дабкова дола у граніцу и оттолѣ више кравшіна дола у граніцу, коіа е у ободіни; і оттолѣ више станіща на врхь голе главе у граніцу; и оттолѣ у дебелу плочу у граніцу; и оттолѣ на ждриело над кашніемь доломь право погледавши ка велѣму врьху, коие више травнога дола; и оттолѣ све по хрьбтиемь у кози хрьбать; и оттолѣ у бучки бриегь на ками граніцу чин е от юга; и оттолѣ по хербтиемь у дебели врьхь кошуча брьда; и оттолѣ више лупоглава поврхь гомилице на врьхь поповіех лазінах; и оттолѣ у кршь віше врановіехь стань и у пропастна на вранове стане, и оттолѣ по дно брьда грешають и поле опеть у граніцу на врьхь ровінах; у тезиех іес граніца лупоглавь горнѣ добрски що би рало задьіело, за що би діеліень с полѣмь, те им га неузеше на диелу иное въ се црковно». На полѣ книги примѣчанья: «і приложихь единь вита воденични на воду ситницу. — і у плешивце два витла воденичніи на глави воде зете і іазь... ше слабцихъ... зіи и нога... више да... ма согра ...до мли... ....диели цар... ом напо». Далѣе сбоку стоитъ надпись: «за планину ловьтьень» и потомъ слѣдуетъ, что уже выписано, а послѣ словъ: без оупроса цр҃ковнога ѿца архіереа з братіѡмь»

продолжается описаніе границъ: «на ових земль у ловтьену. Како имь кажу ове границе. Наипрво почепши у пресѣку где се састае медья ловтьенска і бостурска і баичка; и оттолѣ по хоберу у каменити оберь от маисторіце; оттолѣ управь у ждриело маисторско и ловтьенско; оттолѣ хоберомь поврхь трещаніка у ждриело гребенско; оттолѣ врьхомъ у кобили торь, и оттолѣ оберомь у дебели врьхь више біблѣга дола; и оттолѣ хоберомь више бабіака; и оттолѣ право нізь бабіакь у ждриело медью ловтьень и медью бостурь; и оттолѣ опеть у пресѣку, где се састае медья ловтьенска и бостурска и баичка [1]). Ово медью овеми скази, що годье земль работниех и сѣнокосахь или жіто то или сиено, да е цркви четверьта; а от лаза седма. Тко ли би се наша се самовольянь и унутра овиехь границах да усие жито и покоси сиена или посиече лазь или посіече лиесь у халугу без упроса црковнаго, да му црква све узме; а ніему мука да подье залуду и сувише да плати, гди коя буду 300 асприх глобе» [2]). И еще приложих на цетиніе како се назива наше по старіех сказіяхъ, кое се овдень именуя. Наипрьво у граніци от пута кои слази от вітките (витине?) улице преко поля правокудие су прамори (мрамори?) укопани и у граніцу на средь поля у камену медью крьши; оттолѣ іде право у вігнище; оттолѣ право управь посредь воде андрана; оттолѣ свернувьши опеть подно брьда краемь поля поврьх крьша зауглинскога при потоку; и оттолѣ нъ право потокомь мимо влашку цркву под брьдом у понорь, и оттолѣ краемь поля опеть у граніцу код пута витине улице. И кто сее то полѣ, да носи жито готово у манастирь четврьтину, и да нема нітко усеять безъ упроса црьковнаго отца митрополита с братіомь. И приложих комать землѣ пред монастир от понора потоком иза монастіра до моста; од моста потокомь до ограде, от ограде до горе и краем до клѣети, от клѣети у понорь; то нека за кипурие и ли-

---

[1]) Примѣч. на полѣ: «ову граніцу на пресѣку сломи проклети миро марковь от баицы».

[2]) Примѣч. «и поради те граніце би много крьвопролитие между цетиняни и нѣгуши».

ваду. И еще приложих на цетиніе свише реченіемь землями гору и дубраву и лазе: наипрьво почанши от края поля цетиніа, како ходи путь у заграбіе преко кремене ниве путем како иде путь десна страна до медье арбанашке на погледь боришини каменици и путемь, кои греде отврьтиельке къ бѣлошемь; остае сва десна страна дубрава, кою чінисмо искастрить за монастырь; путемъ почивало близь питоме крушке у лішаеми ками; оттолѣ на врьхь старе лазине; оттолѣ правцемь у каменіцу у врьхь присвоя; оттолѣ у врьхь крьша ками валомь више зле скалѣ; оттолѣ правцемь у черну плочу между рупицами, на краю ободине; оттолѣ правцемь повръхь лазине у процпепь у ждриело; оттолѣ у расахати ками у шушнои страни; оттолѣ покраи вукотина ягніла от ценачіне, где су два камена на камену; оттолѣ управь віше плоче у кршь; оттолѣ у дебели крьшь віше процпепа у велѣга крша процпеннога у путь граніца на почивало [1]), оттолѣ у вели бріег, от велѣга врьхь бріега правцемь у голи бриегь; от велиега врьхь бріега правьцемь у голи бриегь. Ту се састаю три медье: црковна і бѣлошка і рвалачка. Оттолѣ наврьхь шевръѣ [2]) на путь на плочи граніца; оттолѣ на руду главицу на сборіще; оттолѣ посредь воде, коя се зове ханьдрань; оттолѣ правьцемь на краи поля у вигнище у кршь граніца; оттолѣ како прежде казах преко поля между крьши граніца у мали крьшь нисполѣ куді ее прво речено мраморіе укопано право у граніцу у краи поля код пута, кои излази от вітине уліце; оттолѣ покраи поля у понорь, кои ніже влашке цркве; от понора потоком мімо влашку цркву у кршь зауглински у клачіну; оттолѣ краемь горнимь за угліну и доним от ограде потоком иза монастира у понорь; оттолѣ краемь поля у маринь студенаць; оттолѣ све краемь поля подно дьинова брьда грешающи полѣ опеть у дно заграбля. То е въсе црковно іли драго цркви дубраву кастріть или лазе или дрьва іли сама

[1]) Примѣч. «ову граніцу на почивало сломили бѣлоши».

[2]) Примѣч. «ову граніцу на шеверьлю сломи малѣмь ніко милошев хумац і удрига искра камена под око и ту му се укоти жівина і изѣде му око и главу до мозга, и тако умре».

себѣ или кому дати. Аще ли кто что дрьзнеть іли у полѣ іли у гору више реченну без упрошеніа црьковнаго оца митрополіта съ братіомь, тко ли би се нашао подорити или посѣщи да му е волніа црьква въсе узети, а ніему трудь да е залудь, и да плати господи, коя буду у то время, 300 асприх глобе. И приложих бранка радоевича съ два брата і поставихь да су кметіе црковни, и да не даю данка нікаква, ні да кому работаю, точію црькви да су съврьшени работніци і да даваю црькви свака кутя по три крьбли віна на сваку годину, і приложих у приморіе мадь винограда по разделие от старога; і приложих единь витао воденични на ситници и у пліешивце два витла наверхь зете и язь према слабціевь· Кому повели предстатель церковни, да дрьжи язь съ црьковю наполи. И еще приложих едну воденицу мою горню на врела и еще приложих ступь земліе на горніе добро, и еще приложих други ступь земліе на яблано. И еще поставих кметіе на цетиніе дѣладіна (Беладина?) хумца; і они и нихъ дѣца и послѣдни да пасу иманіе црковно і нихь трагь докле буду [1]). И у загору боика радовановича съ дѣцом и бащіном, и пачка парца съ дѣцом и бащіномъ да су совршени работніци црьковни і да даю црькви сваку годіну по три крбли віна по лѣву; и на горніе добно що е дрьжао міхаило пиперь бивши ему ми дали; пакь за ніегову ніевѣру узесмо како свое, і дадохь цркви да е увіекь; и на ботуну едань кабаль сѣдбе пшенічне, і у риеку язь ніже яза светаго николе риечкога». За словами: «да прїими педепсїю и изьгнанїе како прѣстꙋ́пникь бж҃и и҆ злобникь». слѣдуетъ: і тако речю нашомь рекосмо са васеми моими властели и поданіци нашіми са заклетвою и руки наше подписомь утврдисмо за вишшу похвалу сѣму чьстному храму пресветие владичице нашее богородице и присно дѣве Маріи. Аще би кто обрелсе научень діяволским навожденіем и сатворить которое прегрешеніе к намь господіам іли ка иному кому и возможеть притещи ка сѣму честному храму

---

[1]) Примѣч. «зри за хумце» и въ той же книгѣ объ нихъ особая статья, какъ они призваны или допущены къ населенію подъ условіемъ пасти и охранять монастырскія стада.

рожьство пресветие богородице, яже на Цетинѣ, да нікто не дрьзнеть что ему сотворити или кою пакость нѣговому дому коліко бі ли дерзнуль на саму главу госпоцку; но аще возможеть отьць митрополіть у господара прощеніе ему да испроси, добро да есть; аще ли невозможеть, да іесть волянь митрополить дати ему проводніка единаго от братіе от сее обітели до того мѣста, иде же свободно будеть человѣку тому. И сіе завещаіа тврдо блюсти».

Это самое описаніе границъ мы встрѣчаемъ и въ грамотѣ, изданной сообща Георгіемъ и Стефаномъ Черноевичами въ 1795 году, которую мы отчасти цитируемъ выше, въ отдѣлѣ *примѣчаній* (стр. 727 — 728). Сыновья Иванбега подтверждая права монастырей на владѣнія, данныя ему ихъ отцомъ, цѣликомъ повторяютъ его грамоту, какъ то дѣлывали и предшественники, государи Зеты и Сербскаго Царства, первымъ долгомъ по вступленіи на владѣніе подтверждавшіе грамоты своихъ предшественниковъ.

Эта послѣдняя грамота, кромѣ того, что имѣетъ значеніе документа, опредѣляющаго права и привиллегіи Цетинскаго монастыря, преисполнена весьма интересныхъ подробностей относительно названій различныхъ мѣстностей, удержавшихся до сихъ поръ, положенія сельскаго сословія, опредѣленія различныхъ мѣръ земли и ея хозяйственныхъ продуктовъ, и для топографической терминологіи. Изъ нея мы видимъ при томъ, какія видоизмѣненія претерпѣла та мѣстность въ продолженіи столѣтій. Куда дѣвались тѣ потоки, черезъ которыя можно было переходить только по мостамъ и на которыхъ работали мельницы? гдѣ тѣ дубравы и алуги, которыми поддерживалось обиліе воды? Все это уничтожено безпощадною рукою человѣка; да и самъ человѣкъ въ то время, повидимому, жилъ лучше т. е. пользовался бо́льшимъ благосостояніемъ и больше обработывалъ землю, чѣмъ въ послѣдующее время. Такъ называемая *влашская* церковь, служащая теперь приходскою для Цетинья и Дольняго края, существовала и въ то время и гораздо прежде, чѣмъ былъ по-

строенъ монастырь. Замѣтимъ между прочимъ, что земли эти до сихъ поръ остаются церковными и на нихъ теперь стоитъ Цетинье и цитиняне ихъ обработываютъ; но значительную часть ихъ присвоили себѣ частные владѣльцы, на что и жалуется переписчикъ; а церковные кметы со временемъ стали свободными землевладѣльцами, и изъ монастырскаго, прежде Иванбегова имѣнія (добро) образовалось теперь село Добрское. Церковные пастухи хумцы также перешли въ свободную сельскую общину. Такимъ образомъ черезъ горнило страданій и лишеній, путемъ опустошенія природы и отступленія назадъ на культурномъ пути, черногорскій народъ достигъ внутренней политической свободы и соціальнаго равенства, а въ концѣ концовъ возстановилъ почти въ прежнихъ границахъ изстари славное и игравшее важную роль Зетское государство.

II.

Дипломы, данные Венеціанскою республикой Черногорскому народу.

Это три диплома дожа Іоанна Корнелія, опредѣляющіе отношенія Венеціанской республики къ Черногоріи 1717 и 1718 годовъ. Всѣ три оригинала на пергаменѣ съ собственноручными подписями и были снабжены печатями, изъ которыхъ уцѣлѣло двѣ.

Первый изъ этихъ дипломовъ украшенъ рамкою, посреди которой вверху венеціанскій левъ, а по бокамъ гербы и потомъ различные цвѣты красками и золотомъ. Надъ текстомъ грамоты титулъ дожа выведенъ золотыми буквами. Внизу привѣшена на шнуркѣ печать серебряная, съ пустотою внутри, заполненною вставленною туда деревяшкой, и съ двумя кистями. На одной сторонѣ печати выбиты фигуры св. Марка и дожа, стоящихъ

другъ противъ друга и держащихся одною рукою за жезлъ съ крестомъ на верху; а кругомъ надписи: Ioan. Cornel. Dux; вокругъ головы Марка 12 звѣздъ и надпись S. M. Venet. На оборотной сторонѣ надпись: Ioannes Cornelio dei gra dux Venetiar. etc.

Остальные дипломы безъ всякихъ украшеній, а при одномъ сохранилась свинцовая печать съ изображеніями, подобными первой.

1.

Joannes Cornelio Dei Gratia Dux Venetiarum etc.

Nobili et Sapienti Viro Angelo Emo provisori Nostro Generali Dalmatiae et Albaniae — fideli dilecto Salutem et dilectionis affectum.

Le prove di devotione e di fede rese anche in altri tempi alla Signoria Nostra ed'il valore e coraggio dimostrato nelle Publiche occorenze dalla Popolatione de Montenegrini, vengono a riconfermarsi con gl'atti della presente sua deditione al Dominio della Republica Nostra: Accogliendosi però con affetuosa dispositione l'Instanze ch'a Nome de sudetti Communi ci sono da Voi Ambasciatori state presentate nel Memoriale; Concorre il Senato riguardando con particolar predilettione quei amatissimi Sudditi, e sempre portato ad'incontrar nel possibile tutto cio, che ridondar possa in loro sodisfatione e vantaggio, ad accordarle sopra li Capitoli, e richieste fatte.

Che per quello riguarda il primo et il settimo, che concerne l'exercitio del suo Rito serviano nelle Chiese erigessero, et in quella ancora di S. Lucca di Cattaro, si relasciani le Commissioni proprie à quel Proveditor Extraordinario, perche restina possibilmente consolati.

Passando al Secondo dell' essentione de Datij non solo da loro prodotti, ma della Mercantie, per tutto lo Stato, et in questo Dominante ancora, resta à qualunque Montenegrino accordato l'esentione stesso per le Robbe, que nate in quei Communi, sa-

ranno essi per tradurre in' altreparti dello Stato Nostro, e ciò col fondamento di quanto s' è stabilito con Pastrovichi, Perastini e Zuppani.

In ordine poi al Terzo, Quarto e Quinto de Capitoli proposti, si condescende ad'accordarle con la sopraintendenza del Prov. Estr. di Cattaro, che prossimo Eleggersi un Governatore con due Sardari con la Mensual Paga di Ducati venti per cadauno; di quattro Conti con Ducati dieci per ogn'uno d'assegnamento; é d'altri otto con Ducati cinque per ciascheduno; e che le faranno in'oltre bonificate Piazzi vintiquattro, à ragione di lire venti l'una al Mese, per dover tuttocio esserle in progresso continuato, e corrisposto à risservo pero, che le Paghe de Sardari in tempo di Pace, habbino ad esser regolate colle misure si tenessero con tutti gli altri.

Perche habbino poi à servire di Gurardia, e tener coperto il Paese dalle incursioni Nemiche, le resto pur accordato per il Sesto Capitolo l'unione d'una Compagnia, cosi che comprese l'altre due prime gia concesse alla stessa Popolatione, ne sijno da Montenegrini stessi ammassate tre, lasciando pure in suo arbitrio, secondo le loro ricerche espresse nell Ottavo, l'elettione degl'Ufficiali, con l'assistenza de Publica Rappresentanti non meno, che del loro Sopraintendente, dovendo perocosi agl'Ufficiali, che alla Gente esserle corrisposta la Paga in tempo solamente di Guerra, e di Campagna, e colle misure si pratticano con le Compagnie dell' altre Popolationi: et anco conli Zuppani.

Con l'oggetto, che possino anche adoperar, secondo s'esprimono col nono Articolo il proprio valore in diffesa de Public Stati, le saranno anche Somministrati li Trecento Schiopp richiesti, e consignate col Stendardo le dodici Bandieri con qualch Munitione.

Annuendosi in' apresso alla ricerca del X-mo s' impartiscon gl' ordini proprij, perche sia fatto la Provisione, e spedita in loro Sovegno conveniente quantità di Biade.

E con lasciarli per il Jus, e facolta di Giudicare le differenz

trà loro Criminali, e Civili, salvo il riccorso di quelli si trovassero aggravati al Rappresentante Estraordinario di Cattaro.

Data in Nostro Ducali Palatio die (?) Mensis Aprilis Indictione (?) Anno M. D. CCXVII.

Подпись секретаря: Gio. Francesco Busenello.

2.

Joannes Cornelius Dei Gratia Dux Venetiarum et Universis et Singulis Rappresentantibus et Ministris Nostris ad quos hae nostrae pervenerint et earum executio spectat vel spectare poterit significamus vobis hodie in Consilio Nostro Rogatorum captam fuisse tenoris.

Che fatti venir nel Consilio Nostro gl'Interpreti de Monsignor Danilo Vescovo di Cettine e Scanderia, cioe li due capi del commune di Fiumara e quattro dell' altro commune di Cernizza tra loro letto e dato in copia quanto segue. Monsignor Vescovo! Al molto merito da Voi acquistatosi con la Signoria Nostra le prove distinte di valore e di fede palesate nella decorsa campagna, come siamo stati per intiero informati dal nostro Proveditore Generale Mocenigo e nell' haver insinuato ai popoli amati del Montenero la rassegnatione et il Vassallagio al Dominio Nostro aggiungete in presente nuovi speziosi gradi col memoriale ultimamente portatoci a Vostro nome ratificandoci con svisceratezza impegno della vostra deditione al publico Dominio. Aggradendo pienamente la clemenza publica gl' atti del fervore e zelo che vi accompagnano, non meno che la divotione e fede con che si rassegnano pure alla Signoria Nostra, col mezzo dell' opra vostra le popolationi della Fiumara e di Cernizza dovemo assicurarvi in tutti gl' incontri della costanza del publico affetto e predilezione. Nel mentre pero dal Senato si accoglie con affettuosa paterna dispositione le istanze, che ci portate, non solo per quello riguarda le Vostre particolari ricerche ma per tutto cio ancora puo ridondar in sodisfazione e vantaggio dei due communi della Fiumara e Cernizza, venimo in

deliberatione d'assentire all' essercitio della Vostra giurisdictione ecclesiastica nei paesi e luoghi venuti nella presente guerra sotto il Dominio della Respublica e l'uso libero del rito grecoserviano, accordandovi stessamente la facoltà di poter ristaurar le chiese, che fossero pregiudicate, et errigerne di nuove ancora in ogni luogo pur alla medesima Vostra giuristictione soggetto. Vi assicuriamo in oltre, che succedendo per avventura che restasse invaso il Montenero dall' armi ottomane (il che Dio non permettera attesa la Divina sua protezzione, da cui devesi sperar anzi promosse maggiori e piu considerabili acquisti in quelle parti a confusione e freno diquella Barbara Gente). Voi con (далѣе на сгибѣ прервано и нельзя разобрать, но смыслъ понятенъ), egualmente da Noi considerato e occolto e riceverete sempre marche sincere della publica predilezione. Divenendo poi al primo dei punti che riguardano le ricerchi dei due communi preddetti Assentimo che li dodeci capi che dirigono li communi medesimi habbino a godereil mensual assegnamento loro vita durante di ducati cinque da esser loco corrisposti dalla Camera di Cattaro; che habbiano; in secondo, l'uso libero del loro rito serviano. Per il terzo dei capitoli concorremo ad accordar à qualunque persona dei due communi predetti l'essentione de datij per le robbe, che nate in quei communi sarano tradotte in altre parti dello stato nostro e ciò col fondamento di quanto è stabilito con il decreto 13 marzo 1717. con altri communi del Montenero. Per quell' attiene al' quarto et ultimo dei capitoli. Decretiamo il providimento di sedeci bandiere con quatrocento schiopi et altre tante spade all' Albanese, cosi che assicurato voi da tali e si chiare testimonianze della particolar cordialita con che siete stato accolto e riguardato, siamo altresi certi che sollecitando unitamente con li capi dei communi suddetti il ritorno alle proprie case, che rispetto alla presente avanzato staggione tanto preme farete comprender ancora a quei amatissimi sudditi la partial dispositione degl'animi nostri verso i loro riguardi e fermezza nostra nel protteggerli a presservatione e diffesa delle loro vite e sostanze Ben certi d'ha-

ver à ripportar da voi e dalla costanza della or fede in ogn' incontro i maggiori vantaggi. Quare auctoritate supradicti consilij mandamus vobis ut ita exequi faciatis. Dato in Nostro Ducali Palatio. Die XII maii. Ind. XI. M. D. C. C. XVIII.

3.

Ioannes Cornelius Dei Gratia Dux etc.

Sopra il nuovo memoriale hora letto portato alla Signoria Nostra da Monsignor Vescovo Danilo Vescovo di Cettine e Scanderia, lequale sempre essendo negl' animi del Senato la gia palesato dispositione di secondare nel possibile le sue ricerche sia preso, che a Monsignor Vescovo di Cettine e Scanderia e successori resti confermato la sua Giurisdictione a tenor del Decreto dei 12 Maggio ultimamente decorso mentr' egli si conservi Suddito. Ch' habbia uso Vescovo la facoltà di giudicar i suoi calogeri nelle cause ecclesiastiche solamente Che alli sudditi del Rito Greco-Serviano nella sua Diocese essistenti cosi del vecchio che del nuovo Dominio sia permesso il riconoscer il suddito per loro Vescovo e Pastore sortendo poi alle publiche Armi nuovi acquisti nell' Albania li sudditi comprese nella sua Diocesi che forsero del Rito Greco-Serviano habbino ad esser soggettí nel spirituale senza turbare la Giurisdictione degl' altri Vescovi, come pure le Chiese del suo Rito adesso soggette non siano turbate da alcun Vescovo Latino, Greco o Serviano, et habbino ad esser immuni da qualunque Gravezza, con questo però che nei Luochi di Vechio Dominio non possano errigersi nuove Fabriche Chiese ne monasterij, Mentre per quello riguarda le visite s' ingiongono le commissioni opportune al Proveditore Generale in Dalmazia, perche informi se nelle terre del Vechio Dominio comprese nella sua diocese, ll presente Vescovo di Scanderia o alcun suo Predecessore habia mai fatta visito giurisdizionale col consenso e participatione del Senato ben certo per altro questo consilio, che secondando il Vescovo stesso li stimoli del suo zelo vorra pronto-

mente prender l' imbarco che le resta anco agevolato à maggior commado e sollicitudine del viaggio transferirsi alla propria casa et all' occasione che sara da lui inconbrata di contrasegnare le riprove della sua divotione e del suo noto valore. Quare auctoritate supradicti consilij mandamus vobis, ut ita exequi faciatis. Dato etc. Die IV Junii Ind. XI MD. CC. XVIII.

Marco Bianchi Segretario.

III.

Черногорія въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій (Маріана Болицы. — Описаніе Скадарскаго-санджака. Венеція 1614 г. и два отрывка конца XVI ст.).

Слѣдуя хронологическому порядку, прежде всего должно-бы остановиться на памятникахъ XVI в., но мы впереди поставимъ сочиненіе Болицы на томъ основаніи, что оно по времени относится почти къ одной съ ними эпохѣ, а представляетъ собою описаніе столь обширное и полное, что упомянутые два отрывка могли бы быть совершенно опущены, еслибы не заключали въ себѣ нѣсколько весьма интересныхъ фактовъ, которыми описаніе Болицы дополняется и объясняется, какъ варіантами. И такъ начинаемъ съ Болицы.

Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ объ авторѣ. М. Болица по происхожденію былъ которскій нобиль (дворянинъ), находившійся на службѣ Венеціанской республики. Какъ человѣка, хорошо знавшаго свои сосѣднія страны, находившіяся въ то время большею частію подъ турецкимъ господствомъ, республика неоднократно употребляла его для сношеній съ турецкими властями по дѣламъ этихъ странъ. Такимъ образомъ онъ совершалъ путешествія по Албаніи и Черногоріи и плодомъ этихъ путешествій является вышеозначенное сочиненіе, которое онъ поднесъ своей

республикѣ въ видѣ рапорта о состояніи этихъ странъ, при чемъ обращалъ вниманіе главнымъ образомъ на политическія отношенія, состояніе дорогъ, природныя богатства, торговлю и военныя силы.

О жизни его до сихъ поръ имѣется весьма мало данныхъ. Въ 1636 году мы встрѣчаемъ его преподавателемъ одного дворянскаго учебнаго заведенія въ Моденѣ. Неизвѣстно, что̀ побудило его оставить свою родину и искать службы въ чужомъ краю и перемѣнить правительство, которому прежде служилъ; но упомянутое выше сочиненіе, которое онъ представилъ своему другу и покровителю въ Венеціи М. Микіелю передъ удаленіемъ изъ Котора, показываетъ его преданность Венеціанской республикѣ, съ которою для него отождествлялось отечество.

Урбани Рафаэлли, которанинъ же, въ литературной газетѣ «La Dalmazia» сообщаетъ нѣсколько стихотвореній его на латинскомъ языкѣ, которыя въ 1722 года переписалъ изъ книги, напечатанной въ Моденѣ, Антонъ Бисанти (Bisanti).

Вотъ все, что̀ мы знаемъ о М. Болицѣ. Занимающее насъ сочиненіе его носитъ такое заглавіе: «Relatione et descrittione del sangiacato di Scutari, dove si ha piena contezza delle citta et siti, loro villagi, case et habitatori, rite, costumi, havere et armi di quei popoli, et quanto di considerabile minutamente si contenga in quel ducato; fatto da Mariano Bolizza nobile di Cattaro. — All' illustrissimo signor et padron collendissimo il Signor Maffio Michiele. Di Venezia li 25 maggio 1614».

Рукопись находится въ библіотекѣ св. Марка въ Венеціи. Изъ ученыхъ первый обратилъ вниманіе на этотъ памятникъ Л. Ранке въ своемъ соч. «Die Serbische Revolution» (стр. 234), а напечатанъ онъ цѣликомъ въ соч. Ленормана «Turcs et Monténégrins» 1866 года и въ «Старинахъ», издаваемыхъ юго-славянскою академіею въ Загребѣ. 1879 года (кн. XII стр. 164—206), съ короткимъ предисловіемъ С. Любича, заключающимъ приведенныя выше извѣстія объ авторѣ, и съ указателемъ названій мѣстностей.

Представляемъ здѣсь переводъ этого важнаго для исторіи Черногоріи сочиненія, выпустивши только приступъ и перечисленіе содержанія, которое видно изъ самого изложенія.

«Самое точное и подробное описаніе и донесеніе о санджакатѣ или герцогствѣ (ducato) Скадра, въ настоящее время находящемся подъ управленіемъ албанскаго турка Мехметъ-бега Балличеновича (Ballichienovich)».

Перечисливши содержаніе своего сочиненія, онъ продолжаетъ:

«И такъ, это герцогство или, вѣрнѣе, санджакатъ дѣлится на слѣдующія главныя части: Черную-Гору, Баръ, Ульцинъ, Скадаръ, Подгорицу и Плаву.

I. ЧЕРНАЯ-ГОРА.

«Черная-Гора граничитъ съ одной стороны Которомъ, имѣя села свои въ разстояніи трехъ миль отъ этого города, и Будвой на столько-же (т. е. 3 мил.); Пастровичами, Герцеговиной, Скадарскимъ озеромъ и р. Морачей отдѣляется отъ Подгорицы. Она составляла владѣніе славнаго господина князя (S. Conte) Ивана Черноевича, резиденція котораго была въ Жаблякѣ, мѣстѣ весьма крѣпкомъ по своему положенію на вершинѣ одного довольно утесистаго каменнаго холма, построенномъ притомъ по правиламъ новѣйшаго искусства.

«Крѣпость эту съ одной стороны омываетъ р. Морача, съ трехъ же другихъ сторонъ къ ней примыкаетъ вышеупомянутое озеро. Холмъ этотъ окруженъ бургомъ (borgo), въ которомъ находится 250 домовъ, а жители его большею частью живутъ рыболовствомъ. Они ловятъ *скоранцу* и другую рыбу, о чемъ будемъ еще говорить въ другомъ мѣстѣ. Изъ этихъ 250 домовъ бо́льшую часть составляютъ христіане сербскаго обряда. Въ крѣпости резидируетъ только турецкій *диздаръ-ага комендантъ и патронъ*, который управляетъ именемъ великаго государя

(Gran Signor), и внутри ея находятся приблизительно 15 домовъ, небольшихъ, большею частью разрушенныхъ, съ церковью св. Георгія (San Zorzi), которая теперь обращена въ мечеть.

«Эта первая часть Черная Гора состоитъ изъ 90 селъ съ съ 3,524 домами и можетъ выставить на войну 8,027 вооруженныхъ людей, между которыми тысяча съ аркебузами, а остальные съ мечами, щитами и копьями.

«Черная-Гора дѣлится на слѣдующія 5 частей: 1-я — десять селъ, называемыхъ *катуны* (Cattuni); 2-я, управляемая спахіей Вуйо (Vuio), посреди горъ состоитъ изъ 32 селъ и называется Люботинъ; 3-я, Пьешивцы, состоитъ изъ 4 селъ и смежна съ Герцеговиной, какъ будетъ указано въ другомъ мѣстѣ; 4-я, Церница, имѣетъ 25 селъ и граничитъ озеромъ и Пастровичами; 5-я, Лѣшкополе, въ которомъ 19 селъ смежно съ Подгорицей.

«Село Нѣгуши (съ Мирцемъ и Залазами) состоитъ подъ управленіемъ *кнеза* (старшины, conte) Ника Раичева — 200 домовъ, 480 вооруж. людей.

Первая часть.

«Нѣгуши расположены на верху горы, у подножія которой находятся ихъ поля, окруженныя вѣнцомъ горъ въ видѣ амфитеатра, съ почвою чрезвычайно плодородною, способною производить зерновыя хлѣба разнаго рода; но другіе плоды и растенія не могутъ быть вслѣдствіе холода и большого количества выпадающаго тамъ снѣга, который часто лежитъ впродолженіе цѣлаго мая мѣсяца. Пшеницу и овесъ убираютъ здѣсь большею частью въ августѣ и сентябрѣ.

«Мирацъ — село, въ которомъ находится нѣсколько домовъ съ Обода, и состоитъ подъ управленіемъ кнеза Н. Раичева съ Нѣгушей; а прежде было приписано къ границамъ и территоріи Котора, что подтверждается привилегіями сербскихъ кралей, данныхъ этой высшей общинѣ, въ настоящее время находящейся въ рукахъ турокъ. Оно находится на верху горы въ разстояніи только трехъ миль отъ Котора. Жители этого села часто ссо-

рятся изъ-за границъ и пастбищъ съ селомъ Шпилярами близъ Котора, расположеннымъ какъ разъ у крѣпости. Доселенцы изъ Обода поставили свои границы, такъ сказать, на порогѣ шпилярскихъ воротъ, находящихся въ разстояніи одного выстрѣла отъ крѣпости. Границы эти опредѣлены постановленіемъ (huchium, тур. слово, значитъ — судебное постановленіе) одного *Ферисъ-бега*, которому предписано было изъ Константинополя отъ Порты опредѣлить предѣлъ и границы всей Далмаціи, а также и Котора. Поэтому славнѣйшій синьоръ Франц. Бригадинъ, въ 1606 г., ректоръ и проведиторъ Котора, личность съ большимъ значеніемъ и заслугами, поручилъ вышеименованному автору Маріану Болицѣ это дѣло, которое улажено имъ съ такимъ успѣхомъ и посредствомъ сношеній съ различными скадарскими санджаками и кадіями Черногоріи, Подгорицы, Скадра и Печи, завершено трактатомъ, счастливо подтвержденнымъ въ Константинополѣ. Тогда граница изъ мѣста, называемаго Ободъ, перенесена была на другое мѣсто на 2 мили въ ширину и 8 въ длину. Все это подтверждено постановленіемъ въ Константинополѣ и ясно изложено въ достославныхъ грамотахъ.

«Цетинье — кнезъ Батричъ Влатковъ — 70 дом. 170 воин.

«Цетинье расположено на равнинѣ не очень плодородной, имѣющей въ длину 4 мили, и въ ширину 2; а въ одномъ концѣ ея на четырехъ большихъ и хорошо устроенныхъ колодцахъ съ ключевою и очень холодною водою славный синьоръ князь Иванъ Черноевичъ построилъ маленькій, но очень красивый монастырь для монаховъ ордена св. Василія сербскаго обряда: въ немъ резиденція епископа съ 25-ю монахами и 40 другими церковными людьми и слугами. Этотъ прелатъ, какъ митрополитъ, — *духовный правитель* (commanda nel spirituale) всѣхъ жителей Черной-Горы и признаетъ надъ собою власть только Печскаго патріарха.

		Дом.	Воин.
Цекличи, старшина	Радивой Радонинъ	64	160
Бѣлицы »	Вуксанъ Ивановъ.	70	180

	Дом.	Воин.
Цуцы, старшина Вуле и Нико Раичевы	175	237
Озрихничи, старшина Иванъ Раичевъ	60	100
Бѣлоши » Вуко Никчевъ	24	70
Браичи » Дьюро Вулетинъ	60	150
Поборы » Вуко Мильковъ	50	130
Маины (Masine), старшина Дьюро Гиговичъ	120	300

(граничатъ Будвой и Пастровичами).

Вторая часть.

Люботинъ, старшина Вуко Раичевъ, глава всей Черной-горы съ титуломъ спахіи, который онъ получилъ отъ Константинопольскаго двора	70	160
Цеклинъ, старшина Перо Ивановъ	40	80
Градьяны » Вуксанъ Петровъ	30	65
Добро (Добрско село?), старшина Родославъ Радонинъ	47	120
Боково, старшина Радоница Раичевъ	20	40
Косіеры » Раичо Ивашевичъ	36	90
Пелеши » Нико Брайовъ	18	40
Бруичъ » Вуксанъ Радонинъ	30	80
Рваши » Іово Раичевъ	18	40
Арбанаси » Нико Милевъ	20	45
Штитари » Раде Іовановъ	15	30
Загора » Перо Вуксановъ	17	50
Пиперы » Братичъ Николинъ	20	50
Додоши (Dodeza), старшина Марко Данцуловъ	16	40
Рѣчани, старшина Никацъ Дьюретинъ	20	50
Іедноши » Вуле Алексинъ	17	30
Пріевози » Радо Степановъ	23	57
Трново » Алексо Цановъ	14	40
Комарно » Радо Браяновъ	?	30
Забесъ » Никацъ Бояновъ	12	23
Селяни » Ляко Братичевъ	25	66
Іекса » Вуксанъ Браяновъ	21	50

			Дом.	Воин.
Уличи, старшина Марко Дьюретинъ			27	58
Чашице (Cassize), старшина Влатко Вучетинъ			20	40
Іалацъ (Jalaz), старшина Вуко Боретинъ			17	36
Газе, старшина Андрія Дьюринъ			19	45
Шишоевичи, старшина Томашъ Іовановъ			25	60
Лучи (Luchie)	»	Раичо Раймиловъ	15	38
Андринъ	»	Раичо Виловъ	23	47
Превлака	»	Дьюро Брайовъ	30	66
Рибаши	»	Вучина Янковъ	37	80
Друшичи	»	Алекса Вучетинъ	40	97

(смежно съ озеромъ Скадарскимъ).

Третья часть.

Пьешивцы, старшина Вучичъ Мирчетичъ			47	100
Браиковичи	»	Марко Бритвичъ	50	120
Грдово (Gardono), старшина Никацъ Перовъ			60	160
Ранци, старшина Вуко Марковъ			70	107

(смежно съ Герцеговиной).

Въ Пьешивцахъ есть озеро не очень большое, но чрезвычайно обильное прѣсноводными рыбами, въ которомъ ловятся карпы; оно находится въ разстояніи двухъ неполныхъ дней отъ Котора. Въ недальнемъ же оттуда разстояніи въ рѣкѣ ловятся самыя крупныя лаксъ-форели, достигающія вѣсу 100 и болѣе фунтовъ.

Четвертая часть.

			Дом.	Воин.
Грбавацъ или Грбавци, старшина Радо Степовъ			47	105

(отсюда начинается Лѣшкополе).

Горичаны, старшина Нико Байовъ			33	70
Пріаничи	»	Раичо Мійовъ	29	60
Десичи	»	Радо Раичовъ	41	97
Фармаки	»	Станиша Ивановъ (Juonov)	31	60

			Дом.	Воин.
Станевичи, старшина		Радо Груинъ	25	57
Горица	»	Раичо Торбанъ	43	100
Момишичи	»	Вуко Миджовъ (Mixou)	52	120

(это село граничитъ съ Подгорицей, отдѣляясь отъ нея р. Морачей).

Вураничи, старшина		Никша Поповъ	38	37
Толоши	»	Раичо Вукмировъ	27	58
Лужница	»	Браянъ Марковъ	41	90
Бери	»	Сале Іовановъ	32	70
Seche	»	Нико Лазовъ	29	60
Орваши	»	Андрія Іововъ	37	83
Буроничи	»	Брайо Пейовъ	24	53
Крусе	»	Иванъ Вуксановъ	31	72
Команы Горніе, старшина		Зако Брайовъ	53	150
» Нижніе	»	Вуякъ Никшинъ	60	160
Виленица, старшина		Томашъ Братичевъ	38	93
Корнетъ	»	Андрія Дабовъ	28	62
Станевичи или Кокоты, старшина		Пейо Вранцовъ	28	127
Градацъ, старшина		Стано Вуйовъ	21	51
Добротичи	»	Вуковичъ Алексинъ	27	60
Големади	»	Бело Вуйковъ	24	57
Suri	»	Лале Томашевъ	32	72
Іедноши	»	Тодоръ Вуячинъ	29	63

Пятая часть.

Грабовляни, старшина		Вуко Данчуловъ	60	130

(начало Цермницы).

Опточичи, старшина		Дабацъ Николинъ	37	95
Утргъ	»	Нико Дабовъ	45	100
Томичи	»	Вукманъ Лунь	40	88
Брчели	»	Степо Становъ	51	130
Буковикъ	»	Вуко Милёвъ	30	90

			Дом.	Воин.
Глухи-до, старшина Мишо Вулетинъ (смежно съ Пастровичами).			36	80
Лимляны, старшина Лале Вучетинъ			46	100
Каручи	»	Дабацъ Вулетинъ	38	90
Болевичи	»	Марко Данчоловъ	31	80
Сотоничи	»	Rado Grepiev или Prepiev	43	94
Бріези	»	Вучичъ Никовъ	30	70
Дупило	»	Дьюро Дабчевъ	42	100
Орахово	»	Влатко Бойовъ	50	110
Забесъ	»	Дьюро Никовъ	28	60
Године	»	Нико Раичовъ	25	56
Трново	»	Вукославацъ Радонинъ	40	100
Badglavi	»	Dacivo Dabecci или Dabceli	30	70
Комарно	»	Вуле Томашевъ	27	60

«Нужно замѣтить, что въ селахъ первыхъ двухъ частей Черной Горы приняты въ счетъ воиновъ и тѣ, которые занимаются переноскою государственной почты, прибывающей изъ Венеціи съ нарочнымъ фрегатомъ въ Которъ, откуда славный ректоръ, по порученію сената, отправляетъ ихъ въ Константинополь; такимъ же образомъ она идетъ изъ Константинополя въ Которъ, откуда съ тѣмъ же фрегатомъ отправляется въ Венецію. Такихъ письмоносцевъ можетъ быть до 150, иногда больше, иногда меньше, смотря по потребности. Большее число ихъ находится въ Константинополѣ, получая содержаніе, откуда отъ времени до времени бываютъ отправляемы съ платой, а какимъ способомъ и на какихъ условіяхъ, будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ особо.

«Я уже сказалъ выше, что главная гора, которая возвышается надъ Которомъ, называется Ловченъ (Louchien), поиталіански Monte Sella. Гора эта чрезвычайно высока, такъ что съ ея вершины въ ясную погоду можно видѣть черезъ море на с.-з. (ponente maëstro) Augusta gl'Augustini, а къ ю.-в. (le-

vante) Драчъ и Скадаръ. Гора эта очень обильна ключами чрезвычайно чистой и холодной воды, которые, проходя подземными путями, богато снабжаютъ водою и г. Которъ. Наверху, на пространствѣ 12 миль въ окружности, находятся прелестнѣйшія пастбища. Лѣтомъ пасущійся тамъ скотъ, изнуренный сильнымъ жаромъ, находитъ полное возстановленіе силъ; напасшись и утоливъ жажду, онъ отдыхаетъ въ самое жаркое время подъ громадными, чрезвычайно густыми, красивѣйшими буковыми и ясеневыми деревьями и соснами, которыя даютъ тѣнь въ продолженіе цѣлаго дня. Лѣтомъ, съ мая мѣсяца весь народъ Черной-Горы пригоняетъ сюда свои стада. Тамъ въ хижинахъ, сложенныхъ изъ простого камня и покрытыхъ ржаною соломой съ перекладинами, оплетенными хворостомъ, они собираютъ пріятную и вкусную добычу, получаемую прилежнымъ пастыремъ отъ стадъ, съ которыми потомъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, онъ опять спускается въ приморскія мѣста. Убѣгая и укрываясь отъ холода, они остаются тамъ до конца апрѣля. Тамъ же находится множество плодороднѣйшихъ долинъ, въ которыхъ буковыя деревья, обступая ихъ кругомъ, утучняютъ почву своей листвой, такъ что она дѣлается чрезвычайно тучною и производитъ въ изобиліи хлѣба: ячмень, рожь и овесъ. Тамъ накашиваютъ много самаго питательнаго сѣна. Гора эта изобилуетъ также разнаго рода дикими звѣрями, какъ: медвѣди, кабаны, волки, рыси, лисицы и т. п. Сверхъ всего на ней произрастаетъ множество превосходныхъ лѣкарственныхъ травъ, въ чемъ удостовѣряютъ многіе извѣстные ботанисты, которые изъ Италіи и другихъ странъ свѣта часто обращаются за ними въ Которъ.

«Село Цуцы, упомянутое въ Катунахъ и отстоящее отъ Котора на цѣлый день, производитъ мягкую смолу, называемую *катрамъ*, которую торговцы отправляютъ большею частью въ Венецію. Изъ Черной-Горы въ изобиліи получаетъ Которъ пшеницу и другіе хлѣба, а также сыръ и мясо. Упомянутый *катрамъ* въ изобиліи также добывается и въ селахъ, находящихся надъ Рисномъ.

«Два десятка селъ, составляющихъ Лѣшкополе, занимаютъ чрезвычайно пріятную и плодородную мѣстность, по которой протекаютъ три весьма обильныя рыбою рѣки, и одна изъ нихъ, упомянутая выше Морача, отдѣляетъ равнину отъ Лѣшкополя и Черную-Гору отъ Подгорицы.

II. БАРЪ (ANTIVARI).

«Вотъ села, которыя принадлежатъ территоріи этого города, начиная отъ границы Пастровичей:

		Дом.	Воин.
Спичъ, старшина Дьюро Марковъ		60	150
Сушань »	Dumo Lichi	40	80
Suissa »	Перо Витичъ	40	87
Зубцы »	Нико Перовъ	20	45
Тодьемили »	Вуко Стрепьевъ	30	70
Микуличи »	Лука Матусковъ	25	60
Градоевичъ, старшина Дьюро Марковъ		50	130
Поды, старшина Пери Вуча (Voucha)		39	80

«Прекрасный городъ Баръ, въ 1572 г. взятый турками, расположенъ во главѣ прекраснѣйшей и плодороднѣйшей равнины, откуда съ одного скалистаго холма открывается поле. Внутри его находится 400 домовъ; а въ бургѣ, расположенномъ кругомъ среди садовъ съ прелестнымъ мѣстоположеніемъ, живутъ знатнѣйшіе турки, приблизительно до 100 домовъ. Всего здѣсь можетъ быть 500 воиновъ.

		Дом.	Воин.
Добра-вода, старшина Радо Дьюровъ		40	100
Racé или Rau »	Дьюро Стрепьевъ	25	54
Куне (Cumgni) »	Шуто (Schuchi) Дьюровъ	20	46
Мркоевичи »	Марко Никовъ	260	1000

Эти Мркоевичи, какъ и Пастровичи, имѣли отъ свѣтлѣйшей республики привилегіи и содержаніе.

Горана, старшина Dumo Luchi		20	45
Дьонковичи »	Андрія Друни	30	70

		Дом.	Воин.
Крюсе, старшина	Дьюръ Цека	30	75
Сальчи »	Pepa Meaigli или Mexigli	15	40
Паграцъ »	Пепа Дьюровичъ	60	130

«На территоріи Бара находится древнѣйшее общежитіе и монастырь-аббатство св. Маріи Ротацкой, построенный кралицею Еленою и сыномъ ея Стефаномъ Урошемъ, кралемъ Сербіи. Доходныя статьи этого монастыря находятся большею частію въ границахъ Пастровичей, подданныхъ Венеціи. Кромѣ разныхъ другихъ мѣстъ въ Пастровичахъ, монастырю этому принадлежитъ мѣстность, называемая Лугъ, равнина, имѣющая 6 миль въ длину и 3 въ ширину, и на ней находится нѣсколько селъ, которыя принадлежатъ этой церкви и платятъ ей треть, пятую или десятую часть доходовъ. Въ настоящее время монастырь этотъ разрушенъ монахами сербскаго исповѣданія, пастровичами, не смотря на все сопротивленіе тому аббата и ректора этой церкви, католическаго прелата, назначеннаго святою апостольскою куріей.

III. УЛЬЦИНЪ.

«Городъ Ульцинъ находится на берегу моря, на чрезвычайно пріятномъ мѣстоположеніи, съ плодороднѣйшею и богатѣйшею территоріею, покрытою оливками и множествомъ другихъ плодовыхъ деревьевъ. По взятіи города турками въ 1573 г., онъ состоитъ подъ ихъ властью. Тамъ находится 300 *улафаковъ* (ullafazi, солдаты, состоящіе на жалованьѣ), ихъ постоянныхъ стипендіатовъ. Съ бургомъ въ немъ можно считать — 300 дом. 800 воин. Эти турки собственно бездомники (leventi)[1]) обладаютъ

[1]) *Левента* — въ арабскомъ языкѣ означаетъ человѣка безъ опредѣленнаго занятія и бездомника, который скитается туда и сюда, притомъ иностранецъ съ отдаленнаго востока (levante?). Въ одной пѣснѣ поется, какъ на Моравѣ стоитъ бѣлый шатеръ, а въ немъ сидитъ *левента*; въ объятіяхъ у него латинка; она говоритъ съ нимъ по-латински, а примѣшиваетъ къ тому албанскій языкъ. Это вольница, изъ которой создались морскіе пираты или корсары.

маленькими фустами (мелкими судами), которыя часто сами и строятъ; но вслѣдствіе ихъ непрочности ходятъ только въ Албанію за хлѣбомъ или съ какимъ-нибудь грузомъ заходятъ въ Будву и Которъ.

			Дом.	Воин.
Дьерана, старшина		Марко Крутта	70	180
Братица	»	Gion Salechi	50	127
Поруби	»	Лука Мида	50	130
Скоимири	»	Андреа Поруба	20	42
Куломза	»	Piene Bitti	70	170
Пистулъ	»	Кола Кастратъ	30	70
Зогань	»	Пауло Соимира	100	237
Меди	»	Маса Поруба	20	48
Шинколъ на Боянѣ, старшина		Маринъ Дрека	25	60
Речъ, старшина		Пепа Юбани	20	50
Снерчъ	»	Маринъ Кола	20	45
Беллани (Bellagni), старшина		Tuzi Giez	28	65
Горица, старшина		Кола Андре	30	70
Самричъ (Samaris), старшина		Giez Gion	27	65
Моричи, старшина		Вука Месси	35	80
Маттанъ	»	Деди Скаффи	20	45
Busigattam	»	Vuka Sulla	30	70
Sachulli	»	Marin Colla	26	60
Doxan	»	Colla Marchun	36	80
Barbaruss	»	Dre Lecha	45	200
Ginani	»	Colla Peri	40	90
Selitta	»	Gion Colla	30	70
Suaz (Шасъ, древ. Свачъ, Sfacia), старшина		Pej Mida	50	120
Bratizza, старшина		Diurij Lecha	22	47
Summe	»	Pale Nichi	19	40
Cadorcho	»	Dumo Luchi	50	120
Rasti	»	Preu Bitti	30	70
Midde	»	Lech Porubba	20	43
Barchognich или Baochognich, старшина		Gion Giuronich	40	90

			Дом.	Воин.
Crauar, старшина		March Nicha.	18	40
Oblich	»	Michi Pale	45	110
Bobott	»	Peri Vucha.	40	100

«Теперь слѣдуютъ села отъ Скадарскаго мыса (ponte di Scuttari) у подножія горъ по берегу озера въ направленіи къ Цермницѣ; 22 села, всѣ римскаго обряда, какъ и вышепоименованныя, начиная отъ пастровицкой границы на территоріи Бара и за Мркоевичами, часть которыхъ сербская.

			Дом.	Воин.
Casina, старшина		Giuri Lecha	23	60
Cesagni	»	Andro Dvoinov	20	50
Sirochi	»	Peiri Colla.	50	110
Mesigli	»	Giori Morichi.	40	90
Velliart	»	Marchin Colla.	80	70
Zogagni	»	Alla Andra	25	50
Schanu	»	Nichi Petcho.	20	45
Arbanassi	»	Drecha Marin.	38	80
Gion Vuchi	»	Peu Colla	40	90
Osterossi	»	Colla Gion.	30	70
Martechi	»	Peppa Bivari.	45	100
Bobotista	»	Lucha Mida.	35	80
Ruchi	»	Gion Colla.	27	57
Costagna	»	Lale Drecha.	30	70
Stelichi	»	Giure Nicha.	22	47
Brizol	»	Colla Mengha.	23	40
Limane	»	Giuri Lucha.	23	50
Pincule	»	Gioan Lucha.	20	45
Sextan (Шестаны), старшина		Peri Vuka.	100	260
Morich, старшина		Gion Morich.	20	50
Crigniza (Криница), старшина		Deda Sucha.	30	70
Seoza, старшина		Gian Cruta.	80	180

«Со стороны р. Бояны къ Скадру на равнинѣ, начиная отъ Задримы:

	Дом.	Воин.
Martezi, старшина Pali Giez	15	40
Deraghit или Deragliot, старшина Gion Giecci	20	45
S. Sergio, старшина Gion Succha	30	47
Bussati » Punch Leccha	30	70
Serezi » Gion Scurza	40	95
Daizi » Dedo Sucha	60	130
Samaris » Gion Vucha	35	90
Samaris piccolo, старшина Colla Giecci	20	43
Frascalli, старшина Andrea Giecci	15	35
Recci » March Giura	60	150
Belagni » Mar Giecci	40	90
Caruzzi » Dre Lecha	25	33
Bulugni » Gion Colla	30	70
Три села di Tunisi, по 90 домовъ подъ командою Andrea Druai, Peu'Colla, Lecha Dre всего [1])	270	600
Bradiza или Braxdiza, старшина Polla Nichi	20	50
Gragnola или Graguola » Marin Dre	30	70
Cosmaz, старшина Vucha Suma	40	100
Chuzi » Gion Midda	25	60
Lubran или Lubian, старшина Peppa Sumo	40	100
Giosola, старшина Colla Giecci	26	60
Giuresi » Giuri Lucha	40	100
Molusca » Prenc Midda	30	60
Selaz » Colla Gion	25	40
Musselin » Andra Colla	40	100
Irma » Pep Marin Colli	30	80
Dobranz » Pre Lecha	50	120
Chopilich » Vuch Vucha	36	70
Griese » Gion Menighi или Mexighi	25	60

[1]) У Ленормана напечатано такъ: «Tre ville di Tunisi che sono di nonanta case l'una commandata da Andrea Duai, Peu' Colla.
Case 270. Leccha Dre . . . . . gente armata — 600.

		Дом.	Воин.
Vatan, старшина Gion Saluzi		15	40
Busigitan » Lucha Gion		40	100
Sachalli » Giuri Lucha		30	70
Doxan » Gion Chicha		27	50
Barbaluna или Barbaluxa, старшина Prenc Bitti		30	70
Renesi, старшина Gion Salichi		50	150
Cacharichi » Gion Salichi		150	400
Balladrin » Pepa Scura		60	150
Rasticî » Pepa Soimira		40	100

«Городъ Дривастъ расположенъ у подножія горъ и окруженъ скалистыми холмами съ крѣпостью на вершинѣ одного изъ нихъ; она возвышается надъ городомъ, подобно какъ крѣпость въ Которѣ, съ бургомъ вокругъ. Мѣстность крѣпкая, большею частью ненаселенная, только въ бургѣ жилые дома на равнинѣ, которая стелется внизу и вся обработана и очень плодородна. Отъ Скадра онъ находится въ 12 миляхъ; а близъ него находятся два небольшихъ села. Это главный городъ Албаніи, гдѣ имѣлъ свою резиденцію венеціанскій соправедиторъ, къ которому на апелляцію присылались сентенціи изъ Котора.

		Дом.	Воин.
Gornelichi, старшина Pal Gion		26	60
Rivoli » Dre Midda		60	140
Vilessa » Gion Giecci		17	40

IV. СКАДАРЪ (постоянная резиденція санджака).

«Прекрасный и крѣпкій городъ Скадаръ расположенъ на верху одного холма при озерѣ и р. Боянѣ. Въ городѣ вмѣстѣ съ бургомъ можно считать 400 домовъ съ 1000 воиновъ.

«Рѣка Бояна чрезвычайно богата и обильна разнаго рода рыбою, и каждое время года имѣетъ свою рыбу. Рѣка эта быстрая, и черезъ нее построенъ деревянный мостъ, очень длинный и довольно высокій, служащій бургу для сообщенія съ тою и другою стороной. Упомянутое Скадарское озеро тутъ оканчивается и

вливается въ рѣку, и здѣсь устроены различныя рыболовныя снасти. Бояна впадаетъ въ море, и до устья ея отъ города 24 мили, а отъ св. Сергія 18. Церковь эта стоитъ на берегу рѣки; зданіе богатѣйшее и древнее; построена она кралицей Еленой и посвящена святымъ Сергію и Вакху; отъ нея до города 6 миль. При устьѣ (Бояны) образуются отмели, но на нихъ глубина воды 6, 7 и часто 8 футовъ; теченіе чрезвычайно быстрое. На плодороднѣйшей и весьма пріятной, исполненной прелестей равнинѣ, находятся 12 прекраснѣйшихъ селъ, которыя состоятъ подъ одною юрисдикціей съ подгорицкою стороною и смежны съ горами, которыя еще не покорились туркамъ.

«Въ рѣкѣ Боянѣ посредствомъ снастей, поставленныхъ у края мыса и въ озерѣ близъ города, ловится рыба разныхъ видовъ и, какъ мы уже говорили, всякая въ свое время. Такъ въ апрѣлѣ ловятся въ изобиліи chiepe et gavoni (угри, congre d'eau douce?); chiepe очень вкусныя и нѣжныя по 4—5 Ф. одна; въ маѣ: lize (по франц. lisse) и чрезвычайно жирные угри; въ іюнѣ: жирные и всякаго сорта raine (raia; франц. raie, скатъ?); въ іюлѣ: pascere, rombi (камбала, франц. barbue?); spogli (sfogli, по серб. листъ, тоже родъ камбалы?) всякаго сорта; въ августѣ: жирные кефалы (по серб. ципол, скакавица) полные икры; въ сентябрѣ: кефалы средніе и угри; въ октябрѣ: угри всякаго сорта; въ ноябрѣ: maurachi; въ декабрѣ: corbetti et varoli; въ январѣ: sarache (sarago? espèce de poisson de la mer d'Egypte); въ февралѣ: скоранцы (по серб. уклева) и угри; въ мартѣ: passari, rombi, anguille, raine d'ogni sorte.

			Дом.	Воин.
Dobranci,	старшина	Pepa Sucholi.	50	120
Ruse	»	Mengho Scura.	40	100
Vuracha	»	Vucho Sulla	20	40
Cupionich	»	Pecha Campersa.	60	130
Grille	»	Gion Lecha.	30	70
Cadarum	»	Drea Marin.	30	70
Gradisca	»	Gion Zuban.	40	95

		Дом.	Воин.
Flacha, старшина	Mesi Vucha	18	40
Rassa »	Gion Salico	20	45
Pieraffama »	Lecha Buiarí	40	100
Luga »	Giec Soimiri	40	100
Scarglieli »	Gion Poruba	20	43

Озеро, о которомъ мы говорили при описаніи Черной-Горы и Жабляка, имѣетъ начало у того же самаго Жабляка, у котораго впадаютъ чрезвычайно быстрыя рѣки: Морача, которая увеличивается другими рѣками, о которыхъ говоримъ дальше, и рѣка, которой присвоено имя знаменитаго Ивана Черноевича, гдѣ онъ построилъ на берегу домъ и мельницы. По своему положенію и рыболовству, которое производится лѣтомъ и зимой, это озеро очень пріятно и притомъ судоходно, по временамъ бываетъ очень бурно; по нему ходятъ на баркахъ и парусныхъ фрегатахъ, которые ульцинскіе корсары отнимаютъ у перастинцевъ и которанъ въ Албаніи. Въ окружности оно имѣетъ 120 миль; на немъ находятся 5 островковъ, и каждый изъ нихъ носитъ имя монастыря сербскихъ монаховъ, которые тамъ живутъ; главные между ними св. Николай на Врапинѣ, а потомъ слѣдуютъ: Комъ, Бешка-горица, Старчево горица, Морачникъ.

Оно изобилуетъ рыбою разныхъ сортовъ, какіе только могутъ быть въ прѣсной водѣ, и ею изобилуютъ Скадаръ и его рыболовли. Необыкновенно богато оно и лѣсомъ: чрезвычайно высокіе тополи, вербы и другія, любящія воду деревья, на которыя зимой, начиная съ октября мѣсяца, прилетаетъ несказанное множество птицъ баклановъ (smerghi), называемыхъ по-турецки *кара-булакъ*, — разныхъ видовъ. Кто не видѣлъ собственными глазами, сколько бываетъ этихъ птицъ, тотъ съ трудомъ можетъ повѣрить тому, что̀ описываетъ человѣкъ, видѣвшій ихъ. Скажу только, что птицы эти служатъ главнымъ орудіемъ при ловлѣ скоранцы, и то слѣдующимъ образомъ:

Внутри озера при горѣ, называемой Базагуръ, находится

природный круглый заливъ (un theatro in aqua), окруженный со всѣхъ сторонъ чрезвычайно высокими деревьями. Заливъ этотъ занимаетъ приблизительно квадратную милю; тамъ у края горы на довольно значительной глубинѣ воды, достигающей 3—4 саженъ, помѣщаются снасти изъ прутьевъ на подобіе сѣти, изъ которыхъ каждая вмѣстимостью отвѣчаетъ бочкѣ въ 10 венеціанскихъ бариллъ (боченковъ). Онѣ прикрѣпляются къ чрезвычайно длиннымъ шестамъ и спускаются на дно, гдѣ и укрѣпляются. Лѣтомъ, когда вода стоитъ низко, онѣ переплетаются лозой и связываются прутьями, которые заставляютъ ихъ спускаться до дна у шестовъ, поддерживающихъ эти плетенки, и такимъ способомъ образуется родъ камеры. Опущенныя въ воду, онѣ разставляются вдоль до полумили. Каждый знаетъ свое мѣсто и свою рыболовлю, имѣя 2, 3, 5 и до 10 плетенокъ, сообразно со средствами. Часто продаютъ мѣсто за 40 или 50 талеровъ на годъ. Когда настанетъ время скоранцы, которая приходитъ сюда зимой, убѣгая изъ холодной и мутной воды озера, она кидается для освѣженія въ теплыя воды, такъ какъ тамъ внизу есть ключи, и тамъ она любитъ отдыхать. Сѣти (плетенки) и мѣста рыболовли стерегутъ караульщики, наблюдая, чтобы не налетѣли раньше времени птицы. Изъ Жабляка тогда отправляются лодочки въ родѣ челноковъ, выдолбленныхъ изъ одного дерева; съ другихъ сторонъ также съѣзжаются лодочки, направляясь къ Базагуру, гдѣ и собирается ихъ такимъ образомъ 400—500. Сюда же на то время пріѣзжаетъ изъ города ходжа, турецкій священникъ, въ сопровожденіи множества интересующихся тѣмъ турокъ. Стоя въ лодкѣ на водѣ, онъ, когда все готово, читаетъ молитву на турецкомъ языкѣ, потомъ ударяетъ въ ладоши и какимъ-то особеннымъ крикомъ даетъ знакъ птицамъ, которыя все время ждали и слушали, сидя на деревьяхъ, а теперь стремительно кидаются на воду. Взбивая волны и ныряя, онѣ съ жадностію пожираютъ рыбу, которая, встревоженная и напуганная птицею, и не видя другого спасенія, какъ бѣгство, кидается и попадается въ сѣти. Турки часто въ это время ради

забавы схватываютъ этихъ птицъ живыхъ руками и потомъ пускаютъ на волю, а когда увидятъ, что онѣ достаточно наѣлись, крикомъ спугиваютъ ихъ, и онѣ отовсюду поднимаются съ такимъ шумомъ и такъ бьютъ крыльями, что люди, оглушенные этимъ шумомъ и обрызганные водою, остаются нѣкоторое время въ ожидательномъ положеніи, удалившись немного отъ воды. Сообщу чудную (но тѣмъ не менѣе истинную) вещь, что выстрѣломъ изъ длиннаго ружья, какія обыкновенно употребляются охотниками въ лагунахъ Венеціи, можно убить столько птицъ, сколько дробинъ въ зарядѣ.

Скажу еще больше: птица эта такъ наѣдается, что не можетъ подняться и летѣть, и сидящіе въ лодкахъ легко могутъ хватать ихъ руками; онѣ даже не уходятъ отъ лодки, какъ домашнія, и потомъ, поднявшись на деревья, продолжаютъ сидѣть. Мнѣ случалось убивать изъ ружья 10 штукъ сразу, и въ то время другія не трогались. При отлетѣ онѣ собираются со всей той мѣстности и образуютъ настоящую тучу, самую густую и черную, отъ которой не видать небеснаго свода. Птицъ этихъ запрещено стрѣлять, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ ловятъ рыбу, подъ угрозой штрафа въ 300 аспръ, что́ составляетъ 4 дуката (червонца) за каждую убитую птицу, и отнятія оружія. Это имѣетъ основаніе, потому что безъ нея не было бы ловли скоранцы. Поэтому жители Жабляка оказываютъ ей большое почитаніе и по ней предсказываютъ уловъ рыбы. Хозяева сѣти ничего не дѣлаютъ и отправляются только для того, чтобы посмотрѣть на плоды птичьяго труда, и находятъ иногда свои сѣти столь полными рыбой, что до краевъ нагружаютъ ею свои лодки; многіе же для этого только случая и держатъ челноки. Опорожнивши сѣти, ставятъ ихъ снова на мѣста по описанному способу, но ловятъ не всякій день. Сюда собирается народъ всякаго сорта, и всѣ получаютъ щедрое подаяніе и дары рыбой со стороны владѣтелей сѣтей. Попадаются иногда линь (tencha; франц. tanche?), который тянетъ 5—6 фунтовъ (libri), и такой же угорь, необыкновенно вкусные и нѣжные. На озерѣ этомъ страшное изо-

билiе птицы всевозможныхъ родовъ: безчисленное множество утокъ, cesani, (? посерб. патка пупчаница, anas querquedula), журавли, гуси, водяныя курочки, аисты, фазаны и др., а также разнаго рода хищныя птицы, особенно прекрасные ястреба, которыхъ турки очень искусно ловятъ сѣтями. Я видѣлъ сколько разъ, что турокъ отправляется утромъ въ лодкѣ на охоту съ ястребомъ; сниметъ съ него колокольчики, посадитъ въ лодкѣ и гребетъ туда, гдѣ видитъ птицъ; крикомъ спугиваетъ онъ ихъ и потомъ пускаетъ на нихъ ястреба, и, охотясь такимъ образомъ короткое время, возвращается домой съ добычею 20—30 утокъ.

Морача, съ одной стороны омывающая Жаблякъ, чрезвычайно быстрая и бурная рѣка. И при всемъ томъ, въ концѣ февраля или началѣ марта вы увидите 5 или 6 челноковъ и въ каждомъ сидитъ человѣкъ, который въ одной рукѣ держитъ удилище съ привязанной къ нему лѣсой изъ конскаго волоса, съ удочкой и наживой изъ маленькихъ кусочковъ сырой скоранцы; въ то же время лѣвою рукой, держа весло подъ мышкой, гребетъ и гонитъ челнокъ по́ главной струѣ и по самому быстрому теченію, держа противъ воды, и когда тутъ идетъ лаксъ-фарель (trutta) изъ озера, гдѣ она перезимовала, чтобы попасть въ другое озеро въ Пѣшивцахъ, и совершаетъ такимъ образомъ по рѣкѣ путь до ста миль, она попадается тутъ на приманку изъ скоранцы, и тончайшія удилище и лѣса вытаскиваютъ ее, вѣсящую отъ 50 до 60 фун.; и совершается такимъ образомъ чудо, которому всякій удивится.

V. ПОДГОРИЦА.

Пятая часть Скадарскаго-санджаката, пріятнѣйшая и прелестнѣйшая, какъ говорятъ о ней, и какова она на самомъ дѣлѣ, Подгорица — небольшая цитадель (citadella), окруженная весьма обширнымъ бургомъ, въ которомъ 900 домовъ, преимущественно христіанскихъ, гдѣ городъ, бургъ и село все вмѣстѣ. Она находится на высокомъ берегу р. Морачи, которая, стремясь внизъ

къ Скадру, отъ одного угла и съ правой стороны, отдѣляетъ ее отъ Черной-горы; а равнымъ образомъ и съ лѣвой стороны ея тянутся неприступныя горы, въ которыхъ живутъ непокорные горцы; горы эти сплошь тянутся къ Скадру на 60 миль.

Такъ какъ выше, упомянувши Пѣшивцевъ, мы обѣщали поговорить о рыбѣ, ловящейся въ ихъ озерцѣ, то теперь мы обязаны продолжать и сказать, откуда и какъ является это озеро, при чемъ упомянемъ и о рѣкахъ, которыя впадаютъ въ Морачу и увеличиваютъ ее.

Выше Пѣшивцевъ изъ очень крутой горы рождается р. Повія (Ponia) и ниспадая по краю Пѣшивцевъ на равнину, образуетъ тутъ маленькое озеро, дающее начало большой рѣкѣ, въ которой ловятся карпы и чрезвычайно большія лаксъ-форели, вѣсящія до 100 фун., и нѣжные угри. Тутъ укрываются и лаксъ-форели, о которыхъ говорятъ, что онѣ приходятъ сюда изъ Скадарскаго озера по Морачѣ. Эта рѣка, протекая пространство въ 25 миль, соединяется подъ Момишичами противъ Подгорицы съ р. Морачей. Эта послѣдняя принимаетъ въ себя еще Рыбницу, которая берется выше села Златицы и подъ бургомъ Подгорицы соединяется съ нею. Въ Рыбницѣ жители ловятъ маленькихъ лаксъ-форелей вѣсомъ до 10—12 фун. и прекраснѣйшихъ luzze и линей (tenche).

Рѣка Ціевна, о которой мы также немного упоминали выше, вытекаетъ изъ горъ въ Кучахъ, гдѣ образуетъ озерцо. Она превращается иногда въ большую рѣку, шириною въ 60 саженъ, протекаетъ 15 миль и подъ Грлями соединяется съ Морачей. Въ этой рѣкѣ ловятся лаксъ-форели и маленькіе лини.

Рѣка Ситница вытекаетъ изъ Берей, черногорскаго села въ Лѣшкополѣ, и, протекая по этой мѣстности 5 миль, также соединяется съ Морачей; и въ ней также ловятся лаксъ-форели и лини.

Рѣка Морача берется изъ горъ села (собственно племени) того же названія въ Герцеговинѣ; протекаетъ пространство во 120 миль и впадаетъ въ Скадарское озеро подъ Жаблякомъ,

увеличившись отъ впаденія въ нее пяти рѣкъ, считая въ томъ числѣ и ту, которая носитъ имя славнаго князя Ивана Черноевича. Въ Морачѣ ловятся большія лаксъ-форели, raine, luzzi и скоранцы.

При соединеніи ея или, вѣрнѣе сказать, при впаденіи въ нее р. Повіи подъ Момишичами, одинъ турокъ изъ Подгорицы устроилъ богатѣйшую ловлю рыбы, приносящую большую пользу и доходъ, такимъ образомъ, что въ длинныя сѣти (собственно плетенныя изъ прутьевъ забойки), погруженныя до дна, при небольшой водѣ, попадаются лаксъ-форели, идущія изъ озера, между которыми иная бываетъ до 7 четвертей (пядей, palmi), и множество разной другой рыбы. Отъ высокаго берега или подошвы горъ съ одной стороны и рѣкою съ другой тянется обширнѣйшая и прекраснѣйшая равнина, начиная отъ цитадели и бурга, занимающая въ длину 60 миль и между горами и Морачей въ ширину 30 миль. По этой равнинѣ размѣстились 17 прекраснѣйшихъ и плодороднѣйшихъ селъ, въ которыхъ живутъ главные люди изъ турокъ; чтобы усилить доходы, возвели они роскошныя хозяйственныя постройки (fabriche) и конюшни, и ради удовольствія проводятъ тамъ бо́льшую часть года. Тамъ протекаютъ двѣ рѣки — Морача, которая необыкновенно быстра, и Цѣвна, чистая и прозрачная, черезъ которую построенъ мостъ довольно длинный, на толстыхъ и высокихъ дубовыхъ сваяхъ. Въ бургѣ и цитадели можно считать 2,200 чел., способныхъ носить оружіе, очень воинственныхъ, большею частію (какъ говорятъ) христіанъ. Между ними 250 отличныхъ стрѣлковъ съ длинными ружьями на манеръ алжирскихъ, съ пулею въ одну унцу. Остальное войско составляютъ всадники съ копьями и ragaglieli; христіане съ мечемъ, щитомъ и копьемъ.

Санджакъ, оставляя свою обычную резиденцію въ Скадрѣ, пребываетъ большею частію въ Подгорицѣ, потому что тутъ находятся отличнѣйшія пастбища для лошадей, въ изобиліи хлѣба, а также и остальныхъ продуктовъ, необходимыхъ для нихъ самихъ и для прокормленія ихъ слугъ. Онъ приводитъ

съ собою больше сотни копейщиковъ (lanze, ланцкнехтъ) и съ ружьями, а въ рѣдкихъ случаяхъ до 200 чел., которые называются *сейменами*, съ короткими ружьями съ замкомъ по-турецки (con archobuggi di fessa curti da fuogo alla turchesca). Мѣсто это служитъ также для улаженія разныхъ дѣлъ, такъ какъ подлѣ него въ 15 миляхъ находятся горцы, а также смежно съ черногорцами, отъ которыхъ удалено только на полмили. Такимъ образомъ, приводится устанавливать согласіе то съ горцами, которые, какъ мятежники, никому не оказываютъ повиновенія, или также и съ горцами Черной-Горы, съ которыми удается устроить все при посредствѣ постояннаго, опредѣленнаго имъ дара. Помимо этихъ дѣлъ, здѣсь остаются больше ради привлекательности самой мѣстности, и потому сюда пріѣзжаютъ весной и остаются на лѣто.

Въ Подгорицѣ находятся различные *улафаки*, *спахіи*, *чауши* великаго государя, *мутафараки* и *алайбеги*, которые, будучи занесены въ *тефтеръ* или свитокъ султана въ Константинополѣ, являются съ означеніемъ ихъ должности въ *хутюмъ*, т. е. кредитивномъ письмѣ, скрѣпленномъ *мухуромъ*, т. е. печатью съ буквами, которыя они называютъ ликомъ великаго государя. Улафаки состоятъ на жалованьѣ; спахіи-кавалеристы, которые служатъ и обязаны идти на войну, куда прикажетъ великій государь, и нести съ собою сообразно съ потребностію его *тимаръ*, т. е. провіантъ, и свой собственный, и ведутъ сообразно съ количествомъ провіанта слугъ; мутафараки то же самое и алайбеги. Эти представляютъ особенныхъ полевыхъ сержантъ-маіоровъ герцогства и санджаката. Всѣ эти, получающіе содержаніе люди размѣщаются по селамъ горцевъ, которые признаютъ спахій и другихъ своими господами, и доставляютъ имъ извѣстную часть годового дохода, такъ что привратники и придворные славнаго Насуфа-паши въ Константинополѣ — господа Климентъ.

Бѣлопавличи состоятъ подъ военною командой Подгорицы. Кучи и Братоножичи и частію Плава находятся подъ военной управой Медуна, а остальная бо̀льшая часть Плавы, подъ коман-

дою Семъ-чауша въ Подгорицѣ. Хотами командуетъ Джаферъ-чаушъ и Реджепъ-челеби Хаджичи.

Васоевичи состоятъ подъ командой Ахматъ-челеби Адровича Юсуфъ-бега Крзмича.

Пиперами командуетъ мутафаракъ Мехметъ-ага Главатовичъ; Златицею — бегъ Синанбеговичъ.

Рапса состоитъ подъ командой спахіи Хаджи-Мончеловича, Scarglia (Шкрели?) и кастраты подъ командой Хазаги-Андровича.

Эти горцы получили названіе мятежниковъ (ribelli), вслѣдствіе того, что нѣсколько лѣтъ назадъ не допускали къ себѣ ни одного изъ вышепоименованныхъ чиновниковъ и не давали имъ положеннаго дохода. Не допускали они равнымъ образомъ и воеводъ, которые представляютъ собою исполнителей суда или, вѣрнѣе, судей, и наказываютъ за каждое преступленіе по турецкому обычаю, такъ что, если какой-нибудь проступокъ наказывается взыскомъ съ имѣнія, то сверхъ того платится *глоба* (la globa), т. е. въ пользу воеводы, который, платя санджаку за воеводство каждые три мѣсяца, представляетъ въ той странѣ его лицо. Слѣдуютъ села:

			Дом.	Воин.
Дайбабы,	старшина	Дабацъ Вукшинъ.....	60	140
Горичаны	»	Влатко Пеіовъ.....	67	130
Грли	»	Вуко Іовановъ	80	185
Голубовцы	»	Никша Лакичевъ.....	100	245
Курило	»	Даіо Ничелицинъ.....	30	78
Carabesse	»	Нико Паіовъ.....	25	40
Плавница	»	Нико Раичевъ.....	80	220
Гостили	»	Радо Стрепеовъ.....	70	200
Мояновичъ	»	Дабро Марковъ	40	95
Bischian	»	Павичъ Іовановъ.....	70	177
Вурань	»	Пеіо Нишинъ	45	97
Самарисъ	»	Брато Миповъ	57	170
Златица,	»	Ласо Паіовъ (сынъ попа Радана)	40	100

			Дом.	Воин.
Бериславци,	старшина	Радо Никовъ	30	79
Владни	»	Андринъ.	60	130
Груды	»	Гассанъ Гергеловъ.	40	100
Тузи	»	Сіé Giecco.	30	70

Груды и Тузи въ числѣ этихъ 17 селъ римско-католическаго обряда, какъ и тѣ, которыя находятся въ долинѣ горы Vezzi или Verzi.

Надъ Златицею у подножія горы наверху холма, который представляетъ какъ бы вершину прекраснѣйшей равнины, находится древнѣйшій городъ Діоклея, построенный Діоклетіаномъ. Это была колонія римлянъ; теперь она разрушена и, насколько можно судить по остаткамъ, имѣла въ окружности 6 миль; теперь еще можно видѣть основанія дворцовъ и очертанія каѳедральнаго храма. Находятъ тамъ прекрасные мраморы и множество колоннъ, поставленныхъ на землю и камни, настолько твердые, что едва можно отбить частицу молоткомъ; сохранились краски; на многихъ плитахъ можно прочитать латинскими буквами вырѣзанное имя Павла Эмилія. Тамъ не было живой воды, и потому провели воду подземнымъ путемъ изъ Цѣвны черезъ поле на разстояніи 12 и болѣе миль.

Кромѣ того находятся различнаго вида медали золотыя и серебряныя и изъ другого металла. Подгорицкіе турки пользуются хорошо обдѣланными камнями и упомянутыми выше мраморами для своихъ построекъ, которые они оттуда привозятъ на телѣгахъ.

Слѣдуетъ описать непокоряющихся Турку, которые находятся въ горахъ на позиціяхъ чрезвычайно крѣпкихъ (отъ природы, конечно). Эти горы начинаются отъ границы Герцеговины и идутъ вѣнцомъ до Скадра или *Chuseulugi* (Косови-луг. въ Бѣлопавличахъ?), какъ сказано. Всего здѣсь 11 селъ: 5 изъ нихъ сербскаго, а остальныя римскаго исповѣданія.

Вотъ сербы или греки:

			Дом.	Воин.
Ровцы	старшина	Иванишъ Родонинъ	50	120
Бѣлопавличи	»	Ненеза Лаиновичъ (Salinovich или Latinovich) и Батричъ Томашевичъ ..	306	800
Пиперы	»	Раославъ Божидановъ ...	270	700
Братоножичы	»	Станое Радонинъ.....	86	260
Васоевичи	»	Никола Оташевъ и Лале Баіовъ.....	90	280
Римскаго обряда:				
Кучи-албанцы	»	Лале Дрекаловъ и Нико Раичовъ; воинственнѣйшій и храбрѣйшій народъ	490	1500
Клименты	»	Смаилъ Пренташевъ и Педда Сукка; народъ непобѣдимый, храбрый и чрезвычайно хищническій.....	178	650
Рапса	»	Пренкъ Кастратъ.....	80	260
Хоты	»	Марашъ Паппа	212	600
Scariglia	»	Messa Porubba.....	30	80
Кастраты	»	Пренкъ Битти	30	130

Во главѣ Кучскихъ горъ надъ Грудами въ одномъ раздѣлѣ горъ изъ двухъ холмовъ одинъ чрезвычайно красивъ и на немъ, возвышающемся надъ обширнымъ лугомъ, построенъ маленькій градъ Медунъ, мѣсто, по своему положенію, очень крѣпкое, но малоохраняемое и будто разрушенное. Въ немъ живутъ турки подъ командою *аги* или *диздара*; жителей до 200, очень воинственные. Когда впервые турки завладѣли Подгорицей, Албаніей, Черной-Горой и этою страной, а славный князь Иванъ Черноевичъ сидѣлъ и господствовалъ въ Жаблякѣ, тутъ водворились нѣкоторые турки подъ командою Мраоръ-аги, ихъ главы, который довольно часто имѣлъ вооруженныя столкновенія съ людьми

Черноевича, желавшаго выгнать его изъ Медуна. На помощь туркамъ стеклось множество народу съ разныхъ сторонъ, и произошла кровопролитная битва, въ которой Мраоръ хотя и погибъ со многими своими главарями, но турки остались господами этого мѣста. Съ этого и начались потери Черноевича и гибель его государства. Въ моихъ рукахъ находится еще клинокъ прекраснѣйшей сабли этого Мраор-аги, добытой Черноевичемъ въ той самой битвѣ и послѣ подаренной имъ одному своему родственнику, нобилю въ Которѣ.

На границѣ Печи, которая находится въ разстояніи четырехъ дней отъ Котора и представляетъ престольное мѣсто патріарха сербскаго и греческаго исповѣданія, гдѣ, въ настоящее время, пребываетъ патріархъ Іоаннъ, съ большою помпой, окружаемый и охраняемый турками-янычарами, посланными Портою изъ Константинополя и состоящіе на его содержаніи въ роскошнѣйшемъ палаццо, — есть богатѣйшая и красивѣйшая церковь, въ которой въ большомъ почитаніи держатъ мощи греческихъ святыхъ. Тамъ находится святое тѣло Милютина, краля сербскаго, многочтимаго вслѣдствіе чудесъ, которыя онъ совершалъ; иначе его называютъ *Свети-Краль*. Духовной власти этого патріарха подлежатъ (конечно, тамъ только, гдѣ сербское исповѣданіе) вся Сербія, Подгорица, Черная-Гора и Жупа. Въ томъ числѣ и страна Котора, какъ будетъ сказано дальше.

Есть одна равнина чрезвычайно обширная со множествомъ большихъ селъ, орошаемая множествомъ рѣкъ, не особенно много изобилующихъ рыбой, мѣсто чрезвычайно пріятное и плодородное, называемое Плава, населенная жителями во множествѣ и весьма богатыми, но теперь большею частію разоренными, вслѣдствіе грабежей и вымогательствъ горскихъ Климентъ, которые находятся въ сосѣдствѣ съ ними. Иной день можно видѣть 200 лошадей съ грузомъ шерсти, отправляющихся въ Которъ, отъ котораго находятся въ разстояніи только трехъ дней; сверхъ того везутъ и другіе товары, какъ воскъ, сыръ и кукурузу. По возвращеніи же эти самые туземные жители изъ разныхъ странъ

Турціи, по приказанію турецкой власти, призываются строить новую крѣпость на границѣ Климентъ для обузданія разбойниковъ и для доставленія спокойствія жителямъ Плавы.

			Дом.	Воин.
Трапаны,	старшина	Драгое Лаковъ	72	189
Слатка	»	Перихна Вояновъ.	37	78
Трешнево	»	Андріа Боіовъ.	29	57
Зла-рѣка	»	Вучета Раичевъ.	63	130
Божичи	»	Вукашинъ Раичевъ . . .	80	200
Цецуны	»	Димитаръ Іововъ.	47	100
Дьюличи	»	Лако Миловъ.	33	67
Кормаши	»	Вуксанъ Лалетинъ	38	70
Парноєѣница	»	Томашъ Братичевъ. . . .	70	150
Сеоце	»	Оташъ Николинъ.	40	190
Лугъ	»	Боіо Лаловъ.	60	130
Аржаница	»	Нико Миловъ.	67	148
Улотина Малая	»	Перо Иванчевъ.	55	112
Улотина Большая	»	Ресіп Boioru или Boio .	90	210
Iovoino	»	Boio Vuain или Vaxin. .	29	60
Комораны	»	Вуксанъ Никовъ.	37	73
Ioancovich или Francovich	»	Радо Вуковъ	45	100
Рибаши	»	Влатко Ювановъ	90	220
Крушево	»	Дабиша Браіовъ.	50	110
Градъ	»	Вукъ Онешинъ.	68	140
Трепча	»	Лале Никовъ	70	157
Dossago	»	Лале Баіовъ.	80	190
Гусинье	»	Бело Ювановъ	100	237

Какъ сказано выше, въ разстояніи отъ Гусинья на 3 часа пути и отъ Климентъ также 3 часа, въ мѣстѣ чрезвычайно крѣпкомъ, наверху небольшого холма, въ концѣ 1612 г., Великій Турокъ построилъ крѣпость, назвавъ ее Нови-градъ, захватывающій поля въ окружности 400 саженъ, обнесенный очень тол-

стыми заостренными вверху сваями и наполненный землею съ широкими рвами кругомъ, по которымъ проведена вода и съ тремя подъемными мостами; внутри его помѣщаются для стражи 200 солдатъ пѣшихъ и 50 на лошадяхъ. Эта постройка произведена по приказанію Семъ-чауша, главнаго турецкаго начальника Подгорицы, такъ какъ въ Плавѣ находится его *тимаръ*, которымъ не могъ пользоваться, вслѣдствіе нападеній Климентъ; чтобы унять этихъ ярыхъ мятежниковъ и держать ихъ въ уздѣ и послушаніи, онъ повелѣлъ воздвигнуть эту постройку, и это исполнено. И только посредствомъ такой стражи можно этихъ Климентовъ удержать, чтобы все не разграбили и не растащили.

Сказанное здѣсь относится ко всѣмъ вообще горцамъ-мятежникамъ. Пора наконецъ описать особо ихъ нравы, обычаи, дѣйствія и то, что́ достойнаго замѣчанія произошло между 1612 и 1613 гг.

Сверхъ того, какъ мы уже не разъ упоминали, этотъ народъ (числомъ 5,380 воиновъ) держится крѣпко вслѣдствіе естественныхъ условій ихъ поселеній и положенія въ горахъ, твердыхъ и неприступныхъ. Главная сила ихъ заключается въ единодушіи, съ какимъ они по общему договору отказываются платить опредѣленную дань царю, и еще менѣе давать должное особое содержаніе спахіямъ, какъ писано выше. Вслѣдствіе всего этого, будучи слишкомъ притѣсняемы турками, они рѣшили подъ клятвою, которая между ними очень соблюдается, не оставлять другъ друга и, держась вмѣстѣ, прибѣгать другъ другу на помощь и не давать туркамъ того, что́ они считаютъ должнымъ. Достигши такимъ образомъ болѣе спокойнаго состоянія, когда сбросили съ себя турецкую тираннію, они, будучи не въ состояніи коснѣть въ досугѣ, предались грабежу. Отправляясь шайками внутрь турецкой области даже до Филиппополя и грабя главнымъ образомъ бурги, села и купеческіе караваны, они такъ обогатились, что у Климентъ въ существующихъ 188 домахъ можно было найти, по крайней мѣрѣ, въ 100 домахъ по двѣ конскихъ сбруи, серебряныхъ съ позолотой, сабли, узды, нагрудники (для лошади) и

сѣдла, окованныя въ серебро съ дорогими каменьями, такъ что одна такая сбруя могла стоить отъ 150 до 200 золотыхъ цекиновъ; лошади большой цѣны, подносы, подносики серебряные и золотые, не считая безчисленнаго множества мелкаго и крупнаго скота. Вооруженные были болыпею частью съ мечами, щитами и копьями со множествомъ пращей, которыми дѣйствуютъ чрезвычайно искусно; можно было найти у нихъ рѣдкіе аркебузы; ко всему этому было достаточно муниціи, такъ какъ они приготовляли для себя довольно хорошій порохъ. У всѣхъ, однако, горцевъ не было ста аркебузовъ. Этотъ народъ такой подвижной (agile), такой храбрый, отважный и быстрый и такъ искусно умѣетъ становиться въ боевой порядокъ, что, смотря на него, удивляешься. Я видѣлъ, какъ они устраиваются для сраженія, уклоняются и преслѣдуютъ, раздѣляются и нападаютъ, устраиваютъ разсыпную и обезпечиваютъ отступленіе; это поистинѣ хорошо выполнять могутъ только очень практикованные и многоопытные солдаты-ветераны, упражнявшіеся въ подобнаго рода примѣрныхъ сраженіяхъ каждый праздникъ и подъ руководствомъ многихъ офицеровъ. Они ходятъ большею частію босикомъ, и только нѣкоторыхъ увидишь идущихъ по скаламъ въ *gamoze* (опанки?). Были и теперь и постоянно продолжаются безконечныя жалобы константинопольскому двору на разбои, грабежи и возмущенія этихъ горцевъ, вслѣдствіе чего, наконецъ, Великій Турокъ рѣшился отправить противъ нихъ въ 1612 г. цѣлую экспедицію подъ предводительствомъ паши, сына того Мехметъ-паши, который былъ убитъ въ диванѣ, т. е. на аудіенціи, и который былъ посаженъ на боснійскій пашалыкъ съ резиденціей въ Банялукѣ, а въ герцеговинскомъ санджакатѣ на *арпалукъ*, что на турецкомъ языкѣ значитъ — конское продовольствіе.

Этотъ-то паша отправился въ Подгорицу и призвалъ съ разныхъ сторонъ 25,000 воиновъ. Тогда онъ отправилъ въ Которъ одного своего агу и довѣреннаго въ сопровожденіи многихъ турецкихъ главарей Подгорицы и съ вѣрительными письмами прямо къ славному синьору ректору, при отдѣльномъ письмѣ Болицѣ,

вышеупомянутому автору, который долженъ былъ ихъ вручить. На управленіи тогда былъ славный синьоръ Джіеронимо-да-Моллина, который, какъ самый дѣятельный дворянинъ (gentilhomme) и очень мудрый въ политическихъ дѣлахъ, только что прибылъ паша, далъ знать въ Венецію сенату о случившемся, который опредѣлилъ подарокъ самой высокой цѣнности для упомянутаго персонажа. Тогда, прочитавъ письмо и разсмотрѣвши, что̀ пишетъ *тьехая* паши, въ которомъ онъ послѣ разныхъ мелочей и комплиментовъ требовалъ именемъ своего государя обычный подарокъ, на что̀ было отвѣчено, что подарокъ, слѣдующій ему, какъ санджаку Герцеговины, готовъ уже; но, разсмотрѣвши письмо его тьехаи, изъ котораго только и можно было узнать, кто таковъ санджакъ, необходимо было снова послать увѣдомленіе и на то письмо приложить печать *мухуръ* или ликъ того паши, сказавши, что онъ такимъ образомъ удовлетворяется; и все это дѣло было устроено и сдѣлано упомянутымъ Болицею. По прибытіи вновь письма, такимъ образомъ запечатаннаго, туркамъ при прощаніи врученъ былъ подарокъ, опредѣленный на Герцеговину, и въ обмѣнъ свѣтлѣйшему ректору былъ посланъ прекраснѣйшій конь.

Между тѣмъ паша съ вышеупомянутымъ войскомъ, пытавши нѣсколько экспедицій противъ мятежниковъ, пробывши въ Подгорицѣ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ и видя, наконецъ, невозможность успѣть, ни даже нанести имъ какой-нибудь вредъ, измѣнически сжегъ село Бѣлопавличей и взялъ въ плѣнъ 800 душъ дѣтей и женщинъ и небольшое количество скота; тогда какъ мужчины съ остальнымъ скотомъ спаслись въ другія села; и тогда рѣшился отправиться; а когда было распущено войско и прекратились дѣйствія, горцы изрубили въ куски 300 турокъ спахій, овладѣвши ихъ лошадьми и багажомъ; и война окончилась безъ всякаго, имѣющаго значеніе результата. Въ 1613 г. посланъ былъ изъ Константинополя противъ мятежныхъ горцевъ Арсланъ-паша съ семью санджаками, именно изъ Призрена, Печи, Дукадьина, di Charaghnich или Cazagnich (?), Эльбасана, Задримы и Скадра, которые привели съ собою по обыкновенному санджаку и еще

войско, собранное изъ разныхъ мѣстъ, было даже и изъ Черной-Горы, въ сложности было 50,000 воиновъ, а по слухамъ было и болѣе 60,000. Войско это стояло безъ дѣла 24 дня, ничего не предпринимая; а потомъ поднялся подгорицкій паша и присоединивши къ себѣ различныхъ спахій и пѣхотинцевъ той страны, отправился къ Климентамъ и тамъ оставался 12 дней, не дѣлая ничего, какъ только собирая свѣдѣнія черезъ шпіоновъ: это были климентскія семейства, скрывавшіяся въ другихъ селахъ, которыхъ онъ велѣлъ взять въ плѣнъ, и которыхъ съ дѣтьми и женщинами было до 80 душъ. Другое климентское село сторговалось относительно пятнадцати плѣнныхъ за 1,000 дукатовъ и въ ожиданіи исполненія договора послало въ Подгорицу 100 лошадей въ видѣ залога. Клименты же, подкарауливши въ одномъ тѣсномъ мѣстѣ кираджій (возчики), убили 30 турокъ, захвативши 50 лошадей; вслѣдствіе чего, напугавшійся паша, оплакивая это и опасаясь худшаго, отправился тогда же изъ Климентъ, не сдѣлавши ничего другого, и, прибывши въ Подгорицу, тотчасъ позвалъ на помощь войска изъ Новаго, и съ ними и съ цѣлой арміей отправился грабить одно васоевицкое село изъ 85 домовъ, гдѣ не сдѣлалъ ничего выдающагося, кромѣ того, что захватилъ 60 душъ дѣтей и женщинъ, спасавшихся въ другихъ сосѣднихъ селахъ. Мужчины же не остались безъ отмщенія за свое село, и на возвратномъ пути ихъ въ Подгорицу, напавши на задній отрядъ, убили 20 турокъ и захватили 30 лошадей. Наконецъ онъ сошелся и съ Бѣлопавличами на 1,000 дукатахъ и 12 плѣнныхъ. И когда войско было распущено, а оставались позади санджаки Казаничскій и Печскій, они же самые убили 70 турокъ, отнявши 80 лошадей, и слѣдовали за пашей по пути въ Подгорицу, и подкарауливши въ лѣсу, гдѣ былъ только тѣсный проходъ и узкая мѣстность, называемая Косови-лугъ, убили 40 турокъ и отняли 60 телѣгъ, запряженныхъ мулами и лошадьми, тюки съ товаромъ и багажъ; такъ дѣла шли въ продолженіе двухъ лѣтъ между нятежниками и этими войсками; все разрѣшилось однимъ дымомъ. Такимъ образомъ 150 плѣнныхъ, захваченныхъ пашею, и 1,000 дука-

товъ пошли за 160 турокъ, которыхъ они убили, и 220 лошадей, захваченныхъ при томъ, между которыми 60 съ багажомъ и товаромъ, оставшись потомъ въ спокойствіи, въ свободномъ пользованіи этимъ товаромъ, своимъ имѣніемъ и домами. Все это происходило между горцами и пашою до 10 ноября 1613 г.

1604. Во время славнаго синьора ректора и проведитора въ Которѣ Марка-да-Молина, прибылъ въ Подгорицу скадарскій санджакъ Алибегъ-Меметбеговичъ, племянникъ великаго Ферисъ-паши, который былъ великимъ капитаномъ въ Венгріи; тѣмъ же славнымъ проведиторомъ я былъ отправленъ съ обычнымъ подаркомъ, который и доставилъ въ Подгорицу. Этотъ Болица авторъ, какъ знакомый и пріятель санджака, который однажды, будучи замѣстителемъ своего брата Ибраимъ-бега, бывшимъ пашою въ Канижѣ, гдѣ и умеръ, принималъ его въ домѣ, когда онъ былъ боленъ, и много дней за нимъ ухаживалъ, за что онъ съ большою благосклонностію отвѣчалъ синьору проведитору весьма любезными письмами. Теперь онъ, желая получить обычную дань и отъ жителей Черной-Горы, которые ничего ни платили, ни давали и къ которымъ присоединились и кучскіе горцы-мятежники, считающіе до 3,000 вооруженныхъ, захотѣлъ попробовать добиться силою и съ помощію желѣза того, въ чемъ не хотѣли послушаться слова. Поэтому онъ перешелъ рѣку Морачу и вступилъ въ Лѣшкополе, чтобы отправиться въ Черную-Гору; предалъ огню села Станевичъ и Горицу, а когда направился въ горы, то былъ встрѣченъ черногорцами, которые караулили этотъ трудный и укрѣпленный природою проходъ; когда же дошло дѣло до боя, то они его разбили и погнали, такъ что санджакъ, раненый копьемъ, спасся только на добромъ скакунѣ. Изрублено въ куски было до 100 турокъ и между ними его тьехая и лейтенантъ по имени Шанъ-тьехая, человѣкъ сильный; и еслибъ не темнота ночи, плохо бы было и всему остальному его войску.

Письмоносцы, обыкновенно черногорцы, проходя обычною старою дорогою черезъ Кучи, установленною съ самаго начала для сообщенія между Которомъ и Константинополемъ, должны

были первые принести публичное извѣстіе и въ этомъ случаѣ; но, не зная впередъ о происходившемъ, они были схвачены и жестоко мучимы, и вслѣдствіе этого теперь никто не захочетъ рисковать старою дорогой. Въ виду дѣла такой важности, необходимо было, заботясь о публичномъ интересѣ, найти новый путь черезъ Герцеговину, который туда и обратно длиннѣе стараго лѣтомъ на 6 дней, а зимой на 8; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются и издержки, именно: прежде по старой дорогѣ нужно было платить каждому за путь впередъ лѣтомъ 15 талеровъ, а зимой 20; теперь же лѣтомъ 20, а зимой 25. При такихъ условіяхъ переплачивается за путь въ годъ 500 дукатовъ. А нужно считать также и потерю во времени. Это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы.

Старая дорога черезъ Кучи.	*Новая дорога черезъ Герцеговину.*
1-й день отъ Котора въ Подгорицу.	1-й день въ Пѣшивцы.
2-й » Плава.	2-й » » Добранцы. (Дробняки?).
3-й » Печь.	3-й » » Милоконьичи (Millocognichi).
4-й » Планина.	4-й » » Бродарево (ниже Колашина).
5-й » *Черница.*	5-й » » Сѣница.
	6-й » » Новый базаръ.
	7-й » » Митровица.
	8-й » » Приштина.
	9-й » пройдя *Черницу* въ Priespirs.
	10-й » въ Caiva Rieca.
	11-й » » Cosniza.
	12-й » » Самоковъ, гдѣ 21 мельница куетъ желѣзо.
	13-й » » Сучава (Sanxava или Sarscano).

14-й » » Пловдивъ (Филипополь).
15-й » » Сировица.
16-й » » Германлы.
17-й « » Текія.
18-й » » Хапсъ (Hafsa).
19-й » » Баргасъ. Lule-Bergas.
20-й » » Chiorlia или Chivilia. (Чорлу?).
21-й » » Chiembargas.
22-й » » Константинополь.

Къ этому добавимъ еще, какимъ образомъ отправляются депеши.

«Въ Которѣ находится одинъ, на котораго его свѣтлостью возложена эта обязанность, и онъ имѣетъ занесенныхъ въ списки письмоносцевъ, людей изъ двухъ черногорскихъ селъ. Когда приходятъ фрегаты изъ Венеціи съ государственными депешами, они вручаются особому пѣшеходу, получающему въ годъ 12 дукатовъ, который сдаетъ ихъ поименнымъ письмоносцамъ въ Черной-Горѣ. Эти, отправляясь по старой дорогѣ, приходятъ черезъ Подгорицу въ село Златицу къ старшинѣ Лассу, племяннику попа Радони, получающему 80 *спуди* соли въ годъ. Эти препровождаютъ письмоноса до Грудъ и тамъ вручаютъ Асану-Ергеловичу, получающему жалованье отъ *принципа*, и на обязанности котораго лежитъ препровождать письма черезъ Кучи въ Клименты къ старшинѣ Пренташу, также на жалованьѣ, который провожаетъ до Плавы и оставляетъ въ безопасномъ мѣстѣ, и такъ точно совершаютъ и обратный путь».

Потомъ, по прошествіи шести лѣтъ, устроена была новая дорога для почты съ потерею и тратою столь великаго сокровища, какъ время, именно осьми дней, такъ какъ во многихъ случаяхъ нѣкоторые моменты могли бы покупаться государями цѣною ихъ государствъ, такъ какъ полученіемъ писемъ скорѣе и позже могъ быть нанесенъ невознаградимый ущербъ въ

дѣлахъ величайшей важности. Послѣ этого, когда потрачено было болѣе 3,000 дукатовъ, славному С. Франц. Морозини, ректору и проведитору Котора, человѣку съ значеніемъ, съ большою опытностію и ревностію по отношенію къ государственнымъ интересамъ — пришло на мысль снова открыть старую дорогу и избѣжать этой значительной затраты. И чтобы съ великимъ благоразуміемъ и ловкостію побѣдить множество встрѣчавшихся, искусственно поставляемыхъ препятствій, изобрѣтаемыхъ людьми, преслѣдующими болѣе личные интересы, чѣмъ публичное благо, онъ, призвавъ къ себѣ Маріана Болицу, вышепоименованнаго автора, поручилъ ему войти по этому дѣлу въ сношенія съ людьми изъ Кучъ и Черной-Горы для обезпеченія этого пути и положить этому дѣлу всякое доброе начало. Болица приложилъ стараніе къ тому дѣлу и лично отправился въ Подгорицу, чтобы установить миръ съ кучами и черногорцами. И такъ онъ установилъ окончательный договоръ съ черногорцами подъ условіемъ выплатить наслѣдникамъ убитыхъ горцевъ 100 талеровъ и дать по обычаямъ страны должныя побратимства, чтобы письмоносцы могли проходить свободно и спокойно; и чтобы лучше и прочнѣе поставить дѣло, онъ нашелъ за болѣе цѣлесообразное прекращенную провизіонную плату 12 талеровъ въ годъ, которая давалась Хасану-Хергеловичу въ Грудахъ, такъ какъ они остались внѣ дороги, выдавать князю Лалу Дрекаловичу и, сверхъ того, князю Нику Раичеву, также въ Кучахъ, другіе 12 талеровъ, потому что увлеченные этою платой они обязаны будутъ препровождать письмоносца съ полнымъ его обезпеченіемъ къ Климентамъ, тогда какъ въ Кучахъ была уже опасность, которая была-бы неминуема, если бы, слѣдуя старою дорогой, привелось проносить письма силой; и тутъ, назначивши жалованье и поручивши ему это, какъ его собственное дѣло, можно было надѣяться на хорошій конецъ. Сверхъ того, онъ установилъ, чтобы 6 талеровъ ежегодно давались Раичу Торбану, князю Станевичей въ Лѣшкополѣ, куда письмоносцы приходили изъ Котора въ первый же день, такъ какъ онъ, личность важная и высокочтимая въ Лѣшкополѣ, могъ совершенно

обезпечить ему переходъ до Златицы и рекомендовать племянникамъ священника Радони (Radagna), получающаго плату, который препроводилъ бы его въ Кучи; и чтобы еще болѣе упрочить тотъ договоръ, онъ хотѣлъ привести въ Которъ сынка князя Лала и лично самого князя Ника Раичева, первыхъ и важнѣйшихъ главарей въ Кучахъ и между всѣми горцами. Вслѣдствіе того, признанные славнымъ синьоромъ проведиторомъ (когда согласіе было доведено до окончанія), эти соглашеніе и договоръ могли быть лично утверждены на письмѣ. Когда все это было одобрено синьоромъ проведиторомъ, завершено подписью съ согласіемъ вышепоименованныхъ лицъ, подписано славнымъ синьоромъ и тѣмъ самымъ Болицею, тогда найдены главные два письмоносца, которые были бы первыми; главарей кучскихъ опять проводили въ ихъ дома, и въ то же время отправлена была почта въ Константинополь по той же, старой возобновленной дорогѣ, съ тѣми же письмоносцами. Они прошли благополучно, совершивши четыре экспедиціи туда и обратно; между тѣмъ, когда бывшій на управленіи вышеименованный славный Морозини, безъ всякой особенной причины, отправился въ путь, то старая дорога была нарушена и онъ слѣдовалъ новою, съ тою же излишнею тратою 500 дукатовъ и потерею 8 дней, и тогда Болица былъ побужденъ со стороны главныхъ лицъ, заключившихъ договоръ и ото всѣхъ главарей этихъ горцевъ, расположенныхъ къ нему самымъ дружественнымъ образомъ, въ письмахъ самыхъ любезныхъ, съ предложеніемъ обезпечить и сдѣлать свободною старую дорогу, и что они охотно отправятся къ его свѣтлости и установятъ это дѣло.

Остается описать сухой путь по Баянѣ въ Драчъ, Лѣшъ и Крою, хотя это и не входило въ нашъ планъ и выходитъ изъ Скутарскаго санджаката.

Pulagni.....	20 дом.	50 воин.
Renesi.....	100 »	200 »

Лѣшъ (Alessio)—городъ, гдѣ находится резиденція епископа; въ бургѣ и городѣ находится 500 домовъ, въ которыхъ можно считать 700 воиновъ, и тутъ складъ товаровъ подъ вѣденіемъ dal Nasor di Castel-Novo.

Matthia	40 дом.	70 воин.
Omuragni	20 »	50 »
Lalli	100 »	250 »
Sanbasto по направленію къ Кроѣ въ разстояніи отъ этого города 4 миль.	40 »	100 »

Кроя, городъ королевскій, столица непобѣдимаго вождя (capitano) Георгія Кастріота, прозваннаго Скендербегъ; мѣсто очень крѣпкое и неприступное, наверху холма и довольно хорошо охраняемое; тамъ приготовляется оружіе.

Vegnagni	20 дом.	50 воин.
Bellagni	40 »	100 »

Пресъ (Pres) есть цитадель съ укрѣпленіемъ на холмѣ, обращенная къ бургу; всего тамъ 150 д. и могутъ хорошо оберегать и держать 350 в.

Lazi	300 дом.	100 воин. (?)
Sanjach	150 »	370 »
Santa Lucia d'Arzento по другую сторону рѣки	50 »	150 »

Драчъ (Durazzo), древнѣйшій городъ Албаніи, расположенъ при морскомъ заливѣ, пристань варварійскихъ фустъ, въ которую онѣ укрываются, какъ въ безопасный портъ. Здѣшній ага поссорился съ главаремъ турокъ и господиномъ Албаніи, по имени Елесбегомъ, вслѣдствіе того, что прогналъ жену, дочь этого господина, заставши ее лежавшею съ однимъ рабомъ, и вслѣдствіе того былъ имъ преслѣдуемъ; наконецъ при содѣйствіи одного перастинца, забравши изъ фортецы и своей резиденціи болѣе цѣнныя вещи, избитый однимъ санджакомъ, родственникомъ упомя-

нутаго Елесбега, убѣжалъ въ Будву, потомъ прибылъ въ Венецію и оттуда въ Которъ, а отсюда отправился въ Константинополь и тамъ черезъ посредство синьора баила снова занялъ свое мѣсто и резиденцію аги.

Сообразно съ населеніемъ городъ этотъ можетъ выставить 400 воиновъ вмѣстѣ съ бургомъ, который его окружаетъ; надъ нимъ находятся два села:

S. Nicolo di Guri.	20	дом.	35 воин.
Seletta.	100	»	250 »

Рѣчки и пристани отъ Бояны до Валлоны вдоль морского берега съ показаніемъ глубины каждой.

Бояна имѣетъ 5, 6 и 7-футовъ воды въ устьѣ, а внутри достаточно глубины для большого корабля и галей до св. Сергія. San Juane di Medua имѣетъ 3—4 ф. воды. Prin, черезъ который идутъ въ Лѣшъ, то же самое.

Mattia — 4 ф. воды.
Ismo — 5 » »
Santa Anastasia di Redoni } портъ.
San Piero fuori di Redoni }
Arzenta — 3 ф.
Cavo de Palli (внутри находится Драчъ) } портъ.
Cavo de Lachi }
Bastovo — 3 ф.; Pollona — 4 ф.; Vovissa — 5 ф.; Vallona.

Описаніе 25 селъ Жупы (Zupra), которыя нобилями Котора были преданы славной общинѣ императора Сербіи, какъ то видно изъ привилегій, которыми эти села пользовались, находясь въ счастливомъ подданствѣ венеціанскому льву въ продолженіе 120 лѣтъ; а потомъ они возмутились и предались Турку. Территорія ихъ занимаетъ 16 миль въ длину и 6 въ ширину, съ двумя рѣчками, на которыхъ работаютъ 50 мельницъ, которыя даютъ общинѣ среднимъ числомъ 7,000 старовъ пшеницы въ годъ, и другіе приходы и дары. Эти села подчинены скадарскому санджаку, а

такъ какъ на ихъ попеченіи находятся салины Великаго Турка, находящіяся на которской равнинѣ, то ими завѣдуетъ Nasor et Hiemin di Castelnovo; для поправки этихъ салинъ каждый годъ въ маѣ мѣсяцѣ изъ Черной-Горы спускаются на которскую равнину 2000 человѣкъ для устройства и приспособленія мѣста салинъ, копая и очищая канавы (acquedoti) отъ *грязи* и земли, которая сваливается съ откосовъ и наносится зимними водами, и уплотняя дно въ квадратахъ, въ которыхъ осаждается соль.

Дубъ, старшиіа Іованъ Петровъ		50	дом.	100	воин.
Сутвара		40	»	100	»
Пеллино		43	»	100	»
Пріеради		32	»	80	»
Бенсачи		20	»	48	»
Богосаличи	Вуко Домровъ	40	»	100	»
Ластва		25	»	50	»
Свиништа		32	»	70	»
Пріеворъ на границѣ съ Будвой		20	»	45	»
Врановичи		45	»	100	»
Веропци		20	»	60	»
Црешня (Cresigna)	Андрей Никовъ	30	»	90	»
Главатичи		42	»	90	»
Зачиръ (Sacir)		22	»	50	»
Dolli		50	»	100	»
Cabasse		20	»	43	»
Ковачи		22	»	50	»
Glanati	Вуко Медовъ	18	»	40	»
Succi		25	»	60	»
Вишня		40	»	100	»
Пліевни		17	»	35	»
Пужовичъ		21	»	46	»
Гостовичъ,	старшина Вуко Медовъ	26	»	57	»
Харватиничъ		15	»	32	»

Всего 1648 воиновъ. Между ними могутъ быть 300 хоро-

шихъ аркебузьеровъ; остальные съ мечомъ, щитомъ и копьемъ. Аркебузьеры большею частію уже испробованы на военныхъ баркахъ въ дѣлахъ противъ ускоковъ, а съ того времени отпущенные или бѣжавшіе они понесли ружья домой. Всѣ живутъ, какъ уже было сказано, по-сербски (alla serviana).

Этотъ скутарійскій санджакатъ граничитъ съ одной стороны Задримой въ Албаніи, выше санджакатомъ Пѣчскимъ, еще съ одного бока санджакомъ Герцеговины и съ четвертой стороны государствомъ и территоріей владѣній Венеціи, именно Пастровичами, Будвой и Которомъ, и на каждой сторонѣ находится кадія: такъ называется по-турецки судья, который чинитъ судъ и расправу между народомъ. Кадія Черной-Горы имѣетъ свою резиденцію въ Лѣшкополѣ; это болѣе для работъ на турецкихъ салинахъ, на Которской равнинѣ.

Кадія Зеты находится въ Подгорицѣ; а скутарскій въ то же время санджакъ того города. Кадія Бара въ томъ же городѣ. Санджакатъ этотъ имѣетъ протяженія отъ С. Джіовано до Медуа въ Албаніи до Бѣлопавличей три дня и столько же отъ Нѣгушей до Печи.

Общее число селъ, городовъ и домовъ во всемъ Скутарскомъ санджакатѣ съ показаніемъ, сколько они могутъ выставить вооруженныхъ людей.

	Селъ.	Домовъ.	Воиновъ.
1. *Черная-Гора*..... между ними 800 аркебузьеровъ; остальные съ мечами, щитами и копьями; всѣ греческаго обряда.	90	3,524	8,027
2. *Баръ (Antivari)*..... 400 аркеб.; остальные съ луками и стрѣлами, съ мечами, щитами и копьями.	17	885 (безъ города)	2,762 (съ город.)

	Селъ.	Домовъ.	Воиновъ.
3. *Ульцинъ* (не имѣетъ селъ).. 400 аркеб.; весьма храбрые, большею частью левенты и корсары.	—	—	800
4. *Скадаръ* ..... 1200 аркеб.; остальные, какъ и въ Ульцинѣ. Жители селъ всѣ католики.	185	3,544 (безъ города)	9,240 (съ город.)
5. *Подгорица*..... 300 аркеб.; остальные съ мечами, щитами и копьями.	17	1,697 (съ бург.)	4,376 (съ город. и бургомъ).
Мятежные горцы ..... (6 селъ римскаго исповѣд. и 5 сербскаго).	11	2,347	5,380
6. *Плава* (Plana)..... 100 аркеб.; остальные съ мечами, щитами и копьями.	23	1,360	3,016
Нови-градъ (Città-Nova)..... 200 солдатъ аркебузьеровъ на жалованьи и 500 конницы.	—	—	700
Жупа .... 250 аркебузьеровъ.	25	742	1,648
Cernovich Clubi (?)..... въ 8 миляхъ отъ моря, подъ командою Петра Вучетина.	—	—	215
Дерсно .. .. внутри страны; старшина Вукмиръ Шалетинъ.	—	60	135
Грахово..... прекраснѣйшее мѣстоположеніе и обширнѣйшая равнина; 20 домовъ турецкихъ, остальные христіанскіе.	—	98	200
Оногошть и Никшичъ ..... подъ командой сына Гардана	—	320	700

	Селъ.	Домовъ.	Воиновъ.
Воеводы; смежны съ мятежниками Скадарскаго санджаката; до Бѣлопавличей 18 миль.			
Требинье. . . . . выше Новаго (Castel Novo); разстоянія одинъ день; мѣсто наслажденій и ссылки турокъ.	—	100	200
Кореничи. . . . . 1 день отъ Требинья.	—	80	170
Любомиръ. . . . . состоитъ въ вѣдѣніи капитана Новаго и Неретвы турка Bagsade, такъ какъ тутъ находятся его владѣнія; турки и христіане.	—	100	220
Рудины и Баняны. . . . . подъ командою Радивоя Дьюретина и Никши Лалина (Raduoic Gruretin et Niaallalin).	—	200	420
Рисанъ (Risano) . . . . . на краю моря близь Пераста; довольно твердая крѣпостца, съ бургомъ подъ нею.	—	200	250
Леденицы съ Црешневымъ. . . . выше Рисна; подъ ком. Вучины Никшина (Vucihna Nixin).	—	50	100
Ораховацъ. . . . . въ виду Котора; на берегу моря и на горѣ; подъ ком. Ника Вукова (Nico Vurof).	—	80	170

Такимъ образомъ въ цѣломъ санджакатѣ Скадарскомъ 8 городовъ, именно: Антивари, Дульциньо, Скутари, Дриваето,

Жабьякъ, Подгорица, Медунъ, Новый-городъ. Къ нимъ относятся территоріально 280 селъ, въ которыхъ 14099 домовъ и 38499 вооруженныхъ людей; въ томъ числѣ 3650 аркебузьеровъ.

Княжество Герцеговины и Босніи граничитъ съ Которомъ и имѣетъ свою юрисдикцію. При входѣ въ устье залива (Которскаго) находится Кастель-Ново; позиція его весьма слабая; поддерживать его нѣкоторое время можетъ только находящаяся надъ нимъ другая позиція. Въ городѣ живутъ только турки, хотя бургъ населенъ христіанами римскаго обряда. Онъ можетъ выставить 400 вооруженныхъ людей, которые весьма воинственны.

Къ нему относятся различныя села и, оплывши моремъ берегъ, когда войдете внутрь, то встрѣтите село Драчевицу, состоящее подъ командой князя Николы, сына князя Милютика; въ немъ 300 домовъ и 700 вооруженныхъ людей.

Моринье подъ командою Вука Петрова — 80 домовъ, 170 воиновъ.

Значеніе этого сочиненія достаточно оцѣнено наукой; замѣтимъ только, что ему предшествовали и другія описанія тѣхъ же самыхъ мѣстностей. С. Любичъ, издавшій такъ много матеріаловъ для исторіи юго-славянства, рядомъ съ публикаціей соч. М. Болицы помѣстилъ еще два описанія тѣхъ мѣстъ XVI в., изъ которыхъ мы и приводимъ отрывки въ концѣ; и онъ же издалъ кадастровое описаніе Скадарскаго санджака 1416 г.[1]). Поэтому Болицѣ было изъ чего черпать матеріалъ, когда имѣлись такія подробныя описанія; но онъ къ этому сухому матеріалу присоединяетъ много изъ исторіи и изъ событій и политическихъ отношеній своего времени, что́ и придаетъ особенное значеніе и даетъ больше цѣнности его сочиненію.

---

[1]) *S. Ljubić* — Skadarski Zemljišnik od godine 1416. Zagreb. 1882.

Изъ цѣлаго этого описанія видно, что составитель его былъ однимъ изъ такихъ чиновниковъ, которымъ поручались всѣ дѣла съ турками, что́ и давало ему поводъ не одинъ разъ посѣщать Скадарскій санджакъ, и черезъ то онъ получилъ возможность изучить его, частію видѣвши собственными глазами, частію по разспросамъ у мѣстныхъ жителей и наконецъ по документамъ, имѣвшимся тогда у Венеціанской республики и у турокъ.

Больше всего онъ, какъ видно, былъ въ Подгорицѣ и Скадрѣ; говоритъ, что былъ также въ Жаблякѣ; о настоящей Черной-Горѣ говоритъ чрезвычайно глухо. Называя по именамъ главарей всѣхъ селъ, онъ не именуетъ митрополита и упоминаетъ только, что резиденція его на Цетиньѣ; не знаетъ онъ, что, кромѣ монастыря, на Цетинской равнинѣ были и еще села, не упоминаетъ и многихъ другихъ селъ. При своей словоохотливости онъ не могъ бы не поговорить о той оригинальной жизни, которая ютилась въ то время вокругъ монастыря и владыки. Ему извѣстны только окраины, сосѣднія съ венеціанскою территоріей и турецкой.

На окраинахъ Черной-Горы въ то время дѣйствительно было господство́ турокъ; поэтому неудивительно, что въ Люботинѣ стоялъ турецкій кадія. Тамъ и теперь показываютъ, гдѣ была турецкая кула, родъ крѣпостцы, и другія зданія, принадлежавшія чиновнымъ туркамъ; то же было и на Цеклинѣ, и вся Рѣцкая нахія повременамъ подчинялась туркамъ; но это еще не Черная-Гора, которая никогда ни на одну минуту не принимала къ себѣ ни одного турецкаго чиновника; поэтому главарь Люботина Вуко Раичевъ, носившій титулъ спахіи, полученный имъ изъ Константинополя, никогда не могъ быть главою всей Черной-Горы. Впрочемъ, Болица подъ именемъ Черной-Горы разумѣетъ область весьма обширную, обнимающую все пространство къ западу отъ Морачи и Скадарскаго озера: тогда понятно, что въ значительной части этой области поставлены были турецкія власти. Черногорцами онъ иногда называетъ пиперъ и кучей.

Замѣчательно то, что даже равнина, какъ разъ противъ Под-

горицы, Лѣшкополе, гдѣ судилъ уже турецкій кадія, на столько еще не скрѣплено съ остальными, совершенно покоренными частями, что жители его при столкновеніяхъ турокъ съ черногорцами всегда оказываются на сторонѣ послѣднихъ, и потому турки жгутъ ихъ села Горицу и Станевичъ, какъ чужія или какъ не признающія ихъ власти (rebelli), подобно горскимъ племенамъ. Впрочемъ, онъ ясно говоритъ, что р. Морача служила границей между Подгорицей и Черногоріей. Вотъ почему, предпринимая походы противъ Черной-Горы, турки прежде всего должны были занимать сильнымъ войскомъ Лѣшкополе и тѣмъ всегда парализовали свою силу. Здѣсь же, какъ мы знаемъ изъ исторіи влад. Даніила, власть печскаго патріарха съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ назначаться Турціею, уступаетъ вліянію черногорскаго владыки. Всѣ горцы далеко еще не сдѣлались турецкими подданными и признаютъ власть Турціи только на время, ради какихъ-нибудь своихъ выгодъ, и тогда смотрятъ больше получать отъ правительства, чѣмъ платить ему. Описанныя Болицею экспедиціи противъ Кучъ, Климентъ, Васоевичей и др., гдѣ собирается отъ 25,000 до 60,000 войска, оканчивающіяся пораженіями турокъ, ясно свидѣтельствуютъ, что они тамъ были не у себя дома.

Вполнѣ господами они сдѣлались только въ нижней Зетѣ, между Подгорицей и Скадарскимъ озеромъ, гдѣ забрали въ свои руки всю землю, обративши христіанъ-земледѣльцевъ въ своихъ работниковъ. И создали они себѣ тутъ жизнь привольную и роскошную.

При Болицѣ сохранилось еще понятіе о Зетѣ, какъ объ отдѣльной цѣлой области, средоточіемъ которой служила Подгорица, гдѣ стоялъ и зетскій кадія, тогда какъ въ Лѣшкополѣ кадія имѣлъ спеціальное назначеніе наблюдать за солянымъ промысломъ въ Боккѣ. Это, впрочемъ, единственный случай, гдѣ вспоминается названіе Зеты въ описаніи Болицы. Онъ не знаетъ даже р. Зеты и называетъ ее Повіей по мѣсту, откуда она вытекаетъ, при чемъ говоритъ о какомъ-то озерѣ въ Пѣшивцахъ, смѣшавши, по всѣмъ вѣроятіямъ, разсказы объ озерѣ, собирающемся на

Никшицкой равнинѣ. Что онъ дѣлаетъ ошибки при описаніи мѣстностей со словъ другихъ, нѣтъ ничего удивительнаго; такимъ образомъ, не видѣвши Діоклеи, онъ помѣщаетъ ее на какомъ-то скалистомъ холмѣ, лишенномъ текучей воды, не зная, что она лежитъ какъ разъ въ углѣ между Морачей и Зетой, какъ Подгорица между Морачей и Рыбницей; да еще ставитъ этотъ холмъ надъ Златицей, которой также не видалъ. Вообще онъ, очевидно, не сворачивалъ никуда съ большой дороги, въ чемъ ему не было и надобности; а къ тому же не былъ онъ и изъ храбрыхъ. И описываетъ онъ многія вещи, какъ напримѣръ военные маневры Климентъ, а, можетъ быть, и рыбную ловлю на Базагурѣ, — съ чужихъ словъ, что́, однако, не теряетъ своего интереса и съ нѣкоторыми поправками можетъ быть принято, какъ картина съ натуры. Нельзя только не удивляться тому, что онъ ни отъ кого не слышалъ названія рѣки Зеты, а вмѣсто нея нашелъ какую-то Повію.

Въ окрестностяхъ Скадра онъ не подозрѣваетъ нисколько православныхъ, которые тамъ удержались даже до настоящаго времени, а тогда были тамъ, если не въ большинствѣ, то въ числѣ весьма значительномъ, такъ какъ еще въ прошломъ столѣтіи даже хоты были православные и говорили по-сербски. Изъ мрковичей только половину считаетъ православными. Это объясняется тѣмъ, что онъ въ этихъ мѣстахъ имѣлъ болѣе тѣсное общеніе съ людьми одного съ нимъ исповѣданія, т. е. съ католиками и главнымъ образомъ съ католическимъ священствомъ, а также и самъ проникнутъ былъ вполнѣ тенденціею католика. Только такою тенденціозностію можно объяснить его слова относительно Ротацкаго монастыря, который будто бы былъ разоренъ православными монахами.

Поэтому, читая Болицу, нужно имѣть въ виду, что онъ былъ во 1-хъ, венеціанскій чиновникъ; во 2-хъ, католикъ. Какъ чиновникъ, онъ не можетъ признать права на отдѣльное, самостоятельное существованіе Черной-Горы, гдѣ управляетъ православный епископъ, и горцевъ, у которыхъ есть только племенные

главари, и притомъ ни въ Черной-Горѣ, ни у горцевъ нѣтъ ровно никакихъ, на манеръ европейскій, политическихъ учрежденій — этого до сихъ поръ не могутъ понять многіе современные историки-чиновники.

Какъ католикъ, онъ, не смотря на свое славянское происхожденіе, нигдѣ не показываетъ ни малѣйшей славянской симпатіи, и потому не даетъ намъ ни одной черты чисто этнографической, бытовой. Онъ весь переродился въ венеціанца-католика и смотритъ его глазами на весь тотъ край, какъ на поприще для торговой эксплоатаціи въ пользу Венеціи и для поддержанія и распространенія католицизма между тамошнимъ населеніемъ, не различая, славяне то или арнауты.

Такой національный индифферентизмъ лишилъ насъ возможности получить вмѣстѣ съ торгово-политическимъ описаніемъ тѣхъ странъ и нѣсколько чертъ бытовыхъ, о чемъ нельзя не пожалѣть; но при всемъ томъ его описаніе чрезвычайно драгоцѣнно для географіи тѣхъ мѣстъ въ ту темную эпоху. Не только въ названіяхъ мѣстностей, которыя остались тѣ же, какія были, но и въ именахъ главарей мы встрѣчаемъ множество сохранившихся до настоящаго времени. Такимъ образомъ онъ даетъ намъ возможность связать настоящее съ весьма отдаленнымъ прошлымъ; это особенно важно для генеалогіи различныхъ родовъ, посредствомъ которой мы можемъ съ большею точностію опредѣлить время нѣкоторыхъ событій, обозначаемыхъ въ народномъ преданіи только именами дѣйствовавшихъ лицъ. Мы такимъ образомъ узнаемъ съ достовѣрностію, напримѣръ, что Дрекале, родоначальникъ весьма важнаго рода въ Кучахъ, жилъ и дѣйствовалъ во второй половинѣ XVI в.

Изъ него же мы узнаемъ объ исчезнувшемъ впослѣдствіи промыслѣ добыванія смолы, которая вся шла въ Венецію, и о лѣкарственныхъ травахъ Ловчена, которыя черезъ Которъ разносились въ разныя мѣста Европы.

Узнаемъ о почтовомъ сообщеніи того времени и о пути въ Константинополь изъ Котора черезъ Подгорицу и долину

р. Цѣвны, по которому за три дня достигали до Печи, на что, идя черезъ Васоевичи долиною Тары, теперь требуется не менѣе четырехъ дней.

Интересно, что въ то время ружьями была вооружена только десятая часть, а остальные вмѣсто нихъ имѣли еще луки и стрѣлы.

Видно также, что еще въ то время турки избрали Медунъ своимъ опорнымъ пунктомъ противъ горцевъ, а Ульцинъ представлялъ нѣчто особенное, не имѣя въ своемъ вѣдѣніи ни одного села, и занимаясь какъ бы законнымъ образомъ корсарствомъ.

Сдѣлаемъ теперь нѣкоторое поясненіе и относительно нашего перевода.

Цѣлую область бывшей когда-то Зеты Болица называетъ *санджакатомъ* или *дукатомъ*. Слово *ducato* переводится на французскій языкъ *duché*, что отвѣчаетъ нѣм. *Herzogthum*, т. е. герцогство, а по-русски оно болѣе отвѣчаетъ нашему *воеводству*, такъ какъ *санджакъ* былъ именно правителемъ или воеводою, котораго посылалъ султанъ, облекая его полною властью. Впослѣдствіи они стали называться *пашами*, *визирями* и *вали*, что отвѣчаетъ по титулу и власти генералъ-губернатору. Мы удерживаемъ, однако, турецкое названіе, потому что съ воеводством смѣшивалось бы понятіе о существовавшихъ въ томъ краю воеводахъ, значеніе которыхъ было совсѣмъ другое.

Villa и *villaggio* мы переводимъ словомъ *село*, какъ оно и есть во многихъ случаяхъ; но часто оно означаетъ цѣлое племя или родъ или нѣсколько родовъ вмѣстѣ, какъ: Цекличи и Бѣлицы; а Нѣгуши село и племя. *Città* означаетъ собственно укрѣпленный городъ, а часть внѣ его назыв. *bòrgo*; въ томъ смыслѣ мы въ первомъ случаѣ употребляемъ слово городъ, иногда позволяемъ взять не получившее у насъ право гражданства слово *градъ*; а во второмъ — *бургъ*, не переводя его, какъ бы можно

было, словомъ *предградье* или *предмѣстье*, чтобы не удалиться отъ истиннаго смысла.

Въ собственныхъ именахъ собственно Черногоріи и сербской части Зеты легко узнать имена, существующія теперь; но иногда попадаются намъ незнакомыя или сильно искаженныя въ латинскомъ письмѣ, въ такомъ случаѣ мы его просто переписываемъ. Кромѣ того, что самъ авторъ не умѣлъ точно передать названіе и измѣнилъ его по своему, много ошибокъ принадлежитъ и издателямъ текста. Иногда это выходитъ такъ счастливо, что ошибка одного поправляется другимъ. Нужно замѣтить при томъ, что текстъ Любича отличается большею точностію, чѣмъ Ленормана; но иногда уступаетъ Ленорману въ вѣрности передачи собственныхъ именъ. Для образчика сопоставимъ рядомъ нѣсколько чтеній того и другого:

Любичъ.	*Ленорманъ.*	*Нынѣшн. назв.*
La Huna.	Cattuni	Катуни.
Bielod.	Bielos.	Бѣлоши.
Mahine.	Masine.	Маине.
Ozrihnichi.	Ogrihnichi.	Озриничи.
Ceclin.	Cochin.	Цеклинъ.
Vuldin.	Vuletin.	Вулетинъ.
Tamovo.	Tarnovo.	Трново.
Linigniani.	Limgniani.	Лимляни.
Vichtich.	Niksich.	Никшичи.
Orahovaz.	Grahovaz.	Ораховацъ.
Baragur, Baraguar.	Basagur.	Базагуръ и т. п.

Въ собственныхъ именахъ, слѣдовательно, оба чередуются; но въ остальныхъ частяхъ текста положительно преимущество за Любичемъ. Такъ: У Любича «In fraterra (infra terra) sopra Castel Novo vi è Trebigne», т. е. внутри материка, не у моря; — Ленорманъ читаетъ: *In Fratezza*, а въ другомъ мѣстѣ вмѣсто того же *fra terra* читаетъ — Duarsno *fortezza*. У Ленормана: «Drivasto . . . circondato da monti, *sorgesi* con un castello in cima

d'uno» вмѣсто . . . circondato da monti *scoscesi*, con un и т. д., т. е. окруженный *утесистыми* горами, съ крѣпостью на вершинѣ одной изъ нихъ. Или: benchè nel borgo vi siano case habitate rispeto al piano che *vi è di* sotto cultivato et fertilissimo вмѣсто: al piano, che *vi siede* sotto, т. е. на равнинѣ, которая находится подъ (возвышеніемъ, на которомъ расположенъ Дривастъ); in parte *plana* вмѣсто Plava; mechur cioè sigillo di caratteri che li dicono *ostà* del gran Signor вмѣсто *testa*, т. е. голова или изображеніе султана; это фигура, изображающая вензель султана, теперь называемая *тура*. Иногда онъ пропускаетъ слово, не разобравши его: furono tagliati à pezzi più di trecento Turchè spachi *con li* cavalli, и въ другомъ мѣстѣ: da trento Turchi *con 50* cavalli вмѣсто con *torli* и con *tuorli* отъ *togliere*, *torre* — взять, отнять. Чрезвычайно сбиваетъ всюду у него неправильная интерпункція.

Есть грубыя ошибки, можетъ быть, опечатки въ цифрахъ: «Trapane — 12 case, 189 gente arm.» и «Busigatan — 40 c., 600 g.» (стр. 301; это мы въ переводъ пропустили), вмѣсто въ первомъ случаѣ 42 с. и во второмъ 100 g. Не имѣя текста г. Любича, мы видѣли бы только нелѣпость, что 12 домовъ даютъ 189 воиновъ, а 42 — даютъ 600; но поправку сдѣлать были бы не въ состояніи [1]).

Вообще для пониманія содержанія текстъ у Любича редижированъ вполнѣ правильно, но чтеніе собственныхъ именъ во многихъ случаяхъ правильнѣе у Ленормана, и нельзя не пожалѣть, что г. Любичъ, издавая свой текстъ 10 лѣтъ позже Ленормана, не справился съ его изданіемъ: тогда бы онъ избѣжалъ многихъ ошибокъ, и читателю не было бы необходимости добывать оба изданія.

---

[1]) Еще такія же грубыя ошибки: Цетинье 10 дом. вм. 70; Люботинъ — тоже; въ Ульцинскомъ округѣ Oblich — 40 воин. вм. 110; въ Люботинскомъ округѣ противъ Бокова пропущено — 40 воин. — У Любича пропущено въ Пѣшивцахъ противъ села Ranci — 187 воин. (стр. 170) и на стр. 181 — между Куриломъ и Плавницей пропущено: Carabesse—Nico Paiov—25 дом., 40 воин.

Рядомъ съ рапортомъ Болицы, г. Любичъ помѣстилъ въ той же книгѣ «Старинъ» еще одинъ рапортъ:

Relazione dell' Albania e sue città, fiumi, monti, laghi, piani, confini etc. fatto l'anno 1570.

Въ этомъ рапортѣ для насъ интересны двѣ вещи: точное описаніе нижняго теченія рѣки Дрина, отъ котораго онъ впослѣдствіи далеко уклонился, и Ульцина, наканунѣ его занятія турками. Все, что́ касается этихъ двухъ предметовъ, мы извлечемъ, остальное же оставимъ.

Интересно при этомъ въ видѣ введенія опредѣленіе, что́ такое Албанія: «Албанія страна, которая у древнихъ называлась Македоніею, т. е. часть Македоніи, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ много мѣстностей и странъ, которыя не Албанія. Албанія же та именно часть, которая на западѣ граничитъ Адріатическимъ моремъ: она идетъ съ сѣвера на югъ черезъ города Антивари и Ульцинъ, отстоящіе одинъ отъ другого только на 15 миль, такъ что Антивари составляетъ конецъ Далмаціи, а Ульцинъ начало Албаніи; и населеніе ихъ различно также и по языку: такъ отъ Антивари до самой Истріи говорятъ однимъ славянскимъ языкомъ, а отъ Ульцина до Валлоны и ея границы употребляется еще и (anco) языкъ греческій (вѣрнѣе, арнаутскій).

«И такъ эта провинція Албанія, начинающаяся отъ Ульцина, идетъ по берегу Адріатическаго моря до Валлоны и до горъ, называемыхъ Цимаріотскими, въ древности Акрокеравнскихъ; въ этой Албаніи только одинъ городъ Ульцинъ принадлежитъ христіанамъ и подвластенъ свѣтлѣйшей синьоріи Венеціи; но городъ Алессіо, прежде того же государства, теперь принадлежитъ туркамъ: онъ находится на берегу рѣки Дрина въ трехъ миляхъ отъ моря. Между этимъ городомъ Алессіо и Ульциномъ идетъ рѣка Бояна, о которой мы поговоримъ послѣ. Но, такъ какъ она расходится съ первымъ устьемъ рѣки Дрина на югѣ, то нужно идти берегомъ до второго его устья, потому что эта знаменитая рѣка имѣетъ два устья, удаленныя одно отъ другого

приблизительно на 4 мили. И отъ того послѣдняго устья круто повернувъ на югъ, встрѣчается рѣка Изана, въ разстояніи отъ того устья 8 миль; эта рѣка Изана составляетъ границу и конецъ страны, называемой Маттіа, и начало страны Реддони; это мѣсто Реддони находится близъ упомянутой рѣки Изаны и рѣки Арценты, которая впадаетъ въ море близъ мыса на западѣ, который теперь называется Capo-de-Palli. Все это пространство моря отъ Capo-de-Palli, повернувъ назадъ въ видѣ круга и захватывая вышеупомянутыя рѣки къ Ульцину, образуетъ заливъ, который въ направленіи съ сѣвера на югъ, т. е. отъ Ульцина до Capo-de-Palli — имѣетъ въ діаметрѣ 50 миль, и отъ Ульцина до упомянутыхъ устьевъ Дрина къ востоку, оставляя Ульцинъ на сѣверо-западѣ, а Capo-de-Palli на юго-западѣ, образуетъ дугу залива въ разстояніи тридцати миль отъ Ульцина и Capo-de-Palli, такъ что, объѣзжая заливъ Дрина отъ Ульцина къ Боянѣ, потомъ къ Алессіо или устью Дрина, къ Матіи, Изано, ко входу Реддони, къ рѣкѣ Арцентѣ и до Capo-de-Palli, гдѣ этотъ заливъ Дрина оканчивается, вы должны обойти по внутреннему выгибу 75 миль».

Пропускаемъ описаніе Драча и мѣстъ до Валлоны и Скадра, за которымъ слѣдуетъ:

«Онъ (Скадаръ) находится между двумя знаменитыми рѣками, такъ какъ Бояна вытекаетъ изъ озера, называемаго Скадарскимъ, при устьѣ котораго и стоитъ этотъ городъ, въ 24 только миляхъ отъ моря; устье же этой рѣки находится между Ульциномъ и Алессіо или, лучше сказать, Дриномъ, отстоя отъ Ульцина только на 12 миль, а отъ Дрина на 18 миль. Бояна имѣетъ въ устьѣ 6, 7 и 8 футовъ глубины, и это во время лѣта, а ея русло весьма глубоко, такъ что входятъ большіе корабли, и венеціанскія галеи доходятъ до находящагося близко къ Скадру . . . миль села, которое называется san Serzi (св. Сергій), такъ какъ оттуда до Скадра рѣка дѣлится на много рукавовъ и оттого въ нихъ вода низка, и оттуда отправляются только на челнокахъ (topoli), сдѣланныхъ изъ одного цѣльнаго дерева, и на

баркахъ, которыя мало погружаются. Эта сторона между Скадромъ и Ульциномъ на протяженіи 24 миль необыкновенно красива и плодородна во всѣхъ отношеніяхъ, производя хлѣбъ и плоды не только для себя, но и отправляя всего этого огромное число старовъ въ море, хотя и тайно, противъ желанія турокъ. Скадаръ изобилуетъ виномъ, мясомъ разныхъ сортовъ и рыбой въ большомъ количествѣ, потому что упомянутое выше озеро имѣетъ болѣе 90 миль въ окружности прѣсной воды, въ которой находится разнаго рода рыба по сезонамъ, и отъ находящихся тамъ рыбныхъ ловель великій Турокъ получаетъ большой доходъ.

«Другая рѣка Дринъ, удаленная отъ Скадра на 10 миль; и между этими двумя рѣками, Дриномъ и Бояной, находятся прекраснѣйшія и плодороднѣйшія равнины. Дринъ потомъ течетъ къ югу черезъ прекрасную Polissiene (?), которая называется Задрина, и проходитъ подъ древнимъ городомъ Алессіо, гдѣ теперь наверху горы находится крѣпость; а внизу по берегу рѣки расположенъ городъ, населенный одними христіанами. Потомъ Дринъ впадаетъ въ море, какъ мы уже сказали, двумя устьями и даетъ имя этому заливу, который называется заливомъ Дрина или Лудрина. Къ сѣверу отъ верхняго устья этой рѣки находятся два порта: одинъ называется s. Zuane della Medoa, отъ того устья въ трехъ миляхъ, а другой la sacca и лежитъ къ югу».

Далѣе авторъ описываетъ, откуда берутся Бѣлый и Черный Дринъ, и переходитъ къ описанію разныхъ мѣстностей Албаніи, коротко, но рельефно очерчивая характеръ мѣстности, видъ и положеніе городовъ, какъ Драчъ, Кроя, Алессіо, Валлона и др.

Тамъ же находится и чрезвычайно интересное описаніе Ульцина, которое мы и помѣстили выше (стр. 477—480).

Кромѣ этого описанія важно для насъ то указаніе, что хребетъ Можура, составляющій въ настоящее время границу между сербскою и арнаутскою народностью, такою же раздѣльною линіею служилъ и въ то время; но прибавленіе «si usa *anco* la lingua greca» даетъ намъ поводъ предполагать, что въ то время

были еще 2 языка, и однимъ изъ нихъ долженъ былъ быть сербскій.

Интересно также указаніе, что въ то время какіе-то корсары уже разъѣзжали въ этой части Адріатическаго моря и съ помощію ихъ турки могли блокировать его южные берега. Болица, писавшій спустя 30 лѣтъ послѣ занятія Ульцина турками, находитъ его уже населеннымъ корсарами и левентами [1]), которые живутъ тамъ вмѣстѣ съ 300 турецкими *улафаками*, а съ остальнымъ населеніемъ, окружающимъ Ульцинъ, не имѣютъ никакой связи.

На происхожденіе ихъ съ береговъ Африки ясно указываетъ приведенное нами выше (стр. 505) письмо турецкихъ поглавицъ изъ Новаго, угрожающее Дубровнику «барбарешскими левентами». И Болица говоритъ, что Драчъ служилъ фортомъ для варварійскихъ фустъ.

У ульцинскихъ жителей арнаутовъ существуетъ преданіе, что турки, завладѣвши Ульциномъ, истребили всѣхъ тамошнихъ жителей, а населили его азіатскими турками и арабами.

Есть и еще одна совсѣмъ коротенькая записочка, помѣщенная тамъ же Любичемъ и найденная имъ въ венеціанскомъ архивѣ между сообщеніями изъ Дубровника тоже неизвѣстнаго автора XVI ст. Надпись внутри этой рукописи сверху слѣдующая: Distinta relazione di tutti li stati, Ragusa, Bosina e d'Albania.

Вся она занимаетъ неполный печатный листокъ, и въ ней находится одно мѣстечко, дающее намъ кое-что новое относительно интересующаго насъ края. Вотъ это мѣсто:

«Турецкая Албанія имѣетъ въ длину 170 италіанскихъ миль. Ея границу на сѣверо-западѣ составляетъ castello di Lastua въ

---

[1]) Въ здѣшнихъ краяхъ подъ этимъ именемъ разумѣются бездомники — люди, не имѣющіе ни опредѣленнаго занятія, ни осѣдлости и притомъ пришельцы издалека, а также заморскіе купцы и щеголи.

Пастровичахъ и Спицца, гдѣ берегъ называется *Zagnu*, самый близкій берегъ, чтобы идти въ Черную-Гору. Затѣмъ здѣсь находится городъ Антивари съ своимъ портомъ для 6 или 8 военныхъ кораблей, удаленнымъ отъ него на 12 итал. миль. Къ югу находится портъ *Valdinose* для фрегатовъ и мелкихъ кораблей. На разстояніи 6 м. въ южномъ направленіи стоитъ городъ Dulcigno съ своимъ прекраснымъ бургомъ. Въ 12 м. отъ него къ востоку течетъ р. Бояна при глубинѣ воды въ 6 ф., протянувшаяся въ длину на 24 м. до г. Скутари съ прекраснымъ бургомъ; въ городѣ этомъ населеніе дѣлится на католиковъ и грековъ, съ обширною территоріею бо́льшая часть католиковъ. Къ сѣверу отъ этого города лежитъ городъ Подгорица съ прекрасною равниной; бо́льшая часть жителей греки. Какъ Скутари, такъ и Подгорица на востокѣ (sic) граничатъ Черною-Горою; между этими городами и Черною-Горой находится Скутарское озеро, имѣющее въ длину 30 м.; изъ этого озера образуется упомянутая выше р. Бояна. Къ югу отъ Скутари въ 4-хъ часахъ коннаго пути находится городъ Alessio съ прекрасною рѣкой Дриномъ. Въ этомъ городѣ жители частью католики, частью турки».

Трудно угадать, какое мѣсто названо здѣсь Zagnu, если это не искаженное — *жала*, что́ означаетъ вообще плоскій, песчаный берегъ, какой и есть берегъ моря между пристанью Бара и Спичемъ. Особенно же интересно, что въ то время пристань была въ Вальданосѣ, а не въ самомъ Ульцинѣ.

IV.

Черногорія и черногорцы въ началѣ XIX в.

(Извлеченія изъ соч. В. Броневскаго — Записки морского офицера въ продолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ вице-адмирала Д. Г. Сенявина отъ 1805 по 1810 г. Спб. Ч. I 1818 г., II—1819 г.).

Война съ французами прославила черногорцевъ на весь свѣтъ, и Черногорія съ тѣхъ поръ привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе, какъ какая нибудь вновь открытая страна: политики, ученые и просто туристы различныхъ націй посѣщаютъ Черногорію и издаютъ описанія своихъ путешествій. Съ тѣхъ поръ съ описаніемъ Далмаціи соединяется непремѣнно и нѣчто о Черногоріи. Такъ Петтеръ говоритъ и о Черногоріи въ своемъ сочиненіи: «Compendio geografico della Dalmazia»; одинъ анонимный писатель въ 1808 г. издалъ въ Кёльнѣ «Статистическо-историческо-военное описаніе Бокки Которской» съ картой и также часть ея посвятилъ Черногоріи въ особой главѣ «Einige Nachrichten über Montenegro» стр. 138—148. Даже въ русскую литературу проникаютъ эти извѣстія; именно въ Вѣстникѣ Европы за 1805 г. мы встрѣчаемъ статью «Жители области Монтенегро или Черногорцы» въ двухъ нумерахъ журнала. Статья эта составлена, безъ сомнѣнія, по иностраннымъ сочиненіямъ.

Но никто, конечно, не могъ такъ хорошо познакомиться съ черногорцами, какъ участники войны съ 1806—1813 г., происходившей въ Боккѣ, около Дубровника и на островахъ Адріатики.

Дѣйствительно, одинъ изъ участниковъ этой войны, французскій высшій офицеръ Віалла-де-Сомьеръ, «комендантъ Кастельново, губернаторъ Которской провинціи, начальникъ штаба 2-й дивизіи иллирійской арміи въ Рагузѣ, съ 1807—1813 г.» издалъ

свое сочиненіе о Черногоріи подъ заглавіемъ: «Voyage historique et politique au Monténégro» въ 2-хъ томахъ (стр. I, т. 391, II—402). Вышло оно довольно поздно, именно въ 1820 г.; но съ тѣхъ поръ ни одинъ изъ серьозныхъ путешественниковъ не можетъ обойтись безъ этого сочиненія. Всякій обращается къ нему, какъ къ авторитету и очевидному свидѣтелю. Для французовъ онъ имѣетъ такое значеніе, что на основаніи его составляется сочиненіе, цѣль котораго опредѣлить и установить отношенія между Франціей и Черногоріей; это сочиненіе: «La France au Monténégro d'après Vialla de Sommières et Henri Delarue par Cyrille» (1876). Для другихъ онъ служитъ гидомъ, потому что нигдѣ не найдете болѣе подробнаго описанія всей Черногоріи очевидцемъ, и при немъ приложена также подробная карта, составленная по личнымъ наблюденіямъ автора.

Описаніе жизни и обычаевъ черногорцевъ прямо перепечатывается изъ его сочиненія большинствомъ, потому что болѣе точнаго описанія не было. А между тѣмъ онъ былъ въ Черногоріи всего нѣсколько дней.

Смотря на это сочиненіе безъ всякаго предубѣжденія, вы невольно задаетесь вопросомъ: какимъ же образомъ этотъ иностранецъ, въ такой короткій срокъ, безъ знанія языка могъ въ такихъ подробностяхъ познакомиться съ народною жизнію и собрать такое множество этнографическаго матеріала? Но вѣдь онъ прожилъ въ Боккѣ около 6 лѣтъ, слѣдовательно могъ собрать весь этотъ матеріалъ здѣсь; а если онъ пріурочиваетъ описаніе обрядовъ къ своему путешествію, то это извинительная вольность, *если онъ дѣйствительно былъ въ тѣхъ мѣстахъ*, къ которымъ пріурочиваетъ описываемое.

На этомъ «если» мы и должны остановиться и сказать съ достовѣрностію, что дальше Нѣгушей онъ нигдѣ не былъ въ Черногоріи, да былъ-ли еще и въ Нѣгушахъ? Взглянувъ на его карту, вы наглядно убѣждаетесь, что составлявшій ее не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ изображаемой мѣстности, — такъ она вся переврана; а читая описаніе путешествія, окончательно въ

томъ убѣждаетесь. Для доказательства остановимся на его маршрутѣ.

Съ Нѣгушей онъ идетъ на Цекличи, а потомъ въ село Бѣлицы, которое «находится на высотѣ, видной издали» (въ дѣйствительности это племя, всѣ села котораго лежатъ въ ямахъ); затѣмъ на Кчево; отсюда на Rettichi, гдѣ находитъ остатки римской дороги изъ Ризано въ Константинополь черезъ Черногорію, такъ называемой, Pentoguriana.

Какъ это названіе мѣстности, такъ и слѣдующія никакъ нельзя догадаться, ни гдѣ они находятся, ни какимъ настоящимъ именамъ отвѣчаютъ: Ceretti, Bichisi, Bezzi, гдѣ встрѣтилъ знаменитую ловлю раковъ. Отсюда попадаетъ онъ въ Команы, въ области которыхъ находится монастырь св. Василія; а чтобы достигнуть его нужно спуститься почти до Скадарскаго-озера. Потомъ идетъ описаніе Cliesopoli (Лѣшкополе, у Подгорицы), Menussichi (Момишичи? тоже тамъ), откуда идутъ прекрасные луга по обоимъ берегамъ Зеты до ея истоковъ; прекрасная земля и на Морака (Морача?). Быстро и безъ препятствій проѣзжаетъ онъ прекрасную долину la Moraccje inférieure, самую богатую часть Лѣшанской нахіи (?!); на другой день достигли дефилей de Bielo-Pavluchi (Бѣлопавличи) и выходятъ съ большимъ трудомъ на знаменитую высоту Gratz (Гарачъ?); потомъ переходятъ горы Piessori (?), и онъ попадаетъ въ страну ускоковъ и въ этой части высокихъ горъ, присоединенной къ Черногоріи, находится много селъ, между которыми самыя важныя Cussi, Bielo-Pawluchi, Liesno et Duboko. Послѣднія два изобилуютъ виномъ, сѣнокосами и медомъ высшаго качества. Тутъ же мимоходомъ вспоминаетъ онъ Rovejani (Ровцы?) et Piperi; а потомъ говоритъ о р. Сушицѣ, которая течетъ изъ-подъ горы Gratz и, пройдя auprès de Piperi et Sagaraz, соединяется съ Морачей между общинами Budina et de Spug (Спужъ).

Можно подумать, что онъ смѣшиваетъ Морачу съ Зетой, такъ какъ онѣ въ нижнемъ своемъ теченіи соединяются въ одну рѣку. Но онъ, очевидно, говоритъ о верхней Морачѣ, гдѣ дѣй-

ствительно было населеніе ускоковъ. Въ этомъ насъ еще больше убѣждаетъ, когда описываетъ Морачскій монастырь, который «Stephano Nemanich, roi de Hongrie, y a fait bâtir d'après les dessins de celle de Notre-Dame de Lorette» (т. I, стр. 304). Если читатель возьметъ карту и прослѣдитъ его путь, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ мѣстамъ, которыя, хотя и съ трудомъ, можно узнать при всемъ искаженіи ихъ названій, то увидитъ, что онъ дѣлалъ ужасные зигзаги: изъ Кчева на востокъ почти до Подгорицы, потомъ на западъ въ Команы и Загарачъ; Острожскій монастырь св. Василія, находящійся на большой высотѣ, помѣщаетъ совсѣмъ внизу почти на уровнѣ Скадарскаго озера; потомъ сразу очутился въ Пиперахъ и Ровцахъ, а отсюда опять на Сушицу и къ Спужу, откуда, невѣдомо какъ, перескочилъ въ крайній сѣверный предѣлъ Черногоріи. И все это путешествіе онъ совершилъ въ какихъ-нибудь 5—6 дней (точно уловить время невозможно, но приблизительно такъ и никакъ не больше); тогда какъ и въ настоящее время при болѣе усовершенствованныхъ путяхъ необходимо потратить на то не менѣе трехъ недѣль. Да и не смѣлъ онъ тогда пройти по этимъ мѣстамъ, потому что и черногорецъ съ трудомъ могъ пробраться, укрываясь и постоянно рискуя потерять голову.

Нельзя не удивляться довѣрію, доходящему до слѣпоты, позднѣйшихъ писателей, какъ Фрилей и Влаховичъ (Monténégro Contemporain, 1875 г.), которые ссылаются на него, какъ на авторитетъ. Забавно, что во многихъ сочиненіяхъ, говоря о долговѣчности черногорцевъ, приводятъ одинъ и тотъ же фактъ изъ соч. Віаллы; это фактъ, что въ Цекличахъ нашелъ онъ семью въ такомъ составѣ по возрастамъ: самому старшему члену было 117 лѣтъ, его сыну 100, внуку 82, правнуку 60, праправнуку 43, слѣдующему 21 и у него сынъ 2 лѣтъ. Притомъ старшій былъ «fort, vif, agile et d'une physionomie interessante» (T. I, стр. 123). Дѣло тутъ не въ лѣтахъ самаго старшаго изъ нихъ: могло быть ему и больше; но возможно-ли, чтобы всѣ эти 6 поясовъ находились въ наличности, особенно въ Черно-

горіи, гдѣ всегда столько гибло изъ мужского поколѣнія, что можешь встрѣтить прадѣда и внуковъ безъ промежуточныхъ звѣньевъ? Очевидно, что по общему разсказу жителей о долговѣчности въ Черногоріи онъ сочинилъ цѣлую семью, чтобы потомъ по этому поводу пуститься въ разсужденія. Черезъ 5 страницъ онъ сообщаетъ фактъ еще чудовищнѣе о Бѣлицахъ. Приведемъ его дословно: «Оно (село) находится на высотѣ, которую можно видѣть издалека, на которой, во время пролета воронъ (или вороновъ?), ставятъ ловушки для этихъ птицъ, которыя тамъ появляются два раза въ годъ и остаются 15—20 дней. Жители во все это время кормятся ихъ мясомъ, которому и приписываютъ долговѣчность, не понимая, что это происходитъ отъ мѣстности, высокой и открытой, и отъ климата. Но предразсудокъ въ этомъ народѣ такъ силенъ, что его нельзя убѣдить никакими разумными доводами» (т. I, стр. 129). У него черногорцы «питаются главнымъ образомъ то печенымъ мясомъ (стр. 116), то травами (herbages) безъ всякаго приготовленія, подмѣшавъ немного сала вмѣстѣ съ молокомъ, яйцами и соленою рыбой» (стр. 176).

При крайней дикости быта находитъ онъ у нихъ clepsydres en étain ou sabliers, и во многихъ мѣстахъ солнечные часы «dans des positions diverses, les uns perpendiculaires, d'autres cylindriques»; и нашелъ мастера ихъ (стр. 157—159). Это все абсурды, которые легко понять всякому; но много у него лжи, которую въ состояніи понять только человѣкъ знающій, а не простой, довѣрчивый читатель.

Рядомъ съ этимъ, однако, вы встрѣчаете описаніе нѣкоторыхъ обычаевъ, обрядовъ и нравовъ довольно вѣрное. Это онъ молчаливо взялъ изъ сочиненія аббата Фортиса «Viaggio in Dalmazia» (1774 г.), перенеся цѣликомъ на черногорцевъ все, что́ онъ говоритъ о морлакахъ; даже выхватилъ цѣликомъ цитируемое имъ начало одной пѣсни: «Майка Мару преко мора звала», передѣлавши ее по-французски такъ: «maika mavec praecomore svalar», очевидно, не понимая нисколько ея смысла.

Доказать это заимствованіе весьма легко, сопоставивши всѣ эти статьи въ томъ и другомъ сочиненіи, но это было бы напрасною потерею времени, такъ какъ очевидна для всякаго невозможность того факта, чтобы человѣкъ, перевравшій все, что̀ будто бы̀ видѣлъ, могъ такъ хорошо описать какія бы то ни было стороны бытовой жизни народа.

Наши слова можетъ подтвердить еще и слѣдующее обстоятельство. Линдау, переводчикъ сочиненія о Черногоріи Вилькинсона (Gardner Wilkinson), въ предисловіи замѣчаетъ, что авторъ пользовался Фортисомъ, не указывая прямо на него. Но онъ пользовался собственно Віаллой, на котораго и дѣлаетъ ссылки. Вилькинсонъ, видимо, путешествуя, придерживался книги Віаллы и шелъ его путемъ; но конечно не нашелъ того пути и съ удивленіемъ замѣчаетъ, что не открылъ никакого слѣда описанной въ его гидѣ римской дороги.

Віалла далъ своему сочиненію названіе «Путешествія политическаго и историческаго». Первый эпитетъ мы вполнѣ признаемъ за нимъ, потому что оно предпринято было прямо съ политическою цѣлью, какъ онъ и самъ объ этомъ говоритъ; проникнуто политической тенденціей отъ начала до конца, и самъ авторъ былъ человѣкъ политики, въ которой, безъ сомнѣнія, и былъ искусенъ; что же касается второго, то этотъ эпитетъ совершенно нейдетъ. Во-первыхъ, исторія не составляла для него цѣли, а во-вторыхъ, онъ въ исторіи этой страны, которую описываетъ, крайній невѣжда, и это достаточно рисуется въ томъ фактѣ, что построеніе Морачскаго монастыря приписываетъ Неманичу *венгерскому королю* да еще по плану Лоретской Божіей Матери.

Мы считали своею обязанностію высказать все это относительно сочиненія, никогда не подвергавшагося надлежащей критикѣ, а до сихъ поръ не утратившаго авторитета. Теперь же однимъ напомнимъ, а другимъ укажемъ, можетъ быть, вновь сочиненіе русскаго, современника Віаллы, писавшаго о той же эпохѣ и о томъ же черногорскомъ народѣ, какъ и онъ, «Записки морского офицера» В. Броневскаго. Онъ жилъ и дѣйство-

валъ въ Боккѣ въ одно время съ Віаллой; сочиненіе же его вышло двумя годами раньше.

Не только въ иностранной, но и въ русской литературѣ его цитируютъ весьма рѣдко. Е. П. Ковалевскій только посмѣялся надъ нимъ и наводитъ читателя даже на сомнѣніе относительно его, открывая описаніе своихъ первыхъ впечатлѣній при вступленіи въ Цетинье слѣдующимъ ироническимъ воспоминаніемъ о немъ: «Броневскій, между прочими чудесами, говоритъ, будто Цетинъ зубцами своихъ стѣнъ.... своими позлащенными главами и крестами.... напомнилъ ему Кремль и Москву!»[1]) Читатель увидитъ изъ нашихъ извлеченій самъ, что ни о позлащенныхъ главахъ, ни о Кремлѣ и Москвѣ у него не было рѣчи, а только объ окрестностяхъ Москвы, и въ его словахъ сказалось не желаніе преувеличить или украсить видѣнное, а просто чувство человѣка, стосковавшагося по своемъ родномъ, которому немного было нужно, чтобы пробудить воспоминаніе родины. А тутъ было весьма много для того: вездѣ встрѣча съ какимъ-то благоговѣніемъ къ русскому православному; напоминающіе родное языкъ и вѣра; а въ концѣ концовъ монастырь между стѣнъ и скалъ съ группою построекъ, лѣпящихся одна возлѣ другой. Невозможно требовать, чтобы человѣкъ хорошо сохранилъ въ своей памяти детали минутно видѣнныхъ имъ предметовъ, когда онъ весь отдался чувству подъ вліяніемъ общаго впечатлѣнія, произведеннаго на него всѣмъ окружающимъ.

Въ его запискахъ то и дорого, что онъ, при весьма рѣдкой наблюдательности, правдивъ, безыскусственъ и объективенъ. Правда, зараженный идеями Руссо, онъ въ простотѣ и близости къ природѣ видитъ корень добродѣтели и неиспорченнаго человѣческаго образа и съ такимъ взглядомъ и чувствомъ онъ относится къ черногорскому народу, въ которомъ усматриваетъ древнихъ спартанцевъ. Онъ, однако, относится такъ не къ однимъ черногорцамъ, но и вообще къ простому народу, было-ли то въ Италіи или

[1]) «Черногорія и Слав. земли». Спб. 1872 г. стр. 8.

Греціи. Прогуливаясь по окрестностямъ Катаньи, онъ любуется роскошною природой и мыслями переносится «въ золотой вѣкъ, въ счастливую Аркадію», и прекраснымъ барскимъ садомъ, гдѣ «проспекты, вытянутые по шнуру, деревья, подстриженныя по модѣ, цвѣты, разсаженные по узору, фонтаны, бросающіе воду вензелями, при первомъ взглядѣ поражаютъ нечаяннымъ своимъ появленіемъ; но искусство въ расположеніи садовъ, безъ выбора природныхъ красотъ, при всей своей замысловатости, скоро утомляетъ и наскучиваетъ» (ч. 2, стр. 129—130). И вотъ еще замѣчаніе въ томъ же родѣ: «Единообразіе и неестественный видъ предметовъ дѣлаютъ то, что въ регулярномъ саду, сколько бы онъ великъ ни былъ, стоитъ только взглянуть на одну сторону и все увидишь; стоитъ сдѣлать нѣсколько шаговъ и незачѣмъ идти далѣе. — Утонченное искусство, обезображивающее природу, не можетъ поражать воображенія, когда на всякомъ шагу видишь одинъ великій и безполезный трудъ» (стр. 161).

Мы нарочно взяли примѣры изъ природы неодушевленной, гдѣ не можетъ быть ни тенденціи, ни личнаго пристрастія или предубѣжденія.... Читая «Записки», вы увидите, что Броневскій въ то же время цѣнитель высокаго искусства и относится къ произведеніямъ его съ такою же любовью и благоговѣніемъ, какъ и къ природѣ. И, относясь съ любовью къ простому народу, онъ скорбитъ сердцемъ, видя его коснѣніе въ невѣжествѣ; но не относится къ нему свысока, снисходя только къ его низшей расѣ, какъ то часто встрѣтите у просвѣщенныхъ европейцевъ. Русскій и патріотъ, онъ въ Боккѣ впервые встрѣчаетъ славянъ нерусскихъ и, встрѣчая въ нихъ горячія симпатіи, самъ проникается тѣми же симпатіями и дѣлается, такъ сказать, натуральнымъ славянофиломъ.

Онъ находитъ неестественнымъ и беззаконнымъ, что славяне повинуются чужой власти; у него уже бродитъ идея освобожденія славянъ отъ чужого ига, и это должна совершить Россія; она же должна помочь развитію тѣхъ изъ нихъ, которыхъ судьба обрекла оставаться въ невѣжествѣ, какъ черногорцы. И все это

должно совершиться во имя братскаго чувства, а не съ какою-нибудь политическою цѣлью. Пріятно ему то благоговѣніе, которое славяне питаютъ къ русскому царю, и вообще преданность ихъ Россіи; но нигдѣ нѣтъ и намека на какія бы то ни было обязательныя отношенія.

Православнымъ славянамъ онъ больше симпатизируетъ, чѣмъ католикамъ, тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе дѣлали страшныя притѣсненія первымъ; но католиковъ-дубровчанъ, болѣе культурныхъ, онъ ставитъ выше православныхъ бокелей. И что особенно цѣнно въ немъ, — это отсутствіе военнаго самохвальства: онъ отдаетъ полную справедливость доблестямъ своихъ враговъ французовъ и осуждаетъ только за слишкомъ эгоистическое и гордое отношеніе къ туземному населенію, чѣмъ отчасти и объясняетъ ихъ слабость; осуждаетъ ихъ за то, что они этотъ народъ слишкомъ безжалостно эксплоатировали и ни малѣйше не показали ему симпатіи, а просто искали одного господства. Такъ точно и по отношенію къ своимъ союзникамъ онъ оказывается вполнѣ безпристрастнымъ, отдавая справедливость ихъ преданности, вѣрности и военнымъ доблестямъ. Очень высоко ставитъ онъ, какъ военачальника, владыку, которому во всѣхъ дѣйствіяхъ давалась инціатива въ силу того естественнаго убѣжденія, что мѣстный вождь лучше сумѣетъ оріентироваться въ той мѣстности, и его лучше послушаетъ мѣстное войско. И врядъ ли когда-либо русскимъ войскамъ приходилось быть въ такихъ добрыхъ и вполнѣ разумныхъ отношеніяхъ къ своимъ союзникамъ, какъ въ этой войнѣ, что, конечно, въ значительной степени нужно приписать просвѣщенному уму, такту и прекрасному характеру главнокомандующаго Сенявина. Все это въ высшей степени ясно обрисовывается въ «Запискахъ» Броневскаго.

Повторяемъ опять объ авторѣ: подъ общимъ впечатлѣніемъ детали у него иногда ускользали отъ вниманія и онъ передаетъ ихъ не совсѣмъ точно; увлекаясь чувствомъ, онъ мѣстами является сантиментальнымъ, и въ тѣхъ случаяхъ его описанія получаютъ нѣкоторую особенную окраску. Но чувство это — широкая гуман-

ность или національное чувство, но тоже широкое; и нигдѣ нѣтъ тенденціи ни политической, ни личной; нѣтъ стремленія красоваться или мудрствовать Онъ вполнѣ объективенъ, насколько то возможно для человѣка, который въ одно и то же время и дѣятель, и наблюдатель. То, что онъ былъ самъ дѣятелемъ, дало ему возможность и другихъ лучше узнать на дѣлѣ, а не на словахъ только или въ платоническихъ отношеніяхъ.

Давши, по возможности, понятіе объ авторѣ «Записокъ», предлагаемъ теперь изъ нихъ извлеченія.

ПУТЕШЕСТВІЯ НА ГОРЫ (на Пасхѣ, 1806 г.)

«Отецъ Спиридоній (приходскій священникъ въ Которѣ) сыскалъ мнѣ проводника, и я по даннымъ мнѣ наставленіямъ спѣшилъ сдѣлать маленькія пріуготовленія. Взялъ съ собой фунтовъ 10 пороху, купилъ кремней, бисеру, стакановъ и рюмокъ, синяго стекла, и нѣсколько кусковъ сахару положилъ въ карманъ, дабы сими бездѣлушками дарить, въ знакъ памяти, тѣхъ хозяевъ, у коихъ буду ночевать. Въ продолженіе моихъ сборовъ митрополитъ пріѣхалъ въ городъ, я за долгъ почелъ просить его соизволенія. Его высокопреосвященство охотно согласился на мое желаніе, убѣждалъ имѣть снисхожденіе къ обычаямъ народа, всѣмъ сердцемъ и душою любящаго русскихъ (собственныя его слова). Приказавъ одному витязю изъ своей гвардіи, ростомъ почти въ сажень, провожать меня всюду, куда бы я ни пожелалъ, и отпуская меня, увѣрилъ, что я буду принятъ съ усердіемъ и должнымъ уваженіемъ. Первый проводникъ мой не хотѣлъ уступить чести охранять меня митрополитскому; они долго спорили, сердились и не знаю, какъ успѣлъ помирить ихъ отецъ Спиридоній.

«Чтобы казаться болѣе военнымъ, взялъ я съ собою одну шинель, препоясалъ длинную саблю, которою могъ бы отрубить носъ въ сажени отъ себя разстояніемъ, а кортикъ вмѣсто кин-

жала заткнулъ за поясъ. Въ четвергъ святой недѣли къ вечеру, пѣшкомъ и съ посохомъ въ рукахъ отправился я въ путь съ однимъ матросомъ, весьма смышленымъ, проворнымъ и на храбрость коего при случаѣ могъ совершенно положиться; я говорю сіе послѣднее потому, что черногорцы дорогихъ гостей своихъ любятъ встрѣчать и провожать ружейными выстрѣлами, такъ что пули свистятъ мимо самыхъ ушей. Въ *Скальяри*, деревнѣ, лежащей въ прекраснѣйшей долинѣ близъ Катаро, дали мнѣ лошака и мы начали подниматься на гору, которой вершина упиралась въ облака. По тропинкѣ, извивающейся улиткою, достигли мы до крѣпости *Скала-санта* (святая тропина) или лучше до четыреугольной башни, стоящей на границѣ Черногоріи и защищающей дорогу отъ Катаро до Будуа. Гора, на которую отсюда намъ должно было всходить, стояла еще выше первой; вершина ея терялась въ облакахъ. Солнце заходило, становилось темно; до Цетина, гдѣ располагался ночевать, оставалось еще верстъ 18; дорога шла на такую крутизну и мимо такихъ ужасовъ, что я, прилегши на шею лошака, качался надъ краемъ бездонной пропасти; голова у меня закружилась и я просилъ остановиться въ первой деревнѣ. Проводникъ увѣрялъ, что нѣтъ никакой опасности и что я непремѣнно долженъ ночевать у него въ Цетинѣ, какъ вдругъ услышали пронзительные дикіе крики; со мною бывшіе отвѣчали такими же голосами; невольный страхъ овладѣлъ мною и еще болѣе увеличился, когда догнали мы у ключа, *Кровавацъ* называемаго, партію черногорцевъ, возвращавшихся съ торгу изъ Катаро; они обступили меня; одинъ спрашивалъ, точно ли я русскій, другой — христіанинъ ли я? а третій подозрѣвалъ не католикъ ли я? Однакожъ удовольствовавшись моими отвѣтами и увѣреніями митрополитскаго витязя, хотѣли, чтобъ я пересѣлъ на ихъ осла, цѣловали руки мои и полу платья, а между тѣмъ тащили меня долой; начался между ними жаркій споръ; я боялся, что начнется драка; наконецъ посадивъ матроса на осла, меня оставили на лошакѣ и мы спокойно продолжали путь. Около 10 ч. провожатые мои сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ и вдругъ всѣ

закричали; потомъ тѣлохранители мои увѣдомили меня, что мы скоро остановимся въ селеніи *Мираць*. Подъѣзжая къ оному, услышали мы смятенные крики; ночь была довольно темна, и я обрадовался, увидѣвъ близко нѣсколько зажженныхъ свѣточей; это была толпа мальчиковъ съ пуками горящей соломы; при въѣздѣ въ деревню меня стѣснили, остановили лошака. Первый, который подошелъ ко мнѣ, былъ князь (титло, принадлежащее сельскимъ начальникамъ), онъ рѣшительно объявилъ мнѣ, что я долженъ ночевать у него.

«Мнѣ нечего тутъ было разсуждать, и я, повинуясь приказанію, пошелъ за нимъ. Князь остановилъ меня передъ воротами, вошелъ въ домъ, скоро возвратился, взялъ меня за руку и ввелъ въ избу. Представить должно мое удивленіе, расположеніе, очень похожее на наши крестьянскія свѣтлицы. Меня посадили въ уголъ подъ образа, возлѣ меня матроса, который безпрестанно вставалъ съ лавки; я насилу увѣрилъ его, что здѣсь онъ долженъ дѣлать, что́ намъ прикажутъ. Вошла молодая женщина (младшая въ домѣ невѣстка), поставила на полъ къ ногамъ моимъ деревянную чашу воды, съ робостію поклонилась, поцѣловала у меня полу мундира, у матроса руку; онъ вскочилъ и чуть не засмѣялся; потомъ стала на колѣни, сняла съ меня сапоги, посмотрѣла ихъ съ любопытствомъ, сняла чулки, словомъ, мнѣ и матросу вымыли ноги. Послѣ сего князь предложилъ мнѣ пасху, которая стояла на накрытомъ столѣ, и все его семейство христосовалось со мною, равно и съ товарищемъ моимъ. Подали умыть руки, зажгли свѣчку предъ образами, принесли вареную курицу и копченую баранину, помолились и одинъ хозяинъ сѣлъ между нами за столъ: дѣти служили, а пришедшіе смотрѣли на насъ и говорили между собою. Послѣ ужина тотчасъ положили насъ спать въ особомъ чуланѣ на доски, покрытыя ковромъ. Князь легъ возлѣ насъ, а сынъ съ оружіемъ и не раздѣваясь повалился у дверей и сейчасъ оба захрапѣли. Я долго не могъ заснуть и смотрѣлъ на кровлю, сквозь которую свистѣлъ вѣтеръ. Всякое движеніе моихъ хозяевъ, не знаю почему, приводило меня въ страхъ: я подвинулъ ко мнѣ длинную

мою саблю, и хотя въ воображеніи моемъ не находилъ причины опасаться, однакожъ былъ готовъ къ оборонѣ; но утомленіе сомкнуло глаза и я часа три спалъ очень крѣпко.

«Рано съ солнцемъ, громкій голосъ моего князя разбудилъ меня. Вопросъ его: хорошо ли я отдыхалъ? считалъ я приказаніемъ, почему всталъ и пошелъ за нимъ, располагая немедленно отправиться въ дальнѣйшій путь; но я ошибся и скоро удостовѣрился, что не могу ничѣмъ располагать. Нѣсколько старѣйшинъ изъ семействъ ожидали уже меня на дворѣ, и лишь я показался, просили удостоить ихъ посѣщеніемъ; и такъ я пошелъ за первымъ, который подошелъ ко мнѣ; матросъ пошелъ за другимъ. Насилу избавили меня отъ омовенія ногъ; подали яичницу и пшеничный, только что испеченый и весьма вкусный хлѣбъ. Представьте себѣ мое удивленіе, я долженъ былъ обойти 20 дворовъ и вездѣ непремѣнно ѣсть или по крайней мѣрѣ всего отвѣдать. При входѣ и выходѣ изъ дому я долженъ былъ перецѣловать все семейство, а если я дарилъ ребенка кусочкомъ сахара, то всѣ цѣловали меня. Наконецъ, перецѣловавъ по нѣскольку разъ всю деревню, мнѣ подвели лошака, посадили, пожелали добраго пути и начали стрѣлять; матросъ мой напился такъ, что его принуждены были положить поперекъ на спину осла. Я позабылъ сказать, что когда переходилъ изъ дома въ домъ, меня сдавали съ рукъ на руки, точно такъ, какъ бы какую вещь, и напоминали хранить меня, какъ зеницу ока!

«Дорога до Цетина шла мимо ужасныхъ пропастей и глубокихъ овраговъ; кое-гдѣ видны были виноградники, маленькіе сады и площадки хлѣба, уже съ четверть вышиною; справа и слѣва были Коложунъ и Ловчинъ, высочайшія изъ горъ, коихъ кремнистая цѣпь съ висящими скалами на каждомъ шагу представляли трудныя дефилеи и такъ сказать непреодолимыя твердыни вольности черногорцевъ. Въ монастырь Цетино, мѣстопребываніе митрополита, прибылъ я въ полдень и остановился въ домѣ перваго моего провожатаго. Не смотря на убѣдительное приглашеніе монаховъ, я не прежде могъ посѣтить ихъ, какъ

начали звонить къ вечернѣ. Цетино лежитъ въ глубокомъ долу, покрытомъ зеленью и садами. Монастырь, окруженный зубчатыми стѣнами съ башнями, и пятиглавая церковь напомнили мнѣ окрестности Москвы; я забылъ, что нахожусь такъ далеко отъ оной. Тутъ показывали мнѣ грамоты императоровъ нашихъ отъ Петра и подарки, состоящіе въ богатыхъ ризахъ, сосудахъ; образъ Божіей Матери, принесенный въ даръ Екатериною В., обложенъ жемчугомъ и брильянтами дорогой цѣны» (Ч. I, стр. 186—192). Пропускаемъ разсужденія автора по поводу спартанскаго духа въ Черногоріи и т. п. и продолжаемъ повѣствованіе его объ обратномъ путешествіи:

«Вмѣсто того, чтобы ночевать въ Станевичахъ, меня отпустили изъ Цетина на другой день послѣ обѣда, гораздо уже за полдень. Боясь темной ночи, остановился ночевать не доѣзжая перваго монастыря въ *Бѣлоши*, небольшомъ селеніи, и уже на пятый день, проѣхавъ не болѣе 70 верстъ, чрезъ Станевичи, Будуа, возвратился въ Порто-Розе, а оттуда въ Кастѣль-Ново, гдѣ стояла моя требака (trabacula). Такимъ образомъ я объѣхалъ Катарскую область и въ продолженіе времени собралъ достаточныя свѣдѣнія для вѣрнѣйшаго ея описанія; за всѣмъ тѣмъ, оныя были бы несовершенны и поверхностны, если бы не старался я собственныя мои сужденія повѣрить съ показаніями многихъ знающихъ особъ; наиболѣе же обязанъ К. В. Р.....у, который доставилъ мнѣ самое подробное описаніе одного австрійскаго инженера, сочинившаго и карту (смотри въ концѣ книги). Но какъ сей офицеръ, увлекаясь духомъ католицизма, представилъ характеръ народа совершенно въ искаженномъ видѣ, то я заимствовалъ отъ него только статистическое и частію историческое описаніе.

«Не могу умолчать о двухъ случаяхъ, которые могутъ показать, до какой степени черногорцы набожны и преданы государю. Въ Бѣлоши приходскій священникъ принесъ святцы, дабы я сказалъ ему, кіевской-ли они печати? Я развернулъ и сталъ читать. Всѣ бывшіе въ избѣ встали, и когда я пересталъ, про-

сили, чтобъ еще прочелъ нѣсколько молитвъ. Я обратился тогда къ образамъ; всѣ начали молиться; сдѣлалась тишина и слышны были вздохи, которые до того растрогали меня, что едва могъ удержать слезы. По окончаніи чтенія, умиленіе изображено было на лицахъ каждаго; разговоръ кончился сожалѣніемъ, что они такъ далеко живутъ отъ Россіи, и не могутъ видѣть великолѣпія нашихъ храмовъ и молиться въ нихъ Богу. Другой случай доставилъ мнѣ удовольствіе столь же великое. Первому моему провожатому подарилъ я портретъ государя. Узнавъ, чье изображеніе держитъ въ своихъ рукахъ, затрепеталъ онъ отъ радости, обнялъ меня съ восхищеніемъ, цѣловалъ руки, благодарилъ несвязными словами, приложилъ портретъ къ груди, потомъ перекрестился, поцѣловалъ оный съ благоговѣніемъ, далъ приложиться своимъ домочадцамъ, показывалъ каждому, и наконецъ, приладя къ дощечкѣ, поставилъ къ образамъ» (стр. 193—195). За этимъ слѣдуетъ «Описаніе провинціи Бокиди Катаро» (стр. 195—238); мы же перейдемъ къ слѣдующей главѣ.

ОПИСАНІЕ ЧЕРНОГОРІИ.

«Черногорцы, ведя безпрестанную войну со своими сосѣдями, не впускаютъ ни одного иностранца въ свою землю. Путешественникъ, который пожелалъ бы снять мѣстоположеніе, подвергся бы опасности потерять жизнь; они почли бы его за шпіона какой-либо державы, намѣревающейся завоевать ихъ. По сей причинѣ изъ множества путешественниковъ нѣтъ ни одного, который бы посѣтилъ Черногорію, и нѣтъ ни одного творенія о произведеніяхъ ея, о правленіи, нравахъ и обычаяхъ жителей.

«По занятіи провинціи Катарской нашими войсками, бокезцы съ черногорцами слились въ одинъ народъ, и прежняя вражда ихъ прекратилась. Одинъ докторъ изъ приморцевъ, человѣкъ весьма просвѣщенный, будучи призванъ во внутренность земли для вспомоществованія больнымъ, оказалъ нѣкоторую услугу губернатору Черногоріи и самому митрополиту, и не упустилъ вос-

пользоваться довѣренностію, которую внушали жителямъ его званіе и знаніе языка. Знакомство его со мною было для меня полезно: онъ охотно сообщалъ мнѣ свои замѣчанія. Довѣренность черногорцевъ къ россіянамъ, мое путешествіе на горы и обращеніе съ ними во время пребыванія флота въ Адріатическомъ морѣ, доставили и мнѣ случай собрать другія свѣдѣнія, касающіяся до характера ихъ и правленія. Сличивъ замѣчанія доктора съ своими, провѣрилъ я мои записки на мѣстѣ, и воспользовавшись показаніями архимандрита Вукотича, природнаго черногорца, и еще нѣкоторыхъ свѣдущихъ бокезцовъ, которые имѣли частыя сношенія и родственныя съ ними связи, особенно считаю себя обязаннымъ многими вѣрными подробностями о Черногоріи, равно и Катарской провинціи, графу П. И. Ивеличу. При таковой помощи, будучи въ состояніи составить точное и вѣрное описаніе, я осмѣливаюсь здѣсь оное предложить» (стр. 238—240). Описаніе это занимаетъ страницы отъ 238—300 и расположено по главамъ: Границы, пространство и число жителей; климатъ; болѣзни; произведенія, земледѣліе, торговля; науки, ремесла и языкъ и т. д. Мы сдѣлаемъ извлеченія только изъ нѣкоторыхъ, представляющихъ больше интереса.

Изъ главы: «Правленіе».

«Черногорія есть республика, въ коей равенство поддерживается бѣдностію, вольность — храбростію, законъ замѣняется обычаемъ. Сія малая область представляетъ образъ правленія безъ печатныхъ уставовъ. Черногорцы, не платя никакихъ податей, не собирая общественной казны, управляются сами собою и живутъ покойно и счастливо. Правленіе Черногоріи можно назвать народнымъ и избирательнымъ. Сеймъ или соборъ главарей есть драгоцѣннѣйшій залогъ ихъ независимости; на ономъ рѣшается миръ, война и большинствомъ голосовъ избираются, какъ самъ митрополитъ, такъ губернаторъ и 4 сердаря или военачальника. Вотъ какъ это дѣлается: когда соберутся на обширный лугъ, находящійся при монастырѣ Цетинѣ, митрополитъ излагаетъ нужду объявить войну, заключить миръ или сдѣлать

какое-либо постановленіе и спрашиваетъ, согласны они или нѣтъ. Священники и главари, разошедшись по толпамъ, повторяютъ предложеніе слово въ слово. Начинается безпорядочный шумъ; народъ разсуждаетъ, толкуетъ, споритъ, но никогда не случалось, чтобъ, подобно другимъ депутатамъ, рубили тутъ уши и носы. Звонъ колокола повелѣваетъ замолчать, и какъ бы споръ ни былъ силенъ, но при первомъ звукѣ настаетъ совершеннѣйшая тишина. Митрополитъ опять спрашиваетъ, чѣмъ они рѣшили и согласны ли на предложеніе. Обыкновенно слѣдуетъ отвѣтъ: буди по твоему, владыко! Достоинство владыки и губернатора сдѣлалось наслѣдственнымъ въ фамиліи Петровичей и Радоничей. Сердари избираются на жизнь и весьма уважаются, потому что въ нихъ предполагается храбрость и искусство, доказанныя опытами во многихъ сраженіяхъ. Чинъ сей не можетъ сдѣлаться наслѣдственнымъ, ибо каждый черногорецъ, почитая себя храбрымъ, ищетъ его. Князья или главари деревень избираются старѣйшинами семействъ; иногда и сіи удерживаютъ титла для дѣтей своихъ, если они онаго достойны. Князья сіи, имѣя пышный титулъ, не болѣе какъ наши деревенскіе старосты или выборные. Губернаторы, сердари не имѣютъ ни почестей, никакихъ преимуществъ, никакого знака отличія или вознагражденія и малое имѣютъ вліяніе на правленіе; они приглашаются посредниками въ легкихъ ссорахъ и участвуютъ на сеймахъ, ибо безъ согласія ихъ, какъ народныхъ представителей, не можетъ быть рѣшено никакое постановленіе. Верховная, духовная и гражданская власти перешли въ руки митрополита; но единственно потому, что онъ заслужилъ оныя своимъ просвѣщеніемъ, а болѣе мужествомъ и твердостію. Здѣсь нѣтъ наслѣдственнаго дворянства; всѣ имѣютъ равныя преимущества и послѣдній черногорецъ можетъ быть на время княземъ, сердаремъ и губернаторомъ» (стр. 250—252)[1]).

Изъ главы «Нынѣшній митрополитъ», въ которой находятся

---

[1]) Авторъ почему-то пропустилъ *воевода*.

извѣстныя біографическія данныя, мы возьмемъ только личную его характеристику:

«Петръ Петровичъ не малаго роста, имѣетъ станъ стройный, лице румяное, видъ привлекательный, наружность важную и глаза, исполненные живости. Я имѣлъ случай видѣть его при въѣздѣ въ Катаро, когда онъ былъ въ церкви, на вахъ-парадѣ, при осмотрѣ укрѣпленій и въ домѣ губернатора генерала Пушкина; видѣлъ его въ санѣ первосвященника, владѣтельнаго князя, генерала, инженера, обходительнаго придворнаго, и могу сказать, онъ не похожъ на *Петра Пустынника*, собравшаго воинство крестоносныхъ рыцарей. Онъ одинъ въ свѣтѣ архіерей, согласующій въ себѣ достоинства столь противоположныя пастырскому жезлу. Въ церкви, когда съ важностію сѣлъ на пріуготовленный ему тронъ, онъ былъ царь. Въ домѣ у генерала черное бархатное полукафтанье, подпоясанное богатымъ кушакомъ, на коемъ висѣла сабля, украшенная драгоцѣнными каменьями, круглая шляпа и Александровская лента черезъ плечо, представляли его болѣе генераломъ, нежели митрополитомъ; и въ самомъ дѣлѣ, онъ съ большею ловкостію повелѣвалъ предъ фронтомъ на вахъ-парадѣ и при осмотрѣ постовъ крѣпости, нежели съ небольшою уклонкою благословлялъ подходившихъ къ нему офицеровъ. Онъ всегда окружаетъ себя многочисленною свитою; витязи его или гвардія—настоящіе исполины, чудо-богатыри; самый меньшій изъ нихъ не менѣе 2 аршинъ 12 вершковъ; впереди шелъ великанъ 3 аршинъ; оружіе ихъ блеститъ золотою насѣчкою, перламутромъ и кораллами; одежда вся обшита позументомъ и залита серебромъ. Петръ Петровичъ говоритъ по-итальянски, по-французски и по-русски, точно на своемъ природномъ славянскомъ языкѣ; но по своей политикѣ и сану полагаетъ приличнѣйшимъ употреблять въ публичныхъ переговорахъ для первыхъ двухъ (языковъ) переводчиковъ. Онъ чуждъ предразсудковъ и суевѣрія, любитъ просвѣщеніе, находитъ удовольствіе бесѣдовать съ иностранцами, внимательно наблюдаетъ ходъ политическихъ происшествій въ Европѣ, умѣетъ пользоваться обстоятельствами и искусно вы-

вертывается изъ трудныхъ дѣлъ. Путешествія его, просвѣщеніе и природная острота придаютъ разговору его ясность и пріятность, а обхожденію — самую тонкую вѣжливость и важность. Умъ его въ безпрестанной дѣятельности; властолюбіе управляетъ всѣми его дѣяніями и помышленіями. По всему кажется, что онъ весьма расположенъ къ завоеваніямъ. Политическія и военныя его дарованія и духъ его народа могли бы обнадежить въ успѣхѣ, еслибъ онъ былъ въ состояніи пріучить черногорцевъ къ подчиненности, безъ которой и храбрость ихъ безполезна. Возвышеннымъ умомъ, мужествомъ и твердостію онъ сдѣлался царствующимъ, самовластнымъ владыкою. Воля его почитается закономъ, и черногорцы слѣпо ему повинуются; они боятся его взора и, исполняя его приказаніе, говорятъ: *тако владыка заповѣда*. Такимъ образомъ, соединивъ въ себѣ гражданскую и духовную власть, онъ сдѣлалъ много добра своему отечеству и прекратилъ частыя смертоубійства и буйства. Впрочемъ, власть его кротка: непослушныхъ предаетъ онъ проклятію, и, если въ это время умираетъ кто нибудь, то легковѣрный народъ говоритъ: «гнѣвъ божій поразилъ его; конечно, онъ былъ виновенъ!» Венеціане и австрійцы не признавали его владыкою цетинскимъ, скандерійскимъ и приморскимъ, т. е. митрополитомъ черногорскимъ, албанскимъ и бокезскимъ, можетъ быть, потому, что послѣднія двѣ области не принадлежали ему; но онъ вліяніемъ духовной своей власти умѣлъ привесть ихъ въ опасеніе, заставить уважать санъ свой и искать его дружбы и расположенія. Во время войны онъ лично предводительствуетъ войсками и почитается столь же искуснымъ политикомъ, какъ и генераломъ» (стр. 263—266).

Очонь интересна глава «Образъ черногорской войны и ихъ тактика», такъ какъ Броневскій имѣлъ полную возможность познакомиться съ этою стороною черногорца во время войны.

Сказавъ о томъ, что черногорецъ всегда вооруженъ, отличный стрѣлокъ и необыкновенный ходокъ, онъ продолжаетъ:

«Подобно мальтійскимъ кавалерамъ, ведутъ они вѣчную войну съ турками. Обитая въ горахъ, представляющихъ на каждомъ

шагу трудныя дефилеи, гдѣ горсть храбрыхъ можетъ остановить цѣлую армію, они не боятся нечаяннаго нападенія, ибо всегда по границѣ стоятъ на стражѣ и въ 24 часа всѣ воины могутъ собраться на угрожаемое мѣсто. Если непріятель силенъ, они, жгутъ села, истребляютъ свои поля и заманиваютъ его въ горы, гдѣ окружаютъ, нападаютъ съ отчаянною храбростію. Черногорцы въ опасности отечества забываютъ личность, свою пользу и частныя вражды, повинуются начальникамъ и, какъ мужественные республиканцы, почитаютъ счастьемъ, божескою милостію умереть въ сраженіи. Здѣсь они являются истинными воинами, внѣ отечества дикими варварами, предающими все огню и мечу. Понятіе ихъ о войнѣ совершенно различествуетъ отъ правилъ, принятыхъ православными народами. Они рѣжутъ головы непріятелямъ, попавшимся въ руки ихъ съ оружіемъ въ рукахъ, и даютъ пощаду только тѣмъ, кои прежде сраженія добровольно отдаются. Отнятое имущество почитаютъ своею собственностію и наградою храбрости. Сами же сражаются въ полномъ смыслѣ слова до послѣдней капли крови. Никогда черногорецъ не проситъ пощады; если же онъ тяжело раненъ, и не можно его спасти отъ рукъ непріятеля, то товарищи отрѣзываютъ ему голову. При нападеніи на Клобукъ, небольшой нашъ отрядъ принужденъ былъ отступить. Одинъ офицеръ, дородный и уже въ нѣкоторыхъ лѣтахъ, упалъ на землю, изнуренный усталостію. Въ сію минуту прибѣгаетъ къ нему одинъ черногорецъ и, вынувъ свой ятаганъ, говоритъ: «Ты очень храбръ и желать долженъ, чтобы я тебѣ отрѣзалъ голову. Сотвори молитву, перекрестись....» Пораженный удивленіемъ и ужасомъ офицеръ собираетъ послѣднія силы и съ помощію того же черногорца скоро догоняетъ своихъ. Всѣхъ попавшихся въ плѣнъ почитаютъ уже убитыми. Раненыхъ своихъ выносятъ на плечахъ, и къ чести черногорцевъ должно сказать, что такимъ образомъ спасали они нашихъ офицеровъ и солдатъ. — Оружіе, небольшой хлѣбъ, сыръ, чеснокъ, немного водки, старое платье и двѣ пары сандалій изъ сыромятной кожи составляютъ весь багажъ черногорцевъ. Во время

дождя черногорецъ, завернувъ голову *струкою* (суконная шаль) на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ, свернувшись въ клубокъ, ничкомъ и стоя на колѣняхъ, имѣя ружье подъ собою, спитъ весьма спокойно. Три, четыре часа ему достаточны для подкрѣпленія силъ; прочее время безпрестанно ночь и день нападаетъ. Ихъ никогда не можно удержать въ резервѣ; кажется, они не могутъ сносить виду непріятеля. Когда разстрѣляютъ патроны, то съ покорностію просятъ у всякаго встрѣчающагося съ ними офицера; а получивъ оное и браня Бонапарта, стремглавъ бѣгутъ въ переднюю линію. Если непріятеля не видно, то они поютъ и пляшутъ, или занимаются грабежемъ, въ чемъ (должно отдать имъ справедливость) они весьма искусны. — Вотъ какъ сражаются сіи нерегулярныя войска: Будучи въ превосходномъ числѣ, не прежде нападаютъ открытою силою, какъ употребивъ хитрость. Для сего скрываются въ оврагахъ и высылаютъ только малое число стрѣлковъ, которые, отступая, заводятъ въ засаду, гдѣ, окруживъ непріятеля, предпочитаютъ бѣлое оружіе, поелику сила и отважность дѣлаютъ успѣхъ для нихъ болѣе надежнымъ. Если же они слабѣе, то выбираютъ выгодное положеніе на высокихъ скалахъ, откуда, произнося всякаго рода ругательства, вызываютъ на бой. Большею частью они нападаютъ ночью, ибо система ихъ есть нечаянность. Впрочемъ, какъ бы они малочисленны ни были, стараются утомить непріятеля безпрестаннымъ сраженіемъ. Читатель дальше увидитъ, что лучшіе французскіе волтижеры на передовыхъ постахъ всегда были истребляемы, и непріятельскіе генералы нашли удобнѣйшимъ стоять подъ защитою пушекъ, которыхъ черногорцы не жаловали. Однакожъ скоро къ онымъ привыкли, и съ подкрѣпленіемъ нашихъ егерей смѣло всходили на батареи. Тактика черногорцевъ ограничивается меткою стрѣльбою. Небольшой камень, яма, дерево укрываютъ ихъ отъ непріятеля. Стрѣляя большею частью съ земли, они берегутъ себя, и вѣрный, скорый ихъ выстрѣлъ несетъ смерть въ сомкнутые ряды регулярныхъ войскъ. Сверхъ того они отличаются хорошимъ глазомѣромъ, умѣютъ пользоваться мѣстоположеніемъ и какъ

сражаются обыкновенно, отступая назадъ, то французы, почитавшіе сіе трусостію, всегда обманывались и попадались въ засады. Напротивъ того, они такъ осторожны, что самые хитрые маневры обмануть ихъ не могутъ. Они слышатъ непріятеля, такъ сказать, по обонянію и усматриваютъ его тогда, когда едва только можно разсмотрѣть движеніе его въ зрительную трубу. Чрезвычайная дерзость ихъ торжествовала надъ искусствомъ французскихъ воиновъ. Нападая на колонны съ фланговъ и съ фронта разсѣянно и слѣдуя внушеніямъ личной смѣлости, они не боялись ужаснаго батальнаго огня французской пѣхоты. Генералъ Лористонъ желалъ двухъ черногорцевъ, попавшихся въ плѣнъ, отправить въ Парижъ на показъ; но одинъ изъ нихъ разбилъ себѣ голову, а другой уморилъ себя голодомъ.

«Изъ сего можно заключить, что черногорцы внѣ горъ своихъ не могутъ противостоять регулярнымъ войскамъ единственно потому, что, предавъ все огню, они недолго могутъ быть въ полѣ. Храбрость ихъ въ содѣйствіи съ нашими войсками и плоды побѣды терялись отъ ихъ безпорядка. При осадѣ Рагузы не можно было узнать, сколько ихъ было подъ ружьемъ, ибо безпрестанно одни уходили домой съ добычею, другіе возвращались оттуда и, послѣ нѣсколькихъ дней неутомимыхъ трудовъ, съ какою-нибудь бездѣлицею отходили въ горы. Съ ними нельзя идти въ дальній походъ, и потому ничего важнаго предпринять невозможно. Впрочемъ, по своей способности къ горной войнѣ, безъ всякаго свѣдѣнія въ тактикѣ, во многомъ они имѣютъ преимущество надъ регулярными войсками. Во-первыхъ, они одѣты легко, чрезвычайно метки въ стрѣльбѣ и заряжаютъ ружье свое гораздо скорѣе солдатъ, которые, имѣя ружья съ прямымъ прикладомъ, не всегда умѣютъ попадать въ цѣль. Черногорцы же въ жару сраженія, лежа и разсѣявшись, стрѣляютъ на соединенный фронтъ. Потому-то, въ числѣ 100 или 150 человѣкъ неустрашимо нападаютъ они на колонну, изъ 1,000 человѣкъ состоящую. Въ правильномъ сраженіи по однимъ знаменамъ можно судить о ихъ движеніи. Они имѣютъ условленные крики, дабы

соединиться и напасть вдругъ на слабую сторону. Отъ главнаго знамени, носимаго при митрополитѣ, голосомъ даютъ они знать, что́ должно дѣлать. Тогда внезапно бѣгутъ впередъ, съ дерзостію врубаются въ карре и почти всегда причиняютъ безпорядокъ. Представьте дикій вой, ободряющій черногорцевъ, ужасающій французовъ, и присовокупите къ тому отрубленныя головы, висящія у нихъ на шеѣ и за плечами! Все сіе должно произвести, какъ мнѣ кажется, ужасное дѣйствіе. Въ авангардныхъ перестрѣлкахъ, въ снятіи пикетовъ, а всего лучше въ истребленіи непріятельскихъ запасовъ, черногорцы могутъ служить при арміи съ большою пользою; а если подчинить ихъ военному порядку, что́ неневозможно, то съ 100,000-ми такихъ воиновъ можно бы дать хорошій урокъ лучшимъ регулярнымъ войскамъ» (стр. 266—273).

Въ главѣ «Образъ жизни, нравы и обычаи» авторъ останавливаетъ вниманіе на ихъ умѣренности въ ѣдѣ и питьѣ, на умѣньи держаться съ достоинствомъ, на ихъ гостепріимствѣ, почтеніи къ старшимъ, уваженіи къ женщинѣ, которая, какъ жена, несетъ за мужемъ съѣстные припасы и на случай вооружена ножомъ и пистолетомъ, и какъ мать ободряетъ своего сына на военные подвиги и хвалится его ранами. Какъ ни сильна любовь между собою всѣхъ членовъ семьи, любовь къ отечеству стоитъ выше всего. Заслуживъ ихъ любовь и уваженіе, изъ нихъ можно все сдѣлать».

Такимъ образомъ Сенявину удалось достигнуть не только того, «что они перестали рѣзать плѣннымъ головы и уже приводили ихъ живыхъ, но сверхъ всякаго ожиданія съ помощію митрополита уговорилъ ихъ предпринять походъ моремъ, чего прежде никогда не дѣлывали. Рота черногорцевъ посажена была на корабль Москву. Съ великою трудностію удалось убѣдить ихъ положить оружіе въ сундукъ, и не смотря на то, что обходились съ ними снисходительно и ласково, они причиняли не малое безпокойство. Когда капитанъ приглашалъ ихъ начальниковъ на завтракъ, то всѣ они безъ приглашенія входили въ каюту. Замѣтивъ же, что офицерамъ подаютъ на столъ больше, чѣмъ матросамъ,

они хотѣли, чтобъ и имъ то же давали. По взятіи крѣпости Курцоло, праздникъ Рождества приближался; они не давали капитану покоя и просили, чтобы скорѣй шелъ въ Катаро; когда растолковали имъ, что корабль при противномъ вѣтрѣ идти не можетъ, то они впали въ мрачное уныніе и сидѣли, повѣся голову; когда же корабль приблизился ко входу, они, узнавъ Черную-Гору, произнесли радостный крикъ и начали пѣть и плясать. Прощаясь, съ признательностію обнимали капитана и офицеровъ и всѣхъ, кого они больше полюбили, настоятельно приглашали къ себѣ въ гости; когда матросы отвѣчали, что безъ позволенія начальника нельзя имъ отлучиться, то они съ удивленіемъ говорили: «Если ты хочешь, то кто имѣетъ право запретить тебѣ сіе?» (стр. 273—277).

Далѣе онъ описываетъ: «Наружность и одѣяніе», «Браки», при чемъ замѣчаетъ, что «стыдливость и цѣломудріе принадлежатъ равно обоимъ поламъ»,—«похороны», «игры и увеселенія», перечисливъ которыя, заканчиваетъ слѣдующимъ меткимъ наблюденіемъ: «Вмѣсто прогулки, черногорецъ, взошедъ на скалу, ложится ничкомъ и растянувшись на землѣ, проводитъ цѣлые часы въ созерцаніи бурнаго моря и прибрежныхъ селеній» (стр. 283). Остальныя главы: «Звѣриная ловля», «Рыбная ловля», «Пища», «Древности», «Исторія» и «Заключеніе».

Въ послѣдней главѣ авторъ предается грустнымъ соображеніямъ относительно черногорскаго народа, который онъ такъ полюбилъ, дѣливши опасности, тяжести боевой жизни, нелишенной однако и минутъ радости. Онъ видѣлъ, что «черногорцы, будучи свободны и независимы, вѣчно стоя на стражѣ своей вольности, не знаютъ благосостоянія, проистекающаго отъ мудрости законовъ и попечительности монарховъ, не дѣлаютъ никакого усилія и не показываютъ никакого желанія выйти изъ невѣжественнаго своего омраченія». Во всемъ хозяйствѣ черногорца онъ видитъ первобытные пріемы, сдѣлавшіеся священными; торговли почти нѣтъ; «набѣги и грабежи составляютъ всѣ сношенія съ изобильными провинціями, его окружающими». «Страсть къ войнѣ поту-

шаетъ въ немъ желаніе пріобрѣтать богатство; довольствуясь малымъ, отправляя общественныя должности безвозмездно, пренебрегая избытокъ, беззаботно провождаетъ онъ въ самовольной бѣдности, право сильнаго и неумолимое мщеніе замѣняютъ всѣ законы. А между тѣмъ онъ отличается природными дарованіями: «онъ имѣетъ проницательность, весьма здравый разсудокъ и удивительную смышленость и переимчивость; истина сія доказывается примѣрами тѣхъ, кои служатъ въ россійской арміи и бываютъ въ чужихъ земляхъ: они оказываютъ способность къ изученію языковъ и наукъ, а болѣе склонность ко всѣмъ ремесламъ, и въ короткое время дѣлаются другими людьми; но успѣхи ихъ безполезны для отечества, ибо вообще они туда болѣе не возвращаются». Никакой народъ не имѣлъ столько надобности въ преобразованіи своего правленія и своихъ нравовъ; но какимъ способомъ произведется сія спасительная перемѣна? «Самъ собою прійти къ этому народъ не можетъ.... Глаза его закрыты отъ свѣта; душа, подобно умирающему, коего жестокость болѣзни дѣлаетъ нечувствительнымъ къ страданію, не можетъ воспламениться тѣмъ благороднымъ соревнованіемъ, которое замышляетъ и приводитъ къ концу дѣла великія. Настоящій митрополитъ имѣетъ всю доблесть и способность внушить въ нихъ столь прекрасную рѣшимость; но онъ царствуетъ надъ народомъ, погруженнымъ во мракъ невѣжества, которое, возвышая его познанія и утверждая власть, кажется, не побуждаетъ его къ сему подвигу; а всего вѣроятнѣе онъ не имѣетъ довольно силъ предпринять столь важное преобразованіе. Оное можетъ только быть твореніемъ того Государя, у коего имя находится въ величайшемъ уваженіи у сего гордаго, кичливаго народа, — того, котораго подвиги ознаменовываются единымъ благотвореніемъ къ подданнымъ, владычествомъ его счастливымъ!» (стр. 295—300).

Въ темныхъ фразахъ относительно митрополита смыслъ тотъ, что онъ не желаетъ выводить народъ изъ невѣжества, такъ какъ на невѣжествѣ этомъ держится его власть и благоговѣніе передъ нимъ народа.

Имѣя передъ собою документы, доказывающіе противное, мы не можемъ раздѣлять этого взгляда; да и самъ авторъ при концѣ склоняется къ другому мнѣнію. Замѣчательно только то, что Броневскій, говоря о необходимости помощи Россіи въ преобразованіи Черногоріи, совершенно сходится въ мысляхъ съ владыкою, какъ то мы знаемъ изъ записки посланной имъ русскому императору.

Сдѣлаемъ еще небольшую выписку изъ этой же, т. е. 1-й части:

«Взглядъ на пріуготовленіе къ войнѣ черногорцевъ».

1-го іюня со всего флота отправлены были гребныя суда для перевоза черногорцевъ изъ Катаро въ Кастель-Ново. Множество народа толпилось по улицамъ. На площади у гауптвахты раздавались черногорцамъ первой дивизіи небольшіе флаги, которые предпочитались народомъ настоящимъ знаменамъ, потому что на нихъ былъ Андреевскій крестъ. Каждое селеніе составляло партію или роту, смотря по многолюдству своему, числомъ людей не ровную. Каждый округъ составлялъ корпусъ, которымъ командовалъ сердарь. Всѣми приморскими и черногорскими ратниками предводительствовалъ самъ митрополитъ. Такое раздѣленіе, какъ мнѣ кажется, подстрекаетъ соревнованіе и утверждаетъ согласіе; ибо въ одной ротѣ всѣ воины большею частію родственники. Роты и корпусъ, принадлежа разнымъ деревнямъ, городу или округу, соревнуя, опережаютъ другъ друга и въ сраженіи было бы стыдно остаться позади. Выборъ начальника ротъ заслуживаетъ вниманіе. Ратники одного села, ставши въ кружокъ, избираютъ между собою кандидатовъ; сіи по старшинству лѣтъ разсказываютъ подвиги свои, исчисляютъ сраженія, свидѣтельствуются ранами, которыя при семъ и открываютъ, оспаривая другъ друга, что́ не безъ шума бываетъ. По общему согласію избираютъ наконецъ самаго достойнаго и храбрѣйшаго, снимаютъ съ него оружіе, даютъ ему клятву повиноваться и гдѣ онъ ляжетъ, тамъ и свои головы положить. Послѣ сего начальникъ сей принимаетъ флагъ, со всѣми идетъ въ церковь, служатъ молебенъ, даетъ присягу и, вышедъ опять на площадь, снова становятся въ кружокъ, вынимаютъ

мечи и, потрясая ими, всѣ вдругъ кричатъ: «За крестъ, за вѣру, за матерь пресвятую Богородицу, за царя бѣлаго и отечество, клянемся костями предковъ, славою ихъ — служить до послѣдней капли крови, не просить и не давать пощады, умереть или побѣдить!» Признаюсь, такое пріуготовленіе потрясаетъ душу. Но глашатаи еще больше возбуждаютъ ярость сего полудикаго народа; они усталымъ, осиплымъ голосомъ не умолкая кричатъ: «къ оружію, храбрые славяне! Старые измѣнщики рагузинцы обманули насъ, отдали французамъ свои крѣпости, и какъ нѣкогда сожгли они въ церкви христіанъ, такъ и теперь, надѣясь на помощь безвѣрныхъ, угрожаютъ опалить землю нашу и истребить насъ огнемъ и мечемъ. Кровь сожженныхъ братій вопіетъ! ступайте, мстите убійцамъ, измѣнникамъ и врагамъ вашимъ!» Сіи слова исторгали злостныя ругательства. Черногорцы, вращая въ воздухѣ кинжалы, кричали: «*копситъ поганыхъ дубровниковъ, удритъ главы пасьей виры*», т. е. бить рагузинцевъ и французовъ. Я не могъ усадить черногорцевъ на свою шлюпку; одинъ войдетъ въ нее, другой выйдетъ; это не такія войска, чтобы можно было подчинить ихъ; они повинуются, и то не во всемъ, только тогда, когда видятъ предъ собою непріятеля» (стр. 326—328).

До сихъ поръ мы имѣли передъ собою только общія соображенія и выводы Броневскаго о черногорцахъ. При этомъ можно замѣтить, что многое въ жизни черногорскаго народа могло и должно было остаться для него невполнѣ понятнымъ, такъ какъ онъ лично наблюдалъ исключительно военную жизнь черногорца; внутренній же бытъ народа, дома и во время мира, былъ ему недоступенъ, и онъ его изображаетъ частью по предоставленной въ его руки запискѣ, по свѣдѣніямъ отъ людей знающихъ, частью по личному соображенію. Поэтому иное является у него въ окраскѣ его общихъ понятій о первобытномъ народѣ; но нигдѣ не встрѣтите искаженія фактовъ или сообщеній тенденціозныхъ; поэтому съ полною вѣрой мы должны отнестись къ его описаніямъ изъ военныхъ дѣйствій, въ которыхъ онъ былъ участникомъ и свидѣтелемъ. Тутъ не можетъ быть сомнѣнія ни въ томъ, что пе-

редастъ точно и вѣрно, ни въ томъ, что съумѣлъ дать фактамъ надлежащую оцѣнку.

Вотъ почему мы считаемъ необходимымъ привести и изъ 2-й части его «Записокъ» описаніе нѣкоторыхъ дѣлъ.

Приведемъ, хоть не вполнѣ, цѣлую почти главу: «Взятіе Старой-Рагузы, — сраженія въ горахъ, — разбитіе генерала Лористона и осада Новой-Рагузы».

«Узнавъ о занятіи Рагузы французскими войсками, митрополитъ Петръ Петровичъ съ черногорскими и приморскими своими войсками, съ двумя ротами витебскаго и одного 13-го егерскаго полковъ подъ командою маіора Звягина пошелъ на встрѣчу непріятелю. 21-го мая французы совокупно съ рагузинскими жителями встрѣтились съ войсками нашими въ пяти верстахъ отъ Старой-Рагузы, и началось сраженіе. Поредовые посты тотчасъ были сняты, непріятель, устроившись въ линію баталіи, не могъ выдержать аттаки нерегулярныхъ войскъ, былъ разстроенъ и прогнанъ въ Старую-Рагузу. 22-го мая маіоръ Забелинъ съ 4-я ротами витебскаго полка и 4-я егерей соединился съ митрополитомъ; а французы ночью оставили Старую-Рагузу съ 4-я заклепанными пушками. Наши войска тотчасъ заняли ихъ мѣсто. 23, 24 и 25 чиселъ черногорцы и приморцы съ подкрѣпленіемъ нашихъ войскъ имѣли постоянныя стычки съ непріятелемъ, всегда прогоняли его назадъ и заняли все пространство, находящееся между Старою и Новою Рагузою. Какъ сраженія сіи происходили у морского берега, то корабль Уріилъ, бокезскій корсаръ, канонерскія лодки и вооруженныя гребныя суда, поставленныя тутъ контръ-адмираломъ Сорокинымъ, помогали черногорцамъ картечными выстрѣлами. Въ сраженія сіи убито и ранено черногорцевъ 13 чел.; а непріятеля побито офицеровъ 8, солдатъ до 300 чел. Черногорцы взяли знамя, барабанъ и 150 ружей. Послѣ сего французскіе генералы, устрашенные храброю встрѣчею войскъ нашихъ, особенно дерзостію черногорцевъ, которыхъ мужество возрасло отъ удачи и которые не давали пощады и не брали въ плѣнъ, сдѣлали предъ Новою-Рагузою на горѣ Боргартъ въ раз-

ныхъ, почти неприступныхъ мѣстахъ укрѣпленія и не выходили далѣе оныхъ. Передовые посты ихъ, не смотря на храбрость французскихъ волтижеровъ, всегда были побиваемы черногорцами.

«Главнокомандующій, узнавъ въ Тріестѣ о занятіи французами Рагузы, прибылъ 27-го мая въ Катаро, а 28-го въ Старую-Рагузу и, получивъ полное свѣдѣніе отъ митрополита, принялъ намѣреніе продолжать пораженіе далѣе. 31-го сдѣлавъ въ Катаро нужныя распоряженія, 1-го іюня со всѣмъ флотомъ и бокезскими вооруженными судами возвратился къ Рагузѣ. 2-го іюня адмиралъ обще съ митрополитомъ положилъ отнять у непріятеля два пункта: гору Боргартъ и островъ Санъ-Марко и, если откроется возможность и силы наши будутъ соотвѣтствовать силамъ и положенію непріятеля, то взять крѣпость Новую-Рагузу. Вслѣдствіе сего 3-го числа митрополитъ, предводительствуя черногорскими и приморскими войсками, съ отрядомъ Забелина двинулся къ Новой-Рагузѣ. Дойдя къ передовымъ постамъ, сбилъ французовъ съ мѣста, убилъ 80 чел., принудилъ бѣжать въ укрѣпленіе и въ близкомъ отъ нихъ разстояніи расположилъ свои и наши регулярныя войска. Къ 4-у числу генералъ-маіоръ князь Вяземскій, шефъ 13-го егерскаго полка, съ баталіономъ своего имени, прибылъ изъ Корфы и вмѣстѣ съ пришедшими съ нимъ изъ Катаро нерегулярными войсками перевезенъ на гребныхъ судахъ изъ Старой-Рагузы въ лагерь подъ Новую, гдѣ принялъ регулярныя войска въ свою команду. 4-го іюня главнокомандующій, митрополитъ и князь Вяземскій осматривали положеніе непріятеля съ моря и съ сухого пути. — Того же числа произошло въ виду флота весьма важное и славное для храбрыхъ войскъ нашихъ сраженіе. Не взирая на палящіе лучи солнца, не смотря на неравенство силъ и неприступное положеніе, избранное непріятелемъ, битва сія справедливо уподобиться можетъ переходу чрезъ Сенъ-Готардъ, ибо и здѣсь должно было сражаться съ самою природою и надлежало взбираться на крутые, голые утесы, защищаемые пушками.

«Непріятель расположился на неприступныхъ каменистыхъ высотахъ рагузскихъ, устроилъ тамъ батареи на выгоднѣйшихъ мѣстахъ и готовъ былъ къ принятію атаки. Онъ занималъ линію отъ моря до турецкой границы, не весьма пространную, и тѣмъ оная была крѣпче. Природа и искусство обезпечивали его совершенно. Правое крыло его прикрыто было моремъ и крутымъ берегомъ; лѣвое — турецкою границею, гдѣ не надлежало быть сраженію. Предъ фронтомъ его отвѣсныя высокія скалы; занимаемые имъ четыре важнѣйшіе пункта были одинъ за другимъ сомкнуты и соединены такъ, что каждый изъ нихъ могъ защищать одинъ другого. Число непріятеля простиралось до 3,000 регулярныхъ и до 4,000 рагузцовъ, исправныхъ и хорошо вооруженныхъ стрѣлковъ. Нашихъ регулярныхъ войскъ было 1,200 человѣкъ, да черногорцевъ и приморцевъ до 3,500. Съ такимъ числомъ весьма трудно было атаковать непріятельскій фронтъ; ибо извѣстно, какъ французы умѣютъ укрѣплять мѣсто и какъ искусно выбираютъ выгодное положеніе для батарей: не смотря на всѣ сіи съ нашей стороны невыгоды, главнокомандующій положилъ сдѣлать нападеніе и рано поутру 5-го іюня митрополитъ отрядилъ на перестрѣлку часть черногорцевъ, дабы захватить передовые французскіе посты. Черногорцы бросились храбро и передъ самымъ важнымъ пунктомъ, на самокрутѣйшей горѣ, тотчасъ взяли одинъ передовой постъ и, ободрясь сею удачею, напали на другой съ запальчивостію. Князь Вяземскій, замѣтивъ, что непріятель предпринимаетъ заманить черногорцевъ, отрядилъ для подкрѣпленія ихъ три роты егерей подъ командою Бабичева, который съ чрезвычайною поспѣшностію взошелъ на гору, сколь ни препятствовала ему крутизна ея. Непріятель, усилясь, прогналъ - было черногорцевъ, но прибытіе Бабичева удержало его стремленіе. Черногорцы, соединясь съ егерями, вступили храбро въ бой. Положеніе сихъ трехъ ротъ и отряда черногорцевъ было опасно, они стояли на краю пропасти.

«Въ сіе время князь Вяземскій, имѣя въ виду повелѣніе

главнокомандующаго непремѣнно овладѣть высотами, обще съ митрополитомъ приступилъ къ исполненію онаго. И тѣмъ болѣе поспѣшилъ начать атаку, что въ ту минуту турецкій паша увѣдомилъ, что непріятельское подкрѣпленіе приближается. Митрополитъ съ нерегулярными войсками тотчасъ взошелъ на занятую высоту. Изумленный непріятель, не ожидая атаки съ сей стороны и считая сіе невозможностію, весьма отчаянно защищалъ сію позицію и, усилившись, устремился на отрядъ Бабичева; но три его роты и черногорцы, ободренные личнымъ присутствіемъ митрополита, не уступили ни шагу отчаянному непріятелю. Между тѣмъ какъ митрополитъ сражался на краю пропасти противъ превосходныхъ силъ, на него устремленныхъ, князь Вяземскій, раздѣливъ отрядъ свой на двѣ малыя колонны и выславъ предъ оными охотниковъ подъ командою храбрыхъ офицеровъ Красовскаго, Клички, Рененкампфа и Мишо, пошелъ на неприступную высоту, укрѣпленную батареями, съ рѣшимостію, свойственною герою и возможною только для русскаго воина. Лористонъ, замѣтивъ общее движеніе, всею силою тѣснилъ охотниковъ нашихъ и ударилъ на митрополита, котораго особа была въ крайней опасности; колонны восходили на крутизну и были уже близъ вершины. Въ семъ положеніи отступленіе было уже невозможно; шагъ назадъ, и все потеряно. Мы, смотря съ кораблей, съ которыхъ мѣсто сраженія было видно, не смѣли спустить глазъ и въ мучительномъ безпокойствѣ ожидали, чѣмъ кончится. Наконецъ на вершинѣ горы показались наши знамена; эхо повторило громкое ура! и войско наше, подвинувшись впередъ, скрылось въ ущельяхъ.

«Непріятель, будучи вытѣсненъ изъ-за каменьевъ, остановился между своихъ батарей. Обѣ наши колонны, соединившись съ митрополитскими войсками, послѣ малой перестрѣлки пошли на штыки; французы защищались упорно, но принуждены были отступить. Митрополитъ и князь Вяземскій, не давая отдыха непріятелю, тѣснили его безпрестанными нападеніями. Офицеры наши, будучи всегда впереди, оказали себя достойными сподвиж-

никами Суворова[1]); черногорцы соревновали нашимъ солдатамъ и съ такимъ жаромъ бросились штурмовать первое укрѣпленіе, что редутъ съ 10 пушками былъ немедленно взятъ открытою силою. Такимъ образомъ, преоборя укрѣпленія, природою устроенныя, и не смотря на картечи, коими искусственно хотѣли отразить хитрые храбрыхъ, французы уступали одну за другою три свои линіи и батареи, оныя защищавшія. Тутъ генералы ихъ старались показать свое искусство, обходили наши фланги; но ничто имъ не помогало; они вездѣ были предупреждены: русскій штыкъ и дерзость черногорцевъ всюду торжествовали. Будучи преслѣдуемъ по пятамъ, непріятель успѣлъ однакожъ остановиться сзади четвертой своей позиціи на самомъ хребтѣ горы надъ Рагузою; но и тутъ не могъ удержаться ни десяти минутъ: совершенно разбитый и разстроенный обратился въ бѣгство. Черногорцы, приморцы и всѣ охотники спѣшили отрѣзать его отъ города. Страхъ родилъ въ немъ быстроту, темнота и стѣны крѣпости скрыли безпорядочное его отступленіе. Въ сіе время прибывшій непріятельскій сикурсъ хотѣлъ остановить побѣдителей, но при первомъ натискѣ обращенъ былъ въ бѣгство. Проворные черногорцы, забѣжавъ впередъ и залегши по обѣ стороны дороги, поражали непріятельскій арьергардъ даже на самомъ мосту подъ картечными выстрѣлами крѣпости. Кромѣ перестрѣлки нерегулярныхъ войскъ, начавшейся съ утра, сраженіе при палящемъ зноѣ продолжалось отъ 2 ч. пополудни до семи; послѣдніе выстрѣлы умолкли въ 8 ч. вечера. И такъ, помощію Всевышняго, горстію людей одержана достославная побѣда надъ непріятелемъ превосходнымъ, предводимымъ искуснымъ генераломъ Лористономъ, и укрѣпленная, неприступная гора Боргартъ надъ Рагузою занята».

Потеря непріятеля была громадная: 18 штабъ и оберъ-офицеровъ, и въ числѣ ихъ генералъ Дельгогъ (Delgogue) и полков-

---

[1]) 15-я дивизія, находившаяся въ Средиземномъ морѣ, служила подъ предводительствомъ Суворова въ Турціи, Польшѣ и Италіи.

никъ адъютантъ Лористона, рядовыхъ до 400; въ плѣнъ взято 21 чел.; съ нашей стороны регулярныхъ убитыхъ и раненыхъ 51, нерегулярныхъ около 100 чел. Отнято у французовъ 19 пушекъ разнаго калибра.

«Плѣнные сохранены нашими войсками. Черногорцы, не взирая, что адмиралъ обѣщалъ имъ за каждаго плѣннаго по червонцу, столь озлоблены были, что не давали французамъ пощады и тотчасъ рѣзали имъ головы, въ томъ числѣ не пощадили и генерала Дельгога. Впрочемъ, должно отдать имъ справедливость за рѣдкую неустрашимость и должно упомянуть объ отличившихся, которыхъ рекомендовалъ митрополитъ. Братъ митрополита *Савва Петровичъ*, секретарь его *Владевичъ*, губернаторъ черногорскій *Вуколай Радоничъ*, протоіерей *Іоаннъ Пророковичъ*, священникъ *Лазаревичъ*, черногорцы *Вуко-Юра* и *Мило*».

Послѣ того обложили городъ и, устроивши батареи, начали его бомбардировать.

«Батареи дѣйствовали безпрестанно съ отмѣнною исправностію. Искуснѣйшіе черногорскіе стрѣлки, засѣвъ въ развалинахъ домовъ, подъ самыми стѣнами бывшихъ, наносили величайшій вредъ непріятелю, который высылалъ малые отряды для удаленія ихъ отъ крѣпости. Съ первыхъ дней осады жители начали чувствовать во всемъ недостатокъ. Никогда еще рагузцы за политическую ошибку или, лучше сказать, за неудачный разсчетъ не были наказаны такъ жестоко. Черногорцы и бокезцы по своимъ обычаямъ и правамъ войны взяли все, чего не успѣли унесть или истребить рагузцы. Ни убѣжденія митрополита, ни власть главнокомандующаго не могли спасти тѣхъ, кои сражались противъ нихъ вмѣстѣ съ французами. Мщеніе храбрыхъ, но не знающихъ никакой подчиненности черногорцевъ, было неумолимо и ужасно».

Адмиралъ предложилъ имъ удалиться на острова, велѣлъ капитанамъ кораблей не допускать къ нимъ черногорцевъ и объявилъ ихъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ (стр. 14—27).

4-го іюня получено было Высочайшее повелѣніе сдать Бокку

австрійцамъ, а послѣ французамъ. Это навело ужасное уныніе на черногорцевъ и бокелей, и они уже не помогали нашимъ войскамъ, какъ прежде; поэтому и противъ Рагузы нельзя было предпринять ничего рѣшительнаго. Между тѣмъ,

«Въ ночь съ 23 на 24 іюня, посланныя для разслѣдованія положенія непріятеля 250 черногорцевъ встрѣтились съ французами въ 8 верстахъ отъ Рагузы. Не взирая на превосходное число, черногорцы напали на французовъ и, перестрѣливаясь, отступали. Въ 4 ч. утра 24-го числа получено извѣстіе, что непріятельскій сикурсъ около 500 чел. идетъ отъ Станьо къ Рагузѣ. Митрополитъ отправилъ часть черногорцевъ къ рѣчкѣ занять непріятеля перестрѣлкой; а кн. Вяземскій послалъ полроты мушкатеръ въ редутъ для наблюденія движеній непріятельскихъ. Черногорцы лишь только успѣли притти къ рѣчкѣ, какъ непріятель (кромѣ тѣхъ, кои только для виду шли отъ Станьо, дабы увѣрить насъ, что сикурсъ не придетъ чрезъ турецкую границу) въ трехъ колоннахъ числомъ до 3,000 чел. подъ начальствомъ ген. Молитора показался на высотахъ, принадлежащихъ султанскому владѣнію. Онъ шелъ около самой ихъ крѣпости, поднявшей въ сіе время флагъ, прямо на нашу линію въ тылъ. Главнокомандующій, видя превосходство непріятеля въ тылу нашего отряда, далъ повелѣніе митрополиту и кн. Вяземскому отступить къ Старой-Рагузѣ. Черногорцевъ и приморцевъ, сколько можно было собрать, съ двумя ротами 13-го егерскаго полка подъ командою Бабичева, отправили навстрѣчу идущему непріятелю. Черногорцы предупредили нападеніемъ, прогнали передовыхъ непріятельскихъ волтижеровъ и остановили первую колонну. Молиторъ, удивленный мужествомъ малаго числа нерегулярныхъ войскъ, двинулъ противъ ихъ всю свою силу. Приморцы и черногорцы по вышеприведеннымъ причинамъ не оказали прежней своей отважности и начали отступать къ Старой-Рагузѣ. Осталась малая часть ризанотовъ съ графомъ Ивеличемъ и нѣсколько черногорцевъ съ губернаторомъ Радоничемъ. Сей отрядъ, подкрѣпленный капит. Бабичевымъ, на выгодномъ положеніи муже-

ственно сопротивлялся до послѣднихъ силъ; наконецъ послѣ упорнѣйшаго сраженія отступилъ во всемъ порядкѣ къ Старой-же Рагузѣ». Рѣшено было оставить Новую-Рагузу; но Молиторъ отрѣзалъ ретираду къ Старой Рагузѣ; привелось отправиться моремъ; при этомъ «Кн. Вяземскій по предложенію митрополита сдѣлалъ славный маневръ, избавившій войска наши отъ очевидной и неизбѣжной опасности» (стр. 38—43).

«Митрополитъ, извѣстный своею тонкостію въ политическихъ дѣлахъ, представлялъ въ сіе время, хотя и стороною, немаловажную особу, и не допустилъ обмануть себя ни ласкательствомъ, ни щедрыми обѣщаніями. Французы, кромѣ гласныхъ переговоровъ, употребляли всѣ тайные способы. Митрополитъ нуженъ имъ былъ, какъ для удержанія въ повиновеніи бокезцовъ, такъ и для будущихъ ихъ видовъ на Герцеговину и Албанію, гдѣ онъ по духовному своему сану имѣлъ великую власть». Вслѣдствіе его вліянія паши требинскій и скадарскій остались въ добрыхъ отношеніяхъ съ русскими и отказали французамъ во всякомъ содѣйствіи; а отъ христіанъ Герцеговины явилась къ адмиралу депутація (стр. 62).

Затѣмъ дѣла съ большею энергіею возобновились въ Боккѣ, и предпринято занятіе острововъ.

Дѣлъ крупныхъ, впрочемъ, не было; французы заключились въ Новомъ-Дубровникѣ и не могли препятствовать черногорцамъ производить грабежъ и разореніе далеко дальше Дубровника. Въ концѣ сентября войска стали на зимнія квартиры и, такъ сказать, окончилась кампанія. Поэтому Броневскій перечисляетъ результаты: потеря въ русскомъ войскѣ за все время 175 убитыхъ и 288 раненыхъ; у союзниковъ тѣхъ и другихъ до 800 чел.; у непріятеля убито: генераловъ 1, штабъ- и оберъ-офицеровъ 18; ранено: ген. Молиторъ и 37 офицеровъ; а вся потеря до 3,000; въ плѣнъ взято 47 офиц. и 1,300 рядовыхъ; по найденнымъ у офицеровъ бумагамъ видно было, что Наполеонъ затѣваетъ войну противъ Россіи. Кромѣ пушекъ и разнаго рода оружія, русскій флотъ въ короткое время пріобрѣлъ болѣе,

нежели на милліонъ рублей призовъ и большое количество военныхъ и съѣстныхъ припасовъ.

Интересны заключительныя слова Броневскаго о черногорцахъ по окончаніи этой кампаніи:

«Здѣшніе народы — говоритъ онъ — со всею ихъ способностію къ горной войнѣ не въ состояніи отправлять ни дальнихъ экспедицій, ни продолжительныхъ дѣйствій; и потому храбрость и ревность ихъ въ содѣйствіи съ нашими не доставляли всего желаемаго успѣха. Случалось, что они подвергали регулярныя войска опасности, потому что, будучи обязаны хозяйственными упражненіями, они возвращались въ свои домы и побѣда по сей причинѣ не приносила большой пользы. 1,300 регулярныхъ войскъ недостаточны были для защиты провинціи; малѣйшій уронъ въ оныхъ, по отдаленности отъ отечества, не могъ быть вознагражденъ, посему адмиралъ предположилъ образовать нѣкоторое число черногорцевъ для постояннаго отправленія службы, на такомъ точно содержаніи, каковое получаетъ албанскій легіонъ въ Корфѣ. Сколь ни труденъ былъ сей оборотъ для черногорскаго народа, по обычаямъ своимъ не терпящаго ни малѣйшей подчиненности, но неограниченная довѣренность и высокое уваженіе къ адмиралу при помощи митрополита побудили ихъ принять императорскую службу, и въ скоромъ времени 2,000 черногорцевъ и 1,000 бокезцевъ начали подобно регулярнымъ отправлять дѣйствительную службу и пріучились къ нѣкоторымъ егерскимъ маневрамъ [1]). При такой силѣ и особенной способности народа къ войнѣ партизанской, адмиралъ, сберегая регулярныя войска, выслалъ сильные отряды на всѣ сообщенія французовъ. Истребляя обозы, нападая на конвои и передовые посты, сіи храбрые воины безпрестанно приносили въ лагерь свой у монастыря Савина богатую добычу (гдѣ, къ удивленію нашему, они не строили шалашей, а жили подъ открытымъ небомъ) и каждый почти день приводили плѣнныхъ» (стр. 76—78).

---

[1]) Вскорѣ послѣ оное число увеличено до 5,000 чел.

Сдѣлаемъ еще одну выписку относительно дѣйствій черногорцевъ при занятіи нашими войсками острова Корчулы (Curzola).

«2-го декабря, корабль Москва доставилъ еще 100 чел. черногорцевъ. Главнокомандующій, оставя въ крѣпости 2 роты и для прикрытія корабль Елену, прочія войска забралъ на корабли и 8-го, съ попутнымъ вѣтромъ обошедъ островъ Лезино, между онымъ и островомъ Брацо, 10-го дек. сталъ на якорь. Корабли, проходя батарею, находившуюся на мысу противъ острова Сольта, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Тотчасъ высажено было 400 чел. егерей подъ командою 14 егерскаго полка капитана Романовича. Черногорцами и приморцами командовалъ мичманъ Фад. Тизенгаузенъ. Французы заняли высокіе холмы близъ батареи. Капитанъ Романовичъ раздѣлилъ отрядъ на 4 части, напалъ на непріятеля столь быстро, что французы, видя себя отрѣзанными, послѣ малой перестрѣлки положили ружье. Дѣло кончено безъ всякой съ нашей стороны потери. Въ плѣнъ взято: офицеровъ 4, солдатъ 79, на батареѣ получено пушекъ 18-фунтовыхъ 4. Здѣсь должно замѣтить, что черногорцы отличились не только храбростію, но повиновеніемъ и человѣколюбіемъ. Они первые по извѣстной расторопности подобрались къ французамъ, которые, хотя были ихъ безсильнѣе, но дерзнули открыть огонь; въ семъ случаѣ по правамъ ихъ войны черногорцы могли поступить съ ними жестоко; но оказали удивительную кротость, и такъ что, взявъ нѣсколькихъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ командовавшаго французскимъ отрядомъ капитана Бюре, ни одного не убили и ничѣмъ не обидѣли. Сей походъ сдѣлался сказкою между черногорцами, и они, до сихъ поръ не видавъ болѣе воды, кромѣ Скутарскаго озера, получили охоту на корабляхъ плавать въ море; сіи избранные возвратились домой, разсказали чудеса своимъ друзьямъ, и ласки адмирала къ нимъ, во время похода оказанныя, еще болѣе привязали къ нему весь народъ. Поэты ихъ составили на сей случай пѣсню, въ которой имя Сенявина и другихъ храбрѣйшихъ начальниковъ, предается потом-

ству и соединяетъ, такъ сказать, имя русскаго съ славянскимъ» (стр. 226—228).

Изъ всѣхъ этихъ выписокъ очевидно, что безъ черногорцевъ и приморцевъ однимъ русскимъ войскамъ не было никакой возможности что́-либо сдѣлать противъ успѣвшихъ укрѣпиться французовъ. Черногорцы не только пополнили численность русскаго войска, но вездѣ были передовыми: первые всходили на высоты, состоящія изъ голыхъ скалъ и представляющія часто почти отвѣсныя стѣны, чего не могли бы сдѣлать русскіе солдаты; они вездѣ первые вступаютъ въ бой, открываютъ непріятеля и преслѣдуютъ его всюду, зная отлично мѣстность; они же первые идутъ на штурмъ батарей и редутовъ; митрополитъ, вслѣдствіе своего военнаго искусства, всюду является предводителемъ не только своихъ войскъ, но и регулярныхъ, не жалѣя себя, рискуя жизнію; въ то же время онъ помогаетъ своею политическою мудростію, и своимъ моральнымъ вліяніемъ нейтрализовалъ сосѣднихъ пашей и отражалъ всѣ дипломатическія ухищренія французовъ. Указывая недостатки черногорцевъ, Броневскій ясно доказываетъ, что будучи поставлены въ положеніе регулярныхъ войскъ, они оказываются не только отличными, т. е. храбрыми и искусными солдатами въ бою, но вполнѣ послушными и милостивыми по отношенію къ непріятелю, и наконецъ свыкаются съ моремъ, на которомъ никогда не бывали. Французамъ они были страшно тяжелы, поэтому генералъ Лористонъ требовалъ ихъ удаленія, мотивируя это требованіе звѣрствами черногорцевъ, которые противны духу европейской войны. Но все это было преувеличено, равно какъ и послѣ того въ преувеличенномъ видѣ разсказывалось о черногорцахъ французскими писателями. Впрочемъ, Лористонъ обвинялъ и русскихъ солдатъ въ жестокости, тогда какъ гораздо больше жестокостей совершали сами французы. Адмиралъ Сенявинъ, отвѣчая на письмо Лористона, между прочимъ о черногорцахъ говоритъ слѣдующее: «О черногорцахъ и приморцахъ считаю нужнымъ дать вамъ нѣкоторое понятіе. Сіи воинственные народы очень мало еще

просвѣщенны; однакоже никогда не нападаютъ на дружественныя и нейтральныя земли, особенно безсильныя. Но, когда увидѣли они, что непріятель приближился къ ихъ границамъ съ намѣреніемъ внести огнь и мечъ въ ихъ доселѣ мирныя хижины, то ихъ справедливое негодованіе, ихъ ожесточеніе простерлось до такой степени, что ни моя власть, ни внушенія самаго митрополита не въ состояніи были удержать ихъ отъ азіатскаго обычая не просить и не давать пощады, рѣзать головы взятыхъ ими плѣнниковъ. По ихъ воинскимъ правиламъ оставляютъ они жизнь только тѣмъ, кои, не вступая въ бой, отдаются добровольно въ плѣнъ, что̀ многіе изъ вашихъ солдатъ, взятыхъ ими, могутъ засвидѣтельствовать. Впрочемъ, «рагузцы, служащіе подъ вашими знаменами, поступаютъ точно такъ же, какъ и черногорцы» (стр. 243—244).

Печатая столько извлеченій изъ «Записокъ» Броневскаго, мы руководимся тѣмъ убѣжденіемъ, что въ нихъ чрезвычайно какъ вѣрно и живо рисуется черногорскій народъ въ тотъ моментъ, когда онъ изъ XVIII в. переступилъ въ XIX. Дѣлая это, мы имѣли въ виду еще и то, что соч. Броневскаго, вышедшее въ 1820 г., всѣми забыто и съ трудомъ можетъ быть найдено; тогда какъ къ тому же почти періоду относящіяся «Записки» князя Долгорукаго о Черногоріи, впервые напечатанныя въ 1841 г. и снова появившіяся въ печати подъ другимъ именемъ въ 1886 г., читаются всѣми вновь, подновляя заключающіяся въ нихъ далеко не совсѣмъ вѣрныя и не безпристрастныя свѣдѣнія.

Важнѣйшія опечатки и мелкіе авторскіе недосмотры.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
4	1 св.	Бонны	Бояны
60	7 »	Шпулацъ	Штулацъ
128	20 »	6.454	606,8
139	13 »	(Рудины)	(близъ Никшича)
140		(въ таблицѣ) (Вельп-Космачъ, надъ Будвой)	(надъ Паштровичами)
143	между №№ 103 и 104 пропущено:		Горни-врхъ 630
151	7 св.	гепатитъ	гематитъ (кравникъ)
170	20 »	Спуѣхъ	Спужѣ
171	5 сн.	достигали	бывали
242	1 св.	Росничи, Врола	Раоничи, Врела
243	5 сн.	Мистичакъ	Млеетичакъ
244 и 245	2 сн. и 2 св.	Потницу	Петницу
246	16 св.	Слеречко	Смречно
»	10 сн.	Гарне	Горне
249	8 св.	Серке	Сврке
»	13 »	Медрюрѣчья	Медьюрѣчья
250	7 »	Волье	Велье
*	11 сн.	Трманы	Трманье
253	2 св.	10 кил.	10 метр.
»	13 »	Блоча	Біоча
254	4 сн.	Мошточица	Моштаница
261	7 св.	стройныя	страшныя
267	4 »	Превнака	Превлака
»	9 »	лѣвая	цѣлая
268	1 сн.	600 метровъ	600 футовъ
269	16 св.	50 метровъ	500 метровъ
270	12 сн.	Маранья	Мараная

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
277	13 сн.	Васвимъ	Вельимъ
»	5 »	Межуаршъ	Медьювршъ
278	10 св.	повѣрье	повершье
279	11 сн.	Хольмъ	Хельмъ
286	11 св.	вода	вáда
290	10 »	200 метр.	900 метр.
291	10 сн.	баранчелки	баранчики
292	3 »	cydonix	cydonia
296	12 св.	Цетиньѣ	Цермницѣ
»	9 сн.	Рацкаго	Рѣцкаго
297	18 »	букъ	буксъ (buxus)
»	6 »	премовина	пресловина
»	1 »	просъ	праса
298	14 »	полевымъ	пáлевымъ
»	6 »	moxari	muscari
301	10 »	кость	кисть
302	1 »	claphus	elaphus
»	8 »	гаподье	господье
304	7 сн.	Любой	Лѣвой
314	20 св.	Черногоріи	Черногоріи семейства
316	1 сн.	europalus	europaeus
323	9 св.	Paura	Рапча
336	15 »	готскіе	зетскіе
338	16 »	Вучъ	Вупчъ
»	20 »	25 лѣтъ	35 лѣтъ
344	3 »	Дукадьикъ	Дукадьинъ
»	19 »	Будиммо	Будимлю
347	въ сноскѣ:	Abssio	Alessio
349	13 св.	Коныша	Коньица
350	12 »	цетинь	цетины
352	14 »	е грады	с грады
353	2 »	Ловчекъ	Ловченъ
354	2 »	Руданы	Рудины
365	9 сн.	Окродской	Охридской
366	2 »	построена	построила
373	6 »	Вакхана	Вакха
375	14 »	Monsom.	Monum.
376	8 »	имѣетъ	смѣетъ отъ
381	1 »	великіе	властели
»	въ сноскѣ:	Сралѣ	Сремѣ
385	10 сн.	Стокъ	Стонъ
388	13 »	Кучайот	Кучайном
390	3 »	Moxum.	Monum.
396	13 св.	Млок.	Милак.
413	7 «	Добра	Дибра
»	14 св.	Барнецій	Барлецій

Стран.:	*Строка*:	*Напечатано*:	*Должно быть*:
424	4 св.	посланный	поставленный
426	14 сн.	Скѣдербегомь Црновичемь санджакомь	Снедербегомь Црновикемь санчакомь
435	2 св.	Голубицкій	Голубинскій
439	6 сп.	Годелпсрому	Годемиром у
440	12 »	узлеожному	узможному
»	2 »	пашъ	нашъ
441	7 »	Беладона	Беладина
»	6 »	болцпномъ	бащиномъ
442	9 св.	обры	себры
443	12 »	Врсла	Врела
445	3 сн.	мѣстѣ	лисцѣ
446	4 св.	лестехъ	метехъ
448	11 »	имамо	имали
453	3 »	Буковинѣ	Буковикѣ
»	12 сн.	сувые	су вьсе
454	6 св.	море: мо	моремо
»	7 »	цвѣтъ	увѣтъ
455	4 »	высосвещенномь	вьсеосвещенномъ
»	16 »	потвизахсе	потьщахсе
473	11 сн	плодилпсь	сгладилпсь
482	6 св.	sudi	suoi
484	17 »	Комакъ	Команъ
487	8 сн.	Псевляпинъ	Пивляпинъ
489	5 »	Хулпевъ	Хумцевъ
498	12 »	Боневпча	Болевпча
505	18 св.	твомо	тьемо
507	3 сн.	вычислено	вывезено
527	11 св.	Бранковасса	Бранкована
543	5 сн.	Кучѣ	Кулѣ
576	17 св.	варварство	воровство
593	9 »	Манка	Манна
610	5 »	Слпвпѣ	Сливлѣ
614	8 »	о ней	о нихъ
628	6 »	Гпкосо	Гпкою
629	4 «	грбаньскихъ	грбальскихъ
636	5 сн.	привозныя	приватныя
638	16 »	Требишника	требѣшанина
640	5 св.	Рода	Рада
704	14 »	ма	ми
719	12 сн.	Monteflasconem	Montefiosione
772	13 »	чип	чип
797	7 »	Molusca	Molussa

Сверхъ того вм. Дечанскій въ двухъ мѣстахъ (стр. 385 и 699) напечатано: Деганскій.